

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919812 7

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. БАТКОВИЧЪ

—*—

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ. ⁶¹

—*—

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
511123
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1910 L

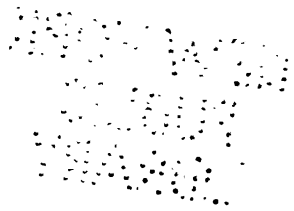
ВАРШАВСКОЕ ГЕРЦОГСТВО

Журн

I.

Последній раздѣлъ Польши (1795 г.) сопровождался сильными возстаніемъ, вспыхнувшимъ въ областяхъ, которыя за два года предъ тѣмъ отошли къ Пруссіи. Движеніе это заставило Фридриха Вильгельма II прервать походъ къ Варшавѣ и направиться въ Познань. Костюшко тотчасъ же послалъ на помощь прусскимъ Великополянамъ генераловъ Мадзинскаго и Домбровскаго. Если кстати для жителей Варшавы вспыхнуло познанское возстаніе, то еще болѣе кстати была помощь, оказанная Познанцамъ изъ умиравшей Рѣчи Посполитой. Первые успѣхи инсургентовъ, быстро очистившихъ отъ нѣмецкихъ чиновниковъ населенные Поляками округи восточной Познани, встрѣтили отпоръ въ крутомъ вождѣ наскоро собраннаго прусскаго волонтеровъ, мадьяръ Секели. Онъ же въ разореніи въ конекъ вытѣя познанской шлях-

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
51123
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1910 L

ВАРШАВСКОЕ ГЕРЦОГСТВО

Журн

I.

Последній раздѣлъ Польши (1795 г.) сопровождался сильными возстаніемъ, вспыхнувшимъ въ областяхъ, которыя за два года предъ тѣмъ отошли къ Пруссіи. Движеніе это заставило Фридриха Вильгельма II прервать походъ къ Варшавѣ и направиться въ Познань. Костюшко тотчасъ же послалъ на помощь прусскимъ Великополянамъ генераловъ Мадалинскаго и Домбровскаго. Если кстати для жителей Варшавы вспыхнуло познанское возстаніе, то еще болѣе кстати была помощь, оказанная Познанцамъ изъ умиравшей Рѣчи Посполитой. Первые успѣхи инсургентовъ, быстро очистившихъ отъ вѣмецкихъ чиновниковъ населенные Поляками округи восточной Познани, встрѣтили отпоръ въ крутомъ вождѣ наскоро собравшихся прусскихъ волонтеровъ, мадьяръ Секели. Онъ жегъ и разорялъ въ конецъ имѣнія познанской шляхты: а съ фермианами и фермианскими шляхетскими пропостожленіями

и Россіей. Костюшко, Игнатій Потоцкій, Килинскій, отвезены въ Петербургъ; Коллонтай отправленъ въ Австрію; Мадальскій и Домбровскій задержаны Пруссаками.

Но еще не успѣли три державы, участвовавшія въ послѣднемъ раздѣлѣ Польши, принять во владѣніе доставшіяся имъ провинціи, какъ уже напалъ людѣ, мечтой которыхъ сдѣлалась мысль о восстановленіи Польши. Одни изъ нихъ кинулись въ Парижъ, другіе въ Константинополь, надѣясь тамъ найти помощь своей родинѣ, не обрѣтавшей внутри себя средствъ для спокойной и независимой государственной жизни. Въ то самое время какъ французскіе эмигранты, напуганные революціоннымъ движеніемъ, стремились въ Россію, ища въ ней союзницу для борьбы съ своими противниками, эмигранты польскіе встрѣчали сочувствіе себѣ въ революціонной Франціи. Съ этихъ поръ началась дѣятельность польской эмиграціи, получившая въ послѣдствіи такіе широкіе размѣры. Въ то же время освобожденіе Россіей и Пруссіей предводителей возстанія 1795 года дало эмиграціи первыхъ сильныхъ вождей. Одна Австрія твердо держалась своихъ преданій и строго сторожила своихъ пѣвцовъ. *

Между тѣмъ Франція, пользуясь анархическимъ состояніемъ нѣмецкой имперіи, дожившей въ послѣдніе годы своего существованія до нелестнаго сравненія съ Польшей, старалась отдѣлится отъ Германіи ея среднія и мелкія владѣнія. Германія, не устоявшая предъ напоромъ революціонныхъ идей, и Польша, возлагавшая всю вину своего паденія на Россію, должны были сдѣлаться отнынѣ главными предметами дѣятельности французской политики. Господство надъ одною изъ нихъ влекло за собою мысль о господствѣ надъ другою: образованіе Рейнскаго Союза намекало на возможность создать подобный же союзъ изъ бывшихъ польскихъ земель. Этотъ послѣдній союзъ долженъ былъ въ рукахъ Наполеона играть такую же роль относительно Россіи, какъ Рейнскій Союзъ относительно Пруссіи, какъ италянскія королевства и республики относительно Австріи. Списки французской арміи и бюллетени властолюбиваго повелителя ея наполнились мало-по-малу польскими именами. Польскіе легіоны участвовали въ завоеваніи Наполеономъ Пьемонта и Ломбардіи, въ похо-

* См. книжку: *Co się stało w Polsce od pierwszego jej rozbioru, aż do końca wojen za Cesarza Napoleona*. Poznań, 1850.

даже Журдана и Моро за Рейнъ, въ войнахъ, слѣдствіемъ которыхъ было образованіе республикъ Циспаданской, Транспаданской, Цизальпинской и Парфенонейской, въ битвахъ при Лоди, Арколъ и у Пирамидъ. Во время походовъ Наполеона въ Австрію, служившіе въ ея войскахъ Поляки нередко толпами переходили въ ряды французской арміи. Имена Домбровскаго, Княжевича, Зайончека, Конопки, Грабинскаго, Яблоновскаго, Соколицкаго, Рымкевича, Суликовскаго, Кожетульскаго, Хлопидкаго, Красинскаго, Понятовскаго, встрѣчалась часто въ военныхъ лѣтописяхъ Франціи наполеоновской эпохи, сдѣлались почти столь же извѣстными Французамъ какъ и Полякамъ. * Въ военное время, когда польскіе легіоны могли быть нужны Франціи, Наполеонъ являлся несбыточнымъ надеждамъ легковѣрныхъ эмигрантовъ, манилъ ихъ обѣщаніями позаботиться о восстановленіи Польши. Еще во время первой италіанской кампаніи, будучи только генераломъ, онъ говорилъ своему адъютанту Суликовскому: „Когда я окончу эту войну, то двинусь, во главѣ Французовъ, для освобожденія вашей родины. Скажите вашимъ соотечественникамъ, чтобъ они вооружались, стараясь въ то же время поддерживать общеніе между раздѣленными частями страны своей.“ Во время счастливаго похода противъ Австріи, въ 1804 году, Домбровскій предлагалъ Наполеону планъ вторженія въ Галицію съ 30.000 Поляковъ черезъ хорватскія и венгерскія земли; но былъ остановленъ замѣчаніемъ, что такая попытка преждевременна. Въ мирное же время Наполеонъ совершенно забывалъ о слѣпой преданности ему Поляковъ, о своихъ обѣщаніяхъ, и распоряжался польскими легіонами точно мамелюками: одну часть ихъ подарилъ однажды королевъ вѣтрской, другую часть послалъ новому неаполитанскому королю, третью велѣлъ насильно переправить на островъ Санъ-Доминго. Только приступая къ знаменитому походу въ Пруссію, Наполеонъ возобновлялъ свои сношенія съ вождями польской эмиграціи. Онъ обращался къ Костюшкѣ съ предложеніемъ вернуть Поляковъ

публиканецъ отвѣчалъ посланцу Наполеона, Фуше, что согласится вступить въ сношенія съ императоромъ только въ томъ случаѣ, если послѣдній дастъ обязательство не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши, объявляетъ ей конституцію и восстановление въ прежнихъ границахъ.

Но событія, быстро слѣдовавшія одно за другимъ, поставили Наполеона въ положеніе давшее ему возможность по произволу распоряжаться участію всѣхъ восточныхъ провинцій Пруссіи, въ которыхъ были живы польскія преданія. 9-го октября 1806 года прусскій король подписалъ въ Эрфуртѣ манифестъ, объявлявшій войну Наполеону, а 14-го числа того же мѣсяца сраженія при Іенѣ и Ауерштедтѣ лишили Пруссію двухъ главныхъ армій ея. Десять дней спустя послѣ этихъ побѣдъ, Наполеонъ былъ уже въ Берлинѣ. Въ продолженіе ноября французскія войска заняли все балтійское побережье отъ Ганновера до Данцига. Постыдная сдача слышеи неприступною крѣпости Кюстринъ открыла Наполеону польскія провинціи Пруссіи. Въ четырехъ пунктахъ вступили Французы въ Южную Силезію, Познань и Восточную Пруссію. Первые извѣстія объ успѣхахъ Наполеона не произвели однакожь большаго впечатлѣнія на Поляковъ. Само правительство прусское не считало сначала нужнымъ скрывать своего пораженія. Въ тогдашней *Варшавской Газетѣ* помѣщено было, отъ 18-го октября, извѣстіе изъ Берлина такого содержанія: „По послѣднимъ свѣдѣніямъ, королевское войско проиграло, 14 дня сего мѣсяца, сраженіе подъ Ауерштедтомъ. Подробности этого событія еще не извѣстны; знаемъ только, что его величество король и братья его живы и не ранены.“ 5-го ноября, то-есть на другой день послѣ вступленія французскаго авангарда въ предѣлы Познанской провинціи, объявлено было о приближеніи военныхъ дѣйствій къ берегамъ Вислы, причемъ дано знать, что размѣнная касса кредитныхъ билетовъ переведена изъ Варшавы въ Кенигсбергъ. 14-го числа напечатано было въ газетахъ и прочтено на перекресткахъ улицъ объявленіе отъ имени губернатора Келера и директора полиціи Тилли, что въ случаѣ выступленія гарнизона изъ Варшавы и отдачи го-

китежниковъ, замышляющихъ поднять возстаніе въ Южной Пруссіи: объявленіе это было вызвано волненіемъ, распространившимся между населеніемъ Познанскаго и Калишскаго департаментовъ. * Благодаря жителей Варшавскаго департамента за вѣрность законнымъ властямъ, объявленіе указывало, что нѣкоторые злонамѣренные люди шляхетскаго происхожденія подняли знамя возмущенія и соединились съ непріятелемъ; но что его королевское величество отдаетъ всѣхъ возмутителей подъ военный судъ и повелѣваетъ какъ гражданскимъ, такъ и военнымъ властямъ каждаго шляхтича, возбуждающаго народъ къ возстанію, передавать въ руки ближайшаго военного управленія, которое по совершеніи суда и имѣетъ разстрѣлять его. Поляки отвѣчали на эту публикацію стихами, ходившими изъ рукъ въ руки.

Между тѣмъ маршалъ Даву обнародовалъ въ Познани прокламацію къ Полякамъ, вышедшую изъ-подъ пера Выбицкаго. „Великій и непобѣдимый Наполеонъ, сказано было въ ней, который проникъ теперь въ Польшу во главѣ трехъ сотъ-тысячной арміи, сказалъ: я хочу видѣть заслуживаете ли вы имени націи. Я иду на Познань; тамъ надѣюсь получить первыя доказательства вашихъ доблестей. — Возстаньте же дружно; докажите ему, что вы готовы пролить кровь свою для возстановленія вашего отечества.“ ** Блестящая и многочисленная депутація отправлена была Поляками въ Берлинъ къ Наполеону. 19-го ноября послѣдовалъ торжественный приѣмъ ея. „Захватывающимъ духъ и потемняющимъ умъ было это зрѣлище,—говоритъ историкъ Варшавскаго герцогства,—для людей отвыкшихъ отъ придворнаго великолѣпія и отъ всякихъ знаменій славы и побѣды. Какое сладостное чувство должно было овладѣть сердцами Поляковъ, проходившихъ ереди нѣсколькихъ сотъ военныхъ знаменъ, ко-

знаменъ, чтобы потомъ сказать: вы видите знамена павшихъ предо мною господъ вашихъ; ихъ власть надъ вами исчезла; покажите же себя народомъ храбрымъ, помнящимъ свои права, и помогите мнѣ окончить дѣло вашего освобожденія! Но какъ не похожъ на то былъ отвѣтъ, данный Наполеономъ польской депутаціи! Отуманенные торжественностію минуты и обольщенные великимъ именемъ чловѣка, который говорилъ съ ними, Поляки не могли уразумѣть съ перваго раза истинное значеніе словъ Наполеона.“ * Различно передавали потомъ рѣчь Наполеона къ польской депутаціи; она не была обнародована ни въ одномъ официальномъ изданіи. Польскія газеты напечатали лишь небольшой отрывокъ изъ нея, заключавшій въ себѣ слѣдующія слова: „Никогда Франція не признавала раздѣла Польши. Ваше несогласіе было причиною паденія народа, оставившаго по себѣ память въ исторіи. Пускай прошедшее послужитъ вамъ урокомъ и побудитъ васъ къ согласію! Пускай магнаты и богатѣйшіе шляхтичи станутъ во главѣ народа; а когда соберется отъ 30 до 40.000 вооруженныхъ людей, я объявлю въ Варшавѣ вашу независимость. Какъ скоро я провозглашу ее, то она будетъ ненарушима. Интересы Франціи и цѣлой Европы состоятъ въ томъ, чтобы Польша имѣла самостоятельное существованіе. Пусть прекратятся внутренніе раздоры: судьба ваша въ рукахъ вашихъ!“ На основаніи же показаній французскихъ писателей можно заключать, что вообще въ рѣчи Наполеона болѣе говорено было о жертвахъ со стороны Поляковъ нежели о независимости Польши.

Какъ бы то ни было, шляхта прежняго Серадскаго воеводства первая отозвалась на призывъ Наполеона: она постановила дать съ каждыъ 20 сельскихъ дворовъ по одному всаднику, обмундировку и вооруженіе которыхъ должны были поставить помѣщики; а самимъ шляхтичамъ велѣно было составить изъ себя отрядъ волонтеровъ. 19-го ноября генералъ Домбровскій предложилъ Познанскому департаменту доставить въ армію

через два дня составилъ четыре полка пѣхоты, начальство надъ которыми отдалъ Немоевскому, Довнарковскому, Фишеру и Васильевскому. Въ то же время нѣмецкій гарнизонъ, занимавшій Ченстохово, оставилъ знаменитую своею святыней крѣпость безъ боя, и его мѣсто занялъ польскій отрядъ подъ предводительствомъ капитана Восиньскаго. Въ Ленчицѣ образовалась конфедерация, отдавшаяся подъ покровительство Наполеона. Между тѣмъ въ Варшавѣ нѣмецкія власти видѣли, что сила ихъ непрочна. По приглашенію самого губернатора, генерала Келера, члены городского магистрата и многіе изъ обывателей, собравшись въ ратушѣ, постановили образовать народную стражу. Начальникомъ ея назначенъ былъ князь Іосифъ Понятовскій. Вскорѣ онъ особою прокламаціей увѣдомилъ окружныхъ жителей, что „принявъ по желанію обывателей Варшавы, подтвержденному законными властями, высшую власть въ городѣ на случай выхода королевскихъ войскъ изъ него, благодарить согражданъ за довѣріе къ нему, обѣщаетъ имъ личное спокойствіе и общественную безопасность и приглашаетъ ихъ къ исполненію обязанностей мѣстной стражи.“ 26-го ноября генералъ Келеръ выѣхалъ изъ Варшавы, обратившись предварительно къ жителямъ ея съ прокламаціей, въ которой благодарилъ ихъ за привязанность, которую они неоднократно обнаруживали ему. Эта благодарность не была самообольщеніемъ со стороны генерала: онъ дѣйствительно пользовался расположеніемъ городского общества, которымъ управлялъ въ качествѣ губернатора. Уже по вступленіи Французовъ въ Варшаву, когда Пруссаки очистили земли населенныя Поляками, въ варшавскихъ газетахъ напечатаны были похвалы Келеру за его благоразумное управленіе городомъ.

Въ ночь съ 26 на 27 ноября прусскій гарнизонъ очистилъ Варшаву, спаливъ мостъ черезъ рѣку Вислу, соединявшій городъ съ его предмѣстіемъ; а уже къ вечеру 27-го прискакалъ эскадронъ тринадцатаго полка конныхъ французскихъ стрѣлковъ. Въ слѣдующій день Варшава наполнилась войсками изъ корпуса Даву. Навстрѣчу Мюрату, назначенному на мѣстникомъ Наполеона въ Варшавѣ, выѣхалъ Понятовскій въ сопровожденіи депутации, въ которой участвовали Гутковскій, Малаховскій, Михаилъ Кохановскій, Войчивскій и Гельгульдъ. 5-го декабря Мюратъ издалъ декретъ, которымъ отрѣшалъ прежнихъ чиновниковъ, занимавшихъ должности

въ Варшавскомъ департаментѣ, объявлялъ учрежденіе палаты высшей военной и гражданской администратіи и палаты высшаго суда, но оставлялъ при нихъ необходимыхъ для объясненія нерѣшенныхъ и накопившихся дѣлъ прусскихъ чиновниковъ, приказавъ имъ вершить дѣла отъ имени императора и короля Наполеона. При палатѣ высшей администратіи образованъ былъ отдѣлъ занимавшійся устройствомъ народной военной силы. Въ обѣ палаты назначено было по 20 членовъ: Гутаковскій сдѣланъ предсѣдателемъ въ первой, а Оссолинскій во второй. Полицейское управленіе также передано въ руки Поляковъ, и первымъ начальникомъ варшавской полиціи назначенъ былъ Іоакимъ Мошинскій. Князь Іосифъ Понятовскій передалъ свою власть въ руки новыхъ правителей и получилъ военное назначеніе.

Между тѣмъ Наполеонъ подвигался къ Варшавѣ. 27-го ноября онъ прибылъ въ Познань, гдѣ встрѣченъ былъ цѣлымъ потокомъ рѣчей на французскомъ и латинскомъ языкахъ. На всѣ привѣтствія завоеватель отвѣчалъ тѣми же обѣщаніями, которыя расточалъ еще въ Берлинѣ, и приглашеніями къ пожертвованіямъ. Старѣйшій изъ оставшихся въ живыхъ сенаторовъ бывшей Рѣчи Посполитой, гнѣзненскій воевода Іосифъ Радзиминскій, долженъ былъ выдать универсалъ, объявлявшій „посполитое рушенъе.“ Организацию его принялъ на себя Домбровскій. Но это было единственное распоряженіе въ духъ старопольской жизни, которое допустилъ Наполеонъ: ему нужны были Поляки для усиленія его арміи, и онъ позволялъ имъ вспомнить древній обычай созывать народное ополченіе; во всемъ остальномъ ничто не напоминало въ отложившихся отъ прусскаго короля провинціяхъ древней Польши. Изъ Познани Наполеонъ перешелъ въ Ленциду, которую и избралъ мѣстомъ для сосредоточенія всѣхъ военныхъ силъ и запасовъ, ради ея средняго положенія между Познанью, Торнемъ и Варшавой. Въ послѣдней уже готовили великолѣпный приѣмъ ему, но онъ явился неожиданно, ночью съ 18 на 19 декабря, и остановился въ бывшемъ Королевскомъ замкѣ. На другой

вошь, прашедшихъ поклониться величію давно уже невиданнаго имъ двора. Ихъ появленіе въ старинныхъ дворцовыхъ покояхъ не оставило по себѣ никакого историческаго воспоминанія: они пришли туда, не принеся съ собою никакого вопроса о судьбѣ своего народа, и ушли безслѣдно, какъ будто являлись только затѣмъ чтобы еще разъ взглянуть на портреты своихъ королей, такъ часто выдавшихъ подобныя празднаыя сцены. Новый властелинъ пробылъ въ Варшавѣ всего пять дней, произвелъ мимоходомъ великолѣпный смотръ войску и отправился къ арміи, которой предстояло встрѣтиться съ Русскими, шедшими на помощь Пруссакамъ. Единственнымъ послѣдствіемъ недолгаго пребыванія Наполеона въ Варшавѣ были новыя возванія къ участію въ народномъ ополченіи. Въ этихъ возваніяхъ сказано было, чтобы всѣ владѣльцы населенныхъ имѣній явились въ армію, каждый въ сопровожденіи вооруженнаго слуги: престарѣлые должны были выслать кого-либо изъ своихъ родственниковъ; вдовы-помѣщицы должны были нанять и снарядить на свой счетъ кого-либо годнаго для военной службы. Кромѣ того, шляхта должна была вооружить по одному человѣку съ десяти сельскихъ домовъ. На города наложена была обязанность доставить солдатъ къ арміи, снабдивъ ихъ жизненными припасами. Такимъ образомъ Варшавскій департаментъ выставилъ 5.000 человѣкъ и 1.200 коней. Въ самой Варшавѣ вербовщики ходили съ музыкой по улицамъ, приглашая охотниковъ поступить въ солдаты, и вскорѣ набрали до 600 человѣкъ. Число денежныхъ пожертвованій и поборовъ было немалое.

Вскорѣ опять началась война: русскія войска явились выручать Пруссаковъ. Исходъ этой новой борьбы можно было опредѣлить заранѣе. Не задолго передъ тѣмъ Турція, по настоянію Наполеона, объявила войну Россіи, и силы послѣдней были раздвоены. Надежда на разбитые остатки прусской арміи была плохая. Борьба среди провинцій, населеніе которыхъ было на сторонѣ врага, не могла быть благопріятною для союзниковъ. Опираясь на австрійскую границу, въ то время менѣе отдаленную отъ Варшавы, Наполеонъ былъ свободенъ въ своихъ движеніяхъ; между тѣмъ какъ корпусъ русскихъ войскъ, расположенный на сѣверо-востокъ отъ Варшавы и ожидавшій прибытія главной арміи, не имѣлъ ни одной изъ выгодъ, которыми пользовались Французы, и долженъ былъ опасаться, чтобы Наполеонъ, вообще мало уважавшій права

нейтральныхъ государствъ, не перешелъ чрезъ австрійскія границы и не отдѣлилъ такимъ образомъ Русскихъ отъ ихъ отечества. Война началась отступленіемъ союзниковъ. Послѣ сраженія при Пултuskѣ, значительная часть провинцій съ польскимъ населеніемъ стала свободною отъ военныхъ дѣйствій. Послѣдовавшія затѣмъ битвы при Прейсишъ-Эллау и Фридландѣ предоставили въ руки Наполеона почти всю Пруссію: обѣ столицы ея были заняты Французами; Наполеонъ достигъ Нѣмана; почти всѣ земли населенныя Поляками были оторваны отъ Прусскаго королевства. Поляки надѣялись, что изъ всѣхъ этихъ провинцій образована будетъ новая Польша. Но заключенъ былъ миръ въ Тильзитѣ, и Поляки узнали, что только та часть польскихъ земель, которая досталась Пруссіи при второмъ и третьемъ раздѣлѣ, отошла теперь отъ нея и получила титулъ герцогства Варшавскаго; кромѣ того, часть Бѣлостокскаго департамента присоединена навсегда къ Россіи, а Данцигъ объявленъ вольнымъ городомъ, находящимся подъ покровительствомъ королей—прусскаго и саксонскаго. Польскіе патриоты должны были увидѣть, что Наполеонъ вовсе не заботится о восстановленіи Польши въ границахъ 1772 года, что герцогство Варшавское нужно ему лишь для ослабленія Пруссіи и на случай новой войны съ Австріей и Россіей, что Данцигъ важенъ для него какъ одинъ изъ прибалтійскихъ портовъ полезныхъ въ борьбѣ съ морскою торговлею Англіи. Поляки болѣе всего сѣтовали на то, что новое герцогство названо было Варшавскимъ, а не польскимъ: названіе это разрывало всѣ историческія преданія ихъ и не давало никакой надежды на будущее. „Провинціи, отъ которыхъ отказался прусскій король, сказано было въ Тильзитскомъ трактатѣ, будутъ управляемы по конституціи, обезпечивающей вольности и привилегіи народонаселенія этого герцогства и согласной съ спокойствіемъ сосѣднихъ государствъ.“ Словомъ, новое герцогство являлось такимъ же прихотливымъ созданіемъ наполеоновской политики какъ и большая часть государствъ.

во конституціи, въ которыхъ всегда тщательно обѣгался вопросъ о національныхъ правахъ и замѣнялся разсужденіи о правахъ и обязанностяхъ политическихъ и земскихъ. Въ томъ же родѣ была и конституція герцогства Варшавскаго, данная въ Дрезденѣ 22-го іюля 1807 года. Она составлена была подъ наблюденіемъ самого Наполеона, во время трехдневныхъ торжествъ, которыми онъ праздновалъ свою побѣду надъ Пруссіей. Конституція эта дѣлилась на 12 главъ и состояла изъ 89 параграфовъ. * Въ первой главѣ положены были главные права жителей герцогства: при господствѣ католической религіи, всѣ, однакожъ, вѣроисповѣданія были объявлены свободными; шестью католическими епархіями должны были управлять: одинъ архіепископъ и пять епископовъ; личное крѣпостное право отменяемо: всѣ граждане уравнены предъ закономъ; личная безопасность отдана подъ защиту трибуналовъ. Во второй главѣ сказано было, что правителемъ герцогства назначается саксонскій король, изъ предковъ котораго двое носили польскую корону въ прошломъ столѣтіи. Трое герцогства объявлено наследственнымъ въ саксонской династіи. Вся государственная власть, какъ по дѣламъ вѣнскимъ, такъ и внутреннимъ, сосредоточена въ рукахъ герцога, который по собственному усмотрѣнію могъ назначать, на время пребыванія своего въ Саксонскомъ королевствѣ, или намѣстника, или президента въ совѣтѣ министровъ для управленія дѣлами герцогства. Герцогъ имѣлъ право созывать государственный сеймъ. Доходы герцогскаго двора должны были состоять ежегодно изъ 7.000.000 польскихъ злотыхъ, одна половина которыхъ поступала съ коронныхъ земель, а другая изъ государственной казны. Кромѣ того, герцогу отдавались два дворца въ Варшавѣ: бывшій Королевскій и такъ-называемый Саксонскій. Въ третьей главѣ опредѣленъ былъ состав министерствъ, государственнаго или министерскаго совѣта, на которомъ лежали обязанности вышшаго кассационнаго суда и контроля надъ всеми остальными властями. Всѣ рѣшенія, мѣрныя, постановленія и предписанія этого совѣта могли

* Законодательство герцогства Варшавскаго извѣстно намъ изъ книги: *Gesetzsammlung des vormaligen Herzogthums Warschau*, aus dem polnischen übersetzt von S. G. Laube; Posen, 1816. 4 Bnde. Это переводъ извѣстнаго сборника *Diennik praw*, съ исключеніемъ приказовъ о чиновныхъ и должностныхъ возвышеніяхъ.

имѣть дѣйствительную силу только послѣ подписи ихъ герцогомъ. Четвертая, пятая и шестая главы говорили о государственномъ сеймѣ, который долженъ состоять изъ двухъ палатъ, сенатской и депутатской, и собираться чрезъ каждые два года, причемъ каждая сессія не могла продолжаться болѣе 15 дней. Сеймъ долженъ былъ разсматривать проекты законовъ, выработанные въ государственномъ совѣтѣ. Первая палата сейма (или сенатъ) составлена была изъ 18 членовъ: изъ 6 епископовъ, которыхъ назначалъ герцогъ, а утверждалъ въ ихъ званіи папа, 6 воеводъ и 6 кастеляновъ, право назначать которыхъ также принадлежало герцогу. Онъ же назначалъ предсѣдателемъ сената одного изъ сенаторовъ, званіе которыхъ было пожизненное. Герцогъ могъ также увеличивать число сенаторовъ, но съ условіемъ, чтобы число воеводъ и кастеляновъ не превышало 24. Вторая палата должна была состоять изъ 60 депутатовъ отъ шляхты, по одному изъ cadaго округа, и 40 депутатовъ отъ общинъ. Депутаты должны имѣть не менѣе 24 лѣтъ отъ роду и назначались по выборамъ въ окружныхъ и общинныхъ собраніяхъ. Шляхта герцогства подѣлена была на 60 округовъ, а граждане на 40 общинъ, изъ которыхъ 8 приходились на Варшаву. Каждое изъ общинныхъ собраній должно было состоять по крайней мѣрѣ изъ 600 полноправныхъ гражданъ. Члены второй палаты могли оставаться въ своемъ званіи 9 лѣтъ; но чрезъ каждые три года одна треть всей палаты должна была замѣняться новыми депутатами, вслѣдствіе чего въ началѣ нѣкоторымъ членамъ приходилось засѣдать на сеймѣ только три года, а другимъ шесть. Президента палата выбирала изъ своей среды, но при этомъ требовалось утвержденіе со стороны герцога; кромѣ того, палата выбирала изъ среды своей три коммиссіи: финансовую, гражданскую и уголовную, назначая въ каждую изъ нихъ по пяти членовъ. Обсужденіе всѣхъ дѣлъ и правительственныхъ предложеній въ палатѣ происходило посредствомъ тайной подачи голосовъ, причемъ дѣла рѣшались абсолютнымъ большинствомъ. По разсмотрѣніи дѣлъ въ палатѣ депутаты сво ро-

ме большинствомъ. Правительство, въ случаѣ непринятія его предложенія палатою депутатовъ, могло распускать ее и назначать новые выборы; въ сенатѣ же могло поправить свое дѣло назначеніемъ новыхъ 12 сенаторовъ.

Въ седьмой главѣ говорилось о порядкѣ окружныхъ и общинныхъ собраній. Въ восьмой главѣ изложено было административное дѣленіе герцогства на 6 департаментовъ, къ которымъ приписаны были вышеупомянутые округа и общины. Управление должно было носить на себѣ совершенно французскій характеръ: префекты, подпрефекты, бургомистры и совѣты при нихъ стояли во главѣ департаментскаго, окружнаго и общиннаго управленія. Девятая глава вводила въ герцогство Кодексъ Наполеона и французское судоустройство: по одному мировому суду въ каждомъ округѣ, по одному гражданскому высшему судилищу въ каждомъ департаментѣ, по одному уголовному судилищу для двухъ департаментовъ. Апелляціонной судъ былъ одинъ на все герцогство. Право кассациі находилось, какъ сказано уже выше, въ рукахъ государственнаго совѣта. Герцогу принадлежало право помилованія. Въ десятой главѣ говорилось о военной силѣ герцогства, которая должна была состоять изъ 30.000 человекъ, не считая національной гвардіи. Герцогъ впрочемъ могъ переводить до половины этихъ войскъ изъ варшавскихъ земель въ Саксонію, а на мѣсто ихъ принимать такое же число саксонскихъ войскъ. Двѣ послѣднія главы содержали въ себѣ общія и дополнительныя статьи: о національномъ и государственномъ языкѣ, о гражданскихъ и военныхъ орденахъ и т. п. Конституція эта подписана была восемью членами временной правительственной комиссіи; обнародованіе же ея совершено было отъ имени Наполеона, во исполненіе пятаго параграфа Тильзитскаго трактата. Въ этомъ объявленіи сказано было, что конституція дается варшавскому и великопольскому населенію. Выраженіе это было опять не малою причиною къ неудовольствію со стороны Поляковъ: въ этомъ умышленномъ раздѣленіи жителей герцогства на Варшавявъ и Великополявъ польскіе патріоты видѣли намѣреніе возбудить историческое соперничество между обѣими половинами герцогства. Патріоты вообще были крайне раздражены тѣмъ, что не сбылись ихъ надежды на возстановленіе Польскаго королевства, и придирались ко всякому выраженію, которое хотя сколько-нибудь могло оскорбить

ихъ національное чувство. Слова, сказанныя Наполеономъ, при посадкѣмъ проѣздѣ въ Дрезденъ чрезъ Познань, встрѣчавшимъ его тамъ польскимъ чинамъ, передавались различно. Сперва въ газетахъ было напечатано, что Наполеонъ будто бы сказалъ: „Я сдѣлаю все для вашей страны что было въ моей власти; пускай же отнынѣ управляютъ вами любовь и согласіе, а народъ да будетъ крѣпокъ и мужественъ.“ Вслѣдъ затѣмъ напечатано было, что слова эти никогда не были сказаны, а что Наполеонъ замѣтилъ только: „Надѣюсь, что вы будете счастливы и довольны тѣмъ порядкомъ вещей, который я устроилъ для васъ.“ Разочаровавшись въ своихъ надеждахъ на обѣщанія Наполеона, польскіе патриоты утѣшались, припоминая донесенія своихъ генераловъ, Косинскаго и Домбровскаго, о дѣйствіяхъ польской арміи во время послѣдней войны. Всѣмъ перечитывалось извѣстное донесеніе Домбровскаго о сраженіи при Тршеви: „Въ этотъ день я познакомился съ двумя чувствами, совершенно противоположными другъ другу. Пуля разбила руку моему сыну, полковнику національной кавалеріи. Горесть отца должна была уступить чувствамъ вождя: я освѣдомился о состояніи здоровья моего сына по окончаніи битвы.“ Нѣкоторые огорчались тѣмъ, что въ бюллетеняхъ Наполеона чрезвычайно мало говорилось о дѣйствіяхъ польскихъ легионовъ, мудриры которыхъ носили на себѣ цвѣта старинныхъ воеводствъ и обольщали тѣмъ гордое чувство польскихъ патриотовъ. Национальные вопросы попрежнему воплощались для нихъ въ дѣятельности эмигрантовъ и легионаріевъ. Но рано или поздно надо было приступить къ организаціи новорожденнаго герцогства.

II.

Въ августѣ 1807 года возвратилась въ Варшаву изъ Дрездена правительственная коммиссія, и объявила, что король-герцогъ предоставляетъ ей управленіе на прежнихъ основаніяхъ до прибытія своего въ Варшаву. Но въ октябрѣ явился туда графъ Шенфельдъ, уполномоченный отъ саксонскаго короля распустить правительственную коммиссію и ввести новое управленіе, согласное съ дарованною конституціей. Изъ нѣкоторыхъ членовъ коммиссіи образованъ былъ со-

тъ министровъ, въ которомъ Малаховскій получилъ званіе президента, Лубенскій званіе министра юстиціи, Луцескій министра внутреннихъ дѣлъ, Дембовскій министра финансовъ, князь Іосифъ Поятовскій министра военнаго,—чѣмъ были сильно обижены Зайончекъ и Домбровскій,—Александръ Потоцкій министра полиціи и Станиславъ Бреза министра секретаря. Въ присягѣ, принесенной этими министрами, вовсе не упоминалось о конституціи: присягали только на вѣрность и послушаніе королю-герцогу. Въ началѣ ноября разнеслись слухи о скоромъ пріѣздѣ Фридриха-Августа. Мысли всѣхъ заняты были ожиданіями какой характеръ примутъ первыя дѣйствія новаго правительства: будетъ ли король смотрѣть на герцогство какъ на давнюю провинцію своего королевства, или же будетъ строго уважать конституціонныя уставы обоихъ государствъ. Значительное число варшавскихъ магнатовъ съ нетерпѣніемъ ожидало открытія новаго двора, къ которому можно было бы прибѣгать съ просьбами и хлопотами о своихъ фамиліальныхъ интересахъ. Но большая часть мирныхъ обывателей, имѣнія которыхъ значительно потерпѣли отъ военныхъ дѣйствій, ожидали пріѣзта новаго государя, въ надеждѣ что онъ поможетъ имъ различными льготами поправить свое состояніе. Столь желаемый всѣми пріѣздъ короля-герцога наступилъ 21-го ноября. День этотъ былъ великимъ торжествомъ и днемъ радости для жителей Варшавы. Ключи поданы были Фридриху-Августу Венгржецкимъ: подача ихъ сопровождалась приличными минутъ привѣтствіемъ, на которое король отвѣчалъ по-польски. Приверженцы конституціи 3-го мая поспѣшили правѣтствовать Фридриха-Августа, какъ потомка короля Августа III, въ династіи котораго помянутая конституція утверждала польскій престолъ. Пріѣздъ саксонскаго короля въ новую столицу его сопровождался нѣсколькими придвор-

самимъ министромъ полиціи съ величайшею пышностію. Въ числѣ различныхъ назначеній обращало на себя всеобщее вниманіе наименованіе четырехъ воеводъ и четырехъ кастеляновъ. Но помѣщеніе въ число послѣднихъ, а не первыхъ, старѣйшаго представителя прежней Польши, Радзимицкаго, который издалъ первый универсалъ, призывавшій Поляковъ къ народному ополченію, произвело дурное впечатлѣніе на общественное мнѣніе. Въ этомъ распоряженіи видѣли желаніе порвать связь съ историческими преданіями Польши и признаніемъ заслугъ, оказанныхъ ей въ прежнія времена. Девять декретовъ, имѣвшихъ общее значеніе для всего государства, подписано было королемъ во время пребыванія его въ Варшавѣ: о введеніи установленнаго конституціей гражданскаго и уголовного судопроизводства, объ организаціи сената, о новомъ апелляціонномъ порядкѣ, о военномъ управленіи, о раздѣленіи герцогства на департаменты, округи и общины, объ организаціи государственнаго совѣта, то-есть совѣта министровъ, объ установленіи военнаго ордена. Но самыми важными постановленіями были изданныя 19-го и 21-го декабря: первое изъ нихъ рѣшало вопросъ о томъ, кто долженъ считаться гражданиномъ Варшавскаго герцогства; второе уничтожало крѣпостныя отношенія. Къ числу гражданъ герцогства отнесены были всѣ тѣ кто родился внутри его, или происходилъ отъ гражданъ герцогства, или владѣлъ недвижимымъ имуществомъ въ немъ; каждый Полякъ, который находился въ службѣ до 1-го января 1808 года въ польско-италіянскихъ и рейнскихъ легионахъ, или служилъ въ народномъ ополченіи 1806 года, или получилъ право гражданства отъ прежней правительственной комиссіи; наконецъ, всѣ тѣ кто прожилъ уже въ земляхъ герцогства до 10 лѣтъ и ознакомился съ польскимъ языкомъ. Кромѣ того, король-герцогъ предоставлялъ себѣ право раздавать званіе гражданина всякому иностранцу, который проживетъ въ герцогствѣ не ме-

лѣйшее опредѣленіе хозяйственныхъ отношеній крестьянъ къ землеуладѣльцамъ было предоставлено обоюднымъ между ними соглашеніямъ, безъ всякаго стѣсненія владѣльцевъ въ распоряженіи земель, и съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы контракты, заключаемые съ крестьянами на вѣчныя времена или на срокъ, свидѣтельствовались судебнымъ порядкомъ, для удостовѣренія въ ихъ добровольности; наконецъ, такъ-называемый усадебный инвентарь крестьянъ (то-есть землеуладѣльческія орудія, рабочій скотъ и зерна на посѣвъ) былъ признанъ собственностію землеуладѣльца. Какъ конституція, такъ и этотъ декретъ произвели полный разрывъ съ прошлою исторіей польскихъ крестьянъ. Все то чего законъ еще не признавалъ, но что, такъ-сказать, просилось въ законъ, и держалось силою обычая, а именно: понятіе о правѣ крестьянъ на землю и на движимость, безъ которой пользованіе землею немислимо, — было вычеркнуто изъ исторіи однимъ почеркомъ пера, а въ замѣнъ утраченнаго крестьяне получили преимущества номинальныя, которыми, на дѣлѣ, они не могли воспользоваться.

А между тѣмъ первымъ декретомъ короля-герцога, по возвращеніи его изъ Варшавы въ Дрезденъ, возвыщено было, что согласно 69 статьѣ IX главы конституціи Варшавскаго герцогства, съ 1-го мая 1808 года, введенъ будетъ Наполеоновскій гражданскій Кодексъ. Это могло повести лишь къ тому, что всѣ прежнія постановленія сколько-нибудь опредѣлявшія отношенія крестьянъ къ землеуладѣльцамъ, даже переходная мѣра, придуманная для огражденія крестьянъ на одинъ годъ, должны были утратить свою силу и быть заглажены статьями Кодекса о наймѣ по условію, которыя не допускали ни безсрочнаго найма земли, ни платы за землю работою.* Послѣдствія введенія Наполеоновскаго Кодекса въ земли Варшавскаго герцогства, по свидѣтельству его историка, были очень неблагопріятны для крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ ими овладѣла страсть къ кочеванью съ мѣста на мѣсто; а помѣщики, на которыхъ лежала обязанность платить подати съ опустѣлыхъ усадебъ, стали присоединять эти усадьбы окончательно къ фольварочнымъ своимъ землямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось болѣе выгод-

* На основаніи Contrat de louage, см. Code, l. III, div. VIII, art. 1709, 1714, 1737, 1763 и 1764.

нымъ для помѣщиковъ держать безземельныхъ батраковъ или мелкихъ *хозяевъ* (халушниковъ, каморниковъ и т. п.) чѣмъ зажиточныхъ крестьянъ - пахарей; удаленіе послѣднихъ съ ихъ усадебъ вошло мало-по-малу въ обычай, какъ выгодная операція. Переходною мѣрой къ тому служили краткосрочныя сдачи усадебъ не болѣе какъ на одинъ, два или три года, что должно было развить въ туземномъ сельскомъ населеніи равнодушіе къ труду и къ своей собственной судьбѣ. Тогда же многіе землевладѣльцы стали водворять у себя по долгосрочнымъ или вѣчнымъ контрактамъ нѣмецкихъ колонистовъ, платившихъ имъ чиншъ въ такомъ размѣрѣ, который былъ не по силамъ туземнымъ крестьянамъ. Для послѣднихъ появленіе этихъ опасныхъ соперниковъ заключало въ себѣ угрозу окончательнаго обезземеленія.

При этомъ начались и первые опыты такъ-называемаго устройства имѣній, то-есть разверстанія и обмѣна угодій, разумѣется, съ соблюденіемъ выгодъ одной стороны; и такъ какъ прежнее обычное право, сколько-нибудь ограждавшее крестьянъ, уже не имѣло силы, то лучшія земли въ значительномъ количествѣ отошли отъ нихъ безвозвратно. Наконецъ введеніе Наполеоновскаго Кодекса имѣло то двусмысленное вліяніе на отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ, что послѣдніе, не имѣя возможности, въ случаѣ накопленія недоимокъ, вѣдаться съ крестьянами судебнымъ порядкомъ, воспользовались за то всѣми выгодами административной власти, которая была у нихъ въ рукахъ, и противъ которой у крестьянъ не было никакой защиты. Такимъ образомъ колебались разомъ всѣ юридическія и хозяйственныя основы сельскаго быта. Законъ рѣшительно разошелся съ практикой, и никто не думалъ о ихъ соглашеніи. *

Но дѣйствительно ли одно сельское населеніе почувствовало на себѣ невыгоды того порядка вещей, который мало-

нии, и вслѣдствіе неизбежнаго напыма Саксонцевъ? Дѣйствительно ли, среди правительственныхъ классовъ, среди городского и промышленнаго населенія, польскій элементъ былъ преобладающимъ?

Люди стараго поколѣнія, пережившаго столько тревогъ и невгодъ въ послѣднія десятилѣтія прежней Рѣчи Посполитой, возвратившись теперь большею частію изъ эмиграціи, съ гордостью помышляли, въ качествѣ политическихъ мучениковъ, о своихъ заслугахъ на пользу отечества и хотѣли возстановленія давнихъ формъ жизни. Люди помывшіе старую Польшу только въ годы ея раздѣла и подчинившіеся идеямъ, разсеиваемымъ по всей Европѣ французскою революціей, должны были сдѣлать надъ собою усиліе, чтобъ отъ составленныхъ ими идеаловъ спокойно перейти къ той скудной дѣйствительности, которую представило имъ урѣзанное въ своихъ границахъ Варшавское герцогство. Поколѣніе, только-что выступившее въ жизнь, способно было на всѣ жертвованія, которыя потребовались бы отъ него въ случаѣ войны, но не могло еще служить оплотомъ для жизни общественной. Таково было положеніе лицъ, входившихъ въ составъ высшей и средней шляхты; за то шляхта мелкая и безземельная, но важная по численности своей, катерпѣвшаяся всякихъ лишеній во время прусскаго владычества, которое постоянно устраняло ее отъ дѣлъ, должна была смотрѣть на Варшавское герцогство какъ на обѣтованную землю, гдѣ ей представлялась возможность кой-чего добыться, ничего при этомъ не теряя. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ Варшавскомъ герцогствѣ не мало было людей, которые должны были относиться къ нему враждебно. Администрація все еще оставалась въ рукахъ прусскихъ чиновниковъ, большинство которыхъ состояло изъ Нѣмцевъ и Поляковъ, составившихъ себѣ состояніе во времена прусскаго управленія. Знакомство съ административнымъ порядкомъ, привычка къ служебной дѣятельности и аккуратности въ исполненіи обязанностей своей должности были на сторонѣ прусскихъ официалитовъ. Въ мѣста, требовавшія сколько-нибудь техническихъ по-

скою милостію недвижимыя имѣнія въ польскихъ земляхъ.* Кромѣ того, было не мало Нѣмцевъ, которые вслѣдствіе долготѣлныхъ контрактовъ, передавшихъ имъ въ арендное управленіе государственныя земли, должны были остаться въ Варшавскомъ герцогствѣ, очутившемся теперь въ непріязненномъ отношеніи къ Прусскому королевству. Къ нимъ надо присоединить тѣхъ немалочисленныхъ нѣмецкихъ колонистовъ, которыхъ успѣло разбросать прусское правительство въ старинныхъ земляхъ Польши, во время кратковременнаго владычества своего надъ ними, и которые теперь должны были стоять особнякомъ среди польскаго населенія, отлучавшагося отъ нихъ по языку, нравамъ, обычаямъ и религіи. Не надо забывать при этомъ и тѣхъ туземцевъ нѣмецкаго происхожденія, предки которыхъ издавна были польскими подданными и передали свою національность и позднѣйшимъ потомкамъ. Всѣ эти члены нѣмецкаго населенія въ герцогствѣ, если и должны были затаить внутри себя чувство непріязненное противъ новаго порядка вещей, то ужь конечно не могли служить національному польскому дѣлу. Самъ историкъ герцогства Варшавскаго, графъ Скарбекъ, прямо говоритъ, что и между Поляками было не мало людей, которые жалѣли о прусскихъ порядкахъ и неохотно несли тяжесть новаго положенія своего. Всѣ эти недовольные, какъ Нѣмцы, такъ и Поляки, должны были дать опору саксонскому вліянію въ дѣлахъ герцогства. Слѣдовало бы упомянуть еще о многочисленномъ еврейскомъ населеніи герцогства, еслибы можно было сомнѣваться въ показаніяхъ современниковъ той эпохи, что Евреи, служа всемъ и каждому, заботились только о своихъ интересахъ и не считали себя, связанными съ судьбою Варшавскаго герцогства. Стремленіе новыхъ людей добиться какого-нибудь значенія въ случайно возникшемъ государствѣ и опасность паденія для обывателей пользовавшихся прежде вліяніемъ, стали новыми источниками обогащенія для Евреевъ.

Само правительство недостаточно знало управляемый имъ край, чтобы понять главный источникъ общественной болѣзни, и кромѣ того находилось въ слѣшкомъ большой зависимости отъ французскаго вліянія. Правительство Вар-

* См. статью „Ueber die Verwaltung des Herzogthums Warschau,“ въ журналѣ Архенгольца *Minerva*, 1808. Bd. I, S. 139—151.

варшавскаго герцогства не было ни самостоятельнымъ, ни національнымъ. Новая администрація не была ни польскою, ни прусскою; она была подражаніемъ французской системѣ. Не удивительно, послѣ этого, что и Наполеоновскій Кодексъ встрѣченъ былъ съ распростертыми объятіями только партией патриотовъ и подражателями французскихъ нравовъ: его не могли спасти отъ будущихъ неудачъ ни краснорѣчивыя заявленія официальныхъ газетъ, ни самое торжество, съ которымъ совершилось его обнародованіе. Торжество это, бывшее 1-го мая 1808 года, началось божественною службой въ кафедральномъ костелѣ, по окончаніи которой министръ юстиціи приблизился къ алтарю, получилъ Кодексъ изъ рукъ совершавшаго литургію епископа, и обратившись къ народу, поднимая книгу вверхъ, на что толпа отвѣчала криками: „да здравствуетъ Наполеонъ!“ Изъ костела Кодексъ несенъ былъ секретаремъ министра, въ сопровожденіи ассистентовъ изъ чиновниковъ. Процессія шла по улицамъ Сенаторской и Наполеоновской (Медовой) къ дворцу Красинскихъ; министръ сопровождалъ эту процессію, а войска окружали ее. Въ залѣ общаго засѣданія судебныхъ палатъ повѣшена была мраморная доска съ обозначеніемъ дня обнародованія Кодекса. Затѣмъ открыто было засѣданіе апелляціоннаго суда, президенту котораго министръ вручилъ Кодексъ послѣ долгой рѣчи. Торжество это было закончено баломъ въ домѣ министра юстиціи. Въ концѣ бала польскія шляхтянки, одѣтыя весталками, налили лавровой вѣнокъ на статую Наполеона, стоявшую среди великолѣпно освѣщеннаго сада. Статуя была окружена различными атрибутами, прославлявшими величіе императора Французовъ; въ томъ числѣ среди облаковъ видѣлся и Кодексъ. Всѣмъ за этимъ торжествомъ происходило открытіе школы правовѣдѣнія, вызванной къ жизни декретомъ 19 марта 1808 года; школа эта должна была сдѣлаться разсадникомъ новыхъ юристовъ. Злые языки того времени назвали торжество обнародованія Наполеоновскаго Кодекса погребальнымъ шествіемъ польскаго права. Намъ нѣтъ надобности указывать здѣсь на противорѣчія между постановленіями Кодекса и тѣми обычаями и правами, на которыхъ воспитано было населеніе Варшавскаго герцогства. Надо было примирять новое право съ старинными польскими уставами и прусскимъ земскимъ правомъ, которое дѣйствовало уже болѣе десяти лѣтъ въ земляхъ вошедшихъ въ составъ Варшавскаго

герцогства. Надо было судить нѣкоторыя дѣла на основаніи прусскаго, иныя же на основаніи французскаго права, дополняя ихъ во многихъ случаяхъ преданіями польской судебной практики. Все это влекло за собою замѣшательства и медленный ходъ правосудія.

Не менѣе затруднительно было финансовое положеніе герцогства. Французское завоеваніе было причиною банкротства всего края, благосостояніе котораго основывалось на вывозѣ сырыхъ произведеній за границу. Война не только остановила торговое движеніе, но и поглатила бѣольшую часть предметовъ, назначенныхъ къ продажѣ, не возвративъ народу ихъ цѣности. Между Данцигомъ и рынками, оставшимися внутри герцогства, выросли прусскія таможи. Послѣдовало нѣсколько частныхъ банкротствъ, причемъ на народномъ богатствѣ отозвались и тѣ послѣдствія, которыя должны были сами собою возникнуть отъ ввезаемаго прекращенія дѣйствій гипотекъ, учрежденныхъ прусскимъ правительствомъ. Со времени нашествія Французовъ никто изъ землевладѣльцевъ уже не могъ не только выплачивать своихъ долговъ, но и процентовъ на нихъ. Наполеонъ обратилъ вниманіе на столь печальное состояніе государственнаго и народнаго богатства въ герцогствѣ и рѣшился къ имени освободителя присоединить еще имя благодѣтеля. По его мысли предприняты были три мѣры, имѣвшія цѣлью обогатить государственное казначейство герцогства и вмѣстѣ съ тѣмъ поднять кредитъ его. Эти мѣры были: 1) уступка со стороны Наполеона, для усиленія варшавскаго казначейства, суммъ отдаваемыхъ прусскимъ правительствомъ въ видѣ ссуды частнымъ землевладѣльцамъ; суммы эти названы были байонскими по мѣсту заключенія договора о нихъ; 2) заключеніе займа подъ залогъ государственныхъ имѣній, и 3) погашеніе претензій обывателей герцогства на государственное казначейство, при посредствѣ особой ликвидаціонной комиссіи, и равномерное распредѣленіе повинности между жителями герцогства. Байонская конвенція заключена была 10 мая 1808 года и подписана французскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Шампаньи, и комиссарами Варшавскаго герцогства: Станиславомъ Потоцкимъ, Дзалавскимъ и Бѣлинскимъ. Въ первой статьѣ ея сказано, что императоръ Наполеонъ, желая помочь разстроеннымъ финансамъ саксонскаго короля, какъ герцога варшавскаго, отрекается отъ слѣдующихъ ему въ герцогствѣ доходовъ съ гербовой бумаги,

съ картъ и отъ иныхъ штемпелевыхъ уплатъ, составляющихъ имѣть 4.352.176 франковъ, также отъ 349.150 франковъ, израсходованныхъ на артиллерию и иныя потребности варшавскаго войска; что уменьшаетъ причитающіеся ему соляные доходы съ герцогства, въ 3.148.732 франка, и плату за доставку артиллеріи, въ 1.997.270 франковъ, до круглой суммы 3.000.000; что включаетъ въ этотъ долгъ 1.000.000 франковъ, прежде данныхъ въ займы герцогству, и уплату всей этой суммы отсрочиваетъ до 1-го августа 1808 года, распредѣливъ ее на три серіи долговыхъ билетовъ, изъ которыхъ каждая должна имѣть цѣность въ 1.000.000 франковъ. Пятою статьею той же конвенціи Наполеонъ уступалъ саксонскому королю, какъ герцогу варшавскому, всѣ тѣ суммы, которыя принадлежали прежде прусскому правительству, и на основаніи Дрезденскаго трактата, отъ 22 августа 1807 года, должны были перейти въ собственность французскаго императора. Суммы эти заключались въ выдачахъ изъ государственнаго банка и эмириальной кассы жителямъ бывшей Южной Пруссіи, подъ залогъ ихъ недвижимыхъ имѣній, и по словамъ пятой статьи, доходили до 43.366.220 франковъ 51 сантима капиталу, съ 4.000.000 процентовъ; въ замѣнъ того саксонскій король долженъ выпустить новыя 5% серіи, на сумму 20.000.000 франковъ, съ платежемъ по нимъ процентовъ отъ 7 января 1807 года и съ уплатой всего долга въ продолженіе трехъ лѣтъ. Такимъ образомъ, то что на первый разъ представлялось какъ бы подаркомъ, въ сущности обременяло новое герцогство немаловажнымъ государственнымъ долгомъ. Завоеватель и освободитель не забылъ при разчетѣ своихъ собственныхъ интересовъ: онъ предпочелъ невярному полученію 43.000.000 франковъ, уступленныхъ ему прусскимъ правительствомъ и числившихся только въ долговыхъ книгахъ уже не существовавшихъ кредитныхъ учрежденій, обращеніе ихъ въ 20.000.000-ый государственный долгъ, обезпечиваемый достояніемъ созданнаго имъ герцогства. 30-го мая король-герцогъ издалъ декретъ на имя государственнаго совѣта о присылкѣ къ 1-му іюня въ Дрезденъ половины коронныхъ доходовъ, назначенныхъ ему конституціей, для уплаты процентовъ за байонскія суммы; а если же эти доходы окажутся недостаточными, то произвести дополнительную уплату изъ государственнаго казначейства, преимущественно предъ всякими иными расходами. Распоряженіе это однакожь не могло быть скоро

исполнено, и 6 іюня изданъ былъ новый указъ, назначившій послѣднимъ срокомъ для внесенія вышеозначенныхъ процентовъ 24 число того же мѣсяца. 12 іюня послѣдовалъ новый декретъ, предлагавшій государственному совѣту пріискать средства къ уплатѣ байонскихъ суммъ въ продолженіе трехъ лѣтъ. Совѣтъ прибѣгнулъ ко взысканію ссудныхъ суммъ съ тѣхъ землевадѣльцевъ, долгамъ которыхъ уже истекъ условленный срокъ. Но это распоряженіе не могло покрыть байонскихъ суммъ, которыя въ сущности были не что иное какъ замаскированная военная контрибуція. Несмотря на то, 19 іюня король-герцогъ издалъ декретъ, которымъ назначался такой порядокъ для государственныхъ расходовъ: прежде всего уплата французскаго долга; потомъ присылка въ Дрезденъ назначенныхъ герцогу по конституціи доходовъ; далѣе выдача жалованья войскамъ герцогства, и наконецъ всѣ остальные расходы могли быть дѣлаемы изъ остатковъ отъ вышеупомянутыхъ. 28 августа приостановлена была всякая выдача денегъ изъ государственнаго казначейства, которому приказано было заняться только уплатою байонскихъ суммъ. На тотъ же предметъ обращено было сбереженіе, которое послѣдовало отъ перевода во французскую службу 80.000 отряда изъ арміи Варшавскаго герцогства. Но такъ какъ взысканіе долговъ съ частныхъ землевадѣльцевъ совершалось путемъ судебныхъ исковъ, и результаты его были ничтожны, то 8 октября король-герцогъ издалъ въ Эрфуртѣ декретъ, повелѣвавшій приступитъ къ секвестраціи имѣній, на которыхъ лежали байонскія суммы, и уплачивать съ ихъ доходовъ половину считавшейся на нихъ ссуды. Въ случаѣ же, если эта мѣра будетъ неудачна, разрѣшено было приступитъ къ аукціонной продажѣ означенныхъ имѣній. 4 января 1809 года, учреждена была даже особая коммиссія, которая должна была заняться такою операціей. Къ числу любопытныхъ открытій, сдѣланныхъ этою коммиссіей, принадлежитъ то, что уступленный Наполеону прусскимъ правительствомъ долгъ падалъ не весь на земли отомедшія къ

ства не могъ имѣть успѣха уже потому что въ основу его являть былъ такой расчетъ: положено было доходы, получавшіеся съ помянутыхъ имѣній, считать равными 5% ихъ общей стоимости, а капиталъ, отвѣчающій такому проценту, изъ дѣйствительною цѣной. При такомъ расчетѣ оказалось, что цѣнность государственныхъ имѣній Варшавскаго герцогства въ тогдашнемъ видѣ его равнялась 31.413.413 польскимъ злотымъ. Кромѣ того, варшавскому правительству жемельно было заложить прежде всего государственный имуществъ Ломжинскаго департамента, который, вдаваясь далеко ю владѣнія Пруссіи и Россіи, возбуждалъ въ Варшавѣ большія опасенія насчетъ своей будущности. Наконецъ самая необходимость прибѣгнуть къ залогу государственныхъ имуществъ, указывая на крайне стѣсненное состояніе финансовъ герцогства, не давала возможности произвести выгодную финансовую операцію. Заграничные капиталисты не хотѣли участвовать въ займѣ для государства, существованіе котораго было столь непрочно и зависѣло отъ случайностей войны. Тогда рѣшились прибѣгнуть къ внутреннему займу. Еще 7 мая 1808 года государственный совѣтъ издалъ, съ согласія короля-герцога, приглашеніе къ подпискѣ на шестипроцентный заемъ въ 4.500.000 злотыхъ. Заемъ этотъ назначался для вскрытія военныхъ расходовъ. Погасить его предполагалось въ два года; кредиторамъ обѣщано было выдать облигаціи, въ 5.000 злотыхъ каждая; въ обезпеченіе назначены были нѣкоторыя изъ государственныхъ земель, причемъ даже было обѣщано, что въ случаѣ надобности, онѣ будутъ назначены въ продажу. Несмотря на то, заемъ этотъ не удался бы, еслибы правительство не обратилось, чрезъ мѣстную администрацію и чрезъ женщинъ, къ богатѣйшимъ жителямъ края, приглашая ихъ принести жертву на алтарь отечества покупкой облигацій. А между тѣмъ на самомъ правительствѣ лежали еще старыя претензіи нѣкоторыхъ обывателей, требовавшихъ удовлетворенія за чрезвычайныя услуги, оказанныя отечеству во время борьбы съ Пруссіей. Не столько для погашенія этихъ претензій, сколько для успокоенія общественнаго мнѣнія, въ край учреждена была такъ называемая центральная ликвидаціонная коммиссія. Но отъ нея не осталось никакихъ воспоминаній, кромѣ двухъ декретовъ короля-герцога, опредѣлявшихъ ея составъ и задачу, отъ 13 мая 1808 и отъ 16 марта 1809 года.

Наконецъ третьею важною мѣрой для опредѣленія взаимныхъ отношеній между правительствомъ и населеніемъ герцогства было уравненіе военныхъ повинностей. Въ первое время существованія новаго государства не было надобности прибѣгать къ наборамъ: число волонтеровъ было такъ велико, что восполняло всѣ пробѣлы въ наполеоновской арміи, причиняемые войной. Но послѣ Тильзитскаго мира, когда Наполеонъ непремѣнно требовалъ, чтобы Варшавское герцогство выставило свою армію въ 30.000 человекъ, надо было прибѣгнуть къ системѣ французскихъ конскрипцій. 9 мая 1808 года изданъ былъ декретъ, призывавшій къ военной службѣ всѣхъ гражданъ герцогства отъ 21 до 28-лѣтняго возраста, не взирая на происхожденіе, состояніе, занятіе и вѣроисповѣданіе: избавлены были отъ конскрипціи только чиновники, духовенство, учителя, равнины и пѣвцы въ синагогахъ. Укрываніе человека, подлежащаго конскрипціи, влекло за собою пеню въ 1.000 злотыхъ съ виновнаго, или съ цѣлой общины, къ которой принадлежалъ укрываемый. Конскрипты дѣлились на четыре призыва: къ первому принадлежали 21 и 22-лѣтніе, ко второму—23 и 24-лѣтніе, къ третьему 25 и 26-лѣтніе, къ четвертому—27 и 28-лѣтніе. Шесть лѣтъ постоянной службы давали право на увольненіе отъ нея. Но уволеннымъ отъ 28 до 50 лѣтъ велись списки на всякій случай.

Такова была дѣятельность варшавскаго правительства предъ созваніемъ перваго сейма, который долженъ былъ дать опору распоряженіямъ сената и государственнаго совѣта.

Въ концѣ 1808 года король-герцогъ снова явился въ Варшавѣ. 2 декабря было публичное засѣданіе сената, которое Фридрихъ-Августъ открылъ слѣдующею рѣчью на польскомъ языкѣ: „Согласно конституціи, прежде чѣмъ соберется сеймъ, который я думаю въ скоромъ времени созвать, пригласилъ я сенатъ исполнить лежащія на немъ обязанности. Желая

дастъ на нихъ конституція; я увѣренъ, что каждый шагъ ихъ будетъ направленъ ко благу края.“ Хотя эта вступительная рѣчь отличалась больше уклончивостію и видимымъ желаніемъ похвалить Наполеону нежели искренностію и намѣреніемъ пробудить народный духъ, однакожь она, какъ и самое открытіе сената, произвела благопріятное впечатлѣніе на Поляковъ. Нѣмецвичъ, только-что прибывшій изъ Америки, принявъ на себя обязанность истолкователя общественнаго мнѣнія. Описывая открытіе засѣданія сената, въ тогдашней газетѣ, онъ говорилъ: „Послѣ 16-лѣтняго перерыва въ исторіи нашего представительства, мы увидали снова короля, говорящаго на отечественномъ языкѣ, высокій сенатъ состоящій изъ опытныхъ законовѣдовъ, — и видъ ихъ возбуждалъ въ насъ патриотическое чувство, сердца всѣхъ были тронуты, радостныя воспоминанія воскресли въ мысляхъ каждаго. Въ тѣхъ самыхъ стѣнахъ, которыя нѣкогда оглашались рѣчами польскихъ гражданъ, а позднѣе обречены были на гробовую тишину, были замкнуты и забыты на нѣсколько лѣтъ, — въ тѣхъ самыхъ стѣнахъ и тотъ же Фридрихъ-Августъ, безъ всякихъ съ своей стороны исканій и домогательствъ, по добровольному, единогласному выбору вольнаго народа, назначенъ былъ нѣкогда королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ. Теперь, послѣ столькихъ превратностей и цѣптаній, послѣ утраченныхъ надеждъ, на томъ же самомъ мѣстѣ и тотъ же Станиславъ Малаховскій, во главѣ тѣхъ же товарищей своихъ, привѣтствовалъ короля, котораго тогда заочно провозгласилъ избраннымъ, какъ будто небеса хотѣли сохранить его до столь радостнаго дня, щадя его преклонныя лѣта и утраченное отъ многихъ трудовъ здоровье.“

Вскорѣ послѣ этого засѣданія, именно 12-го января, король-герцогъ издалъ универсалъ, созывающій окружныя сеймики и общинныя собранія, которыя и исполнили свое дѣло въ величайшемъ порядкѣ. По полученіи извѣстій о результатахъ ихъ засѣданій, обнародованъ былъ 15-го февраля другой универсалъ, созывавшій государственныя сеймы къ 7-му марта. Депутаты, назначенные присутствовать на этомъ сеймѣ, при-

ственнаго совѣта. На другой день происходило первое засѣданіе сейма. Министръ внутреннихъ дѣлъ объявлялъ, что король-герцогъ назначаетъ предсѣдателемъ сейма того же самаго Островскаго. Затѣмъ произнесена была тронная рѣчь самимъ Фридрихомъ-Августомъ на польскомъ языкѣ; онъ упоминалъ благодѣянія Наполеона, оказанныя Полакамъ и Саксонскому дому; говорилъ также и о прежнемъ выборѣ своемъ на польскій престолъ. Последнее обстоятельство было понято слушателями какъ впервые высказанное желаніе связать прошлыя преданія Польши съ зараждающею политическою жизнью герцогства. Послѣ всѣхъ этихъ обрядностей, министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ сейму обзоръ тогдашняго состоянія дѣлъ въ цѣломъ краѣ. Въ этомъ обзорѣ министръ не скрылъ ни тѣхъ замѣшательствъ, причиной которыхъ было введеніе Наполеонова Кодекса, ни паденія вѣншей и внутрѣнной торговли въ герцогствѣ, ни затруднительнаго положенія финансовъ, ни упадка промышленности. Бѣдность государственнаго казначейства и несогласіе новаго Кодекса съ туземными обычаями и правами указаны были министромъ, какъ главные предметы для будущихъ занятій сейма. Первый проектъ, касавшійся этихъ вопросовъ и предложенный сейму на разсмотрѣніе, устанавливалъ нѣкоторыя перемѣны въ уголовномъ уложеніи. Согласно началамъ принятымъ во французскомъ кодексѣ, обѣ палаты сейма согласились на смягченіе наказаній, установленныхъ въ старомъ польскомъ правѣ; уничтожено было, между прочимъ, тѣлесное наказаніе для обывателей герцогства. Второй проектъ касался соглашенія Кодекса съ польскимъ гражданскимъ правомъ. Далѣе сеймъ принялъ почти безусловно торговое французское право. Болѣе самостоятельности выказано было депутатами при составленіи опредѣленій о новыхъ податяхъ и налогахъ: сеймъ не только возстановилъ всѣ подати, существовавшія въ прежней Польшѣ, но еще и прибавилъ къ нимъ шесть новыхъ: 1) 4,200,000 злотыхъ, на

посланнаго агента съ Евреевъ; 5) поборъ натурою для продовольствія войска, и 6) возвышеніе подымнаго налога. Только одинъ проектъ былъ отвергнутъ сеймомъ: именно принятіе нѣмецкой конвенціонной монетной системы. Изъ всѣхъ этихъ постановленій сейма видно, что членами его явились въ Варшаву съ мыслию принести всевозможныя жертвы на пользу возникавшаго изъ ничтожества отечества ихъ. Равнымъ образомъ сеймъ прошелъ безъ борьбы партій и безъ той оппозиціи правительству, которыми такъ прославились польскіе сеймы XVIII вѣка. Лишь одинъ случай нарушилъ согласіе между палатой депутатовъ и государственнымъ совѣтомъ. Число членовъ послѣдняго, имѣвшихъ право голоса на сеймѣ, было не опредѣлено, и потому возникъ вопросъ о значеніи ихъ голосовъ. Одинъ изъ совѣтниковъ, Линовскій, пользовавшійся доброю репутаціей еще во времена старой Польши, былъ задѣтъ живо горячими рѣчами одного изъ младшихъ депутатовъ, и увлекшись сдоромъ, сказалъ, что большая часть совѣтниковъ были извѣстны своими заслугами отечеству уже тогда какъ завосчивый ораторъ былъ еще ребенкомъ. Всѣ депутаты потребовали, чтобы Линовскій удался изъ засѣданія, грозя въ противномъ случаѣ разойтись. Тогда министръ Лубенскій, по приглашенію предсѣдателя сейма, отправился къ Фридриху-Августу и убѣдилъ его вызвать къ себѣ Линовскаго. Въ тотъ же самый день издавъ былъ декретъ, ограничивавшій число совѣтниковъ имѣвшихъ право голоса на сеймѣ. 24-го марта происходило закрытіе сейма; король-герцогъ опять произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ между прочимъ: „Прохожу молчаніемъ нѣкоторыя несправильности, бывшія въ первомъ собраніи палаты депутатовъ; ибо единодушно выражаемые знаки довѣрія и привязанности къ нашей особѣ наполняютъ сердце наше чувствомъ отеческой признательности.“ Несмотря на всѣ эти увѣренія, люди хорошо знакомые съ дѣлами того времени постоянно говорили, что герцогствомъ Варшавскимъ управлялъ не Фридрихъ-Августъ и его совѣтники, а Наполеонъ чрезъ своихъ посланниковъ.

НИЛЬ ПОПОВЪ.

(До слѣд. №.)

Когда отъ хмелю преступленій
Толпа развратная буйна,
И радъ влачить въ грязи злой геніи
Мужей великихъ имена,

Мои сгибаются колѣни
И голова преклонена;
Зову властительныя тѣни
И ихъ читаю письма.

Въ тиши таинственнаго храма
Учусь, сквозь волны еиміама,
Словамъ наставниковъ внимать,
И забывая гулъ народный,
Вѣряясь думѣ благородной,
Могучимъ вздохомъ ихъ дышать.

А. ФЕ

ПРЕСТУПЛЕНІЕ И НАБАЗАНІЕ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Въ началѣ іюля, въ чрезвычайно жаркое время, подъ вечеръ, одинъ молодой человекъ вышелъ изъ своей каморки, которую нанималъ отъ жильцовъ въ С—мъ переулкѣ, на улицу, и медленно, какъ бы въ невѣжливости, отправился къ К—ну мосту.

Онъ благополучно избѣгнулъ встрѣчи съ своею хозяйкой на лѣстницѣ. Каморка его приходилась подъ самую кровлю высокаго пятиэтажнаго дома и походила болѣе на шкафъ чѣмъ на квартиру. Квартирная же хозяйка его, у которой онъ нанималъ эту каморку съ обѣдомъ и прислугой, помещалась одною лѣстницей ниже, въ отдельной квартирѣ, и каждый разъ, при выходѣ на улицу, ему непременно надо было проходить мимо хозяйкиной кухни, почти всегда настежь отворенной на лѣстницу. И каждый разъ молодой человекъ, проходя мимо, чувствовалъ какое-то болѣзненное и трусливое ощущеніе, котораго стыдился и отъ котораго морщился. Онъ былъ долженъ кругомъ хозяйкѣ и боялся съ нею встрѣтиться.

Не то чтобъ онъ былъ такъ трусливъ и забыть, совсѣмъ даже напротивъ; но съ нѣкотораго времени онъ былъ въ раздражительномъ и напряженномъ состояніи, похожемъ на апонохейду. Онъ до того углубился въ себя и уединился отъ всѣхъ, что боялся даже всякой встрѣчи, не только встрѣчи съ хозяйкой. Онъ былъ задавленъ бѣдностью; но даже стѣсненное положеніе перестало въ послѣднее время тяготить его. Насущными дѣлами своими онъ совсѣмъ пересталъ и не хотѣлъ заниматься. Никакой хозяйки въ сущности онъ не боялся, что бы та ни замышляла противъ него. Но оставалось на лѣстницѣ, слушать всякій вздоръ про всю эту обыденную дребедень, до которой ему нѣтъ никакого дѣла, всѣ эти пристававія о платежѣ, угрозы, жалобы, и при этомъ самому изворачиваться, извиняться, агать,—нѣтъ ужъ лучше проскользнуть какъ-нибудь кошкой по лѣстницѣ и улизнуть, чтобы никто не видалъ.

Впрочемъ, на этотъ разъ страхъ встрѣчи съ своею кредиторшей даже его самого поразилъ по выходѣ на улицу.

„На какое дѣло хочу покуситься и въ то же время какихъ пустяковъ боюсь!“ подумалъ онъ съ странною улыбкой. „Гм... да... все въ рукахъ человѣка, и все-то онъ мимо носу проносить, единственно отъ одной трусости... это ужъ аксіома... Любопытно, чего люди больше всего боятся? Новаго шага, новаго соботвеннаго слова они всего больше боятся... А впрочемъ я слишкомъ много болтаю. Оттого и дичего не дѣлаю что болтаю. Пожалуй, впрочемъ, и такъ: оттого болтаю что ничего не дѣлаю. Это я въ этотъ послѣдній мѣсяцъ выучился болтать, лежа по дѣльнымъ суткамъ въ углу и думая... о Царѣ Горохѣ. Ну зачѣмъ я теперь иду? Развѣ я способенъ на *это*? Развѣ *это* серьезно? Совсѣмъ не серьезно. Такъ ради фантазіи самъ себя тѣшу; игрушки! Да, пожалуй что и игрушки!“

На улицѣ жара стояла страшная, къ тому же духота, толкотня, всюду известка, лѣса, кирпичъ, пыль, и та особенная лѣтняя вонь, столь известная каждому Петербуржцу, не имѣющему возможности нанять дачу, — все это разомъ неприятно потрясло и безъ того уже разстроенные нервы юности. Нестерпимая же вонь изъ распивочныхъ, которыхъ въ этой части города особенное множество, и пьяные, поминутно попадавшіеся, несмотря на буднее время, довершили отвратительный и грустный колоритъ картины. Чувство глубочайшаго омерзѣнія мелькнуло на мигъ въ тонкихъ чертахъ мо-

молодаго человѣка. Кстатѣ, онъ былъ замѣчательно хорошъ собою, съ прекрасными темными глазами, темнорусъ, ростомъ выше средняго, тонокъ и строенъ. Но скоро онъ впалъ какъ бы въ глубокую задумчивость, даже, вѣрнѣе сказать, какъ бы въ какое-то забытѣе, и пошелъ уже не замѣчая окружающаго, и не жслая его замѣчать. Изрѣдка только бормоталъ онъ что-то про себя, отъ своей привычки къ монологамъ, въ которой онъ сейчасъ самъ себѣ признался. Въ эту же минуту онъ и самъ сознавалъ, что мысли его порою мѣшаются, и что онъ очень слабъ: второй день какъ ужъ онъ почти совсѣмъ ничего не ѣлъ.

Онъ былъ до того худо одѣтъ, что иной, даже и привычный человѣкъ, посоветилася бы днемъ выходить въ такихъ лохмотьяхъ на улицу. Впрочемъ, кварталъ былъ таковъ, что костюмомъ здѣсь было трудно кого-нибудь удивить. Близость Обшовой, обиліе извѣстныхъ заведеній и, по преимуществу, цеховое и ремесленное населеніе, скученное въ этихъ среднихъ петербургскихъ улицахъ и переулкахъ, пестрили иногда общую панораму такими субъектами, что странно было бы и удивляться при встрѣчѣ съ иною фигурой. Но столько злобнаго презрѣнія уже накопилось въ душѣ молодаго человѣка, что несмотря на всю свою, иногда очень молодую, щекотливость, онъ менѣе всего совѣстился своихъ лохмотьевъ на улицѣ. Другое дѣло при встрѣчѣ съ иными знакомыми, или съ прежними товарищами, съ которыми вообще онъ не любилъ встрѣчаться.... А между тѣмъ, когда одинъ пьяный, котораго неизвѣстно почему и куда провозили въ это время по улицѣ въ огромной пустой телегѣ, запряженной огромною ломовою лошадью, крикнулъ ему вдругъ, проѣзжая: „Эй ты, вѣмецкій шляпникъ!“ и заоралъ во все горло, указывая на него рукой, — молодой человѣкъ вдругъ остановился и судорожно схватился за свою шляпу. Шляпа эта была высокая, круглая, циммермановская, но вся уже изношенная, совсѣмъ рыжая, вся въ дырахъ и пятнахъ, безъ полей, и самымъ безобразнѣйшимъ угломъ заломившаяся на сторону. Но не стыдъ, а совсѣмъ другое чувство, похожее даже на испугъ, охватило его.

но нужна фуражка, хотя бы старый блинъ какой-нибудь, а не этотъ уродъ. Никто такихъ не носитъ, за версту замѣтять, запомнать... главное, потомъ запомнать, анъ и улика. Тутъ нужно быть какъ можно непримѣтнѣе... Мелочи, мелочи главное!... вотъ эти-то мелочи и губятъ всегда и все....

Идти ему было немного; онъ даже зналъ сколько шаговъ отъ воротъ его дома: ровно семьсотъ тридцать. Какъ-то разъ онъ ихъ сосчиталъ, когда ужъ очень размечтался. Въ то время онъ и самъ еще не вѣрилъ этимъ мечтамъ своимъ и только раздражалъ себя ихъ безобразною, но соблазнительною дерзостью. Теперь же, мѣсяцъ спустя, онъ уже начиналъ смотрѣть иначе, и несмотря на всѣ поддразнивающіе монологи о собственномъ безспіи и нервѣшности, „безобразную“ мечту какъ-то даже поневолѣ привыкъ считать уже предпріятіемъ, хотя все еще самъ себя не вѣрилъ. Онъ даже шелъ теперь дѣлать *пробу* своему предпріятію, и съ каждымъ шагомъ волненіе его возрастало все сильнѣе и сильнѣе.

Съ замираніемъ сердца и нервною дрожью подошелъ онъ къ преогромнѣйшему дому, выходящему одною стѣною на канаву, а другою въ —ю улицу. Этотъ домъ стоялъ весь въ мелкихъ квартирахъ и заселенъ былъ всякими промышленниками, — портными, слесарями, кухарками, разными Нѣмцами, дѣвцами, живущими отъ себя, мелкимъ чиновничествомъ и проч. Входящіе и выходящіе такъ и шмыгали подъ обоими воротами и на обоихъ дворахъ дома. Тутъ служили три или четыре дворника. Молодой человекъ былъ очень доволенъ не встрѣтивъ ни котораго изъ нихъ, и непримѣтно проскользнулъ сейчасъ же изъ воротъ направо на лѣстницу. Лѣстница была темная и узкая, „черная,“ но онъ все уже это зналъ и изучилъ, и ему вся эта обстановка нравилась: въ такой темнотѣ даже и любопытный взглядъ былъ неопасенъ. „Если о сю пору я такъ боюсь, что же было бы еслибъ и дѣйствительно какъ-нибудь случилось до самаго дѣла дойдти?...“ подумалъ онъ невольно проходя въ четвертый этажъ. Здѣсь загородили ему дорогу отставные солдаты-носильщики, выносившіе изъ одной квартиры мебель. Онъ уже прежде зналъ, что въ этой квартирѣ жилъ одинъ семейный Нѣмецъ, чиновникъ: „стало-быть, этотъ Нѣмецъ теперь выѣзжаетъ, и стало-быть, въ четвертомъ этажѣ, по этой лѣстницѣ и на этой площадкѣ, остается, на нѣкоторое время, только одна старухина квартира занятая. Это хорошо... на всякой случай...“ полу-

иъ оъ опять и позвонилъ въ старухину квартиру. Звонкъ бракнулъ слабо, какъ будто былъ сдѣланъ изъ жести, а не изъ мѣди. Въ подобныхъ мелкихъ квартирахъ такихъ домовъ почти все такіе звонки. Оъ уже забылъ звонъ этого колокольчика, и теперь этотъ особенный звонъ какъ будто даруъ ему что-то напомнилъ и ясно представлялъ.... Оъ такъ и вздрогнулъ, смѣшкомъ ужь ослабѣли нервы на этотъ разъ. Немного спустя дверь приотворилась на крошечную щелочку: лица оглядывавшая изъ щели приходшаго съ видимымъ недоумѣніемъ, и только видѣлись ея сверкавшіе изъ темноты глазки. Но увидавъ на площадкѣ много народу, она ободрилась и отворила совсѣмъ. Молодой человѣкъ переступилъ черезъ порогъ въ темную прихожую, разгороженную перегородкой, за которою была крошечная кухня. Старуха стояла передъ нимъ молча и вопросительно на него глядѣла. Это была крошечная, сухая старушонка, лѣтъ шестидесяти, съ острыми и злыми глазами, съ маленькимъ острымъ носомъ и простоволосая. Бѣлобрысыя, малопосѣдѣвшіе волосы ея были жирно смазаны масломъ. На ея тонкой и длинной шеѣ, похожей на куриную ногу, было наверхено какое-то фанделевсе тряпье, а на плечахъ, несмотря на жару, болталась вся истрепанная и пожелтѣлая мѣховая кацавейка. Старушонка поминутно кашляла и кряхтѣла. Должно-быть молодой человѣкъ взглянулъ на нее какимъ-нибудь особеннымъ взглядомъ, потому что и въ ея глазахъ мелькнула вдругъ опять прежняя недоумчивость.

— Раскольниковъ, студентъ, былъ у васъ назадъ тому мѣсяцъ, успѣшилъ пробормотать молодой человѣкъ съ полуклономъ, вспомнивъ, что надо быть любезнѣе.

— Помню, батюшка, очень хорошо помню, что вы были, отчетливо проговорила старушка, попрежнему не отводя своихъ вопрошающихъ глазъ отъ его лица.

— Такъ вотъ-съ.... и опять, по такому же дѣльцу.... продолжалъ Раскольниковъ, немного смутившись и удивляясь не-

Небольшая комната, въ которую прошелъ молодой человекъ, съ желтыми обоями, геранами и кисейными занавѣсками на окнахъ, была въ эту минуту ярко освѣщена заходящимъ солнцемъ. „И тогда стало-быть также будетъ солнце свѣтити!“ какъ бы невзначай мелкнуло въ умѣ Раскольниковъ, и быстрымъ взглядомъ окинулъ онъ все въ комнатѣ, чтобы по возможности изучить и запомнить расположеніе. Но въ комнатѣ не было ничего особеннаго. Мебель, вся очень старая и изъ желтаго дерева, состояла изъ дивана, съ огромною выгнутою деревянною спинкой, круглаго стола овальной формы передъ диваномъ, туалета съ зеркальцемъ въ простѣвкѣ, стульевъ по стѣнамъ, да двухъ-трехъ грошевыхъ картинокъ въ желтыхъ рамкахъ, изображавшихъ нѣмецкихъ барышень съ птицами въ рукахъ, — вотъ и вся мебель. Въ углу передъ небольшимъ образомъ горѣла лампада. Все было очень чисто; и мебель, и полы были оттерты подъ доскъ; все блестяло. „Лизаветина работа,“ подумалъ молодой человекъ. Ни пылинки нельзя было найти во всей квартирѣ. „Это у злыхъ и старыхъ вдовицъ бываетъ такая чистота,“ продолжалъ про себя Раскольниковъ, и съ любопытствомъ покосился на ситцевую занавѣску передъ дверью во вторую крошечную комнатку, гдѣ стояли старухины постель и комодъ, и куда онъ еще ни разу не заглядывалъ. Вся квартира состояла изъ этихъ двухъ комнатъ.

— Чтò угодно? строго произнесла старушонка, войдя въ комнату и попрежнему становясь прямо передъ нимъ, чтобы глядѣть ему прямо въ лицо.

— Закладъ привезъ, вотъ-съ!—И онъ вынулъ изъ кармана старые плоскіе серебряные часы. На оборотной дощечкѣ ихъ былъ изображенъ глобусъ. Цѣпочка была стальная.

— Да вѣдь и прежнему закладу срокъ. Еще третьяго дня мѣсяцъ какъ минулъ.

— Я вамъ проценты еще за мѣсяцъ внесу; потерпите.

— А въ томъ моя добрая воля, батюшка, терпѣть или вещь вашу теперь же продать.

— Много ль за часы-то, Алена Ивановна?

— А съ пустяками ходишь, батюшка, ничего, почитай, не стоить. За колечко вамъ прошлый разъ два билетика внесла, а оно и купить-то его новое у ювелира за полтора рубля можно.

— Рубля-то четыре дайте, я выкупаю, отцовскіе. Я скоро деньги получу.

— Полтора рубль-съ и процентъ впередъ коли хотите-съ.

— Полтора рубль! вскрикнулъ молодой человѣкъ.

— Ваша воля.—И старуха протянула ему обратно часы. Молодой человѣкъ взялъ ихъ и до того разсердился, что хотѣлъ было уже уйти; но тотчасъ одумался, вспомнивъ, что что больше некуда, и что онъ еще и за другимъ пришелъ.

— Давайте! сказалъ онъ грубо.

Старуха полезла въ карманъ за ключами и пошла въ другую комнату за завязьски. Молодой человѣкъ, оставшись одинъ среди комнаты, любопытно прислушивался и соображалъ. Слышно было какъ она отперла комодъ. „Должно-быть верхній ящикъ,“ соображалъ онъ. „Ключи она, стало-быть, въ правомъ карманѣ носить... Всѣ на одной связкѣ, въ стальномъ колыдѣ... И тамъ одинъ ключъ есть всѣхъ больше, втрое, съ зубчатою бородкой, конечно, не отъ комода... Стало-быть, есть еще какая-нибудь шкатулка, али укладка... Вотъ это любопытно. У укладокъ все такіе ключи... А впрочемъ какъ это подо все...“

Старуха воротилась.

— Вотъ-съ, батюшка: коли по гривнѣ въ мѣсяцъ съ рубля, такъ за полтора рубль причтется съ васъ пятнадцать копѣекъ, за мѣсяцъ впередъ-съ. Да за два прежнихъ рубль съ васъ еще причтается по сему же счету впередъ двадцать копѣекъ. А всего стало-быть тридцать пять. Приходится же вамъ теперь всего получить за часы ваши рубль пятнадцать копѣекъ. Вотъ получите-съ.

— Какъ! такъ ужъ теперь рубль пятнадцать копѣекъ!

— Точно такъ-съ.

Молодой человѣкъ спорить не сталъ и взялъ деньги. Онъ смотрѣлъ на старуху и не спѣшилъ уходить, точно ему еще хотѣлось что-то сказать или сдѣлать, но какъ будто онъ и самъ не зналъ что именно...

— Я вамъ, Елена Ивановна, можетъ-быть на дняхъ, еще одну вещь привнесу... серебряную... хорошую... папиросочницу одну... вотъ какъ отъ пріятеля ворочу... Онъ смутился и зашоччалъ.

— Ну тогда и будемъ говорить, батюшка.

— Прощайте-съ... А вы все дома одни сидите, сестрицы-то

нѣтъ? спросилъ онъ какъ можно развязнѣе, выходя въ переднюю.

— А вамъ какое до нея, батюшка, дѣло?

— Да ничего особеннаго. Я такъ спросилъ. Ужь вы сейчасъ... Прощайте, Алена Ивановна!

Раскольниковъ вышелъ въ рѣшительномъ смущеніи. Смущеніе это все болѣе и болѣе увеличивалось. Сходя по лѣстницѣ, онъ нѣсколько разъ даже останавливался, какъ будто чѣмъ-то внезапно пораженный. И наконецъ, уже на улицѣ, онъ воскликнулъ:

„О Боже! какъ это все отвратительно! И неужели, неужели я... нѣтъ, это вздоръ, это нелѣпость! прибавилъ онъ рѣшительно. И неужели такой ужасъ могъ придти мнѣ въ голову? На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!... И я, цѣлый мѣсяцъ...“

Но онъ не могъ выразить ни словами, ни восклицаніями, своего волненія. Чувство безконечнаго отвращенія, начинавшее давить и мутить его сердце еще въ то время какъ онъ только шелъ къ старухѣ, достигло теперь такого размѣра и такъ ярко выяснилось, что онъ не зналъ куда дѣться отъ тоски своей. Онъ шелъ по тротуару какъ пьяный, не замѣчая прохожихъ и сталкиваясь съ ними, и опомнился уже въ слѣдующей улицѣ. Оглядѣвшись, онъ замѣтилъ, что стоитъ подлѣ распивочной, въ которую входъ былъ съ тротуара по лѣстницѣ внизъ, въ подвальный этажъ. Изъ дверей, какъ разъ въ эту минуту, выходили двое пьяныхъ, и другъ друга поддерживая и ругая, взбирались на улицу. Долго не думая, Раскольниковъ тотчасъ же спутился внизъ. Никогда до сихъ поръ не входилъ онъ въ распивочныя, но теперь голова его кружилась, и къ тому же палая жажда томила его. Ему захотѣлось выпить холоднаго пива, тѣмъ болѣе что внезапную слабость свою онъ относилъ и къ тому что былъ голоденъ. Онъ усѣлся въ темномъ и грязномъ углу, за липкимъ столикомъ, спросилъ пива и съ жадностію выпилъ первый стаканъ. Тотчасъ же все отлегло, и мысли

уже весело, какъ будто внезапно освободясь отъ какого-то ужаснаго бремени, и дружелюбно окинулъ глазами присутствующихъ. Но даже и въ эту минуту онъ отдаленно предчувствовалъ, что вся эта воспримчивость къ лучшему была тоже болѣзненная.

Въ распивочной на ту пору оставалось мало народу. Кромѣ тѣхъ двухъ пьяныхъ что попались на дѣвственницѣ, вслѣдъ за ними же вышла еще разомъ цѣлая ватага, человекъ въ пять, съ одною дѣвкою и съ гармоніей. Послѣ нихъ стало тихо и просторно. Остались: одинъ хмѣльной, но немного, сидѣвшій за пивомъ, съ виду мѣщанинъ; товарищъ его, толстый, огромный, въ сибирскѣ и съ сѣдою бородой, очень захмѣлѣвшій, задремавшій на лавкѣ, и изрѣдка, вдругъ, какъ бы съ просонья, начинавшій прищелкивать пальцами, разставивъ руки врозь, и подпрыгивать верхнею частію корпуса не вставая съ лавки, причемъ подѣлывалъ какую-то ерунду, сляясь припомнить стихи, въ родѣ:

Цѣлый годъ жегу ласкалъ,
Цѣл-ый годъ же-ну лас-калъ....

Или вдругъ, проснувшись опять:

По Подъяческой пошелъ
Свою прежнюю нашелъ....

Но никто не раздѣлялъ его счастья; молчаливый товарищъ его смотрѣлъ на всѣ эти взрывы даже враждебно и съ недоумчивостію. Былъ тутъ и еще одинъ человекъ, съ виду похожій какъ бы на отставнаго чиновника. Онъ сидѣлъ особо, передъ своею посудинкой, изрѣдка отпивая и поглядывая кругомъ. Онъ былъ тоже какъ будто въ нѣкоторомъ волненіи.

II.

Раскольниковъ не привыкъ къ толпѣ, и какъ уже сказано, въ такомъ обществѣ особенно въ послѣднее время. Но

другомъ мірѣ, хоть бы въ какомъ бы то ни было, и несмотря на всю грязь обстановки, онъ съ удовольствіемъ оставался теперь въ распивочной.

Хозяинъ заведенія былъ въ другой комнатѣ, но часто входилъ въ главную, спускаясь въ нее откуда-то по ступенькамъ, причемъ прежде всего выказывались его щегольскія смазные сапоги съ большими красными отворотами. Онъ былъ въ поддевкѣ и въ страшно засаженномъ черномъ атласномъ жилетѣ, безъ галстука, а все лицо его было какъ будто смазано масломъ, точно желѣзный замокъ. За застойкой находился мальчишка лѣтъ четырнадцать, и былъ другой мальчишка моложе, который подавалъ если что спрашивали. Стояли крошеные огурцы, черные сухари и рѣзаная кусочками рыба; все это очень дурно пахло. Было душно, такъ что было даже нестерпимо сидѣть, и все до того было пропитано виннымъ запахомъ, что кажется отъ одного этого воздуха можно было въ пять минутъ сдѣлаться пьянымъ.

Бываютъ цѣлыя встрѣчи, совершенно даже съ незнакомыми намъ людьми, которыми мы начинаемъ интересоваться съ перваго взгляда, какъ-то вдругъ, внезапно, прежде чѣмъ скажемъ слово. Такое точно впечатлѣніе произвелъ на Раскольникова тотъ гость, который сидѣлъ поодаль и ходилъ на отставнаго чиновника. Молодой человекъ нѣсколько разъ припоминалъ потомъ это первое впечатлѣніе и даже приписывалъ его предчувствію. Онъ непрерывно взглядывалъ на чиновника, конечно и потому еще, что и самъ тотъ упорно смотрѣлъ на него, и видно было что тому очень хотѣлось начать разговоръ. На остальныхъ же, бывшихъ въ распивочной, не исключая и хозяина, чиновникъ смотрѣлъ какъ-то привычно и даже со скукой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ оттѣнкомъ нѣкотораго высокомернаго пренебреженія, какъ бы на людей низшаго положенія и развитія, съ которыми нечего ему говорить. Это былъ человекъ лѣтъ уже за пятьдесятъ, средняго роста и плотнаго сложенія, съ просѣдою и съ большою

совершенно оборванный черный фракъ, съ осыпавшимися пуговицами. Одна только еще держалась кое-какъ, и на нее-то онъ и застегивался, видимо желая не удалиться приличій. Изъ-подъ наикового жилета торчала маашка, вся скомканная, запачканная и залитая. Лицо было выбрито, по чиновничьи, но давно уже, такъ что уже густо начала выступать окая щетина. Да и въ хваткахъ его дѣйствительно было что-то солидно-чиновничье. Но онъ былъ въ безпокойствѣ, ерошилъ волосы и подпиралъ иногда, въ тоскѣ, обѣими руками голову, положа продранные локти на зашитый и лункій столъ. Наконецъ онъ прямо посмотрѣлъ на Раскольниковъ и громко и твердо проговорилъ:

— А осмѣлюсь ли, милостивый государь мой, обратиться къ вамъ съ разговоромъ приличнымъ? Ибо хотя вы и не въ значительномъ видѣ, но опытность моя отличаетъ въ васъ человѣка образованнаго и къ напитку непривычнаго. Самъ всегда уважалъ образованность, соединенную съ сердечными чувствами, и кромѣ того состою титулярнымъ совѣтникомъ. Мармеладовъ—такая фамилія; титулярный совѣтникъ. Осмѣлюсь узнать служить изволили?

— Нѣтъ, учусь.... отвѣчалъ молодой человѣкъ, отчасти удивленный и особеннымъ витиеватымъ тономъ рѣчи, и тѣмъ, что такъ прямо, въ упоръ, обратились къ нему. Несмотря на недавнее мгновенное желаніе хотя какого бы ни было сообщенія съ людьми, онъ при первомъ, дѣйствительно обращенномъ къ нему словѣ, вдругъ ощутилъ свое обычное неаріатное и раздражительное чувство отвращенія ко всякому чуждому лицу, касавшемуся или хотѣвшему только прикоснуться къ его личности.

— Студентъ стало-быть, или бывшій студентъ! вскричалъ чиновникъ, — такъ я и думалъ! Опытъ, милостивый государь, неоднократный опытъ! и въ знакъ похвалы онъ приложилъ палецъ ко абу. — Были студентомъ или происходили ученую часть! А позвольте.... Онъ привсталъ, покачнулся, захватилъ свою посудинку, стаканчикъ, и подсѣлъ къ молодому человѣку, вѣскольکو отъ него наискось. Онъ былъ хмельнъ, но говорилъ рѣчисто и бойко, изрѣдка только мѣстами сбиваясь немного и затягивая рѣчь. Съ какою-то даже жадностію напивулся онъ на Раскольниковъ, точно цѣлый мѣсяцъ тоже на съ кѣмъ не говорилъ.

— Милостивый государь, началъ онъ почти съ торжествен-

ностию, — бѣдность не порокъ, это истина. Знаю я, что и пьянство не добродѣтель, и это тѣмъ паче. Но нищета, милостивый государь, нищета — порокъ-съ. Въ бѣдности вы еще сохраняете свое благородство врожденныхъ чувствъ, въ нищету же никогда и никто. За нищету даже и не палкой выгоняютъ, а метлой выметають изъ компаніи человѣческой, чтобы тѣмъ оскорбительнѣе было; и справедливо, ибо въ нищету я первый самъ готовъ оскорблять себя. И отсюда питейное! Милостивый государь, мѣсяць назадъ тому супругу моему избилъ г. Лебезятниковъ, а супруга моя не то что я! Понимаете-съ? Позвольте еще васъ спросить, такъ, хотя бы въ видѣ простаго любопытства: изволили вы ночевать на Невѣ, на сѣнныхъ баркахъ?

— Нѣтъ, не случилось, отвѣчалъ Раскольниковъ. — Это что такое?

— Ну-съ, а я оттуда, и уже пятую ночь-съ....

Онъ налилъ стаканчикъ, выпилъ и задумался. Дѣйствительно, на его платьѣ и даже въ волосахъ кое-гдѣ видѣлись прилипшія былинки сѣна. Очень вѣроятно было, что онъ пять дней не раздѣвался и не умывался. Особенно руки были грязны, жирныя, красныя, съ черными ногтями.

Его разговоръ, казалось, возбудилъ общее, хотя и лѣнивое вниманіе. Мальчишки за стойкой стали хихикать. Хозяинъ, кажется, нарочно сошелъ изъ верхней комнаты, чтобы послушать „забавника“, и сѣлъ поодаль, лѣниво, но важно позѣвывая. Очевидно, Мармеладовъ былъ здѣсь давно извѣстенъ. Да и склонность къ витіеватой рѣчи приобрѣлъ вѣроятно вслѣдствіе привычки къ частымъ кабачнымъ разговорамъ съ различными незнакомцами. Эта привычка обращается у иныхъ пьющихъ въ потребность, и преимущественно у тѣхъ изъ нихъ, съ которыми дома обходятся строго и которыми помыкають. Оттого-то въ пьющей компаніи они и стараются всегда какъ будто выхлопотать себѣ оправданіе, а если можно, то даже и уваженіе.

— Забавникъ! громко проговорилъ хозяинъ. — А для-ча не работаешь, для-ча не служите, коли чиновникъ?

— Для чего я не служу, милостивый государь? подхватилъ Мармеладовъ, исключительно обращаясь къ Раскольникову, какъ будто это онъ ему задалъ вопросъ, — для чего не служу? А развѣ сердце у меня не болитъ о томъ, что я пресмыкаюсь втунѣ? Когда г. Лебезятниковъ, тому мѣсяць назадъ,

супругу моему собственноручно избилъ, а я лежалъ пьяненькой, развѣ я не страдалъ? Позвольте, молодой человѣкъ, случилось вамъ.... гм.... ну хоть испрашивать денегъ въ займы безнадежно?

— Случалось.... то-есть какъ безнадежно?

— То-есть безнадежно вполне-съ, заранѣе зная, что изъ него ничего не выйдетъ. Вотъ вы знаете, напримѣръ, заранѣе и досконально, что сей человѣкъ, сей благонамѣреннѣйшій и полезнѣйшій гражданинъ, ни за что вамъ денегъ не дастъ, ибо зачѣмъ, спрошу я, онъ дастъ? Вѣдь онъ знаетъ же, что я не отдамъ. Изъ состраданія? Но г. Лебезятниковъ, слѣдующій за новыми мыслями, объяснялъ напередъ, что состраданіе въ наше время даже наукой воспрещено, и что такъ уже дѣлается въ Англіи, гдѣ политическая экономія. Зачѣмъ же, спрошу я, онъ дастъ? И вотъ зная впередъ, что не дастъ, вы все-таки отправляетесь въ путь и....

— Для чего же ходить? прибавилъ Раскольниковъ.

— А коли не къ кому, коли идти больше некуда! Вѣдь надобно же, чтобы всякому человѣку хоть куда-нибудь можно было пойти. Ибо бываетъ такое время, когда непременно надо хоть куда-нибудь да пойти! Когда однородная дочь моя въ первый разъ по желтому билету пошла, и я тоже тогда пошелъ... (ибо дочь моя по желтому билету живетъ-съ....) прибавилъ онъ въ скобкахъ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ смотря на молодого человѣка.—Ничего, милостивый государь, ничего! поспѣшилъ онъ тотчасъ же, и повидимому спокойно, заявить, когда фыркнули оба мальчишки за стойкой и улыбулся самъ хозяинъ.—Ничего-съ! Симъ покиваніемъ главъ не смущаюсь, ибо уже всѣмъ все извѣстно, и все тайное становится явнымъ; и не съ презрѣніемъ, а со смиреніемъ къ сему отношусь. Пусть! пусть! „Се человѣкъ!“ Позвольте, молодой человѣкъ: можете ли вы.... Но нѣтъ, изъяснить сильнѣе и изобразительнѣе: не можете ли вы, а осмѣлитесь ли вы, взирая въ сей часъ на меня, сказать утвердительно, что я не свинья?

Молодой человѣкъ не отвѣчалъ ни слова.

— Ну-съ, продолжалъ ораторъ, солидно и даже съ усиленнымъ на этотъ разъ достоинствомъ переждавъ опять послѣдовавшее въ комнатѣ хихиканіе. — Ну-съ, я пусть свинья, а она дама! Я звѣринный образъ имѣю, а Катерина Ивановна, супруга моя — особа образованная и урожденная штабъ-офицерская дочь. Пусть, пусть я подлець, она же и сердца вы-

сокаго, и чувствъ облагороженныхъ воспитаніемъ исполненна. А между тѣмъ.... о, еслибъ она пожалѣла меня! Милостивый государь, милостивый государь, вѣдь надобно же чтобъ у всякаго человѣка было хоть одно такое мѣсто, гдѣ бы и его пожалѣли! А Катерина Ивановна дама хотя и великодушная, но несправедливая.... И хотя я и самъ понимаю, что когда она и вихры мои дереть, то дереть ихъ не иначе какъ отъ жалости сердца (ибо, повторяю безъ смущенія, она дереть мнѣ вихры, молодой человѣкъ, подтвердилъ онъ съ грубымъ достоинствомъ, услышавъ опять хихиканье), но Боже, что еслибъ она хотя одинъ разъ.... Но нѣтъ! нѣтъ! все сіе втунѣ, и нечего говорить! нечего говорить!... ибо и не одинъ уже разъ бывало желаемое, и не одинъ уже разъ жалѣла меня, но.... но такова уже черта моя, а я прирожденный скотъ!

— Еще бы! замѣтилъ зѣвая хозяинъ.

Мармеладовъ рѣшительно стукнулъ кулакомъ по столу.

— Такова ужъ черта моя! Знаете ли, знаете ли вы, государь мой, что я даже чулки ея пропилъ? Не башмаки-съ, ибо это хотя сколько-нибудь походило бы на порядокъ вещей, а чулки, чулки ея пропилъ-съ! Косыночку ея изъ зимняго пуха тоже пропилъ, дареную, прежнюю, ея собственную, не мою; а живемъ мы въ холодномъ углѣ, и она въ эту зиму простудилась и кашлять пошла, уже кровью. Дѣтей же маленькихъ у насъ трое, и Катерина Ивановна въ работѣ съ утра до ночи, скребетъ и моетъ и дѣтей обмываетъ, ибо къ чистотѣ съ измалѣтства привыкла, а съ грудью слабою и къ чахоткѣ склонною, и я это чувствую. Развѣ я не чувствую? И чѣмъ болѣе пью, тѣмъ болѣе и чувствую. Для того и пью, что въ пути семъ состраданія и чувства ищу. Не веселья, а единой скорби ищу.... Пью, ибо сугубо страдать хочу!—И онъ, какъ бы въ отчаяніи, склонилъ на столъ голову.

— Молодой человѣкъ, продолжалъ онъ восклоняясь опять,— въ лицѣ вашемъ я читаю какъ бы нѣкую скорбь. Какъ вошли, я прочелъ ее, а потому тотчасъ же и обратился къ вамъ. Ибо, сообщая вамъ исторію жизни моей, не на позорище себя выставлять хочу передъ сими празднолюбцами, которымъ и безъ того все извѣстно, а чувствительнаго и образованнаго человѣка ищу. Знайте же, что супруга моя въ благородномъ губернскомъ дворянскомъ институтѣ воспитывалась и при выпускѣ съ шалью тащовала при губернаторѣ

и при прочихъ лицахъ, за что золотую медаль и похвальный листъ получила. Медаль.... ну медаль-то продали.... ужъ давно.... гл. похвальный листъ, на пергаментѣ, до сихъ поръ у ней въ сундукѣ лежитъ, и еще недавно его хозяйкѣ показывала. И эта съ хозяйкой у ней наибезпрерывнѣйшіе раздоры, но хоть передъ кѣмъ-нибудь погордиться захотѣлось и сообщить о составныхъ минувшихъ дняхъ. И я не осуждаю, не осуждаю, ибо сіе посадившее у ней и осталось въ воспоминаніяхъ ея, а прочее все пошло прахомъ! Да, да; дама горячая, гордая и иерекционная. Поль сама моетъ и на черномъ хлѣбѣ сидитъ, а неуваженія къ себѣ не допустить. Оттого и г. Лебезятникову грубость его не захотѣла спустить, и когда приблизъ ее за то господинъ Лебезятниковъ, то не столько отъ побоевъ, сколько отъ чувства въ постель слегла. Вдовой уже взялъ ее, съ троими дѣтьми, малъ-мала меньше. Вышла замужъ за перваго мужа, за офицера пѣхотнаго, по любви, и съ нимъ была изъ дому родительскаго. Мужа любила чрезмерно, но въ карточки пустилася, подъ судъ попалъ, съ тѣмъ и померъ. Бывалъ онъ ее подъ конецъ; а она хоть и не спускала ему, о чемъ мнѣ доподлинно и по документамъ извѣстно, но до сихъ поръ вспоминаетъ его со слезами и меня имъ коритъ, и я радъ, я радъ, ибо хотя въ воображеніяхъ своихъ зрить себя когда-то счастливой.... И осталась она послѣ него съ тремя малолѣтними дѣтьми въ уѣздѣ далекомъ и звѣрскомъ, гдѣ и я тогда находился, и осталась въ такой нищетѣ безнадѣжной, что я хотя и много видалъ приключеній различныхъ, но даже и описать не въ состояніи. Родные же всѣ отказались. Да и горда была, черезчуръ горда... И тогда-то, милостивый государь, тогда я, тоже вдовецъ и отъ первой жены четырнадцатилѣтнюю дочь имѣя, руку свою предлагаю, ибо не могъ смотрѣть на такое страданіе. Можете судить потому, до какой степени ея бѣдствія доходили, что она, образованная и воспитанная, и фамиліи извѣстной, за меня согласилась пойти! Но пошла! Плача и рыдая, и руку свою — пошла! Ибо некуда было идти. Понимаете ли, пони-

и тогда прикооснулся!... Полтора года уже будетъ назадъ какъ очутились мы, наконецъ, послѣ страствій и многочисленныхъ бѣдствій, въ сей великолѣпной и украшенной многочисленными памятниками столицѣ. И здѣсь я мѣсто досталъ.... Досталъ, и опять потерялъ. Понимаете-съ? Тутъ уже по собственной винѣ потерялъ, ибо черта моя наступила.... Проживаемъ же теперь въ углу, у хозяйки Амаліи Федоровны Липпневхзель, а чѣмъ живемъ и чѣмъ платимъ, не вѣдаю. Живутъ же тамъ многіе и кромѣ насъ.... Содомъ-съ, безобразнѣйшій.... гм.... да.... А тѣмъ временемъ возросла и дочка моя, отъ перваго брака, и что только вытерпѣла она, дочка моя, отъ маичихи своей, возрастая, о томъ я умалчиваю. Ибо хотя Катерина Ивановна и преисполнена великодушныхъ чувствъ, но дама горячая и раздраженная, и оборветъ.... Да-съ! Ну, да нечего вспоминать о томъ! Воспитанія, какъ и представить можете, Соня не получила. Пробовалъ я съ ней, года четыре тому, географію и всемірную исторію проходить; но какъ я самъ въ познаніи семъ былъ не крѣпокъ, да и различныхъ къ тому руководствъ не имѣлось, ибо какія имѣвшіяся книжки.... гм!... ну, ихъ уже теперь и нѣтъ этихъ книжекъ, то тѣмъ и кончилось все обученіе. На Куръ Персидскомъ остановились. Потомъ, уже достигнувъ зрѣлаго возраста, прочла она нѣсколько книгъ содержанія романческаго, да недавно еще, черезъ посредство господина Лебезятникова, одну книжку *Физиологію* Льюиса—изволите знать-съ?—съ большимъ интересомъ прочла, и даже намъ отрывочно вслухъ сообщала: вотъ и все ея просвѣщеніе. Теперь же обращаюсь къ вамъ, милостивый государь мой, самъ отъ себя съ вопросомъ приватнымъ: много ли можетъ, по вашему, бѣдная, но честная дѣвица, честнымъ трудомъ заработать?... Пятнадцать копѣекъ въ день, сударь, не заработаетъ, если честна и не имѣетъ особыхъ талантовъ, да и то рукъ не покладая работавши! Да и то статскій совѣтникъ Клопштокъ, Иванъ Ивановичъ, — извоили слышать?—не только денегъ за шитье поддюжины голландскихъ рубахъ до сихъ поръ не отдавалъ, но даже съ обидой погналъ ее, затопавъ ногами и обозвавъ неприлично, подъ видомъ будто бы рубашечный воротъ сшить не по мѣркѣ и косякомъ. А тутъ ребятшки голодные.... А тутъ Катерина Ивановна руки ломая по комнатамъ ходитъ, да красныя пятна у ней на щекахъ выступаютъ,—что въ болѣзни этой и всегда бываетъ: „Живешь, доскать,

ты, дармоѣдка, у насъ, ѣшь и пьешь, и тепломъ пользуешься, а что тутъ пьешь и ѣшь, когда и ребятишки-то по три копейки не видятъ! Лежалъ я тогда.... ну, да ужь что! лежалъ пьяненькой-съ, и слышу, говоритъ моя Соня (безответная она, и голосокъ у ней такой кроткій.... бѣлокуренькая, и личико всегда блѣдненькое, худенькое), говоритъ: „Что жь, Катерина Ивановна, неужели же мнѣ на такое дѣло пойдти?“ А ужь Дарья Францовна, женщина злонамѣренная и полиціи многократно извѣстная, раза три черезъ хозяйку навѣдывалась. „А что жь, отвѣчаетъ Катерина Ивановна, въ пересѣлку, — чего беречь? Эко сокровище!“ Но не вините, не вините, милостивый государь, не вините! Не въ здоровомъ разсудкѣ сіе сказано было, а при взволнованныхъ чувствахъ, въ болѣзни и при плачѣ дѣтей не ѣвшихъ, да и сказано болѣе ради оскорбленія чѣмъ въ точномъ смыслѣ.... Ибо Катерина Ивановна такого ужь характера, и какъ расплачутся дѣти, хотъ бы и съ голоду, тотчасъ же ихъ бить начинается. И вижу я, эдакъ часу въ шестомъ, Сонечка встала, надѣла платочекъ, надѣла бурнусикъ и съ квартиры отправилась, а въ девятомъ часу и назадъ обратно пришла. Пришла, и прямо къ Катеринѣ Ивановнѣ, и на столъ передъ ней тридцать цѣковыхъ молча выложила. Ни словечка при этомъ не выговорила, хотъ бы взглянула, а взяла только нашъ большой драдедамовый зеленый платокъ (общій такой у насъ платокъ есть, драдедамовый), накрыла имъ совсѣмъ голову и лицо и легла на кровать, лицомъ къ стѣнкѣ, только плечики, да тѣло все вздрагивають.... А я, какъ и давеча, въ томъ же видѣ лежалъ-съ.... И видѣлъ я тогда, молодой человекъ, видѣлъ я какъ затѣмъ Катерина Ивановна, также ни слова не говоря, подошла къ Сонечкиной постелькѣ и весь вечеръ въ ногахъ у ней на колѣнкахъ простояла, ноги ей цѣловала, встать не хотѣла, а потомъ такъ обѣ и заснула вмѣстѣ, обнявшись.... обѣ.... обѣ.... да-съ.... а я.... лежалъ пьяненькой-съ.

Мармеладовъ замолчалъ, какъ будто голосъ у него пресѣкся. Потомъ вдругъ поспѣшнѣо налилъ, выпилъ и кракнулъ.

— Съ тѣхъ поръ послѣдней мой прощанскій съездъ въ

на была получить, и уже вмѣстѣ съ нами по случаю сему не могла оставаться. Ибо и хозяйка, Амалія Федоровна, того допустить не хотѣла (а сама же прежде Дары Францовскіе способствовала), да и господинъ Лебезятниковъ.... гм.... Вотъ за Сою-то и вышла у него эта исторія съ Катериною Ивановной. Сначала самъ добивался отъ Сонечки, а тутъ и въ амбицію вдругъ вошла: „Какъ, дескать, я, такой просвѣщенный человѣкъ, въ одной квартирѣ съ таковскою буду жить?“ А Катерина Ивановна не спустила, вступилась.... ну и произошло.... И заходить къ намъ Сонечка теперь болѣе въ сумерки и Катерину Ивановну облегчаетъ, и средства посылыныя доставляетъ.... Живетъ же на квартирѣ у портнаго Капернаумова, квартиру у нихъ снимаетъ, а Капернаумовъ хромъ и косноязыченъ, и все многочисленнѣйшее семейство его тоже косноязычное. И жена его тоже косноязычная.... Въ одной комнатѣ помѣщаются, а Соня свою имѣетъ особую, съ перегородкой.... Гм, да.... Люди бѣднѣйшіе и косноязычныя.... да.... Только всталъ я тогда поутру-сь, одѣлъ лохмотья мои, воздѣлъ руки къ небу и отправился къ его превосходительству Ивану Аванасьевичу. Его превосходительство Ивана Аванасьевича изводите знать?... Нѣтъ? Ну такъ Божія человѣка не знаетъ! Это — воскъ.... воскъ передъ лицомъ Господнимъ; яко таетъ воскъ!... Даже прослезился изволивъ все выслушать. „Ну, говорить, Мармеладовъ, разъ уже ты обманулъ мои ожиданія.... Беру тебя еще разъ на личную свою отвѣтственность,“ — такъ и сказали, — „помни, дескать, ступай!“ Облобызавъ я прахъ ногъ его, мысленно, ибо всаправду не дозволили бы, бывши сановникомъ и человѣкомъ новыхъ государственныхъ и образованныхъ мыслей; воротился домой, и какъ объявилъ, что на службу опять зачисленъ и жалованіе получаю, Господи, что тогда было!..

Мармеладовъ опять остановился въ сильномъ волненіи. Въ это время вошла съ улицы цѣлая партія пьяницъ уже и безъ того пьяныхъ, и раздались у входа звуки напятой шарманки и дѣтскій, надтреснутый семилѣтній голосокъ, пѣвшій *Хуторокъ*. Стало шумно. Хозяинъ и прислуга занялись вошедшими. Мармеладовъ, не обращая вниманія на вошедшихъ, сталъ продолжать разказъ. Онъ, казалось, уже сильно ослабъ, но чѣмъ болѣе хмелѣлъ, тѣмъ становилася словоохотнѣе. Воспоминанія о недавнемъ успѣхѣ по службѣ какъ бы оживили

его и даже отразились на лицѣ его какимъ-то сіяніемъ. Раскольниковъ слушалъ внимательно.

— Было же это, государь мой, назадъ пять недѣль. Да... Только-что узнали онѣ объ Катерина Ивановна и Сонечка, Господи, точно я въ царствіе Божіе переселился. Бывало, леги какъ скотъ, только брань! А нынѣ: на цыпочкахъ ходить, дѣтей увимають: „Семей Захарычъ на службѣ усталъ, отдыхаетъ, тш!“ Кофеемъ меня передъ службой поятъ, сливки кипятятъ! Сливки настоящихъ доставать начали, слышите! И откуда они сколотились мнѣ на обмундировку приличную, одиннадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, не понимаю? Сапоги, манитки каленкоровыя—великолѣпнѣйшія, вицъ-кудиръ, все за одиннадцать съ полтиной состряпали въ превосходнѣйшемъ видѣ-сь. Пришелъ я въ первый день поутру со службы, смотрю: Катерина Ивановна два блюда готовила, супъ и солонину подъ хрѣномъ, о чемъ и понятія до сихъ поръ не имѣлось. Платьевъ-то нѣтъ у ней никакихъ.... то-есть никакихъ-сь, а тутъ точно въ гости собралась, приодѣлась, и не то чтобы что-нибудь, а такъ, изъ ничего все сдѣлать сумѣють: причешутся, воротничекъ тамъ какой-нибудь чистенькій, нарукавнички, ахъ совсѣмъ другая особа выходить, и помолодѣла, и похорошѣла. Сонечка, голубка моя, только деньгами способствовала, а самой, говорить, мнѣ теперь, до времени, у васъ часто бывать неприлично, такъ развѣ въ сумерки, чтобы никто не видалъ. Слышите, слышите? Пришелъ я послѣ обѣда заснуть, такъ что жъ бы вы думали, вѣдь не вытерпѣла Катерина Ивановна: за недѣлю еще съ хозяйкой, съ Амаліей Федоровной, послѣднимъ образомъ перессорилась, а тутъ на чашку кофею позвала. Два часа просидѣли и все шептались: „Дескать, какъ теперь Семенъ Захарычъ на службѣ и жалованіе получаетъ, и къ его превосходительству самъ являлся, и его превосходительство самъ вышелъ, всѣмъ ждаты велѣлъ, а Семена Захарыча мимо всѣхъ за руку въ кабинетъ провелъ.“ Слышите, слышите? „Я, конечно, говорить, Семенъ Захарычъ, помню ваши заслуги, и хотя вы и придерживались этой легкомысленной слабости, но какъ ужъ вы теперь общаетесь, и что сверхъ того безъ васъ у насъ худо пошло (слышите, слышите!), то и надѣюсь, говорить, теперь на ваше благородное слово,“ то-есть все это я вамъ скажу вѣдала да и выдумала, и не то чтобы изъ легкомыслія, для одной похвалы-сь! Нѣтъ-сь, сама всему вѣрять, собственны-

ми воображеніями сама себя тѣшитъ, ей-Богу-съ! И я не осуждаю; нѣтъ, этого я не осуждаю!... Когда же, шесть дней назадъ, я первое жалованье мое—двадцать три рубля сорокъ копѣекъ сполна принесъ, малявочкой меня назвала: „Малявочка, говорить, ты эдакая!“ И наединѣ-съ, понимаете-ли? Ну, ужь что, кажется, во мнѣ за краса, и какой я супругъ? Нѣтъ, ущипнула за щеку: „Малявочка ты эдакая!“ говорить.

Мармеладовъ остановился, хотѣлъ-было улыбнуться, но вдругъ подбородокъ его запрыгалъ. Онъ, впрочемъ, удержался. Этотъ кабакъ, развращенный видъ, пять ночей на сѣньныхъ баркахъ и штофъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ эта болѣзненная любовь къ женѣ и семьѣ сбивали его слушателя съ толку. Раскольниковъ слушалъ напряженно, но съ ощущеніемъ болѣзненнымъ. Онъ досадовалъ, что зашелъ сюда.

— Милостивый государь, милостивый государь! воскликнулъ Мармеладовъ, оправившись, — о, государь мой, вамъ можетъ-быть все это въ смѣхъ, какъ и прочимъ, и только безпокою я васъ глупостію всѣхъ этихъ мизерныхъ подробностей домашней жизни моей, ну, а мнѣ не въ смѣхъ! Ибо я все это могу чувствовать.... И въ продолженіе всего того райскаго дня моей жизни и всего того вечера, я и самъ въ мечтаніяхъ летучихъ препровождать: и то-есть, какъ я это все устрою, и ребятишекъ одѣну, и ей покой дамъ, и дочь мою единородную отъ безчестья въ лоно семьи возвращу.... И многое, многое.... Позволительно, сударь. Ну-съ, государь ты мой (Мармеладовъ вдругъ какъ будто вздрогнулъ, поднялъ голову и въ упоръ посмотрѣлъ на своего слушателя), ну-съ, а на другой же день, послѣ всѣхъ сихъ мечтаній (то-есть это будетъ ровно пять сутокъ назадъ тому) къ вечеру, я хитрымъ обманомъ, какъ тать въ ночи, похитилъ у Катерины Ивановны отъ сундука ея ключъ, вынулъ что осталось изъ принесеннаго жадованья, сколько всего ужь не помню,

— А сегодня у Сова былъ, на похмелье ходилъ просить! Хе, хе, хе!

— Неужели дама? крикнулъ кто-то со стороны изъ вошедшихъ, крикнулъ и захохоталъ во всю глотку.

— Вотъ этотъ самый полуштофъ-съ на ея деньги и кушакъ, произвезъ Мармеладовъ исключительно обращаясь къ Раскольникову. — Тридцать копѣекъ вынесла, своими руками, послѣднія, все что было, самъ видѣлъ.... Ничего не скажи, только молча на меня посмотрѣла.... Такъ не наземалъ, а тамъ.... о людяхъ тоскуютъ, плачутъ, а не укоряютъ, не укоряютъ! а это большій-съ, большій-съ, когда не укоряютъ!... Тридцать копѣекъ, да-съ. А вѣдь и ей теперь оны нужны, а? Какъ вы думаете, сударь мой дорогой? Вѣдь она теперь чистоту наблюдать должна. Денегъ стоитъ сія чистота, особая-то, понимаете? Понимаете? Ну, тамъ помадки тоже купить, вѣдь нельзя же-съ; юбки крахмальныя, ботиночку эдакую, пофигарярише, чтобы ножку выставить, когда лужу придется переходить. Понимаете ли, понимаете ли, сударь, что значить сія чистота? Ну-съ, а я вотъ, кровный-то отецъ, тридцать-то эти копѣекъ и стащилъ себя на похмелье! И пью-съ! И ужь пропилъ-съ!... Ну, кто же такого, какъ я, пожалѣетъ? ась? Жаль вамъ теперь меня, сударь, аль нѣтъ? Говорите, сударь, жаль, али нѣтъ? Хе, хе, хе, хе!

Онъ хотѣлъ-было плакать, но уже нечего было. Полуштофъ былъ пустой.

— Да чего тебя жалѣть-то? крикнулъ хозяинъ, очутившійся опять подлѣ нихъ.

Раздался смѣхъ и даже ругательства. Смѣялись и ругались слушавшіе и не слушавшіе, такъ, глядя только на одну фигуру отставнаго чиновника.

— Жалѣть! зачѣмъ меня жалѣть! вдругъ возопилъ Мармеладовъ, вставая съ протянутою впередъ рукой, въ рѣшительномъ вдохновеніи, какъ будто только и ждалъ этихъ словъ. — Залѣть жалѣть, говоришь ты? Да! меня жалѣть не за что! Мама распять надо, распять на крестѣ, и не жалѣть! Но

мать, Овъ Единый, Овъ и Судія. Придетъ въ тотъ день и спроситъ: „А гдѣ дщерь чтѣ мачихѣ злой и чахоточной, чтѣ дѣтямъ чужимъ малолѣтнимъ себя предала? Гдѣ дщерь чтѣ отца своего земнаго, пьяницу непотребнаго, не ужасаясь звѣрства его, пожалѣла? И скажетъ: „Прииди! Я уже простилъ тебя разъ.... Простилъ тебя разъ.... Прощаются же и теперь грѣхи твои мнози, за то что возлюбила много....“ И проститъ мою Сою, проститъ, я ужъ знаю что проститъ.... Я это давеча, какъ у ней былъ, въ моемъ сердцѣ почувствовалъ!... И всѣхъ разсудитъ и проститъ, и добрыхъ и злыхъ, и премудрыхъ и смиренныхъ.... И когда уже кончитъ надъ всѣми, тогда возглаголетъ и намъ: „Выходите, скажетъ, и вы! Выходите пьяненькіе, выходите слабенькіе, выходите соромники!“ И мы выйдемъ всѣ, не стыдясь, и станемъ. И скажетъ: „Свиньи вы! образа звѣрнаго и печати его; но приидите и вы!“ И возглаголятъ премудрые, возглаголятъ разумные: „Господи! почто сихъ приемиши?“ И скажетъ: „Потому ихъ приемию, премудрые, потому приемию, разумные, что ни единый изъ нихъ самъ никогда не считалъ себя достойнымъ сего....“ И простретъ къ намъ руки свои, и мы припадемъ... и заплачемъ.... и все поймемъ! Тогда все поймемъ!... и всѣ поймутъ.... и Катерина Ивановна.... и она пойметъ.... Господи, да приидетъ Царствіе Твое!

И онъ опустился на лавку, истощенный и обезсиленный, ни на кого не смотря, какъ бы забывъ окружающее и глубоко задумавшись. Слова его произвели нѣкоторое впечатлѣніе; на минуту воцарилось молчаніе, но вскорѣ раздались прежній смѣхъ и ругательства.

— Разсудилъ!

— Заврался!

— Чиковникъ!

И проч., и проч.

— Пойдемте, сударь, сказалъ вдругъ Мармеладовъ, поднимая голову и обращаясь къ Раскольникову: — доведите меня.... Домъ Козеля, на дворѣ. Пора.... къ Катеринѣ Ивановнѣ....

Раскольникову давно уже хотѣлось уйти; помочь же ему онъ и самъ думалъ. Мармеладовъ оказался гораздо слабѣе ногами чѣмъ въ рѣчахъ, и крѣпко оперся на молодого чело-вѣка. Идти было шаговъ двѣсти-триста. Смущеніе и страхъ

все болѣе и болѣе овладевали пьяницей по мѣрѣ приближенія къ дому.

— Я не Катерины Ивановны теперь боюсь, бормоталъ онъ въ волненіи, — и не того что она мнѣ волосы драть начнетъ. Что волосы!... вздеръ волосы! Это я говорю! Оно даже и лучше коли драть начнетъ, а я не того боюсь.... я.... глазъ ея боюсь.... да.... глазъ... Красныхъ пятенъ на щекахъ тоже боюсь... и еще — ея дыханія боюсь.... Видаль ты, какъ въ этой болѣзни дышутъ.... при взволнованныхъ чувствахъ? Дѣтскаго плача тоже боюсь.... Потому, какъ если Соня не накормила, то.... ужъ не знаю что! не знаю! А побоевъ не боюсь.... Знай, сударь, что мнѣ таковыя побои не токмо не въ боль, но и въ наслажденіе бываютъ.... Ибо безъ сего я и самъ не могу ободтись. Ово лучше. Пусть побьетъ, душу отведетъ.... ово лучше.... А вотъ и домъ. Козеля домъ. Слесаря, Нѣмца, богатаго.... веди!

Она вошла со двора и прошла въ четвертый этажъ. Лѣстница тѣмъ дальше, тѣмъ становилась темнѣе. Было уже почти одиннадцать часовъ, и хотя въ эту пору въ Петербургѣ вѣтъ настоящей ночи, но на верху лѣстницы было очень темно.

Маленькая закопѣлая дверь въ концѣ лѣстницы, на самомъ верху, была отворена. Огарокъ освѣщалъ бѣднѣйшую комнату шаговъ въ десять длиной; всю ее было видно изъ свѣта. Все было разбросано и въ беспорядкѣ, въ особенности разное дѣтское тряпье. Черезъ задній уголъ была протавута дырявая простыня. За нею вѣроятно помѣщалась кровать. Въ самой же комнатѣ было всего только два стула и клеенчатый очень ободраный диванъ, передъ которымъ стоялъ старый кухонный сосновый столъ, не крашеный и ничѣмъ не покрытый. На краю стола стоялъ догоравшій салыный огарокъ въ желѣзномъ подовѣчникѣ. Выходило, что Мармеладовъ помѣщался въ особой комнатѣ, а не въ углу, но комната его была проходная. Дверь въ дальнѣйшія помѣщенія или кѣткы, на которыя разбивалась квартира Амадіи Липпехзелъ, была приотворена. Тамъ было шумно и криливо. Хохотали. Кажется, играли въ карты и пили чай. Вылетали иногда слова самыя нецеремонныя.

Раскольниковъ тотчасъ призналъ Катерину Ивановну. Это была ужасно похудѣвшая женщина, тонкая, довольно высокая и стройная, еще съ прекрасными темнорусыми волоса-

ми и дѣйствительно съ раскраснѣвшимися до пятенъ щеками. Она ходила взадъ и впередъ по своей небольшой комнатѣ, сжавъ руки на груди, съ запекшимися губами и неровно, прерывисто дышала. Глаза ея блестяли какъ въ лихорадкѣ, но взглядъ былъ рѣзокъ и неподвиженъ, и болѣзненное впечатлѣніе производило это чахоточное и взволнованное лицо, при послѣднемъ освѣщеніи догаравшаго огарка, трепетавшемъ на лицѣ ея. Раскольникову она показалась лѣтъ тридцати, и дѣйствительно, была не пара Мармеладову.... Входящихъ она не слыхала и не замѣтила; казалось, она была въ какомъ-то забытьи, не слухала и не видѣла. Въ комнатѣ было душно, но окна она не отворила; съ лѣстницы несло вонью, но дверь на лѣстницу была не затворена; изъ внутреннихъ помѣщеній, сквозь непритворенную дверь, неслись волны табачнаго дыма, она кашляла, но дверь не притворяла. Самая маленькая дѣвочка, лѣтъ шести, спала на полу, какъ-то сидя, скорчившись и уткнувъ голову въ диванъ. Мальчикъ, годомъ постарше ея, весь дрожалъ въ углу и плакалъ. Его вѣроятно только-что прибила. Старшая дѣвочка, лѣтъ девяти, высокенькая и тоненькая какъ спичка, въ одной худенькой и разодранной всюду рубашкѣ и въ накинутаго на голыя плечи ветхомъ драдедамовомъ бурнусикѣ, спитомъ ей вѣроятно два года назадъ, потому что онъ не доходилъ теперь и до колѣнъ, стояла въ углу подлѣ маленькаго брата, обхвативъ его шею своею длинною, высохшею какъ спичка рукой. Она, кажется, унимала его, что-то шептала ему, всячески сдерживала, чтобъ онъ какъ-нибудь опять не захныкалъ, и въ то же время со страхомъ слѣдила за матерью своими большими-большими темными глазами, которые казались еще больше на ея исхудавшемъ и испуганномъ личикѣ. Мармеладовъ, не входя въ комнату, сталъ въ самыхъ дверяхъ на колѣнки, а Раскольникова протолкнулъ впередъ. Желтица, увидѣвъ незнакомаго, разсѣянно остановилась передъ нимъ, на мгновеніе очнувшись и какъ бы соображая: зачѣмъ это онъ вошелъ? Но вѣрно ей тотчасъ же представилось, что онъ идетъ въ другія комнаты, такъ какъ ихняя была проходная. Сообра-

никъ Изверга!... А гдѣ деньги? Что у тебя въ карманѣ, показывай! И платье не то! Гдѣ твое платье? гдѣ деньги? гора!...

И она бросилась его обыскивать. Мармеладовъ тотчасъ же послушно и покорно развелъ руки въ обѣ стороны, чтобы тѣмъ облегчить карманный обыскъ. Денегъ не было ни копейки.

— Гдѣ же деньги? кричала она — О, Господи, неужели жь онъ все пропалъ! Вѣдь двѣнадцать цѣлковыхъ въ сундукѣ оставалось!... и вдругъ, въ бѣшенствѣ, она схватила его за волосы и потащила въ комнату. Мармеладовъ самъ облегчалъ ея усилія, смиренно поая за нею на колѣнкахъ.

— И это мнѣ въ наслажденіе! И это мнѣ не въ боль, а въ наслажденіе, ми-ло-сти-вый го-су-дарь, выкрикивалъ онъ потрясаемый за волосы и даже разъ стукнувшись лбомъ объ полъ. Спавшій на полу ребенокъ проснулся и заплакалъ. Мальчикъ въ углу не выдержалъ, задрожалъ, закричалъ и бросился къ сестрѣ въ страшномъ испугѣ, почти въ припадкѣ. Старшая дѣвочка дрожала со сна какъ листъ.

— Пропалъ! все, все пропалъ! кричала въ отчаяніи бѣдная женщина, — и платье не то! Голодные, голодные! (и ломая руки, она указывала на дѣтей.) О, треклятая жизнь! А вамъ, мнѣ не стыдно, вдругъ набросилась она на Раскольникову, — изъ кабака! Ты съ нимъ пилъ? Ты тоже съ нимъ пилъ! Вонъ!

Молодой человекъ успѣшилъ уйти не говоря ни слова. Къ тому же, внутренняя дверь отворилась настежь, и изъ нея вышло нѣсколько любопытныхъ. Протягивались каганы отворившихся головы съ папиросками, съ трубками, въ ермолкахъ. Виднѣлись фигуры въ халатахъ и совершенно на распушку, въ лѣтнихъ до неприличія костюмахъ, иныя съ картами въ рукахъ. Особенно потѣшило смѣялись они, когда Мармеладовъ, таскаемый за волосы, кричалъ, что это ему въ наслажденіе. Стали даже входить въ комнату; посылаемая, наконецъ, злобщій визгъ: это продиралась впередъ сама Анна Диппехель, чтобы произвести распорядокъ по-свое-

окошко. Потомъ уже на лестницѣ онъ одумался и хотѣлъ было воротиться.

„Ну что это за вздоръ такой я сдѣлалъ, подумалъ онъ, тутъ у нихъ Соня есть, а мнѣ самому надо.“ Но разсудивъ, что взять назадъ уже невозможно, и что все-таки онъ и безъ того бы не взялъ, онъ махнулъ рукой и пошелъ на свою квартиру. „Совѣ помадки вѣдь тоже нужно, продолжалъ онъ, шагая по улицѣ и язвительно усмѣхаясь; денегъ стоить сія чистота.... Гм! А вѣдь Сонечка-то, пожалуй, сегодня и сама обанкрутится, потому тотъ же рискъ, охота по красному звѣрю.... золотопромышленность.... вотъ они всѣ, стало-быть, и на бобахъ завтра безъ моихъ-то денегъ.... Ай-да Соня! Какой колодезь однакожь сумѣли выкопать! и пользуются! Вотъ вѣдь пользуются же! И привыкли. Поплакали, и привыкли. Ко всему-то подлець-человѣкъ привыкаетъ!“

Онъ задумался.

— Ну а коли я совралъ, воскликнулъ онъ вдругъ невольно, — коли дѣйствительно не *подлецъ* человѣкъ, весь вообще, весь родъ, то-есть, человѣческій, то значитъ, что остальное все — предрассудки, одни только страхи напущенные, и нѣтъ никакихъ преградъ, и такъ тому и слѣдуетъ быть!...

III.

Онъ проснулся на другой день уже поздно, послѣ тревожнаго сна, но совѣ не подкрѣпилъ его. Проснулся онъ желчный, раздражительный, злой, и съ ненавистью посмотрѣлъ на свою каморку. Это была крошечная кѣтушка, шаговъ въ шесть длиной, имѣвшая самый жалкій видъ съ своими желтенькими, пыльными и всюду отставшими отъ стѣны обоями, и до того низкая, что чуть-чуть высокому человѣку становилось въ ней жутко, и все казалось, что вотъ-вотъ стукнешься головой о потолокъ. Мебель соответствовала помещенію: было три старыхъ стула, не совсѣмъ исправныхъ, крашеный столъ въ углу, на которомъ лежало нѣсколько тетрадей и книгъ; уже по тому одному какъ онъ были запылены, видно было, что до нихъ давно уже не касалась ни чья рука; и наконецъ неуклюжая большая софа, занимавшая чуть не всю стѣну и половину ширины всей комнаты, когда-то обитая сатенемъ, но теперь въ лохмотьяхъ и служившая

востелью Раскольникову. Часто онъ спалъ на ней такъ какъ былъ, не раздѣваясь, безъ простыни, покрываясь своимъ старымъ, ветхимъ, студенческимъ пальто и съ одною маленькою подушкой въ головѣхъ, подъ которую подкладывалъ все что нибудь бѣлая, чистаго и зашитаго, чтобы было повыше изголовье. Передъ софой стоялъ маленькій столикъ.

Трудно было болѣе опуститься и обвернуться; но Раскольникову это было даже пріятно въ его теперешнемъ состояніи духа. Онъ рѣшительно ушелъ отъ всѣхъ, какъ черепакъ въ свою скорлупу, и даже лицо служанки, обязанной ему присауживать и заглядывавшей иногда въ его комнату, возбуждало въ немъ желчь и конвульси. Такъ бываетъ у нѣкихъ мономановъ, слишкомъ на чемъ-нибудь сосредоточившихся. Квартирная хозяйка его двѣ недѣли какъ уже перестала ему отпускать кушанье, и онъ не подумалъ еще до сихъ поръ сходить объясниться съ нею, хотя и сидѣлъ безъ обѣда. Настасья, кухарка и единственная служанка хозяйкина, отчасти была рада такому настроенію жильца и совѣтъ перестала у него убирать и мести, такъ только, въ недѣлю разъ, печально, бралась иногда за вѣникъ. Она же и разбудила его теперь.

— Вставай, чего спишь! закричала она надъ нимъ, — десятый часъ. Я тебѣ чай привнесла; хоть чайку-то? Поди отощалъ?

Жилецъ открылъ глаза, вздрогнулъ и узналъ Настасью.

— Чай-то отъ хозяйки что ль? спросилъ онъ, медленно и съ безвнѣннымъ видомъ приподнимаясь на софѣ.

— Како отъ хозяйки!

Она поставила передъ нимъ свой собственный надтреснутый чайникъ, съ спитымъ уже чаемъ, и положила два желтыхъ кусочка сахару.

— Вотъ, Настасья, возьми, пожалуста, сказалъ онъ, пошаривъ въ карманѣ (онъ такъ и спалъ одѣтый) и вытащивъ горсточку мѣди, — сходи и купи мнѣ сайку. Да возьми въ колбасной хоть колбасы немного, подешевле.

— Сайку я тебѣ сею минутою привнесу, а не хоть ли вмѣсто колбасы-то щей? Хорошія щи, вчерашнія. Еще вчера тебѣ отставила, да ты пришелъ поздно. Хорошія щи.

Когда щи были принесены, и онъ принялся за нихъ, Настасья усѣлась подлѣ него на софѣ и стала болтать. Она была изъ деревенскихъ бабъ и очень болтливая баба.

— Прасковья-то Павловна въ полицу на тебя хочет жалиться, сказала она.

Онъ крѣпко поморщился.

— Въ полицію? Что ей надо?

— Денегъ не платишь и съ фатеры не сходишь. Извѣстно что надо.

— Э, чорта еще этого не доставало, бормоталъ онъ скрыпя зубами; — вѣтъ, это мнѣ теперь.... не кстати.... Дура она, прибавилъ онъ громко. — Я сегодня къ ней зайду, поговорю.

— Дура-то она дура, такая же какъ и я, а ты что умникъ лежишь какъ мѣшокъ, ничего отъ тебя не видать? Прежде, говоришь, дѣтей учить ходилъ, а теперь пошто ничего не дѣлаешь?

— Я дѣлаю.... нехотя и сурово проговорилъ Раскольниковъ.

— Что дѣлаешь?

— Работу....

— Какую работу?

— Думаю, серьезно отвѣчалъ онъ помолчавъ.

Настасья такъ и покатицалась со смѣху. Она была изъ смѣшливыхъ, и когда разсмѣшатъ, смѣялась неслышно, колыхалась и тряслась во всемъ тѣломъ, до тѣхъ поръ что самой тошно ужъ становилось.

— Денегъ-то много чтоль надумалъ? смогла она, наконецъ, выговорить.

— Безъ сапогъ нельзя дѣтей учить. Да и наплевать.

— А ты въ колодезь не паюй.

— За дѣтей мѣдью платять. Что на копѣйки одѣлаешь? продолжалъ онъ съ неохотой, какъ бы отвѣчая собственнымъ мыслямъ.

— А тебѣ бы сразу весь капиталъ?

Онъ странно посмотрѣлъ на нее.

— Да, весь капиталъ, твердо отвѣчалъ онъ помолчавъ.

— Ну, ты помаленьку, а то испужаешь; страшно ужъ очкина. За сайкой-то ходить, али вѣтъ?

— Какъ хочешь.

— Да, забыла! къ тебѣ вѣдь письмо вчера безъ тебя пришло.

— Письмо! ко мнѣ! отъ кого?

— Отъ кого, не знаю. Три копѣйки почтаальйону своихъ отдала. Отдашь что ли?

— Такъ носи же, ради Бога носи! закричалъ весь въ волненіи Раскольниковъ, — Господи!

Черезъ минуту явилось письмо. Такъ и есть: отъ матери, изъ Р—й губерніи. Онъ даже поблѣдѣлъ, принимая его. Давно уже не получалъ онъ писемъ; но теперь и еще что-то другое варуть скало ему сердце.

—Настасья, уйди, ради Бога; вотъ твои три копѣйки, только, ради Бога, скорѣй уйди!

Письмо дрожало въ рукахъ его; онъ не хотѣлъ распечатать при ней: ему хотѣлось остаться *наединѣ* съ этимъ письмомъ. Когда Настасья вышла, онъ быстро поднесъ его къ губѣмъ и поцаловалъ; потомъ долго еще вглядывался въ почеркъ адреса, въ знакомый и милый ему мелкій и косенькій почеркъ его матери, учившей его когда-то читать и писать. Онъ медлилъ; онъ даже какъ будто боялся чего-то. Наконецъ распечаталъ: письмо было большое, плотное, въ два лота; два большіе почтовые листа были мелко-на-мелко исписаны.

„Милый мой Родя, писала мать, вотъ уже два мѣсяца слишкомъ какъ я не бесѣдовала съ тобой письменно, отъ чего сама страдала и даже одну ночь не спала, думая. Но навѣрно ты не обвинишь меня въ этомъ невольномъ моемъ молчаніи. Ты знаешь какъ я люблю тебя; ты одинъ у насъ, у меня и у Дуни, ты наше все, вся надежда, упованіе наше. Что было со мною, когда я узнала, что ты уже нѣсколько мѣсяцевъ оставилъ университетъ, за неимѣніемъ чѣмъ содержать себя, и что уроки и прочія средства твои прекратились! Чѣмъ могла я съ моими ста двадцатью рублями въ годъ пенсіона помочь тебѣ? Пятнадцать рублей, которыя я послала тебѣ четыре мѣсяца назадъ, я занимала, какъ ты и самъ знаешь, въ счетъ этого же пенсіона, у здѣшняго нашего купца Василія Ивановича Вахрушина. Онъ добрый человѣкъ и былъ еще пріателемъ твоего отца. Но давъ ему право на полученіе за меня пенсіона, я должна была ждать пока выплатится долгъ, а это только-что теперь исполнилось, такъ что я ничего не могла во все это время послать тебѣ. Но теперь, слава Богу, я, кажется, могу тебѣ еще выслать, да и вообще, мы можемъ теперь даже похвалиться фортуной, о чемъ и спѣшу сообщить тебѣ. И впервыхъ, угадываешь ли ты, милый Родя, что сестра твоя вотъ уже полтора мѣсяца какъ живетъ со мною, и мы уже больше не разлучимся и впредь. Слава тебѣ Господи, кончилась ея истязанія, но разкажу тебѣ все по порядку, чтобы ты узналъ какъ все было, и что мы отъ тебя до сихъ поръ скрывали. Когда ты писалъ мнѣ,

тому назадъ два мѣсяца, что слышалъ отъ кого-то будто Ду-
ня терпѣть много отъ грубости въ домѣ господъ Свидригай-
ловыхъ, и спрашивалъ отъ меня точныхъ объясненій, — что
могла я тогда написать тебѣ въ отвѣтъ? Еслибъ я написала
тебѣ всю правду, то ты пожалуй бы все бросилъ и хотъ
пѣшкомъ, а пришелъ бы къ намъ, потому я и характеръ и
чувства твои знаю, и ты бы не далъ въ обиду сестру свою.
Я же сама была въ отчаяніи, но что было дѣлать? Я и сама-
то всей правды тогда не знала. Главное же затрудненіе со-
стояло въ томъ, что Дунечка, вступивъ прошлаго года въ
ихъ домъ гувернанткой, взяла впередъ цѣлыхъ сто рублей,
подъ условіемъ ежемѣсячнаго вычета изъ жалованья, а стало-
быть и нельзя было мѣсто оставить не расплатившись съ
долгомъ. Сумму же эту (теперь могу тебѣ все объяснить,
безцѣнный Рода) взяла она болѣе для того чтобы выслать
тебѣ шестьдесятъ рублей, въ которыхъ ты тогда такъ нуж-
дался, и которые ты и получилъ отъ насъ въ прошломъ го-
ду. Мы тебя обѣ тогда обманули, написали, что это изъ скоп-
ленныхъ Дунечкиныхъ прежнихъ денегъ, но это было не
такъ, а теперь сообщаю тебѣ всю правду, потому что все
теперь переимѣнилось внезапно, по волѣ Божіей, къ лучшему,
и чтобы ты зналъ какъ любить тебя Дуня, и какое у нея без-
цѣнное сердце. Дѣйствительно, господивъ Свидригайловъ сна-
чала обходился съ ней очень грубо и дѣлалъ ей разныя не-
учтивости и насмѣшки за столомъ.... Но не хочу пускаться
во всѣ эти тяжелыя подробности, чтобы не волновать тебя
напрасно, когда ужъ все теперь кончено. Короче, несмотря
на доброе и благородное обращеніе Марѣы Петровны, су-
пруги г. Свидригайлова, и всѣхъ домашнихъ, Дунечкѣ было
очень тяжело, особенно когда г. Свидригайловъ находился, по
старой полковой привычкѣ своей, подъ вліяніемъ Бахуса. Но
что же оказалось въ послѣдствіи? Представь себѣ, что этотъ
сумасбродъ давно уже возымѣлъ къ Дуни страсть, но все
скрывалъ это подъ видомъ грубости и презрѣнія къ ней.
Можетъ-быть онъ и самъ стыдился и приходилъ въ ужасъ,

грады и сверхъ того бросить все и уѣхать съ нею въ другую деревню, или, пожалуй, за границу. Можешь представить себѣ всѣ ея страданія! Оставить сейчасъ мѣсто было нельзя, не только по причинѣ денежнаго долга, но и щая Марѳа Петровна, которая могла бы вдругъ возымѣть подозрѣнія, а следовательно и пришлось бы поселить въ семействѣ раздоръ. Да и для Дунечки былъ бы большой скандалъ; ужъ такъ не обошлось бы. Были тутъ и многія разныя причины, такъ что раньше шести недѣль Дуся никакъ не могла разчитывать вырваться изъ этого ужаснаго дома. Конечно, ты знаешь Дуся, знаешь какъ она умна и съ какимъ твердымъ характеромъ. Дунечка многое можетъ сносить, и даже въ самыхъ крайнихъ случаяхъ наидти въ себѣ столько великодушія, чтобы не потерять своей твердости. Она даже мнѣ не написала обо всемъ, чтобы не разстроить меня, а мы часто пересылались вѣстями. Развязка же наступила неожиданная: Марѳа Петровна нечаянно подслушала своего мужа, умолявшаго Дунечку въ саду, и появивъ все превратно, во всемъ ее же и обвинила, думая, что она-то всему и причиной. Произошла у нихъ тутъ же въ саду ужасная сцена: Марѳа Петровна даже ударила Дуся, не хотѣла ничего слушать, а сама цѣлый часъ кричала и, наконецъ, приказала тотчасъ же отвезти Дуся ко мнѣ въ городъ, на простой крестьяночкой телегѣ, въ которую обросили всѣ ея вещи, бѣлье, платья, все какъ случилось, неувазанное и неуложенное. А тутъ поднялся проливной дождь, и Дуся, оскорбленная и опозоренная, должна была проѣхать съ мужикомъ цѣлыхъ семнадцать верстъ въ не крытой телегѣ. Подумай теперь что могла я тебѣ написать въ письмѣ, въ отвѣтъ на твое, полученное мною два мѣсяца назадъ, и о чемъ писать? Сама я была въ отчаяніи; правду написать тебѣ не смѣла, потому что ты очень бы былъ несчастливъ, огорченъ и возмущенъ, да и что могъ бы ты сдѣлать? пожалуй еще себя погубить, да и Дунечка зарещала; а наполнять письмо пустяками, и о чемъ-нибудь, тогда какъ въ душѣ такое горе, я не могла. Цѣлый мѣсяцъ у насъ по всему городу ходили сплетни объ этой исторіи, и до того ужъ дошло, что намъ даже въ церковь нельзя было ходить съ Дуней отъ презрительныхъ взглядовъ и шептаній, а даже вслухъ при насъ были разговоры. Всѣ-то знакомые отъ насъ отстранились, всѣ перестали даже кланяться, и я навѣрно узнала, что купеческіе прикащики и нѣкоторые кан-

целяристы хотѣли нанести намъ низкое оскорбленіе, вымывая дегтемъ ворота нашего дома, такъ что хозяева стали требовать, чтобы мы съ квартиры съѣхали. Всему этому причиной была Марѳа Петровна, которая успѣла обвинить и загрязнить Дуню во всѣхъ домахъ. Она у насъ со всѣми знакома и въ этотъ мѣсяцъ поминутно прѣѣзжала въ городъ, и такъ какъ она немного болтлива и любитъ разказывать про свои семейныя дѣла и, особенно, жаловаться на своего мужа всѣмъ и каждому, что очень нехорошо, то и разнесла всю исторію, въ короткое время, не только въ городъ, но и по уѣзду. Я заболѣла, Дунечка же была тверже меня, и еслибы ты видѣлъ какъ она все переносила и меня же утѣшала и одобряла! Она ангелъ! Но, по милосердію Божію, наши муки были сокращены: господинъ Свидригайловъ одумался и раскаялся, и вѣроятно пожалѣвъ Дуню, представилъ Марѣѣ Петровнѣ полныя и очевидныя доказательства всей Дунечкиной невинности, а именно: письмо, которое Дуня, еще до тѣхъ поръ когда Марѳа Петровна застала ихъ въ саду, принуждена была написать и передать ему, чтобы отклонить личныя объясненія и тайныя свиданія, на которыя онъ настаивалъ, и которое, по отъѣздѣ Дунечки, осталось въ рукахъ г. Свидригайлова. Въ этомъ письмѣ она самымъ пылкимъ образомъ и съ полнымъ негодованіемъ укоряла его именно за неблагородство поведенія его относительно Марѣѣ Петровны, поставляла ему на видъ, что онъ отецъ и семьянинъ, и что, наконецъ, какъ гнусно съ его стороны мучить и дѣлать несчастною и безъ того уже несчастною и беззащитною дѣвчушку. Однимъ словомъ, милый Родя, письмо это такъ благородно и трогательно написано, что я рыдала читая его, и до сихъ поръ не могу его читать безъ слезъ. Кромѣ того, въ оправданіе Дуни, явились, наконецъ, и свидѣтельства слугъ, которые видѣли и знали гораздо больше чѣмъ предполагалъ самъ г. Свидригайловъ, какъ это и всегда водится. Марѳа Петровна была совершенно поражена и „вновь убита,“ какъ сама она намъ признавалась, но за то вполнѣ убѣдилась въ невинности Дунечкиной, и на другой же день, въ воскресенье, прѣѣхавъ прямо въ соборъ, на колѣняхъ и со слезами молила Владычицу дать ей силу перенести это новое испытаніе и исполнить долгъ свой. Затѣмъ, прямо изъ собора, ни къ кому не заѣжая, прѣѣхала къ намъ, разказала намъ все, горько плакала и, въ полномъ раскаяніи, обнимала и умоляла Ду-

но простать ее. Въ то же утро, нисколько не мѣшкая, прямо отъ насъ, отправилась по всѣмъ домамъ въ городѣ и вездѣ, въ самыхъ лестныхъ для Дунечки выраженіяхъ, проливая слезы, возстановила ее невинность и благородство ея чувствъ и поведенія. Мало того, всѣмъ показывала и читала вслухъ собственноручное письмо Дунечкино къ г-ну Свидригплову и даже давала снимать съ него копию (что, мнѣ кажется, уже и лишнее). Такимъ образомъ ей пришлось нѣсколько дней сряду обѣзжать всѣхъ въ городѣ, такъ какъ мые стали обижаться, что другимъ оказано было предпочтеніе, и такимъ образомъ завелись очереди, такъ что въ каждомъ домѣ уже ждали заранѣе и всѣ знали, что въ такой-то день Марѳа Петровна будетъ тамъ-то читать это письмо, и на каждое чтеніе опять-таки собирались даже и тѣ, которые письмо уже нѣсколько разъ прослушали и у себя въ домахъ, и у другихъ знакомыхъ, поочереды. Мое мнѣніе, что многое, очень многое, тутъ было лишнее; но Марѳа Петровна уже такого характера. По крайней мѣрѣ она вполнѣ возстановила честь Дунечки, и вся гнусность этого дѣла легла неизгладимымъ позоромъ на ее мужа, какъ на главнаго виновника, такъ что мнѣ его даже и жалъ; слишкомъ уже строго поступила съ этимъ сумасбродомъ. Дуню тотчасъ же стали приглашать давать уроки въ нѣкоторыхъ домахъ, но она отказалась. Вообще же всѣ стали къ ней вдругъ относиться съ особеннымъ уваженіемъ. Все это способствовало главнымъ образомъ и тому неожиданному случаю, черезъ который теперь мнѣяется, можно сказать, вся судьба наша. Узнай, милый Родя, что къ Лукѣ посватался женихъ, и что она успѣла уже дать свое согласіе, о чемъ и спѣшу увѣдомить тебя поскорѣе. И хотя дѣло это сдѣлалось и безъ твоего совѣта, но ты вѣроятно не будешь ни на меня, ни на сестру въ претензіи, такъ какъ самъ увидишь, изъ дѣла же, что ждать и откладывать до полученія твоего отвѣта было бы намъ невозможно. Да и самъ ты не могъ бы заочно обсудить всего въ точности. Случилось же такъ. Онъ уже надворный совѣтникъ, Петръ Петровичъ Лукинъ, и дальній родственникъ Марѳы Петровны, которая многому въ этомъ способствовала. Началъ съ того, что черезъ нее изъявилъ желаніе съ нами познакомиться, былъ какъ слѣдуетъ приять, пилъ кофе, а на другой же день прислалъ письмо, въ которомъ весьма вѣжливо изъявилъ свое предложеніе и просилъ скорого и рѣшительнаго отвѣта.

Человѣкъ онъ дѣловой и занятый, и спѣшитъ теперь въ Петербургъ, такъ что дорожить каждою минутой. Разумѣется, мы сначала были очень поражены, такъ какъ все это произошло слишкомъ скоро и неожиданно. Соображали и раздумывали мы объ этомъ весь тотъ день. Человѣкъ онъ благонадежный и обеспеченный, служить въ двухъ мѣстахъ и уже имѣеть свой капиталъ. Правда, ему уже сорокъ пять лѣтъ, но онъ довольно пріятной наружности и еще можетъ нравиться женщинамъ, да и вообще человѣкъ онъ весьма солидный и приличный, немного только угрюмый и какъ бы высокомерный. Но это, можетъ-быть, только такъ кажется, съ перваго взгляда. Да и предупреждаю тебя, милый Рода, когда увидишься съ нимъ въ Петербургѣ, что произойдетъ въ очень скоромъ времени, то не суди слишкомъ быстро и пылко, какъ это и свойственно тебѣ, если на первый взглядъ тебѣ что-нибудь въ немъ не покажется. Говорю это на случай, хотя и увѣрена, что онъ произведетъ на тебя впечатлѣніе пріятное. Да и кромѣ того, чтобъ обознать какого бы то ни было человѣка, нужно относиться къ нему постепенно и осторожно, чтобы не впасть въ ошибку и предубѣжденіе, которыя весьма трудно послѣ исправить и загладить. А Петръ Петровичъ, по крайней мѣрѣ по многимъ признакамъ, человѣкъ весьма почтенный. Въ первый же свой визитъ онъ объявилъ намъ, что онъ человѣкъ положительный, но во многомъ раздѣляется, какъ онъ самъ выразился, „убѣжденія новѣйшихъ поколѣній нашихъ“ и врагъ всѣхъ предрасудковъ. Многое и еще онъ говорилъ; потому что вѣскольکو какъ бы тщеславенъ и очень любить чтобъ его слушали, но вѣдь это почти не порокъ. Я, разумѣется, мало поняла, но Дуна объявила мнѣ, что онъ человѣкъ хотя и не большого образованія, но умный и, кажется, добрый. Ты знаешь характеръ сестры твоей, Рода. Это дѣвушка твердая, благоразумная, терпѣливая и великодушная, хотя и съ пылкимъ сердцемъ, что я хорошо въ ней изучала. Конечно, ни съ ея, ни съ его стороны особенной любви тутъ нѣтъ, но Дуна, кромѣ того что дѣвушка умная, — въ то же время и существо благородное, какъ ангелъ, и за долгъ поставить себя составить счастье мужа, который въ свою очередь сталъ бы заботиться о ея счастьи, а въ послѣднемъ мы не имѣемъ, покаместъ, большихъ причинъ сомнѣваться, хотя и скоренько, признаться, сдѣлалось дѣло. Къ тому же, онъ человѣкъ очень умный и

разчетливый, и конечно, самъ увидитъ, что его собственное супружеское счастье будетъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ Дунечка будетъ за нимъ счастливѣе. А что тамъ какія-нибудь неровности въ характерѣ, какія-нибудь старыя привычки и даже нѣкоторое несогласіе въ мысляхъ (чего и въ самыхъ счастливыхъ супружествахъ обойти нельзя), то на этотъ счетъ Дунечка сама мнѣ оказала, что она на себя надѣется; что безокончась тутъ нечего, и что она многое можетъ перенести, вѣдь условіемъ если дальнѣйшія отношенія будутъ честны и справедливыя. А въ этомъ сомнѣваться еще нечего, и поводъ мы не имѣемъ. Наружность же человѣка весьма обманчива, и по одной наружности, особенно по первому взгляду, никакъ судить нельзя. Онъ, напримѣръ, и мнѣ показася сначала какъ бы рѣзкимъ; но вѣдь это можетъ происходить именно оттого что онъ прямодушный человѣкъ, и непремѣнно такъ. Напримѣръ, при второмъ визитѣ, уже получивъ согласіе, въ разговорѣ онъ выразился такъ, что ужъ и прежде, не зная Дуни, положилъ взять дѣвushку честную, но безъ приданого, и непремѣнно такую, которая уже испытала бѣдственное положеніе; потому, какъ объяснилъ онъ, что мужъ вѣдѣмъ не долженъ быть обязанъ своей женѣ, а гораздо лучше если жена считаетъ мужа за своего благодѣтеля. Прибавлю, что онъ выразился нѣсколько мягче и ласковѣе чѣмъ я написала, потому что я забыла настоящее выраженіе, а помню одну только мысль, и кромѣ того, сказавъ онъ это отнюдь не преднамѣренно, а очевидно проговорившись, въ пылу разговора, такъ что даже старался потомъ поправиться и смягчить; но мнѣ все-таки показалось это немножко какъ бы рѣзко, и я сообщила потомъ Дунѣ. Но Дуна даже съ досадою отвѣчала мнѣ, что „слова еще не дѣло,“ и это конечно справедливо. Предъ тѣмъ какъ рѣшиться, Дунечка не спала всю ночь, и полагая что я уже сплю, встала съ востала и всю ночь ходила взадъ и впередъ по комнатѣ; наконецъ стала на колѣни и долго и горячо молилась передъ образомъ, а на утро объявила мнѣ, что она рѣшилась.

„Я уже упоминала, что Петръ Петровичъ отправляется теперь въ Петербургъ. У него тамъ большія дѣла, и онъ хочетъ открыть въ Петербургѣ публичную адвокатскую контору. Онъ давно уже занимается хожденіемъ по разнымъ искамъ и тяжбамъ, и на дѣлахъ только-что выигралъ одну значительную тяж-

бу. Въ Петербургъ же ему и потому необходимо, что тамъ у него одно значительное дѣло въ севатѣ. Такимъ образомъ, милый Родя, онъ и тебѣ можетъ быть весьма полезенъ, даже во всемъ, и мы съ Дуней уже положили, что ты, даже съ теперешняго же дня, могъ бы опредѣленно начать свою будущую карьеру и считать участь свою уже ясно опредѣлявшеюся. О, еслибъ это осуществилось! Это была бы такая выгода, что надо считать ее не иначе какъ прямою къ намъ милостию Вседержителя. Дуня только и мечтаетъ объ этомъ. Мы уже рискнули сказать нѣсколько словъ на этотъ счетъ Петру Петровичу. Онъ выразился осторожно и сказалъ, что конечно, такъ какъ ему безъ секретаря обойтись нельзя, то, разумѣется, лучше платить жалованье родственнику чѣмъ чужому, если только тотъ окажется способнымъ къ должности (еще бы ты-то не оказался способнымъ!), но тутъ же выразилъ и сомнѣнiе, что университетскiя занятiя твои не оставлять тебѣ времени для занятiй въ его конторѣ. На этотъ разъ тѣмъ дѣло и кончилось, но Дуня ни о чемъ кромѣ этого теперь и не думаетъ. Она теперь, уже нѣсколько дней, просто въ какомъ-то жару, и составила уже цѣлый проектъ о томъ, что въ послѣдствiи ты можешь быть товарищемъ и даже компанiономъ Петра Петровича по его тяжбымъ занятiямъ, тѣмъ болѣе что ты самъ на юридическомъ факультетѣ. Я, Родя, вполнѣ съ нею согласна и раздѣляю всѣ ея планы и надежды, видя въ нихъ полную вѣроятность; и несмотря на теперешнюю, весьма объясняемую уклончивость Петра Петровича (потому что онъ тебя еще не знаетъ), Дуня твердо увѣрена, что достигнетъ всего своимъ добрымъ влiянiемъ на будущаго своего мужа, и въ этомъ она увѣрена. Ужь конечно, мы остереглись проговориться Петру Петровичу хоть о чемъ-нибудь изъ этихъ дальнѣйшихъ мечтанiй нашихъ, и главное, о томъ что ты будешь его компа-

самъ можешь стать его правою рукою по комторѣ и получить эту помощь не въ видѣ благодаренія, а въ видѣ заслуженнаго тобою жалованья. Такъ хочеть устроить Душечка, и я съ нею вполнѣ согласна. Повторныхъ же потому не говорю, что мнѣ особенно хотѣлось поставить тебя съ нимъ, при предстоящей теперешней встрѣчѣ вашей, на ровной ногѣ. Когда Дуна говорила ему о тебѣ съ восторгомъ, онъ отвѣтилъ, что всякаго человѣка нужно сначала осмотрѣть самому, и поближе, чтобъ о немъ судить, и что онъ самъ представляеть себя, познакомась съ тобою, составить о тебѣ свое мнѣніе. Знаешь что, бездѣльный мой Рода, мнѣ кажется, во нѣкоторыхъ соображеніяхъ (впрочемъ отнюдь не относящихся къ Петру Петровичу, а такъ, по нѣкоторыхъ моихъ собственнымъ, личнымъ, даже можетъ-быть старушечьимъ, бабьимъ капризамъ), — мнѣ кажется, что я можетъ-быть лучше сдѣлаю, если буду жить послѣ ихъ брака особо, какъ и теперь живу, а не вмѣстѣ съ ними. Я увѣрена вполнѣ, что онъ будетъ такъ благодаренъ и деликатенъ, что самъ пригласитъ меня и предложитъ мнѣ не разлучаться болѣе съ дочерью, и если еще не говорилъ до сихъ поръ, то, разумеется, потому что и безъ словъ такъ предполагается; но я откажусь. Я замѣчала въ жизни не разъ, что тещи не очень-то бывають мужьямъ по сердцу, а я не только не хочу быть хоть кому-нибудь даже въ малѣйшую тягость, но и сама хочу быть вполнѣ свободною, покамѣстъ у меня хоть какой-нибудь свой кусокъ, да такіа дѣти какъ ты и Душечка. Если возможно, то поселяюсь подлѣ васъ обоихъ, потому что, Рода, самое-то пріятное я приберегла къ концу письма: узнай же, милый другъ мой, что можетъ-быть очень скоро мы сойдемся всѣ вмѣстѣ опять и обвинемся всѣ трое послѣ почти трехлѣтней разлуки! Уже *напрно* рѣшено, что я и Дуна выѣзжаемъ въ Петербургъ, когда именно не знаю, но, во всякомъ случаѣ, очень, очень скоро, даже можетъ-быть черезъ недѣлю. Все зависитъ отъ распоряженій Петра Петровича, который какъ только осмотрится въ Петербургѣ, тотчасъ же и дастъ намъ знать. Ему хочеться, по нѣкоторымъ расчетамъ, какъ можно поспѣшить церемоніей брака и даже, если возможно будетъ, сыграть свадьбу въ теперешней же масовѣдъ, а если не удастся, по краткости срока, то тотчасъ же послѣ госпожинокъ. О, съ какимъ счастьемъ приѣму я тебя къ моему сердцу! Дуна вся въ волненіи отъ ра-

дости свиданія съ тобой, и сказала разъ, въ шутку, что уже изъ этого одного пошла бы за Петра Петровича. Ангелъ она! Она теперь ничего тебѣ не приписываетъ, а велѣла только мнѣ написать, что ей такъ много надо говорить съ тобой, такъ много, что теперь у ней и рука не поднимается взяться за перо, потому что въ нѣсколькихъ строкахъ ничего не напишешь, а только себя разстроишь; велѣла же тебя обнять крѣпче и переслать тебѣ безсчетно поцѣлуевъ. Но не смотря на то что мы, можетъ-быть, очень скоро сами сойдемся лично, я все-таки тебѣ на дняхъ вышлю денегъ, сколько могу больше. Теперь, какъ узнали всѣ, что Дунечка выходитъ за Петра Петровича, и мой кредитъ вдругъ увеличился, и я навѣрно знаю, что Аеанасій Ивановичъ поверитъ мнѣ теперь, въ счетъ пенсіона, даже до семидесяти пяти рублей, такъ что я тебѣ можетъ-быть рублей двадцать пять, или даже тридцать пришлю. Пришла бы и больше, но боюсь за наши расходы дорожные; и хотя Петръ Петровичъ былъ такъ добръ, что взялъ на себя часть издержекъ по нашему проѣзду въ столицу, а именно, самъ вызвался, на свой счетъ, доставить нашу поклажу и большой сундукъ (какъ-то у него тамъ черезъ знакомыхъ), но все-таки намъ надо разчитывать и на пріѣздъ въ Петербургъ, въ который нельзя показаться безъ гроша, хоть на первые дни. Мы, впрочемъ, уже все разчитали съ Дунечкой до точности, и вышло, что дорога возьметъ немного. До желѣзной дороги отъ насъ всего только девяносто верстъ, и мы уже, на всякій случай, сговорились съ однимъ знакомымъ намъ мужичкомъ-извозчикомъ; а тамъ мы съ Дунечкой благополучно прокатимся въ третьемъ классѣ. Такъ что можетъ-быть я тебѣ не двадцать пять, а навѣрно тридцать рублей изловчусь выслать. Но довольно; два листа кругомъ уписала, и мѣста ужъ больше не остается; цѣлая наша исторія; ну да и происшествій-то сколько накопилось! А теперь, безцѣнный мой Родя, обнимаю тебя до близкаго свиданія нашего, и благословляю тебя материнскимъ благословеніемъ моимъ. Люби Дуню, свою сестру, Родя; люби такъ какъ она тебя любитъ, и знай, что она тебя безпредѣльно, больше себя самой любитъ. Она ангелъ, а ты, Родя, ты у насъ все, — вся надежда наша и все упованіе. Былъ бы только ты счастливъ, и мы будемъ счастливы. Молись ли ты Богу, Родя, попрежнему, и вѣрнись ли въ благость Творца и Искупителя нашего? Боюсь я, въ

сердцѣ своемъ, не посѣтило ли и тебя новѣйшее модное безвѣріе? Если такъ, то я за тебя молюсь. Вспомни, милый, какъ еще въ дѣтствѣ своемъ, еще при жизни твоего отца, ты лепеталъ молитвы свои у меня на колѣняхъ, и какъ мы всѣ тогда были счастливы! Прощай, или лучше, до свиданія! Обнимаю тебя крѣпко-крѣпко и цѣлую безсчетно.

„Твоя до гроба
„Пульхерія Раскольниковъ.“

Почти все время какъ читалъ Раскольниковъ, съ самаго начала письма, лицо его было мокро отъ слезъ; но когда онъ кончилъ, оно было блѣдно, искривлено судорогой, и тяжелая, желчная, злая улыбка змѣнилась по его губамъ. Онъ прилегъ головой на свою тощую и затасканную подушку и думалъ, долго думалъ. Сильно билось его сердце, и сильно волновались его мысли. Наконецъ ему стало душно и тѣсно въ этой легкой каморкѣ, похожей на шкафъ или на сундукъ. Взоръ и мысль просили простору. Онъ схватилъ шляпу и вышелъ, на этотъ разъ уже не опасаясь съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться на гѣстивцѣ: забылъ онъ объ этомъ. Путь же взялъ онъ по направленію къ Васильевскому острову черезъ В-й проспектъ, какъ будто торопясь туда за дѣломъ, но, по обыкновенію своему, шелъ не замѣчая дороги, шепча про себя и даже говоря вслухъ съ собою, чѣмъ очень удивлялъ прохожихъ. Многіе принимали его за пьянаго.

IV.

Письмо матери его измучило. Но относительно главнѣйшаго, капитальнаго пункта, сомнѣній въ немъ не было ни на минуту, даже въ то еще время какъ онъ читалъ письмо. Главнѣйшая суть дѣла была рѣшена въ его головѣ, и рѣшена окончательно: „Не бывать этому браку, пока я живъ, и къ чорту господина Лужина!“

„Потому что это дѣло очевидное,“ бормоталъ онъ про себя ухмыляясь и злобно торжествуя заранее успѣхъ своего рѣшенія. „Нѣтъ, мамаша, нѣтъ, Дуня, не обмануть меня такъ!... И еще извиняются, что моего совѣта не попросили и безъ меня дѣло рѣшили! Еще бы! думаютъ что теперь ужъ и разорвать нельзя; а посмотримъ льва или не льва! Отто-

ворка-то какая капитальная: „ужь такой дескать дѣловой человѣкъ, Петръ Петровичъ, такой дѣловой человѣкъ, что и жеваться-то иначе не можетъ какъ на почтовыхъ, чуть не на желѣзной дорогѣ.“ Нѣтъ, Дунечка, все вижу и знаю о чемъ ты со мной много-то говорить собираешься; знаю и то о чемъ ты всю ночь продумала, ходя по комнатамъ, и о чемъ молилась передъ Казанскою Божіею Матерью, которая у мамыши въ спальнѣ стоитъ. На Голгофу-то тяжело всходить. Гм.... Такъ значить рѣшено ужь окончательно: за дѣловаго и рациональнаго человѣка изволите выходить Авдотья Романовна, имѣющаго свой капиталъ (*уже* имѣющаго свой капиталъ, это солиднѣе, внушительнѣе), служащаго въ двухъ мѣстахъ и раздѣляющаго убѣжденія новѣйшихъ нашихъ поколѣній (какъ пишетъ мамаша) и „кажется добраго,“ какъ замѣчаетъ сама Дунечка. Это *кажется* всего великолѣпнѣе! и эта же Дунечка, за это же *кажется* замужъ идти!... Великолѣпно! великолѣпно!...

„....А любопытно однакожь, для чего мамаша о „новѣйшихъ-то поколѣніяхъ“ мнѣ написала? Просто ли для характеристики лица, или съ дальнѣйшею цѣлью: задобрить меня въ пользу г. Лужива? О хитрыя! Любопытно бы разяснить еще одно обстоятельство: до какой степени онъ обѣ были откровенны другъ съ дружкой, въ тотъ день и въ ту ночь, и во все послѣдующее время? Всѣ ли слова между вами были прямо произнесены, или обѣ поняли, что у той и у другой одно въ сердцѣ и въ мысляхъ, такъ ужь нечего вслухъ-то всего выговаривать, да напрасно проговариваться. Вѣроятно, оно такъ отчасти и было; по письму видно: мамашѣ онъ показался рѣзокъ, *немножко*, а наивная мамаша и полѣзла къ Дунѣ съ своими замѣчаніями. А та, разумѣется разосердилась и „отвѣчала съ досадою.“ Еще бы! кого не взбѣситъ, когда дѣло понятво и безъ наивныхъ вопросовъ, и когда рѣшено что ужь нечего говорить. И что это она пишетъ мнѣ: „Люби Душу Родя, а она тебя больше себя самой любить;“ ужь не угрызения ли совѣсти ее самое втайнѣ мучать, за то что дочерью сыну согласилась пожертвовать. „Ты наше упованіе, ты наше все!“ О, мамаша!...“ Злоба накопила въ немъ все сильнѣе и сильнѣе, и еслибы теперь встрѣтилса съ нимъ господи́нъ Луживъ, онъ, кажется, убилъ бы его!

„Гм., это правда, продолжалъ онъ, сабдуя за выхремъ мыслей, крутившамса въ его головѣ, — это правда, что къ ле-

людику надо „подходить постепенно и осторожно, чтобы раз-
узнать его;“ но господинъ Лужинъ ясенъ. Главное, „чело-
вѣкъ дѣловой и *кажется* добрый.“ шутка ли, поклажу взялъ
на себя, большой сундукъ на свой счетъ доставляетъ! Ну
какъ же не добрый? А ояѣ-то обѣ, *невѣста* и мать, му-
жичка подражаютъ, въ театрѣ рогожею крытой (я вѣдь
такъ ѣзжалъ)! Ничего! только вѣдь девяносто верстъ, „а
такъ прѣблагополучно прокатимся въ третьемъ классѣ“,
верстъ тысячу. И благоразумно: по одежкѣ протягивай
пошки; да въ-то, г. Лужинъ, чего же? Вѣдь это ваша невѣ-
ста.... И не могли же вы знать, что мать подъ свой пен-
сіонъ на дорогу впередъ занимаетъ? Конечно, тутъ у васъ
общій коммерческій оборотъ, предпріятіе на обоюдныхъ
выгодахъ и на равныхъ паяхъ, значить и расходы пополамъ;
хлѣбъ-соль вмѣстѣ, а табачокъ врозь, по пословицѣ. Да и
тутъ дѣловой-то человѣкъ ихъ поднадулъ вемвожко: поклажа-
то стоитъ дешевле ихнаго проѣзда, а пожауй что и задаромъ
пойдетъ. Чтожъ ояѣ обѣ не видать что ль этого, аль на-
рочно не замѣчаютъ? И вѣдь довольны, довольны! И какъ
подумать, что это только цвѣточки, а настояціе фрукты
впереди! Вѣдь тутъ чтò важно: тутъ не скупость, не скал-
дыраичество важно, а *томъ* всего этого. Вѣдь это будущій
томъ послѣ брака, пророчество.... Да и мамаша-то, чего жъ
однако кутить? Съ чѣмъ она въ Петербургъ-то явится? Съ
тремя цѣлковыми, аль съ двумя „билетиками“, какъ говорить
та.... старуха.... гм! Чѣмъ же жить-то въ Петербургѣ она на-
дѣется потомъ-то? Вѣдь она уже по какимъ-то причинамъ
успѣла догадаться, что ей съ Дуней *нельзя* будетъ вмѣстѣ
жить послѣ брака, даже и въ первое время? Милый-то чело-
вѣкъ навѣрно какъ-нибудь тутъ *проговорился*, далъ себя
знать, хоть мамаша и отмахивается обѣими руками отъ это-
го: „Сама, дескать, откажусь.“ Чтожъ она, на кого же на-
дѣется: на сто двадцать рублей пенсіона, съ вычетомъ на
долгъ Аеанасію Ивановичу? Косыночки она тамъ зимнія
важеть, да нарукавнички вышиваетъ, глаза свои старые пор-
тить. Да вѣдь косыночки всего только двадцать рублей въ
годъ прибавляютъ къ ста двадцати-то рублямъ, это мнѣ
извѣстно. Значить, все-таки на благородство чувствъ госпо-
дина Лужина надѣются: „Самъ, дескать, предложить, упраши-
вать будетъ.“ Держи карманъ! И такъ-то вотъ всегда у этихъ
Шиллеровскихъ прекрасныхъ душъ бываетъ: до послѣдняго

момента радятъ человѣка въ павлиныя перья, до послѣдняго момента, на добро, а не на худо надѣются; и хоть предчувствуютъ оборотъ медали, но ни за что себѣ заранее настоящаго слова не выговарятъ; коробить ихъ отъ одного помышленія; обѣими руками отъ правды отмахиваются, до тѣхъ самыхъ поръ пока разукрашенный человѣкъ имъ собственноручно носъ не надѣвнетъ. А любопытно, есть ли у господина Лужина ордена; объ закладъ бьюсь, что Анна въ петлицѣ есть, и что оныя ее на обѣды у подрядчиковъ и у купцовъ надѣваетъ. Пожалуй и на свадьбу свою надѣнетъ! А впрочемъ, чортъ съ ними!...

„....Ну да ужъ пусть мамаша, ужъ Богъ съ ней, она ужъ такая, но Дуля-то что? Дунечка, милая, вѣдь я знаю васъ! Вѣдь вамъ уже двадцатый годъ былъ тогда, какъ послѣдній-то разъ мы видѣлись: характеръ-то вашъ я уже позналъ. Мамаша вонъ пишетъ, что „Дунечка многое можетъ снести.“ Это я зналъ-съ. Это я два съ половиной года назадъ уже зналъ, и съ тѣхъ поръ два съ половиной года объ этомъ думалъ, объ этомъ именно, что „Дунечка многое можетъ снести.“ Ужъ когда господина Свидригайлова, со всѣми послѣдствіями, можетъ снести, значить, дѣйствительно, многое можетъ снести. А теперь вотъ вообразили, вмѣстѣ съ мамашей, что и господина Лужина можно снести, излагающаго теорію о преимуществѣ женъ, взятыхъ изъ нищеты и облагодѣтельствованныхъ мужьями, да еще излагающаго чуть не при первомъ свиданіи. Ну да положимъ, оныя „проговорилась,“ хоть и рациональный человѣкъ (такъ что можетъ-быть и вовсе не проговорилась, а именно въ виду имѣлъ поскорѣе разъяснить), но Дуля-то, Дуля? Вѣдь ей человѣкъ-то ясенъ, а вѣдь жить-то съ человекомъ. Вѣдь она хлѣбъ черный одинъ будетъ ѣсть, да водой запивать, а ужъ душу свою не продастъ, а ужъ нравственную свободу свою не отдастъ за комфортъ; за весь Шлезвигъ-Гольштейнъ не отдастъ, не то что за господина Лужина. Нѣтъ, Дуля не та была, сколько я зналъ, и.... ну да ужъ конечно не измѣнилась и теперь!... Чтò говорить! Тя-

мать, — на вѣки, изъ одной своей личной выгоды! И будь даже господи́нь Лужинъ весь изъ одного чистѣйшаго золота, или изъ цѣльнаго брилліанта, и тогда не согласится стать законною наложницею господина Лужина! Почему же теперь соглашается? Въ чемъ же штука-то? въ чемъ же разгадка-то? Мало ясное: для себя, для комфорта своего, даже для спасенія себя отъ смерти, себя не продастъ, а для другаго вотъ и продаетъ! Для милаго, для обожаемаго человѣка, продастъ! Вотъ въ чемъ вся наша штука-то и состоитъ: за брата, за мать, продать! все продать! О, тутъ мы, при случаѣ, и нравственное чувство наше придавимъ; свободу, спокойствіе, даже совѣсть, все, все на толкучій рынокъ свесемъ. Пропалай жизнь! только бы эти возлюбленныя существа наши были счастливы. Мало того, свою собственную казуистику выдумаемъ, у іезуитовъ научимся, и на время, пожалуй, и себя самихъ успокоимъ, убѣдимъ себя, что такъ надо, дѣйствительно надо, для доброй цѣли. Таковы-то мы и есть, и все ясно какъ день. Ясно, что тутъ никто иной какъ Родионъ Романовичъ Раскольниковъ въ ходу и на первомъ планѣ стоитъ. Ну какъ же-съ, счастье его можетъ устроить, въ университетѣ содержать, компаніюномъ одѣлать въ конторѣ, всю судьбу его обезпечить; пожалуй, богачомъ въ послѣдствіи будетъ, почетнымъ, уважаемымъ, а можетъ-быть даже славнымъ человѣкомъ окончить жизнь! А мать? Да вѣдь тутъ Родя, безцѣльный Родя, первенецъ! Ну какъ для такого первенца хотя бы и такую дочьрю не пожертвовать! О милыя и несправедливыя сердца! Да чего: тутъ мы и отъ Сонечкина жребія пожалуй что не откажемся! Сонечка, Сонечка Мармеладова, вѣчная Сонечка, пока міръ стоитъ! Жертву-то, жертву-то обѣ вы измѣрили ли вполнѣ? Такъ ли? Подъ силу ли? Въ пользу ли? Разумно ли? Знаете ли, вы, Дунечка, что Сонечкинъ жребій ничѣмъ не сквернѣе жребія съ господиномъ Лужиннымъ? „Люби тутъ не можетъ быть,“ пишетъ мамаша. А что если кромѣ любви-то и уваженія не можетъ быть, а напротивъ, уже есть отвращеніе, презрѣніе, омерзѣніе, что же тогда? А и выходитъ тогда, что опять стало-быть „чистоту наблюдать“ придется. Не такъ что ли? Понимаете ли, понимаете ли вы, что значить сія чистота? Понимаете ли вы, что Лужинская чистота все равно что и Сонечкина чистота, а можетъ-быть даже и хуже, гаже, подлѣе, потому что у васъ, Дунечка, все-таки на извѣстекъ ком-

форта разчетъ, а тамъ просто-запросто о голодной смерти дѣло идетъ! „Дорого, дорого стобить, Дунечка, сія чистота!“ Ну, если потомъ не подъ-силу станеть, раскаетесь? Скорбита сколько, грусти, проклятій, слезъ-то, скрываемыхъ ото всѣхъ, сколько, потому что не Марѳа же вы Петровна? А съ матерью что тогда будетъ? Вѣдь она ужъ и теперь неспокойна, мучается; а тогда, когда все ясно увидить? А со мной?... Да что же вы въ самомъ дѣлѣ обо мнѣ-то подумали? Не хочу я вашей жертвы, Дунечка, не хочу, мамаша! Не бывать тому, пока я живъ, не бывать, не бывать! Не прикиваю!“

Онъ вдругъ очнулся и остановился.

„Не бывать? А что же ты сдѣлаешь чтобъ этому небыть? Запретишь? А право какое имѣешь? Что ты имъ можешь обшцать въ свою очередь, чтобы право такое имѣть? Всю судьбу свою, всю будущность имъ посвятить, *когда кончишь курсъ и мѣсто достанешь?* Слышали мы это, да вѣдь это *буки*, а теперь? Вѣдь тутъ надо теперь же что-нибудь сдѣлать, понимаешь ты это? А ты что теперь дѣлаешь? Обираешь ихъ же. Вѣдь деньги-то имъ подъ сторублевый пенсіонъ, да подъ господъ Свидригайловыхъ подъ закладъ достаются! Отъ Свидригайловыхъ-то, отъ Аванасія-то Ивановича Вахрушина, чѣмъ ты ихъ удержишь, миллионеръ будущій, Зевесъ, ихъ судьбою располагающій? Черезъ десять-то лѣтъ? Да въ десять-то лѣтъ мать успѣетъ ослабнуть отъ косынокъ, а пожалуй что и отъ слезъ; отъ поста исчахнетъ; а сестра? Ну, придумаи-ка что можетъ быть съ сестрой черезъ десять лѣтъ, али въ эти десять лѣтъ? Догадался?“

Такъ мучилъ онъ себя и поддразнивалъ этими вопросами, даже съ какимъ-то наслажденіемъ. Впрочемъ, всѣ эти вопросы были не новые, не внезапные, а старые, наболѣвшіе, давнишніе. Давно уже какъ они начали его терзать, и истерзали ему сердце. Давнымъ-давно какъ зародилась въ немъ вся эта

Во что бы то ни стало надо рѣшиться, хоть на что-нибудь, или...

„Или отказаться отъ жизни совсѣмъ! вскричалъ онъ вдругъ въ изступленіи, послушно принять судьбу, какъ она есть, разъ навсегда, и задушить въ себѣ все, отказавшись отъ всякаго права дѣйствовать, жить и любить!“

„Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, чтò значитъ когда уже некуда больше идти?“ вдругъ припомнилась ему вчерашній вопросъ Мармеладова; „ибо надо, чтобы всякому человѣку хоть куда-нибудь можно было пойти“....

Вдругъ онъ вздрогнулъ: одна, та же вчерашняя, мысль опять пронеслась въ его головѣ. Но вздрогнулъ онъ не оттого что пронеслась эта мысль. Онъ вѣдь зналъ, онъ *предчувствовалъ*, что она непременно „пронесется,“ и уже ждалъ ея; да и мысль эта была совсѣмъ не вчерашняя. Но разница была въ томъ, что мѣсяць назадъ, и даже вчера еще, она была только мечтой, а теперь.... теперь явилась вдругъ не мечтой, а въ какомъ-то новомъ, грозномъ и совсѣмъ незнакомомъ ему видѣ, и онъ вдругъ самъ созналъ это... Ему стукнуло въ голову, и потемнѣло въ глазахъ.

Онъ поспѣшно оглядѣлся, онъ искалъ чѣго-то. Ему хотѣлось сѣсть, и онъ искалъ скамейку; проходилъ же онъ тогда по К—му бульвару. Скамейка виднѣлась впереди, шагахъ во ста. Онъ пошелъ сколько могъ поскорѣе; но на пути случилось съ нимъ одно маленькое приключеніе, которое на нѣсколько минутъ привлекло къ себѣ все его вниманіе.

Выглядывая скамейку, онъ замѣтилъ впереди себя, шагахъ въ двадцати, идущую женщину, но сначала не остановилъ на ней никакого вниманія, какъ и на всѣхъ мелькавшихъ до сихъ поръ передъ нимъ предметахъ. Ему уже много разъ случалось проходить, напримѣръ, домой и совершенно не помнить дороги, по которой онъ шелъ, и онъ уже привыкъ такъ ходить. Но въ идущей женщинѣ было что-то такое странное и, съ перваго же взгляда, бросающееся въ глаза, что мало-по-малу вниманіе его начало къ ней приковываться, — сначала нехотя и какъ бы съ досадою, а потомъ все крѣпче и крѣпче. Ему вдругъ захотѣлось понять чтò именно въ этой женщинѣ такого страннаго? Впервыхъ, она, должно-быть, дѣвушка и очень молоденькая, шла по такому зною простоволосая, безъ зонтика и безъ перчатокъ, какъ-то смѣш-

но размахивая руками. На ней было шелковое, изъ легкой матеріи („матерчатое“) платьице, но тоже какъ-то очень чудно надѣтое, едва застегнутое, и сзади у талии, въ самомъ началѣ юбки, разорванное; цѣлый клокъ отставалъ и висѣлъ болтался. Маленькая косыночка была накинута на обнаженную шею, но торчала какъ-то криво и бокомъ. Къ довершенію, дѣвушка шла нетвердо, спотыкалась и даже шатаясь во всѣ стороны. Эта встрѣча возбудила, наконецъ, все вниманіе Раскольниковъ. Онъ сошелся съ дѣвушкой у самой скамейки, но дойдя до скамьи она такъ и повалилась на нее, въ уголъ, закинула на спинку скамейки голову и закрыла глаза, повидимому, отъ чрезвычайнаго утомленія. Вглядѣвшись въ нее, онъ тотчасъ же догадался, что она совсѣмъ была пьяна. Странно и дико было смотрѣть на такое явленіе. Онъ даже подумалъ не ошибается ли онъ. Предъ нимъ было чрезвычайно молоденькое личико, лѣтъ шестнадцать, даже можетъ быть только пятнадцать, — маленькое, блѣдненькое, хорошенькое, но все разгорѣвшееся и какъ будто припухшее. Дѣвушка, кажется, очень мало ужъ понимала; одну ногу заложила за другую, причемъ выставила ее гораздо больше чѣмъ слѣдовало, и по всѣмъ признакамъ, очень плохо сознавала, что она на улицѣ.

Раскольниковъ не сѣлъ и уйти не хотѣлъ, а стоялъ передъ нею въ недоумѣніи. Этотъ бульваръ и всегда стоитъ пустынный, теперь же, во второмъ часу и въ такой зной, никого почти не было. И однакожь въ сторонѣ, шагахъ въ пятнадцать, на краю бульвара, остановился одинъ господинъ, которому, по всему видно было, очень бы хотѣлось тоже подойти къ дѣвочкѣ съ какими-то цѣлями. Онъ тоже, вѣроятно, увидѣлъ ее издали и догонялъ, но ему помѣшалъ Раскольниковъ. Онъ бросилъ на него злобные взгляды, стараясь, впрочемъ, чтобы тотъ ихъ не замѣтилъ, и нетерпѣливо ожидалъ своей очереди, когда досадный оборванецъ уйдетъ. Дѣло было понятное. Господинъ этотъ былъ лѣтъ тридцати, плотный, жирный, кровь съ молокомъ, съ розовыми губами и съ усиками, и очень щеголевато одѣтый. Раскольниковъ ужасно разозлился; ему вдругъ захотѣлось какъ-нибудь оскорбить этого жирнаго франта. Онъ на минуту оставилъ дѣвочку и подошелъ къ господину.

— Эй вы, Свидригайловъ! вамъ чего тутъ надо? крикнулъ

онъ, сжимая кулаки и смѣясь своими запынвившимися отъ злости губами.

— Это что значить? строго спросилъ господишь, нахмуриль брови и свысока удивившись.

— Убирайтесь, вотъ что!

— Какъ ты смѣешь, каваалья!...

И онъ взмахнулъ хлыстомъ. Раскольниковъ бросился на него съ кулаками, не разчитавъ даже и того, что плотный господишь могъ управиться и съ двумя такими какъ онъ. Но въ эту минуту кто-то крѣпко схватилъ его сзади: между ними сталъ городовой.

— Полаю, господа, не извольте драться въ публичныхъ мѣстахъ. Вамъ чего надо? кто таковъ? строго обратился онъ къ Раскольникову, разглядѣвъ его лохмотья.

Раскольниковъ посмотрѣлъ на него внимательно. Это было бравое солдатское лицо, съ сѣдыми усами и бакеннами и съ токовымъ взглядомъ.

— Васъ-то мнѣ и надо, крикнулъ онъ, хватая его за руку.

— Я бывшій студентъ, Раскольниковъ.... Это и вамъ можно узнать, обратился онъ къ господину; — а вы пойдемте-ка, а вамъ что-то покажу....

И схвативъ городского за руку, онъ потащилъ его къ скамейкѣ.

— Вотъ, смотрите, совсѣмъ пьяная, сейчасъ шла по бульвару: кто ее знаетъ изъ какихъ, а непохоже чтобъ по речеслу. Вѣрнѣе же всего, гдѣ-нибудь напоили и обманули.... въ первый разъ.... понимаете? да такъ и пустили на улицу. Посмотрите какъ разорвано платье, посмотрите какъ оно надто: вѣдь ее одѣвали, а не сама она одѣвалась, да и одѣвали-то неумѣлыя руки, мужскія. Это видно. А вотъ теперь смотрите сюда: этотъ франтъ, съ которымъ я сейчасъ драться хотѣлъ, мнѣ незнакомъ, первый разъ вижу; но онъ ее тоже отмигилъ дорогой, сейчасъ, пьяную-то, себя-то не помнящую, и ему ужасно теперь хочется подойти и перхватить ее, — такъ какъ она въ такомъ состояніи, — завести куда-нибудь.... И ужъ это навѣрно такъ; ужъ повѣрьте, что я не ошибаюсь. Я самъ видѣлъ какъ онъ за нею наблюдалъ, и слѣдилъ, только я ему помѣшалъ, и онъ теперь все ждетъ когда я уйду. Вонъ онъ теперь отошелъ маленько, стоитъ будто папироску свертываетъ.... Какъ бы намъ ему не дать? Какъ бы, намъ ее домой отправить, — подумайте-ка!

Городовой мигомъ все понялъ и сообразилъ. Толстый господинъ былъ конечно понятенъ, оставалась дѣвочка. Служивый нагнулся надъ нею разглядѣть поближе, и искреннее состраданіе изобразилось въ его чертахъ.

— Ахъ, жаль-то какъ! сказалъ онъ, качая головой, — совсѣмъ еще какъ ребенокъ. Обманули, это какъ-разъ. Послушайте сударыня, началъ онъ звать ее, — гдѣ изволите проживать? Дѣвушка открыла усталые и посоловѣлые глаза, ту-по посмотрѣла на допрашивающихъ и отмахнулась рукой.

— Послушайте, сказалъ Раскольниковъ, — вотъ (онъ пошарилъ въ карманъ и вытащилъ двадцать копѣекъ; нашлись) вотъ, возьмите извозчика и велите ему доставить по адресу. Только бы адресъ-то намъ узнать!

— Барышня, а барышня! началъ опять городовой, принявъ деньги, — я сейчасъ извозчика вамъ возьму и самъ васъ провожу. Куда прикажете? а? Гдѣ изволите квартировать?

— Пшла!... пристають!... пробормотала дѣвочка и опять отмахнулась рукой.

— Ахъ, ахъ какъ нехорошо! Ахъ, стыдно-то какъ барышня, стыдъ-то какой! Онъ опять закачалъ головой, стыдя, сожалѣя и негодуя.—Вѣдь вотъ задача! обратился онъ къ Раскольникову и тутъ же, мелькомъ, опять оглядѣвъ его съ ногъ до головы. Страненъ вѣрно и онъ ему казался: въ такихъ лохмотьяхъ, а самъ деньги выдаетъ!

— Вы далеколь отсюда ихъ нашли? спросилъ онъ его.

— Говорю вамъ: впереди меня шла, шаталась, тутъ же на бульварѣ. Какъ до скамейки дошла, такъ и повалилась.

— Ахъ, стыдъ-то какой теперь завелся на свѣтъ, Господи! Этакая немудреная, и ужь пьяная! Обманули, это какъ есть! Вотъ и платице ихнее разорвано.... Ахъ какъ развратъ-то новѣ пошолъ!... А пожалуй что изъ благородныхъ будетъ, изъ бѣдныхъ какихъ.... Новѣ много такихъ пошло. По виду-то какъ бы изъ нѣжныхъ, словно вѣдь барышня, — и онъ опять нагнулся надъ ней.

Раскольниковъ говорилъ громко и указывалъ на него прямо рукой. Тотъ слышалъ и кажется хотѣлъ было опять разсердиться, но одумался и ограничился однимъ презрительнымъ взглядомъ. Затѣмъ медленно отошелъ еще шаговъ десять и опять оставовился.

— Не дать-то имъ это можно-съ, отвѣчалъ унтеръ-офицеръ въ раздумьи. — Вотъ кабы они сказали куда ихъ предоставить, а то.... Барышня, а барышня! нагнулся онъ снова.

Та вдругъ совсѣмъ открыла глаза, посмотрѣла внимательно, какъ будто поняла что-то такое, встала со скамейки и пошла обратно въ ту сторону откуда пришла. — Фу, безстыдяки, пристають! проговорила она, еще разъ отмахнувшись. Пошла она скоро, но попрежнему сильно шатаясь. Франтъ пошелъ за нею, но по другой аддеѣ, не спуская съ нея глазъ.

— Не безпокойтесь, не дамъ-съ! рѣшительно сказалъ усачъ и отправился вслѣдъ за ними.

— Эхъ, развратъ-то какъ конѣ пошелъ! повторилъ онъ вслухъ, вздыхая.

Въ эту минуту какъ будто что-то ужалило Раскольникова; въ одинъ мигъ его какъ будто перевернуло.

— Послушайте, эй! закричалъ онъ вслѣдъ усачу.

Тотъ оборотился.

— Оставьте! чего вамъ? бросьте! Пусть его позабавится (онъ указалъ на франта). Вамъ-то чего?

Городовой не понималъ и смотрѣлъ во всѣ глаза. Раскольниковъ засмѣялся.

— Э-эхъ! проговорилъ служивый, махнувъ рукой, и пошелъ вслѣдъ за франтомъ и за дѣвочкой, вѣроятно принявъ Раскольникова или за помѣшаннаго или за что-нибудь еще хуже.

„Двадцать копѣекъ мои унесъ, злобно проговорилъ Раскольниковъ, оставшись одинъ.—Ну пусть и съ того тоже возьметъ, да и отпустить съ нимъ дѣвочку, тѣмъ и кончится.... И чего я ввязался тутъ помогать! Ну мнѣ-ль помогать? Игнью-ль я право помогать? Да пусть ихъ переглатаютъ другъ друга живьемъ,—мнѣ-то чего? И какъ я смѣлъ отдать эти двадцать копѣекъ. Развѣ онѣ мои?“

Несмотря на эти странныя слова, ему стало очень тяжело. Онъ присѣлъ на оставленную скамью. Мысли его были расщеплены.... Да и вообще тяжело ему было думать въ эту минуту о чемъ бы то ни было. Онъ бы хотѣлъ совсѣмъ за-

быться, все забыть, потомъ проснуться и начать совсѣмъ сызнова....

— Бѣдная дѣвочка! сказалъ онъ посмотрѣвъ въ опустѣвшій уголъ скамьи.... Очнется, поплачетъ, потомъ мать узнаетъ.... Сначала прибѣдетъ, а потомъ высчитетъ, больно и съ позоромъ, пожалуй и сгонитъ.... А не сгонитъ, такъ все-таки промываютъ. Дарьи Францовны, и начнетъ шмыгать моя дѣвочка, туда да сюда.... Потомъ тотчасъ больница (и это всегда у тѣхъ, которыя у матерей живутъ очень честныхъ и тихонько отъ нихъ пошализають), ну а тамъ.... а тамъ опять больница... вино.... кабаки.... и еще больница... года черезъ два-три—калъка, итого житья ея девятнадцать, а въ восемнадцать лѣтъ отъ роду всего-съ.... Развѣ я такихъ не видалъ? А какъ онѣ дѣлались? Да вотъ все такъ и дѣлались.... Тьфу! А пусть! Это, говорятъ, такъ и слѣдуетъ. Такой процентъ, говорятъ, долженъ уходить каждый годъ.... куда-то.... къ чорту должно-быть, чтобъ остальныхъ освѣжать и имъ не мѣшать. Процентъ! Славныя, право, у нихъ эти словечки: они такія успокоительныя, научныя. Сказано: процентъ, стало-быть и тревожиться нечего. Вотъ еслибы другое слово, ну тогда.... было бы можетъ-быть безпокойнѣе.... А что колы и Дунечка какъ-нибудь въ процентъ попадетъ!... Не въ тотъ, такъ въ другой?..

„А куда жъ я иду? подумалъ онъ вдругъ. — Странно. Вѣдь я зачѣмъ-то пошелъ. Какъ письмо прочелъ, такъ и пошелъ.... На Васильевскій островъ, къ Разумихину я пошелъ, вотъ куда, теперь.... помню. Да зачѣмъ однакоже? И какимъ образомъ мысль идти къ Разумихину залетѣла мнѣ именно теперь въ голову? Это замѣчательно.“

Онъ дивился себѣ. Разумихинъ былъ одинъ изъ его прежнихъ товарищей по университету. Замѣчательно, что Раз-

онъ всѣхъ ихъ опередилъ и развитіемъ, и знаніемъ, и убѣжденіями, и что на ихъ убѣжденія и интересы онъ смотритъ какъ на что-то низшее.

Съ Разумихинымъ же онъ почему-то сошелся, то-есть не то что сошелся, а былъ съ нимъ сообщительнѣе, откровеннѣе. Впрочемъ, съ Разумихинымъ невозможно было и быть въ другія отношеніяхъ. Это былъ необыкновенно веселый и сообщительный парень, добрый до простоты. Впрочемъ подъ этою простотою таились и глубина, и достоинство. Лучшіе изъ его товарищей понимали это, всѣ любили его. Былъ онъ очень неглупъ, хотя и дѣйствительно иногда простоватъ. Наружность его была выразительная, — высокій, худой, всегда худо выбритый, черноволосый. Иногда онъ буянилъ и слылъ за силача. Однажды ночью, въ компаніи, онъ однимъ ударомъ ссадилъ одного блюстителя вершковъ двѣнадцати росту. Пить онъ могъ до бесконечности, но могъ и совсѣмъ не пить; иногда проказилъ даже непозволительно, но могъ и совсѣмъ не проказить. Разумихинъ былъ еще тѣмъ замѣчательнѣе, что никакія неудачи его никогда не смущали, и никакія дурныя обстоятельства, казалось, не могли придавить его. Онъ могъ квартировать хоть на крышѣ, терпѣть адскій голодъ и необыкновенный холодъ. Былъ онъ очень бѣденъ и рѣшительно самъ, одинъ, содержалъ себя, добывая кой-какими работами деньги. Онъ зналъ бездну источниковъ, гдѣ могъ почерпнуть, разумѣется, заработкомъ. Однажды онъ цѣлую зиму совсѣмъ не топилъ своей комнаты и утверждалъ, что это даже пріятнѣе, потому что въ холодѣ лучше спится. Въ настоящее время онъ тоже принужденъ былъ выйдти изъ университета, но не надолго, и изъ всѣхъ силъ спѣшилъ поправить обстоятельства, чтобы можно было продолжать. Раскольниковъ не былъ у него уже мѣсяца четыре, а Разумихинъ и не зналъ даже его квартиры. Разъ какъ-то, мѣсяца два тому назадъ, они было встрѣтились на улицѣ, но Раскольниковъ отвернулся и даже перешелъ на другую сторону, чтобы тотъ его не замѣтилъ. А Разумихинъ хоть и замѣтилъ, но прошелъ мимо, не желая тревожить *пріятеля*.

V.

„Дѣйствительно, я у Разумихина недавно еще хотѣлъ было работы просить, чтобъ онъ мнѣ или уроки досталъ, или что-нибудь... додумывался Раскольниковъ, но чѣмъ теперь-то онъ мнѣ можетъ помочь? Положимъ уроки достанетъ, положимъ даже послѣднею копѣйкой подѣлится, еслисть у него копѣйка, такъ что можно даже и сапоги купить, и костюмъ поправить, чтобы на уроки ходить... гм... Ну, а дальше? На пятаки-то что жъ я сдѣлаю? Мнѣ развѣ того теперь надобно? Право смѣшно, что я пошелъ къ Разумихину...“

Вопросъ, почему онъ пошелъ теперь къ Разумихину, тревожилъ его больше чѣмъ даже ему самому казалось; съ безпокойствомъ отыскивалъ онъ какой-то зловѣщій для себя смыслъ въ этомъ, казалось бы, самомъ обыкновенномъ поступкѣ.

„Что жъ, неужели я все дѣло хотѣлъ поправить однимъ Разумихинымъ, и всему исходъ нашелъ въ Разумихинѣ?“ спрашивалъ онъ себя съ удивленіемъ.

Онъ думалъ и теръ себѣ лобъ, и странное дѣло, какъ-то невзначай, вдругъ и почти сама собой, послѣ очень долгаго раздумья, пришла ему въ голову одна престранная мысль.

„Гм... къ Разумихину, проговорилъ онъ вдругъ совершенно спокойно, какъ бы въ смыслѣ окончательнаго рѣшенія, — къ Разумихину я пойду, это конечно... но — не теперь... Я къ нему... на другой день, послѣ того пойду, когда уже *то* будетъ кончено, и когда все по новому пойдетъ...“

И вдругъ онъ опомнился.

„Послѣ *того*, вскрикнулъ онъ, срываясь со скамейки, — да развѣ *то* будетъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ будетъ?“

Онъ бросилъ скамейку и пошелъ, почти побѣжалъ; онъ хотѣлъ было повернуть назадъ, къ дому, но домой идти ему стало вдругъ ужасно противно: тамъ-то, въ углу, въ этомъ-то ужасномъ шкафу и созрѣвало все *это* вотъ уже болѣе мѣсяца, и онъ пошелъ куда глаза глядятъ.

Первая дрожь его перешла въ какую-то лихорадочную;

онъ чувствовалъ даже ознобъ; на такой жаръ ему становилось холодно. Какъ бы съ усиленіемъ началъ онъ, почти безсознательно, по какой-то внутренней необходимости, всматриваться во всё встрѣчавшіеся предметы, какъ будто ища уславно развлеченія, но это плохо удавалось ему, и онъ поинутно впадалъ въ задумчивость. Когда же опять, вздрагивая, поднималъ голову и оглядывался кругомъ, то тотчасъ же забывалъ о чемъ сейчасъ думалъ и даже гдѣ проходилъ. Такимъ образомъ прошелъ онъ весь Васильевскій островъ, вышелъ на Малую Неву, перешелъ мостъ и поворотилъ на Острова. Зелень и свѣжесть понравились сначала его усталымъ глазамъ, привыкшимъ къ городской пыли, къ извѣсткѣ и къ громаднымъ, тѣснящимъ и давающимъ домамъ. Тутъ не было ни духоты, ни вони, ни распивочныхъ. Но скоро и эти ноты, пріятныя ощущенія перешли въ болѣзненные и раздражающія. Иногда онъ останавливался передъ какою-нибудь изукрашеною въ зелени дачей, смотрѣлъ въ ограду, видѣлъ ладни, на балконахъ и на террасахъ, разряженныхъ женщинами и бѣгающими въ саду дѣтей. Особенно занимали его цвѣты; онъ на нихъ всего дольше смотрѣлъ. Встрѣчались ему тоже пышныя коляски, наѣзники и наѣзницы; онъ провожалъ ихъ съ любопытствомъ глазами и забывалъ о нихъ прежде чѣмъ они скрывались изъ глазъ. Разъ онъ остановился и пересчиталъ свои деньги; оказалось около тридцати копѣекъ: „Двадцать городовому, три Настасьѣ за письмо, — значитъ Мармеладовымъ далъ вчера копѣекъ сорокъ семь, ади пятьдесятъ,“ подумалъ онъ, для чего-то разчитывая, но скоро забылъ даже для чего и деньги вытаскивалъ изъ кармана. Онъ вспомнилъ объ этомъ, проходя мимо одного съѣстного заведенія, въ родѣ харчевни, и почувствовалъ, что ему хочется ѣсть. Войдя въ харчевню, онъ выпилъ рюмку водки и съѣлъ съ какою-то начинкой пирогъ. Довѣлъ онъ его опять на дорогѣ. Онъ очень давно не пилъ водки, и она много подѣйствовала, хотя выпита была всего одна рюмка. Ноги его вдругъ отяжелѣли, и онъ началъ чувствовать сильный позывъ ко сну. Онъ пошелъ домой; но дойдя уже до Петровскаго острова, остановился въ полномъ изнеможеніи, сошелъ съ дороги, вошелъ въ кусты, палъ на траву и въ ту же минуту заснулъ.

Въ болѣзненномъ состояніи сны отличаются часто необыкновенною выпуклостію, яркостью и чрезвычайнымъ сход-

ствомъ съ дѣйствительностью. Слагается иногда картина чудовищная, но обстановка и весь процессъ всего представляющагося бываютъ при этомъ до того вѣроятны и съ такими тонкостями, неожиданными, но художественно соответствующими всей полнотѣ картины подробностями, что ихъ и не выдумать на яву этому же самому сновидцу, будь онъ такой же художникъ какъ Пушкинъ или Тургеневъ. Такіе сны, болѣзненные сны, всегда долго помнятся и производятъ сильное впечатлѣніе на разстроенный и уже возбужденный организмъ человѣка.

Страшный сонъ приснился Раскольникову. Приснилось ему его дѣтство, еще въ ихъ городкѣ. Онъ лѣтъ семи и гуляетъ въ праздничный день, подъ вечеръ, съ своимъ отцомъ за городомъ. Время сѣренькое, день удушливый, мѣстность совершенно такая же какъ уцѣлѣла въ его памяти; даже въ памяти его она гораздо болѣе изгладилась чѣмъ представлялась теперь во снѣ. Городокъ стоитъ открыто какъ на ладони, кругомъ ни ветлы; гдѣ-то очень далеко, на самомъ краю неба, чернѣется лѣсокъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ послѣдняго городского огорода стоитъ кабакъ, большой кабакъ, всегда производившій на него непріятнѣйшее впечатлѣніе и даже страхъ, когда онъ проходилъ мимо его, гуляя съ отцомъ. Тамъ всегда была такая толпа, такъ орали, хохотали, ругались, такъ безобразно и сипло пѣли и такъ часто дрались; кругомъ кабака шлѣлись всегда такія пьяныя и страшныя рожи... Встрѣчаясь съ ними, онъ тѣсно прижимался къ отцу и весь дрожалъ. Возлѣ кабака дорога, проселокъ, всегда пыльная, и пыль на ней всегда такая черная. Идетъ она извиваясь далѣе, и шагахъ въ трехъ стахъ огибаеть вправо городское кладбище. Среди кладбища каменная церковь, съ зеленымъ куполомъ, въ которую онъ раза два въ годъ ходилъ съ отцомъ и съ матерью къ обѣднѣ, когда служились панихиды по его бабушкѣ, умершей уже давно, и которую онъ никогда не видалъ. При этомъ всегда они брали съ собой кутю на бѣломъ блюдѣ, въ салфеткѣ, а кутя была сахарная изъ рису и изюму, вдавленнаго въ рисъ крестомъ. Онъ любилъ эту церковь и старинные въ ней образа, большею частію безъ окладовъ, и стараго священника съ дрожащею головой. Подлѣ бабушкиной могилы, на которой была плита, была и маленькая могилка его меньшаго брата, умершаго шести мѣсяцевъ, и котораго онъ тоже совсѣмъ не зналъ

и не могъ помнитъ; но ему сказали, что у него былъ маленькій братъ, и онъ каждый разъ какъ посѣщалъ кладбище, религиозно и почтительно крестился надъ могилкой, кланялася ей и цѣловалъ ее. И вотъ свитоса ему: они идутъ съ отцомъ по дорогѣ къ кладбищу и проходятъ мимо кабака; онъ держитъ отца за руку и со страхомъ оглядывается на кабакъ. Особенное обстоятельство привлекаетъ его вниманіе: на этотъ разъ тутъ какъ будто гулянье, толпа разодѣтыхъ мѣщанокъ, бабъ, ихъ мужей и всякаго сброду. Всѣ пьяны, всѣ поютъ пѣсни, а подлѣ кабачнаго крыльца стоитъ телѣга, но странная телѣга. Это одна изъ тѣхъ большихъ телѣгъ, въ которыхъ впрягаютъ большихъ ломовыхъ лошадей и перевозятъ въ нихъ товары и винныя бочки. Онъ всегда любилъ смотрѣть на этихъ огромныхъ ломовыхъ коней, долгогривыхъ, съ толстыми ногами, идущихъ спокойно, мѣрнымъ шагомъ и везущихъ за собою какую-нибудь цѣлую гору, нисколько не насаждаясь, какъ будто имъ съ возами даже легче чѣмъ безъ возовъ. Но теперь, странное дѣло, въ большую такую телѣгу впряжена была маленькая, тощая, саврасая крестьянская клячонка, одна изъ тѣхъ, которая, — онъ часто это видѣлъ, — надрываются иной разъ съ высокимъ какимъ-нибудь возомъ дровъ или сѣна, особенно коли возъ застрянетъ въ грязи или въ колеѣ, и при этомъ ихъ такъ больно, такъ больно бьютъ всегда мужики кнутами, иной разъ даже по самой мордѣ и по глазамъ, а ему такъ жалко, такъ жалко на это смотрѣть, что онъ чуть не плачетъ, а мамаша всегда бывало отводитъ его отъ окошка. Но вотъ вдругъ становится очень шумно: изъ кабака выходятъ съ криками, съ пѣснями, съ балабайками, пьяные-препьяные большіе такіе мужики въ красныхъ и синихъ рубашкахъ, съ армяками въ накидку. „Садись, всѣ садись! кричитъ одинъ, еще молодой, съ толстою такою шеей и съ мясистымъ, краснымъ какъ морковь, лицомъ, — всѣхъ доведу, садись!“ Но тотчасъ же раздается свѣхъ и восклицанья:

— Этака кляча да повезеть!

— Да ты Миколка въ умѣ что ли: этаку кобыленку въ такую телѣгу запрегъ!

— А вѣдь савраскъ-то безпремѣнно дѣтъ двадцать ужъ будетъ, братцы!

— Садись, всѣхъ доведу! опять кричитъ Миколка, прыгая первый въ телѣгу, беретъ вожжи и становится на передкѣ

— Нѣтъ, ты стой; а тебѣ задамъ вопросъ. Слушай!

— Ну!

— Вотъ ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мнѣ: убьешь ты самъ старуху, или нѣтъ?

— Разумѣется, нѣтъ! Я для справедливости..... Не во мнѣ тутъ и дѣло....

— А по моему, коль ты самъ не рѣшаешься, такъ нѣтъ тутъ никакой и справедливости! Пойдемъ еще партію!

Раскольниковъ былъ въ чрезвычайномъ волненіи. Конечно, все это были самые обыкновенные и самые частые, не разъ уже слышанные имъ, въ другихъ только формахъ и на другія темы, молодые разговоры и мысли. Но почему именно теперь пришлось ему выслушать именно такой разговоръ и такія мысли, когда въ собственной головѣ его только-что зародились.... *такія же точно мысли?* И почему именно сейчасъ, какъ только онъ вынесъ зародышъ своей мысли отъ старухи, какъ разъ и попадаетъ онъ на разговоръ о старухѣ?... Страннымъ всегда казалось ему это совпаденіе. Этотъ ничтожный, трактирный разговоръ имѣлъ чрезвычайное на него вліяніе при дальнѣйшемъ развитіи дѣла: какъ будто дѣйствительно было тутъ какое-то предопредѣленіе, указаніе....

Возвратясь съ Снѣжной, онъ бросился на диванъ и цѣлый часъ просидѣлъ безъ движенія. Между тѣмъ стемнѣло; свѣчи у него не было, да и въ голову не приходило ему зажигать. Онъ никогда не могъ припомнить: думалъ ли онъ о чемъ-нибудь въ то время? Наконецъ онъ почувствовалъ давешнюю лихорадку, ознобъ, и съ наслажденіемъ догадался, что на диванѣ можно и лечь. Скоро крѣпкій, свицовый сонъ налегъ на него, какъ будто придавлилъ.

Онъ спалъ необыкновенно долго и безъ сновъ. Настасья, вошедшая къ нему въ десять часовъ, на другое утро, наслушавшись его. Она принесла ему чай и хлѣба. Чай былъ опять спитой, и опять въ ея собственномъ чайникѣ.

— Экъ вѣдь спить! вскричала она съ негодованіемъ, — и все-то онъ спить!

Онъ приподнялся съ усилиемъ. Голова его болѣла; онъ всталъ было на ноги, повернулся въ своей каморкѣ и упалъ опять на диванъ.

— Опять спать! вскричала Настасья,— да ты болеешь что ль? Онъ ничего не отвѣчалъ.

— Чай-то хощь?

— Посаѣ, — проговорилъ онъ съ усиленіемъ, смыкая опять глаза и оборачиваясь къ стѣнѣ. Настасья постоила надъ нимъ.

— И впрямь можетъ болеть, сказала она, повернулась и ушла.

Она вошла опять въ два часа, съ супомъ. Онъ лежалъ какъ дрова. Чай стоялъ не тронутый. Настасья даже обидѣлась и съ злобою стала толкать его.

— Чего дрыхнешь! вскричала она, съ отвращеніемъ смотря на него. Онъ приподнялся и съѣлъ, но ничего не сказалъ ей и глядѣлъ въ земаю.

— Болеть, ааь нѣтъ? спросила Настасья, и опять не получила отвѣта.

— Ты хощь бы на улицу вышелъ, сказала она помолчавъ:—тебя хощь бы вѣтромъ обдуло. Вѣсть-то будешь что ль?

— Посаѣ, слабо проговорилъ онъ, — ступай! и махнулъ рукою.

Она постоила еще немного, съ состраданіемъ посмотрѣла на него и вышла.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ подвѣлъ глаза и долго смотрѣлъ на чай и на супъ. Потомъ взялъ хлѣбъ, взялъ ложку и сталъ ѣсть.

Онъ съѣлъ немного, безъ аппетита, ложки три-четыре, какъ бы машинально. Голова болѣла меньше. Пообѣдавъ, протанулся онъ опять на диванъ, но заснуть уже не могъ, а лежалъ безъ движенія, ничкомъ, уткнувъ лицо въ подушку. Ему все грезилось, и все странныя такія были грезы: всего чаще представлялось ему, что онъ гдѣ-то въ Африкѣ, въ Египтѣ, въ какомъ-то оазисѣ. Караванъ отдыхаетъ, смиренно лежатъ верблюды; кругомъ пальмы растутъ цѣлымъ кругомъ; всѣ обѣдаютъ. Онъ же все пьетъ воду, прямо изъ ручья, который тутъ же, у бока, течетъ и журчитъ. И прохладно такъ, и чудесная-чудесная такая голубая вода, холодная, бѣжитъ по разноцвѣтнымъ камнямъ и по такому чистому съ золотыми блестками песку.... Вдругъ онъ ясно услышалъ, что бьютъ часы. Онъ вздрогнулъ, очнулся, приподнялъ голову, посмотрѣлъ въ окно, сообразилъ время и вдругъ вскочилъ совершенно опомнившись, какъ будто кто его сорвалъ съ дивана. На цыпочкахъ подошелъ онъ къ двери, пріотворилъ ее таковько и сталъ прислушиваться внизъ на лѣстницу. Сердце его страшно билось. Но на лѣстницѣ было все тихо,

всѣ осѣдаетъ всѣмъ задомъ, но вспрыгиваетъ и дергаетъ, дергаетъ изъ всѣхъ послѣднихъ силъ въ разные стороны, чтобы вывезти; но со всѣхъ сторонъ принимаютъ ее въ шесть кнутовъ, а оглобля снова вздымается и падаетъ въ третій разъ, потомъ въ четвертый, мѣрно, съ розмаха. Миколка въ бѣшенствѣ, что не можетъ съ одного удара убить.

— Живуча! кричатъ кругомъ.

— Сейчасъ непременно падетъ, братцы, тутъ ей и конецъ! кричитъ изъ толпы одинъ любитель.

— Топоромъ ее, чего! Покончить съ ней разомъ, кричитъ третій.

— Эхъ, шшь-те комары! Разступисы! неустово вскрикиваетъ Миколка, бросаетъ оглоблю, снова нагибается въ телѣгу и вытаскиваетъ желѣзный ломъ. Берегисы! кричитъ онъ и что есть силы огорошиваетъ съ розмаху свою бѣдную лошадедку. Ударъ рухнулъ; кобыленка зашаталась, осѣла, хотѣла было дернуть, но ломъ снова со всего розмаху ложится ей на спину, и она падаетъ на землю, точно ей подсѣкали всѣ четыре ноги разомъ.

— Добивай! кричитъ Миколка и вскакиваетъ, словно себя не помня, съ телѣги. Нѣсколько парней, тоже красныхъ и пьяныхъ, схватываютъ что попало—кнуты, палки, оглоблю, и бѣгутъ къ издыхающей кобыленкѣ. Миколка становится съ боку и начинаетъ бить ломомъ зря по спинѣ. Кляча протягиваетъ морду, тяжело вздыхаетъ и умираетъ.

— Доконалъ! кричатъ въ толпѣ.

— А зачѣмъ вскачь не шла!

— Мое добро! кричитъ Миколка, съ ломомъ въ рукахъ и съ налитыми кровью глазами. Онъ стоитъ будто жалѣя что ужъ некого больше бить.

— Ну и впрямь знать креста на тебѣ нѣтъ! кричатъ изъ толпы уже многіе голоса.

Но бѣдный мальчикъ уже не помнитъ себя. Съ крикомъ пробивается онъ сквозь толпу къ савраскѣ, обхватываетъ ея мертвую, окровавленную морду и цѣлуетъ ее, цѣлуетъ ее въ глаза, въ губы... Потомъ вдругъ вскакиваетъ и въ изступленіи бросается съ своими кудачонками на Миколку. Въ этотъ

— Папочка! за что они... бѣдную лошадку... убили! всхлипываетъ олъ, но дыханіе ему захватываетъ, и слова криками вырываются изъ его стѣсненной груди.

— Пыльные, шалать, не наше дѣло, пойдемъ! говоритъ отецъ. Олъ обхватываетъ отца руками, но грудь ему тѣснить, тѣснить. Олъ хочетъ перевести дыханіе, вскрикнуть, и просыпается.

Олъ проснулся весь въ поту, съ мокрыми отъ поту волосами, задыхаясь, и приподнялся въ ужасѣ.

— Славу Богу, это только сонъ! сказалъ олъ, садясь подъ деревомъ и глубоко переводя дыханіе. — Но что это? ужъ не горячка ли во мнѣ начинается: такой безобразный сонъ!

Все тѣло его было какъ бы разбито; смутно и темно на душѣ. Олъ положилъ локти на колѣна и подперъ обѣими руками голову.

— Боже! воскликнулъ олъ, — да неужели жь, неужели жь я въ самомъ дѣлѣ возьму топоръ, стану бить по головѣ, разложу ей черепъ... буду скользить въ липкой, теплой крови, замазывать замокъ, красть и дрожать; прятаться, весь залитый кровью... съ топоромъ... Господи, неужели?

Олъ дрожалъ какъ листъ говоря это.

— Да что же это я! продолжалъ олъ восклицаясь опять и какъ бы въ глубокомъ изумленіи, — вѣдь я зналъ ли, что я этого не вынесу, такъ чего жь я до сихъ поръ себя мучилъ? Вѣдь еще вчера, вчера, когда я пошелъ дѣлать эту... *пробу*, гдѣ я вчера же попалъ совершенно, что не вытерплю.... Чего жь я теперь-то? Чего жь я еще до сихъ поръ сомнѣвался? Вѣдь вчера же сходя съ лѣстницы, я самъ сказалъ, что это подло, гадко, низко, низко... вѣдь меня отъ одной мысли на *яву* стошало и въ ужасѣ бросило...

— Нѣтъ, я не вытерплю, не вытерплю! Пусть, пусть даже нѣтъ никакихъ сомнѣній во вѣрности этихъ разсчетовъ, будь это

какъ бы легче. Онъ почувствовалъ, что уже сбросилъ съ себя это страшное бремя, давившее его такъ долго, и на душѣ его стало вдругъ легко и мирно. „Господи! молилъ онъ,—покажи мнѣ путь мой, а я отрекаюсь отъ этой проклятой... мечты моей!“

Проходя чрезъ мостъ, онъ тихо и спокойно смотрѣлъ на Неву, на яркій закатъ яркаго, краснаго солнца. Несмотря на слабость свою, онъ даже не ощущалъ въ себѣ усталости. Точно нарывъ на сердцѣ его, нарывавшій весь мѣсяцъ, вдругъ прорвался. Свобода, свобода! Онъ свободенъ теперь отъ этихъ чаръ, отъ колдовства, обаянiя, отъ навожденiя!

Въ послѣдствiи, когда онъ вспоминалъ это время и все что случилось съ нимъ въ эти дни, минутой за минутой, пунктъ за пунктомъ, черту за чертой, его до суетвѣрiя поражаало всегда одно обстоятельство, хотя въ сущности и не очень необычайное, но которое постоянно казалось ему потому какъ бы какимъ-то предопредѣленiемъ судьбы его. Именно: онъ никакъ не могъ понять и объяснить себѣ почему онъ, усталый, измученный, которому было бы всего выгоднѣе возвратиться домой самымъ кратчайшимъ и прямымъ путемъ, воротился домой черезъ Сѣнную площадь, на которую ему было совсѣмъ лишнее идти. Крюкъ былъ небольшой, но очевидный и совершенно ненужный. Конечно, десятки разъ случалось ему возвращаться домой, не помня улицъ, по которымъ онъ шелъ. Но зачѣмъ же, спрашивалъ онъ всегда, зачѣмъ же такая важная, такая рѣшительная для него и въ то же время такая въ высшей степени случайная встрѣча на Сѣнной (по которой даже и идти ему было не зачѣмъ), подошла какъ-разъ теперь къ такому часу, къ такой минутѣ въ его жизни, именно къ такому настроенiю его духа, и къ такимъ именно обстоятельствамъ, при которыхъ только и могла она, эта встрѣча, произвести самое рѣшительное и самое окончательное дѣйствiе на всю судьбу его? Точно тутъ нарочно поджидала его!

Было около девяти часовъ, когда онъ проходилъ по Сѣнной. Всѣ торговцы на столахъ, на лоткахъ, въ лавкахъ и въ лавочкахъ, запирали свои заведенiя, или снимали и прибирали свой товаръ, и расходились по домамъ, равно какъ и ихъ покупатели. Около харчевень въ вышнихъ этажахъ, на грязныхъ и воюющихъ дворахъ домовъ Сѣнной площади, а наиболѣе у распивочныхъ, толпилось много разнаго и всякаго сорта промышленниковъ и лохмотниковъ. Раскольни-

ковъ преимущественно любилъ эти мѣста, равно какъ и всѣ близь лежащіе переулки, когда выходилъ безъ цѣли на улицу. Тутъ лохмотья его не обращали на себя ничего высокопарнаго вниманія, и можно было ходить въ какомъ угодно видѣ, никого не скандализируя. У самаго К — наго переулка, на углу, мѣщанинъ и баба, жена его, торговали съ двухъ столовъ товаромъ: нитками, тесемками, платками ситцевыми и т. под. Они тоже поднимались домой, но замѣшались разговаривая съ подошедшею знакомой. Знакомая эта была Лизавета Ивановна, или просто, какъ всѣ звали ее, Лизавета, младшая сестра той самой старухи Алены Ивановны, коллежской регистраторши и процентщицы, у которой вчера былъ Раскольниковъ, приходившій закладывать ей часы и дѣлать свою пробу.... Онъ давно уже зналъ все про эту Лизавету, и даже та его знала немного. Это была высокая, неуклюжая, робкая и смиренная дѣвка, чуть не идиотка, тридцати пяти лѣтъ, бывшая въ полномъ рабствѣ у сестры своей, работавшая на нее день и ночь, трепетавшая передъ ней и терпѣвшая отъ нея даже побои. Она стояла въ раздумьи съ узломъ передъ мѣщаниномъ и бабой и внимательно слушала ихъ. Тѣ что-то ей съ особеннымъ жаромъ толковали. Когда Раскольниковъ вдругъ увидѣлъ ее, какое-то странное ощущеніе, похожее на глубочайшее изумленіе, охватило его, хотя во встрѣчѣ этой не было ничего изумительнаго.

— Вы бы, Лизавета Ивановна, и порѣшили самолично, громко говорилъ мѣщанинъ. — Приходите-тко завтра, часу въ семомъ-съ. И тѣ придутъ.

— Завтра? протяжно и задумчиво сказала Лизавета, какъ будто не рѣшаясь.

— Экъ вѣдь вамъ Алена-то Ивановна страху задала! затараторила жена торговца, бойкая бабенка. — Посмотрю я на васъ, совсѣмъ-то вы какъ ребенокъ малый. И сестра она вамъ не родная, а сведеная, а вотъ какую волю взяла.

— Да вы на сей разъ Аленѣ Ивановнѣ ничего и не говорите-съ, перебилъ мужъ, — вотъ мой совѣтъ-съ, а зайдите къ намъ не просясь. Оно дѣло выгодное-съ. Потому и сестрица сами могутъ сообразить.

— Аль зайдти?

— Въ семомъ часу, завтра; и отъ тѣхъ придутъ-съ; самолично и порѣшите-съ.

— И самоварчикъ поставимъ, прибавила жена.

— Хорошо, приду, проговорила Лизавета, все еще раздумывая, и медленно стала съ мѣста трогаться.

Раскольниковъ тутъ уже прошелъ и не слышалъ больше. Онъ проходилъ тихо, незамѣтно, стараясь не проронить ни единого слова. Первоначальное изумленіе его мало-по-малу смѣнилось ужасомъ, какъ будто морозъ прошелъ по спицѣ его. Онъ узналъ, онъ вдругъ, внезапно и совершенно неожиданно узналъ, что завтра, ровно въ семь часовъ вечера, Лизаветы, старухиной сестры и единственной ея сожительницы, дома не будетъ, и что стало-быть старуха, ровно въ семь часовъ вечера, *останется дома одна.*

До его квартиры оставалось только нѣсколько шаговъ. Онъ вошелъ къ себѣ какъ приговоренный къ смерти. Ни о чемъ онъ не разсуждалъ и совершенно не могъ разсуждать; но всѣмъ существомъ своимъ вдругъ почувствовалъ, что нѣтъ у него болѣе ни свободы разсудка, ни воли, и что все вдругъ рѣшено окончательно.

Конечно, еслибы даже цѣлые годы приходилось ему ждать удобнаго случая, то и тогда, имѣя замыселъ, нельзя было разсчитывать навѣрное, на болѣе очевидный шагъ къ успѣху этого замысла, какъ тотъ, который представлялся вдругъ сейчасъ. Во всякомъ случаѣ, трудно было бы узнать наканунѣ и навѣрно, съ болѣею точностію и съ наименьшимъ рискомъ, безъ всякихъ опасныхъ разспросовъ и разысканій, что завтра, въ такомъ-то часу, такая-то старуха, на которую готовится покушеніе, будетъ дома одна одиноконька.

VI.

Въ послѣдствіи Раскольникову случилось какъ-то узнать, зачѣмъ именно мѣщанинъ и баба приглашали къ себѣ Лизавету. Дѣло было самое обыкновенное и не заключало въ себѣ ничего такого особеннаго. Приѣзжее и забѣдавшее семейство продавало вещи, платье и проч., все женское. Такъ какъ на рынкѣ продавать невыгодно, то и искали торговку, а Лизавета этимъ занималась: брала комиссію, ходила по дѣламъ и имѣла большую практику, потому что была очень честна и всегда говорила крайнюю цѣну: какую цѣну скажетъ, такъ

тому и быть. Говорила же вообще мало, и какъ уже сказано, была такая смиренная и пугливая....

Но Раскольниковъ въ послѣднее время сталъ суевѣренъ. Своимъ суевѣрія оставались въ немъ еще долго спустя, почти неизгладимо. И во всемъ этомъ дѣлѣ онъ всегда потому наклоненъ былъ видѣть нѣкоторую какъ бы странность, таинственность, какъ будто присутствіе какихъ-то особыхъ вліяній и совпаденій. Еще зимой, одинъ знакомый ему студентъ, Покоревъ, уѣзжая въ Харьковъ, сообщилъ ему какъ-то въ разговорѣ адресъ старухи Алены Ивановны, еслибы на случай пришлось ему что заложить. Долго онъ не ходилъ къ ней, потому что уроки были, и какъ-нибудь да пробивался. Мѣсяца полтора назадъ онъ вспомнилъ про адресъ; у него были двѣ вещи, годныя къ закладу: старые отцовскіе серебряные часы и маленькое золотое колечко съ тремя какими-то красными камешками, подаренное ему при прощаніи сестрой, на память. Онъ рѣшилъ отнестись колечко; розыскавъ старуху, съ перваго же взгляда, еще ничего не зная о ней особеннаго, почувствовалъ къ ней непреодолимое отвращеніе, взялъ у нея два „билетика“ и по дорогѣ зашелъ въ одну плохенькій трактиришка. Онъ спросилъ чаю, сѣлъ и крѣпко задумался. Странная мысль наклеивалась въ его головѣ, какъ изъ ящца цыпленокъ, и очень, очень занимала его.

Почти рядомъ съ нимъ на другомъ столикѣ сидѣлъ студентъ, котораго онъ совсѣмъ не зналъ и не помнилъ, и молодой офицеръ. Они сыграли на билліардѣ и стали пить чай. Вдругъ онъ услышалъ, что студентъ говоритъ офицеру про процентщицу, Алену Ивановну, коллежскую секретаршу, и сообщаетъ ему ея адресъ. Это уже одно показалось Раскольникову какъ-то страннымъ: онъ сейчасъ оттуда, а тутъ какъ-разъ про нее же. Конечно случайность, но онъ вотъ не можетъ отвязаться теперь отъ одного весьма необыкновеннаго впечатлѣнія, а тутъ какъ-разъ ему какъ будто кто-то подслуживается: студентъ вдругъ начинаетъ сообщать товарищу объ этой Аленѣ Ивановнѣ разныя подробности.

— Славная она, говорилъ онъ, — у ней всегда можно денегъ достать. Богата какъ Жидъ, можетъ сразу пять тысячъ выдать, а и рублевымъ залогомъ не брезгаетъ. Нашихъ много у ней перебывало. Только стерва ужасная....

И онъ сталъ разказывать какая она злая, капризная, что стоить только однимъ днемъ просрочить закладъ, и пропадетъ

вещь. Даетъ вчетверо меньше чѣмъ стоить вещь, а проценты по пяти и даже по семи беретъ въ мѣсяцъ и т. д. Студентъ разболтался и сообщилъ, кромѣ того, что у старухи есть сестра, Лизавета, которую она, такая маленькая и гаденькая, бьетъ поминутно и держитъ въ совершенномъ рабощеніи какъ маленькаго ребенка, тогда какъ Лизавета, по крайней мѣрѣ, восьми вершковъ росту....

— Вотъ вѣдь тоже феноменъ! вскричалъ студентъ и захотѣлъ.

Они стали говорить о Лизаветѣ. Студентъ разказывалъ о ней съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ и все смѣялся, а офицеръ съ большимъ интересомъ слушалъ и просилъ студента прислать ему эту Лизавету для пощипки бѣлья. Раскольниковъ не проронилъ ни одного слова и заразъ все узналъ: Лизавета была младшая, сводная (отъ разныхъ матерей) сестра старухи, и было ей уже тридцать пять лѣтъ. Она работала на сестру день и ночь, была въ домѣ вмѣсто кухарки и прачки, и кромѣ того, шла на продажу, даже полы мыть занималась, и все сестрѣ отдавала. Никакого заказа и никакой работы не смѣла взять на себя безъ позволенія старухи. Старуха же уже отдавала свое завѣщаніе, что извѣстно было самой Лизаветѣ, которой по завѣщанію не доставалось ни гроша, кромѣ движимости, стульевъ и прочаго; деньги же всѣ назначались въ одинъ монастырь въ Н — ѣ губерніи, на вѣчный поминъ души. Была же Лизавета мѣщанка, а не чиновница, дворянка, и собой ужасно нескладная, росту замѣчательно высокаго, съ длинными, какъ будто вывернутыми ножищами, всегда въ стоптанныхъ козловыхъ башмакахъ, и держала себя чистооптовно. Главное же, чему удивлялся студентъ, было то, что Лизавета поминутно была беременна....

— Да вѣдь ты говоришь, она уродъ? замѣтилъ офицеръ.

что безъ всякаго завору совѣсти, съ жаромъ прибавилъ студентъ.

Офицеръ опять захохоталъ, а Раскольниковъ вздрогнулъ. Какъ это было страшно!

— Позволь, я тебѣ серьезный вопросъ задать хочу, загорчился студентъ. — Я сейчасъ, конечно, пошутилъ, но смотри: съ одной стороны глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная, и напротивъ, кѣмъ вредная, которая сама не знаетъ для чего живетъ, и которая завтра же сама собой умретъ. Понимаешь? Понимаешь?

— Ну, понимаю, отвѣчалъ офицеръ внимательно уставясь въ горячившагося товарища.

— Слушай дальше. Съ другой стороны, молодая, свѣжія силы, пропадающія даромъ безъ поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрыхъ дѣлъ и начинаній, которыя можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченныя въ монастырь! Сотни, тысячи, можетъ-быть, существованій направленныхъ на дорогу; десятки семействъ спасенныхъ отъ нищеты, отъ разложенія, отъ гибели, отъ разврата, отъ венерическихъ больницъ, — и все это на ея деньги. Убей ее и возьми ея деньги, съ тѣмъ чтобы съ ихъ помощью посвятить потомъ себя на служеніе всему человечеству и общему дѣлу: какъ ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленьице тысячами добрыхъ дѣлъ? За одну жизнь — тысячи жизней, спасенныхъ отъ гнѣнія и разложенія. Одна смерть и это жизней взамѣнъ, — да вѣдь тутъ ариеметика! Да и что значить на общихъ вѣсахъ жизнь этой чакоточной, глупой и злой старушонки? Не болѣе какъ жизнь вши, таракана, да и того не стоить, потому что старушонка вредна. Она чужую жизнь забѣдаетъ: она зла; она намедви Лизаветѣ палець со зла укусила; чуть-чуть не отрѣзала!

— Конечно, она недостойна жить, замѣтилъ офицеръ. — но вѣдь тутъ природа.

— Эхъ, братъ, да вѣдь природу направляютъ и направляютъ, а безъ этого пришлось бы потонуть въ предрассудкахъ. Безъ этого ни одного бы великаго человека не было. Говорятъ: „долгъ, совѣсть,“ — я ничего не хочу говорить противъ долга и совѣсти, — но вѣдь какъ мы ихъ понимаемъ? Стой, я тебѣ еще задамъ одинъ вопросъ. Слушай!

— Нѣтъ, ты стой; я тебѣ задамъ вопросъ. Слушай!

— Ну!

— Вотъ ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мнѣ: убьешь ты самъ старуху, или нѣтъ?

— Разумѣется, нѣтъ! Я для справедливости.... Не во мнѣ тутъ и дѣло....

— А по моему, коль ты самъ не рѣшаешься, такъ нѣтъ тутъ никакой и справедливости! Пойдемъ еще партію!

Раскольниковъ былъ въ чрезвычайномъ волненіи. Конечно, все это были самые обыкновенные и самые частые, не разъ уже слышанные имъ, въ другихъ только формахъ и на другія темы, молодые разговоры и мысли. Но почему именно теперь пришлось ему выслушать именно такой разговоръ и такія мысли, когда въ собственной головѣ его только-что зародились.... *такія же точно мысли?* И почему именно сейчасъ, какъ только онъ вынесъ зародышъ своей мысли отъ старухи, какъ разъ и попадаетъ онъ на разговоръ о старухѣ?... Страннымъ всегда казалось ему это совпаденіе. Этотъ ничтожный, трактирный разговоръ имѣлъ чрезвычайное на него вліяніе при дальнѣйшемъ развитіи дѣла: какъ будто действительно было тутъ какое-то предопредѣленіе, указаніе....

.....

Возвратясь съ Свѣной, онъ бросился на диванъ и цѣлый часъ просидѣлъ безъ движенія. Между тѣмъ стемнѣло; свѣчи у него не было, да и въ голову не приходило ему зажигать. Онъ никогда не могъ припомнить: думалъ ли онъ о чемъ-нибудь въ то время? Наконецъ онъ почувствовалъ давешнюю лихорадку, ознобъ, и съ наслажденіемъ догадался, что на диванѣ можно и лечь. Скоро крѣпкій, свинцовый сонъ налегъ на него, какъ будто придавилъ.

Онъ спалъ необыкновенно долго и безъ сновъ. Настасья, вошедшая къ нему въ десять часовъ, на другое утро, нашла дотакалась его. Она принесла ему чай и хлѣба. Чай былъ опять спитой, и опять въ ея собственномъ чайникѣ.

— Экъ вѣдь спить! вскричала она съ негодованіемъ, — и

— Чай-то хопь?

— Послѣ, — проговорилъ онъ съ усиліемъ, смыкая опять глаза и оборачиваясь къ стѣнѣ. Настасья постоила надъ нимъ.

— И впрямь можетъ болеть, сказала она, повернулась и ушла.

Она вошла опять въ два часа, съ супомъ. Онъ лежалъ какъ дача. Чай стоялъ не тронутый. Настасья даже обидѣлась и съ злостью стала толкать его.

— Чего дрыхнешь! вскричала она, съ отвращеніемъ смотря на него. Онъ приподнялся и сѣлъ, но ничего не сказалъ ей и глядѣлъ въ землю.

— Болеть, аль нѣтъ? спросила Настасья, и опять не получила отвѣта.

— Ты хопь бы на улицу вышелъ, сказала она помолчавъ: — тебя хопь бы вѣтромъ обдуло. Вѣсть-то будешь что ль?

— Послѣ, слабо проговорилъ онъ, — ступай! и махнулъ рукой.

Она постоила еще немного, съ состраданіемъ посмотрѣла на него и вышла.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ подвѣлъ глаза и долго смотрѣлъ на чай и на супъ. Потомъ взялъ хлѣбъ, взялъ ложку и сталъ ѣсть.

Онъ сѣлъ немного, безъ аппетита, ложки три-четыре, какъ бы машинально. Голова болѣла меньше. Пообѣдавъ, протанулся онъ опять на диванъ, но заснуть уже не могъ, а лежалъ безъ движенія, ничкомъ, уткнувъ лицо въ подушку. Ему все грезилось, и все странныя такія были грезы: всего чаще представлялось ему, что онъ гдѣ-то въ Африкѣ, въ Египтѣ, въ какомъ-то оазисѣ. Караванъ отдыхаетъ, смиренно лежать вербауды; кругомъ пальмы растутъ цѣлымъ кругомъ; всѣ обѣдаютъ. Онъ же все пьетъ воду, прямо изъ ручья, который тутъ же, у бока, течетъ и журчитъ. И прохладно такъ, и чудесная-чудесная такая голубая вода, холодная, бѣжитъ по разноцвѣтнымъ камнямъ и по такому чистому съ золотыми блестками песку.... Вдругъ онъ ясно услышалъ, что бьютъ часы. Онъ вздрогнулъ, очнулся, приподнялъ голову, посмотрѣлъ въ окно, сообразилъ время и вдругъ вскочилъ совершенно опомнившись, какъ будто кто его сорвалъ съ дивана. На цыпочкахъ подошелъ онъ къ двери, приотворилъ ее тихонько и сталъ прислушиваться внизъ на лѣстницу. Сердце его страшно билось. Но на лѣстницѣ было все тихо,

точно всё спали.... Дико и чудно показалось ему, что онъ могъ проспать въ такомъ забытьи со вчерашняго дня и ничего еще не сдѣлалъ, ничего не приготовилъ.... А межъ тѣмъ можетъ и шесть часовъ било.... И необыкновенная лихорадочная и какая-то растерявшаяся суета охватила его вдругъ, вмѣсто сна и отупѣнія. Приготовлений, впрочемъ, было немного. Онъ напрягалъ всё усилія чтобы все сообразить и ничего не забыть; а сердце все билось, стучало такъ, что ему дышать стало тяжело. Впервыкъ, надо было петлю сдѣлать и къ пальто пришить, — дѣло минуты. Онъ подвѣзъ подъ подушку и отыскалъ въ напиханномъ подъ нее бѣльѣ одну, совершенно развалившуюся, старую, невытутую свою рубашку. Изъ лохмотьевъ ея онъ выдралъ тесьму, въ вершокъ шириной и вершковъ въ восемь длиной. Эту тесьму сложилъ онъ вдвое, снялъ съ себя свое широкое, крѣпкое, изъ какой-то толстой бумажной матеріи лѣтнее пальто (единственное его верхнее платье) и сталъ пришивать оба конца тесьмы подъ лѣвую мышку изнутри. Руки его тряслись пришивая, но онъ одолевалъ и такъ, что снаружи ничего не было видно, когда онъ опять надѣвалъ пальто. Иголka и нитки были у него уже давно приготовлены и лежали въ столикѣ, въ бумажкѣ. Что же касается петли, то это была очень ловкая его собственная выдумка; петля назначалась для топора. Нельзя же было по улицѣ нести топоръ въ рукахъ. А если подъ пальто спрятать, то все-таки надо было рукой придерживать, что было бы примѣтно. Теперь же, съ петлей, стоить только вложить въ нее лезвие топора, и онъ будетъ висѣть спокойно, подъ мышкой изнутри, всю дорогу. Запустивъ же руку въ боковой карманъ пальто, онъ могъ и конецъ топорной ручки придерживать, чтобъ она не болталась; а такъ какъ пальто было очень широкое, настоящій мѣшокъ, то и не могло быть примѣтно снаружи, что онъ что-то рукой, черезъ карманъ, придерживаетъ. Эту петлю онъ тоже дѣлалъ двѣ недѣли назадъ придумавъ.

Покочивъ съ этимъ, онъ просунулъ пальцы въ маленькую

быть серебряная папирозочница. Эту дощечку онъ случайно нашелъ, въ одну изъ своихъ прогулокъ, на одномъ дворѣ, гдѣ, во флигелѣ, помещалась какая-то мастерская. Потомъ же онъ прибавилъ къ дощечкѣ гладкую и тоненькую желѣзную полоску, — вѣроятно, отъ чего-нибудь отломокъ, — котору тоже нашелъ на улицѣ тогда же. Сложивъ обѣ дощечки, изъ коихъ желѣзная была меньше деревянной, онъ связалъ ихъ вмѣстѣ накрѣпко, крестъ-на-крестъ, ниткой; потомъ аккуратно и щеголевато завернулъ ихъ въ чистую бѣлую бумагу и обвязалъ тоненькою тесемочкой, тоже на-крестъ, а узелокъ приладилъ такъ, чтобы помудренѣе было развязать. Это для того чтобы на время отвлечь вниманіе старухи, когда она начнетъ возиться съ узелкомъ, и улучшить такимъ образомъ минуту. Желѣзная же пластинка прибавлена была для вѣсу, чтобы старуха хоть въ первую минуту не догадалась, что „вещь“ деревянная. Все это хранилось у него до времени подъ диваномъ. Только-что онъ досталъ закладъ, какъ вдругъ гдѣ-то на дворѣ раздался чей-то крикъ:

— Семей часъ давно!

— Давно! Боже мой!

Онъ бросился къ двери, прислушался, схватилъ шляпу и сталъ сходить внизъ свои тринадцать ступеней, осторожно, несмѣшно, какъ кошка. Предстояло самое важное дѣло — украсть изъ кухни топоръ. О томъ, что дѣло надо сдѣлать топоромъ, рѣшено имъ было уже давно. У него былъ еще складной садовый ножикъ; но на ножъ, и особенно на свои силы, онъ не надѣялся, а потому и остановился на топорѣ окончательно. Замѣтимъ кстати одну особенность, по поводу всѣхъ окончательныхъ рѣшеній, уже принятыхъ имъ въ этотъ дѣлъ. Они имѣли одно странное свойство: чѣмъ окончательнѣе они становились, тѣмъ безобразнѣе, нелѣпнѣе, тотчасъ же становились и въ его глазахъ. Несмотря на всю кучительную, внутреннюю борьбу свою, онъ никогда ни на одно мгновеніе не могъ увѣрять въ исполнимость своихъ замысловъ, во все это время.

И еслибы даже случилось когда-нибудь такъ, что уже все до послѣдней точки было бы имъ разобрано и рѣшено окончательно, и сомнѣній не оставалось бы уже болѣе никакихъ, — то тутъ-то бы, кажется, онъ и отказался отъ всего окончательно, какъ отъ нелѣпости, чудовищности и невозможности. Но неразрѣшенныхъ пунктовъ и сомнѣній оставалась еще

цѣлая бездна. Что же касается до того гдѣ достать топоръ, то эта мелочь его нисколько не беспокоила, потому что не было ничего легче. Дѣло въ томъ, что Настасья, и особенно по вечерамъ, поминутно не бывало дома: или убѣжить къ сосѣдямъ, или въ лавочку, а дверь всегда оставляетъ настежь. Хозяйка только изъ-за этого съ ней и ссорилась. Итакъ, стоило только потихоньку войти, когда придетъ время, въ кухню и взять топоръ, а потомъ, черезъ часъ (когда все уже кончится), войти и положить обратно. Но представлялись и сомнѣнія: Онъ, положимъ, придетъ черезъ часъ, чтобы положить обратно, а Настасья тутъ-какъ-тутъ, воротилась. Конечно, надо пройти мимо и выждать пока она опять выйдетъ. А ну какъ тѣмъ временемъ хватится топора, искать начнетъ, раскричится, — вотъ и подозрѣнiе, или по крайней мѣрѣ случай къ подозрѣнiю.

Но это еще были мелочи, о которыхъ онъ и думать не начиналъ, да и некогда было. Онъ думалъ о главномъ, а мелочи отлагалъ до тѣхъ поръ когда самъ *во всемъ убѣдится*. Но послѣднее казалось рѣшительно неосуществимымъ. Такъ по крайней мѣрѣ казалось ему самому. Никакъ онъ не могъ, напримѣръ, вообразить себѣ, что когда-нибудь онъ кончитъ думать, встанетъ и — просто пойдетъ туда... Даже недавнюю *пробу* свою (то-есть визитъ съ намѣренiемъ окончательно осмотрѣть мѣсто) онъ только *попробовалъ* было одѣвать, но далеко не въправду, а такъ: „дай-ка, дескать, пойду и опробую, что мечтать-то!“ — и тотчасъ не выдержалъ, плюнулъ и убѣжалъ, въ остервенѣнiи на самого себя. А между тѣмъ, казалось бы, весь анализъ, въ смыслѣ нравственнаго разрѣшенiя вопроса, былъ уже имъ поконченъ; казуистика его выточилась какъ бритва, и самъ въ себѣ онъ уже не находилъ сознательныхъ возраженiй. Но въ послѣднемъ случаѣ онъ просто не вѣрилъ себѣ, и упрямо, работки, искалъ возраженiй по сторонамъ и ощупью, какъ будто кто его принуждалъ и тянулъ къ тому. Послѣднiй же день, такъ печально наступившiй и все разомъ порѣшившiй, подѣйствовалъ на него почти совсѣмъ механически: какъ будто его кто-то взялъ за руку и потянулъ за собой, неотразимо, слѣпо, съ неестественною силой, безъ возраженiй. Точно онъ попалъ клочкомъ одежды въ колесо машины, и его начало въ нее втягивать.

Сначала,—впрочемъ давно уже прежде,—его занималъ, между

прочимъ, одинъ вопросъ: почему такъ легко отыскиваются и выдаются почти всѣ преступленія, и такъ явно обозначаются слѣды почти всѣхъ преступниковъ? Онъ пришелъ мало-помалу къ многообразнымъ и любопытнымъ заключеніямъ, и во его мнѣнію, главнѣйшая причина заключается не столько въ матеріальной невозможности скрыть преступленіе, какъ въ самомъ преступникѣ; самъ же преступникъ, и почти всякій, въ моментъ преступленія подвергается какому-то упадку воли и разсудка, смѣняемыхъ напротивъ того дѣтскимъ феноменальнымъ легкомысліемъ, и именно въ тотъ моментъ, когда наиболѣе необходимы разсудокъ и осторожность. По убѣжденію его, выходило, что это затмѣніе разсудка и упадокъ воли охватываютъ человѣка подобно болѣзни, развиваются постепенно и доходятъ до высшаго своего момента не задолго до совершенія преступленія; продолжаются въ томъ же видѣ въ самый моментъ преступленія и еще нѣсколько времени послѣ него, судя по индивидууму; затѣмъ проходятъ такъ же какъ проходитъ всякая болѣзнь. Вопросъ же: болѣзнь ли поражаетъ самое преступленіе, или само преступленіе, какъ-нибудь по особенной натурѣ своей, всегда сопровождается чѣмъ-то въ родѣ болѣзни?—онъ еще не чувствовалъ себя въ силахъ разрѣшить.

Дойдя до такихъ выводовъ, онъ рѣшилъ, что съ нимъ, лично, въ его дѣлѣ, не можетъ быть подобныхъ болѣзненныхъ переворотовъ, что разсудокъ и воля останутся при немъ, неотъемлемо, во все время исполненія задуманнаго, единственно по той причинѣ, что задуманное имъ—„не преступленіе“... Опускаемъ весь тотъ процессъ, посредствомъ котораго онъ дошелъ до послѣдняго рѣшенія; мы и безъ того слишкомъ забѣжали впередъ... Прибавимъ только, что фактическія, чисто матеріальныя затрудненія дѣла вообще играли въ умѣ его самую второстепенную роль. „Стоять только сохранить надъ ними всю волю и весь разсудокъ, и они, въ свое время, всѣ будутъ побѣждены, когда придется познакомиться до малѣйшей точности со всѣми подробностями дѣла“... Но дѣло не начиналось. Окончательнымъ своимъ рѣшеніемъ онъ продолжалъ всего менѣе вѣрить, и когда пробилъ часъ, все вышло совсѣмъ не такъ, а какъ-то нечаянно, даже почти неожиданно.

Одно ничтожнѣйшее обстоятельство поставило его въ тупикъ еще прежде чѣмъ онъ сошелъ съ дѣйствицы. Пороз-

навѣсивъ съ хозяйкиною кухней, какъ и всегда отворенною настежь, онъ осторожно покосился въ нее глазами, чтобъ оглядѣть предварительно: нѣтъ ли тамъ, въ отсутствіи Настасьи, самой хозяйки, а если нѣтъ, то хорошо ли заперты двери въ ея комнату, чтобъ она тоже какъ-нибудь оттуда не выглянула, когда онъ за топоромъ войдетъ? Но каково же было его изумленіе, когда онъ вдругъ увидалъ, что Настасья не только на этотъ разъ дома, у себя въ кухнѣ, но еще занимается дѣломъ: вынимаетъ изъ корзины бѣлье и развѣшиваетъ на веревкахъ! Увидѣвъ его, она перестала развѣшивать, обернулась къ нему и все время смотрѣла на него, пока онъ проходилъ. Онъ отвелъ глаза и прошелъ какъ будто ничего не замѣчая. Но дѣло было кончено: нѣтъ топора! Онъ былъ пораженъ ужасно.

„И съ чего взялъ я, думалъ онъ сходя подъ ворота, — съ чего взялъ я, что ея непременно въ эту минуту не будетъ дома? Почему, почему, почему я такъ навѣрно это рѣшилъ?“ Онъ былъ раздавленъ, даже какъ-то униженъ. Ему хотѣлось смѣяться надъ собой со злости... Тупая, звѣрская злоба закипѣла въ немъ.

Онъ остановился въ раздумьи подъ воротами. Идти на улицу, такъ, для виду, гулять, ему было противно; воротиться домой—еще противнѣе. „И какой случай навсегда потерялъ!“ пробормоталъ онъ, безцѣльно стоя подъ воротами, прямо противъ темной каморки дворника, тоже отворенной. Вдругъ онъ весь вздрогнулъ. Изъ каморки дворника, бывшей отъ него въ двухъ шагахъ, изъ-подъ лавки направо что-то блеснуло ему въ глаза... Онъ осмотрѣлся кругомъ, — никого. На цыпочкахъ подошелъ онъ къ дворницкой, сошелъ внизъ по двумъ ступенькамъ и слабымъ голосомъ окликнулъ дворника. — „Такъ и есть, нѣтъ дома! гдѣ-нибудь близко, впрочемъ, на дворѣ, потому что дверь отперта настежь.“ Онъ бросился стремглавъ на топоръ (это былъ топоръ) и вытащилъ его изъ-подъ лавки, гдѣ онъ лежалъ между двумя полѣнами; тутъ же, не выходя, прикрѣпилъ его къ петлѣ, обѣ руки засунувъ въ карманы и вышелъ изъ дворницкой; никто не замѣтилъ! „Не разсудокъ, такъ бѣсъ!“ подумалъ онъ, страшно усмѣхался. Этотъ случай ободрилъ его чрезвычайно.

Онъ шелъ дорогой тихо и *степенно*, не торопясь, чтобы не подать какихъ подозрѣній. Мало глядѣвъ онъ на прохожихъ, даже старалась совсѣмъ не глядѣть на лица и быть какъ

можно непримѣтнѣе. Тутъ вспомнилась ему его шляпа. — Боже мой! и деньги были третьяго дня, и не могъ перемѣнить на фуражку!“ Проклятіе вырвалось изъ души его.

Заглянувъ случайно, однимъ глазомъ, въ лавочку, онъ увидѣлъ, что тамъ, на стѣнныхъ часахъ, уже десять минутъ восьмага. Надо было и торопиться, и въ то же время сдѣлать крюкъ: подойти къ дому въ обходъ, съ другой стороны...

Прежде, когда случалось ему представлять все это въ воображеніи, онъ думалъ, что очень будетъ бояться. Но онъ не очень теперь боялся, даже не боялся совсѣмъ. Занимали его въ это мгновеніе даже какія-то постороннія мысли, только все не надолго. Проходя мимо Юсупова сада, онъ даже очень-было занялся мыслию объ устройствѣ высокихъ фонтановъ, и о томъ, какъ бы они хорошо освѣжали воздухъ на всѣхъ площадяхъ. Мало-по-малу онъ перешелъ къ убѣжденію, что еслибы распространить лѣтній садъ на все Марсово поле и даже соединить съ дворцовымъ Михайловскимъ садомъ, то была бы прекрасная и полезнѣйшая для города вещь. Тутъ заинтересовало его вдругъ: почему именно, во всѣхъ большихъ городахъ, человѣкъ не то что по одной необходимости, но какъ-то особенно наклоненъ жить и селиться именно въ такихъ частяхъ города, гдѣ нѣтъ ни садовъ, ни фонтановъ, гдѣ грязь и вонь, и всякая гадость. Тутъ ему вспомнилась его собственныя прогулки по Свѣной, и онъ на минуту очнулся. „Что за вздоръ, подумалъ онъ. Нѣтъ, лучше совсѣмъ ничего не думать!“

„Такъ вѣрно тѣ, которыхъ ведутъ на казнь, прилѣпливаются мыслями ко всѣмъ предметамъ, которые имъ встрѣчаются на дорогѣ,“ мелькнуло у него въ головѣ, но только мелькнуло какъ молнія; онъ самъ поскорѣй погасилъ эту мысль... Но вотъ уже и близко, вотъ и домъ, вотъ и ворота. Гдѣ-то вдругъ часы пробили одинъ ударъ. „Что это, неужели половина восьмага? Быть не можетъ, вѣрно бѣгутъ!“

На счастье его въ воротахъ опять прошло благополучно. Мало того, даже какъ нарочно, въ это самое мгновеніе только-что передъ нимъ въѣхалъ въ ворота огромный возъ сѣна, совершенно заслонявшій его все время какъ онъ проходилъ подворотню, и чуть только возъ успѣлъ выѣхать изъ воротъ во дворъ, онъ мигомъ проскользнулъ направо. Тамъ, по ту сторону воза, слышно было, кричали и спорили нѣсколько голосовъ, но его никто не замѣтилъ, и навстрѣчу никто не

попался. Много оконъ, выходившихъ на этотъ огромный квадратный дворъ, было отперто въ эту минуту, но онъ не поднималъ головы, — силы не было. Лѣстница къ старухѣ была близко, сейчасъ изъ воротъ направо. Онъ уже былъ на лѣстницѣ....

Переведя духъ и прижавъ рукой стучавшее сердце, тутъ же нацупавъ и оправивъ еще разъ топоръ, онъ сталъ осторожно и тихо подниматься на лѣстницу, поминутно прислушиваясь. Но и лѣстница на ту пору стояла совсѣмъ пустая; вотъ двери были заперты; никого-то не встрѣтилосъ. Во второмъ этажѣ одна пустая квартира была, правда, растворена настежь, и въ ней работали маалары, но тѣ и не поглядѣли. Онъ постоялъ, подумалъ и пошелъ дальше. — „Конечно, было бы лучше, еслибъ ихъ здѣсь совсѣмъ не было, но... надъ ними еще два этажа.“

Но вотъ и четвертый этажъ, вотъ и дверь, вотъ и квартира напротивъ; та пустая. Въ третьемъ этажѣ, по всѣмъ примѣтамъ, квартира, что прямо подъ старухиной, точно пустая: визитный билетъ, прибитый къ дверямъ гвоздочками, снятъ, — выѣхали!... Онъ задыхался. На одно мгновеніе пронеслась въ умъ его мысль: „не уйдти ли?“ Но онъ не далъ себѣ отвѣта и сталъ прислушиваться въ старухину квартиру: мертвая тишина. Потомъ еще разъ прислушался внизъ на лѣстницу, слушалъ долго, внимательно... Затѣмъ оглядѣлся въ послѣдній разъ, подобрался, оправился и еще разъ попробовалъ въ петлѣ топоръ. „Не блѣденъ ли я... очень? думалось ему, — не въ особенномъ ли я волненіи? Она недоувѣрчива... Не подождать ли еще... пока сердце перестанеть?..“

Но сердце не переставало. Напротивъ, какъ нарочно, стучало сильнѣй, сильнѣй, сильнѣй... Онъ не выдержалъ, медленно протянулъ руку къ колокольчику и позвонилъ. Черезъ полминуты еще разъ позвонилъ, погромче.

Нѣтъ отвѣта. Звонить зря было нечего, да ему и не къ фигурѣ. Старуха, разумѣется, была дома, но она подозрительна и одна. Онъ отчасти зналъ ея привычки... и еще разъ паотно приложилъ ухо къ двери. Чувства ли его были такъ изощрены (что вообще трудно предположить), или дѣйствительно было очень слышно, но вдругъ онъ различилъ какъ бы осторожный шорохъ рукой у замочной ручки и какъ бы шелестъ платья о самую дверь. Кто-то непримѣтно стоялъ у самаго замка и точно такъ же, какъ онъ здѣсь спаружи,

прислушиваясь притаясь изнутри, и кажется, тоже приложит ухо къ двери...

Онъ нарочно пошевелился и что-то погромче пробормоталъ, чтобъ и виду не подать что прячется; потомъ позволилъ въ третій разъ, но тихо, солидно и безъ всякаго нетерпѣнія. Вспоминая объ этомъ послѣ, ярко, ясно, эта минута отчеканилась въ немъ навѣки; онъ понять не могъ, откуда онъ взялъ столько хитрости, тѣмъ болѣе что умъ его какъ бы померкалъ мгновеніями, а тѣла своего онъ почти и не чувствовалъ на себѣ... Мгновеніе спустя послышалось, что снимаютъ запоръ.

VII.

Дверь, какъ и тогда, отворилась на крошечную щелочку, и опять два острые и недоувѣрчивые взгляда уставились на него изъ темноты. Тутъ Раскольниковъ потерялся и сдѣлалъ было важную ошибку.

Опасаясь, что старуха испугается того что они одни, и не надѣясь что видъ его ее разувѣритъ, онъ взялся за дверь и потянулъ ее къ себѣ, чтобы старуха какъ-нибудь не вздумала опять запереться. Увидя это, она не рванула дверь къ себѣ обратно, но не выпустила и ручку замка, такъ что онъ чуть не вытащилъ ее, вмѣстѣ съ дверью, на лѣстницу. Видя же, что она стоитъ въ дверяхъ поперекъ и не даетъ ему пройти, онъ пошелъ прямо на нее. Та отскочила въ испугѣ, хотѣла было что-то сказать, но какъ будто не смогла и смотрѣла на него во всѣ глаза.

— Здравствуйте, Алена Ивановна, началъ онъ, какъ можно развязище, но голосъ не послушался его, прервался и задрожалъ, — я вамъ.... вещь принесъ.... да вотъ лучше пойдете сюда.... къ свѣту....—И бросивъ ее, онъ, прямо безъ приглашенія, прошелъ въ комнату. Старуха побѣжала за нимъ; языкъ ея развязался.

— Господи! да чего вамъ?... Кто такой? Что вамъ угодно?

— Помилуйте, Алена Ивановна.... знакомый вашъ.... Раскольниковъ.... вотъ, закладъ принесъ что обѣщался напередни.... И онъ протягивалъ ей закладъ.

Старуха взглянула было на закладъ, но тотчасъ же уста-

видѣлась опять глазами прямо въ глаза незваному гостю. Он смотрѣла внимательно, злобно и недобрычливо. Прошло съ минуту; ему показалося даже въ ея глазахъ что-то въ родѣ насмѣшки, какъ будто она уже обо всемъ догадалась. Онъ чувствовалъ что терзается, что ему почти страшно, до того страшно, что кажется, смотри она такъ, не говори ни слова; еще съ полминуты, то онъ бы убѣждалъ отъ нея.

— Да что вы такъ смотрите, точно не узнали? проговорилъ онъ вдругъ тоже со злобой. — Хотите берите, а вѣтъ, — и къ другимъ пойду, мнѣ некогда.

Онъ и не думалъ это сказать, а такъ, само вдругъ выговорилось.

Старуха опомнилась, а рѣшительный тонъ гостя ее видимо ободрилъ.

— Да чего же ты, батюшка, такъ вдругъ.... что такое? спросила она, смотря на закладъ.

— Серебряная папиросочница: вѣдь я говорилъ прошлый разъ.

Она протянула руку.

— Да, чтой-то вы, батюшка, какой блѣдный? вотъ и руки дрожать? Искупался что ль, батюшка?

— Лихорадка, отвѣчалъ онъ отрывисто. — Поневоля станешь блѣднымъ.... коли есть нечего, прибавилъ онъ, едва выговаривая слова.—Силы опять покидали его. Но отвѣтъ показался правдоподобнымъ; старуха взяла закладъ.

— Что такое? спросила она, еще разъ пристально оглядѣвъ Раскольниковъ и взвѣшивая закладъ на рукѣ.

— Вещь.... папиросочница.... серебряная.... посмотрите.

— Да чтой-то, какъ будто и не серебряная.... Ишь навертѣлъ.

Стараясь развязать снурокъ, и оборотаясь къ окну, къ свѣту (всѣ окна у ней были заперты, несмотря на духоту), она на нѣсколько секундъ совсѣмъ его оставила и стала къ нему задомъ. Онъ растегнулъ пальто и высвободилъ топоръ изъ петли, но еще не вынулъ совсѣмъ, а только придерживалъ правою рукою подъ одеждой. Руки его были ужасно слабы; самому ему слышалось какъ онъ, съ каждымъ мгновениемъ, все болѣе нѣмѣли и деревенѣли. Онъ боялся что выпуститъ и уронитъ топоръ.... вдругъ голова его какъ бы закружилась.

— Да что онъ тутъ навертѣлъ! съ досадою вскричала старуха и пошевелилась въ его сторону.

На одного мига нельзя было терять болѣе. Онъ вынулъ топоръ совсѣмъ, взмахнулъ его обѣими руками, едва себя чувствуя, и почти безъ усилія, почти машинально, опустилъ на голову обухомъ. Силы его тутъ какъ бы не было. Но какъ только онъ разъ опустилъ топоръ, тутъ и родилась въ немъ сила.

Старуха, какъ и всегда, была простоволосая. Свѣтлые съ просѣдью, жиденькіе волосы ея, по обыкновенію жирно смазанные масломъ, были заплетены въ крысинуую косичку и подобраны подъ осколокъ роговой гребенки, торчавшей на ея затылкѣ. Ударъ пришеяся въ самое темя, чему способствовалъ ея весьма малый ростъ. Она вскрикнула, но очень слабо, и вдругъ вся осѣла къ полу, хотя и успѣла еще поднять обѣ руки къ головѣ. Въ одной рукѣ еще продолжала держать „закладъ.“ Тутъ онъ изо всей силы ударилъ разъ и другой, все обухомъ, и все по темени. Кровь хлынула какъ изъ опрокинутого стакана, и тѣло повалилось навзничь. Онъ отступилъ, далъ упасть и тотчасъ же нагнулся къ ея лицу: она была уже мертвая. Глаза были вытаращены, какъ будто хотѣли выпрыгнуть, а лобъ и все лицо были сморщены и искажены судорогой.

Онъ положилъ топоръ на полъ, подлѣ мертвой, и тотчасъ же полезъ ей въ карманъ, стараясь не замараться текущею кровію, — въ тотъ самый правый карманъ, изъ котораго она въ прошлый разъ вынимала ключи. Онъ былъ въ полномъ умѣ, затмѣній и головокруженій уже не было, но руки все еще дрожали. Онъ вспомнилъ потомъ, что былъ даже очень внимателенъ, остороженъ, старался все не запачкаться.... Ключи онъ тотчасъ же вынулъ; всѣ какъ и тогда были въ одной связкѣ, на одномъ стальномъ обручкѣ. Тотчасъ же онъ побѣжалъ съ ними въ спальню. Это была очень небольшая комната, съ огромнымъ кіотомъ образовъ. У другой стѣны стояла большая постель, весьма чистая, съ шелковымъ, набитымъ изъ лоскутковъ, ватнымъ одѣяломъ. У третьей стѣны былъ комодъ. Странное дѣло: только-что онъ началъ прилаживать ключи къ комоду, только-что онъ услышалъ ихъ звяканіе, какъ будто судорога прошла по немъ. Ему вдругъ опять захотѣлось бросить все и уйти. Но это было только мгновеніе; уходить было поздно. Онъ даже усмѣхнулся на себя, какъ вдругъ другая, тревожная мысль ударила ему въ голову. Ему вдругъ почудилось, что старуха, пожа-

луй, еще жива и еще можетъ очнуться. Бросивъ ключи и комодъ, онъ побѣжалъ назадъ, къ тѣлу, схватилъ топоръ и намахнулся еще разъ надъ старухой, но не опустилъ. Сомнѣнiя не было что она мертвая. Нагнувшись и разсмотривая ее опять ближе, онъ увидѣлъ ясно, что черепъ былъ раздробленъ и даже свороченъ чуть-чуть на сторону. Онъ было хотѣлъ пощупать пальцемъ, но отдернулъ руку; да и безъ того было видно. Крови между тѣмъ натекала уже цѣлая лужа. Вдругъ онъ замѣтилъ на ея шеѣ снурокъ, дернулъ его, но снурокъ былъ крѣпокъ и не срывался; къ тому же намокъ въ крови. Онъ попробовалъ было вытащить такъ, изъза пазухи, но что-то мѣшало, застряло. Въ нетерпѣнiи онъ взмахнулъ было опять топоромъ, чтобы рубнуть по снурку тутъ же, по тѣлу, сверху, но не посмѣлъ, и съ трудомъ, испачкавъ руки и топоръ, послѣ двухминутной возни, разрѣзалъ снурокъ, не касаясь топоромъ тѣла, и снялъ; онъ не ошибся — кошелекъ. На снуркѣ были два креста, кипарисный и мѣдный, и кромѣ того финифтяный образокъ; и тутъ же вмѣстѣ съ ними висѣлъ небольшой, замшевый, засаженный кошелекъ, съ стальнымъ ободкомъ и колечкомъ. Кошелекъ былъ очень туго набитъ; Раскольниковъ сунулъ его въ карманъ не осматривая, кресты обросилъ старухѣ на грудь, и захвативъ на этотъ разъ и топоръ, бросился обратно въ спальню.

Онъ спѣшилъ ужасно, схватился за ключи и опять началъ возиться съ ними. Но какъ-то все неудачно: не вкладывались они въ замки. Не то чтобы руки его уже такъ дрожали, но онъ все ошибался; и видѣть, напримѣръ, что ключъ не тотъ, не подходитъ, а все суетъ. Вдругъ онъ припомнилъ и сообразилъ, что этотъ большой ключъ, съ зубчатою бородкой, который тутъ же болтается съ другими маленькими, непременно долженъ быть вовсе не отъ комода (какъ и въ прошлый разъ ему на умъ пришло), а отъ какой-нибудь укладки, и что въ этой-то укладкѣ можетъ-быть все и припрятано. Онъ бросилъ комодъ и тотчасъ же полѣзъ подъ кровать, зная что укладки обыкновенно ставятся у старухъ подъ кроватями. Такъ и есть: стояла значительная укладка, побольше аршина въ длину, съ выпуклою крышей, обитая краснымъ сафьяномъ, съ утыканными по немъ стальными гвоздиками. Зубчатый ключъ какъ разъ пришелся и отперъ Сверху, подъ бѣлою простыней, лежала заячья шубка, кры-

таа краснымъ гарнитуромъ; подъ нею было шелковое платье, затѣвъ шаль, и туда, въ глубь, казалось, все лежало одно тряпье. Прежде всего онъ принялся было вытирать объ красный гарнитуръ свои запачканныя въ крови руки. „Красное ну а на красномъ кровь непримѣтнѣе,“ разсудилось было ему, и вдругъ онъ опомнился: „Господи! съ ума что ли я схожу? подумалъ онъ въ испугѣ.

Но только-что онъ пошевелилъ это тряпье, какъ вдругъ, изъ-подъ шубки, выскользнули золотыя часы. Онъ бросился ихъ перевертывать. Дѣйствительно, между тряпьемъ были перстнаны золотыя вещи,—вѣроятно все заклады, выкупленные и невыкупленные,—браслеты, цѣпочки, серьги, булавки и проч. Нѣкоторыя были въ футлярахъ, другія просто обернуты въ газетную бумагу, но аккуратно и бережно, въ двойные листы, и кругомъ обвязаны тесемками. Ни мало не медля, онъ сталъ набивать эти карманы панталонъ и пальто, не разбирая и не раскрывая шертковъ и футляровъ; но онъ не успѣвалъ много набрать...

Вдругъ ему послышалось, что въ комнатѣ, гдѣ была старуха, ходятъ. Онъ остановился и притихъ какъ мертвый. Но все было тихо, стало-быть померещилось. Вдругъ явственно послышался легкій крикъ, или какъ будто кто-то тихо и отрывисто простоналъ и замолчалъ. Затѣмъ опять мертвая тишина, съ минутою или съ двѣ. Онъ сидѣлъ на корточкахъ у сундука и ждалъ едва перевода духъ; но вдругъ вскочилъ, схватилъ топоръ и выбѣжалъ изъ спальни.

Среди комнаты стояла Лизавета, съ большимъ узломъ въ рукахъ, и смотрѣла въ оцѣпенѣніи на убитую сестру, вся была какъ полотно и какъ бы не въ силахъ крикнуть. Увидѣвъ его выбѣжавшаго, она задрожала какъ листъ, мелкою дрожью, и по всему лицу ея побѣжали судороги. Она подняла руку, раскрыла-было ротъ, но все-таки не вскрикнула, и медленно, задомъ, стала отодвигаться отъ него въ уголъ, пристально, въ упоръ, смотря на него, но все не крича, точно ей воздуху не доставало чтобы крикнуть. Онъ бросился на нее съ топоромъ; губы ея перекошились такъ злобно какъ у очень маленькихъ дѣтей, когда они начинаютъ чего-нибудь пугаться, пристально смотря на пугающій ихъ предметъ и собираются закричать. И до того эта несчастная Лизавета была проста, забита и напугана развѣ всегда, что даже руки не подняла защитить себя лицо, хотя это былъ самый необходимо-естественный жестъ въ эту

минуто, потому что топоръ былъ прямо поднять надъ ея лицомъ. Она только чуть-чуть приподняла свою свободную лѣвую руку, далеко не до лица, и медленно протянула ее къ нему впередъ, какъ бы отстраняя его. Ударъ пришелся прямо по черепу, остриемъ, и сразу прорубилъ всю верхнюю часть лба, почти до темени. Она такъ и рухнула. Раскольниковъ совсѣмъ-было потерялся, схватилъ ея узелъ, бросилъ его опять, и побѣжалъ въ прихожую.

Страхъ охватывалъ его все больше и больше, особенно послѣ этого втораго, совсѣмъ неожиданнаго убійства. Ему хотѣлось поскорѣе убѣжать отсюда. И еслибы въ ту минуту онъ въ состоянн былъ правильнѣе видѣть и разсуждать; еслибы только могъ сообразить всѣ трудности своего положенія, все отчаянн, все безобразн и всю нелѣпность его, понять при этомъ сколько затрудненнй, а можетъ-быть и злодѣйствъ, еще остается ему преодолѣть, чтобы вырваться отсюда и добраться домой, то очень можетъ быть, что онъ бросилъ бы все и тотчасъ же пошелъ бы самъ на себя объявить, и не отъ страху даже за себя, а отъ одного только ужаса и отвращенія къ тому чтò онъ сдѣлалъ. Отвращенн especially поднималось и росло въ немъ съ каждою минутою. Ни за что на свѣтѣ не пошелъ бы онъ теперь къ сундуку и даже въ комнаты.

Но какая-то разсѣянность, какъ будто даже задумчивость, стала понемногу овладѣвать имъ; минутами онъ какъ будто забывался или, лучше сказать, забывалъ о главномъ и прилѣплялся къ мелочамъ. Впрочемъ, заглянувъ на кухню и увидавъ на лавкѣ ведро, на половину полное воды, онъ догадался вымыть себѣ руки и топоръ. Руки его были въ крови и липли. Топоръ онъ опустилъ лезвеемъ прямо въ воду, схватилъ лежавшнй на окошкѣ, на расколотомъ блюдечкѣ, кусочекъ мыла и сталъ, прямо въ ведрѣ, отмывать себѣ руки. Отмывъ ихъ, онъ вытиралъ и топоръ, вымылъ желѣзо, и долго, минуты съ три, отмывалъ дерево, гдѣ закровенилось, пробуя кровь даже мыломъ. Затѣмъ все оттеръ бѣльемъ, которое тутъ же сушилось на веревкѣ, протянутою черезъ кухню, и потомъ долго, со вниманнемъ, осматривалъ топоръ у окна. Слѣдовъ не оставалось, только древко еще было сырое. Тщательно вложилъ онъ топоръ въ петлю, подъ пальто. Затѣмъ, сколько позволялъ свѣтъ въ тусклой кухнѣ, осмотрѣлъ пальто, панталоны, сапоги. Снаружи, съ перваго взгля-

да, какъ будто ничего не было; только на сапогахъ были пятна. Онъ намочилъ тряпку и оттеръ сапоги. Онъ зналъ, впрочемъ, что нехорошо разглядываетъ, что можетъ-быть есть что-нибудь въ глаза бросающееся, чего онъ не замѣчаетъ. Въ раздумьи сталъ онъ среди комнаты. Мучительная, темная мысль поднималась въ немъ, — мысль, что онъ сумашествуетъ, и что въ эту минуту не въ силахъ ни разсудить, ни себя защитити, что вовсе, можетъ-быть, не то надо дѣлать, что онъ теперь дѣлаетъ.... „Боже мой! Надо бѣжать, бѣжать!“ вскричалъ онъ, и бросился въ переднюю. Но здѣсь ожидалъ его такой ужасъ, какого, конечно, онъ еще ни разу не испытывалъ.

Онъ стоялъ, смотрѣлъ и не вѣрилъ глазамъ своимъ: дверь, наружная дверь, изъ прихожей на лѣстницу, та самая, въ которую онъ давно звонилъ и вошелъ, стояла отпертая, даже на дѣлаю ладонь пріотворенная: ни замка, ни запора, все время, во все это время! Старуха не заперла за нимъ, можетъ-быть изъ осторожности. Но Боже! вѣдь видѣлъ же онъ потомъ Лизавету! И какъ могъ, какъ могъ онъ не догадаться, что вѣдь вошла же она откуда-нибудь! Не сквозь стѣну же.

Онъ кинулся къ дверямъ и наложилъ запоръ.

— Но вѣтъ, опять не то! Надо идти, идти....

Онъ снялъ запоръ, отворилъ дверь и сталъ слушать на лѣстницу.

Долго онъ выслушивалъ. Гдѣ-то далеко, внизу, вѣроятно подъ воротами, громко и визгливо кричали чьи-то два голоса, спорили и бранились. „Что они?..“ Онъ ждалъ терпѣливо. Наконецъ, разомъ все утихло, какъ отрѣзало; разошлись. Онъ уже хотѣлъ выйти, но вдругъ этажомъ ниже съ шумомъ растворилась дверь на лѣстницу, и кто-то сталъ сползать внизъ, напѣвая какой-то мотивъ. „Какъ это они такъ все шумятъ!“ мелькнуло въ его головѣ. Онъ опять притворилъ за собою дверь и переждалъ. Наконецъ все умолкло, ни души. Онъ уже ступилъ-было шагъ на лѣстницу, какъ вдругъ опять послышались чьи-то новые шаги.

Эти шаги послышались очень далеко, еще въ самомъ началѣ лѣстницы, но онъ очень хорошо и отчетливо помнилъ, что съ перваго же звука, тогда же сталъ подозрѣвать почему-то что это непременно *сидя*, въ четвертый этажъ, къ старухѣ. Почему? Звуки что ли были такіе особенные, знаменательные? Шаги были тяжелые, ровные, не спѣшные. Вотъ ужъ онъ прошелъ первый этажъ, вотъ поднялся еще; все слыш-

нѣй и слышатъ! Посыпалась тяжелая одышка входившаго. Вотъ ужъ и третій этажъ начался.... Сюда! И вдругъ показалось ему, что онъ точно окостенѣлъ, что это точно во снѣ, когда снится что догоняють, близко, убить хотять, а самъ точно приросъ къ мѣсту, и руками пошевелить нельзя.

И наконецъ, когда уже гость сталъ подниматься въ четвертый этажъ, тутъ только онъ весь вдругъ встрепенулся, вздрогнулъ и успѣлъ-таки быстро и ловко проскользнуть назадъ изъ снѣей въ квартиру и притворить за собой дверь. Затѣмъ схватилъ запоръ и тихо, несмышно, насадилъ его на петлю. Инстинктъ помогалъ. Кончивъ все, онъ притаился не дыша, прямо сейчасъ у двери. Незванный гость былъ уже тоже у дверей. Они стояли теперь другъ противъ друга, какъ давеча онъ со старухой, когда дверь раздѣляла ихъ и онъ прислушивался.

Гость нѣсколько разъ тяжело отдыхнулся. „Толстый и большой, должно-быть,“ подумалъ Раскольниковъ, сжимая топоръ въ рукѣ. Въ самомъ дѣлѣ, точно все это случилось. Гость схватился за колокольчикъ и крѣпко позвонилъ.

Какъ только звякнулъ жестяной звукъ колокольчика, ему вдругъ какъ будто почудилось, что въ комнатѣ пошевелились. Нѣсколько секундъ онъ даже серьезно прислушивался. Незнакомецъ звякнулъ еще разъ, еще подождалъ, и вдругъ, въ нетерпѣннѣи, изо всей силы сталъ дергать ручку у дверей. Въ ужасѣ смотрѣлъ Раскольниковъ на прыгавшій въ петлѣ крюкъ запора и съ тупымъ страхомъ ждалъ, что вотъ-тотъ и запоръ сейчасъ выскочитъ. Дѣйствительно, это казалось возможнымъ: такъ сильно дергали. Онъ-было вздумалъ придержать запоръ рукой, но тотъ могъ догадаться. Онъ терпѣлся, голова его какъ будто опять начинала кружиться. „Вотъ упаду!“ промелькнуло въ немъ, но незнакомецъ заговорилъ, и онъ тотчасъ же опомнился.

— Да что онъ тамъ дрыхаетъ или передумалъ ихъ кто? Тррреклатья! заревѣлъ онъ какъ изъ бочки. — Эй, Елена Ивановна, старуха вѣдьма! Лизавета Ивановна, красота не описанная! Отворяйте! У, треклатья, спать онъ что ли?

И снова, остервенясь, онъ разъ десять сразу, изъ всей мочи, дернулъ въ колокольчикъ. Ужь, конечно, это былъ человѣкъ властный и короткій въ домѣ.

Въ самую эту минуту вдругъ мелкіе, поспѣшаме шаги посыпались недалеко на лѣстницѣ. Подходилъ еще кто-то. Раскольниковъ и не разслышалъ сначала.

— Неужели нѣтъ никого? звонко и весело закричалъ по-

дошедшій, прямо обращаясь къ первому посѣтителю, все еще продолжавшему дергать звонокъ. — Здравствуйте, Кохъ! „Судя по голосу, должно-быть очень молодой,“ подумалъ другъ Раскольниковъ.

— Да чортъ ихъ знаетъ, замокъ чуть не разломалъ, отвѣчалъ Кохъ. — А вы какъ меня извоите звать?

— Ну вотъ! А третьяго-то дня, въ Гамбринусъ, три партия сразу взялъ у васъ на бильярдѣ!

— А-а-а....

— Такъ вѣтъ ихъ-то? Странно. Глупо, впрочемъ, ужасно. Буда бы старухѣ-то уйти? У меня дѣло.

— Да и у меня, батюшка, дѣло!

— Ну, что же дѣлать? Значить назадъ. Э-эхъ! а я было думаю денегъ достать! вскричалъ молодой человѣкъ.

— Конечно, назадъ, да зачѣмъ назначать? Сама мнѣ, вѣдьма, часъ назначала. Мнѣ вѣдь крюкъ. Да и куда къ чорту ей шаться, не понимаю? Круглый годъ сидитъ, вѣдьма, киснетъ, ноги болятъ, а тутъ вдругъ и на гулявье!

— У дворника не спросить ли?

— Чего?

— Куда ушла и когда придетъ?

— Гм.... чортъ.... спросить.... Да вѣдь она жъ никуда не ходитъ.... и онъ еще разъ дернулъ за ручку замка.—Чортъ, нечего дѣлать, идти!

— Стойте! закричалъ вдругъ молодой человѣкъ, — смотрите: видите какъ дверь отстаётъ, если дергать?

— Ну?

— Значить она не на замокъ, а на запоръ, на крючкѣ то-есть! Слышите какъ запоръ брякаетъ?

— Ну?

— Да какъ же вы не понимаете? Значить кто-нибудь изъ вѣкъ дома. Еслибы всѣ ушли, такъ снаружи бы ключемъ заперли, а не на запоръ изнутри. А тутъ, — слышите какъ заворъ брякаетъ? А чтобы затвориться на запоръ изнутри, надо быть дома, понимаете? Стало-быть дома сидятъ, да не отпираютъ!

— Ба! да и въ самомъ дѣлѣ! закричалъ удивившійся Кохъ. — Такъ что жъ онъ тамъ! — И онъ неистово началъ дергать дверь.

— Стойте! закричалъ опять молодой человѣкъ, — не дергайте! Тутъ что-нибудь да не такъ.... вы вѣдь звонили, дергали, — не отпираютъ; значить, или онъ обѣ въ обморокъ, или...

— Что?

— А вотъ что: пойдете-ка за дворникомъ; пусть онъ ихъ самъ разбудитъ.

— Дѣло! Оба двинулись внизъ.

— Стойте! Оставайтесь-ка вы здѣсь, а я сбѣгаю внизъ за дворникомъ.

— А зачѣмъ оставаться?

— А мало ли что?...

— Пожалуй....

— Я вѣдь въ судебные слѣдователи готовлюсь! Тутъ очевидно, оче-че-видно что-то не такъ! горячо вскричалъ молодой человѣкъ и бѣгомъ пустился внизъ по лѣстницѣ.

Кожъ остался, пошевелилъ еще разъ тиховько звонкомъ, и тотъ звякнулъ одинъ ударъ; потомъ тихо, какъ бы размышляя и осматривая, сталъ шевелить ручку двери, притягивая и опуская ее, чтобы убѣдиться еще разъ, что она на одномъ запорѣ. Потомъ пыхтя нагнулся и сталъ смотрѣть въ замочную скважину; но въ ней изнутри торчалъ ключъ и стало-быть ничего не могло быть видно.

Раскольниковъ стоялъ и сжималъ топоръ. Онъ былъ точно въ бреду. Онъ готовился даже драться съ ними, когда они войдутъ. Когда они стучались и сговаривались, ему, нѣсколько разъ, вдругъ приходила мысль кончить все разомъ и крикнуть имъ изъ-за дверей. Порой хотѣлось ему начать ругаться съ ними, дразнить ихъ, покаместъ не отперли. „Поскорѣй бы ужь!“ мелькнуло въ его головѣ.

— Однако онъ чортъ....

Время проходило, минута, другая, — никто не шелъ. Кожъ сталъ шевелиться.

— Однако чортъ!... закричалъ онъ вдругъ и въ нетерпѣннѣи, бросивъ свой караулъ, отправился тоже внизъ, торопясь и стуча по лѣстницѣ сапогами. Шаги стихли.

— Господи, что же дѣлать!

Раскольниковъ снялъ запоръ, приотворилъ дверь, ничего не слышаво, и вдругъ, совершенно уже не думая, вышелъ, при-

ры, и не то что побѣжалъ, а точно упалъ внизъ, по лѣстницѣ, крича во всю глотку:

— Митька! Митька! Митька! Митька! Митька! Шуть-ге дери-и-и!

Крикъ закончился взвизгомъ; послѣдніе звуки послышались уже на дворѣ; все затихло. Но въ то же самое мгновеніе нѣсколько человѣкъ, громко и часто говорившихъ, стали шумно подниматься на лѣстницу. Ихъ было трое или четверо. Онъ разслышалъ звонкій голосъ молодого. „Они!“

Въ полномъ отчаяніи пошелъ онъ имъ прямо на встрѣчу: будь что будетъ! Оставовятъ, все пропало, пропускаютъ, тоже все пропало: запомнать. Они уже сходились; между ними оставалась всего одна только лѣстница, — и вдругъ, спасеніе! Въ нѣсколькихъ ступенькахъ отъ него, направо, пустая и настежь отпертая квартира, та самая квартира, втораго этажа, въ которой красили рабочіе, а теперь, какъ нарочно, ушли. Они-то вѣрно и выбѣжали сейчасъ съ такимъ крикомъ. Полы только-что окрашены, среди комнаты стоятъ лачока и черепокъ съ краской и съ мазилкой. Въ одно мгновеніе прошмыгнулъ онъ въ отворенную дверь и притаился за стѣной, и было время: они уже стояли на самой площадкѣ. Затѣмъ повернули вверхъ и прошли мимо, въ четвертый этажъ, громко разговаривая. Онъ выждалъ, вышелъ на цыпочкахъ и побѣжалъ внизъ.

Никого на лѣстницѣ! Подъ воротами тоже. Быстро прошелъ онъ подворотню и повернулъ назадъ по улицѣ.

Онъ очень хорошо зналъ, онъ отлично хорошо зналъ, что они, въ это мгновеніе, уже въ квартирѣ, что очень удивились видя что она отперта, тогда какъ сейчасъ была заперта, что они уже смотрятъ на тѣла, и что пройдетъ не больше минуты какъ они догадаются и совершенно сообразятъ, что тутъ только-что былъ убійца и успѣлъ куда-нибудь спрятаться, проскользнуть мимо нихъ, убѣжать; догадаются пожалуй и о томъ, что онъ въ пустой квартирѣ сидѣлъ, пока они вверхъ проходили. А между тѣмъ ни подъ какимъ видомъ не смѣлъ онъ очень прибавить шагу, хотя до перваго поворота шаговъ сто оставалось. „Не скользнуть ли развѣ въ подворотню какую-нибудь и переждать гдѣ-нибудь на незнакомой лѣстницѣ? Нѣтъ, бѣда! А не забросить ли куда топоръ? Не взять ли извожика? Бѣда! бѣда!“

Мысли его мѣшались. Наконецъ вотъ и переулочекъ; онъ

поворотилъ въ него полумертвый; тутъ онъ былъ уже на половину спасенъ и понималъ это: меньше подозрѣній, къ тому же тутъ сильно народъ сновалъ, и онъ стирался въ немъ какъ песчинка. Но всѣ эти мученія до того его обезсилили, что онъ едва двигался. Потъ шелъ изъ него каплями; шея была вся смочена. „Ишь нарѣзался!“ крикнулъ кто-то ему, когда онъ вышелъ на канаву.

Онъ плохо помнилъ себя; чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Онъ помнилъ однако, какъ вдругъ, выйдя на канаву, испугался что мало народу, и что тутъ примѣтнѣе, и хотѣлъ было поворотить назадъ въ переулокъ. Несмотря на то что чуть не падалъ, онъ все-таки сдѣлалъ крюку и пришелъ домой съ другой совсѣмъ стороны.

Не въ полной памяти прошелъ онъ и въ ворота своего дома; по крайней мѣрѣ онъ уже прошелъ на лѣстницу и тогда только вспоминалъ о топорѣ. А между тѣмъ предстояла очень важная задача: положить его обратно и какъ можно не замѣтнѣе. Конечно, онъ уже не въ силахъ былъ сообразить, что можетъ-быть гораздо лучше было бы ему совсѣмъ не класть топора на прежнее мѣсто, а подбросить его, хотя потомъ, куда-нибудь на чужой дворъ.

Но все обошлось благополучно. Дверь въ дворницкую была притворена, но не на замкѣ, стало-быть вѣроятно всего было, что дворникъ дома. Но до того уже онъ потерялъ способность сообразить что - нибудь, что прямо подошелъ къ дворницкой и растворилъ ее. Еслибы дворникъ спросилъ его: „что надо?“ онъ можетъ-быть такъ прямо и подалъ бы ему топоръ. Но дворника опять не было, и онъ успѣлъ уложить топоръ на прежнее мѣсто подъ скамью; даже ползномъ прикрылъ попрежнему. Никого, ни единой души, не встрѣтилъ онъ потомъ до самой своей комнаты; хозяйкина дверь была заперта. Войдя къ себѣ, онъ бросился на диванъ, такъ какъ былъ. Онъ не спалъ, но былъ въ забытїи. Еслибы кто вошелъ тогда въ его комнату, онъ бы тотчасъ же вскочилъ и закричалъ. Клочки и отрывки какихъ-то мыслей такъ и кишали въ его головѣ; но онъ ни одной не могъ схватить, ни на одной не могъ остановиться, несмотря даже на усилїя...

Ф. ДОСТОЕВСКІЙ.

КАКЪ Я ЗНАЛЪ М. Л. МАГНИЦБАГО.

Съ какимъ удовольствіемъ принимаешься за перо, когда хочешь изобразить личность, оставившую по себѣ свѣтлый слѣдъ на землѣ, какому бы роду служенія отечеству или человечеству ни посвятила она себя. Потомство поминаетъ его имя съ благоговѣнною благодарностью; отецъ приводитъ сына поклониться его могилѣ и научиться на ней урокамъ чести и долга. Это имя звучитъ такъ гармонически, согрѣваетъ сердце такимъ благотворнымъ огнемъ. Напротивъ того, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ приступаешь къ изображенію чловѣка, который будучи одаренъ лучшими дарами природы и воспитанія, и имѣя въ рукахъ своихъ средства разливать добро и свѣтъ на все его окружающее, употребилъ во зло эти дары для удовлетворенія однихъ своихъ страстей.

Обстоятельства поставили меня въ близкія отношенія къ М. Л. Магницкому, когда онъ стоялъ на вершинѣ своего служебнаго поприща и во время его паденія; я пользовался его горячимъ, порывистымъ благорасположеніемъ, слылъ даже лѣтъ пять его любимцемъ и испыталъ столь же порывистое недоброжелательство, котораго настоящую причину не могъ никогда знать. Таковъ онъ былъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. То что я буду разказывать о немъ на немногихъ страницахъ, сколько память не измѣнитъ мнѣ, можетъ служить дополненіемъ къ статьѣ г. Теохтистова, помѣщенной въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1864 года, и новыми матеріалами для исторіи просвѣщенія Россіи. Предупреждаю, что я по пути моего разказа

буду иногда разбрасывать замѣтки, хотя и отступающія загагами отъ главнаго предмета моего разказа, но которыя могутъ быть интересны, какъ обрисовывающія тогдашнюю эпоху, или поучительны для нынѣшнихъ современниковъ. Неминуемо придется мнѣ часто говорить о себѣ.

Оставивъ въ 1820 году военную службу, я сталъ, слѣдуя своимъ наклонностямъ, искать мѣста по учебному вѣдомству. Бывшій мой начальникъ, графъ Остерманъ-Толстой, передъ отъѣздомъ своимъ въ чужіе края, письменно просилъ тогдашняго попечителя Харьковскаго учебнаго округа, Караѣева, доставить мнѣ мѣсто директора училищъ въ этомъ округѣ. Между тѣмъ, въ ожиданіи отвѣта, который нѣсколько замедлился, дали мнѣ знать, что въ Казанскомъ округѣ открылась вакансія директора пензенскихъ училищъ, и совѣтывали мнѣ прямо обратиться къ попечителю округа М. Л. Магницкому. Этотъ совѣтъ былъ приправленъ разными жаркими похвалами лицу, къ которому я долженъ былъ адресоваться.

Магницкій былъ тогда лицо сильное, пользовавшееся неограниченною довѣренностью министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князя А. Н. Голицына, отогрѣвшаго его у сердца своего отъ невзгодъ, его поразившихъ, въ одну и ту же грозу, павшую на голову Сперанскаго. Я слыхалъ о Магницкомъ, какъ о человѣкѣ острога, высокаго ума, съ необыкновенно увлекательнымъ даромъ слова, изустнымъ и письменнымъ, съ блестящимъ научнымъ образованіемъ (онъ получилъ воспитаніе въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, гдѣ имя его красовалось золотыми буквами). Чарующая извѣстность дружескаго расположенія къ нему Сперанскаго придавала еще болѣе блеска его имени.

Вооруженный аттестатомъ моего бывшаго начальника, копіей съ письма его къ попечителю Харьковскаго учебнаго округа и официальнымъ письмомъ статсъ-секретаря Н. М.

роста, съ привлекательною наружностью, съ голубыми, умными глазами, съ привѣтливою рѣчью. Онъ выслушалъ мою просьбу, быстро разсмотрѣвъ мои бумаги, сдѣлаавъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о моихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ (я былъ заранее предупрежденъ, что мнѣ предстоитъ этотъ искусъ, но не имѣлъ нужды лицемѣрить), провицательно поглядывая на меня, и какъ мнѣ казалось, прислушиваясь къ моему голосу, будто испытывавъ меня въ искренности моихъ отвѣтовъ, и наконецъ сказалъ мнѣ: „Признаюсь, ваша молодость нѣсколько смутила было меня, но рекомендація лицъ, мною уважаемыхъ, и ваши религіозныя правила, въ которыхъ не сомнѣваюсь, ручаются мнѣ, что вы будете руководить юношество по истинному пути, и потому извольте поскорѣ подавать просьбу. Разъ убѣжденный, я не люблю мѣшкать.“ На другой день пошло обо мнѣ представленіе къ министру и, какъ нарочно, встрѣтилось съ представленіемъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа объ опредѣленіи меня директоромъ училищъ Херсонской губерніи, вслѣдствіе чего министръ велѣлъ спросить меня, на какое именно мѣсто желаю быть опредѣленъ. Я предпочелъ Пензу, какъ городъ ближайшій къ Москвѣ, имѣющій болѣе здоровую мѣстность нежели Херсонъ, и представлявшій мнѣ ту выгоду по службѣ, что я зналъ уже лично моего будущаго начальника, которымъ я тогда, еще очень молодой человекъ, подчиняющій свои соображенія первымъ чистымъ впечатлѣніемъ, очаровался. Къ тому же, Магницкій, какъ я сказалъ, былъ въ то время сила, обѣщавшая сдѣлать много хорошаго для вѣтреннаго ему округа.

Это было время мистическаго настроенія общества, у однихъ искреннаго, у другихъ притворнаго, изъ угожденія или подражанія сильнымъ лицамъ. Начиная съ перваго камня того дивнаго храма, который задуманъ былъ въ геніальной головѣ Витберга, * но не могъ быть осуществленъ по причинамъ отъ него не зависѣвшимъ, и сколько могли опредѣ-

* Однѣмъ пріятель его, подозрѣвавшій, по прочтеніи моего *Басурмана*, что я въ Аристотель-Фюраренти хотѣлъ олицетворить Витберга, повезъ меня къ нему, когда онъ не задолго до того возвратился изъ Вятки, мѣста своего временнаго изгнанія, и жилъ въ Петербургѣ на Пескахъ въ большой бѣдѣ. Геніальный художникъ былъ такъ снисходителенъ, что занялся болѣе часа разъясненіемъ мнѣ идеи трехстепеннаго храма Спасителя на Воробьевыхъ горахъ.

лить слухи тогда носившіеся, будто по недоброжелательству графа Аракчеева къ князю А. Н. Голицыну, покровителю художника,—начиная съ этого камня и продолжая поэтическими экстазами г-жи Криденеръ, разными тайными и открытыми обществами, масонскими ложами и оргіями, описанными въ *Воспоминаніяхъ* Вигеля, все тогда было запечатлѣнно религіознымъ или политическимъ мистицизмомъ. Несмотря что всѣ эти общества основывались для усовершенствованія рода человѣческаго, люди не дѣлались лучше. Взятчиничество было въ полномъ разгарѣ; все было продажное: мѣста, жена, убѣжденія, обязанности...

Не могу не упомянуть при этомъ случаѣ, что за два года до описываемаго времени, именно при открытіи перваго сѣйма Варшавскаго, я едва не былъ увлеченъ въ лоно масонства однимъ изъ самыхъ горячихъ его адептовъ. И кто бы вы думали былъ онъ? Лукашевскій, основатель, вмѣстѣ съ Мохнацкимъ, масонскихъ ложъ въ Царствѣ Польскомъ и Литвѣ, въ которыхъ уже и тогда заготавливались тѣ горячіе матеріалы, ожидавшіе только первой брошеюй въ нихъ искры, чтобы произвести пожаръ будущей революціи. И эти матеріалы готовились уже въ то самое время, когда великодушный русскій императоръ такъ доверчиво сыпалъ свои благодѣнія на Поляковъ, въ то время, когда они прижимали насъ, Русскихъ, къ своему сердцу какъ родныхъ братьевъ. Да мы и были братья, но можно заключить изъ послѣдовавшихъ обстоятельствъ, кто изъ насъ игралъ роль Авеля, кто Каина. Мы и тогда подозрѣвали, что въ лобзаніяхъ ихъ скрывается ядъ,—Мицкевича Мавра, сказалъ бы я, еслибы Валленродъ былъ тогда написанъ. Еще въ 1816 году, на возвратномъ походѣ изъ Франціи, мы субалтернъ-офицеры, хотя и не дипломаты, смутно постигали, что творится что-то недоброе, когда отрывали отъ знамени русскаго и переводили изъ ралоу нашихъ въ новоформировавшаго полкаго друга...

народа чувтъ инстинктивно наступающую политическую грозу когда въ высшихъ сферахъ о ней и не помышляютъ. Что успѣла было мудрая Екатерина спасти въ прибрѣтенныхъ русскою кровью западныхъ губерніяхъ, то разрушалось новыми распоряженіями. Я познакомился съ Лукашевскимъ въ Пасху въ дворцовой квартирѣ С., лица хоть не высокаго, но приближеннаго къ государю, неразлучно съ нимъ находившагося во всѣхъ его путешествіяхъ, ревностнаго царскаго слуги, готоваго при случаѣ положить за него свою голову. Какъ пробрался къ нему Лукашевскій, простой армейскій офицеръ (едва ли не поручикъ), безъ всякихъ преимуществъ породы и засаугъ, какъ втирался онъ въ среду императорской свиты, не могу понять. Вѣроятно, доставляли ему этотъ доступъ сильные при дворѣ люди изъ Поляковъ, чтобы вытѣснять чрезъ него въ избранномъ кружку нужныя имъ свѣдѣнія отъ простачковъ Москалей, которые могли бы попасться на эту удочку. Сколько могу теперь припомнить, это былъ офицерикъ небольшого роста, съ черными, узенькими бакенбардами, стянутый по тогдашнему въ рюмочку, не общавшій по своей наружности и нескромнымъ рѣчамъ политическаго дѣятеля, вертлявый, краснобай. Моя ли флюидомія ему понравилась, или вниманіе, съ которымъ я слушалъ его,—онъ избралъ меня изъ среды кружка, собравшагося у С., чтобы обворожить своею заманчивою рѣчью. Мало-помалу онъ сталъ мнѣ хвалить славное, святое учрежденіе масонства, пересыпая эту рѣчь словами: „любовь къ человечеству, братство, познаніе великой истины, скрывающейся отъ глазъ непосвященныхъ, достиженіе разныхъ благъ и чуть ли не отысканіе философскаго камня,“—говорилъ, что въ наше время стыдно порядочному человѣку не быть членомъ этого милаго учрежденія. Въ довершеніе онъ предлагалъ ввести меня въ одну изъ варшавскихъ масонскихъ ложъ. Все это открыто говорилось при многихъ свидѣтеляхъ, чему я не удивлялся, потому что таковъ былъ духъ времени, такова

отъ перваго впечатлѣнія и сообразивъ, что не очень надо было доврять незнакомому мнѣ Поляку, я отвѣчалъ, что, судя по его словамъ, выхваляемое имъ учрежденіе дѣйствительно должно быть прекрасно, но чувствую, что я еще не дозрѣлъ для него; что я не хочу налагать на себя обязательства, которыя, можетъ-быть, не въ силахъ буду исполнить, или которыя могутъ быть противными моему долгу, что если вздумаю когда-нибудь вступить въ масонство, такъ сдѣлаю это въ своемъ отечествѣ. Признаюсь, этому рѣшенію много содѣйствовали лукавые усмѣшки и знаки, какія дѣлалъ мнѣ изъ-за плечъ моего искусителя хозяинъ квартиры, чело вѣкъ бывалый, тертый калачъ. Мы трое представляли тогда три народности: одинъ лукаваго Поляка, прошедшаго іезуитскую школу, другой — хитраго Малороссіянина, я — простодушнаго Русачка. Такъ мы и разстались. Я встрѣтилъ еще разъ Лукашевскаго въ кофейной; здѣсь онъ былъ осторожнѣе въ рѣчахъ. Послѣ того я уже никогда съ нимъ не видался и совершенно забылъ о немъ. Но читая въ прошедшемъ году *Исторію польской революціи 1830 года* Смита, я не мало изумился встрѣтивъ въ ней имя майора Лукашевскаго, какъ одного изъ зачинщиковъ этой революціи.

Я пріѣхалъ въ Пензу въ самый разгаръ библейскихъ обществъ. Губерніей управлялъ тогда Ф. П. Лубяновскій (нынѣ маститый сенаторъ). Онъ пріянялъ меня съ обычною своею любезностью, обѣщалъ мнѣ быть полезнымъ, чѣмъ можетъ по моей должности и тотчасъ предложилъ меня въ члены губернскаго библейскаго общества. Вслѣдъ затѣмъ я долженъ былъ открыть отдѣленіе общества при гимназіи. Цѣль была прекрасная, но, какъ у насъ дѣлалось, всѣ заботы членовъ ограничивались одною наружною дѣятельностью, формализмомъ безъ всякаго разумаго сочувствія къ дѣлу. О миссіонерствѣ какъ въ чужихъ краяхъ, о распространеніи нравственно-религіозныхъ понятій въ народѣ, не было и помину. О томъ какъ легко у насъ вспыхиваютъ подобныя учрежденія по наитію сильныхъ лицъ и какъ скоро они гаснутъ, не оставляя п

Главная забота членовъ состояла въ томъ, чтобы продать, кому бы то ни было, какъ можно болѣе книгъ Священнаго Писанія. Во всѣхъ домахъ лежала на виду, въ простомъ кожамомъ или богатомъ переплетѣ, Библія, въ которую иной изъ обладателей ея никогда не заглядывалъ; у кого не было такой выставки, считался чуть ли не еретикомъ. Первый грѣхотворникъ, первый взяточникъ, погрязшая въ разныхъ штригахъ женщина, надѣвали на себя личину христіанскаго миссіонера. Дѣятельность по этой продажѣ поглощала у меня много времени, да и случалось припачивать изъ своего тощаго кошелька за тѣ книги, за которыя бѣдные ученики не могли внести денегъ.

Заботы тогдашняго христіаннѣйшаго Казанскаго университета и, по примѣру его, подвѣдомыхъ ему гимназій ознаменовались еще тѣмъ, что собирали со всего города нищую братію и угощали ее трапезою, за которою прислуживали ученики. Въ какомъ положеніи засталъ я Пензенскую гимназію, описалъ я въ статьѣ: „Матеріалы для біографіи Бѣлинскаго,“ напечатанной въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1859 года. Долженъ здѣсь прибавить, что съ предметникомъ моимъ мы разошлись въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Это былъ старикъ, чрезвычайно высокаго роста, съ огромными сѣдыми усами, съ бараньими вставными зубами, съ жесткою, нетерпимовою рѣчью, съ длинною тростью, котораго стука боялись ученики. Несмотря на его странности, нельзя однакожь было не уважать его за честную жизнь, за самостоятельность характера, которую не могла сломить бѣдность. Дочь его, въ первой молодости, но съ наружностью, въ которой проглядывала сквозь рѣзкія черты доброта души, сносившая безропотно и гордо свою печальную участь, еще болѣе возбуждала во мнѣ это чувство уваженія. Чета эта, безъ всякихъ общественныхъ связей, безъ всякихъ надеждъ, одинокая въ мірѣ, державшаяся за слабую нить жизни только приязанностью одного къ другому, такъ и просилась въ романъ.

Едва успѣлъ я, такъ-сказать, осмотрѣться на новомъ мѣстѣ, сдѣлать кое-что въ пользу учебныхъ заведеній, мною завѣдываемыхъ, и пріобрѣсть довѣренность пензенскаго общества, какъ попечитель поручилъ мнѣ слѣдствіе въ Саратовской гимназій по одному скандальному происшествію между учениками ея, и вмѣстѣ съ тѣмъ назначилъ меня ви-

зитаторомъ училищъ Саратовской губерніи. Обыкновенно такія порученія давались профессорамъ университета, и потому необычайная довѣренность, мнѣ оказанная помимо ихъ, возбудила противъ меня ихъ недоброжелательство, которое они въ послѣдствіи старались доказать на дѣлѣ. Между тѣмъ, еще до моего пріѣзда въ Саратовъ, тамошній директоръ училищъ Ч. былъ уволенъ отъ должности за слабое управленіе гимназіей. Происшествіе было представлено высшему начальству въ ужасающихъ размѣрахъ, какъ опасное для государства проявленіе антирелигіознаго духа въ юности и наставникахъ,—чего и чутьемъ не слышно было. Я нашелъ только гадкую шалость нѣсколькихъ мальчишекъ, конечно, непростительную, за которую и взысканіе было сдѣлано мною соразмѣрно степени вины, какъ съ мальчишекъ. Нравственное же настроеніе учителей было безукоризненное, да и учебная часть въ Саратовской гимназіи была въ лучшемъ положеніи чѣмъ въ Пензенской. Окончивъ слѣдственное дѣло и распутавъ важные денежные счеты, съ которыми связанъ былъ тогдашній губернаторъ П. по покупкѣ у него дома для гимназіи, я принялся обозрѣвать низшія учебныя заведенія. Помнится, уѣздныхъ училищъ въ Саратовской губерніи, въ томъ гнѣздѣ раскольниковъ, было только три. Въ Царицынѣ я пріѣхалъ 1-го марта по Волгѣ, окованной льдомъ. Во время пути сопровождало меня клегтанье орловъ, описывавшихъ надъ головою моею широкіе круги, какъ будто бы съ недосыгаемой для человека высоты они трубили надъ нимъ свое торжество. Тутъ же кстати посѣтилъ я колонію гернгутеровъ, Сарепту, полюбовался тамъ оригинальнымъ устройствомъ общества, которое, однакоже, по мнѣнію моему, можетъ существовать только въ небольшой общинѣ, да и здѣсь, съ духомъ времени, первоначальный уставъ колоніи постепенно измѣняется; полюбовался на пути довольствомъ, чистотою, нравственно-религіознымъ образованіемъ и вообще гражданскимъ развитіемъ нѣмецкихъ колоній. Съ грустью видѣлъ я контрастъ ихъ въ русскихъ деревняхъ, бокъ-о-бокъ съ ними встрѣчавшихся. Надо и то сказать: въ однихъ жили люди свободные, собственники, огражденные разными привилегіями и самоуправленіемъ, а въ другихъ, большею частью, люди отупѣвшіе подъ разнымъ гнетомъ. По возвращеніи въ Саратовъ, я посѣтилъ Вольскъ въ самый разливъ небольшихъ рѣкъ. Въ это время ѣзда туда, и по почтовому тракту, ста-

полится чрезвычайно трудна, мѣстами и опасна. Воды стремительно прибываютъ, такъ что дороги заливаются въ нѣсколько часовъ, мосты поднимаются, и надо дѣлать объѣзды далеко кругомъ, часто по вязкимъ черноземнымъ пашнямъ, или не иначе пускаться по разливамъ какъ вслѣдъ за передовымъ коннымъ, обязаннымъ развѣдывать, можно ли за нимъ проѣхать безопасно экипажу. Иногда приходилось на утлой ладѣ, съ тройкою и экипажемъ, лавировать по водамъ между кустами. Случилось даже однажды, что во время такого путешествія у одной лошади заднія ноги были въ водѣ, а переднія въ лодкѣ, и люди становились для равновѣсія на другую сторону, чтобъ она не захлебнулась. Можно судить, какъ пріятна такая ѣзда. Такова она была въ прошедшее время, полагаю, что она не измѣнилась къ лучшему и нынѣ въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ и шоссе. Теперь устройство побочныхъ путей сообщенія и наблюдение за ними поручаютъ земству, и отъ его разумныхъ и энергическихъ распоряженій мы въ правѣ ожидать, что не будемъ изнурять въ топяхъ, какъ вязли не только крестьянскія клачи, но и извожичьи лошади-богатыри на всѣхъ проселочныхъ дорогахъ Россіи. Когда я возвращался изъ Вольска, воды быстро сбывали, жадно поглощаемая Волгою, которой полноводье держится въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ до первыхъ чиселъ іюня. Вольскъ, когда я посѣтилъ его, былъ маленькій городокъ, декоративно созданный золотымъ жезломъ откупщика Злобина. Этотъ волшебникъ на скорую руку выстроилъ на берегу Волги, только для виду, множество каменныхъ высокихъ домовъ, которые и принимались въ залогъ по виннымъ откупамъ, и которые со смертию его, или по минованіи въ нихъ надобности для этой операціи, большею частью, въ мое время представляли однѣ необитаемыя стѣны безъ оконъ и дверей и проч. По оврагамъ и косогорамъ лѣпились избушки и пещерки, едва прикрытыя драпью. Это, какъ мнѣ сказали, кельи бѣднѣйшихъ изъ вольскихъ изувѣровъ, питающихся пособіями ихъ богатыхъ собратьевъ и за то обязанныхъ поддерживать расколъ и помогать ихъ тайнымъ продѣлкамъ. Здѣсь я могъ сдѣлать сравненіе двухъ обществъ. сарептскихъ гервгутеровъ и вольскихъ раскольниковъ. Въ концѣ весны посѣтилъ я живописную Зубриловку (упоминаемую невѣдко въ *Воспоминаніяхъ* Штедла), въ которой находился женскій пансіонъ, содержав-

пійся на счетъ владѣльцевъ ея, князей Голицыныхъ. По моему мнѣнію, такіе женскіе пансіоны, удаленные отъ городовъ, въ мѣстностяхъ гдѣ нѣтъ надъ ними постоянной учебной опеки и надзора родителей и общества, не должны быть терпимы. Правительство это доказало въ сороковыхъ годахъ, отказавъ тверскому помѣщику Ртищеву въ основаніи женскаго пансіона въ его богатой усадьбѣ, доходы съ которой онъ предлагалъ на содержаніе заведенія.

Какой благословенный край эта Саратовская губернія! Есть въ ней дѣвственныя земли, отъ вѣка не тронутыя сохою. Здѣшняя флора богата такими дарами, которые могли бы украсить наши сады; энтомологъ можетъ собрать здѣсь, особенно на восточномъ берегу Волги, сокровищащу бабочекъ, которыхъ разнообразною красотой не налюбуешься.

По возвращеніи моемъ въ Пензу, попечитель писалъ мнѣ: „Получивъ съ удовольствіемъ донесеніе ваше объ осмотрѣ Саратовской гимназіи и подвѣдомыхъ ей училищъ, я усматриваю, что порученіе мое исполнили вы наилучшимъ образомъ. Отдавая полную справедливость трудамъ вашимъ, усердію къ службѣ и основательнымъ свѣдѣніямъ по управленію учебными заведеніями въ христіанскомъ духѣ, мнѣ весьма пріятно увѣрить васъ, милостивый государь мой, заранѣе, что не премину ходатайствовать, дабы отличныя заслуги ваши были награждены примѣрно. Между тѣмъ предлагаю вамъ мѣсто директора Казанской гимназіи, и въ случаѣ вашего на сіе согласія, прошу поспѣшнѣе увѣдомить меня.“

Замѣтьте слова: „въ христіанскомъ духѣ.“ Ужь, конечно, въ этомъ духѣ, потому что я исполнилъ мои обязанности по долгу совѣсти. Къ этой замѣткѣ надобно присовокупить, что я не только примѣрной, и никакой награды не получилъ. Письмо было отъ 18-го марта 1823 года. Означаю числа, чтобы показать фазисы расположенія ко мнѣ Магницкаго.

Жаль было мнѣ разстаться съ моими учениками, съ учителемъ П., въ котопомъ я нашелъ не только прекраснаго на-

Не прошло мѣсяца съ этого письма, какъ я получилъ отъ повѣстителя официальную бумагу, отъ 13 июня 1823 года, за № 846-мъ, слѣдующаго содержанія:

„Государь императоръ, по докладу господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, высочайше повелѣть соизволилъ назначить Казанскому университету, вмѣсто штатной его суммы, оброчныя статьи, въ вѣдѣнїи казенныхъ палатъ находящіяся, въ губерніяхъ Казанскаго округа, по моему избранію. Прилагая при семъ списокъ предварительно избраннѣйшимъ мною статьямъ по Пензенской губерніи, я прошу васъ, милостивый государь мой, собрать о нихъ подробнѣйшія и, сколько возможно, положительныя свѣдѣнія насамомъ мѣстѣ отдачи ихъ въ оброкъ, или отъ людей совершенно знающихъ истинный доходъ каждой изъ сихъ статей.

„Свѣдѣнія сіи должны состоять въ слѣдующемъ:

„1) Какой выгоды можетъ ожидать университетъ Казанскій отъ оброчныхъ статей Пензенской губерніи, когда получить ихъ въ свое вѣдѣніе, независимо отъ платы, нынѣ содержащими ихъ вносимой, которую можно узнать подъ рукою въ казенной палатѣ?

„2) Сколько получаетъ содержатель оныхъ дѣйствительнаго дохода?

„3) Тотъ ли содержитъ статью кто заключилъ на сіе контрактъ, или передана она другому, чрезъ сколько именно рукъ и по какой цѣнѣ переходила?

„4) О мельницахъ вы въ особенности удостовѣритесь, вѣрна ли опись казенной палаты, то-есть столько ли поставовъ находится при мельницѣ какъ показано въ описи, и въ какомъ она положеніи, то-есть новая или ветхая.

„5) Рыбныя ловли должны быть описаны съ такою же точностью, какъ въ разсужденіи выгоды ихъ, такъ и относительно дохода, нынѣ содержащими оныхъ собираемаго; ибо ежели бы оказалось въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, что крестьяне не платятъ на душу узаконенной пропорціи земли, то вмѣсто оной могутъ быть взяты всѣ безъ исключенія мельницы и рыбныя ловли. Для свѣдѣній, кои нужно будетъ получить въ уѣздахъ, вы можете отправиться на основаніи 78 § Устава учебныхъ заведеній.

„Впрочемъ, вы ограничитесь осмотромъ только означенныхъ въ списокѣ статей; но ежели узнаете отъ себя другія,

лучшія, то для блага университета доставьте мнѣ о нихъ подобныя же описанія.

„Ежели посредствомъ вашимъ значительно,—я разумѣю, вдвое или болѣе противу настоящей цѣны,—можетъ подняться она, то усердіе ваше я доведу до свѣдѣнія господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и буду просить его сіятельство о представленіи его императорскому величеству.

„Попечитель Казанскаго учебнаго округа
Михаилъ Магницкій.“

Можно судить по этой бумагѣ, какъ важно было порученіе мнѣ отданное, съ какими затрудненіями оно было сопряжено, и какого доброжелательства долженъ я былъ ожидать отъ лицъ завѣдывавшихъ оброчными статьями. Однажды смущаться и раздумывать было некогда: во главѣ посланія стояло имя, передъ которымъ разступаются всѣ затрудненія, и я принялся ретиво исполнять это порученіе, котораго мысль, вѣроятно, принадлежала горячѣй, эксцентрической головѣ Магницкаго. Такъ сузу, потому что эта мѣра не касалась ни одного учебнаго округа кромѣ Казанскаго.

Пустившись, какъ новый Язонъ, отыскивать для университета золотое руно, и запасшись подъ рукой, вооруженною магическимъ жезломъ, дѣлающимъ въ мірѣ чудеса, нѣкоторыми основными свѣдѣніями, я призналъ за лучшее отправиться на самыя мѣста оброчныхъ статей. Бесѣдуя съ крестьянами, какъ простой путешественникъ, я узналъ, что мнѣ нужно было знать, лучше и вѣрнѣе нежели могъ бы это сдѣлать отъ чиновниковъ, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ. Слѣдствіемъ моихъ розысканій было донесеніе попечителю, что если исполненіе предполагаемаго поручать людямъ, которые будутъ болѣе хлопотать о пользѣ казны нежели своего кармана, то оброчныя статьи могутъ дать безъ сравненія высшую цѣну (не помню, какая была мною означена) чѣмъ онѣ даютъ нынѣ. Но всѣ мои труды и даже расходы по моему путешествію, не вознагражденные ничѣмъ, пропали даромъ. Поступилъ ли тогда новый министръ финансовъ, не любившій играть въ проекты, и напелъ дѣло, затѣянное Магницкимъ, неудобноисполнимымъ, мнѣ не извѣстно; знаю только, что предположеніе и осталось предположеніемъ. Чтобы не начинать его напрасно, стоило только сообразить, какъ удобно было бы

целямъ министерства народнаго просвѣщенія заниматься учебною частью и завѣдывать оброчными статьями. Что жь дѣлать? Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки.

Сибирскій генералъ-губернаторъ М. М. Сперанскій, въ проѣздъ свой въ Петербургъ, посѣтилъ за *bonne ville de Penza*, гдѣ онъ за нѣсколько лѣтъ былъ губернаторомъ и занималъ губернію, какъ могучій кормчій, водившій прежде государственнаго ковчегъ по морямъ и посаженный на ямку пылущую по водамъ тихой рѣчки. Ему кстати вѣдь было распорядиться богатыми землями, не задолго до того пожалованными ему въ Чембурскомъ уѣздѣ. Это былъ новый залогъ возвращенія ему милостей государя. Можно судить, съ какимъ усердіемъ всѣ чины въ губернію, отъ большаго до малаго, старались угодить ему въ этомъ дѣлѣ. Его любилъ въ Пензѣ за добро, сдѣланное имъ многими во время управленія губерніей; понимали также, что онъ снова государственная сила, которую уже трудно вновь поколебать, и потому чувства любви и личнаго интереса привлекли къ нему толпы посѣтителей-поклонниковъ. Цѣлый день осаждала его просьбами, словесными и письменными. Не отказалъ онъ никому въ своемъ ходатайствѣ и покровительствѣ; ни одинъ проситель не отошелъ отъ него не обласканный и не ободренный. Отѣздъ его сопровождался всеобщими благословеніями. За то, по выѣздѣ его изъ Пензы, въ каминѣ его квартиры жгли цѣлые ворохи прошеній и докладныхъ записокъ. Въроятно, самая уважительная изъ нихъ взялъ онъ съ собой. На обѣдѣ у помѣщика Мартынова онъ подошелъ ко мнѣ. Я въ это время сидѣлъ и при первыхъ словахъ ко мнѣ обращенныхъ, привсталъ, но онъ дотронулся до моего плеча, понуждая меня опять сѣсть; чего я однакожь не исполнилъ. Говорю объ этомъ для того только, чтобы показать, какъ бездѣлицы характеризуютъ иногда человека. Онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о состояніи гимназій, сказалъ мнѣ нѣсколько одобрительныхъ словъ. Ни слова о Магницкомъ. Въ жизни этого государственнаго человека была цѣлая поэма, и потому можно судить, съ какимъ чувствомъ смотрѣлъ я на его умное лицо, съ поникшими глазами, слушалъ его привѣтливую рѣчь. Какіе лучи царскихъ милостей, едва ли не дружбы, озаряли нѣкогда его ободренную голову, какая ужасная гроза разразилась надъ нею!

Опредѣленный директоромъ Казанской гимназій, которая

тогда именовалась Императорскою, въ память того что ее основалъ императоръ Павелъ Петровичъ, едва ли не въ посвященіе свое Казани (тогда же подарена была ей богатая бібліотека князя Потемкина-Таврическаго, перешедшая потомъ въ университетъ), я отправилась въ началѣ слѣдующаго лѣта къ мѣсту своего назначенія. Во время пути меня окурлялъ, какъ будто противъ миазмовъ, ожидавшихъ меня въ Казани, медовой ароматъ гречневыхъ полей, разстилавшихся на нѣсколько десятковъ верстъ. По нѣсколькимъ станціямъ я мчалась какъ вихрь на лихихъ татарскихъ коняхъ, управляемыхъ бѣшенымъ Татаринкомъ-ямщикомъ. Казалось, я не чувствовала разстояній.

Вскорѣ по прїѣздѣ моемъ въ Казань поручена мнѣ и должность директора училищъ губерніи, съ двойнымъ жалованьемъ, по этому мѣсту и мѣсту директора гимназіи, — новый знакъ особеннаго вниманія ко мнѣ попечителя. Ни прежде, ни послѣ меня никто не занималъ этихъ мѣстъ въ одно и то же время.

Осенью 1825 года прїѣхалъ въ Казань Магницкій. Послѣ предварительныхъ экзаменовъ въ гимназіи, продолжавшихся нѣсколько дней и ежедневно имъ посвящаемыхъ, происходилъ торжественный актъ. Читая отчетъ объ управленіи гимназіи за академической годъ, я окончилъ его слѣдующею рѣчью (напечатанною въ послѣдствіи во II-й части *Славянина*, журнала издававшегося въ 1827 году Воейковымъ): „При этомъ торжественномъ случаѣ могу ли я умолчать объ одномъ изъ прїятнѣйшихъ предположеній нашихъ? Въ то время, когда единодушнымъ соревнованіемъ нашихъ соотечественниковъ по всему протяженію Россіи возносятся памятники великимъ мужамъ ея: Ломоносову на берегахъ Двины, меценату Демидову въ стѣнахъ Ярославля, герою Довокому на поляхъ Краснохолмскихъ, Ришелье у водъ Чернаго моря,—въ то самое время, когда благодарность не есть только долгъ, а собственное наше удовольствіе и слава, останется ли Казанская гимназія равнодушною къ памяти Державина, получившаго въ ней начальное образованіе? Здѣсь гений долго испытывалъ силы свои; здѣсь одобреніе наставниковъ было первымъ лавровымъ листкомъ того вѣнца, которымъ современемъ почтило его восторженное отечество. Отсюда прозирая свое будущее поприще, вышелъ онъ на первые опыты славы. Смыслъ можемъ сказать: Державинъ былъ нашъ воспитанникъ.

Кому же уступимъ честь первенства въ почтеніи достойнымъ образомъ памяти великаго? Я полагаю бы воздвигнуть ему здѣсь примечный памятникъ съ его изображеніемъ и надписью: *Воспитаннику своему Гагриилу Романовичу Державину Казанская гимназія*. За усердное выполненіе этого дѣла ручаются мнѣ любовь къ просвѣщенію почтеннѣйшихъ членовъ моихъ и, конечно, здѣшнихъ согражданъ, которыхъ въ семь случаевъ предупредилъ я только словомъ, а не чувствованіями. "Присутствующій на актѣ управлявшій тогда губерніей, А. Я. Жмакинъ, объявилъ тутъ же, что онъ готовъ собраніемъ пожертвованій осуществить предположеніе мое въ случаѣ соизволенія на то правительства. Послѣдствія извѣстны: памятникъ Державину стоитъ на площади противъ университета. Горжусь, что я положилъ первый камень въ основаніе этого памятника.

При выходѣ съ акта попечитель горячо благодарилъ и обвинялъ меня, и тутъ же предложилъ мнѣ мѣсто инспектора студентовъ въ университетѣ. Вскорѣ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* изъяснена мнѣ благодарность за отличное устройство гимназіи. Какъ я ни отговаривался отъ предлагаемой мнѣ должности, какъ я ни представлялъ, что буду полезенъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ, Магницкій настаивалъ, чтобы я занялъ ее; скрѣпя сердце я долженъ былъ повиноваться. Инспекторомъ былъ тогда Г. О. Вишневскій, благородный, добрый, истинный джентльменъ по своей жизни и въ обращеніи съ студентами. Его жена, урожденная Еропкина, умная, прилежная мать, вѣжная спутница его жизни, въ которой они испытали много невгодъ, содержала женскій пансіонъ, прекрасно устроенный, съ цѣлью оградить свое семейство отъ нужды и дать приличное воспитаніе дѣтямъ. Негодовалъ ли попечитель на мягкость характера Вишневскаго, или по другой причинѣ желалъ его удаленія, мнѣ неизвѣстно. Онъ не былъ еще уволенъ отъ должности инспектора, и мнѣ поручено было пока исправленіе ея; слѣдственно я поступалъ на мѣсто, которое еще было номинально занято.

Я перешелъ въ университетъ, и за мною затворились двери въ свѣтлый міръ моей жизни.

Магницкимъ сдѣлано было много на увеличеніе и украшеніе зданій университета, на устройство церкви (по образцу домашней князя А. Н. Голицына въ Петербургѣ), бібліотеки, физическаго кабинета, обсерваторіи, однимъ словомъ, все

что можно было сдѣлать денежными средствами, щедро ему отпускаемыми. И это все осталось бы навсегда памятникомъ попечительства его, еслибы въ этихъ сооруженіяхъ не вѣщались разчеты, о которыхъ, основываясь на фактахъ, упоминаетъ г. Феоктистовъ въ своей статьѣ. Что до меня, то я, по своей должности не вѣщиваясь въ экономическія дѣла университета и не стараясь развѣдывать темные пути, которыми они проводились, не скажу ничего ни за, ни противъ. Правда, у Магницкаго былъ чиновникъ, правая рука его, который любилъ занимать деньги, и когда кредиторы напоминали ему о долгахъ, старался чѣмъ-нибудь отмастить имъ. Еслибы я не боялся рѣзко выразиться, я упомянулъ бы при этомъ французскую пословицу: *Tel maître tel valet*. Зданіе университета соответствовало своему назначенію, но чтобы эти палаты, эти камни, прекрасно сложенные и изукрашенные, можно было въ самомъ дѣлѣ признавать тѣмъ чѣмъ они титулуются на фронтонахъ золотыми буквами, надо чтобы далъ имъ высокій смыслъ животворный духъ прогресса, чтобы юноши, посвящающіе аудиторіи, находили въ нихъ для ума и сердца здоровую, съ потребностями времени и успѣхами наукъ обновляемую пищу. Что жъ если для утоленія голода хочешь припасть къ груди матери, а тебѣ предлагаютъ коровій рожокъ, хоть бы и въ золотой оправѣ, съ прокислымъ молокомъ?

Съ попечительствомъ Магницкаго была учреждена и новая должность директора университета. До меня занималъ ее медикъ Владимірскій очень не долго. Прекрасный сначала, онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ никуда не годился. Люди переставались какъ шашки въ рукахъ опрометчиваго игрока. На его мѣсто поступилъ докторъ медицины и хирургіи, на дворянскій совѣтникъ Трифонъ Егоровичъ Л—ровъ. Хирургическія операциі онъ вздумалъ дѣлать и надъ университетомъ. Раздражительный отъ природы и по болѣзни, онъ по временамъ доходилъ до иступленія. Говорили, что онъ родомъ изъ южныхъ Славянъ, но въ немъ были все инстинкты ихъ азіатскихъ сосѣдей. Онъ постоянно употреблялъ опиумъ въ сильныхъ приемахъ. Въ одинъ изъ параксизмовъ своего раздраженія онъ прописалъ себѣ такую ужасную дозу, что аптекаръ не рѣшился отпустить ее безъ рецептуры официального врача Фукса (который былъ и ректоромъ университета). Можно судить, какъ приятно было мнѣ находиться въ еже-

двѣднѣхъ сношеніяхъ съ такою личностію. Расскажу только одиѣкъ примѣръ его любезнаго обращенія со мною. Разъ я какъ-то заболѣлъ и послалъ къ нему вмѣсто себя своего помощника, надзирателя, служившаго и соглядатаемъ за моими дѣлствіями, съ ежедневною рапортчикой. Взбѣщенный, что не я самъ пришелъ, и не разбирая причины, по которой я не могъ придти, онъ приказалъ моему помощнику оказать мнѣ, что онъ плѣчетъ на мои рапортчики. Этого я не могъ вывести; хотя больной, я одѣлся, отправился къ нему и расквитался съ нимъ по правиламъ Вѣтхаго Завета..... послѣ чего ему такъ не поздоровилось, что онъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ усиленному приему опиума. Черезъ мѣсяць, два, онъ пошелъ къ праотцамъ своимъ.

Уже до меня въ университетѣ была ломка всему что въ немъ прежде существовало. Начальники, профессеры, студенты, все подчинялось строгой клерикальной дисциплинѣ. Науки отодвинулись на задній планъ. Гоненіе на философію доходило до смѣшнаго фанатизма, если фанатизмъ, въ чемъ бы онъ ни проявляется, можетъ быть когда-либо смѣшенъ. Напримѣръ, во всѣхъ аудиторіяхъ на кафедрахъ вычеканенъ былъ золотыми буквами текстъ, принаровленный противъ этого *злосудожественнаго* ученія. Руководства нѣмецкихъ ученыхъ, какъ растаѣвающія душу, были изгнаны изъ университетскихъ курсовъ; преподаваніе многихъ учебныхъ предметовъ, основываясь на богословскихъ началахъ, какъ будто готовило студентовъ въ духовное званіе. Профессоръ русской литературы читалъ большею частію духовное краснорѣчіе; образцомъ слога, по предложенію попечителя, служили въ некоторое время Четин-Минев. Имена Карамзина, Батюшкова, Жуковскаго, Пушкина, не смѣли произносить на лекціяхъ. За то что профессоръ всеобщей исторіи строго придерживался подобныхъ началъ и читалъ ее по Боссюэту, онъ презванъ былъ русскимъ Боссюэтомъ. Также и нѣсколько другихъ профессоровъ облечены были въ почетныя имена европейскихъ ученыхъ, — имена, которыя такъ же шли къ тогдашнимъ казанскимъ знаменитостямъ, какъ бородачу-прасолу кафтанъ маркиза или сутана кардинала. Профессоръ поэзіи, добрый старичокъ, въ иссохшей головѣ и сердцѣ котораго не было и чутья поэзіи, почитатель не только Хераскова, но и графа Хвостова, удостоился названія пресловутаго во время оно французскаго литературнаго законода-

тебя (не помню хорошо, Лагарпа или Боало, котораго онъ перевелъ нѣсколько сатиръ). На лекціяхъ его разбирали одни переложенія Псалмовъ. Только съ увольненіемъ Магницкаго онъ дерзнулъ написать и напечатать въ *Казанскомъ Вѣстникѣ* пасторальное стихотвореніе въ подражаніе идилліи И. И. Дмитріева, кончавшейся стихомъ: „Ты рвешь цвѣты съ ея могилы.“ Съ какимъ восторгомъ подалъ онъ мнѣ номеръ журнала, въ колыбели котораго почивало это новорожденное дитя, и потирая себѣ руки, сказалъ: „Вотъ-ста каковы мы теперь,“ какъ будто посягнулъ на отчаянный подвигъ.

Догадомъ почитаю оговорить, что и въ мое время, помимо бездарностей, были достойные преподаватели и ученые, служившіе наукѣ съ любовью и пользою, какъ-то: медики Фукозъ и Лемтовскій, естествоиспытатель и археологъ Эхвальдъ, ориенталисты Казембекъ и Эрдманъ, астрономъ Симоновъ, математикъ Брамманъ. Говорили, что профессоръ математики, Лобачевскій, пишетъ какой-то курсъ этой науки, долженствующій одѣлать въ ней громадный переворотъ; но когда изданъ былъ этотъ курсъ, оказалось, по сужденію компетентныхъ критиковъ, что гора родила мышь. Въ одно время былъ любимцемъ Магницкаго Французъ Жобаръ, знаменитый борьбою съ нимъ, утомившій своими жалобами трехъ министровъ: князя Голицына, Шишкова и графа Уварова, до того что ему велѣно было выѣхать изъ Россіи. Бѣшеный его характеръ свернулъ ему голову, умную, начитанную хорошими познаніями. Г. Феоктистовъ достаточно упоминаетъ о немъ въ своей статьѣ. Лекторъ нѣмецкаго языка К., левкій человекъ, бывшій прежде католикомъ, потомъ лютераникомъ, перешелъ наконецъ въ православіе. Церемонія миропомазанія была торжественная. Магницкій, бывшій не даромъ его крестнымъ отцомъ, исходатайствовалъ ему Владимірскій крестъ 4-й степени. Не только студенты, даже профессора воспитывались въ строгой дисциплинѣ. „Вы жааетесь,—говорилъ мнѣ профессоръ Никольскій, поднимая руку и сложивъ три пальца въ видѣ благословенія, между тѣмъ какъ въ душѣ своей ненавидѣлъ меня,—вы жааетесь, государь мой, что нынѣ служба здѣсь тяжела. Посмотрѣли бы что было до васъ.“ И началъ онъ мнѣ повѣдывать чудеса только-что миновашаго времени. За профессорами наблюдали, чтобъ они не пили вина. Изъ числа ихъ, нѣкоторые весьма воздержные, но привыкшіе предъ обѣдомъ вы-

пить по рюмкѣ водки, въ свой адмиральскій часъ, ставилъ у наружныхъ дверей на караулъ прислугу, чтобы предупредить грозу нечаяннаго дозора. Такимъ образомъ, прислушивался къ малѣйшему стуку и безпрестанно оглядываясь, преступникъ держалъ ключомъ, привѣшеннымъ у пояса, отворять шкафъ, гдѣ, въ секретной глубинѣ, хранилось ужасное мѣдъ. У одного изъ ученыхъ мужей, которому прописали въ микстурѣ, былъ директоромъ, внезапно посѣтившимъ его, запечатанъ сосудъ, вмѣщавшій въ себя запрещенное питье. Медикъ, осмѣлившійся прописать такое лѣкарство, равно какъ и пациентъ его, остались на замѣчаніи. Только одинъ доморощенный Боссюэтъ, настоящій революціонеръ противъ магометова кодекса, не являлся на лекціи по дѣлымъ ведѣламъ. На торжественныхъ университетскихъ обѣдахъ, и въ мое время, пили тосты не шампанскимъ, а медомъ. Студенты подчинялись строгимъ монастырскимъ правиламъ. Не говоря объ общихъ утреннихъ и вечернихъ молитвахъ при возстаніи отъ сна и отхода ко сну, вездѣ въ любящихъ заведеніяхъ соблюдаемыхъ, произносились еще молитвы передъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ и послѣ нихъ. За завтракомъ дежурный студентъ читалъ вслухъ духовную книгу, за обѣдомъ тоже, за ужиномъ тоже, и все это при разномъ стукѣ тарелокъ, ложекъ, ножей и вилокъ, при разномъ прислугою кутаньемъ. Прекрасныя, святыя слова непремѣнно ударяли въ слуховой органъ, въ немъ и пропадали, потому что нельзя было въ одно время слушать внимательно и утолять голодъ. Много ли этихъ словъ въ эти часы пали на сердца слушателей? Все что для молодыхъ людей должно было быть духовною потребностью, дѣлалось уже докучнымъ бременемъ, противно словамъ Божественнаго Учителя: „Иго Мое благо, и бремя Мое легко.“ Студентъ, ставшій свѣчи къ образамъ и клавшій большое число зем-

могу сказать, что ни одинъ студентъ не былъ посаженъ мною въ это чистилище. Отъ стѣнъ университета, хотя и обновленныхъ, вѣяло какимъ-то холодомъ, какою-то гнилью старыхъ аббатствъ. Къ чести студентовъ моего краткаго инспекторства я долженъ сказать, что не слышалъ ни объ одномъ буйномъ или безнравственномъ поступкѣ ихъ. Въ это время прибыли изъ Виленскаго университета въ Казанскій трое студентовъ-филомафитовъ: Ковалевскій, Верниковскій и еще третій (не помню его имени). Чтò сдѣлаюсь съ двумя послѣдними, не знаю; Ковалевскій оставилъ себѣ почетное имя какъ профессоръ восточныхъ языковъ. Онъ смотрѣлъ тогда красною дѣвушкой. Всѣ они съ любовью придались наукѣ. Одну часть съ ними имѣлъ Мицкевичъ и другіе виленскіе студенты-филомафиты, но ему дарованы были особенныя льготы... Съ нимъ я познакомился у издателя *Телеграфа*, Н. А. Полеваго * (помнится въ 1829 году), когда этотъ жилъ на 1-й Мѣщанской. Мицкевичъ не походилъ тогда на врага Россіи: казалось, воды не замутишь. Прибавьте къ монастырской жизни, на которую я былъ обреченъ, нездоровую мѣстность и нездоровыя воды Казани: Волга отстоять отъ города въ шести верстахъ, слѣдственно доставка изъ нея ежедневно воды чрезвычайно затруднительна, да и сопряжена съ большими расходами. Разливаясь въ половодье почти до самаго города и входя въ берега только въ іюнь, она образуетъ на этомъ пространствѣ настоящія Понтійскія болота, которыя въ жаркое время гниютъ и издаютъ миазмы, заражающіе воздухъ. Этимъ испареніямъ обязаны жители сильными лихорадками, имѣющими, особенно для приѣзжихъ, худыя послѣдствія. Съ другой стороны города—тоже болота. Остается Казанцамъ довольствоваться водой изъ озера Кабана, гдѣ лѣтомъ купаютъ лошадей, и куда зимой свозятъ всякую нечистоту. Какъ здорова она, можно судить по зеленымъ шапкамъ, всплывающимъ на ней, когда ее купятъ, и по ролямъ зеленыхъ букашекъ, появляющихся въ ней, когда она постоитъ въ сосудѣ хоть четверть часа. Тог-

* Я доставилъ тогда для его журнала драгоцѣнныя статьи изъ архива канцлера графа Н. А. Остермана, какъ-то: о театрѣ при Елизаветѣ Петровнѣ, исполненное остроумія письмо Ломоносова къ Елагину и нѣкоторыя другія, болѣе важныя.

данній главноуправляющей путями сообщенія, приездъ Виртембергскій, прїѣзжалъ до меня въ Казань для осмотра тамошней водной мѣстности и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ прискать средства помочь этому бѣдствію. Его помѣстили въ домъ клуба, гдѣ онъ имѣлъ удовольствіе слушать за стѣной стукъ биллиардныхъ шаровъ. Это неловкое помѣщеніе такъ расордило его, что онъ сказалъ при отъѣздѣ: „Жители Казань свинья, а коропій водъ имъ дамъ.“ Въ послѣдствіи составлено было много проектовъ, чтобы провести воду въ городъ изъ источниковъ, находящихся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него; если не ошибаюсь, Казань до сихъ поръ не имѣетъ „коропій водъ.“ Прибавьте къ этой невзгодѣ и ту, что во время дождей при мнѣ была на улицахъ грязь непроходимая, и надо было ѣздить въ легкомъ экипажѣ не иначе какъ тройкой, а на одной изъ торговыхъ площадей, кажется на Сивной, случались утопленники въ грязи. Въ сухое время поднималась тонкая пыль, которая проникала во все щели и облекала все предметы въ комнатахъ пепельнымъ саваномъ.

Что сказать о тогдашнемъ казанскомъ обществѣ? Провинціальная аристократія, казалась, оградила себя каменною стѣной отъ ученыхъ плебеевъ, изъ которыхъ большая часть и сама, по образу своей жизни, избѣгала проникнуть черезъ нее. Я посѣщалъ только два-три дома, не великосвѣтскихъ, но радушныхъ, приятныхъ. Еще сквозь туманъ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, среди казанскихъ болотъ, выступаетъ для меня, какъ цвѣтущій оазисъ, домъ г-жи Геркель, вдовы съ нѣсколькими дочерьми, милыми, умными, образованными. Въ кругу ихъ я отдыхалъ сердцемъ и головою отъ мрачной университетской жизни. Если кто-нибудь изъ членовъ этой семьи нынѣ живетъ въ Казани, то я прошу его снести мой сердечный поклонъ на могилу ихъ матери и принять отъ меня горячую благодарность за тѣ г-ре-

не преставленіе свѣта. Литературное — была безсмертная комедія Грибоедова. Она появилась здѣсь въ рукописи. Между молодымъ поколѣніемъ ее вырывали изъ рукъ, хотя, какъ запрещенная, она жгла ихъ; списывали по ночамъ, въ нѣскольکو дней знали наизусть. Горе было бы тому у кого она попала бы на глаза университетской полиціи!

Театра номинально не было тогда въ Казани, но разыгрывались въ обществѣ и оперы, и комедіи, и трагедіи благородными актерами. Мѣстность губерніи представляла такую великолѣпную сцену, какой не могла представить другая; артисты были мастера своего дѣла. При мнѣ была особенно въ ходу волшебная опера: *Дровосѣки*. Поднимается занавѣсъ. Декораціи представляютъ друидическіе, вѣковые, дубовые дѣса. Мракъ ихъ и тишина обхватываютъ васъ ледянымъ холодомъ. Въ глубинѣ сцены возвышается холмъ и на немъ каменный идолъ, безобразно изсѣченный. Вдругъ тишина и уединеніе нарушаются приходомъ толпы Чувашъ, Моравы, Черемисъ, сооружается огромный костеръ; жрецъ начинаетъ свои волхованія, костеръ пылаетъ, и на него падаютъ закланные животныя — жертвоприношеніе грозному богу. Дикое пѣаніе, дикія пляски. Среди этого ликованія раздается болѣе стройный хоръ. Дикари въ тревогѣ: они почували, что идутъ новые господа этихъ лѣсовъ, и въ страхъ разбѣгаются. Являются на сцену толпы русскихъ крестьянъ съ топорами и сѣкирами; во главѣ ихъ идутъ вожди въ одеждахъ образованныхъ странъ. По ригурнелю одного изъ нихъ блещутъ разрушительныя орудія и падаютъ вѣковыя деревья. Стукъ топоровъ, жалобный стонъ маститыхъ лѣсныхъ старцевъ, преклоняющихъ голову свою предъ стопы побѣдоносныхъ пришельцевъ, живые возгласы рабочихъ, все это прекрасно выражено въ обворожительной для слуха музыкѣ. Но, о диво! изъ корней деревьевъ сочится золотой песокъ. То страхъ, то радость изображаются на всѣхъ лицахъ. Работники и начальники оцупываютъ золото — оно не жжется. Тутъ начинается дележъ испосланный небомъ добычи. Онъ исполняется безъ крику, безъ дракъ, соразмѣрно ступенямъ іерархической лѣстницы. Карманы, мѣшки, изъ которыхъ вынуты сѣбствныя припасы, набиты драгоценнымъ металломъ. Благодарственная молитва довершаетъ этотъ дѣлежъ. Но прежде чѣмъ разойдутись, главный начальникъ произноситъ

волшебный пароль. На холмѣ воздвигается новый костеръ и на немъ изъ бляющегося песка, оставшагося на корняхъ деревьевъ, вымывается золотой телецъ.

Разыгрывалась при мѣѣ и трагедія. Героемъ ея былъ оберъ-стражъ лѣсовъ, изъ Полаковъ, Не-скій, и я знавалъ его по службѣ въ гренадерскомъ корпусѣ, какъ бѣднаго офицера. Онъ дослужился до майорства, и квартируя въ Тульской губерніи, своею статною, молодецкою фигурой плѣнилъ сердце дочери одного изъ тамошнихъ помѣщиковъ, не очень молодой и не очень красивой, получилъ ея руку съ 30.000 придачи, вышелъ въ отставку и приобрѣлъ себѣ мѣсто сберегателя лѣсовъ Казанской губерніи. Въ благодарность женѣ за тепленькое мѣстечко, онъ полосовалъ и душилъ несчастную арапникомъ, который равно употреблялъ на жену и собаку. Подъ его начальство поступилъ унтеръ-стражъ лѣсовъ Казанскаго уѣзда, N. N. Черезъ мѣсяца два по опредѣленіи его, оберъ призываетъ его къ себѣ и въ строгихъ выраженіяхъ напоминаетъ ему, что пора выполнить *известныя* обязанности. Подчиненный въ смиренныхъ выраженіяхъ докладываетъ, что онъ издержался и не успѣлъ еще въ такое короткое время скопить требуемую акцидентію. Начальникъ рѣшительно объявляетъ ему, что если онъ въ 24 часа не принесетъ, то будетъ удавленъ отъ должности и преданъ суду. Исполнить эту угрозу было легко: грѣхи, на которые, можетъ-статься, и покусился уже N. N., а если еще не покусился, то грѣхи его предъшественника, которые легко было свалить на него же, могли быть тотчасъ найдены въ первомъ лѣсу уѣзда. Несчастный, не имѣя въ наличности денегъ и не найдя ихъ въ 24 часа, испугался уголовного суда, его ожидавшаго, пришелъ домой и застрѣлился въ своемъ саду. Но вотъ и сцена болѣе веселая. Я знавалъ одного русскаго мастера или мастера, который отъ избытка денегъ, падавшихъ на него какъ манна небесная, не зная куда ихъ дѣвать въ маленькомъ городѣ и отъ скуки, поилъ шампанскимъ во всякое время дня и отъ всякаго посетителя, былъ ли то плебей, или благородный. Онъ самъ

который въ своей бѣдной кельѣ, подобно Пушкинскому монаху Пимену, будетъ описывать ихъ темныя дѣянiя. Благодаря обновленiю Россiи, эти дѣянiя могутъ нынѣ выйдти изъ-подъ спуда, подъ которымъ они были похоронены. Можетъ-быть, и теперь есть такiе отшельники-автописцы, записывающiе, подъ диктовкою грозной Немезиды, черныя дѣла своихъ современниковъ. Да и то сказать: пиши и пиши, кричи и кричи, „а Васька слушаетъ да ѣстъ.“

Кстати къ лѣсамъ и темнымъ дѣянiямъ. Въ городѣ отстраивался домъ, бывший подъ военнымъ вѣдомствомъ. Разъ призъаеъ ко мнѣ Не — скiй въ какомъ-то необыкновенномъ смущенiи.

— Сейчасъ былъ у меня начальникъ (такой-то), говоритъ онъ мнѣ,—и требовалъ отъ меня значительное количество разнаго лѣса безъ письменнаго законнаго требованiя, безъ разрѣшенiя моего начальства.

— Чтѣ же вы сдѣлали? спросилъ я его.

— Сначала отказалъ, отвѣчалъ мнѣ Не — скiй, — а потомъ далъ. Онъ сказалъ мнѣ одно магическое слово: „Аракчеевъ,“ и я приказалъ отпустить; въ противномъ случаѣ мнѣ угрожало удаленiе отъ должности.

Строители получили благодарность за усердiе и соблюденiе значительной экономiи; Не — скiй еще тверже сталъ на прежнее мѣстѣ.

Магницкiй былъ въ Петербургѣ. Въ это время стали приходить оттуда и разноситься у насъ вѣсти, что онъ отшатнулся отъ бывшаго своего покровителя, князя А. Н. Голицына, и вмѣстѣ съ графомъ Аракчеевымъ, подъ крыло котораго перебѣжалъ, началъ дѣйствовать противъ него разными интригами. Еще въ бытность свою въ Казани онъ сталъ холоднѣе относиться о *князь* и горячѣе о *графъ*, съ которымъ будто бы затѣваетъ новое христіанское общество. Христіанское! Едва ли не въ то время, когда владыка Грузина ходилъ обвязанный платкомъ, омоченнымъ въ крови своей любимицы, которую зарѣзали крѣпостные люди, не вынесшіе ея тирании. Едва ли не въ это же самое время написалъ Магницкiй свой знаменитый соизъ въ Грузинѣ. Вѣроятно, подъ покровомъ господствующей тогда силы онъ стремился на мѣсто другой, колеблющейся. Честолюбiе ослабило его.

Скончался императоръ Александръ Павловичъ; на престолѣ вступилъ новый государь. Былъ еще величiемъ княземъ,

онъ видѣлъ, какъ *безъ лести преданный* во зло употреблялъ царское довѣрiе и возбуждалъ противъ себя всеобщую ненависть. Участь Аракчеева была рѣшена. Помню еще живѣе рѣзко замѣчательный вечеръ (Директоръ Л—ровъ былъ тогда). Я сидѣлъ въ своей комнатѣ въ нижнемъ этажѣ университета. Студенты уже спали; кругомъ царствовала глубокая тишина. Вдругъ слышу какую-то тревогу, все въ домѣ засуетилось, дежурный надзиратель прибѣгаетъ ко мнѣ и дрожа вполголоса объявляетъ мнѣ, что прѣехалъ неслыханно попечитель, въ сопровожденiи полицейскаго чиновника...

Нѣсколько дней не принималъ онъ къ себѣ никого кромѣ своихъ intimныхъ. Наконецъ я явился къ нему. Онъ пригласилъ меня сухо, холодно; мутные глаза его выражали мнѣ какое-то недоброжелательство.

Что было особенно причиной этого обращенiя со мною, я до сего времени не знаю. Догадываюсь только, что вскрыли мое письмо, гдѣ я описывалъ нѣкоторыя эксцентричности его управленiя университетомъ, и письмо было имъ прочитано; можетъ-быть, онъ узналъ, что я тѣмъ скоромное въ постный день, или что-нибудь подобное.

Министръ не согласился уволить инспектора Вишневскаго; онъ поступилъ снова на свое мѣсто послѣ четырехмѣсячнаго моего инспекторства, показавшагося мнѣ годами. Въ это время я получилъ отъ попечителя Московскаго учебнаго округа, Писарева, приглашенiе служить подъ его начальствомъ. Обращаюсь къ Магницкому съ просьбой уволить меня въ отпускъ; онъ мнѣ рѣшительно отказываетъ, и когда я спрашиваю о причинѣ этого отказа, онъ-отрѣзъ и даже съ сердцемъ отвѣчаетъ: „не отпускаю, и только.“ Я несу тяжелое ярмо его неудовольствiя и ограничиваюсь должностью директора училищъ.

Магницкiй пытается еще разъ съѣздить въ Петербургъ, и такъ же неблагополучно возвращается назадъ.

Во дни своего паленiя онъ предается мистическимъ галлюцинациямъ, спитъ на полу...

кромя родныхъ, ничѣмъ сожалѣннѣмъ. А сколько могъ бы онъ сдѣлать добра, сколько благотворнаго свѣта могъ бы онъ, по своему уму и образованію, разлить на свое вѣдомство, еслибы не увлекли его на ложный путь эксцентрической его характеръ и ложное честолюбіе. Спрашиваютъ меня, дѣйствительно ли онъ былъ по убѣжденію фанатикъ. Да, онъ былъ фанатикъ, когда думалъ этимъ выиграть у сильныхъ лицъ; не знаю, чѣмъ бы онъ былъ, еслибы вѣтеръ подулъ на него съ другой стороны.

Еще одно послѣднее сказаніе о моей служебной карьерѣ въ Казанскомъ округѣ. За нѣсколько мѣсяцевъ до перваго отъѣзда Магницкаго въ Петербургъ, по вызову нѣкоторыхъ профессоровъ, я представилъ въ совѣтъ университета диссертацию для полученія званія адъюнкта по русской словесности. Можетъ-быть, я устыдился бы теперь этого сочиненія, но какъ бы то ни было, совѣтъ одобрилъ его и избралъ меня въ адъюнкты. Вліянія попечителя не было никакаго въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ оно совершилось въ его отсутствіе. Когда обстоятельства перемѣнились, ученый сивкаитъ университета не представилъ меня къ утвержденію въ этомъ званіи за препятствіями, ни на какой законности не основанными.

Выѣзжая изъ Казани, я съ замираніемъ сердца взглянулъ въ послѣдній разъ на Сумбекину башню, возвышавшуюся среди ночнаго мрака надъ простертымъ передъ нею городомъ, вздохнулъ свободнѣе и перекрестился за избавленіе меня изъ плѣна казанскаго.

Прекраснымъ, краснорѣчивымъ словомъ проводилъ Магницкій прахъ Сперанскаго въ его вѣчное жилище. Кто изъ читавшихъ это слово не помнитъ того мѣста, гдѣ онъ описываетъ, какъ нѣкогда бѣдный семинаристъ, съ котомкой на плечахъ, вступалъ въ ворота Александро-Невской Лавры, и какъ теперь вступаетъ онъ, по окончаніи своей славной, полезной отечеству жизни, въ тѣ же ворота—графомъ, украшенный высшими знаками отличія, провожаемый русскимъ вѣнценосцемъ и первыми сановниками имперіи!

Жаль, что не могу сказать это была послѣдняя, лебединая пѣснь Магницкаго. .

И. ЛАЖЕЧНИКОВЪ.

25-го октября 1865 г.

СОВРЕМЕННЫЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РАСКОЛѢ.*

Х.

Читатели, слѣдившіе по нашимъ статьямъ за ходомъ событій въ старообрядчествѣ въ послѣдніе три года, не могли не замѣтить, что главными поводами къ возникшимъ у раскольниковъ великимъ нестроеніямъ и соблазнительнымъ расправамъ были два обстоятельства—возведеніе на московскую архіерейскую кафедру владимірскаго архіепископа Антонія и изданіе московскимъ духовнымъ совѣтомъ извѣстнаго *Окружнаго Посланія*.

Первый разъ неудовольствія по поводу переведенія Антонія изъ Владиміра въ Москву возникли еще въ 1860 году. Въ мѣсяцѣ этого года Антоній получилъ отъ Кирилла митрополита бѣлокриницкаго грамоту, которою этотъ послѣдній, очевидно по просьбѣ самого Антонія, производилъ его изъ владимірскихъ въ московскіе архіепископы,—и съ той поры Антоній сталъ было писаться „архіепископомъ московскимъ и всея Россіи,“ а также вырѣзалъ себѣ и сталъ употреблять большую печать съ этою самою надписью. Прочіе раскольничьи епископы въ Россіи были очень изумлены такимъ неожиданнымъ и смелымъ распоряженіемъ Ки-

нымъ и поставовили — считать его оттодѣ не имѣющимъ силы, о чемъ дали знать и въ Бѣлую-Кривицу. Достоинно замѣчанія, что и самъ Антоній, низведенный изъ архіепископовъ всея Руси опять на владимірскую кафедру, подписалъ это весьма прискорбное для него донесеніе бѣлокривицкому митрополиту и даже собственноручно прибавилъ къ нему назидательное замѣчаніе для Кирилла: что ему, владыкѣ Кириллу, слѣдуетъ писать такія важныя бумаги, какъ о назначеніи и переведеніи епископовъ, „осторожно, согласно правиламъ церковнымъ, а не по своимъ волямъ;“ что чрезъ сіе можетъ быть всегда смущеніе церковное. „Владыко мой, господинъ Кирилле, писалъ оны въ заключеніе, осмотритесь на свою и мою ошибку и меня Христа ради простите, что я дерзнулъ дѣйствовать по ней.“ Антонію однакожь очень не хотѣлось разстаться съ титуломъ архіепископа московскаго и всея Россіи, и тогда уже составлявшимъ предметъ его пламенявшихъ желаній. Несмотря на подписанное имъ самимъ соборное донесеніе, несмотря на назиданіе, сдѣланное имъ Кириллу, на сторонѣ, особенно въ Москвѣ, оны выдавалъ себя раскольникамъ за дѣйствительнаго московскаго архіепископа. Это, разумѣется, не скрылось отъ прочихъ раскольничьихъ архіереевъ и не оставлено ими безъ должнаго вниманія; притомъ же, въ это самое время противъ Антонія громко стали вопіять и многіе прихожане Рогожскаго кладбища, образовавшіе въ послѣдствіи извѣстную партію „раздорниковъ,“ или винокуровскую. Возникли новыя продолжительныя и сильныя распри между Антоніемъ и прочими членами раскольничьей іерархіи, въ главѣ которыхъ сталъ теперь Пафнутіи Казанскій; въ августѣ мѣсяцѣ 1861 года Антоній даже призналъ необходимымъ отказаться отъ управленія іерархическими дѣлами въ Россіи, предоставляя собору избрать для сего въ московскіе архіепископы кого угодно будетъ. Окончательнаго избранія не состоялось, и неурядиства продолжались попрежнему. Тогда-то (именно въ ноябрѣ 1861 года), для устроенія дѣлъ и для избранія и поставленія московскаго архіепископа, прибылъ въ Москву

ому полученныхъ имъ отъ Кирилла довѣрительныхъ грамотъ, составилъ въ Москвѣ „духовный совѣтъ,“ и въ качествѣ председателя этого совѣта, по желанію и съ согласія российскихъ епископовъ, самъ вступилъ въ управленіе общими іерархическими дѣлами раскольниковъ въ Россіи. Правленіе его продолжалось болѣе года, и самымъ замѣчательнымъ изъ его дѣйствій за это время было, безъ сомнѣнія, изданіе (24 февр. 1862 г.) отъ имени духовнаго совѣта, составленнаго Иларіономъ Георгіевымъ, *Окружнаго Посланія*, которому суждено было приобрести въ послѣдствіи такую громкую извѣстность и такое сильное вліяніе на ходъ событій въ старообрядчествѣ. *Окружное Посланіе* подписалъ и Антоній, впрочемъ не по убѣжденію въ его правильности и необходимости его изданія, а единственно изъ своихъ корыстныхъ расчетовъ, изъ желанія задобрить въ свою пользу сочувствовавшихъ *Посланію* архіереевъ, чтобъ имѣть изъ голосъ при будущемъ избраніи московскаго архіепископа.

Мысли, высказанныя въ *Окружномъ Посланіи*, были совершенно противоположны мыслямъ и понятіямъ лицъ составляющихъ партію такъ-называемыхъ раздорниковъ, извѣстныхъ самою изуверною преданностью расколу. Не удивительно поэтому, что изданіе *Окружнаго Посланія* они встрѣтили крайне непріязненно, особенно же когда увидѣли, что извѣсть съ другими подписалъ его и Антоній; это послѣднее обстоятельство въ свою очередь было принято ими какъ новый удобный случай дѣйствовать противъ ненавистнаго имъ Антонія: къ прежнимъ обвиненіямъ противъ него теперь прибавилось новое, вовсе впрочемъ не заслуженное имъ, что онъ — „окружникъ,“ вѣруеть согласно утвержденному имъ *Окружному Посланію*, хотя онъ, — истый перекрещенецъ, — никогда и не думалъ такъ вѣровать. Противъ *Посланія* раздорники вооружились, между прочимъ, и по враждѣ къ Анто-

накъ бѣлокриницкой митрополіи подтвердили *Посланіе* своими подписами, то раздорники рѣшились привлечь на свою сторону самого бѣлокриницкаго владыку, и для этого придумали вызвать его лично въ Москву, въ надеждѣ легко опутать слабоумнаго старика и сдѣлать его своимъ послушнымъ орудіемъ. Обстоятельства Кириллова пребыванія въ Москвѣ, кончившагося позорнымъ изгнаніемъ, довольно извѣстны нашимъ читателямъ. Не менѣе извѣстно и то, какіе широкіе размѣры приняло послѣ сего дѣла о московской архіепископіи и тѣсно связанное съ нимъ дѣло объ *Окружномъ Посланіи*, какъ вовлекся въ него весь старообрядческій міръ, и русскій и заграничный, сколько оно вызвало событій, прискорбныхъ и возмутительныхъ даже для самихъ старообрядцевъ,—событій, во всей наготѣ показавшихъ безобразный характеръ раскола и наиболѣе крупныхъ представителей раскола. Дѣла эти не кончены и доселѣ. Несмотря на то что еще въ іюлѣ 1863 года соборъ русскіихъ епископовъ („не хотящу сердцу,“ по словамъ Иларіона) далъ Антонію „титуло“ московскаго архіепископа, и что самъ Кириллъ не одинъ разъ утверждалъ его въ этомъ достоинствѣ, вопросъ—кому быть московскимъ архіепископомъ?—и теперь еще остается не рѣшеннымъ; равнымъ образомъ, несмотря на то что и Кириллъ и Антоній нѣсколько разъ предавали запрещенію *Окружное Посланіе*, вѣдая его „яко не бывшее,“ *Посланіе* живетъ и занимаетъ старообрядцевъ попрежнему: вопросъ объ его силѣ и существованіи и теперь стоитъ у нихъ на первомъ мѣстѣ. Трудно сказать, когда и какъ рѣшатся у раскольниковъ оба эти вопроса, даже рѣшатся ли когда-нибудь; но и теперь уже видимъ мы нѣкоторыя ихъ послѣдствія, для однихъ очень прискорбныя, для другихъ, напротивъ, весьма благопріятныя; однихъ они окончательно запутали въ раскольниковыхъ интригахъ и даже привели къ совершенному паденію, другимъ, напротивъ, помогли выйдти изъ раскольниковьяго мрака къ свѣту православной истины.

Не лишнимъ считаемъ напомнить здѣсь только въ какомъ положеніи находились дѣла у раскольниковъ въ то время, какъ мы говорили о нихъ послѣдній разъ. Въ февралѣ 1864 года митрополитъ Кириллъ издалъ грамоты (миряную и архипастырское посланіе), которыми утвердилъ послѣдовавшее въ іюлѣ 1863 года распоряженіе московскаго собора о возведеніи Антонія на московскій архіепископскій престолъ.

скопскій престолъ, и усвоилъ полную силу *Окружному Посланію*, потому что грамоты составлены были не только въ духъ *Посланія*, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже подлинными словами его. Потомъ, въ маѣ того же года, издалъ новую грамоту, въ которой и *Окружное Посланіе* со всеми приѣмлющими его предаль проклятію, и возведеніе Антонія на московскій престолъ призналъ неправильнымъ и недѣйствительнымъ, а въ іюлѣ мѣсяцѣ даже поставилъ для Москвы новаго епископа, другаго Антонія. Для разсмотрѣнія и исправленія этихъ и другихъ безразсудныхъ поступковъ Кирилла, по настоянію заграничныхъ раскольничьихъ архіереевъ, составилъ въ Бѣлой-Криницѣ соборъ, и 28 сентября Кириллъ подписалъ новую соборную грамоту, въ которой стараго Антонія призналъ опять архіепископомъ московскимъ, хотя ни однимъ словомъ не упомянулъ въ ней о другомъ московскомъ епископѣ Антоніи, а *Окружное Посланіе* уже не только не утвердилъ, но и подвергнулъ рѣшительному запрещенію. Этотъ новый актъ бѣлокриницкаго собора никого вполне удовлетворить не могъ: сами присутствовавшіе на соборѣ заграничные епископы (особенно Аркадіѣ Славскіи) были недовольны имъ за опредѣленіе противъ *Окружнаго Посланія*, точно также какъ и всѣ, если не слишкомъ многочисленныя, за то весьма почтенныя сторонники *Посланія*; не вполнѣ угодилъ онъ и старому Антонію съ его приверженцами (если только есть у него приверженцы), потому что ничего не сказалъ объ Антоніи новомъ; еще меньше угодилъ наконецъ этому новому Антонію и всей партіи крамольниковъ, потому что слишкомъ много сказалъ объ Антоніи старомъ, признавъ его дѣйствительнымъ московскимъ архіепископомъ. Такимъ образомъ послѣдній бѣлокриницкій соборъ не принесъ никакой пользы старообрядчеству, напротивъ только оживилъ еще старую вражду различныхъ партій, и вопросы о московской архіепископіи и *Окружномъ Посланіи* остались попрежнему не рѣшенными. Для Кирилла же все это имѣло весьма прискорбныя послѣдствія: онъ увидѣлъ себя совершенно одинокимъ и безпомощнымъ, не угодивъ ни одной партіи въ расколѣ, и кромѣ того, своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла русскихъ раскольниковъ, своею поѣздой въ Москву и поставленіемъ новаго Антонія, допущенными вопреки правилъ, на которыхъ дозволено существованіе бѣлокриницкой митрополіи, онъ навлекъ на себя преслѣдованіе

отъ австрійскаго правительства. Отъ австрійскихъ чиновниковъ, пріѣхавшихъ на свиданіе, Кирилла хотѣлъ отдѣлаться заперательствомъ, но принужденъ былъ сознаться во всемъ, и около половины истекшаго года ждалъ изъ Вѣны рѣшенія своей участи. А свой не намѣренный разладъ съ самими раскольниками разныхъ партій думалъ онъ поправить новымъ „вселенскимъ“ соборомъ, на который приглашалъ старообрядцевъ изъ всѣхъ странъ пріѣхать къ маю мѣсяцу въ Батаванъ; приглашеніе было напрасное: никто не пріѣхалъ, и соборъ не состоялся. Наконецъ, хотѣлъ онъ помирить по крайней мѣрѣ двухъ Автоміевъ, прислалъ къ новому архипастырскую грамоту съ убѣжденіемъ подчиниться старому, ради умиренія церкви; грамота только возбудила противъ него новыя неудовольствія въ партіи раздорниковъ, и только еще болѣе усилила раздоръ между двумя соперниками. Такимъ образомъ не удалось Кирилла ни поправить свое собственное положеніе въ отношеніи къ московскимъ и все-россійскимъ раскольникамъ, ни прекратить между ними старыя распри и несогласія, которыя, по изданіи послѣдней бѣнокривницкой соборной грамоты, только еще болѣе усилились. А между тѣмъ, въ то самое время когда раскольничье духовенство озабочено было вызванными этою грамотою несогласіями и раздорами въ старообрядчествѣ, пришлось ему потерпѣть новое чувствительное пораженіе: нѣсколько наиболѣе вліятельныхъ лицъ изъ среды самой раскольничьей іерархіи, побужденныя, между прочимъ, и совершавшимися въ расколъ безобразными явленіями выкинуть въ самую его сущность и основанія, торжественно отреклись отъ него и приняли православіе.

Таково было положеніе дѣлъ у раскольниковъ въ концѣ первой половины истекшаго 1865 года. Разкажемъ теперь что происходило у нихъ въ послѣднюю половину этого года.

I.

была съ уваженіемъ: чтобы рѣшить доселѣ не рѣшаемые окончательно вопросы о московскомъ архіепископствѣ и объ *Окружномъ Посланіи*, чтобы уладить какъ-нибудь возбужденныя этими вопросами крайне непріязненные отношенія разныхъ лицъ и партій въ старообрядчествѣ, къ этому дѣйствительно не видѣли другаго средства какъ предложить ихъ на разсмотрѣніе и рѣшеніе такого собора, на которомъ бы присутствовали избранные представители духовенства и общества изъ всѣхъ наиболѣе значительныхъ центровъ раскола какъ въ Россіи, такъ и за границей. Такой соборъ могъ составиться, очевидно, не гдѣ-нибудь въ Баташанахъ и не по назначенію Кирилла, потерявшаго всякое уваженіе у раскольниковъ и доживавшаго послѣдніе дни своего владычества лучшимъ и удобнѣйшимъ мѣстомъ для собора, конечно, могла быть только древлепрестольная Москва, и приглашеніе на соборъ, наиболѣе обязательное, могло идти только изъ средогласія раскольничьей духовной власти въ Россіи. И составленіе въ Москвѣ общаго, большаго собора, дѣйствительно, было задумано еще въ началѣ 1865 года; а 4-го іюля въ духовномъ совѣтѣ состоялось по сему дѣлу формальное постановленіе, и крайнимъ срокомъ для открытія соборныхъ засѣданій назначено 10 число іюля мѣсяца. Тогда же духовный совѣтъ постановилъ разослать къ иноподобнымъ архіереямъ официальные приглашенія пожаловать на соборъ къ назначенному времени. Въ слѣдующій день приглашенія эти были составлены; отъ слова до слова они гласили такъ:

„Отъ московскаго Духовнаго Совѣта г-ну преосвященному епископу.“

„Священными правилами богоносныхъ отецъ 6 Вселен. соб. прав. 8, 7 Всел. соб. пр. 6 и Каре. соб. пр. 18, повелѣвается на всяко дѣло въ коейждо области бывати собору средѣ Пасхи и октоврія мѣсяца церковныхъ ради винъ и исправленія. „Въ уставѣ“ же духовнаго совѣта, гл. 3 стат. 8, * на-

* Полное названіе упоминаемаго здѣсь устава слѣдующее: „Уставъ, или

значено собору русскіихъ епископовъ собираться по вызову духовнаго совѣта, который творить таковой смотря по количеству и по надобности накопившихся дѣлъ, требующихъ соборнаго обсужденія.

„А какъ въ настоящее время есть въ виду дѣла подлежащія соборному разсужденію и распоряженію, посему духовный совѣтъ, по поставленію своему, состоявшемуся 4-го числа сего іюня, опредѣляетъ: сдѣлать вызовъ русскіимъ епископамъ о прибытіи въ Москву въ будущемъ іюль мѣсяцѣ для составленія собора.

„О чемъ духовный совѣтъ, сообщая вашему преосвященству, проситъ прибыть на соборъ въ царствующій градъ Москву къ 10 числу іюля.

„За симъ привѣтствующе вы братолюбнымъ о Христѣ цѣлованіемъ, просимъ Бога да укрѣпитъ здравіе ваше и да управитъ путь вашъ миренъ и безмятеженъ, и въ ожиданіи прибытія вашего пребываемъ здравствующе о Господѣ.

См. Антоній архіепископъ московскій и владимірскій, священноіерей Петръ, священноіерей Павелъ.“

Подобныя приглашенія посланы были и заграничному раскольничьему духовенству, а также въ раскольничьи общества разныхъ русскихъ городовъ. Къ архіереямъ вѣстѣ съ приглашеніями отправилъ Антоній собственноручныя письма, въ которыхъ сообщалъ нѣкоторыя свѣдѣнія о церковныхъ дѣлахъ, подлежащихъ разсмотрѣнію будущаго собора. Къ Варлааму (балтовскому) напримѣръ онъ писалъ, между прочимъ: „При семъ съ душевною горестію извѣщаемъ васъ, что изъ числа собратій нашихъ епископъ Онуфрій, молодой Пафнутіи, * священноинокъ Іоасафъ, архидіаконъ Филаретъ и іеродіаконъ Мелхиседекъ присоединяются къ господствующей или единовѣрческой церкви. О намѣреніи этомъ они объявляютъ открыто и были неоднократно у митрополита Филарета. Теперь приокриваютъ монастырь для жительства, и по присканіи должно послѣдовать окончателное присоединеніе. Не мало о семъ въ народѣ толкованія и соблаженія, а раздорники, пользуясь тѣмъ, простираютъ укоризну и

но, желая предупредить то слишкомъ сильное впечатлѣніе, какое произвелъ бы на Варлаама слухъ о присоединеніи близко извѣстныхъ ему лицъ, еслибы онъ получалъ его по приѣздѣ или на пути въ Москву. Впрочемъ въ болѣе отдаленныя мѣста, какъ напримѣръ въ Сибирь къ епископу Савватию, приглашенія на соборъ посланы были гораздо раньше 4-го іюля, чѣмъ и доказывается, что соборъ задуманъ былъ еще въ началѣ 1865 года.

Итакъ, вмѣсто Баташанъ предположено было 10-го іюля открыть соборъ въ „дарствующемъ градѣ Москвѣ.“ Никто, разумѣется, и не думалъ, что соборъ откроется именно въ срокъ назначенный духовнымъ совѣтомъ; однакоже въ теченіе лѣта понемногу съѣзжались въ Москву изъ разныхъ мѣстъ раскольничьи духовныя власти и уполномоченные депутаты отъ разныхъ обществъ. Еще въ началѣ іюля пріѣхали Пафнутіи Казанскій и Савватій Тобольскій съ іеродіакономъ Θεодосіемъ; въ началѣ августа явилася и Варлаамъ съ іеродіакономъ Ипполитомъ. Прибыли депутаты отъ разныхъ обществъ: петербургскаго, казанскаго, саратовскаго, самарскаго, нижегородскаго, отъ Уральскаго казачьяго войска, херсонскаго, воронежскаго и проч. Однѣмъ за другимъ появились и заграничные выходцы. Прежде всѣхъ пріѣхалъ архимандритъ молдавскаго Мануиловскаго монастыря, Варсонофій, съ неизмѣннымъ спутникомъ своимъ, имокомъ Григоріемъ, человекомъ бывалымъ, хорошо знающимъ Россію и особенно Москву. 15-го іюля пріѣзжали они въ Яссы взять себѣ молдавскіе паспорта, съ которыми спустя недѣлю и отправились въ путь черезъ Лембергъ. Въ августѣ же мѣсяцѣ пріѣхали въ Москву священноиноки Козьма и Пафнутіи; первый изъ нихъ получалъ довѣрительныя грамоты для присутствія на соборѣ отъ епископовъ Аркадія славскаго и Іустина тувльчинскаго. * Наконецъ въ началѣ сѣ-

* Изъ турецкихъ владѣній выѣхали они еще въ 1863 году и до настоящаго пріѣзда въ Москву жили частью въ кіевскихъ раскольничьихъ скитахъ (Черкасскомъ и другихъ), частью въ Хвалынскѣ, въ прекрасно устроенныхъ келійкахъ при домѣ умершаго уже раскольничьяго епископа Аеанасія. Когда московскій духовный совѣтъ послалъ приглашеніе на соборъ къ заграничнымъ епископамъ, то Аркадій и Іустинъ уполномочили вмѣсто себя присутствовать на соборѣ именно Козьму, для котораго и выслали въ духовный совѣтъ довѣрительную грамоту. Отсюда Козьма и получалъ ее по приѣздѣ своемъ въ Москву.

тября явились депутаты и отъ самого Кирилла: Тисскаго монастыря архимандритъ Евфросинъ и знаменитый въ лѣтописяхъ бѣлокриницкой митрополіи инокъ Аліпій Милорадовъ. Судя по тому что они явились такъ поздно, можно догадываться, что они и совсѣмъ не повѣдали бы на соборъ, есаибы не потребовали этого особаго обстоятельства.

Около половины августа въ Бѣлой-Криницѣ распространился слухъ, будто въ Вѣнѣ состоялось окончательное рѣшеніе по дѣлу Кирилла, что будто бы опредѣлено навсегда лишить его всей власти и всѣхъ привилегій; Аліпій увѣрялъ даже, что министерское рѣшеніе уже передано въ Черновцы, и что мѣстное буковинское начальство только по старому знакомству съ Бѣлою-Криницею не спѣшитъ привести его въ исполненіе, и даже конфиденціальнымъ путемъ сообщило о немъ ему самому, иноку Аліпію, какъ единственному въ настоящее время охранителю интересовъ бѣлокриницкой митрополіи, для необходимыхъ по сему случаю распоряженій. Этотъ слухъ, столь вѣроятный и столь согласный съ положеніемъ дѣла, имѣлъ особенную важность для Бѣлой-Криницы. Въ прежнее время увольненіе Кирилла было бы нестрашно и нисколько неопасно: существованіе митрополіи было обезпечено, былъ правительствомъ признанный намѣстникъ митрополита, который, по силѣ утвержденного тѣмъ же правительствомъ „Устава,“ немедленно и безпрепятственно могъ бы занять его мѣсто. Но этотъ признанный австрійскимъ правительствомъ намѣстникъ бѣлокриницкой митрополіи благополучно пребываетъ теперь въ Чудовомъ монастырѣ, охотно промѣнявъ ожидавшее его высокое титуло верховнаго липованскаго святителя на скромное званіе православнаго инока; новаго намѣстника не имѣется, и когда объявлена будетъ грамота объ увольненіи Кирилла, замѣститъ его будетъ не кѣмъ. Нужно было поэтому воспользоваться льготнымъ временемъ, даннымъ по благосклонности буковинскаго начальства, чтобы найти и поставить новаго намѣстника митрополіи.

Аліпій, мужъ извѣстный столькими достославными похождениями, добывшій нѣкогда и первопрестольнаго митропо-

въ удовлетворялъ настоятель Тисскаго монастыря, архимандритъ Евфросинъ, еще въ 1841 году прибывшій изъ Россіи въ Бѣлую-Кривицу: на немъ и остановился выборъ.* Нужно было теперь начать дѣло; но тутъ встрѣтилось большое затрудненіе. Легко было понять, что будущій бѣлокривицкій митрополитъ тогда только будетъ имѣть какую-либо силу и значеніе, когда его признаютъ русскіе старообрядцы, и сама митрополія бѣлокривицкая тогда только будетъ имѣть возможность и дѣль существованія, когда русская раскольничья іерархія попрежнему останется въ зависимости отъ нея, или по крайней мѣрѣ въ тѣсномъ съ нею общеніи; въ противномъ случаѣ митрополіи невозможно и существовать, и не стоило заботиться о выборѣ и утвержденіи новаго намѣстника. Если же, несмотря ни на что, необходимо сдѣлать, чтобы на бѣлокривицкой кафедрѣ и въ будущее время возсѣдалъ липованскій первосвятитель, то опять сдѣлать это невозможно безъ участія Москвы и Россіи, то-есть денегъ изъ Москвы и изъ Россіи: ибо посвященіе намѣстника и хлопоты предъ правительствомъ объ его утвержденіи, особенно при такихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ какъ въ настоящемъ случаѣ, потребуютъ не малыхъ расходовъ. Все это указывало настоятельную надобность войти въ предварительныя сношенія съ Россіей по дѣлу о новомъ намѣстникѣ бѣлокривицкой митрополіи, и Алипій хотѣлъ именно воспользоваться самымъ удобнымъ для того временемъ, когда въ Москву на предположенный великій соборъ должны были собраться отсюда представители русскаго старообрядчества. 15 августа, на праздникъ Успенія, Алипій вмѣстѣ съ Аркадіемъ Васлуйскимъ и избраннымъ кандидатомъ на митрополію — архимандритомъ Евфросиномъ пріѣхалъ въ Яссы. Здѣсь для него и Евфросина выданы австрійскіе паспорта, съ которыми, какъ сказано выше, они и прибыли благополучно въ Москву въ началѣ сентября мѣсяца. Царь съ своей стороны снабдилъ ихъ довѣрительными грамотами и вручилъ имъ пастырскія посланія къ обоимъ московскимъ Антоніямъ съ новыми увѣщаніями и просьбами о взаимномъ примиреніи.

* Евфросинъ родомъ изъ Владимирской губерніи. Онъ былъ первымъ ставленникомъ, котораго посвящалъ Амвросій по прибытіи въ Бѣлую Кривицу.

Итакъ, Евфросинъ и Алипій явились въ Москву въ качествѣ уполномоченныхъ посланниковъ отъ Кирилла и имѣли предложить собору на разсужденіе еще одинъ важный вопросъ—объ избраніи новаго намѣстника бѣлокриницкой митрополіи.

II.

Алипій съ своимъ товарищемъ пріѣхалъ вовсе не такъ поздно какъ можно было думать. Правда, срокъ, назначенный духовнымъ совѣтомъ для открытія соборныхъ разсужденій, давно уже прошелъ, но никакихъ соборныхъ разсужденій до сихъ поръ не состоялось, да и самый соборъ, собственно говоря, не былъ еще открытъ. Сдѣланы были только нѣкоторыя предварительныя распоряженія, нѣкоторыя приготовительныя дѣйствія для будущихъ соборныхъ занятій, и притомъ, что достойно замѣчанія, не по собственному желанію духовныхъ раскольничьихъ властей, а по внушенію и настояніямъ нѣкоторыхъ гражданъ, ратующихъ за интересы раскола. Эти распоряженія, разумѣется, не привели ни къ чему и привести ни къ чему не могутъ; тѣмъ не менѣе однакоже, по своему происхожденію, характеру и выраженнымъ въ нихъ стремленіямъ, они представляютъ не мало интереснаго.

Распоряженія, которыя имѣемъ мы въ виду, происходили въ началѣ іюля мѣсяца, и очевидно вызваны были тогдашними крайне прискорбными для старообрядцевъ обстоятельствами. Тогда весь московскій раскольничій міръ встревоженъ былъ присоединеніемъ къ православной церкви раскольничьихъ епископовъ — Онуфрія и Пафнутія съ другими не

вѣства рѣшенія тѣхъ существенно-важныхъ сомнѣній относительно галголемаго старообрядчества, которыя постепенно и неизбежно должны привести каждаго къ сознанию неправоты раскола.* Все это не могло не тревожить раскольниковъ и грозило большими опасностями въ будущемъ, когда слухи о присоединившихся, и о томъ что говорятъ они и пишутъ, перейдутъ изъ Москвы къ иногороднымъ старообрядцамъ. Всѣмъ этимъ особенно возмущены и озабочены были нѣкоторые лица, наиболѣе крѣпко связанныя съ расколомъ своими интересами, почитаемыя опорой, интеллигенціей раскола, и бывшія нѣкогда, въ качествѣ передовыхъ людей, ближайшими друзьями и сотрудниками Пафнутія, въ широкихъ планахъ о распространеніи раскола не только въ Россіи, но и въ просвѣщеннѣйшихъ городахъ Европы... Они видѣли настоятельную надобность поддержать, во что бы ни стало, колеблющееся зданіе раскола, подъ свѣтлою котораго нѣкоторымъ такъ удобно привитать. Но какъ же это сдѣлать? Самыя обстоятельства указывали, что нужно было, вопреки мнѣнію новыхъ противниковъ, представить несомнѣныя и самыя современныя доказательства мнимои истины и правоты раскола, также—законности его независимаго отъ церкви существованія съ своею собственною іерархіей. Это именно дѣло и рѣшились они исполнить, образовавъ для сего особый комитетъ, въ составъ котораго должны были войти наиболѣе искусные защитники раскола. Но одни міряне, при всѣхъ своихъ талантахъ и познаніяхъ, при всей своей ловкости, очевидно, не могли достигнуть успѣха въ такомъ важномъ дѣлѣ: члены будущаго комитета понимали, что во главѣ ихъ непременно должно стоять лицо принадлежащее къ высшей церковной іерархіи, и самая инициатива дѣла, самое учрежденіе комитета должно идти отъ высшей церковной власти, а трудъ его, исполненный согласно возлагаемымъ на него ожиданіямъ, долженъ быть утвержденъ на предстоящемъ московскомъ соборѣ, почему и сдѣловало поспѣшить учрежденіемъ комитета. Все это, повидимому, не представляло затрудненій къ осуществленію. Выборъ предсѣдателя сдѣланъ былъ скоро; изъ всѣхъ наличныхъ раскольничьихъ архіереевъ

* „Вопросы,“ о которыхъ упоминается здѣсь и будетъ говоритья ниже, напечатаны были въ июльской книжкѣ *Душеполезнаго Читанія*, съ предисловіемъ, въ которомъ объяснены вызвавшія ихъ обстоятельства.

въ Россіи наиболѣе разсудительнымъ почитается Пафнутіи Казанскій: его и выбрали единогласно. Скоро также рѣшили, что распоряженіе о составленіи комитета слѣдуетъ издать отъ имени старѣйшаго изъ русскихъ архіереевъ и председателя духовнаго совѣта, московскаго архіепископа Антонія. Желаетъ ли Антоній издавать такое распоряженіе, объ этомъ не спрашивали: стоить ли церемониться съ Антоніемъ? Помѣветъ ли онъ противорѣчить? А если вздумаетъ, тогда можно и принудить. Итакъ, оставалось написать отъ имени Антонія приглашеніе къ извѣстнымъ лицамъ, чтобы они, подъ председательствомъ епископа Пафнутія, занялись изложеніемъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ въ защиту и оправданіе раскола съ его іерархіей. Написать приглашеніе взялся одинъ изъ самыхъ прогрессивныхъ членовъ раскольничьей интеллигенціи, человекъ въ нѣкоторой степени литературный, не разъ занимавшійся сочиненіемъ подобнаго рода документовъ. Новый составленный имъ документъ представляетъ въ себѣ такой замѣчательный образецъ сочинительской дѣятельности того раскольничьяго кружка, къ которому принадлежитъ авторъ, что мы приведемъ его вполнѣ. Вотъ что именно говорится въ немъ отъ имени Антонія:

„Православные христіане!

„Не безызвѣстно вамъ, что скоро совершится два столѣтія какъ предки наши вынуждены были чрезъ никоновскую реформу разединиться съ господствующею въ Россіи церковію, а въ эти-то для предковъ нашихъ, а частію и насъ самихъ, бѣдственныя два столѣтія, какъ видно, періодически являлись сочиненія старообрядцевъ въ оправданіе себя и обличеніе реформы, направленной Никономъ-патріархомъ противу обрядовъ и чиноположеній, свято содержимыхъ древнероссійскою православною церковію. Но издавныя сочиненія, хотя очень много содержатъ фактическихъ доказательствъ противу нововведеній Никона-патріарха, а по измѣнившимся обстоятельствамъ церковей, господствующей и старообрядческой, не могутъ служить достаточнымъ руководствомъ или основаніемъ старообрядчеству; изъ этого сама собою предполагается необходимость тщательно пересмотрѣть и изложить уважительныя причины нашего раздѣленія съ господствующею церковію, равно и всю послѣдовательность ея измѣне-

нѣ, * и о законномъ образованіи старообрядческой іерархіи, дабы не только нѣкоторые христіане, не знающіе Священнаго Писанія, но и правительство могло видѣть, что мы не изъ упрямства или непониманія Священнаго Писанія имѣемъ раздѣленіе съ господствующею церковію, а по причинамъ глубоко-серіознымъ, которыя причины, быть-можетъ, если угодно Господу Богу, убѣдятъ правительство сдѣлать заключеніе, что старообрядческое духовенство не заслуживало и не заслуживаетъ названія „джеепископовъ,“ и старообрядцы— „раскольниковъ.“ Такая необходимость въ изложеніи причинъ раздѣленія и законнаго образованія іерархіи тѣмъ болѣе безотлагательна, что вопросъ объ этомъ предлагается съ разныхъ сторонъ; но какъ словесно разрѣшать религиозныя недоумѣнія неудобно и почти бесполезно, то я, смиренный архіепископъ Антоній, отъ имени святой церкви усердно прошу васъ, какъ истинныхъ сыновъ ея, принять на себя вышеозначенный трудъ и подъ предсѣдательствомъ боголюбиваго епископа Пафнутія казанскаго содѣйствовать на пользу святой церкви, по мѣрѣ силъ своихъ. Благодать Господа нашего Ісуса Христа и любви Бога и отца и причастіе Святаго Духа и мое архіепастырское благословеніе да будетъ со всѣми вами.“

Таково новое произведеніе прогрессивнаго раскольничьяго писателя. Слѣды современнаго раскольничьяго прогресса, какъ и слѣдовало ожидать, отразились на немъ яркими чертами. Въ немъ говорится и о предстоящемъ двухсотлѣтнемъ юбилеѣ раскола, и о никоновской „реформѣ,“ и объ извѣданныхъ обстоятельствахъ и потребностяхъ раскола, и о необходимости пересмотрѣть глубоко-серіозныя его причины, оправдать его предъ правительствомъ. Чего же современнѣе и прогрессивнѣе? Но если поближе всмотрѣться въ эту современность и прогрессивность, то нетрудно будетъ усмотрѣть за ними искусно прикрытую старую раскольничью

* Вдѣсь авторъ, очевидно, сказалъ не то что ему хотѣлось. Онъ, по всей

неискренность и ту же слѣпую приверженность къ заблужденіямъ предковъ, какою искони держался расколъ.

Мы не станемъ раскрывать это подробно, предоставляя самимъ читателямъ оцѣнить истинное значеніе, наприимѣръ, этого совершенно безпристрастнаго, повидимому, приговора надъ всею двухвѣковою раскольничьею литературой, по которому отнынѣ слѣдуетъ считать ее „недостаточнымъ руководствомъ и основаніемъ старообрядчеству,“ въ чемъ однакоже виновата будто бы не сама литература, заслуживающая всякаго уваженія, а какія-то „измѣнившіяся обстоятельства церкви господствующей (ее можно бы при этомъ случаѣ оставить и въ покоѣ) и старообрядческой!“ или этого, столь искреннаго, повидимому, намѣренія „тщательно пересмотрѣть и изложить“ причины, отдѣляющія раскольниковъ отъ церкви (кажется, чего бы лучше?), но не плаче, однакоже, какъ съ преднамѣренною цѣлію доказать правительству (и почему именно правительству?), что причины эти глубоко-серіозныя, и что іерархія раскольничья незаконно называется жеіерархіей. Мы съ своей стороны обратимъ вниманіе на одно только обстоятельство, которое, по нашему мнѣнію, хорошо объясняетъ характеръ составленнаго раскольникомъ-либераломъ документа. Замѣчательно, что въ немъ не упомянуто вовсе о присоединившихся къ церкви членахъ раскольничьей іерархіи и объ ихъ настойчивыхъ требованіяхъ дать рѣшеніе на вопросы относительно самыхъ основаній раскола и раскольничьей іерархіи (въ концѣ только, какъ будто мимоходомъ, замѣчено, что „вопросъ о законности іерархіи предлагается съ *разныхъ сторонъ*“): а между тѣмъ этими-то настойчивыми вопросами и вызванъ самый документъ; мысль о нихъ, искусно замаскированная, лежитъ въ самомъ основаніи этого документа и проходитъ черезъ все его содержаніе. Въ сущности, документъ сей гласитъ слѣдующее. Явились новые опасные враги раскола изъ самой среды раскола; они истазуютъ насъ вопросами, въ которыхъ подрываютъ самыя основанія нашей іерархіи; они всѣмъ и всюду говорятъ, что наиболѣе важныя изъ нашихъ сочиненій тѣ, которыми собственно и руководствуемся мы въ настоящее время, какъ-то: извѣстное сочиненіе *О нужныхъ обстоятельствахъ*, въ которомъ такъ искусно, повидимому, объяснена возможность и законность возникновенія у насъ правильной іерархіи, послѣ двухвѣковаго ея прекращенія

(отъ Никона до Амвросія); * еще болѣе извѣстный *Уставъ Блаторимлицкаго монастыря* (съ приложеніемъ липованской догматики), сочиненный приснопамятнымъ инокомъ Павломъ и самимъ австрійскимъ правительствомъ положенный въ основаніе блаторимлицкой іерархіи; Павлова же знаменитая *III-я часть церковной исторіи*;—что всѣ эти капитальныя *руководственные* сочиненія достоуважаемыхъ нашихъ писателей содержать въ себѣ много нетерпимыхъ еретическихъ мыслей; она говорятъ, что два послѣднія изъ этихъ сочиненій признаны такими, то-есть наполненными еретическихъ мыслей, на соборѣ самихъ раскольничьихъ епископовъ въ 1863 г., и доказываютъ даже (оле ужас!) *подлинныя* опредѣленія этого собора объ указанныхъ сочиненіяхъ съ собственноручными подписями Автонія и прочихъ членовъ собора. Все это крайне соблазнительно и грозитъ большою опасностью расколу. Необходимо поэтому придумать какія-нибудь оправданія противъ такихъ опасныхъ нападеній и составить что-нибудь новое взаимнѣ сочиненій, которыя служили до сихъ поръ совершенно достаточнымъ „руководствомъ и основаніемъ старообрядчеству,“ теперь же по необходимости должны быть признаны несостоятельными. Таковъ подлинный сокровенный смыслъ любопытнаго документа; но выразить его такъ прямо и ясно могли бы только крайняя близорукость или простота; притомъ же, возможно ли признаться вслухъ, что обращеніе къ православію нѣкоторыхъ членовъ раскольничьей іерархіи и ихъ вопросы старообрядчеству имѣютъ для этого послѣдняго такую большую важность? И вотъ съ дипломатическимъ искусствомъ выводятся на сцену такіа-то небывалыя „измѣнившіяся обстоятельства церковей,“ почему-то обращающія на себя вниманіе только наканунѣ двухсотлѣтняго раскольничьяго юбилея; говорится вообще о недостаточности сочиненій въ защиту раскола, изданныхъ въ прежнее время, начиная съ самой никоновской реформы, какъ будто рѣчь идетъ о давно забытыхъ старообрядцами твореніяхъ Аввакума, Никиты и Лазаря; поставляется на

* Ученіе это первоначально высказано было инокомъ Павломъ въ его извѣстныхъ *Посланихъ къ безпоповцамъ*; въ послѣдствіи подробно раскрыто Пафнутіемъ Коломенскимъ въ его проповѣдяхъ, которыми приобрѣлъ онъ такую извѣстность у старообрядцевъ; въ упомянутомъ же сочиненіи довольно обстоятельно изложено бывшимъ приверженцемъ Пафнутія, Семеломъ Сивеловымъ.

видъ какъ будто бы свободно сознавая раскольниками надобность „пересмотрѣть глубоко-серioзныя причины“ отдѣленія раскольниковъ отъ церкви, изложить „законное образованіе старообрядческой іерархіи;“ и наконецъ, послѣднею цѣлю всего этого поставляется достиженіе самой сладкой мечты раскольниковъ, что и само правительство признаетъ законность и старообрядчества, и старообрядческой іерархіи.... Такъ фабрикуются дипломатическіе документы современными раскольничьими литераторами, и таковъ подлинный смыслъ того документа, о которомъ наши мы нужнымъ поговорить съ нѣкоторою подробностью именно затѣмъ чтобы показать ловкіе приемы вышеупомянутыхъ литераторовъ. Въ сущности, какъ мы сказали, этотъ документъ есть приглашеніе отъ имени Антонія къ членамъ будущаго комитета — заняться, подъ предсѣдательствомъ Пафнутія Казанскаго, составленіемъ новаго сочиненія въ защиту раскольниковъ іерархіи отъ нападеній со стороны присоединившихся и въ замѣнъ прежнихъ, защищать которыя стало невозможно.

Нетрудно понять, что и самъ комитетъ поставилъ себѣ задачей дѣло, котораго исполнить удовлетворительнымъ образомъ также невозможно, и которому предстояло поэтому остаться безъ всякаго движенія. Первое затрудненіе, даже совершенно неожиданное, встрѣчено имъ со стороны Антонія. Когда Антонію представили вышеприведенный документъ для подписи, онъ пораженъ былъ и смутился до крайности. Впервыхъ, поразили его совершенная для него неожиданность замышленного дѣла и эта обидная безцеремонность, съ какою распоряжаются его именемъ въ дѣлѣ совершенно ему неизвѣстномъ. Напшутъ Богъ знаетъ что, да и говорятъ: подписывай, а то будетъ худо! Не обидно ли это и въ самомъ дѣлѣ? Еще болѣе смутило его содержаніе представленнаго для подписи документа. Впрочемъ, самаго содержанія, по всей вѣроятности, онъ и не помялъ какъ слѣдуетъ (ужь слышкомъ дипломатически написано), а остановился главнымъ образомъ на томъ обстоятельстве, что комитетъ будетъ заниматься подъ предсѣдательствомъ Пафнутія Казанскаго. Никто такъ не противенъ Антонію какъ этотъ Пафнутій Казанскій; съ его именемъ привыкъ онъ соединять все себѣ враждебное: онъ когда-то вмѣстѣ съ другимъ Пафнутіемъ поднялъ вопросъ о московскомъ архіепископствѣ Антонія; онъ вмѣстѣ съ Онуфріемъ содѣйствовалъ изданію *Окружна-*

го *Послания*; онъ доселѣ остается окружникомъ, дружить съ Ларивономъ! И такому-то человѣку хотятъ поручить предѣлательство! „Допусти-ка его,—премудро разсуждалъ Антоній,—онъ опять съ Ларивономъ втащить совершенно всѣхъ насъ въ бездну, найдутъ тамъ опять Иисуса!“ Словомъ, признавъ Пафнутія предѣлателемъ комитета Антоній не хотѣлъ на за что. Но, съ другой стороны, Антоній не видѣлъ возможности и оставить безъ подписи бумагу объ учрежденіи комитета: съ тѣми, кто ее подалъ, шутить ему было опасно. Чтобы выйдти изъ этого затруднительнаго положенія, Антоній придумалъ слѣдующую искусную мѣру: бумагу онъ подписалъ, но не прежде какъ собственноручно изгладивъ изъ нея имя Пафнутія и замѣнивъ его именемъ духовнаго совѣта. Такимъ образомъ комитетъ учреждался подъ предѣлательствомъ московскаго духовнаго совѣта, то-есть подъ предѣлательствомъ самого же владычествующаго въ этомъ совѣтѣ архіепископа Антонія. Отъ комитета съ такимъ предѣлательствомъ и сами раскольники ничего не ожидали; онъ дѣйствительно существовалъ только на бумагѣ: прошелъ мѣсяцъ, и ничѣмъ не заявилъ онъ своего существованія.

А между тѣмъ положеніе дѣлъ въ старообрядцествѣ было таково, что охранителямъ его интересовъ вовсе не годилось оставаться въ спокойномъ бездѣйствіи. Борьба двухъ Антоніевъ за московскую катедру продолжалась непрежнему и непрежнему раздѣляла старообрядцевъ на враждебныя партіи; несогласія между защитниками и противниками *Окружнаго Послания* также ни мало не утихали; толки о присоединившихся и бесѣды съ ними нѣкоторыхъ старообрядцевъ носили новую смуту, новыя колебанія, въ среду старообрядческаго общества и только еще болѣе усиливали борьбу разлитъ партій; вопросы ихъ съ настоятельнымъ требованіемъ совѣта появились въ печати и въ большомъ количествѣ разсѣяны ими ко всемъ вліятельнымъ членамъ московскаго и городовыхъ старообрядческихъ обществъ, между которыми производили свое дѣйствіе. Все это требовало бдительнаго вниманія и усиленной дѣятельности со стороны раскольничьяго духовнаго правительства, о чемъ и рѣшились напом-

лись уже въ это время, кромѣ Пафнутія, епископы Савватія и Варлаамъ: при ихъ содѣйствіи надѣялись устроить дѣло гораздо легче. Предсѣдательство попрежнему предполагали поручить Пафнутію Казанскому, на котораго, какъ видно, всѣхъ больше надѣялись. Въ первыхъ числахъ августа составлено было отъ лица архіепископа Антонія и епископовъ Варлаама и Савватія новое предложеніе о составленіи комитета уже на имя самого Пафнутія. Этотъ новый документъ вовсе не походилъ на прежній: дѣло изложено въ немъ гораздо проще и яснѣе, безъ особенныхъ дипломатическихъ приемовъ. Начинается онъ, какъ и слѣдовало, не пустыми рѣчами о предстоящемъ двухсотлѣтнемъ юбилеѣ раскола, а смиреннымъ и горестнымъ признаніемъ, что расколъ пожирается внутренними неурядицами и раздорами, и что нужно позаботиться о приисканіи способовъ какъ положить конецъ этимъ неурядицамъ; говорится далѣе, что это важное дѣло и возлагается на него — епископа Пафнутія, который въ помощь себѣ долженъ составить особый совѣтъ изъ избранныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, и наконецъ, излагаются обязанности будущаго совѣта. Приведемъ однакоже вполнѣ и этотъ документъ, неизвѣстный, вѣроятно, и многимъ изъ самихъ старообрядцевъ. *

„Отъ Антонія архіепископа московскаго, Варлаама епископа балтовскаго, Савватія епископа тобольскаго и московскаго духовнаго совѣта возлюбленному о Христвѣ брату нашему и сослужебнику, Пафнутію епископу казанскому, предложеніе.

„Имѣя въ виду различныя церковныя неурядиства и внутреннее разъединеніе въ сынахъ нашей святой древлеправославной церкви, которыя неурядиства и разъединеніе не только не уничтожаются, но, повидимому, все болѣе и болѣе увеличиваются, мы, сознавая всю важность такого бѣдствія, какъ по долгу христіанскому, такъ и по возложенной на насъ обязанности имѣть попеченіе о мирѣ всего христіанства, общимъ совѣтомъ нашимъ предположили просить ваше пре-

освященство принять на себя трудъ—заятыся исключительно водвореніемъ церковнаго и общественаго спокойствія. Для достиженія сей благой цѣли мы находимъ полезнымъ предаривать слѣдующія мѣры:

„Просить ваше преосвященство приступить немедленно къ составленію временнаго совѣта, въ которомъ поручаемъ вамъ быть председателемъ при посредничествѣ избранныхъ отъ насъ священноіереевъ и нѣкоторыхъ мірскихъ лицъ, извѣстныхъ своею благонамѣренностію, изъ коихъ имѣть соитяиковъ постоянныхъ и временныхъ, и по указанію надобности, призывать для обсужденія какого-либо предположенія (подробныя правила, коими долженъ руководствоваться совѣтъ, будутъ особо препровождены къ вамъ). По образованію совѣта, оный долженъ немедленно заятыся пріисканіемъ средствъ къ умиротворенію, водворенію единомыслія и согласія въ христіанствѣ; это тѣмъ болѣе необходимо, что и само правительство того требуетъ, о чемъ заявлялъ господня министръ внутреннихъ дѣлъ попечителямъ Рогожскаго кладбища; слѣдовательно, не только по долгу христіанскому, но и для исполненія воли правительства, мы должны стремиться къ умиротворенію. Причемъ совѣту сему вмѣняется въ священную обязанность: а) объяснить подробно причины нашего раздѣленія съ господствующею російскою церковію, равно и греческою, б) разъяснить тѣ мѣста Священнаго писанія, которыя подають поводъ къ превратнымъ понятіямъ и толкованіямъ (?), и в) написать разборъ на восемь вопросовъ, появившихся между нашими христіанами.

„Итакъ, по составленіи вышеозначенныхъ предметовъ, какъ по цѣли умиротворенія православныхъ христіанъ, такъ и о изложеніи причинъ раздѣленія нашего съ господствующею церковію представлять на общее разсмотрѣніе и окончательное рѣшеніе російскихъ епископовъ и московскаго духовнаго совѣта, дабы согласіе и единомысліе господствовали между всеми.

„Господь же нашъ Ісусъ Христосъ, Богъ всякія утѣхи, да поспѣшитъ вамъ во благое къ созиданію и да сподобитъ получить воздаяніе, еже обѣща миротворцамъ и любящимъ его и ближнихъ своихъ, Ему же слава во вѣки, аминь.

„Препровождая сіе, остаемся въ полной надеждѣ на ваше тѣніе и пребываемъ въ молитвѣ о испосланіи вамъ помощи и содѣйствія отъ Всевышняго.“

Итакъ, будущему совѣту поставяется въ главную обязанность „заявлятья пріисканіемъ средствъ къ умиротворенію, водворенію единомыслія и согласія“ въ старообрядчествѣ, причемъ опять поставяется на видъ вождедѣнная надежда заслужить чрезъ то благоволеніе правительства; и въ частности онъ долженъ заняться, конечно, съ тою же цѣлю умиротворенія: а) подробнымъ объясненіемъ причинъ отдѣленія старообрядцевъ отъ церкви, б) объясненіемъ мѣстъ Св. Писанія, подающихъ поводъ къ превратнымъ понятіямъ и толкованіямъ (?), и в) разборомъ появившихся между старообрядцами восьми вопросовъ, подъ которыми разумѣются именно восемь вопросовъ изданныхъ братствомъ присоединившихся. Этотъ планъ занятій будущаго совѣта составленъ такъ согласно съ современными нуждами старообрядчества (не совсемъ понятенъ только смыслъ втораго пункта), и самая потребность въ учрежденіи совѣта указана такъ ясно, что, казалось бы, и самъ Антоній не могъ теперь отважиться возстать противъ него. А между тѣмъ, когда „предложеніе“ объ учрежденіи совѣта представлено было для утвержденія въ общее собраніе епископовъ, Антоній попрежнему не хотѣлъ его подписывать. Потребовали объясненія, что такое имѣеть онъ противъ этого „совѣта?“ Антоній отвѣчалъ, что почитаетъ учрежденіе его дѣломъ ненужнымъ и неблаговременнымъ, а предназначенныя ему занятія даже опасными для „христіанства:“ „дѣтъ совершенно, говорилъ онъ, надобности начинать этихъ дѣловъ.“ Ему доказывали, что есть напротивъ крайняя надобность сдѣлать то что поручается совѣту. Возражать Антоній, разумѣется, не могъ, и долженъ былъ высказаться откровеннѣе: онъ признался, что пожалуй затѣвается и хорошее дѣло, но что дѣла этого онъ никакъ не согласится поручить Пафнутію Казанскому. Антоній коснулся такимъ образомъ личности тутъ же находившагося своего собрата, что могло повести къ непріятному столкновенію; во избѣжаніе этихъ новыхъ непріятностей рѣшились сдѣлать уступку Антонію: предложили назначить предсѣдателемъ совѣта болѣе угоднаго ему, хотя и вовсе неспособнаго человѣка, въ той конечно увѣренности, что не въ предсѣдателѣ сущность дѣла, — предложили именно Савватія Тобольскаго. Противъ Савватія Антоній не могъ сказать ничего и поневолѣ долженъ былъ согласиться, чтобы „предложеніе“ было переписано на его имя: „ну, не замая напишуть

на Савватіа!“ Этимъ вынужденнымъ рѣшеніемъ и закрылъ онъ засѣданіе. На слѣдующій день вновь переписанное „предложеніе“ было ему представлено; но за ночь онъ успѣлъ уже разсудить, что подписывать его не слѣдуетъ и теперь, что такой председатель, какъ Савватій, будетъ для него плохимъ значаиномъ въ томъ, весьма вѣроятномъ, случаѣ, если сойтъ придумаетъ что-нибудь невыгодное для него. Все это было совершенно въ характерѣ архіепископа Антонія; но все это должно было вывести изъ терпѣнія даже знакомыхъ съ его характеромъ московскихъ гражданъ, замыслившихъ учрежденіе совѣта. Они рѣшились пустить въ ходъ извѣстныя угрозы противъ Антонія: распространили слухъ, что ему будетъ худо, если не утвердитъ учрежденіе совѣта,—придется ѣхать изъ Москвы во Владиміръ. Эти угрозы произвели свое дѣйствіе: Антоній немедленно подписалъ „предложеніе“, и даже въ первой его редакціи, то-есть на имя Пафвутія Казанскаго. За Антоніемъ безпрекословно подписались Варлаамъ и Савватій. Такимъ образомъ совѣтъ, или комитетъ для обсужденія современныхъ потребностей старообрядчества, получилъ наконецъ утвержденіе, и учредители его теперь, казалось бы, могли быть спокойны за будущія судьбы старообрядчества.

Но если они ожидали отъ этого совѣта дѣйствительно чего-нибудь существенно-полезнаго расколу, а не просто тѣшили себя и другихъ пріятными надеждами, учреждая его, то они, очевидно, находились въ крайнемъ заблужденіи. Новый совѣтъ, подъ чьимъ бы предсѣдательствомъ и изъ какихъ бы членовъ ни составился, не могъ ничего сдѣлать для раскола по неудобности самыхъ обязанностей, на него возложенныхъ. Что въ самомъ дѣлѣ могъ придумать совѣтъ для прекращенія беспорядковъ и раздоровъ въ расколѣ, продолжавшихся не менѣе пяти лѣтъ, несмотря на всѣ усилія положить имъ конецъ? Какія средства могъ приискать онъ для искорененія того что лежитъ въ самомъ характерѣ, въ самыхъ началахъ раскола? Не менѣе трудно было и составить что-нибудь удовлетворительное въ разъясненіе причинъ, отдѣляющихъ расколъ отъ церкви, и въ отвѣтъ на вопросы присоединившихся (то и другое, очевидно, имѣеть тѣсную связь): старша уловки, старша извѣты на православіе теперь уже неудобны, и самихъ старообрядцевъ, хотя немного расчитательныхъ, удовлетворить не могутъ; вопросы же постав-

лемамъ такъ прямо и ясно, что никакими уклончивыми отвѣтами ограничиться нельзя, а прямой отвѣтъ необходимо долженъ быть не въ пользу раскола. Между тѣмъ, однакоже, именно въ разборѣ восьми вопросовъ, по общему мнѣнiю, и заключалась самая главная обязанность вновь учрежденнаго совѣта. Для этого дѣла главнымъ образомъ и старались приискать способныхъ членовъ. Одинъ, незамѣнимый въ подобныхъ случаяхъ, членъ былъ уже готовъ — известный логовезъ Семенъ Семеновъ; хотѣли привлечь къ тому же дѣлу и автора *Окружнаго Посланiя*; даже самъ Антонiй, известный его ненавистникъ, обратился къ нему съ просьбой объ участiи въ разборѣ вопросовъ: „ужь ты, Ларивонъ Егорычъ, потрудишься, совершенно тово, для блага церкви, — больше тебя никому, совершенно....“ Но Иларiонъ, несмотря на дружескiя отношенiя свои къ Пафнутию Казанскому, имѣлъ благоразумiе уклониться отъ этого дѣла, понимая какъ нельзя лучше всю невозможность исполнить его удовлетворительнымъ образомъ. О трудахъ же Семена Семенова въ разборѣ восьми вопросовъ мы будемъ имѣть случай упомянуть въ другомъ мѣстѣ.

Итакъ, нельзя было ожидать, чтобы вновь учрежденный совѣтъ могъ сдѣлать что-нибудь для уврачеванiя современныхъ язвъ старообрядчества; и онъ дѣйствительно показалъ себя въ этомъ отношенiи ничѣмъ не лучше того комитета, который въ теченiе цѣлаго мѣсяца числился существующимъ подъ предсѣдательствомъ московскаго духовнаго совѣта: прошелъ августъ, проходилъ и сентябрь, а сдѣлано ничего не было. Соборъ съ своей стороны также не приступалъ къ должнымъ занятiямъ, несмотря на то что съѣхавшiеся изъ разныхъ мѣстъ депутаты давно уже ждали открытiя общихъ совѣщанiй.

III.

Такимъ образомъ, прiѣхавъ въ Москву въ сентябрь мѣсяцъ, Евфросiнъ и Алимпiй нисколько не опоздали явиться на соборъ. Привезенный ими горестный слухъ о судьбѣ Кирилла не произвелъ особенно сильнаго впечатлѣнiя въ средѣ русскаго старообрядчества, и о Кириллѣ едва ли пожалѣвалъ кто: такъ упалъ онъ въ общемъ мнѣнiи у старообрядцевъ.

Не обнаруживши въ Москвѣ оцѣнокъ горячаго участія и къ выбору новаго намѣстника бѣлокривидской митрополіи; у російскихъ старообрядцевъ дозволено было и своего дѣла; притомъ же они подумывали и прежде о востановленіи русской іерархіи въ полную независимость отъ бѣлокривидской митрополіи, и потому заботиться много объ ея интересахъ не представлялось надобности. Но во всякомъ случаѣ, о назначеніи будущаго преемника митрополиту не могло быть и рѣчи до рѣшенія главнаго вопроса о примиреніи враждебныхъ партій въ старообрядчествѣ: выборъ, сдѣланный одною какою-нибудь партіей до востановленія мира, очевидно, придавалъ бы только силы существующимъ раздорамъ. Такимъ образомъ старый вопросъ о примиреніи двухъ враждебныхъ автоновскихъ партій выступалъ постоянно на первое мѣсто и первый требовалъ соборнаго рѣшенія; а съ нимъ вмѣстѣ неизбежно выступалъ и другой не менѣе старый вопросъ объ *Окружномъ Посланіи*, какъ о важнѣйшей причинѣ раздора.

Что примиреніе враждебныхъ партій необходимо для благосостоянія самой митрополіи, это понимали и въ Бѣлой-Кривидѣ. Мы сказали выше, что Алипій везъ грамоты отъ Кирилла къ обоимъ Антоніямъ: въ этихъ грамотахъ именно содержались всевозможныя убѣжденія обоимъ соперникамъ—прекратить пагубную вражду. Новаго Антонія Кирилла умолялъ подчиниться старому и имѣть общеніе съ прочими боголюбивыми епископами, особенно же просилъ его не отказываться отъ присутствія на московскомъ соборѣ; краснорѣчивый составитель грамоты написалъ ему цѣлую проповѣдь о смиреніи и любви. * Въ посланіи же къ старому Антонію Кирилла особенно настаивалъ на томъ, чтобы онъ уничтожилъ главную причину возбужденной противъ него вражды—*Окружное Посланіе*, чтобы написалъ и подписалъ грамоту объ его уничтоженіи: „заповѣдаю вамъ отечески, утвердите грамоту своимъ подписаніемъ и своею именною святительскою печатію, чтобы предъ нѣсколькими членами священныхъ лицъ и почетныхъ гражданъ, за ихъ подписаніемъ, уничтожить совершенно *Окружное Посланіе* новоумышленное, которое со временемъ раздрало древа православную церковь (!), и единыя другаго еретиками, Жидами омываютъ и раздвигаются. оны окружники, оны неокружники. Вы сами хорошо отъ писанія свѣ-

* См. эту грамоту въ Приложеніи подъ № 1.

души, не една ли благодать существовала и существуетъ при хиротоніи надъ поставляемыми: то (?) почто намъ выдѣбаться съ онымъ *Окружнымъ*, аки съ благовѣстнымъ Евангеліемъ, но лучше вся оная прекратить и забвенію предать и яко не бывшая вмѣнить, да не раздрана будетъ св. восточная апостольская церковь чрезъ оное *Окружное*, и да не укоряють другъ друга еретиками.... Вамъ самимъ не безызвѣстно, что *чрезъ сіе наша неустройство начали малодушнѣи отъ вѣры отступать*, которые обратились въ свою ересь, которые поступили въ ересь, которые въ безпоповцы, которые священства нашего не стали принимать.“ Всѣ эти убѣжденія Кирилла въ посланіи къ старому Антонію были вовсе неужны: и безъ нихъ Антоній всею душою ненавидѣлъ *Окружное Посланіе* и готовъ былъ предать его вѣчной анаемѣ. Что же касается Кириллова посланія къ другому Антонію, то все его краснорѣчіе потрачено было совершенно задаромъ: Алипій вручилъ посланіе раздорникамъ для передачи по адресу; въ ихъ рукахъ оно и осталось, не достигнувъ своего назначенія.

Но если грамоты Кирилла, со всѣми его увѣщаніями о мирѣ, не могли имѣть въ этомъ отношеніи никакой важности, то, съ другой стороны, самое положеніе дѣлъ въ старообрядчествѣ настоятельно требовало, чтобы соборъ прежде всего занялся именно обсужденіемъ средствъ къ примиренію враждебныхъ партій. 30-го сентября происходило собраніе, на которомъ разсуждали главнымъ образомъ объ этомъ предметѣ. Рѣчь естественно склонилась къ вопросамъ о московской архіепископіи и объ *Окружномъ Посланіи*. Въ какомъ положеніи находились оба эти вопроса? По мнѣнію Антонія (то-есть стараго Антонія), они были рѣшены совершенно удовлетворительно бѣлокривецкимъ соборомъ, въ изданной имъ, отъ 28-го сентября 1864 года, грамотѣ: архіепископія московская, согласно опредѣленію, состоявшемуся на московскомъ соборѣ 1863 года, признана окончательно за нимъ,

кравецкій соборъ, какъ мы видѣли, вовсе не имѣлъ такого авторитета у старообрядцевъ, чтобы можно было основаться на его постановленіяхъ. Это и было высказано въ собраніи 30-го сентября; нѣкоторые замѣтили даже, что въ грамотѣ содержится мнѣніе одного только Кирилла, а прочія лица, бывшія на соборѣ, этого мнѣнія не раздѣляли. Что многіе изъ этихъ лицъ, и въ томъ числѣ самъ Аркадій Славскій, дѣйствительно не раздѣляли выраженнаго въ грамотѣ мнѣнія объ *Окружномъ Посланіи*, это справедливо; но, съ другой стороны, не подлежало сомнѣнію и то, что соборную грамоту подписали всѣ присутствовавшіе на соборѣ. Теперь, въ собраніи 30-го сентября, нѣкоторые изъ этихъ присутствовавшихъ были на лицо: Евфросинъ, Варсонофій и Алимпій; они почли долгомъ тутъ же засвидѣтельствовать, что дѣйствительно участвовали въ соборѣ и вмѣстѣ со всѣми другими подписали соборную грамоту.* Это, впрочемъ, нисколько не измѣнило господствовавшего мнѣнія о бѣлокриницкомъ соборѣ, и чтобы принять его рѣшенія въ основаніе московскихъ соборныхъ разсужденій, объ этомъ нечего было и думать (такъ упала Бѣлая-Криница въ глазахъ старообрядческой Москвы!): признано за лучшее судить о своихъ собственныхъ дѣлахъ своимъ собственнымъ судомъ, и именно рѣшили, чтобы предварительно избраные представители обѣихъ враждебныхъ партій, по шести человекъ съ той и другой стороны, переговорили между собою о причинахъ существующаго раздѣленія, тщательно опредѣлили ихъ и потомъ представили на общее разсужденіе собора, который позаботится о средствахъ къ устраненію сихъ причинъ и чрезъ то къ восстановленію самаго мира.

Мало добраго чаялъ себѣ старый Антоній отъ этого распоряженія. Чувствовалъ онъ, что при внимательномъ разборѣ причинъ существующаго теперь раздѣленія у старообрядцевъ, значительная доля ихъ должна будетъ упасть на его голову, что, пожалуй, на первомъ мѣстѣ поставятъ (и совершенно справедливо)

* 4-го октября они даже подали собору составленное ими, какъ видно, по внушенію Антонія, особое письменное удостовѣреніе о томъ, что грамота 28-го сентября, издана митрополитомъ съ согласія всего собора, какъ-то: епископовъ и священныхъ лицъ и мірскихъ людей; на каковомъ соборѣ въ дѣйствиіи и они участвовали, гдѣ дѣйствительно *Окружное Посланіе* съ общаго согласія уничтожено. Удостовереніе это подписали: архимандритъ Евфросинъ, инокъ Алимпій, архимандритъ Варсонофій.

его прежнія интриги для отаженія московской каѳедры и другія полузабытыя дѣла. Разчитывать при этомъ на защиту гражданъ, не принадлежащихъ даже къ крамольной партіи, съ его стороны было бы слишкомъ самонадеянно. Нужно было самому позаботиться, чтобы въ этомъ случаѣ отклонить, чье слѣдуетъ, вниманіе отъ своей особы, и лучшимъ средствомъ къ тому Антоній почиталъ направить его исключительно на *Окружнаго Посланія*, такъ чтобы въ одномъ этомъ *Посланіи* признали ужасную причину всѣхъ золъ, свѣдающихъ старообрядчество, а затѣмъ и средствомъ къ избавленію отъ этихъ золъ—совершенное его уничтоженіе. Главное препятствіе къ достиженію такой цѣли, естественно, предвидѣлъ онъ со стороны извѣстныхъ защитниковъ *Посланія*: Варлаама и особенно Пафнутія; нужно было ихъ убѣдить какимъ-нибудь способомъ отказаться отъ *Посланія*, по крайней мѣрѣ, вывѣдать ихъ настоящія намѣренія въ этомъ отношеніи. Для сего Антоній придумалъ, прежде нежели избранные двѣнадцать членовъ окончатъ свои совѣщанія, устроить особое собраніе для предварительныхъ разсужденій, именно объ уничтоженіи *Окружнаго Посланія*, пригласить на это собраніе Пафнутія съ другими окружниками и такимъ образомъ заставить ихъ высказаться; но въ то же время онъ не хотѣлъ, чтобы дѣло это было приписано ему; поэтому далъ видѣ, будто собраніе устроится по желанію иногородныхъ депутатовъ. 7-го октября, утромъ, послалъ онъ Пафнутію записку слѣдующаго содержанія:

„Братія, епископъ Пафнутій, епископъ Варлаамъ, священноинокъ Козьма!

„Извѣщаю васъ, депутаты наши желаютъ съ вами со всѣми бесѣдовать, а именно, предлогъ ихъ объ уничтоженіи *Окружнаго Посланія*, и вы обсовѣтуетесь между собой объ ономъ.

„Предназначаютъ прибыть въ Св — въ домъ, то прошу васъ

причинахъ вражды, о чемъ и извѣстилъ Антонія саѣдующимъ посланіемъ:

„Ваше высокопреосвященство,
„г-нъ архіепископъ Антоній!

„На повѣщеніе ваше, что депутаты желаютъ со всѣми нами бесѣдовать объ уничтоженіи *Окружнаго Посланія*, честь имѣемъ объяснить вамъ, что мы бесѣдовать объ уничтоженіи *Окружнаго Посланія* почитаемъ дѣломъ преждевременнымъ, потому что на послѣднемъ собраніи московскихъ гражданъ предположено чрезъ посредство избранныхъ съ обѣихъ сторонъ по шести человекъ учинить переговоры о препятствующихъ причинахъ нашего разьединенія.

„А потому просимъ ваше высокопреосвященство объ этомъ предметѣ обсужденіе отложить до тѣхъ поръ, пока со стороны отдѣляющихся отъ насъ не объяснятъ всѣхъ причинъ, препятствующихъ желаемому соединенію. Въмѣсто же сего благоволите принять мѣры къ побужденію, кого саѣдуетъ, о скорѣйшемъ испованіи предназначеннаго переговоровъ.

„Смиранный Пафнутіи епископъ казанскій,
смиранный Варлаамъ епископъ балтовскій
священноинокъ Козма.

„7-го октября 1865 года.“

Замыселъ Антонія такимъ образомъ не удался, собраніе не состоялось; во и присланнаго Пафнутіемъ отвѣта было достаточно чтобы понять, что окружники намѣрены твердо стоять за *Посланіе*, и что съ ними предстоитъ ему, Антонію. много хлопотъ. За то не мало утѣшилъ его совѣтъ двѣнадцати. 11-го октября у нихъ происходило засѣданіе, на которомъ постановили единогласно привести *Окружное Посланіе* въ жертву мира: и хотя въ постановленіи этомъ о московской архіепископской кафедрѣ не сказано было ничего, и права стараго Антонія на эту кафедру подтверждены не были, во онъ былъ доволенъ уже тѣмъ, что по крайней мѣрѣ ничего не сказано противъ этого права, и что все вниманіе обращено, какъ и желалъ онъ, на *Окружное Посланіе*. Вотъ подлинныя слова этого истинно-раскольниковьяго опредѣленія.

„Москва, 11-го октября 1865 года. Общество московское старообрядческое Рогожскаго кладбища, на общественномъ собраніи, единогласно рѣшило:

„1) Принести другъ другу взаимное прощеніе.

„2) *Окружное Посланіе* уничтожаемъ саѣдующимъ порядкомъ: *Окружное Посланіе* уничтожаемъ, и опровергаемъ, и ако не бывшее влѣняемъ.

„3) Кто на вышеозначенное уничтоженіе *Окружнаго Посланія* не будетъ согласенъ изъ духовныхъ или мірскихъ лицъ, съ таковыми не имѣть сообщенія въ молитвѣ.

„4) Избрать двѣнадцать человекъ депутатовъ изъ числа общественныхъ лицъ; безъ согласія оныхъ депутатовъ духовенству ничего не дѣлать.

„Причемъ депутатамъ вѣнать въ обязанность всѣ свои дѣйствія объявлять обществу, и безъ согласія общественнаго никакихъ дѣлъ не рѣшать.“ *

Опредѣленіе это, очевидно, было составлено подъ преобладающимъ вліяніемъ крамоольной партіи, представителями которой были въ собраніи лица имѣющія большой вѣсъ у раскольниковъ и закаленные въ расколъ, съ которыми прочимъ членамъ неудобно было входить въ состязанія. Поэтому такъ ярко и отразились на немъ сѣвды самой крайней раскольничьей исключительности. Во первыхъ, въ своемъ опредѣленіи совѣтъ двѣнадцати превысилъ свои права, отступилъ отъ своихъ прямыхъ обязанностей. Ему поручено было указать только, по зрѣломъ обсужденіи, истинныя причины происходящихъ въ старообрядчествѣ беспорядковъ и раздоровъ, а вовсе не дѣлать (какъ онъ сдѣлалъ) какія-либо постановленія, которыя принадлежатъ собственно собору, и для которыхъ ему сѣдовало только приготовить основаніе. И потому, какія это постановленія? Первый пунктъ гласитъ: принесемъ другъ другу взаимное прощеніе, а третій: не станемъ другъ съ другомъ сообщаться въ молитвѣ; это значитъ: прежнюю распрю бросимъ, а начинаемъ новую, помиримся чтобы сейчасъ же поссориться снова, и гораздо сильнѣе. Не говоримъ уже о томъ, какъ нецѣло это, ни на чемъ не основанное, уничтоженіе *Окружнаго Посланія* и это опредѣленіе объ участіи двѣнадцати избранныхъ мирянъ во вѣсѣхъ церковныхъ дѣлахъ.. ** И если такого рода документъ могъ быть

* Подписались со стороны крамоольной партіи: Вилкоуровъ, Муравьевъ, Фоминъ, Медвѣдевъ, Давыдъ Антиповъ, Кабановъ; въ числѣ подписавшихся съ другой стороны были Бутиковъ, Самыиковъ (которому принадлежить и самая честь составленія вышеприведеннаго документа), Лебедевъ, Царскій.

** Объ этомъ послѣднемъ опредѣленіи одинъ изъ присоединившихся къ церкви старообрядцевъ, авторъ очень замѣчательнаго сочиненія объ Антихристѣ, Ефимъ Гр. Перевощиковъ, замѣтилъ, что раскольники хотѣтъ учредить свой малевскій парламентъ, который, подобно англійскому, держалъ бы у себя въ подчиненіи раскольничье духовенство.

по душѣ старому Антонію, то, напротивъ, каждый сколько-нибудь разсудительный старообрядецъ долженъ былъ отвергнуть его съ негодованіемъ. Такое, дѣйствительно, впечатлѣніе и произвелъ онъ на Пафнутія Казанскаго и всѣхъ другихъ сторонниковъ *Окружнаго Посланія*.

Копія съ этого постановленія, сдѣланнаго членами московскаго старообрядческаго общества, сообщены были епископамъ и нѣкоторымъ депутатамъ для предварительнаго разсмотрѣнія, а 13-го числа предназначено было составить для окончательнаго о немъ рѣшенія общее собраніе. Пафнутій понималъ, что собраніе это должно имѣть большую важность, что придется вступить въ опасную борьбу за *Окружное Посланіе*, и что нужно потому вести дѣло искусно. Затрудненіе состояло въ слѣдующемъ. Уничтоженіе *Окружнаго Посланія* сдѣлано очевидно незаконно; но его признали необходимымъ условіемъ мира: нужно было, значить, и *Посланіе* защитить, и въ то же время не повредить предположенному заключенію мира. Для этого Пафнутій призналъ нужнымъ не вставать открыто и прямо противъ уничтоженія, даже признать его, но только измѣнивъ смыслъ его въ такомъ духѣ, чтобы *Посланіе* въ сущности оставалось не уничтоженнымъ. Онъ рѣшился именно воспользоваться мыслию Аркадія славскаго, который послѣ бѣлокрилицкаго собора, будучи недоволенъ сдѣланнымъ тогда уничтоженіемъ *Окружнаго Посланія*, писалъ въ Москву, что отказаться отъ *Посланія* значитъ отказаться отъ содержащагося въ немъ неповрежденнаго ученія, и что если для успокоенія народа необходимо сдѣлать уничтоженіе *Посланія*, то сдѣлать его, по крайней мѣрѣ, въ такихъ выраженіяхъ: „уничтожаемъ *Окружное Посланіе*, то-есть, первую строку, потому что сіе названіе произошло отъ самихъ очинителей, и что *всѣли есть въ немъ еретическое*, заимствованное изъ еретикъ и изъ злаго мудрованія; а что взято отъ книгъ Божественнаго Писанія, того ни мученическою кровію отрещися невозможно.“ * Эту мысль Аркадія Пафнутій Казанскій и хотѣлъ привести теперь въ исполненіе, — именно предложить такого рода поправку въ опредѣленіи, что уничтожаются въ *Окружномъ Посланіи* слова несогласныя Священному Писанію. Въ такомъ смыслѣ онъ изложилъ свое мнѣніе письменно, съ тѣмъ

* См. ст. IX. *Русскій Вѣстникъ* 1865 г. № 2, стр. 354.

чтобы представить его на предстоящемъ собраніи. Мнѣніе составлено весьма искусно; особенно замѣчательную черту его составляетъ это желаніе сохранить миръ съ противниками, казаться совершенно согласнымъ съ ихъ собственнымъ мнѣніемъ, такъ что и самую бумагу назвалъ онъ: *Согласіе на примиреніе*, хотя въ сущности оно вовсе не походитъ на согласіе. Кромѣ измѣненія въ статьѣ объ уничтоженіи *Окружнаго Посланія*, сдѣлана имъ поправка и въ статьѣ объ участіи мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ. Вотъ что именно писалъ Пафнутій:

„Отъ смиренныхъ епископовъ россійскія древлеправославныя церкви на учиненное 11-го сего октября московскимъ старообрядческимъ христіанскимъ обществомъ примиреніе согласіе.

„Мы, смиренніи епископы, получили копію съ акта, составленнаго на общественномъ собраніи московскихъ христіанъ. изъ коей видно, что московское старообрядческое общество, примирившись между собой, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшило уничтожить *Окружное Посланіе*, и избрать 12 мірскихъ депутатовъ, безъ согласія коихъ чтобы духовенству ничего не дѣлать.

„Радуюсь учиненному примиренію, возславъ за сіе благодареніе Богу и предпосылая на примирившихся архипастырское благословеніе, изъявляемъ и съ своей стороны согласіе:

1. Въ *Окружномъ Посланіи* несогласныя Священному Писанію слова и учиненныя къ оному подписи уничтожаемъ и какъ не бывшія вмѣняемъ.

2. На избраніе 12 депутатовъ изъявляемъ согласіе съ тѣмъ, чтобъ епископамъ безъ депутатовъ ничего не дѣлать только въ такихъ дѣлахъ, которыя входятъ въ составъ общаго епископамъ съ мірскими людьми обсужденія.“

Это мнѣніе Пафнутія немедленно принято было и подписано его единомышленниками, Варлаамомъ Балтовскимъ и уполномоченнымъ Аркадія Славскаго, священноупокою Козьмой. Такимъ образомъ Пафнутій могъ представить его собранію не какъ свое только собственное мнѣніе, но именно отъ лица „смиренныхъ епископовъ.“ Нельзя не замѣтить, что здѣсь, въ этомъ мнѣніи, Пафнутій отступилъ уже нѣсколько отъ своего прежняго, прямого и смѣлаго образа дѣйствій въ защиту *Окружнаго Посланія*, сдѣлавъ уступку обстоятельствамъ, въ надеждѣ если не способствовать чрезъ-то водво-

ренію мира въ расколѣ, то по крайней мѣрѣ привлечь на свою сторону всѣхъ сколько-нибудь сочувствующихъ *Окружному Посланію* членовъ собора, и такимъ образомъ спасти *Посланіе* отъ окончательнаго уничтоженія.

Антоній съ своей стороны также приготовлялся къ предстоящему общему собранію. Пафнутіи съ своими планами въ пользу *Окружнаго Посланія* теперь, послѣ сдѣланнаго гражданами опредѣленія, не казался ему опасенъ; едва ли даже предполагалъ онъ, чтобы Пафнутіи осмѣлился возразить что-нибудь противъ составленнаго акта объ уничтоженіи *Окружнаго Посланія*. Вообще, дѣло объ этомъ ненавистномъ *Посланіи* онъ считалъ почти рѣшennemъ и не ожидалъ чтобы оно сдѣлалось на предстоящемъ собраніи исключительнымъ предметомъ разсужденій и споровъ, хотя на всякій случай запаса нужными документами, чтобы обезопасить себя отъ всякаго подозрѣнія въ солидарности съ „окружниками.“ Гораздо болѣе Антоній занятъ былъ тѣмъ, какъ бы немедленно по замиреніи, которое должно послѣдовать за единогласнымъ уничтоженіемъ *Посланія*, провести поискуснѣе вопросъ о московской архіепископской кафедрѣ, а потомъ и другія давно замышляемыя имъ дѣла, особенно назначеніе епископовъ на остающіяся праздыми кафедры. Для замѣщенія этихъ кафедръ у него уже избраны были и способные люди; * по вопросу же о московской архіепископіи онъ приготовилъ особый запросъ раздорнической партіи: кого отнять, то-есть послѣ мира купленнаго цѣной *Окружнаго Посланія*, считаютъ они дѣйствительнымъ московскимъ владыкой, его стараго и знаменитаго Антонія, или новаго, никому и ничѣмъ неизвѣстнаго?

Наконецъ и прочее духовенство, особенно же собравшіеся и зажившіеся въ Москвѣ депутаты отъ иногородныхъ старообрядческихъ обществъ нетерпѣливо ждали назначеннаго на 13-е октября засѣданія, въ надеждѣ что на немъ послѣдуетъ рѣшеніе вопросовъ, которыми такъ занято старообрядчество. Нѣкоторые изъ депутатовъ предполагали предложить въ этомъ собраніи, по порученію своихъ обществъ, разныя соображенія относительно лучшаго устройства старообрядческихъ дѣлъ. ** Достоважаемый авторъ *Окружнаго Посланія*, близ-

* Имя священноинокъ Козьма, попъ Евменій (деревни Чижова, Владимирской губерніи, Шуйскаго уѣзда) и черныи попъ Еремей.

** Довольно замѣчательно мнѣніе, составленное отъ имени казанскаго

ко заинтересованный въ дѣйствіяхъ собора, но не принимавшій въ нихъ непосредственнаго участія, также хотѣлъ имѣть нѣкоторое вліяніе на нихъ, хотя посредствомъ депутатовъ. Отъ ихъ лица составилъ онъ особое заявленіе о томъ, въ какомъ духѣ, по ихъ мнѣнію, соборъ долженъ дѣйствовать, и на что ему слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Достоинъ замѣчанія, что въ заявленіи этомъ, которое написано съ его обычнымъ искусствомъ, Иларіонъ Георгіевичъ не упоминаетъ ни разу объ *Окружномъ Посланіи*, хотя, очевидно, писалъ его подъ вліяніемъ постоянной, неотступной мысли объ этомъ *Посланіи*. Такъ, онъ сильно настаиваетъ, чтобы соборъ обратилъ особенное вниманіе „на неправильное дѣйствіе и незаконныя распоряженія слабоумнаго Кирилла митрополита, такъ какъ они „наипаче возмущаютъ простодушныхъ христіанъ и приводятъ въ разстройство“; а подъ незаконными распоряженіями слабоумнаго Кирилла, безъ сомнѣнія, разумѣются прежде всего постановленія послѣдняго бѣлокривцакаго собора, уничтожающія *Окружное Посланіе*, въ духѣ которыхъ, какъ ему извѣстно было, намѣрены дѣйствовать Антоній и партія раздорниковъ. Въ такомъ же смыслѣ дѣлаетъ онъ замѣчаніе, что у старообрядцевъ „раздоръ и возмущеніе происходятъ изъ личностей, проистекающихъ отъ славолюбія, сластолюбія и сребролюбія, отъ нихъ же и искони велія паденія быша;“ и еще: „мы желаемъ мира церковнаго, но мира не вреждающаго истинны, ибо не велѣ миръ и соединеніе—добро, но есть егда и раздѣленіе похвально: егда бо миримся о разрушеніи истинны, превредно есть и неподобно зѣло.“ Эти весьма вѣрныя замѣчанія сдѣланы очевидно въ огражденіе *Окружнаго Посланія* отъ распространенныхъ противъ него нареканій, будто оно составляетъ причину всѣхъ раздоровъ и возмущеній, и будто необходимо привести его въ жертву мира, который именно будетъ въ такомъ случаѣ „повреждающимъ истину, превреднымъ и не-

старообрядческаго общества. Оно касается собственно вопроса о болѣе правильномъ устройствѣ церковнаго управленія, и именно признаетъ нужнымъ, чтобы управленіе церковными дѣлами русскихъ старообрядцевъ было совершенно независимо отъ бѣлокривцкой митрополіи, а каждый русскій епископъ въ свою очередь распоряжался въ своей епархіи совершенно независимо отъ московскаго епископа.ставляется также на видѣ, чтобы избраніе священниковъ производилось съ крайнею разборчивостію, и чтобы съ болѣею бдительностію наблюдалось за поведеніемъ раскольничьихъ иноковъ. Приводимъ это мнѣніе въ Приложеніи № II.

подобнымъ зѣло.“ Однакожь Иларіону Георгіевичу не удалось склонить депутатовъ къ подписанію составленнаго имъ „заявленія“, и осталось оно безъ всякаго употребленія, къ его и нашему сожалѣнію. *

IV.

Итакъ, собраніемъ 13-го октября были заинтересованы все; отъ него ждали весьма важныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе что въ собраніе это обѣщали явиться и сами раздорники, доселѣ не хотѣвшіе имѣть никакихъ сношеній съ духовенствомъ и обществомъ окружниковъ. И собраніе, дѣйствительно, было замѣчательное. Стоитъ описать его подробно, какъ образчикъ соборныхъ совѣщаній, устрояемыхъ нашими глаголемыми старообрядцами, которые такъ любятъ сопоставлять свои соборныя дѣланія съ дѣланіями древнихъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, хотая видѣть въ нихъ подобіе и продолженіе этихъ послѣднихъ.

Для предстоящаго довольно многолюднаго собранія гостепріимно предложилъ свой домъ извѣстный благотворитель старообрядческаго духовенства, И. П. Б—въ. Хозяинъ, кажется, хорошо понималъ, что явятся люди самыхъ несходныхъ понятій и характеровъ, и что потому не слѣдуетъ до поры до времени сводить ихъ вмѣстѣ: онъ назначилъ для разныхъ партій и разныя помѣщенія. Лучшая и самая просторная комната отведена была для почетныхъ гостей, которыхъ ожидали съ нѣкоторымъ страхомъ,—для представителей раздорнической партіи; рядомъ, въ смежной комнатѣ, приготовленъ былъ, для ихъ ублаженія и для смягченія сердець ихъ, столъ обильно уставленный разными яствами и напитками многоцѣнными. Далѣе, черезъ нѣсколько комнатъ отсюда назначено было помѣщеніе для „своихъ христіанъ“ и для депутатовъ отъ иногородныхъ обществъ; а вверху комната, гдѣ имѣлъ мѣстопребываніе епископъ Савватій съ своимъ іеродіакономъ Θεодосіемъ, должна была служить мѣстомъ совѣщанія собственно для духовенства.

Эта комната прежде всехъ наполнилась посѣтителеми: одинъ за другимъ явились Петръ Федоровъ съ діакономъ Митрофаномъ, попъ Павелъ, Евфросинъ, Алуній, Варсонофій, Се-

* См. это „Заявленіе“ въ Приложеніи № II.

рафимъ и проч. Явился и Антоній съ приличною обстоятельностью, озабоченною физиономіей; всѣ замѣтили, что за паузой припрятаны у него какія-то бумаги, составлявшія очевидно великую драгоценность, потому что онъ часто потрогивалъ ихъ рукой, чтобъ удостовѣриться, при немъ ли эти сокровища. Не доставало только Пафнутія съ Варлаамомъ и Козьмой. Въ ожиданіи ихъ шли бесѣды объ одномъ, занимавшемъ всѣхъ предметъ: чѣмъ-то кончится соборъ? Всѣ согласны были, что соборъ этотъ долженъ имѣть чрезвычайное значеніе, что онъ наконецъ долженъ рѣшить пятнадцатій раздоръ, причинившій столько зла старообрядчеству; весьма благоприятный признакъ видѣли въ томъ обстоятельствѣ, что въ собраніе рѣшились пріѣхать сами раздорники; что касается сдѣланнаго ими 10-го октября опредѣленія, то не возставали и противъ него, лишь бы достигнуть умиренія церкви; было высказано только опасеніе, что едва ли примутъ это опредѣленіе Пафнутій съ Варлаамомъ; было замѣчено даже, что они обѣщались представить о немъ свое особое мнѣніе. При этомъ послѣднемъ замѣчаніи Антоній, замѣтно смутившійся, не преминулъ навѣдаться о сохранности принесенныхъ имъ таинственныхъ бумагъ. Между тѣмъ постепенно наполнялась и комната, назначенная для мирныхъ гражданъ и иноподанныхъ депутатовъ. Нѣкоторые изъ нихъ приходили на верхъ повидаться и побесѣдовать со владыками и духовенствомъ. Большинство ихъ было того мнѣнія, что ради мира церковнаго можно предать *Посланіе* уничтоженію; было даже приготовлено у нихъ въ этомъ смыслѣ и заявленіе: впрочемъ всѣ они весьма интересовались знаніемъ мнѣнія Пафнутія и Варлаама, и положили не прежде рѣшаться на что-нибудь какъ выслушавъ сначала и обсудивъ надлежащимъ образомъ это мнѣніе. Вообще, депутаты сознавали нужду дѣйствовать въ настоящемъ важномъ случаѣ со всею осторожностію и осмотрительностію. Одинъ изъ петербургскихъ депутатовъ высказалъ это вслухъ.

Пока на верху и въ депутатской комнатѣ происходили эти толки и разсужденія, пріѣхали наконецъ и почетные гости — человекъ восемь раздорниковъ, коноводы своей партіи, вмѣстѣ съ главнымъ своимъ учителемъ, извѣстнымъ Давыдомъ Антиповымъ. Хозяинъ принялъ ихъ съ подобающимъ почтеніемъ и послѣдилъ на верхъ съ извѣстіемъ о пріѣздѣ желанныхъ гостей. Извѣстіе это произвело какое-то странное впечатлѣніе на собравшихся вверху: какъ-то всѣ почувствовали себя неловко, какъ будто испугались чего. Извѣстіе это, дѣйствительно, застало ихъ не совсѣмъ готовыми: Пафнутіи съ Варлаамомъ все еще не пріѣзжали; мнѣніе ихъ было еще неизвѣстно: а не узнавъ и не обсудивъ его, нельзя было войти и въ переговоры съ раздорниками. Антоній и прочіе были чрезвычайно недовольны этою медлительностію Пафнутія, нашла нужнымъ даже послать за ними варочныхъ пословъ съ приглашеніемъ немедленно явиться на соборъ. Порученіе возложено было на Евфросіа и Павла, которые сейчасъ же уѣхали на квартиру къ Пафнутію; а хозяинъ отправился внизъ позанять доколѣ чѣмъ слѣдовало гостей. Скоро явился и Пафнутіи съ Варлаамомъ: посланныхъ они не видали, — разѣхались съ ними на дорогѣ. Комната наполнилась желавшими узнать поскорѣе что думаютъ Пафнутіи и Варлаамъ о постановленіи 11-го октября. Пафнутіи представлялъ извѣстное уже намъ мнѣніе, которое и было прочитано вслухъ. Депутаты были весьма довольны этимъ мнѣніемъ. Хоть сами они ради общаго мира и приготовили заявленіе о своемъ согласіи на уничтоженіе *Окружнаго Посланія*, но въ сущности вовсе не желали этого уничтоженія, и считали его дѣломъ незаконнымъ; мнѣніе Пафнутія потому особенно и понравилось имъ, что выводило ихъ изъ этого затруднительнаго положенія, изъ этого противорѣчія самимъ себѣ: оно и успокоивало народъ, не вмѣщающій *Посланія*, объявленіемъ объ его уничтоженіи, и въ то же время не оскорбляло защитниковъ *Окружнаго Посланія*, оставляя неприкосновеннымъ его здравое ученіе, простирая уничтоженіе только на то что есть въ *Посланіи* несогласнаго Священному Писанію. Въ мнѣніи Пафнутія и Варлаама они видѣли такимъ образомъ лучшее при настоящихъ обстоятельствахъ средство достигнуть мира въ старообрядчествѣ, и одинъ изъ нихъ, увлеченный этою отрадною мыслию, даже провозгласилъ торжественно, что самъ Параклитъ внушилъ

епископамъ это мудрое мнѣніе. Вообще къ этому мнѣнію депутаты выразили полное сочувствіе. Духовенство и бѣльшая часть гражданъ приняли его также очень благосклонно. Одинъ Антоній, до крайности смущенный представленнымъ отъ Пафнутія мнѣніемъ, былъ рѣшительно противъ него, и предсказывалъ, что оно породитъ всевозможныя неприятели. Сторону Антонія изъ гражданъ поддерживалъ одинъ Самыиковъ, нѣкогда близкій другъ Иларіона, много содѣйствовавшій написанію и самаго *Окружнаго Посланія*, и теперь считавшій своею обязанностію защищать состоявшееся 11-го октября опредѣленіе объ его уничтоженіи, потому, вѣроятно, что былъ авторомъ этого противозаконнаго опредѣленія. Какъ на главный недостатокъ въ мнѣніи Пафнутія они указывали особенно на его нерѣшительность, неопредѣленность: говорили, что оно необходимо требуетъ толкованія на *Посланіе*, объясненія что именно противно въ немъ Священному Писанію. Ничто однакоже не помогло: депутаты рѣшительно стали на сторону Пафнутія; прочіе граждане и духовенство послѣдовали ихъ примѣру. Антоній остался одинъ при своемъ мнѣніи, не поддержанный никѣмъ изъ своихъ собратій, и это было его первое пораженіе въ тотъ злополучный день, — пораженіе тѣмъ болѣе прискорбное, что имъ чрезвычайно затруднялось предстоявшее объясненіе съ раздорниками, отъ котораго онъ такъ многого надѣялся.

Между тѣмъ раздорники, какъ ни пріятно проводили время, не забывали однакоже зачѣмъ пріѣхали. Хозяинъ явился на верхъ съ извѣстіемъ, что они желаютъ видѣться съ духовенствомъ и говорить объ общемъ дѣлѣ; въ ободреніе смутившихся отъ этого приглашенія властей добродушный хозяинъ прибавилъ, что онъ успѣлъ уже порядкомъ попотчевать дорогихъ гостей, и что поэтому можно теперь вести съ ними дѣло безъ большаго страха: сговорчивѣе стали. Все же однако епископы не рѣшились идти сами подъ первый

шия, но посланные не нашли себя отъ этого въ положеніи божье выгодномъ; они увидѣли, напротивъ, что дерзости у противниковъ прибыло, и что нужно вести дѣло осторожнѣе, не вдругъ объявлять мнѣніе епископовъ. Послѣ непреодолимой бесѣды пришлось однакоже прочесть его во всеуслышаніе. Раздорники едва дали окончить чтеніе: съ шумомъ встали и стали разбирать шапки, чтобы бѣжать вонъ. Немногу труда стоило хозяину удержать ихъ и убѣдить, чтобы вразумкомъ потолковали о дѣлѣ. „Нечего намъ съ вами толковать!“ кричали они; „мы вотъ написали бумагу, — и кончено: не прибавимъ и не убавимъ ни слова, потому что грамота наша христіанская, а эта, что написалъ Казанскій, лукавая, полицейская, и никогда мы ее не примемъ.“ Хозяинъ напомнилъ, что они желали видѣться съ епископами, такъ и хорошо бы теперь поговорить съ ними объ этой грамотѣ. Потребовали Антонія. Антоній явился со страхомъ и трепетомъ; ни одинъ изъ раздорниковъ не всталъ чтобы привѣтствовать его, не то что принять отъ него благословеніе; и стоялъ передъ ними архіепископъ Антоній точно подсудимый. Давыдъ Антиповъ приступилъ къ нему съ вопросомъ:

— Ну ты какъ, владыко, насчетъ *Окружнаго*? Вѣдь оно проклято, и ты его проклинаешь?

Антоній боязливо вытаскивалъ изъ-за пазухи свои бумаги, и показывая ихъ, сталъ говорить смиреннымъ гласомъ:

— Вотъ, совершенно тово, я уничтожилъ его, *Окружное* это, три раза и яко не бывшее вѣнчалъ; я совершенно и теперь...

— Да что ты намъ съ этими бумагами! прервалъ его Давыдъ Антиповъ: — знаемъ мы ихъ, все это обманъ, проводите вы насъ. Я спрашиваю, проклято *Окружное*, или нѣтъ? Ты отвѣчай мнѣ прямо.

Но прямо отвѣчать Антонію было неудобно; не видаль онъ большой разницы въ томъ чтобы сказать проклято,

щихъ на эти бумаги, что между ними находилось и его предложеніе о новомъ Антоніи, объ его отношеніяхъ къ московскому архіепископу. Но раздорники опять не обратили никакого вниманія на его бумаги и говорить съ нимъ больше не хотѣли, а пожелали видѣть Пафнутія Казанскаго и прочихъ епископовъ. Новое пораженіе Антонія было горше перваго, и съ великою скорбію возвратилъ онъ свои драгоценныя бумаги на прежнее ихъ мѣсто. Явился Пафнутіи съ прочимъ духовенствомъ; за нимъ вошли и всѣ остальные депутаты и граждане. Собраніе было теперь въ полномъ составѣ. Пафнутіи спокойно и твердо повторилъ свое мнѣніе объ уничтоженіи *Посланія* и прибавилъ, что другаго мнѣнія онъ и епископы издать не могутъ; нѣкоторые изъ гражданъ также старались доказать, что безусловно уничтожить *Посланіе* не слѣдуетъ. Слыша все это, раздорники вышли изъ всякаго приличія: подняли шумъ и крикъ, осыпали бранью всѣхъ окружниковъ, и схвативъ шапки, выбѣжали вонъ. Тамъ, вѣроятно, отрясли они и прахъ отъ ногъ своихъ. Такъ кончилось важнѣйшее, самое главное дѣяніе посаднѣяго раскольничьяго собора. Всю неудачу его Антоній, съ свойственною ему прозорливостію, приписалъ тому, дѣйствительно, многозначительному обстоятельству, что на соборѣ, вопреки древнимъ правиламъ, допущено было „учрежденіе:“ „Не надо бы, совершенно того, виномъ ихъ поить: дѣло-то вотъ и испортили совершенно.“ „Ну поди ты, а я думаю лучше будетъ, коли учрежденіе предложу имъ,“ отвѣчалъ на это гостепріимный хозяинъ.

Съ отъѣздомъ крамольниковъ соборъ, однакоже, не кончился. Оставалось именно рѣшить что же теперь дѣлать? Надежда на примиреніе съ противною партіей исчезла; о новыхъ уступкахъ ей нечего было потому и думать, еслибы даже и можно было сдѣлать ихъ. Возстановить *Окружное Посланіе* во всей его силѣ также находили теперь неудобнымъ послѣ объявленнаго уже мнѣнія епископовъ; притомъ же надѣялись, что мнѣніе это многихъ, не выѣщающихъ *Посланія*, можетъ успокоить. Итакъ, почти единогласно рѣшили принять мнѣніе Пафнутія и относительно *Посланія*, и относительно степени участія мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ. Только Антоній былъ противъ этого мнѣнія: все еще, какъ видно, не терялъ онъ надежды возвратитъ благоволеніе крамольниковъ и при ихъ содѣйствіи утвердить свое архіепископ-

ское свидѣніе, есаибъ и теперь, послѣ такого горестнаго столкновенія, было принято уничтоженіе *Окружнаго Посланія* въ той формѣ какъ поставили раздорники въ своемъ собраніи 11 октября. Онъ продолжалъ твердить, что не виновать ни въ чемъ, что *Посланіе* уничтожалъ онъ три раза и теперь уничтожаетъ и яко не бывшее вѣнчать. Этими толками Антоній окончателно уронилъ себя передъ иногородными депутатами; всѣ отвернулись отъ него съ презрѣніемъ. По общему согласію, рѣшились они написать заявленіе, что принимаютъ мнѣніе епископовъ, что въ *Окружномъ Посланіи* несогласныя Священному Писанію слова признаютъ подлежащими уничтоженію. Заявленіе было немедленно написано и подписано, послѣ чего депутаты и стали разъѣзжаться. Духовенство съ своей стороны скрѣпило подписью мнѣніе Пафнутія и Варлаама; подписались: Савватій, Евфросинъ, Алипій, и члены совѣта: Петръ и Павелъ. Антоній, разумѣется, не подписался, и одинокій, оставленный всѣми, отправился куда слѣдовало повѣдать свое горе и искать утѣшенія.

Такъ кончилось это достопамятное собраніе 13 октября 1865 года. Ничьихъ надеждъ оно не оправдало, хотя кончилось именно такъ какъ и можно было надѣяться: новое собраніе раскольниковъ сопровождалось, какъ и всегда, новыми безобразіями, и новая попытка къ примиренію враждебныхъ партій послужила, какъ и прежнія, поводомъ къ новой враждѣ и новымъ раздорамъ.

Раскольничьи духовныя власти нашли однакоже необходимымъ составить какой-либо актъ, по случаю такъ неудачно кончившагося собранія, тѣмъ болѣе что депутаты, изъ столькихъ мѣстъ и изъ такой дали съѣхавшіеся въ Москву на соборъ, готовились ѣхать обратно во свояси; нужно было снабдить ихъ какимъ-нибудь документомъ, который могли бы они представить своимъ обществамъ, и изъ котораго эти общества могли бы удостовѣриться, что именно сдѣлано на великомъ московскомъ соборѣ. Такого рода документъ составленъ былъ на слѣдующій же день послѣ знаменитаго собранія. Приводимъ его вполнѣ.

„Божіею милостію мы, смиренныя епископы древлеправославныя россійскія церкви, по священнои обязанности нашей принимая всякое тѣнаніе о неразрывномъ церковномъ совокупленіи, вызвали изъ разныхъ городовъ отъ старообрядческихъ обществъ депутатовъ, для миролюбиваго посред-

ничества въ прекращеніи нѣкоторыхъ сомнѣній и распрей, возникшихъ какъ въ московскомъ, такъ и въ другихъ старообрядческихъ обществахъ чрезъ *Окружное Посланіе*.

„Московское старообрядческое общество 11 октября учинило собраніе, на которомъ предположило сдѣлать между собой примиреніе, съ тѣмъ чтобъ *Окружное Посланіе* уничтожить такъ, что если кто изъ духовныхъ, или мірскихъ лицъ не будетъ согласенъ на уничтоженіе онаго *Посланія*, съ таковыми не сообщаться въ моленіи, и избрать 12 мірскихъ депутатовъ, безъ согласія коихъ чтобы духовенству ничего не дѣлать, о чемъ и былъ составленъ актъ.

„Мы, епископы, получивъ копію съ онаго акта, изъявили и съ своей стороны согласіе: а) въ *Окружномъ Посланіи* несогласныя Священному Писанію слова и учиненный къ оному подписъ уничтожаемъ и какъ не бывшіе вѣняемъ; б) на избраніе двѣнадцати депутатовъ изъявляемъ согласіе, съ тѣмъ чтобъ епископамъ безъ депутатовъ ничего не дѣлать въ такихъ только дѣлахъ, которыя входятъ въ составъ общаго епископамъ съ мірскими людьми обсужденія.

„Такого содержанія наше согласіе 13-го сего октября было предъявлено тѣмъ изъ московскаго старообрядческаго общества лицамъ, которыя находятся въ сомнѣніи и творятъ распрю; но они, нисколько не отступая отъ своего выше-сказаннаго требованія, на примиреніе съ нашимъ смиреніемъ не согласились; мирные же христіане, какъ московскіе, такъ и депутаты отъ разныхъ городовъ: С.-Петербурга, Казани, Саратова, Самары, Нижняго-Новгорода, Тулы, Боровска, Херсона, Воронежа и Уральскаго Казачьяго войска, оставаясь довольными епископскимъ согласіемъ, написали и съ своей стороны заявленіе, что они, точно такъ же какъ и епископы, въ *Окружномъ Посланіи* несогласныя Священному Писанію слова уничтожаютъ.

„Послѣ всего этого мы, смиренные епископы, окончательное умирненіе смущающихся оставляемъ на волю Божию и

кого сомнѣнія въ неизмѣнномъ храненіи нами священныхъ преданій древлеправославныя церкви.“

Это благодарственное извѣщеніе подписали: Пафнутій Казанскій, Варлаамъ Баатовскій, Евфросинъ и Алипій въ качествѣ уполномоченныхъ отъ Кирилла, Козьма въ званіи уполномоченнаго отъ Аркадія Славскаго и Іустина Тульчинскаго, Савватій Тобольскій, попы: Петръ и Павелъ. Для Антонія въ самомъ началѣ подписей оставлено было мѣсто. Онъ, конечно, не благоразсудилъ подписаться, несмотря на то что извѣщеніе составлено очень умно и очень осторожно. Ужели былъ онъ недоволенъ и тѣмъ, что его собратія, смиренныя епископы, сознавая свое безопіе, рѣшились написать: „окончательное умирненіе смущающихся оставляемъ на волю Божію,“ или что они просятъ боголюбивыхъ христіанъ не имѣть никакого сомнѣнія въ неизмѣнномъ охраненіи ими, епископами, священныхъ преданій древлеправославныя церкви? А въ этомъ вся сущность извѣщенія; остальное есть только точное и притомъ крайне осторожное изложеніе происходившаго въ продолженіе собора. Впрочемъ Антоній подписался на нѣкоторыхъ экземплярахъ извѣщенія, но не въ главѣ всѣхъ епископовъ, на подобающемъ ему мѣстѣ, а внизу, и слѣдующимъ образомъ: „Въ подлинности сего удостовѣряю: смиренный Антоній архіепископъ московскій и владимірскій.“ Это была со стороны хитроумнаго Антонія ловка, посредствомъ которой по всей вѣроятности думалъ онъ очень ловко провести недальновидныхъ старообрядцевъ: кому нужно, могъ онъ сказать, что его подпись имѣется на извѣщеніи; а при другомъ случаѣ могъ объяснить, что онъ своею подписью только засвидѣтельствовалъ подлинность извѣщенія, вовсе не думая утверждать его на-ряду съ прочими епископами. Едва ли однакожь удалась его хитрость; мнѣніе депутатовъ объ его особѣ осталось неизмѣнно, это мнѣніе и разнесутъ они во всѣ концы старообрядческаго міра, въ назиданіе боголюбивымъ христіанамъ. Получивъ вышеприведенное извѣщеніе, депутаты дѣйствительно одинъ за другимъ оставили Москву, тоже, вѣроятно, предоставивъ волю Божіей окончательное умирненіе старообрядчества.

Послѣ всего случившагося на соборѣ, послѣ заявленія, поданнаго цюгородными депутатами въ пользу мнѣнія епископовъ, и бѣльшая часть изъ тѣхъ гражданъ (не раздорнической партіи), которые подъ вліяніемъ раздорниковъ подпи-

сались подъ опредѣленіемъ 11-го октября, пожелали отречься отъ этого позорнаго акта. Въ смыслѣ такого отреченія они составили отзывъ, который за общимъ подписомъ и представили въ новое соборное засѣданіе, нарочно устроенное по сему случаю. Оно происходило 18-го октября и также не лишено нѣкоторыхъ интересныхъ подробностей. И здѣсь Антоній продолжалъ настаивать, что для мира церковнаго необходимо уничтожить *Окружное Посланіе* безусловно. Изъ числа присутствовавшихъ въ собраніи старообрядцевъ, между которыми были и нѣкоторые оставшіеся въ Москвѣ депутаты, никто не возвысилъ голоса въ пользу Антонія; отъ многихъ, напротивъ, пришлось ему услышать возраженія, какихъ вѣроятно онъ и не слыхивалъ до сихъ поръ отъ своей покорной паствы. Единственнымъ сторонникомъ его на сей разъ оказался его старый благопріятель, извѣстный читателямъ Шувойскій отецъ благочинный, Семень Епифановъ. Ему удалось, напримѣръ, очень ловко поддѣть Евфросина и Алипія, какъ извѣстно, подписавшихъ мнѣніе Пафнутія Казанскаго. Семень потребовалъ у нихъ довѣрительную грамоту Кирилла, съ которою они пріѣхали на соборъ, и прочиталъ ее. Въ грамотѣ говорилось, что они обязаны поступать согласно бѣлокриницкому соборному акту, изданному 28-го сентября 1864 года, которымъ *Окружное Посланіе* совершенно и безусловно уничтожено.

— Какъ же спрашивалъ ихъ Семень Епифановъ,—подписали вы мнѣніе Пафнутія и Варлаама, очевидно несогласное съ бѣлокриницкимъ соборнымъ актомъ? Значитъ вы нарушили вашу довѣрительную грамоту, дѣйствовали противозаконно?

Для Антонія это было рѣшительнымъ торжествомъ; съ непозволительною безпощадностью напалъ онъ на несчастныхъ бѣлокриницкихъ посланниковъ, которымъ было совершенно равно подписать чье бы то ни было мнѣніе, лишь бы не отстать отъ большинства:

— Теперь, вы, совершенно тово, говорилъ Антоній,—про-

жилъ теперь Аркадіемъ же придуманную мѣру — уничтожить только названіе: *Окружное Посланіе*; тогда осталось бы просто сочиненіе Иларіона Егорова, ни для кого не обязательное, о которомъ каждый можетъ разсуждать какъ ему угодно, и остаются только частные споры, а не церковное раздѣленіе. Но этимъ мудрымъ предложеніемъ Семенъ не угождалъ уже Антонію. Антоній считалъ необходимымъ полное, безусловное уничтоженіе *Посланія*, не стѣсняясь тѣмъ, что есть въ немъ мысли вполнѣ согласныя Священному Писанію: „въ еретическихъ книгахъ, говорилъ онъ, также не мало бываетъ божественныхъ словъ, а несмотря на то вѣдно ихъ жжечь.“ Семену Епифанову было все равно: „пожалуй хоть и жжечь!“ Онъ прибавилъ, что для мира церковнаго онъ это и дѣлывалъ у себя, въ Гуслацахъ: нѣсколько экземпляровъ *Окружнаго* изорвалъ и сожечь. Этимъ признаніемъ отецъ Семенъ опять вполнѣ угождалъ Антонію, и чтобы доказать всю благотворность подобнаго рода подвиговъ какъ сожженіе или уничтоженіе *Окружнаго*, Антоній съ своей стороны представилъ тоже убѣдительный пригвѣръ.

— Вотъ, говорилъ онъ,—къ отцу Петру, совершенно, на духъ перестали ходить, какъ *Окружное*-то принялъ; а когда подписалъ грамоту 28-го сентября, какъ уничтожилъ *Окружное*, духовныхъ-то дѣтей, совершенно тово, прибыло втрое.

Эти назидательныя разглагольствія двухъ почтенныхъ представителей высшаго раскольничьяго духовенства вызвали, однакоже, сильный протестъ со стороны присутствовавшихъ мирянъ. Одинъ изъ старообрядцевъ (гуслакъ, къ удивленію), сталъ допытывать Антонія, да что же, наконецъ, находить онъ еретическаго въ *Окружномъ Посланіи*, чтобы слѣдовало жечь его, истреблять наряду съ книгами еретическими. Этотъ же вопросъ предложилъ ему и одинъ очень разсудительный депутатъ отъ Уральскаго казачьяго войска. Антоній отвѣчалъ, по обычаю, что *Посланіе* новоумышленное, написано на соблазнъ и гибель душамъ христіанскимъ, и даже, противъ уже обычая, пустился въ догматическія разсужденія.

— Никто вѣдь, совершенно тово, изъ первыхъ пяти патриарховъ не дерзнулъ толковать объ аменіи Іисуса, а мы вотъ, совершенно, выскочили и ну толковать, да вотъ насъ Ларионовъ и втащилъ въ пропасть гибели. Апостолъ пишетъ: „аще бо грядый инаго Іисуса проповѣдаетъ, его же не про-

повѣдаюмъ.“ Вотъ: инаго, и выходитъ, совершенно, Иисусъ-то иной богъ!

— Какъ же вы, владыка, омофоръ-то получили отъ проповѣдниковъ инаго бога? замѣтилъ ему гуслицкій возража-тель: — вѣдь у Грековъ пишется не Иисусъ, а Иисусъ?

— Это новоумышленное имя, продолжалъ твердить Антоній: — оно, совершенно, не отъ греческой церкви возникло, а со временъ Никона вошло въ русскую церковь.

— Неправду вы говорите, владыка, замѣтилъ на это уральскій депутатъ:— имя Иисусъ самое древнее, находится во многихъ старинныхъ рукописяхъ, халдейныхъ Евангеліяхъ и другихъ книгахъ.

— Это все поддѣльное, отвѣчалъ Антоній:— Никониане нарочно поддѣлали, либо писаль, совершенно, какой-нибудь невѣжа.

Что послѣ этого можно было возразить такому просвѣщенному мужу? Ему возразили, что вѣдь самъ онъ когда-то подписаль же *Окружное Посланіе*, значить не находилъ въ немъ ничего противнаго истинѣ, тѣмъ паче еретическаго? Но такими противорѣчіями можно смутить кого угодно только не Антонія: съ рѣдкою откровенностью объяснилъ онъ, что въ „тѣ поры (то-есть при изданіи *Посланія*) нельзя было не подписать его; тогда говорили: коли не подпишешь *Окружнаго*, омофоръ долой!“ Оставалось прибавить только, для полной откровенности, что въ тѣ поры онъ, Антоній, не только не желалъ лишиться омофора, но еще воими помыслами души своей стремился къ приобрѣтенію титула московскаго архіепископа, которымъ, благодаря между прочимъ этой подписи подъ *Окружными Посланіями*, и обладаетъ въ настоящее время, и для сохраненія котораго готовъ теперь хоть двадцать разъ отказаться отъ этого *Окружнаго Посланія*: теперь оно только мѣшаетъ! Итакъ все дѣло въ омофорѣ да въ московской архіепископской кафедрѣ, а *Окружное Посланіе* тутъ ни въ чемъ не виновато. Гуслицкій овопросникъ весьма язвительно и замѣтилъ объ этомъ Антонію:

— Мы слышимъ въ народѣ, сказалъ онъ,— что беспорядки-то всѣ происходятъ отъ вашихъ споровъ за Москву: говорятъ, что до тѣхъ мѣстъ не будетъ и миру въ народѣ, пока обоихъ Антоніевъ не удалятъ съ Москвы.

Ничѣмъ сильнѣе нельзя было уязвить Антонія; это значило попасть не въ бровь, а въ самый глазъ. Антоній, дѣй-

ствительно, растерялся; той важности и самоувѣренности, съ какими предлагалъ свои догматическія разсужденія объ имени *Исусъ*, теперь не осталось и слѣда; значительно понизивъ тонъ, скороговоркой отвѣчалъ онъ:

— Эда, совершенно тово, давно пѣсня-то поется, вотъ ужъ шесть годовъ; еще два Пафнутія ее затѣля! Мнѣ-то что? Я совершенно легокъ (то-есть готовъ) остаться на Владычирѣ; да вѣдь достойнаго-то человѣка на Москву вѣтъ, — завѣнить-то совершенно не кѣмъ“!

Изъ этого краткаго разказа о происходившемъ въ собраніи 18 октября нетрудно понять, какое мнѣніе объ Антоніи должны были вынести отсюда сами присутствовавшіе на собраніи старообрядцы, и особенно депутаты иногородныхъ старообрядческихъ обществъ, менѣе московскихъ своихъ собратій знакомые съ характеромъ и просвѣщенною дѣятельностью стараго Антонія. Старый Антоній однакоже не даромъ такъ сѣло и рѣшительно ратовалъ въ этомъ собраніи въ пользу безусловнаго уничтоженія *Окружнаго Посланія*. Несмотря на все происшедшее въ достопамятный день 13 октября, онъ, очевидно, не потерялъ еще надежды возобновить переговоры съ крамольною партіей и достигнуть соглашения съ нею на основаніи сейчасъ упомянутаго акта, — соглашения, съ которымъ такъ тѣсно связаны его личные интересы. Такую надежду поддерживали въ немъ и нѣкоторые изъ авторитетныхъ старообрядцевъ, также пламенно желавшіе этого соглашения, только, разумѣется, по другимъ побужденіямъ. Мы видѣли, что и въ самомъ собраніи 13 октября нашлись лица изъ мирной партіи, не раздѣлявшія мнѣнія Пафнутія Казанскаго и державшія сторону Антонія. Таковъ, напримѣръ, сочинитель раздорническаго акта—лицо дѣйствительно авторитетное между старообрядцами. Такого же мнѣнія былъ и другой не менѣе авторитетный, но еще болѣе хитрый членъ старообрядческаго общества—Семень Семеновъ. На собраніи 13 октября онъ рѣшительно не снималъ печати молчанія съ краснорѣчивыхъ устъ своихъ, хотя, казалось бы, кому приличнѣе было и говорить тамъ какъ не ему — великому догомаху старообрядцевъ. Но хитрый догомахъ сей скоро замѣтилъ, что пускаться въ словопренія среди *такого* собранія значило и себя повредить (въ мнѣніи той или другой стороны), и не помочь дѣлу; оттого и поспѣдовалъ онъ хорошо извѣстному для него правилу: *есть*

время молчать. Однакожь это подозрительное молчаніе во всякомъ случаѣ было признакомъ неблагопріятнымъ для защитниковъ *Окружнаго Посланія*. Не рѣшившись говорить въ пользу мнѣнія Пафнутія Казанскаго, Семенъ Семеновъ этимъ самымъ давалъ уже знать, что не сочувствуетъ его мнѣнію. Въмѣстѣ съ помянутымъ выше авторитетнымъ лицомъ, которое, какъ мы видѣли, не молчало и въ самомъ собраніи, онъ дѣйствительно желалъ, чтобы предложеніе раздорниковъ объ уничтоженіи *Посланія* было принято. Нѣтъ сомнѣнія, что оба они хорошо понимали всю незаконность этого предложенія; но имъ нужно было, во что бы то ни стало и какими бы то ни было средствами, добиться мира въ старообрядчествѣ, необходимаго особенно при современныхъ обстоятельствахъ, когда у раскольниковъ явились новые враги, вышедшіе изъ среды самаго раскола, хорошо знакомые съ его характеромъ; противъ нихъ нужно дѣйствовать соединенными силами, а не давать имъ орудія противъ себя въ самыхъ раздорахъ, ослабляющихъ старообрядчество, которыми они такъ удобно могутъ пользоваться ко вреду старообрядчества. И вотъ, въ интересахъ драгоценнаго имъ раскола, они вступаютъ въ союзъ съ Антоніемъ, чтобы устроить дѣло, котораго этотъ послѣдній желалъ только въ своихъ личныхъ интересахъ. Несмотря на то что въ собраніи 13 октября раздорникамъ объявлено уже было о невозможности принять ихъ рѣшеніе объ уничтоженіи *Посланія* во всей его силѣ, и напротивъ, духовенствомъ, большинствомъ гражданъ, и что особенно важно, всеми депутатами иногородныхъ обществъ, теперь уже отбывшими изъ Москвы, принято мнѣніе Пафнутія Казанскаго, — несмотря на все это, они задумали передѣлать дѣло, устроить чтобы было принято рѣшеніе раздорниковъ, а не мнѣнія Пафнутія. Понятно, что для этого необходимо было прежде всего склонить самого Пафнутія отказаться отъ своего мнѣнія: противъ него главнымъ образомъ и повели они атаку.

Пафнутій могъ съ успѣхомъ противодѣйствовать сумасбродству Антонія, или открытой наглости раздорниковъ; но противъ интригъ такого челоуѣка, какъ Семенъ Семеновичъ, ему трудно было бороться, тѣмъ больше что и самъ онъ, какъ замѣтили мы выше, сдѣлалъ уже шагъ къ сближенію съ раздорниками, отступивъ въ своемъ мнѣніи, поданномъ 13 октября, отъ прежняго, прямаго дѣйствованія въ пользу По-

сланія. Здѣсь пущены были въ ходъ всевозможные аргументы, между которыми, конечно, на первомъ мѣстѣ стояло „общее благо христіанства.“ Пафнутіи все еще держался. Тогда Семенъ Семеновъ рѣшился пустить въ дѣло аргументы особаго рода, которыхъ почему-то нельзя было объяснять въ присутствіи Антонія: онъ попросилъ Антонія выйти на время изъ комнаты. Это было и обидно, и крайне подозрительно; какъ бы, казалось, не догадаться Антонію, что гѣрво рѣчь пойдетъ объ его собственной особѣ. Антоній, конечно, и догадался; но, какъ надобно подумать, ради общаго церковнаго мира, съ подобающимъ смиреніемъ удалился изъ комнаты. Когда его позвали обратно, все было уже кончено: Пафнутіи сдался и подписалъ актъ о рѣшительномъ уничтоженіи *Окружнаго Посланія*. Послѣ Пафнутія приступили съ такими же убѣжденіями къ Варлааму Балтовскому. И этотъ извѣстный поборникъ *Окружнаго Посланія* употреблялъ всевозможныя усилія какъ бы уклониться отъ подписи къ противозаконному акту. Въ его бессильной борьбѣ съ коварными соблазнительями было даже вѣчто умиленное. Бѣдный старикъ три раза бралъ въ руки перо, которое съ необыкновенною услужливостію предлагалъ ему Антоній, и три раза клалъ его на столъ, не имѣя силы сдѣлать позорную подпись; рассказываютъ, что онъ плакалъ, умоляя избавить его отъ такого нечестиваго дѣла. Наконецъ Антоній, обратясь къ нему съ приличною въ подобномъ случаѣ торжественностію, провозгласилъ, что если Варлаамъ считаетъ за грѣхъ уничтожить *Окружное Посланіе*, то грѣхъ этотъ будетъ на немъ, архіепископѣ Антоніи. Потомъ вложилъ ему въ руку перо, и придерживая своею мощною десницею эту дрожащую руку, принудилъ Варлаама сдѣлать злополучную подпись. Убѣдить къ подписи другихъ было уже нетрудно. И уничтоженіе *Окружнаго Посланія* такимъ образомъ совершилось. Это неожиданное и крайне прискорбное событіе послѣдовало въ 1-й день мѣсяца ноября. Актъ, подписанный Пафнутіемъ, былъ слѣдующаго содержанія:

„Христіанскія древлеправославныя церкви епископовъ и прочихъ священныхъ лицъ соборное опредѣленіе.

„Сего 1865 года смиреніе наше, по церковнымъ дѣламъ собравшись въ царствующемъ градѣ Москвѣ на освященный соборъ и находя паству словесныхъ Христовыхъ овецъ между собою въ раздѣленіи, свѣдаемы будучи о семъ немалою жа-

лостію и внимательно всматриваясь въ причины сего несогласія, для примиренія церковнаго, по общему желанію православныхъ христіанъ, пекущихся о благѣ единства церковнаго, опредѣляемъ слѣдующее:

„1. *Окружное Посланіе*, изданное 1862 года февраля 24-го числа, послужившее причиною къ раздѣленію церковному, уничтожается, и отъ сего времени да влѣяется оное яко не бывшее.

„2. Въ помощь московскому духовному совѣту избрать 12 человекъ мірскихъ депутатовъ, съ тѣмъ чтобы въ дѣлахъ, въ которыхъ церковными правилами допускается духовенству съ мірскими имѣть общее обсужденіе, членамъ означеннаго совѣта безъ депутатовъ ничего не дѣлать. Что и утверждаемъ своеручнымъ подписомъ.“ *

Таковъ былъ неожиданный исходъ послѣдняго раскольничьяго собора. Такъ и самый главный изъ епископовъ-окружниковъ, на которомъ покоились всѣ надежды достоуважаемаго Ксеноса и его почитателей, который нѣкогда стоялъ такъ твердо за возвыщенное имъ здравое ученіе, и онъ, наконецъ, отвергся *Посланія*! Да плачетъ злополучный Ксеносъ! Къ кому-то онъ приклонить теперь утружденную печальными думами главу свою? Тотъ, постепенно осыпающійся берегъ, на которомъ онъ все еще хочетъ держаться, для него сдѣлался теперь еще пустынянѣ; ни одного 'отъ „священныхъ“ не осталось въ томъ небольшомъ уголкѣ этого зыбкаго берега, гдѣ отмежевалъ онъ пріютъ себѣ, и стоитъ почти одинокій съ своимъ знаменемъ, на которомъ красуются столь любезныя ему слова: *Окружное Посланіе*. Не теперь ли именно пришла пора разстаться съ этимъ ненадежнымъ пріютомъ, и взявъ въ руки другую побѣдную хоругвь, ополчиться противъ

* Вотъ въ какомъ порядкѣ и какія подписи находятся подъ этимъ опредѣленіемъ: „См. Антоній московскій и владимірскій (sic). Евфросинъ архимандритъ и шнокъ Алупій, уполномоченные отъ Кирилла митрополита бѣлокриницкаго. См. Пафнутіи епископъ казанскій. См. Варлаамъ епископъ батовскій. Аркадій епископъ славскій, ексархъ некрасовскій, и Густимъ епископъ тульчинскій въ лицѣ священноинокка Козьмы. См. Савватій епископъ тобольскій, священноиерей Петръ, священноиерей Павелъ, пресвитеръ Симеонъ Епифановъ, священноинокъ Серафимъ, пресвитеръ Артемій Матѣевъ, пресвитеръ Діомидъ Федоровъ, пресвитеръ Александръ Сусоевъ, пресвитеръ Козьма Акимовъ, пресвитеръ Іоаннъ Михайловъ, пресвитеръ Ѧома Васильевъ, священноиерей Феодоръ, священноиерей Василій, священноиерей Георгій.“

„богохульниковъ и крестохульниковъ,“ какъ самъ онъ объявлялся нѣкогда въ подобную же трудную минуту: „На такихъ призову Распятаго на крестъ, и Той научить рудъ мои на ополченіе и персты моя на брань.“ *

Впрочемъ о событіи 1-го ноября долженъ плакать не столько достопочтенный авторъ *Окружнаго Посланія*, которому событие это, какъ можно надѣяться, послужитъ во благо, сколько сами его виновники и больше всѣхъ злополучный епископъ Пафкутій. Подписавъ позорное опредѣленіе объ уничтоженіи *Окружнаго Посланія*, онъ потерялъ свою доселѣ безупречную репутацію между старообрядцами. И ужели летивыя внушенія лукавыхъ совѣтниковъ до того отуманили

* Слова эти взяты изъ заключенія къ 10 вопросамъ, которые Иларіонъ представилъ Кирилловымъ посланникамъ, Иоасафу и Илиіу, послѣ изданія бѣлокривичской соборной грамоты 28 сентября 1864, уничтожившей *Окружное Посланіе*. Такимъ образомъ вопросы писаны были именно въ обстоятельственныхъ подобныхъ вынужденіяхъ, хотя не столь прискорбныхъ какъ эти послѣдніе; ибо большая разница между слабоумнымъ Кирилломъ, уничтожившимъ *Посланіе* въ то время, и Пафкутіемъ, уничтожившимъ его вынѣ, совокупно со всѣми російскими епископами. О десяти вопросахъ Иларіона мы говорили уже въ VIII ст. (см. *Русск. Вѣст.* № 3, стр. 363). Кстати, сдѣлаемъ здѣсь одну оговорку. Въ VIII ст., говоря именно о вопросахъ Иларіона, мы привели выраженіе: ставу „за гонимаго *Исуса*.“ Это выраженіе послужило поводомъ одному изъ близкихъ нѣкогда (теперь же далеке сущихъ) друзей его сдѣлать ему письменный запросъ, что значитъ это выраженіе. Въ своемъ, очень умномъ отвѣтѣ этому другу, „глаголющему суетная,“ Иларіонъ Георгіевичъ писалъ, между прочимъ, что приведеннаго нами выраженія онъ не употреблялъ, и что онъ современемъ спроситъ насъ, на какомъ основаніи привели мы „такое выраженіе со вносными знаками.“ Просимъ извиненія у глубокоуважаемаго нами автора *Окружнаго Посланія*: знаки поставлены нами неправильно, — слова *Исусъ* у него дѣйствительно нѣтъ, и какъ прибавленное нами для большей ясности смысла, мы не должны были заключать его во вносные знаки. Въ этомъ мы видимся; но чтобы прибавленнымъ объяснительнымъ словомъ мы хоть на іоту измѣнили смыслъ его изреченія, въ этомъ, конечно, не упрекнетъ насъ и самъ авторъ *Окружнаго Посланія*. Если взять въ разсмотрѣніе только его *десять вопросовъ*, то и въ нихъ мы найдемъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ выраженія, въ родѣ слѣдующихъ: „азъ убогій сострадаю *безчестному икупителю* міра,“ или: „побуждаетъ мя сіе учинити.. любовь моего *искупителя*, такъ ужасно *безчестнаго* онъ *называетъ* *продержателей*.“ Кто же сей, ужасно безчестимый отъ наглыхъ *продержателей* *искупитель*? Конечно не *Исусъ*, котораго *продержатели* никогда не думали безчестить, а *Исусъ*, котораго, дѣйствительно, называютъ они *царемъ* богомъ, антихристомъ, и другими хульными именами, противъ чего такъ справедливо и возстаетъ достопочтенный Ксеносъ. Какъ же не повѣялъ онъ, что прибавивъ въ вышеприведенномъ изреченіи слово *Исусъ*, мы только яснѣе выразили его собственную мысль.

его голову, что онъ не могъ уже понять всей незаконности акта, который рѣшился подписать? Не задолго передъ тѣмъ онъ хотѣлъ воспользоваться мыслию Аркадія Славскаго,—передать уничтоженію то что есть въ *Окружномъ Посланіи* противнаго Священному Писанію: какъ же теперь не припомнилъ онъ словъ того же Аркадія о невозможности уничтожить *Посланіе безусловно*? „Отрецися *Окружнаго Посланія*, писалъ Аркадій, есть отрещися и словесъ въ немъ написанныхъ, то-есть имени Господа нашего Ісуса Христа, отрещися и безкровныя жертвы, аже будетъ до скончанія вѣка, отрещися и того, что врага ада не одолають церкви Христовой: якоже Христосъ не умираетъ, тако и священство его по чину Мелхиседекову до вѣка не престанетъ. Вся сія и бѣлая узриши въ *Окружномъ Посланіи*.“ * И вся сія и бѣлая сихъ Пафнутій предалъ теперь конечному уничтоженію... Какъ не припомнилъ онъ по крайней мѣрѣ послѣднихъ, недавнихъ событій,—съ какимъ сочувствіемъ встрѣчено было въ собраніи 13-го октября всѣми сколько-нибудь благомыслящими старообрядцами его мнѣніе въ пользу *Окружнаго Посланія*? Что же подумаютъ теперь о немъ всѣ эти благомыслящіе старообрядцы, что подумаютъ особенно депутаты иногородныхъ обществъ, уѣхавшіе изъ Москвы съ такими добрыми о немъ понятіями, когда получатъ извѣстіе о послѣднемъ его подвигѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что Пафнутій горько раскается въ своей несчастной ошибкѣ; до насъ доходятъ слухи, что онъ и теперь уже оплакиваетъ эту ошибку и самъ сознается, что „нужно море слезъ“ чтобы смыть пятно, которое онъ положилъ на себя. Пятно это можетъ быть и смоетъ онъ своими слезами; но ничѣмъ уже не исторгнуть ему изъ раскольничьихъ лѣтописей несчастнаго акта, имъ подписаннаго, точно также какъ нельзя никакими уничтоженіями и проклятіями истребить *Окружное Посланіе* и изгладить глубокой слѣдъ, оставленный имъ въ современной исторіи старообрядчества.

Не менѣе Пафнутія Казанскаго должны, по нашему мнѣ-

годъ для себя,—ему мечтать позволительно; но какъ люди такіе ловкіе и дальновидные, какъ Семенъ Семеновъ и другой раскольничій авторитетъ, какъ они не сообразили, что соборное опредѣленіе 1-го ноября ничего не можетъ привести расколу кромѣ вреда? Посредствомъ этого опредѣленія они, очевидно, желали достигнуть примиренія съ раздорниками и затѣмъ общаго мира въ старообрядчествѣ; эта цѣль ясно высказана въ самомъ актѣ: онъ составленъ „для примиренія церковнаго, по общему желанію православныхъ христіанъ, возмущенныхъ о благи единства церковнаго,“ и *Окружное Посланіе* уничтожается въ немъ на томъ единственно основаніи, что оно послужило „причиною къ раздѣленію церковному.“ Но этихъ-то именно цѣлей и не могли они достигнуть своимъ „соборнымъ“ опредѣленіемъ.“ И во первыхъ, что касается примиренія съ раздорниками, то хотя бы опредѣленіе это составлено было совершенно согласно съ изданнымъ ими самими постановленіемъ 11-го октября, и въ такомъ случаѣ оно не могло бы теперь удовлетворить раздорниковъ и склонить къ примиренію: постановленіе ихъ было уже разъ отвергнуто и притомъ торжественно, въ многолюдномъ собраніи; не имѣли ли они права послѣ этого не довѣрять искренности новаго соборнаго опредѣленія, еслибы даже, повторимъ опять, оно было вполне согласно съ ихъ собственнымъ постановленіемъ? Но опредѣленіе это тѣмъ менѣе могло удовлетворить ихъ, что оно было далеко несогласно съ ихъ „христіанскою грамотою,“ отъ которой они обѣщали не отступать ни на шагъ (а извѣстно съ какимъ упорствомъ раздорники держатся подобнаго рода обѣщаній). Наибольшее сходство представляла статья объ уничтоженіи *Окружнаго Посланія*; но и здѣсь внесена мысль, что оно уничтожается какъ причина раздѣленія церковнаго (слѣдовательно, можно толковать, не за самое свое содержаніе), тогда какъ раздорниками предложена была формула уничтоженія исключавшая всякія подобнаго рода толкованія: „уничтожаемъ, и опровергаемъ, и яко не бывшее вѣваемъ.“ Затѣмъ другая статья объ участіи мѣ-

Наконецъ въ новомъ соборномъ опредѣленіи совѣтъ вѣтъ статьи раздорническаго постановленія, чтобы „не имѣть общенія въ молитвѣ“ съ тѣми кто не согласится на безусловное уничтоженіе *Окружнаго Посланія*. Все это не могло расположить раздорниковъ въ пользу новаго соборнаго опредѣленія, и трудно было разчитывать на примиреніе съ ними. Такъ дѣйствительно и случилось. Раздорники привяли новый соборный актъ крайне недовѣрчиво. Особенно подозрительнымъ показалось имъ то, что въ актѣ этомъ ничего не сказано о несообщеніи въ молитвѣ съ тѣми кто не согласится на уничтоженіе *Окружнаго Посланія*. Въ видѣ испытанія они предлагали даже включить такую статью въ новый актъ, и не получивъ на то согласія, стали „смотреть на новое соборное опредѣленіе еще съ большею неприязнью. И такъ, если составители этого опредѣленія дѣйствительно разчитывали при его посредствѣ привлечь къ себѣ благоволеніе раздорниковъ и достигнуть примиренія съ ними, то они жестоко обманулись. Новое соборное опредѣленіе, напротивъ, только еще болѣе разъединило ихъ съ раздорниками, и что всего хуже усилило подозрительность послѣднихъ, и въ будущемъ оставило еще менѣе надежды достигнуть взаимнаго примиренія.

А между тѣмъ, изданіемъ новаго „опредѣленія“ не поправивъ нисколько своихъ неприятныхъ отношеній къ партіи враждебной *Окружному Посланію*, раскольничье высшее духовенство этимъ „опредѣленіемъ“ очевидно испортило свои добрыя отношенія къ тѣмъ изъ старообрядцевъ, которые были расположены въ пользу *Посланія*. Еслибъ опредѣленіе о безусловномъ уничтоженіи *Окружнаго Посланія* состоялось на соборѣ и болѣе правильнымъ порядкомъ, т. е. общему согласію, безъ всякихъ заявленій и протестовъ противъ него, тогда защитники *Посланія* встрѣтили бы его съ большимъ удовольствіемъ и конечно не рѣшились бы ему подчиниться. Какъ же они примутъ его теперь, когда отъ депутатовъ изъ привезенныхъ депутатами письменныхъ извѣщеній они знаютъ уже, что само же духовенство такъ недавно былъ

подписанное 1-го ноября, должно послужить новымъ поводомъ къ оживленію старыхъ раздоровъ въ расколѣ и еще больше запутать дѣла у раскольниковъ.

V.

Рѣшеніемъ, и такимъ неудачнымъ, вопроса объ *Окружномъ Посланіи* соборъ ограничилъ всѣ свои занятія. Между тѣмъ общества старообрядческія ожидали, что онъ займется и другими не менѣ важными дѣлами. Оставивъ ихъ безъ вниманія, соборъ, очевидно, и этимъ поступкомъ долженъ былъ возбудить противъ себя неудовольствіе въ средѣ старообрядцевъ.

Въ числѣ дѣлъ, оставленныхъ соборомъ безъ рѣшенія, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить дѣло о присоединившихся къ церкви раскольничьихъ епископахъ съ другими лицами изъ такъ-называемой австрійской іерархіи, и о составленныхъ ими „вопросахъ,“ которые, какъ было замѣчено выше, представили они на разсмотрѣніе раскольничьимъ духовнымъ властямъ и въ значительномъ количествѣ экземпляровъ разослали къ старообрядцамъ въ разныя мѣста.

Надобно замѣтить, что слухъ о „присоединеніи“ быстро распространился въ старообрядческомъ мірѣ и возбудилъ различныя мнѣнія и толки. Истиные, заматорѣвшіе раскольники немедленно произнесли свой судъ надъ присоединившимися: безъ всякихъ разсужденій и справокъ признали ихъ людьми погибшими, подпавшими обольщеніямъ діавола, который яко бы увлекъ ихъ въ ересь различными житейскими и другими разчетами, и затѣмъ считали дѣло рѣшеннымъ;* во всѣ сколько-нибудь разсудительные старообрядцы, не столь слѣпо и безотчетно преданные расколу, на подобномъ рѣшеніи не могли успокоиться: они желали знать причины побудившія такихъ извѣстныхъ въ старообрядчествѣ людей, какъ Онуфрій, Пафнутій и другіе, оставить расколъ, и не-

* Въ сочиненіи этихъ именныхъ „житейскихъ разчетовъ,“ ради которыхъ будто бы Онуфрій, Пафнутій и другіе наши нужнымъ искать себѣ спасенія въ церкви, раскольники этой первой категоріи обнаружили замѣчательную изобрѣтательность. Исчислять здѣсь и опровергать пущенныя ими въ ходъ и довольно распространенныя даже между не раскольниками клеветы мы считаемъ неумѣстнымъ.

волью приходили къ мысли, не лежатъ ли эти причины въ самомъ расколѣ, который въ послѣднее время такъ ясно обнаружилъ свое безобразіе, свою внутреннюю несостоятельность; были, наконецъ, между старообрядцами и такіе, которые, понимая сами очевидную несостоятельность раскола, готовы уже были и прежде отказаться отъ него, и которыхъ извѣстіе о присоединившихся только еще болѣе утвердило въ этой рѣшимости и расположило не медлить болѣе присоединеніемъ къ церкви. Такъ же приняты были въ старообрядческомъ мірѣ и изданные присоединившимися „вопросы.“ Одни признали ихъ, даже не читая, еретическими, подлежащими немедленному уничтоженію, и проповѣдывали, что отвѣчать еретикамъ не подобаетъ; другіе, напротивъ, не могли не замѣтить, что предъявленныя въ вопросахъ „омышленія“ относительно раскола имѣютъ существенную важность, ибо касаются самыхъ его основаній, и что безъ внимательнаго разсмотрѣнія оставить ихъ невозможно. Вообще, „вопросы“ еще болѣе усилили впечатлѣніе, произведенное на раскольниковъ слухами о присоединеніи ихъ епископовъ.

Все это говоримъ мы основываясь не на однихъ только наблюденіяхъ надъ московскими и ближайшими къ Москвѣ старообрядцами, но и пользуясь свѣдѣніями, сообщаемыми изъ другихъ не менѣе значительныхъ центровъ раскола. Такъ изъ Бессарабіи именно писали намъ, что въ томъ краѣ извѣстіе о присоединившихся породило между раскольниками различныя толки: „одни, сказано въ письмѣ, говорятъ, что они поддались обольщенію діавола, а другіе, что всѣ эти лица были бракованы и порочны, но пороковъ не объясняютъ; третьи говорятъ: еще нашихъ больше остается. У насъ, прибавляетъ корреспондентъ, надъ этимъ долго не задумаются; вы думаете, что войдутъ въ подробное разсужденіе?— какъ бы не такъ! Впрочемъ, нѣкоторые болѣе или менѣе образованные (которыхъ есть, хоть и мало) судятъ объ этомъ иначе: говорятъ, что должно-быть они признали неправильнымъ старообрядчество.“ Самъ корреспондентъ нашъ принадлежалъ къ числу наиболѣе разсудительныхъ и безпристрастныхъ людей между старообрядцами. Онъ не чуждался образованія; много читалъ и думалъ надъ прочитаннымъ, и питая уже сильныя сомнѣнія относительно раскола, помышлялъ о необходимости оставить его заблужденія. Въ другомъ мѣстѣ мы имѣли случай говорить, какое сильное впе-

чтлвѣіе произвели на него, при такомъ его настроеніи, извѣстія о намѣреніи Пафнутія съ братіей присоединиться къ церкви. * Оно утвердило и его самого въ мысли не откладывать долѣе своего намѣренія навсегда разстаться съ расколомъ, и 20-го іюля, спустя мѣсяцъ послѣ торжества происходившаго въ Московскоѣ Троицкоѣ единобѣрческой церкви, онъ дѣйствительно принялъ православіе; съ нимъ вмѣстѣ присоединились къ церкви его семейство и семейство другаго старообрядца. Извѣщая насъ объ этомъ событіи, онъ писалъ: „Итакъ, къ общей радости церкви православной, въ числѣ чадъ ея осмыю душами стало болѣе, и мы теперь можемъ съ дерзновеніемъ воспѣть: Слава покаявшему намъ свѣтъ, слава въ вышнихъ Богу! Хвалимъ Его и благословимъ, кланяемся и благодаримъ, яко сподобилъ насъ обрѣсти вѣру истинную, и отнынь (скажемъ словами *Окружнаго Посланія*) „несмы раскольницы или раздорницы, но чада Единныя, Святыя, Соборныя, Апостольскія церкви“ Греческаго, Восточнаго благочестія. Будемъ просить Господа Бога, чтобы сподобилъ насъ въ сей истинной вѣрѣ скончати и животъ нашъ.“ ** По новымъ извѣстіямъ изъ тѣхъ же мѣстъ, число „усумнявшихся“ въ правотѣ раскола и готовыхъ познать истину православія все возрастаетъ, и въ этомъ нельзя не усвоить значительной доли вліянія приходившимъ изъ Москвы извѣстіямъ о присоединившихся.*** Такое же впечатлѣніе произвели эти извѣстія и въ замѣнительныхъ Стародубскихъ слободахъ, гдѣ большинство старообрядцевъ расположено въ пользу *Окружнаго Посланія*,

* См. *Соверш. Лѣтоп.* 1865 г. № 25.

** Письмо отъ 31-го іюля 1865 года.

*** Такъ, по свѣдѣніямъ полученнымъ въ послѣднее время отъ того же корреспондента, одинъ молодой любознательный старообрядецъ, который недавно еще призывалъ чуть не преступленіемъ чтеніе писанныхъ православными сочиненій о расколѣ, теперь совсѣмъ почти измѣнилъ свои понятія о православіи и его отношеніяхъ къ расколу. Вотъ что, между прочимъ, самъ онъ писалъ къ нашему корреспонденту: „На меня, братъ, старуки крѣпко сердятся, за то что я занимаюсь чтеніемъ книгъ, и уже стали запрещать чтобы я ихъ вовсе не читалъ; а въ одномъ мѣстѣ случилось мнѣ сказать кое-что въ пользу православія, такъ ужъ послѣ и слышу — говорятъ: онъ такой же какъ Ѡ. Н. (имя нашего корреспондента); онъ за хохловъ (такъ раскольники тѣхъ мѣстъ, по примѣру буковинскихъ, зовутъ обыкновенно православныхъ), защищаетъ ихъ.“ Нельзя при семъ случаѣ не помянуть о вредномъ вліяніи на старообрядческое общество этихъ такъ называемыхъ стариковъ.

и сѣдовательно болѣе другихъ способно судить о столь важныхъ событіяхъ какъ обращеніе раскольничьихъ архіереевъ къ православію, безъ сѣднаго раскольничьяго фанатизма. Изъ Клицковъ, напримѣръ, одинъ единовѣрецъ писалъ намъ, что обращеніемъ Пафнутія съ братіей тамъ заняты очень многіе и не враждебно расположены къ этому событію; онъ прибавлялъ, что взоры всѣхъ благомыслящихъ старообрядцевъ теперь обращены особенно на достоуважаемаго автора *Окружнаго Посланія*, что тамъ ожидаютъ какъ онъ поступитъ въ настоящихъ обстоятельствахъ. Другой клицковскій корреспондентъ, пока еще не единовѣрецъ, извѣщалъ насъ (отъ 12 сентября), что „вопросы“ присоединившихся произвели въ Клицкахъ сильное впечатлѣніе, и книжки ходятъ изъ рукъ въ руки. Разъ читали ихъ въ большомъ собраніи у одного изъ почетныхъ клицковскихъ гражданъ: „вопросы“ возбудили преніе, и многіе изъ присутствовавшихъ открыто сознали несостоятельность раскола. „Изъ всего видно, прибавляетъ корреспондентъ, что глаголемые старообрядцы здѣшніе душевно желаютъ быть сынами Единой, Святой, Соборной, Апостольской церкви.“ Въ другомъ не менѣе извѣстномъ посадѣ, Воронкѣ, на родинѣ Пафнутія, обращеніемъ его къ церкви заняты также очень сильно, и наиболѣе вліятельные люди готовы войти, и вошли уже, въ сношенія съ нимъ, которыя, какъ можно надѣяться, не останутся безъ добрыхъ послѣдствій. На противоположномъ концѣ Россіи въ край сопредѣльномъ съ Сибирью и въ самой Сибири, московскія событія произвели также сильное впечатлѣніе. Одинъ старообрядецъ писалъ изъ Екатеринбурга, по поводу полученныхъ тамъ „вопросовъ“, что отказываться отъ внимательнаго разбора этихъ, какъ онъ выражался, „возраженій противъ ихъ іерархіи“ не слѣдуетъ, такъ какъ „возраженіе вызываетъ на всестороннее разсмотрѣніе вопроса, и это истину дѣлаетъ свѣтлѣе.“ Можно надѣяться, что люди подобнымъ образомъ разсуждающіе,—люди, которые стремятся къ истинѣ,—современемъ ея и достигнутъ. Въ той мѣстности о которой говоримъ мы, и былъ уже такой опытъ съ однимъ лицомъ даже изъ раскольничьяго духовенства. Въ прошломъ году съ тобольскимъ епископомъ Савватіемъ пріѣзжалъ въ Москву молодой клирикъ его, Василій Захаровъ, котораго Савватій, по настоянію Антонія, ради большей славы раскола, чуть не насильно постригъ въ монахи, подъ именемъ

Власія, и посвятилъ во іеродіакона. Какъ человекъ любознательный, Власій сошелся въ Москвѣ съ нѣкоторыми изъ болѣе разсудительныхъ старообрядцевъ, составившими тогда въ видахъ противодѣйствія крайнимъ раскольничьимъ мнѣніямъ небольшое общество, въ главѣ котораго стоялъ авторъ *Окружнаго Посланія* Иларіонъ Георгіевичъ, написавшій для него даже нѣчто въ родѣ устава.* Къ этому обществу принадлежалъ и архидіаконъ Филаретъ съ протодіакономъ Антоніемъ, Кирилломъ Семеновымъ. Эти послѣдніе уже принявъ тогда намѣреніе присоединиться къ православной церкви и въ бесѣдахъ съ Власіемъ откровенно высказывали побудившія ихъ къ тому сомнѣнія относительно глаголемаго старообрядчества. Власій не могъ не видѣть всей справедливости этихъ сомнѣній, и по зрѣломъ разсужденіи, самъ принявъ намѣреніе оставить расколъ. По возвращеніи въ Екатеринбургъ, въ мѣзъ мѣсяцъ прошлаго 1865 г., онъ дѣйствительно присоединился къ православной церкви, сложивъ съ себя незаконнополученную священную степень и насильно навязанное ему монашество. Въ свою очередь не остался безъ добраго вліянія на нѣкоторыхъ старообрядцевъ и его объясненія о причинахъ побудившихъ его оставить расколъ, доказательство чего мы будемъ имѣть случай представить ниже. Скажемъ и еще объ одномъ замѣчательномъ обращеніи къ православію, въ томъ же краѣ, которое послѣдовало также подъ вліяніемъ полученныхъ изъ Москвы извѣстій о присоединеніи раскольничьихъ епископовъ. Читатели помнятъ, вѣроятно, взятаго въ Нижнетагильскѣ въ началѣ 1864 г. старообрядца Василя Носова, о которомъ было въ то время не мало толковъ въ нашихъ газетахъ, выдававшихъ его за раскольничьяго епископа: это былъ архимандритъ Викентій, не задолго передъ арестомъ возвратившійся изъ Москвы, гдѣ онъ, будучи только еще іеродіаконъ, присутствовалъ на соборахъ въ званіи уполномоченнаго отъ оренбургскаго епископа Константина. Съ той поры и по сіе время онъ содержится въ Верхотурскомъ теремномъ замкѣ. Но раскольники, какъ извѣстно, умѣютъ проникать къ своимъ и за тюремныя стѣны. Частію изъ опасенія, чтобы Викентій не выдалъ другихъ лицъ, заинтересованныхъ въ его дѣлѣ, частію

* Этому уставу Иларіонъ, съ свойственною ему изобрѣтательностію, далъ названіе: „сиддесмосъ“ *συνδεδμοσ*—соединеніе, союзъ).
 Digitized by Google

изъ желанія удержать въ расколѣ его самого, какъ чело-
 вѣка даровитаго, московскіе старообрядцы дѣйствительно от-
 крыли сношенія съ Викентіемъ, облегчали по возможно-
 сти его положеніе, доставляя ему разныя удобства, и гла-
 вное, старались поддержать въ немъ рѣшимость — терпѣть
 до времени свое заключеніе ни въ чемъ не сознаваясь. Такъ
 и жилъ Викентій дѣлныхъ полтора года. Наконецъ въ іюль
 мѣсяцѣ прошлаго 1865 года въ поданномъ ему бѣломъ
 хлѣбѣ (наиболѣе обычный способъ корреспонденціи раскол-
 никовъ съ своими заключенными страдальцами) нашелъ онъ
 посланіе Автопія, который по преимуществу велъ съ нимъ
 сношенія, и который на этотъ разъ съ крайнимъ прискорбі-
 емъ увѣдомлялъ его, что извѣстныя лица изъ ихъ іерархіи
 „отпали отъ вѣры,“ и убѣждалъ его самого быть непоколе-
 бимымъ, прибавляя, что старообрядцы возлагаютъ на него
 великія надежды. Викентій еще въ бытность свою въ Моск-
 вѣ вошелъ въ близкія сношенія съ Пафнутіемъ, и именно въ
 то время, когда этотъ послѣдній занятъ былъ разборомъ
 основныхъ ученій раскола. Въ числѣ другихъ, Пафнутіи
 предлагалъ и Викентію свои замѣчанія о совершенной несо-
 стоятельности раскола, о живости самыхъ основаній, на
 которыхъ онъ думаетъ держаться. Какъ челоѣкъ живаго,
 впечатлительнаго характера, Викентій горячо принималъ къ
 сердцу его замѣчанія, хотя по привычкѣ приверженности
 къ расколу не могъ рѣшиться скоро на полный разрывъ съ
 нимъ. По исполненіи даннаго ему порученія, увѣзая изъ
 Москвы, онъ далъ слово Пафнутію возвратиться для болѣе
 тщательнаго и полнаго разсмотрѣнія возбужденныхъ имъ
 вопросовъ; объ этомъ намѣреніи своемъ онъ писалъ ему да-
 же съ пути; но послѣдовавшій вѣкорѣ по пріѣздѣ его арестъ
 лишилъ его возможности исполнить это намѣреніе. Въ сво-
 емъ заключеніи онъ имѣлъ достаточно времени припомнить и
 обдумать все слышанное имъ отъ Пафнутія. Понятно послѣ
 этого, какое впечатлѣніе должно было произвести на него
 сообщенное Автопіемъ извѣстіе. Чтобы вполне убѣдиться
 въ его справедливости, Викентій обратился съ разспросами
 къ тюремному начальству, и когда ему доставлены были га-
 зетныя извѣстія о присоединившихся, немедленно объявилъ,
 кому слѣдуетъ, и о своемъ намѣреніи присоединиться къ
 церкви: рѣшился просить именно о причисленіи его къ брат-

ству Онуфрія и Пафнутія. Обращеніе Викентія—новый чувствительный ударъ расколу, хотя Антоній съ братіей, безъ сомнѣнія, будутъ объяснять его недостаткомъ терпѣнія, малодушіемъ и т. п. * Наконецъ нельзя не упомянуть о впечатлѣніи, какое произвели полученные изъ Москвы извѣстія о присоединившихся въ одномъ изъ наиболѣе сильныхъ старообрядческихъ обществъ, въ Уральскомъ казачьемъ мѣстѣ. Положеніе раскола въ этомъ войскѣ вообще заслуживаетъ вниманія. Издавна большинство казаковъ смотрѣло благоклонно на такъ-называемую австрійскую іерархію; безпорядки и раздоры, которыми въ послѣднее время ополчилась эта іерархія, внушили имъ еще большее къ ней невѣріе, и получивъ извѣстіе, что нѣсколько болѣе замѣтныхъ лицъ изъ самой этой іерархіи отказались и отъ своего ажеименнаго священства, и отъ самаго раскола, разсудительнѣйшіе изъ уральскихъ старообрядцевъ не могли оставить безъ вниманія столь важное событіе, особенно же когда получили потомъ и „вопросы“ присоединившихся, подтверждающіе сомнѣнію правильность самыхъ основаній раскольниковъ іерархіи. Все это побудило уральскихъ старообрядцевъ, при отправленіи депутатовъ на послѣдній московскій соборъ, сдѣлать имъ порученіе, чтобъ они потребовали у раскольниковъ епископовъ обстоятельнаго отвѣта на „вопросы“ присоединившихся, а отъ самихъ присоединившихся — объясненія побужденій, по которымъ оставили они расколъ. Вотъ нѣсколько полученныхъ нами свѣдѣній о томъ, какое впечатлѣніе въ раскольниковыхъ обществахъ произведено было обращеніемъ Онуфрія и Пафнутія съ братіей къ церкви православной. Все это, и гораздо лучше, безъ сомнѣнія, извѣстно было самимъ собравшимся на соборъ раскольниковымъ властямъ и прочимъ радѣтелямъ раскола. Не могли они поэтому не сознавать всей важности — сдѣлать для успокоенія

ни въ раскольничьей іерархіи, и особенно по случаю изданныхъ и обнародованныхъ ими „вопросовъ?“ А что раскольничья власти и радѣтели дѣйствительно сознавали эту нужду, доказательствомъ служить учрежденіе извѣстнаго комитета подѣ предсѣдательствомъ Пафнутія Казанскаго, о которомъ говорили мы выше, и которому въ главную обязанность поставлено было рассмотреть именно восемь „вопросовъ,“ появившихся между старообрядцами, и составить на нихъ отвѣтъ. Мы говорили также, что комитету поручалось неудобноисполнимое дѣло — опровергнуть то чего нельзя опровергнуть, и что по самой неудобноисполнимости своей задачи комитетъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ до открытія соборныхъ засѣданій не сдѣлалъ ничего. Произошли потомъ и эти пресловутыя соборныя засѣданія, признанъ окончаннымъ и самый соборъ, а дѣло о присоединившихся и о подаваемыхъ ими вопросахъ,—дѣло, какъ сейчасъ показали мы, столь важное въ интересахъ самого раскола,—осталось не конченнымъ, или правильнѣе, не тронутымъ.

Впрочемъ, чтобы не остаться совершенно безответными въ томъ случаѣ еслибы кто-нибудь настойчиво потребовалъ объясненій по поводу изданныхъ присоединившимися вопросамъ, главные члены комитета нашли нужнымъ сдѣлать хоть что-нибудь по возложенному на нихъ порученію. Самъ предсѣдатель комитета, Пафнутій Казанскій, понимая всю невозможность отвѣчать прямо на вопросы, рѣшился дать на нихъ по крайней мѣрѣ косвенный отвѣтъ. Онъ занялся составленіемъ выписокъ изъ разныхъ, преимущественно старыхъ, сочиненій противъ раскола. Именно изъ сочиненій этихъ, начиная со *Скрижалей*, выбиралъ онъ все сколько-нибудь рѣзкіе или укоризненные отзывы объ обрядахъ, уважаемыхъ ревнителями старины и дозволенныхъ къ употребленію въ церкви единовѣрческой. * Къ этимъ выпискамъ Пафнутій не

правильны противъ этихъ вопросовъ, и по известной раскольничьей тактикѣ, должны были имѣть по отношенію къ нимъ значеніе контрмѣры. Смыслъ и сила ихъ заключались въ слѣдующее: „Положимъ, что мы не правы, что у насъ, главнымъ старообрядцевъ, нѣтъ законной іерархіи и истинной церкви, какъ доказывается это въ вашихъ вопросахъ; но правы ли и вы, послѣдовавъ церкви православной, которая время проклятiю и „жестокословнымъ порицаніямъ“ уважаетъ ревнителями старины обряды, которые сама же дозволяетъ къ употребленію единовѣрцамъ, и которыхъ во всякомъ случаѣ предавать проклятiю и порицаніямъ не подобаетъ?“ Будно принять въ соображеніе слишкомъ распространенную между самими даже православными приверженность къ такъ-называемымъ старымъ обрядамъ, чтобы понять силу этой аргументаціи, основанной единственно на указаніи клятвъ и порицаній на двуперстіе, сугубое алалуіа и проч., которыхъ, къ сожалѣнію, не мало встрѣчается въ нашихъ полемическихъ и другихъ сочиненіяхъ противъ раскола. Эта аргументація, силу которой раскольники хорошо поняли, составляетъ старый, испытанный способъ дѣйствования противъ церкви, къ которому защитники раскола нерѣдко прибѣгаютъ въ затруднительныхъ случаяхъ, и которому, замѣтимъ кстати, пора бы намъ положить конецъ, законнымъ образомъ отнявъ у нихъ право ссылаться на эти „жестокословныя порицанія“ такъ-называемыхъ старыхъ обрядовъ, — порицанія неосмотрительно допущенныя прежними писателями, и незаконность которыхъ сама церковь признала уже фактически въ самомъ учрежденіи единовѣрія.* Въмѣсто пря-

* Противъ того, что въ настоящее время православная церковь не придаетъ уже значенія допущеннымъ въ прежнихъ полемическихъ сочиненіяхъ „жестокословнымъ порицаніямъ“ уважаемыхъ ревнителями старины обря-

мого отвѣта на „вопросы“ присоединившихся прибѣгауъ къ этому старому способу дѣйствовать противъ церкви,—способу всегда пригодному для раскольничьей неразборчивости,—Пафнутіи доказалъ только, что прямо отвѣчать на вопросы онъ не можетъ. Напротивъ, другой членъ комитета, извѣстный Семень Семеновъ, рѣшился, повидимому, отвѣчать на нихъ прямо; но и эта была своего рода уловка: имѣлось въ виду не то чтобы дѣйствительно составить вопросы, а то чтобы при нужномъ случаѣ имѣть возможность сказать, что отвѣты пишутся и будутъ написаны. Случай такой дѣйствительно представился, и уловка была пущена въ ходъ. Когда уральскіе депутаты, исполняя порученіе своего общества, обратились къ Антонію за объясненіями по поводу „вопросовъ“, Антоній поспѣшилъ укрыться за спиной Семена Семенова, — послалъ ихъ къ этому послѣднему, увѣряя, что отъ него получить разрѣшеніе всѣхъ недоумѣній и отвѣтъ на всѣ „вопросы,“ * а Семень Семеновъ въ свою оче-

* Антоній въ затруднительныхъ случаяхъ и нерѣдко поступаетъ такимъ образомъ: для него, да и для всѣхъ московскихъ раскольниковъ, Семень Семеновъ—каменная стѣна, способная отразить самыя острыя стрѣлы, направленныя противъ раскола, за которую они и прячутся въ случаѣ крайности. Не лишнимъ считаемъ привести здѣсь одинъ примѣръ этого, имѣющій притомъ общую связь съ нашимъ разказомъ. Въ концѣ 1864 г., въ то время когда Пафнутіи съ братіей начиналъ уже дѣло о присоединеніи къ церкви, принялъ то же намѣреніе одинъ хорошо извѣстный ему и очень почтенный казушскій старообрядецъ, Василій Егоровъ. Онъ не скрывалъ своего намѣренія и далъ знать о немъ даже и Антонію. По сему случаю Антоній письмомъ отъ 16-го октября приглашалъ его пріѣхать въ Москву: „Мы, — писалъ онъ, — по священной обязанности нашей, съ отеческою любовью готовы судце подати вамъ средства дѣленія, призываемъ васъ прійти къ намъ и предложить вся ваша сомнѣнія, ими же обзяты есте, и вѣруемъ Богу нашему, яко поможетъ намъ оныя разрѣшити и успокоити мятущуюся совѣсть вашу.“ Такое же приглашеніе повторилъ онъ чрезъ тульскаго попа Андрея. Между

редь отвѣчалъ, что отвѣты пишутся и скоро будутъ готовы, и что въ нихъ вполнѣ разъяснятся всѣ возраженія противъ бѣнокриницкой іерархіи, сдѣланныя въ „вопросахъ“ присоединившихся. Въ удостовѣреніе, что всѣ матеріалы для отвѣтовъ готовы, и остается только привести ихъ въ порядокъ, онъ показалъ депутатамъ большую исписанную тетрадь и даже прочелъ изъ нея нѣсколько отрывковъ; но когда депутаты попросили у него тетрадь по крайней мѣрѣ для прочтенія, чтобы имѣть возможность сообщить объ ея содержаніи своимъ довѣрителямъ, хитроумный апологетъ раскола отказался исполнить ихъ просьбу, увѣряя, что въ непродолжительномъ времени, какъ только будутъ кончены и вполнѣ обработаны отвѣты, будетъ послана къ нимъ на Уралъ точная съ нихъ копія. Какъ однакоже ни искусно велъ дѣло многоопытный Семень Семеновичъ, отъ простоты и здравомыслія Уральцевъ не укрылось, что онъ хотѣлъ только отдѣлаться отъ нихъ посредствомъ обѣщаній, и мы знаемъ положительно, что обѣщаніямъ его они не повѣрили и увѣхали изъ Москвы съ горькимъ чувствомъ недовольства всѣмъ что видѣли у своихъ московскихъ собратій, и особенно дѣйствіями самихъ предсѣдателей собора, вождей и владыкъ гааголемаго старообрядчества; * о полученіи отвѣтовъ они уже и не думали.

угованіе, чтобы ѣхать въ Москву, имѣть свиданіе съ Антоніемъ и съ вами. Дождавшись сентября мѣсяца, прибылъ я въ Москву 13-го числа, наканунѣ праздника Честнаго Креста. На праздникъ послѣ обѣдни пришелъ я къ Петру Федоровичу (извѣстному раскольничьему попу); онъ меня принялъ ласково и послалъ дьячка своего, Николая, чтобы довести меня ко владыкѣ (то есть къ Антонію). Немного я пождалъ за воротами, покаде посланный сообщилъ своему владыкѣ, что Василій Егоровъ желаетъ съ тобой повидаться. Скоро возвращается Николай и говорить: „владыка приказалъ тебя проводить къ Семѣну Семельчу, а самъ не хочетъ съ тобой свиданіе имѣть.“ Тутъ я замечалъ, что о немъ повсемѣстно говорятъ какъ о скоропредоужающій: ему это ничего не значитъ если какой важный документъ опровергнуть (то есть уничтожить), а непотребный утвердить. Такъ и это: приѣхалъ къ нему чмоукъ за полтораста верстъ, хорошо знакомый, а онъ не постыдился ска-

Итакъ, несмотря на указанные труды Пафнутія Казанскаго и Семена Семенова въ пресловутомъ комитетѣ, учрежденномъ подъ предсѣдательствомъ перваго изъ нихъ, можно сказать положительно, что дѣло о присоединившихся и о поданныхъ имъ „вопросахъ“ на послѣднемъ московскомъ соборѣ не только не получило никакого рѣшенія, но не было и тронуто. Какія невыгодныя послѣдствія должно имѣть это для собора и для раскольничьихъ духовныхъ властей, можно заключать изъ сказаннаго выше о томъ, какъ сильно раскольничьи общества заняты присоединеніемъ ихъ епископовъ и поданными отъ нихъ вопросами. Чтò въ самомъ дѣлѣ подумаютъ всѣ сколько-нибудь безпристрастные и разсудительные старообрядцы о своихъ духовныхъ властяхъ, о своихъ пастыряхъ и учителяхъ, не получивъ отъ нихъ никакого объясненія и вразумленія по случаю такого небывалаго событія въ лѣтописяхъ раскола, какъ возникновеніе въ средѣ самой раскольничьей іерархіи цѣлаго общества людей, открыто признавшихъ неправильность этой іерархіи и несостоятельность самого раскола? Чтò подумаютъ они и объ этомъ расколѣ, противъ самыхъ основаній котораго сдѣланы такія сильныя возраженія присоединившимися, между прочимъ, въ ихъ „вопросахъ,“ и въ защиту котораго противъ этихъ возраженій доселѣ ничего не сказали имъ вожди и блюстители раскола? Въ заключеніе этой главы мы намѣрены разказать о присоединеніи къ церкви еще одного изъ членовъ раскольничьей іерархіи, совершившемся именно подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ для раскола событій послѣдняго московскаго собора, за которыми имѣлъ онъ возможность слѣдить ближайшимъ образомъ: мы говоримъ о бывшемъ іеродиаконѣ Савватія Тобольскаго, Θεодосіи.

Жизнь этого, еще очень молодаго человѣка обильна событіями, которыя возможны только среди исключительной жизни нашихъ раскольниковъ. По рожденію онъ принадлежалъ къ беспоповщинскому расколу, и именно къ сектѣ странниковъ. Ему было только двѣнадцать лѣтъ отъ роду, когда отецъ его, оставивъ семейство, отправился странствовать: вслѣдствіе сильно возбужденнаго религіознаго чувства, мальчикъ рѣшился по своей волѣ идти за отцемъ. Мѣстомъ странничества они избрали Уральскія горы; тамъ переходя отъ одного пустыннаго мѣста въ другое и строя на себѣ небольшие кельи, большую частію въ дремучихъ лѣсахъ, кото-

рыхъ встрѣчается не мало по Уральскому хребту. Цѣлыхъ три года провелъ онъ въ этой суровой, безотраднѣйшей жизни раскольника-бѣгуна, три года самой лучшей, цвѣтущей юности. Первыя сомнѣнія относительно крайностей странническаго ученія внушили ему раскольники поповщинской секты, съ которыми имѣлъ онъ случай встрѣтиться. Юноша не пренебрегъ высказать отцу свои мнѣнія. Отецъ былъ крайне доволенъ его разсужденіями и самою рѣшимостью и способностью разсуждать. Ко всѣмъ тягостямъ его суровой жизни прибавилось теперь еще разномысліе съ отцемъ. Онъ видѣлъ невозможность жить съ нимъ долѣе, и ушелъ отъ него тайкомъ. Въ Уральскихъ же горахъ отыскалъ онъ келью, въ которой жили три беспоповскіе иноки, и поступилъ къ нимъ въ услуженіе и ученичество: годъ жизни, проведенной съ этими „старцами,“ убѣдилъ его въ крайнемъ изувѣрствѣ и невѣжествѣ и этихъ новыхъ наставниковъ. Разставшись съ ними, онъ еще годъ страствовалъ, совершенно одинокій, въ знакомыхъ ему горахъ Урала, по разнымъ раскольничьимъ скитамъ, присматриваясь и прислушиваясь къ быту и ученію раскольниковъ различныхъ сектъ, и нигдѣ не нашолъ удовлетворенія пробудившимся въ немъ духовнымъ потребностямъ. Наконецъ, истомленный и нравственно, и физически, онъ рѣшился идти на родину въ Нижнетагильскъ. Здѣсь первый разъ встрѣтился онъ и близко сошелся съ послѣдователями австрійскаго священства: проповѣдь о мнимомъ возстановленіи древлеправославной, до-никоновской іерархіи увлекла его, и изъ странника и беспоповца онъ сдѣлался послѣдователемъ австрійскаго священства. Съ поступленія въ эту секту, его взяли подъ свое руководство и покровительство извѣстные раскольничьи иноки, Савватій (въ послѣдствіи епископъ тобольскій), Константинъ (въ послѣдствіи епископъ оренбургскій) и Викентій, о которомъ говорили мы выше. Константинъ, сдѣлавшись епископомъ, поставилъ его въ чтеца, постригъ въ иноки и посвятилъ потомъ въ іеродіакона: при немъ и находился Θεодосій до самаго того дня какъ Константинъ взятъ былъ правительствомъ. Судьба ему благопріятствовала: непредвидѣннымъ случаемъ спасся онъ отъ участи постигшей его покровителя, при которомъ находился почти неотлучно, точно также какъ въ другой разъ счастливо избѣжалъ и участи Викентія, взятаго на его глазахъ послѣ литургіи, которую служили они вмѣстѣ. Отъ Константина посту-

пиль оны къ Савватію Тобольскому, съ которымъ сдѣлавъ повѣзку по Сибири до Томска. Между тѣмъ, въ началѣ 1865 г., Савватію нужно было отправиться въ Москву на предназначенный соборъ: оны взялъ съ собою и Θεодосія. Въ Тобольскѣ получили они первое извѣстіе о намѣреніи епископовъ Онуфрія и Пафнутія присоединиться къ церкви; извѣстіе это возбудило въ Θεодосіи сильное любопытство: ему хотѣлось узнать что такое побудило отказаться отъ старообрядчества людей столь извѣстныхъ между старообрядцами. Въ Нижнетагильскѣ оны провелъ нѣсколько времени съ возвратившимся изъ Москвы знакомымъ уже читателю іеродиакономъ Влаасіемъ, и оны-то первый удовлетворилъ отчасти его любопытству, передавъ ему то что слышалъ отъ Филарета и другихъ о весьма важныхъ сомнѣніяхъ относительно раскола и раскольничей іерархіи, внушившихъ Пафнутію съ братіей мысль искать общенія съ православною церковію. Въ Казани имѣлъ оны случай видѣть уже достигшіе туда въ рукописи „вопросы“, въ которыхъ сомнѣнія эти относительно правильности раскольничьей іерархіи высказаны съ достаточною ясностію: „вопросы“ произвели на Θεодосія сильное впечатлѣніе; оны понялъ, что отвѣчать на нихъ будетъ трудно, и весьма занятъ былъ мыслию что отвѣтять на нихъ старообрядческія власти на московскомъ соборѣ.

Съ такими мыслями и въ такомъ расположеніи духа Θεодосій пріѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ Савватіемъ, въ концѣ мая мѣсяца. Читателямъ извѣстно, какое тревожное было это время для московскихъ старообрядцевъ: съ одной стороны, старыя, но попрежнему живыя и сильныя роздоры изъ-за *Окружнаго Посланія* и за Антонія втораго, съ другой, — слухи все болѣе и болѣе распространявшіеся о предстоящемъ присоединеніи къ церкви ихъ собственныхъ архіереевъ и другихъ священныхъ лицъ. Θεодосій выи-

слышать еще на границѣ Сибири. Антоній поручалъ ему, какъ довольно искусному писцу, переписывать разные акты в бумаги, изъ которыхъ могъ онъ именно познакомиться съ образомъ дѣйствій раскольничьяго духовнаго правительства и особенно самого велемудраго Антонія.* Эти же занятія давали ему много случаевъ вступать въ бесѣду съ Антоніемъ и другими о занимавшихъ его наиболѣе важныхъ предметахъ, какъ-то: объ *Окружномъ Посланіи*, объ извѣстномъ „Уставѣ Бѣлокриницкаго монастыря“ и др. Отвѣты и разсужденія Антонія поражали его своею нелѣпностію, а иногда и нечестіемъ. Доказывая, напримѣръ, что „Уставъ Бѣлокриницкій“ не содержитъ въ себѣ никакихъ погрѣшностей, онъ, къ крайнему соблазку Θεодосія, сослался на свидѣтельство перекрещенцевъ, что даже и они не нашли въ уставѣ ничего противнаго истинѣ. Спрашивалъ его Θεодосій и о поданныхъ присоединившимся „вопросахъ“, но вмѣсто какихъ-либо серьезныхъ замѣчаній услышалъ отъ Антонія только неприличную для „владыки“ брань противъ Пафнутія. О „вопросахъ“ имѣлъ онъ рѣчь и съ самимъ Семеномъ Семеновымъ: этотъ съ обычною уклончивостію сказалъ только, что на нихъ пишутся и будутъ написаны отвѣты, которые рѣшатъ всѣ сомнѣнія относительно старообрядческой іерархіи, но какъ рѣшатъ, этого не повѣдалъ. Все это мало-по-малу посылало въ Θεодосіи отвращеніе къ расколу. 23-го іюня, по порученію самого Антонія, онъ смотрѣлъ въ Троицкой елизовѣрческой церкви на торжество присоединенія. Торжество это такъ сильно на него подѣйствовало, что онъ рѣшился войти въ личныя сношенія съ присоединившимися и имѣлъ свиданіе съ Пафнутіемъ, отъ котораго и получилъ объясненіе побужденій расположившихъ его оставить расколъ. Между тѣмъ начались дѣянія пресловутаго московскаго собора. Θεодосій съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣмъ

* Антоній, напримѣръ, поручилъ ему написать на пергаментѣ ставленую грамоту для Савватія. Савватій поставленъ въ епископа Пафнутіемъ Казанскимъ, по порученію Онуфрія, бывшаго тогда предсѣдателемъ духовнаго совѣта (см. приложенный подъ № IV списокъ раскольничьихъ архіереевъ). Θεодосій написалъ грамоту, какъ и слѣдовало, отъ имени Пафнутія. Но Антоній потребовалъ, чтобы грамота была написана отъ его имени, и имя Пафнутія велѣлъ выскоблить, какъ будто онъ именно рукоположилъ Савватія, хотя не принималъ въ этомъ дѣлѣ никакого участія. Этотъ и подобные поступки Антонія внушили Θεодосію глубокое къ нему презрѣніе.

что тамъ дѣлалось. Описанныя нами безобразныя сцены, происходившія во время соборныхъ засѣданій, образъ дѣйствованія самихъ духовныхъ вождей старообрядчества, и особенно ихъ намеренное сознательное уклоненіе отъ истины, нежеланіе выкинуть въ громко заявленныя возраженія противъ самыхъ основаній раскола, разрѣшенія которыхъ ждали отъ собора многіе искренніе старообрядцы, все вообще видѣнное и слышанное имъ на соборѣ,—окончательно разединили его съ расколомъ. Онъ получилъ непреодолимое желаніе бѣжать скорѣе изъ этого общества, гдѣ такъ намеренно закрываютъ глаза отъ истины, и напротивъ, съ такимъ упорствомъ готовы защищать самую очевидную ложь; не медля долѣе, явился онъ прямо въ Чудовъ монастырь и водворился тамъ вмѣстѣ съ прочимъ братствомъ присоединившихся, къ крайнему оторченію Савватія, Антонія и всѣхъ близко знавшихъ его старообрядцевъ.

Вотъ хорошо извѣстный намъ примѣръ того что должны испытать каждый благоразумный и искренній старообрядецъ, внимательно и безпристрастно выкинувъ въ дѣянія послѣдшаго раскольничьяго собора въ Москвѣ.

VI.

Другое, не столь важное впрочемъ дѣло, оставленное соборомъ безъ вниманія,—дѣло о новомъ намѣстникѣ бѣлокриницкой митрополіи. Мы сказали выше, что не задолго до открытія соборныхъ засѣданій въ Москву пріѣхалъ инокъ Алпій съ архимандритомъ Евфросимомъ, котораго онъ представилъ московскимъ покровителямъ митрополіи какъ предназначеннаго намѣстника, а современемъ и преемника Кирилла, ожидавшему, по разказахъ Алпія, близкаго и окончательнаго рѣшенія своей участи; мы замѣтили также, что въ Москвѣ не обнаружили большаго сочувствія къ положенію Кирилла, да и вообще къ настоящимъ плачевнымъ обстоятельствамъ бѣлокриницкой митрополіи; въ назначеніи намѣстника и будущаго преемника Кирилла российское старообрядчество не приняло также особенно живаго участія: дѣло это оставлено было безъ всякаго движенія. Правда, въ знаменитомъ засѣданіи 13-го октября была рѣчь и о Кириллѣ, но вовсе не въ томъ смыслѣ чтобы позаботиться объ устроеніи его участи и упроченіи самой митрополіи; напро-

тѣмъ, сторонники *Окружнаго Посланія* возбудили вопросъ о томъ, какъ бы разорвать всякія связи съ Кирилломъ и съ митрополіей. Пафнуцій Казанскій, Варлаамъ и даже Савватій предлагали составить противъ Кирилла обвинительный актъ по поводу незаконныхъ дѣйствій и притязаній на подчиненіе своему господству россійскаго старообрядческаго духовенства, актъ сей препроводить на разсмотрѣніе къ заграничнымъ епископамъ и настоятельно требовать его исполненія. Въ защиту Кирилла сталъ тогда Антоній: Антонію не Кириллъ былъ дорогъ; для него важно было, что Кириллъ извѣстною грамотой, отъ 28-го сентября 1864 г., призналъ и утвердилъ его, Антонія, въ званіи московскаго архіепископа; если объявить незаконными распоряженія Кирилла относительно іерархическихъ дѣлъ у россійскихъ старообрядцевъ, то легко можетъ случиться, что къ числу такихъ незаконныхъ распоряженій отнесено будетъ и изданіе драгоцѣнной грамоты 28-го сентября. Вотъ почему Антоній и объявилъ себя противъ составленія акта о незаконныхъ дѣйствіяхъ Кирилла, утѣряя, что это произведетъ новый раздоръ въ старообрядчествѣ. О самомъ же Кириллѣ онъ разсуждалъ довольно равнодушно и говорилъ: „не замай бы ужъ онъ совершенно надѣлъ святую схиму;“ и если нужно судить Кирилла, то совѣтовалъ предоставить это дѣло однимъ заграничнымъ епископамъ, а самимъ въ него не мѣшаться. Этими и покончены были всѣ соборныя разсужденія о бласфеміи владыкъ. А между тѣмъ въ концѣ того же октября послѣдовало и рѣшеніе его участи, вовсе не такое грозное какъ проповѣдывалъ Алимпій. Австрійское правительство, вѣроятно, изъ снисхожденія къ слабоумію Кирилла, рѣшило оставить его при должности, съ нѣкоторыми однакоже, очень невыгодными для его власти, ограниченіями, и только взыскать съ него въ видѣ штрафа ничтожную сумму во 100 гульденовъ. 27-го октября Кириллъ уплатилъ эту сумму и кромѣ того 98 гульденовъ и 70 крейцеровъ за комиссію. Въ тотъ же день о всемъ этомъ послалъ онъ телеграфическое извѣстіе въ Москву, какъ надобно думать, въ упованіи получить оттуда вознагражденіе за понесенныя убытки. Въ Москвѣ остались равнодушны къ этому извѣстію и никакого вознагражденія Кириллу не послали. Тѣ времена, когда московское золото въ такомъ обиліи притекало въ Бѣлую-Кривцу, давно миновали, и россійскимъ старообрядцамъ было теперъ не до Кирилла.

Алипію пришлось быть свидѣтелемъ этого крайняго равнодушія старообрядческой Москвы къ судьбѣ митрополіи, для основанія которой онъ повесѣ нѣкогда столько трудовъ, и для которой въ то блаженное время Москва не щадяла своихъ сокровищъ. Мы не думаемъ однакоже, чтобы Алипій слишкомъ сокрушался печальнымъ положеніемъ Бѣлой-Кривицы, котораго, какъ не могъ онъ не понять, нельзя уже никакъ исправить; онъ больше радъ былъ, что успѣлъ вовремя ухъать изъ этой злополучной Бѣлой-Кривицы, и по нѣкоторымъ обстоятельствамъ будучи лишень возможности туда возвратиться, безъ сомнѣнія очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ гостепріимной Москвѣ. А положеніе бѣлокривицкой митрополіи сдѣлалось, дѣйствительно, до крайности плачевнымъ. Нѣсколькими извѣстіями о ней мы и заключимъ нашу статью.

Вся богатая нѣкогда и многолюдная бѣлокривицкая митрополіа, въ изобиліи питавшая каждаго приходящаго старообрядца, въ настоящее время состоитъ изъ нѣсколькихъ безграмотныхъ стариковъ, живущихъ ради насущнаго хлѣба, и этого-то насущнаго хлѣба теперь едва достаетъ для нихъ. Съ оскуднѣніемъ лицъ, которыя пользовались и могли пользоваться уваженіемъ между старообрядцами, оскудѣли и средства монастыря. Неразумное вмѣшательство митрополита въ распри русскіихъ старообрядцевъ изъ-за *Окружнаго Посланія*, поставленіе втораго Антонія и другіе безразсудные поступки пресѣкли главный и почти единственный источникъ монастырскихъ доходовъ—пріиошенія московскихъ и всероссійскихъ благотворителей. Въ маѣ 1865 года сдѣлана была попытка обратиться еще разъ къ этому источнику: отправились для сбора въ Москву два бѣлокривицкіе цюка, Израиль и Геннадій. Такъ какъ Кириллъ состоялъ въ разрывѣ съ защитниками *Окружнаго Посланія*, то пожертвованія разчитаны были исключительно на такъ-называемыхъ „раздорниковъ“, не пріемающихъ *Окружнаго Посланія*. Для вящаго успѣха сборщики взяли даже рекомендательное письмо къ главному агенту этой партіи, извѣстному Ефиму Федоровичу Крючкову, отъ благопріятельницы и другини его, игуменіи Евпраксіи. Евпраксія писала Крючкову, чтобы насчетъ милостыни онъ постарался ради убогихъ старичковъ, что имъ нечего ни пить, ни ѣсть, и что старички бѣлокривицкіе на-

счетъ *Окружнаго Посланія* не виноваты. Но поручая милосердію Ефима Федоровича бѣлокриницкихъ „старичковъ“, Евпраксія въ то же время совѣтовала ему проучить получше одного изъ сборщиковъ, Геннадія, „задать ему выговоръ хорошій“, за то что онъ стоитъ за *Окружное Посланіе* и обвиняетъ владыку Кирилла: „незаконно-де поставилъ онъ новаго Антонія за многія тысячи злата.“ * Крючковъ не обратилъ большаго вниманія на ходатайство матери-игуменьи въ пользу старичковъ; за то совѣтъ ея проучить Геннадія исполнилъ какъ намелъ лучше. По словамъ самого Геннадія, Крючковъ взялъ у него сборную книгу и обѣщался самъ заняться сборами для митрополи, а ему велѣлъ „побыть гдѣ-нибудь потише, чтобы никто не видалъ и не зналъ,“ и послѣ этого „водилъ“ его около двухъ мѣсяцевъ, такъ что несчастный сборщикъ прожилъ и тѣ деньжонки, какія съ нимъ были, а отъ Крюčkова получилъ въ видѣ милостыни 1 р. 50 к. сер. Ничтожную сумму, записанную въ сборной книгѣ, Крючковъ обѣщалъ самъ доставить Кириллу по почтѣ, и конечно

* Геннадію удалось снять копію съ письма Евпраксіи; копію эту послалъ онъ къ Кириллу въ Бѣлую-Кривицу, а оттуда въ непродолжительномъ времени она дошла до насъ. Куріоза ради помѣщаемъ здѣсь это письмо, въ некоторыхъ отношеніяхъ даже довольно любопытное. „Припаду къ Богу вседушно, съ сокрушеннымъ сердцемъ; надѣюсь Богъ помилуетъ меня и избавитъ душу мою отъ работы австрійскія. Да помилуй же меня Богъ отъ австрійскихъ блохъ! Заточили меня на смерть, не могу болѣе терпѣть! Всѣ меня ругаютъ и проклинаютъ, ересеначальницею называютъ, и всячески укоряютъ, всякія злобы шиваютъ, а свое *Окружное* не оставляютъ. Только одинъ владыка (то-есть съ нами). А Микита (сынъ Кирилла) на васъ такой злоб, и доднесъ всячески ругаетъ и укоряетъ, говоритъ: молилъ онъ Бога, что владыка мнѣ не сказалъ что онъ былъ (то-есть въ Бѣлой-Кривицѣ), а вы послали его въ желѣзныхъ сапогахъ, сирѣчь въ кандалахъ, съ пересылкой. Утѣдомая васъ: отправились отъ насъ свидѣншній день о. Израиль съ Геннадіемъ въ сборъ,—можетъ-быть съ симъ письмомъ къ вамъ явятся. Вы, Ефимъ Федорычъ, Бога ради о. Израиля примите и спокійте; онъ меня просилъ, чтобъ я васъ попросила его принять; онъ желаетъ съ вами видѣться: повидите его. Насчетъ милостыни постарайся ради убогихъ старичковъ: не имѣютъ чего пить и ѣсть; они ничего не знаютъ насчетъ *Окружнаго*, они не виноваты. А если будетъ видѣть Геннадія, ему задайте выговоръ хорошій. Обо всемъ онъ съ Сергіемъ за едино; владыка, говоритъ, незаконно посвящалъ епископа Антонія новаго за многія тысячи злата; а за *Окружное* весь настоитъ. Выговорите ему обо всемъ хорошенько. А Израиль не виноватъ; онъ не знаетъ ничего. А если Израиль будетъ у васъ, вы ему про Богородицу не сказывайте, что моя, и другихъ таинъ не открывайте ему, чтобъ онъ не зналъ и не видалъ ничего,—пожалуста сохрани отъ него“....

не доставилъ. * Такимъ образомъ новая попытка одѣлать сборъ въ Россіи осталась безъ успѣха, и сборщики воротились ни съ чѣмъ. Отъ 19-го октября писали изъ Бѣлой-Кривницы, что „митрополія крѣпко обнищала, никакихъ средствъ не имѣетъ.“ „Хоть и прислано было, прибавляетъ корреспондентъ, откуда-то сего года 120 руб. сер., но ихъ Кириллъ уворовалъ (sic), да Никитѣ (сыну) поля покупаетъ. Только 25-го сентября Плотниковъ (хотинскій купецъ) привезъ 500 руб. сер., но и этихъ денегъ не станетъ на уплату однихъ долговъ.“ Вотъ до чего дошла наконецъ пресловутая бѣлокривницкая митрополія!

Но отъ такого положенія митрополіи тѣмъ однимъ только „бѣлокривницкимъ старичкамъ;“ самъ же Кириллъ не самымъ унываетъ. Изъ приведеннаго сейчалъ извѣстія видно, что онъ умѣетъ пользоваться обстоятельствами и обращается въ свою пользу и послѣднія скудныя средства монастыря; притомъ же, въ теченіе своего долгаго святительства, онъ успѣлъ

* Письмо Геннадія къ Кириллу отъ 21-го сентября 1865 г. Предлагаемъ а съ него копію въ дополненіе къ письму Евпраксіи. „Посылаю извѣстіе о моей бытности у Ефима Крючкова. Такой врагъ, что я еще не находилъ такихъ людей коварныхъ, и лестныхъ, и потаенныхъ. Водилъ меня съ 23-го іюля до 18-го сентября; которые шлѣзъ при себѣ рублей 30, то все стратилъ, а отъ него получилъ 1 р. 50 к. И не давалъ мнѣ ходу никуда. По полученіи моей книжки, съ 23-го іюля, все говорилъ: ты кой-гдѣ побудь потише, чтобъ никто не видалъ и не зналъ, а мы сберемъ денегъ сами до 1-го сентября. Я къ нему прибылъ 1-го сентября и съ великимъ трудомъ книжку отыскалъ и отобралъ; а денегъ по книжкѣ они собрали 88 р. сер.; мнѣ ихъ не отдали,—говорить: пошлемъ сами почтой. А мнѣ сказалъ: иди, собирай, гдѣ хотишь. И я съ нимъ поспорилъ, что книжку держалъ два мѣсяца, а ничего нѣту собраннаго. Владыка святыи! Эти крамольники такіе безсильные и бездежные; если на нихъ надѣяться, то наши старики всѣ помрутъ съ голоду, и мѣсто разорится и запустѣетъ. А Ефимъ постарался бы, есaubъ игуменья пріѣхала, отъ всей возможности и леталъ бы аки орелъ; а безъ ней онъ ходитъ очень дряхлъ и унылъ, едва ноги таскаетъ. Какъ сказываютъ его домашніе, прошедшій годъ, когда съ нею пріѣхалъ, леталъ аки безумный, или какъ бѣшеный песь.... Всего было довольно, поилъ и кормилъ, каждый день почти леталъ отъ него въ городъ за всякими припасами для кушанья; а она въ домѣ распорядилась какъ какая графинья (sic): свѣту домашніе не видали, было замучились бѣгамши около ней. Говорятъ будто Ефимъ собралъ денегъ на митрополію и отвезъ 12.000 серебра. Теперь онъ домъ строить себѣ какъ какой милліонщикъ. Домашніе догадываются, что игуменья тамъ будетъ жить съ нимъ.“

„Еще посылаю вамъ съ игуменьина письма копію,—которые она послала къ Ефиму кляузы на Никиту и на прочіихъ.“

порядочно себя обезпечить, и можетъ спокойно поживать себя, окруженный влчатами, особенно теперь, такъ легко отблавшись отъ отвѣтственности предъ австрійскимъ правительствомъ по послѣднему слѣдственному дѣлу. И о чемъ умиать ему въ самомъ дѣлѣ? Пасека есть, фасолу уродилося много, есть гдѣ и отдохнуть, есть что и поработать. Чего же еще ему? А что распадается митрополія, что раздоры и соблазнительныя распри до основанія поколебали старообрядческую іерархію и самое старообрядчество, до этого какое ему дѣло? Любопытно, дѣйствительно, съ какимъ равнодушіемъ принялъ онъ извѣстіе о присоединеніи къ церкви такихъ близкихъ къ нему лицъ какъ его намѣстникъ и архидіаконы и другія священныя лица изъ его собственной обители. Какъ истый, самый непосредственный раскольникъ, онъ въ минуту порѣшилъ, что всѣ эти лица стали отступниками, еретиками, и думать о нихъ больше нечего. * Разъ шлъ онъ слѣдующій разговоръ о присланныхъ въ Бѣлую-Криницу „вопросахъ“ присоединившихся, которые, не обинуясь, называлъ еретическими. Ему возразили: „почему онъ еретическія?“

— А такъ же, отвѣчалъ Кириллъ: — они теперь сами еретики, и вопросы еретическіе.

— Я такъ полагаю, замѣтилъ собесѣдникъ, — они какіе бы ни были, а вопросы изъ Священнаго Писанія, да изъ самаго Евангелія, еретическими не могутъ быть.

— Да какъ же, отвѣчалъ Кириллъ, — хоба (развѣ) апостолы такую вѣру проповѣдывали, какую они проповѣдуютъ? Апостолы не Никонову вѣру проповѣдывали, а нашу какъ мы вѣруемъ... **

При такихъ убѣжденіяхъ, или лучше при такой изумительной наивности, бѣлокриницкій владыка не смутится, конечно, никакими пораженіями, наносимыми расколу, и съ

* Большинство Липованъ судятъ о присоединившихся такъ же какъ и владыка ихъ. Вотъ что писали объ этомъ изъ-за границы къ одному изъ присоединившихся: „О вашемъ присоединеніи Липоване говорятъ, что погибли и отпали, пошли въ хохлы; однако и на Кирилла возлагаютъ вину, говорятъ: „еслибы митрополитъ велъ порядку, то бы они не присоединялись. А по прочтеніи брошюръ („вопросовъ“ и другихъ книжекъ, посланныхъ въ Бѣлую-Криницу) говорятъ, что мы все-таки будемъ жить какъ наши старики жили, а отчасти есть и совѣстятся насчетъ іерархіи“.

** Письмо изъ-за границы отъ 25-го ноября 1865 года.

полнымъ равнодушіемъ перенесеть даже совершенное распаденіе и митрополіи, и іерархіи, если только доживетъ до этой вождедѣнной поры.

Но другіе не такъ равнодушны къ ожидаемымъ невгодамъ и спѣшатъ заблаговременно выбраться изъ цвѣтущей нѣкогда Бѣлой-Кривицы. Алупіи, какъ мы сказали, не помышляетъ о выѣздѣ изъ Москвы; о благовременномъ переселеніи въ московскіе предѣлы позаботилась также и мать-игуменія Евпраксія. Не даромъ писала она Крючкову о своемъ желаніи избавиться „отъ работы австрійскія;“ не даромъ и Ефимъ Федорычъ строилъ у себя просторныя палаты: опасенія его домашнихъ, что эти палаты назначаются для жительства матушкѣ Евпраксіи, были вполнѣ основательны. Евпраксія забрала всѣ сколько-нибудь цѣныя монастырскія иконы, парчу, деньги, и 22-го августа неожиданно скрылась изъ Бѣлой-Кривицы вмѣстѣ съ своею воспитанницею, десятилѣтнею послушницею Еленой, и съ другою молодою инокиней. Были слухи, что ее остановили со всѣми ея пожитками на австрійской границѣ; но слухъ оказался несправедливымъ: она прибыла благополучно не только въ русскіе предѣлы, но и въ собственныя владѣнія Ефима Федоровича. Здѣсь однакоже не пришлось ей долго наслаждаться плодами трудовъ, понесенныхъ ею „во время австрійскаго плѣна;“ по послѣднимъ извѣстіямъ, она недавно скончалась, и Ефимъ Федоровичъ въ настоящее время оплакиваетъ эту горькую потерю...

Н. СУБОТИНЪ.

Декабрь, 1865 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Посланіе Кирилла къ Антонію второму.

„Кириллъ Божією милостію архіепископъ бѣлокриницкій и всѣхъ древаеправославныхъ христіанъ митрополитъ.

„Пресвященный епископъ, по духу святому возлюбленный брате и сослужителю нашея мѣрности господине Антоніе, благодать буди твоему пресвященству и миръ отъ Бога, и да умножитъ Господь Богъ дѣла живота твоего, и утвердитъ тя въ вѣрѣ твердѣ и непоколебимѣ, еже исправляти слово своея истины. Возлюбленный брате, боголюбивый епископъ Антоній, вѣнши глаголы сего моего завѣщанія и приими сію ю исполненіе, не токмо слухомъ, но и дѣломъ потщися исправити, да будешь добрый дѣлатель винограда Христова, по реченному, приѣмшему 10 мѣсясъ; рече Господь: на кого воззрю? на кроткаго, и смиреннаго, и трепещущихъ словесъ моихъ: яко всякъ возносяся смирится, и смиряйся вознесется. Да будетъ смиреніе твое, еже пребывати въ любви не лицемеряи со всѣми нашими единоувѣрными боголюбивыми епископы, а наипаче, аще пригласятъ тебя съ прочими священными лицами на московскій соборъ, то не откажитесь отъ онаго собора и примиритесь съ архіепископомъ Антоніемъ. Докогда сія вражда будетъ между вами? Да будешь подчиненъ архіепископу Антонію; сотвори по Господню словеси: хотяи въ вѣсь болѣи быти да будетъ всѣмъ рабъ и слуга, и Господь, явля твое смиреніе, превознесетъ тя паче всѣхъ; да во время божественнаго служенія божественными литургии призовемъ Святаго Духа чистымъ сердцемъ, да совершаемъ жертву чисту, непорочну и богопріятну, еже приметъ Господь Богъ въ пренебесный свой жертвенникъ. Безъ любви же ничтоже пользуетъ; иссуши плоть свою аки мѣдъ звѣнящую, или аки кимвалъ звяцающа, и аще имамъ всю вѣру яко и горы представляти, и аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще продамъ тѣло мое во еже сожещи е, любви же не имамъ, на коея пользы ни есть; любы долготерпѣть, милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своя си, не раздражается; и пакы: бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, утверждайтесь, вся вамъ любовію да бывають. Докогда будетъ въ поношеніи святая и непорочная древаеправославная Христова церковь? Единъ другаго порицають еретиками, жидами, и единъ другаго проклятію предають, еже страшно слышати, что единыя матери св. церкви сынове раздѣляются на двое, чрезъ *Окружное Посланіе*, за которое

заповѣдано вамъ всѣмъ православнымъ христіанамъ, чтобы оное и въ помыслѣ вашемъ не имѣлось бы; но единъ Богъ едина вѣра, едино крещеніе, и вѣровати подобаетъ во едину соборную и апостольскую церковь; понеже сынове единыи матери святой церкви и хиротомисаніе единого пастыря Ісуса Христа и божественной благодати Святаго Духа, то по что порицать единъ другаго еретиками? Вамъ самимъ не безызвѣстно, что чрезъ сіе наше неустройство начали малодушнѣи отъ вѣры отступать, которые обратились въ свою ересь, которые въ безпоповцы, которые священства нашего не стали принимать; смотрите: кто ихъ погибели будетъ виновенъ? да не како чрезъ наше неустройство въ день испытанія възвѣщеть праведный Судія отъ нашей руки души овѣхъ человѣкъ? Но потчимся исправити себе; молю и прошу васъ всѣхъ единовѣрныхъ, — сотворите между собою любовь и помиритеся. Итакъ, по реченному: тако да просвѣтитя свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ. Пагубнѣе же всего гордость; гордость же есть отъметаніе Бога. Иже аще соблазнитъ единого отъ малыхъ сихъ вѣрующихъ въ Мя, доброе есть ему паче аще обложить камень жерновный о выи его, и вверженъ будетъ въ море. Добро соль, аще же соль не слава будетъ, чимъ осолится? Имѣйте соль въ себѣ и миръ имѣйте между собою, да и Богъ съ вами пребудеть. Святѣи апостоли не искали славы отъ человѣкъ, но всею сердечною мыслію упованіе имѣли на будущую славу въ ономъ некончаемомъ вѣцѣ; тако и насъ наслѣдники по себѣ оставиша.

„Итакъ да будутъ милости великаго Бога и Спаса нашего Ісуса Христа со всѣми вами, аминь.

„Итакъ вся вышенаписанная заповѣдаю и увѣряю своеручнымъ подписомъ и своею святительскою именной печатью.“

На подлинномъ подписано: „Смиренный митрополитъ Кирилль, августа 2-го 7373 года (1865).“

„Бѣлокриницкая митрополія.“

II.

Мнѣніе казанскаго общества.

„Казанское старообрядческое общество честь имѣеть заявить освященному собору свое мнѣніе, на какомъ основаніи должно усовершенствоваться въ Россіи церковно-іерархическое управленіе:

„1. Устроить въ Москвѣ свое независимое отъ бѣлокриницкой

„3. Какъ московскій, такъ и прочіи епископы знали бы только свою епархію, а до чужихъ не касались.

„4. Священники понимали бы свое значеніе и во всемъ повиновались своимъ мѣстнымъ епископамъ, безъ дозволенія коимъ отнюдь не дерзали бы служить или учить народъ въ чужой епархіи.

„5. О каждомъ имѣющемъ производиться въ священныя степяи непременно наводить справки: гдѣ родился? гдѣ воспитывался? не состоитъ ли подъ судомъ? не на рекрутской ли очереди? и не долженъ ли кому? Если же по справкамъ окажется, что находится подъ судомъ, или на рекрутской очереди, и такъ далѣе, таковыхъ безъ освобожденія отъ выписанныхъ вины отнюдь не хиротонисать.

„6. Хотящихъ постригаться въ иноческій чинъ подробно спрашивать: имѣетъ ли законный паспортъ? не подъ судомъ ли? не на рекрутской ли очереди? не оставилъ ли безъ призванія престарѣлыхъ родителей или дѣтей малолѣтнихъ? и по согласію ли жены? Если же окажется за ними предъявленная вина, таковыхъ не постригать.

„7. Въ священнополюки безъ мѣста не производить, и безъ нужды не посылать ихъ къ мірскимъ приходамъ.

„8. Церковное богослуженіе чтобы вездѣ одинаково совершалось согласно чиноположеніямъ и уставамъ, изложеннымъ въ книгахъ 10-лѣта Іосифа патріарха московскаго и всей Россіи.

„9. Архимандриты, игумены и настоятели монастырей, или скитовъ, чтобы никакъ не оставляли своихъ иноческихъ пастей, и не отлучались бы отъ нихъ по житейскимъ призывамъ; но развѣ когда ихъ потребуютъ святители на соборъ по церковнымъ дѣламъ, то и тогда непременно имѣли бы отъ своихъ епископовъ какъ отпускныя, такъ и довѣрительныя грамоты, а безъ оныхъ чтобы въ чужихъ епархіяхъ отнюдь не священнодѣйствовали.

„10. Какъ священники, такъ и иноки безъ грамоты своего мѣстнаго епископа не бродяжничали бы и самочинно не переходили съ мѣста на мѣсто, но всякій зналъ бы свой предѣлъ.

„11. Не позволять инокамъ жить въ міру, но чтобы всегда находиться въ монастырѣ или скитѣ; въ случаѣ же надобности испрашивать у своего мѣстнаго епископа грамоту, свѣдѣтельствующую о нуждѣ, а безъ оной считать за бродягу, ослушника и непокорника церкви.

„12. На всѣ вышесказанные пункты выставить священныя

III.

„Освященному всероссійскому собору отъ депутатовъ разныхъ христіанскихъ обществъ, собравшихся въ царствующемъ градѣ Москвѣ, заявленіе.

„Мы нижеименованные разныхъ градовъ великой Россіи жители, слышавше непохвальное раздѣленіе, раздоръ же и возмущеніе, чинимое между христіанымъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, потщахомся собраться съ христіанскою ревностію ко успокоенію народнаго возмущенія и по крайнему нашему разумнаю заявляемъ освященному всероссійскому собору: 1) Господь нашъ Ісусъ Христосъ, пречистыми своими усты во святомъ Евангеліи къ своимъ апостоламъ и ихъ приемникомъ глаголетъ: слушай васъ, Мене слушаетъ....

и апостолъ: помните наставники ваша, ихъ же взирающе на скопчаніе жителства, подражайте вѣры ихъ. Изъ числа таковыхъ приемниковъ и наставниковъ мы имѣемъ первопрестольнаго высокопреосвященнѣйшаго митрополита киръ Амвросія, который доблественнѣ претерпѣ за исповданіе истинны долговременное заточеніе. Сей верховнѣйшій архипастырь, отходя свѣта сего въ вѣчную жизнь, за три дня до блаженной кончины своея, призналъ воѣ соборныя постановленія освященнаго всероссійскаго собора 1863 года законными, между коихъ и изверженіе Софроніево и прочіихъ. 2) Перваго преслушника архипастырскаго завѣщанія мы видимъ господина Кирилла митрополита, который не послушалъ гласа его и чрезъ свои распоряженія чинилъ и чинитъ церковное возмущеніе. Онъ хотя на время было и примирился со всѣми боголюбивыми епископы, но подущаемый отъ небратолюбцевъ въ горшее развращеніе уклонися волею, и на раздоръ и раздѣленіе св. церкви произведя беззаконно на мздѣ ушедшаго безъ благословенія своего отца, новаго кивика Антонія, наименовалъ его московскимъ. Когда же слѣдственная коммиссія спросила его, дѣйствительно ли онъ поставилъ во епископа новаго Антонія, онъ отказался, что никакого Антонія не знаетъ и не посвящалъ. Итакъ, неблагословеніе и клятва преосвященнаго Амвросія падаетъ на главы обоихъ, поставшаго и поставленнаго, яко на попирающихъ священныхъ канонѣвъ и раздоръ и раздѣленіе гонящихъ во святѣй церкви; посему убо слушать и повиноваться распоряженіямъ Кирилла не спасительно и душепагубно есть. 3) Раздоръ и возмущеніе происходятъ изъ личностей пріостекающихъ отъ славолюбія, сластолюбія и сребролюбія,

отъ нихъ же и искови веіа паденія быша: славолюбіа бо ради Адамъ изъ райа изгнавъ бысть; сребролюбіа же ради Іуда предаде Господа. Къ тому же, отъ неиспытаній Священныхъ Писаній, иудѣи бо ниже слышати хотятъ о Писаніи, но по своихъ волахъ ходяще избираютъ себѣ учителей и отъ истины слухъ отвращаютъ, и самогнѣиємъ водятся. Паче же всего неправильное дѣйствіе и незаконныя распоряженія слабоумнаго Кирилла митрополита возмущаютъ простодушныхъ христіанъ и приводятъ въ разстройство; при всемъ же томъ наводятъ укореніе на церковь, позоръ нашему духовеству, досаду же и поношеніе всѣмъ намъ отъ ненавидящихъ насъ. Во избѣжаніе сего просимъ васъ, о освященный соборъ, не разчитывать на личности: всѣмъ бо намъ есть умерети и всѣмъ явитися подобаеъ предъ судищемъ Христовымъ;—и не безъ основанія Священнаго Писанія и церковныхъ канонѠвъ чѣдѣйствовати: за неже вопреки Писанія мудрствующи и творящии чѣд испадаютъ отъ праваго пути и впадаютъ въ пропасть погубеліи. Паче же всего неотложно должно прінять мудрыя мѣры, освободить изъ подъ вліанія таковаго непостояннаго пастыря русскую церковь и не принимать никакихъ распоряженій чужеземнаго архіерея, который не украшаетъ церковь, а посямляетъ ю и заставлетъ добросовѣстныхъ людей краснѣть предъ цѣлымъ свѣтомъ и быть безответными. 4) Мы желаемъ мира церковнаго, помира неповреждающаго истины, ибо не вездѣ миръ и соединеніе—добро, но есть егда и раздѣленіе похвально: егда бо миримся о разрушеніи истины превредно есть и неподобно зѣло. Тѣмъ же и просимъ освященный соборъ не быти двоедушнымъ, но постояннымъ во истинѣ. Понеже апостолъ и діакону завѣщаетъ не двоесловду быти; епископомъ же повелѣваетъ проповѣдати слово благовременнѣ и безвременнѣ, и пособствовать къ вѣрнѣмъ словеси ученія, а противящихся обличати, и запрещати, и уста ихъ заграждати; вся же дѣлати на основаніи священныхъ канонѠвъ и святоотеческихъ событій. 5) ИзвѣстнѠ цѣлому свѣту, что церковь наша, руководяся Священнымъ Писаніемъ и святоотеческими событїи, въ церковной исторїи обрѣтающимся, молитвы и приношенія (то-есть 5-ю просфору) за богопоставленныхъ царей приносить неизмѣнно; но къ прискорбію здравомыслящихъ произрекоша мнимо-ревнителіе, подражатели древней галилейской ереси, чинящїе раздоръ и возмущеніе во святой церкви: таковы суть гуслицкіе попы, которые письменнѠ освященному собору 1863 года заявили, что они не хотятъ приносить 5-ю просфору за царя. Просимъ насъ не оставить безъ вниманія сіе дѣло, какъ важное и необходимое; постарайтесь обыскать и указать кто первый началъ таковое страшное и неслыханное ученіе, и внушите всѣмъ освященнымъ, что оно при всей незаконности сопряжено съ опасностію, влекущею за собою губельныя слѣдствїа, и потщитесь соборнѣ сдѣлать о семъ постановленіе и пре-

дать церкви въ руководство, дабы нововозникающая галилейская ересь не имѣла мѣста во святой церкви, которая въ самомъ ея началѣ не должна да восторгнется и потребится. Въ заключеніе же сего молимъ васъ, не взирая на лица, праведный судъ судите, вѣдаяще извѣстно, яко достоинство лицъ не пріемлется егда о истинѣ слово будетъ, и ничтоже творяще по челоуѣкоугожденію, понеже Богъ разсыплетъ кости челоуѣкоугодниковъ. Потщитесь вразумить неразумныя словомъ истины, наказати безчинныя жезломъ страха Господня, умирити немрныя церковными законоположеніи, вложите бразду въ челюсти ихъ и камень молчанія во уста ихъ. Аще ли не послушаютъ наказанія вашего, оставьте ихъ суду Божію и не восхощите погибнути съ ними. Но послушныхъ сыновъ святой церкви руководяще и наставляюще на зацѣ божественныхъ писаній и на заповѣдяхъ закона живоноснаго, среднимъ царскимъ путемъ шествующе и неуклоняющесе ни на десно, ни на лѣво, послужите образцомъ будущимъ по васъ пастырямъ, и память ваша пребудеть въ роды родовъ, даже до явленія славы великаго Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа. И тогда явльшуся пастырей начальнику пріимете неувядаемый славы вѣнецъ въ царствіи Его. Въ полной надеждѣ на ваше святительское вниманіе на наше общее заступленіе, и съ истиннымъ къ вамъ уваженіемъ и со страхопочитаніемъ, пребываемъ послушная ваша о Христѣ чада, требующія вашего архипастырскаго благословенія.

„Депутаты разныхъ христіанскихъ обществъ.“

„Царствующій градъ Москва,
„Октября дня 1865 года.“

IV.

Списокъ раскольничьихъ архіереевъ 1846—1865 г.

1. Амвросій митрополитъ бѣлокриницкій; принятъ въ расколъ 28-го октября 1846 г.; умеръ 30-го октября 1863 г. въ г. Цилли, раскаявшись въ своемъ отступленіи отъ православія; погребенъ въ Триестѣ, на православномъ греческомъ кладбищѣ.
2. Кириллъ епископъ майносскій, потомъ митрополитъ бѣлокриницкій; поставленъ Амвросіемъ 6-го января 1847 г.
3. Аркадій архіепископъ славскій и всѣхъ задунайскихъ старообръческихъ обществъ; поставленъ Амвросіемъ 24-го августа 1847 г.; взятъ во время войны съ Турками въ 1854 г. и содержится въ Суздальскомъ Спасскомъ монастырѣ.
4. Онуфрій епископъ браиловскій, намѣстникъ бѣлокриницкой митрополіи; поставленъ Кирилломъ 29-го августа 1848 г.; присоединился къ православной церкви, на правахъ единовѣрія, съ сохраненіемъ иночества, 23-го іюля 1865 г.
5. Софроній епископъ симбирскій; рукоположенъ Кири-

домъ 4-го января 1849 г.; за разныя противозаконныя дѣла соборомъ раскольничьяго духовенства въ 1861 г. и вторично 1863 г. изверженъ изъ сана.

6. Алимпій епископъ тульчинскій; поставленъ 27-го сентября 1850 г. Аркадіемъ Славскимъ при соучастіи Онуфрія; взятъ въ 1854 г. вмѣстѣ съ Аркадіемъ и умеръ въ Суздальскомъ Спасскомъ монастырѣ.

7. Виталий епископъ уральскій; поставленъ Софроніемъ; за сѣвотою отъ должности уволенъ.

8. Автопій первый, архіепископъ владимірскій и потомъ московскій; поставленъ Кирилломъ 3-го февраля 1853 г.

9. Израиль, возведенный Софроніемъ въ санъ патріарха всея Руси, подъ именемъ Іосифа; по причинѣ неправильнаго возведенія изверженъ изъ сана; умеръ въ Уральскѣ.

10. Аркадій епископъ странствующихъ христіанъ (омъ же Славскій), ексархъ Некрасовцевъ; поставленъ въ 1854 г. славскимъ архіепископомъ Аркадіемъ.

11. Спиридоній епископъ новозыбковскій; поставленъ Кирилломъ 17-го февраля 1853 г.; 23-го числа того же мѣсяца и года за оказавшійся подлогъ въ документахъ лишенъ сана; умеръ въ Мануиловскомъ скиту 12-го января 1854 года.

12. Аркадій архіепископъ наслуицкій; поставленъ Кирилломъ 22-го августа 1854 года.

13. Ковонъ епископъ новозыбковскій; поставленъ Кирилломъ 20-го октября 1855 г.; взятъ правительствомъ и содержится въ Суздальскомъ Спасскомъ монастырѣ.

14. Аванасій епископъ саратовскій; поставленъ Антоніемъ въ 1855 году; умеръ въ 1865 году, 8-го марта.

15. Іовъ епископъ кавказскій; поставленъ Антоніемъ 5-го октября 1855 г.

16. Геннадій епископъ пермскій; поставленъ Антоніемъ 9-го января 1856 г.; взятъ и содержится въ Суздальскомъ Спасскомъ монастырѣ.

17. Пафнутіи епископъ казанскій; поставленъ Антоніемъ 10-го января 1856 года.

18. Пафнутіи епископъ коломенскій; поставленъ Антоніемъ 20-го сентября 1858 г.; присоединился къ православной церкви, на правилахъ единовѣрія, съ сохраненіемъ инокства, 23-го іюня 1865 года.

19. Варлаамъ епископъ балтовскій; поставленъ Антоніемъ 15-го октября 1859 года.

20. Іустинъ епископъ тульчинскій; поставленъ Онуфріемъ, по порученію Кирилла, 22-го мая 1861 г.

21. Савватій епископъ тобольскій, посвященъ Пафнутіемъ Казанскимъ, по порученію Онуфрія, 6-го декабря 1862 г.

22. Константинъ епископъ оренбургскій; поставленъ Пафнутіемъ Казанскимъ 8-го декабря 1862 г.; взятъ въ 1864 г. мая 4-го и содержится въ заключеніи.

23. Сергіи епископъ тульскій; поставленъ Кирилломъ въ

вился къ церкви, на началѣ единоверія, съ соблюденіемъ
иночества, 21-го іюля 1865 года.

24. Автоній второй, епископъ московскій, поставленъ Ки-
рилломъ въ Соколицяхъ (въ Буковинѣ) 24-го іюля 1864 года.

Итакъ, отъ 1846 до 1865 года у раскольниковъ было двад-
цать четыре архіерея; изъ нихъ десять по сіе время нахо-
дятся при своихъ мѣстахъ; изъ остальныхъ четырнадцати
трое присоединились къ православнои церкви, четверо содер-
жатся въ заключеніи, пятеро умерли, одинъ по суду лишенъ
епархіи и одинъ оставилъ должность за болѣзнію.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

СЕРГѢЯ НИКОЛАЕВИЧА ГЛИНКИ.*

(отъ 1775 до 1800 года.)

Я родился 1775 года юля 5-го, Смоленской губерніи, Духовщинскаго уѣзда, въ селѣ Сутокахъ, въ семи верстахъ отъ Чижева, родины бѣднаго шляхтича Потемкина, который, подъ бластательнымъ именемъ князя Таврическаго, гремѣлъ замыслами ума парящаго, и говоря словами Державина: „былъ могущъ, хотя и не въ порфирѣ.“

Послѣ 1812 года, въ первый разъ, въ половинѣ 1833 года, посѣтилъ я родину свою. Измѣняется жребій обширныхъ областей, измѣняется жребій и малыхъ поземельныхъ участковъ. Родина моя теперь въ постороннемъ владѣніи; но я видѣлъ слѣды праотцевъ моихъ, я видѣлъ липы, вязы и дубы насажденные рукою праѣда моего по матери, Федора Александровича Каховскаго. Я сидѣлъ подъ тѣнью сихъ деревьевъ, осылавшихъ нѣкогда юными, роскошными вѣтвями своими веселые кружки пировавшихъ друзей и родныхъ, а теперь грустно, уныло отжившихъ въ одиночествѣ безмолвномъ. Я сидѣлъ подъ ними и вспоминалъ, что праѣлъ мой былъ радушнымъ *патріархомъ* родныхъ, другомъ бѣдныхъ, примирителемъ сосѣдей по спорамъ поземельнымъ, посаженнымъ отцемъ, восприемникомъ. Видѣлъ я и сельскій деревянный храмъ, гдѣ въ теченіи девяности лѣтъ привосиалась жертва Богу любви и милосердія. Прошумѣлъ около него вихрь

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1865 г. № 9.

нашествія, но не коснулся въ стѣнахъ его ни святыни, ни утварей церковныхъ; все осталось какъ прежде было: нѣтъ теперь только тѣхъ кто тамъ бывалъ; но тамъ ихъ прахъ.

Надъ колыбелью новаго пришельца въ міръ, въ очахъ матери и отца, надежда, подруга жизни, сыплетъ мечты радующія сердца. Виталъ этотъ призракъ и надъ моею колыбелью; мнѣ сказывали, что въ ясный юльскій день моего рожденія, надъ колыбелью моею взвилася рой пчелъ, прилетѣвшій съ садовыхъ травъ и цвѣтовъ. Изъ этого выводили, что какая-нибудь необычайность промелькнетъ въ моей жизни. А я примѣняю рой пчелъ къ тѣмъ заботамъ, которыя давнымъ-давно роятся надъ головою моею.

Говорятъ, что дворянство есть тѣнь великихъ людей. Не стану доискиваться на какой степени послѣ перваго нашего праотца улеглась тѣнь дворянства предковъ моихъ, или въ какой дали теряется она. По ходу времени, взявъ я на-лицо свою новую грамоту въ силу рескрипта, даннаго мнѣ 1812 года Александромъ I. Знаю только, что предки мои—потомки тѣхъ Глинокъ, которые, по словамъ короля Владислава, оказали многія услуги Рѣчи Посполитой. Достоверно и то, что Сигизмундъ и сынъ его Владиславъ за какія-то особенныя заслуги жаловали Глинокъ и почетными грамотами, и помѣстьями въ Смоленской области. Слышалъ я тоже, что въ Польшѣ есть поколѣвіе Глинокъ-графовъ, намъ родственное: такъ ли это или нѣтъ, не знаю. Упомяну только, что изъ записокъ Михаила Огинскаго явствуетъ, что имя Глинокъ существуетъ въ прежней ихъ отчизнѣ, и что 1815 года кастелянъ Николай Глинка былъ въ числѣ членовъ новаго правленія. Впрочемъ, если дѣтямъ моимъ понадобится вѣковая грамота, они и теперь ее выхлопочутъ, а мнѣ она не нужна: *я иду на всемірную перекличку.*

Отецъ мой служилъ въ молодости въ гвардіи. и по выходѣ

скую и великолѣпную карету. Домоводство цвѣло изобиліемъ подъ животворнымъ надзоромъ хозяйскимъ. Рѣшительно можно сказать, что роскошь стѣснила въ Россіи состояніе крестьянъ пахотныхъ и оброчныхъ. Не удружили дворянству и банки заемные, и ломбарды. Екатерина II хотѣла ими исторгнуть недостаточныхъ дворянъ изъ челюсти безбожнаго ликумства и доставить имъ легкое средство оправляться въ случаѣ неурожаевъ, пожаровъ, скотскаго падежа и другихъ непредвидимыхъ бѣдъ. Но роскошь, засѣвшая въ новоучрежденныхъ городахъ, вринула большую часть заемщиковъ въ бездну пышности и безумнаго мотовства. Никогда и нигдѣ не занимая, отецъ мой, въ кругу ограниченныхъ желаній, былъ добрымъ помѣщикомъ. Радужно дѣлился онъ хлѣбомъ-солью со всѣми, и готовая къ помощи рука его сзывала бѣдныхъ сосѣдей къ участию въ избыткахъ его. Отъ прилива и отлива частыхъ гостей, Сутокскій нашъ домъ названъ былъ *несгѣзѣшимъ дворомъ*. Заторопленный наѣздомъ гостей, отецъ мой, завидя спускавшіеся съ горы возки и колымаги, сердито иногда вскрикивалъ на родительницу мою: „Вотъ, матушка, родные твои мнѣ отбою не даютъ!“ Но когда надѣвъ сюртукъ поварядѣе, выбѣгалъ на крыльцо, когда встрѣчалъ и пріѣтствовалъ гостей, и когда сельскій нашъ заговала, Кулешъ, прицѣлясь ладонью къ щекѣ, звонко затягивалъ: „*Вспомни, вспомни мой любезный!*“—тогда подлинная или жнимая досада исчезала съ лица его. Отецъ мой страстно любилъ музыку и хорошо игралъ на флейтѣ. Въ весенніе вечера онъ выходилъ на крыльцо, и звукамъ его флейты вторилъ голосъ соловьевъ, разливавшійся въ прибрежныхъ и приозерныхъ кустахъ.

Глубокая чувствительность удваивала земное бытіе родительницы моей, а душевная ея набожность переносила мысль ея въ міръ духовный. Суевѣріе не волновало ея ума. Выказывались иногда порывы пылаго ея нрава, но это была только тѣнь на свѣтлой ея жизни. Вдовы и сироты называли ее

Домашнія наши варенья, коврижки, сыры и живность славились при дворѣ Екатерины и на столахъ нашихъ петербургскихъ знакомыхъ. Однажды родители мои получили слѣдующее письмо отъ Л. А. Нарышкина: „Всѣ присланныя вами коврижки разошлись на домашнемъ подчиваньи; а потому, чтобы быть позапасливѣе, прошу васъ заготовить мнѣ тысячу коврижекъ съ моимъ гербомъ, котораго и прилагаю рисунокъ. Изъ этой тысячи удѣлю только двадцать Г. Р. Державину за его хорошіе стихи. Онъ большой лакомка, а васъ отблагодаритъ своею поэзіей.“ Этотъ гостинецъ былъ тотчасъ отправленъ. Въ нашей кладовой кадки съ липцомъ и медомъ были безвыходно. Раздолье было тогда это житье сельское! Казалось, что сама природа спѣшила отдарить за то что съ нею жила и ближе, и дружнѣе.

Державинъ не остался въ долгу. Онъ прислалъ къ отцу моему стихи, изъ которыхъ помню четыре послѣдніе:

„Дѣлажъ у насъ—святое дѣло,
Дѣлася всѣмъ что Богъ послалъ,
Мнѣ жь кстатѣ! лакомство послѣло,
Фелицу я тогда писалъ.“

И князь Таврической, нашъ сосѣдъ, посылаалъ къ намъ за липцомъ и на обмѣнъ присылаалъ сабли и турецкіе кинжалы въ богатой оправѣ.

Кромѣ того, всякаго рода варенья и закуски отправлялись и къ Матвѣю Федоровичу Кашталинскому, слышшему тогда *смоленскимъ милостицею*. Матвѣй Федоровичъ отдаривалъ или золотыми часами, или бриллиантовыми перстнями, или чѣмъ другимъ. Но дѣло не въ этомъ. По особенному ли порученію Екатерины, которая сама признавалась, что невзирая на устройство ея судовъ, все еще нужно ѣздить въ Петербургъ для покровительства, * или по внушенію князя Потемкина, уроженца смоленскаго,—Кашталинскій былъ ходатаемъ за всѣхъ просителей, прѣзжавшихъ изъ Смоленска по дѣламъ въ Петербургъ. Отбравъ записки, онъ спѣшилъ въ сенатъ и къ генералъ-проку-

ныхъ дворянъ и другихъ сословій. У насъ не было своихъ таѣбъ. Халяпы за бѣдныхъ такая была для моего отца отрада, что онъ никогда не отказывался просить и помогать нуждающимся. Наступалъ срокъ масляницы, и нѣсколько возовъ нагруженные четвертями ржи и рыбою изъ Сутокскаго озера, съ прибавленіемъ масла и сыра, отправлялись къ немущимъ сосѣдямъ на заговенье. Сутоки наши процвѣтали: крестьяне знали, что ихъ не закладывали и не стѣсняли. У русскихъ крестьянъ и смыслъ и взглядъ зоркій. И у нихъ есть живое внутреннее чувство, одушевляющее ихъ и въ жизни, и въ трудахъ, если только и то и другое родится съ семейнымъ ихъ благомъ. Они знали, что родители мои не любили мотать и роскошничать въ стоаицы. Знали также, и убѣждены были наши крестьяне, что ни безъ очереди, ни въ очередь рекрутскую, никого изъ нихъ не продадутъ на сторону ни за *горы золотыя*. А водились и близъ насъ торговцы, которые промышляли:

„Искусно въ рекруты торгующи люди.“

Зналъ я одного изъ этихъ промышленниковъ. Скупая люлей, онъ развозилъ ихъ по дальнимъ губерніямъ и тамъ распродавалъ ихъ. Зналъ я его, и видѣлъ какъ гнѣвная рука Провидѣнія съ корня сорвала родное его попелище. Зналъ я и другаго нашего сосѣда, который съ какимъ-то железомъ волшебнымъ, то-есть: то откупами, то рытьемъ канавъ по дорогамъ, то съ помощію другихъ сѣлокъ подрядныхъ,—отъ тридцати пяти душъ дошелъ до шести тысячъ. Но это не пошло въ путь, а самъ несчастный владѣлецъ деревень и селъ спился съ кругу. Мнѣ уже за шестьдесятъ лѣтъ,* но я никогда не видалъ чтобы зло до конца ликовало. То же скажутъ и наблюдатели различныхъ переходовъ міра нравственнаго.

Продолжая рѣчь о семейномъ нашемъ бытѣ, прибавлю, что у насъ было и искусственное подспорье. Въ то время дворянамъ дозволялось выкуривать по девяносто ведръ вина, но перекуривали и гораздо за сто. Перегонное вино шло на домашнія наливки, а остальное на подчиванье крестьянъ въ положенные дни; бардою же кормили скоть, что и способствовало уваживать пашни.

Было у насъ и другое большое подспорье. Въ семидеся-

* Писано въ тридцатыхъ годахъ.

тыхъ и въ началѣ осмидесятыхъ годовъ, черезъ деревню вашу Холмъ пролегла столбовая дорога на Торонецъ и до Петербурга. Наши Холмяне содержали почту. Они были удалые, ловкіе и расторопные ямщики. По этой дорогѣ проѣзжалъ великолѣпный князь Потемкинъ, то изъ Бѣлоруссіи, то изъ Смоленска. Бывало зимою, въ темнозеленой бархатной бекешѣ съ золотыми застежками и въ огромной шубѣ легкой какъ пухъ, мчится снѣдаемый жаждою власти Потемкинъ. У князя Таврическаго не было никакой *осѣдлости*. Не строилъ онъ замковъ, не разводилъ садовъ и звѣриновъ: дворецъ Таврическій былъ даромъ Екатерины II, а у него своего домовитаго пріюта не было нигдѣ. Селеніемъ его было поморье Понта Евксинскаго; заботы его были о древнемъ царствѣ Митридатомъ, и онъ это царство принесъ Россіи въ даръ безкровный. Чего не успѣли сдѣлать вѣка отъ покоренія Казани и Астрахани, чего не успѣлъ сдѣлать и Петръ I, то одинъ совершилъ этотъ великанъ своего времени. Онъ смирилъ и усмирилъ послѣднее гнѣздо владычества Монгольскаго. Изъ пространнаго объявленія графа Остермана, по случаю первой войны съ Портою Оттоманскою при императрицѣ Аннѣ, видно, какіе грозные и опустошительные набѣги производили Крымцы, и до Курска, и до Нижняго, въ то самое время когда Петръ I покорялъ крѣпости и города *прибалтійскіе*. И этотъ исполинъ, повторяю еще, былъ странникомъ; онъ жилъ безпріютно и умеръ въ пустынѣ, на плащѣ, подъ сводомъ сумрачнаго неба октябрьскаго. Въ Германіи была издана книга, подъ заглавіемъ: *Князь тѣмъ*. Потемкинъ не былъ ни княземъ тѣмъ, ни ангеломъ свѣта духовнаго міра; онъ былъ сыномъ Россіи, и трудился, и работалъ для своего тщеславія, какъ будто отчужденный отъ самого себя. Сочинитель упомянутой книги укоряетъ Потемкина въ расхищеніи достоянія нашего отечества: это ложь. Потемкинъ не грабилъ достояніе народа подобно Меншикову, Бирону и другимъ временщикамъ. Онъ сыпалъ за границу червонцы тогда, когда надобно было золотомъ выкупить непріявенные и тайные замыслы противъ Россіи: „деньги—соръ, говорилъ онъ, а люди—все.“ Сочинитель книги укоряетъ его и честолюбіемъ. Требовать чтобы человекъ упоенный властью не былъ бы честолюбцемъ, не летѣлъ какъ корабль гонимый вѣтромъ по волнамъ, — невозможно. Носилась молва, будто бы въ послѣдніе годы

жизни, Потемкинъ замышлялъ созданіе какого-то новаго государства изъ соединенія съ Польшею Молдавію и Валахію. Какіхъ грѣзъ и мечтаній не представитъ страсть человека властвовать надъ людьми!

Крестною моею матерью была Авдотья Ивановна Храповицкая, урожденная княжна Сокольниковая. Ясный, просвѣщенный ея умъ равнялся душевной ея чистотѣ. Она очень любила мужа своего, Степана Юрьевича Храповицкаго, который изъ стѣнъ прежняго сухопутнаго кадетскаго корпуса вышелъ съ богатымъ запасомъ науки, но съ младенческою неопытностію въ жизни. Въ молодости своей, служа въ Крыму, онъ спустилъ все родовое имуществу въ бездну карточную. Къ счастью, двумъ сестрамъ его удалось скупить записки его письма и избавить его отъ раззоренія. М. Л. Кутузовъ былъ сослуживцемъ Степана Юрьевича Храповицкаго, и я слышалъ отъ него, что ихъ товарищи тогда же говорили: „Кутузова и въ картахъ никто не перехитритъ.“ И невѣжливую мачихой была къ Кутузову въ юности та *фортуна*, о которой онъ 1812 года говорилъ подъ Тарутинымъ: „За уваженіе мое къ прекрасному полу, фортуна оттолкнула угрюмаго Наполеона, а мнѣ съ лаской подала руку свою.“ А не то было въ молодости его дѣла: и тѣмъ лучше. У кого есть умъ, тому борьба съ обстоятельствами не даетъ засиживаться сиднемъ. Борьба эта — борьба трудная: что дѣлать, если отъ колыбели нашего міра у насъ во всемъ борьба, и все борьба? Нечего дѣлать: надо выпутываться какъ-нибудь. А потому и М. Л. Кутузовъ, въ борьбѣ съ нуждой, у сослуживца своего, Филиповскаго, издаваемаго въ послѣдствіи *Пантеонъ россійскихъ государей*, занималъ по десяти и пяти рублей. „За мною, братъ, говорилъ онъ, не пропадетъ твое.“ Такъ и сбылось. Княгиня Смоленская, узнавъ что у бѣднаго Филиповскаго сторѣлъ при нашествіи домъ и пропало все его имуществу, назначила ему триста рублей пенсіи.

Равно вышелъ С. Ю. Храповицкій изъ-подъ знаменъ той службы, на путяхъ которой Кутузовъ и получилъ дивныя равы, и быстро возвышался. Но и онъ пошелъ святою стезей добра. Испытавъ бурныя волненія молодости, онъ отыскивалъ дѣтей бѣдныхъ дворянъ: завелъ для нихъ училище въ домъ своемъ, записывалъ ихъ въ службу, снабжалъ ихъ всѣмъ нужнымъ и до кончины жизни своей былъ для нихъ вторымъ попечительнымъ отцомъ. Онъ не бросался ни въ какія про-

мысленныя продѣлки. Время посвящено было труду и усердію, а крестьянамъ было жить привольно. Человѣколюбіе было душой его души. Однажды лѣтомъ, обходя нивы свои, онъ встрѣтилъ бѣдняка, просящаго у него милостыни. Денегъ съ нимъ не случилось; онъ снялъ свой сюртукъ и отдалъ бѣдняку. Степанъ Юрьевичъ не зналъ языковъ, но у него было полное собраніе русскихъ книгъ, напечатанныхъ въ его время, особенно у Николая Ивановича Новикова.

Поговоримъ объ этомъ человѣкѣ. Н. И. Новиковъ, движувъ умственный ходъ своего вѣка, перешелъ и въ наше девятнадцатое столѣтіе. Типографія Московскаго университета обязана ему распространеніемъ *Московскихъ Вѣдомостей* и по дальнѣйшимъ предѣламъ нашего отечества. А учрежденіе библиотекъ по губерскимъ городамъ есть продолженіе мысли его. Видя непомерный разгулъ роскоши, заповившей свѣтъ столичный и истощавшей бытъ сельскій, онъ рѣшился отвлечь умы современниковъ отъ разсыпанія къ размышленію; средствомъ къ тому употребилъ изданіе книгъ. Силою чтенія ему удалось сблизить различныя сословія, а изданіемъ своего *Жизнописца* онъ огромялъ закоснѣлое невѣжество, видѣвшее еще на челѣ трудолюбивыхъ земледѣльцевъ печать Хамову. Желая удержать подмосковныхъ своихъ поселенъ въ правилахъ возможнаго благочервія, онъ, домашнимъ запасомъ всего нужнаго и для одежды, и для обуви, и для орудій полевыхъ, предостерегалъ ихъ отъ поѣздокъ въ городъ, гдѣ такъ часто выработанное въ деревнѣ оставалось тамъ за попойками. Трудны были переходы его жизни, но онъ всегда оставался самимъ собою. Много перевесъ онъ, но могучая мысль человѣка должна всегда пройти черезъ горнило страданія. Стѣна и плоды зоркой мысли сами высказываютъ человѣка. Вотъ очевидные слѣды жизни Н. И. Новикова.

На пятомъ году жизни моей начался первый переходъ моего существованія. Двоюродная моя бабка, вдова Петра Григорьевича Лебедева, не знаю за что особенно меня любила и выпросила меня погостить въ свое село, Третьяково. Мужъ бабки, П. Г. Лебедевъ, при учрежденіи губерній, избранъ былъ судьей въ Духовщинскомъ уѣздѣ. А это было тогда чередой почетною въ новомъ мѣрѣ управленія, устроеннаго Екатериною II. Тогда шаръ дворянскій обивался какимъ-то блестящимъ волшебнымъ. Слышно было, что въ Новгородѣ избранъ былъ въ застѣатели земскаго суда отставной генералъ-

ищоръ. Онъ жаловался Екатеринѣ, и она отвѣчала: „Я усталила выборы, а шары дворянскіе не отъ меня зависятъ.“ Известно также, что въ Московскомъ уѣздномъ судѣ не отказался отъ должности застѣдателя камергеръ Ступишинъ, родной братъ того Ступишина, который начальствовалъ въ Пензенской губерніи во время Пугачевского бунта. Тогда съ такимъ же вниманіемъ смотрѣли на судей, рѣшителей жребія тяжущихся, съ какимъ древніе мореходцы наблюдали свѣтила небесныя. Справедливость велитъ упомянуть, что тогда еще свято уважалась рѣчь: „онъ бѣденъ, да честенъ.“ У мужа бабки моей было не безбѣдное состояніе, а къ нему, во общей тогда молвѣ, онъ прибавилъ только имя честнаго чловѣка и безпристрастнаго судьи.

Въ святцахъ бабки моей записанъ былъ день когда я пріѣхалъ изъ нашихъ Сутокъ къ ней, въ село Третьяково. Это было 1780 года, въ исходѣ мая. День былъ прекрасный. Мы отправились около вечера. Мнѣ казалось, что родимое мое солнце шло вслѣдъ за нами. По рощамъ и кустарникамъ раздавался голосъ соловьевъ. Мнѣ было тогда пять лѣтъ, и это былъ первый мой выѣздъ. Бабка моя, боясь меня обезпокоить, велѣла ѣхать шагомъ. Я блаженствовалъ и всѣмъ любовался. Мы пріѣхали въ сумерки. Увѣренная, что я буду ея жильцомъ, она заранѣе велѣла все приготовить; столъ былъ накрытъ; постель моя была поставлена подлѣ ея кровати. Всѣ меня ждали. При бабкѣ моей было только двѣ дочери, старѣе меня шестью или семью годами. Три сына ея были въ военной службѣ. Не слышалъ я никакого окрика ни на дворовыхъ людей, ни на прикащиковъ. Каждый зналъ свое дѣло и исполнялъ его рачительно, оттого что не былъ напуганъ барскими прихотями. Объ этомъ разсуждаю теперь, а тогда чувствовалъ только одно наслажденіе новой моей жизни.

Радостно было мое пробужденіе; вереница дворовыхъ мальчиковъ уже ожидала меня и бѣжала за мною въ рощу, которая росла на какихъ-то курганахъ. Разказывали мнѣ послѣ, что тутъ была какая-то битва, въ то время когда мечъ и копье размежевывали землю Русскую. Набѣгавшись по курганамъ и рощѣ, я побѣжалъ на лугъ, гдѣ уже былъ хороволь станныхъ дѣвушекъ и двѣ дочери моей бабки.

Дѣвушки пѣли пѣсни, и мы кружились въ хороводѣ. Меня страшно всѣ баловали. Часто на эти увеселенія бабка молялась сама къ намъ на лугъ. По праздникамъ, въ скром-

ной одноколкѣ, мы съ бабкой ѣздили по селу. Крестьяне въ нарядныхъ своихъ платьяхъ стояли у избъ. Бабка подъѣзжала къ каждой и заботливо спрашивала всѣ ли у нихъ здоровы, и гдѣ была больная, приказывала придти къ себѣ за сельскимъ лѣкарствомъ. Ея сердце, ея христіанская любовь, научили меня всѣхъ любить и всѣмъ желать добра. Въ разъѣздахъ своихъ по селу, она съ особеннымъ вниманіемъ обозрѣвала амбары, гдѣ хранилась запасная жизнь крестьянъ. Село Третьяково было не далеко отъ уѣзднаго города, и если прикащикъ недобросовѣстенъ, то перевозъ туда хлѣба ночью нешрудемъ. Тутъ нуженъ зоркій глазъ хозяйскій. При ней отпускали чистую муку и дворовымъ, и крестьянамъ. „Избави Богъ cadaго челоуѣка отъ макіаннаго хлѣба,“ говорила она. А чѣмъ питаются бѣдняки въ голодный годъ, когда у богачей на пирахъ разливное море? Сытый голоднаго не разумѣеть. Тайна этой науки въ челоуѣколюбивомъ попеченіи, и эту тайну вполне знала моя бабка.

И какъ лелѣяла она мою душу! Близъ церкви, между двухъ рощей, окруженное двумя цвѣтущими берегами, большое озеро отражало въ свѣтлыхъ волнахъ своихъ и ясное солнце, и луну. Однажды при ней и при мнѣ закинули неводъ и вытащили его со множествомъ крупной и мелкой рыбы. Торопливо хваталъ я маленькихъ рыбъ и пускалъ ихъ въ озеро.

— Чтѣ ты дѣлаешь? спросила бабка моя.

— Мнѣ жаль этихъ рыбокъ, отвѣчалъ я, — онѣ такъ сильно бьются: вѣрно онѣ боятся большихъ рыбъ.

Она улыбнулась и приказала, чтобъ и впредь давали мнѣ на это свободу.

Я былъ временнымъ полновластнымъ владѣльцемъ и господиномъ въ помѣстьѣ моему. Я говорю въ моему помѣстьѣ, потому что всѣ тогда такъ думали и всѣ это повторяли. Цѣлая кладовая со всѣми банками различныхъ вареній, всѣ сушенныя ягоды и плоды, вся эта лакомая область была въ моему распоряженіи, и ребятишки, мои сверстники, или нѣсколько и постарше меня, были ежедневными застольниками моего пировація. Въ разгулъ моихъ шалостей пріѣхалъ въ отпускъ старшій сынъ моей бабки, Николай Петровичъ Лебедевъ, служившій майоромъ. Собою онъ былъ очень хорошъ. Не могу утвердительно сказать гдѣ онъ воспитывался, но умъ его обогащенъ былъ обширными свѣдѣніями; онъ знакомъ былъ со всею тогдашнею германскою словесностію и

принадлежалъ къ обществу масоновъ, составлявшемуся въ то время изъ людей образованнѣйшихъ и отличавшихся пристрастіемъ строгой чести. Какъ у почетнаго члена, у него была и лента, и звѣзда. Изъ-подъ знаменъ Задунайскаго перешелъ онъ служить въ Сибирь, и въ послѣдствіи былъ главнымъ военнымъ начальникомъ въ Иркутскѣ. Служа ревностно, онъ никогда ни на что не набивался и ни отъ чего не отказывался. Одинъ только разъ испросилъ онъ милость, и вотъ какую. При вступленіи на престолъ императора Павла I, онъ писалъ къ нему: „Государь, я двадцать пять лѣтъ служу въ Сибири. Приближаясь къ старости, испрашиваю у васъ одной милости: дозвольте мнѣ пріѣхать въ Петербургъ единственно для того чтобъ увидѣть васъ, услышать царское слово и навсегда запечатлѣть его въ душѣ моей.“ Государь удовлетворилъ его просьбу; онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, явился къ императору и снова возвратился въ Иркутскъ, и оттуда, около 1805 года, вышелъ въ отставку. Но и послѣ отставки предстояла ему новая служба, когда громы пушекъ Наполеона сперва раздались у рубежей нашего отечества, а потомъ и въ нѣдрахъ его. Начальствуя смоленскимъ ополченіемъ, онъ видѣлъ и битву Бородинскую. Но всему есть предѣлъ. Рвение къ новой службѣ истощило послѣднія силы преклонныхъ его лѣтъ. Вскорѣ послѣ отечественной войны кончилъ онъ жизнь, непорочную на всѣхъ путяхъ его существованія. Душевную, пламенную любовь къ человѣчеству и благородную свободу мыслей сохранилъ онъ до гроба.

Дядя мой пріѣхалъ въ началѣ іюня. Лѣто было прекрасное, и онъ по привычкѣ военной раскинулъ палатку въ саду. Вида, что я съ утра до вечера вольничаю и играю съ ребятами, онъ для черезъ три сказалъ матери своей: „Стыдно вамъ будетъ передъ отцомъ и матерью вашего Сережи; ему шестой годъ, а онъ и въ азбуку не заглядывалъ.“ Онъ убѣдилъ и выпросилъ позволеніе быть моимъ наставникомъ. Не стану хвалиться напрасно. У меня не было никакого стремленія къ ученію. Я былъ и безъ книгъ постоянно занятъ. Лѣтомъ, то въ рощахъ, то ходилъ за ягодами и грибами, то спѣшилъ въ орѣшникъ; зимой, то катанье на саняхахъ, то въ комнатахъ волчки, веревочка и мячикъ. Словомъ, я былъ занятъ, мнѣ было весело. Дѣтей все учить, даже скука и досугъ. Удивляются теперь сельскимъ мальчикамъ, которые и у насъ, и на чужбинѣ, безъ аспидной доски,

безъ грифелей, достигли самоучкою до быстрого и почти невѣроятнаго рѣшенія числительныхъ задачъ. Кто училъ ихъ? Скука и досугъ. Чтò дѣлать въ долгіе лѣтніе дни? Считать то стадо, то деревья, то дни и часы по переходамъ солнца. И до этихъ мальчиковъ-самоучекъ, до славныхъ астрономовъ Галилеевъ, Кеплеровъ и другихъ, пастухи роскошныхъ долинъ Азіи были астрономами-самоучками, или лучше сказать, учениками солнца, луны и всѣхъ свѣтилъ небесныхъ. Въ какомъ бы глубокомъ удивленіи ни былъ человѣкъ, но пока въ немъ дѣйствуетъ мысль, онъ не одинокъ; съ нимъ весь внутренній міръ, который, вмѣщаясь въ тѣсномъ объемѣ одного существа, открываетъ ему и всю видимую вселенную, и то чтò за ея предѣлами.

Дядя, видя мое своеволіе, повелъ меня къ ученью стезей ласки и любви. Подъ сводомъ неба, то прогуливаясь со мною въ саду, то усаживаясь подъ липы и яблони, онъ высказывалъ мнѣ буквы и указывалъ на начертаніе ихъ. Нераздѣльно училъ онъ меня и изображать ихъ карандашемъ на бумагѣ, и выговаривать буквы. И какая была бумага цвѣтная, какіе красные карандаши! Но ни эти приманки, ни нѣжная внимательность моего наставника не занимали меня. Я уже зналъ наизусть *Отче нашъ* и нѣсколько другихъ молитвъ, и мнѣ скучно было затверживать мертвыми буквами. Но вотъ какой случай захотѣлъ меня къ ученью. Однажды поѣхали мы съ бабкой въ Сутоки. День былъ жаркій. Отецъ мой, отправля исправничью должность въ Духовницѣ, пріѣхалъ послѣ обѣда и привезъ оттуда баранокъ. Гостивецъ разошелся по рукамъ. Я подошелъ къ окну, гдѣ стояла тарелка съ отравой для мухъ, началъ обмакивать туда баранку и преспокойно глоталъ ядовитую влагу. Дядька братьевъ моихъ какъ только это увидѣлъ, тотчасъ побѣжалъ за молоко, и меня отпоил. Услышавъ о бѣдѣ, грозившей мнѣ, бабка моя въ слезахъ схватила меня на руки, велѣла запрягать лошадей, и мы возвратились въ село ея. Пріѣхавъ домой, мы тотчасъ пошли въ церковь и отслужили молебень за избавленіе меня отъ смертной опасности. Пришелъ туда и дядя мой. Съ живымъ чувствомъ ласкалъ онъ меня, и я какъ будто изъ нѣжной его заботливости вдохнулъ въ себя охоту къ ученью. На другой день я всталъ гораздо ранѣе обыкновеннаго, и схватя мою азбуку, побѣжалъ къ дядѣ-наставнику.

— Чтò ты, Сережа! спросилъ онъ, — здоровъ ли?

— Я здоровъ, дядюшка, и хочу учиться.

Дядя послѣ говорилъ мнѣ, что не такъ радъ былъ получа отъ императора Павла I Анненскую звѣзду, какъ обрадовался услыша неожиданнаго отъ меня слова: „я хочу учиться.“

Если такъ-называемые люди просвѣщенные, увлекаясь мечтательными предубѣжденіями, сбиваются съ путей достовѣрности, то удивительно ли, что въ отроческомъ воображеніи играютъ мечты и призраки? Послѣднее случилось и со мною, а вотъ отъ чего. Къ дядѣ моему сѣзжалась иногда братья-масоны на бесѣды ночныя, въ верхнее его жильѣ. Дворовые люди, слыша стукъ молотка и видя странные наряды, распустили слухъ, что будто бы какіе-то духи вылетаютъ къ барину изъ-подъ земли. Отъ этой молвы и отъ сказокъ о змѣяхъ огненныхъ, о вѣдьмахъ и домовыхъ родилась у меня въ дѣтствѣ пугливостъ. Съ лѣтами прошла боязнь и замыхъ луковъ, и змѣй огненныхъ, когда ознакомилась я со страстями человѣческими. Видѣлъ я и звѣзды, и ленты масонскія, видѣлъ блескъ звѣздъ и почестей правительственныхъ, но блескъ не заманивалъ глазъ моихъ. Меня отъ зари жизни болѣе веселила природа нежели блескъ золота. Въ декабрѣ мѣсяцѣ уѣхалъ мой дядя. Долженъ былъ и я отправиться въ домъ отцовскій. Въ память начала моего ученія въ селѣ Третьяковѣ, называли меня питомцемъ *бабушкинымъ*. Не на родикѣ произнесъ я первую букву азбуки; тамъ только была козыбель моя. Подъ чужимъ кровомъ породнился я съ трудою грамотой, а это какъ будто и было предвѣстіемъ, что судьба обрекла меня къ жизни безпріютной.

Изъ-подъ руководства вельнаго камельщика перешелъ я подъ надзоръ дядьки, Іогана, добраго полубѣнца-русскаго, во перешелъ уже прыткимъ чтеніемъ и съ изряднымъ начертаніемъ буквъ. Новый мой учитель только присматривалъ за мною, а память меня учила. Родная моя бабка и двоюродная, за твердое уже чтеніе Псалмовъ первой каѳизмы, всегда дарили меня гостинцами. Изъ этого подвѣлились родныя ссоры. Старшій братъ мой былъ уже въ кадетскомъ корпусѣ, а оставшійся подъ нимъ братъ косо на меня поглядывалъ, когда хвалили мое бѣглое чтеніе и дарили мнѣ гостинцы. Но я и не думалъ о соперничествѣ. Отъ такъ-называемаго соревнованія до зависти въ семейномъ быту одинъ шагъ. Не поддразнивайте ребяческаго самолюбія неумѣстными похвалами. У дѣтей есть свой судъ, свой смыслъ, своя распра-

ва. Не вѣрьте часто мнимому ихъ разсѣянію: подъ этою личиною нерѣдко притаивается очень зоркое и увертливое наблюденіе. Однимъ словомъ, не мѣшайтесь въ дѣла природы. Добрый нашъ Нѣмецъ Іоганъ не заглядывалъ въ таинства душъ нашихъ, не помышлялъ о развитіи нашихъ способностей; но спасибо ему за то что онъ самоуправнымъ диктаторствомъ не пыталъ духа нашего и не мучалъ насъ ярмомъ указнымъ. Бѣда тамъ дѣтямъ, гдѣ наставники селятъся затащить ихъ на ходули умничанья своего!

II.

Радость и горе обходятъ землю держась рука объ руку. Радостѣйшій день для родителей моихъ превратился въ горестѣйшій день для моихъ отроческихъ лѣтъ.

Вотъ какъ это было.

На возвратномъ пути изъ Бѣлорусскаго края, Екатѣрина II, 1781 года іюня 4-го, изъ стѣнъ Смоленска, сооруженныхъ тѣмъ исполномъ своего вѣка, который съ чреды писца перешелъ на чреду вельможи и царя, отправилась въ село Чижево, на родину другаго исполна своего времени, князя Григорія Александровича Потемкина. Извѣстно, что этотъ чудный человекъ родился въ банѣ, превращенной потомъ въ каменную бесѣдку. Заглянувъ въ нее, Екатѣрина сошла по лѣстницѣ къ колодезю подъ навѣсомъ и пила воду. Если кому изъ читателей моихъ *Записокъ* доведется проѣзжать мимо села Чижева, то онъ тутъ увидитъ и бесѣдку, и бюстъ князя Таврическаго, работы домодѣльной, и стаканъ, изъ котораго пила Екатѣрина, и листъ въ рамкѣ за стекломъ, свидѣтельствующій о бытности тутъ императрицы.

Въ это самое время, одинъ изъ родственниковъ князя Тав-

стоки въ видѣ рощи, обсады обѣ стороны дороги вѣтвистыми деревьями. У самой перемѣны лошадей, близъ рошцы, раскинута была довольно обширная палатка или шатерь. Ближайшіе наши родные, по повѣсткѣ отца моего, подъ предводительствомъ столѣтняго праѣда моего, Григорія Андреевича Глинка, со всѣхъ сторонъ спѣшили для воззрѣнія на Екатерину. Родительница моя присутствовала въ палаткѣ, гдѣ приготовлено было сельское угощеніе. Четыре мои брата и я—мы кружились около столовъ, украшенныхъ цвѣтами, и любовались на узорчатые ткани, которыми украшенъ былъ верхъ шатра. Между тѣмъ отецъ мой сопровождалъ карету императрицы. День былъ какъ будто праздникомъ сельской природы. Яркіе лучи полуденнаго солнца, разливаясь по густымъ вершинамъ деревьевъ придорожныхъ, образовали какой-то свѣтосармій сводъ, подъ которымъ медленно двигалось шествіе Екатерины. По одну сторону крестьяне въ нарядныхъ одеждахъ стояли съ хлѣбомъ-солью, а по другую—крестьянки съ различными садовыми и полевыми цвѣтами. Одни простирали руки съ сокровищами нивъ своихъ, другія усыпали дорогу цвѣтами и зеленью. Гремѣли хоры родныхъ пѣсень; по мѣрѣ движенія кареты, тянулись вереницы хороводныя. Съ очаровательнымъ привѣтомъ своимъ Екатерина раскланивалась во всѣ стороны, часто останавливалась и спрашивала у радостныхъ поселянъ: „Довольны ли вы, друзья мои, вашимъ капитаномъ-исправникомъ?“ И раздался общій откликъ: „Довольны, матушка-царица! Довольны! Онъ намъ отецъ!“ Лицо Екатерины сіяло удовольствіемъ; весело было и графу Руинцеву, что онъ уговорилъ Екатерину слѣдовать по этому пути. И въ важныхъ, и въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ щекотливое самолюбіе домогается взять свое. Императрицѣ хотѣлось непременно, чтобы графъ побывалъ на родинѣ князя Потемкина, котораго, если не онъ, то другіе почитали его соперникомъ; а Петръ Александровичъ, у котораго некогда служилъ мой отецъ, заранѣе условился съ нимъ, чтобы мимо богатаго родственника князя Григорія Александровича завязать къ нему императрицу. Видя что все идетъ удачно, графъ доложилъ Екатерину, что капитанъ-исправникъ почитъ выше всѣхъ наградъ если она соблаговолитъ принять въ семействѣ его сельскую хлѣбъ-соль.

Извѣстно, что Екатерина, преобразовывая Россію по мысли своей, почитала земское начальство первою ступенью къ выт-

ренному благоустройству, почему и отвѣчала: „Въ семействѣ ревностнаго капитанъ-исправника рада быть гостей. Онъ исполняетъ мой уставъ, а я исполню его желаніе. Его любятъ добрыя земледѣльцы, на которыхъ я всегда обращаю особенное вниманіе, а это и для меня лучшая награда.“

При перемѣнѣ лошадей, графъ Петръ Александровичъ слово отъ слова пересказалъ отцу моему отъѣвъ Екатерины. Онъ записалъ его на бумажку, которую называлъ *жизнію жизни своей* и носилъ въ ладожкѣ на груди.

Когда карета остановилась, отецъ мой въ радостномъ порывѣ соскочилъ съ лошади и вскричалъ:

— Матушка-царица! прими отъ насъ нашу сельскую хлѣбъ-соль, нашъ домашній липецъ и наши усердья сердца!

— Благодарю, благодарю, отвѣчала Екатерина, — усердіе сердечное для меня всего дороже.

Тутъ, съ быстротою юности, прыгнувъ съ коны прадѣды мой, и преклонивъ колѣно, воскликнулъ:

— Матушка! Живи вдвое столько сколько я прожилъ на бѣломъ свѣтѣ, и дай Богъ тебѣ такую же крѣпость силъ, какую Его милосердіе даровало мнѣ въ преклонные годы мои.

— А сколько вамъ лѣтъ? спросила императрица.

— Сто лѣтъ, матушка-государыня.

Екатерина возразила съ ласковою улыбкой:

— Нѣтъ, мой другъ, цари такъ долго не живутъ: у нихъ много заботъ, — сказала и рукою своею приподняла моего прадѣда.

Присутствіе Екатерины превратило нашъ шатеръ въ чертогъ великолѣпный; въ видѣ ея ангелъ милосердія вступилъ въ него. Съ душевнымъ восхищеніемъ мать моя облобызала руку императрицы и подвела къ ней насъ пятерыхъ малютокъ. И теперь еще помню то очаровательное мгновеніе, когда братъ мой, Николай (онъ давно уже умеръ) вѣрно и счастливо

Между тѣмъ замѣтя, что графъ Румянцевъ разговариваетъ съ отцомъ моимъ какъ съ стариннымъ знакомымъ, императрица спросила, гдѣ графъ его узналъ. Герой Задунайскій отвѣчалъ, что отецъ мой былъ у него въ Молдавіи четыре мѣсяца на ординарцахъ, а потомъ прибавилъ:

— Въ жару Кагульскаго сраженія, я послалъ его къ полковнику Озерову съ приказомъ, чтобъ онъ съ первымъ гренадерскимъ полкомъ ударилъ на толпы янычаръ, которыя нагло ворвались изъ лощины въ каре Племянникова и рѣзали нашихъ кивчаами.

Не робѣя предъ царицей, отецъ мой воскликнулъ:

— Матушка-государыня, а вѣдѣю обязанъ его сіятельству, да и дѣтми, которыхъ готовлю на службу вашему императорскому величеству.

При этомъ словѣ Левъ Александровичъ Нарышкинъ сказалъ съ живою своею шутовскою:

— Слышите ли, матушка, что говоритъ капитанъ-исправникъ? Онъ хвалится, что и дѣтми своими обязанъ графу!

Словхватавый мой отецъ не ходилъ въ карманъ за словомъ и, не запинаясь, возразилъ:

— Я сущую правду говорю, матушка-государыня. Однажды слезливымъ горемыкой явился я, въ Молдавіи, къ графу на ординарцы. Его сіятельство, съ отеческою заботливостію, спросилъ: „Отчего ты такъ грустенъ?“ Я отвѣчалъ, что помолваенъ и получилъ извѣстіе, что къ невѣстѣ моей приставляется другой женихъ. Графъ немедленно далъ мнѣ доховый отпускъ, и по милости его представляю вашему величеству дѣтей моихъ!

Екатерина любила голосъ сердечный. Привѣтливо откушала она нашей хлѣба-соли, выпила бокалъ лица за здоровье хозяевъ: „И за здоровье старшины Глинокъ,“ прибавила она, обратясь къ прадеду моему.

Графъ Румянцевъ примолвилъ: „Не мимо идетъ пословица, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ. За ревностную службу роднаго брата старшины Глинокъ и вы, государыня, и я ему въ долгу. Старооскольскаго полка секундъ-майоръ Глинка, братъ нашего хозяина, былъ въ числѣ дежурныхъ чиновниковъ у генералъ-поручика Ступишина, при переходѣ за Дунай, и съ неустрашимою быстротою передавалъ приказанія своего генерала. Онъ былъ убитъ; но и вы, государыня, читали о немъ въ моемъ донесеніи.“ Слезы блес-

нули въ глазахъ прадѣда моего; упавъ на колѣни передъ Екатериной, онъ сказалъ: „Вели, матушка-царица! и я готовъ за тебя умереть во всякое время. А теперь дозвожь мнѣ проводить тебя верстъ десять.“ Графъ Румянцевъ приглашалъ его въ свою коляску:— „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, — я поѣду верхомъ у кареты матушки-царицы, нагляжусь на нее, и у меня спадеть съ плечъ десятка два лѣтъ.“

Все то что относится къ этому дню, осталось у насъ семейнымъ сокровищемъ. Доходила ли до половины та бочка, изъ которой наливался липецъ для подчиванья царицы, ее тотчасъ дополняли: этотъ липецъ величали *царскимъ липцемъ*. Каждый разъ когда съѣзжались родныя и сосѣди, и когда рѣчь душевная вызывала воспоминаше о великой посьтительницѣ, въ бокалы и кубки друзей наливался царскій липецъ, и гремѣли восклицанія: „Да здравствуетъ матушка-царица! Да здравствуетъ матушка-Екатерина!“

Вечеромъ того же дня князь Репнинъ, тогдашній смоленскій генералъ-губернаторъ, встрѣтилъ императрицу, и она сказала ему: „Угадайте, у кого я сегодня была въ гостяхъ?“ И не дожидаясь отвѣта, примолвила: — „Я была у Духовщинскаго капитанъ-исправника. Спасибо ему: онъ помялъ душу земскаго учрежденія. Онъ любимъ поселянами, и онъ вполнѣ исправникъ. Я сказала въ наказѣ моемъ, что въ нашемъ государствѣ важнѣйшая часть—земледѣліе. Вотъ почему я приняла всѣ мѣры чтобы земское начальство было охранительнымъ щитомъ земледѣльцевъ. Поблагодарите отъ меня Духовщинскаго капитанъ-исправника за ревностное исполненіе его должности и передайте ему эту золотую табакерку. Я никогда его не забуду. А онъ пусть привозитъ въ Петербургъ дѣтей своихъ.“

Прадѣдъ мой, Григорій Андреевичъ Глинка, послѣ свиданія съ императрицею жилъ еще два года и умеръ ста двухъ лѣтъ. Въ путешествіи своемъ по Ладожскому озеру, Н. Я. Озе-

цаться избытками въсѣхъ частей свѣта. За сытымъ его столомъ подавались щи, похлебка, разсолюшки; дымились салники, жареная баранина; величались огромные караваи. Въмѣсто жидкихъ фражскихъ подавали медъ и липецъ въ стопахъ огромныхъ. Я видѣлъ стопы, въ которыхъ вливалось по нѣсколькы бутылочкы, и которыя во время пирушки опоражнивались однимъ духомъ.

По стародавнему обычаю, на свадьбахъ возглашали *рауцы* или прѣвѣтственные рѣчи. По крайней мѣрѣ хотъ было что слушать. А то съ того времени когда завелось у насъ карты, мы почти только и слышимъ: бостовъ, вистъ, и такъ далѣе. Мы это слышали и тогда когда у стѣвъ Москвы гремѣла битва Бородинская. Въ могильной пустотѣ душъ, обезсиленныхъ чванствомъ и роскошью, умолкаетъ животворный голосъ челоуѣчества.

Для приправленія сытныхъ яствъ веселостью, при обѣдахъ и пирушкахъ проказничали *блязи* или домашніе скоморохи. Они то дрались на *пальчаткахъ* или *кляхъ*, то выдумывали побасенки. Гости отъ добраго сердца хохотали, а пища не превращалась въ желчь или отъ язвительныхъ пересудовъ, или отъ ѣдкихъ насмѣшекъ. Сверхъ того, старинные *блязи* не только были шутами, но они были посредниками между вассальнымъ и подвластными. Обижалъ ли сильный слабого, притѣснялъ ли плутъ-прикащикъ крестьянъ, выморачивалъ ли что онъ обманомъ, все это высказывалось блязнями за барскимъ столомъ, въ прибауткахъ и побасенкахъ. Сильнаго обидчика журили, а утѣсненную невинность утѣшали. Тогда крестьяне не указывали со вздохомъ на модную карету, стоащую нѣсколькихъ десятковъ душъ; тогда не указывали на шааи барыня, купленные на слезы и истому сельскую. Помѣщики и въ забавахъ часто уравнивались съ крестьянами. Вѣсть съ ними ходили они съ тетевами на ловлю зайцевъ и лисицъ. Тогда еще не держали по десяткамъ и сотнямъ борзыхъ и гончихъ собакъ, на бѣду крестьянъ, особенно въ неурожай. Вооружаясь заостренными дрекольями, помѣщикъ и удалой крестьянинъ ходили на медвѣдей и волковъ. Въ этой отважной охотѣ прославилась пробабка моя, гоняясь за хищными звѣрями на лошади или въ легкихъ санкахъ, при блестящемъ свѣтѣ мѣсяца, сыпавшаго лучи свои на дремучій лѣсъ и на близну свѣжыхъ равнинъ.

Почти безъ болѣзни протекла столѣтняя жизнь правѣда

моего; то же можно сказать и о душевной его жизни. По достоверному семейному преданію, *въ стодухалтнне* пребываніе свое на землѣ, испыталъ онъ только *два гора*. Первое, когда по званію хоружаго шляхты смоленской пришла ему очередь, изъ села его Красноселья, отправиться верстѣ за 150 на Двинскій форпостъ. Тяжело было его сердцу разстаться съ кровомъ домашнимъ! А потому къ отводу сего *перваго гора* перекатилъ онъ въ Смоленскъ нѣсколько бочекъ меду и отъ употчиванной шляхты услышалъ желанный кликъ: увольняемъ, увольняемъ! Изъ-подъ шума сихъ кликовъ поспѣшилъ онъ домой. Второе горе причинила ему необходимая повѣзка въ Москву. Три недѣли ѣхалъ онъ на своихъ лошадяхъ въ Москву, и пробывъ тамъ нѣсколько дней, въ такой же срокъ совершилъ обратный путь. Вслѣдъ за нимъ везли живность и всѣ съѣстные припасы домашніе. Сверхъ того, помѣстья его родныхъ разсыяны были отъ Духовщины до самой Гжатской пристани. Было гдѣ отдохнуть, побывать въ бани и попариться, и попить!

Невзирая на сближеніе съ крестьянами въ образѣ жизни, было и въ то время какое-то чудное, необычайное возстаніе крестьянъ. Общій духъ волненія обходилъ деревни и села. Это было около срока жатвы. Помѣщики съ семействами своими укрывались въ лѣсахъ, а въ случаѣ близкой опасности прятались во ржи и въ кустарникахъ. Въ сіи дни смятенія, прадедъ мой съ женой и малолѣтними дѣтьми заперся въ *свирнѣ* или *вышкѣ*, отдѣльной отъ прочаго надворнаго строенія. Ночью застучали въ двери; онъ схватилъ заряженное ружье. Пробабка моя удержала его руку, чтобы бесполезнымъ и безвременнымъ выстрѣломъ не навлечь на себя бѣды неизбѣжной. Не слышно было ни о какомъ зачинщикѣ бунта; казалось, что какая-то невидимая сила волновала села и де-

могъ бы переселить во тьму кромѣшную драмъ своихъ. Словомъ, былъ на разные образцы отдѣльный бытъ, и не было быта общественнаго. Спрашивали у одного тогдашняго князя-острака, возвратившагося изъ круга большого свѣта, что онъ тамъ видѣлъ? Много блеска, а мало людей, отъвѣчалъ онъ.

III.

Черезъ годъ послѣ посвѣщенія императрицы, то-есть іюля 5-го 1785 года, въ день моего рожденія, положено было везти въ кадетскій корпусъ меня и брата моего Николая. На зарѣ жизни узналъ я и слезы разлуки, и горе душевное, и силу той чувствительности, которая такъ глубоко западаетъ въ сердце. Любовь къ родинѣ была первою моею любовью, а потому и не могу, и не стану описывать разлуку съ нею. Отецъ мой, сопровождавшій насъ въ Петербургъ, вынесъ меня на рукахъ изъ-подъ благословенья матери; я задыхался отъ слезъ и рыданій. У конца околицы сельской ожидало меня новое испытаніе. Никогда не обижалъ я дворовыхъ ребятшекъ; любилъ самъ лакомиться, но любилъ и ихъ лакомить. За воротами плетня Сутокскаго выстроились товарищи игръ моихъ и закричали: „Прощайте, прощайте, баринъ! дай Богъ вамъ здоровья!“ Не утерпѣло сердце: я выскочилъ изъ повозки и бросился прощаться съ ними. Силой перенесли меня въ повозку.

Видъ Петербурга нисколько не поразилъ меня. Огромныя зданія были для меня груды камней. Сердце мое было на родинѣ. Часто снились мнѣ холмы, рощи и садъ, и очаровательное село Третьяково. Часто казалось мнѣ, что я гуляю по берегу озера и слышу разливы пѣсни вечерняго соловья въ кустахъ. Часто также просыпался я со слезами.

Насталъ роковой часъ представленія въ корпусъ меня и брата моего Николая. Насъ принимали какъ спартакскихъ отроковъ: раздѣвали, заставляли бѣгать и прыгать. Мы выдержали всю эту гимнастику.

Старшій братъ нашъ, Егоръ, былъ уже во второмъ возрастѣ. Мы встрѣтились съ нимъ какъ съ чужимъ. И не удивительно: привычка сердечная — дѣло золотое, а этой связи не было между нами. Онъ жилъ не долго и умеръ отъ чахотки.

Не описываю послѣдней разлуки моей съ отцомъ. Пусть читатели перенесутся мыслію въ корпусный липовый садъ для кадетъ младшаго возраста; пусть взглянутъ они на сто двадцать пять отроковъ, какъ будто осиротѣвшихъ въ одинъ день и въ одинъ часъ! Бросьте взоръ на различные кружки кадетъ, составленные изъ земляковъ, окликавшихъ другъ друга; тутъ кружокъ Смольянъ, тутъ Новгородцевъ, Украинцевъ, Саратовцевъ, Сибиряковъ, словомъ, тамъ предстанетъ вамъ вся обширная Россія. Прислушайтесь какъ воспоминаютъ они объ отцахъ и матеряхъ своихъ; прислушайтесь къ ихъ вздохамъ; посмотрите на слезы ихъ горькія, и вы подумаете что они сами себя отпѣваютъ.

Грустенъ, печаленъ былъ тотъ вечеръ, когда пришлаось разставаться съ домашнимъ платьемъ, съ домашнею рубашкой! Въ первую ночь я не надѣлъ казенной рубашки; я спялъ съ груди благословеніе матери, осторожно прицѣпилъ его надъ изголовьемъ, такъ чтобъ оно не прикоснулось къ стѣнѣ длинной спальни камеры нашей. Я сѣмалъ это для того чтобы на другой день поцѣловать на немъ не остывшее еще прикосновеніе родительское.

Я поступилъ въ кадетскій корпусъ въ тотъ самый годъ когда вышелъ оттуда графъ Нобринскій. Въ бытность его, Екатерина нерѣдко посѣщала сіе заведеніе, а графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ еще чаще. Обходясь съ кадетами какъ съ дѣтьми своими, они отпѣвывали ихъ пищу и брали съ собою кадетскій хлѣбъ, говоря что онъ очень, очень хорошъ, и это сущая правда. Когда императрица прекратила свои посѣщенія въ корпусъ, тогда по воскреснымъ днямъ, зимой, человекъ по двадцати малолѣтнихъ кадетъ назначались во дворецъ для различныхъ игръ съ ея вѣнками, между прочимъ въ веревочку. На сихъ играхъ не видно было Екатерины, царицы полсвѣта; въ лицѣ ея представлялась только нѣжная мать, веселящаяся ве-

Наканувъ отъѣзда своего изъ Петербурга, отецъ мой предсталъ былъ императрицѣ милостивцемъ своимъ Л. А. Нарышкинымъ. За нимъ несли огромный подносъ съ домашними коврижками и нѣсколько бутылокъ липца.

— Примите, всемилостивѣйшая государыня, сказалъ мой отецъ, — примите нашу сельскую хлѣбъ-соль. Я подношу Вамъ тѣ коврижки, которыя вы изволили у меня купить, и липецъ, въ напоминаніе вашего посѣщенія названный мною *царскимъ мучемъ*. Каждый разъ когда съѣзжаются ко мнѣ родные и гости, мы пьемъ этотъ липецъ и восклицаемъ въ радости душевной: Да здравствуетъ матушка-царица!

Привѣтливо разговаривая съ отцомъ моимъ, императрица спросила:

— Здоровъ ли вашъ старикъ?

— Слава Богу, отвѣчалъ оный, — оный здоровъ и говоритъ, что съ тѣхъ поръ когда удостоился лицезрѣнія вашего, у него стало съ плечъ нѣсколько десятковъ лѣтъ.

— Пусть оный живетъ, примолвила Екатерина, — оный патриархъ Гавиокъ, а я люблю времена патриархальныя. И тутъ же спросила: — Всѣхъ ли трехъ правнуковъ вашего патриарха ты привезъ съ собою?

— Виновать, воскликнулъ мой отецъ, — виновать, слезы матери выплакали у меня старшаго сына записаннаго вами въ пажи!

— А развѣ я не мать вамъ? спросила императрица съ ласковою улыбкой.

— Вы матушка-Царица, возразилъ мой отецъ, — вы общая всѣмъ мать!

— Это цѣль моей жизни, отвѣчала Екатерина.

Съ восторгомъ и быстрымъ сердечнымъ порывомъ, отецъ мой упалъ на колѣни, облобызалъ руку благодущной монархини и сказалъ:

-- Государыня! Вы общая наша мать и окажите намъ новую милость. Въмѣсто моего сына примите старшаго сына моего брата, названнаго въ честь нашего патриарха Григоріемъ Андреевичемъ!

— Согласна, сказала Екатерина, — и тутъ же поручила Лѣву Александровичу Нарышкину сдѣлать распоряженіе о принятіи его въ пажескій корпусъ.

Когда отецъ мой откланялся, то Левъ Александровичъ, вышедъ за нимъ, спросилъ:

— Что, Николай Ильичъ, доволея ли ты приеомъ государыни?

— Доволея, отвѣчалъ мой отецъ, — при ней радъ жить, а ее не переживу! — И онъ сдержалъ свое слово. Вѣсть о смерти Екатерины свела его въ гробъ.

Домъ кадетскаго корпуса — домъ историческій. Первоначально принадлежалъ онъ князю Александру Даниловичу Меньшикову. Послѣ Полтавской битвы, на которой вмѣстѣ съ Петромъ I Меньшиковъ рѣшилъ жребіи вторженія въ Россію Карла XII, онъ устроилъ въ этомъ домѣ церковь. Здѣсь было обрученіе старшей его дочери, Маріи Александровны, съ Петромъ II, и отсюда былъ онъ изгнанъ, лишенъ всѣхъ почестей и сосланъ въ Сибирь на острова Березовы; потомъ онъ такъ-сказать отыскался въ самомъ себѣ, и утрату всѣхъ блесковъ замѣнилъ именемъ человека; тамъ съ топоромъ въ рукахъ, въ крестьянской одеждѣ, забывшая славу земную, сооружалъ церковь во имя Божіей Матери; подлѣ этой церкви похоронилъ онъ невѣсту императора; и самъ сошелъ въ могилу, оплакиваемый оставшимися двумя дѣтьми, для которыхъ онъ былъ послѣднею опорой въ той Россіи, гдѣ нѣкогда былъ всѣмъ, и умеръ только христіаниномъ. Но онъ сдержалъ свое слово; когда требовали отъ него знаковъ его почестей и заслугъ, онъ оказалъ: „Я зналъ, что и на это посягнутъ мои гонители, и заранѣе уложилъ ихъ въ ящикъ. Возьмите его. Остаюсь съ однимъ крестомъ на груди, и смиряюсь подъ нимъ.“ Жалѣть ли этихъ честолюбцевъ, которые въ чаду тщеславія не умѣютъ жалѣть ни себя, ни другихъ?

Въ началѣ въ кадетскій корпусъ поступали взрослые юноши, съ познаніями предварительными. Въ числѣ ихъ былъ Румянцевъ-Задунайскій. Извѣстно, что при Аннѣ Иоанновнѣ, въ какомъ порывѣ негодованія онъ удался въ Пруссію и подъ знаменами Фридриха довершилъ свое военное воспитаніе. Минихъ научилъ Русскихъ побѣждать карелями, а Румянцевъ отмѣнилъ рогаки, которыми солдаты наши ограждались для цѣльной стрѣльбы. Къ устрашенію Оттоманской державы, особенно сильной тогда войскомъ янычарскимъ, Румянцевъ перешелъ за Дунай только съ 13.000, а потому просилъ усилить его полки. Екатерина отвѣчала, вслѣдствіе своихъ правилъ, что не можетъ отдѣлать ни одного человека отъ сохи до окончанія полевыхъ работъ, почитая первую

своею заботой народное продовольствіе. Такой переписки не было ни въ одной изъ европейскихъ лѣтописей.—Графъ Панинъ, покорившій Бендеры и нанесшій послѣдній ударъ Пугачеву; князь Прозоровскій, образователь легкой конницы; Мелленино, содѣйствовавшій побѣдамъ подъ Ларою и Кагуломъ; графъ Н. И. Панинъ, прославившійся въ царствованіе Екатерины такою же правдивостью какъ князь Я. С. Долгорукій при Петрѣ I, и на поприщѣ государственномъ неутомимо наблюдавшій пользу народную, — всѣ они вышли изъ кадетскаго корпуса. Тутъ же учрежденъ былъ первый русскій театр. Трагедія *Хорезъ*, сочиненная кадетомъ Сумароковымъ, разыграна была товарищами его въ корпусѣ и потомъ во дворцѣ императрицы Елизаветы. Въ то же время учреждалось между кадетами первое общество любителей россійской словесности. Предсѣдателями его были Сумароковъ и Херасковъ. Портреты ихъ и теперь находятся въ кадетской залѣ. Суворовъ два свои разговора въ царствѣ мертвыхъ (Кортеца съ Монтезумою и Александра съ Эростратомъ) читалъ въ кадетскомъ обществѣ любителей россійской словесности, о чемъ я слышалъ отъ самого Хераскова. Постояннымъ попечителемъ кадетскаго корпуса, при всѣхъ другихъ начальникахъ, былъ Иванъ Ивановичъ Бецкій.

Въ нашемъ энциклопедическомъ словарѣ помѣстили какую-то загадочную родословную Бецкаго. Смѣшно чваниться родомъ и вѣковыми грамотами съ заслугами и безъ заслугъ. Бецкій ничѣмъ и не хвалился; въ чинахъ и блестящихъ почестяхъ, онъ вполнѣ былъ человекъ и скромное поприще жизни своей означалъ дѣлами полезными человечеству; но и онъ не избѣгалъ укоризны. Легкомысленные его современники, не постигая цѣли его учрежденій, говорили: Иванъ Ивановичъ Бецкій—человекъ нѣмецкій; а въ заведеніяхъ его и тамъ не было нѣмецкаго. Въ основаніи воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, или Смольнаго монастыря, онъ руководствовался заведеніями г-жи Ментенонъ; а въ новомъ уставѣ преобразованнаго кадетскаго корпуса помѣстилъ правила изъ *Эмиліи Ж. Ж. Руссо*.

Насмѣшки бѣсаятъ мелкую спѣсь. И. И. Бецкій пропускалъ ихъ мимо ушей. Онъ служилъ добру. Упомянуто было, что при Минахѣ поступали въ корпусъ взрослые юноши. Бецкій, какъ

будто по степенямъ новой жизни раздѣлялъ корпусъ на пять возрастовъ. Каждый возрастъ состоялъ изъ пяти отдѣленій, заключающихъ въ себѣ по двадцати дворянъ и пяти гимназистовъ, изъ мѣщанскихъ дѣтей; первыхъ приготовляли къ военной службѣ, а послѣднихъ къ званію учителей; но въ воспитаніи ихъ не было никакого различія. Кто болѣе успѣвалъ въ нравственности и наукѣ, тотъ и получалъ награды. Сынъ мѣщанина шелъ на ряду съ графами и князьями, и по достоинству нерѣдко былъ впереди ихъ. Сближеніемъ сословія въ общемъ воспитаніи Бенкій желалъ, такъ-сказать, породить ихъ навсегда, но это была *утопія*. Богатство, чины и почетность раздѣляютъ все въ свѣтѣ; и на это сердиться нечего; такъ все размѣщаютъ или должности, или обстоятельства. Каждому возрасту назначался трехгодичный срокъ. Въ первый поступали малолѣтныя и постепенно доходили до пятаго. Первый возрастъ находился подъ надзоромъ дамъ или надзирательницъ, второй подъ наблюденіемъ гувернеровъ, а у трехъ послѣднихъ возрастовъ были военные начальники. Не знаю, откуда Бенкій заманивалъ надзирательницъ, или лучше-сказать, матерей малолѣтнихъ питомцевъ. Они сохраняли здоровье пяти и шести-лѣтнихъ малютокъ. Воспитаніе юнаго современнаго поколѣнія было владычествующею мыслию Бенкіаго. Въ половинѣ октября 1778 года онъ сказалъ секретарю своему Княжину:

— Вы, любезный Яковъ Борисовичъ, отказались для меня отъ всѣхъ лестныхъ предложеній А. А. Безбородко; надобно же и мнѣ приготовить вамъ награду къ вашимъ именинамъ.

— Награду? отвѣчалъ Княжнинъ, — вы обижаете меня: вы знаете мой образъ мыслей и удостовѣрены, что лучшею для себя наградою полагаю то, что вы дѣлаете меня участникомъ въ исполненіи дѣла полезной и благотворительной для нашего отечества.

— Мы, возразилъ Бенкій. — племъ оба одинакимъ путемъ.

гите на этотъ случай рѣчь о достоинствѣ человѣка и о личной славѣ просвѣщеннаго, художника; въ этотъ же день будетъ и выпускъ воспитанниковъ окончившихъ ученіе въ Академіи.

— Этотъ день, воскликнулъ Князьинъ,—будетъ счастливейшимъ днемъ всей моей жизни!

Рѣчь и Посланіе къ воспитанникамъ Академіи первоначально напечатаны были въ *Собесѣдникѣ Любителей Россійской Словесности*. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ черты: „Часто видимыя прищѣры свидѣтельствуютъ о томъ, что человѣкъ хотя и обогатенный дарами природы, но безъ воспитанія лишеныи надежнаго путеводства, не шествуетъ, но, такъ-сказать, скитается въ путяхъ свѣта, и не умѣя управлять собою, падаетъ; и покаявъ, къ пущему сожалѣнію согражданъ, сколько бы онъ могъ быть полезенъ, удаляется, не оставя по себѣ ничего или весьма мало плодовъ, которые каждый гражданинъ обязанъ приносить своему отечеству.“ А вотъ что Князьинъ говорить въ своемъ *Посланіи къ воспитанникамъ Академіи Художества* о личномъ достоинствѣ художника:

„Не думайте, чтобы почтеніе обрѣсть
Нужна была бы вамъ чинловъ степенна честь.
Не занимаясь во вѣкъ о рангахъ опоромъ,
Рафаэль не бывалъ коллежскимъ ассессоромъ:
Животворящую онъ кистию одною
Не меньше славленъ былъ, какъ славленъ и герой.

Гдѣ былъ Бецкій, тамъ была и отеческая заботливость и привѣтъ сердечный. Съ какимъ радушіемъ принималъ онъ насъ въ день своихъ именинъ, съ какою лаской самъ угощалъ насъ, и съ какою нѣжною внимательностью разспрашивалъ насъ о предметахъ нашего ученія! Бецкій обладалъ большими свѣдѣніями въ наукахъ и искусствахъ. Онъ подавалъ мысль Лосенко изобразить Екатерину сожигающею маки на атарѣ любви къ отечеству, то-есть поставить ее на стражу пользы ея народа. На такой стражѣ былъ и самъ Бецкій. Мысль его не усыпная о благѣ человѣчества положила основаніе Сиротопитательнаго или Воспитательнаго Дома въ Москвѣ.

Въ старинной Руси, въ одномъ только Новгородѣ, былъ учрежденъ приютъ для безродныхъ младенцевъ. Ежегодное стеченіе гостей иноземныхъ изъ нѣмецкихъ городовъ на берега Волхова и рѣки Великой заносило туда дѣвъ заразы, чужну и своеволие страстей. Первая, извѣстная подъ названіемъ черной смерти (1352), завезенная изъ Китая съ товарами въ

Новгородъ и Псковъ, долетѣла оттуда до Москвы, поражала и князей, и бояръ, и поселявъ. Второе зло было постоянное, и предки наши въ предупрежденіе душегубства учредили Сиротопитательный Домъ въ Новгородѣ. Но въ старинной Москвѣ это пособіе не было нужно. Статья о тогдашнихъ московскихъ приказахъ, помѣщенная Н. И. Новиковымъ въ *Древней Вислмоукъ*, свидѣтельствуешь, что въ то время въ нашей столицѣ не было празднопатающихся людей, и что въ быту соблюдали чистоту нравовъ. Не то было въ новой Москвѣ. Туда заметѣли вдругъ двѣ заразы: моды и толпы саугъ, гайдуковъ, офиціантовъ, и все это была молоджь отторгнутая отъ сохи и затоапившаяся въ домахъ расточительной почетности московской. Мотовство раззорало бытъ сельскій, за Москву страдали села и деревни, а въ Москвѣ часть отъ часу болѣе умножалось распутство. Чтѣ же оставалось дѣлать Бецкому? Онъ не былъ законодателемъ, но онъ зналъ мудрое изреченіе, изображенное и на корнурской нашей стѣнѣ, что вся мудрость человѣческой политики состоитъ въ томъ, чтобы предвидѣть и предупреждать. Онъ предвидѣлъ, что отъ мотовства и неугомонныхъ модъ наслѣдственные имущества будутъ добычей лихоимства, и что своеволие страстей будетъ доводить до того душегубства, за которое Петръ I, несмотря на просьбы супруга своей, подвергъ виновную смертной казни. А потому Бецкій учредилъ Воспитательный Домъ на двухъ главныхъ основаніяхъ: во первыхъ, чтобы спасти несчастныхъ жертвъ, безродныхъ, при первомъ возрѣніи ихъ на свѣтъ; вовторыхъ, чтобы пособіемъ осуднымъ и сохраннымъ сколько возможно предохранить и помѣщиковъ, и крестьявъ, отъ неизбѣжнаго раззоренія. Сколько невинныхъ младенцевъ, отринутыхъ людьми и отданныхъ имъ подъ покровъ Божій! Вотъ и родословная, и вѣковая грамота Бецкаго. Мы это видѣли 1812 года: горѣла Москва, гибла въ ней отъ голода цѣлая семья, а малолѣтнее отдѣленіе

— Ошибаетесь, возразилъ Наполеонъ, — во вы честный и храбрый человекъ. Васъ никто не потревожитъ. Воспитательный Домъ долженъ быть подъ общимъ покровительствомъ человечества.

Ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ не славилъ Бедкаго при жизни его. Оливъ только Державинъ звуками лиры своей почтилъ его могилу, а архимандритъ Анастасій въ память его произнесъ умиленное слово въ нашей корпусной церкви, и мы, кадеты, привесли ему въ дань благодарности искреннія слезы наши. Но если когда-нибудь на берегу Москвы-рѣки, протавъ Воспитательнаго Дома, воздвигнуть памятникъ Бедкому, то лучшею для него надписью послужатъ слова Наполеона: „Воспитательный Домъ состоитъ подъ общимъ покровительствомъ человечества.“

Время быстро летящее, повинаясь Провидѣнію, заботливо о жребіи человечества, завѣсою съ свѣтлою надписью: *смычка*, отдѣляетъ скорбныя воспоминанія отъ привязанностей отдаленныхъ. Я говорю *смычка*, а не *привычка*. Первая относится къ быту нравственному, а вторая къ бытію вещественному. Когда дикарь американскихъ лѣсовъ равнодушно обходилъ великолѣпныя сады Версаля, но вдругъ увидя родное растеніе отчизны своей, бросился къ нему съ крикомъ, со слезами, и осыпалъ его поцѣлуями; онъ вспомнилъ, встрѣта растеніе отчизны своей, и ласки, и привѣтъ, и разговоры родныхъ и друзей, онъ забылъ тогда все, кромѣ тѣхъ съ кѣмъ жилъ сердцемъ и душою. Но отъ насъ, питомцевъ корпусныхъ, далеки уже были всѣ предметы вещественныя, напоминавшіе родину. Мы дышали новымъ воздухомъ, мы сошлись съ новыми товарищами. Смычка соединила съ ними и мысли, и душу, и сердца наши; она породила насъ. Началась дѣтскія игры, дѣтское забвеніе прошедшаго, дѣтская безпечность о будущемъ. Мы думали, что вѣкъ свѣкуемъ въ корпусѣ. Рано познакомились мы съ французскимъ языкомъ; но это было дѣйствіемъ любви сердечной. Повторяю и здѣсь, что счастливый выборъ Бедкаго далъ намъ въ надзирательницахъ нашихъ вторыхъ матерей. Безъ книгъ и перьевъ ихъ ласковый голосъ научилъ насъ обыкновенному разговору. Изъ первыхъ рѣчей, запечатлѣнныхъ въ памяти нашей, былъ сердечный привѣтъ Екатеринѣ. Выше было сказано, что по вечерамъ, въ воскресенье, отправляемы были изъ младшаго возраста по нѣскольку кадетъ для игръ съ ея звуками. Сверхъ

того, въ праздничные дни изъ дворца присылали на каждое отдѣленіе по корзинѣ конфектъ. Наши надзирательницы обдѣляли каждаго изъ насъ по порядку, и заставляли выговаривать слѣдующія слова: „Notre tendre mère et notre Auguste Imperatrice daigne nous envoyer des confitures, pour que nous soyons sages et dociles aux bons conseils qu'on nous donne. Nous devons l'aimer et la chérir car elle ne desire que notre bien.“

Въ корпусѣ учрежденъ былъ оспенный залъ. Хотя у меня была еще дома сильная оспа, но она не оставила никакихъ слѣдовъ, а потому въ числѣ восьмидесяти кадетъ помѣстили туда и меня; тутъ же былъ и десятилѣтній мой товарищъ, Головня. По привитіи оспы, онъ слегъ. Видя его страданіе, я придвинулъ кровать свою къ его кровати и въ полномъ здоровья и усердія ухаживалъ за нимъ. На рукахъ моихъ онъ умеръ съ тѣми словами, которыя удивили меня противоположностью своею: „Глинка, сказалъ онъ, — ты будешь или великимъ бездѣльникомъ, или великимъ человѣкомъ.“ Что умирающій мой товарищъ понималъ подъ словомъ великій? Не знаю. Но вскорѣ буду повѣствовать о ребяческихъ моихъ бездѣльничествахъ.

По окончаніи оспеннаго искуса насъ усадили на классныя скамьи. Я умѣлъ уже читать, и потому попалъ въ 1-й или высшій классъ, гдѣ въ общее и единареспѣвочное чтеніе намъ предложили Всемирную Лекроціеву исторію. И теперь еще помню, какъ учитель нашъ, Аванасьевъ, небольшой ростомъ, но пылкій къ своему дѣлу, для мѣрнаго распѣва, притопывалъ ногою и прикрикивалъ: „громче, громче!“ А кому не подъ ладъ мой громкій голосъ, тотъ пусть жалуется на моего корпуснаго учителя, Аванасьева.

Мы рождаемся не въ золотой вѣкъ Астреи, когда сама природа отъ колыбели до могилы лелѣла человѣка съ любовью нѣжной матери. Мы рождаемся среди борьбы добродѣтели съ порокомъ. Мы должны жить въ обществѣ, слѣд-

на, не зная что такое жить. Я читалъ въ одномъ путешествіи, что въ знойныхъ степяхъ Африки, какъ будто на поверхности океана, мелькаютъ острова, помѣщенные роскошною рукою природы. Если страннику доведется достигнуть такого пріюта, жители принимаютъ его привѣтливо, угощаютъ тридцать дней и потомъ убиваютъ; но послѣдній взоръ жертвы во крайней мѣрѣ обращается на красоты природы. А что встрѣчаетъ простодушный жидецъ свѣта, когда грозный омытъ срываетъ съ очей его завѣсу, скрывавшую отъ него мръ козней, пронырствъ и разврата? Говорятъ, что первый шагъ въ свѣтъ есть шагъ рѣшительный. Но кто дастъ неомытости нить Ариадну, чтобы не запутаться въ извилинахъ путяхъ свѣта? Если правда, что нужны для общества слѣдующія качества: вѣжливое безъ двуличія, откровенность безъ угрюмости, снисхожденіе безъ потачливости, вниманіе безъ изысканности, — то можно сказать, что существуютъ и противоположныя имъ недостатки: обманъ, двуличіе, лукавство. А изъ этой противоположности выходитъ борьба, борьба ежедневная. Слѣдовательно должно знать какъ и съ чѣмъ бороться. А этого мы не знали. Я могъ бы предложить длинную роспись о кадетахъ, изъ которыхъ одни были ограблены плутовствомъ картоновымъ, а другіе, не стерпя пронырливыхъ подмысковъ, угасли на зарѣ жизни. Рѣзкая, но правдивая русская рѣчь гласитъ: простота хуже воровства. Хуже, ибо она производитъ-то, что неопытнаго выходца въ свѣтъ хитрые понуждаютъ какъ хотять и поворачиваютъ куда вздумаютъ. Гдѣ общество добродѣтельныхъ гражданъ? Развѣ на островѣ Жо-Шоо, гдѣ нѣтъ денегъ, гдѣ все даютъ безъ денегъ, и гдѣ, по разказу мореходца Базиль-Галля, нѣтъ ни холоднаго, ни огнестрѣльнаго оружія? Но гдѣ звонкія и другія погремушки, тамъ и въ большемъ, и въ маломъ объемѣ закрадываются плутни.

Сбылось надо мною предсказаніе моего товарища. Не нужно говорить, что у насъ, корпусныхъ питомцевъ, не было никакой недвижимой собственности, но была различная движимость, то-есть перья, бумага, карандаши, краски, книги и проч. Дорого то кому что мило, и я принялся за слѣдующій торговый промыселъ. Сшивъ тетрадь изъ двухъ или трехъ листовъ, я натуралъ страницы мѣломъ и известью, чтобъ онѣ казались толще. Смастера мой товарищ, я кричалъ: «Вѣд хочешь обманывать бумагу на тетрадки?» являлись по-

купцѣ, и начиналась купля. Повершая обманъ обманомъ, я никогда не давалъ оцупывать мои тетрадки. А если кто запаривалъ, я прибѣгалъ къ той условкѣ, которая условляла и боговъ миеологическихъ: я поддразнивалъ самолюбіе. „Не стыдно ли тебѣ, братъ, говорилъ я, вѣдь ты не сабѣлъ и не близорукъ, вѣдь ты уменъ, а не хочешь разобрать что правда и что неправда.“ Хитрилъ, плутовалъ, и тонкія поддѣлки тетрадки, обмѣливалъ на кучи добросовѣстныхъ листовъ. Накопивъ бумага, я клеилъ папки, сумки, коробки, и пускался въ новый торгъ или грабежъ. Повторяю еще: что кому мило то тому и дорого. Ребенокъ плачетъ, кручинится, если сдунуть картонный его домикъ или *окальчатъ* деревяннаго его коня. Всякое посягательство на чужую собственность — кража. Лестъ выкрадываетъ тайны изъ сердца; лестъ выкрадываетъ тайны и изъ кармана. Нынче много пишутъ о *аризводствѣ* и *воспроизводствѣ* промышленности; но чтобы ее производить и распространять, надобно имѣть запасъ и знать изъ чего что извлекать. Я уже съ вѣрнымъ запасомъ шелъ отъ одной плутни къ другой. Однажды лавьки наши распустили молву, пойманную ими на улицѣ, будто бы скоро ударитъ часъ свѣтопреставленія, и будто бы чрезъ три дня войдетъ по небу звѣзда огромная, которая задѣнетъ хвостомъ землю и умчить ее съ собой; я не вѣрилъ этому, но уммыленно поддерживалъ и усиливалъ молву. „Братцы, говорилъ я товарищамъ, бросьте вашу бумагу, перья, карандаши. На что вамъ это все теперь? вѣдь звѣзда все увесетъ.“ Хитрость моя удалась: товарищи мои все бросали, а я все подбиралъ. Пролетѣла три дня, пролетѣла и молва о свѣтопреставленіи, а у меня и подъ кроватью, и подъ соломеннымъ тѣфякомъ, собралась вымороченная бумага. Товарищи осыпали меня просьбами и укоризнами, но я, подобно Горациеву герою,

Грохочущимъ громамъ безтрепетно внималъ
И волны ярости ногами попиралъ.

Щеголая великодушіемъ, я раздавалъ что хотѣлъ и кому хотѣлъ, и узналъ, что для плутней не нужно большаго ума. Плутъ—часовой безомыслимый, а добродушіе безпечно. Я плутовалъ — и самый добродушнѣе ученикомъ. У насъ кто попадаетъ въ просакъ, тотъ оттерпѣивался, а не жаловался. Къ означенію, что плутни мои понятны имъ, товарищи

назвали меня *Багдадскимъ* купцомъ. Мы тогда уже ознакомились съ *Арабскими сказками*. Въ *Совѣсѣдникѣ* 1788 года, между прочими вопросами, Фонтъ-Визинъ предложилъ Екатерину слѣдующій: отчего у насъ пауть идетъ на-ряду съ честнымъ человѣкомъ? Екатерина отвѣчала: „Оттого что первый не учили на судѣ.“ Меня не только не учили на судѣ, но въ книгахъ о поведеніи обо мнѣ писали: *d'une conduite irréprochable* (поведенія безпорочнаго). Это, однакоже, меня не успокоивало. Есть судъ мимо всѣхъ судовъ человѣческихъ, это судъ совѣсти. Никто мнѣ не грозилъ, но какая-то внутренняя укоризна говорила мнѣ, что я дѣлаю дурно, и я слышалъ также что Богъ караетъ за дурныя дѣла. Къ отраженію того, я затѣялъ, подобно древнимъ Титанамъ, несмотря на мое ребячество, бороться съ мыслію о существованіи Бога. Не стану объ этомъ распространяться. Часто думаютъ, что тотъ или другой развращаютъ насъ. Это вздоръ. Я кощунствовалъ, и самъ себя сбивалъ съ толку, пока необычайныя превратности моей жизни не уговорили моей бувайлой мысли; я самовольничалъ, и въ послѣдствіи никого за это не упрекалъ. Ребяческое мое кощунство скоро унялось, и вотъ какимъ образомъ.

До поступленія въ корпусъ, мнѣ не случалось никогда слушать оркестра; однажды въ воскресенье былъ я въ кадетской церкви. Кадеты двухъ высшихъ возрастовъ обыкновенно пѣли на клиросѣхъ съ большимъ искусствомъ и чрезвычайнымъ выраженіемъ. Раздалось *Иже херувимы* Бортиянскаго. Восторгъ необычайный обнялъ и обдѣлалъ, такъ сказать, все существо мое. Слезы градомъ полились изъ глазъ моихъ. Мнѣ казалось, что душа моя переродилась и устремилась выше земли. Сочетавшись сердцемъ съ этою мыслію, я бросилъ свои проказы и промыслы, возвратилъ товарищамъ отягую у нихъ движимость и сталъ переучивать катихизисъ не памятью, а душою.

Однимъ изъ нашихъ поэтовъ въ повѣсти своей упрекаетъ Екатерину за то, что она призвала итальянскихъ виртуозовъ и поручила имъ хоръ придворныхъ пѣвчихъ. Екатерина слышала эти упреки отъ своихъ современниковъ, и говорила: „Есть люди, которые упрекаютъ меня въ пристрастіи къ иностраннымъ виртуозамъ. Это неправда. Я выпишала ихъ не для себя, а для тѣхъ, которые влюблены въ итальянскую музыку; они точно также промотались бы на

виртуозовъ, какъ сорять труды земледѣльцевъ на бездѣлки заграничныя: Природа не даетъ человѣку всѣхъ способностей; она не надѣлила слухъ мой способностью чувствовать очарованіе и сладость музыки. Можетъ-быть оттого что это льститъ моему самолюбію, я какъ сочинительница люблю въ операхъ моихъ русскіе напѣвы!“ Такъ говорила Екатерина; но прочитавъ въ вѣдомостяхъ о чудесномъ дѣйствиіи *Марсельскаго марша* надъ молодымъ французскимъ войскомъ въ битвѣ Жемапской, она приказала полному оркестру играть этотъ маршъ въ Эрмитажномъ театрѣ; чѣмъ болѣе вслушивалась она въ звуки, тѣмъ болѣе измѣнялось ея лицо: глаза ея пылали, она была вѣд себя, и вдругъ махнувъ платкомъ, бывшимъ въ ея рукѣ, вскричала: „полно, полно!“ Что тогда волновало ея душу, это осталось тайною. *

Въ малолѣтнемъ возрастѣ насъ приучали ко всѣмъ воздушнымъ перемѣнамъ. По выходѣ моемъ изъ корпуса, поступилъ я съ товарищемъ моимъ, Монахинимъ, въ число адъютантовъ къ князю Ю. В. Долгорукову. Однажды въ январскій морозъ, князь взялъ насъ съ собою на садку за Прѣневскую заставу; всѣ укутались въ шубы, а мы отправились въ щеголеватыхъ адъютантскихъ мундирахъ. Видя, что не морозъ насъ, а мы проняли морозъ, князь сказалъ: „Это могутъ вытерпѣть только кадеты да черти!“ Укрѣпясь въ дѣтствѣ противъ суровости нашихъ зимъ, я и въ преклонныя мои лѣта никогда не ношу мѣховой одежды.

Для укрѣпленія тѣлесныхъ нашихъ силъ, насъ заставляли перепрыгивать черезъ рвы, взлѣзать и карабкаться на высокіе столбы, прыгать черезъ деревянную лошадь, подниматься на высоты, а выправкою танцевальною приготовляя къ выправкѣ фронтовой. Первымъ нашимъ танцевальнымъ учителемъ былъ Ноденъ, мужъ моей надзирательницы г-жи Ноденъ. Ремесло свое почиталъ онъ не дѣломъ вещественнымъ, но дѣломъ *высокой нравственности*. Онъ говорилъ, что вмѣстѣ съ выправкою тѣла выправляется душа, и что рука грацій образуетъ каждое движеніе ревностнаго любителя Терпсихоры.

choses dans un menuet!" Покойный мой пріятель, Москвитинъ, воспитанникъ академіи художествъ, усовершенствовавшійся въ Парижѣ въ искусствѣ знаменитаго Пигалея, говорилъ мнѣ, что этотъ менуэтъ танцовала королева Марія - Антуанетта съ графомъ В. П. Кочубеемъ.

Давно сказано, что надобно любить дѣтей чтобы понимать ихъ; сердце угадываетъ ихъ вѣрнѣе нежели умъ. Этою сердечною догадливостью въ полномъ смыслѣ обладала надзирательница наша г-жа Нодень. Водъ одинъ примѣръ тому. У нея была дочь Madelon, сверстница наша. Приступая съ нею къ ученію, она наканунѣ заговѣннаго воскресенья пригласила къ себѣ человекъ десять питомцевъ своихъ, въ числѣ которыхъ былъ и я. Комната была освѣщена необыкновенно ярко. Занавѣсы оконъ пестрѣли разноцвѣтными гирляндами; на двухъ столикахъ горѣли восковыя свѣчи въ серебряныхъ подсвѣчникахъ; на одномъ стояла прозрачная корзинка съ конфетами, а на другомъ нѣсколько корзинокъ перевязанныхъ алыми и голубыми лентами. „Дѣти мои, сказала намъ г-жа Нодень, мыѣшную ночь слетѣлъ ко мнѣ въ спальню геній державный въ одной рукѣ корзинку съ конфетами, а въ другой розги. Если Madelon, сказалъ онъ, будетъ прилежно учиться, то вотъ для нея конфеты; а если станетъ лѣниться, то вотъ розги. Вы мать; ваша рука будетъ наказывать легко; но стыдно будетъ и ей, и кадетамъ, если станутъ лѣниться и вести себя дурно!“ Въ этотъ вечеръ, наша милая сверстница и сама была ангеломъ невинности. По блѣдосвѣжымъ ея плечикамъ рассыпались черныя кудри; щеки горѣли; крупныя слезы блистали на густыхъ рѣсницахъ ея. Быстро упала она передъ матерью на колѣни и вскричала: „Буду, буду учиться!“

Ласки лѣгали меня и на родинѣ, и на чужбинѣ. Сказалъ я мамѣ, что на родинѣ первымъ моимъ наставникомъ былъ мой дядя; а въ корпусѣ первую наставницею во французскомъ языкѣ была моя надзирательница. Ей казалось, что я лучше другихъ читаю по-русски, и она избрала меня въ наставники русской грамоты для своей дочери, а ей и мнѣ преподавала сама французскую. Общее наше ученіе шло быстро. Мнѣ было тогда девятый годъ; но я самъ придумалъ способъ какъ скорѣе приучить мою ученицу и къ выговору, и изображенію буквъ русской азбуки; когда Madelon выучивала названіе буквъ, я заставлялъ ее писать ихъ. Счастливейшее было это время моего дѣт-

ства! оно истребило послѣднiе порывы моихъ торговыхъ шалостей. Однажды пришелъ я къ моей надзирательницѣ давать и брать урокъ. Madelon взглянула на меня печально и сказала: „Я слышала, что вы любите обманывать!“ Я догадался, что это передано ей няньками. У насъ было правило, чтобы всѣ наши шалости, какія бы онѣ ни были, оканчивались между нами, и мы никогда не забѣгали съ жалобами другъ на друга. Я отвѣчалъ моей ученицѣ: „Я обманывалъ, но теперь уже обманывать не буду.“ Обратясь къ матери, она повторила мои слова. Мать отвѣчала: „Онъ прекрасно сдѣлаетъ если не будетъ обманывать. Обманъ — гнусный порокъ.“

Изъ перваго возраста перешелъ я во второй, гдѣ для лѣтнихъ игръ былъ обширный дворъ, отдѣленный заборомъ отъ прежняго нашего сада; часто мы подбѣгали къ нему и въ промежутокъ забора смотрѣли на липы, подъ которыми бывало играли и сидѣли; смотрѣли не пройдетъ ли кто изъ нашихъ надзирательницъ или нянекъ; сердце билось отъ радости, когда взоры наши встрѣчались съ ихъ взорами, и когда намъ удавалось прокричать: „Здравствуйте, здравствуйте, мы васъ помнимъ, мы васъ любимъ!“ И въ новомъ возрастѣ мы встрѣтили новое свидѣтельство о томъ съ какимъ умѣньемъ и раченiемъ Бецкiй выбиралъ людей для нашего воспитанiя. Главный начальникъ втораго возраста и всѣ гувернеры были Французы. Кто же и въ нихъ вложилъ горячее и безкорыстное усердiе къ пользѣ нашей? Выборъ Бецкаго.

Начну съ нашего инспектора, майора Франандье. Онъ былъ человекъ ученый, умный и зоркiй въ дѣлахъ жизни. Однажды, когда нашъ iеродиаконъ объяснялъ намъ катихизисъ, онъ принесъ Вольтерова *Zadiga*, переведеннаго Смирновымъ. „Прочитайте, сказалъ онъ iеродиакону, — прочи-

ги, были приняты грубо и отведены въ какое-то захолустье, гдѣ предложили имъ самый скудный ужинъ. Къ удивленію Задига, пустынный подарилъ скупому похищенный сосудъ; Задигъ и тутъ молчалъ. На другой день вечеромъ были они въ сельскомъ домикѣ, гдѣ хозяинъ, посвятившій себя изученію природы и человѣка, принялъ ихъ радушно и доставилъ имъ всѣ пріятности хорошаго ночлега. На ранней зарѣ, когда всѣ еще спали въ домѣ, пустынный зажегъ его и удалился. Задигъ кипѣлъ нетерпѣніемъ, но властительный взглядъ пустыняка удерживалъ его порывъ. Послѣдній ночлегъ ихъ былъ у вдовы. Привѣтливо угостила она ихъ, и заботясь о дальнѣйшемъ ихъ пути, дала имъ своего племянника въ проводники, чтобъ онъ безопаснѣе провелъ ихъ черезъ испорченный мостъ. Едва сдѣлали они нѣсколько шаговъ по мосту, пустынный схватилъ юношу за волосы и сильною рукою обросилъ его въ ровъ. „Чудовище, извергъ!“ вскричалъ Задигъ. — „Чудовище,“ вскричалъ и я, вкочивъ съ лавки. — „Не горячись Гайлика,“ возразилъ Франандъе, „не горячись, а послушай повѣсть.“

Вотъ сущность и развязка этой повѣсти:—„При встрѣчѣ со мною, сказалъ пустынный Задигу,—ты засталъ меня за чтеніемъ книги и спросилъ о заглавіи ея. Я отвѣтилъ, что эта *Книга судьбы*. Ты любопытствовалъ заглянуть въ нее, и долго перебирая листы, признался, что не понимаешь въ ней ни одной буквы. Вотъ почему требовалъ я отъ тебя безусловнаго молчанія на все что бы я ни дѣлалъ. Слушай: боюсь, у котораго похитилъ я драгоценный сосудъ, угощаетъ только для того чтобы блеснуть своею пышностью. Мой урокъ ускромнить его. Я подарилъ сосудъ скупому, и онъ впередъ будетъ гостепріимнѣе, въ ожиданіи какой-нибудь немалой выгоды. Жалко тебѣ было, когда я сжегъ домъ умнаго нашего хозяина, но подъ развалинами его онъ найдетъ кладъ, который дастъ ему средство еще болѣе дѣлать добра людямъ. Ужаснулся ты, когда я обросилъ съ моста прекраснаго юношу; но знай, что чрезъ годъ онъ убилъ бы свою родственницу, а чрезъ два года—тебя.“—„Но кто открылъ тебѣ все это?“ спросилъ Задигъ. — „*Книга судьбы*, въ которой ты не помалъ ни одной буквы!“ отвѣчалъ пустынный. — „Мало ли чего вы не понимаете, а по легкомыслію своему отгаживаетесь порицать пути Провидѣнія, которое зареки вашей безразсудности ведетъ и всегда заботится

о васъ.“ — „Но кто сдѣлалъ тебя вѣстникомъ Провидѣнія?“ спросилъ Задигъ. Тутъ, вмѣсто престарѣлаго пустыльника, увидѣлъ онъ генія съ блестящими крыльями. „Смиряться!“ воскликнулъ Задигъ, и геній исчезъ.

По окончаніи чтенія, Фрамадье сказалъ: „господа! не забывайте никогда выѣшней повѣсти. Во всемъ и всегда покоряйтесь Провидѣнію. Храните честь, честность и благородство души, и вы всегда будете счастливы внутреннимъ соблюденіемъ своей совѣсти.“

Въ корпусѣ служилъ военнымъ инспекторомъ тотъ де-Рибасъ, о которомъ Суворовъ говорилъ, что его и Кутузовъ не обманетъ. Де-Рибасъ отправленъ былъ съ письмомъ, въ которомъ Бецкій приглашалъ Потемкина въ почетные члены Воспитательнаго Дома. Въ отвѣтъ своемъ Бецкому, князь Таврической между прочимъ писалъ: „Благодарю васъ за сдѣланную мнѣ честь; но вы можете-быть и посѣтуете на меня, за то что я отнялъ у васъ де-Рибаса. Онъ нуженъ здѣсь для общаго дѣла и для меня.“ Длинное письмо Бецкаго къ Потемкину сочинено было Княжичнымъ, и его можно назвать историческимъ очеркомъ всѣхъ учрежденій Воспитательнаго Дома. А вотъ какъ оно досталось мнѣ. Еще въ бытность мою въ корпусѣ, ученическимъ перомъ писалъ я свои записки. Яковъ Борисовичъ Княжичъ читалъ мою рукопись. Не знаю, что ему въ ней понравилось и что показалось смѣльнымъ, но онъ сказалъ мнѣ: „по замашкѣ вашей мысли, вижу, что вы охотникъ до наблюденій. Это хорошо. Воспоминаніе—запасъ для старости.“ Въ первый приходъ къ намъ онъ подарилъ списокъ своего письма, которое помѣстилъ я заглавною статьей въ первой части моихъ *Русскіе анекдоты*. Тогда же получилъ я отъ него и списокъ французскаго письма къ нему де-Рибаса. Оно было вписано у меня вмѣстѣ съ другими въ особенной книжкѣ и затерялось 1812 года. Сколько

и она передаетъ ему все что дѣлается на Кавказѣ, въ Константинополь и въ Парижѣ. Недавно какъ-то до него дошла вѣсть, что во Франціи, несмотря на мирное время, снаряжаютъ новый конный полкъ. Онъ тотчасъ писалъ туда къ нашему посольству, чтобъ его извѣстили о причинѣ этого. У него, кажется, на перечетѣ всѣ ряды войскъ европейскихъ. Слышалъ я также въ Петербургѣ, что здѣсь всѣмъ распоряжаютъ Поповъ и Фалѣевъ; это пустая молва. Здѣсь нѣтъ проволочекъ, которыя убиваютъ дѣла и людей. Князь думаетъ за Попова, и онъ можетъ свободно играть въ карты. Однажды Потемкинъ замѣтилъ какое-то утомленіе въ лицѣ его и сказалъ: „ты вѣрно всю ночь на пролетѣ проигралъ въ карты. Береги свои глаза. Когда я умру, ты закупорись въ деревнѣ и будешь отъ скуки всматриваться въ звѣзды небесныя.“ * Несправедливо судятъ и о Фалѣевѣ: онъ не только занимается виннымъ откупомъ въ новомъ краю, но и съ чрезвычайною расторопностью содѣйствовалъ къ безостановочному продовольствію войскъ. Съ чрезвычайнымъ также здравымъ смысломъ говоритъ онъ о пользѣ, которую бы приобрѣла общаѣ наша промышленность, еслибъ уничтожены были Днѣпровскіе пороги; и онъ объ этомъ такъ умно и краснорѣчиво рассуждалъ, что, кажется, будто ихъ уже нѣтъ. Славилъ и меня какимъ-то хитрецомъ, а здѣсь видно я перемѣнилася. Суворовъ не знаю изъ чего писалъ ко мнѣ: „Вы ищите совершенство, но вы не найдете его ни въ себѣ ни въ комъ другомъ.“ Его вѣрно напугала настойчивость моя въ порученной мнѣ работѣ; но я стыдился бы потерять и одну минуту бесполезно. Мое первое наслажденіе быть во всемъ достойнымъ вниманія князя. Довѣренность къ его уму и слава здѣсь всѣхъ одушевляетъ; за то и о немъ можно сказать, что онъ могъ бы самъ все дѣлать, но онъ любитъ дѣлаться своею славой и въ подвигахъ другихъ, утѣшается уступкою славы.“

Вскорѣ послѣ отъѣзда де-Рибаса, Екатерина посѣтила Бедкаго; замѣтивъ необыкновенную суетливостъ въ той половинѣ дома, гдѣ жило семейство Рибаса, она спросила: все ли у

* И это сбылось. Во время отставки, живя въ помѣстьѣ своемъ Решетилкѣ, Поповъ занимался астрономическими наблюденіями. Я узналъ это въ 1805 году, въ бытность мою въ Украйнѣ отъ Х...., съ дѣтьми котораго я занимался русскою словесностью, и мы посвятили Василію Степановичу Попову переводъ рѣчи Вюффона о природѣ.

васъ здорово? и услыша, что поѣхали за повивальную бабкой, она послѣшила въ спальню супруги де-Рибаса и прислуживала ей до приѣзда бабки. Узнавъ объ этомъ, Рибасъ писалъ къ императрицѣ: „Какъ не посвятить всѣ дни свои службѣ вашей, и какъ не желать жертвовать жизнью за васъ и за отечество, вида такую безпредѣльную заботливость вашу о нашихъ семействахъ.“ Екатерина отвѣчала: „Мое первое удовольствіе дѣлать всегда и при всякомъ случаѣ всевозможное добро всѣмъ и каждому. Радуетъ меня похвальный объ васъ отзывъ князя Григорія Александровича. А я была на крестинахъ въ семействѣ вашемъ.“

(До слѣдующаго №)

ОЧЕРКИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ.

V.

Въ заключеніе нашихъ очерковъ мы обѣщали сообщить нѣсколько замѣтокъ, относящихся къ другой, не коммерческой, сторонѣ Нижегородской ярмарки, къ кругу нравственныхъ и вообще бытовыхъ ея явленій. Исполняемъ теперь это обѣщаніе, но просимъ не позабыть общей оговорки уже разъ нами сдѣланной. Мы никакъ не можемъ представить полной нравственной характеристики Макарьевского торга; наши личныя впечатлѣнія не только весьма отрывочны, но и значительно обусловлены напоромъ нравственныхъ и умственныхъ движеній нашего времени. Поэтому, по необходимости, многое, въ иное время не существенное, выдвигалось для насъ на ярмаркѣ на первый планъ, а другое, можетъ-быть, *было* существенное, представлялось намъ не такъ выпуклымъ и легко могло быть упущено изъ виду.

Уже учитель Петра Перваго, Н. М. Зотовъ, говорилъ будущему великому преобразователю Россіи: „Макарьевская ярмарка есть зло, которое необходимо — о немъ всегда думать и бороться“.

Съ этой точки зрѣнія Макаръевскій торгъ, нынѣ происходящій хотя и на другомъ, но еще болѣе значительномъ географическомъ и государственномъ пунктѣ Россіи чѣмъ во времена Зотова, конечно заслуживаетъ особеннаго вниманія и попеченія.

Здѣсь, въ мѣстѣ соединенія Окскаго и Волжскаго бассейновъ, столь важномъ въ этнографической и политической исторіи русской государственной территоріи, ежегодно, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, сходятся сотни тысячъ людей всякихъ языковъ, всякихъ вѣроисповѣданій и всякихъ цивилизацій. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ здѣсь бойко бьется пульсъ русской народной жизни и очевидно къ нему необходимо прислушиваться съ величайшимъ вниманіемъ. Въ біеніяхъ этого пульса нельзя не ловить признаковъ движеній, происходящихъ на разныхъ концахъ Русской земли и въ разныхъ закоулкахъ русскаго общества, откуда народная жизнь прибываетъ такою стремительною волной въ это средоточіе, чтобъ изъ него, не менѣе стремительною возвратною волной, разнести по всѣмъ путямъ Русской земли накопляющіеся, перемѣшивающіеся и растворяющіеся въ этомъ общемъ резервуарѣ наносы самыхъ разнообразныхъ породъ и качествъ. Нельзя наконецъ всячески не оберечь чистоты такого важнаго средоточія народной жизни. Въ этомъ смыслѣ позволительно понимать слова завѣщаннаго Зотовымъ своему царственному ученику, хотя и нѣтъ сомнѣнія, что потомство всегда по своему понимаетъ слова предковъ.

Въ чемъ же въ особенности проявилось наше попеченіе объ этомъ „зѣло важномъ сходбищѣ“ русскихъ людей, и чѣмъ преимущественно привлекало оно до сихъ поръ наше вниманіе?

Въ понятіяхъ массы не коммерческой публики Нижегородская ярмарка нерѣдко представляется единственно какъ мѣсто гулянья и кутежа; по крайней мѣрѣ, въ разговорахъ пуб-

намъ случалось уже говорить въ началѣ нашего труда *),—также почти исключительно вращается около увеселительныхъ ея заведеній. Не мудрено что въ воображеніи значительной части не коммерческой публики средоточіемъ всего интереса Макарьевского торговаго общества является село *Кунавино*. Между тѣмъ эта кунавская точка зрѣнія на ярмарку, даже въ самомъ тѣсномъ смыслѣ ярмарочнаго разгула, оказывается нынѣ совершенно невѣрной, ибо даже въ спеціальной исторіи развращенія нравовъ на Нижегородской ярмаркѣ иныя ея области далеко опередили Кунавино.

Сложившимся о ярмаркѣ понятіямъ болѣе или менѣе соответствовали и самыя отношенія о ней государства. Охрана этого важнаго средоточія народной жизни со стороны государства всегда заключалась главнымъ образомъ въ самомъ наружномъ полицейскомъ и даже воинскомъ надзорѣ. Спѣшимъ оговориться, съ тѣмъ чтобы наши слова не дали повода къ недоразумѣніямъ. Полиція, конечно, есть спеціальнѣйшее призваніе государства, и мы не имѣемъ никакого особеннаго расположенія къ развитію дѣятельности государства, по отношенію къ торговлѣ, за предѣлы этого самаго безспорнаго его призванія. Прибавимъ, что усиленіе вниманія на военную сторону полицейскаго надзора за Нижегородскою ярмаркою, какъ это было въ послѣднее время (съ 1862 года), привнесло свою долю пользы, оградивъ мирныхъ коммерческихъ людей отъ того смутенія въ умахъ, которое распространялось у насъ за пожарами и польскимъ возстаніемъ. Въ какой степени эти экстренныя военныя мѣры необходимы и теперь, это другой вопросъ, котораго мы не желаемъ здѣсь касаться. Но какъ бы ни была важна полиція для народной жизни, и какъ бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ни были полезны даже самыя наружныя ея принадлежности, все-таки существенная роль полиціи не заключается въ однихъ только полицейскихъ декораціяхъ и вооруженіяхъ, способныхъ охранять публику развѣ только отъ людей пугающихся видомъ холднаго и огнестрѣльнаго оружія. Очевидно, что задача полиціи не можетъ еще быть признана окончательно разрѣшеною,

когда напимъ, какъ мы видѣли на Нижегородской ярмаркѣ, у пороговъ всѣхъ увеселительныхъ заведеній и гульбищъ разставлены, въ полномъ комплектѣ, представители полицейскаго надзора: регулярная или гражданская полиція, жандармы, казаки, и наконецъ, даже самыя экстремныя полицейскіе сикурсы—строевыя воинскіе чины. Даже еслибы стражи порядка были разставлены не только у входовъ на танцевальныя вечера, но и въ самыхъ танцевальныхъ залахъ, къ каждому райку (панорамщику) на площади приставленъ былъ казакъ, и казаки ни на минуту не переставали бы развязывать по мосту, махая ногайками и крича безустанно: „тише вѣхать,“ даже когда на мосту вѣтъ ни одного экипажа,—и тогда цѣль полиціи нельзя было бы признать окончательно достигнутою. Усиленіе полицейской стражи въ разныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ приводитъ нерѣдко къ одному только вѣрному результату—къ усиленію состава служителей этихъ заведеній (такъ жандармы отбираютъ и считают билеты на танцевальныхъ вечерахъ), и превращается нѣкоторымъ образомъ въ правительственную субсидію. Такая субсидія заключается уже въ томъ увеличеніи числа потребителей увеселительныхъ ярмарочныхъ товаровъ, которое естественно сопровождаетъ усиленіе численности полицейскихъ дѣятелей: полиція, какъ и вся сфера административныхъ лицъ, производитъ даже самый оживленный спросъ на эти товары. * Нерѣдко даже такое правительственное содѣйствіе увеселительнымъ ярмарочнымъ промысламъ выходитъ за предѣлы свободнаго содѣйствія и обращается въ насильственное покровительство тому или другому потребленію: такъ казакъ, приставленный къ панорамщику, заставляетъ его насильно, по требованію окружающей толпы, показывать самыя секретныя картинки, ** которыя даже панорамщикъ,

* Какъ ни странно можетъ показаться эта мысль о превращеніи при извѣстныхъ условіяхъ полицейскаго надзора и вообще государственной охраны въ прямую субсидію увеселительнымъ промышленнымъ предпріятіямъ, но она между тѣмъ справедлива. Весь личный составъ государственной администраціи составляетъ въ государствѣ классъ потребителей по преимуществу и даже въ особенности предметовъ роскоши и разсѣянія.

** Изображенія на этихъ картинкахъ достигаютъ самыхъ крайнихъ предѣловъ безстыдства и несомнѣнно служатъ къ самому наглядному и общепонятному распространенію въ малолѣтнемъ поколѣніи простаго народа, тысячами окружающаго райки на площадяхъ, свѣдѣній о вещахъ, которыя ему и присниться не могутъ въ его сельскомъ захолустьѣ.

отчаянный, забубенный гуляка, замялся показывать, примѣтивъ у стеклышка своей панорамы несовершеннолѣтнюю крестьянскую дѣвчушку. Наконецъ, нельзя сказать, чтобы новѣйшими мѣрами полицейскаго надзора были окончательно устранены на Нижегородской ярмаркѣ самыя грубыя нарушенія порядка, хотя можетъ-статься и достигнуты нѣкоторыя улучшения сравнительно съ давно прошедшимъ временемъ. Мы сами были еще свидѣтелями печальныхъ кровопролитій на улицахъ среди бѣлаго дня,—однажды чуть-чуть не дошедшихъ до убійства,—несмотря на многочисленныхъ казаковъ, мчавшихся одинъ за другимъ мимо побоища для исполненія слѣдственныхъ приказаній начальства; были и открытые грабежи посреди улицы наполненной народомъ; были и покушенія на тайныя убійства, оставленные случайно проходившими мирными гражданами; было ежедневное, сопряженное съ большою опасностію столпленіе судовъ на окской переправѣ ночью (когда разводится мостъ).

Указывая на эти факты, мы чужды всякаго желанія давать практическія наставленія, и намъ дѣлается даже страшно, чтобы наши слова не внушили мысли о необходимости еще большаго расширенія ярмарочной полицейской дѣятельности и еще большаго чѣмъ нынѣ вторженія администраціи въ частную жизнь. Зная какъ трудно разрѣшается задача полиціи за предѣлами наружнаго полицейскаго надзора, и какъ плодомъ самаго благороднаго усердія администраторовъ на этой почвѣ является обыкновенно только стѣсненіе народной жизни, безъ всякихъ благъ полицейской охраны,—заявляя все это, мы конечно готовы предпочесть нынѣшнее положеніе вещей на Нижегородской ярмаркѣ всякому дальнѣйшему развитію на ней полицейскаго дѣла. Грубые, такъ-сказать механическіе, приемы полицейской системы, которая господствовала тамъ до сихъ поръ, имѣли, по крайней мѣрѣ, своимъ несомнѣнно-полезнымъ послѣдствіемъ свободное и естественное развитіе ярмарки. Съ усиленіемъ полицейской дѣятельности мы можемъ потерять и это благо, не приобрѣта никакаго новаго. Задача полиціи, за предѣлами наружной полиціи, какъ бы такая задача ни казалась необходимою и въ извѣстной степени удобоисполнимою, неизмѣримо труднѣе задачи наружнаго и военнаго полицейскаго надзора. Охрана народной жизни и народнаго воспитанія, совершающагося на улицахъ и гульбищахъ болѣе чѣмъ въ шко-

лѣ, охрана отъ нравственнаго насилія и соблазна, цѣлесообразная и не стѣснительная для частныхъ лицъ, — такая охрана требуетъ предварительнаго, тщательнаго изученія народной жизни; сверхъ того, она обусловливается въ своемъ исполненіи способами и орудіями дѣйствій, которыя не всегда находятся въ распоряженіи власти. Такія орудія полиціи сами являются плодомъ успѣховъ народнаго воспитанія и не могутъ быть созданы по желанію власти. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе затронутой нами государственной задачи, мы позволимъ себѣ только сообщить нѣсколько наблюденій и размышленій, почерпнутыхъ нами на Нижегородской ярмаркѣ и возбужденныхъ фактами, обнаруживающими господствующее здѣсь, по нашему мнѣнію, ошибочное, или лучше, весьма узкое пониманіе цѣлей какъ ярмарочной, такъ и всякой полиціи.

Разказы о разгулѣ на Макарьевской ярмаркѣ положительно преувеличены, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ настоящему времени; они основаны на фактахъ давно минувшей старины. Во всякомъ случаѣ, то что дѣйствительно есть въ увеселительной сферѣ Нижегородской ярмарки самаго оскорбительнаго для нравственнаго чувства и самаго опаснаго для народной нравственности, заключается не столько въ дивическихъ проявленіяхъ грубаго разврата, сколько въ иныхъ гораздо менѣе оловимыхъ явленіяхъ.

Прежде всего должно замѣтить, что молодое поколѣніе торговаго класса, если не обманываютъ насъ всѣ наши наблюденія, почерпнутыя однако изъ продолжительныхъ и тѣсныхъ сношеній съ представителями всѣхъ слоевъ этого класса, — молодое поколѣніе (собственно возмужалое, а не самое юное, еще стоящее въ сторонѣ отъ дѣла) значительно остепенилось въ сравненіи съ старымъ поколѣніемъ. Въ поколѣніи средняго возраста замѣтны рѣшительные успѣхи семейной жизни и отвращеніе отъ кочевой, составляющей сущность нашего ярмарочнаго быта; усовершенствованіе путей сообщенія позволило женамъ сопровождать своихъ

чтобъ и наша, такъ-называемая, *купчиха*, добиваясь какъ можно скорѣе прогресса, не шагнула, подобно нѣкоторымъ своимъ соотечественницамъ, въ столь соблазнительные закоулки *эмансипаціи*... Какъ бы то ни было, запоздѣлый кочевой разгулъ принадлежитъ кажется нынѣ по преимуществу старому поколѣнію торговыхъ людей; молодые люди положительо не поспѣваютъ за стариками. Въ настоящее время оказывается слабою не столько нравственная, сколько умственная сторона нашего купеческаго люда; между тѣмъ успѣхи образованія, и именно школьнаго, составляютъ одинъ изъ первостепенныхъ вопросовъ нашей отечественной торговли, которая несомнѣнно находится и внутри Россіи, и на всемірныхъ рынкахъ, въ униженномъ положеніи, подчиненномъ господству иностранцевъ и иностранныхъ капиталовъ. Сколько бы ни кричали о таможенномъ тарифѣ, это иностранное господство главнымъ образомъ происходитъ отъ превосходства умственного образованія иностранныхъ торговыхъ людей надъ русскими; а такое превосходство не можетъ измѣниться ни отъ какихъ тарифовъ. По истинѣ надо удивляться, — какъ и удивляются иностранцы, — природной даровитости русской природы, и именно исторической даровитости къ коммерческому дѣлу, когда видишь какъ самородные наши торговцы, едва умѣющіе разобрать купеческій счетъ и подписать вексель, справляются съ этими иностранцами, большею частію прошедшими, до конторы, полныя курсъ наукъ въ среднихъ и даже высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спѣшимъ замѣтить, что успѣхамъ школьнаго образованія нашего купечества нынѣ препятствуетъ не ихъ добрая воля, а то плачевное направленіе, которое приняли у насъ школы въ послѣднее время: мы можемъ положительно засвидѣтельствовать, и въ особенности послѣ всего того что слышали среди купечества торгующаго на Нижегородской ярмаркѣ, какъ сильно озабочиваетъ этотъ классъ вопросъ о необходимости образованія дѣтей. Но виновато ли купечество въ томъ, что школьное образованіе представляется ему съ нѣкоторыхъ поръ единственно въ видѣ отрицанія всего что составляетъ, даже по безсознательному инстинкту самаго необразованнаго человѣка, нравственную основу, достоинство и лучшую красу человѣка? Виновато ли купечество, когда его сыновья возвращаются къ домашнему очагу съ единственнымъ вновь приобретен-

нымъ убѣжденіемъ, что вся наука, до сихъ поръ существовавшая у образованныхъ народовъ, и всѣ придуманные ими для человѣческаго общежитія порядки—совершеннѣйшій вздоръ, долженствующій въ одинъ прекрасный день быть уничтоженнымъ? Въ какомъ бы отчужденіи отъ западно-европейскаго образованія ни жило наше купечество, но оно никакъ не можетъ примириться съ такимъ *последнимъ результатомъ* современнаго нашего школьнаго образованія, и никакъ не можетъ повѣрить, чтобы молодые люди, воротившіеся изъ школы съ подобнымъ *последнимъ словомъ*, были дѣйствительно образованнѣе старыхъ. Какъ ни свято хранилъ нашъ купеческій классъ обряды и старину народнаго быта, посреди всеобщей ломки, но онъ вовсе не имѣетъ тѣхъ китайскихъ понятій о западно-европейскомъ образованіи и западно-европейскихъ общественныхъ порядкахъ какъ нѣкоторые наши мыслители и писатели. Самое последнее или самое прогрессивное купеческое поколѣніе, только-что сошедшее съ школьной скамейки, отпугиваетъ купечество отъ школы, практическимъ результатомъ которой являются презрѣніе къ занятію отцевъ и отчужденіе отъ своего ремесла. Въ старые годы купеческая молодежь лѣзла въ чиновничество и дворянство, теперь лѣзетъ въ соціальныя реформаторы и прогрессисты. Впрочемъ такъ-называемая у насъ прогрессивная или лучше недозрѣлая современная литература входитъ въ соприкосновеніе съ купеческою средой и не на одной только школьной скамейкѣ; на Нижегородской ярмаркѣ мы видали скороспѣлыя русскія изданія Бокля, Дарвина, Фогта, въ рукахъ уже весьма возмужалыхъ людей. Понятно, какое смущеніе въ умахъ, чуждыхъ доселѣ всякой книги и всякой школы, способна производить эта литература, въ особенности благодаря неслѣпымъ устнымъ ея истолкованіямъ, которыя носятъ въ воздухѣ и съ каждымъ переходомъ отъ одного необразованнаго чловѣка къ другому постепенно превращаются въ понятія едва вѣроятныя по своему крайнему невѣжеству и безобразію. Что могутъ, напримѣръ, вынести изъ книгъ Бокля—о ходѣ всемірной цивилизаціи и Дарвина—о превращеніи видовъ люди, никогда не читавшіе ни одной книги историческаго или естественно-историческаго содержанія, не имѣющіе никакихъ, самыхъ даже элементарныхъ, понятій о томъ что такое цивилизація и что такое видъ? Какой туманъ долженъ возникнуть въ ихъ головахъ изъ подобнаго чтенія? Но

чтеніе въ дѣйствительности происходитъ весьма рѣдко, въ чемъ мы положительно убѣдились. * Дѣло ограничивается тѣмъ, что Бокль, съ разрыванными страницами, выкладывается на показъ, подлѣ купеческихъ счетовъ, и обладатель этого сокровища объявляетъ каждому встрѣчному, то торжественно, то съ сокрушеніемъ сердца (смотря по личному характеру), что вотъ, дескать, явился на свѣтъ Бокль, разрушившій въ конецъ всѣ старыя системы философіи и всѣ релігіозныя вѣрованія своимъ великимъ открытіемъ,—*открытіемъ съ челоуѣкъ фосфора въ сто души!* Эти невѣроятныя слова приводятся нами съ буквальною точностію; мы ихъ слышали отъ людей произносившихъ ихъ не на вѣтеръ, а съ глубокимъ душевнымъ содроганіемъ; эти люди бывали счастливы, когда намъ удавалось убѣдить ихъ очевидными доказательствами, что Бокль не только никогда не дѣлалъ подобнаго открытія, но что въ его трудахъ нѣтъ даже ничего сколько-нибудь подходящаго къ анализу химическаго состава челоуѣческихъ мозговъ. Не легка бывала для насъ задача въ такихъ случаяхъ съ читателями Бокля (или лучше съ адептами его толкователей),—бесѣдовать, принимавшихъ иногда весьма драматическій характеръ, уничтожавшій для насъ всякій комизмъ положенія; но не было недостатка и въ комизмѣ, особенно когда какой-нибудь обучающійся юноша прибѣгалъ на помощь къ провравшемуся, по его мнѣнію, дядинькѣ со словами „не фосфоръ, а фосфорныя соединенія, дядинька!“ Бокль открывающій фосфоръ въ челоуѣческомъ мозгѣ—вотъ самый характеристическій, взятый нами прямо изъ жизни, образецъ результатовъ того повѣрнаго распространенія свѣта науки въ темныхъ массахъ русскаго народа, которымъ заняты и наивные, и ненаивные служители отечественнаго просвѣщенія. Хорошо также и другой изъ оставшихся у насъ въ памяти образчиковъ прогрессивныхъ купеческихъ воззрѣній, возбуждающихъ негодованіе стараго поколѣнія: „Нѣтъ добра и зла; нѣтъ честнаго и безчестнаго занятія: всякій

полезнѣе для государства чѣмъ купецъ и фабрикантъ неумно-
жій нажитьсѣ.“ И такія рѣчи не разъ случалось намъ слы-
шать въ купеческихъ кругахъ, умѣющихъ отлично прики-
рять у насъ теорію Фогта и Молашотта съ теоріей авіа-
тскихъ нравовъ. Когда толкуешь о такихъ результатахъ со-
временнаго образованія съ разумными стариками, съ такъ-
называемыми бородачами стараго покроя, приходящими въ
ужасъ отъ науки сыновъ и готовыхъ произвести ей анафему
на всѣхъ соборахъ, когда стараешься всячески вразумить
ихъ, что единственное спасеніе отъ этого умственного раз-
врата, производимаго литературой въ ихъ неучившихся сы-
нахъ, есть школа, а не бѣгство отъ науки, — они побѣдо-
носно указываютъ вамъ на внуковъ, на этихъ молодцовъ уже
произошедшихъ въ разныхъ коммерческихъ академіяхъ и
университетахъ всѣ безъ изъятія науки. Когда ихъ въ та-
комъ случаѣ убѣждаешь воздержаться только отъ высшихъ
школъ, сбывающихъ съ толку ихъ молодежь, и ограничиться
пока низшими школами, въ которыхъ все-таки не препода-
ется такое великое количество знаній, способствующихъ
умственному разстройству учениковъ, тогда эти напуган-
ные нашею наукою люди напоминаютъ вамъ что дѣлается
въ нашихъ уѣздныхъ училищахъ, какъ и тамъ набиваются
голова всякимъ хламомъ рѣшительно ни для кого не нуж-
нымъ, ни для мелкаго уѣзднаго торгоша, ни для первосте-
пеннаго европейскаго коммерсанта; напоминаютъ, какъ, на-
примѣръ, въ уѣздныхъ училищахъ учителя исторіи (чему
мы и сами лично были свидѣтелями) читають 9—12 лѣтнимъ
мальчикамъ, ели-ели умѣющимъ читать по складамъ, лекціи
объ исторіи древней Индіи, объясняютъ значеніе сан-
скритскаго языка для сравнительной филологіи, догматы буд-
дизма, и т. д. Послѣ всего этого по неволѣ станешь въ ту-
пикъ передъ купечествомъ, не желающимъ обучать своихъ
дѣтей.

Возвращаемся къ вопросу о развращеніи нравовъ на Ниже-
городской ярмаркѣ. Понятіе о немъ еще въ томъ отношеніи не-
вѣрно, что самая опасная для нравовъ сторона макарьевской
гульбы вовсе не та которую видитъ большинство публики, а съ
нею и высшая полиція; эта опасность, также какъ и самые ос-
корбительные для нравственнаго чувства элементы увеселеній
Макарія заключаются вовсе не въ ихъ дикихъ и безобраз-
ныхъ проявленіяхъ, принадлежащихъ отживающей старинѣ,

а напротивъ, въ ихъ утонченіяхъ и облагораживаніи, принадлежащихъ новѣйшему времени. Увеселительная часть Макарьевской ярмарки есть настоящая энциклопедія увеселеній всѣхъ временъ и народовъ; сюда съѣзжаются *показывать* свое искусство или свои рѣдкости художники изъ всѣхъ концовъ Россіи и Европы. Здѣсь есть, какъ выражаются простые люди, рѣшительно все что надобно для „русскаго расположенія и веселія.“ Нѣтъ нужды говорить, что весь этотъ увеселительный товаръ самаго плохаго качества, кромѣ, однако, балета, отлично поставленнаго, въ недавнее время, петербургскими балетмейстерами и пользующагося просвѣщеннымъ покровительствомъ мѣстныхъ властей. Очевидно, что цѣлыя народонаселенія Россіи почерпаютъ въ размеченіяхъ Нижегородской ярмарки свои понятія объ изящномъ и прекрасномъ и разносятъ ихъ по Россіи. Съ этой точки зрѣнія русскій театръ могъ бы получить здѣсь громадное значеніе; но такое значеніе, безъ сомнѣнія, не можетъ принадлежать балету, менѣе всего способному въ народномъ воображеніи явиться школою изящнаго. „Пляска Иродіады!“ говорили старообрядцы, когда одивъ особенно покровительствуемый балетъ былъ съ особеннымъ торжествомъ поставленъ въ день усѣкновенія главы Іоанна Крестителя.

Какъ ни разнообразна энциклопедія увеселеній и развлеченій Нижегородской ярмарки, но въ ихъ развитіи можно, кажется, замѣтить двѣ струи, текуція съ двухъ противоположныхъ сторонъ: изъ нашей сѣверной столицы и чрезъ нее изъ-за моря, и изъ Москвы и чрезъ нея изъ коренной внутренней Россіи. Петербургъ насаждаетъ утонченія макарьевскаго веселья и высылаетъ къ Нижегородской ярмаркѣ всѣхъ просвѣтителей этого рода, въ томъ числѣ и передовыхъ двигателей балета и *мабилей*, прозванныхъ здѣсь *мушкардамы*; послѣдніе не могли бы устроиться безъ ватаги обоюго пола, выплываемой изъ Питера. Между тѣмъ эти утонченія разврата, совершенно недоступныя грубымъ понятіямъ коренныхъ русскихъ людей, удивительнымъ образомъ ступшеваются ту рѣзкую черту, которая отдѣляла въ старое время область разврата и область увеселенія, заведенія перваго и втораго порядка, посѣтителей тѣхъ и другихъ. По общему и нашему личному замѣчанію, въ прежніе и даже весьма недавніе годы, развратъ былъ гораздо болѣе сосредоточенъ на Нижегородской ярмаркѣ; онъ былъ даже географически

(въ слободѣ Бунавинѣ) разграниченъ съ обыкновенною гульбой. Никогда онъ не разился, хотя и въ болѣе приличныхъ формахъ, по всей ярмаркѣ. Солидные люди, даже изъ среды весьма пріобыкшихъ къ трактирной жизни великороссійскихъ куццовъ, * должны были употребить большія усилія, чтобы замкнуть двери нѣкоторыхъ трактировъ отъ этой всепроникающей струи утонченнаго увеселенія: по огромному уговору обычныхъ почитателей съ хозяевами нѣкоторыхъ (весьма немногихъ) трактировъ, именуемыхъ вслѣдствіе этого коммерческими, въ нихъ безусловно не выпускаютъ женскій полъ, подъ какимъ бы то ни было титуломъ: арфистокъ, пѣвицъ и проч. Известно, что географическое сосредоточеніе разврата замечено во многихъ столицахъ и многояюдныхъ городахъ Европы, и именно тѣхъ, которые отличаются наименьшею порчей нравовъ, какъ напримѣръ въ Лондонѣ; это сосредоточеніе составляетъ, кажется, весьма важный вопросъ благоустройства и благочинія, и несомненно чрезвычайно облегчаетъ полицейскій надзоръ, какъ бы съ перваго взгляда ни сгустились отъ этого наружныя проявленія безнравственности.

Надо признаться, что русскій человѣкъ никакъ не умѣетъ облагораживать развратъ, какъ его этому ни обучаютъ въ Парижѣ и Петербургѣ; эта черта, несколько, впрочемъ, неогорчительная для нашего національнаго самолюбія, какъ полагаютъ многіе, происходитъ, можетъ-быть, действительно отъ нашей отсталости на пути современной цивилизаціи, а можетъ-быть и отъ нѣкоторыхъ племенныхъ, насколько не плачевныхъ, нашихъ свойствъ. ** Эта черта въ особенности ярка на Нижегородской ярмаркѣ. Всѣ эти танцевальныя вечера, затѣваемые съ самыми благими намѣреніями и должествующіе ознакомить русскаго человѣка съ невѣдомыми ему утонченіями новейшей европейской вакханаліи, быстро превращаются подъ его рукой въ самыя отвратительныя питейныя и иныя публичныя заведенія. Замѣчательно, что кромѣ выписанныхъ и всенныхъ танцоровъ, въ тан-

дарованіемъ и любовью къ танцевальному искусству. Вотъ эти мабиши на берегахъ Оки губаютъ отъ господствующаго на нихъ пьянства и отъ такъ-называемыхъ *кажорок*, привлекающихъ туда публку гораздо болѣе чѣмъ танцы. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что весь, сколько-нибудь солидный, армарочный людъ (въ томъ числѣ и самый юный) посѣщаетъ эти зрѣлища лишь изрѣдка, и ради куріоза, ради безобразія.“

Мы вовсе не заражены демократическою идеализаціей низшихъ классовъ, но должны высказать здѣсь несомнѣнный для насъ результатъ всѣхъ нашихъ наблюденій на Нижегородской армаркѣ, что чѣмъ ниже опускаешься по общественной лѣстницѣ гульбы и увеселительныхъ заведеній, тѣмъ менѣе встрѣчаешь нравственнаго дилемма и тѣмъ менѣе оскорбленій для естественныхъ чувствъ стыдливости и человеческого достоинства. На протонародныхъ гульбищахъ (напримѣръ, на самокатахъ, гдѣ распаивается самая непринужденная русская веселость, и гдѣ самодѣльный рожекъ и *трѣпакъ* являются въ формахъ гораздо болѣе свободныхъ нежели облагоустроенные русскіе хоры и подмалеванныя представленія волжской разбойничьей ватаги на танцевальныхъ вечерахъ) и въ увеселительныхъ заведеніяхъ самаго низшаго разбора, харчевняхъ и кабакахъ, народное веселье обезображивается только пьянствомъ, которое у насъ все обезображиваетъ. Кромѣ пьянства вы не замѣтите здѣсь никакого посягательства на наше нравственное чувство. Мы были поражены нравственною пристойностію всего нами здѣсь видѣннаго (въ особенности во взаимномъ обращеніи обоеихъ половъ), по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ увеселеніями высшаго сорта. Такъ, во всѣхъ самодѣльныхъ русскихъ пѣсняхъ, которыя намъ удалось слышать, даже въ самыхъ секретныхъ, было неизмѣримо менѣе дилеммическихъ выраженій, нежели въ усовершенствованныхъ романтическихъ и социальныхъ пѣсняхъ этого рода въ высшихъ увеселительныхъ заведеніяхъ. Къ тому же, протонародная публка рѣшительно не спрашиваетъ ихъ и услаждается (даже пьяная) преимущественно пѣснями чувствительнаго содержанія. Только посреди гульбы самыхъ бѣдныхъ классовъ армарочнаго народонаселенія и простаго народа можно было примѣтить слѣды нѣкоторыхъ элементовъ поэзіи и идеализма, которые никогда вовсе не покидаютъ человѣка посреди какой бы то

ни было обстановки. Такъ единственное потическое воспоминаніе, оставленное въ нашей памяти макарьевскимъ весельемъ была удивительная по своеобразности русская пѣсня (*Ваньчка*), которую намъ впервые довелось слышать въ одной изъ самыхъ грязныхъ харчевенъ Нижегородской ярмарки; эта пѣсня плясовая (сопровожаемая *казачкомъ*) и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-умная (въ миморномъ тонѣ) производитъ, несмотря на пронзительные и сильные женскіе голоса, поразительное впечатлѣніе. Вотъ въ какомъ мрачномъ закулкѣ макарьевскаго разгула приходилось отводить душу вышшими, идеальными ощущеніями.

Здѣсь мы уже коснулись другой струи въ увеселеніяхъ Макарьевской ярмарки, противоположной потоку съ сѣвера,—струя народнаго духа. Этотъ русскій народный духъ проникаетъ собою весь разгулъ и весь бытъ ярмарки; его можно замѣтить подѣ всякимъ иностраннымъ доскомъ, даже и въ самыхъ заморскихъ зрѣлищахъ, получающихъ, несмотря на чужестранное происхожденіе, свой особенный національный отпечатокъ, подобно приобщенію русскихъ пѣсенниковъ даже къ программамъ танцевальныхъ вечеровъ, устроенныхъ по парижскому образцу. Какъ въ торговой, такъ и въ нравственной сферѣ Нижегородской ярмарки представительницей и даже можно сказать владычицей этой русской стихіи является Москва. Москва, какъ мы уже не разъ говорили, всесильная уставщица Нижегородской ярмарки. На всякомъ шагу, во всемъ широкомъ разгулѣ, во всѣхъ принадлежностяхъ трактирной жизни, замѣчаешь здѣсь московскій отпечатокъ, московскій обрядъ. „Такъ дѣлается, такъ заведено въ Москвѣ“—всерѣзняющія слова на ярмаркѣ, противъ всякихъ порядковъ тѣхъ или другихъ порядковъ. „Такъ заведено въ Петербургѣ“—еще ничего не рѣшаетъ, еще не есть нравственный авторитетъ заставляющій подчиняться, а только слова могущія возбудить любопытство послушать и посмотреть какъ это заведено у нихъ тамъ, въ Питерѣ, или что все равно, у иностранцевъ. Этотъ московскій обрядъ, что бы ни говорили, по преимуществу и единственный въ своемъ родѣ,—*всероссійскій*. Хотя Москва не вся Россія, но въ Москвѣ главнымъ образомъ собираются и обобщаются всѣ разнообразныя областныя и мѣстныя элементы русскаго быта, всѣ его нравы и обычаи, и отсюда, такъ или иначе обдѣланные, расходятся по всѣмъ концамъ Россіи. Въ видѣ примѣра, впрочемъ, имо-

важнаго, хотя и довольно характеристическаго, укажем на рождокъ, играющій такую замѣтную роль на народных гулябцахъ Нижегородской ярмарки. Рождковая музыка, въ своемъ родѣ прекрасная, исполняется нѣсколькими хорами крестьянъ изъ одной мѣстности Владимирской губерніи, славящейся этимъ мастерствомъ; но вынѣ рождки эти фабрикуются въ Москвѣ, у одного мастера музыкальныхъ инструментовъ, и вытѣснаютъ первобытную самодѣльщину, даже въ рукахъ самихъ ея изобрѣтателей. Этотъ рождокъ можетъ, кажется намъ, служить образцомъ развитія и перерожденія не только всякой подобной самодѣльщины, но и вообще самородныхъ нравовъ и обычаевъ народной жизни, такъ видоизмѣняющихся при непрерывныхъ встрѣчахъ съ усовершенствованіями искусства и науки въ большихъ городахъ. Этими немногими словами хотѣли мы отвѣтить мимоходомъ и на общій вопросъ, часто возбуждаемый, о степени самородности и безыскусственности тѣхъ или другихъ нравовъ и обычаевъ народнаго быта. Намъ не разъ приходилось слышать, что всѣ, повидимому, природныя и характерныя проявленія русскаго народнаго духа на Нижегородской ярмаркѣ искусственны и нѣсколько не самородны, что, напримѣръ, русская пляска и русская пѣсня на ярмарочныхъ самокатахъ * и сами эти самокаты не русскіе и не народные, что все это искажено передѣлкой, подражаніемъ и обученіемъ, подъ влияніемъ иностранныхъ понятій, что все это, наконецъ, не таково какъ оно въ русской деревнѣ, удаленной отъ городовъ, ярмарокъ и всякихъ промышленныхъ перепутій. Что на Нижегородской ярмаркѣ, какъ и на всякой ярмаркѣ, нельзя изучить русской деревни, это не подлежитъ сомнѣнію; но также точно нельзя сомнѣваться и въ томъ, что народный бытъ складывается не изъ одной только деревни и сельскаго быта. Этого мало; такое великое сходбище людей, какъ Нижегородская ярмарка, не остается безъ могущественнаго вліянія (оставая даже въ сторонѣ чисто экономическое ея значеніе) и на деревню, на самое разобщенное съ промышленностію и городскою жизнію сельское захолустье. Новыя ткани для простонародной одежды, разныя новыя принадлежности и украшенія наряда и цѣлые готовые наряды, точно также и

* Самокаты-качели (на подобіе каруселей) приводимыя въ движеніе людьми и лошадьми находящіяся подъ поломъ.

самыя 'понятія о жизни и ея веселіи быстро расходятся съ Нижегородской ярмарки по всеѣмъ путямъ и тропинкамъ народной жизни и незамѣтно водворяются въ отдаленныхъ захолустьяхъ, куда, на примѣръ, какой-нибудь мѣстный деревенскій щеголь заноситъ ухватки и воззрѣнія, пріобрѣтенныя въ увеселительныхъ заведеніяхъ Макарія, или научаетъ цѣлую деревню пѣть какую-нибудь пѣсню на новый манеръ, такъ какъ ее пропѣли тамъ московскіе пѣсенники. Сколько разъ мы слышали отъ крестьянъ въ нашихъ центральныхъ губерніяхъ, что и у нихъ есть свои моды какъ у господъ. А чтѣ такое мода какъ не перемѣна обычая?

Но кто же не знаетъ, что народный бытъ и всѣ его проявленія непрерывно видоизмѣняются, что они подобно языку ни на минуту даже не останавливаются въ своемъ движеніи. Въ потокѣ этого движенія смѣшиваются и претворяются, какъ и въ языкѣ, въ однородное цѣлое самыя чуждые другъ другу элементы, — претворяются подъ дѣйствіемъ, конечно, одного народнаго начала, которое налагаетъ на всѣ элементы одинъ извѣстный народный или племенный типъ. Разгадать внутреннюю сущность этого народнаго типа, а съ нимъ и его причину — тайну народнаго генія, опредѣлить коренныя основы народнаго начала, едва ли есть какая-нибудь человѣческая возможность; всѣ самыя тщательныя изслѣдованія народной жизни могутъ только позволить уловить наружныя черты и проявленія народнаго типа, господствующія силы и условія его движенія. Точно также нѣтъ никакой возможности различить въ дѣйствительности такъ-называемыя *естественныя* элементы народнаго быта, самородныя, созданныя самопроизвольнымъ творчествомъ самой жизни отъ *искусственныхъ* элементовъ, водворенныхъ въ жизнь творчествомъ личной изобрѣтательности, личнаго произвола и фантазіи, или обрядомъ какой-нибудь мѣстности. Единственнымъ мѣриломъ степени естественности или искусственности можетъ служить только степень водворенія того или другаго обычая въ жизни. Одно прижилось, привилось, другое не прижилось или только еще начинаетъ прививаться; одно сочинено и навязывается жизни на нашихъ глазахъ, другое можетъ-быть и было точно такъ же когда-то сочинено и даже навязано прихотью отдѣльныхъ личностей, но претворилось и вошло въ жизнь. При этомъ одна мѣстность обладаетъ силою распространять

свои обряды въ другихъ соплеменныхъ мѣстностяхъ, а другая нѣтъ. Есть средоточіа по преимуществу восприимчивости въ себя множество самыхъ различныхъ областныхъ теченій народной жизни; въ нихъ происходитъ безпрерывный обменъ всѣхъ нарѣчій и провинциализмовъ народа, въ нихъ поэтому возникаютъ и самые обобщающіе народные элементы. Такова у насъ Москва. Въ этомъ смыслѣ мы и понимаемъ господство московскаго обряда въ народномъ житейскомъ обиходѣ Нижегородской ярмарки; само-собой разумѣется, что это господство не исключаетъ притока къ Макарію и всѣхъ областныхъ русскихъ элементовъ и обратнаго дѣйствія на Москву обычаявъ и нравовъ слагающихся здѣсь въ вихрѣ великаго макарьевскаго сходбища. Но мы, кажется, не ошибаемся, говоря, что русская стихія является здѣсь дѣйствующею, по преимуществу съ московскимъ отпечаткомъ. Этотъ отпечатокъ лежитъ и на самодѣльномъ рождѣ, усовершенствованномъ московскимъ мастеромъ, и на русскихъ пѣсенникахъ, изощрившихъ свое самодѣльное искусство въ московскихъ трактирахъ, и на разныхъ принадлежностяхъ русской кухни, солянкахъ, разстегаяхъ, ухѣ и пр., преобладающихъ между ярмарочными яствами и также получившихъ выдѣльный свой улучшенный видъ подъ рукою московскихъ поваровъ,—на всей, наконецъ, трактирной ярмарочной жизни, сложившейся по преимуществу въ Москвѣ и подъ московскимъ началомъ. Какими бы обольстительными соблазнами ни былъ вооруженъ потокъ мабилей и канкановъ, обрушившихся на Нижегородскую ярмарку изъ Петербурга и Парижа, всѣ эти соблазны скользятъ пока на поверхности народной жизни, не принимаются, не усваиваются ею и не служатъ для народа другаго значенія кромѣ извозныхъ куріозовъ,—въ лучшемъ случаѣ,—и какой-нибудь пляски Иродіады—въ худшемъ. Въ этомъ смыслѣ мы сказали, что струя народнаго духа, привносящая съ собою тѣ питательныя вещества, которыя усваиваются по всѣмъ частямъ и оконечностямъ народнаго организма и переходятъ въ его плоть и кровь,—притекаетъ въ нравственную атмосферу макарьевскаго сходбища изъ Москвы.

Эту струю, какъ бы ни были ивой разъ буривы, грязны и даки ея разливы, все-таки можно признать облагораживающимъ нравственнымъ элементомъ нашего сходбища: ея высшее общественное и политическое значеніе, дѣйствительно

принадлежащее этому великому теченію народныхъ чувствъ, мыслей, вѣрованій и преданій, находящему въ Москвѣ свое главное и коренное средоточіе, а въ макарьевскомъ сходбищѣ важнѣйшій періодическій свой изливъ, — увидимъ въ послѣдствіи. Пока оставемся въ кругу разсматриваемыхъ нами увеселеній и гульбы Нижегородской ярмарки. Мы уже отчасти указали на облагораживающіе, поэтическіе мотивы народной увеселительной стихіи Нижегородской ярмарки: то что есть въ ней грязнаго и циническаго не только не усиливается, но даже, какъ мы сказали, само собой уступаетъ успѣхамъ времени. Нынѣ просто немислимы дикія проявленія купческаго разгула, какія описываются въ чуть-чуть не миѳическихъ преданіяхъ героическаго періода ярмарки, и въ которыхъ баня, эта восточная примѣсь нашего народнаго быта, играетъ кажется господствующую роль; не мыслимо, напримѣръ, употребленіе шампанскаго вмѣсто воды для мытья, житье въ банѣ въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ въ какомъ-то одичаломъ, не человѣческомъ состояніи и проч. Къ этой же категоріи дикихъ забавъ можно, кажется, отнести и бросанье нѣсколькихъ сотенъ рублей на тарелки арфистокъ, хотя этотъ видъ забавы выражаетъ собою иную область инстинктовъ, невѣжественнаго тщеславія и какой-то страсти къ разрушенію нажитаго, — мотивовъ также не мало участвовавшихъ въ ярмарочныхъ развлеченияхъ стараго времени. Но не было кажется никакой исторической необходимости, чтобы мѣсто всѣхъ этихъ дикихъ утѣхъ на ярмаркѣ заступили утонченныя развлечения нашего прогрессивнаго сѣвера, да они нисколько его и не заступили: первая упразднилась сами собою, а нисколько не подъ влияніемъ вторыхъ, которыя никакъ не удовлетворяютъ потребностямъ русской натуры, или какъ здѣсь выражаются, „русскаго расположенія,“ искавшаго себѣ простора въ кунавинскомъ раздольѣ. Ни танцевальныя ярмарочныя вечера, ни балетъ, нисколько не въ силахъ замѣнить собою это раздолье, еслибы даже и можно было ошибочно признать за ними какое-нибудь нравственное превосходство, или даже большую наружную благопристойность въ сравненіи съ Кунавинымъ. Скорѣе танцевальныя вечера способны переродиться въ увеселительныя заведенія Кунавина, безъ тѣхъ однако важныхъ преимуществъ, которыми, какъ мы уже упоминали отличался этотъ знаменитый пригородъ Нижняго: безъ его

географическаго обособленія, связаннаго съ тѣмъ вмѣстѣ полицейскаго и врачебнаго надзора опредѣленностію разграничительной черты, за которую каждый посѣтитель ярмарки былъ воленъ переступить и не переступить. Для прекрасной же половины ярмарочнаго народонаселенія эти различія неисчислимы: переступая границу Кунавина, она знала и обязана была знать что она переступаетъ; на тащавшемъ же вечерѣ, куда уже попадали по ошибкѣ иногородные отцы съ семействами, женщина не знаетъ и не обязана знать гдѣ она. Итакъ, даже и въ этомъ отношеніи нельзя признать увеселительный прогрессъ настоящимъ прогрессомъ, и нѣтъ кажется никакого побужденія оказывать ему особое покровительство въ ущербъ увеселеніямъ старинамъ. Старина отвратительная своею дикостію падаетъ отъ времени сама собою, а новизна прикрытая лоскомъ, въ особенности же новизна привилегированная и чуждая народнымъ правамъ, способна къ дальнѣйшему искусственному развитію и преуспѣванію. Что является пока только чуждымъ, народной почвѣ куріозомъ, скользящимъ на поверхности обществѣ заморскимъ скандаломъ,—то способно въ соединеніи съ близлежащими соками самой почвы, рядомъ неожиданныхъ превращеній, привести къ послѣдствіямъ инымъ нежели тѣ, которыя эти явленія имѣли въ своемъ отечествѣ, за моремъ. Таковъ, въ другой области, нашъ отечественный нигилизмъ, самый неожиданный и чудовищный выродокъ теорій, возникшихъ на чужой почвѣ.

Струя народнаго духа особенно ищутельна въ одномъ явленіи новѣйшаго времени: это господство на ярмаркѣ *русской яски*. Хоры русскихъ пѣсенниковъ сдѣлались необходимою принадлежностію всѣхъ трактировъ отъ высшихъ до самыхъ низшихъ; безъ нихъ не можетъ обойтись никакое пиршество. Они изгоняютъ арфистокъ и всякихъ заѣзжихъ цыземныхъ музыкантовъ, и почти совсѣмъ уже изгнали прежде владычествовавшіе здѣсь цыганскіе таборы. Во главѣ русскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ стоятъ московскіе хоры, изъ коихъ нѣкоторые дѣйствительно достигли музыкальности способной удовлетворить знатоковъ. Мы не можемъ видѣть въ этомъ явленіи случайность, напротивъ видимъ въ немъ естественное отраженіе знаменательныхъ патріотическихъ движеній нашего времени. Въ послѣднее наше посѣщеніе Нижегородской ярмарки (1864 г.)

требованіе со стороны публики на русское пѣніе было сильнѣе чѣмъ на всякое другое разсѣяніе, а четыре года тому назадъ, когда мы были на ярмаркѣ (1860 г.), о русскихъ пѣсенникахъ не было и помину. Трактиръ, прославившійся лучшимъ московскимъ хоромъ, привлекаетъ наибольшее количество посѣтителей, несмотря на сравнительно лучшее устройство другихъ трактировъ. Русская пѣсня по преимуществу обладаетъ тѣмъ нравственнымъ и облагораживающимъ вліяніемъ, которое принадлежитъ народному элементу посреди макарьевскаго веселья: мы сами были свидѣтелями какъ толпы трактирной публики съ восторгомъ и цѣлыя ночи на-пролетъ окружали пѣсенниковъ упиваясь ихъ концертами и предавая забвенію и вино, и всякія ивыя утѣхи. То же самое бывало въ старину и съ цыганскими таборами. Но дѣйствіе той и другой музыки на слушателей, нравственное настроеніе возбуждаемое тою и другою, совершенно различны. Это настроеніе такъ же различно какъ заунывная, зарождающая глубокое раздумье и душевную тоску, русская пѣсня и раздражающій нервы, вызывающій чувственность цыганскій вопль. Упомянемъ кстати, что наслажденія цыганскаго табора невозможны безъ нѣкотораго опьяненія, а русское пѣніе гонитъ вино даже изъ среды самыхъ закоренѣлыхъ забуддыгъ. Въ нашемъ цыганскомъ пѣньѣ, сложившемся на основномъ мотивѣ той же русской пѣсни, какъ будто выходятъ наружу азіятскія, чужеродныя примѣси русскаго быта. Эти русскіе мотивы цыганскаго пѣнья, неволью напоминаютъ о степяхъ нашего юга, гдѣ кочевья азіятскихъ варваровъ нашли такъ много для себя простора и съ трудомъ могли быть осилены русскою, то-есть европейскою стихіей нашей исторіи. Русская стихія, знаменуемая русскою пѣсней, властвуетъ нынѣ на этомъ великомъ сходбищѣ народовъ Азіи и Европы, которое вѣковыми усиліями русской цивилизаціи на сѣверѣ превращено изъ восточнаго караванъ-сарая въ одно изъ важнѣйшихъ средоточій европейской торговли. Но возвратимся къ исходной точкѣ нашихъ размышленій—къ полиціи, о которой намъ необходимо сказать нѣсколько заключительныхъ словъ.

Излишне, кажется, было бы настаивать на необходимости наружной полицейской охраны, обезпеченій внѣшняго порядка и тишины, собственности и личности, отъ всякаго матеріальнаго насилія; эта первая задача полиціи сознается

всими, хотя нельзя сказать, чтобы она была окончательно разрешена на Нижегородской ярмаркѣ. Между тѣмъ удовлетворительное разрешеніе одной этой задачи было бы великимъ благомъ, получивъ которое участвующія въ Макарьевскомъ торгѣ народонаселенія, конечно, готовы были бы, освободить полицію отъ всякихъ чужихъ попеченій и заботъ. Если же полицейская администрація желаетъ простирать свои заботы дагѣе обязанностей наружной полиціи, желаетъ, во весьма естественному, впрочемъ, побужденію, не лишить своихъ обезпеченій и самые народные нравы противъ всякаго соблазна, то задача полиціи чрезвычайно усложняется. Мы уже видѣли, что нѣкоторые благонамѣренные начинанія на этомъ трудномъ пути оказываются пока не совсѣмъ успѣшными. Позволимъ себѣ указать бѣгло на главную и коренную причину непрактичности полицейской системы нравственной охраны, дѣйствующей какъ на Нижегородской ярмаркѣ, такъ можетъ-быть и повсемѣстно у насъ. Наша цѣль была бы достигнута, еслибы наши немногія слова могли послужить людямъ, боже насъ чувствующимъ призваніе къ полицейскому поприщу, поводомъ къ размышленіямъ небезплоднымъ для выхода изъ избитой колеи нашей полицейской рутины. Дѣло состоитъ въ томъ, что общее направленіе всѣхъ полицейскихъ усилій къ упомянутой цѣли заключалось у насъ до сихъ поръ главнымъ образомъ въ томъ чтобы охранять отъ разврата самый развратъ, а не тѣ сферы общественной жизни, которая непричастны ему; бѣлая часть этихъ усилій была направлена къ охраненію отъ соблазна самихъ соблазнительцевъ, а не соблазняемыхъ. Отсюда, кажется намъ, происходитъ вся эта отвѣтственная для свободы жизни и безуспѣшная въ противодѣйствіи злу механическая регламентація проявленій разврата,—регламентація можетъ-быть гораздо болѣе суровая нежели въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ, и только потому еще сколько-нибудь свосная у насъ, что главная сила ея остается на бумагѣ и не находитъ на нашей почвѣ достаточно строгихъ для себя исполнителей. Съ другой стороны, изъ этой же системы происходитъ и то, что сферы народной жизни, не тронуты нравственною порчей,—подрастающія поколѣнія, женщины по преимуществу нуждающіяся въ защитѣ, наконецъ, вся *посторонняя публика* обтаются беззащитны противъ ухищреній разврата и самыхъ наглыхъ оскорбленій нравственнаго чувства, приличія и стыдливости.

Что видимъ мы, напримѣръ, на Нижегородской ярмаркѣ? Полицейскія предписанія здѣсь чрезвычайно заботливы относительно всѣхъ наружныхъ проявленій веселія, и не только на такъ-называемыхъ танцевальныхъ вечерахъ, но даже внутри тѣхъ заведеній, куда конечно не попадаютъ люди нуждающіеся въ защитѣ отъ соблазна; между тѣмъ въ то самое время какъ даже тѣлодвиженія и самыя сокровенныя принадлежности туалета танцующихъ подвергаются полицейской регламентаціи, полиція остается совершенно безучастною зрительницей посѣщенія такихъ *bals Mables* дѣтми, остается даже равнодушною зрительницей участія дѣтей въ самыхъ дикихъ танцахъ. Эту беззаботность трудно объяснить чѣмъ-либо кромѣ общаго духа нашей полицейской охраны, потому что спасеніе дѣтей отъ подобнаго растлѣнія нравовъ не сопряжено ни съ малѣйшими затрудненіями: для этого достаточно одного простаго прегражденія имъ входа во всѣ увеселительныя заведенія подозрительныхъ категорій. Очевидно, что сила такого воспрещенія не можетъ останавливаться даже передъ волею родителей и родственниковъ, которыхъ права на подрастающее поколѣніе нельзя считать безграничными. Мы упоминаемъ объ этомъ, потому что дѣти являютя въ ярмарочныя увеселительныя заведенія большею частію съ родственниками, и это, по мнѣнію многихъ, парализуетъ дѣйствіе полиціи. Одно механическое прегражденіе подобнаго зла уже было бы весьма благотѣльно, и освободило бы публику отъ оскорбленій нравственнаго чувства, гораздо болѣе тягостныхъ нежели какія бы то ни было тѣлодвиженія танцующихъ взрослыхъ людей.

И замѣчательно, что въ то время какъ у насъ никого не удивитъ самое грубое вторженіе полицейской власти въ тайны домашняго очага, для того чтобы получить, при малѣйшемъ подозрѣніи и предлогѣ, доказательства, не совершается ли чего-нибудь безнравственнаго между взрослыми пріятелями, которые никому, кромѣ самихъ себя, не вредятъ своимъ безнравственнымъ поведеніемъ, обыгрывая, напримѣръ, другъ друга въ тихомолку въ азартную карточную игру;—многихъ изумило бы и, можетъ-статься, привело бы въ негодованіе самое скромное требованіе, чтобъ азартныя игры и лотереи были строго преслѣдуемы въ публичныхъ мѣстахъ, гдѣ съ аачностью бросаются на нихъ уже не записные игроки и шулера, а толпы дѣтей и крестьянъ, впервые узнающихъ

на ярмаркѣ о существованіи этихъ игръ и не имѣющихъ понятія о связанныхъ съ ними мошенническихъ продѣлкахъ. Соблазнительныя картинки пресѣдуются въ самыхъ аристократическихъ магазинахъ, куда пойдутъ покупать ихъ только утонченные развратники; между тѣмъ картинки несравненно болѣе дивическія показываются въ райкахъ, на площади, тысячамъ простаго народа всякаго возраста и всякаго пола. Подчинивъ каждый шагъ общества опеку,—хотя и ограничивающейся обыкновенно одною бездушною бюрократическою формою и буквою закона, но тѣмъ не менѣе весьма стѣснительною,—мы не требуемъ одной изъ тѣхъ необходимыхъ для общества охранъ, именно охраны отъ противозаконнаго обмана, отъ противозаконныхъ нарушеній общественнаго довѣрія. Но и эта охрана наилучшимъ образомъ можетъ быть достигнута не путемъ опеки надъ публикой, подвергающейся обману, а пресѣдованіемъ обнаружившагося обмана законою силой власти. Здѣсь между прочимъ мы обратимъ особенное вниманіе на одно обстоятельство, которое у насъ постоянно упускается изъ вида: у насъ всякая вещь и всякій поступокъ могутъ избѣгнуть дѣйствія относящагося къ нимъ закона, *единственно назвавшись именовъ, по закону имъ не принадлежащимъ*. Такъ, напримѣръ, подъ названіемъ трактирныхъ заведеній и со всеми законными правами присвоенными такимъ заведеніямъ существуютъ публичныя заведенія, принадлежація совершенно къ иной категоріи и подчиненныя по закону совсѣмъ иной системѣ. То же самое можно сказать и о такъ-называемыхъ танцевальныхъ вечерахъ. А это явленіе не малозначительно у насъ, и между прочимъ на Нижегородской ярмаркѣ; оно разомъ уничтожаетъ всю разумную предусмотрительность закона. Между тѣмъ, сосредоточивъ усилія на томъ только, чтобы кабакъ назывался кабакомъ, а не штофною лавочкой, танцевальныя вечера, предназначенныя исключительно для холостыхъ людей, не назывались семейными вечерами, развратный домъ не назывался трактиромъ, и т. д., уже однимъ этимъ вы дадите публикѣ гораздо болѣе охраны отъ посягательства на ея нравы нежели когда будете регламентировать тѣлодвиженія на танцевальныхъ вечерахъ посредствомъ жандармовъ, раздающихъ на нихъ билеты, или когда будете, посредствомъ запрещенія не совсѣмъ

приличныхъ пѣсень въ развратныхъ домахъ, охранять добрыя нравы ихъ жителей.

Но мы не любимъ подобной системы дѣйствій: насъ гораздо болѣе интересуетъ крѣпость вина употребляемаго горькими пьяницами, и мы заботливо наблюдаемъ за тѣмъ чтобы эта крѣпость была никакъ не слабѣе того градуса, который мы признаемъ необходимымъ для пьяницъ. Мы заботливо охраняемъ всеми правительственными способами каждый уголокъ обширной Россіи отъ недостатка или дороговизны этого благодѣтельнаго напитка, и заготовляемъ казенные винные запасы. Все это интересуетъ насъ гораздо болѣе нежели то, чтобы подъ наименованіемъ штофныхъ лавочекъ не заводились кабаки, или чтобы сельскія общества и землевладѣльцы были охранены отъ насильственнаго навязыванія услугъ хозяевами всѣхъ этихъ общепользныхъ заведеній. Не проявляется ли во всемъ этомъ то что мы замѣтили выше чрезвычайная заботливость о людяхъ творящихъ общественный соблазнъ и полная беспечность о публикѣ подверженной соблазну.

То или другое направленіе полицейской дѣятельности, какъ бы оно ни было желательно, не зависитъ однако отъ одного произволенія власти законодательной или административной: самыя лучшія намѣренія власти обусловлены окружающими обстоятельствами, и между прочимъ зависятъ въ своемъ осуществленіи отъ орудій исполненія. Это въ особенности примѣнимо къ полиціи, которая, чтобы выполнить какую-либо задачу, должна сознательно проникнуться ею во всемъ своемъ составѣ, до послѣдняго будочника и сторожа. Всякій знаетъ въ какой степени это у насъ удобоисполнимо. Такое затрудненіе болѣе чѣмъ гдѣ-либо замѣтно, для самаго поверхностнаго взгляда, на Нижегородской ярмаркѣ, гдѣ къ обыкновенному еврейскому элементу состава нашихъ высшихъ полицейскихъ чиновъ присоединяется еще новый — *азіатскій*. Этотъ *азіатскій* элементъ (Оренбургское казачье войско, составленное изъ Башкиръ, Тенгераковъ и т. д.) господствуетъ въ сумѣ блюстителей порядка и благочинія на ярмаркѣ: по странной волѣ судьбы, призваніе водворять европейское государственное благоустройство на этомъ сходбищѣ Азіи, пресвященномъ Россіей, выпало нынѣ на долю самихъ Азіятцевъ. Эти истые Азіятцы, только-что введенные Россіей въ семью евро-

дейских народовъ, едва получившіе первое государственное клеймо,—казенный военный мундиръ ихъ есть единственный европейскій признакъ,—являются охранителями европейской нравственности, поставлены налагать узду цивилизаціи на страсти. Не глубокая ли провія судьбы въ этомъ явленіи?

Надо вообще замѣтить, что низшій личный составъ полицейской службы находится у насъ въ полномъ небреженіи: а между тѣмъ на самыхъ низшихъ исполнителяхъ полицейской власти, на самомъ послѣднемъ стражникѣ, солдатѣ, будочникѣ, часовомъ, подчаскѣ, даже разсылномъ,—на всѣхъ этихъ людяхъ доставляющихъ гражданамъ полицейскую охрану не на бумагѣ только, а въ дѣйствительности, — *зидется вся система полиціи*. Если гдѣ возможенъ порядокъ при хорошихъ исполнителяхъ и плохихъ распорядителяхъ и невозможенъ въ обратномъ случаѣ, то это именно въ полицейской службѣ. Какъ бы ни проста казалась, однако, эта истина, она нисколько у насъ не сознается. Мы постоянно видимъ, что всякаго рода заботы, прилагаемыя у насъ къ улучшенію полиціи, обращены преимущественно, если даже не исключительно, на устройство высшихъ полицейскихъ мастей. Это направленіе весьма рельефно отразилось въ послѣднее время въ преобразованіи уѣздной полиціи. Сколько упований было соединено съ переименованіемъ земскихъ исправниковъ и городничихъ въ уѣздныхъ исправниковъ, а между тѣмъ въ низшихъ полицейскихъ этажахъ, тамъ гдѣ эти исправники являются уже не въ видѣ гладкой бумаги или подписавшой и измѣняющей положеніе вещей только въ казенныхъ шкапахъ, а гдѣ они являются дѣйствующею силой (какъ напримѣръ въ лицѣ цвалидной команды и сотскихъ),— все осталось неизмѣнно, въ прежнемъ положеніи. Законъ тщательно опредѣлялъ права и обязанности власти исправника, правительство употребило всѣ старанія къ возможно-лучшему выбору лицъ облеченныхъ ею, но для проявленія своихъ правъ и обязанностей у этой власти нѣтъ въ полномъ и неотъемлемомъ распоряженіи ни одного полицейскаго стражника, даже не вооруженнаго; чтобъ исполнять добросовѣстно полицейскую охрану, уѣзднымъ исправникамъ ничего не остается больше дѣлать какъ буквально дѣйствовать *собственными руками*, какъ нѣкоторые изъ нихъ сами выражались намъ. Думая усилить полицейскую дѣятельность уѣздныхъ исправниковъ, переименовать ихъ въ уѣздныхъ начальниковъ, и это

лучше всего характеризуетъ направление нашихъ полицейскихъ мѣропріятій. При заботахъ о возвышеніи званія главной уѣздной полицейской власти, мы не слышали ни о какихъ серьезныхъ соображеніяхъ относительно устройства полицейской стражи, которая у насъ, можно сказать, не существуетъ и безъ которой нѣтъ настоящей полиціи. Когда возникаетъ надобность улучшить полицейскій порядокъ, то у насъ сейчасъ начинаютъ хлопотать о назначеніи полицеймейстеровъ оберъ-полицеймейстеровъ, генераль-губернаторовъ: съ назначеніемъ послѣднихъ полицейская задача считается уже окончательно разрѣшенною. Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что если дѣйствительно случается, что одно присутствіе генераль-губернаторской власти водворяетъ нѣкоторый порядокъ и усиливаетъ полицейскую охрану, то это происходитъ собственно потому что эта власть обладаетъ, болѣе всякой другой, возможностью увеличивать численный составъ низшей полицейской службы и въ случаѣ надобности призываетъ для этой цѣли строевые воинскіе чины. Такъ было и на Нижегородской ярмаркѣ. У насъ составилось издавна удивительное понятіе, что для низшей полицейской службы всякій годень, что для этого дѣла даже нѣтъ негоднаго человѣка. И такое понятіе живетъ рядомъ съ противоположнымъ понятіемъ, связывающимъ особенный государственный почетъ съ высшими полицейскими должностями. У насъ, какъ-то по преданію, составъ полицейскихъ командъ обыкновенно пополнялся всякимъ военнымъ сбродомъ, тогда какъ наоборотъ для этой службы слѣдовало бы брать только лучшихъ и отборныхъ людей.

Еще одно и послѣднее замѣчаніе относительно полиціи, съ которою намъ давно пора покончить. Одна особенная черта свойственна у насъ всѣмъ видамъ администраціи и всѣмъ сортамъ административныхъ дѣятелей: они чрезвычайно любятъ заниматься чужимъ дѣломъ. Отъ этой склонности

лось не разъ быть свидѣтелями высшихъ соображеній о существованіи торговли и промышленности, о разныхъ финансовыхъ мѣрахъ, о таможенной политикѣ государства, о статистическомъ изслѣдованіи ярмарки, объ устройствѣ ея художественныхъ увеселеній, о театрѣ и музыкѣ и т. д., и всего менѣе приходилось слышать предположеній объ улучшеніи полицейскаго надзора, и вообще даже разговоровъ о такихъ пошлыхъ и скучныхъ вещахъ какъ охрана собственности и личности, необходимость которой представляется нѣкоторымъ изъ нашихъ полицейскихъ дѣятелей какъ-то мечтательною теоріей праздныхъ мыслителей.

Невольно припоминаемъ при этомъ, какъ одинъ изъ высшихъ полицейскихъ дѣятелей, показывавшій по наружности, вслѣдствіе необходимостей новѣйшаго прогрессивнаго времени, свое пренебреженіе къ полиціи, былъ чрезвычайно удивленъ и въ то же время восхищенъ, когда узналъ отъ насъ, что не только мы, по нашему слабому разумѣнію, но и замѣчательнѣйшіе политическіе мыслители западной Европы не признаютъ возможнымъ упразднить полицію въ государствѣ. Впечатлѣніе, какое произвела въ этомъ случаѣ наша бесѣда, мы можемъ сравнить съ изумленіемъ и восторгомъ, какіе ощутилъ одинъ молодой раскольникъ,—котораго рьяные прогрессисты успѣли убѣдить, что всѣ его понятія—грубѣйшее невежество, и что нынѣ нѣтъ ни одного образованнаго человека, вѣрующаго въ Бога,—когда узналъ отъ насъ, что не всѣ образованные и ученые люди держатся такого мнѣнія. Надо сознаться, что у насъ вошло въ обычай между полицейскими служителями всѣхъ категорій какъ будто стыдиться своихъ полицейскихъ обязанностей; они всячески заботятся о томъ, чтобы публика позабыла что на нихъ лежатъ эти обязанности, и особенно любятъ внушать всѣмъ и каждому, а тѣмъ болѣе людямъ, которыхъ уважаютъ, убѣжденіе, что они занимаются полиціей нехотя, кое-какъ, скрѣпя сердце, спуска рукава, что въ сущности они заняты совсѣмъ другимъ, болѣе благороднымъ дѣломъ. Какъ все это должно дѣйствовать успокоительно и на публику, и на нарушителей общественного порядка!

Болѣе благородное дѣло полицейскихъ властей заключается напримѣръ въ *регулированіи* торговли, о которомъ мы такъ много слышали и у Макарія, и въ другихъ мѣстахъ. Это регулированіе, то-есть „направленіе торговли, вопреки своекорыстнымъ

интересамъ торгующихъ, къ высшимъ государственнымъ дѣламъ," занимало между прочимъ умы на Нижегородской ярмаркѣ 1864 г., когда купечество выразило желаніе приобрести въ свою собственность казенныя лавки. Какъ ни очевидно выгодно была бы эта операція для казны, которая освободилась бы отъ весьма дорогаго ремонта, отъ разваливающагося ярмарочнаго гостиннаго двора и также отъ горькихъ жалобъ на него со стороны купечества; какъ ни значительна была бы помощь, которую правительство могло бы посредствомъ этой прибыльной для себя операціи оказать ярмарочной торговлѣ, страдающей отъ плохихъ помѣщеній,—несмотря на все это, мы слышали однако (и не на одной Нижегородской ярмаркѣ) глубокомысленныя разсужденія о необходимости удержанія гостиннаго двора въ рукахъ казны для „регулированія“ производящейся въ немъ торговли. Къ счастью, это регулированіе остается мечтой, и въ дѣйствительности ограничивается только зависимостію торгующихъ отъ ярмарочной конторы, при ежегодной раздачѣ лавокъ. Нельзя не пожелать, чтобы и эта зависимость прекратилась, чтобы съ отчужденіемъ лавокъ изъ казны насталъ болѣе правильный и болѣе свободный экономическій порядокъ въ пользованіи этою собственностію, и чтобы, наконецъ, она не утратила съ удержаніемъ ея въ распоряженіи казны всякую цѣнность. Но, къ несчастію, подобное содѣйствіе успѣхамъ торговли и сбереженію народнаго богатства мало пользуется у насъ сочувствіемъ, и не только въ бюрократическихъ, но даже въ коммерческихъ сферахъ. Наши коммерсанты, сами того не понимая, готовы усердно помогать тому утѣсненію торговли, которое такъ характеристически называется въ некоторыми ея регулированіемъ. Въмѣсто того чтобы настойчиво стремиться къ столь полезной мѣрѣ какъ продажа имъ казеннаго гостиннаго двора, * коммерсанты уже позабыли о своемъ столь недавнемъ и столь горячемъ желаніи, и предпочитаютъ вести на Нижегородской ярмаркѣ агитацію въ пользу усиленія тамо-

женія, которое никакъ не покидаетъ нѣкоторыхъ слоевъ нашего коммерческаго класса и можетъ — быть заслуживаетъ особое вниманіе, какъ единственное пока въ этой средѣ движеніе соприкасающееся съ государственными вопросами и съ политической нашею жизнью. Купечество не разъ, и довольно шумно,* заявляло себя на Нижегородской ярмаркѣ въ пользу усиленія таможеннаго покровительства, и потому для нравственной характеристики ярмарочнаго міра необходимо, хотя вскользь, выставить здѣсь самыя крупныя черты этого движенія. Движеніе это, какъ и все на Нижегородской ярмаркѣ, — московское, но надо признаться, что ему недостаетъ того что, въ глазахъ русскаго человѣка, придаетъ столько почтеннаго и столько политически существеннаго всѣмъ московскимъ движеніямъ: ему недостаетъ почвы и жизненности, этого полноцѣснаго элемента общественныхъ движеній нашей первопрестольной столицы. Это движеніе можно назвать до нѣкоторой степени даже опаснымъ для купечества, и вотъ почему. Вопервыхъ, оно способно вести смущеніе въ умы какъ въ коммерческихъ сферахъ, такъ и въ правительственныхъ. Смущеніе умовъ неизбежно, потому что все это движеніе на ярмаркѣ, — въ значительной степени *напускное*, а не натуральное, — не чистый и ясный голосъ дѣйствительныхъ и практическихъ потребностей торговли, а голосъ идей искусственно ей навязываемыхъ. Вся эта агитація напущена на торговый людъ дѣятельностію лицъ стремящихся удовлетворить посредствомъ ея гораздо болѣе своимъ литературнымъ, умственнымъ и всякимъ инымъ потребностямъ, нежели потребностямъ промышленнымъ и коммерческимъ, которыхъ они или вовсе чужды, или которыя сказываются въ нихъ весьма слабо. Между тѣмъ понятно, что подобныя домогательства со стороны промышленныхъ классовъ могутъ имѣть цѣну и значеніе только въ томъ случаѣ, если они дѣйствительно суть голосъ самой жизни, самихъ промышленныхъ интересовъ; въ такомъ случаѣ, какъ бы онъ ни былъ полъ часъ односторо-

дателью, хотя бы онъ и исходилъ изъ сферы весьма одностороннихъ интересовъ. Но въ таможенной агитатаціи преобладали на ярмаркѣ голоса литературствующихъ коммерсантовъ, проповѣдующихъ о нуждахъ русскаго народного хозяйства по книжкамъ Листа и Керн, и столь же мало представляющихъ собою интересы науки какъ и интересы торговаго міра. Нѣтъ надобности прибавлять, что и эти книжки изучены ими самымъ поверхностнымъ образомъ, на досугѣ, между дѣломъ. Но такими голосами мы преисполняемъ и безъ макарьевскихъ таможенныхъ агитатій; ими переполненъ нашъ журнальный міръ, и они имѣютъ единственнымъ вѣрнымъ своимъ результатомъ — смущеніе общественнаго мнѣнія. Таковъ результатъ и всѣхъ бывшихъ на Нижегородской ярмаркѣ движеній въ пользу усиленія таможенной запретительной и покровительственной системы: * по нимъ, конечно, невозможно судить чего желаетъ и къ чему стремится нашъ торговый и фабричный міръ, но точно также по нимъ невозможно судить и чего желаютъ общественные интересы, чуждые таможнямъ. Купечеству между прочимъ и потому неудобно признавать ярмарочныя таможенныя демонстраціи за выраженіе своихъ мнѣній и чувствъ, что къ этимъ демонстраціямъ примѣшиваются элементы, не совмѣстные съ достоинствомъ и независимостію, подобающими какъ всему купеческому сословію, такъ и въ особенности столь обширной его отрасли каково купечество торгующее на Нижегородской ярмаркѣ. Языкъ ** глашатаевъ этихъ движеній преисполненъ лести и подобострастія передъ официальнымъ міромъ: это какъ бы условныя фразы, которыя, по общепринятымъ у насъ понятіямъ, ничего собою не выражаютъ и ни къ чему не обязываютъ. Еслибы онъ былъ скромнѣе, то пришлось бы признавать представителей цѣлой почтенной корпораціи лишеными способности произносить независимое сужденіе какъ о публичныхъ дѣлахъ и дѣятеляхъ, такъ и о собственныхъ своихъ интересахъ. Тѣнь официальной лести, не вынужденной къ

* Чтобы поддержать справедливое мнѣніе о насъ с таможенной агитатіи

тому же никакими исключительными обстоятельствами, не может не уничтожать, и передъ общественнымъ мнѣніемъ, и передъ правительствомъ, силу заявленій со стороны какихъ бы то ни было интересовъ. Но пока довольно объ этомъ.

Какіе бы любопытные нравственные и государственные вопросы ни связывались съ купеческимъ весельемъ и разгуломъ, съ полиціей, таможенными движеніями и проч. на Нижегородской ярмаркѣ, — во всемъ этомъ еще не главный ея интересъ. Онъ даже не въ ея торговыхъ оборотахъ, какъ ни громадно ихъ вліаніе на народное хозяйство всего государства. Всеобъемлющее значеніе этой ярмарки, зачатейшей въ доисторическія времена нашего государства и развивавшейся рука объ руку со всеми историческими судьбами нашего народа, — опредѣляется именно тѣмъ выраженіемъ, которое уже не разъ было прилагаемо къ ярмаркѣ: здѣсь *стрѣча* людей и народовъ.

На Макарьевской ярмаркѣ съ давнихъ поръ встрѣчаются, *какъ нигдѣ на Русской землѣ*, люди и понятія, племена, вѣрованія и цивилизаціи, какъ вошедшія въ составъ нашей народности, нашей государственно-этнографической единицы, такъ и обуславливавшія собою наше историческое развитіе. Здѣсь на макарьевскомъ сходбищѣ одинъ изъ самыхъ горячихъ моментовъ того тренія племенныхъ и бытовыхъ стихій, изъ которыхъ складается историческое развитіе народной жизни. Чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе стихіи племенъ и цивилизацій вошедшихъ въ составъ историческаго быта народа, тѣмъ, кажется, могущественнѣе его историческій ростъ, и тѣмъ благороднѣе его національный типъ, переработавшій въ себѣ и, претворившій въ себя всю разнородную смѣсь племенныхъ элементовъ. Поэтому такъ и важны сходбища подобныя Макарьевскому торгу; въ особенности же они важны для народа, который долженъ былъ воспринять и объединить столько племенныхъ элементовъ, и претворить ихъ въ народный типъ изумляющій своею *однородностью*, на государственной территоріи, не имѣющей, къ тому же, по своей величинѣ, ничего себѣ подобнаго. Для такого колоссальнаго историческаго и этнографическаго процесса сліянія народностей были, можетъ-быть, особенно необходимы временные и мѣстные толчки, ускоряющіе его движеніе.

Поводъ, по которому происходитъ макарьевское сходби-

це, — торгъ, коммерческая сдѣлка, — обладаетъ свойствомъ по преимуществу соединяющими и примиряющими различія и противоположности племень и обычаевъ; этотъ поводъ примиряетъ быстрее и повудительнѣе всякаго иного случая встрѣчи: нужно во что бы то ни стало продать и купить. Здѣсь повелѣтъ, за стаканомъ чая, за бутылкою вина, подъ шумъ трактирнаго веселья, приравниваются другъ къ другу высококомѣрный московскій первоистатейный купецъ и не менѣе высококомѣрный у себя дома и неизмѣнный здѣсь Бухарецъ; по цѣлымъ часамъ тягаются они между собою, выдвигая каждый воѣ баттареи своихъ коммерческихъ хитростей, запугивая одинъ другаго крайними послѣдствіями несовершенія сдѣлки: съ одной стороны, обратное шествіе по среднеазіатскимъ степямъ, съ грузомъ ни на что негоднаго для соплеменниковъ хлопка и безъ наличныхъ денегъ, безъ которыхъ не сдѣлаешь ни шагу въ части свѣта еще не познавшей кредита и банковъ, въ заключеніе можетъ-статься палочное наказаніе на площади въ награду отъ начальства за плохую торговлю, а съ другой стороны, обратный путь по рельсамъ, хотя и несравненно болѣе краткій и усовершенствованный, но также съ не совсѣмъ приятными ощущеніями, при мысли о фабрикѣ безъ сыраго матеріала и съ запасами сработаннаго товара, годнаго лишь для чужой части свѣта, и о карманѣ безъ наличной денежной поживы, не совсѣмъ излишней какъ подспорье къ массамъ процентныхъ бумагъ, не идущихъ съ рукъ, и къ коммерческимъ оборотамъ, замаявшимся внутри отечества. Съ обѣихъ сторонъ мелькаютъ въ торгующихся головахъ свои неудобства и стѣсненія отъ несостоявшейся сдѣлки, борются между собою, прилаживаются, и наконецъ обѣ стороны что-нибудь уступаютъ другъ другу; одна сторона обыкновенно уступаетъ больше: ея обратный путь несравненно длиннѣе, и коммерческія обстоятельства гораздо круче; Европа осливаетъ Азію. Какъ ни стоишь Бухарецъ, Москвичъ сможетъ выдержать борьбу долѣе, и обѣ стороны все-таки сходятся, и по русскому обычаю

ментовъ, властвовавшая доселѣ на Макарьевской ярмаркѣ, проявляется, разумѣется, между Азіей и Европой, изъ встрѣчи коихъ и образовался этотъ торгъ; борьба этихъ двухъ элементовъ составляла, конечно, важнѣйшее историческое содержаніе Макарьевского сходбища. Который изъ двухъ элементовъ одолялъ, это слѣдуетъ ясно по вѣсѣ даже наружнымъ признакамъ историческаго и географическаго развитія ярмарки. Хотя нынѣ значеніе Нижегородской ярмарки для внутренней торговли Россіи далеко преобладаетъ, какъ мы говорили (въ IV главѣ), надъ ея ролью въ нашей азіатской торговлѣ, встрѣча народовъ Азіи и Европы все-таки здѣсь продолжается. Вѣсѣтъ съ тѣмъ, вслѣдствіе полного господства здѣсь русской, европейской стихіи, вездѣ, можетъ-статься, не обнаруживается сильнѣе чѣмъ здѣсь нравственное и умственное вліяніе Россіи на Азіатцевъ. На вѣсѣхъ другихъ окраинахъ и пограничныхъ пунктахъ, куда распространилась торговля наша съ Азіей, русскіе элементы еще пришлые и слѣдуетъ слабые.

Другой, болѣе органической, процессъ борьбы и сліянія племенъ происходилъ съ особенною живостью именно въ той области и на томъ пути, по которымъ шло развитіе Макарьевскаго торговаго центра. Мы говоримъ о сліяніи племенъ финскихъ и славянскихъ. Внутреннее развитіе ярмарки, конечно, не могло оставаться чуждымъ и этому этнографическому процессу, столь важному въ нашей исторіи, но отношеніе его къ ярмаркѣ было, повидимому, косвенное, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ историческомъ прошедшемъ: финскія племена, и доселѣ еще сохранившіяся во всей чистотѣ на Волгѣ и въ близкихъ къ ярмаркѣ мѣстахъ (въ Нижегородской, Казанской, Рязанской губ.), уже давно чужды коммерческому и промышленному духу, воодушевившему съ особенною силой русскую народность, именно въ этой области. Нынѣ участіе въ ярмарочной торговлѣ вѣсѣхъ этихъ финскихъ обрывковъ — Черемисъ, Чувашъ, Мордвы—вовсе даже не замѣтно. Присутствіе финскихъ племенъ въ географической области Макарьевской ярмарки скорѣе важно въ томъ отношеніи, что взаимодействіемъ и сліяніемъ ихъ съ славянскими племенами возроста здѣсь мощь русской стихіи для ея борьбы съ Азіей, если только можно вообще допустить ту справедливую, какъ намъ кажется, мысль, что поглещеніе въ русскую стихію финскихъ племенъ славянскими было явленіемъ чрезвычайно

благоприятнымъ для развитія русской стихіи (въ такъ называемой велико-россійской ея области). Макарьевская ярмарка, безъ сомнѣнія, не мало содѣйствовала ходу этого этнографическаго процесса: здѣсь русскій народъ изъяснилъ рѣшительное господство своего коммерческаго и промышленнаго духа надъ всѣми первобытными племенами своей территоріи, въ томъ числѣ и надъ финскими, которыя, если вѣрить историческимъ извѣстіямъ, играли первостепенную роль въ первобытномъ Макарьевскомъ торжищѣ, въ Прикамской области, въ Болгарскомъ царствѣ. * Въ тѣ времена финскія племена представляли собою Западъ и Европу насупротивъ Востока и Азіи, а нынѣ они снизошли передъ русско-славянскою стихіей до того подчиненнаго положенія, какое занимаетъ въ бассейнѣ Волги городъ Чебоксары, въ насѣншкѣ именуемый столицей Черемисъ, передъ Нижнимъ-Новгородомъ и Москвою.

Въ средѣ самой русской народности ярмарка является по преимуществу и даже исключительно средоточіемъ для великороссіявъ и остается чуждою (теперь, можетъ-быть, даже болѣе чѣмъ прежде) южной (лучше юго-западной) и западной Россіи. Это обстоятельство, нынѣ устраняющее встрѣчу на ярмаркѣ малороссійскаго и бѣлорусскаго нарѣчій съ великороссійскимъ можетъ измѣниться съ проведеніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ. Теперь же группа украинскихъ ярмарокъ, возникшихъ вслѣдствіе недостатка путей сообщенія, совершенно развѣдывала малороссійскій рынокъ съ великороссійскимъ.

Но не одни только племенные различія и противоположности встрѣчаются на Нижегородской ярмаркѣ; на ней сталкиваются разнообразныя нравственныя и умственныя теченія русской жизни, возрѣванія, нравы и обычаи всѣхъ слоевъ и географическихъ группъ русскаго общества. Въ этомъ отношеніи уже не мало было сдѣлано нами указаній: читатели могли достаточно судить по разнымъ разбросаннымъ въ нашихъ очеркахъ фактамъ, какія крайности понятій и вкусовъ русскихъ людей ищутъ для себя удовле-

нствомъ для двигателей многихъ идей, вращающихся въ нашемъ народномъ быту, и средствомъ пропаганды, для которой прямо и навязываетъ сюда всякій людъ изъ разныхъ краевъ Россіи. Между умственными движеніями, сосредоточивающимися у Макарія, въ особенности важна дѣятельность раскольничьихъ толковъ. Какъ бы ни хотѣлось намъ сообщить здѣсь некоторые наблюденія по этому предмету, но затрогивать мимоходомъ такую важную сторону духовной жизни нашего народа было бы легкомысленно. Именно здѣсь на Нижегородской ярмаркѣ раскрылась для насъ та важная роль, которую играетъ расколъ въ умственныхъ движеніяхъ нашего народа.

Тутъ, посреди искреннихъ бесѣдъ и почти уличныхъ прений, сказались намъ органическія, нравственныя и бытовыя связи раскола съ народною жизнью; тутъ особенно ощутительнымъ сдѣлалось для насъ, посреди пропаганды, производимой нынѣ всеми видами нашихъ сектаторовъ, отсутствіе свободной дѣятельности православнаго духовенства, непосредственно встрѣчающагося съ расколомъ лишь въ качествѣ представителя государственной и принудительной его власти. Глубоко запало намъ въ душу слово, сказанное на ярмаркѣ однимъ самымъ сѣрымъ восьмидесятилѣтнимъ мужичкомъ (Федосѣевского толка), изощрившимъ передъ нами свои диалектическія способности и изумительную эрудицію въ текстахъ старопечатныхъ церковныхъ книгъ противъ яростныхъ выступовъ четырехъ враждебныхъ толковъ. Когда мы сдѣлали предложеніе пригласить къ участію въ нашемъ диспутѣ милошедшаго по улицѣ православнаго священника, этотъ мужичокъ, въ оборванномъ кафтаникѣ, оказалъ съ живостью: „На что его намъ: мы все здѣсь говоримъ что думаемъ, а онъ станетъ говорить только то что ему приказано.“ Мы съ точностью передаемъ эти слова, хотя, можетъ-статься, и въ нѣсколько измѣненныхъ выраженіяхъ.

Дворянство принимаетъ самое ничтожное участіе въ оборотахъ Нижегородской ярмарки, и даже сѣздъ сосѣдняго дворянства на ярмарку значительно сократился въ послѣднее время. Поэтому это сходбище сотенъ тысячъ людей всего менѣе имѣетъ значенія для умственныхъ движеній въ высшемъ и образованномъ нашемъ классѣ. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть объ одной характеристической особенностяхъ новѣйшаго времени, — о нѣсколькихъ дворянахъ, сидящихъ въ раз-

ныхъ рядахъ ярмарки и собственноручно продающихъ въ лавкахъ свои товары. Всѣ эти лица принадлежали не къ числу какихъ-нибудь оскудѣлыхъ представителей нашего нынѣшняго сословія, нѣрѣдко послѣ раззоренія бросающихся на разныя общественныя поприща; напротивъ, это люди состоятельные и даже съ видными родовыми связями. Они затѣяли сами торговать, просто, чтобъ дѣлать это лучше нежели чрезъ посредство прикащиковъ; можетъ-быть они это затѣяли, сами того не сознавая, отчасти и ради угожденія духу; времени, въ видахъ саянія сословія. Не беремся сказать, въ какой степени эта затѣя коммерчески удалась, знаемъ только, что ловкіе купцы далеко не прочь торговать съ дворянами. Такіе хозяева даже пріятнѣе купцамъ чѣмъ господскіе прикащики, хотя и съ послѣдними торговать удобнѣе чѣмъ съ своимъ братомъ купцомъ. При этомъ мы вспоминаемъ подобный случай на ярмаркѣ 1860 года, когда на горизонтѣ показались первыя тучи эманципации, и когда съ ними связывались во многихъ умахъ ожиданія превращенія дворянъ въ людей обязанныхъ, по нашимъ законамъ, избрать для себя родъ жизни. Нѣсколько дворянъ-фабрикантовъ поспѣшили тогда предупредить угрожавшій прогрессъ и появились съ своимъ товаромъ въ ярмарочныхъ палаткахъ; нѣкоторые изъ нихъ заботились отъ стужи (вслѣдствіе воспрещенія топить ярмарочныя строения) и бѣжали съ ярмарки, кидувъ товаръ на произволъ судьбы. Это случилось именно на той ярмаркѣ, на которой въ послѣдній уже разъ продавался особенный дворянскій товаръ, и въ послѣдній разъ раздавались звуки оркестра, составленнаго помѣщикомъ изъ крѣпостныхъ людей. Желаемъ, чтобы вышняя дворянская попытка была удачнѣе, хотя и знаемъ какъ важна въ торговлѣ, особенно русской, извѣстная унаслѣдованная коммерческая рутинѣ.

Чрезвычайное разнообразіе понятій, нравовъ и обычаевъ было для насъ самымъ любопытнымъ предметомъ наблюденія на Нижегородской ярмаркѣ. На всякомъ шагѣ можно встрѣтить здѣсь крайнія противоположности человеческой цивилизаціи, изумительнымъ образомъ вмѣстѣ

побуждений, а только скотскіе и плотскіе инстинкты," говорил намъ образованный Татаринъ и старался доказать свою язвирокую тему разсужденіями, изобличавшими нѣкоторое умственное развитие и знакомство съ требованіями европейской цивилизаціи. „Мы не признаемъ въ женщинѣ чело-вѣческой души, и потому не допускаемъ ее въ наши храмы," продолжалъ онъ. А въ христіанской семьѣ, обокъ живущей съ палаткой этого Татарина, не разъ приходилось намъ видѣть женщину уже однимъ только присутствіемъ своимъ воздерживающую мужа отъ ярмарочнаго разврата; приходи-лось также не разъ видѣть въ ней единственную хра-нительницу вѣрованій и обрядовъ отцовъ, посреди кощун-ства мужской половины семьи, потрясенной въ своихъ ре-лигіозныхъ понятіяхъ пропагандой вигандизма и бросившей-ся, подобно вѣбмъ новообращеннымъ, во всѣ крайности но-вого ученія. Въ то время какъ мусульмане, покидая всякія глы на ярмаркѣ, съ необыкновеннымъ усердіемъ наполняли мечети въ часы назначенные для общественныхъ молитвъ, и ихъ женщины могли въ эти часы приближаться къ мечети лишь на нѣкоторое разстояніе, — въ это время православный соборъ посвящался по преимуществу жен-щинами, такъ какъ мужчины были отвлекаемы коммер-ческими дѣлами. Но женщину молящуюся, женщину—хра-нительницу чистоты семейныхъ нравовъ, всего менѣе видѣть Татаринъ на ярмаркѣ, и потому не удивительно весь-ма характеристическое возраженіе, сдѣланное намъ тѣмъ же образованнымъ мусульманиномъ, когда мы выражали ему наше негодованіе противъ его взглядовъ на женщину. „Не доказываютъ ли ваши женщины лучше всего справедливость нашихъ понятій, что онѣ не люди и не могутъ пользоваться свободой людей? Неужели мы не видимъ здѣсь на всѣхъ этихъ маскарадахъ и въ разныхъ заведеніяхъ каковы ваши женщины, и неужели, посмотрѣвъ на нихъ, намъ не убѣ-дятся, какъ хорошо мы дѣлаемъ, что запираемъ ихъ и не даемъ имъ воли?" Таковъ былъ отвѣтъ мусульманина. и отвѣтъ совершенно искренній. Наши русскіе Татары еще могутъ получить, если только захотятъ, инныя понятія о нашей женщинѣ и вообще нашемъ христіанскомъ и евро-пейскомъ бытѣ. Но каково же положеніе Среднеазіатцевъ, знакомящихся съ нашею „цивилизациею" единственно въ яр-

марочныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ они проводятъ всё свои досуги на ярмаркѣ? Представьте себѣ Бухарцевъ и Кокандцевъ попавшихъ прямо изъ своихъ степей на ярмарочные мабилы и съ нихъ возвращающихся прямо въ степи. Каковы должны быть впечатлѣнія этихъ дикарей посреди невѣдомаго имъ дотола европейскаго міра! Не мало занималъ насъ на ярмаркѣ вопросъ объ этихъ впечатлѣніяхъ и ихъ послѣдствіяхъ. Какъ бы ни были однако прискорбны для нашего европейскаго самолюбія представленія о цивилизаціи, увозимыя съ ярмарки Среднеазіятами, мы можемъ утѣшиться тѣмъ, что ихъ поселяетъ на этотъ разъ въ воображеніи дикарей именно та иноземная струя утонченнаго макарьевскаго веселья, которую мы выше отащили отъ настоящей русской его стихіи; русское веселіе неспособно, при всѣхъ своихъ грязныхъ разливахъ, произвести на азіатцевъ впечатлѣнія столь унижительныя для европейской цивилизаціи какъ весь этотъ парижскій развратъ, переложенный на русскіе нравы.

Но не менѣе противоположностей и неожиданныхъ встрѣчь понятій заключаетъ внутри себя и сама русская цивилизація на ярмаркѣ. Съ одной стороны, старообрядцы отплываюотъ отъ балета и обзываютъ пляскою Иродіады спектакль, покровительствуемый властями въ видахъ облагораживанія русскихъ нравовъ; съ другой стороны, фельетоны мѣстной печати пускаются въ септимеральности по поводу погибшихъ, но милыхъ созданій ярмарки, и возводятъ ихъ даже, по рецептамъ преподаннымъ прогрессивною столичною прессой, въ социальный идеалъ! * Трудно представить себѣ болѣе рѣзкій контрастъ понятій... А между тѣмъ этотъ контрастъ не какой-нибудь исключительный фактъ; напротивъ того, съ каждою его стороной связанъ рядъ воззрѣній и ваченій, мосящихся въ нравственной атмосферѣ на огромныхъ пространствахъ нашего отечества и въ цѣлыхъ слояхъ нашего общества. Такъ или иначе всё будущіе наши успѣхи обусловлены этими воззрѣніями, изъ которыхъ одни поднимаютъ

мною прибитые къ нашему берегу. Молодецъ изъ Нозевой линии Московскаго гоетинаго двора, проникнувши до глубины сердца сказавіями объ эманципаціи женщины, перешедшими къ нему изъ усть пріятеля знакомаго съ умными людьми, даже съ литераторами, убѣждается наконецъ, что настоящая эманципація осуществляется вполнѣ только на базарѣ Нижегородской ярмарки, и съ восприимчивостью русскаго челоуѣка краснорѣчиво доказываетъ вамъ, что отношенія между полами, возникающія на базарѣ, самыя нормальныя и естественныя отношенія (іе). Послеъ такихъ слышанныхъ вами рѣчей, обличающихъ регрессивота съ нашимъ Татаринцомъ, вамъ было еще труднѣе убѣдить послѣдняго, что ярмарочныя увеселительныя заведенія еще не даютъ понятія о положеніи женщины въ нашемъ европейскомъ обществѣ; до него уже доходили слухи о прогрессистахъ, имѣямо доказывавшихъ, что подобная женская эманципація есть самое послѣднее слово прогресса.

Не станемъ однако слишкомъ долго останавливаться на подобныхъ явленіяхъ: отдѣльный фактъ, вырванный изъ всей совокупности, можетъ вести къ весьма одностороннимъ заключеніямъ. Чтобы судить объ историческомъ и народномъ значеніи великой „встрѣчи“ русскіихъ людей, какую представляетъ собою нижегородское сходбище, необходимо стать на нѣкоторое отъ нея разстояніе; необходимо, чтобы на этомъ разстояніи исчезло въ крупныхъ очертахъ общей идеи все безобразіе нравственныхъ и умственныхъ явленій, замѣтное лишь вблизи, и замолкли всѣ дразги текущаго времени, оцутительныя лишь для слуха наблюдаателя-современника, взволнованнаго тревогами дня. Въ общей исторической идеѣ макаръевского сходбища народовъ безсладно пропадаетъ все это безобразіе и всѣ эти дразги.

Идея, которая представляется намъ здѣсь господствующею, есть преобладаніе русской народной стихіи на этой встрѣчѣ народовъ Востока и Запада. Въ этой встрѣчѣ

въ русскіе и европейскіе. И самъ этотъ типъ, находясь какъ всякій живой народный типъ въ безпрерывномъ движеніи, вырабатывается и крѣпнеть въ этой встрѣчѣ и въ этомъ треніи безконечно разнообразныхъ, иволеменныхъ и областныхъ элементовъ, мало-по-малу слагающихся подъ русскимъ началомъ въ одну народную стихію. Какъ нѣкоторое олицетвореніе этой идеи осталась у насъ въ памяти одна живая картинка изъ армарочной жизни. Въ грязной харчевнѣ мальчикъ Татаринъ, въ своемъ мусульманскомъ кепачкѣ, бойко наигрываетъ на скрипкѣ русскія плясовые пѣсни, и подъ эту музыку пляшетъ во-русски Польшка; и Татаринъ, и Польшка всачески стараются своими подбиваньемъ русскихъ словъ и всями своими ухватками доказать засѣдающей въ харчевнѣ компаніи, что они вполне пропитались духомъ русской пѣсни и пляски, что и они, несмотря на свою татарщину и свою польщизину, способны выкинуть настоящее русское колѣнцо. Дѣйствительно; это имъ и удается, и компанія, состоящая изъ торгашей низшаго сорта, всякихъ элементовъ и парѣй (въ томъ числѣ даже Нѣмцевъ и Французовъ), и какъ всякая компанія у Макарія, старающаяся во что бы то ни стало быть или казаться русскою, приходитъ въ неописанный восторгъ. Мы долго любовались этою картилою, въ которой, несмотря на всю гравь декораций, пробивался наружу внутренній смыслъ народныхъ движеній подобнаго макарьевского сходбищу.

Позволяемъ себѣ думать, что этою сценою, которая выхвачена нами изъ самаго вихря армарочнаго разгула, и изъ которой каждое дѣйствующее лицо, каково бы ни было его племя, религія и языкъ, вышло съ однимъ и тѣмъ же русскимъ припѣвомъ на устахъ, съ русскимъ мотивомъ въ душѣ и съ русскимъ настроеніемъ чувствъ и мыслей,—этою

отрицать, что русская жизнь движется вперед на этихъ великихъ сходбищахъ и коммерческихъ перепутьяхъ, и того движенія не могутъ остановить никакіе представители нашихъ помещиковъ. На этихъ сходбищахъ вырабатывается единство русскаго быта и духа,—единство, которое уже само по себѣ составляетъ силу, хотя эта сила и могла бы до бесконечности увеличиться отъ сочетанія съ другою силою, съ европейскимъ просвѣщеніемъ. Пока успѣхи нашего научнаго и школьнаго образованія еще такъ слабы, и пока, съ другой стороны, недостатокъ матеріальныхъ удобствъ жизни и усовершенствованныхъ путей сообщенія еще не позволяютъ всѣмъ областямъ Россіи обмѣниваться между собою товарами и новѣями и поддерживать свое русское единство иначе какъ посредствомъ подобныхъ встрѣчъ,—будемъ радоваться, что это великое единство, безъ котораго ничто другое немислимо, сохраняется и преуспѣваетъ, хотя бы посредствомъ подобныхъ встрѣчъ и движеній.

ВЛАДИМИРЪ БЕЗОБРАЗОВЪ.

ОДИНЪ ИЗЪ ПИТОМЦЕВЪ

СПЕРАНСКАГО.

Окончивъ въ 1827 году трудъ историческаго обозрѣнія русскаго законодательства, Сперанскій представилъ его императору Николаю I и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на необходимость образованъ для Россіи искусныхъ законовѣдцевъ и положить начало прочному изученію юридическихъ наукъ. „Обученіе російскаго законовѣдѣнія въ университетѣхъ нашихъ, говорилъ онъ въ своемъ докладѣ, доселѣ не могло имѣть успѣха по двумъ причинамъ: по недостатку учебныхъ книгъ и по недостатку учителей. Приготовленіе учителей представляетъ болѣе трудностей. Здѣсь должно начать почти съ самаго перваго образованія. Должно сперва снабдить каждый университетъ двумя или хотя однимъ русскимъ профессоромъ правъ, приготовленнымъ исключительно для сей части. Къ сему приготовленію университеты наши мало представляютъ способствъ.“ Потому Сперанскій предлагалъ: 1) вызывать изъ духовныхъ академій, С.-Петербургской и Московской, по три лучшихъ студента, вполнѣ окончившихъ курсъ, помѣстить ихъ въ С.-Петербургскій университетъ на казенный счетъ, для слушанія лекцій только по-русскому праву и латинской словесности; 2) этимъ студентамъ являться, сверхъ того, каждый день во 2-е отдѣленіе (канцелярію его величества), гдѣ слушать у его чиновниковъ уроки русскаго публичнаго и гражданскаго права, а также читать лучшія юридическія сочине-

нѣ, съ представленіемъ письменныхъ о нихъ отчетовъ, практически упражняться въ дѣлопроизводство и составлять систематическіе алфавиты къ Полному Собранію Законовъ; 2) по выдержаніи ими строгаго экзамена во всемъ пройденномъ, поручить этимъ новымъ профессорамъ образовывать нѣсколько лучшихъ изъ казенныхъ студентовъ С.-Петербургскаго и Московскаго университетовъ, для приготовления себя достойныхъ помощниковъ и преемниковъ. „Такимъ образомъ, говоритъ Сперанскій въ заключеніе докладной записки, положено будетъ твердое начало юридическому въ Россіи образованію, и судя по охотѣ къ сему роду ученія, въ молодыхъ людяхъ приметной, можно надѣяться, что оно скоро распространится и перестанетъ быть рѣдкимъ.“ *

Когда докладъ этотъ получилъ высочайшее утвержденіе, статсъ-секретарь, Николай Назарьевичъ Муравьевъ, писалъ къ московскому митрополиту Филарету (отъ 24-го января 1828): „Всѣдствие предварительнаго съ вашимъ высокопреосвященствомъ сношенія, государю императору благоугодно поручить вамъ избрать изъ Московской духовной академіи трехъ студентовъ, кои бы по дарованіямъ ихъ, поведенію и успѣхамъ могли быть наиболее способны къ окончательному образованію ихъ въ российскомъ законовѣденіи, и по доставленіи ихъ въ С.-Петербургъ приказать имъ явиться къ начальнику 2-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, статсъ-секретарю Балутьянскому, ко-
му вмѣстѣ съ симъ даны о нихъ дальнѣйшія высочайшія повелѣнія.“

На этомъ отношеніи митрополитъ (бывшій въ то время въ С.-Петербургѣ) написалъ: „Во исполненіе сей высочайшей воли академическое правленіе поступитъ слѣдующимъ образомъ: 1) избранію быть въ присутствіи правленія. 2) Избирателями назначаются ректоръ, инспекторъ и профессоръ Голубинскій. 3) Избраніе произвести со всевозможнымъ вниманіемъ, чтобъ избранные и способностями, и поведеніемъ оправдали надежду, которую государь императоръ всемилоостивѣе воспріялъ о получающихъ образованіе въ сей академіи. 4) Избранныхъ представить на утвержденіе преосвященному епископу Дмитровскому. 5) Когда онъ одобритъ избраніе, тогда отправить ихъ въ Петербургъ, снабдивъ ат-

* Барона Корфа Жизнь графа Сперанскаго, стр. 328. и 329.

тестатами, паспортами, подорожною, прогнанными деньгами по надобности и закону, деньгами на путевыя издержки и теплою одеждою. 6) По прїѣздѣ въ Петербургъ велѣть имъ явиться ко мнѣ.“

Ректоромъ академіи, архимандритомъ Поликарпомъ, инспекторомъ, архимандритомъ Евлампіемъ, и профессоромъ Ф. А. Голубинскимъ избраны были слѣдующіе студенты высшего отдѣленія, должностнозваніе окончить курсъ въ томъ же 1828 году: 1) Василий Зяменскій, уроженецъ ярославскій, тамошней Власьевской церкви протоіерея Потапіа сынъ; 2) Алексій Благовѣщенскій, Новгородской губерніи, Кирилловскаго уѣзда, Благовѣщенской церкви, члѣнъ на Словинскомъ Волостѣ, діаконъ Андреа сынъ; 3) Константинъ Неволнинъ, Вяткой губерніи и уѣзда, сѣла Ржанополомскаго умершаго овищенника Алексѣя сынъ. Зяменскій занималъ въ спискахъ первое мѣсто и рекомендованъ начальствомъ академіи, по способностямъ, успѣхамъ и поведенію, какъ отличайшій изъ студентовъ. Моложе двухъ своихъ товарищей лѣтами былъ Неволнинъ: въ 1828 году ему было 22 года.

Избранные представлены были прибывшему въ Лавру викарію Московской митрополіи, епископу Дмитровскому Николентію, который потребовалъ отъ академическаго начальства опыты ихъ упражненій на рускомъ и латинскомъ языкахъ и далъ имъ двѣ темы для экспромптовъ. Сочиненія показали, что студенты вполнѣ соответствовали рекомендаціи о нихъ начальства.

Свѣдѣнія о послѣдующей судьбѣ трехъ студентовъ мы черпаемъ изъ переписки В. П. Зяменскаго съ однимъ изъ любимыхъ его товарищей по академіи * и съ бывшимъ ученикомъ его, графомъ М. В. Толстымъ.

Студенты прїѣхали въ Петербургъ 24-го февраля и остановились у ректора семинаріи, архимандрита Назарова (въ послѣдствіи архіепископа Псковскаго). Послѣ представленія митрополиту, они явились на другой день къ статсъ-секретарю Михаилу Андреевичу Балугьянскому. Посмотрѣвъ ихъ аттестаты, Балугьянскій испыталъ ихъ нѣсколько въ ихъ познаніяхъ на латинскомъ и рускомъ языкахъ и препроводилъ въ университетъ, гдѣ указали имъ комнату для

* Нынѣ протоіерей Московско-Архангельскаго собора, Петръ Евдокимовичъ Покровский.

жительства, въ которой поселились уже трое студентовъ, избранныхъ для той же цѣли изъ Петербургской духовной академіи. *

Должно замѣтить, что Знаменокій не желалъ оставлять духовное званіе и не съ охотой согласился на избраніе. Этого не скрывалъ онъ ни въ академіи, ни въ Петербургѣ, но утѣшалъ себя упованіемъ на промыслъ Божій: „Меня, говоритъ онъ, успокоивала и успокоиваетъ одна мысль, что воля Божія дѣйствуетъ во всемъ. Богъ творить это со мною, а Онъ знаетъ что творить—Was Gott thut, das ist Alles gut! Мысль эта весьма проста, но и весьма сильна.“

28-го февраля студенты представлялись Сперанскому. Передаетъ описаніе представленія словами Знаменскаго: „Важнѣйшимъ для насъ случаемъ было то, когда мы представлены были М. М. Сперанскому. Самый видъ его мужа долженъ сдѣлать впечатлѣніе на всякаго. Представъ себѣ старца, но старца высокаго, прямого и стройнаго; голова обнаженная отъ волосъ, только на вискахъ остаются сѣдые волосы; почтенное лицо, на которомъ при снѣжности выражается какое-то спокойствіе, кротость и опытная мудрость: это Сперанскій. Приславно, что эти же свойства выражаются и въ словахъ его. Таково было впечатлѣніе, имъ произведенное, Видѣвъ его въ другой разъ, а слова повторилъ оное и еще болѣе утвердился въ немъ. Разспросивъ насъ объ академіи, мѣстѣ рожденія и проч., и услышавъ отъ Бауэлянскаго, что мы трое оканчивали уже курсъ и надѣялись быть магистрами, сказалъ значительно: „вы ничего не потеряете“ и повторилъ это не одинъ разъ. Потомъ спросилъ: „кто изъ васъ не имѣлъ расположенія къ свѣтскому званію?“ Я вывился на этотъ вопросъ. „Успокойтесь, сказалъ онъ, потери не будетъ; можно и въ этомъ званіи быть внутренно монахомъ.“ Потомъ продолжалъ, обратясь ко всемъ: „ваше на-

сего дѣла; оно продолжится болѣе или менѣе смотря по вашимъ успѣхамъ. Впрочемъ вамъ предстоитъ довольно трудная; эта часть, по коей вы будете образоваться, еще очень мало обработана. Вы будете слушать въ университетѣ лекціи у Грефе; не оставляйте греческаго языка. Этотъ профессоръ доведетъ васъ далеко и скоро. Будете брать уроки у Шнейдера, и болѣе на дому, на латинскомъ языкѣ, а болѣе всего будете заниматься здѣсь, въ канцеляріи, гдѣ будутъ вамъ давать уроки Михаилъ Андреечъ Балугьянскій и профессора Куницынъ, Писовъ и Кляковъ. Современемъ составится здѣсь для васъ особая бібліотека.“ Вотъ важнѣйшее что онъ говорилъ и почти точныя его слова.

Сперанскій два раза въ недѣлю бывалъ во 2-мъ отдѣленіи канцеляріи и почти каждый разъ бесѣдовалъ съ бывшими нѣтопцами духовныхъ академій. Для чтенія и ученыхъ занятій въ канцеляріи онъ назначалъ имъ главную залу, въ которой во время его прѣзидовъ бывало общее присутствіе. „Вотъ ваша комната, сказалъ онъ имъ; здѣсь на моемъ мѣстѣ садитесь и читайте кто-нибудь одинъ, а прочіе будутъ слушать.“ Онъ самъ сѣлъ съ ними, посадилъ ихъ вокругъ себя и долго говорилъ съ ними. „Признаюсь, писалъ Знаменскій, это было для меня на первый разъ необыкновенно. Я вообразилъ его своимъ профессоромъ,—а какой это почтенный профессоръ! Его вниманіе и благосклонное обращеніе весьма ободряютъ насъ.“

Въ первый день пасхи 1828 года, когда студенты явились поздравить Сперанскаго, онъ принималъ ихъ съ особенною благосклонностію, дарилъ ихъ деньгами (по 10 р. каждому) и книгами, и съ новою силой повторялъ имъ о ихъ назначеніи. „Вы должны, говорилъ онъ, положить основаніе юридическому училищу и ученому юридическому образованію въ Россіи. Мнѣ давно хотѣлось, чтобы законодѣніе не было только приказническимъ познаніемъ, то-есть затверживаніемъ

скимъ. Въ университетѣ она слушала лекціи по римскому праву, преподававшіяся на латинскомъ языкѣ, у Шнейдера, греческую и римскую словесность у Грефе, подъ руководствомъ котораго переводила греческихъ классиковъ на латинскій языкъ, нѣмецкому, французскому и англійскому языкамъ учились у лекторовъ Польнера, Тило и Подлока. Сверхъ того, во 2-мъ отдѣленіи канцеляріи имъ читали лекціи: А. П. Бувицынъ по юридической пропедевтикѣ и наукѣ гражданскихъ законовъ, В. Е. Клоковъ по наукѣ русскихъ государственныхъ законовъ, М. Г. Писцовъ по политической экономіи, К. И. Арсеньевъ по всеобщей исторіи. О ходѣ занятій представляемы были доклады императору. Это было извѣстно студентамъ, и время не пропадало у нихъ даромъ; среди многихъ трудовъ ихъ одушевляло сознаніе важности того служенія наукѣ, къ которому они призваны. У нихъ не было ни времени, ни охоты къ развлеченіямъ въ столицѣ, которой трое изъ нихъ прежде не видали. Разъ имя Каратыгина уважало московскихъ студентовъ въ театрѣ на представленіе *Гамлета*. И вотъ съ какими впечатлѣніями вышелъ одинъ изъ нихъ изъ театра: „Когда я, пишетъ Знаменскій, утомившись представленіемъ, жаромъ и проч. вышелъ изъ театра часу въ 12-мъ, а взглянулъ на стоящій противъ театра домъ, въ которомъ живетъ Михайла Михайловичъ, и увидѣлъ въ немъ огонекъ. Тотчасъ представилось мнѣ положеніе мудраго старца, который одинъ, за свѣчкою, сидитъ и трудится надъ благомъ человечества, думаетъ о пользахъ отечества, — и эти возвышенныя думы сколь превосходятъ бѣглыя впечатлѣній людей, сидящихъ въ театрѣ, это положеніе сколь вызвышеннѣе ихъ положенія! Вотъ чему надобно подражать!“ Время такъ было занято у студентовъ, что даже въ обыкновенныя лѣтніе каникулы, извѣстные имъ по академіи, они не отрѣшались отъ занятій. Въ цѣль до обѣда на три и на четыре часа они ходили въ канцелярію, гдѣ изучали Сводъ Законовъ; съ 1-го августа начинались для нихъ лекціи въ канцеляріи, которымъ посвящаемо было два, а иногда четыре часа въ день. Сверхъ Свода Русскихъ Законовъ, Сперанскій далъ имъ французское уложеніе, съ которымъ также совѣтовалъ познакомиться. Одинъ изъ нихъ вздумалъ проситься во время вакаціи на родину, но Сперанскій сказалъ ему: „не совѣтую ѣхать; лучше это можно сдѣлать послѣ.“ „Не знаю, писалъ около того времени

Знаменскій, какъ объяснить тебѣ свое положеніе, но оно очень не свободно, — не потому чтобы кто-нибудь стѣснялъ насъ но насъ стѣсняетъ теченіе нашихъ дѣлъ, представленіе того чего отъ насъ потребуютъ, и что мы должны представить чтобы не обмануть ожиданій въ разсужденіи насъ.“ Въ другой разъ писалъ онъ: „Не говоря о четырехъ часахъ утреннихъ и послѣ обѣда до 8 часовъ, почти все время расписано опредѣленно, и по крайней мѣрѣ, если дѣла не дѣлать, то отъ дѣла не бѣгать. Итакъ, мы теперь живемъ, можно сказать, монашески, болѣе нежели въ академіи. Да! трудиться и трудиться—вотъ наше дѣло! Вотъ мысль, которая меня одушевляетъ въ часы болѣе свѣтлые: великимъ я пожертвовалъ,—великаго искать долженъ! Велика должна быть цѣль и жертвовакій, и трудовъ!... Побереги у себя эту мысль мою; другимъ она можетъ показаться надутою, гордою.“

На другой годъ пребыванія студентовъ въ Петербургѣ (1829) занятія ихъ умножены изученіемъ новыхъ наукъ—математики и химіи. Въ этомъ же году поселивъ къ нимъ въ комнату кандидатъ Дерптскаго университета, Петерсень, для практическаго занятія съ ними въ разговорномъ нѣмецкомъ языкѣ. Это новое занятіе дало имъ понять, что образованіе ихъ не должно окончиться въ Петербургѣ.

Въ юнѣ 1829 года въ канцеляріи произведенъ былъ имъ экзаменъ, о которомъ Знаменскій говоритъ: „Экзаменъ нашъ производится въ канцеляріи Михайломъ Михайловичемъ, Михайломъ Андреевичемъ и тѣми, которые преподавали намъ уроки. Испытаніе было уже четыре дня, каждый день отъ 7 до 10 часовъ вечера, а иногда и долѣе. Въ первый разъ испытывали по русскому гражданскому праву, или *земскимъ* законамъ, какъ называетъ ихъ Михайла Михайловичъ, во второй—по политической экономіи, въ третій—по русскому публичному праву, въ четвертый—по римскому праву, изъ котораго впро-

хадювичъ оказалъ намъ весьма лестные знаки своей благо-склонности, а Михайла Андреевичъ почти прыгалъ (онъ чело-вѣкъ очень живой и не могущій скрывать своихъ движеній, treueherzig), повторяя, что невозможно было и ожидать этого и проч.“

Сперанскій, довольный успѣхами студентовъ, рѣшилъ от-править ихъ для довершенія образованія въ Берлинскій уни-верситетъ. Отъ 29-го августа 1829 года онъ писалъ митро-политу московскому: „Студенты изъ Московской духовной академіи, для образованія правослѣднію въ прошломъ году не избранію вашего высокопреосвященства во 2-е отдѣле-ніе собственнѣйшей его императорскаго величества канцеляріи присланные, въ полной мѣрѣ оправдали выборъ ихъ и назна-ченіе, какъ врасчтвеннымъ ихъ поведеніемъ, такъ и успѣ-хами. Государь императоръ принялъ съ благоволеніемъ та-ковой выборъ и приказалъ отправить сихъ студентовъ для окончательнаго ихъ образованія въ Берлинскій университетъ.“

Объявивъ студентамъ, что они должны будутъ ѣхать за границу, Сперанскій сказалъ имъ: „въ чужихъ краяхъ вы не пробудете болѣе двухъ лѣтъ; здѣсь вы намъ очень нужны.“ Предъ отъѣздомъ ихъ онъ пригласилъ ихъ къ себѣ на обѣдъ, на которомъ присутствовали всѣ обучавшіе ихъ главнымъ предметамъ. „Здѣсь, говоритъ Знаменскій, забытъ былъ членъ государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ и проч. и проч. Оставался только мужъ ученый, патриотъ и добрый хозяинъ.“

10-го сентября 1829 года, въ силу высочайшаго повелѣнія, студенты отправлены въ Берлинъ и пріѣхали туда въ сопровож-деніи Петерсева 26-го числа. Жалованья назначено имъ было каждому по 700 талеровъ въ годъ. Сперанскій въ кругъ ихъ занятій включилъ многія науки и поручилъ ихъ вниманію зна-менитаго профессора гражданскаго права, Савиньи. Сообраз-но съ планомъ Сперанскаго, Савиньи на первый семестръ распредѣлялъ занятія студентовъ слѣдующимъ образомъ: у Клеменде они должны были слушать энциклопедію положитель-

энциклопедія, естественное право, политика, общая теорія государственнаго благоустройства, народное право, римское право, каноническое право главнѣйшахъ церквей западной Европы, общее германское право, особенныя положительныя права Пруссіи, Англии и Франціи. Сверхъ лекцій, преподаваемыхъ въ университетѣ, Савиньи назначилъ имъ слушать *privatissima*. „Эти уроки, говоритъ Знаменскій, на которыхъ какой-нибудь профессоръ объясняетъ полюбѣ домашнимъ образомъ то что было преподано въ классѣ, кажутся намъ вовсе излишними. Предполагаютъ, разумѣется, что въ ихъ лекціяхъ было много непонятнаго, между тѣмъ для насъ нѣтъ нужды ни въ какихъ поясненіяхъ.“ Поэтому студенты просили Савиньи избавить ихъ отъ *privatissima*. Это было поводомъ къ тому, что Савиньи сталъ холодно относиться къ намъ. Кромѣ того студенты наши не достаточно обращали вниманіе на римское право и не довольно цѣнили значеніе его въ области юридическихъ знаній. Говоря о занятіяхъ въ сентябрьскій семестръ 1831 года, Знаменскій пишетъ между прочимъ: „Выборъ лекцій, какія намъ слушать въ этотъ семестръ, предоставляемъ намъ самимъ. Правда, велѣно при этомъ соображаться съ совѣтомъ и предписаніемъ Савиньи, но Савиньи оставляетъ насъ въ покоѣ, или справедливѣе, хочетъ, кажется, чтобы мы его оставили въ покоѣ, хотя и соблюдаетъ впрочемъ при этомъ всю наружную учтивость. Коротко сказать: онъ не доволенъ частію нашими начальниками, частію же нами, потому что мы въ прошедшемъ лѣтѣ изъявили рѣшительное желаніе освободиться отъ Рудорфа, то-есть отъ *privatissima*, что намъ и удалось, да и не жалѣемъ о томъ что Савиньи сталъ къ намъ холоденъ; и прежде былъ не горячъ, и прежде не занимался же съ нами самъ (если исключить два или три часа въ цѣломъ году, брошенные намъ ради Христа). Сверхъ же того, эти господа налегаютъ болѣе на римское право: „оно у нихъ есть вещь, а прочее все гиль,“ и хотѣли бы, чтобы мы знали оное такъ же какъ это нужно у нихъ.... Намъ хочется образованія болѣе общаго во всѣхъ отрасляхъ правовѣдѣнія и политики, а потомъ и въ исторіи и философіи, поколику все это взаимно связано. Можемъ сказать, не хвалясь, что мы преддемся болѣе и болѣе отъ души этимъ предметамъ, но чѣмъ болѣе знакомимся съ ними и просвѣщаемся вообще, тѣмъ болѣе видимъ какъ многое намъ еще нужно.“

Болше чѣмъ у двадцати пяти профессоровъ слушали лекціи русскіе студенты. О нѣкоторыхъ изъ нихъ въ первыхъ письмахъ изъ Берлина Знаменскій сообщаетъ краткія свѣдѣнія. Онъ пишетъ:

„Надобно сказать въ частности о профессорахъ что могу и что знаю. Учащихъ здѣсь не менѣе 100 человекъ. Я могу сказать только о немногихъ что-нибудь. Начнемъ съ богословскаго факультета. Извѣстный на этомъ факультетѣ профессоръ Неандеръ, котораго исторію церкви имѣетъ и очень хвалятъ Федоръ Александровичъ (Голубинскій). По предубѣжденію къ нему, я пошелъ его послушать, когда онъ толковалъ Евангеліе Іоанна, и увѣрился, что онъ *старого духа*. Онъ имѣетъ мало оригинальности въ системѣ; сколько могу судить, онъ читаетъ въ древнемъ духѣ отцовъ, съ древнимъ разумѣніемъ Писанія, и кажется, этотъ духъ христіанства отражается и въ его характерѣ. Онъ человекъ странный, самою невидной и незавидной наружности, и въ приѣмахъ очень похожъ на Федора Александровича: ни на кого не глядитъ, никого не видитъ, одѣтъ такъ какъ самый обыкновенный семинаристъ. Слушателей у него впрочемъ очень много. Шлейермахеръ — старикъ, знаменитый богословъ. Онъ болше Неандера оригиналенъ въ своей системѣ, въ которой, такъ какъ и въ проповѣдахъ его, болше философіи и учености нежели простой вѣры. Я слушалъ и проповѣдь его, ученую, умную, но мало имѣетъ она приложенія. На философію — Гегель, патриархъ здѣшней философіи, признаваемый основателемъ новой исторической философіи (*weltgeschichtliche Philosophie*), а потому Аристотелемъ нынѣшняго времени. Онъ составляетъ якобы новую эпоху въ исторіи философіи, по крайней мѣрѣ для здѣшнихъ и многихъ другихъ ученыхъ, которые говорятъ такъ: отъ Гроція до Гегеля и т. п. Я слушалъ его однажды по исторіи философіи и едва имѣлъ терпѣніе досидѣть часъ: содержаніе обыкновенное, но образъ препода-

только in Himmel fahren, а не жить съ бѣдными людьми. Въ сочиненіяхъ онь очень теменъ.“

Это писано о Гегелѣ въ 1829 году. Въ ноябрѣ 1831 года Знаменскій писалъ о немъ: „Мнѣ очень хотѣлось, по прїзвѣдію сюда, познакомиться съ философїей Гегеля, отъ многихъ препрославленной, которая по насамышкѣ обѣщала уже мнѣ многое. Я употребилъ на это часть времени и труда, частію слушалъ самого Гегеля, частію его послѣдователей, и что же? *дѣтская, дѣтская и дѣтская!* Я поаялъ его и ужаснулся отъ результатовъ этой системы и отступилъ назадъ. Есть въ ней и хорошее, пока останавливаешься на нѣкоторыхъ частяхъ, на нѣкоторыхъ взглядахъ въ отдѣльности; многое стоить того чтобъ его удержать и обработать даѣе, или по крайней мѣрѣ переработать; но эта система хочетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ объять всю тайну безконечнаго и конечнаго, все прошедшее и будущее, время и вѣчность, всецѣлое бытіе и всѣ его частнѣйшія видоизмѣненія, и что же выходитъ? Въ ней есть религія, но нѣтъ Бога, есть вѣчность міра, но нѣтъ безсмертія, есть законъ и политика, но теряется нравственность; наконецъ въ ней философія выше всего — послѣдняя ступень (божественнаго) развитія, а мессія философіи — это Гегель!“ Въ постскриптѣ этого письма приписано: „*Gegel* кончилъ жизнь. Остановимся минутой надъ этимъ и придумаемся. Онь умеръ 16-го ноября отъ холеры, или отъ удара, или отъ того и другаго вмѣстѣ (какъ значитъ въ газетѣ). Впрочемъ я не нашелъ нужнымъ сгладить того что написалъ о его философїи: я говорилъ же о личности его, а о философїи, которая не умерла.“

О другихъ профессорахъ Знаменскій пишетъ: „Я долженъ упомянуть объ одномъ новомъ, хотя скромномъ философѣ, который учить также здѣсь: его зовутъ Бенеке, молодой еще человекъ, хотя съ 1820 года доселѣ выдалъ уже въ свѣтъ довольно сочиненій, мало имѣетъ извѣстности, мало слушателей (но скоро ли и Кантъ получилъ извѣстность?); впрочемъ направленіе его совершенно самостоятельное, противоположное всѣмъ новѣйшимъ спекулятивнымъ системамъ. Я очень мало еще знаю содержаніе его философїи, но его начало есть внутренній опытъ (слѣдовательно начало эмпирическое, если угодно), потому она называетъ себя *Seelenertfahrungslehre*, говорятъ здравому смыслу и сознанію человѣческому, и образъ изложенія очень понятный для здраваго

смысла, что также рѣдкость въ новѣйшей философіи. Не знаю, какъ далеко дошелъ онъ на этомъ пути: я слушалъ у него только критику, очень основательную, Кантовой философіи; слушаю теперь только набѣгомъ психологію (постоянно не могу, потому что его часы сходятся съ другими, которые для меня нужнѣе). Скажутъ, что это направленіе слишкомъ старое, пошлое, что это эмпиризмъ и проч. Но ни общія названія подобнаго рода, ни сходство направленія съ прежними ничего не рѣшаютъ; старое никогда не возвращается опять въ томъ же видѣ, на той же степени совершенства: если оно является опять, то является уже новымъ (разумно: въ произведеніяхъ человѣческой дѣятельности). А эмпиризмъ? Я думаю, этого и надлежало ожидать послѣ того какъ рядъ высшихъ философскихъ системъ уже долженъ былъ утомить, вывести изъ терпѣнія, здоровымыслящихъ искалеченной истины; непременно должно было возникнуть противоположное направленіе, ранѣе или позднѣе, или что то же, должно было начаться новый круговоротъ философіи (я согласенъ въ этомъ смыслѣ съ Гавсомъ, чтобы тотъ круговоротъ совпалъ съ Гегелемъ, и буду даже радъ этому). А кто знаетъ, можетъ-быть съ этимъ молодымъ, скромнымъ мыслителемъ онъ и является. Гавсъ соперникъ Савина, родомъ Еврей, профессоръ, также пріобрѣтшій славу и преподаваніемъ, и сочиненіями. Человѣкъ среднихъ лѣтъ, наружностью — картина, отличающимся даромъ слова привлекаетъ на публичныя лекціи болѣе 500 человѣкъ слушателей. Но, мнѣ кажется, онъ хочетъ болѣе блистать нежели размышлять, по крайней мѣрѣ на публичныхъ лекціяхъ. Въ послѣднюю лекцію острыми выходками возбуждалъ много разъ всеобщій смѣхъ. Именно: раздѣливъ всѣ государства, нынѣ существующія, на три класса, — на *настояція*, въ коихъ приняты начала управленія собственныя настоящему времени, на *будущія*, кои только готовятся развить въ себѣ сіи начала, и на *прошедшія*, кои держатся старинныхъ началъ, — поставилъ нашу Россію пер-

познаваніями и сообщающій ихъ такъ легко какъ *Поллиудла Бюфе*. Притомъ еще то интересно, что съ правомъ положительнымъ соединяетъ философію, въ основаніи Гегелеву, но еще переваренную по своему; вообще, отличный профессоръ, но онъ мало блистаетъ. Риттеръ, котораго мы также слушаемъ, прославился изложеніемъ географіи въ новомъ философскомъ видѣ: именно, онъ рассматриваетъ землю въ цѣломъ и въ частяхъ по отношенію къ нравственной цѣли ея сотворенія, по отношенію къ исторіи и образованію рода человѣческаго, хотя самъ признаетъ основателемъ такой географіи Гумбольдта, который теперь въ Россіи. Мы еще слушаемъ химію экспериментальную и статистику Пруссіи. Не болѣе недѣли нужно чтобы привыкнуть понимать профессоръ.“

Два года съ половиной наши студенты провели за границей. Лѣтомъ 1830 года они путешествовали по Германіи за исключеніемъ Неволіна, который оставался въ Берлинѣ и въ теченіе недѣли ежедневно видался со Сперанскимъ, возвращавшимся изъ Карлсбада. Знаменскій отъ Магдебурга пѣшкомъ прошелъ до Геттингена, изъ котораго ѣздилъ въ Кассель, былъ въ Веймарѣ, Лейпцигѣ и Дрезденѣ. По возвращеніи въ Берлинъ, путешественники не нашли въ живыхъ одного изъ своихъ товарищей, Пѣтсехонова, который въ сентябрѣ 1830 года окончился отъ чахотки. Въ 1832 году студенты второй разъ путешествовали по Германіи и употребили на это около четырехъ мѣсяцевъ. Сперанскій на этотъ разъ имѣлъ въ виду то, чтобы они въ германскихъ университетахъ присмотрѣлись къ различнымъ способамъ преподаванія. Каждый изъ студентовъ составилъ свой планъ путешествія. Знаменскій былъ на этотъ разъ въ Мюнхенѣ, Прагѣ и Вѣнѣ, провелъ довольно времени въ Швейцаріи, оттудъ проѣхалъ по Рейну до Кельна. Представляемъ выписку изъ письма его объ этомъ путешествіи: „Я направилъ путь свой изъ Берлина, чрезъ Дрезденъ и Прагу, въ Вѣну, оттодъ, чрезъ Заарбуркъ и Мюнхенъ въ Швейцарію — въ Швейцарію“

скомъ языкѣ, потому что въ Женевѣ языкъ только французскій; а и прожилъ тамъ действительно мѣсяць, соскучил-ся жить долѣе одинъ, и оттуда, — оттуда началъ собственно путешествіе по Швейцаріи. Съ одною картою въ рукахъ, вместо всѣхъ вожатыхъ, и съ легкою котомкою за плечами, пѣшкомъ я пѣшкомъ по Швейцаріи южной, вместо странническаго жезла подпирался своимъ зонтикомъ, который защищалъ меня отъ дождя и зноя и помогалъ подниматься на горы, и тутъ-то, кадобно сказать, положилъ я довольно труда, и однакожь самый трудъ былъ удовольствіемъ. По счастью, почти во все время моего пѣшехожденія, то-есть въ продолженіе трехъ недѣль, стояла погода ясная, но за то какой и жаръ! И однакожь я шелъ цѣлые дни насквозь, останавливаясь единственно пообѣдать или присѣсть гдѣ-нибудь на берегу потока, при водопадѣ, подъ скалою. Эхъ! славное тогда житье было! Представь себѣ это наслажденіе, когда утомленный жаромъ и жаждой становишься я подъ брызги ручья, падающаго стремглавъ съ высоты отвѣсной и разбрасывающагося въ тонкую влажную пыль! Я проходилъ въ каждый день отъ 35 до 40 верстъ, иногда и болѣе, взбирался на высоты, спускался съ крутизнь, и конечно, ужъ не все по широкимъ дорогамъ, но часто по узкимъ тропинкамъ, по камнямъ, а иногда и вовсе безъ тропинокъ, по путамъ труднымъ, впрочемъ нигдѣ неопаснымъ. Изъ Женевы я направилъ стопы на Монбланъ, вѣчно покрытый снѣгами, и взомелъ, хотя не на самый Монбланъ, куда весьма рѣдкіе входили, но по крайней мѣрѣ на одинъ изъ его отроговъ и на ледяное море, которое обыкновенно посѣщаютъ путешественники. Оттуда чрезъ горы, ужасно дикія, въ Мартинья и на батушку Св. Бернарда, гдѣ на самой высотѣ его, снѣгомъ покрытой въ самую средину лѣта, ночевалъ въ гостепріимной обители Св. Бернарда. Отсюда, пробѣжавъ для отдыха по долинѣ Валлійской, изъ Бригга опять пѣшкомъ по знаменитой Симплонской дорогѣ — исполинскомъ памятникѣ Наполеона, который проложилъ ее чрезъ самую высоту горъ для тяжелыхъ экипажей, среди утесовъ и водопадовъ, представляющихъ на каждомъ шагу новые виды, величественные и ужасные. По этой дорогѣ взомелъ я въ Италію. Хотя я былъ на самыхъ только предѣлахъ Италіи, однакожь и тутъ нельзя было не чувствовать, что ступилъ въ Италію: такъ все дышетъ здѣсь какою-то роскошью и вѣгой; катаася по Lago Maggiore и по-

сѣщалъ Барропейскіе острова; катаался по Комскому озеру, окруженный предостанми видами береговъ его, и оттуда повороталъ на сѣверъ, назадъ въ Швейцарію. Здѣсь, мимоходомъ сказать, заблудился на однихъ горахъ, чрезъ которыя пустился самкомъ смѣло съ одною картою, однакожь вышелъ, наконецъ, въ Беллинзону, оттуда на С. Готардъ, знаменитый переходами нашего Суворова. Теперь было бы ему, конечно, гораздо легче пройти здѣсь, но тогда сердце замирало, когда я представлялъ, что по этимъ-то чернымъ утесамъ спускались на шарфахъ и штыкахъ русскіе солдаты, чтобы биться съ Французами. Отсѣлъ, чрезъ Альторфъ, на гору Риги, и около Вальштедскаго озера по сѣверному берегу и по озеру Набаль къ югу, къ грозной Юнгфрау, гдѣ собрало столько величественнаго и дикаго, вдоль цѣлой цѣпи горъ, около нея таящихся, и наконецъ, чрезъ Оберландъ, въ другой разъ въ Бернъ, который то-го и отойтъ; изъерна чрезъ Золотурнъ и Базель, и здѣсь конецъ швейцарскому путешествію. Далѣе я все уже ѣхалъ внизъ по берегамъ Рейна до Франкфурта, а отъ Майнца до Кельна на пароходѣ по Рейну и обратно отъ Кельна до Кобленца также на пароходѣ; изъ Кобленца же прямо на востокъ, и чрезъ Кассель, Геттингенъ, Гаме, Лейпцигъ, въ Берлинъ. Не послѣднее цѣлю моего путешествія было посетить извѣстнѣйшіе университеты въ городахъ, чрезъ которые я проѣхалъ.“

Въ послѣднее время пребыванія своего въ Берлинѣ, Знаменскій, одинъ изъ всѣхъ своихъ товарищей, занимался изученіемъ санскритскаго языка. Свободное отъ научныхъ занятій время студенты посвящали занятіямъ литературнымъ: они перевели на нѣмецкій языкъ комедію Грибоедова: *Горе отъ ума*, которая тогда еще не была напечатана въ Россіи. Объ этомъ переводѣ Знаменскій сообщаетъ такіа извѣстія: „Знаешь ли, что наше неоцѣненное *Горе отъ ума* переведено или передѣлано на нѣмецкій языкъ здѣсь въ Берлинѣ, и кѣмъ же? Главнымъ образомъ, нашими трудами. Одинъ извѣстный здѣшній актеръ-литераторъ, Шнейдеръ, издаетъ репертуаръ для Берлинскаго театра, и для этого собираетъ и переводитъ лучшія сочиненія со всѣхъ языковъ (онъ самъ знаетъ почти всѣ европейскіе языки, знаетъ нѣсколько и по-русски); онъ слышался отъ С. О. Богородскаго, который съ нимъ знакомъ, объ этой нашей комедіи, и ему захотѣлось

ить ее на нѣмецкомъ. Савва Осипычъ сдѣлалъ предложеніе намъ, и нѣкоторые изъ насъ взяли на себя этотъ трудъ, въ томъ числѣ и я грѣшный, въ совершенной, впрочемъ, увѣренности, что выполнить это охотко-либудь порядочнымъ образомъ почти вовсе невозможно. Я поставилъ даже тогда условіемъ, чтобъ объ участіи насъ, Русскихъ, вовсе было невѣдѣніе публики, чтобъ намъ не дѣлалось отъ нашихъ русскихъ журналистовъ замечаній за показаніе русскаго, національнаго произведенія. Оно не могло быть иначе какъ показаніемъ, потому что лучшаго, національнаго, непередражаемаго нельзя совсѣмъ перенести на чужой языкъ. Какъ бы то ни было, дѣло было сдѣлано. Мы переводили съ тѣмъ чтобы Шнейдеръ самъ, сносясь и совѣтуясь съ нами, исправилъ и выгладилъ нѣмецкій языкъ для печати и для театра. Шнейдеръ принялся за это, но не сносясь далѣе съ нами и говоря, что онъ полагъ все въ пісѣ, переправилъ ее по своему, и слѣшкомъ по своему: иное выпустилъ, иное разставилъ, размазалъ, а наконецъ, новымъ выраженіемъ далъ совсѣмъ иной смыслъ, который я не знаю откуда онъ взялъ, такъ что должно прямо казаться, что переводившій въ этихъ мѣстахъ не полагъ подлинника (а переводившіе-то мы!); вообще же, эта сжатость, живость, сильная краткость выраженія совсѣмъ потеряна. Правда, онъ и не называлъ этого въ печати переводомъ, но написалъ только: nach dem Russischen (вольный переводъ, если угодно), но на грѣхъ не смолчалъ и упоминалъ въ предисловіицѣ, что ему помогали живущіе здѣсь Русскіе. Говорять, что скоро эту пісѣсу будутъ представлять здѣсь.“

Въ сентябрѣ 1832 года трое московскихъ и двое петербургскихъ студентовъ возвратились въ Петербургъ. Оставшіяся въ Берлинѣ ихъ преемникамъ (Баршевымъ и Платонову) Сперанскій высказалъ, что эти пятеро изъ числа 500 студентовъ Берлинскаго университета первые, что такъ отзывался о нихъ самъ Савва. О результатахъ пребыванія за границей Знаменскій пишетъ: „Ты спросишь, что же я привезъ съ собою, или въ себя, изъ чужихъ краевъ? Объ этомъ мудро сказать въ короткомъ письмѣ. Дѣло состоитъ не въ томъ чтобы сказать что я тамъ слушалъ, что видѣлъ, что дѣлалъ, но что усвоилъ себя, собственному уму и сердцу, какой результатъ всей тамошней жизни моей во мнѣ остался. Ты знаешь, что трудно всякому и самому себя

осмотрѣть, ревизовать съ точностію и притомъ сравнивать съ тѣмъ что было за три, четыре года. Одно могу сказать: перемены довольно, довольно новаго; напримеръ, отъ прежняго теоретически-идеальнаго образа мышленія оставилъ я многое, но болѣе спустился къ опытному; однако это со-всѣмъ не значитъ что я отступился и отъ практически-идеальнаго, нѣтъ! если я только чувствую самъ себя. Благодаря Провидѣнію, которое указало мнѣ путь за границу, которое тамъ многomu научило, многomu въ самыхъ путяхъ жизни, многomu чрезъ другихъ людей, многomu чрезъ опыты, иногда тяжеле. Все-таки я чувствую, что и въ наукахъ приобрѣлъ многое, чего бы никогда не приобрѣлъ не выѣзжая изъ Россіи, или приобрѣлъ бы можетъ-быть, но слишкомъ поздно.“

По возвращеніи ихъ въ Петербургъ имъ было объявлено, что они опредѣляются пока чиновниками при 2-мъ отдѣленіи канцеляріи съ продолженіемъ каждому того же заманья, какое получали за границей, а между тѣмъ они должны соединить съ тѣмъ и званіе профессоровъ при университетѣ; только выполненіе послѣдняго назначенія зависитъ отъ того какъ скоро послѣдуетъ преобразование Петербургскаго университета.

Предметомъ занятій въ канцеляріи, въ которой они ежедневно были съ 10 до 3-хъ часовъ, было порученное имъ обрабатываніе свода законовъ остзейскихъ губерній. Объ этихъ занятіяхъ Знаменскій сообщаетъ слѣдующія извѣстія: „Сводъ законовъ остзейскихъ губерній былъ уже составленъ однимъ изъ Лифляндцевъ, ученымъ и опытнымъ чиновникомъ, по порученію здѣшней канцеляріи, но онъ разосланъ былъ во присутственныхъ мѣстахъ тѣхъ губерній для просмотрѣнія и сообщенія замѣчаній, поправокъ, дополненій, если какія найдены будутъ нужными. Теперь наша задача состоитъ въ томъ, чтобы 1) законы сіи, сличивъ съ нашими (по вышедшимъ уже сводамъ послѣднихъ), показать что въ нихъ есть общаго съ нашими, и что отличнаго и особеннаго; 2) сличить ихъ особенныя права и привилегіи съ источниками иностранными, на кои они ссылаются (законами нѣмецкими, латвискими, шведскими, польскими), и показать вѣрны ли ихъ ссылки на оныя, также, покуда могутъ сіи иностранныя законы быть приняты въ уваженіе и покуда нѣтъ; 3) сличить сводъ (или проектъ свода) съ представляемыми отъ губерній замѣчаніями и т. п. и исправить, или измѣнить

во оныя, что нужно; 4) изложить все сіе на російскомъ языкѣ (потому что сводъ писалъ на нѣмецкомъ) и въ какой порядкѣ, соответственно порядку нашихъ сводовъ, для внесенія въ государственныя совѣтъ на обсужденіе и къ государю на утвержденіе.“ Во время занятій порученною Сперанскимъ работою, Знаменскій удѣлялъ часть времени на изученіе языковъ польскаго, чешскаго и италіянскаго.

Сводъ Законовъ Россійской имперіи отпечатанъ былъ въ 15 томахъ къ концу 1832 года. О послѣднихъ работахъ Сперанскаго при изданіи Свода Знаменскій пишетъ: „Введеніе въ Сводъ Законовъ писано М. М. Сперанскимъ. Надобно правду сказать, онъ очень много трудился; особенно въ послѣдніе дни, при послѣдней редакціи для печати, проводилъ за перечитываніемъ сводовъ 14 часовъ въ сутки, ври томъ каждый день три или четыре часа въ канцеляріи. Весь папъ и распложеніе сводовъ его дѣло. Вообще Михаила Михайловичъ сдѣлалъ все что онъ могъ, и трудился, можетъ-быть, болѣе нежели всякій изъ низшихъ чиновниковъ.“

Оставалось обнародовать Сводъ Законовъ. 19-го января 1833 года назначено чрезвычайное собраніе государственнаго совѣта, которое и открыто въ этотъ день подъ предсѣдательствомъ самого императора. Знаменскій передаетъ слѣдующія подробности объ этомъ замѣчательномъ засѣданіи: „19-го января было чрезвычайное собраніе государственнаго совѣта для разсужденія о томъ, должно ли и какъ должно ввести составленные своды во всеобщее употребленіе на мѣсто прежняго множества указовъ, уставовъ и т. п. Что должно ихъ ввести, это было безъ сомнѣнія уже рѣшено государемъ гораздо еще прежде; однакожь для формы ли, или для лучшаго обсужденія дѣла было сдѣлано особенное засѣданіе по этому предмету, и въ немъ предсѣдательствовалъ самъ государь. Собираемы были голоса членовъ, и по собраніи оказалось 13 въ пользу, 18 противъ введенія сводовъ. Докладывавшій все это дѣло Левевъ, который могъ исчислить мнѣнія, подходитъ къ Михайлу Михайловичу и говоритъ ему тихонько, что противъ сводовъ большинство голосовъ. „Нужды нѣтъ, отвѣчаетъ Михаилъ Михайловичъ совершенно спокойно: у меня есть одинъ голосъ, который стоитъ во мнѣ.“ И дѣйствительно, государь, узнавъ разногласныя мнѣнія членовъ, самъ обратился къ собранію рѣчью, начавъ тѣмъ, что хотя господа члены и могутъ почитать себя опытные его

въ познаніи законовъ, но что впрочемъ онъ старался также знакомиться съ законами по возможности и твердо убѣренъ, по собственному опыту, въ необходимости на мѣсто употребленія прежняго безчисленнаго множества расцѣпавшихъ въ 50 томахъ указовъ ввести въ употребленіе своды, составленныя изъ тѣхъ же, впрочемъ однако только дѣствующихъ законовъ. Онъ говорилъ довольно долго и заключилъ тѣмъ, что впрочемъ дается еще два года сроку, въ продолженіе которыхъ господа члены могутъ дѣлать все, какія найдутъ нужными и справедливыми, замѣчанія на своды; прежде этихъ двухъ лѣтъ, те-есть прежде 1835 года, своды не должны быть еще вводимы въ употребленіе, а только все присутствующа мѣста должны съ ними предварительно ознакомиться. „А васъ, сказалъ онъ обращаясь къ Михайлу Михайловичу, не могу а иначе достойно возблагодарить какъ снявъ съ себя самого и возлагая на васъ сіи знаки.“ Тутъ онъ снялъ съ себя орденъ Андрея Первозваннаго для возложенія на Михаила Михайловича, который преклонилъ колѣно и прослезился. Орденъ сей, замѣчу я отъ себя, давно уже заслужилъ Михаила Михайловичъ, гораздо болѣе многихъ другихъ, которые оный имѣютъ, но эти обстоятельства, эта торжественность, съ какою онъ возложенъ, по моему, возвышаютъ званіе награды. Нечего сказать, порадовались мы со стороны; правда, дѣло это и намъ не совсемъ же сторона. Были прежде въ Петербургѣ кое въ какихъ углахъ и дурные сауки, какіе и всегда бывають, что Михаила Михайловичъ упадетъ въ благоволеніи государя. Чтобъ онъ унадалъ, это рѣшительно вздоръ, но что онъ имѣеть довольно враговъ, и теперь, можетъ-быть, еще болѣе нежели прежде, это правда. Даже и мелкіе чиновники, и тѣ кои противъ Сперанскаго не имѣють никакого нерасположенія, или, по крайней мѣрѣ, не имѣють никакой къ тому причины, толкують и вкось и врозь, и болѣею частію о безполезности сводовъ, хотя не

предметамъ законодательства. Если теперь въ разныхъ частяхъ этой системы есть большіе недостатки, непопота, неудовлетворительность, неопредѣленность, то это отнюдь не есть вина составителей сводовъ, а недостатки самого дѣйствующаго законодательства. Но если нужно дополнить, усовершенствовать законодательство, то сіи-то самые своды и облегчаютъ къ этому дорогу, потому что представляютъ въ совокупности все что есть, а следовательно тутъ только становится ясно чего нѣтъ.“

Студенты, прибывшіе изъ-за границы, о которыхъ мы говоримъ, желали, чтобъ явнѣе обозначено было ихъ служебное поприще. Они просили Сперанскаго исходатайствовать имъ соответствующій чинъ, но имъ замѣчено, что они получать и чинъ, и должность послѣ экзамена на ученую степень. Разрѣшеніе императора держать имъ экзаменъ прямо на степень доктора, о чемъ они просили, дано было послѣ Пасхи 1833 года. Дѣломъ, отправляясь къ заграничнымъ имперальнымъ властямъ, Сперанскій объявилъ имъ, что экзаменъ данъ будетъ имъ въ сентябрѣ по его возвращеніи въ Петербургъ. При прощаніи съ ними, онъ сказалъ имъ, что экзаменъ будетъ производиться подъ его дирекціей, что есть предположеніе открыть училище правовѣдѣнія, куда они должны готовиться поступить въ профессора, что для преподаванія въ этомъ новомъ учебномъ заведеніи, которое будетъ состоять на степени не низшей, если не высшей, университетовъ, они должны раздѣлать между собою, по взаимному согласенію, части составленныхъ недавно сводовъ законовъ и заблаговременно приготовить по этимъ частямъ лекціи. Сперанскій присовокупилъ, что лекціи они должны готовить *сравнительнымъ образомъ*: „это его любимая идея,“ замѣчаетъ Знаменскій. По словамъ Сперанскаго, мы должны излагать по данной части правовѣдѣнія, кромѣ русскаго права, права и законы другихъ народовъ, по крайней мѣрѣ извѣстнѣйшія и знатнѣйшія, какъ-то: римское, нѣмецкое, прусское, французское и т. д. по возможности; отечественное право во всякомъ случаѣ, разумѣется, должно составлять главный предметъ и средоточіе урокомъ. Сверхъ этого сравненія современныхъ правъ, должно входить въ преподаваніе и историческое развитіе права, по крайней мѣрѣ отечественнаго.“

Знаменскій избралъ для обработыванія шестую книгу

Свода Законовъ, подъ названіемъ *Устава государственнаго благоустройства*. Въ этой части заключаются законы о народной промышленности, торговой, мануфактурной и ремесленной, и о пособствующихъ ей учрежденіяхъ, то-есть кредитныхъ установленіяхъ, путяхъ сообщенія, водныхъ и сухопутныхъ, уставы строительный, пожарный, о городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ, объ устройствѣ колоній, и уставъ народнаго просвѣщенія (послѣдній вошелъ въ составъ этой части позже). „Признаюсь, говоритъ Знаменскій, что при выборѣ этой части, кромѣ другихъ обстоятельствъ и причинъ, дѣйствовалъ на меня взглядъ на движеніе и кипящую жизнь промышленности въ Петербургѣ, главной точкѣ сообщенія торговли русской и иностранной, взглядъ на движеніе промышленности мануфактурной съ каждымъ годомъ впередъ, на то уваженіе самого государя, а слѣдовательно и всѣхъ сословій, какимъ она нынѣ пользуется. Сверхъ того, новость этой части была не послѣдняя причина: она всѣхъ менѣе обработана въ науку.“

Ревностно занялся Знаменскій обширною, интересовавшею его работою. Огорченный смертію матери, Знаменскій, по вызову престарѣлаго отца, котораго не видалъ болѣе пяти лѣтъ, собирался ѣхать на родину лѣтомъ 1833 года, но до половины іюля задержала его въ Петербургѣ любовь къ новому труду. „До отъѣзда изъ Петербурга, говоритъ онъ, я рѣшился пройти всѣ, или хотя бѣольшую и важнѣйшую часть сводовъ; рѣшился на это не потому чтобъ этого отъ насъ требовали, — экзаменъ нашъ положено ограничить только известными частями, — но чѣмъ болѣе я приготовлялся къ необходимому, тѣмъ болѣе видѣлъ, какъ полезно и даже нужно имѣть обзоръ всего цѣлаго, потому что все между собой связано и должно быть готовымъ на вопросы всякаго рода. Дѣла открывалось все болѣе и болѣе, и я все еще не успѣлъ исполнить всего что предназначалъ

серьезное умственное занятіе; кромѣ русскихъ законовъ должно читать еще и кое-что другое для дополненія нашихъ познаній. Вотъ мой образъ жизни. Послѣ обѣда прямо читаю въ покойномъ положеніи что-нибудь легкое съ полчаса, съ часъ, потомъ гуляю съ часъ по Невскому проспекту; возвратившись опять читаю что-нибудь не тяжелое часовъ до 6 или 7, потомъ что-нибудь посерьезнѣе; въ 8 пью чай; послѣ чаю лучшее время для занятій часу до 12 и 1. Ужина не бываетъ. Знакомства у меня мало; выхожу въ люди очень рѣдко.“

Сентябрь 1833 года не рѣшилъ участи студентовъ. Только въ декабрѣ 2 отдѣленіе канцеляріи вступило по ихъ дѣлу въ сношеніе съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, и въ январѣ слѣдующаго 1834 года начались для нихъ экзамены. Передаемъ свидѣнія о томъ словами Знаменскаго:

„Экзамены словесные начались въ концѣ января, кончились 19-го марта. Но не подумай, чтобъ они въ самомъ дѣлѣ были очень длинны. Ихъ было всего семь, каждый по три часа, отъ 7 до 10 часовъ вечера, въ совѣтѣ университета, всѣмъ пятерымъ вмѣстѣ (кромѣ московскихъ тутъ были двое петербургскихъ студентовъ), то-есть такъ, что каждый вызывался особо, одинъ послѣ другаго. На каждое засѣданіе, разумѣется, назначаемъ былъ особый предметъ или часть праводвѣнія. Программа для экзаменовъ, или росписаніе предметовъ, въ коихъ надлежало насъ испытывать, [составлено было у насъ при канцеляріи совершенно иначе нежели какъ бы слѣдовало по общему положенію объ испытаніяхъ (1819 г.); оно составлено по плану и назначенію Михаила Михайловича. Программы были напечатаны. Отъ одного засѣданія до другаго проходило по недѣлѣ (кромѣ масляницы, когда пропущено двѣ недѣли), и въ это время могли мы приготовиться къ слѣдующему предмету, хотя разстановка эта сдѣлана собственно не для насъ, а для экзаменаторовъ, которые не могли чаще собираться. Экзаменаторы, то-есть факультетъ юридическій и еще одинъ профессоръ изъ педагогическаго института, спрашивали каждый по своему предмету въ присутствіи отраженныхъ отъ 2 отдѣленія канцеляріи депутатовъ, именно: самого Баугтъянскаго и двоихъ старшихъ чиновниковъ, преподававшихъ намъ вѣкогда уроки, Буядына и Плисова. Испытывали насъ, можно сказать, очень благонамѣренно, безъ привазокъ, хотя отнюдь нельзя

сказать чтобъ экзаменъ былъ слабый. Предметы испытанія: 1) энциклопедія, или общее обозрѣніе наукъ юридическихъ и различныхъ правъ: въ этомъ испытывалъ Фишеръ частію на нѣмецкомъ, частію на русскомъ языкѣ; 2) русскіе государственное право (по Своду двѣ книги учрежденій и книга о состояніяхъ) и казенное управленіе (пять книгъ Свода); 3) русскіе гражданское право; 4) законы государственнаго благоустройства (особая книга Свода); 5) законы уголовные, полицейскіе и судопроизводство (двѣ книги Свода). Вообще, по русскому праву спрашивалъ профессоръ оного, Врангель, очень добрый человѣкъ и неглупый; 6) римское право: по немъ отвѣчали на латинскомъ языкѣ; 7) нѣмецкое право. Для экзамена по этому предмету приглашенъ былъ особенно профессоръ педагогическаго института, Штекгардтъ, потому что изъ университетскихъ некому было экзаменовать по этому предмету; онъ спрашивалъ все на нѣмецкомъ, потому что не понималъ по-русски. По окончаніи словесныхъ экзаменовъ,—на каждый изъ этихъ семи отдѣловъ по дю,—даны были намъ задачи для краткихъ сочиненій на домъ, по двѣ на каждаго; предложенія однакожь такіа, на которыя надлежало бы писать книги, а не краткія задачки. Мы представили ихъ въ двѣ ведѣли, и довольно пространнаа. Я писалъ одно на русскомъ, по русскому праву, незначительное; другое на нѣмецкомъ о томъ: „Существовало ли ленное право въ Россіи, и если существовало, то чѣмъ различалось отъ нѣмецкаго“—матерія, о которой никто еще не писалъ, но тѣмъ болѣе интересная. Написанное мною на этотъ вопросъ сочиненьице (въ 4 листа) поправилось особенно экзаменаторамъ, такъ что положили представить оное министру народнаго просвѣщенія и напечатать. Прибавлю (только тебѣ на ухо), что и на словесныхъ испытаніяхъ я ни за кѣмъ не остался позади, напротивъ имѣлъ случай самъ о себѣ особенно лестные отзывы. Послѣ этихъ задачекъ представили мы, каждый по своему выбору, предложенія для пространнаахъ

русское, изъ предложенія: „О философіи законодательства у древнихъ,“ на сихъ дняхъ (въ началѣ августа) кончить. Прочія, изъ коихъ одно на латинскомъ и два на русскомъ, кончены будутъ не ранѣе конца августа, если не позавѣе. Но можетъ-быть назначать намъ двоимъ день для защищенія, не дожидаясь прочихъ.“

Освободившись отъ бремени срочныхъ трудовъ, успѣхъ которыхъ обезпечивалъ его будущее положеніе, Знаменскій почувствовалъ себя свободнѣе и спокойнѣе. „Теперь, пишетъ онъ своему другу, я сталъ такъ свободенъ какъ не былъ свободенъ давно, и такъ спокоенъ и веселъ какъ не бывалъ можетъ-быть во всѣ эти два года.“ Далѣе, онъ говоритъ о своихъ будущихъ планахъ и надеждахъ, и изображаетъ неудержимое стремленіе своихъ духовныхъ силъ къ ученой дѣятельности: „Что до меня, меня ничто не привлекаетъ кромѣ ученой каѳедры—это одно мое желаніе; другое съ этимъ сродное—желаніе и намѣреніе писать и служить пользѣ общей, сколько могу, сочиненіями. Такъ не думай же ты, что у меня руки опустылись, что я не могу и не хочу приняться за перо, что я забылъ все идеальное и хлопочу только о вещественномъ,—не думай такъ дурно обо мнѣ. Не вредъ плоду если онъ долго зрѣеть, лишь бы не перезрѣлъ; рваный конь не даромъ бьетъ копытомъ и вышетъ отъ нетерпѣнія стоя въ праздности; и рѣвка, которую долго держали запруженною, не менѣе другой надѣляетъ дѣла. У меня кровь кипитъ, рука трепещетъ, когда я пишу что-нибудь; чувствую, что я еще не состарѣлся, не застоялся, не замерла во мнѣ внутренняя жизнь, хотя много, много измѣнилась. Не стыдно ли молодому человѣку, имѣющему сколько-нибудь въ головѣ, могущему сколько-нибудь владѣть перомъ,—не стыдно ли не писать теперь, когда въ нашей Руси всѣ стихіи просвѣщенія, учености, приходятъ въ броженіе, во всѣхъ областяхъ знаній возникъ духъ изслѣдованія, особенно во всемъ до Руси относящемся? Пусть направленія различны, есть и невѣрныя,—пускай, это не мѣшаетъ. Истина очищается треніемъ умовъ.“

Докторская диссертация Знаменскаго была рассмотрѣна и одобрена къ напечатанію юридическимъ факультетомъ С.-Петербургскаго университета. Она состоитъ изъ двухъ частей: 1) Откуда и какимъ образомъ должно выводиться философскія начала гражданскаго права? и 2) Какой наилучшій методъ для изложенія гражданскаго права по тѣмъ началамъ?

Первая часть состоитъ изъ двухъ главъ: въ первой авторъ разсуждаетъ объ источникахъ, изъ которыхъ заимствуются философскія начала гражданскаго права. Здѣсь онъ беретъ въ разсмотрѣнiе нравственную природу человѣка, свойства гражданскаго общества (*natura societatis civilis*), животную природу человѣка и связь ея съ природою вообще (*cum natura rerum*), и наконецъ, разсматриваетъ силу сихъ причинъ, подлежащую закону времени. Во второй главѣ говоритъ о философскомъ способѣ познанiя началъ гражданскаго права. Здѣсь онъ разсматриваетъ измѣняемую сторону права, свойство, причины и законы этой измѣняемости; далѣе, путемъ сравненiя ведетъ изслѣдованiе о томъ что остается всегда твердымъ и неизмѣняемымъ въ правѣ, и наконецъ, разсматриваетъ, въ какой связи стоятъ всеобщiя начала права съ правилами и постановленiями измѣняющимися. Вторая часть состоитъ также изъ двухъ главъ. Въ первой идетъ рѣчь объ общемъ методѣ изложенiя гражданскаго права, и этотъ вопросъ разсматривается со стороны матерiи и формы предмета: въ первомъ отдѣлѣ авторъ разбираетъ причины правъ вообще, причемъ входитъ въ разсмотрѣнiе элементовъ, изъ которыхъ составляется гражданское право (физиологическiй, нравственный, гражданскiй, историческiй) и потомъ сравниваетъ права разныхъ народовъ; во второмъ отдѣлѣ говоритъ о формѣ или порядкѣ изложенiя права; въ третьемъ предлагаетъ образецъ изложенiя гражданскаго права, гдѣ задается сперва вопросомъ о правѣ семейномъ, потомъ говоритъ о правѣ владѣнiя, наслѣдства, правѣ обязательствъ и т. д. Этотъ отдѣлъ заключаетъ въ себѣ изслѣдованiе исторически-сравнительное. Вторая глава рѣшаетъ вопросъ о частномъ методѣ изложенiя гражданскаго права.

Сочиненiе Знаменскаго показываетъ въ немъ обширную ученость и близкое знакомство съ древнею и новою литературою вопроса. Сочиненiе печаталось; автору назначена уже была кафедра по предмету законовѣдѣнiя въ Киевскомъ университетѣ, какъ Знаменскiй занемогъ воспаленiемъ легкихъ и скончался 28-го января 1835 года, не успѣвъ защитить свою докторскую диссертацию. Съ небольшимъ чрезъ недѣлю послѣ смерти Знаменскаго (8-го февраля 1835 г.) товарищъ его, К. А. Невольнъ, защищалъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ диссертацию на степень доктора правъ: „О философиі законодательства у древнихъ.“ Декавъ юри-

дическаго факультета, профессоръ Бутырскій, въ рѣчи своей, произнесенной предъ началомъ диспута, сказалъ между прочимъ: „Г. Невольнъ взойдетъ на кафедру одинъ, сверхъ всякаго ожиданія, никѣмъ не предшествоваемый, никѣмъ не послѣдуемый, — взойдетъ съ печальнымъ воспоминаніемъ о товарищѣ, съ которымъ долженъ былъ раздѣлить этотъ актъ и, можетъ-быть, дальнѣйшее поприще ученой жизни. Не болѣе какъ за недѣлю предъ симъ, г. Знаменскій унесъ съ собою въ могилу всѣ наши надежды, столь лестныя, столь бластательныя, столь близкія къ осуществленію, что казалось, изъ рукъ вырванъ былъ уже готовый вѣнецъ, который соплетали для него Музы. Мистическая старость и зрѣлая ученость почтили прахъ юноши невольными слезами.“ *

Другой товарищъ Знаменскаго, С. О. Богородскій, почтилъ память покойнаго краткою его біографіей, которая была приложена къ докторской диссертациі Знаменскаго. **

Вскорѣ послѣ смерти Знаменскаго послѣдовалъ за нимъ въ могилу товарищъ его А. В. Благовѣщенскій, написавшій докторскую диссертацию *О методѣ науки законовѣдѣнія въ XVIII вѣкѣ*. *** Изъ бывшихъ въ Берлинѣ въ 1829—1832 годахъ шестерыхъ студентовъ С.-Петербургской и Московской духовныхъ академій остается въ настоящее время въ живыхъ одинъ: С. Н. Орнатскій, бывшій ординарнымъ профессоромъ Московскаго университета. Пѣшехоновъ, какъ мы видѣли, умеръ въ Берлинѣ въ 1830 году. С. О. Богородскій скончался въ пятидесятихъ годахъ на должности ординарнаго профессора уголовныхъ законовъ въ Киевскомъ университетѣ. К. А. Невольнъ скончался въ октябрѣ 1855 года въ званіи ординарнаго профессора гражданского права въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

По свидѣтельству остающихся въ живыхъ товарищей Знаменскаго, онъ, при прекрасныхъ дарованіяхъ, отличался неутомимымъ трудолюбіемъ. Есть свѣдѣнія, что когда онъ былъ студентомъ академіи, его никогда не видали безъ книги, такъ что и промежуточное время между классами не проходило у него безъ занятія серьезнымъ чтеніемъ. Въ одномъ письмѣ своемъ, писанномъ въ декабрскіе кани-

* Журн. Минист. Народ. Просв. 1835 г., февраль, стр. 295.

** Vita Basilii Znamensky.

*** Напечатано въ Журналѣ Минист. Народ. Просв. 1835 г.

кумы 1826 года, Знаменскій признается, что онъ занимался въ академіи до усталости: „Чувствую, что мнѣ отдыхъ нуженъ, и нуженъ не столько для тѣлесныхъ, сколько для душевныхъ силъ, вѣскольکو, можетъ-быть, по моей же винѣ, по беспорядочности въ занятіяхъ, утомившихся и притупившихся въ послѣднюю половину поста. Живость чувства и воображенія ощутительно была какъ будто истощена, а безъ этого и жизнь наша не жива, и если менѣе дурнаго, то мало бываетъ и добраго. Нѣскольکو же пріятныхъ для сердца дней (Знаменскій былъ въ это время въ домѣ отца), не громозжденныхъ никакими скучными заботами, должны согрѣть и оживить душу, чтобы послѣ можно было снова прилгаться за свое дѣло съ бодростію и живостію.“

Какія нравственныя начала воспиталъ Знаменскій въ душѣ своей, это видно изъ его задушевной исповѣди другу. Эта исповѣдь относится къ началу его петербургской жизни. „Ты, пишеть Знаменскій, требуешь отъ меня болѣе нежели совѣта, но я согрѣшу предъ совѣстію и небомъ, если подумаю, что могу давать наставленія, особенно въ дѣлѣ нравственности. Какъ не скажу я самъ себѣ: врачу! исцѣляиса самъ? Но пусть такъ! Я могу просто передавать, какъ единственному другу, то что почитаю для себя нужнѣйшимъ и драгоценнѣйшимъ въ жизни. Скольکو же такихъ правилъ можно найти? Можно ли выбрать изъ всѣхъ ихъ одно, или два, и выразить въ пяти словахъ? Итакъ прими за благо, если предложу нѣскольکو совѣтовъ, которые почитаю лучшими и для себя, и для тебя. Учись во всѣхъ случаяхъ твоей жизни, и даже въ самыхъ маловажныхъ, видѣть Божію волю и строеніе, изъ котораго ты долженъ извлекать пользу, или въ которомъ все, хотя бы и не зналъ, направлено къ лучшему для тебя, къ твоему истинному благу; учись замѣчать сіи пути Промысла вездѣ насъ видящаго, и ты убѣдишься явнѣ въ истинѣ сего, и вмѣстѣ научись симъ успокоивать, утѣшать себя, благодушно покоряться даже горестнымъ для тебя перемѣнамъ. Скажу искренно, что я въ этомъ всегда много находилъ успокоенія. Второй совѣтъ Федора Александровича (Голубивскаго): старайся при всѣхъ обстоятельствахъ чаще уединяться въ самомъ себѣ и размышлять съ собою, особенно въ часы какихъ-либо особенныхъ движеній, порывовъ, возмущеній: что во мнѣ происходитъ? что я дѣлаю? чего я желаю, до чего могу дойти? и проч. Да и вообще,—чаще

отъ разбѣганія возвращаться къ себѣ и въ себя, привыкать къ размышленію спокойному, о чемъ бы то ни было, собираться въ духѣ, забывая мелочныя досады и т. п. Только въ этомъ состояніи родится все хорошее, и мысли, и чувства, и намѣренія. Еще совѣтъ въ отношеніи къ другимъ: стараться смотрѣть на всѣхъ съ лучшей стороны, и не судить тотчасъ по какимъ-либо неприятымъ впечатлѣніямъ, а особенно не измѣрять другихъ своими правилами, склонностями, обычаями (это, кажется, просто, но самолюбіе тутъ-то и ловитъ насъ). Весьма часто (я это испыталъ) люди намъ очень не нравятся съ перваго взгляда, можетъ-быть потому что на насъ не похожи; но если съ ними сблизиться, находишь въ нихъ много добраго, можетъ-быть болѣе нежели въ насъ. Думая искать во всѣхъ только добраго, ищемъ мы большею частію самихъ себя. Признаюсь, что я и теперь страдаю этимъ недугомъ, отъ котораго иногда на все набрасывается какая-то мизантропическая тѣнь.“

Этимъ началомъ остался вѣрнѣ Знаменскій и въ своей заграницной жизни, хотя житейская опытность и измѣнила въ немъ дѣтскую простоту и откровенность, какими на дѣлала его природа, и которыя нашли благоприятную почву въ его первоначальномъ воспитаніи. Въ письмѣ изъ Берлина, писанномъ въ концѣ 1831 года, Знаменскій говоритъ: „Я долженъ признаться, что при расширеніи зора на дѣйствительный міръ, при развивающейся потребности все изъяснять и изслѣдовать, я потерялъ много дѣтской вѣры, какую имѣлъ прежде, дѣтской простоты и вѣстѣ теплоты сердца: можетъ-быть я слишкомъ много имѣлъ прежде дѣтскаго, что непременно должно было въ послѣдствіи времени уступить мѣсто размысляющему разуму, но можетъ быть, что нынѣ оно слишкомъ уже много уступаетъ ему. Но такъ человѣкъ! Намъ трудно найти средину, трудно удержать ее; мы должны проходить различные періоды, ища сей истинной и доброй средины,—періоды, одинъ другому часто, противоположныя, но которые должны наконецъ примириться, соединиться въ одномъ высшемъ средоточіи. По крайней мѣрѣ я увѣренъ, что кто искренно ищетъ добраго, истиннаго, тотъ найдетъ его, тотъ не можетъ совершенно заблудиться. Впрочемъ не подумай чего-нибудь болѣе нежели то что я разумно, не подумай, чтобъ это касалось основныхъ истинъ

религіи: это касается болѣе способа понимать, объяснять и прилагать ихъ.“

Знаменскій только еще начиналъ чувствовать серьезный призывъ къ учено-литературной дѣятельности, какъ смерть прервала благія начинанія.

Будучи еще въ богословскомъ классѣ Ярославской семинаріи, онъ принималъ дѣятельное участіе въ переводѣ съ греческаго языка поученій Кирилла Иерусалимскаго (изданы въ Спб. 1822 г.). Послѣ, когда отправлялся за границу, онъ велъ путевыя записки и имѣлъ намѣреніе современемъ издать ихъ въ свѣтъ, но попытка въ первый разъ выступить на литературный путь страшила его. „У Надеждина, говоритъ Знаменскій, есть упреки русскимъ путешественникамъ, что они не заботятся сообщать свои наблюденія въ чужихъ земляхъ русской публикѣ; можетъ-быть, это касается частію и насъ. Вотъ отвѣтъ съ моей стороны за меня: обыкновенныхъ и плоскихъ разказовъ, гдѣ что видѣлъ и слышалъ, и вообще обыкновеннаго въ этомъ родѣ писать и выдавать я отнюдь не расположенъ. Въ этомъ родѣ приведу въ примѣръ три части путешествія какого-то доктора Ниберга, новѣйшія, но такъ плоско, такъ мертво написанныя, что я не докторъ, а право не желаю бы быть авторомъ. Чтобы написать что-нибудь стоящее вниманія, нужно особенное время и занятіе. Представь, что значитъ выступить въ публику въ первый разъ. Впрочемъ, я все-таки отъ авторства не отказался и удѣляю и для этого часы, но что изъ этого выйдетъ и когда, самъ еще не знаю.“ При другомъ случаѣ Знаменскій писалъ (въ 1833 г.): „Ты все толкуешь, что я ничего не выдаю въ свѣтъ. Повѣрь же, что я самъ не менѣе имѣю намѣренія выступить съ чѣмъ-нибудь въ литературный свѣтъ и даже рѣшился было выступить съ пустяками, хотя безыменно. именно съ отрывками изъ своихъ путе-

тавша этому, а первая проповѣдь (на Восшествіе на престолъ) напечатана и вовсе безъ моего вѣдома, когда я былъ въ Бердичѣ, о чемъ я узналъ тамъ съ удивленіемъ. Я не имѣлъ впрочемъ причинъ противиться изданію и другихъ моихъ проповѣдей, когда пріѣхалъ въ Петербургъ. Только чувствую, не надежало бы соглашаться на напечатаніе разсужденія, писаннаго мною еще въ богословскомъ классѣ въ семинаріи: „О духѣ вѣшняго богослуженія и обрядовъ.“ Оно бы вовсе этого не стоило.“

Часы досуга посвящалъ Знаменскій и піитическимъ упражненіямъ. Съ этой стороны онъ былъ извѣстенъ еще въ академіи, когда былъ студентомъ. Въ 1826 году, когда императоръ Николай послѣ коронаціи былъ въ Троицкой Лаврѣ, ему поднесены были отъ академіи стихотворенія на высочайшее посѣщеніе Лавры и академіи. * Изъ числа этихъ стихотвореній первое (*Что ты? что сдѣлалось съ тобой?*) и третье (*Отрѣзки пѣснь намъ духъ веселый*) принадлежатъ Знаменскому. Нѣсколько стихотвореній его напечатано въ *Сперской Минерѣ* Вѣтревскаго.

С. СМЕРНОВЪ.

АРМАДЕЛЬ*

РОМАНЪ ВИЛЬКИ КОЛЛИНЗА.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ХІ. Любовь и законъ.

Въ понедѣльникъ утромъ 28-го іюля миссъ Гуильтъ, еще разъ рѣшившаяся подстеречь Аллана и Нелли, дошла до своего обыкновеннаго обсервационнаго пункта въ паркѣ обыкновенными окольными тропинками.

Она съ удивленіемъ нашла Нелли одну на мѣстѣ свиданія. Но еще болѣе удивило ее, минуту десять спустя, появленіе Аллана, который поднявшись изъ долины на пригорокъ и неся подъ мышкой въ видѣ оправданія огромную, толстую книгу, объявилъ Нелли, что онъ потерялъ много времени надъ переборкой книгъ, и нашелъ лишь одну, которая общаесть, повидимому, вознаграждать ихъ за трудъ чтенія.

Еслибы миссъ Гуильтъ подолѣе осталась въ паркѣ въ про-

шими или меньшими припадками чувствительности) соображать послѣдствія. Въ субботу, въ минуту разставанія, Нелли вдругъ вспомнила о будущемъ и совершенно смутила Аллана неожиданнымъ вопросомъ о томъ, подлежитъ ли судебному преслѣдованію задуманный ими побѣгъ? Она очень хорошо помнила, что читала когда-то, гдѣ-то (вѣроятно въ какомъ-нибудь романѣ), о побѣгѣ, имѣвшемъ ужасныя послѣдствія: невесту притащили домой въ истерикѣ, а жениха, по приговору парламента, посадили въ тюрьму, предварительно совсѣмъ обрѣзавъ его прекрасныя волосы. Предполагая даже, что она и согласилась бы, наконецъ, на побѣгъ, чего впрочемъ она никакъ не можетъ обещать, она прежде всего желаетъ знать, не вмѣшается ли въ этотъ бракъ полиція, кромѣ священника и клерка Алланъ; какъ мужчина, долженъ знать это; къ Аллану она и обращается за свѣдѣніями, предупреждая его, съ цѣлью впрочемъ поощрить его на отысканіе закона, что она готова лучше тысячу разъ умереть отъ горя нежели быть невольною причиною парламентскаго приговора, по которому его посадятъ въ тюрьму и обрѣжутъ его прекрасныя волосы.

— Это вовсе не смѣшно, прибавила тогда Нелли рѣшительно: — я не хочу даже и думать о нашемъ бракѣ до тѣхъ поръ пока не удостовѣрюсь что говорить объ этомъ законъ.

— Но я столько же знаю законы сколько и вы, сказалъ Алланъ. — Къ чорту законъ! Что за бѣда если меня окорчатъ! Нужно рискнуть.

— Рискнуть? повторила Нелли съ негодованіемъ. — А обо мнѣ вы не думаете? Я не хочу рисковать! Если есть добрая воля, такъ найдется и возможность. Мы должны сами отыскать законъ.

— Я готовъ, сказалъ Алланъ. — Но гдѣ же намъ искать его?

— Конечно въ книгахъ! Въ вашей огромной библиотекѣ вѣроятно заключаются самыя разнообразныя свѣдѣнія. Если

те ее съ начала до конца, и потомъ приходите сюда, чтобъ объяснить мнѣ каждое слово. Какъ? вы находите, что вамъ нельзя поручить даже такой простой вещи?

— Увѣренъ, что нельзя, сказалъ Алланъ. — Но развѣ вы не можете помочь мнѣ?

— Конечно могу, если вы не сумѣете обоиться безъ меня! Хоть законы и мудрены, но ужь вѣрно не мудренѣе музыки. И я должна, я непременно хочу удовлетворить свое любопытство. Въ поведѣльникѣ утромъ принесите мнѣ сюда всѣ книги, какія вы только найдете; можете привезти ихъ и въ тачкѣ, если наберется ужь слишкомъ много, и если вы не сумѣете обоиться безъ меня.

Результатомъ этого разговора было появленіе Аллана въ паркѣ, съ комментаріями Блакстона подъ мышкой, въ утро того роковаго поведѣльника, когда письменное общеніе миссъ Гуильтъ выйти замужъ за Мидвинтера дошло до его рукъ. Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ проявленіяхъ человеческой жизни, дисгармонирующія начала смѣшного и ужаснаго сталкивались между собой въ силу непостижимаго закона противорѣчія, одного изъ тѣхъ законовъ, которые управляютъ человеческою жизнію. Посреди всѣхъ затрудненій, скоплавшихся надъ ихъ головами, несмотря на близость замышляемаго убійства, которое уже бросало на одного изъ нихъ свою мрачную тѣнь изъ потаеннаго угла, гдѣ скрывалась миссъ Гуильтъ, молодые люди сидѣли, не предчувствуя будущаго, съ раскрытою между ними книгой, и преусердно изучали постановленія о бракахъ, съ твердою рѣшимостью добиться толку, и эта рѣшимость въ такихъ юныхъ существахъ была уже сама по себѣ не болѣе какъ буфонство!

— Отыщите же это мѣсто, сказала Нелли, какъ только они усѣлись. — Мы вмѣстѣ примемъ за дѣло и добьемся толку посредствомъ раздѣленія труда, какъ говорятъ ученые. Вы

въ силу которыхъ и будемъ дѣйствовать. Говорятъ, что у дѣвочекъ нѣтъ смысла на дѣла. Какъ бы не такъ!... Нечего смотрѣть-то на меня! Смотрите-ка лучше на Блакстона и начинайте.

— Нельзя ли начать подѣлаемъ? спросилъ Алланъ.

— Никакъ нельзя. Я удивляюсь, что вы можете просить объ этомъ въ такую важную минуту, когда мы оба должны выпрачь всѣ наши умственные способности!

— Да я именно для этого и прошу у васъ подѣлау, скажетъ Алланъ. — Мнѣ кажется, онъ сдѣлаетъ бы меня остроумнѣе.

— О, это другое дѣло! Я готова на всякое пожертвованіе, лишь бы помочь вашей головѣ. Но помните, не болѣе *одного*, прошептала она кокетливо; — да не забывайте же Блакстона, а то потеряете страницу.

Въ разговорѣ наступила пауза. Блакстонъ и записная книжка вмѣстѣ окатились на траву.

— Если вы опять приметесь за то же, сказала Нелли, поднимая книжку съ раскраснѣвшимися щеками и блистающими пазками, — то я повернусь къ вамъ спиной и просижу такъ все утро. Да начнете ли вы, наконецъ?

Алланъ во второй разъ отыскалъ страницу, и очертя голову, бросился въ бездонную пропасть англійскихъ законовъ.

— Страница двѣсти восьмая, началъ онъ. — Законъ о мужѣ и женѣ. Начать съ того, что вотъ этого параграфа я вовсе не понимаю. „Говоря вообще, законъ разсматриваетъ бракъ въ смыслѣ контракта.“ Что это значитъ? Я думалъ, что контрактъ такая бумага, которую подписываетъ подрядчикъ, обязуясь въ данный срокъ кончить работы и вывести рабочихъ изъ дому, причемъ случается обыкновенно, что когда срокъ этотъ наступаетъ (какъ говаривала моя бѣдная мать), рабочіе и не думаютъ уходить.

— Неправда, это никакъ не законъ о бракахъ? спросила

блудный, а не супружескій союзъ. (А вѣдь Блакстонъ любитъ замысловатая фразы, не правда ли? Любопытно знать что онъ разумѣетъ подъ словомъ блудный?) Первая изъ этихъ причинъ незаконности брака есть предшествовавшій бракъ, такъ что существованіе другого мужа или другой жены....“

— Остановитесь! сказала Нелли.—Я должна сдѣлать отвѣтку.

И она пресеріозно сдѣлала свою первую отвѣтку на страницѣ озаглавленной: *Хорошо*. „У меня нѣтъ мужа, а у Аллана нѣтъ жены. Въ настоящее время мы оба совершенно свободны.“

— До сихъ поръ все идетъ хорошо, замѣтилъ Алланъ, глядя черезъ ея плечо.

— Продолжайте, сказала Нелли.—Дальше что?

— „Вторая причина незаконности, продолжалъ Алланъ,—заключается въ несовершеннолѣтіи. Чтобы получить право на вступленіе въ бракъ, мужчина долженъ имѣть четырнадцать, а женщина двѣнадцать лѣтъ отъ роду.“ Нечего сказать, весело, воскликнулъ Алланъ:—Блакстонъ таки равенько начинает!

Нелли была слишкомъ занята чтобы сдѣлать съ своей стороны какое-либо замѣчаніе, кромѣ необходимой отвѣтки въ записной книжкѣ на страницѣ озаглавленной: *Хорошо*. „Я имѣю законный возрастъ для вступленія въ бракъ, и Алланъ также.“

— Дальше! продолжала она, глядя черезъ плечо Аллана.—Не обращайтесь вниманія на всѣ эти пустыя разглагольствія Блакстона. Я не дѣвочка; мнѣ не двѣнадцать лѣтъ! Переходите къ третьей причинѣ, если таковая окажется.

— „Третья причина незаконности брака, продолжалъ Алланъ,—есть сумашествіе.“

Нелли опять сдѣлала отвѣтку на страницѣ: *Хорошо*. „И я, и Алланъ находимся въ совершенно здравомъ разсудкѣ.“

— Идите дальше.

Алланъ перевернулъ страницу.

— „Четвертая причина заключается въ близкомъ родствѣ.“

Немедленная четвертая отвѣтка на утѣшительной страницѣ записной книжки: „Онъ меня любитъ, и я его люблю, и между нами нѣтъ ни тѣни родства.“

— Еще что? спросила Нелли, нетерпѣливо постукивая карандашемъ по подбородку.

— Еще много, возразилъ Алланъ, — и все какими-то іеро-

глифами. Взгляните сюда: „Законы о бракахъ, 4 Георг. iv. гл. 76, и 6 и 7 Уил. iv. гл. 85 (q).“ Блакстонъ тутъ вѣрно заврался. Не перевернуть ли еще страничку? Можетъ-быть онъ тамъ опять придетъ въ расудокъ.

— Погодите немного, сказала Нелли; — что это такое въ серединѣ?

Почитавъ съ минутой молча черезъ плечо Аллана, она вдругъ съ отчаяніемъ всплеснула руками.

Ну, такъ я это и знала! воскликнула она.—О Боже, Боже мой! Вотъ оно, вотъ оно!

— Да гдѣ? спросилъ Алланъ.—Я ничего не вижу тутъ ни о тюрьмѣ, ни о бритьѣ головы: развѣ въ іероглифахъ что-нибудь? Неужели „4 Георг. iv.“ значитъ „посадить его въ тюрьму,“ а „гл. 85 (q)“ значитъ „пошлите за цирюльникомъ?“

— Прошу васъ не шутить, съ упрекомъ замѣтила Нелли.— Мы оба стоимъ на вулканѣ. Смотрите! сказала она, указывая на страницу.—Читайте! Если что-нибудь можетъ разумить васъ насчетъ нашего положенія, такъ ужъ конечно эти строки.

Алланъ откашлялся, а Нелли наставила свой карандашъ на мрачную страницу записной книжки, озаглавленную:
Дурно.

— „Такъ какъ духъ нашего закона, началъ Алланъ,—требуетъ, чтобы препятствовали лицамъ, не достигшимъ двадцати одного года, вступать въ бракъ безъ согласія родителей или опекуновъ.... (Нелли сдѣлала первую отмѣтку на страницѣ: *Дурно.* „Мнѣ минетъ только семнадцать, и обстоятельства воспрепятствуютъ мнѣ открыть мои чувства папа.“)... то само собою разумѣется, что въ случаѣ оглашенія въ церкви лицъ, не достигшихъ двадцати одного года, не вдовца и не вдовы, которые считаются свободными.... (Нелли сдѣлала новую отмѣтку на мрачной страницѣ: „Алланъ не вдовецъ, и я не

роды. Ободритесь, Нелли! Вѣрно есть еще какой-нибудь способъ вступить въ бракъ, безъ этихъ околичностей, которыми оканчиваются церковнымъ оглашеніемъ и недѣйствительностію. Проклятая тарбарщина! Даже и я написалъ бы толковѣе.

— Погодите, это еще не все, сказала Нелли.—Недѣйствительность ничто въ сравненіи съ тѣмъ что еще будетъ.

— Что бы это ни было, возразилъ Алланъ,—мы поступимъ какъ съ лѣкарствомъ: проглотимъ заразъ, да и basta!

Онъ сталъ опять читать: „Бракъ безъ оглашенія можетъ быть разрѣшенъ лишь въ такомъ случаѣ, когда одинъ изъ брачующихся дастъ клятву, что между ними нѣтъ никакой родственной связи.“

— Ну, что жь я могу поклясться въ этомъ съ чистою совѣстію! Далѣе что?

.... „Затѣмъ одинъ изъ брачующихся долженъ въ продолженіе двухъ недѣль прожить въ томъ самомъ приходѣ, въ которомъ имѣетъ быть заключенъ бракъ.“

— Въ приходѣ! Да я готовъ прожить эти двѣ недѣли въ собачьей конурѣ. Мнѣ кажется, Нелли, все это довольно просто и ясно. Что вы качаете головой? Вы хотите сказать, чтобъ я продолжалъ, и тогда увижу? Хорошо, буду продолжать. На чемъ бишь мы остановились?

.... „Если одинъ изъ брачующихся, не вдовець и не вдова, будетъ моложе двадцати одного года, то онъ или она должны поклясться, что они получили согласіе лицъ, разрѣшеніе которыхъ необходимо, или что такіа лица не существуютъ болѣе. Законъ требуетъ, чтобы такое разрѣшеніе шло отъ отца.“

На этихъ посадкихъ грозныхъ словахъ Алланъ остановился какъ вкопанный.

— Разрѣшеніе отца! повторилъ онъ.—Едва ли я могу въ этомъ поклясться! Кажется, не могу.

Нелли отвѣчала краснорѣчивымъ молчаніемъ. Она подала Аллану записную книжку съ слѣдующею заключительною отмѣткой на мрачной страницѣ: „Нашъ бракъ невозможенъ, если Алланъ не захочетъ стать клятвopреступникомъ.“

Молодые люди посмотрѣли другъ на друга въ безмолвномъ отчаяніи.

— Закройте книгу, съ покорностію сказала Нелли.—Я увѣрена, что если мы перевернемъ еще страничку, то найдемъ

и полицію, и тюрьму, и бритые головы,—словомъ, всё тѣ наказанія за клятвопреступленіе, о которыхъ я вамъ говорила! Но вамъ не для чего и заглядывать туда: довольно съ насъ и того что прочли. Теперь все кончено. Я должна въ субботу отправляться въ школу, а вы должны постараться забыть меня какъ можно скорѣе. Быть-можетъ мы и встрѣтимся въ посаждствіи, оба вдовы, и жестокой законъ признаетъ насъ свободными тогда, когда уже будетъ слишкомъ поздно. Къ тому времени я конечно состарюсь и подурню, а вы, безъ сомнѣнія, перестанете думать обо мнѣ, и все это кончится могилой, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Прощайте, за ключа Нелли, печально вставая съ своего мѣста и едва удерживая слезы. Оставаться здѣсь долѣе значить только томить себя, если... если, впрочемъ, вы не имѣете чего-нибудь предложить мнѣ?

— Имѣю! имѣю! воскликнула опрометчивый Алланъ.—Совершенно новая мысль. Не обратится ли намъ къ кузнецу въ Гретна-Гринѣ?

— Ничто на свѣтѣ не заставитъ меня вѣнчаться у кузнеца! съ негодованіемъ отвѣчала Нелли.

— Не сердитесь, умоляя Алланъ:—я вѣдь не желаю оскорбить васъ. Тысячи людей въ нашемъ положеніи обращались къ кузнецу и находили его ничуть не хуже священника, и въ добавокъ премилымъ, прелюбезнымъ господиномъ. Ну, да это въ сторону! Нѣтъ ли другаго средства?

— Другаго средства нѣтъ, сказала Нелли.

— Вѣрьте моему слову, твердо настаивалъ Алланъ,—что впрямь есть способъ обойти Блакстона (и безъ клятвопреступленія), еслибы только мы его знали. Это вопросъ юридическій, и намъ нужно посоветоваться съ кѣмъ-нибудь изъ адвокатовъ. Положимъ, что это рискъ. Но кто не рискуетъ, тотъ и не выигрываетъ. Что вы скажете о молодомъ Педгартѣ? Онъ отличный малый. Мнѣ кажется, мы смѣло можемъ доверить ему нашу тайну.

— Ни за какія блага въ мірѣ! воскликнула Нелли.—Вы, пожалуй, повѣряйте ваши тайны этому пошлому господину, но что до меня касается, то я не желаю. Я ненавижу его. Нѣтъ! продолжала она краснѣя и надменно топая ногой по травѣ.—Я положительно запрещаю вамъ посвящать въ наши тайны кого-либо изъ Торпъ-Амбросскихъ жителей. Они сейчасъ же заподозрятъ меня, и весь городъ узнаетъ объ этомъ въ одну

минуту. Моя любовь можетъ быть несчастною, прибавила Нелли, поднося платокъ къ глазамъ,—и папа можетъ сгубить ее въ самомъ цвѣтѣ, но я не хочу отдавать ее на поруганіе городскимъ богатынямъ!

— Успокойтесь! Успокойтесь! сказалъ Алланъ.—Я ни слова не скажу въ Торпъ-Амброузъ, увѣряю васъ! Онъ—замолчалъ и на минуту задумался.—Есть еще одинъ способъ! вдругъ заговорилъ онъ, мгновенно проясняясь.—У насъ еще дѣлая недѣлая впереди. Знаете ли что я сдѣлаю? Я поѣду въ Лондонъ!

При этихъ словахъ за деревьями, гдѣ скрывалась миссъ Гуильтъ, раздался внезапный, неслышимый для нихъ шорохъ. Еще одно затрудненіе, стоявшее на пути ея (затрудненіе вызвать Аллана въ Лондонъ), устранялось теперь дѣйствіемъ его собственной воли.

— Въ Лондонъ? повторила Нелли, глядя на него въ изумленіи.

— Въ Лондонъ! повторилъ Алланъ.—Надѣюсь, что это довольно далеко отъ богатынь Торпъ-Амброуза? Подождите немного, и не забывайте, что это вопросъ юридическій. Нужно вамъ сказать, что въ Лондонѣ у меня есть знакомые адвокаты, которые управляли моими дѣлами, когда я только-что получилъ это наследство. Съ ними-то я и посоветуюсь; а если они не захотятъ вмѣшиваться въ это дѣло, то я обращусь къ старшему клерку: это отличнѣйшій малый, какого я когда-либо встрѣчалъ. Помню, что я приглашалъ его сдѣлать со мной маленькое путешествіе на яхтѣ; хотя онъ и не могъ тогда ѣхать, однако сказалъ, что чувствуетъ себя весьма признательнымъ за приглашеніе. Этотъ человекъ можетъ помочь намъ. Блэкстонъ—дѣла въ сравненіи съ нимъ. Не называйте этого вздоромъ; не говорите, что это похоже на *меня*. Выслушайте меня только. Я не назову ни васъ, ни отца вашего. Я буду говорить просто о молодой дѣвушкѣ, къ которой я искренно привязанъ. Если же другъ мой, клеркъ, спроситъ, гдѣ вы живете, я скажу, что въ сѣверной Шотландіи, или въ западной Ирландіи, или на островахъ Канала, или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Другъ мой, клеркъ, ни души не знаетъ въ Торпъ-Амброузѣ (это первая его рекомендація); вторая та, что онъ въ какихъ-нибудь пять минутъ окажетъ мнѣ что нужно дѣлать. Еслибы вы только знали его! Онъ одинъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ людей, которые рождаются однажды или дважды въ столѣтіе: ужъ онъ не дастъ вамъ

сдѣлать промаха, еслибы вы даже и старались объ этомъ. Вотъ въ краткихъ словахъ что я скажу ему: „Любезный другъ, мнѣ нужно жениться тайно, но безъ клятвопреступленія.“ А онъ мнѣ скажетъ: нужно сдѣлать такъ и такъ, или эдакъ и эдакъ; избѣгать того, этого, или чего-нибудь другаго. Мнѣ останется лишь выполнить его наставленія, а вамъ сдѣлать то что обыкновенно дѣлаетъ невѣста, когда ожидаетъ ее женихъ!

Рука его нѣжно обвилась вокругъ стана Нелли, а уста подкрѣпили значеніе послѣдней фразы съ тѣмъ безмолвнымъ краснорѣчіемъ, которое всегда такъ убѣдительно дѣйствуетъ на женщинъ, заставляя ихъ повиноваться вопреки ихъ волѣ. Всѣ заранѣе придуманныя возраженія Нелли исчезли сами собою и разрѣшились однимъ ничтожнымъ вопросомъ:

— Положимъ, я позволила бы вамъ ѣхать, Алланъ, прошептала она, судорожно играя пуговкой въ его рубашкѣ,—но долго ли вы будете въ отсутствіи?

— Я уѣду сегодня, сказалъ Алланъ,—съ одиннадцатичасовымъ поѣздомъ. И если мы скоро уладимъ это дѣло съ другомъ моимъ, клеркомъ, то я вернусь завтра. Если же нѣтъ, то самый поздній срокъ въ среду.

— Не правда ли, вы будете писать мнѣ каждый день? Умоляла Нелли, прижимаясь къ нему ближе.—Я не выдержу этой неизвѣстности, если вы не дадите мнѣ слова писать ежедневно.

Алланъ обѣщалъ писать дважды въ день, если она пожелаетъ, такъ какъ переписка, столь затруднительная для многихъ, для него была теперь сущою бездѣлицей!

— И не забудьте, продолжала Нелли,—что я непременно требую вашего возвращенія сюда, что бы вамъ тамъ ни говорили. Я ни за что не рѣшусь на побѣгъ, если вы не дадите слова сами за мною пріѣхать.

Алланъ далъ вторичное обѣщаніе громкимъ голосомъ и съ придачею честнаго слова, но Нелли и этимъ не удовольствовалась. Она опять стала допытывать Аллана, дѣйствительно ли онъ ее любитъ. Алланъ призвалъ небо въ свидѣтели, и за ~~этимъ~~ ~~вопросомъ~~ былъ другимъ вопросомъ. „Мо-

тите какую-нибудь другую дѣвushку, болѣе красивую чѣмъ я, и пожелаете, что не женитесь на ней вмѣсто меня!

Въ ту минуту какъ Алланъ открывалъ ротъ для новыхъ клеветенныхъ увѣреній, вдали слабо раздался бой конюшенныхъ часовъ въ большомъ домѣ. Нелли вздрогнула какъ преступница. Это было время завтрака на мызѣ: другими словами, нужно было разставаться. Въ послѣднюю прощальную минуту она вспомнила объ отцѣ, и голова ея склонилась на грудь Аллана.

— Папа былъ всегда такъ добръ ко мнѣ, Алланъ, прощала она, удерживая его дрожащею рукою, когда онъ собирався оставить ее. — Мнѣ кажется, это будетъ такъ жестоко и преступно уйти отъ него и обвиняться тайно. О, прошу, прошу васъ, подумайте хорошенько, прежде чѣмъ рѣшитесь ѣхать въ Лондонъ, вѣтъ ли какого-нибудь средства сдѣлать его мягче, справедливѣе въ отношеніи къ вамъ?

Вопросъ этотъ былъ бесполезенъ: неблагоприятный отвѣтъ майора на письмо Аллана промелькнулъ въ умѣ Нелли въ ту минуту какъ она произносила эти слова. Съ необдуманною живостью ребенка она оттолкнула Аллана, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ сказать слово, и нетерпѣливо сдѣлала знакъ рукою чтобъ онъ уходилъ. Борьба противоположныхъ ощущеній—которыя она до сихъ поръ подавляла въ себѣ, прорвалась на ковецъ наружу, когда онъ въ послѣдній разъ махнулъ рукою и исчезъ въ глубинахъ долины. Долго сдерживаемыя слезы свободно полились изъ ея глазъ, и она одиноко направилась къ мызѣ, гдѣ ожидали ее самые скучные дни, какіе она когда-либо проводила.

Между тѣмъ какъ Нелли спѣшила домой, позади ея раздвинулись вѣтви, и миссъ Гуильтъ тихо выступила на открытое пространство. Она стояла торжествующая, высокая, прекрасная и рѣшительная. Ея очаровательный румянецъ выступалъ все ярче и ярче, между тѣмъ какъ она смотрѣла на легкую фигуру Нелли, быстро удалявшуюся отъ нея къ зеленому дугу.

— Плачь, плачь, глупая дѣвчонка! проговорила она своимъ спокойнымъ, звучнымъ голосомъ, не переставая улыбаться презрительно. — Плачь, какъ ты еще никогда не плакала до сихъ поръ! Не видать тебѣ болѣе твоего возлюбленнаго.

ХП. Скандалъ на станціи желѣзной дороги.

Часъ спустя, хозяйка миссъ Гуильтъ терлась въ догадкахъ, а крикливые дѣти ея суетились и возились немилосердно. Непредвидѣнные обстоятельства внезапно вынуждали жилищу нижняго этажа очистить квартиру и вѣхать въ тотъ же день въ Лондонъ съ одиннадцатичасовымъ поѣздомъ.

— Прошу васъ, велите привести мнѣ извозчицью карету къ половинѣ одиннадцатаго, сказала миссъ Гуильтъ удивленной хозяйкѣ дома, сопровождавшей ее на лѣстницу.— Не сердитесь на меня, добрейшее созданье, если я попрошу васъ не тревожить меня до приѣзда кареты.

Войдя въ комнату, она заперла за собою дверь и потомъ открыла свой пожитръ.

— Теперь нужно приготовить письмо къ майору! сказала она.— Въ какихъ же выраженіяхъ мнѣ написать его?

Подумавъ немного, она повидимому рѣшилась; выбрала самое дурное перо, какое только можно было найти, и взявъ грязный листъ нотной бумаги, начала письмо тѣмъ, что выставила на верху кривыми неуклюжими буквами число, и потомъ варочно сдѣлала пятно. Остававливаясь иногда, для того чтобы подумать, иногда для того чтобы сдѣлать новое пятно, она написала слѣдующее:

„Досточтимый сэръ, — совѣсть говоритъ мнѣ, что должно открыть вамъ нѣчто такое, что, по моему мнѣнію, вы непременно должны знать. Вы должны знать о продѣлкахъ нашей дочери съ молодымъ мистеромъ Армаделемъ. Желаю, чтобы вы удостоверились, и притомъ какъ можно скорѣе, туда ли ходитъ она по утрамъ передъ завтракомъ, куда ей слѣдуетъ ходить. Я не люблю сплетничать тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ истинной любви съ обѣихъ сторонъ. Но я не думаю, чтобы молодой человѣкъ имѣлъ серьезныя намѣренія. Я полагаю, что онъ просто забавляется ею. Другая особа, которую я не назову вамъ, владеетъ его сердцемъ. Извините, если я не выставлю здѣсь своего имени; мы люди темные, и это могло бы навлечь на меня непріятность. Покамѣстъ не скажу вамъ ничего болѣе, уважаемый сэръ, и остаюсь навсегда

„Вашимъ доброжелателемъ.“

— Конечно! сказала миссъ Гуильтъ, складывая письмо. — Есаяь я была по профессіи писательницею повѣстей, то и тогда едва ли могла бы поддѣлаться болѣе удачно подъ слогъ и почеркъ слуги!

Она написала адресъ, полюбовалась еще разъ на грубыя, неуклюжія буквы, выведенныя ея нѣжною рукою, и прежде чѣмъ прияться за укладку вещей, пошла сама отнести письмо на почту.

„Странно!“ подумала она, когда письмо было отнесено, и она снова вернулась въ свою комнату, чтобы приготовиться къ дорогѣ; „я опрометчиво рѣшаюсь на ужаснѣйшій рискъ, и между тѣмъ никогда въ жизни не чувствовала себя въ лучшемъ настроеніи духа!“

Когда карета подъѣхала къ дому, ящички были уложены, а сама миссъ Гуильтъ одѣта (по обыкновенію изящно) въ красивый дорожный костюмъ. Густой вуаль, который она привыкла носить въ Лондонѣ, въ первый разъ появился на ея сельской соломенной шляпѣ.

— Въ вагонахъ часто встрѣчаются невѣжи и грубіяны, сказала она хозяйкѣ. — И хотя я одѣваюсь скромно, но мои волосы слишкомъ замѣтны.

Она была немного блѣднѣе обыкновеннаго; но никогда не была она столь кротка и привлекательна, столь граціозно-ласкова и пріятлива, какъ въ минуту отъѣзда. Простодушные домохозяева были глубоко тронуты, прощаясь съ нею. Говоря съ хозяиномъ самымъ вкрадчивымъ голосомъ и озаряя его своею свѣтлѣйшею улыбкой, она непременно захотѣла пожать ему руку.

— Вы были такъ добры ко мнѣ, сказала она потомъ, обращаясь къ хозяйкѣ, — какъ настоящая мать, и непременно должны поцѣловать меня на прощаньи.

Затѣмъ послушливо, полунавѣжно она обняла гуртомъ всѣхъ дѣтей и оставила имъ шалунгъ на лакомства.

— О, есаяь я могла оставить имъ совершенъ, прошептала она матери. — какъ бы я была рада!

Неуклюжіи малыи, бѣгавшіи на посылкахъ, ожидааь у дверей кареты. Оаъ былъ грубъ, неопрятенъ, съ разинутымъ ртомъ и поднятымъ къверху носомъ, но неизлѣчимая страсть женщины нравиться и увлекать даже и тутъ нашла себѣ пищу.

— О, мой милый, черномазый Джонъ! ласково сказала она,

поджечь въ карету. — И таки бѣдна, что могу дать тебѣ не болѣе шести пенсавъ, а въ придачу самыя лучшія монеты. Прими мой советъ, Джонъ: выступи молодцомъ и найди себѣ красавицу жену! Благодарю тебя тысячу разъ! — Она ласково потрепала его (по жекъ двумя пальцами, на которыхъ была напунута перчатка, улыбнулась, кивнула головой и вскочила въ карету.

— Теперь очередь за Армаделемъ! оказала она, когда карета тронулась съ мѣста.

Опасенія Аллана пропустить поѣздъ заставили его пристать на дебаркадеръ ранѣе обыкновеннаго. Взявъ билетъ и поручивъ свои вещи сторожу, онъ сталъ ходить по платформѣ, думая о Нелли, когда позади его послышался шорохъ женскаго платья. Онъ обернулся и очутился лицомъ къ лицу съ миссъ Гуильтъ.

На этотъ разъ убѣжать отъ нея не было никакой возможности. По правую руку была стѣна, по лѣвую — рельсы, позади — тоннель, а впереди миссъ Гуильтъ, которая спрашивала своимъ вкрадчивымъ голоскомъ, не въ Лондонъ ли собирается мистеръ Армадэль?

Алланъ вспыхнулъ отъ злости и удивленія. Какой отвѣтъ могъ онъ дать кромѣ утвердительнаго, когда онъ очевидно стоялъ въ ожиданіи поѣзда, а около него лежали его вещи съ надписью: „въ Лондонъ?“ Могъ ли онъ пропустить поѣздъ и потерять такимъ образомъ драгоценныя часы, столь существенно-необходимыя для Нелли и для него самого? Невозможно! Алланъ поспешно недтвердилъ печатную уликку на его чемоданѣ и въ то же время искренно пожелалъ провалиться сквозь землю.

— Какой пріятный случай! замѣтила миссъ Гуильтъ. — Я также ѣду въ Лондонъ. Можно просить васъ, мистеръ Армадэль (такъ какъ вы совершенно одна), быть моимъ провожатымъ во время этого переѣзда?

Алланъ взглянулъ на маленькій кружокъ пассажировъ и

Но я... я, какъ говорятъ люди, не выносящiе сигаръ, рабъ куренья.

— Я обожаю сигары! отвѣчала миссъ Гупальтъ съ своею обыкновенною живостью и веселостью. — Это одно изъ преимуществъ мужчины, которому я всегда завидовала. Я боюсь, мистеръ Армадель, чтобы вы не подумали, что я навязываюсь вамъ. Конечно, это имѣетъ видъ навязчивости, но дѣло въ томъ, что мнѣ нужно сказать вамъ наединѣ нѣсколько словъ о мистерѣ Мидвинтерѣ.

Въ эту минуту подъѣхалъ поѣздъ. Уже не говоря о Мидвинтерѣ, простая вѣжливость требовала, чтобы Алланъ согласился. Былъ причиной ея удавленiя изъ дома майора Миллроу, еще нѣсколько дней тому назадъ явно уклонившись отъ встрѣчи съ немъ на большой дорогѣ, онъ не могъ отказаться отъ настоящей поѣздки въ Лондонъ, не сдѣлавъ прямой грубости, которая была бы непростительна. „Чортъ бы ее побралъ!“ внутренне подумалъ Алланъ, подсаживая свою спутницу въ отдѣльный вагонъ, которымъ подслужился ему сторожъ, преимущественно передъ всѣми пассажирами.

— Васъ тутъ никто не потревожитъ, сэръ, таинственно прошепталъ онъ, улыбаясь и приподнимая шляпу.

Алланъ охотно далъ бы ему тумака.

— Подождите! сказалъ онъ изъ окошка. — Я не хочу особеннаго отдѣленiя.

Но это было напрасно: сторожъ не слышалъ этихъ словъ, раздакъ свистокъ, и машина понеслась въ Лондонъ.

Избранный кружокъ провожатыхъ, оставшiйся на платформѣ, столпился около начальника станци, мистера Макка.

Этотъ мистеръ Маккъ пользовался большою популярностью въ цѣломъ околоткѣ. Онъ имѣлъ двѣ особенности, неизмѣнно характеризующiя истаго Англичанина: онъ былъ старый служака и человекъ весьма скупой на слова. Конклавъ, собравшiйся на платформѣ, настойчиво желалъ знать

такъ и льнула. Она приходила къ нему въ большой домъ не правда ли?

— Ничуть не бывало; это безсовѣстно чернить репутацію дѣвушки. Её просто застигла гроза подлѣ его дома; онъ принужденъ былъ предложить ей у себя убѣжище, и съ тѣхъ поръ она ни разу туда и не заглядывала. А вотъ миссъ Гуилтъ, другое дѣло. Она была тамъ даже и не во время грозы, и уѣхала теперь съ нимъ въ Лондонъ, не такъ ли мистеръ Маккъ?

— Ну не вертопрахъ ли онъ, этотъ Армадель, со всѣмъ его богатствомъ? Влюбиться въ рыжую женщину, восемью или десятью годами старше его! Ей навѣрное тридцать. Вотъ чтó я говорю, мистеръ Маккъ. А вы какъ думаете?

— Старше ли, моложе ли, а ужъ она непременно будетъ госпожею въ Торпъ-Амбросъ; я говорю, что ради нашего города и нашей торговли, мы должны ухаживать за нею, и мистеръ Маккъ, какъ человѣкъ свѣтскій, вѣрно также согласится со мною, не правда ли сэръ?

— Джентльмены, сказалъ мистеръ Маккъ своимъ рѣзкимъ военнымъ тономъ и съ непроницаемою военною скрытностью:— она чертовски хороша собою. И будь я въ возрастѣ мистера Армаделя, мнѣ кажется, она и *меня* заставила бы жениться на себѣ, еслибы пожелала.

Выразивъ это мнѣніе, начальникъ станціи повернулъ направо кругомъ и скрылся за неприступными траншеями своей кассы.

Торпъ-амбросскіе граждане посмотрѣли на затворенную дверь и важно покачали головами. Мистеръ Маккъ разочаровалъ ихъ. Мнѣніе, явно признающее брѣнность нашей человѣческой природы, никогда не можетъ быть популярнымъ. „Это все равно что утверждать, будто каждый изъ насъ женился бы на ней, еслибы мы были въ возрастѣ мистера Армаделя!“ Таково было общее впечатлѣніе, вынесенное конклавомъ по окончаніи митинга, когда члены его стали расходиться.

— Боже мой, что я вижу! сказалъ старый джентльменъ, вопросительно подвигаясь впередъ. — Неужели это мистеръ Башвудъ?

То былъ действительно мистеръ Башвудъ, который, погнавшись врожденному любопытству, пришелъ на станцію желѣзной дороги, съ цѣлью открыть тайну внезапной поѣздки Арлана въ Лондонъ, — мистеръ Башвудъ, который, притаившись за угломъ стѣны, слышалъ и видѣлъ все что слышали и видѣли другіе, и который, повидимому, былъ чрезвычайно этимъ озадаченъ. Онъ стоялъ прислонившись къ стѣнѣ, подобно статуѣ; одною рукою, прижимая свою непокрытую голову, въ другой держа шляпу; онъ стоялъ съ какою-то странною краской на лицѣ, съ тупымъ выраженіемъ въ глазахъ, и прямо смотрѣлъ на другую сторону станціи, въ крайнюю глубину тоннеля; какъ будто поѣздъ скрылся въ немъ лишь за минуту передъ тѣмъ.

— Не дурно ли вамъ? спросилъ старый джентльменъ. — Воспользуйтесь моимъ совѣтомъ: отправляйтесь лучше домой и ложитесь въ постель.

Мистеръ Башвудъ машинально выслушалъ его съ своимъ обыкновеннымъ вниманіемъ и машинально отвѣчалъ ему съ своею обыкновенною вѣжливостью.

— Да, сэръ, сказалъ онъ тихимъ, потеряннымъ голосомъ, какъ человѣкъ находящійся между сномъ и бдѣніемъ, — я пойду домой и лягу.

— Вотъ это хорошо, возразилъ старый джентльменъ, направляясь къ дверямъ. — И примите пожалуйста, мистеръ Башвудъ, примите пожалуйста.

Минуты пять спустя, сторожъ, запирая станцію, нашелъ мистера Башвуда на прежнемъ мѣстѣ у стѣны, стоявшаго съ непокрытою головою и укорно смотрѣвшаго въ черную глубину тоннеля; какъ будто поѣздъ исчезъ въ немъ только за минуту передъ тѣмъ.

— Пожалуйста, сэръ! сказалъ сторожъ: — я долженъ запереть. Вы что-то не въ духѣ сегодня: не случилось ли чего у васъ

указывая рукой на таверну, — и могу сказать, что по вкусу придется.

— Я найду это заѣвъ, какъ эго повторилъ мистеръ Башвудъ, — и могу сказать, что по вкусу придется.

Воля его была, повидимому, парализована, а дѣйствія подожительно зависли отъ произвола другихъ людей. Онъ сдѣлавъ было нѣсколько шаговъ въ направленіи къ тавернѣ, остановился, зашатался и ухватился за фонарный столбъ.

Сторожеъ, все время слѣдившій за нимъ, еще разъ взялъ его подъ руку.

— Какъ! ужъ вы, того... хлебнули? воскликнулъ онъ съ внезапнымъ участіемъ къ мистеру Башвуду. — Чего же? пива?

Мистеръ Башвудъ опять, какъ эго, повторилъ послѣднее слово своимъ растеряннымъ тихимъ голосомъ.

Сторожеу ужъ время было идти обѣдать. Но когда Англичанинъ низшаго сословія воображаетъ, что онъ наткнулся на пьянаго, сочувствіе его къ нему становится безразличнымъ. Сторожеъ отложилъ обѣдъ, въ сторону и заботливо помогъ мистеру Башвуду дойти до таверны.

— Джинъ опять поставитъ васъ на ноги, прошепталъ ему этотъ благодѣтельный Самарянинъ, глубоко сочувствовавшій бѣдствіямъ происходящимъ отъ алкоголя.

Хотя мистеръ Башвудъ и не былъ пьянъ, но дѣйствіе предложеннаго ему сторожемъ лѣкарства было все-таки чудесно. Не успѣлъ онъ осушить стакана, какъ напитокъ уже оказалъ свое вліяніе. Давно потрясенная нервная система управляющаго, совершенно парализованная теперь внезапнымъ ударомъ, снова ожила и зашевелилась, какъ усталая лошадь подъ ударами шпоръ. Странный румянецъ на щекахъ и тупое выраженіе глазъ исчезли въ одно и то же время. Послѣ минутнаго успія онъ настолько пришелъ въ себя, что могъ поблагодарить сторожа и спросить у него, не пожелаетъ ли онъ и самъ чего-нибудь выпить. Этотъ достойный мужъ немедленно согласился привать, въ видахъ предохраненія, порцію прописаннаго имъ лѣкарства.

Онъ шелъ машинально въ своемъ траурномъ платьѣ, двигаясь темнымъ пятномъ по бѣлой, озаренной солнцемъ дорогѣ, какъ двигался онъ нѣкогда въ окрестностяхъ Торпъ-Амброза, во время своей первой встрѣчи съ Мидвинтеромъ. Дошла до того мѣста, гдѣ дорога разбѣгалась въ два противоположныя направленія, изъ которыхъ одно вело въ городъ, другое въ большой домъ, онъ остановился, не зная на что рѣшиться, повидимому даже и не заботясь о томъ чтобы принять какое-нибудь рѣшеніе.

— Я отомщу ей! прошепталъ онъ, въ припадкѣ бѣшеной ревности противъ обманувшей его женщины. — Я отомщу ей, повторилъ онъ громче, — еслибы даже мнѣ пришлось истратить на это до послѣдняго полу-пенни!

Двѣ-три публичныя женщины, проходившія мимо его въ городъ, услышали эти слова.

— Ахъ, ты старый хрычъ! крикнули онѣ ему съ свойственной имъ безстыдною наглостью: — что бы она ни сдѣлала надъ тобой, по дѣломъ тебѣ!

Ихъ сильные голоса заставили его вздрогнуть, хотя онъ и не понималъ хорошенько ихъ словъ; но во избѣжаніе дальнѣйшихъ встрѣчъ и насмѣшекъ онъ перешелъ на болѣе уединенную дорогу, которая вела въ большой домъ.

Тамъ онъ остановился, сѣлъ на краицѣ дороги, снялъ свою шляпу, слегка приподнялъ съ плѣшивой головы свой юношескій парикъ, и въ отчаяніи попытался освободиться отъ непоколебимаго убѣжденія, свинцомъ лежавшаго на его душѣ, — убѣжденія въ томъ, что миссъ Гуильтъ умышленно обманывала его съ самаго начала ихъ знакомства. Все было бесполезно. Никакое усиліе не могло избавить его отъ одного преобладающаго впечатлѣнія, отъ одной неотвязчивой мысли — мысли о мщеніи. Онъ снова всталъ, надѣлъ свою шляпу, сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ впередъ, потомъ неизвестно почему вернулся, и медленно пошелъ назадъ.

— Еслибъ я одѣвался пощеголеватѣе! въ отчаяніи сказалъ бѣдняга. — Еслибъ я былъ съ нею немножко посмѣ-

ство истительности за полученное имъ оскорбленіе до сихъ поръ сосредоточивалось лишь на ней одной, не распространяясь на человѣка, котораго онъ считалъ своимъ соперникомъ. Какъ въ ярости, такъ и въ любви онъ былъ исключительно занятъ одною миссъ Гуильтъ.

Черезъ нѣсколько минутъ раздася стукъ приближавшихся колесъ. Онъ вздрогнулъ и оглянулся. То былъ мистеръ Педгифтъ Старшій, быстро нагнавшій его въ своей одноколкѣ, какъ онъ уже нагонялъ его нѣкогда, въ тотъ день когда мистеръ Башвудъ подслушивалъ подъ окномъ большого дома, и адвокатъ замѣтилъ ему, что вѣроятно онъ чувствуетъ большое любопытство относительно миссъ Гуильтъ!

Въ одну минуту въ умѣ мистера Башвуда совершилось неизбѣжное сѣпленіе идей. Мнѣніе адвоката о миссъ Гуильтъ, высказанное имъ на прощаньи Аллану, внезапно промелькнуло въ его головѣ вмѣстѣ съ насмѣшливымъ предложеніемъ мистера Педгифта удовлетворять этому любопытству всевозможными способами.

„Еще я могу поквитаться съ нею, подумалъ онъ, если мистеръ Педгифтъ поможетъ мнѣ!—Остановитесь, сэръ отчаянно крикнулъ онъ, когда одноколка поравнялась съ нимъ. — Съ вашего позволенія, сэръ, мнѣ нужно поговорить съ вами.

Педгифтъ Старшій, не останавливаясь, убавилъ только шагъ.

— Черезъ полчаса приходите въ контору, сказалъ онъ. — Теперь мнѣ некогда.

Не дожидаясь отвѣта, и не замѣтивъ даже поклона мистера Башвуда, онъ опять ударилъ хлыстомъ по своей рысистой кобылѣ и скоро исчезъ въ отдаленіи.

Мистеръ Башвудъ снова устылся въ тѣнистый уголокъ на окраинѣ дороги. Онъ, повидимому, не въ состояніи былъ чувствовать другаго оскорбленія кромѣ нестерпимаго оскорбленія нанесеннаго ему миссъ Гуильтъ. Вмѣсто того чтобы разсердиться на безцеремонное обращеніе мистера Педгифта, онъ истолковалъ его въ свою пользу.

— Черезъ полчаса! сказалъ онъ покорно;—хорошо: я успѣю покаяться успокоиться. Черезъ полчаса: это очень любезно со стороны мистера Педгифта, хотя быть-можетъ онъ и не имѣлъ въ виду сдѣлать мнѣ любезность, приглашая меня къ себѣ.

Чувство тяжести, давившей его голову, заставило его еще разъ снять шляпу. Положивъ ее на колѣни и расклавъ барабаны своими дрожащими пальцами по ея верхушкѣ, онъ сидѣлъ съ покачиваемою головою, углубившись въ свои собственныя мысли. Еслибы, увидавъ его въ этомъ положеніи, мистеръ Педгифтъ Старшій могъ взглянуть немного въ будущее, то дрожащая рука управляющаго, однообразно барабанившая теперь по шляпѣ, въ состояніи была бы, несмотря на свое безсиліе, остановить адвоката на дорогѣ. Это была истощенная, худая, жалкая, старая рука истощеннаго, худого, жалкаго старика, но тѣмъ не менѣе этой самой рукѣ (говоря словами мистера Педгифта Старшаго) суждено было сдернуть покрывало съ прошедшаго миссъ Гуилтъ.

XIII. Сердце старика.

По истеченіи назначеннаго получаса, мистеръ Баттвудъ, въ высшей степени пунктуальный, явился въ контору и вѣдѣлъ доложить мистеру Педгифту, что онъ пришелъ по его собственному назначенію.

Адвокатъ приподнялъ голову съ видомъ величайшаго неудовольствія: онъ совсѣмъ забылъ о свиданіи имъ на дорогѣ встрѣчѣ.

— Узнай что ему нужно, сказалъ Педгифтъ Старшій Педгифту Младшему, который работалъ въ одной съ нимъ комнатѣ, — и если нѣтъ ничего важнаго, то веди ему побывать какъ-нибудь въ другое время.

Педгифтъ Младшій быстро исчезъ и такъ же быстро вернулся назадъ.

— Ну, что? спросилъ отецъ.

— Да, что, отвѣчалъ сынъ, — онъ сегодня еще безтолковѣе и вербшительнѣе чѣмъ когда-либо. Я ничего не могъ понять изъ его словъ, кромѣ того что онъ непременно хочетъ васъ видѣть. Что до меня касается, продолжалъ Педгифтъ Младшій, съ своею обыкновенною сардоническою важностью, — то я полагаю, что у него скоро будетъ ударъ, и что въ благодарность за вашу неизмѣнную къ нему благосклонность онъ хочетъ угостить васъ наединѣ этимъ приятнымъ зрѣлищемъ.

Педгифтъ Старшій имѣлъ обыкновеніе каждый день выключать даже и своего сына, побивать его же собственными орудіемъ. — Пожалуста не забывай, Августъ, возразилъ онъ, — что

мой кабинетъ не судебная палата! Здесь дурная штука не всегда проваляется вверху сибѣя! Попрошю къ мнѣ мистера Башвудъ и мистера Башвудъ сюда введены въ комнату, а Педдифтъ младшій ушелъ».

— Вы пожалуйте не пускайте ему крови, сэръ, прошептала всраванная шутникъ, проходя позади кресла своего отца. — Горячія бутылки къ латкамъ и горяччакъ подъ дощечку — вотъ современное лѣкарство.

— Сладка, Башвудъ, сказалъ Педдифтъ Старшій, когда они остались одни, — и не забывайте, что время тѣ же деньги. Поторапливайтесь скорѣй, чѣмъ у насъ тамъ, и какъ можно крѣпче. Это наступленіе, сдѣланное довольно рѣзкимъ, но не сдѣланнымъ тономъ, не только не уменьшило, но скорѣе увеличило ладостное волненіе мистера Башвудъ. Происходя свою маленькую благодарственную рѣчь и извиняясь въ томъ, что обезвожилъ своего патрона въ часы заманій, онъ заикался и дрожалъ болѣе чѣмъ когда-либо.

— Всякому известно здѣсь, мистеръ Педдифтъ, сэръ, какъ драгоценно ваше время. Ей-Богу такъ, ей-Богу такъ! Вы вышедъ, стѣнныя драгоценно! Извините меня, сэръ, я сейчасъ доложу вамъ обо всемъ. Вы были такъ добры, или лучше сказать, вы такъ сибѣяли.. вѣтъ, вы были такъ добры, что когда мнѣ впряди жарезъ почмала, а вотъ я обдумалъ то чѣ, мнѣ нужно сказать вамъ и приготовить это вкратцѣ.

Проговоривъ эти безсвязныя слова, онъ началъ, и на лицѣ его отразилось тупое отчаяніе. Разказъ, заранѣе приготовленный имъ въ умѣ, улетучился, какъ скоро наступило время положить его въ слова. А между тѣмъ мистеръ Педдифтъ ждалъ въ леварушномъ молчаніи; въ его лицѣ обращеніи лепо: выражалось то молчаливое сознание драгоценности своего времени, которое каждый изъ насъ, кто только не сдѣлалъ алмазитаго докторъ или знаменитаго адвоката, и рогаго подмѣчалъ на ихъ лицахъ.

— Слышали ли вы новость, сэръ? заикаясь проговорилъ мистеръ Башвудъ, слова теряя почву подъ ногами и утѣшаясь изъ вида главную мысль.

— Касается она до меня? спросилъ Педдифтъ Старшій съ безпощадною краткостью и прѣмостой.

— Это касается до одной дамы, сэръ, то-есть вѣтъ, не дамъ, а хотѣла оказать, — одного молодого человека, въ котораго вы прививали некогда большое участіе. Какъ бы вы

думали, мистеръ Педгифтъ, сэръ! Мистеръ Армадель и миссъ Гуальтъ уѣхали сегодня вѣсть въ Лондонъ, вдвоемъ, сэръ, вдвоемъ, въ особенномъ вагонѣ. Неужели вы думаете, что онъ женится на ней? Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, какъ и всѣ прочіе, что онъ на ней женится?

Онъ сдѣлаалъ этотъ вопросъ съ внезапною краской въ лицѣ и съ неожиданною энергіей въ движеніяхъ. Собственное сознаніе драгоцѣнности времени мистера Педгифта, убѣжденіе въ великости его снисхожденія, наконецъ врожденная застѣнчивость и робость, — все уступило мѣсто одному преобладающему желанію услышать отвѣтъ адвоката. Дѣлая этотъ вопросъ, мистеръ Башвудъ въ первый разъ въ жизни заговорилъ громко.

— Судя по тому что я видѣлъ и знаю, сказалъ адвокатъ, мгновенно впадая въ сухой, холодный тонъ, — мнѣ кажется, мистеръ Армадель настолько ослабленъ ею, что готовъ былъ бы жениться на ней двѣнадцать разъ къ ряду, еслибы только она пожелала этого. Ваша новость ничуть не удивляетъ меня, Башвудъ. Мнѣ очень жаль его. Я говорю это весьма искренно, хотя онъ и пренебрегъ моимъ совѣтомъ. Но мнѣ еще болѣе жаль.... продолжалъ онъ, снова смягчаясь при мысли о свиданіи своемъ съ Нелли въ Паркѣ.... — мнѣ еще болѣе жаль другую особу, которую я вамъ не назову. Впрочемъ, какое мнѣ до этого дѣло? Что съ вами такое случилось? продолжалъ онъ, въ первый разъ замѣчая въ лицѣ и манерахъ мистера Башвуда тупое отчаяніе и глубокое уныніе, вызванныя отвѣтомъ адвоката. — Не больны ли вы? Нѣтъ ли чего-нибудь такого что вы боитесь высказать? Я не понимаю васъ. Неужели вы пришли сюда въ мой рабочій кабинетъ, и притомъ въ часы занятій, для того только чтобы сообщить мнѣ, что молодой Армадель имѣлъ глупость сгубить свою карьеру? Да я предвидѣлъ это уже нѣсколько недѣль тому

цѣль отсюда въ своей одноклѣтѣ, вы—вы нагнали меня на проспектъ.

— Кажется, что такъ, съ покорностью замѣтилъ Педгифтъ, — У моей кобылы шагъ чуть-чуть пошибче вашего, Башвудъ. Продолжайте, продолжайте. Надѣюсь, что мы наконецъ добьемъ до того къ чему клонится ваша рѣчь.

— Вы остановились и заговорили со мною, сэръ, продолжалъ мистеръ Башвудъ, все съ большимъ и большимъ одушевленіемъ стремясь къ концу. — Вы сказали, что подозреваете во мнѣ нѣкоторое любопытство относительно миссъ Гуальтъ, и посоветовали мнѣ (я очень хорошо помню ваши слова, сэръ) всеми способами удовлетворять этому любопытству, такъ какъ вы сами ничего противъ этого не имѣли.

Педгифтъ Старшій впервые почувствовалъ желаніе слушать дагѣ.

— Я дѣйствительно начинаю припоминать что-то, отвѣчалъ онъ; — и помню также, что мнѣ показалось немного страннымъ, что вы какъ нарочно *случились*,—я не хочу употребить болѣе оскорбительныхъ выраженій, — подъ открытымъ окномъ мистера Армадэля, въ то время какъ я говорилъ съ нимъ. Конечно, это могла быть случайность; но это походило скорѣе на любопытство. Я могу судить только по вѣжливости, заключаивъ Педгифтъ Старшій, приправая свой сарказмъ щепоткой табаку,—а вѣщныя обстоятельства, Башвудъ, были положительно противъ васъ.

— Я и не отрицаю этого, сэръ. Я упоминалъ объ этомъ лишь для того чтобы заявить вамъ, что какъ тогда, такъ и теперь я чувствую большое любопытство относительно миссъ Гуальтъ.

— Почему такъ? спросилъ Педгифтъ Старшій, чуя нѣчто особенное въ лицѣ и манерахъ мистера Башвуда, но никакъ не догадываясь что бы это могло быть.

Наступило минутное молчаніе, послѣ чего мистеръ Башвудъ ухватился именно за то, за что обыкновенно хватаются первые неваходчивые люди, застигнутые върасплохъ. Онъ просто повторилъ сдѣланное имъ заявленіе.

— Я чувствую нѣкоторое любопытство, сэръ, сказалъ онъ съ странною смѣсью смѣлости и робости.

Опять наступила пауза. Несмотря на свою изощренную прозорливость и знаніе людей, адвокатъ былъ озадаченъ болѣе чѣмъ когда-либо. Мистеръ Башвудъ представлялъ

любую одну изъ тѣхъ вещей загадокъ, въ которыхъ онъ больше всего способенъ былъ разрѣшить. Хотя мы безпристрастно видимъ, что благодаря чувственной остротѣ, закрадывающейся въ душу сварликовъ, близкѣйшіе и лучшіе ихъ родные, бесконечно лишаются надѣянья, священныя семейныя узы, пориваются жеростатвеннымъ образомъ, старая прочная дружба разлетается въ прахъ, — тѣмъ не менѣе любовь драхмныхъ стариковъ съ свдыми волосами возбуждаетъ въ каждомъ мысль о непостижимой невѣроятности или о немощи и ничтожествѣ безумія. Если бы увиданіе, происшедшее въ приемной мистера Педгафта, происходило вѣрно отъ того въ его служебной, когда было воспроизведено бы веселіе, быть можетъ, онъ угадалъ бы истину. Но въ насъ заняты Педгафтъ Старшій имѣлъ обыкновеніе разсматривать и побужденія людей съ дѣловой точки зрѣнія, и по этой простой причинѣ онъ не могъ даже представить себѣ столь поразительную, столь немощивающую невѣроятность какъ невѣроятность любви мистера Башвуда.

Нѣкоторые люди въ положеніи адвоката поспѣтливо себѣ добивая толку, настойчиво повторяя оставленный безъ отвѣта вопросъ, между тѣмъ какъ Педгафтъ Старшій благоразумно осмолчалъ эту попытку съ стороны, молчаливо не оставивъ этого вопроса иначе.

— Хорошо, — продолжалъ онъ, — вы скавали, что чувствуете нѣкоторое подобостыство относительно миссъ Фултъ. Что же далѣе?

Подъ вліяніемъ возобновшихъ ея ощущеній, ладони мистера Башвуда начали увлажняться, какъ онъ увлажнялся въ былые дни, когда онъ рассказывалъ въ большомъ домѣ Мидвинтеру исторію своихъ семейныхъ несчастій.

Онъ дожидалъ своей фоевой платки и спалъ, такъ перекладывая его изъ одной руки въ другую.

— Правъ ли я, сэръ, въ своемъ предположеніи, началъ онъ, что вы имѣете весьма невыгнмае мнѣніе о миссъ Фултъ?

— Вы, я полагаю, совершенно убеждены, сэр, предсказавши, что въ прошедшей жизни этой особы найдутся обстоятельства, которыя покрыли бы ее величайшимъ подаркомъ, если бы ихъ можно было обнаружить?

— Опять-таки повторяю вамъ, Башвудъ, что окно въ большомъ домѣ было не заперто, и что ваши уши, какъ я полагаю, не были заткнуты.

Попрежнему равнодушный къ насмѣлкѣ, мистеръ Башвудъ упорно настаивалъ на своемъ.

— Ваша многолѣтняя опытность въ подобныхъ вещахъ подсказала вамъ, если я не ошибаюсь, сэр, что миссъ Гуилътъ, можетъ-быть, известна полици?

Педрифтъ Старшій потерялъ терпѣнiе.

— Ужъ болѣе десяти минутъ какъ вы въ этой комнатѣ, съ сердцемъ проговорили о ней, — скажете ли вы мнѣ наконецъ, спросу, чего вамъ нужно?

Говоря просто, мистеръ Башвудъ, съ огнемъ страсти на ладныхъ щекахъ, — страсти, которая (по выраженiю миссъ Гуилътъ) переродила его въ мудницу, — принявъ вызовъ адвоката и (какъ измученная овца передъ загнаннымъ ее собакой) смело встрѣтилъ мистера Педрифта на его же собственномъ почвѣ.

— Я хочу сказать, сэр, отвѣчалъ онъ, — что ваше мнѣнiе объ этомъ дѣлѣ есть тоже и мое мнѣнiе. Мнѣ едаетея, что въ прошедшей жизни миссъ Гуилътъ есть тайна, которую она скрываетъ отъ всѣхъ, и я хочу открыть ее.

Педрифтъ Старшій воспользовався случаемъ и немедленно повторилъ свой прежнiй вопросъ.

— Почему же такъ? спросилъ онъ снова.

Мистеръ Башвудъ опять смѣшался. Могъ ли онъ признаваться въ томъ, что былъ настолько безуменъ, чтобы полюбить ее, и настолько низко, чтобы выполнять роль ея шпіона? Могъ ли онъ сказать: „Она обманывала меня съ первой минуты, и бросила, какъ скоро достигла своей цѣли. Лаская меня счастиа, честью и послѣдней надеждою въ жизни, она покинула меня на-вѣки, и въ моемъ старческомъ сердцѣ горитъ теперь тайно и медленно сильный неугасимый огонь мести. Местъ эта будетъ полнаа, если я отравлю ее успѣхъ, облачивъ ее прошедшее. Чтобы купить эту мечь, я готовъ отдать (за что мнѣ деньги и самая жизнь?) послѣднiй фартингъ изъ моихъ береженiй, послѣднюю каплю моей остыв-

шей крови.“ Могъ ли онъ сказать все это человѣку, ждавшему теперь его отвѣта? Нѣтъ, онъ могъ только подавить въ себѣ эти чувства и молчать.

Лицо адвоката опять приняло суровое выраженіе.

— Одинъ изъ насъ непремѣнно долженъ высказаться, сказалъ онъ;—а такъ какъ вы очевидно не желаете этого, то я возьму это на себя. Ваше необыкновенное желаніе проникнуть тайну миссъ Гуальтъ я могу объяснить двоякимъ образомъ. Побужденія ваши или въ высшей степени низки (не обижайтесь, Башвудъ, вѣдь я только ставлю вопросъ), или въ высшей степени великодушны. Зная вашу безукоризненную репутацію и ваше отличное поведеніе, я почти обязанъ святъ съ васъ всякое подозрѣніе въ низости. Я считаю васъ столько же неспособнымъ, сколько и себя самого, — никакъ не менѣе, увѣраю васъ, — воспользоваться для какой-нибудь корыстной цѣли тѣми неблагоприятными для миссъ Гуальтъ свѣдѣніями, которыя вы могли бы собрать объ ея прошедшей жизни. Хотите чтобъ я продолжалъ далѣе? Или, быть-можетъ, вы предпочитаете откровенно и добровольно открыть мнѣ сами ваши намѣренія?

— Я предпочитаю не прерывать васъ, сэръ, сказалъ мистеръ Башвудъ.

— Какъ вамъ угодно, продолжалъ Педгифтъ Старшій.—Освободивъ васъ отъ подозрѣнія въ низкихъ побужденіяхъ, я перехожу къ великодушнымъ побужденіямъ вообще. Весьма можетъ быть, что у васъ необыкновенно благодарное сердце; а что мистеръ Армадель былъ чрезвычайно добръ къ вамъ, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Давъ вамъ занятія въ конторѣ, сначала временно, ради совѣтовъ мистеру Мидвинтеру, онъ показалъ такое довѣріе къ вашимъ правиламъ и способностямъ, что безусловно передалъ въ ваши руки все управленіе, какъ скоро другъ его уѣхалъ. Не скажу, чтобъ я видалъ это на опытѣ, но по предположенію, весьма можетъ быть, что чувство благодарности за подобное довѣріе внушаетъ вамъ такое сильное участіе къ судьбѣ вашего хозяина, что вы не можете равнодушно видѣть какъ онъ стремится къ своей гибели, не попытавшись спасти его, одинокаго и безпомощнаго. Короче сказать, думаете ли вы, что предупредивъ вѣвремя мистера Армаделя о настоящихъ свойствахъ миссъ Гуальтъ, можно будетъ воспрепятствовать этому браку, и хотите ли именно вы быть тѣмъ человѣкомъ, который откроетъ ему глаза? Если такъ, то....

Онъ оставовидся въ изумленіи. Повинуясь какому-то неудержимому порыву, мистеръ Башвудъ вскочилъ съ своего мѣста. Онъ стоялъ задыхаясь и съ мольбой простирая обѣ руки къ адвокату, между тѣмъ какъ его поблекшее лицо внезапно засвѣтлосось какимъ-то внутреннимъ восторгомъ, который сдѣлалъ его на двадцать лѣтъ моложе.

— Повторите это опять сэръ! заговорилъ онъ съ жаромъ, прежде чѣмъ мистеръ Педгифтъ Старшій успѣлъ придти въ себя отъ удивленія. — Вопросъ о мистерѣ Армаделѣ, сэръ! Повторите его еще разъ! Только одинъ разъ, мистеръ Педгифтъ, прошу васъ!

Не спуская своихъ испытующихъ глазъ съ мистера Башвуда, Педгифтъ Старшій сдѣлалъ ему знакъ рукой, чтобъ онъ сѣлъ и опять повторилъ свой вопросъ.

— Думаю ли я, сказалъ мистеръ Башвудъ, повторяя смыслъ, но не слова вопроса, что можно будетъ разузнать мистера Армадела съ миссъ Гуильтъ, если ее покажутъ ему такою, какава она есть? Да, сэръ! Вы спрашиваете также, желаю ли я быть тѣмъ человѣкомъ, который откроетъ ему глаза? Да, сэръ! да, сэръ!! да, сэръ!!!

— Довольно странно, замѣтилъ адвокатъ, глядя на него все подозрительнѣе и подозрительнѣе, — что этотъ престои вопросъ могъ такъ сильно взволновать васъ, потому только что онъ случайно попалъ на вашу мысль.

Этотъ вопросъ попалъ именно на такую мысль, о которой и не подозрѣвалъ мистеръ Педгифтъ. Онъ мгновенно освободилъ мистера Башвуда отъ мрачной гнетущей мысли о мщеніи, указавъ ему въ открытіи тайны миссъ Гуильтъ цѣль, которая до сихъ поръ не приходила ему въ голову. Бракъ, который онъ въ ослабленіи своемъ считалъ неизбежнымъ, могъ быть остановленъ, — не въ интересахъ Аллана, но въ его собственныхъ интересахъ, — а женщина, которую онъ считалъ навѣки для себя утраченною, могла еще быть отнята съ бою, невзирая на обстоятельства! При одной мысли объ этомъ, голова его закружилась. Его собственная рѣшимость почти испугала его своею ужасною несообразностью относительно обыкновеннаго настроенія его духа и обыденныхъ поступковъ его жизни.

Не получивъ отвѣта на свое послѣднее замѣчаніе, Педгифтъ Старшій подумалъ немного прежде чѣмъ сказать что-либо.

„Одно тутъ ясно, разсуждалъ самъ съ собою адвокатъ, что истинное свое побужденіе въ этомъ, дѣлѣ онъ боится открыть мнѣ. Мой вопросъ очевидно далъ ему возможность обмануть меня, и онъ воспользовался ею немедленно. Этого для меня достаточно. Будь я еще адвокатомъ мистера Армадея, тайна эта стоила бы изслѣдованія. Но при настоящемъ положеніи дѣлъ меня вовсе не интересуесть преслѣдовать мистера Башвуда отъ одной лжи къ другой, до тѣхъ поръ пока онъ, наконецъ, не сложитъ передо мной оружія. Для меня это вовсе не нужно, и я лучше предоставляю ему идти его собственными окольными путями.“

Дойдя до такого заключенія, Педгифтъ Старшій отодвинулъ свой стулъ и послѣшью всталъ чтобы прекратить свиданіе.

— Не огорчайтесь, Башвудъ, началъ онъ. — Предметъ нашего разговора, насколько я въ немъ замѣшанъ, уже исчерпанъ. Мнѣ остается прибавить лишь нѣсколько словъ, и я имѣю привычку, какъ вы знаете, договаривать ихъ стоя. Чтѣ бы ни казалось мнѣ темнымъ въ этомъ дѣлѣ, а ужъ одно открытіе я навѣрно сдѣлаю. Я узнаю, наконецъ, чего вамъ отъ меня нужно! Вамъ нужна моя помощь.

— О, еслибы вы были такъ откровенно добры, сэръ! пробормоталъ мистеръ Башвудъ. — Еслибы вы только позволили мнѣ воспользоваться вашимъ мнѣніемъ и совѣтомъ!...

— Погодите немного, Башвудъ. Съ вашего позволенія, мы рассмотримъ эти два вопроса отдѣльно. Адвокатъ можетъ высказывать свое мнѣніе какъ и всякій другой человѣкъ; но когда онъ подаетъ совѣтъ, кланусь лордомъ Гарри, сэръ это уже касается его профессіи! Сдѣлайте милость, пойдите въ этомъ случаѣ моимъ мнѣніемъ околько вамъ угодитъ. Я убѣжденъ, что вы не откажетесь отъ моего совѣта. Я убѣжденъ, что вы не

дѣйствіи,—это такой вопросъ, на который я положительнo отказываюсь отвѣчать. Онъ заставилъ бы меня говорить съ вами въ качествѣ адвоката, и подать вамъ то что я положительнo отказываюсь подать вамъ — мой адвокатскій совѣтъ.

— О, сэръ, не говорите такъ! умолялъ мистеръ Башвудъ.— Не откажите мнѣ въ величайшей милости, въ неопредѣленномъ преимуществѣ выслушать вашъ совѣтъ! У меня такая жалкая голова, мистеръ Педгифтъ! Я такъ старъ и не догадываюсь, сэръ; я всегда такъ терзаюсь и мучаюсь, когда что-нибудь выбьетъ меня изъ колеи. Я очень хорошо чувствую, что раздражаю васъ, отнимая дорогое время; я знаю, что для человѣка, съ вашими дарованіями, время—тѣ же деньги. Но вы вѣрно извините меня, вы вѣрно будете такъ добры, извините меня, сэръ, если я осмѣлюсь сказать вамъ, что оберегу нѣсколько фунтовъ, и такъ какъ я совершенно одинъкъ и ни отъ кого не завишу, то конечно имѣю право распорядиться моими сбереженіями.

Исключительно занятый одною мыслію задобрить какъ-нибудь мистера Педгифта, онъ досталъ изъ кармана побурѣвшій, разорванный бумажникъ и попытался было открыть его дрожащими руками на столѣ адвоката.

— Спрячьте вашъ бумажникъ сейчасъ же, сказалъ Педгифтъ Старшій. — Даже болѣе богатые люди чѣмъ вы пробовали заманить меня этимъ доводомъ, но нашацъ, что не на одной только сценѣ, а и въ дѣйствительной жизни можно встрѣтить столь куріозную вещь какъ неподкупный адвокатъ. При существующихъ обстоятельствахъ я не хочу имѣть ничего общаго съ этимъ дѣломъ, а если желаете знать почему, то я прошу васъ принять, къ свѣдѣнію, что миссъ Гуильтъ утратила всякій юридическій интересъ въ моихъ глазахъ, съ тѣхъ поръ какъ я пересталъ быть адвокатомъ мистера Армадея. Сверхъ того, у меня могутъ быть другія причины, о которыхъ я считаю лишнимъ упоминать здѣсь. Достаточно и того объясненія, которое я уже далъ вамъ. Идите своею дорогой и несите сами отвѣтственность за ваши дѣйствія. Хотя вы и близко отваживаетесь подойти къ когтямъ миссъ Гуильтъ, однако вамъ можетъ-быть и удастся уйти отъ нея неопаранымъ. Это покажетъ время; а покажетъ желаю вамъ добраго утра, и къ стыду моему, сознаюсь, что я не зналъ до сихъ поръ какой вы герой.

На этотъ разъ мистеръ Башвудъ почувствовалъ насмѣшку.

Безъ упрека, безъ мольбы, и не сказавъ даже никакого прощальнаго привѣтствія адвокату, онъ направился къ дверямъ, тихо отворилъ ихъ и вышелъ вонъ изъ комнаты.

Его прощальный взглядъ и внезапно охватившее его молчаніе не ускользнула отъ Педгифта Старшаго.

— Башвудъ кончитъ дурно, сказалъ адвокатъ, перебирая свои бумаги и невозмутимо возвращаясь къ прерваннымъ зачатіямъ.

Сдержанная рѣшимость, проявившаяся въ лицѣ и манерахъ мистера Башвуда, была въ немъ до такой степени поразительна и необыкновенна, что она обратила на себя даже вниманіе Педгифта Младшаго и клерковъ, когда онъ проходилъ мимо ихъ черезъ первую комнату. Привыкнувъ смотрѣть на старика какъ на мишень для своихъ насмѣшекъ, они съ громкимъ смѣхомъ замѣтили совершившуря въ немъ перемену. Онъ сталъ противъ Педгифта Младшаго, безчувственный и глухой къ сыпавшимся на него со всѣхъ сторонъ насмѣшкамъ, и пристально посматрѣвъ ему въ лицо, сказалъ ему спокойнымъ и разсѣяннымъ тономъ, какъ человѣкъ думающій вслухъ:

— Не можете ли хоть съ помочь мнѣ?

— Сію минуту внести въ списки имя Башвуда, сказалъ Педгифтъ Младшій, обращаясь къ клеркамъ. — Стулъ для мистера Башвуда и скамейку подъ ноги, если онъ пожелаетъ. Подайте мнѣ дѣсть лучшей атласной бумаги и коробку отборнѣйшихъ перьевъ, чтобы писать отмѣтки по дѣлу мистера Башвуда; да немедленно извѣстить моего отца, что я намѣренъ отдѣлаться отъ него и подъ высокимъ покровительствомъ мистера Башвуда открыть свою собственную контору. Сядьте, сѣрь, прошу васъ, сядьте, и приказывайте.

Попрежнему глухой и безчувственный къ сыпавшимся на него насмѣшкамъ, мистеръ Башвудъ ждалъ когда утомонится Педгифтъ Младшій, и потомъ спокойно отъ него отвернулся.

встрѣчу экипажи и пѣшеходы пугали и озадачивали его. Онъ свернулъ въ переулокъ и закрылъ глаза рукой:

„Пойду лучше домой, подумалъ онъ, — запрусь и обдую все это хорошенько у себя въ комнатѣ.“

Онъ квартировалъ въ маленькомъ домикѣ, находившемся въ бѣднѣйшей части города, самъ отворилъ себѣ дверь особымъ ключомъ и тихонько взобрался на верхъ. Его единственная маленькая комнатка на каждомъ шагѣ жестоко напоминала ему миссъ Гуильтъ. На каминѣ находились цвѣты, полученные имъ отъ нея въ различное время; всѣ они давно уже увяли и высохли, но тщательно хранились подъ стекляннымъ колпакомъ на маленькомъ фарфоровомъ пьедесталѣ. На стѣнѣ висѣла жалкая раскрашенная гравюра женщины, которую онъ заботливо оправилъ въ красивую рамку со стекломъ, потому только, что во взглядѣ было небольшое сходство съ нею. Въ его неуклюжемъ старомъ бюро изъ красного дерева хранилось нѣсколько краткихъ повелительныхъ писемъ, полученныхъ отъ нея въ то время, когда, въ угоду ей, онъ исполнялъ низкую роль шпиона въ Торпъ-Амброузъ. А когда, отвернувшись отъ этихъ предметовъ, онъ въ изнеможеніи опустился на маленькій диванъ, стоявшій подлѣ его кровати, тамъ, на другомъ концѣ его, онъ увидалъ яркій галстукъ изъ голубаго атласа, купленный имъ единственно потому что она любила яркіе цвѣта, но который онъ никакъ не рѣшался носить, хотя и вынималъ его каждое утро съ твердою рѣшимостью надѣть на себя. Обыкновенно спокойный во всѣхъ своихъ движеніяхъ и умѣренный въ словахъ, онъ схватилъ теперь этотъ галстукъ, какъ живое существо одаренное чувствомъ, и съ проклятіемъ швырнулъ на другой конецъ комнаты.

Время шло, и хотя рѣшимость его воспрепятствовать браку миссъ Гуильтъ оставалась непоколебимою, однако онъ тщетно старался придумать средство, которое помогло бы ему достигнуть этой цѣли. Чѣмъ болѣе онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ мрачнѣе и мрачнѣе представлялось ему будущее.

Онъ снова всталъ, попрежнему утомленный, и подошелъ къ буфету.

— У меня жаръ и сильная жажда, сказалъ онъ: — чашка чаю освѣжить и успокоить меня.

Онъ открылъ чайный ящикъ и отсыпалъ свою обыкновенную скудную порцію чаю, но не съ обыкновенною своею осторожностью.

„Даже собственныя руки не хотятъ служить мнѣ сегодня!“, подумалъ онъ, подбирая просыпанныя крошки чая и заботливо отряхая ихъ въ чайницу.

Въ эту прекрасную лѣтнюю погоду огонь можно было найти только на кухнѣ. Держа въ рукѣ чайникъ, онъ спустился внизъ за кипяткомъ.

Въ кухнѣ не было никого, кромѣ хозяйки дома. Это была одна изъ тѣхъ многочисленныхъ англійскихъ матроузъ, жизненный путь которыхъ въ этомъ мѣрѣ усѣяна терніями, и которыя находятъ грустную отраду смотрѣть при всякомъ удобномъ случаѣ на изцарапанныя и окровавленные ноги другихъ людей въ одинаковомъ съ ними положеніи. Ея единственный порокъ — любопытство не принадлежалъ къ числу смертныхъ грѣховъ, а между многими отащавшими ее добродѣтелямъ она питала большое уваженіе къ мистеру Башвуду, какъ къ жильцу, который аккуратно платилъ за квартиру и въ продолженіе цѣлаго года изо дня въ день былъ неизмѣнно тихъ и вѣжливъ.

— Чѣмъ прикажете служить вамъ, сэръ? спросила хозяйка. — Вамъ угодно кипятку? Какъ будто на зло не закипаетъ вода, мистеръ Башвудъ, когда нужно! Суцая каторга съ этимъ огнемъ! Я ужъ лучше подброшу еще полбиде-другое, если вамъ угодно будетъ подождать немного. Ахъ, Боже мой, Боже мой! Извините меня, сэръ, что я замѣчаю это, но какой у васъ сегодня разстроенный видъ!

Тяжелое умственное напряженіе начинало отражаться и на лицѣ мистера Башвуда. Въ то время какъ онъ ставилъ чайникъ на столъ и садился, въ его взглядѣ и манерахъ выскзалась та же беспомощность и безнадежность, которыя онъ обнаружилъ и на дебаркадерѣ.

— У меня есть горе, сударыня, сказалъ онъ спокойно, — и я нахожу, что переносить его становится все труднѣе и труднѣе.

— Ахъ, правда! простонала хозяйка. — Не знаю какъ вы, мистеръ Башвудъ, а я хоть сейчасъ готова лечь въ могилу, еслибы наступилъ мой часъ. Вы слишкомъ одиноки, сэръ. Когда насъ посѣщаетъ горе, то какъ-то легче бываетъ какъ свалишь половину на чужія плечи. Живи вотъ теперь, примѣрно, ваша покойная хозяйка, сэръ, какою бы она вамъ была отрадой, не правда ли?

Лицо мистера Башвуда болезненно искривилось. Хозяйка печально напомнила ему о несчастях его супружеской жизни. Для удовлетворения ее любопытства насчет его семейных дел, он давно принужден был объявить ей, что он вдовец, и что его семейная жизнь была несомненно счастлива, но тем и ограничилась его откровенность. Он не решился повзрять болталивой женщиной, в свою очередь сообщившей бы это по секрету всему дому, ту печальную историю, которую он рассказывал некогда Мидвинтеру, о своей пьяной жене, кончившей свою жалкую жизнь в сумасшедшем доме.

— Когда муж мой горюет, сэр, продолжала хозяйка, залпав своим котлом, — я всегда говорю ему: „Что бы ты сдѣлалъ теперь самъ, безъ меня?“ И когда онъ не очень сердитъ.... Сейчас закипитъ, мистеръ Башвудъ.... то непременно скажетъ: „Ничего бы я не сдѣлалъ, Лизавета.“ А ужъ когда разсердится, такъ отвѣтитъ: „Въ трактиръ бы пошелъ, мистрисъ, да и теперь пойду.“ Ахъ, и у меня также есть свое горе! Подумайте только: человекъ, у котораго есть взрослые сыновья и дочери, пропиваетъ послѣднюю копѣйку въ трактирѣ! Я что-то не припомню, мистеръ Башвудъ, были ли у васъ сыновья и дочери? Впрочемъ, да, вы говорили, кажется, что были. Дочери, сэр, не такъ ли? Ахъ, Боже мой, Боже мой! И вѣрно всѣ померли, да, да!

— У меня была только одна дочь, сударыня, терпѣливо сказалъ мистеръ Башвудъ, — только одна, и та умерла, когда ей не было еще года.

— Только одна! повторила сострадательная хозяйка. — Кажется, сейчасъ закипитъ, сэр, пожалуйста вашъ чайникъ. Только одна! Ахъ, это еще тяжелѣе (не правда ли?), когда это единственное дитя! Вы, кажется, сказали, что это было ваше единственное дитя, не правда ли, сэр?

Съ минуту мистеръ Башвудъ смотрѣлъ на эту женщину какимъ-то тупымъ, бессмысленнымъ взоромъ, не пытаясь даже и отвѣчать ей. Неумышленно напомнивъ ему о женѣ, которая опозорила его имя, она также неумышленно навела его теперь на тяжелое воспоминаніе о сынѣ, который разорилъ и бросилъ его. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ рассказывалъ свою исторію Мидвинтеру во время ихъ первой встрѣчи въ большомъ домѣ, въ душѣ его опять возникло воспоминаніе о пережитомъ горѣ и разочарованіи. Опять

вспомнилъ онъ о давно-минувшихъ дняхъ, когда онъ принялъ на себя поручительство за сына, и когда безчестность этого сына вынудила его продать все до тла, чтобы заплатить требуемую неустойку.

— У меня есть сынъ, сударыня, сказалъ онъ, чувствуя, что хозяйка глядитъ на него въ нѣмомъ и грустномъ удивленіи. — Я сдѣлалъ все чтобы вывести его въ люди, но онъ дурно отплатилъ мнѣ за это.

— Неужели? пропѣла хозяйка съ выраженіемъ искренняго участія. — Дурно отплатилъ вамъ? Разбилъ ваше сердце, не такъ ли? О, это отзовется ему рано или поздно, ужъ не беспокойтесь! Вѣдь не даромъ же написано было на скрижаляхъ Моисеевыхъ, мистеръ Башвудъ: *Чти отца твоего и мать твою*. Гдѣ онъ можетъ быть теперь, сэръ, и чѣмъ онъ занимается?

Вопросъ этотъ былъ почти одинаковъ съ тѣмъ, который предложилъ ему Мидвинтеръ, выслушавъ его разказъ. И отвѣтъ мистера Башвуда былъ почти тотъ же.

— Мой сынъ, если я только не ошибаюсь, сударыня, находится въ Лондонѣ. Когда я имѣлъ о немъ послѣднее извѣстіе, онъ занималъ не совсѣмъ-то честную должность въ тайной полиціи.

На этихъ словахъ онъ запнулся и замолчалъ. Лицо его вспыхнуло, глаза заблистали; онъ отодвинулъ отъ себя только-что налитую чашку чаю и всталъ. Хозяйка въ удивленіи отступила назадъ. Въ лицѣ ея жильца промелькнуло выраженіе, котораго она еще никогда не замѣчала.

— Надѣюсь, что я не оскорбила васъ, сэръ, сказала она, приходя въ себя и въ свою очередь собираясь обидѣться при малѣйшемъ замѣчаніи.

— Нисколько, сударыня, нисколько! отвѣчалъ онъ торпливымъ и страннымъ голосомъ. — Я только вспомнилъ нѣчто.... нѣчто весьма важное. Я долженъ идти на верхъ.... Мнѣ

за камизъ, чтобы перевести духъ, и какъ только силы его возвратились, подошелъ къ столу и раскрылъ свой пюпитръ.

— Такъ вотъ же вамъ мистеръ Педгифтъ съ сыномъ! ска- залъ онъ садясь и прищелкивая пальцами. — И у меня также есть смизъ!

Раздался стукъ въ дверь, слабый, осторожный и таинствен- ный. Заботливая хозяйка пришла узнать, ни занемогъ ли мистеръ Башвуадъ, и во второй разъ просила принять ея увѣреніе въ томъ, что она и въ мысляхъ не имѣла оскор- бить его.

— Нѣтъ! нѣтъ! прокричалъ онъ ей черезъ дверь. — Я совер- шенно здоровъ. Я пишу, сударыня, я пишу, прошу васъ извинить меня.

„Она хорошая женщина, она отаичная женщина, подумалъ онъ, когда хозяйка ушла. Нужно сдѣлать ей маленькій подарочекъ. Голова моя до того разстроена, что безъ нея я и не вспомнилъ бы объ этомъ. О, еслибы смизъ мой служилъ еще въ полици! О, еслибы я сумѣлъ написать ему такое письмо, которое бы тронуло его!“

Онъ взялъ перо и долго сидѣлъ задумавшись, прежде чѣмъ началъ писать. Потомъ медленно, безпрестанно останавли- ваясь чтобы обдумать каждое слово, и тщательно заботясь о четкости своего почерка, онъ написалъ слѣдующія строки:

„Милый Джемсъ, ты вѣроятно удивишься, увидавъ мой почеркъ. Не думай, пожалуйста, что я хочу просить у тебя денегъ, или упрекать тебя за то что ты разорилъ меня въ пухъ и въ прахъ, скомпрометтировавъ твоего поручителя и заставивъ его заплатить за тебя неустойку. Я совершенно готовъ, я искренно желаю забыть прошлое.

„Ты можешь (если только продолжаешь еще служить въ тайной полици) оказать мнѣ величайшую услугу. Я нахожусь въ страшномъ безпокойствѣ и огорченіи по поводу одной особы, которою я сильно интересуюсь. Эта особа—дама. Если можешь, не смѣйся надъ этимъ признаніемъ. Еслибы ты зналъ какъ я страдаю, то вмѣсто того чтобы смѣяться надо мною, ты почувствовалъ бы ко мнѣ жалость.

„Я разказалъ бы тебѣ всѣ подробности этого дѣла, но зная твой нетерпѣливый характеръ, боюсь истощить твое терпѣ- ніе; быть-можетъ, довольно будетъ сказать тебѣ, что судя по некоторымъ даннымъ, прошедшее этой женщины небез- упечно, и что меня въ высшей степени интересуеетъ узнать всѣ ея тайны не далѣе какъ черезъ двѣ недѣли.

„Хотя я почти незнакомъ съ дѣйствіями вашей конторы, однако я очень хорошо понимаю, что безъ настоящаго адреса этой дамы ничего нельзя для меня сдѣлать. Къ несчастію, онъ мнѣ неизвѣстенъ. Знаю только, что она отправилась сегодня въ Лондонъ въ сопровожденіи того джентльмена, у котораго я служу, и который (какъ я полагаю) не замедлитъ прислать мнѣ приказъ о высылкѣ ему денегъ.

„Можетъ ли это обстоятельство помочь намъ? Я рѣшаюсь сказать *намъ*, ибо уже заранѣе разчитываю, мой другъ, на твой совѣтъ и на твою помощь. Не стѣсняйся, пожауйста, финансовыми соображеніями: у меня есть небольшія сбереженія, и они всѣ къ твоимъ услугамъ. Пожауйста, отвѣчай мнѣ съ первою почтой. Если ты постарайся прекратить эту мучительную для меня неизвѣстность, то искупишь этимъ горе и разочарованіе, причиненныя тобою въ былое время, и сдѣлаешь мнѣ величайшее одолженіе, котораго никогда не позабудетъ

„любящій тебя отецъ,
„Феликсъ Башвудъ.“

Отеревъ глаза, мистеръ Башвудъ выставилъ на письмѣ число и сдѣлалъ слѣдующій адресъ: „Мистеру Джемсу Башвуду, въ справочную контору тайной полиціи, на Шедисайдской площади, въ Лондонѣ.“ Окончивъ это, онъ немедленно вышелъ и собственными руками отдалъ письмо на почту. Это было въ понедѣльникъ, а отвѣтъ долженъ былъ придти съ обратною почтой въ среду.

Вторникъ мистеръ Башвудъ провелъ въ конторѣ большого дома. У него была двоякая причина вполнѣ отдаться дѣламъ по управленію помѣстьемъ. Впервыхъ, занятія помогали ему обуздывать то пожирающее нетерпѣніе, съ которымъ онъ ожидалъ слѣдующаго дня. Вотторыхъ, чѣмъ скорѣе управился бы онъ съ дѣлами конторы, тѣмъ удобнѣе было бы ему уѣхать въ Лондонъ къ сыну, не навлекая на себя ни малѣйшаго подозрѣнія явнымъ нерадѣніемъ о вѣренныяхъ ему интересахъ.

Во вторникъ послѣ обѣда смутныя слухи о какой-то разладицѣ на мызѣ распространились оттуда черезъ слугъ майора Мильрой между слугами большого дома, которые въ свою очередь попытались было, но совершенно безуспѣшно, разсѣять ими вниманіе мистера Башвуда, сосредоточенное на дѣлахъ.

Они рассказывали, что майоръ и миссъ Нелли долго сидѣли наединѣ въ таинственной бесѣдѣ, по окончаніи которой лицо миссъ Нелли обнаруживало явные слѣды слезъ. Это происходило въ поведѣльникъ послѣ обѣда, а на слѣдующій день (то-есть во вторникъ) майоръ удивилъ всѣхъ домашнихъ, объявивъ имъ въ короткихъ словахъ, что дочери его нужна перемѣна воздуха, и что онъ самъ отвезетъ ее съ первымъ же поѣздомъ въ Лоустофть. Они уѣхали вмѣстѣ, оба серьезныя и молчаливыя, но, повидимому, въ весьма хорошихъ отношеніяхъ. Прислуга большого дома объясняла эту домашнюю передрагу вліяніемъ слуховъ, ходившихъ насчетъ Аллана и миссъ Гуильтъ, между тѣмъ какъ на мызѣ отвергали такое объясненіе и на весьма дѣльныхъ основаніяхъ. Съ половины поведѣльника и до самаго вторника утромъ миссъ Нелли безвыходно сидѣла въ своей комнатѣ, а майоръ, съ своей стороны, тоже нигде не выходилъ и ни съ кѣмъ не сообщался. Что же касается до мистрисъ Мильрой, то она, при первой попыткѣ своей новой горничной разказать ей о городскихъ слухахъ, пришла въ такую ярость, услышавъ имя миссъ Гуильтъ, что немедленно заставила ее замолчать. Что-нибудь конечно случилось что заставило майора Мильрой такъ внезапно увезти дочь изъ дома, но ужъ никакъ не скандальный побѣгъ мистера Армаделя съ миссъ Гуильтъ, среди бѣлаго дня.

Пршло послѣобѣда, прошелъ вечеръ, и не случилось ничего кромѣ маленькой домашней передраги на мызѣ. Ничего не произошло (да ничего и не могло произойти по самой природѣ вещей), чтобы разсѣять заблужденіе, на которое разчитывала миссъ Гуильтъ, — заблужденіе, раздѣляемое вмѣстѣ съ мистеромъ Башвудомъ цѣлымъ Торпъ-Амбровомъ, будто она уѣхала съ Алланомъ въ Лондонъ, въ качествѣ его будущей жены.

Въ среду утромъ, на встрѣчу почтальйону, шедшему по улицѣ, гдѣ жилъ мистеръ Башвудъ, вышелъ и самъ мистеръ Башвудъ, которому какъ разъ попался этотъ почтальйонъ на

„Шедисайдская площадь. Вторникъ, 29-го іюля.

„Милый папаша, я-таки порядочно наострился здѣсь въ разгадываніи чужихъ тайнъ; но, признаюсь, таинственность вашего письма совершенно меня озадачиваетъ. Ужь не спекулируете ли вы на интересныя тайны и грѣшки какой-нибудь очаровательной женщины? Или послѣ испытаннаго *сам* супружескаго счастья, не собираетесь ли вы, на старости лѣтъ, наградить меня мачихой? Чтò бы тамъ ни было, кланусь вамъ, что письмо ваше интересуетъ меня.

„Замѣтите, я не подшучиваю, хотя искушеніе почти непреодолимо. Напротивъ, я ужь подарилъ вамъ полчаса моего драгоценнаго времени. Мѣстность, изъ которой вы мнѣ пишете, показалась мнѣ знакомою. Я справилась съ своею памятною книжкой и нашла, что нѣсколько времени тому назадъ меня посылали въ Торпъ-Амбросъ для наведенія тайныхъ справокъ по одному дѣлу. Клиенткой моею была одна живая, бойкая старушка, которая, по хитрости своей, не объявила намъ ни своего настоящаго имени, ни адреса. Само собою разумѣется, что мы сейчасъ же взялись за дѣло, и узнали кто она. Имя ея мистрисъ Ольдершо, и если вы именно *ее* назначаете мнѣ въ мачихи, то совѣтую вамъ хорошенько подумать прежде чѣмъ вы рѣшитесь сдѣлать ее мистрисъ Башвудъ.

„Если же это не мистрисъ Ольдершо, а кто-нибудь другой, то я могу лишь посовѣтовать вамъ какъ взяться за дѣло, чтобъ отыскать адресъ незнакомки. Какъ скоро вы получите письмо отъ уѣхавшаго съ нею джентльмена (надѣюсь за васъ, что онъ не красивый молодой человекъ), пріѣзжайте сами въ городъ и отыщите меня. Я отражу съ вами кого-нибудь изъ нашихъ для наблюденія за его квартирой, и если онъ будетъ сообщаться съ этою дамою или она съ нимъ, то вы можете считать ея адресъ извѣстнымъ. Вашему любящему сыну стоить только увидеть ее, чтобъ узнать потомъ кто она, и выложить передъ вами какъ на ладони всѣ ея очаровательныя грѣшки.

„Теперь нѣсколько словъ объ условіяхъ. Я не менѣе васъ готовъ на примиреніе; но хотя я и сознаюсь, что пообчистилъ вамъ нѣкогда карманы, однако я никакъ не могу согласиться, чтобы вы опустошали мои. Я хочу сказать, что на васъ падутъ всѣ издержки по этому дѣлу. Быть-можетъ, вамъ

придется употребить кого-либо изъ женщинъ, служащихъ въ нашей конторѣ, если ваша дама чрезчуръ осторожна или слишкомъ хороша собой, чтобы поручить ее мужчинамъ. Если она ведетъ жизнь разсыпанную, нужно будетъ нанимать извозчика и брать билеты для входа въ общественныя удовольствія. Если же она потащитъ за собою нашихъ агентовъ въ церковь слушать проповѣдниковъ, то намъ придется раздавать шиллинги церковнымъ сторожамъ и т. д., и т. д. Моими собственными услугами вы будете пользоваться бесплатно, но на убытки я не согласенъ. Не забывайте этого, и для васъ все сдѣлаю. Затѣмъ, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Забудемъ прошлое.

„Любящій васъ сынъ,
„Джемсъ Башвудъ.“

Въ восторгѣ отъ обѣщанной ему помощи, отецъ прижалъ къ губамъ отвратительное письмо сына. „Мой добрый сынъ,“ прошепталъ онъ нѣжно. „Мой милый, добрый сынъ!“ Онъ опустилъ письмо и опять впалъ въ раздумье. Прежде всего нужно было обсудить вопросъ о времени. Мистеръ Педдиггъ сказалъ ему, что миссъ Гуильтъ можетъ выйдти за мужъ черезъ двѣ недѣли. Одинъ изъ этихъ дней уже прошелъ, и другой также былъ на исходѣ. Онъ нетерпѣливо застучалъ рукой по столу, думая о томъ времени, когда недостатокъ въ деньгахъ заставитъ Аллана написать ему изъ Лондона. „Не завтра ли?“ спрашивалъ онъ самъ себя, „или послѣ завтра?“

Прошло завтра и не принесло съ собой ничего; наступило послѣзавтра, и вмѣстѣ съ нимъ явилось письмо. Ожиданія мистера Башвуда оправдались: то было дѣловое письмо, въ которомъ Алланъ просилъ его о деньгахъ, и въ концѣ котораго стоялъ адресъ съ прибавленіемъ слѣдующихъ словъ:
Впередъ до новаго прѣдвѣнія я остаюсь вашъ.“

ДѢТСТВО И ЮНОСТЬ АЛЕКСАНДРА I.

Императоръ Александръ I, старшій сынъ цесаревича, великаго князя Павла Петровича (въ послѣдствіи императора Павла I) и бывшей княжны виртембергской, великой княгини Маріи Феодоровны, родился 12 (23) декабря 1777 года. То была самая блестящая эпоха царствованія Великой Екатерины, когда она, заключивъ славный Кучукъ-Кайнарджискій миръ, готовилась довершить побѣды своихъ полководцевъ присоединеніемъ Крыма къ Россійской имперіи. Вся Европа съ завистью смотрѣла на успѣхи мудрой монархини, но не осмѣливалась противиться ея предпріятіямъ. Знаменитые государи, Фридрихъ Великій и Иосифъ II, наперерывъ искали ея союза и дружбы. Польша повиновалась ея велѣніямъ. Гордая некогда Порта смирялась. Во Франціи Герма-

лишить его наслѣдства престола въ пользу своего старшаго внука *. Равнодушіе монархины къ ея сыну имѣло несчастныя послѣдствія. Великій князь былъ одаренъ отъ природы острымъ умомъ, кипучею дѣятельностью, любовью къ порядку и правдѣ, великодушіемъ истаго рыцаря; но эти превосходныя качества, какъ лишеныя попеченій дѣтны, заглохли и не успѣли явиться во всей красѣ **. А между тѣмъ Екатерина щедро надѣляла материнскими заботами своихъ внуковъ, и въ особенности старшаго изъ нихъ, Александра.

Александръ, съ самаго дѣтства, подавалъ блистательныя надежды. Онъ наслѣдовалъ отъ своей прародительницы возвышенность чувствъ, проицательный умъ, невозмутимое спокойствіе духа, а отъ своей матери красоту, стройный станъ, величественную поступь, доброту и благотворительность. Въ лѣтахъ возмужалости его сравнивали съ изящнѣйшими изображеніями Аполлона и Антонія, завѣщанными искусствомъ древнихъ Грековъ ***. Положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ между своими кровными, императрицею и, стоявшимъ во главѣ оппозиціи, наслѣдникомъ престола, развило въ немъ умѣнье хранить тайну до открытости, что подавало поводъ упрекать его въ двуличіи. Быть-можетъ, эти же самыя обстоятельства отъ самой юности поселили въ Александрѣ недоувѣрчивость къ людямъ, что въ послѣдствіи иногда препятствовало ему открывать истинное достоинство, неразлучное съ скромностію, и нерѣдко побуждало его удостоивать своимъ довѣріемъ искательную посредственность, либо лукавство, прикрытое личиною безлестной преданности. Подобно Екатеринѣ, онъ болѣе любилъ оказывать милости нежели воздавать за заслуги, хотя, впрочемъ, былъ вообще несравненно болѣе бережливъ, особенно на денежныя на-
~~.....~~ Екатерина. Такъ, напримѣръ, знаменитому

наукъ и художествъ, объ украшеніи городовъ полезными и великолѣпными сооруженіями. Многіе приписывали это его самолюбію, но что нужды въ томъ? Пусть великіе міра совершаютъ подвиги добра, хотя бы и не изъ одного влеченія къ доброму и прекрасному. Если достоинство этихъ подвиговъ оттого нѣсколько умалится, то ихъ послѣдствія будутъ не менѣе благотворны.

Многіе изъ современниковъ императора Александра (Шацлеръ, Штедингъ, Савари, Лафероне) обвиняли его въ непостоянствѣ, доходившемъ до слабости, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ запаальчивости и упрямствѣ. Такое соединеніе совершенно противныхъ качествъ не только возможно, но и весьма естественно, и все дѣло состоитъ въ изслѣдованіи: былъ ли онъ сговорчивъ и упоренъ катая, или наоборотъ; по крайней мѣрѣ, его настойчивость не мирится съ Наполеономъ, пока хотя одинъ вооруженный непріятель оставался на землѣ Русской, и продолжать войну въ 1813 и 1814 годахъ, вопреки желанію освобожденной имъ Германіи, доставила ему бластательную страницу въ исторіи.

Если справедливо, что характеръ каждаго человѣка складывается и измѣняется подъ вліяніемъ окружающей его среды, то эта истина болѣе нежели когда-либо можетъ быть примѣнена къ необыкновенно впечатлительному императору Александру. Мы видимъ его при восшествіи на престолъ твердо вознамѣрившимся шествовать по стопамъ Великой Екатерины, и эта рѣшимость — слѣдствіе не мимолетной вспышки, а глубокаго убѣжденія — обнаруживается не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ; затѣмъ, не найдя въ обществѣ сочувствія къ своимъ замысламъ, будучи принужденъ вести многолѣтнія войны и не имѣя времени зорко слѣдить за дѣлами внутренняго управленія, онъ убѣдился на опытѣ, что наилучшіе уставы исполняютъ свое назначеніе лишь тогда, когда они охраняются нравами. Въ продолженіе поѣздокъ императора Александра за границу, лихоимство и казнокрадство дошли до чудовищныхъ размѣровъ, и самъ государь, видя несостоятельность своихъ усилій водворить уваженіе къ законамъ, какъ будто отчаялся достигнуть своей цѣли. Отечественная война возбуждаетъ снова всю его энергію. Онъ старается залечить раны Россіи, освобождаетъ Германію, покоряетъ благодушіемъ сердца народа побѣжденнаго его оружіемъ; его голосъ господствуетъ на царственныхъ сонмахъ Европы. Но

всѣгда за тѣмъ онъ отклоняется отъ прежнихъ своихъ помысловъ, и вмѣсто того чтобы вести народъ къ высокой цѣли истиннаго прогресса, ограничиваетъ всю свою дѣятельность реввивымъ соблюденіемъ его неподвижности. Таковы главные фазисы неудовимаго Протея, котораго характеръ, измѣняясь безпрестанно, сохранялъ однакоже отъ начала до конца его поприща господствующую черту — необыкновенное искусство обращенія съ людьми, умѣнье привлекать къ себѣ всѣхъ съ кѣмъ доводилось ему имѣть дѣло. Въ 1813 году, Сперанскій, удаленный въ Пермь, читая въ газетахъ, съ какимъ восторгомъ вездѣ встрѣчали Александра въ Германіи, сказалъ: „вѣрьте, что тутъ вѣтъ джи; будь человекъ съ каменнымъ сердцемъ, и тотъ не устоитъ противъ обращенія государя: это сущій прельститель.....“

Обратимся къ воспоминаніямъ о его дѣтствѣ и юности.

Императрица Екатерина сама начертала планъ воспитанія своихъ старшихъ внуковъ, Александра и Константина, руководясь главными идеями Локка и Жанъ-Жака Руссо, но зная у нихъ только то, что считала полезнымъ въ практическомъ отношеніи. Заботы ея о воспитаніи Александра Павловича начались съ перваго дня его жизни, какъ видно изъ собственноручной записки Екатерины, хранящейся въ одномъ изъ нашихъ государственныхъ архивовъ. Результатъ ея попеченій былъ вполне удовлетворителенъ. „Il est gros, пишетъ императрица о своемъ внуку, grand, bien portant, fort gai et ne crieant jamais.“ (Онъ полновѣской, большой, здоровый, веселый мальчикъ и не кричитъ никогда.) * Трогательнымъ памятникомъ истинно-материнскихъ заботъ Великой Екатерины о своихъ внукахъ остались въ назиданіе потомству *Бабушкина Азбука*, собственноручно ею написанная ** и *Наставленія* составленныя ею *** для воспитателя ихъ, Николая Ивановича Салтыкова.

Въ *Наставленіи* „о сохраненіи здоровья“ царственныхъ

питомцевъ, императрица предписывала, чтобы ихъ пиатье было какъ можно проще и легче, чтобы пища была простая, и „буде кушать захотятъ между обѣдомъ и ужиномъ, давать имъ кусокъ хлѣба.“ Далѣе сказано: „чтобъ не кушали, когда сыты, и не пили, не имѣя жажды, и чтобъ когда сыты, ихъ не подчивали пищею или питьемъ; чтобъ не пили „холоднаго испотѣвши или когда разгорячены, а испотѣвши, не пили иначе какъ скушавъ напередъ кусокъ хлѣба.“

Императрица желала, чтобъ юные князья и дѣтмъ, и зимою оставались какъ можно чаще на свѣжемъ воздухѣ, на солнцѣ и на вѣтру, а зимою, по возможности, рѣже возлѣ огня, и чтобъ зимою въ ихъ комнатахъ было не болѣе 13-ти или 14-ти градусовъ по реомюрову термометру. Далѣе въ *Наставленіи* сказано: „на загаръ лица; и рукъ не смотреть... Испотѣвши, не ложиться на мокрой травѣ.“

Императрица желала, чтобы великіе князья зимою и дѣтмъ ходили въ баню чрезъ три или четыре недѣли, а дѣтмъ купались, сколько сами захотятъ, лишь бы предъ тѣмъ не испотѣли. Весьма полезнымъ считала она, чтобы дѣти учились плавать. Приказано было имъ спать „не мягко“, а на тюфакахъ, подъ легкими одѣялами, дѣтмъ — ситцевыми, подшитыми простыней, а зимою — стегаными; ложиться и вставать рано. Предписано веселымъ играмъ дѣтей не мѣшкать и „малыхъ неисправностей при игрѣ не увимать.“ Государыня полагала, что „давъ дѣтямъ въ игрѣ совершенную свободу, можно узнать нравъ и склонности ихъ.“ * Далѣе сказано: „не оставлять ихъ никогда праздными.“

По мнѣнію императрицы, слѣдовало избѣгать употребленія дѣкарствъ и прибѣгать къ помощи врача только въ случаѣ дѣйствительной болѣзни. „Когда дѣти больны, приучать ихъ къ преодоленію страданій терпѣлиемъ, смолью и воздержаніемъ.“

императрица предлагаетъ дѣйствовать на нравственность дѣтей, давая имъ чувствовать, при всякомъ удобномъ случаѣ, что прилежаніе и хорошее поведеніе награждаются любовью, добрымъ вниманіемъ и славой, а нерадѣніе и дурные поступки влекутъ за собою стыдъ и презрѣніе. „Стараться при всѣхъ случаяхъ возяать въ дѣтахъ человеколюбіе и даже состраданіе ко всякой твари....“ Обманъ и неправда, и въ игрѣ, не должны быть терпимы, какъ безчестное и постыдное дѣло. „Буде окажутъ несправедливость или обманъ, тогда слѣдуетъ лишить ихъ имъ принадлежащаго, чтобъ они почувствовали, какова несправедливость.“

По мнѣнію императрицы, „дѣти обыкновенно плачутъ отъ упрямства, либо отъ болѣзни, но должно запрещать всякія слезы. Въ болѣзни слѣдуетъ употребить необходимыя средства для ея облегченія, не обращая вниманія на слезы, и стараясь внушить дѣтямъ, что плачь ихъ не уменьшаетъ, а усиливаетъ болѣзнь, и что лучше преодолѣвать ее бодростью духа и терпѣніемъ. Мысли же ихъ стараться отвлечь на что иное, или обратить слезы въ шутки.... Если въ чемъ-либо приставники отказали дѣтямъ, то чтобъ крикомъ и плачемъ не могли выпросить.“

Далѣе, Екатерина пишетъ, „объ истинномъ познаніи Бога“, присовокупляя, что „когда идетъ рѣчь о законѣ (о христіанской вѣрѣ), тогда неизменно отзываться при дѣтяхъ, какъ съ достоюлажнымъ почтеніемъ.“

По словамъ императрицы: „тѣлесная сила обнаруживается въ преодолѣніи труда, а душевная твердость—въ подчиненіи своихъ желаній здравому разуму, и потому съ самаго дѣтства необходима привычка слѣдовать указаніямъ разсудка и справедливости.“ Должно приучать воспитанниковъ къ непрекословному повиновенію. „Да будетъ то, пишетъ императрица, что бабушка приказала, непрекословно исполнено; что запретила, того отнюдь не дѣлать, и чтобъ казалось дѣтямъ столько же трудно то нарушить, сколько переменить погоду

развлеченій и забавъ, свойственныхъ здоровому, пока болѣзнь его кончится съ возвращеніемъ здраваго разсудка, т.-е. съ послушаніемъ и покорностью.“

Императрица требовала, чтобы царственные дѣти не только не мучили и не убивали животныхъ, какъ напримѣръ птицъ, бабочекъ, мухъ, и т. п., но чтобъ имѣли попеченіе о принадлежавшихъ имъ собакахъ, птицахъ, бѣлкахъ, и даже о дѣвѣтахъ въ горшкахъ, поливая ихъ. Все же, оставляемое ими безъ призрѣнія, приказывала отбирать отъ нихъ.

Ложь и обманъ запрещались, какъ дѣтямъ, такъ и приставникамъ, даже и въ шутку. Приказано было: „если кто изъ воспитанниковъ солжетъ, то въ первый разъ выказать удивленіе тому, какъ поступку странному, неожиданному и неприличному; если же опять солжетъ, то сдѣлать виновному выговоръ и обходиться съ нимъ холодно и съ презрѣніемъ, а буде, паче чаянія, не уймется, то наказать, какъ за упрямство и непослушаніе.“

Императрица предписывала: „отдалять отъ глазъ и ушей ихъ высочество всѣ худыя примѣры, и чтобы никто при дѣтяхъ не говорилъ грубыхъ, непристойныхъ и бранныхъ словъ и не серчался.“

„Главное достоинство наставленія дѣтей, продолжаетъ Екатерина, состоять должно въ любви къ ближнему (не дѣлай другому чего не хочешь, чтобъ тебѣ сдѣлано было), въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и свисходительномъ обращеніи со всѣми, въ добронравіи, чистосердечіи, въ удаленіи гнѣвной горячности, боязливости и пустаго подозрѣнія.....“

По словамъ императрицы: „истинная смѣлость состоитъ въ томъ, чтобы пребывать въ томъ, что долгъ человѣку предписывается.“

По ея мнѣнію, надлежало отдалять отъ дѣтей все то, что могло бы испугать ихъ, но если они чего боятся, то приучать къ такимъ предметамъ исподоволь, сперва издали, а потомъ подходя ближе, стараясь разсвѣять ихъ опасенія доказательствами доступными дѣтскому понятію, но „основанны-

или лодка, а также, чтобъ они видѣли какъ лягають и толкають ногами лошади и подходили къ нимъ. Приказано также приучать дѣтей ходить по такимъ мѣстамъ, гдѣ они могутъ споткнуться безъ опасныхъ послѣдствій; если кто изъ нихъ упадетъ, не спѣшить безъ нужды на помощь и дать время встать самому; въ случаяхъ же, когда нужна помощь — подять ее, не торопясь.

Насчетъ учтивости, императрица полагала, что „она основана на томъ чтобы не имѣть худаго мнѣнія ни о себѣ самомъ, ни о ближнемъ..... Человѣколюбіе, уваженіе ближняго, вниманіе къ каждому, да послужатъ основаніями учтивости.“

„Противны учтивости: во 1-хъ, природная грубость и невниманіе къ тому что другимъ нравится, или не нравится; во 2-хъ, пренебреженіе къ людямъ, выказываемое взглядами, словами, поступками и движеніями; въ 3-хъ, насмѣшки, умышленные споры и противорѣчіе, и въ 4-хъ, привязчивость и пересуды. Но и лишняя учтивость несюсна въ обществѣ.... Приучать дѣтей, чтобы не перебывая никому рѣчи, не спѣшили сказывать свое мнѣніе, не говорили слишкомъ громко, или утвердительно, а просто, не возвышая голоса.“

Насчетъ „поведенія“, императрица полагала, что оно много зависитъ отъ общества, въ которомъ будутъ дѣти, и потому сѣдуетъ быть весьма осторожными въ выборѣ окружающихъ ихъ людей. По мѣрѣ приближенія воспитанниковъ къ юношескому возрасту, показать имъ, мало-по-малу, свѣтъ каковъ онъ есть, и стараться внушить имъ осторожность отъ пороковъ и порочныхъ людей..... „Способъ не быть обманутымъ въ свѣтѣ, говоритъ Екатерина, знать свѣтъ.... Необходимо умѣнье различать свойства людей, и въ какихъ случаяхъ прилично не обращать на то вниманія.... Въ комъ кѣтъ ни добродѣтели, ни учтивости, ни добраго поведенія, ни знанія людей и вещей, тотъ никогда не будетъ достоинъ почтенія.“

По мнѣнію императрицы, главное дѣло приставниковъ состояло въ томъ, чтобы дать питомцамъ здравое понятіе о

и для привычки къ труду. Приказано было учить дѣтей въ тѣ часы, когда они сами изъявлять къ тому охоту, не болѣе получаса сразу *, и оканчивать прежде нежели станутъ скучать. За ученіе не бравить, но если учатся хорошо, похвалять..... По мнѣнію императрицы: „Страхомъ научить нельзя, ибо въ душу объятую страхомъ не болѣе вложить можно ученія, какъ на дрожащей бумагѣ написать.“

Насчетъ предметовъ, коимъ должны были учиться великіе князья, находимъ въ *Пастыленіи* слѣдующія правила:

„Языкамъ учить дѣтей не иначе какъ въ разговорахъ, но чтобы притомъ не забывали своего языка русскаго.... Къ изученію иностранныхъ языковъ присоединять полезныя познанія, какъ напримѣръ, учить минералогію на латинскомъ, ботанику на нѣмецкомъ, зоологію на французскомъ языкѣ, но не всѣ предметы вдругъ, а послѣдовательно одинъ за другимъ. Чтеніе Евангелія на разныхъ языкахъ и сличеніе ихъ съ русскимъ дастъ достаточное знаніе нѣкоторыхъ въ разговорѣ необычныхъ языковъ, какъ напримѣръ, греческаго, владѣя коимъ, воспитанники могутъ приобрѣсть многія полезныя свѣдѣнія.“

Сперва учить: чтенію, письму, рисованію, ариметикѣ; не худо учиться и письму подъ титулами (*abréviation*). Затѣмъ послѣдуютъ: географія, хронологія, астрономія и математика, но запрещается принуждать дѣтей твердить много наизусть. ** Далѣе—исторія, „законы россійскіе, не зная коихъ, невозможно знать и порядка, коимъ правится Россія....“ „Русское письмо и языкъ, надлежитъ стараться, чтобы знали какъ возможно лучше....“ Желательно, писала императрица, чтобы они прошли военную сухопутную и морскую службу, отъ первоначальныхъ основаній до высшей части ихъ, и получили о нихъ основательное понятіе.

Сверхъ того, предполагалось обучать царственныхъ дѣтей: верховой ѣздѣ, фехтованью, вольтижированью, плаванью, ружейнымъ приѣмамъ „и всему тому, что тѣлу придаетъ силу и поворотливость.“„Доброй походкѣ и наружности ничѣмъ лучше выучиться нельзя, какъ танцованьемъ....“ Если дѣти

изъяснять охоту точить или заниматься какими-либо другими ремеслами, то не отвращать ихъ отъ сихъ занятій.

Великихъ князей, въ возрастѣ отъ одиннадцати по пятидесяти лѣтъ, упражнять свѣдѣніями относящимися къ изученію Россіи, и въ этомъ должны состоять главные предметы ихъ занятій. Къ достиженію сей цѣли, по мнѣнію императрицы, могли служить: карты Россіи и каждой изъ российскихъ губерній, съ описаніемъ почвы, произрастеній, животныхъ и главныхъ пунктовъ народной промышленности, а также виды замѣчательнѣйшихъ мѣстъ, городовъ и строеній; свѣдѣнія о теченіи судоходныхъ рѣкъ, о состояніи крѣпостей и дорогъ, описаніе народовъ живущихъ въ каждой губерніи, ихъ одежды, нравовъ и обычаевъ, и проч. Кроме того, въ числѣ предметовъ обученія были указаны: законы и судопроизводство своей страны, финансы, образованіе и содержаніе войскъ, повеченіе о больныхъ, дряхлыхъ и немощныхъ.

Для чтенія, по мнѣнію императрицы, могли служить съ пользою: повѣствованія изъ жизни великихъ людей; объясненія причинъ возвышенія и паденія государствъ и народовъ; историческія и статистическія свѣдѣнія о различныхъ государствахъ.

Императрица, сама занимавшаяся литературою, не приказала однакоже учить великихъ князей ни поэзіи, ни музыкѣ, полагая, что „для достиженія успѣховъ въ этихъ предметахъ требуется много времени, которое съ большею пользою можетъ употреблено быть на другія занятія.“

Въ заключеніе изложенной инструкціи начертаны весьма подробныя и опредѣлительныя правила для приставниковъ касательно ихъ обхожденія съ вѣрными ихъ попеченію воспитанниками. Чтобы дать понятіе, какъ смотрѣла Екатерина на этотъ предметъ, приведемъ ея наставленія, на случай, если приставники замѣтили бы въ которомъ-либо изъ воспитанниковъ равнодушіе или неохоту къ ученію. „Если

даться съ нимъ холодно, грозя отнять у него книги и совершенно прекратить ученье, чтобы понапрасну не терять время и досугъ учителей. Можно даже въ дѣйствительности отобрать у него всѣ книги и оставя его съ одними игрушками, заставить играть непрерывно назначенные часы до тѣхъ поръ, пока игра ему до того наскучитъ, что онъ самъ станетъ просить, чтобы его учили попрежнему“ *.

Находившійся въ продолженіе десяти лѣтъ при насѣдникѣ престола Павлѣ Петровичѣ и назначенный въ 1784 году воспитателемъ великихъ князей, генералъ-аншефъ графъ (въ послѣдствіи фельдмаршалъ и князь) Николай Ивановичъ Салтыковъ отличался добротою и глубокимъ религіознымъ чувствомъ **. По словамъ Грибовакаго и другихъ современниковъ, о государственномъ управленіи онъ имѣлъ поверхностныя свѣдѣнія, въ дѣлахъ собственно ему порученныхъ былъ управляемъ писмоводителемъ, а въ домашнихъ — неограниченно графинею, льстилъ случайнымъ и чуждался впадшихъ въ немилость. На попеченіи его лежали заботы о сохраненіи здоровья и нравственномъ образованіи царственныхъ питомцевъ; а учебными занятіями великихъ князей руководилъ Лагарпъ, человекъ умный, образованный и добродушный, но восторженный и витавшій въ сферѣ мечтательныхъ теорій. Онъ имѣлъ не мало враговъ при дворѣ. Однажды нѣсколько писемъ его къ двоюродному брату, генералу французской республики, были перехвачены и вручены императрицѣ. Довоидики, основываясь на нѣкоторыхъ выраженіяхъ въ этихъ письмахъ, хотѣли выставить Лагарпа въ глазахъ монархини либераломъ, весьма опаснымъ и недостойнымъ ея довѣрія. Но Екатерина, не придавая ни малѣйшей важности этимъ обвиненіямъ, пригласила къ себѣ Лагарпа, показала ему перехваченныя письма и спросила у него шутя: „дѣйствительно ли онъ такой якобинецъ, какимъ его считаютъ“. — „Ваше величество, сказалъ онъ, — поручая мнѣ воспитаніе великихъ князей, знали, что я Швейцарецъ, и следовательно гражданинъ республики. Я остался имъ непреж-

Мои земляки, вадткіе граждане, угнетены Берндами; я со-
 зытовалъ имъ домогаться восстановленія своихъ правъ за-
 коннымъ порядкомъ. Неужели могутъ за то обвинять меня
 въ бунтѣ? Впрочемъ, я удивляюсь вашимъ высокимъ каче-
 ствамъ, уважаю ваше правительство, и добросовѣстно испол-
 няя принятая мною на себя обязанности, всевозможно стара-
 юсь оправдать ваше довѣріе и внушить великимъ князь-
 амъ чувства приличныя ихъ роду, чтобъ они были въ состо-
 яніи слѣдовать вашему примѣру“. Императрица отвѣчала
 ему: „Будьте республиканцемъ, якобинцемъ, кѣмъ хотите; я
 считаю васъ честнымъ человѣкомъ, и этого мнѣ довольно.
 Оставайтесь при моихъ внукахъ и продолжайте ваши заня-
 тія съ ними столь же усердно какъ и прежде. Я совершенно
 увѣрена въ васъ.“

Преподавателями наукъ великимъ князьямъ были избраны
 люди извѣстные своими свѣдѣніями. Въ числѣ ихъ профессоръ
 экспериментальной физики Крафтъ отличался добродушіемъ и
 ясностью изложенія. Однажды, объясняя предположенія раз-
 личныхъ ученыхъ насчетъ свѣта, онъ сказалъ, между про-
 чимъ, что Ньютонъ считалъ его веществомъ постоянно исте-
 кающимъ изъ солнца. Александръ, которому тогда было двѣ-
 надцать лѣтъ, отвѣчалъ: „Я этому не вѣрю, потому что въ
 такомъ случаѣ солнце должно было бы ежедневно уменьшать-
 ся.“ Знаменитый Палласъ преподавалъ великимъ князьямъ
 ботанику въ окрестностяхъ Павловска. Полковникъ Массонъ
 (авторъ сочиненія: *Mémoires secrets sur la Russie etc.*) училъ
 ихъ математику. Преподавателемъ русской словесности, рус-
 ской исторіи и нравственной философіи былъ извѣстный
 писатель, Михаилъ Никитичъ Муравьевъ.

Свидѣтельствомъ постоянныхъ и самыхъ разнообразныхъ
 занятій въ дѣтствѣ и отрочествѣ Александра Павловича
 служатъ множество учебныхъ тетрадей его, хранящихся
 въ Императорской публичной библіотекѣ. Сообразно постъ

строгостью и ѣдкостью выражений, иногда переписывались великимъ княземъ по нѣскольку разъ *. Александръ Павловичъ былъ необыкновенно привязанъ къ своимъ воспитателямъ; даже генералъ-поручикъ Протасовъ, исправлявшій при немъ обязанности гувернера, человекъ ограниченный и безхарактерный, подвергавшійся насмѣшкамъ всего двора, пользовался благосклонностию великаго князя, который, не обращая вниманія на неспособность пристаивика, отдавалъ справедливость его преданности и при всякомъ случаѣ старался выразить ему свою признательность. Въ отношеніи же къ Салтыкову, все поступки Александра Павловича были внушены чувствомъ, которое, по истинѣ, можно сравнить съ сыновнимъ благоговѣніемъ. Такимъ пребылъ онъ во всю жизнь своего воспитателя, а по кончинѣ его, въ 1816 году, императоръ Александръ, уже находясь на высшей степени земнаго могущества, провѣжалъ пѣшкомъ, съ непокрытою головою, гробъ угасшаго старца.

Такую же трогательную привязанность питалъ Александръ къ Лагарпу. Еще въ дѣтствѣ великій князь предпочиталъ поучительныя бесѣды съ своимъ достойнымъ наставникомъ забавамъ и играмъ, свойственнымъ его тогдашнему возрасту. Говорятъ, будто бы однажды, когда Александръ, бросаясь на шею къ Лагарпу, былъ осыпанъ пудрой съ его парика, и когда Лагарпъ сказалъ: „посмотрите, любезный князь, на что вы похожи?“ Александръ отвѣчалъ: „ну все равно; никто не осудитъ меня за то, что займу отъ васъ.“ Въ послѣдствіи, уже въ юношескомъ возрастѣ, Александръ не пропускалъ ни одного дня, не побесѣдовавъ съ своимъ воспитателемъ. Однажды, отправясь къ нему, по обыкновенію, пѣшкомъ, великій князь нашелъ у него въ передней только лишь вступившаго въ должность швейцара, который, не зная никого изъ обычныхъ посѣтителей Лагарпова дома, спросилъ: „кто онъ“, и получивъ въ отвѣтъ: „Александръ“, просилъ его подождать, „потому что господинъ Лагарпъ былъ занятъ“. Великій князь, войдя въ приемную, остался тамъ и ожидалъ болѣе получаса;

знаютъ отъ него много для моего“, и щедро награждалъ швейцара „за усердное исполненіе его обязанностей“. *

Необыкновенная впечатлительность Александра Павловича способствовала его наставникамъ имѣть сильное вліяніе на характеръ и образъ мыслей своего питомца. Одаренный страстнымъ сердцемъ, пылкою фантазіей, Александръ, создавъ въ своемъ помыслахъ идеалъ свѣта и людей, хотѣлъ осуществить его—водворить господство справедливости и общаго спокойствія. По востребованію на престолъ, любимыми идеями его были умѣренность въ государственныхъ расходахъ и вѣчный миръ. ** По свидѣтельству князя Адама Чарторыйскаго, — того самаго, который, будучи удостоенъ дружбою юнаго Александра, старался сдѣлать его въ послѣдствіи орудіемъ своихъ политическихъ расчетовъ, — „великій князь восторгался красотою природы; вѣрѣдко цвѣтокъ, зелень растенія, либо ландшафтъ какой-либо мѣстности восхищали его... Александръ любилъ смотрѣть на сельскія работы, на грубую красоту крестьянокъ; полевые труды, простая, спокойная жизнь въ уединеніи: *** таковы были мечты его юности“. ****

О происхожденіи того религіознаго настроенія, которое въ послѣдствіи овладѣло душой Александра и доходило до восторженности, онъ самъ въ 1818 году, въ бесѣдѣ съ прусскимъ епископомъ Эллертомъ, разказывалъ слѣдующее: „Екатерина была умная, великая жена, но что касается воспитанія сердца въ духѣ истиннаго благочестія, при петербургскомъ дворѣ было... какъ почти вездѣ. Я чувствовалъ въ себѣ пустоту, и мою душу томила какое-то неясное предчувствіе. Пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу, а судъ Божій на ледяныхъ поляхъ Россіи преисподнилъ мое сердце теплотою вѣры. Тогда я позналъ Бога, какъ открываетъ намъ Его Св. Писаніе; съ тѣхъ только поръ я позналъ Его волю и Его законъ, и во мнѣ созрѣла твердая рѣшимость—посвятить себя и свое царствованіе Его имени и славы.“

Императрица Екатерина, уже на закатѣ жизни, страстно

* Bekke. *Histoire d'Alexandre I. II* 424. 426.

желала видѣть своего любимого внука счастливымъ супругомъ, отцомъ семейства: такою была причина его брака на 16-мъ году отъ роду съ 14-лѣтнею принцессою баденскою Луизею, великою княжною Елисаветою Алексѣевною, соединявшею въ себѣ красоту съ превосходными качествами. Говорятъ, будто бы этотъ слишкомъ ранній бракъ разстроилъ здоровье юныхъ супруговъ; дочери ихъ, Марія и Елисавета, обѣ скончались въ младенчествѣ.

До востшествія на престолъ, Александръ Павловичъ, кромѣ командованія Семеновскимъ полкомъ, коего былъ шефомъ, занималъ должность перваго с.-петербургскаго военнаго губернатора *, присутствовалъ въ совѣтѣ и сенатѣ и былъ назначенъ инспекторомъ петербургской дивизіи и председателемъ военной коллегіи.

М. БОГДАНОВИЧЪ.

ЗАПИСКА ПОЦЦО-ДИ-БОРГО

0

ПОЛЬСКОМЪ ВОПРОСЪ

Изъ всего что творилось въ послѣднее время въ Польшѣ, равно какъ изъ огромной массы того что говорилось и печаталось объ этой изжившейся вѣтренницѣ, изъ всей кучи штриговъ, ажи, клеветы и всякаго рода мелочностей, мы однако могли бы, кажется, извлечь для себя ту несомнѣнную, давнымъ-давно, впрочемъ, извѣстную истину, — что Польша не заключаетъ сама въ себѣ никакихъ данныхъ, никакихъ элементовъ для политической самостоятельности. Истина эта была хорошо извѣстна еще во время перваго раздѣла Польши; и тогда, такъ же какъ и теперь, въ ней никто не сомнѣвался. И даже задолго до раздѣла, Польша представляла собою не болѣе какъ бездушное тѣло, надъ которымъ производились всякіе эксперименты.... Къ несчастію, результатами наблюденій и опытовъ не одинаково сумѣли въ послѣдствіи воспользоваться три государства участвовавшія въ раздѣлѣ Польши, и Россія вынуждена была, еще такъ недавно, вынести предъ Европой испытаніе, которое такъ глубоко оскорбило и потрясло русское народное чувство.

Правда, что Россія умѣла выйти съ достоинствомъ изъ недостойной игры, въ которую она была завлечена; игра кончилась, и рѣчь принца Наполеона въ Аяччіо, произнесенная имъ, по его собственному признанію, съ просоенья, могла бы

служить прекраснымъ эпилогомъ ко всей комедіи. Но если окончилась игра и привѣзъ въ отставку, то для насъ вопросъ только перемѣстился съ одной почвы на другую: изъ области политики внѣшней онъ перешелъ въ область политики внутренней. Съ этой стороны вопросъ польскій становится теперь болѣе чѣмъ когда-либо русскимъ и заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны народнаго чувства, тѣмъ болѣе что всякій сколько-нибудь важный внутренній вопросъ встрѣчаетъ обыкновенно у насъ, въ нашихъ собственныхъ вѣдрахъ, гораздо болѣе препятствій и болѣе подчиняется всякаго рода таинственнымъ случайностямъ нежели всѣ наши дипломатическія затрудненія и столкновенія. Послѣднія, подъ какимъ бы ни таились, въ началѣ непроницаемымъ покровомъ, разрѣшаются наконецъ по большей части или вичѣмъ, или громомъ пушекъ.... Но когда тишина и мракъ окружаютъ дѣла политики внутренней, то общество естественно склоняется ко сну, и ему необходимо бываетъ тогда употреблять особенныя надъ собою усилія, для того чтобы оставаться внимательнымъ и чуткимъ.

Ни одинъ, быть-можетъ, политическій вопросъ въ новой исторіи Европы, со всеми его пружинами, и явными, и тайными, не былъ разоблаченъ съ такою ясностію и полнотою, какъ вопросъ польскій. Въ опытахъ и всякаго рода данныхъ у насъ теперь, конечно, не можетъ быть недостатка. Мы можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ всякое движеніе нашего субъекта, равно какъ каждый неправильный приемъ и каждую ошибку съ нашей собственной стороны; все здѣсь можетъ быть взвѣшено и вычислено; и теперь, когда въ нашихъ рукахъ и въ нашей власти сердце этого края и всѣ фибры его организма, кого будемъ обвинять еще, какую шляхту и какихъ ксендзовъ, если и подобные уроки политической мудрости останутся безъ всякой для насъ пользы?

почти вовсе незнакомый съ страной, недавно и случайно поступившій на государственную службу въ ней, внезапно преклонялся особымъ чувствомъ любви къ ней и преисполнялся, чрезъ особое наитіе, патриотической страсти. Всего менѣе можно предполагать у автора меморіи тѣ пламенныя патриотическія увлеченія, которыя препятствовали бы ему видѣть вопросъ въ его настоящемъ свѣтѣ; онъ очевидно могъ разчитывать только на тѣ силы страны, которыя бросались ему въ глаза, состояли на лицо, въ дѣйствительности, а не въ воображеніи увлекающей страсти. Но если мы не можемъ ожидать отъ иностранца, обязавшагося служить странѣ, ни страсти, ни увлеченій, то мы имѣемъ однакоже право надѣяться встрѣтить въ его сужденіяхъ о ея интересахъ здравый смыслъ и чувство справедливости.

Отзываясь на вопросъ своего государя, Подцо-ди-Борго приступаетъ къ отвѣту такъ именно, какъ требовало того чувство обязанности, которую принялъ онъ на себя имѣть съ службой русскому государю. Онъ становится, съ перваго же раза, на ту именно точку зрѣнія, которая одна только и соответствуетъ положенію истинно-государственного человѣка, призваннаго произнести свое слово о вопросѣ, касающемся великаго государства. Его занимаетъ трезвое обсужденіе громаднаго вопроса, а не фальшивые возгласы о челоуѣчествѣ, всемірномъ прогрессѣ, героизмѣ добродѣтели и высокихъ жертвъ, вымѣ такъ щедро расточаемые на газетныхъ столбцахъ.

„Тѣ, кто думаетъ заключить весь этотъ громадный вопросъ, — такъ начинаетъ Подцо-ди-Борго свою меморію, — только въ воззваніе къ общимъ принципамъ отвѣченной справедливости, равно какъ и тѣ, кто предполагаетъ, что стоить лишь представить свои пожеланія счастья польской націи, какъ это счастье уже и будетъ ей даровано, эти люди, повидимому, не понимаютъ ни обширности, ни существа вопроса; они не прослѣдили всѣхъ вѣтвяхъ отношеній, которыми усложняется этотъ вопросъ.“

Получивъ порученіе государя составить *Меморію* о Польшѣ, авторъ ея зналъ весьма хорошо намѣренія самого государя относительно Польши, намѣренія, которыя Александръ I неоднократно высказывалъ въ частныхъ письмахъ къ князю Адаму Чарторыйскому и въ бесѣдахъ съ другими лицами. Подцо-ди-Борго были извѣстны также и всѣ интриги, всѣ

тѣ пламенныя „пожеланія счастья“ угнетенной націи, которыми государь былъ издавна осаждаемъ отъ Поляковъ и тѣхъ лицъ, которыя представляли политическое возстановленіе Польши какъ высшій актъ гуманности и либерализма, достойный увѣнчать славную дѣятельность либеральнѣйшаго изъ монарховъ, сражавшихся за свободу Европы.

„Ваше величество, пишетъ онъ, — предполагаете водворить въ Польшѣ правительство національное, подѣ вашимъ непосредственнымъ и царственнымъ авторитетомъ; вы желаете предоставить одной части націи, находящейся подѣ вашимъ владычествомъ, право издавать себѣ законы, управлять своими финансами, устраивать свои внутреннія дѣла и содержать готовую армию. Вы желаете, чтобы въ Польшѣ не было никакой иностранной силы, *то-есть* исключительно русской; однимъ словомъ, желаете образовать изъ Польши отдѣльное государство....“

Понятно, до какой степени подобное положеніе Поццо-ди-Борго, посвященнаго въ намѣренія государя, должно было стѣснять его въ способѣ выраженія своихъ мыслей. Авторъ, очевидно, ищетъ и придумываетъ выраженія наиболее приличныя и достаточно вѣрныя, и это обстоятельство было, можетъ-быть, главною причиною, почему языкъ *Записки* замѣтно страдаетъ, и слогъ ея тяжелъ, хотя самая мысль какъ нельзя болѣе ясна и понятна.

Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе той части *Записки* Поццо-ди-Борго, гдѣ онъ обращаетъ вниманіе на всѣ неудобства и затрудненія, какія должно встрѣтить русское правительство въ отношеніяхъ своихъ къ иностраннымъ державамъ въ случаѣ возстановленія Польши. Поццо-ди-Борго слегка только касается этой части вопроса, которая была исчерпана въ извѣстной перепискѣ императора Александра I съ лордомъ Кастальри, также наканунѣ Вѣнскаго конгресса. Просимъ взглянуть на составъ того, что собственно называется

положительною цѣлю—вредить Россіи и отгнать ее изъ Европы въ Азію. Такъ какъ возстановленіемъ Польши затрогивались прямо или косвенно политическіе интересы всѣхъ почти европейскихъ державъ, то авторъ *Записки* заключаетъ разсмотрѣніе вѣшной международной стороны польскаго вопроса политическимъ афоризмомъ: „создавать всеобщіе и постоянные интересы противъ себя есть великая политическая ошибка“ (c'est une grande erreur en politique de créer des intérêts universels et permanents contre soi-même).

Но если вопросы о Польшѣ, соприкасающіеся со вѣшною политикою, разсмотрѣны въ запискѣ Поццо-ди-Борго только слегка и поверхностно, то нельзя не поставить ему въ особенную заслугу, что онъ главное вниманіе обратилъ на внутреннюю сторону польскаго вопроса. Онъ не ограничился изслѣдованіемъ того что скажетъ Европа и какъ приметъ она идею основанія новаго царства; напротивъ, большую часть своего мемуара посвящаетъ онъ разбору тѣхъ послѣдствій, которыя неизбѣжно должна будетъ испытать на себѣ сама Россія въ случаѣ осуществленія такой мечты, какъ основаніе Польскаго Царства. Несмотря на то что изложеніе этихъ послѣдствій представляетъ, по словамъ автора мемуара, „затрудненія совершенно *особаго рода*“, благородный умъ его не устранился однакоже высказать государю о томъ, что, по его мнѣнію, такъ глубоко и сильно расходилось съ интересами и русскаго правительства, и русскаго народа.

„Возможно ли предполагать, говорить онъ, чтобы ваше величество могли желать чего-нибудь что притворѣло бы интересамъ вашей націи, которую сами же вы такъ возвеличили, открыли ей тайну ея могущества и сдѣлали ее господствующею въ Европѣ?..“

„Дѣйствія Россіи въ отношеніи къ Польшѣ были всегда дѣйствіями правительства сильнаго и здороваго противъ правительства слабаго и болѣзненнаго.“ Въ то время какъ Польша разрывала себя собственными руками, Россія сдѣлала строго начертаннымъ планамъ расширенія, и для исполненія такихъ плановъ имѣла всегда армію столь же способную къ дисциплинѣ какъ и къ энтузіазму, и „надо быть совершенно незнакомымъ съ книгою судебъ міра, чтобы удивляться тому что совершилось съ Польшей, или, лучше, тому что сама же Польша навлекла на себя собственными раздорами.“

„Разрушеніе Польши, какъ политической державы, состав-

даетъ почти всю новѣйшую исторію Россіи. *Расширеніе Россіи со стороны Турціи было чисто территориальнымъ и степеннымъ сравнительно съ расширеніемъ ея границъ на западъ.* Покореніе Польши совершено главнѣйшимъ образомъ съ цѣлю расширить отношенія русскаго народа къ другимъ націямъ Европы, открыть ему поле болѣе широкое и непріятное болѣе благородное и пахѣе, гдѣ могъ бы онъ упражнять свои силы и свои таланты и найдти удовлетвореніе своей гордости, своимъ потребностямъ и интересамъ. Изъ этого плана, увѣнчаннаго самымъ полнымъ успѣхомъ, возникли такія отношенія и амальгамы, которыя одною прокламациею уничтожить невозможно, не рискуя повредить самымъ существеннымъ и чувствительнымъ интересамъ государства, а именно единству государственнаго управленія.

„Титулъ короля польскаго никогда не можетъ симпатизировать титулу императора и самодержца всей Россіи. Эти двѣ qualificаціи никогда не могутъ слиться вмѣстѣ; онѣ означаютъ вещи и предполагаютъ обязанности до того различныя, что одинъ и тотъ же государь не могъ бы соединить ихъ въ себя, не возбуждая недовольства въ той или другой націи или быть-можетъ въ обѣихъ.

„Каковы бы ни были въ началѣ мотивы и цѣли завоеваній, но если разъ завоеванія совершились и воѣми признаны, то сохраненіе оныхъ есть уже совершенная необходимость, особенно если, по свойствамъ и важности этихъ завоеваній, они входили въ систему основной политики государства, завоеваннаго страны. Польскія владѣнія, присоединенныя къ Россіи, находятся, по моему мнѣнію, именно въ этомъ положеніи. Отдѣлить ихъ какою-нибудь минутною мѣрой значило бы подвергнуть весь составъ и экономію государства гибельнымъ переменамъ, и возбудить нравственную оппозицію и раздѣленіе мнѣній, весьма предныя и одинаково опасныя для обѣихъ націй.

„Размышляя объ этомъ событіи, умъ съ трудомъ постигаетъ возможность отдѣленія, однимъ простымъ актомъ, столькихъ провинцій отъ общей администраціи имперіи, для

бы выуждены удалиться и присутствовать простыми зрителями при этой революціи; трудно постигнуть, какимъ образомъ все это можетъ совершиться, безъ того чтобъ отсюда не возникло злоупотребленій со стороны новыхъ отпущенниковъ и негодовація въ старыхъ подданныхъ. Такой контрастъ былъ бы опасенъ во всякомъ случаѣ; но опасность эта значительно возрастаетъ вслѣдствіе рѣзкаго разлічія, которое установится въ положеніи Русскихъ и Поляковъ съ точки зрѣнія конституціонной. Первые, сознавая свою силу и будучи дѣйствительно сильны, будутъ обречены на положеніе пассивное, тогда какъ вторые, будучи слабы и занимая положеніе сравнительно высшее, будутъ управляться свободно. Присоедините къ этому высокомеріе торжествующаго тѣснства надъ величіемъ оскорбленнаго права,— и картина будетъ окончена.

„Легко можетъ быть, что ваше величество, во цвѣтъ лѣтъ, увѣнчанные величайшими успѣхами и во главѣ Европы, будете въ состояніи вашимъ вліаніемъ и твердостью сдержать движенія, которыя могли бы возникнуть противъ этого новаго порядка вещей; но сдержать не значитъ погасить, и предполагая интересы и страсти двигателями сихъ предпріятій, зародыши смуть будутъ возрастать непрерывно и будутъ воспроизводить тѣ же самыя дѣйствія при каждомъ изъ случаевъ, которые не могутъ не представиться въ ходѣ лѣтъ человеческихъ.“

Начертавъ картину противоположностей, которыя должны возникнуть въ относительномъ положеніи Россіи и Польши вслѣдствіе возстановленія Царства Польскаго, Поццо-ди-Борго предупреждаетъ возраженіе, которое прежде всего представляется противъ справедливости и основательности всѣхъ его опасеній. Возраженіе это естественно заключается, съ одной стороны, въ обширности государственной власти, а съ другой — въ ничтожной силѣ общественнаго мнѣнія въ Россіи. „Моя неопытность въ этомъ отношеніи, говоритъ Поццо-ди-Борго, не дозволяетъ мнѣ выразить точно мое мнѣніе; но трудно увѣрить себя, чтобъ общія причины добра и зла, когда онѣ имѣютъ вліаніе на общіе интересы и такія страсти, какъ народная гордость, народныя предрасудки и чувство народности, которое такъ сильно въ жителяхъ этой обширной страны, чтобы такія общія причины не произвели и въ Россіи тѣхъ же самыхъ послѣдствій какъ и повсюду.“

Затѣмъ авторъ *Zapiski* останавливается на другомъ возраженіи, весьма любопытомъ: „Тѣ, кто желаетъ оправдать примѣромъ планъ предлагаемый Поляками, цитуютъ часто примѣръ Австріи, которой государь, соединяя титулы короля Богеміи и Венгріи, управляетъ тѣмъ не менѣе спокойно подѣ этими двумя титулами. Ничто такъ не способно смѣшать понятія какъ сближеніе названій, тогда какъ между самими вещами нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Королевства Богеміи и Венгріи перешли къ эрцъ-герцогамъ Австріи *по наследству*: принятіе титуловъ было здѣсь, по условіемъ необходимымъ и связаннымъ съ самимъ правомъ приобрѣтенія, съ законностію обладанія. Австрія была небольшимъ и стѣсненнымъ государствомъ; принимая же титулы королей, эрцъ-герцоги освящали этимъ великія завоеванія. Принятіе императоромъ Россіи титула короля польскаго было бы, напротивъ того, равнозначительно отреченію отъ обладанія, которое не есть даже наследство, но котораго право приобрѣтено силой завоеванія совершеннаго съ цѣлью расширенія предѣловъ и объединенія Россіи, а не *въ видахъ на федерацію*. Можно было бы написать цѣлымъ томъ о различіи между этими двумя случаями, которые не имѣютъ ничего общаго ни въ какомъ отношеніи, ни по существу, ни по обстоятельствамъ.

„До тѣхъ поръ пока между Россіей и остальною цивилизованною Европой будетъ находиться масса организованная въ отдѣльную національность, — взаимное вліяніе и сношенія, вытекающія изъ непосредственнаго соприкосновенія Россіи съ Европой, будутъ мало-по-малу ослабѣвать. Русскіе, отодвинутые за ихъ древнюю границу, будутъ не болѣе какъ путешественники въ завоеванной ими странѣ и останутся почти чужды для другихъ націй. Россія получала бы отъ Европы все изъ вторыхъ, такъ-сказать, рукъ. Трудно исчислить, на сколько, вслѣдствіе отдѣленія Польши, отстанетъ Россія въ

завоеваній, которыя должны были слить интересы Россіи съ интересами этихъ націй.

„Я слишкомъ далекъ отъ мысли желать увеличенія бѣдствія Поляковъ ничѣмъ неизвиняемою жестокостію. Но вопросъ не въ томъ, слѣдуетъ ли оказать Полякамъ все возможное добро: каждый честный человекъ раздѣляетъ это желаніе; истинная задача для государственнаго ума заключается въ *комбинаціи мѣръ благотворительныхъ для Польши съ общими интересомъ и безопасностію имперіи вашего величества*. Въ глубокомъ убѣжденіи, что предлагаемый Поляками планъ вредитъ и тому, и другому, я высказалъ здѣсь свои мнѣнія.“

Послѣднюю часть мемуара составляетъ разборъ тѣхъ послѣдствій, какихъ должна ожидать сама Польша отъ осуществленія задуманныхъ плановъ. По мнѣнію Поццо-ди-Борго, восстановленіе Польши, въ той формѣ какъ желаютъ того Поляки, подвергло бы ихъ неизбежнымъ опасностямъ.

„Идея независимости у Поляковъ есть не столько послѣдствіе обдуманнаго разчета о преимуществахъ свободы, сколько чувство, правда, естественное, но смутное и руководимое болѣе ненавистію къ иностранцамъ нежели любовью къ отечеству. Еслибъ эта независимость была потребностію основанною на прочномъ и просвѣщенномъ патриотизмѣ, развѣ Поляки могли бы такъ позорно торговать ею въ продолженіе двухъ вѣковъ? Какое ручательство имѣемъ мы въ ихъ мудрости и неподкупности въ будущемъ? Еслибъ они, въ самомъ дѣлѣ, были такъ хорошо приготовлены къ формѣ правленія, которой они домогаются, развѣ не могли бы они принять какихъ-нибудь мѣръ въ своихъ сношеніяхъ съ Бонапартомъ, для образованія изъ себя націи, а не военнаго департамента Франціи? Развѣ они не могли бы выразить свое отвращеніе отъ истребленія Испанцевъ, вмѣсто

которое внушить вамъ торжество ваше. Васъ будутъ по-прежнему обольщать золото и иностранныя интриги, которыя захотѣли бы изобрѣсти затрудненія для Россіи. Если вы желаете имѣть польскую армію, то какъ бы она мала ни была, она послужитъ вамъ противъ Россіи. Вашу независимость вы всегда будете находить неповаю, до тѣхъ поръ пока король польскій не пожертвуетъ вамъ императоромъ Россіи. Вы внесете смуту въ политику русскаго императора, возбуждая революцію между вашими соотечественниками, подданными Австріи и Пруссіи. Вы будете упреждать намѣренія государя и увлекать его вашимъ беспокойнымъ характеромъ въ безпрестанныя столкновенія. У васъ, занимающихъ мѣсто между Россіей и Европой, будутъ завязываться всѣ предпріятія противъ интересовъ вашего государя. Нынче вы недовольны, но вы бессильны; всѣ ваши соотечественники находятъ въ томъ же положеніи, и всѣ державы не могутъ имѣть другихъ въ отношеніи къ вамъ интересовъ. Едва лишь вы получите независимое существованіе, какъ вы заведете дѣятельную организацію, которая приметъ непременно направленіе расходящееся съ интересами политическаго единства Россіи.... Стоить только русскому государю принять титулъ короля польскаго, какъ для него не останется уже пути отступленія къ благоразумію. Вы не знаете поэтому, какая большая ошибка въ дѣлахъ такой громадной важности — сразу ставить себя въ положеніе двухъ крайностей: удачи или неудачи, — и если случится послѣднее, подумали ли вы о жестокой необходимости вновь покорять васъ, и обо всемъ бѣдствіи истребительной войны, къ которой приведетъ весь этотъ запасъ великодушія и доброты?"

Въ заключеніе своего мемуара, Поццо-ди-Борго излагаетъ, въ слѣдующихъ шести пунктахъ, какимъ образомъ долженъ быть рѣшенъ, по его мнѣнію, польскій вопросъ:

1) Привести польскій вопросъ, съ иностранными державами, къ простому вопросу о границахъ.

4) Назначить императорскаго намѣстника въ Варшавѣ, съ властію, подобною той, какую имѣеть намѣстникъ короля Англіи въ Ирландіи; не образуя новаго департамента для этой новой части имперіи, установить сношенія намѣстника съ общими министерствами имперіи.

5) Избрать между Поляками наибольшее число чиновниковъ, для администраціи, подъ властію намѣстника, не исключая совершенно Русскихъ.

6) Обнародовать постановленія относительно Польши, обыкновеннымъ порядкомъ, какъ указы, и воздержаться отъ всякаго договора или конвенціи между государемъ и народомъ, подъ названіемъ конституціи, или какиихъ-либо иныхъ.

„Въ случаѣ, подобномъ настоящему, когда правительство имѣеть нужду въ громадныхъ силахъ чтобы произвести добро, всѣ сивалагматическія формы ослабляютъ лишь авторитетъ, не прибавляя ничего ни къ достоинству, ни къ прочности учрежденій.“

Итакъ, достаточно было имѣть взглядъ, не помраченнымъ туманомъ космополитическихъ тенденцій и личныхъ пристрастій, чтобы оцѣнить истинное отношеніе Россіи къ Польшѣ. Поццо-ди-Борго родился въ той же странѣ и въ томъ же году, какъ Наполеонъ; выбранный своими согражданами въ депутаты законодательнаго собранія, онъ принадлежалъ въ немъ къ партіи жирондистовъ, искавшей, какъ извѣстно, въ *федерации* разрѣшенія своимъ политическимъ теоріямъ. Эти федеративныя начала соотвѣтствовали до извѣстной степени намѣреніямъ Поццо-ди-Борго и той партіи въ Корсикѣ, которая, подъ названіемъ національной, желала освободить свой островъ изъ-подъ власти Франціи, и находилась поэтому въ самой горячей борьбѣ съ партіей французскою, считавшею въ числѣ своихъ горячихъ приверженцевъ фамилію Бонапарте. Но въ то время когда Паоли и Поццо-ди-Борго составляли для Корсики проектъ конституціи и договаривались съ Англіей объ ея покровительствѣ, одинъ изъ фамиліи Бонапарте взялъ Тулонъ и, по возвращеніи изъ Египта, самовластно распорядился уже всѣми силами и судьбой Франціи. Поццо-ди-Борго вынужденъ былъ тогда удалиться изъ своего отечества, и съ того времени задачей его жизни было уничтоженіе владычества Наполеона. Изъ Лондона, гдѣ онъ нашелъ горячее сочувствіе своимъ видамъ и стремленіямъ, онъ

переселился въ Вѣну, и въ то время когда Россія приключилась коалиціи противъ Наполеона, Поццо-ди-Борго перешелъ на службу въ Россію. Умъ его былъ такъ проницателенъ и такъ хорошо постигалъ все извороты наполеоновской политики, что не могъ не предвидѣть всѣхъ послѣдствій Тильзитскаго мира и посаждовавшаго за тѣмъ знаменитаго свиданія двухъ императоровъ. Въ періодъ дружбы Россіи и Франціи, Поццо-ди-Борго не служилъ Россіи, но основа явился на призывъ ея государя, когда подвигались всѣ народныя силы Россіи. За то во время переговоровъ Вѣнскаго конгресса подлѣ Александра I находился безотлучно князь Адамъ Чартерыйскій. *Записка* Поццо-ди-Борго осталась безъ послѣдствій, и Польша получила конституцію 1815 года.

Живыми комментаріями для *Записки* Поццо-ди-Борго могутъ служить всѣ событія совершившіяся въ Польшѣ съ 1815 года до настоящей минуты, и мы отнюдь не можемъ сказать, что *Записка* эта остается для настоящей эпохи только историческимъ матеріаломъ: въ ней — часть программы современной политики Россіи.

В.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

Историческіе очерки средневѣковой драмы. Начальный періодъ. Исслѣдованіе Петра Полеваго, писанное для полученія степени доктора русской словесности. С.-Петербургъ 1866.

Интересъ къ историко-литературнымъ вопросамъ такъ мало развитъ въ нашей читающей публикѣ, такъ слабо выражается въ современной русской литературѣ и журналистикѣ, что книга г. Петра Полеваго можетъ пройти въ настоящее время совершенно незамѣченною, несмотря на то что она отличается рѣзкими, бросающимися въ глаза читателю особенностями. Передъ нами „исслѣдованіе“ русскаго ученаго объ одномъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи западно-европейской словесности. Авторъ даетъ своимъ читателямъ трудъ, котораго не имѣетъ пока, по его осторожно выраженному мнѣнію, ни одна европейская литература, потому что г. Полевой, по собственному признанію, „рѣшился представить, на основаніи знакомства со *всѣми кругами и древнѣй-*

ской словесности. Но г. Петръ Полевой не хотѣлъ ограничиться скромною ролью простаго компилятора; онъ хотѣлъ внести свой вкладъ въ область европейской науки, работая самостоятельно, по источникамъ. „Руководясь при опредѣленіи времени памятниковъ *тѣми данными, которыя представляютъ самыя рукописи памятниковъ, я не упустилъ изъ виду и ихъ содержанія, и это иногда заставляло меня совершенно отвергать даже издавна установившіяся мнѣнія о мнимой древности нѣкоторыхъ образцовъ средневѣковой драмы. Такъ напримѣръ, на этомъ основаніи, я вовсе не упоминаю при разборѣ памятниковъ XII вѣка, о нѣмецкой пасхальной мистеріи „De adventu et interitu Antichristi“, и о бретонской—„Buhez Santez Nonn“ (житіе св. Нонны), которыя до сихъ поръ были изслѣдователями причислены къ памятникамъ XII вѣка, а по моему мнѣнію, не могли появиться ранѣе конца XIV и начала XV в.“ (предисловіе стр. II). Историческимъ очеркамъ своимъ г. Петръ Полевой предпосылаетъ въ предисловіи бѣглый обзоръ трудовъ своихъ европейскихъ предшественниковъ, въ которомъ русскій читатель могъ бы только пожелать найти менѣе рѣзкое указаніе недостатковъ, обнаруживаемыхъ г. Полевымъ въ тѣхъ ученыхъ трудахъ и изданіяхъ европейскихъ ученыхъ, которые часто должны были замѣнять русскому изслѣдователю самыя рукописи памятниковъ. Такъ напримѣръ составленный Гакушемъ списокъ пособій для изученія средневѣковой драмы названъ у г. Полеваго „очень безтолковымъ“, хотя онъ и отсылаетъ къ нему „желающихъ подробно ознакомиться со всею литературою предмета“ (предисловіе, стр. III). Тексты мистерій, издаваемые Гофманомъ фонъ-Фаллерслебеномъ, по словамъ г. Полеваго, „несовершенны и слабы по запутанности правописанія и неудачному выбору варіантовъ“, а собранныя тѣмъ же ученымъ указанія на представленія мистерій „бѣдны и недостаточны“ (предисловіе, стр. IV). Извѣстную тенденціозную книгу Альта *Theater und Kirche in ihrem gegenseitigem Verhältnisse historisch dargestellt* г. Полевой судитъ особенно строго. По его словамъ, „эта книга излагаетъ факты безъ всякой системы, руководится въ расположеніи ихъ чистою фантазіей и о начальномъ періодѣ исторіи драмы не представляетъ почти никакихъ положительныхъ свѣдѣній“ (предисловіе, стр. VI). Отдавая справедливость сборнику литургическихъ драмъ Дю-Мерила, г. По-*

левой замѣчаетъ мимоходомъ, что „въ своемъ предисловіи онъ пришелъ къ некоторымъ неправильнымъ заключеніямъ, но исключительно въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ высказалъ гипотезы, которыя въ то время еще нельзя было основать ни на какихъ положительныхъ данныхъ“. Г. Полевой окромно прибавляетъ къ этому, что „послѣ него однакоже никто не занимался начальнымъ періодомъ исторіи средневѣковой драмы“ (предисловіе, стр. VII). Другими словами честь опроверженія гипотезъ Дю-Мериля „положительными данными“ принадлежитъ г. Полевому. Наконецъ сочиненіе Гаазе *Das geistliche Schauspiel*, по отзыву г. Полеваго, „способно совершенно сбить съ толку всякаго серьезнаго читателя, и едва ли можетъ дать кому бы то ни было вѣрное понятіе о средневѣковой духовной драмѣ“ (предисловіе, стр. VIII). Свои выводы о начальномъ періодѣ исторіи средневѣковой драмы г. Полевой желалъ основать на самыхъ памятникахъ ея (предисловіе, стр. II), и потому значительная часть его книги (87 страницъ изъ 199) посвящена перепечаткѣ образцовъ духовной драмы XI—XIII вѣка, съ переводомъ ея regard на русскій языкъ. Познакомимся сначала съ тою методой изученія, которую г. Полевой приложилъ къ памятникамъ средневѣковой драмы и которая, конечно, заставила его невыгодно отозваться объ изданіи некоторыхъ изъ этихъ мистерій Гофманомъ фонъ-Фаллерслебенемъ.

Метода г. Петра Полеваго отличается замѣчательною простотой и свободой сравнительно съ строгими, можно думать, педагогическими вѣрами западныхъ ученыхъ. Новый докторантъ русской словесности относится съ сознательнымъ презрѣніемъ къ латинскому языку, который любятъ, уважаютъ и знаютъ пигмеи науки—ученые Нѣмцы и Французы. Едва ли кто-нибудь изъ русскихъ либераловъ гаунился такъ жестоко надъ бѣднымъ латинскимъ языкомъ, какъ г. Петръ Полевой: онъ совершенно знаетъ его не хочетъ. Читателю его книги становится вполне понятнымъ пренебреженіе, которое оказываетъ европейскимъ ученымъ докторантъ одного изъ рус-

издана установленныя правила этимологии и синтаксиса латинскаго языка. Неудивительно, что при этомъ независимомъ воззрѣнii на латинскую грамматику, г. Полевой пришелъ къ такому объясненiю текота латинскихъ литургическихъ драмъ, которое и въ голову не приходило раскрытикованнымъ въ его диссертации иностранцамъ. Обстановка некоторыхъ богослужебныхъ обрядовъ западной церкви тоже получила въ книгѣ г. Полеваго совершенно не тотъ видъ, какой она имѣетъ. Напримѣръ, у Нѣнца Моне, о которомъ такой строгій и компетентный судья, какъ г. Петръ Полевой, сказалъ: „въ сборникѣ 1846 года Моне представилъ такой превосходный, а главное, положительный ученый трудъ, что и теперь еще ни одинъ сборникъ образцовъ средневѣковой драмы не превзошелъ его своими критическими достоинствами“ (пред. стр. V),—у Моне *, напримѣръ, приведено безъ перевода слѣдующее описанiе богослужебнаго пасхальнаго обряда: „*Duo sacerdotes se carris induunt... intrantes chorum, paulatim euntes versus sepulchrum, voce mediocri cantantes: „Quis revolvat nobis lapidem?“* Г. Полевой переводитъ это описанiе такимъ образомъ: „Два священника надѣвали на себя карры,... потомъ всходили на хоры и, ескоръ послѣ того сойдя оттуда, направлялись къ гробницѣ, распѣвая: „Кто отвалитъ намъ камень отъ гроба?“ (стр. 57). Само собою разумѣется, что ни одинъ изъ европейскихъ ученыхъ не рѣшался *intrantes chorum* (то-есть входя въ хоры, мѣсто клериковъ) переводить словами: *всходили на хоры*, и самъ г. Полевой, чтобы подтвердить вѣрность своего неожиданнаго перевода, долженъ былъ прибавить отъ себя слова, которымъ вѣтъ въ переводимомъ имъ описанiи: *и ескоръ послѣ того сойдя оттуда*. Впрочемъ, латинскiй оригиналъ не остался отъ этого въ барышахъ, г. Полевой оставилъ безъ перевода слова: *voce mediocri* (поютъ среднимъ голосомъ, не сильнымъ, не слабымъ, не среднимъ т.е.) *Medius est*

Христа пѣлись темеромъ, Пилата басомъ и т. д.* Для серьезнаго читателя книги г. Полеваго останется, смѣемъ думать, неповторимымъ, зачѣмъ священники *сходили на хоры и вскорѣ опять сходили съ нихъ*. Мы даже полагаемъ, что читатель „будетъ совершенно обить съ толку“ (употребляемъ слова, сказанныя г. Полевымъ о книгѣ Гаазе), когда прочтетъ у г. Полеваго: *оба священника заглядывали въ гробницу и возвращались на хоры* (стр. 58); въ подлинникѣ: „*vergent se ad chorum et cantent surrexit dominus*“ (то-есть пусть обратятся къ хору, представляющему народъ, и запоютъ: Христовъ воскрес!) Г. Полевой такъ увлекся своимъ новымъ словоупотребленіемъ, что не хотѣлъ отказать отъ него даже и тогда, когда находилъ во французскомъ описаніи того же обряда, въ его же книгѣ (стр. 170) напечатаннымъ: *S'en vont parmi le cuer (choeur)*. Впрочемъ, переводя описаніе того же обряда Дюраномъ, г. Полевой почувствовалъ невозможность перевести *chorus* словомъ *хоры* и отказался передать по-русски это латинское мѣсто, „сбившее съ толку“ русскаго издателя. „*Tunc redeunt ad chorum, quasi fratribus referentes, quae viderunt et audierunt*“ (тогда возвращаются къ хору и передаютъ ему, какъ бы братіи, то, что видѣли и слышали), говоритъ Дюранъ, а г. Полевой спокойно переводитъ: „ученики возвращаются на хоры, какъ бы для сообщенія братіи своей“ (стр. 59). Но за то слѣдующихъ словъ Дюрана г. Полевой не въ состояніи былъ перевести по своей методѣ. Пусть оцѣнитъ читатель затруднительное положеніе русскаго ученаго. У Дюрана стоитъ: „*Tunc chorus, audita resurrectione Christi, prorumpit in vocem, altissime cantans*“, г. Полевому приходилось перевести: „Хоры, услышавши о воскресеніи Христа, прорываются громогласною пѣснью!“ Долгъ справедливости требуетъ прибавить, что въ одномъ мѣстѣ своей докторской диссертациа г. Полевой рѣшился перевести слово *chorus* такъ, какъ вездѣ его переводятъ не только знаменитые ученые, но и порядочные русскіе гимназисты. Но и тутъ не обошлось безъ исторіи. По невпривычкѣ ли къ оборотамъ латинскаго синтаксиса или вслѣдствіе желанія толковать текстъ мистеріи (да еще рукописный!) такъ, какъ его никто не толкуетъ, не знаемъ, но г. Полевой переводитъ фразу: *Maria, reliquis comitantibus, ad chorum sola dicat—*

* Haase, *Das geistliche Schauspiel*, S. 11.

„Марія, оставивъ сопровождающихъ ее, обращаясь къ хору, говорить одна“ (стр. 69), вмѣсто: „Марія одна пусть говорить хору *изъ то ерала, какъ прочіе только сопровождаютъ ее.*“ И опять средневѣковая драма получаетъ подъ обильными открытіями перомъ г. Полеваго такой видъ, какого она некогда не имѣла, на въ монографіяхъ европейскихъ ученыхъ, ни на самомъ дѣлѣ.

„Серіозный“ читатель книги г. Полеваго не можетъ не остановиться на тѣхъ „ототупленіяхъ“ автора отъ латинокаго подлинника, которыя, хотя и не извращаютъ свѣдѣній о характерѣ и обстановкѣ средневѣковой драмы, но представляютъ доказательства того филологическаго образованія, которымъ владѣетъ г. Полевой, взявшій на себя обязанность опредѣлить время разбираемыхъ имъ памятниковъ „тѣми данными, которыя представляютъ *самыя рукописи памятниковъ.*“ Доказательства серіозной филологической подготовки г. Полеваго къ критикѣ текста рукописей разсыпаны щедрою рукой въ диссертацию, и мы не знаемъ, съ чего начать наши указанія, которыя далеко не въ состояніи исчерпать богатыхъ данныхъ, представляемыхъ книгой г. Полеваго. Обратимся ли къ лексической сторонѣ переводовъ г. докторанта русской словесности, и мы найдемъ, что *solim* (земля) переводится словомъ *солнце* (стр. 68 и 69), за то слово *solim* со всемъ здѣсь не переводится (стр. 72 и 73), или же передается общимъ выраженіемъ *свое мѣсто* (стр. 85); что слово *armiger* (оруженосецъ), даже съ эпитетомъ *eximie, prime*, принято за собственное имя *Армигеръ* (стр. 78 и 79); что *facinus* (дѣло) переводится *злодѣяство* (стр. 84);* что авторъ оставляетъ безъ перевода такія непомятые слова, какъ *foraitan, azve* (стр. 106); что *conprois flagrantiam opinem supergabis*, переводится: *какаго прельстимъ своимъ прельстали* (стр. 115); quiet, *ignis coelestibus agnitum, venimus adorare*— которому, *по возвышенію небесныхъ элементовъ*, пришли мы поклоняться (стр. 73.)

Относительно знанія г. Полевымъ латинской этимологіи, книга его не оставляетъ въ читателѣ никакихъ сомнѣній: напечатанные въ ней переводы латинскихъ мистерій могутъ

* Оруженосецъ говорить: „Ecce vindex regis gladius, paratus ad omne facinus, quod jubebit noster dominus.“ У г. Полеваго переведено: „А вотъ и мечъ, царевъ мститель, готовый на всякое *злодѣяство*, какое прикажетъ (совершить) намъ господицъ.“

завидѣтельствовать, что г. докторанту историко-филологическаго факультета хорошо извѣстно значеніе и измѣненіе частей рѣчи, отъ имени существительнаго до причастій. Впрочемъ нѣкоторыя части рѣчи оказываются въ особенной крадѣ съ г. Полевымъ: это мѣстоименія и глаголы. Склоненіе относительнаго мѣстоименія *qui* сильно затрудняетъ автора и приводитъ его къ совершенно новымъ критическимъ объясненіямъ текста мистерій. Напримеръ, до сихъ поръ думали, что фразу: „*Qui modo dives egam... sum miser*“ слѣдуетъ переводить: „Я, который недавно былъ богатъ, теперь несчастенъ“, г. Полевой переводитъ: „Какъ случилось, что я, будучи богатъ.... сталъ бѣденъ“ (стр. 107). Переводъ г. Полеваго, кажется, ясно свидѣтельствуешь, что г. докторантъ смѣшиваетъ *qui modo* съ *quomodo*, то-есть, не знаетъ, какой падежъ *qui*. Наша смѣлая догадка подтверждается другимъ мѣстомъ книги г. Полеваго, гдѣ *qui* смѣшивается съ *quod*, и такимъ образомъ „серіозному“ читателю представляется возможность сказать, что г. Полевой не только не знаетъ въ какомъ падежѣ поставлено *qui*, но и какого оно рода. Вотъ это второе мѣсто. Марія Магдалина говоритъ о Христѣ: „*Lacrymarum vota huic, restat, ut offeram et cordis planctores, qui sanctos, ut audio, sanat peccatores*“. Г. Полевой переводитъ: „Ему привесу слезные обѣты и сердечныя сокрушенія, что, все ельствъ, какъ я слышу, исцѣляетъ грѣшниковъ“ (стр. 121), вмѣсто: *ему, который* исцѣляетъ, какъ слышу, *еельствъ* грѣшниковъ. Родъ, число и падежъ мѣстоименія *sanctos* также въ этомъ мѣстѣ не были узнаны г. Полевымъ. На страницѣ 75 слово *quendam* не переведено, какъ будто бы его и не было въ текстѣ. Мѣстоименіе *mi* оставлено въ двухъ мѣстахъ безъ перевода (стр. 127 и 129): и въ самомъ дѣлѣ, какъ было отгадать въ *mi* звательный падежъ отъ *tu*, когда не обошлось безъ серіозныхъ обмолвокъ съ *qui* и съ *sancti*? Времена и наклоненія латинскихъ глаголовъ очень часто игнорируются г. Полевымъ при критикѣ рукописнаго текста мистерій. Ограничимся немногими примѣрами. *Privatur* переводится *лишились* (стр. 63), та-

hortativus, употребляемый въ рукописахъ мистерій въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ идетъ рѣчь объ обстановкѣ пьесы и гдѣ дѣются наставленія лицамъ, которыя теперь называются декораторомъ и режиссеромъ, г. Полевой постоянно переводитъ прошедшимъ временемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изсѣдователи средневѣковой драмы обрадованы были открытiемъ въ библиотекѣ города Тура и обнаруженiемъ мистерiи XII вѣка, которую издатель Люзаршъ невѣрно озаглавилъ словомъ *Adam*, и которая заключала въ себѣ дотошъ неизвѣстныхъ и любопытнѣйшихъ данныхъ о постановкѣ на сцену мистерiй въ XII вѣкѣ, въ ту переходную эпоху, когда духовная драма наполовину вышла изъ храма, своей колыбели, переходя въ руки мiрянь и болѣе отдаваясь свободному народному творчеству нежели робкому повторенiю текста Вульгаты. Сценическiя указанiя Турской рукописи мистерiи приведены и переведены г. Полевымъ, но приведены не вполне и переведены невѣрно, такъ что одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ въ начальной исторiи европейскаго театра совершенно ступшевался у русскаго изсѣдователя западныхъ рукописей. И всему виною латинскiй языкъ. Г. Полевой перепечатываетъ текстъ драмы такимъ образомъ: „*Constituatur paradisus loco eminentiori; circumponantur cortinę et panni serici, ea altitudine, ut persone, que in paradiso fuerint, possint videri sursum ad humeris (?)*“. Это мѣсто совершенно превратно переложено г. Полевымъ: рай *устроенъ* на болѣе возвышенномъ мѣстѣ; онъ окруженъ изгородью и (обвѣшанъ) шелковыми матерiями на столько, чтобы снизу можно было видѣть людей, находящихся въ раю (стр. 181). Вотъ буквальный переводъ: „Рай пусть будетъ *устроенъ* на болѣе возвышенномъ мѣстѣ; кругомъ пусть будутъ протянуты шпалеры и шелковыя матерiи на такой *высотѣ*, чтобы *дѣйствующiя* лица, которыя будутъ въ раю, могли быть *видимы* сверху до самыхъ плечъ.“ Изъ дальнѣйшаго изложенiя г. Полевой, по неизвѣстной причинѣ, опускаетъ слѣдующее весьма характеристическое наставленiе режиссеру: „Къ актерамъ должно присоединять чтеца и хоръ: первый читаетъ, сцена за сценой, стихи Библии, которые относятся къ каждой изъ книгъ, второй поетъ реперторiю.“

Чтобы вполне оцѣнить тѣ филологическiя знанiя, которыя привезъ г. Полевой для критики рукописнаго текста мистерiй, намъ остается привести изъ книги г. доктораанта

нѣсколько мѣстъ свидѣтельствующихъ о томъ, какъ усвоены г. Полевымъ правила латинскаго синтаксиса. Ангелъ, давши Іосифу наставленіе бѣжать съ Богоматерью и Христомъ въ Египетъ, продолжаетъ: *Admonitus redeas, ubi pax, fraus, gelique quiescit*, то-есть: по моему напоминанію ты возвратишься (въ Вифлеемъ), когда убійство, обманъ и царь (Иродъ) смирятся; г. Полевой переводитъ: предупрежденный, удались туда, *едѣ* нѣтъ ни убійствъ, ни коварства, ни (такого) царя (стр. 83). Неужели г. издѣвателю неизвестно, что *ubi* значитъ не только *едѣ*, но и *когда*? Но всего поразительнѣе переведено г. Полевымъ слѣдующее двустишіе:

*Clauditur in stabulo concludens cuncta pugillo,
Despectissimus in terris et summus in astris.*

„Въ стойлѣ пребываетъ тотъ который все содержитъ въ своей десницѣ; ничтожнѣйшимъ является на землѣ высочайшее между сѣтиллами“ (стр. 81). Въмѣсто: „Запирается въ стойлѣ тотъ, кто заключаетъ все въ своей десницѣ, презрѣннѣйшій на землѣ и превознесенный (высочайшій) на небесахъ.“ Если даже предположить, что г. Полевой смѣшалъ въ этомъ мѣстѣ союзъ *et* съ вспомогательнымъ глаголомъ *est* и потому перевелъ *является*, то какъ понять, почему *summus in astris* переведено: *высочайшее между сѣтиллами*?! *Idque mei * moles est pauperiei* переведено: и *вотъ мнѣ приходится сносить* тяжесть нищеты (стр. 109); слова, напечатанныя курсивомъ, всѣ присочинены г. Полевымъ: объ нихъ нѣтъ и помину въ подлинникѣ, гдѣ смыслъ совершенно другой: „и бѣдность моя *вотому мнѣ тяжостна*, что“.... Но мы выпишемъ вполнѣ это мѣсто, чтобы показать, что въ переводѣ г. Полеваго часто не бываетъ ничего общаго не только съ латинскимъ подлинникомъ, но и съ здравымъ смысломъ. *Idque mei moles est pauperiei: Nam latet ex habitu me postmodo quo fruar usu; Quod levius ferrem, si ferre prius didicissem.* Переведено: „*и вотъ остается мнѣ изъ одежды только та, которую обык-*

та одежда, которую онъ обыкновенно носить, и жалуется на то, что ему трудно носить эту одежду, потому что онъ *прежде не учился носить ее*... Пусть понимаетъ, кто можетъ, эту бессмыслицу! Тутъ русскій толкователь западныхъ рукописей принялъ *fruar* за изъявительное наклоненіе, а *habitus* за существительное средняго рода и отнесъ къ нему *quod*, или же счелъ *quod* за мужескій родъ!

Надобно впрочемъ отдать справедливость автору *Историческихъ очерковъ средневѣковой драмы*: онъ старался избѣгать бессмысленныхъ переложеній съ латинскаго на русскій, въ родѣ только что выписаннаго нами, и охотно обращался, гдѣ было можно, къ иностраннымъ пособіямъ при пониманіи и передачѣ латинскаго текста средневѣковыхъ драмъ. Въ извѣтномъ сборникѣ Монмерке и Франциска Миселя *Théâtre français au moyen âge, publié d'après les manuscrits de la bibliothèque du roi* напечатаны латинско-французскіе тексты средневѣковыхъ драмъ XI—XIV вѣка съ буквальными переводами на современный французскій языкъ. Изъ этой книги заимствуетъ г. Петръ Полевой мистерію о десяти дѣвахъ и перевода латинскія мѣста этой пьесы, руководствуется уже не подлинникомъ, какъ онъ читается въ рукописи, и даже не подлинникомъ по печатному изданію двухъ названныхъ французскихъ ученыхъ, а тѣмъ французскимъ переводомъ, который помѣщенъ въ сборникѣ Монмерке и Миселя. Конечно, вслѣдствіе этого предпочтенія перевода тексту драмы, переложеніе г. Полеваго не всегда можетъ похвалиться близостью къ тексту рукописи, но за то оно выигрываетъ въ отношеніи къ здравому смыслу и не представляетъ такихъ загадочныхъ монологовъ, какіе иногда являются у г. Полеваго въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ предоставляетъ при переводѣ латинскихъ рукописей собственнымъ свидѣніямъ въ латинскомъ языкѣ и собственной логикѣ. Г. Полевой, напримѣръ, находитъ въ *Мистеріи о десяти дѣвахъ* такія слова:

Venit enim (Christus) liberare gentium origines,
Quas per primam sibi matrem subjugarunt daemones,—

и переводить это мѣсто съ французскаго перевода Монмерке и Миселя * такимъ образомъ: *ибо онъ пришелъ избавить народы, которые еще въ колыбели были подчинены власти*

* Car il est venu délivrer le berceau des nations, que les démons avaient réduit sous leur puissance par la faute de la première mère.

бъсовъ черезъ первую мать (стр. 89). Точно также: *Partimini lampen lampadibus* г. Полевой переводитъ: *Дайте свѣта нашимъ лампадамъ* (стр. 91), потому что у французскихъ издателей это мѣсто переведено: *Donnez de la lumière à nos lampes*. Но г. Полевой даже и въ такихъ случаяхъ, когда переводитъ не съ подлинника, а съ чужаго перевода, не теряетъ своего достоинства и предлагаетъ своимъ европейскимъ собратамъ по наукѣ критическія поправки къ издавшему ими тексту. Напримѣръ г. Полевой совершенно вѣрно переводитъ французскую фразу: *Que faisons-nous ici?* словами: *Что мы здѣсь делаемъ?* Но онъ поправляетъ соответствующую этому французскому изреченію фразу подлинника: *Nos hic quid facimus*, такъ: *Nos hic quid fecimus* (стр. 93). Этой поправкѣ у французскихъ ученыхъ дѣйствительно нѣтъ и честь ея открытія принадлежитъ русскому докторанту, который предложилъ ее, вѣроятно, потому что считаетъ *facimus* настоящимъ временемъ отъ несуществующаго глагола *fecio*: иначе зачѣмъ было мѣнять въ подлинникѣ время глагола, удержанное въ переводѣ? Пристрастіе г. Полеваго къ чистотѣ латинской рѣчи доходитъ до того, что въ одномъ мѣстѣ (стр. 92) онъ предлагаетъ замѣнить *ac* стоящее въ текстѣ союзомъ *et*: эта критическая тонкость опять отличаетъ русскаго изслѣдователя отъ французскихъ издателей.

Но приемъ, который особенно любитъ употреблять г. Полевой при переводѣ на русскій языкъ латинскихъ мистерій, это приемъ *умолчанія*, если позволено употребить этотъ терминъ старой риторики. Этотъ приемъ состоитъ въ томъ, что г. Полевой совершенно оставляетъ безъ перевода тѣ мѣста латинскихъ драмъ, которыя оказываются затруднительными для передачи. Такихъ мѣстъ г. Полевому встрѣтилось довольно много, и не раскучивая читателю выпискою этихъ фатальныхъ фразъ, которая не много бы прибавила къ характеристикѣ филологическаго образованія г. Полеваго, мы желаемъ повѣрить наши слова предлагаемъ сравнить латинскій текстъ съ русскимъ переводомъ на страницахъ 64, 72, 75, 84, 86, 94, 106, 122, 170.

Мы не касаемся свѣдѣній г. Полеваго по древне-нѣмецкому языку, не чувствуя въ себѣ довольно силъ оцѣнить ихъ. Но смѣемъ думать, что ученый, подвергнувшій такой строгой критикѣ изданія Гофмана фонъ-Фаллерслебена, не долженъ бы былъ переводить: *Minnest tugendliche man minnekliche*

vgaunwen—*Твердый мужчина любит мягкихъ женщинъ* (стр. 47), или *Er thuet sich sorgen nicht*—*Тотъ не раскается* (тамъ же).

Вотъ то филологическое образование, съ которымъ г. Полевой приступилъ къ самостоятельной критикѣ текста латинскихъ рукописей и съ высоты котораго онъ такъ величаво отвесилъ къ европейскимъ ученымъ. Нужно ли говорить, что выигралъ текстъ литургическихъ драмъ при подобной подготовкѣ къ чтенію рукописей и на сколько было въ средствахъ русскаго докторанта оцѣнить достоинство текстовъ, издаваемыхъ за границей, и выбрать изъ нихъ лучшіе? Какое сужденіе о критическомъ достоинствѣ изданій Дю-Мерила, Моне и Гофмана фонъ-Фаллерслебена могъ произнести человѣкъ, для котораго латинская рѣчь часто представляетъ бессмысленное сцѣпленіе неизвѣстныхъ грамматическихъ формъ и непонятныхъ словъ? И однако это сужденіе произнесено и немногіе изъ иностранныхъ ученыхъ, писавшихъ о средневѣковой драмѣ, избѣгли рѣзкихъ осужденій г. Полеваго. Мы не можемъ не остановиться на этомъ *особомъ приѣмѣ* нашего „исслѣдователя“.

По словамъ г. Полеваго, Шмеллеръ „переиздалъ нѣкоторыя изъ тѣхъ латинскихъ мистерій, которыя уже были изданы Гофманомъ, но издалъ ихъ въ совершенно новомъ видѣ, съ дополненіями и исправленіями по вариантамъ“ (стр. VI). Изданіе Шмеллера *Carmina burgana* хорошо извѣстно всѣмъ занимающимся исторіею средневѣковой европейской словесности: въ немъ напечатана цѣликомъ безъ всякихъ дополненій одна мюнхенская рукопись, XIII вѣка, о которой первое извѣстіе въ печать сообщилъ еще въ 1803 году Аретинъ. Послѣ него Доценъ издалъ многія піесы этой замѣчательной рукописи и между прочимъ мистерію, озаглавленную *Christi Leiden*. Первый знатокъ нѣмецкой средневѣковой литературы, глава новой лингвистической и историко-литературной школы. Яковъ Гриммъ съ признательностію пользовался ва-

Carmina burgana, и слѣдовательно г. Полевой не имѣлъ никакого основанія сказать, что Шмеллеръ издалъ напечатаннаго Гофманомъ латинскія мистеріи *съ совершенно новыми видъ, съ дополненіями и исправленіями по вариантамъ*. Достаточно прочесть одну первую строчку предисловія Шмеллера, чтобъ убѣдиться, что текстъ той же мюнхенской рукописи изданъ *безъ всякихъ дополненій и вариантовъ*. Вотъ эта строчка: *Die erste Nachricht von der Handschrift, welche hier als gedrucktes Buch erscheint....* Но, положимъ, что русскій докторантъ имѣлъ какія-нибудь, неизвѣстныя намъ причины, быть недовольнымъ текстами Доцена (противъ которыхъ не говорилъ Я. Гриммъ) и Гофмана. Какъ же онъ воспользовался текстами Шмеллера? Увы! Г. Полевой не пользовался этими лучшими, по его мнѣнію, текстами Шмеллера и перепечаталъ въ своей диссертациі текстъ, сообщенный изъ Германіи Дю-Мерилю, исполненный ошибокъ и далеко стоящій даже текстовъ Шмеллера и Гофмана. Вотъ доказательства: у Дю-Мериля и г. Петра Полеваго напечатано: *Haec sunt odoriferae, quas si comparabis*, у Шмеллера: *quas si „comprobabis,“* * у Гофмана: *si comprobabis*. И г. Полевой имѣлъ основаніе предпочесть плохіе тексты Дю-Мериля, не издаваемаго мюнхенской рукописи, изданію Шмеллера: у Дю-Мериля напечатанъ по мѣстамъ французскій переводъ этихъ текстовъ, которымъ г. Полевой воспользовался. Напримеръ, вышеприведенная фраза г. Полеваго *твердый мужчина любитъ нежныхъ женщинъ*, переведена съ французской, *L'homme fort aime les femmes sensibles* (Du Ménil, l. c. p. 130); у Шмеллера это мѣсто имѣетъ совершенно другой смыслъ: *Minnest, tugentliche man, minnekliche vraguwen!* (p. 97). Правда: г. Полевой объявилъ въ строгомъ предисловіи къ своей диссертациі, что въ своемъ трудѣ „предпочиталъ постоянно тексты Дю-Мериля всѣмъ остальнымъ“; но для „серіознаго“ читателя непонятно, почему текстъ піесы, изданный по дурной копіи, ** долженъ предпочитаться такому, котораго не могъ осудить даже г. Полевой. Мы видимъ одинъ исходъ изъ

* *Carmina burgana* в 98. Взаимное сравненіе Шмеллера означаетъ свои

этого недоумѣнія: г. Полевой едва ли читалъ книгу Шмеллера; иначе какимъ же образомъ „ислѣдователь“, заинтересованный по преимуществу текстомъ рукописей, не позаботился прочесть даже первой строчки въ книгѣ Шмеллера, о которой произноситъ приговоръ въ своей диссертаци? Такія странности не рѣдки въ книгѣ г. докторанта. Что дѣлать? Литература предмета, обсуждаемая г. Полевымъ, также мало давалась нашему изслѣдователю, какъ и латинскій языкъ. *Nunc illae lasciviae!*

Въ учебной монографіи г. Полеваго, такъ хорошо знакомаго съ латинскимъ языкомъ, читатель постоянно встрѣчаетъ ссылки на громадныя, едва ли кѣмъ читаемыя въ Россіи сборники, въ родѣ Codex Theodosianus ed. Marvilli, Mantuae, 1748, томъ 5. Новеллы Юстиніана цитуются у г. Полеваго также часто, какъ хроника Оттона Фрейзингенскаго и постановленія самыхъ небольшихъ мѣстныхъ соборовъ западной Европы. Изъ-подъ текста диссертаци г. Полеваго воинственно глядятъ на читателя латинскія и часто непонятныя для простаго смертнаго заглавія тѣхъ разнородныхъ и многотомныхъ фолиантовъ, на которыхъ основаны незыблемые тезисы докторской диссертаци г. Полеваго, и изъ которыхъ извлечены, „положительныя данныя“, отличающія его книгу отъ писаній европейскихъ ученыхъ. Но „серіозный“ читатель едва ли повѣритъ, чтобы г. Полевой при своемъ знаніи латинскаго языка имѣлъ возможность прочесть хотя одинъ изъ тѣхъ латинскихъ сборниковъ, заглавія которыхъ способны испугать непривычнаго къ архивной пыли читателя и такъ сладко звучать уху чловѣка заинтересованнаго текстами латинскихъ рукописей. И „серіозный“ читатель (а вѣдь такого желаетъ, конечно, своей книгѣ г. Полевой?) будетъ правъ. Г. Полевой пугаетъ профановъ чужою силою и прячется за орудія униженныхъ въ его книгѣ нѣмецкихъ ученыхъ. Такъ страницы 7 и 8 и эффекты ихъ смысла взяты изъ книги Альта (стр. 279—280), 10 и 11

исторіи драмы не представляетъ почти никакихъ положительныхъ свѣдѣній“ (стр. VI). Г. Полевой, кажется, рѣшился бранить именно тѣ книги, изъ которыхъ беретъ свои тезисы и ссылки, и хвалитъ тѣ, которыми не хочетъ пользоваться.

При подобныхъ заимствованіяхъ цитать и ссылки у г. Полеваго не обходится иногда безъ крупныхъ и наивныхъ обмолвокъ. Напримѣръ, г. докторантъ цитуетъ (стр. 56) по какой-то вѣмедкой книжкѣ монографію Грисбахера, съ указаніемъ даже 21-й страницы ея; но еслибы читатель книги г. Полеваго потребовалъ монографію Грисбахера у книгопродавцевъ или въ библіотекахъ, то, конечно, получилъ бы въ отвѣтъ, что такой книги не существуетъ: г. Полевой невѣрно списалъ здѣсь фамилію автора; вмѣсто *Grieshaber* онъ записалъ *Griesbacher*. Намъ скажутъ: это простая опечатка. Но какъ объяснить опечаткою слѣдующій куріозъ въ диссертациі г. Полеваго? Въ 1777 году Мартинъ Гербертъ (родился въ 1720, умеръ въ 1793 г.) издалъ *собранныя имъ* памятники древне-американской литургіи, *Monimenta veteris liturgiae allmanicae*, collegit Mart. Gerbert. До сихъ поръ всѣ, знавшіе это изданіе и многія мистическія разсужденія Герберта, убѣждены были, что Гербертъ жилъ въ XVIII вѣкѣ. Г. Полевой открываетъ, что онъ жилъ въ XIII вѣкѣ, что онъ не издавалъ *памятниковъ* древне-американской литургіи, что онъ самъ описывалъ, какъ очевидецъ, литургическіе обряды XIII вѣка, и потому ставить его рядомъ съ Дурандіемъ (читай Дюраномъ)! „Изъ описанія обрядовъ, *описываемыхъ* Дурандіемъ и Гербертомъ“, говоритъ г. Полевой на 70 страницъ своей книги. Петербургскій книгопродавецъ г. Кожанчиковъ издалъ русскій памятникъ XVI вѣка *Стоглавъ*: неужели можно сказать, что г. Кожанчиковъ описывалъ нѣкоторыя церковныя разгласія въ московскомъ государствѣ XVI вѣка?

Но довольно. Мы не имѣли въ виду писать разборъ книги г. Полеваго (она того не стоить); мы хотѣли только заявить въ русской журналистикѣ фактъ, слишкомъ громко и рѣзко свидѣтельствующій объ упадкѣ серьезнаго ученія въ нашихъ гимназіяхъ, о печальномъ и превратномъ направленіи нашего школьнаго образованія. Не странно ли, что одинъ изъ русскихъ университетовъ удостоилъ магистерской степени по филологическому факультету человека, не умѣющаго ни склонять, ни спрягать по-латыни? Не возмутительно ли

видеть, какъ невѣжество и самозванство съ свойственными имъ нахальными ухватками судять вдоль и поперекъ о томъ, чего не только не понимаютъ, чего не въ состояніи, по своимъ средствамъ, понимать? Не прискорбно ли думать, что чело-вѣкъ, снискавшій себѣ дипломъ беззащитнымъ обращеніемъ съ наукою, будетъ учить съ кафедръ молодое поколѣніе тому, что Гербертъ жилъ въ XIII вѣкѣ и что *quis* средняго, а *quod* мужескаго рода? Г. Полевой представилъ диссертацию о *средневѣковой западно-европейской драмѣ* на степень доктора *русской словесности*. Новый уставъ объ ученыхъ степеняхъ учредилъ магистровъ и докторовъ *иностранной словесности*. Почему бы г. Полевому не искать скорѣе степени *доктора иностранной словесности*? Это было бы нисколько не смѣшнѣе и не обиднѣе попытки получить степень доктора *русской словесности* за то только, что докторантъ бравитъ Нѣмцевъ и не знаетъ по-латыни.

Н. ТИХОНРАВОВЪ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ И ЗАМѢТКИ

Парижъ, 1-го февраля.

Въ настоящемъ году минеть первое десятилѣтіе послѣ заключенія Парижскаго мира и коронованія Императора Александра II. Кому не памяты пріязнь и радушіе, съ которыми въ то время встрѣчались Русскіе и Французы? Кому не памятно увлеченіе, съ которымъ Русскіе и Французы, отбросивъ другъ друга на полѣ сраженія, отзывались тогда о вчерашнемъ непріятелѣ? Во Франціи русскаго имени достаточно было, чтобъ открыть входъ въ самыя недоступныя залы Сень-Жерменскаго предместья и надменныхъ саовниковъ императорскаго двора; въ Россіи достаточно было назвать себя Французомъ, чтобы немедленно воспользоваться неограниченнымъ довѣріемъ общества и даже правительства. Во Франціи старики стали припоминать, что въ 1815—18 годахъ, въ Шампаньи, *les Cosaques* жили душа

Французъ, я въ душѣ всегда былъ казакъ. Какое же сравненіе между казакомъ и Поляками, которыхъ такъ хорошо помнятъ до сихъ поръ жители Шателаро!“ *

Какъ было сомнѣваться въ ту пору въ искренности и прочности этого сближенія между Россіей и Франціей? Во Францію наѣхали русскіе богачи и баричи; Россію покрыла стая разнаго рода французскихъ промышленниковъ, спекуляторовъ и инженеровъ. Подражаніе всему французскому усилилось не только въ обществѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ, и русскіе капиталы посыпались со всѣхъ сторонъ въ бездонные карманы Французовъ. Въ 1859 году русское общество приняло съ восторгомъ извѣстіе о побѣдѣ Французовъ въ Италиі, а русское правительство употребило все свое вліяніе на сосѣдей, чтобы предохранить Францію отъ заступничества Германіи за пораженную Австрію....

Кому, казалось бы, какъ не Франціи, дорожить союзомъ съ Россіей?

Между тѣмъ, за немедленное признаніе Россіей присоединенія Ниццы и Савоиі ко Франціи, правительство этой державы, какъ извѣстно, отплатило намъ кознями, имѣвшими цѣлю опрокинуть всю Европу на Россію; а въ то самое время, когда Государь нашъ, въ Варшавѣ, вступался за Францію, отвергая предложеніе графа Рехберга возобновить Священный Союзъ, Наполеонъ III, въ Парижѣ, бросалъ первые сімена возстанія въ Польшѣ, и на упрекъ графа Владислава Замойскаго, что освободитель Италиі равнодушенъ къ „несчастью“ Польши, отвѣчалъ отрывисто: „Польша спокойна; я не вижу никакихъ признаковъ ея несчастья!“

Всѣмъ извѣстно и въ Парижѣ, и въ Варшавѣ, въ какомъ смыслѣ были поняты эти слова Поляками. Они увидѣли въ нихъ не что иное, какъ лаковическое повтореніе рѣчи Наполеона I въ 1807 году, къ польскимъ депутатамъ, въ Познани, рѣчи, вызывавшей Польшу къ бунту противъ Россіи. Дѣйствіе этихъ словъ было такъ же успѣшно въ 1861

Нынѣ безсознательное орудіе сокровенныхъ замысловъ Наполеона III разбито, возстаніе въ Польшѣ подавлено. Послѣ этого, оба Государя встрѣчались неоднократно; они пожали другъ другу руку; вполнѣ довѣряя чистосердечію дружескихъ заявленій, русское императорское семейство провело цѣлую зиму во Франціи. Извѣстно какимъ образомъ это благородное довѣріе было оправдано французскою печатью: никогда не оказала она болѣе дерзости въ своихъ клеветахъ на Россію, и эта дерзость постоянно оставалась безнаказанною, несмотря на совершенно безотвѣтную зависимость французской печати отъ правительства. Особенно отличалась въ этомъ случаѣ газета *Opinion Nationale*, и когда *la France*, устыдясь вопіющаго неприличія ея, объявила, что министръ лично просилъ г. Геру воздерживаться впредь отъ подобныхъ выходовъ, г. Гера отвѣтилъ, что никогда министръ ничего подобнаго не говорилъ ему. Министерство оставило этотъ отвѣтъ безъ возраженія, а польская эмиграція поднесла г. Геру благодарственный адресъ.

Впрочемъ, несмотря на наружныя изъявленія дружбы своей къ Россіи, французское правительство не только продолжаетъ отпускать значительныя суммы на содержаніе бѣглыхъ повстанцевъ и жандармовъ-вѣншателей, но старшинству ихъ чинитъ въ такъ-называемой „національной арміи“, но въ прошломъ году, предложеніе депутата графа Орнао объ увеличеніи этой субсидіи, принято законодательною палатою единогласно, въ томъ же самомъ засѣданіи, въ которомъ она, не менѣе великодушно, отвергла предложеніе другаго депутата объ увеличеніи пенсіи раненымъ ветеранамъ первой французской имперіи.

Этого факта достаточно, чтобы доказать, что французское правительство продолжаетъ приберегать, про всякій случай, средство потревожить Россію со стороны Польши. Но этого недостаточно. Съ недавняго времени, пошли слухи о какихъ-то переворотахъ, задумываемыхъ Наполеономъ, на берегахъ Дуная, помимо Россіи и въ пользу Австріи. Слухи эти появились разомъ во Франціи, въ Германіи, въ Турціи и, въ послѣднее время, въ Россіи. Французская печать безпрестанно намекаетъ на нихъ; русское общество начинаетъ беспокоиться ими. Несмотря на все это, всѣ близкіе къ Наполеонову двору, а въ томъ числѣ и многія посольства подвержены почти непреодолимому вліянію его, упорно опровер-

гамъ до сихъ поръ справедливость этихъ слуховъ. Но всѣ отдѣльныя свидѣнія полученныя одновременно и съ разныхъ сторонъ, за достоверность коихъ можно однако поручиться, даютъ довольно полное понятіе о мысли, родившейся въ 1859 году въ высшихъ французскихъ сферахъ — располагать Дунайскими княжествами, Герцеговиной и Босніей какъ капиталомъ, которымъ, во всякое время, возможно будетъ вознаградить или уплатить за какого бы то ни было рода услуги или уступки Австріи въ пользу Франціи.

Первое свидѣніе подобнаго рода идетъ изъ Константинополя. Али-паша, министръ иностранныхъ дѣлъ Турціи, признался однажды, въ *официальномъ разговорѣ*, что въ 1859 году, немедленно послѣ свиданія французскаго и австрійскаго императоровъ, въ Виллафранкѣ, Наполеонъ III отправилъ въ Константинополь довѣренное лицо, съ цѣлью развѣдать мнѣніе турецкаго правительства насчетъ предполагаемаго присоединенія Молдо-Валахія къ Австріи, а также насчетъ *вознагражденій*, цѣною которыхъ оно согласится на подобный переворотъ. Отвѣтъ Турціи мнѣ неизвѣстенъ; надо полагать, однако, что онъ не имѣлъ значенія отказа, ибо, повидимому, съ этой стороны императоръ Французовъ до сихъ поръ не ожидаетъ никакихъ препятствій. Напротивъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, по возвращеніи въ Парижъ, Наполеонъ III самъ завелъ рѣчь объ этомъ съ однимъ изъ иностранныхъ дипломатовъ, и указывая на безпорядки и несчастное состояніе Молдо-Валахія подъ правленіемъ князя Кузы, неожиданно поставилъ слѣдующій вопросъ: „Не лучше ли было бы этимъ княжествамъ находиться подъ властію Австріи и управляться однимъ изъ принцевъ Австрійскаго дома?“ Не растерявшись нисколько, дипломатъ отвѣчалъ, что если уже дѣло идетъ о согласіи жителей Княжествъ, то онъ ручается, что во всякомъ случаѣ *они предпочтутъ турецкое правительство австрійскому* и всѣмъ извѣстную вѣротерпимость мусульманскаго Стамбула іезуитскому прозелитизму католической Вѣны, заключившей съ папою конкордаты, извѣстный своею нетерпимостью. „Неужели?“ возразилъ Наполеонъ, и немедленно перебилъ предметъ разговора.

Въ 1863 году, и въ Краковѣ, и въ Парижѣ, и въ Вѣнѣ, и во Львовѣ, всѣ были убѣждены, что таинственными походами извѣстнаго агента французскаго министра иностранныхъ

дѣл, г. Девроза * не имѣли другой цѣли, какъ склонить Австрію отказаться отъ Галиціи, которая должна была служить операционною базой польскому возстанію и зародышемъ возрожденія Польши. Само собою разумѣется, что несмотря на воспоминаніе о сдѣлахъ прошлыхъ Маріей Терезою по случаю окончательнаго раздѣла Польши, несмотря на гуманныя увѣренія австрійскаго правительства, никто не думалъ, чтобъ оно могло отказаться отъ Галиціи безъ приличнаго вознагражденія; причемъ, само собою разумѣется, Дунайскія Княжества являлись какъ самый беззащитный и сподручный капиталъ, чтобъ оплатить *сели-тодуміе* Австріи и капризы Франціи. Хотя все это было не что иное какъ предположеніе, но нельзя не согласиться, что это предположеніе могло казаться справедливымъ, тѣмъ болѣе что немедленно послѣ первой поѣздки г. Девроза въ Вѣну (кажется, въ январь 1863 года) Австрія открыто стала обнаруживать систематическое покровительство польскому вооруженному возстанію.

Въ послѣднее время получены новыя извѣстія, подтверждающія общую увѣренность въ томъ, что Наполеонъ III до сихъ поръ не измѣнилъ ни своего взгляда, ни своихъ намѣреній относительно Молдо-Валахіи. Достоверно извѣстно, что отпуская своего посла въ Вѣну, Наполеонъ III сказалъ и ему, что жалкое положеніе Дунайскихъ Княжествъ, подъ управленіемъ князя Кузы и властію Турціи, рано или поздно потребуетъ присоединенія ихъ къ Австріи, подъ управленіемъ одного изъ принцевъ Австрійскаго дома.

Всѣ эти свѣдѣнія подтверждаются сознаніемъ самихъ австрійскихъ дипломатовъ, объявившихъ, можетъ-быть по осторожности, а можетъ-быть и съ намѣреніемъ, что желая упрочить навсегда существованіе Италіанскаго королевства и оградить его отъ притязаній разныхъ претендентовъ, Наполеонъ III полагаетъ вознаградить, на берегахъ Дуная, всѣхъ низверженныхъ властителей сѣверной Италіи.

Другое заключеніе изъ вышеприведенныхъ фактовъ состоитъ въ томъ, что Франція увлекаетъ Австрію переместить къ востоку центръ ея политической тяжести. Французскіе государственные люди громко заявляютъ, что стремленіе это

* Имѣлъ главный редакторъ мексиканско-французско-австрійской газеты: *Mémorial diplomatique*.

есть логическое послѣдствіе утраты австрійскаго вліянія на югѣ, гдѣ въ разрѣшеніе давней борьбы двухъ племенъ, лативскаго и германскаго, Австрія должна уступить вліяніе свое Франціи. Само собою разумѣется, что примиреніе между Австріей и Венгріей встрѣчено полнымъ сочувствіемъ французскаго правительства. Разчитывая на это сочувствіе, австрійское правительство возымѣло блестящія надежды на успѣхъ займа, открытаго имъ подѣ, вліяніемъ первыхъ признаковъ этого сближенія. Надежды эти нынѣ оказались преждевременными, и расчетъ не оправдался, ибо, по свидѣтельству свидущихъ лицъ, заемъ заключенъ, въ сущности, по $9\frac{1}{2}\%$, то-есть дороже чѣмъ всѣ прочіе австрійскіе займы.

• Какова же будетъ въ этомъ случаѣ роль князя Кузы, не упускавшаго ни одного случая, не только чтобъ оказать самую работливую услужливость Наполеону III, но такъ же чтобъ подражать, разумѣется въ миниатюрѣ, той политикѣ, помощію которой его парижскому идеалу удалось замѣнить во Франціи силу права правомъ силы? По всему кажется, что Тольерійскій кабинетъ не безъ удовольствія смотритъ на безтолковое правленіе его и на насильственныя дѣйствія, которыми онъ надѣется достигнуть независимости *de facto*, съ тѣмъ чтобъ при первомъ случаѣ провозгласить себя независимымъ *de jure*. Явный разрывъ его съ турецкимъ министерствомъ въ этомъ случаѣ столько же способствуетъ замысламъ Франціи, какъ и недоверіе, внушенное имъ сосѣдямъ, и справедливое неудовольствіе его подданныхъ. Уже въ тронной рѣчи, 5-го ноября 1863 года, Наполеонъ обращалъ вниманіе Европы на анархическое состояніе Дунайскихъ княжествъ. Еслибъ осуществился предложенный въ то время Наполеономъ III европейскій конгрессъ, то нѣтъ сомнѣнія, однимъ изъ первыхъ вопросовъ, поставленныхъ на немъ Франціей, было бы отдѣленіе Молдо-Валахиі отъ Турціи. По невозможности категорически поставить этотъ вопросъ, Наполеонъ III, очевидно, добивается осуществленія его окольными путями.

Въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что между Австріей и Италіей, при посредничествѣ Франціи, готовится почва для соглашенія. Парижскія газеты, отъ 28-го января, толковали объ этихъ переговорахъ и о вѣроятности ихъ успѣшнаго исхода. Если это соглашеніе

имѣть въ основаніи своемъ уступку Венеціи Италианскому королевству, то эта уступка не можетъ быть совершена иначе, какъ цѣной вознагражденію Австріи присоединеніемъ Дунайскихъ Княжествъ къ ея коронѣ. Газета *Siècle*, отъ 28-го января, свидѣтельствуетъ, что о чемъ-то подобномъ ходять различныя толки въ Парижѣ; но возможно ли Австріи согласиться добровольно на подобный обмѣвъ, и имѣть ли импѣраторъ Французовъ возможность осуществить его?

Присутствіе Австріи въ сѣверной Италиіи есть выраженіе не какихъ-нибудь честолюбивыхъ, завоевательныхъ капризовъ, а вѣковыхъ, заповѣдныхъ, историческихъ стремленій южно-германскаго племени открыть себѣ доступъ къ ближайшимъ морямъ. Владѣніе Венеціей и Триестомъ удовлетворяло, въ этомъ случаѣ, самымъ непреодолимымъ потребностямъ этого племени; именно это соображеніе было причиною огромныхъ расходовъ Австріи на вооруженіе такъ-называемаго укрѣпленнаго четырехугольника, оберегающаго отъ наплыва латинскаго племени сообщенія германскаго племени съ берегами Адриатики. Уступка Венеціи открываетъ лѣвый флангъ укрѣпленнаго четырехугольника, а потому дѣлаетъ невозможною защиту всего пространства между южнымъ скатомъ тирольскихъ Альпъ и сѣвернымъ берегомъ Адриатическаго моря. Съ того дня какъ у Австріи не будетъ Венеціи, не будетъ у нея ни Триеста, ни Рагузы. Вся южная Германія должна будетъ, въ этомъ случаѣ, отказаться навсегда отъ Адриатическаго моря, получающаго особенно важное значеніе вслѣдствіе прорытія Суэскаго канала.

Этими соображеніями объясняется объявленіе Пруссіи въ 1859 году, что всякая аттака Франціи на укрѣпленный четырехугольникъ будетъ признаваема посягательствомъ на права Германскаго Союза, и составитъ для него неотвратимый *casus belli*. Можно ли думать, чтобъ Австрія согласилась промѣнять прибрежье Адриатическаго моря на прибрежье Чернаго моря, и спокойныхъ, дѣятельныхъ, полувѣчечившихся триестскихъ Италианцевъ, на бѣвнокойныхъ Молдо-Валаховъ, проникнутыхъ сознаніемъ своей отдѣльной національности, огражденной православною вѣрой?

Что же касается настоящихъ отношеній Висскаго кабинета къ Тюльерійскому, то они, со стороны Австріи, едва ли могутъ имѣть другую цѣль кромѣ старанія избѣжать всякаго случая раздражить Францію прямымъ отказомъ въ чемъ

бы то ни было, и извлечь изъ ея посредничества всевозможныя обезпеченія въ пользу сохраненія *statu quo* въ Венеціи. Что же касается вознагражденія низверженныхъ мелкихъ италянскихъ владѣтелей, то едва ли Австрія можетъ быть этимъ заинтересована. Напротивъ, по мнѣнію дипломатовъ, Австрія и нынѣ желаетъ лишь выиграть время, чтобы выждать конца тому порядку вещей, который недавними событіями созданъ въ Италіи. Доказательствомъ этому служитъ то, что до сихъ поръ управленіе оставшейся за Австріей части Италіи носитъ попрекаему громкое названіе: *Regno-Lombardo-Veneto*, хотя въ Ломбардіи, нынѣ, блестящій дворъ австрійскаго эрцгерцога замѣняетъ уже шесть лѣтъ скромною префектурой италянскаго бюрократа-централизатора.

По мнѣнію Австріи, этому переходному порядку настанетъ конецъ на другой день послѣ смерти или паденія Наполеона III. Никто въ Австріи не вѣритъ въ долговѣчность бонапартской династіи; что же касается долговѣчности нынѣ царствующаго главы ея, то австрійскіе дипломаты привыкли къ терпѣнію. По смерти Наполеона III, единство Италіи, по мнѣнію австрійскихъ дипломатовъ, рухнетъ само собою, а оружіе Австріи покоячить то чего не успѣютъ сдѣлать элементы анархіи внесенныя въ нѣдра поворожденнаго королевства безпорядками, расточительностію, насилиями и чрезмѣрными налогами италянскихъ централизаторовъ.

Понятно, что при подобныхъ убѣжденіяхъ Австріи нечего гордиться вознагражденіемъ низверженныхъ италянскихъ государей. Всякое вознагражденіе подобнаго рода очевидно означало бы, съ ихъ стороны, формальное отреченіе отъ прежняго права.

Наконецъ, что касается возможности для Наполеона III привести въ исполненіе свои замыслы, то въ продолженіе всего тринадцатилѣтняго царствованія своего, онъ ни разу еще не находился въ положеніи, въ которомъ ему мѣтѣ чѣмъ въ настоящее время можно было бы исполнить какіе-нибудь новыя замыслы въ Европѣ. Что онъ исподоволь изготавляетъ все чтобы привести ихъ въ исполненіе, какъ только положеніе его поправится, въ этомъ сомнѣваться нельзя; но что касается настоящаго времени, можно быть увѣрену, что Напо-

легко поставленъ въ необходимость не нарушать спокойствія Европы.

Но какой же пользы можетъ ожидать для Франціи ея властитель отъ безпрестаннаго внимательства въ дѣла крайняго востока европейскаго материка? Этотъ вопросъ есть главный, если не единственный аргументъ, помощью котораго защитники наполеоновской политики отрицають у ней самую мысль о посягательствахъ противъ порядка существующаго мнѣнъ на Востокъ.

Само собою разумѣется, что вознагражденіе италіянскихъ привацевъ Австрійскаго дома составляетъ весьма незначительный предметъ заботъ Наполеоновской политики. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣла ея несравненно обширнѣе и сложнѣе. Приєднавъ къ Австріи всю область Дуная и открывая ей берега Чернаго моря, Наполеонъ создаетъ между Россіей и Турціей непреодолимую преграду: по мнѣнію Тюльерійскаго кабинета, австрійскій императоръ сдѣлается въ этомъ случаѣ главой и представителемъ славянскаго племени, полагавшаго до сихъ поръ всѣ свои надежды на одну Россію. Австрія окажется тогда сильнѣе чѣмъ когда-либо, по мнѣнію французскихъ дипломатовъ; но за то интересы и вліяніе ея будутъ перенесены на востокъ, то-есть удалены отъ сферы вліянія Франціи, а потому не опасны для нея.

Какимъ образомъ Пруссія входитъ въ отдаленные расчеты наполеоновской политики? Вѣнскій конгрессъ оставилъ Пруссію въ существенно непріязненныхъ территоріальныхъ отношеніяхъ ко Франціи. Пруссія получила на вѣнскомъ конгрессѣ отъ заповѣданной зависти Австріи коварный даръ рейнскихъ провинцій, северная часть которыхъ была обшана Нидерландамъ. Этотъ макіавеллическій расчетъ Австріи подтверждается и объясняется слѣдующими словами князя Меттерниха барону Гагерну, посланнику короля Вильгельма I, который жаловался, что, въ противность всѣмъ обшаніямъ, Кельнъ и Ахель не присоединяются ко вновь создаемому Нидерландскому королевству: „Мы нашли нужнымъ, отвѣтилъ князь Меттернихъ, дать рейнскія провинціи Пруссіи, чтобы создать въ нихъ причину, которая навсегда *скомпрометируетъ* Пруссію передъ Франціей.“ * Само собою разумѣется, что на Вѣнскомъ конгрессѣ и передъ Пруссіей

* Изъ дописекія барона Гагерна.

причина эта выставлена совершенно иначе, а именно такъ, что въ виду возможности возобновленія безпорядковъ во Франціи, Пруссіи вручаются ключи военной силы этого неутомимаго врага спокойствія Европы, и вновь пожалованная ей владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна дѣлаются такимъ образомъ какъ бы авангардомъ Священнаго Союза.

Очевидно, что несмотря на всѣ глубокомысленные расчеты Вѣнскаго конгресса, и правительство, и народъ Франціи полагають до сихъ поръ, что ключи эти были бы гораздо болѣе на своемъ мѣстѣ въ Парижѣ чѣмъ въ Берлинѣ. Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что коварная цѣль Меттерниха достигнута нынѣ вполнѣ: споръ о *ключахъ Франціи* препятствуетъ прочному соглашенію между Пруссіей и Франціей. А потому расчеты французской политики естественно клонятся къ тому, чтобы отношенія между Пруссіей и Франціей утвердились на какихъ-либо иныхъ основаніяхъ, и чтобы честолюбіе прусской политики и германскаго патриотизма получили иное направленіе, — болѣе неблагоприятное для Россіи нежели для Франціи.

Что же касается Россіи, то при самомъ тщательномъ изслѣдованіи отношеній ея ко Франціи, нѣтъ никакой возможности открыть какую-нибудь серіозную причину той систематической неприязни, которую Франція постоянно оказываетъ не только ея правительству, но также и ея народу, и всему тому что касается ея интересовъ и убѣжденій. Само собою разумѣется, что въ этой враждѣ къ Россіи играетъ немалую роль польско-латинская пропаганда. Но римское духовенство еще болѣе сѣтуетъ и вредуетъ на Италію чѣмъ на Россію: почему же оказалось оно беспильнымъ поднять Наполеона противъ Италіи? Что же касается польской пропаганды, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, она служитъ не столько *причиной*, какъ *орудіемъ* недоброжелательства Наполеона III къ Россіи.

Къ сожалѣнію, многіе Русскіе, живущіе въ Парижѣ и имѣющіе сношенія съ здѣшнимъ императорскимъ дворомъ, упорно отрицають это недоброжелательство. Ослабленные придворною вѣжливостью, они не признають вліянія правительства ни въ одномъ изъ безпрестанныхъ проявленій неприязненнаго чувства. Навивность ихъ иногда простирается до того, что на безпрестанную руготню здѣшнихъ газетъ противъ всего русскаго они смотрять хладнокровно, какъ на проявленіе

свободы здѣшней печати. Что ни говори имъ, они никакъ не хотѣтъ повѣять, что каждый разъ какъ подобная свобода обнаруживалась насчетъ турецкаго или англійскаго правительства, одно или нѣсколько предостереженій немедленно напоминали журналистамъ, что пресловутая французская свобода имѣеть предѣлы довольно тѣсные. Но что касается Россіи, свобода французской печати распространяется не только на всевозможныя клеветы, а даже на подложные переводы царскихъ указовъ и на подложную передачу словъ самого императора Французовъ. Обыкновенное орудіе перваго рода подготовъ есть телеграфное агентство Гавасъ (Havas), пользующееся всевозможнымъ *покровительствомъ* правительства и управляемое прямо *дирекціей печати* состоящей при министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Известно какимъ образомъ въ 1864 году оно передѣлало на свой ладъ всѣ указы объ упраздненіи нѣкоторыхъ польскихъ монастырей. Сообщничество министерства въ этомъ случаѣ доказывается тѣмъ, что всѣ безъ исключенія иностранныя, но особенно *русскія газеты*, напечатавшія подлинныя указы, были задержаны въ министерствѣ въ продолженіе болѣе десяти дней, несмотря на повторенныя просьбы редакцій нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ газетъ подозрѣвавшихъ въ подлогѣ одно агентство Гавасъ. Цѣль министерства очевидно состояла въ томъ, чтобы дать время клерикальной печати изаить безпрекословно желчь свою по поводу подложнаго текста указовъ, и чтобы лишить противную сторону возможности сдѣлать какое-нибудь серіозное опроверженіе. Цѣль эта была достигнута, и когда наконецъ газета *le Nord* уличила агентство въ явномъ подлогѣ, напечатавъ разомъ оба текста, время уже было пропущено: объ указахъ никто болѣе не думалъ, и говоря парламентскимъ слогомъ, Парижане отвѣчали на всѣ возраженія Русскихъ: „*l'incident est vidé*“. Такимъ образомъ судъ, произнесенный публикой на основаніи подложнаго текста указовъ, сталъ обличенъ неоспоримымъ авторитетомъ *рыцарскаго дѣла* (*l'autorité de la chose jugée*).

Что же касается втораго рода подлоговъ, вотъ что случилось здѣсь въ этомъ родѣ, тому назадъ недѣли съ двѣ. Газета *l'Époque* перевела и перепечатала изъ какой-то заграничной газеты слѣдующія слова, будто бы сказанныя въ Новый Годъ императоромъ Наполеономъ III, русскому послу барону Бундбергу: „Я надѣюсь, м. г., что 1866 годъ нап-

детъ вашего Государя болѣе прежняго доступнымъ чувству челоуколюбія.“ * Въ этомъ случаѣ, подлогъ перенячилъ собственныя слова самого императора Французовъ. Такимъ образомъ, во смыслу здѣшняго законодательства, редакція газеты *l'Europe* подвергалась отвѣтственности несравненно болѣе строгой чѣмъ за простое *распространеніе ложныхъ свѣдѣній* (*délit de fausses nouvelles*). Известно, какъ строгъ въ этомъ случаѣ надзоръ не только министерства внутреннихъ дѣлъ, но и министерства юстиціи, ибо преданіе суду должно было потребовано генераль-прокуроромъ. Несмотря на заповѣдную въ подобныхъ случаяхъ строгость, оба министерства до сихъ поръ сохраняютъ безмятежное молчаніе: *ne ex primis primis*, они находятъ нужнымъ, на этотъ разъ, оказать самое глубокое почтеніе къ свободѣ печати. Не только о судѣ, даже о *предостереженіи* или о простомъ *сообщеніи* до сихъ поръ не было рѣчи. Защитники здѣшняго правительства утверждаютъ, что *есть* газеты напечатали опроверженіе подлога газеты *l'Europe*; но на просьбу мою указать мнѣ *хоть одну* изъ этихъ газетъ, кромѣ *le Nord*, я отвѣта не получалъ. Дѣло въ томъ, что ни *Moniteur*, ни *Constitutionnel*, ни *la France*, ни *Journal des Débats*, ни *la Presse*, ни одна изъ официальныхъ или офиціозныхъ газетъ, ни одна хоть изъ нѣсколькихъ серьезныхъ газетъ, не напечатали никакого опроверженія подлога *l'Europe*. Что же касается остальныхъ газетъ, то мнѣ кажется болѣе чѣмъ сомнительнымъ, чтобы *Siccle*, *Opinion Nationale* и прочія того же цвѣта газеты нашли нужнымъ показать въ этомъ случаѣ официальной печати примѣръ справедливости и вѣжливости какъ къ своему, такъ и къ союзному государю.

Но неприязнь къ Россіи выразилась въ этомъ году даже въ тронной рѣчи, при открытіи засѣданій законодательнаго

* Можетъ-быть не лишне будетъ здѣсь слова, дѣйствительно сказанныя въ Новый Годъ императоромъ Французовъ барону Будбергу: „Новый Годъ напоминаетъ мнѣ несчастіе, поразившее вашего Государя въ прошломъ году. Прошу васъ передать Его Величеству, что я надѣюсь,

корпуса. Въ этотъ разъ, какъ всегда, рѣчь эта не менѣе замѣчательна тѣмъ о чемъ она умалчиваетъ, нежели тѣмъ что въ ней высказано. Въ этомъ случаѣ мы, Рускіе, не можемъ не обратить вниманія на то, что несмотря на посѣщеніе Франціи самимъ русскимъ государемъ и его семействомъ, министръ Франціи, упомянувъ о сношеніяхъ своихъ съ цѣлою Европой и о свиданіяхъ своихъ съ королевою испанскою и съ королемъ португальскимъ, не нашелъ нужнымъ вымолвить нѣтъ слова о личноарязвенныхъ отношеніяхъ своихъ къ русскому государю. Вместо этого, въ параграфѣ посвященномъ свиданіямъ англійскаго флота съ французскимъ, царственный ораторъ не упустилъ случая, безъ всякой нужды, напомнить о Крымской войнѣ.

Но пора приступить къ главному предмету толковъ, пересудовъ и заботъ здѣшней публики, то-есть къ параграфу тронной рѣчи касающемуся Мексики и Северо-Американскихъ Штатовъ. Насчетъ измѣненія редакціи этого параграфа, въ публикѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что первоначально онъ былъ написанъ въ духѣ совершенно противоположномъ нынѣшнему, въ выраженіяхъ чрезвычайно рѣзкихъ и даже оскорбительныхъ для Соединенныхъ Штатовъ. Разказываютъ, что сойти министровъ ахнулъ отъ удивленія, если не отъ испуга, когда императоръ прочелъ ему этотъ параграфъ въ его первоначальномъ видѣ. Всѣ министры, кромѣ двухъ, маркиза Лавалетта и г-на Дюрюа, стали оспаривать и смыслъ, и выраженія прочтеннаго параграфа; а когда императоръ рѣшительно отказался отъ измѣненія первоначальной редакціи его, то всѣ министры-оппоненты объявили рѣшительно, что въ этомъ случаѣ они считаютъ своимъ долгомъ просить объ увольненіи ихъ отъ службы.

Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ вторая имперія, это первый примѣръ, что французскіе министры предпочли свои убѣжденія своей должности. Энергическое заявленіе ихъ не осталось безъ результата: и смыслъ, и выраженія параграфа нынѣ

настаиваетъ чтобы Французы держались въ Мексикѣ, и чтобы Сѣверо-Американскимъ Штатамъ не было сдѣлаано никакой уступки; а въ г. Дюрюи — безусловнымъ покло-неніемъ его всѣмъ проявленіямъ воли или мысли всякаго начальства.

Чтобъ объяснить себѣ какъ велика опасность угрожающая Французамъ въ случаѣ дальнѣйшаго пребыванія ихъ въ Мексикѣ, а также до какой степени завѣренія Наполеоновои рѣчи 22-го января насчетъ „откровенности его заявленій Сѣверной Америкѣ“ и насчетъ того что будто бы мексиканская экспедиція „не была противна интересамъ сѣверо-американскаго народа“, не худо припомнить нѣсколько документовъ превосходно характеризующихъ истинныя намеренія и виды какъ Франціи, такъ и Соединенныхъ Штатовъ въ Мексикѣ. Первый изъ этихъ документовъ есть посланіе президента Монро отъ 2-го декабря 1823 года. Въ этомъ посланіи, между прочимъ, сказано: „Чистосердечіе наше и дружественныя отношенія Соединенныхъ Штатовъ къ европейскимъ державамъ обязываютъ насъ объявить, что мы считали бы опасными для нашего спокойствія и нашей безопасности всякую попытку распространить ихъ систему на какую-нибудь часть этого полушарія. Что касается колоній и прочихъ владѣній европейскихъ державъ, то мы не вмѣшивались и не будемъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Но что касается правительствъ провозгласившихъ свою независимость и отстаивавшихъ ее, правительства, коихъ независимость признана нами по здоровомъ размышленіи и на основаніи законовъ справедливости, то мы не иначе могли бы взирать на вмѣшательство какой-нибудь европейской власти съ дѣлаю притѣснять ихъ или производить какой бы то ни было контроль надъ ними, какъ на проявленіе враждебнаго расположенія къ Соединеннымъ Штатамъ.“

Три года спустя, конгрессъ торжественно подтвердилъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ заявленіе президентскаго посланія 2-го декабря 1823 года:

„Соединенные Штаты“, сказано въ этомъ актѣ, „были и будутъ готовы во всякое время, при всякомъ случаѣ, противиться всякому вмѣшательству какой бы то ни было европейской державы въ дѣла Америки.“

Дипломатическіе документы, издаваемые нынѣ въ Вашинг-

тогда, доказываютъ, что Соединенные Штаты намѣрены, относительно Мексики, остаться вѣрными программѣ начертанной торжественнымъ объявленіемъ конгресса. Дѣйствительно, въ июлѣ мѣсяцѣ 1865 года, дипломатическій агентъ Максимилиана сдѣлалъ черезъ французскаго посланника, г. Монтолона, попытку склонить правительство Соединенныхъ Штатовъ къ признанію Мексиканской имперіи. Попытка не имѣла успѣха; а 16-го ноября г. Сьордъ написалъ г-ну Биджло, американскому посланнику въ Парижѣ, что присутствіе и дѣйствіе французской арміи въ Америкѣ прямо противоположны политикѣ и самой конституціи федеральнаго правительства.

Наконецъ, 16-го декабря г. Сьордъ пишетъ въ Парижъ г-ну Биджло, что президентъ желаетъ, чтобы французское правительство было извѣщено о двухъ предметахъ: 1) что Соединенные Штаты имѣютъ искреннее желаніе сохранить дружбу Франціи и 2) что сохраненіе этого союза подвергается *наминутной опасности*, если Франція будетъ продолжать свое вооруженное внимательство въ Мексикѣ, для низверженія въ ней республиканскихъ учрежденій и для основанія на ихъ развалинахъ иностраннаго монархическаго правительства.

Въ заключеніе г. Сьордъ объявляетъ, что Соединенные Штаты не намѣрены признать императора Максимилиана, даже по выводѣ французскихъ войскъ изъ Мексики.

Изъ тѣхъ же документовъ видно, что въ послѣднее время г. Друвиль-де-Лонсъ пишетъ г. Монтолону, что Франція готова будетъ вывести *при первой возможности* войска свои, если Соединенные Штаты согласятся признать за Максимилианомъ, по крайней мѣрѣ *de facto*, какую-нибудь политическую власть. Г. Сьордъ не согласился даже и на это предложеніе, находя его совершенно „непримѣнимымъ“.

Все предыдущее доказываетъ до какой степени сдѣлалось опасно для Французовъ дальнѣйшее пребываніе ихъ въ Мексикѣ. Теперь императору Французовъ предстоитъ трудная задача скрыть отъ народа, что онъ принужденъ отказаться отъ политики, которую самъ онъ не такъ давно называлъ „величайшимъ событіемъ“ своего царствованія. Но какъ признаться Французамъ, что онъ ошибся въ своихъ разчетахъ и что Французская имперія должна подчиниться волѣ республики Соединенныхъ Штатовъ? О подобномъ признаніи не могло

быть и рѣчи. вслѣдствіе чего всѣ усилія французскаго правительства нынѣ устремлены на то чтобы убѣдить легковерныхъ Французовъ, что войска только потому выводятся изъ Мексики что нынѣ достигнута *единственная* цѣль экспедиціи, состоящая въ томъ чтобы получить удовлетвореніе обидъ и убытковъ причиненныхъ французскимъ гражданамъ отъ Хуаресова правительства. Въ этомъ состоитъ вся мысль параграфовъ тронной рѣчи относящихся къ Мексикѣ и Соединеннымъ Штатамъ. Кроме того, приняты и разныя другія мѣры, въ числѣ коихъ нельзя не упомянуть о публикаціи вашигтонскихъ документовъ агентствомъ Гавасъ, выпустившимъ изъ числа ихъ все что могло сколько-нибудь оскорбить самолюбіе Французовъ и открыть имъ глаза на будущность Мексиканской имперіи. Само собою разумѣется, что вся офиціозная печать немедленно привалась за дѣло, чтобы придти на помощь правительству; болѣе же прочихъ отличалась на этомъ поприщѣ сенаторская газета *la France*.

Но, къ несчастію французскаго правительства, въ настоящее время не трудно отыскать его собственные офиціальныя документы, которые доказываютъ совершенно противное заявленіямъ тронной рѣчи 22-го января 1866 года, а именно, что пресловутое удовлетвореніе обидъ и убытковъ французскихъ гражданъ было лишь *предлогомъ*, а не *цѣлью* мексиканской экспедиціи. Такъ какъ эти документы столь же извѣстны въ Америкѣ какъ и въ Европѣ, то надо полагать, что „американскій народъ“ не легко убѣдится въ томъ, что „мексиканская экспедиція *не была противна его интересамъ*“.

Конвенція, заключенная 31-го октября 1861 года между Франціей, Испаніей и Англіей, формально опредѣляла, что всѣ три державы наравнѣ „обязываются не вмешиваться во внутреннія дѣла края и обѣщаютъ лишь *нравственную опору* могущимъ обнаружиться движеніямъ общественнаго мнѣнія“. Этотъ параграфъ подтверждалъ офиціальное заявленіе французскаго правительства, что дѣло идетъ единственно объ охраненіи интересовъ французскихъ гражданъ въ Мексикѣ, согласно съ чѣмъ, пять мѣсяцевъ поздыѣ, г. Бильйо называлъ „*амеррами*“ и „*фантастическими вымыслами*“ толки объ основаніи въ Мексикѣ монархіи въ пользу австрійскаго эрцгерцога.

Таковъ былъ въ то время смыслъ *осталь безъ исключенія* офиціальныя заявленія французскаго правительства насчетъ

цѣли мексиканской экспедиціи. Между тѣмъ, *уже 11-го октября 1861 года*, двадцать дней до заключенія конвенціи (31-го октября 1861 г.), г. Тувенель, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, писалъ г. Флао (Flahaut), французскому посланнику въ Лондонѣ: „Что касается формы этого правительства (будущаго мексиканскаго), то императоръ, устрояя предварительно всякую поддержку принца принадлежащаго къ императорскому семейству, увидѣлъ бы съ удовольствіемъ что выборъ Мексиканцевъ и согласіе державъ пали бы на принца Австрійскаго дома.“

Такихъ документовъ можно было бы привести не мало: вся переписка происходившая въ то время между Парижемъ, Лондономъ и Мадридомъ, по поводу *предстоящей* мексиканской экспедиціи, доказываетъ, что вопреки официальнымъ завѣреніямъ, тайная цѣль этой экспедиціи была создать мексиканскую монархію въ пользу австрійскаго эрцгерцога. Вся эта переписка происходила до заключенія конвенціи, обзавшей союзныя державы не *смѣшивать* ни *подъ какими видами* во внутреннія дѣла Мексики; и пять мѣсяцевъ послѣ той же переписки, г. Бильбо, говоря отъ имени правительства, называлъ *слѣшными сказками (fables ridicules)* слухи о томъ что уже давно было рѣшено между Наполеономъ и всеми его министрами.

Какое назиданіе для всѣхъ державъ расположенныхъ оказывать довѣріе утвержденіямъ настоящаго французскаго правительства!

Но неужели созданіе императорскаго престола въ Мексикѣ въ пользу австрійскаго принца было главною и конечною цѣлью этого колоссальнаго предпріятія? Напротивъ, императорскій престолъ и самъ Максимиліанъ были лишь простыми орудіями, слѣпными средствами для осуществленія плана несравненно болѣе обширнаго. Въ продолженіе полутора года со времени заключенія мексиканской конвенціи, планъ этотъ былъ тщательно скрытъ не только отъ союзниковъ, но и отъ самыхъ дѣятелей этой экспедиціи. При отправленіи генерала Лоренсе въ Мексику, Наполеонъ

его. * Въ этомъ письмѣ высказано рѣшительно, что основаніе новаго государства въ Мексикѣ имѣеть цѣлью сосредоточить латиноское племя въ центрѣ Америки, съ тѣмъ чтобы создать въ этомъ племени преграду наплывамъ англо-саксонскаго племени къ югу Нового Свѣта. Въ сущности, сльдственно, настоящая, колючая цѣль мексиканской экспедиціи состояла въ томъ, чтобы *противодѣйствовать всякимъ силамъ Соединенныхъ Штатовъ, зашкунуть ихъ на стѣрѣ и овладѣть, вмѣсто нихъ, побережьемъ залива господствующимъ надъ антильскими архипелагами, однимъ словомъ въ томъ чтобы основать и утѣплить* прежнее вліяніе Франціи въ центрѣ Америки, какъ единственное препятствіе, которое можетъ положить преграду развитію и расширенію власти Соединенныхъ Штатовъ.

* Чрезвычайная важность этого капитальнаго документа обязываетъ насъ передать его *in extenso*, въ подстрочномъ переводѣ изъ *Монитера*:

„Любезный генералъ!

„Фонтенбло, 3-го іюля 1862 г.

„Найдутся люди, которые спросятъ васъ, почему мы рѣшились пустить людей и деньги для основанія правительсва въ Мексикѣ.

„Въ настоящемъ положеніи цивилизаціи міра, процвѣтаніе Америки тѣсно связано съ интересами Европы, ибо она ослабляетъ наши фабрики лучшими продуктами и оживляетъ нашу торговлю. Наши интересы требуютъ, чтобы республика Соединенныхъ Штатовъ процвѣтала и была могущественна, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ желать чтобы она замыкала всѣмъ Мексиканскимъ заливомъ, господствовала тамъ какъ надъ Антильскими островами, такъ и надъ Южною Америкою, и была такимъ образомъ единственною обладательницею произведеній Нового Свѣта. Печальный опытъ показываетъ намъ какъ шатка судьба такой промышленности, которая обязана пріобрѣтать суровый матеріалъ единственно на одномъ только рынкѣ, котораго всѣ превратности она переноситъ.

„Если, напротивъ того, Мексика сохранитъ свою независимость и неприкосновенность своей территоріи, если правительство прочное установится тамъ съ помощію Франціи, то латиноскій элементъ пріобрѣтетъ тогда вѣсъ, по ту сторону Океана, свою силу и свое вліяніе; мы обезпечимъ тѣмъ безопасность нашихъ антильскихъ колоній и колоній испанскихъ; мы упрочимъ наше благотѣльное вліяніе въ центрѣ Америки, и это вліяніе, открывая нашей торговлѣ огромный сбытъ ея произведеній, доставитъ нашей промышленности необходимые матеріалы.

„Мексика, такимъ образомъ возстановленная, всегда будетъ благопріятна намъ, не только изъ благодарности, но и потому что ея интересы будутъ согласны съ нашими и что она будетъ имѣть для себя точку опоры въ дружелюбныхъ сношеніяхъ своихъ съ европейскими державами.

„Наполеонъ“.

Какъ же послѣ этого, объяснить приглашеніе отдѣльное отъ императора Наполеона Соединеннымъ Штатамъ принять участіе въ мексиканской экспедиціи? Отвѣтъ очень простъ: Наполеону очень хорошо было извѣстно, что въ самомъ разгарѣ гигантской внутренней борьбы, Соединеннымъ Штатамъ не было никакой возможности принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Приглашать, слѣдовательно, можно было совершенно безопасно, а выгода этого приглашенія состояла въ томъ, что оно отклоняло подозрѣніе сѣверной Америки насчетъ дѣйствительныхъ цѣлей и намѣреній французскаго правительства.

Нынѣ, передъ годичнымъ торжественнымъ собраніемъ представителей французскаго народа, его министровъ и правителей, также представителей цѣлой Европы и самой Америки, императоръ Французовъ утверждаетъ, что мексиканская экспедиція „не была противна интересамъ мексиканскаго народа“, и въ доказательство справедливости этого утвержденія, припоминаетъ отдѣльное отъ него Соединеннымъ Штатамъ предложеніе! Показаніе всѣхъ свидѣтелей удостовѣряетъ въ томъ, что въ то время когда императоръ Французовъ произносилъ эти слова, ни величавость его взгляда, ни спокойствіе его голоса не были нарушены ни на минуту.

Въ только что вышедшей книжкѣ *Revue des deux Mondes*, отъ 1-го февраля, г. Форкадъ выражаетъ надежду, что „американскій народъ не останется безчувственнымъ къ симпатическимъ словамъ обращеннымъ къ нему императорскою рѣчью“. Намъ кажется, что подобными словами можно обольстить развѣ только Французовъ, а никакъ не разсудительнымъ и свободнымъ народъ какъ Америкацы. Для нихъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что императорская Франція разчитывала на его несчастія, и имѣла въ виду нанести смертельный ударъ развитію и распространенію вліянія Соединенныхъ Штатовъ. Дѣйствительно, въ самомъ началѣ мексиканской экспедиціи, разрывъ между Южанами и Сѣверянами только что начинался; нельзя было предвидѣть тѣхъ громадныхъ размѣровъ, какихъ она достигла уже въ слѣдующемъ году и какіе потребовали сосредоточенія всѣхъ безъ изъятія силъ Сѣвера. Собирая эти обстоятельства, императоръ Наполеонъ очень необходимыми открытіями отъ всѣхъ дѣйствительныхъ намѣреній свои, и сообщалъ о нихъ своимъ союзникамъ только то въ чемъ они

никакъ не могли подозрѣвать какіе-либо замыслы о расширеніи на Америку вліянія Франціи. Что же касается Соединенныхъ Штатовъ, то приглашая ихъ участвовать въ мексиканской экспедиціи, Франція очевидно имѣла въ виду ввести ихъ въ заблужденіе даже насчетъ ближайшей цѣли похода, уже объявленной тогда Сентъ-Джемскому и Мадридскому кабинетамъ.

Вся эта обстановка приняла совершенно иной видъ въ началѣ 1862 г. Соезники Франціи остались вѣрны условіямъ конвенціи 31-го октября 1861 г., и отказались отъ употребленія оружія для достиженія заявленной ею цѣли экспедиціи. Съ другой стороны, Южане оказали сопротивленіе удивившее всю Европу, и блестящія победы ихъ, при неумѣннѣ Севера пользоваться своими первыми успѣхами, подали поводъ думать, что или борьба продолжится безконечно, или Югъ одержитъ верхъ надъ Северомъ, при чемъ воишь извѣстная стойкость и энергія англо-сакоонскаго племени неминуемо предади бы край продолжительной анархіи. Подъ вліяніемъ этихъ убѣжденій, французская политика вообразила, что настало время сбросить маску и высказать воиъ свои наміренія, на этотъ разъ уже прямо во враждебномъ для Соединенныхъ Штатовъ смыслѣ.

Нынѣ расчетъ этотъ оказался ошибочнымъ. Война между Южанами и Северянами окончена нѣсколькими громовыми ударами, которыхъ никто во Франціи не предвидѣлъ. Благодаря побѣдѣ, которой, въ цѣлой Европѣ, искренно сочувствовала только Россія, республика располагаетъ нынѣ полною свободою дѣйствій. Съ этой минуты, воиъ пламы французской политики рухнула безвозвратно. Зная лучше кого бы то ни было, насколько живы завѣренія о сочувствіяхъ Мексиканцевъ къ правительству будто бы созданному ими самими, Наполеонъ III не можетъ думать серьезно о томъ, чтобы отстаивать противъ Соединенныхъ Штатовъ существованіе Мексиканской имперіи.

Американскій народъ напоминаетъ всеиъ эти обстоятельства, и намъ кажется сомнительнымъ, чтобы компанменты рѣчи императора Французовъ произвели на него то дѣйствіе, о которомъ мечтаетъ г. Форкадъ, извѣстный впрочемъ своимъ подобострастіемъ къ императорскому правительству, особенно съ тѣхъ поръ какъ въ 1864 году министерство приобрѣло значительную часть учредительскихъ

мать *Revue des deux Mondes*. Его политическая хроника, въ клянкѣ отъ 1 февраля, вполнѣ оправдываетъ то что было сказано выше о роли порученной здѣсь офиціозной печати, въ видахъ успокоенія публики насчетъ исхода мексиканскаго дѣла, а особенно въ надежѣ скрыть отъ нея то ужасительное положеніе, которое Франція создала себѣ сама, подъ вліяніемъ честолюбивыхъ, но опрометчивыхъ замисловъ.

Но удастся ли французскому правительству ввести въ заблужденіе, по крайней мѣрѣ, свой собственный, безгранично легковѣрный и легкомысленный народъ? Можно положительно отвѣчать, что нѣтъ: даже и теперь истина начинаетъ просвѣчивать вездѣ...

Но этимъ дѣло не кончено. Французскимъ войскамъ надо оставить Мексику; а если вѣрять словамъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ опытныхъ и заслуженныхъ членовъ законодательнаго корпуса, это не такъ легко сдѣлать, какъ оно кажется. Говорятъ будто бы на Рио-Гранде сосредоточено до 20 батальоновъ Северо-Американцевъ; какъ только въ нихъ окажется нужда, они могутъ перебраться черезъ Рио-Гранде. Но и безъ нихъ отступление Французовъ можетъ быть далеко не безопасно. Войска ихъ растянуты на значительномъ протяженіи; посадить ихъ всѣ разомъ на суда почти невозможно; а часть оставшая можетъ имѣть противъ себя значительныя массы туземцевъ и северо-американскихъ флибустьеровъ, въ которыхъ, вѣроятно, недостатка не окажется.

Положеніе же остальныхъ бельгійскихъ и австрійскихъ войскъ, и также положеніе французскаго иностраннаго легіона, послѣ отплытія французскихъ войскъ можетъ сдѣлаться просто отчаяннымъ, тѣмъ болѣе что слухъ о письмѣ, въ которомъ императоръ Максимилианъ будто бы извѣстивъ Наполеона III, что онъ не останется въ Мексику по выводѣ французскихъ войскъ, — начинаетъ пользоваться все болѣе большимъ довѣріемъ здѣшной публики. Говорятъ будто Наполеонъ, въ отвѣтъ на это письмо, просилъ Максимилиана только объ одномъ: не объявлять о своемъ намереніи до вывода французскихъ войскъ. Все это кажется здѣшней публикѣ тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что на дняхъ разнесся слухъ будто бы самъ маршалъ Базель писалъ, что послѣ полученія императрицей мексиканскою огромнаго подарка (82 милліона) по смерти отца ея, короля Леопольда, императоръ Максимилианъ только и мечтаетъ о скорѣйшемъ

возвращеніи въ прекрасный замокъ Мирмаръ, на украшеніе котораго было послано изъ Мексика 2.500.000 ф., при получении первыхъ денегъ заключеннаго въ Парижѣ займа.

Но что же будетъ съ французскими капиталистами, поставившими свои деньги этому займу? что будетъ съ возмещеніемъ военныхъ расходовъ Франціи (270 милліоновъ), уже занесенныхъ въ приходъ бюджета представленнаго на рассмотрениеъ законодательнаго сословія? что будетъ наконецъ съ французскимъ орденомъ иностраннаго легіона и со всеми другими европейскими войсками оставленными въ Мексикѣ? Если Максимиліанъ увидитъ съ послѣдними французскими батальонами, надо полагать, что всѣ послѣдующія бѣдствія будутъ сложены на него; во всякомъ случаѣ, о продолженіи существованія Мексиканской имперіи никто здѣсь не позволитъ себѣ и мыслить, кромѣ агентовъ здѣшняго правительства и, въ числѣ ихъ, предавшихъ Наполеону представителей разныхъ мелкихъ государствъ Германіи, которые положительно утверждаютъ, что Мексиканцы одни не посмѣютъ и даже не захотятъ посягнуть на собственное свое произведеніе, Мексиканско-Нѣмецко-Французскую имперію, а что касается Соединенныхъ Штатовъ, то горсти европейскіхъ войскъ, оставленныхъ въ Мексикѣ, больше чѣмъ достаточно чтобы разогнать ея изъ полчища!

Кажется, что оказаннаго выше достаточно чтобы опредѣлить настоящее значеніе императорской рѣчи. Вопреки всемъ увѣреніямъ оффиціозной печати, вліяніе ея здѣсь оказалось совершенно неблагоприятнымъ для императора. По части иностранной политики, даже для самыхъ несвѣдущихъ людей очевидно, что тонъ и выраженія ея рѣко противорѣчатъ общему характеру прежнихъ рѣчей Наполеона, и что то событіе, о которомъ самъ Наполеонъ III и всѣ его министры безпрестанно отсылались какъ о „величайшемъ событіи“ его царствованія, въ сущности оказывается самою необдуманною и опрометчивою выходкою его царствованія. Не меньшимъ разочарованіемъ звучитъ часть рѣчи Наполеона III, относящаяся ко внутреннимъ дѣламъ Франціи. Послѣ *идиллическаго* описанія ея спокойствія, ея благоденствія, указавъ особенно на то, что „учрежденія Франціи дѣствуютъ посреди народонаселенія *довольныхъ и довольныхъ*“, Наполеонъ III заключаетъ рѣзкостью противъ той группы искренно предавшихъ империалистовъ, которые обнаружили

желаніе образовать срединную, умѣренную партію, столь же чуждую рабочьему покорству большинства законодательнаго корпуса, какъ и систематическому сопротивленію крайней оппозиціи. Что же касается сходства найденнаго императорскою рѣчью между учрежденіями императорской Франціи и учрежденіями Соединенныхъ Штатовъ, то это, само собою разумѣется, не могло возбудить ничего кромѣ улыбокъ, даже въ массахъ парижскаго рабочаго населенія.

На дняхъ появилась здѣсь статья *Московскихъ Вѣдомостей* о приѣмѣ американскаго посланника въ Москвѣ. Всѣ здѣшнія газеты перепечатавали и разбирали ее, сознаваясь единодушно, на разные голоса и тоны, что Франціи нельзя оставлять безъ вниманія явныхъ сочувствій Россіи къ Соединеннымъ Штатамъ. Очень можетъ быть, что подъ вліяніемъ этого всеобщаго заключенія, властитель Франціи пожалѣетъ теперь, что вмѣсто презрительнаго молчанія о Россіи и напоминанія о Крымской войнѣ, онъ не высказалъ намъ хотя части тѣхъ *принужденныхъ* любезностей, помощью которыхъ онъ надѣется задобрить американскій народъ.

АЛЕКЪ.

ВЪ КОНТОРЪ
УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ,

на Страстномъ бульварѣ,

продаются слѣдующія книги:

ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА. Ав. Ананьева, бывшаго директора Тверской гимназіи и составителя Латинскаго Словаря, изд. пр. Леонтьевымъ. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ВОПРОСЪ О НАПРАВЛЕНІИ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ РОССИИ. Передовыя статьи *Московскихъ Вѣдомостей*. Цѣна 60 к., съ пересылкою 75 коп. сер.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Драшусова. Два тома съ семью рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861—1862. Цѣна за оба тома 3 р. 50 к. сер.; пер. за 3 ф.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь Негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. с.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. сер.

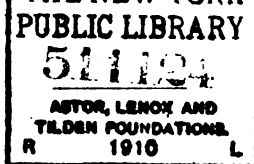
ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефана. М. 1856 г. Ц. 70 к., съ пер. 85 к.

ПОЛНЫЙ ЛАТИНСКІЙ СЛОВАРЬ, составленный по современнымъ словарямъ Ананьевымъ, Яснецкимъ и Лебединскимъ и изданный П. Леонтьевымъ. Цѣна Полнаго Латинскаго Словаря у книгопродавцевъ Москвы и Петербурга 4 руб. сер.

СОКРАЩЕННЫЙ ЛАТИНСКІЙ СЛОВАРЬ Ананьева

ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕРЖАВИНА, L

КАКЪ ПОСТА*

Есть въ прошедшемъ явленія, которыя кажутся до того знакомыми, такъ полно изученными, что возвращаться къ нимъ, повидимому, излишне. Но такой взглядъ угрожаетъ критикѣ односторонностью и предубѣжденіемъ. Историческое безпристрастіе не боится смотрѣть на каждый фактъ прямо и открыто, какъ будто бы онъ въ первый разъ возникалъ передъ нами. И именно тогда, когда вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ распространится въ обществѣ извѣстный взглядъ на явленіе минувшаго, всего нужнѣе бываетъ подвергнуть его новому анализу. Такимъ явленіемъ представляется въ настоящее время Державинъ. Случайнымъ обстоятельствомъ этого рода въ отношеніи къ нему было недавнее изданіе его *Записокъ*, въ эпоху самую неблагоприятную для спокойной оцѣнки отжившихъ дѣятелей. При этомъ случаѣ въ большей части нашихъ журналовъ произнесень былъ беспощадный приговоръ всей дѣятельности Державина, его литературному и гражданскому значенію, даже его поэтическому таланту. Здѣсь не мѣсто касаться настоящихъ причинъ такой строгости; довольно замѣтить, что по поводу загробныхъ записокъ Державина въ литературѣ возбуждено было прѣтивъ него предубѣжденіе, которое отчасти продолжается еще и теперь. Это доказываютъ между прочимъ взводимыя на него голословныя обвиненія по дѣлу Радищева, тогда какъ изъ напечатанныхъ недавно документовъ можно извлечь относительно Державина одно только поло-

* Читана въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ, 29-го декабря 1866 года.

жительное свидѣніе, что Радищевъ доставилъ ему черезъ Козодавлева экземпляръ своей книги. Затѣмъ все остальное, будто бы поэтъ поднесъ этотъ экземпляръ съ своими замѣчаніями императрицѣ и проч., основано на однихъ догадкахъ и слухахъ, которые, при ближайшемъ изслѣдованіи, оказываются очень сомнительными.

Какъ бы ни было, толки и нападенія подобнаго характера не вызываются предметами, лишеными интереса и значенія. Интересъ, соединенный съ изученіемъ Державина, давно побудилъ насъ заняться подробнымъ пересмотромъ его жизни, трудовъ и значенія. Такой пересмотръ оказался необходимымъ, когда толки, возбуждаемые *Записками* Державина, обратили на него общее вниманіе. Теперь, съ выходомъ III тома издаваемыхъ Академіей сочиненій этого писателя, всѣ *поэтическія* произведенія его находятся въ рукахъ публики, и намъ кажется своевременнымъ попытаться охарактеризовать его какъ поэта.

Между русскими писателями XVIII вѣка Державинъ есть одно изъ самыхъ живыхъ лицъ. Это не Херасковъ или Петровъ, писанія которыхъ отталкиваютъ своею безжизненностью. Въ Державинѣ жила кипучая сила, ознаменовавшаяся дѣятельностью не только разнообразною, но и чрезвычайно производительною. Масса того что онъ успѣлъ написать въ свой долгій, но и тревожный вѣкъ, изумительна. Это одинъ изъ наиболее плодотворныхъ русскихъ писателей. Вотъ первая трудность полнаго изученія Державина. Другая причина, почему критикъ не легко установить свой взглядъ на него, заключается въ разнородности его сочиненій какъ по содержанію, такъ и по достоинству. Превосходное смѣшано у него не только съ посредственнымъ, но и съ дурнымъ, и потому вѣрная оцѣнка его требуетъ совершеннаго безпристрастія. Естественно, что въ сужденія о такомъ писателѣ должно входить много субъективнаго: каждый судить о немъ по тѣмъ изъ своихъ впечатлѣній, которыя оказываются сильнѣе: одинъ болѣе поражается красотами его, другой—не-

это очень понятно: справедливость требуетъ прямо допустить, что поэзія Державина представляетъ много такого, чему новое время не можетъ сочувствовать. Намъ прежде всего не сочувственны духъ и цѣль оды XVIII столѣтія, съ которою не различно восхваленіе лицъ, легко впадающее въ угодливость и лесть изъ корыстныхъ видовъ. Но намъ не сочувственна и самая форма этой оды, главная изъ тѣхъ формъ, въ которыя отливались созданія Державина. Сама по себѣ ода, какъ проявленіе высшаго лиризма, не есть ложный родъ поэзіи и можетъ быть свойственна всѣмъ временамъ; но характеръ и форма ея должны видоизмѣняться по требованіямъ каждой эпохи. Литература, вмѣстѣ съ жизнью, постоянно стремится къ упрощенію формъ, отвергая все искусственное, всякую ложь, всякое излишество, всякое незаконное стѣсненіе. Свобода и простота во всѣхъ отправленияхъ жизни, вотъ одна изъ главныхъ задачъ новаго времени. Правда, что ода Державина вовсе не похожа на другія тогдашнія оды; что онъ, избравъ темой какое-нибудь событіе, съ изумительною свободой раздвигаетъ свою рамку и отъ частнаго съ необычайною силой воображенія и мысли переходитъ къ общему. Правда, что онъ торжественный и важный тонъ оды смѣняетъ шуточнымъ и забавнымъ, что онъ къ похвалѣ примѣшиваетъ тонкую и остроумную сатиру. Но справедливо однакожь и то, что въ одахъ его рядомъ съ глубоко-поэтическими красотоми встрѣчается много риторическаго пафоса, что онъ вообще не выдержаны и часто слишкомъ длинны, что поэтъ иногда послѣ необыкновеннаго возвышенія вдругъ падаетъ; что языкъ его доходитъ мѣстами до величайшей небрежности, что онъ тогда не можетъ совладать ни со стихомъ, ни съ языкомъ. При такихъ неровностяхъ исчезаетъ все, что могло бы еще мирить насъ съ искусственностью оды, исчезаетъ стройность формы, гармонія звуковъ и правильность языка.

Неровность языка составляетъ одно изъ существенныхъ по-

нецъ, рядомъ съ совершеннымъ невѣдѣніемъ теоріи слова у него является удивительное богатство матеріала изъ всѣхъ сферъ языка: изъ церковно-славянскаго, изъ русскаго книжнаго, изъ простонароднаго, и даже изъ областныхъ нарѣчій. Такимъ образомъ онъ представляетъ блистательное исключеніе изъ высказаннаго Сумароковымъ правила:

„Нельзя, чтобъ тотъ себя письмомъ своимъ прославилъ,
Кто грамматическихъ не знаетъ свойствъ и правилъ.“

Противорѣчія, замѣчаемая въ стихотворномъ языкѣ Державина, объясняются тѣмъ, что онъ, обладая изумительнымъ природнымъ чутьемъ, вообще отличающимъ талантъ, могъ удачно побѣждать трудности версификаціи только тогда, когда былъ окрыленъ вдохновеніемъ, но, никогда не выкавъ въ разнообразныя формы и законы языка, не умѣлъ совладать съ нимъ въ обыкновенномъ, какъ бы будничномъ настроеніи духа. Точно также онъ вовсе не имѣлъ понятія о законахъ художественности поэтическаго произведенія, и оттого-то проистекаетъ господствующее въ его одахъ отсутствіе выдержанности и изящества. Эти два существенные недостатка его стихотвореній,—неровность языка и слабость художественнаго элемента, всегда останутся тѣнями въ его поэтической славѣ.

Но нашъ взглядъ на писателя другой эпохи никогда не будетъ вѣренъ, если мы, увлекаясь только требованіями настоящаго, не будемъ умѣть стать твердо на почву исторической критики. Посмотримъ теперь, чѣмъ Державинъ былъ для своихъ современниковъ.

Конечно тогдашнее общество сознавало живую его связь съ собою: иначе оно не могло бы такъ глубоко сочувствовать его поэзіи. Потомкамъ трудно представить себѣ немовѣрную славу, какою Державинъ пользовался въ свое время. Послѣ Ломоносова въ русской литературѣ только и

извѣстному графу Мусину-Пушкину отгискъ своей только-что отпечатанной оды *Колесница*, тотъ писалъ къ нему: „Напрасно не поставили вы своего имени; всѣ тѣ, которые у меня оную читали, единогласно сказали, что это вашего пера. Копій столько писецъ мой писалъ по требованіямъ желающихъ, что думаю, онъ знаетъ ее теперь наизусть.“ Въ современныхъ поэту періодическихъ изданіяхъ и рукописныхъ сборникахъ встрѣчается безчисленное множество стиховъ, которыхъ предметомъ онъ, его талантъ, его громадная слава, наконецъ его достоинства и заслуги: справедливость, любовь къ добру и къ человечеству. Многіе изъ лучшихъ людей эпохи платили дань удивленія Державину: не говоря о самой Екатеринѣ, которая съ большою разборчивостью отличала достоинство, не говоря о Потемкинѣ, Суворовѣ и другихъ, которые могли быть пристрастны, можно назвать Дашкову, Львова, Хемницера, Капниста, Карамзина, Дмитриева, Озерова, Храповицкаго и многихъ другихъ, оставившихъ несомнѣныя свидѣтельства своего глубокаго уваженія къ Державину.

Поэтому любопытно изслѣдовать, что именно въ такой степени влекло къ нему современниковъ, почему они такъ почитали и цѣнили его. Необходимо всмотрѣться дѣйствительно ли на нихъ вѣчные, нестарѣющіеся элементы поэзіи, или только случайные интересы минуты, теряющіе цѣну для потомства.

Когда началась литературная извѣстность Державина, прошло уже около двадцати лѣтъ съ воцаренія Екатерины. Уже давно славилась ея *Наказъ*, учреждены были банки и Воспитательные дома, присоединена Бѣлоруссія, заключенъ миръ въ Кучукъ-Кайнарджи, устраивались намѣстничества. Государыня успѣла уже поразить воображеніе своихъ подданныхъ блескомъ славныхъ дѣлъ и внушить имъ довѣріе къ ея мудрости и величію; уже чувствовалась кроткій и благотворный духъ ея правленія. Много было попытокъ воздать ей сти-

зрѣніями и цѣлами, съ своею спусходительною привѣтливостію, съ своими литературными занятіями въ тиши царственнаго кабинета.

Притомъ она явилась тутъ не одна, но во всемъ своемъ блестящемъ окруженіи, въ средѣ своихъ пышныхъ и прихотливыхъ вельможъ. Въ описаніи ея и ихъ образа жизни, въ томъ обращеніи поэта къ сильнымъ міра, обитающимъ на высотахъ, считавшихся недосягаемыми, было столько новаго и смѣлаго, что образованное общество съ восторгомъ привѣтствовало появленіе необыкновеннаго таланта.

Но *Фелица* имѣла еще и другое, чисто-литературное значеніе. Не задолго передъ тѣмъ начали слышаться выходки противъ тяжелыхъ, бездушныхъ одъ, которыя наводняли литературу; уже ощущалась потребность чего-нибудь болѣе живаго, и *Фелица* явилась неожиданнымъ отвѣтомъ на эту потребность. Шуточно-сатирическій тонъ этой оды, простой языкъ ея и легкій, естественный стихъ были такъ поразительны, что произведенное ею впечатлѣніе можетъ быть сравнено развѣ только съ тѣмъ, какое ода Ломоносова на взятіе Хотана произвела на его современниковъ своимъ новымъ размѣромъ и складомъ.

Но самымъ существеннымъ условіемъ успѣха *Фелицы* была та искренность, которую въ ней почувствовали, и это свойство, безъ котораго немыслимо полное торжество таланта, сдѣлалось вообще одною изъ отличительныхъ принадлежностей поэзіи Державина. Безъ искренняго чувства оны не могъ воодушевляться; тогда ни одинъ писатель не становился такъ безсиленъ, какъ Державинъ. Однихъ житейскихъ побужденій было недостаточно чтобы дать крылья его таланту оды *Изображеніе Фелицы* и *На восшествіе на престолъ императора Павла* предпринялъ оны, какъ самъ сознается, съ тѣмъ чтобы поправить свое положеніе при дворѣ; но оны удалисъ ему только потому что оны дѣйствительно чувствовалъ то что говорилъ. Напротивъ, когда императрица приблизила его къ себѣ, сдѣлавъ его своимъ секретаремъ, когда для него была бы особенно выгодна роль придворнаго пѣвца, тѣмъ болѣе что сама Екатерина не разъ вызывала его писать стихи въ родѣ *Фелицы*, оны не въ состояніи былъ создать ничего подобнаго, потому что, какъ самъ говорить, приближеніе ко двору, гдѣ оны увидѣлъ передъ собою игру человеческихъ страстей, охладило его и оны уже „почти ничего не могъ

написать горячимъ, чистымъ сердцемъ въ похвалу государыни⁴. Тогда-то вырвалось у него четверостишіе:

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Щипить бѣдняжка вмѣсто свисту,
А ей твердятъ: Пой, птичка, пой!

Придворнымъ стихотворцемъ въ собственномъ значеніи этого слова Державинъ никогда не былъ и не могъ быть. Правда, что духъ современной ему литературы и самыя обстоятельства сильно влекли его въ сферу подобной дѣятельности; но тому противились, съ одной стороны, сила и самобытность его таланта, а съ другой, его энергическій характеръ, въ которомъ сама Екатерина замѣчала строптивость. Когда онъ, управляя Тамбовскою губерніей, поссорился съ генераль-губернаторомъ Гудовичемъ, то попалъ подъ судъ, но послѣ былъ оправданъ, и на аудіенціи у императрицы въ Царскомъ Селѣ благодарилъ ее за правосудіе. Она, подавъ руку, сказала, что не за что; потомъ, вступивъ съ нимъ въ нѣкоторыя объясненія по его дѣлу, спросила:

— Но не имѣете ли въ нравѣ вашемъ чего-нибудь строптиваго, что ни съ кѣмъ не уживаетесь?

— Я служилъ съ самаго простаго солдатства и потому, зная, умѣлъ повиноваться, когда дошелъ до такого чина.

— Но для чего же раздорилъ съ Тутолминымъ (оловонецкимъ генераль-губернаторомъ)?

— Онъ издалъ свои законы, а я присягалъ исполнять только ваши.

— Для чего же разошелся съ Вяземскимъ?

— Онъ началъ насмѣхаться надо мною и притѣснять за написанную мною похвалу *Фелицѣ*.

— А для чего не поладилъ съ Гудовичемъ?

— Онъ не рачилъ о вашихъ интересахъ, о чемъ я хочу бумаги представить.

— Хорошо, опослѣ: я дамъ тебѣ твое жалованье и опре-

подходятъ подъ этотъ разрядъ стихотворства, то по разсѣян-нымъ въ нихъ истиннымъ красотамъ поэзіи онѣ носятъ одна-кожь печать самостоятельныхъ созданій. Слѣдуетъ замѣтить, что въ отношеніи почти ко всемъ фаворитамъ Екатерины Державинъ хранилъ молчаніе. Даже Потемкина, при жизни его, онъ хвалилъ мало; въ Платонѣ Зубовѣ онъ похвалялъ его музыкальный талантъ и привѣтствовалъ этого вельможу за ласковый пріемъ въ его домѣ. Валеріанъ Зубовъ внушилъ ему стихи своимъ несчастіемъ въ Польшѣ и подвигомъ въ Персіи: Державинъ искренно уважалъ его, какъ человѣка Надъ Завадовскимъ напротивъ, онъ позволилъ себѣ разные шутки въ одѣ *На счастье*. О другихъ любимцахъ нѣтъ и по-мину въ его стихахъ. Нельзя также забыть, что Суворова и Валеріана Зубова онъ продолжалъ воспѣвать въ то время, когда они были въ немилости, и въ какую же эпоху? въ царствованіе императора Павла. Когда, при его востшествіи на престоль, этотъ графъ Зубовъ былъ внезапно отозванъ изъ Персіи, князь С. Ѡ. Голицынъ, встрѣтясь съ Державинымъ при дворѣ, иронически замѣтилъ, что теперь онъ ужъ не напишетъ стиховъ въ честь опальнаго. Вы увидите, возразилъ Державинъ, и возвратясь домой, написалъ одну изъ прекраснѣйшихъ своихъ одъ, которая, правда, оставалась долго не напечатанною, однако тогда же сдѣлалась извѣстною въ спискахъ. Привѣтствуя императора Павла при его воцареніи, Державинъ былъ искренно оживленъ надеждами, которыя съ нимъ раздѣляли всѣ, видя благія намѣренія и первыя дѣйствія новаго государя. Впрочемъ поэтъ самъ сознавалъ затруднительное положеніе тогдашняго русскаго лирика. Пріятель его, статсъ-секретарь Храповицкій, въ дружескомъ посланіи упрекнулъ его за то, что онъ хвалитъ иногда недостойныхъ, при чемъ указалъ особенно на Потемкина и на Зубовыхъ.

„Достойны громкихъ славы звуковъ
 Пожарскій, Милннъ, Долгоруковъ
 И за Дунаемъ храбрый Петръ;
 Но Зубовыхъ дѣла не громки,
 И спрячь Потемкинскихъ въ потемки:
 Какъ пузырей, ихъ свѣтъ вѣтръ.“

Державинъ въ отвѣтъ своимъ говоритъ чистосердечно:

Страха скованнымъ цѣпами
 И рожденнымъ подъ жезломъ,
 Можно ль орлими крылами
 Къ солнцу намъ парить умомъ?

Чувствуемъ яро свое.
Должны мы всегда стараться,
Чтобы сильнымъ угождать,
Ихъ любимцамъ поклоняться,
Словомъ, взглядомъ ихъ ласкать.
Рабъ и похвалить не можетъ:
Онъ лишь можетъ только льстить!

Замѣтимъ однакожь, что не только упрекъ Храповицкаго былъ не вполне справедливъ, но и приведенный имъ примѣръ неудаченъ. Платона Зубова Державинъ не хвалилъ за его дѣла, а въ одѣ *На умѣренность* высказалъ даже нѣсколько суровыхъ совѣтовъ этому вельможѣ, который, по его словамъ, хотя и имѣлъ многія любезныя качества, но былъ неуверенно гордъ и скрытенъ. Напримѣръ онъ ему говорилъ:

Умѣй быть безъ обиды скроменъ,
Осанить, твердъ, но не гордецъ,
Рѣшимъ безъ скорости, спокоенъ,
Безъ хитрости ловецъ сердецъ.
Вздуй въ ясномъ паруса лазурѣ,
Умѣй ихъ не сронить и въ бурѣ.

Т.-е., объясняетъ Державинъ, умѣй при несчастіи быть твердымъ; но, прибавляетъ онъ, „Зубовъ сего качества не имѣлъ, и когда взошелъ на престолъ императоръ Павелъ, онъ такъ струсилъ, что жалко было на него смотрѣть“.

Совсѣмъ иначе относился Державинъ къ Потемкину. Своимъ *Водопадъ* онъ воплотилъ въ величественный и вѣчный образъ свое глубоко-поэтическое пониманіе этого необыкновеннаго человѣка, который еще далеко не разъясненъ исторіей, но котораго Екатерина конечно не даромъ такъ высоко цѣнила, который не даромъ сохранилъ до конца полную ея довѣренность и оставался во всѣхъ обстоятельствахъ ея соувѣтникомъ. „Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ, могущъ, хотя и не въ порфирѣ.“

Не ты ли, счастье, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды, —
Не ты ли съ высоты частей
Внезапно палъ среди степенъ?
Не ты ль, который извѣститъ смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины,
и

Потухъ лавровый твой вѣнокъ,
 Грамена булава упала,
 Мечъ въ полножыи уйдти чуть могъ....
 Екатерина възрыдала!

Въ этой удивительной одѣ Державинъ проявилъ во всей полнотѣ именно ту сторону своего духа, въ которой главнымъ образомъ заключалась тайна его могущественнаго дѣйствія на современниковъ. *Пѣснопѣе величія* назвалъ его Гоголь, и это слово глубоко-вѣрно. Такимъ является Державинъ въ двухъ отношеніяхъ: какъ истолкователь великихъ общечеловѣческихъ идей и какъ провозвѣстникъ величія Россіи и русскаго народа.

Если обратимся къ общимъ направленіямъ XVIII столѣтія, то найдемъ, что важная дума о человѣкѣ, о его отношеніи къ высшему міру и положеніи въ здѣшнемъ составляла вездѣ одну изъ господствующихъ темъ литературы и искусства. Это настроеніе проникло и къ намъ, но тогда какъ у другихъ русскіхъ писателей оно пораждало только скучное прозаическое нравоученіе, оно же у Державина становилось основой сильнаго и глубокаго лиризма. Даже и изъ лириковъ другихъ націй не было ни одного, который бы такими рѣзкими чертами, въ такихъ потрясающихъ картинахъ, умѣлъ выставять противоположность между роскошью земныхъ наслажденій и ихъ непрочностью, и вмѣстѣ такъ осязательно изображать высоту духовной нашей природы.

Насъ не должно поражать, что Державинъ въ дѣйствительной жизни самъ не всегда удовлетворяетъ требованіямъ высокаго нравственнаго закона. Въ немъ живутъ какъ бы *два человека*: одинъ въ минуты творчества съ величавымъ, недостижимымъ идеаломъ челоуѣческаго достоинства, другой въ тревожнѣхъ житейской суеты, со всѣми страстями и слабостями челоуѣческой природы. Эту двойственность поэта прекрасно выразилъ Пушкинъ, сознававшій ее въ самомъ себѣ, и къ Державину, столько же какъ къ нему самому, примѣняется сказанное имъ о поэтѣ, поглощенномъ прозою жизни:

„Молчить его святая лира,
 Душа вкушаетъ хладный сыръ,
 И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
 Быть-можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.“

Зная исторію дѣтства и юности Державина, мы недоумѣваемъ, какъ могъ развиться такой высокій идеалъ въ челоуѣ-

къ, который не получилъ почти никакого воспитанія и провель лучшій возрастъ въ самомъ дурномъ обществѣ, — сперва рядовымъ, въ низшей полковой сферѣ, а потомъ офицеромъ, въ омутѣ разврата, въ праздности, карточной игрѣ и разгулѣ волякаго рода. Но здѣсь мы находимъ и разгадку явленія. Изъ гибельной борьбы страстей эта сильная натура вышла съ торжествомъ, благодаря глубоко запавшимъ въ молодую душу урокамъ жизни. Проведя дѣтство въ средѣ благочестивой русской семьи, изъ деревнѣ, онъ вынесъ оттуда навсегда самыя благотворныя впечатлѣнія. Десяти лѣтъ отъ роду онъ уже лишился отца. Нужда и притѣсненія, съ которыми пришлось бороться его матери, сильно подѣйствовали на его душу. Эта-то связь съ родительскимъ домомъ удержала поэта на краю бездны, у которой онъ стоялъ, когда 27 лѣтъ отъ роду жилъ по службѣ въ Москвѣ: негодуя на самого себя, онъ наконецъ рѣшился воспрянуть изъ грязи порока, и свое примиреніе съ совѣстью запечатлѣлъ неизвѣстными доселѣ стихами *Раскаяніе*, въ которыхъ сознается, что онъ уже

„Повѣся, мотъ, буая, картежникъ очутился...
 Порочною жизнію талантъ свой погубилъ;
 Презрѣвъ теперь отъ всѣхъ, отъ всѣхъ унижаемъ...
 О городъ роскоши, распутства и вреда!
 Ты людямъ молодымъ и горестъ и бѣда:
 Отдай скорѣй, прошу, отдай свободу мѣй!“

Наконецъ, говорить онъ въ своихъ *Запискахъ*, „возгнушавшись самъ собою, онъ взялъ у пріятели матери своей 50 рублей, бросился въ сани и поскакалъ безъ оглядки въ Петербургъ“.

Это дорого-купленное нравственное перерожденіе отразилось въ поэзіи Державина религіознымъ ея направленіемъ въ послѣдующее время. Самымъ рѣшительнымъ выраженіемъ этого направленія была его ода *Успокоенное неспріе*, которая по собственнымъ его словамъ, первая обратила на него вниманіе любителей литературы. Такимъ образомъ и въ области духовной лирики, въ которой вѣдомъ его славы сдѣлалась въ послѣдствіи ода *Богъ*, Державинъ собственнымъ опытомъ выстрадалъ свое творчество, и здѣсь мы опять встрѣчаемся съ тою искренностью, на которую уже было указано какъ на одно изъ существенныхъ свойствъ его духа и о которой самъ онъ говорить въ своемъ *Признаніи*:

„Я любилъ чистосердечье,
Думалъ нравиться лишь мнѣ:
Умъ и сердце человѣче
Были гениемъ моимъ.“

Объ одѣ *Богъ* въ наше время судили различно. Съ своей стороны замѣчу только, что причины ея безпримѣрнаго успѣха должно искать въ силѣ ея лирическаго полета, глубинѣ религіознаго убѣжденія и величїи начертанныхъ въ ней образовъ. Сравнивъ оду *Богъ* съ лучшими произведеніями другихъ европейскихъ литературъ въ томъ же родѣ, мы будемъ невольно поражены ея превосходствомъ со стороны быстроты движенія, высоты лиризма и поражающей картинности.

Потрясая своихъ современниковъ, какъ защитникъ Божїей правды на землѣ, Державинъ не менѣе возбуждалъ ихъ сочувствіе пламеннымъ изображеніемъ величїя судебъ Россїи, ея исполннческой силы и обширности, ея грознаго торжества надъ всѣми врагами. То была пора гордаго юношескаго самосознанія русскаго общества, и Державинъ сдѣлался органомъ этого сознанія или, вѣрнѣе, самочувствія. Какъ глубоко и твердо вѣрить онъ въ несокрушимость Россїи, въ высокое назначеніе русскаго народа и особенно, что весьма замѣчательно, въ призваніе его дать миръ Европѣ (*Афету*):

Афету миръ! О трудъ избранный,
Достойнѣйшій его дѣтей,
Великими людьми желанный!
Свершишься ль ты средь нашихъ дней?

Такъ восклицаетъ поэтъ во время второй турецкой войны, въ 1790 году:

Доколь, Европа просвѣщенная,
Съ перуномъ будешь устремлена
На кровныхъ братїевъ своихъ?
Не лучше ль внутрь раздоръ оставить
И съ Россїемъ грудь одну сѣставить
На общихъ супостатъ твоихъ?

Рукою держать крестъ одною,
И сыплетъ блески на Босфоръ:
Уже отъ сѣвернаго свѣта
Лицо блѣднѣетъ Магомета
И мрачный отвратилъ онъ взоръ.

Пусть только умъ Екатерины,
Какъ Архимедъ, создастъ машины,
А Россѣ вселенной потрясетъ!
Чего не можетъ родъ сей славный,
Любя царей своихъ, свершить?
Умѣйте лишь, главы вѣдчанья,
Его безцѣнну кровь цадить.
Умѣйте дать ему вы льготу,
Къ дѣламъ великимъ духъ, охоту
И правотою сердца пѣвнать.
Вы можете его рукою
Всегда, войной и не войною,
Весь мѣръ себя заставить чтить.

Для таланта Державина было особеннымъ счастьемъ, что пора полного его развитія совпала съ царствованіемъ Екатерины. Въ тотъ героическій вѣкъ Русской имперіи, событія и люди, своими исполнскими размѣрами, именно соответствовали смѣлости этой оригинальной фантазіи, размаху этой широкой своеюравной кисти. Въ тогдашней Россіи на всѣхъ поприщахъ дѣятельности встрѣчаются лица, которыя, при всемъ разнообразіи своихъ физиономій, представляютъ одну черту общаго сходства, это — ихъ рѣзкія особенности, дающія имъ какъ бы типическій характеръ. Орловы, Потемкинъ, Суворовъ, Безбородко и другіе, все это чрезвычайно оригинальныя, своеюравно обозначившіяся личности, въ которыхъ слабости такъ же рѣзки, какъ и достоинства: во всѣхъ ихъ много поразительнаго, страннаго, загадочнаго для насъ, людей XIX вѣка. Всѣ эти своеобразныя лица, вмѣстѣ съ громадными событіями, въ которыхъ они участвовали, прошли сквозь призму поэзіи Державина, и мысль, не разъ уже выраженная, что въ созданіяхъ его живетъ цѣлая эпопея чудной эпохи, совершенно справедлива. Если для таланта Державина было счастьемъ жить въ вѣкъ Екатерины, то съ другой стороны, и это время могло гордиться появленіемъ поэта, призваннаго увѣковѣчить его въ образахъ. Но не одни герои встаютъ у него какъ живые: онъ сохранилъ намъ чертанія и многихъ лицъ совершенно другаго характера. Возь-

мемъ хотъ графа А. С. Строгонова и Льва Нарышкина: какъ выразительны у него ихъ фигуры, особенно дышащее веселостію изображеніе послѣдняго, безъ котораго картина двора Екатерины была бы неполна.

Левъ имелемъ — зѣриный царь,
 Ты родомъ — богатырь, сынъ барскій;
 Ты сердцемъ — столярникъ, хлѣбодарь;
 Ты должностію — конюшій царскій;
 Твой домъ утѣхой разцвѣтаетъ,
 И всякъ подъ тѣнь его идетъ.
 Идутъ прохладой насладиться,
 Музыкой душу напитать;
 То тѣмъ, то сѣмъ повеселиться,
 Въ бостонъ и въ шашки поиграть;
 И словомъ, радость всю, забаву
 Столицы ты въ себѣ вмѣстляешь....
 Чтò нужды мнѣ, кто, все зефиромъ
 Съ цвѣтка лишь на цвѣтокъ летя,
 Доволенъ былъ собою, міромъ,
 Шутля, рѣзвился какъ дитя;
 Но если оу съ столь легкимъ нравомъ
 Всегда былъ добрый человекъ,—
 Хвалю тебя, ты, въ смыслѣ здоровомъ,
 Пресчастливо провелъ свой вѣкъ.

И въ противоположность этому беззаботному баловню счастья, выступаетъ у Державина И. И. Шуваловъ, этотъ остатокъ другаго времени, этотъ идеалъ просвѣщеннаго и благодушнаго вельможи-покровителя, о которомъ поэтъ всегда говоритъ съ такимъ теплымъ чувствомъ, какъ о своемъ благодѣтелѣ съ дѣтства. Съ равнымъ уваженіемъ за гражданскіе подвиги, хотя и съ меньшимъ сочувствіемъ, изображаетъ оуъ Безбородко. И надъ всѣми этими лицами сподвижниковъ или приближенныхъ Екатерины господствуетъ собственный ея образъ, самый разительный и величавый изъ всѣхъ не по одному мѣсту, которое она занимаетъ, но по истинному величію и генію. Никто не понималъ ее такъ высоко, никто не изображалъ ее съ такимъ одушевленіемъ, съ такою поэтической истиной и наглядностію, какъ Державинъ. Тѣ созданія его, которыя рисуютъ Екатерину, лучше исторіи сохранять для потомства прекраснѣшія стороны ея существа и дѣятельности. Какъ понималъ оуъ ее, можно особенно видѣть изъ слѣдующихъ строфъ *Изображенія Фелицы*. Поэтъ проникаетъ въ самыя сокровенныя мысли

новархии и слагаетъ „Молитву Екатерины Великой“, какъ называлъ это мѣсто Карамзинъ.*

О, Ты, Всесильный и Превѣчный,
 Который волею Своей
 Колеса движешь быстротечно
 Вращающейся природы всей!
 Когда Ты есть душа едина
 Движенью сихъ огромныхъ гѣлъ,
 То Ты жь, конечно, и причина
 И нравственныхъ народныхъ дѣлъ:
 Тобою царства возрастаютъ,
 Твое орудіе — цари;
 Тобой они и померцаютъ,
 Какъ блескъ вечерня зари.
 Наставь меня, міровъ Содѣтель,
 Да, волѣ сѣдую Твоей,
 Тебя люблю и добродѣтель,
 И зижду счастье людей:
 Да вѣкъ мой на дѣла полезны
 И счастье ихъ я посвящу,
 Самодержавства скиптръ желѣзный
 Моей щедротой позлащу!
 Да, удостояна любви,
 Надзрѣнія Твоихъ очей,
 Чтобъ я за каждую каплю крови,
 За каждую бы каплю слезъ
 Народа моего пролитыхъ,
 Тебѣ отвѣтствовать могла
 И чувствъ души моей сокрытыхъ
 Тебя свидѣтелемъ звала!

По мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, Державинъ изображаетъ только вѣшнія событія; но выкнувъ глубже въ содержание его поэзіи, съ этимъ нельзя будетъ согласиться. Вѣшнія событія, дѣйствительно, доставляли поводъ къ его стихотвореніямъ и служили имъ рамкой; но достаточно прослѣдить ходъ его мыслей въ одахъ, посвященныхъ Фелицѣ, Шувалову и Строганову, въ *Вельможъ*, въ *Монументъ миссис...*

Замѣчательно, что Державинъ былъ свидѣлемъ и пѣвцомъ *деуш* изъ величайшихъ эпохъ славы Россіи. Онъ видѣлъ дѣла и торжества Екатерины, видѣлъ ужасы и усмиреніе пугачевщины, славилъ подвиги Румянцева и Суворова, пѣлъ елисаветинскаго министра, Шувалова, и на его же вѣку совершилось нашествіе и паденіе Наполеона, прославился Александръ съ своими полководцами и молодыми министрами. Какіе два различные вѣка: одинъ съ своимъ грознымъ концомъ, другой, съ своимъ свѣтлымъ началомъ, встрѣтились на глазахъ Державина! При воцареніи Александра талантъ поэта еще не утратилъ всей своей силы, и въ его привѣтствіяхъ молодому царю слышались величавые отголоски лиры славившей Фелицу. Достоиню Екатерины обрисованъ имъ и внукъ ея, котораго Державинъ, уже при рожденіи его, съ поэтическимъ предчувствіемъ нарекъ *человѣкомъ на тронѣ*, и котораго роль, какъ примирителя Европы, была имъ предначертана уже при самомъ началѣ войны съ Наполеономъ. Но любопытно, что изъ всѣхъ героевъ Александра типически представленъ имъ только одинъ, Платовъ: кисть его, начертавъ исполнинскіе образы екатерининскихъ орловъ, уже не чувствовала силы для новыхъ созданій этого рода. Самъ созная это, Державинъ говорилъ въ 1812 году:

И мой ужь гаснетъ жаръ;
Екатерины муза дремлетъ,
И юнаго царя достойно пѣть
Я не могу: мадымъ пѣвцамъ гремѣть
Мои вѣрью ветхи струны.

Въ другой разъ онъ говорилъ:

Уже надъ бездною гроба скользя
Я преклонивъ главу стою:
Тебѣ въ наслѣдіе, Жуковскій,
Я ветху лиру отдаю.

И дѣйствительно, передъ *Пѣвцомъ во станѣ русскихъ воиновъ* авторъ *Лирико-эпического гимна на прогнаніе Французовъ* долженъ былъ казаться какъ бы окаменѣлымъ организмомъ отжившаго міра. Устарѣлый пѣвецъ Фелицы не могъ переродиться: не могъ усвоить себѣ новыхъ, болѣе свободныхъ и изящныхъ формъ, въ которыя постепенно облекалась поэзія. Но такъ живуча была эта лира, что и посреди слабѣвшихъ ея тоновъ иногда раздавались звуки, отзывавшіеся

прежнюю силой и величіемъ. Живою памятникъ другаго вѣка, старецъ встрѣчалъ съ недоумѣніемъ явленія новой жизни и рядомъ съ *одою*, посвященною громкимъ событіямъ царствованія Александра, является у него *басня*, родъ поэзіи, который онъ разрабатывалъ уже и прежде, но полюбилъ особенно теперь, находя въ немъ удобную форму для протеста противъ того что видѣлъ вокругъ себя.

Такимъ образомъ разнородныя явленія двухъ великихъ эпохъ отразились различно въ поэзіи Державина, и не безъ основанія нѣкоторые писатели давно называли его повстомъ-историкомъ своего времени. Теперь, когда литературное наследіе его дѣлается извѣстнымъ во всемъ своемъ объемѣ, историческая сторона его стихотвореній выдается еще полнѣе и разительнѣе. Обставленные собственными его объясненіями, они становятся живою хроникой эпохи. При совершенномъ почти отсутствіи политическаго элемента въ тогдашнихъ нашихъ періодическихъ листахъ, при недостаткѣ у насъ мемуаровъ и бѣдности анекдотической исторіи, сочиненія Державина, богатая примѣненіями къ обстоятельствамъ и лицамъ, приобретаютъ еще недовольно оцѣненное значеніе. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ его многочисленныя посмертныя мелочи, какъ-то: эпиграммы, надписи и т. п., которыя уже имъ самимъ приготовлены были къ печати. Изъ нихъ мы въ первый разъ почерпаемъ разныя историко-литературныя подробности, видимъ отношенія между тогдашними дѣятелями, узнаемъ тогдашніе взгляды на событія и лица, знакомимся короче и съ тѣми вліяніями, подъ которыми находился самъ поэтъ. Съ этой стороны, его сочиненія всегда будутъ представлять обильный запасъ историческихъ данныхъ для ближайшаго изученія его времени. Передъ нами проходитъ въ его стихахъ цѣлая жизнь даровитаго писателя, тысячами нитей связанная съ жизнью всей эпохи.

Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но пролагалъ ихъ самъ...

Оставляя за нимъ всё его слабости и темныя стороны, мы все-таки должны признать въ немъ необыкновеннаго человека, который, силой природныхъ способностей и энергической воли возвысившись изъ ничтожества, достигъ вѣянія, почестей и славы. Какъ ни полонъ онъ противорѣчій, мы не можемъ не видѣть въ немъ замѣчательнаго въ высшей степени кореннаго Русскаго по воспитанію, быту, уму и нраву. Несмотря на раннее, случайное знакомство его съ нѣмецкимъ языкомъ, ни его молодость, ни дальнѣйшая жизнь не могли привить къ нему ничего иностраннаго. Онъ родился и выросъ въ провинціи, въ приволжскихъ низовыхъ губерніяхъ; обстановка, среди которой онъ развивался, была довольно сходна съ тою, которую недавно такъ искусно и вѣрно изобразилъ намъ покойный авторъ *Семейной Хроники*. Во всѣхъ сочиненіяхъ Державина явственно проглядываетъ его глубокое знакомство съ жизнью и языкомъ народа, его давнее сляніе съ церковію, его совершенное знаніе славянской Библии и богослужбныхъ пѣсень. Первоначальная основа воспитанія была у него общая съ Ломоносовымъ; но какъ расходятся затѣмъ пути ихъ развитія! Классическое образованіе едва коснулось Державина скудными уроками латыни въ Казанской гимназіи; ему не удалось побывать въ чужихъ краяхъ. Довольно обширныя историческія и литературныя знанія, которыми онъ насъ нерѣдко удивляетъ въ своихъ сочиненіяхъ, были плодомъ его собственныхъ усилій и большой начитанности. Въ Россіи, сравнительно съ другими странами богатой автодидактами, Державинъ является однимъ изъ самыхъ блистательныхъ самоучекъ. Вслѣдствіе этого образованіе его представляло конечно много пробѣловъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ могъ усвоить себѣ оригинальность, которая, при другихъ условіяхъ, безъ сомнѣнія, не была бы ему свойственна въ такой степени. У насъ не было другаго писателя, который бы такъ отличался чертами творчества, ему одному принадлежащими. Своенравное воображеніе его давно уже оцѣнено; но въ его умѣ было одно свойство, на которое, кажется, еще не обращалось довольно вниманія: это какая-то насмѣшливость или, какъ ее тогда называли, *издѣлка*, которая иногда прорывалась у

него посреди самаго торжественнаго настроенія и за которую Екатерина въ душѣ не любила его. Слѣдуя современнымъ литературнымъ обычаямъ, Державинъ хвалилъ; но посреди похвалы онъ готовъ былъ какъ будто невзначай разразиться („бракнувъ въ слухъ“) какимъ-нибудь смѣлымъ словомъ истины. * Это было что-то въ родѣ той юродивости, которая составляетъ отличительное явленіе Русскаго народа и которую Ермоловъ находилъ въ Суворовѣ. Это было то, чѣмъ Державинъ особенно гордился, что онъ относилъ къ своему правдолюбию. По ходу всего его развитія, рѣзкія противоположности были неизбежны въ существѣ его, и съ угодливіостью, какъ чертой тогдашнихъ нравовъ, въ немъ дѣйствительно соединялась правдивость, выработанная собственнымъ его характеромъ,—источникъ множества невгодъ, постигшихъ его въ жизни. Итакъ чисто-русская натура, выразившаяся въ поэзіи Державина, хотя со всеми недостатками вѣка, его смѣлый сатирическій умъ, его пыкій нравъ, его здравый смыслъ, чуждый всякой болѣзненной сентиментальности и холодной отвлеченности, наконецъ его изумительно могучее и яркое воображеніе, вотъ что составляетъ сущность его таланта и всегда останется достойнымъ изученія.

Все это придадо поэзіи Державина жизненность, которой вовсе не было у его предшественниковъ. Изъ предѣловъ какой-то безпочвенной и безформенной области витиеватыхъ возгласовъ, онъ свелъ поэзію въ міръ осязательной дѣйствительности и жизни; домошовскіе земные боги еще остались попрежнему на сценѣ, но они явились у Державина съ людскими страстями и заговорили языкомъ человѣческимъ. Это былъ уже важный переходъ къ той простотѣ сюжетовъ и формъ, которою ознаменовался слѣдующій періодъ нашей поэзіи. Удаленіе Державина отъ школы, его влеченіе къ непосредственной жизни, его практическій смыслъ были первымъ началомъ всего возрожденія русской литературы. Отсюда уже ясно, какъ неправы тѣ которые утверждаютъ будто онъ не имѣлъ никакого вліянія на дальнѣйшія судьбы нашей поэзіи. Но Державинъ не только подалъ примѣръ слаганія поэзіи съ жизнью: онъ же первый, въ эту эпоху, сталъ вводить въ рус-

* См. напримѣръ строфу 19 въ одѣ *На Маммѣйскій орденъ* и разныя мѣста въ одѣ *На мѣрѣ 1807 года*, которая въ первоначальномъ своемъ видѣ не могла быть напечатана.

скую поэзію народность, которой зачатки мы встрѣчаемъ только у Ломоносова. Народность явилась у Державина частію въ характерѣ его воззрѣній на природу, человека, общество, церковь, въ духѣ его сатиры и шутки, частію въ изображеніи имъ разныхъ сторонъ русскаго быта, напримѣръ, въ *Кружкѣ*, въ *Фелицѣ*, въ одѣ *На счастье*, въ *Похвалѣ сельской жизни*, въ *Посланіи къ Платову*. Но народность выразилась также въ языкѣ Державина. Несмотря на частую неточность и даже неправильность его оборотовъ, на встрѣчающееся также нерѣдко небрежное обращеніе его съ формами языка, рѣчь его замѣчательна, во первыхъ, своимъ повстическимъ достоинствомъ, во вторыхъ, чисто русскимъ складомъ, обиліемъ выразеній и словъ заимствованныхъ изъ простонароднаго быта, наконецъ умѣстнымъ употребленіемъ пословицъ и поговорокъ и заимствованіями изъ русской сказочной и пѣсенной литературы. Черты народности, которыми богата поэзія Державина, всегда будутъ привлекать къ ней вниманіе и сочувствіе потомства.

Но что еще болѣе обобщаетъ прочности его славу, это тотъ великій нравственный и общественный идеалъ, который онъ постоянно стремится создать предъ своими согражданами. Его ода *Властителямъ и судьямъ*, циклъ одъ изображающихъ *Фелицу*, *Вельможа*, далѣе, первыя оды императорамъ *Паалу* и *Александрѣ* были для своего времени гражданскими заслугами. Въ одѣ *Властителямъ и судьямъ* онъ имеемъ совѣсти и Бога взываетъ ко всѣмъ земнымъ властямъ вообще. При чтеніи *Фелицы* сама Екатерина прослезилась и спросила, кто бы могъ такъ хорошо знать ее: не значитъ ли, что поэтъ уяснилъ ей самой идеалъ, который она стремилась осуществить собою? Какъ ей, такъ и двумъ ея преемникамъ онъ, въ *Похвалѣ*, часто давалъ смѣлые совѣты, выражалъ обще-

начертать образъ крѣпкаго мужа правды, закаленного въ дѣлѣ жизни и борьбѣ, и этому идеалу умѣетъ онъ всегда придать черты того величія, о которомъ мы уже говорили. Чтò намъ вужды до того, что самъ онъ на дѣлѣ не вполнѣ осуществилъ этотъ идеалъ? Не онъ ли же говоритъ про себя:

Падалъ я, вставалъ въ мой вѣкъ;
Брось, мудрецъ, на гробъ мой камень,
Если ты не человекъ!

Довольно, что въ минуты вдохновенія онъ служилъ великимъ идеаломъ человечества съ такимъ жаромъ, какого мы не замѣчаемъ ни у когò изъ другихъ поэтовъ. Силою своего исполнскаго воображенія, своей яркой мысли и рѣзкаго слова онъ переноситъ насъ въ тотъ высшій нравственный міръ, гдѣ умолкаютъ страсти, гдѣ мы невольно сознаемъ ничтожество всего житейскаго и преклоняемся предъ величіемъ духовнаго закона. Таково содержаніе главныхъ одъ Державина: несмотря ни на какія измѣненія времянь, ни на какіе успѣхи просвѣщенія и языка, образы, имъ начертанные, не померкнутъ, и до тѣхъ поръ, пока идеи Бога, безсмертія души, правды, закона и долга будутъ жить не пустыми звуками на языкѣ Русскаго народа,—до тѣхъ поръ имя Державина, какъ поэта, не утратитъ въ потомствѣ своего значенія.

Я. ГРОТЪ.

ПРЕСТУПЛЕНІЕ И НАБАЗАНІЕ

Р О М А Н Ъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VIII.

Такъ пролежалъ онъ очень долго. Случалось что онъ какъ-будто и просыпался, и въ эти минуты замѣчалъ что уже давно ночь, а встать ему не приходило въ голову. Наконецъ онъ замѣтилъ, что уже свѣтло по-дневному. Онъ лежалъ на диванѣ навзничъ, еще остолебѣлый отъ недавняго забытья. До него рѣзко доносились страшные, отчаянные вопли съ улицы, которые впрочемъ онъ каждую ночь выслушивалъ подъ своимъ окномъ, въ третьемъ часу. Они-то и разбудили его теперь:—„А! вотъ ужъ и изъ распивочныхъ пьяные выходятъ“, подумалъ онъ,—„третій часъ“,—и вдругъ вокочилъ, точно его сорвалъ кто съ дивана.—„Какъ! третій уже часъ!“ Онъ сѣлъ на диванѣ— и тутъ все припомнилъ! Вдругъ, въ одинъ мигъ все припомнилъ!

изумленіемъ оглядывалъ онъ себя и все кругомъ въ комнатѣ и не понималъ: какъ это онъ могъ вчера, войдя, не запереть дверей на крючокъ и броситься на диванъ не только не раздвинувшись, но даже въ шляпѣ: она скатилась и тутъ же лежала на полу, близь подушки.—„Еслибы кто зашелъ, что бы онъ подумалъ? Что я пьянъ? но...“ Онъ бросился къ окошку. Свету было довольно, и онъ поскорѣй сталъ себя оглядывать, всего, съ ногъ до головы, все свое платье: нѣтъ ли слѣдовъ? Но такъ нельзя было: дрожа отъ озноба, сталъ онъ снимать съ себя все и опять осматривать кругомъ. Онъ перевертѣлъ все, до послѣдней нитки, до послѣдняго лоскутка и, не довѣряя себѣ, повторилъ осмотръ раза три. Но не было ничего, кажется, никакихъ слѣдовъ; только на томъ мѣстѣ, гдѣ панталоны внизу осклѣлись и висѣли бахромой, на бахромѣ этой оставались густые слѣды залекшейся крови. Онъ схватилъ свой складной большой ножикъ и обрѣзалъ бахрому. Больше, кажется, ничего не было. Вдругъ онъ вспоминалъ, что кошелекъ и вещи, которыя онъ вытаскивалъ у старухи изъ сундука, всѣ, до сихъ поръ, у него по карманамъ лежать! Онъ и не подумалъ до сихъ поръ ихъ вынуть и спрятать! Не вспомнилъ о нихъ даже теперь, какъ платье осматривалъ! Что жъ это?— Мигомъ бросился онъ ихъ вынимать и выбрасывать на столъ. Выбравъ все, даже выверотивъ карманы, чтобъ удостовѣриться не остается ли еще чего, онъ всю эту кучу перенесъ въ уголъ. Тамъ, въ самомъ углу, внизу, въ одномъ мѣстѣ были разодраны отставшіе отъ стѣны обои: тотчасъ же началъ онъ все запихивать въ эту дыру, подъ бумагу: — „вошло! Все съ глазъ долой и кошелекъ тоже!“ Радостно думалъ онъ, привставъ и тупо смотря въ уголъ, въ оттопырившуюся еще больше дыру. Вдругъ онъ весь вздрогнулъ отъ ужаса: — „Боже мой,“ шепталъ онъ въ отчаяніи, — „что со мною? Развѣ это спрятано? развѣ такъ прячутъ?“

Правда, онъ и не разчитывалъ на вещи; онъ думалъ, что будутъ однѣ только деньги, а потому и не приготовилъ заранее мѣста, — „но теперь-то, теперь чему я радъ?“ думалъ онъ. — „Развѣ такъ прячутъ? Подлинно разумъ меня оставляетъ!“ Въ изнеможеніи свѣлъ онъ на диванъ, и тотчасъ же нестерпимый ознобъ снова затрясъ его. Машинально потащилъ онъ лежавшее подлѣ, на стулъ, бывшее его студенческое зим-

вее пальто, теплое, но уже почти въ лохмотьяхъ, накрылся имъ, и сонъ и бредъ опять разомъ охватили его. Онъ забылся.

Не болѣе какъ минутъ черезъ пять взоцчалъ онъ снова, и тотчасъ же, въ изступленіи, опять кинулся къ своему платью. — „Какъ это могъ я опять заснуть, тогда какъ ничего не сдѣлано! такъ и есть, такъ и есть: петлю подъ мышкой до сихъ поръ не снялъ! Забылъ, объ такомъ дѣлѣ забыть! Такая улика!“ Онъ одернулъ петлю и поскорѣи сталъ разрывать ее въ куски, запихивая ихъ подъ подушку въ бѣлье. — „Куски рваной холстины ни въ какомъ случаѣ не возбуждаютъ подозрѣнія; кажется такъ, кажется такъ!“ повторялъ онъ стоя среди комнаты и съ напряженнымъ до боли вниманіемъ сталъ опять выматривать кругомъ, на полу и вездѣ, не забылъ ли еще чего-нибудь? Увѣренность, что все, даже память, даже простое соображеніе оставляютъ его, — начинала нестерпимо его мучить. — „Что, неужели ужъ начинается, неужели это ужъ казнь наступаетъ? Вонъ, вонъ, такъ и есть!“ Дѣйствительно, обрѣзки бахромы, которую онъ срывалъ съ панталонъ, такъ и валялись на полу, среди комнаты, чтобы первый увидѣлъ! — „Да что же это со мною!“ вскричалъ онъ опять какъ потерянный.

Тутъ пришла ему въ голову странная мысль: что можетъ-быть и все его платье въ крови, что можетъ-быть много пятенъ, но что онъ ихъ только не видитъ, не замѣчаетъ, потому что соображеніе его ослабло, раздроблено... умъ помраченъ.... Вдругъ онъ вспомнилъ, что и на кошелькѣ была кровь. — „Ба! такъ стало-быть и въ карманѣ тоже должна быть кровь, потому что я еще мокрый кошелекъ тогда въ карманъ сунулъ!“ Мигомъ выворотилъ онъ карманъ и, — такъ и есть — на подкладкѣ кармана есть слѣды, пятна! — „Стало-быть не оставилъ же еще совсѣмъ разумъ, стало-быть есть же соображеніе и память, коли самъ спохватился и догадался!“ подумалъ онъ съ торжествомъ, глубоко и радостно вздохнувъ всею грудью; — „просто слабосиліе лихорадочное, бредъ на минуту,“ и онъ вырвалъ всю под-

тогда ступилъ.... „Но что же теперь съ этимъ дѣлать? Куда дѣвать этотъ восокъ, бахрому, карманъ?“

Онъ сгрѣбъ все это въ руку и стоялъ среди комнаты. — „Въ печь? Но въ печь прежде всего начать рыться. Сжечь? да и чѣмъ сжечь? спичекъ даже нѣтъ. Нѣтъ, лучше выйти куда-нибудь и все выбросить. Да! лучше выбросить!“ повторилъ онъ, опять садясь на диванъ, — „и сейчасъ, сію минуту, не медля!...“ Но вмѣсто того, голова его опять склонялась на подушку; опять оледенилъ его нестерпимый ознобъ; опять онъ потащилъ на себя шинель. И долго, нѣсколько часовъ, ему все еще мерещилось порывами, что „вотъ бы сейчасъ, не откладывая, пойти куда-нибудь и все выбросить, чтобъ ужь съ глазъ долой, поскорѣй, поскорѣй!“ Онъ порывался съ дивана нѣсколько разъ, хотѣлъ-было встать, но уже не могъ. Окончательно разбудилъ его сильный стукъ въ двери.

— Да отвори, живъ, аль нѣтъ? И все-то онъ дрыхнетъ! кричала Настасья, стуча кулакомъ въ дверь: — цѣлые два-то дѣвськіе какъ песь дрыхнетъ! Песь и естъ! Отвори, что-ль. Одинадцатый часъ.

— А може и дома нѣтъ! проговорилъ мужской голосъ.

„Ба! это голосъ дворника... Что ему надо?“

Онъ вскочилъ и свѣлъ на диванъ. Сердце стучало такъ, что даже больно стало.

— А крюкомъ ктожь заперся? возразила Настасья: — ишь, запирается сталъ! Самого что-ль унесутъ? Отвори, голова, проспись!

„Что имъ надо? Зачѣмъ дворникъ? Все извѣстно. Сопротивляться, или отворить? Лучше отворить! Пропадай!...“

Онъ привсталъ, нагнулся впередъ и свѣлъ крюкъ.

Вся его комната была такого размѣра что можно было свѣсть крюкъ не вставая съ постели.

Такъ и естъ: стоить дворникъ и Настасья.

Настасья какъ-то странно его оглянула. Онъ съ вызывающимъ и отчаяннымъ видомъ взглянулъ на дворника. Тотъ молча протянулъ ему сѣрую, сложенную вдвое бумажку, запечатанную бутылочнымъ сургучомъ.

— Повѣстка, изъ конторы, проговорилъ онъ, подавая бумагу.

— Изъ какой конторы?...

— Въ полицію значитъ зовутъ, въ контору. Извѣстно какая контора.

— Въ полицію!... Зачѣмъ?...

— А мнѣ почему знать. Требуешь, и иди.—Онъ внимательво посмотрѣлъ на него, осмотрѣлся кругомъ и повернулася уходитъ.

— Никакъ совсѣмъ разболѣлся? замѣтила Настасья, не спускавшая съ него глазъ. Дворникъ тоже на минуту обернулъ голову.— Со вчерашняго дня въ жару, прибавила она.

Онъ не отвѣчалъ и держалъ въ рукахъ бумагу не распечатывая.

— Да ужь не вставай, продолжала Настасья, разжалобясь и видя что онъ спускаетъ съ дивана ноги.— Болеешь, такъ и не ходи; не сгорить. Чтò у те въ рукахъ-то?

Онъ взглянулъ: въ правой рукѣ у него отрѣзанные куски бахромы, носокъ и доскутья вырваннаго кармана. Такъ и спалъ съ ними. Потомъ уже, размышляя объ этомъ, вспоминалъ онъ, что и полупросыпаясь въ жару, крѣпко-на-крѣпко стискивалъ все это въ рукѣ и такъ опять засыпалъ.

— Ишьдохмотьевъ какихъ набралъ и спитъ съ ними, ровно съ кладомъ.... И Настасья закатилась своимъ болезненно-нервическимъ смѣхомъ. Мигомъ сунулъ онъ все подъ шивель и пристально впился въ нее глазами. Хоть и очень мало могъ онъ въ ту минуту вполнѣ толково сообразить, но чувствовалъ, что съ человѣкомъ не такъ обращаться будетъ, когда придутъ его брать.—„Но.... полиція?“

— Чаю бы выпилъ? Хоть, что-ли? принесу; осталось....

— Нѣтъ.... я пойду; я сейчасъ пойду, бормоталъ онъ, становясь на ноги.

— Поди и съ лѣстницы не сойдешь?

— Пойду....

— Какъ хоть.

Она ушла вслѣдъ за дворникомъ. Тотчасъ же бросился онъ свѣту осматривать носокъ и бахрому.—„Пятна есть, но совсѣмъ примѣтно; все загрязнилось, затерлось и уже выцвѣло. Кто не знаетъ заранѣе — ничего не разглядитъ. Настасья, стало-быть, ничего издали не могла примѣтить, слава Богу!“ Тогда съ трепетомъ распечаталъ онъ повѣстку и сталъ читать; долго, долго читалъ онъ и наконецъ-то во-нялъ. Это была обыкновенная повѣстка изъ квартала явиться на сегодняшній день, въ половинѣ десятаго, въ контору квартальнаго надзирателя.

„Да когда жь это бывало? Никакихъ я дѣлъ самъ по себѣ

не имѣю съ полиціей! И почему какъ-разъ сегодня?“ думалъ онъ въ мучительномъ недоумѣніи. — „Господи, поскорѣй бы ужь!“ Онъ-было бросился на колѣни молиться, но даже самъ разсмѣялся, — не надъ молитвой, а надъ собой. Онъ поспѣшно сталъ одѣваться. — „Пропадутъ такъ пропадутъ, все равно! Носокъ надѣтъ!“ вздумалось вдругъ ему. — „еще больше затрется въ пыли и сафды пропадутъ“. Но только-что онъ надѣлъ, тотчасъ же и сдернулъ его съ отвращеніемъ и ужасомъ. Сдернулъ, но сообразивъ что другаго нѣтъ, взялъ и надѣлъ опять — и опять разсмѣялся. — „Все это условно, все это относительно, все это одиѣ только формы,“ подумалъ онъ мелькомъ, однимъ только краешкомъ мысли, а самъ дрожа всѣмъ тѣломъ, — „вѣдь вотъ надѣлъ же! Вѣдь кончилъ же тѣмъ, что надѣлъ!“ Смѣхъ впрочемъ тотчасъ же смѣнялся отчаяніемъ. — „Нѣтъ, не по силамъ...“ подумалось ему. Ноги его дрожали. — „Отъ страху“, пробормоталъ онъ про себя. Голова кружилась и болѣла отъ жару. — „Это хитрости! Это они хотятъ заманить меня хитростью и вдругъ обить на всемъ,“ продолжалъ онъ про себя, выходя на дѣйствицу. — „Скверно то, что я почти въ бреду... я могу соврать какую-нибудь глупость...“

На дѣйствицѣ онъ вспомнилъ, что оставляетъ всѣ вещи такъ, въ обойной дырѣ, — „а тутъ, пожалуй, нарочно безъ него обыскъ,“ вспомнилъ и остановился. Но такое отчаяніе и такой, если можно сказать, дивизмъ гибели вдругъ овладѣли имъ, что онъ махнулъ рукой и пошелъ дальше.

„Только бы поскорѣй!...“

На улицѣ опять жара стояла невыносимая; хоть бы капля дождя во всѣ эти дни. Опять пыль, кирпичъ и известка, опять вонь изъ лавочекъ и распивочныхъ, опять поминутно пьяные, чухонцы-разнощики и полуразважившіеся извошники. Солнце ярко блеснуло ему въ глаза, такъ что больно стало глядѣть и голова его совсѣмъ закружилась, — обыкновенное ощущеніе лихорадочнаго, вышедшаго вдругъ на улицу въ яркій солнечный день.

Дойдя до поворота во *вчерашнюю* улицу, онъ съ мучительною тревогою заглянулъ въ нее, на *тотъ* домъ... и тотчасъ же отвелъ глаза.

„Если спросятъ, я можетъ-быть и скажу,“ подумалъ онъ, подходя къ конторѣ.

Ковтора была отъ него съ четверть версты. Она только-что перѣехала на новую квартиру, въ новый домъ, въ чет-

вертый этажъ. На прежней квартирѣ онъ былъ когда-то меакомъ, но очень давно. Войдя подъ ворота, онъ увидѣлъ направо лѣстницу, по которой оходилъ мужикъ съ книжкой въ рукахъ:—„дворникъ, значить; значить тутъ и есть котора,“ и онъ сталъ подвигаться наверхъ наугадъ. Спрашивать ни у кого ни объ чемъ не хотѣлось.

„Войду, стану на колѣна и все разкажу....“ подумалъ онъ, входя въ четвертый этажъ.

Лѣстница была узенькая, крутая и вся въ помояхъ. Всѣ кухни всѣхъ квартиръ во всѣхъ четырехъ этажахъ отворялись на эту лѣстницу и стояли такъ почти цѣлый день. Оттого была страшная духота. Вверхъ и внизъ выходили и сходили дворники съ книжками подъмышкой, хозяине и разный людъ обоого пола—посѣтители. Дверь въ самую котору была тоже настежь отворена. Онъ вошелъ и оставался въ прихожей. Тутъ все стояли и ждали какіе-то мужики. Духота была чрезвычайная и, кромѣ того, до тошлоты било въ носъ свѣжею, еще не выстоявшеюся краской на тухлой олифѣ вновь покрашенныхъ комнатъ. Переждавъ немного, онъ разсудилъ подвинуться еще впередъ, въ слѣдующую комнату. Все крошечныя и низенькія были комнаты. Странное нетерпѣніе тянуло его все дальше и дальше. Никто не замѣчалъ его. Во второй комнатѣ сидѣли и писали какіе-то писцы, одѣтые развѣ немного его получше, на видъ все странный какой-то народъ. Онъ обратился къ одному изъ нихъ.

— Чего тебѣ?

Онъ показалъ повѣстку изъ которы.

— Вы студентъ? спросилъ тотъ, взглянувъ на повѣстку.

— Да, бывшій студентъ.

Писецъ оглядѣлъ его, впрочемъ безъ всякаго любопытства. Это былъ какой-то особенно взъерошенный человекъ съ неподвижною идеей во взглядѣ.

„Отъ этого ничего не узнаешь, потому что ему все равно,“ подумалъ Раскольниковъ.

— Ступайте туда, къ письмоводителю, сказалъ писецъ, и ткнулъ впередъ пальцемъ, показывая на самую послѣднюю комнату.

Онъ вошелъ въ эту комнату (четвертую по порядку), тѣсную и биткомъ набитую публикой, — народомъ нѣсколько почище одѣтымъ чѣмъ въ тѣхъ комнатахъ. Между посѣтите-

лами были двѣ дамы. Одна въ траурѣ, блѣдно одѣтая, сидѣла за столомъ противъ письмоводителя и что-то писала подъ его диктовку. Другая же дама, очень подная и багрово-красная, съ пачками, видная женщнна, и что-то ужъ очень пышно одѣтая, съ бромкой на груди величавой въ чайное блюдо, стояла въ сторонкѣ и чего-то ждала. Раскольниковъ слушалъ письмоводителя свою повѣстку. Тотъ медькомъ взглянулъ на нее, сказалъ: „подождите“, и продолжалъ задуматься съ траурною дамой.

Онъ перевелъ духъ свободнѣе.— „Напрасно не то!“ Мало-помалу онъ сталъ ободряться, онъ усовѣщивалъ себя всеми силами ободриться и опомниться.

„Какая-нибудь глупость, какая-нибудь самая мелкая неосторожность, и я могу всего себя выдать! Гм... жаль, что здѣсь воздуху нѣтъ,“ прибавилъ онъ,— „духота.... Голова еще больше кружится.... и умъ тоже...“

Онъ чувствовалъ во всемъ себя страшный беспорядокъ. Онъ самъ боялся не совладѣть съ собой. Онъ старался пригнаться къ чему-нибудь и о чемъ-бы-нибудь думать, о совершенно постороннемъ, но это совсѣмъ не удавалось. Письмоводитель сильно впрочемъ интересовалъ его: ему все хотѣлось что-нибудь угадать по его лицу, раскусить его. Это былъ очень молодой человекъ, лѣтъ двадцати двухъ, съ смуглою и подвижною физиономіей, казавшеюся старѣ своихъ лѣтъ, одѣтый по модѣ и фатомъ, съ проборомъ на затылкѣ, расчесанный и распомаженный, со множествомъ перстней и колець на бѣлыхъ отчищенныхъ цѣткахъ пальцахъ и золотыми цѣпями на жилетѣ. Съ однимъ бывшимъ тутъ иностранцемъ онъ даже сказалъ слова два по-французски и очень удовлетворительно.

— Луиза Ивановна, вы бы сѣли, сказалъ онъ медькомъ раздѣтой багрово-красной дамѣ, которая все стояла какъ будто не смѣя сама сѣсть, хотя стулъ былъ рядомъ.

— Ich danke, сказала та, и тихо, съ шелковымъ шумомъ, опустилась на стулъ. Свѣтло-голубое съ бѣлою кружевною отдѣлкой платье ея, точно воздушный шаръ, распространилось вокругъ стула и заняло чуть не полкомнаты. Понесло духами. Но дама очевидно робѣла того что занимаетъ полкомнаты, и что отъ нея такъ несетъ духами, хотя и улыбалась трусливо и нахально вмѣстѣ, но съ явнымъ безпокойствомъ.

Траурная дама наконецъ кончила и стала вставать. Вдругъ, съ нѣкоторымъ шумомъ, весьма молодцовато и какъ-то особенно повертывая съ каждымъ шагомъ плечами, вошелъ офицеръ, бросилъ фуражку съ кокардой на столъ и сѣлъ въ кресла. Пышная дама такъ и подпрыгнула съ мѣста, его завидя, и съ какимъ-то особеннымъ восторгомъ приваалась присѣдать; но офицеръ не обратилъ на нее ни малѣйшаго вниманія, а она уже не смѣла больше при немъ садиться. Это былъ поручикъ, помощникъ квартальнаго надзирателя, съ горизонтально торчавшими въ обѣ стороны рыжеватыми усами и съ чрезвычайно мелкими чертами лица, ничего, впрочемъ, особеннаго, кромѣ нѣкотораго нахальства, не выражавшими. Овъ искоса и отчасти съ негодованіемъ посматрѣлъ на Раскольниковъ: слишкомъ ужъ на немъ былъ скверенъ костюмъ, и несмотря на все приближеніе, все еще не по костюму была осанка; Раскольниковъ, по неосторожности, слишкомъ прямо и долго посматрѣлъ на него, такъ что тотъ даже обидѣлся.

— Тебѣ чего? крикнулъ овъ, вѣроятно удивляясь, что такой оборванецъ и не думаетъ ступовываться отъ его молніеноснаго взгляда.

— Потребовали.... по повѣсткѣ.... отвѣчалъ кое-какъ Раскольниковъ.

— Это по дѣлу о взысканіи съ нихъ денегъ, съ студента, заторопился письменоводитель, отрываясь отъ бумаги.— Вотъ-съ! и овъ перекинулъ Раскольникову тетрадь, указавъ въ ней мѣсто: — прочтите!

„Денегъ? какихъ денегъ?“ думалъ Раскольниковъ, — „но.... стало-быть ужъ навѣрно не то!“ И овъ вздрогнулъ отъ радости. Ему стало вдругъ ужасно, невыразимо легко. Все съ плечъ слетѣло!

— А въ которомъ часу вамъ приходитъ написано, милостисдаръ? крикнулъ поручикъ, все болѣе и болѣе неизвестно

— Я и не кричу, а весьма ровно говорю, а это вы на меня кричите; а я студентъ и кричать на себя не позволю.

Поручикъ до того вспылалъ, что въ первую минуту даже ничего не могъ выговорить, и только какіе-то брызги вылетали изъ устъ его. Онъ вскочилъ съ мѣста.

— Извольте ма-а-а-ачать! Вы въ присутствіи! Не гр-р-рубанишь, судырь!

— Да и вы въ присутствіи, вскрикнулъ Раскольниковъ, — а кромѣ того что кричите, папиросу курите, стало-быть всѣмъ намъ манкируете. Проговоривъ это, Раскольниковъ почувствовалъ невыразимое наслажденіе.

Письмоводитель съ улыбкой смотрѣлъ на нихъ. Горячій поручикъ былъ видимо озадаченъ.

— Это не ваше дѣло-съ! прокричалъ онъ наконецъ какъ-то неестественно громко: — а вотъ извольте-ка подать отзывъ, который съ васъ требуютъ. Покажите ему, Александръ Григорьевичъ. Жалобы на васъ! Денегъ не платите! Ишь какой вылетѣлъ соколъ ясный!

Но Раскольниковъ уже не слушалъ и жадно схватился за бумагу, ища поскорѣй разгадки. Прочелъ разъ, другой и не появлялъ.

— Это что же? спросилъ онъ письмоводителя.

— Это деньги съ васъ по заемному письму требуютъ, взысканіе. Вы должны или уплатить со всѣми издержками, пенными и проч., или дать письменно отзывъ когда можете уплатить, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обязательство не выѣзжать до уплаты изъ столицы и не продавать и не скрывать своего имущества. А заимодавецъ воленъ продать ваше имущество, а съ вами поступить по законамъ.

— Да я... никому не долженъ!

— Это ужъ не наше дѣло. А къ намъ вотъ поступило ко взысканію просроченное и законно-протестованное заемное письмо въ сто пятнадцать рублей, выданное вамъ вдовѣ, коллежской ассессоршѣ Зарицыной, назадъ тому девять мѣся-

какъ на новичка, котораго только-что начинаютъ обстригать: „Что, дескать, каково ты теперь себя чувствуешь?“ Но какое, какое было ему теперь дѣло до заемнаго письма, до взысканія! Стоило ли это теперь хоть какой-нибудь тревоги въ свою очередь, хоть какого-нибудь даже удивленія! Онъ стоялъ, читалъ, слушалъ, отвѣчалъ, самъ даже спрашивалъ, но все это машинально. Торжество самосохраненія, спасеніе отъ давившей опасности,—вотъ что напоминало къ эту минуту все его существо, безъ предвидѣнія, безъ анализа, безъ будущихъ загадываній и отгадываній, безъ сомнѣній и безъ вопросовъ. Это была минута полной, непосредственной, чисто-животной радости. Но въ эту самую минуту въ конторѣ произошло нѣчто въ родѣ грома и молніи. Поручикъ, еще весь потрясенный непочтительностію, весь пылая и очевидно желая поддержать пострадавшую амбицію, набросился всеми перунами на несчастную „пышную даму“, смотрѣвшую на него, съ тѣхъ самыхъ поръ какъ онъ вошелъ, съ преглаупѣлшею улыбкой.

— А ты, такая-сякая и этакая, крикнулъ онъ вдругъ во все горло (траурная дама уже вышла), — у тебя тамъ что прошедшую ночь произошло? а? Опять позоръ, дебошъ на всю улицу производишь. Опять драка и пьянство. Въ смирительный мечтаешь! Вѣдь я ужъ тебѣ говорилъ, вѣдь я ужъ предупреждалъ тебя десять разъ, что въ одиннадцатый не спущу! А ты опять, опять, такая-сякая ты этакая!

Даже бумага выпала изъ рукъ Раскольниковъ, и онъ дико смотрѣлъ на пышную даму, которую такъ безцеремонно отдѣлывали; но скоро однакоже сообразилъ въ чемъ дѣло, и тотчасъ же вся эта исторія начала ему очень даже нравиться. Онъ слушалъ съ удовольствіемъ, такъ даже, что хотѣлось хохотать, хохотать, хохотать.... Всѣ нервы его такъ и прыгали.

— Илья Петровичъ! началъ-было письмоводитель заботливо, но остановился выждать время, потому что вскипѣвшаго поручика нельзя было удержать иначе какъ за руки, что онъ зналъ по собственному опыту.

Что же происходило дальше...

мѣсть и непрерывно присѣдала, съ нетерпѣніемъ выжидая, что, наконецъ-то, и ей позволить вернуть свое слово, и дождаась.

— Никакой шумъ и драки у меня не было, г. капитанъ, затараторила она вдругъ, точно горохъ просыпался, съ крѣпкимъ вѣмецкимъ акцентомъ, хотя и бойко по-русски, — и никакой, никакой скандалъ, а они пришли пьянъ, и это я все разкажу, г. капитанъ, а я не виноватъ.... у меня благородный домъ, г. капитанъ, и благородное обращеніе, г. капитанъ, и я всегда, всегда сама не хочу никакой скандалъ. А они совсѣмъ пришли пьянъ и потомъ опять три путилки спросилъ, а потомъ одинъ поднималъ ноги и сталъ ногомъ фортепьянъ игралъ, и это совсѣмъ не хорошо въ благородный домъ, и онъ ганць фортепьянъ ломалъ и совсѣмъ, совсѣмъ тутъ нѣтъ никакой маниръ, и я сказала. А онъ путилку взялъ и сталъ всѣхъ сзади путилкой толкалъ. И тутъ какъ я сталъ скоро дворникъ позвалъ и Карлъ пришолъ, онъ издалъ Карлъ и глазъ прибиль, и Генриэтъ тоже глазъ прибиль, а мнѣ пять разъ щеку билъ. И это такъ не деукаотно въ благородный домъ, г. капитанъ, и я кричалъ. А онъ на канавъ окно отворилъ и сталъ въ окно какъ маленькая свинья визжалъ, и это срамъ. И какъ можно въ окно на улицъ какъ маленькая свинья визжалъ? Фуу-фуу-фуу! И Карлъ сзади его за фракъ отъ окна тащилъ и тутъ, это правда, г. капитанъ, ему зейнъ рокъ изорвалъ. И тогда онъ кричалъ, что ему пятнадцать цѣлковыхъ манъ мустъ штрафъ платилъ. И я сама, капитанъ, пять цѣлковыхъ ему зейнъ рокъ платилъ. И это неблагородный гость, г. капитанъ, и всякой скандалъ дѣлалъ! Я, говорилъ, на весь большой сатуръ гедрюктъ будетъ, потому я во всѣхъ газетъ могу про васъ все сочинилъ.

— Изъ сочинителей, значить?

— Да, г. капитанъ, и какой же это неблагородный гость, г. капитанъ, когда въ благородный домъ....

— Ну-ну-ну! довольно! Я ужъ тебѣ говорилъ, говорилъ, а нѣдъ тебѣ говорилъ....

— Илья Петровичъ! снова значительно проговорилъ письмоводитель. Цоручикъ быстро взглянулъ на него; письмоводитель слегка кивнулъ головой.

—Такъ вотъ же тебѣ, почтеннѣйшая *Лавиза* Ивановна, мой послѣдній сказъ и ужъ это въ послѣдній разъ, продо-

жалъ поручикъ: — Если у тебя еще хоть одинъ только разъ въ твоемъ благородномъ домѣ произойдетъ скандалъ, такъ я тебя самое на дугундеръ, какъ въ высокому слогу говоритъ ся. Слышала? Такъ литераторъ, сочинитель, пять цѣлковыхъ въ „благородномъ домѣ“ за фалду взял! Вонъ они, сочинители! и онъ метнулъ презрительный взглядъ на Раскольниковъ. — Третьяго дня въ трактирѣ тоже исторія: пообѣдалъ, а платить не желаетъ; „я, дескать, васъ въ сатирѣ за то опишу“. На пароходѣ тоже другой, на прошлой недѣлѣ, почтенное семейство одного статскаго совѣтника, жену и дочь, подлѣбными словами обозвалъ. Изъ кондитерской тоже на медни въ толчки одного выгнала. Вотъ они каковы, сочинители, литераторы, студенты, гапшатаи.... тьфу! А ты помал! Я вотъ самъ къ тебѣ загляну.... тогда берегись! Слышала?

Луиза Ивановна съ уторопленною любезностью пусталась присѣдать на всѣ стороны и присѣдая допятилась до дверей; но въ дверяхъ наскочила задомъ на одного виднаго офицера, съ открытымъ свѣжимъ лицомъ и съ превосходными густѣйшими бѣлокурыми бакенами. Это былъ самъ Никодимъ Омичъ, квартальный надзиратель. Луиза Ивановна поспѣшила присѣсть чуть не до полу и частыми мелкими шагами, подпрыгивая, полетѣла изъ конторы.

— Опять грохотъ, опять громъ и молнія, смерчъ, ураганъ! любезно и дружески обратилась Никодимъ Омичъ къ Ильѣ Петровичу, — опять растревожили сердце, опять закипѣлъ еще съ лѣстницы слышалъ.

— Да што! съ благородною небрежностію проговорилъ Илья Петровичъ (и даже не што, а какъ-то: „да-а шта-а!“), переходя съ какими-то бумагами къ другому столу и картинно передергивая съ каждымъ шагомъ плечами, куда шагъ туда и плечо: — вотъ-съ, извольте видѣть: господинъ сочинитель, то-бишь, студентъ, бывший то-есть, денегъ не платитъ, вселелъ надавалъ, квартиру не очищаетъ, непрерывно на нихъ поступаютъ жалобы, а изволили въ претензію войти, что я папирску при нихъ закурилъ! Сами п-п-подличаютъ, а вотъ-съ, извольте взглянуть на нихъ: вотъ они въ самомъ своемъ привлекательномъ теперь видѣ-съ!

— Бѣдность не порокъ, дружище, ну да ужъ что! извѣстно, порохъ, не могъ обиды перевести. Вы чѣмъ-нибудь вѣрно противъ него обидѣлись и сами не удержались, продолжалъ

Никодимъ Ѳомичъ, любезно обращаясь къ Раскольникову,— но это вы напрасно: на-и-бла-га-а-ар-р-родивѣшій, а вамъ скажу, человекъ, но порохъ, порохъ! вспылалъ, вскипѣлъ, острѣлъ—и вѣтъ! И все пропало! И въ результатъ одно только золото сердца! Его и въ пошлу прозвали: „поручикъ-порохъ“....

—И какой еще п-п-полкъ былъ! воскликнулъ Илья Петровичъ, весьма довольный, что его такъ пріятно пощекотать, но все еще будируя.

Раскольникову вдругъ захотѣлось сказать имъ всѣмъ что-нибудь необыкновенно пріятное.

— Да помилуйте, капитанъ, началъ онъ весьма развязно, обращаясь вдругъ къ Никодиму Ѳомичу, — выкиньте и въ мое положеніе.... Я готовъ даже просить у васъ извиненія, если въ чемъ съ своей стороны маркировалъ. Я бѣдный и больной студентъ, удрученный (онъ такъ и оказалъ: „удрученный“) бѣдностью. Я бывшій студентъ, потому что теперь не могу содержать себя, но я получу деньги.... У меня мать и сестра въ —й губерніи.... Мнѣ пришлютъ и я.... заплачѹ. Хозяйка моя добрая женщина, но она до того озлилась, что а уроки потерялъ и не плачѹ уже четвертый мѣсяць, что не присылаетъ мнѣ даже обѣдать.... И не повиною совершенно, какой это вексель! Теперь она съ меня требуетъ по заемному этому письму, что жъ я ей заплачѹ, посудите сами!..

— Но это вѣдь не наше дѣло.... опять-было замѣтилъ письмоводитель....

— Позвольте, позвольте, я съ вами совершенно согласенъ, но позвольте и мнѣ разъяснить, подхватилъ Раскольниковъ, обращаясь не къ письмоводителю, а все къ Никодиму Ѳомичу, но стараясь всѣми силами обращаться тоже и къ Ильѣ Петровичу, хотя тотъ упорно дѣлалъ видъ, что роется въ бумагахъ и презрительно не обращаетъ на него вниманія, — позвольте и мнѣ съ своей стороны разъяснить, что я живу уже около трехъ лѣтъ, съ самаго пріѣзда изъ провинціи и прежде.... прежде.... впрочемъ отчего жъ мнѣ и не признать въ свою очередь, съ самаго начала я далъ обѣщаніе, что женюсь на ея дочери, обѣщаніе словесное, совершенно свободное.... Это была дѣвушка.... впрочемъ, она мнѣ даже нравилась.... хотя я и не былъ влюбленъ.... однимъ словомъ, молодость, т.-е. я хочу оказать, что хозяйка мнѣ дѣлала тогда

многого кредиту и я велъ отчасти такую жизнь.... я очень былъ легкомысленъ....

— Съ васъ вовсе не требуютъ такихъ интимностей, милостисдари, да и времени нѣтъ, грубо и съ торжествомъ перебилъ-было Илья Петровичъ, но Раскольниковъ съ жаромъ остановилъ его, хотя ему чрезвычайно тяжело стало вдругъ говорить.

— Но позвольте, позвольте же мнѣ, отчасти, все разказать.... какъ было дѣло и.... въ свою очередь.... хотя это и лишнее, согласенъ съ вами, разказывать,—но годъ назадъ эта дѣвица умерла отъ тифа, я же остался жильцомъ, какъ былъ, и хозяйка, какъ перешла на теперешнюю квартиру, сказала мнѣ... и сказала дружески.... что она совершенно во мнѣ увѣрена и все.... но что не захочу ли я дать ей это заемное письмо въ сто пятнадцать рублей, всего чтò она считала за мой долгъ. Позвольте-съ: она именно сказала, что какъ только я дамъ эту бумагу, она опять будетъ меня кредитовать сколько угодно и что никогда, никогда, въ свою очередь,—это ея собственные слова были,—она не воспользуется этой бумагой, покажѣсть я самъ заплачу.... И вотъ теперь, когда я и уроки потерялъ, и мнѣ вѣсть нечего, она и подаетъ ко взысканію.... Чтò жъ я теперь скажу?

— Всѣ эти чувствительныя подробности, милостисдари, до насъ не касаются,—нагло отрѣзалъ Илья Петровичъ,—вы должны дать отзывъ и обязательство, а что вы тамъ изволили быть влюблены и всѣ эти трагическія мѣста, до этого намъ совсѣмъ дѣла нѣтъ.

— Ну ужъ ты.... жестоко.... пробормоталъ Никодимъ Фомичъ, усаживаясь къ столу и тоже принимаясь подписывать. Ему какъ-то стыдно стало.

— Пишите же, сказалъ письмоводитель Раскольникову.

— Чтò писать? спросилъ тотъ какъ-то особенно грубо.

— А я вамъ продуктую.

Раскольниковъ забормоталъ

чувства? Напротивъ теперь, еслибы вдругъ комната появилась не квартальными, а первѣйшими друзьями его, то и тогда, кажется, не нашлось бы для нихъ у него ни одного человѣческаго слова, до того вдругъ опустѣло его сердце. Мрачное ощущеніе мучительнаго, безконечнаго уединенія и отчужденія вдругъ сознательно сказались душѣ его. Не визость его сердечныхъ изліаній передъ Ильей Петровичемъ, не визость и поручикова торжества надъ нимъ перевернули вдругъ такъ ему сердце. О, какое ему дѣло теперь до собственной подлости, до всѣхъ этихъ амбіцій, поручиковъ, вѣмокъ, взысканій, конторъ и проч. и проч.! Еслибы его приговорили даже съечь въ эту минуту, то и тогда онъ не шевельнулся бы, даже врядъ ли прослушалъ бы приговоръ внимательно. Съ нимъ совершалось что-то совершенно ему незнакомое, новое, внезапное и никогда не бывавшее. Не то чтобъ онъ понималъ, но онъ ясно ощущалъ, всю силой ощущенія, что не только съ чувствительными экспансивностями, какъ давеча, но даже съ чѣмъ бы то ни было, ему уже нельзя болѣе обращаться къ этимъ людямъ, въ квартальной конторѣ, и будь это все его родные братья и сестры, а не квартальные поручики, то и тогда ему совершенно незачѣмъ было бы обращаться къ нимъ и даже ни въ какомъ случаѣ жизни; онъ никогда еще до сей минуты не испытывалъ подобнаго страннаго и ужаснаго ощущенія. И что всего мучительнѣе — это было болѣе ощущеніе чѣмъ сознаніе, чѣмъ понятіе; непосредственное ощущеніе, мучительнѣйшее ощущеніе изъ всѣхъ до сихъ поръ жизнію пережитыхъ имъ ощущеній.

Письмоводитель сталъ диктовать ему форму обыкновеннаго въ такомъ случаѣ отзыва, то-есть заплатить не могу, обѣщаюсь тогда-то (когда-нибудь), изъ города не выѣду, имущество ни продавать, ни дарить не буду и проч.

— Да вы писать не можете, у васъ перо изъ рукъ валитъ, — замѣтилъ письменоводитель съ любопытствомъ глядясь въ Раскольникова. — Вы больны?

— Да.... голова кругомъ.... говорите дальше!

— Да все; подпишитесь.

Письмоводитель отобралъ бумагу и занялся съ другими.

Раскольниковъ отдалъ перо, но вмѣсто того чтобъ встать и уйти, положилъ оба локтя на столъ и стиснулъ руками голову. Точно гвоздь ему вбивали въ темя. Странная мысль

пришла ему вдругъ: встать сейчасъ, подойти къ Никодиму Омичу и разказать ему все вчерашнее, все до послѣдней подробности, затѣмъ пойти вмѣстѣ съ ними на квартиру и указать имъ вещи, въ углу, въ дырѣ. Поэмыъ былъ до того силенъ, что онъ уже всталъ съ мѣста, для исполненія.—„Не обдумать ли хоть минуту?“ провесело въ его головѣ.—„Нѣтъ, лучше не думая, и съ плечъ долой!“ Но вдругъ онъ остановился какъ вкопанный: Никодимъ Омичъ говорилъ съ жаромъ Ильѣ Петровичу и до него долетѣли слова:

— Быть не можетъ, обоихъ освободятъ! Впервыхъ, все противорѣчить; судите: зачѣмъ имъ дворника звать еслибъ это ихъ дѣло? На себя доносить, что ли? Аль для хитрости? Нѣтъ ужъ было бы слишкомъ хитро! И наконецъ студента Пестрякова видѣли у самыхъ воротъ оба дворника и мѣщанка, въ самую ту минуту какъ онъ входилъ: онъ шелъ съ тремя пріятелями и разошелся съ ними у самыхъ воротъ и о жительствѣ у дворниковъ спрашивалъ, еще при пріятеляхъ. Ну станетъ такой о жительствѣ спрашивать, если съ такимъ намѣреніемъ пришелъ? А Кохъ, такъ тотъ, прежде чѣмъ къ старухѣ заходить, внизу у серебряника полчаса сидѣлъ и ровно безъ четверти восемь отъ него къ старухѣ наверхъ пошелъ. Теперь сообразите....

— Но озвольте, какъ же у нихъ такое противорѣчіе вышло: сами увѣряютъ что стучались и что дверь была заперта, а черезъ три минуты, когда съ дворникомъ пришла, выходитъ что дверь отперта?

— Въ томъ и штука: убійца непременно тамъ сидѣлъ и заперся на запоръ; и непременно бы его тамъ накрыли, еслибы не Кохъ сдурилъ, не отправился самъ за дворникомъ. А онъ именно въ этотъ-то промежутокъ и успѣлъ спуститься по лѣстницѣ и прошмыгнуть мимо ихъ какъ-нибудь. Кохъ обѣими руками крестится: „Еслибъ я тамъ, говорить, остался, онъ бы выскочилъ и меня убилъ топоромъ.“ Русскій молебень хочетъ служить, — хе-хе!...

— А убійцу никто и не видалъ?

Раскольниковъ поднялъ свою шляпу и пошелъ къ дверямъ, Но до дверей онъ не дошелъ....

Когда онъ очнулся, то увидалъ, что сидитъ на стулѣ, что его поддерживаетъ справа какой-то человекъ, что слева стоитъ другой человекъ, съ желтымъ стаканомъ, наполненнымъ желтою водою, и что Никодимъ Ѳомичъ стоитъ передъ нимъ и пристально глядитъ на него; онъ всталъ со стула.

— Что это, вы больны? довольно рѣзко спросилъ Никодимъ Ѳомичъ.

— Они и какъ подписывались такъ едва перомъ водили, замѣтилъ письмоводитель, усаживаясь на свое мѣсто и принимаясь опять за бумаги.

— А давно вы больны? крикнулъ Илья Петровичъ съ своего мѣста и тоже перебирая бумаги. Онъ, конечно, тоже разсматривалъ больного, когда тотъ былъ въ обморокѣ, но тотчасъ же отошелъ когда тотъ очнулся.

— Со вчерашняго.... пробормоталъ въ отвѣтъ Раскольниковъ.

— А вчера со двора выходили?

— Выходилъ

— Больной?

— Больной.

— Въ какомъ часу?

— Въ восьмомъ часу вечера.

— А куда, позвольте спросить?

— По улицѣ.

— Коротко и ясно.

Раскольниковъ отвѣчалъ рѣзко, отрывисто, весь блѣдный какъ платокъ и не опуская черныхъ, воспаленныхъ глазъ своихъ передъ взглядомъ Ильи Петровича.

— Онъ едва на ногахъ стоитъ, а ты.... замѣтилъ было Никодимъ Ѳомичъ.

— Ни-че-го! какъ-то особенно проговорилъ Илья Петровичъ. Никодимъ Ѳомичъ хотѣлъ было еще что-то присовокупить, но взглянувъ на письмоводителя, который тоже очень пристально смотрѣлъ на него, замолчалъ. Всѣ вдругъ замолчали. Странно было.

— Ну-съ, хорошо-съ, заключилъ Илья Петровичъ,—мы васъ не задерживаемъ.

Раскольниковъ вышелъ. Онъ еще могъ слышать какъ по выходѣ его началась вдругъ оживленный разговоръ, въ

которомъ слышнѣе всѣхъ отдавался вопросительный голосъ Никодима Фомича... На улицѣ онъ совсѣмъ очнулся.

„Обыскъ, обыскъ, сейчасъ обыскъ!“ повторялъ онъ про себя, торопясь дойдти;—„разбойники! подозрѣваютъ!“ Давешній страхъ опять охватилъ его всего, съ ногъ до головы.

IX.

„А что если ужъ и былъ обыскъ? что если ихъ какъ разъ у себя и застаю?“

Но вотъ и его комната. Ничего и никого; никто не заглядывалъ. Даже Настасья не притрогивалась. Но, Господи! какъ могъ онъ оставить давеча всѣ эти вещи въ этой дырѣ?

Онъ бросился въ уголъ, запустилъ руку подъ обои и сталъ вытаскивать вещи и нагружать ими карманы. Всего оказа, лось восемь штукъ: двѣ маленькія коробки, съ серьгами, или съ чѣмъ-то въ этомъ родѣ, — онъ хорошенько не посмотрѣлъ; потомъ четыре небольшіе сафьянные футляра. Одна цѣпочка была просто завернута въ газетную бумагу. Еще что-то въ газетной бумагѣ, кажется орденъ....

Онъ покламъ все въ разные карманы, въ пальто и въ оставшійся правый карманъ панталонъ, стараясь чтобъ было непримѣтнѣе. Кошелекъ тоже взялъ заодно съ вещами. Затѣмъ вышелъ изъ комнаты, на этотъ разъ даже оставивъ ее совсѣмъ настежь.

Онъ шелъ скоро и твердо, и хотъ чувствовалъ что весь изломанъ, но сознаніе было при немъ. Боился онъ погоди. боялся что черезъ полчаса, черезъ четверть часа уже выйдеть, пожалуй, инструкторія слѣдить за нимъ; стало-быть, во что бы ни стало, надо было до времени схоронить концы. Надо было управиться, пока еще оставалось хотъ сколько-нибудь силъ и хотъ какое-нибудь разсужденіе.... Куда же идти?

Это было уже давно рѣшено: „бросить все въ канаву, и концы въ воду, и дѣло съ концомъ“. Такъ порѣшилъ онъ еще ночью, въ бреду, въ тѣ мгновенія когда, онъ помнилъ это, кѣ-

какая была исполнить намѣреніе: или плоты стояли у самыхъ стодою и на нихъ прачки мыли бѣлье, или лодки были причалены, и вездѣ люди такъ и кишать, да и отовсюду съ набережныхъ, со всѣхъ сторонъ, можно видѣть, замѣтить: подозрительно, что человекъ нарочно сошелъ, остановился и что-то въ воду бросаетъ. А ну какъ футляры не утопить, а пошвытуть? Да и конечно такъ. Всякій увидитъ. И безъ того же всѣ такъ и смотрять встрѣчаясь, оглаadyвають, какъ-будто имъ и дѣло только до него одного.— „Отчего бы такъ, или нѣтъ можетъ-быть кажется“, думалъ онъ.

Наконецъ пришло ему въ голову, что не лучше ли будетъ пойти куда-нибудь на Неву? Тамъ и людей меньше и незатѣяно и во всякомъ случаѣ удобнѣе, а главное, — отъ зѣвшихъ мѣстъ дальше. И удивился онъ вдругъ: какъ это онъ цѣлые полчаса бродитъ въ тоскѣ и тревогѣ, и въ опасныхъ мѣстахъ, а этого не могъ раньше выдумать! И потому только цѣлые полчаса на безразсудное дѣло убилъ, что такъ уже рѣшъ во снѣ, въ бреду рѣшено было! Онъ становился чрезвычайно разсѣянъ и забывчивъ, и зналъ это. Рѣшительно надо было спѣшить!

Онъ пошелъ къ Невѣ по В—му проспекту; но дорогою ему пришла вдругъ еще мысль: „Зачѣмъ на Неву? зачѣмъ въ воду? Не лучше ли уйти куда-нибудь очень далеко, опять хоть на острова, и тамъ гдѣ-нибудь, въ одинокомъ мѣстѣ, въ лѣсу, подъ кустомъ, — зарыть все это и дерево, пожалуй, замѣтить?“ И хотя онъ чувствовалъ, что не въ состояніи всего ясно и здраво обсудить въ эту минуту, но мысль ему показалась безошибочною.

Но и на острова ему не суждено было попасть, а случилось другое: выходя съ В—го проспекта, на площадь, онъ вдругъ увидѣлъ налѣво входъ во дворъ, обставленный совершенно глухими стѣнами. Справа, тотчасъ же по входѣ въ ворота, далеко во дворъ тянулась глухая небывшая стѣна особаго четырехъ-угольнаго дома. Стѣна парадельно глухой

что-нибудь въ этомъ родѣ; вездѣ, почти отъ самыхъ воротъ, чернѣлось много угольной пыли. „Вотъ бы куда подбросить и уйти!“ вздумалось ему вдругъ. Не замѣчая никого во дворѣ, онъ прошагнулъ въ ворота и какъ разъ увидалъ, сейчасъ же близь воротъ, прилаженный у забора жолобъ (какъ и часто устраивается въ такихъ домахъ гдѣ много фабричныхъ, артельныхъ, извозчиковъ и проч.), а надъ жолобомъ, тутъ же на заборѣ, написана была мѣломъ всегдашняя въ такихъ случаяхъ острота: „Здѣсь становитца возъ прещено“. Стало-быть ужъ и тѣмъ хорошо, что никакого подозрѣнія что зашелъ и остановился. „Тутъ все такъ разомъ и сбросить гдѣ-нибудь въ кучку и уйти!“

Оглядѣвшись еще разъ, онъ уже засунулъ и руку въ карманъ, какъ вдругъ у самой наружной стѣны, между воротами и жолобомъ, гдѣ все разстояніе было шириною въ аршинъ, замѣтилъ онъ большой, неотесанный камень, примѣрно, можетъ-быть, пуда въ полтора вѣсу, прилежавшій прямо къ каменной уличной стѣнѣ. За этою стѣной была улица, тротуаръ, слышно было какъ швыряли прохожіе, которыхъ здѣсь всегда не мало; но за воротами его никто не могъ увидеть, развѣ зашелъ бы кто съ улицы, что, впрочемъ, очень могло случиться, а потому надо было спѣшить.

Онъ нагнулся къ камню, схватился за верхушку его крѣпко, обѣими руками, собралъ всѣ свои силы и перевернулъ камень. Подъ камнемъ образовалось небольшое углубленіе; тотчасъ же сталъ онъ бросать въ него все изъ кармана. Котелекъ пришелся на самый верхъ, и все-таки въ углубленіи оставалось еще мѣсто. Затѣмъ онъ снова схватился за камень, однимъ оборотомъ перевернулъ его на прежнюю сторону, и онъ какъ-разъ пришелся въ свое прежнее мѣсто, развѣ немного, чуть-чуть казался повыше. Но онъ подгрелъ землю и придавилъ по краямъ ногою. Ничего не было замѣтно.

Тогда онъ вышелъ и направился къ площади. Опять слы-

вспомнил потомъ, что онъ засмѣялся первымъ, мелкимъ, несмысленнымъ, долгимъ смѣхомъ, и все смѣялся, все время какъ проходилъ черезъ площадь. Но когда онъ ступилъ на К—й бульваръ, гдѣ третьяго дня повстрѣчался съ тою дѣвочкой, смѣхъ его вдругъ прошепелъ. Другія мысли ползли ему въ голову. Показалось ему вдругъ тоже, что ужасно ему теперь отвратительно проходить мимо той скамейки, на которой онъ тогда, по уходѣ дѣвочки, сидѣлъ и раздумывалъ, и ужасно тоже будетъ тяжело встрѣтить опять того усача, которому онъ тогда далъ двугривенный: „Чортъ его возьми!“

Онъ шелъ смотря кругомъ разсѣянно и злобно. Всѣ мысли его кружились теперь около одного какого-то главнаго пункта, — и онъ самъ чувствовалъ, что это дѣйствительно такой главный пунктъ и есть, и что теперь, именно теперь, онъ остался одинъ-на-одинъ съ этимъ главнымъ пунктомъ, — и что это даже въ первый разъ послѣ этихъ двухъ мѣсяцевъ.

„А чортъ возьми это все!“ подумалъ онъ вдругъ въ припадкѣ неистощимой злобы. „Ну началось, такъ и началось, чортъ съ ней и съ новою жизнью! Какъ это, Господи, гаупо!... А сколько я нагалялъ и наподличалъ сегодня! Какъ мерзко лебезилъ и заигрывалъ давеча съ сквернѣйшимъ Ильей Петровичемъ! А, впрочемъ, вздоръ и это! Наплевать мнѣ на нихъ на всѣхъ, да и на то что я лебезилъ и заигрывалъ! Совсѣмъ не то! Совсѣмъ не то!...“

Вдругъ онъ остановился; новый, совершенно неожиданный и чрезвычайно простой вопросъ разомъ сблизъ его съ толку и горько его изумилъ:

„Если дѣйствительно все это дѣло сдѣлано было сознательно, а не по-дурачки; если у тебя дѣйствительно была опредѣленная и твердая цѣль, то какимъ же образомъ ты до сихъ поръ даже и не заглянулъ въ кошелекъ, и не знаешь что тебѣ досталось, изъ-за чего всѣ муки принялъ и на такое подлое, гадкое, низкое дѣло сознательно шелъ? Да вѣдь ты въ воду его хотѣлъ сейчасъ бросить, кошелекъ-то, вмѣстѣ со всѣми вещами, которыхъ ты тоже еще не видалъ.... Это какъ же?“

Да, это такъ; это все такъ. Онъ, впрочемъ, это и прежде зналъ, и совсѣмъ это не новый вопросъ для него; и когда ночью рѣшено было въ воду кинуть, то рѣшено было безо всякаго колебанія и возраженія, а такъ, какъ будто такъ

тому и садѣуеть быть, какъ будто иначе и быть невозмож-
но.... Да, онъ это все зналъ и все помнилъ; да чуть ли это
уже вчера не было такъ рѣшено, въ ту самую минуту, когда
онъ надъ сундукомъ сидѣлъ и футляры изъ него таскалъ...
А вѣдь такъ!...

„Это оттого что я очень боленъ,“ угрюмо рѣшилъ онъ на-
конецъ, — „я самъ измучилъ и истерзалъ себя, и самъ не знаю
что дѣлаю.... И вчера, и третьяго дня, и все это время тер-
залъ себя.... Выздоровлю и.... не буду терзать себя.... А ну какъ
совсѣмъ и не выздоровлю? Господи! какъ это мнѣ все надо-
ѣло!...“ Онъ шелъ не останавливаясь. Ему ужасно хотѣлось
какъ-нибудь разсѣяться, но онъ не зналъ что сдѣлать и что
предпринять. Одно новое, непреодолимое ощущение овладѣвало
имъ все болѣе и болѣе почти съ каждой минутой; это было
какое-то безконечное, почти физическое, отвращеніе ко все-
му встрѣчавшемуся и окружающему, упорное, злобное, нена-
вистное. Ему гадки были всѣ встрѣчные, — гадки были да-
же ихъ лица, походка, движенія. Просто наплевалъ бы на ко-
го-нибудь, укусилъ бы, кажется, еслибы кто-нибудь съ нимъ
заговорилъ....

Онъ остановился вдругъ, когда вышелъ на набережную
Малой Невы, на Васильевскомъ Островѣ, подлѣ моста. „Вотъ
тутъ онъ живетъ, въ этомъ домѣ,“ подумалъ онъ. „Что это,
да никакъ я къ Разумихину самъ пришелъ! Опять та же исто-
рія какъ тогда.... А очень однакоже любопытно: самъ я при-
шелъ, или просто шелъ, да сюда зашелъ? Все равно; сказалъ
я.... третьяго дня.... что къ нему послѣ того на другой день
пойду, ну чтожъ, и пойду! Будто ужъ я и не могу теперь
зайти....“

Онъ поднялся къ Разумихину въ пятый этажъ.

Тотъ былъ дома, въ своей каморкѣ, и въ эту минуту за-
нимался, писалъ, и самъ ему отперъ. Мѣсяца четыре какъ
они не видались. Разумихинъ сидѣлъ у себя въ истрепан-
номъ до лохмотьевъ халатѣ, въ туфляхъ на босу ногу, вклю-
ченный, небритый и не умытый. На лицѣ его выразилось
удивленіе.

— Что ты? закричалъ онъ, осматривая съ ногъ до головы
вошедшаго товарища; затѣмъ помолчалъ и присвистнулъ.

— Неужели ужъ такъ плохо? Да ты, братъ, нашего брата
перещеголялъ, прибавилъ онъ, глядя на лохмотья Раско-
никова; — да садись же, усталъ небось! и когда тотъ повалился

на клеветчатый, турецкій диванъ, который былъ еще хуже его собственнаго, Разумихинъ разглядывалъ вдругъ что гость его боленъ.

— Да ты серьезно боленъ, знаешь ты это?—Онъ сталъ щупать его пульсъ; Раскольниковъ вырвалъ руку.

— Не надо, сказалъ онъ, я пришелъ.... вотъ что: у меня уроковъ никакихъ.... я хотѣлъ было.... впрочемъ мнѣ совсѣмъ не надо уроковъ....

— А знаешь что? вѣдь ты бредашь! замѣтилъ наблюдавшій его пристально Разумихинъ.

— Нѣтъ, не брежу.... Раскольниковъ всталъ съ дивана. Подымаясь къ Разумихину онъ не подумалъ о томъ, что съ нимъ, стало-быть, лицомъ къ лицу сойтись долженъ. Теперь же, въ одно мгновеніе, догадался онъ, уже на опытъ, что всего менѣе расположенъ, въ эту минуту, сходиться лицомъ къ лицу съ кѣмъ бы то ни было въ цѣломъ свѣтѣ. Вся жечь подвинулась въ немъ. Онъ чуть не захлебнулся отъ злости на себя самого, только что переступилъ порогъ Разумихина.

— Прощай! сказалъ онъ вдругъ, и пошелъ къ двери.

— Да ты постой, постой, чудакъ!

— Не надо!.. повторилъ тотъ, опять вырывая руку.

— Такъ на кой-чортъ ты вошелъ послѣ этого! Очумѣлъ ты, что ли? Вѣдь это.... почти обидно. Я такъ не пуцу.

— Ну, слушай: я къ тебѣ пришелъ, потому что кромѣ тебя никого не знаю кто бы помогъ.... начхать.... потому что ты всѣхъ ихъ добрѣе, т.-е. умнѣе, и обсудить можешь... А теперь аважу, что ничего мнѣ не надо, слышишь, совсѣмъ ничего.... никакихъ услугъ и участій.... Я самъ.... одинъ.... Ну и довольно! Оставьте меня въ покоѣ!

— Да постой на минутку, трубочистъ! Совсѣмъ сумасшедшій! По мнѣ, вѣдь, какъ хочь. Видишь ли: уроковъ и у меня нѣтъ, да и наплевать, а есть на Толкучемъ книгопродавецъ

нѣшаго шарлатанства: однимъ словомъ разсматривается, человекъ ли женщина или не человекъ? ну и, разумеется, торжественно доказывается что человекъ. Херувимовъ это по части женскаго вопроса готовить; а перевожу: растянетъ онъ эти два съ половиной листа листовъ на шесть, присочинивъ пышнѣйшее заглавіе въ полстраницы и пустимъ по полтавнику. Сойдетъ! За переводъ мнѣ по шести цѣковыхъ съ листа, значить за все рублей пятнадцать достанется, а шесть рублей взялъ я впередъ. Кончимъ это, начнемъ объ китахъ переводить, потомъ изъ второй части *Confessions* какія-то скучнѣйшія сплетни тоже отыщемъ, переводить будемъ; Херувимову кто-то сказалъ, что будто бы Руссо въ своемъ родѣ Радичевъ. Я, разумеется, не противорѣчу, чортъ съ нимъ! Ну хочешь второй листъ: *Человекъ ли женщина?*—переводить? Коли хочешь, такъ бери сейчасъ текстъ, перьевъ бери, бумагу—все это казенное—и бери три рубля, такъ какъ я за весь переводъ впередъ взялъ, за первый и за второй листъ, то стало-быть три рубля прямо на твой пап и придутся. А кончишь листъ—еще три цѣковыхъ получишь. Да вотъ что еще, пожалуста за услугу какую-нибудь не считай съ моей стороны. Напротивъ, только-что ты вошелъ, я ужъ и разчиталъ чѣмъ ты мнѣ будешь полезенъ. Вопервыхъ, я въ орфографіи плохъ, а вовторыхъ, въ нѣмецкомъ илюгда просто швахъ, такъ что все больше отъ себя сочиняю, и только тѣмъ и утѣшаюсь, что отъ этого еще лучше выходить. Ну а кто его знаетъ, можетъ-быть оно и не лучше, а хуже выходить... Берешь или нѣтъ?

Раскольниковъ молча взялъ нѣмецкіе листки статьи, взялъ три рубля, и не сказавъ ни слова, вышелъ. Разумихинъ съ удивленіемъ поглядѣлъ ему вслѣдъ. Но дойдя уже до первой линіи, Раскольниковъ вдругъ воротился, подвѣсясь опять къ Разумихину, и положивъ на столъ и нѣмецкіе листы, и три рубля, опять-таки ни слова не говоря пошелъ вонъ.

— Да у тебя бѣлая горячка, что ль! заревѣлъ взбѣсившійся наконецъ Разумихинъ. — Чего ты комедію-то разыгрываешь! Даже меня сблизъ съ толку... Зачѣмъ же ты приходишь послѣ этого, чортъ?

— Не надо.... переводовъ.... пробормоталъ Раскольниковъ уже спускаясь съ лѣстницы.

— Такъ какого же тебѣ чорта надо? закричалъ сверху Разумихинъ.—Тотъ молча продолжалъ спускаться.

— Эй, ты! гдѣ ты живешь?

Отвѣта не получило.

— Ну такъ чор-р-ртъ съ тобой!...

Но Раскольниковъ уже выходилъ на улицу. На Николаевскомъ мосту ему пришлось еще разъ вполнѣ очнуться, вслѣдствіе одного весьма неприятнаго для него случая. Его плотно мстала кнутомъ по спиамъ кучеръ одной коляски, за то что онъ чуть-чуть не попалъ подъ лошадей, несмотря на то что кучеръ раза три или четыре ему кричалъ. Ударъ кнута такъ разозлилъ его, что онъ, отскочивъ къ периламъ (известно почему онъ шелъ по самой серединѣ моста, гдѣ ѣздятъ, а не ходятъ), злобно заскрежеталъ и зацѣпалъ зубами. Кругомъ, разумеется, раздавался смѣхъ.

— И за дѣло!

— Выжига какая-нибудь.

— Известно, пьянымъ представится, да нарочно и лѣзетъ подъ колеса; а ты за него отвѣчай.

— Тѣмъ промышляютъ, почтенный, тѣмъ промышляютъ....

Но въ ту минуту какъ онъ стоялъ у перилъ и все еще бессмысленно и злобно смотрѣлъ вслѣдъ удалявшейся коляскѣ, потирая спину, вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то суетъ ему въ руки деньги. Онъ посмотрѣлъ: пожилая купчиха, въ головкѣ и въ козловыхъ башмакахъ, и съ нею дѣвушка, въ шляпкѣ и съ зеленымъ зонтикомъ, вѣроятно дочь. „Прими, батюшка, ради Христа“. Онъ взялъ, и онѣ прошли мимо. Девушка двугривенный. По платю и по виду онѣ очень могли принять его за нищаго, за настоящаго собирателя грошей на улицѣ, а подавѣ дѣлаго двугривеннаго онъ навѣрно обязанъ былъ удару кнута, который ихъ разжалобилъ.

Онъ зажалъ двугривенный въ руку, прошелъ шаговъ десять и оборотился лицомъ къ Невѣ, по направленію дворца. Небо было безъ малѣйшаго облачка, а вода почти голубая, что на Невѣ такъ рѣдко бываетъ. Куполъ собора, который ни съ какой точки не обрисовывается лучше, какъ смотря на него отсюда, съ моста, не доходя шаговъ двадцать до часовни, такъ и сиялъ, и сквозь чистый воздухъ можно было отчетливо разглядѣть даже каждое его украшеніе. Боль отъ кнута утихла, и Раскольниковъ забылъ про ударъ; одна беспокойная и не совсѣмъ ясная мысль занимала его теперь исключительно. Онъ стоялъ и смотрѣлъ въ даль долго и пристально; это мѣсто было ему особенно знакомо. Когда онъ ходилъ въ уни-

верситетъ, то обыкновенно, — чаще всего возвращаясь домой, — случалось ему, можетъ-быть разъ сто, останавливаться именно на этомъ же самомъ мѣстѣ, пристально вглядываться въ эту, действительно великолѣпную, панораму и каждый разъ почти удивляться одному неясному и неразрѣшному своему впечатлѣнiю. Необъяснимымъ холодомъ вѣяло на него всегда отъ этой великолѣпной панорамы; духомъ вѣмымъ и глухимъ полна была для него эта пышная картина... Дивилса онъ каждый разъ своему утрюмому и загадочному впечатлѣнiю и откладывалъ разгадку его, не довѣрая себѣ, въ далекое будущее. Теперь вдругъ рѣзко вспомнилъ онъ и про эти прежнiе свои вопросы и недоумѣнiя, и показалось ему, что нечаянно онъ вспомнилъ теперь про нихъ. Ужь одно то показалось ему дико и чудно, что онъ на томъ же самомъ мѣстѣ остановился какъ прежде, какъ будто и действительно вообразилъ, что можетъ о томъ же самомъ мыслить теперь какъ и прежде, и такими же прежними темами и картинами интересоваться, какими интересовался... еще такъ недавно. Даже чуть не смѣшно ему стало, и въ то же время сдавило грудь до боли. Въ какой-то безконечной глубинѣ, внизу, гдѣ-то чуть видно подъ ногами, показалось ему теперь все это прежнее прошлое, и прежнiя мысли, и прежнiя задачи, и прежнiя темы, и прежнiя впечатлѣнiя, и вся эта панорама, и онъ самъ, и все, все... Казалось, онъ улеталъ куда-то вверхъ и все исчезало въ глазахъ его.... Сдѣлавъ одно невольное движенiе рукой, онъ вдругъ ощутилъ въ кулакѣ своемъ зажатый двугривенный. Онъ разжалъ руку, пристально поглядѣлъ на монетку, размахнулся и бросилъ ее въ воду; затѣмъ повернулся и пошелъ домой. Ему показалось, что онъ какъ будто ножницами отрѣзалъ себя самъ отъ всѣхъ и всего въ эту минуту.

Онъ пришелъ къ себѣ уже къ вечеру, стало-быть проходилъ всего часовъ шесть. Гдѣ и какъ шелъ обратно, ничего онъ этого не помнилъ. Раздѣвшись и весь дрожа какъ загнанная лошадь, онъ легъ на диванъ, натянулъ на себя широкую и потную фуфайку...

приподнялся онъ и сѣлъ на своей постели, каждое мгновеніе замирая и мучаясь. Но драки, вопли и ругательства становились все сильнѣе и сильнѣе. И вотъ, къ величайшему изумленію, онъ вдругъ слышалъ голосъ своей хозяйки. Она выла, визжала и причитала, спѣла, торопясь, выпуская слова такъ что и разобрать нельзя было, о чемъ-то умолая,— конечно о томъ чтобъ ее перестали бить, потому что ее безпощадно били на лѣстницѣ. Голосъ бившаго сталъ до того ужасенъ отъ злобы и бѣшенства, что уже только хрипѣлъ, но все-таки и бившій тоже что-то такое говорилъ, и тоже скоро, неразборчиво, торопясь и захлебываясь. Вдругъ Раскольниковъ затрепеталъ какъ листъ: онъ узналъ этотъ голосъ; это былъ голосъ Ильи Петровича. Илья Петровичъ здѣсь и бьетъ хозяйку! Онъ бьетъ ее ногами, колотитъ ее головою о ступени,—это ясно, это слышно, по звукамъ, по воплямъ, по ударамъ! Чтò это, свѣтъ перевернулся что ли? Слышно было какъ во всѣхъ этажахъ, по всей лѣстницѣ собиралась толпа, слышались голоса, восклицанія, всходили, стучали, хлопали дверями, сбѣгались. „Но за чтò же, за чтò же, и какъ это можно!“ повторялъ онъ, серьезно думая, что онъ совсѣмъ помѣшался. Но нѣтъ, онъ слишкомъ ясно слышитъ!... Но, стало-быть, и къ нему сейчасъ придутъ, если такъ, „потому что... вѣрно все это изъ того же... изъ-за вчерашняго... Господи!“ Онъ хотѣлъ было запереться на крючокъ, но рука не поднялась... да и бесполезно! Страхъ какъ ледъ обложилъ его душу, замучилъ его, окоченилъ его.... Но вотъ наконецъ весь этотъ гамъ, продолжавшійся вѣрныхъ десять минутъ, сталъ постепенно утихать. Хозяйка стонала и охала, Илья Петровичъ все еще грозилъ и ругался... Но вотъ, наконецъ, кажется и онъ затихъ; вотъ ужъ и не слышно его; „неужели ушелъ! Господи!“ Да, вотъ уходитъ и хозяйка, все еще со стономъ и плачемъ... вотъ и дверь у ней захлопнулась... Вотъ и толпа расходится съ лѣстницъ по квартирамъ, — ахаютъ, спорятъ, перекликаются, то возвышая рѣчь до крику, то понижая до шепоту. Должно-быть ихъ много было; чуть ли не весь домъ сбѣжался. „Но, Боже, развѣ все это возможно! И зачѣмъ, зачѣмъ онъ приходилъ сюда!“

Раскольниковъ въ безсиліи упалъ на диванъ, но уже не могъ сомкнуть глазъ; онъ пролежалъ такъ съ полчаса, въ такомъ страданіи, въ такомъ нестерпимомъ ощущеніи безграничнаго ужаса, какого никогда еще не испытывалъ. Вдругъ яркій свѣтъ оза-

рилъ его комнату: вошла Настасья со свѣчой и съ тарелкой супа. Посмотрѣвъ на него внимательно и разглядѣвъ что онъ не спитъ, она поставила свѣчку на столъ и начала раскладывать принесенное: хлѣбъ, соль, тарелку, ложку.

— Небось со вчерашняго не ѣлъ. Цѣлый-то день промаялся, а самого лихоманка бьетъ.

— Настасья... за что били хозяйку?

Она пристально на него посмотрѣла.

— Кто билъ хозяйку?

— Сейчасъ... полчаса назадъ, Илья Петровичъ, надзирателя помощникъ, на лѣстницѣ... За что онъ такъ ее избилъ? и... зачѣмъ приходилъ?..

Настасья молча и нахмурившись его разсматривала и долго такъ смотрѣла. Ему очень неприятно стало отъ этого разсматриванія, даже страшно.

— Настасья, чтожь ты молчишь? робко проговорилъ онъ, наконецъ, слабымъ голосомъ.

— Это кровь, отвѣчала она, наконецъ, тихо и какъ будто про себя говоря.

— Кровь!... какая кровь?... бормоталъ онъ, блѣднѣя и отодвигаясь къ стѣнѣ. Настасья продолжала молча смотрѣть на него.

— Никто хозяйку не билъ, проговорила она опять строгимъ и рѣшительнымъ голосомъ. Онъ смотрѣлъ на нее едва дыша.

— Я самъ слышалъ.... я не спалъ.... я сидѣлъ, еще робче проговорилъ онъ.—Я долго слушалъ... Приходилъ надзирателя помощникъ... На лѣстницу всѣ сбѣжались, изъ всѣхъ квартиръ...

— Никто не приходилъ. А это кровь въ тебѣ кричитъ. Это когда ей выходу нѣтъ и ужъ печенками запекаться начнется, тутъ и начнетъ мерещиться.... Ъсть-то станешь что ли?

Онъ не отвѣчалъ. Настасья все стояла надъ нимъ, пристально глядѣла на него и не уходила.

— Пить дай.. Настасьюшка.

Она сошла внизъ и минуты черезъ двѣ воротилась съ во-

X.

Онъ однакожь не то чтобъ ужъ былъ совсѣмъ въ безпамятствѣ во все время болѣзни: это было лихорадочное состояніе, съ бредомъ и полусознаніемъ. Многое онъ потомъ припомнилъ. То казалось ему, что около него собирается много народу и хотять его взять и куда-то вынести, очень объ немъ спорять и ссорятся. То вдругъ онъ одинъ въ комнату, всѣ ушли и боляся его, и только изрѣдка чуть-чуть отворяють дверь посмотрѣть на него, грозять ему, сговариваются объ чемъ-то промежь себя, смѣются и дразнятъ его. Настасью онъ часто помнилъ подлѣ себя; разучалъ и еще одного человѣка, очень будто бы ему знакомаго, но кого именно — никакъ не могъ догадаться и тосковалъ объ этомъ, даже и плакалъ. Иной разъ казалось ему что онъ уже съ мѣсяць лежитъ; въ другой разъ — что все тотъ же день идетъ. Но объ томъ, — объ томъ онъ совершенно забылъ; зато ежеминутно помнилъ, что объ чемъ-то забылъ чего нельзя забывать, — терзался, мучился припоминая, стоналъ, впадалъ въ бѣшенство, или въ ужасный, невыносимый страхъ. Тогда онъ порывался съ мѣста, хотѣлъ бѣжать, но всегда кто-нибудь его останавливалъ силой, и онъ опять впадалъ въ безсиліе и безпамятство. Наконецъ онъ совсѣмъ пришелъ въ себя.

Произошло это утромъ, въ десять часовъ. Въ этотъ часъ утра, въ ясные дни, солнце всегда длинною полосой проходило по его правой стѣнѣ и освѣщало уголь подлѣ двери. У постели его стояла Настасья и еще одинъ человѣкъ, очень любопытно его разглядывавшій и совершенно ему незнакомый. Это была молодой парень въ кафтанѣ, съ бородакой, и съ виду походилъ на артельщика. Изъ полуотворенной двери

черноглаза, добра отъ толстоты и отъ лѣвосты; и собою даже очень смазлива. Стыдлива же сверхъ необходимости.

— Вы... кто? продолжалъ онъ допрашивать, обращаясь къ самому артельщику. Но въ эту минуту опять отворилась дверь настежь, и немного наклонившись, потому что былъ высокъ, вошелъ Разумихинъ.

— Экая морская каюта, закричалъ онъ входя, — всегда лбомъ стучаюсь; тоже вѣдь квартирой называется! А ты, братъ, очнулся? сейчасъ отъ Пашеньки слышалъ.

— Сейчасъ очнулся, сказала Настасья.

— Сейчасъ очнулся, опять поддакнулъ артельщикъ съ улыбкой.

— А вы кто сами-то изволите быть-съ? спросилъ, вдругъ обращаясь къ нему, Разумихинъ. — Я вотъ, изволите видѣть, Вразумихинъ; не Разумихинъ, какъ меня всѣ величаютъ, а Вразумихинъ, студентъ, дворянскій сынъ, а онъ мой пріятель. Ну-съ, а вы кто таковы?

— А я въ нашей конторѣ артельщикомъ, отъ купца Шелопалева-съ, и сюда по дѣлу-съ.

— Извольте садиться на этотъ стулъ; самъ Разумихинъ сбѣлъ на другой, съ другой стороны столика.— Это ты, братъ, хорошо сдѣлалъ что очнулся, продолжалъ онъ, обращаясь къ Раскольникову.— Четвертый день едва ѣшь и пьешь. Право, чаю съ ложечки давали. Я къ тебѣ два раза приводилъ Зосимова. Помнишь Зосимова? Осмотрѣлъ тебя внимательно и сразу сказалъ что все пустяки, — въ голову, что-ли, какъ-то ударило. Первый вздоръ какой-то, паекъ былъ дурной говорить, пива и хрѣну мало отпускали, оттого и болѣзнь, но что ничего, пройдетъ и перемелется. Молодецъ Зосимовъ! Знатно началъ полѣчивать. Ну-съ, такъ я васъ не задерживаю, обратился онъ опять къ артельщику, — угодно вамъ разъяснить вашу надобность? Замѣть себѣ Родя, изъ ихней конторы ужъ второй разъ приходятъ: только прежде не этотъ прихо-

— Похвально; ну-съ, продолжайте.

— А вотъ черезъ Аѳанасія Ивановича Вахрушина, объ которомъ, почитаю, неоднократно изволили слышать-съ, по просьбѣ вашей мамашы, чрезъ нашу контору вамъ переводъ-съ, началъ артельщикъ прямо обращаясь къ Раскольникову. — Въ случаѣ если уже вы состоите въ понятіи-съ — тридцать пять рублей вамъ вручить-съ, такъ какъ Семенъ Семеновичъ отъ Аѳанасія Ивановича, по просьбѣ вашей мамашы, по прежнему манеру о томъ увѣдомленіе получили. Изволите звать-съ?

— Да.... помню.... Вахрушинъ.... проговорилъ Раскольниковъ задумчиво.

— Слышите: купца Вахрушина знаетъ! вскричалъ Разумихинъ.—Какъ же не въ понятіи? А впрочемъ, я теперь замѣчаю, что и вы тоже толковый человекъ. Я вѣдь это вамъ давеча только такъ.... для внушенія.... Ну-съ! умныя рѣчи приятно и слушать.

— Они самые и есть-съ, Вахрушинъ, Аѳанасій Ивановичъ, и по просьбѣ вашей мамашы, которая черезъ нихъ такимъ-же манеромъ вамъ уже пересылала однажды, они и на сей разъ не отказали-съ и Семена Семеновича на сихъ дняхъ увѣдомили изъ своихъ мѣстъ, чтобы вамъ тридцать пять рублей передать-съ, въ ожиданіи лучшаго-съ.

— Вотъ въ „ожиданіи-то лучшаго“ у (васъ лучше всего и вышло; не дурно тоже и про „вашу мамашу“. Ну, такъ какъ же по-вашему: въ полной онъ или не въ полной памяти,—а?

— По мнѣ что же-съ. Вотъ только бы насчетъ расписочки слѣдовало бы-съ.

— Нацарапаетъ! Чтò у васъ, книга что-ль?

— Книга-съ, вотъ-съ.

— Давайте сюда. Ну, Родя, подымайся. Я тебя попридержу; подмахни-ка ему Раскольникову, бери перо, потому, братъ, деньги намъ теперь пуще патоки.

— Не надо, — сказалъ Раскольниковъ, отстраняя перо.

— Чего это не надо.

— Не стану подписывать.

— Фу, чортъ, да какъ же безъ расписки-то?

— Не надо.... денегъ....

— Это денегъ-то не надо! Ну, это, братъ, врешь, я свидѣтель! — Не беспокойтесь, пожалуйста, это онъ только такъ.... опять воажуруетъ. Съ нимъ, впрочемъ, это и на яву бываетъ....

Вы человекъ расудительный, и мы будемъ его руководить, то-есть по-просту, его руку водить, онъ и подпишетъ. Принимайтесь-ка....

— А впрочемъ, я и въ другой разъ зайду-сь.

— Нѣтъ, нѣтъ; зачѣмъ же вамъ беспокоиться. Вы человекъ расудительный.... Ну, Родя, не задерживай гостя.... видишь ждешь, — и онъ серьезно приготовился водить рукой Раскольниковъ.

— Оставь, я самъ.... проговорилъ тотъ, взялъ перо и расписался въ книгѣ. Артельщикъ выложилъ деньги и удалился.

— Bravo! а теперь, братъ, хочешь ѣсть?

— Хочу, отвѣчалъ Раскольниковъ.

— У васъ супъ?

— Вчерашній, отвѣчала Настасья, все это время стоявшая тутъ же.

— Съ картофелемъ и съ рисовой крупой?

— Съ картофелемъ и крупой.

— Наизусть знаю. Тащи супъ, да и чаю давай.

— Привесу.

Раскольниковъ смотрѣлъ на все съ глубокимъ удивленіемъ и съ тупымъ бессмысленнымъ страхомъ. Онъ рѣшился молчать и ждать: что будетъ дальше? „Кажется, я не въ бреду“, думалъ онъ, — „кажется, это въ самомъ дѣлѣ....“

Черезъ двѣ минуты Настасья воротилась съ супомъ и объявила что сейчасъ и чай будетъ. Къ супу явились двѣ ложки, двѣ тарелки и весь приборъ: солонка, перечница, горчица для говядины и прочее, чего прежде, въ такомъ порядкѣ, уже давно не бывало. Скатерть была чистая.

— Не худо, Настасьюшка, чтобы Прасковья Павловна бутылочки двѣ пивца откомандировала. Мы выпьемъ-сь.

— Ну, ужъ ты, востроногий! пробормотала Настасья и пошла исполнять повелѣніе.

воилася и объявилъ, что насчетъ дальнѣйшаго надо посоветоваться съ Зосимовымъ.

Вошла Настасья, неся двѣ бутылки пива.

— А чаю хочешь?

— Хочу.

— Катай скорѣи и чаю, Настасья, потому насчетъ чаю, кажется, можно и безъ факультета. Но вотъ и пиво!—Онъ пересѣлъ на свой стулъ, придвинулъ къ себѣ супъ, говядину и сталъ ѣсть съ такимъ аппетитомъ, какъ-будто три дня не ѣлъ.

— Я, братъ Родя, у васъ тутъ теперь каждый день такъ обѣдаю, пробормоталъ онъ, насколько позволялъ набитый полный ротъ говядиной,—и это все Пашенька, твоя хозяйшка, хозяйничаетъ, отъ всей души меня чувствуетъ. Я, разумеется, не настаиваю, ну, да и не протестую. А вотъ и Настасья съ чаемъ. Эка проворная! Настенька, хоть пивца?

— И, ну-те къ проказнику!

— А чайку?

— Чайку пожалуй.

— Наливай. Постои, я тебѣ самъ налью; садись за столъ.

Онъ тотчасъ же распорядился, налилъ, потомъ налилъ еще другую чашку, бросилъ свой завтракъ и пересѣлъ опять на диванъ. Попржнему обхватилъ онъ лѣвою рукой голову больного, приподнялъ его и началъ пить съ чайной ложечки чаемъ, опять непрерывно и особенно усердно подувая на ложку, какъ-будто въ этомъ процессѣ подуванія и состоялъ самый главный и спасительный пунктъ выздоровленія. Раскольниковъ молчалъ и не сопротивлялся, несмотря на то что чувствовалъ въ себѣ весьма достаточно силъ приподняться и усидѣть на диванѣ безо всякой посторонней помощи, и не только владѣть руками на столъко чтобъ удержать ложку или чашку, но даже можетъ-быть и ходить. Но по какой-то странной, чуть не звѣриной хитрости, ему вдругъ пришло въ голову скрыть до времени свои силы, притаиться, прикинуться, если надо, даже еще не совсемъ понимающимъ, а между тѣмъ выслушать и выведать что такое тутъ происходитъ? Впрочемъ онъ не совладалъ съ своимъ отвращеніемъ: слабеувъ ложечъ десять чаю, онъ вдругъ высвободилъ свою голову, капризно оттолкнулъ ложку и повалялся опять на подушку. Подъ головами его дѣйствительно лежали теперь настоящія подушки,—пуховыя и

съ чистыми наволочками; онъ это тоже замѣтилъ и взялъ въ соображеніе.

— Надо чтобы Пашенька сегодня же намъ малиноваго варенья прислала, питье ему сдѣлать, сказалъ Разумихинъ, усаживаясь на свое мѣсто и опять принимаясь за супъ и за пиво.

— А гдѣ она тебѣ малины возьметъ? спросила Настасья, держа на растопыренныхъ пяти пальцахъ блюдечко и процѣживая въ себя чай „черезъ сахаръ“.

— Малину, другъ мой, она возьметъ въ лавочкѣ. Видишь, Родя, тутъ безъ тебя дѣлая исторія произошла. Когда ты такимъ мощенническимъ образомъ удралъ отъ меня, и квартиры не сказалъ, меня вдругъ такое зло взяло, что я положилъ тебя разыскать и казнить. Въ тотъ же день и приступилъ. Ужь я ходилъ, ходилъ, спрашивалъ, спрашивалъ! Эту-то, теперешнюю квартиру я забылъ; впрочемъ я ея никогда и не помнилъ, потому что не зналъ. Ну, а прежнюю квартиру, — помню только, что не доходя какого-то моста на здѣшной канавѣ и въ здѣшнихъ мѣстахъ, — Харламова домъ. Искать, искать я этотъ Харламовъ домъ, — а вѣдь, вышло потомъ что онъ вовсе и не Харламовъ домъ, а Буха, — какъ иногда въ звукахъ-то сбиваешься! Ну я и разсердился. Разсердился да и пошелъ, была не была, на другой день въ адресный столъ, и представъ себѣ: въ двѣ минуты тебя мнѣ тамъ разыскали. Ты тамъ записавъ.

— Записавъ!

— Еще бы; а вотъ генерала Кобелева никакъ не могли тамъ при мнѣ разыскать. Ну-съ, долго рассказывать. Только какъ я нагрянулъ сюда, тотчасъ же со всеми твоими дѣлами познакомился; со всеми, братецъ, со всеми, все знаю; вотъ и она видѣла: и съ Никодимомъ Омичемъ познакомился, и Илью Петровича мнѣ показывали, и съ дворникомъ, и съ гос-

— Будемъ цѣловать-съ. Ну такъ вотъ, братъ, чтобы лишняго не говорить, я хотѣлъ сначала здѣсь электрическую струю повсемѣстно пустить, такъ чтобы всѣ предрасудки въ здѣшней мѣстности разомъ искоренить; но Пашенька побѣдила. Я, братъ, никакъ и не ожидалъ, чтобы она была такая... авантаженькая.... а? какъ ты думаешь?

Раскольниковъ молчалъ, хотя ни на минуту не отрывалъ отъ него своего встревоженнаго взгляда, и теперь упорно продолжалъ глядѣть на него.

— И очень даже, продолжалъ Разумихинъ, нисколько не смущаясь молчаніемъ и какъ-будто поддакивая полученному отвѣту,—и очень даже въ порядкѣ, во всѣхъ статьяхъ.

— Ишь, тварь! вскрикнула опять Настасья, которой разговоръ этотъ доставлялъ, повидимому, неизъяснимое блаженство.

— Скверно, братъ, то, что ты съ самаго начала не сумѣлъ взяться за дѣло. Съ ней надо было не такъ. Вѣдь это, такъ сказать, самый неожиданный характеръ! Ну, да объ характерѣ потомъ.... А только какъ, напримѣръ, довести до того, чтобы она тебѣ обѣда смѣла не присылать? Или, напримѣръ, этотъ вексель? Да ты съ ума сошелъ, что ли, векселя подписывать! Или, напримѣръ, этотъ предполагавшійся бракъ, когда еще дочка, Наталья Егоровна, жива была.... Я все знаю! А впрочемъ, я вижу, что это деликатная струна и что я оселъ; ты меня извини. Но кстати о глупости: какъ ты думаешь, вѣдь Прасковья Павловна совсѣмъ, братъ, не такъ глупа, какъ съ перваго взгляда можно предположить, а?

— Да... процѣдилъ Раскольниковъ, смотря въ сторону, но понимая что выгоднѣе поддержать разговоръ.

— Неправда ли? вскричалъ Разумихинъ, видимо обрадовавшись, что ему отвѣтили, но вѣдь и не умна, а? Совершенно, совершенно неожиданный характеръ! Я, братъ, отчасти

прежняго не поддерживалъ, она и вздумала тебя съ квартиры согнать. И давно она это намѣреніе питала, да векселя стало жалко. Къ тому же ты самъ увѣрялъ что мамаша заплатитъ...

— Это я по подлости моеѣ говорилъ... Мать у меня сама чуть милостыни не просить.... а я агаль, чтобъ меня на квартирѣ держали и.... кормили, проговорилъ громко и отчетливо Раскольниковъ.

— Да, это ты благоразумно дѣлалъ. Только вся штука въ томъ, что тутъ и подвернись господинъ Чебаровъ, надворный совѣтникъ и дѣловой человѣкъ. Пашенька безъ него ничего бы не выдумала, ужъ очень стыдлива; ну, а дѣловой человѣкъ вестыдливъ и первымъ дѣломъ, разумѣется, предложилъ вопросъ: есть ли надежда осуществить векселекъ? Отвѣтъ: есть, потому такая мамаша есть, что изъ ста-двадцати-пяти-рублевой своей пенсіи, хоть сама ѣсть не будетъ, а ужъ Роденьку выручить, да сестрица такая есть, что за брата въ кабалу пойдетъ. На этомъ-то онъ и основался.... Чтò шевелиться-то? Я, братъ, теперь всю твою подвогтовную узналъ, не даромъ ты съ Пашенькой откровенничалъ, когда еще на родственной ногѣ состоялъ, а теперь любя говорю... То-то вотъ и есть: честный и чувствительный человѣкъ откровенничаетъ, а дѣловой человѣкъ слушаетъ да ѣсть, а потомъ и съѣсть. Вотъ и уступила она сей векселекъ, якобы уплатою, сему Чебарову, а тотъ формально и потребовалъ, не сконфузился. Хотѣлъ-было я ему, какъ узналъ это все, такъ, для очистки совѣсти, тоже струю пустить, да на ту пору у насъ съ Пашенькой гармонія вышла, а и повелѣлъ это дѣло все прекратить, въ самомъ то-есть источникѣ, поручившись, что ты заплатишь. Я, братъ, за тебя поручился, слышишь? Позвали Чебарова, десять цѣковыхъ ему въ зубы, а бумагу назадъ, и вотъ честь имѣю ее вамъ представить, — на слово вамъ теперь вѣрять, — вотъ, возьмите, и надорвана мною какъ слѣдуетъ.

Разумихинъ выложилъ на столъ заемное письмо; Раскольниковъ взглянулъ на него, и не сказавъ ни слова, отворотился къ стѣнѣ. Даже Разумихина покорило.

— Меня, и даже въ изступленіе входили по сему случаю, особенно когда я разъ Заметова приводилъ.

— Заметова?... Письмоводителя?... Зачѣмъ? Раскольниковъ быстро оборотился и уперся глазами въ Разумихина.

— Да чего ты такъ.... Что встревожился? Познакомиться съ тобой пожелалъ; самъ пожелалъ, потому что много мы съ нимъ о тебѣ переговорили.... Иначе, отъ кого жь бы я про тебя-то столько узналъ? Славный, братъ, овъ малый, чудеснѣйшій... въ своемъ родѣ, разумнется. Теперь пріятелю; чуть не ежедневно видимся. Вѣдь я въ эту часть переѣхалъ. Ты не знаешь еще? Только-что переѣхалъ. У Лавизы съ нимъ раза два побывали. Лавизу-то помнишь, Лавизу Ивановну?

— Бредилъ я что-нибудь?

— Еще бы! Себѣ не принадлежалъ-съ.

— О чемъ я бредилъ?

— Эвось! о чемъ бредилъ? Извѣстно о чемъ бредить.... Ну, братъ, теперь, чтобы времени не терять, за дѣло.

Овъ всталъ со стула и схватился за фуражку.

— О чемъ бредилъ?

— Экъ вѣдь наладить! Ужь не за секретъ ли какой боишься? Не безпокойся: о графинѣ ничего не было сказано. А вотъ о бульдогѣ какомъ-то, да о сережкахъ, да о дѣвочкахъ какихъ-то, да о Крестовскомъ островѣ, да о дворникѣ какомъ-то, да о Никодимѣ Фомичѣ, да объ Ильѣ Петровичѣ, надзирателя помощникѣ, много было говорено. Да кромѣ того, собственнымъ вашимъ носкомъ очень даже интересоваться изволили, очень! Жалобился: подайте, дескать, носокъ, да и только. Заметовъ самъ по всѣмъ угламъ твои носки размыскивалъ и собственными, вымытыми въ духахъ, ручками, съ перстнями, вамъ эту дрянь подавалъ. Тогда только и успокоились, и дѣлая сутки въ рукахъ эту дрянь продержали; вырвать нельзя было. Должно-быть и теперь гдѣ-нибудь у тебя подъ одеяломъ лежитъ. А то еще бахромы на панталоны просилъ, да вѣдь какъ слезно! Мы ужъ допытывались: какая тамъ еще бахрома? Да ничего разобрать нельзя было.... Ну-съ, такъ за дѣло! Вотъ тутъ тридцать пять рублей; изъ нихъ десять беру, а часика черезъ два въ нихъ отчетъ представляю. Тѣмъ временемъ дамъ знать и Зосимову, хоть и безъ того бы ему слѣдовало давно здѣсь быть, ибо двенадцатый часъ. А вы, Настенька, почаще безъ меня навѣдывайтесь, насчетъ тамъ питья, али чего-никого прочаго,

что пожелаютъ.... А Пашенькѣ я и самъ сейчасъ, что надо, скажу. До свиданія!

— Пашенькой зоветь! Ахъ ты рожа хитрая! проговорила ему вслѣдъ Настасья; затѣмъ отворила дверь и стала подслушивать, но не вытерпѣла и сама побѣжала внизъ. Очень ужъ ей интересно было узнать, о чемъ онъ говоритъ тамъ съ хозяйкой; да и вообще видно было, что она совсѣмъ очарована Разуихинимъ.

Едва только затворилась за ней дверь, больной сбросилъ съ себя одѣяло и какъ полуумный вскочилъ съ постели. Со жгучимъ, судорожнымъ нетерпѣнiемъ ждалъ онъ чтобъ они поскорѣе ушли, чтобы тотчасъ же безъ нихъ и приняться за дѣло. Но за что же, за какое дѣло?—онъ какъ будто бы теперь какъ нарочно и забылъ. — „Господи! скажи Ты мнѣ только одно: знаютъ они обо всемъ или еще не знаютъ? А ну какъ ужъ знаютъ и только прикидываются, дразнятъ, покуда лежу, а тамъ вдругъ войдутъ и скажутъ, что все давно ужъ извѣстно и что они только такъ.... Что же теперь дѣлать? Вотъ и забылъ, какъ нарочно; вдругъ забылъ, сейчасъ помнилъ!...“

Онъ стоялъ среди комнаты и въ мучительномъ недоумѣнiи осматривался кругомъ; подошелъ къ двери, отворилъ, прислушался; но это было не то. Вдругъ, какъ бы вспомнивъ, бросился онъ къ углу, гдѣ въ обояхъ была дыра, началъ все осматривать, запустилъ въ дыру руку, пошарилъ, но и это не то. Онъ пошелъ къ печкѣ, отворилъ ее и началъ шарить въ золѣ: кусочки бахромы отъ панталонъ и лоскутья разорваннаго кармана такъ и валялись, какъ онъ ихъ тогда бросилъ, стало-быть никто не смотрѣлъ! Тутъ вспомнилъ онъ про носокъ, про который Разуихинъ сейчасъ разказывалъ. Правда, вотъ онъ на диванѣ лежитъ, подъ одѣяломъ, но ужъ до того затерся и загрязнился съ тѣхъ поръ, что ужъ, конечно, Заметовъ ничего не могъ разсмотрѣть.

„Ба, Заметовъ!... контора!... А зачѣмъ меня въ контору зо-

или взаправду? Кажется, взаправду.... А, вспомнилъ: бѣжать! скорѣе бѣжать, непремѣнно, непремѣнно бѣжать! да.... а куда? а гдѣ мое платье? Сапоговъ нѣтъ! Убрали! Спрятали! понимаю! А, вотъ пальто — проглядѣли! Вотъ и деньги на столѣ, слава Богу! вотъ и вексель.... Я возьму деньги и уйду, и другую квартиру найму, они не сыщутъ!... Да, а адресный столѣ? Найдутъ! Разумихинъ найдетъ. Лучше со всѣмъ бѣжать.... далеко.... въ Америку, и наплевать на нихъ! И вексель взять.... онъ тамъ пригодится. Чего еще-то взять? Они думаютъ что я боленъ! Они и не знаютъ что я ходить могу, хе, хе, хе!... Я по глазамъ угадалъ что они все знаютъ! Только бы съ лѣстницы сойти! А ну какъ у нихъ тамъ сторожа стоятъ, полицейскіе! Чтѣ это, чай? А, вотъ и пиво осталось, полбутылки, холодное!“

Онъ схватилъ бутылку, въ которой еще оставалось пива на двѣй стаканъ, и съ наслажденіемъ выпилъ залпомъ, какъ будто потушая огонь въ груди. Но не прошло и минуты какъ пиво стукнуло ему въ голову, а по спиѣ пошелъ легкій и даже пріятный ознобъ. Онъ легъ и натянулъ на себя одѣяло. Мысли его, и безъ того большыя и безсвязныя, стали мѣшаться все больше и больше, и вскорѣ сонъ, легкій и пріятный, обхватилъ его. Съ наслажденіемъ отыскалъ онъ головой мѣсто на подушкѣ, паотѣе закутался мягкимъ ватнымъ одѣяломъ, которое было теперь на немъ вмѣсто разорванной прежней шинели, тихо вздохнулъ и заснулъ глубокимъ крѣпкимъ, цѣлебнымъ сномъ.

Проснулся онъ услышавъ что кто-то вошелъ къ нему, открылъ глаза и увидалъ Разумихина, отворившаго дверь настежь и стоявшаго на порогѣ, недоумѣвая: входить или нѣтъ? Раскольниковъ быстро привсталъ на диванѣ и смотрѣлъ на него какъ будто силясь что-то припомнить.

— А, не спишь, ну, вотъ и я! Настасья, тащи сюда узелъ! крикнулъ Разумихинъ внизъ. — Сейчас отчетъ получишь....

— Который часъ? спросилъ Раскольниковъ, тревожно озираясь.

— Да лихо, братъ, поспалъ; вечеръ на дворѣ, часовъ шесть будетъ. Часовъ шесть сплшкомъ спалъ....

— Господи! Чтѣ жъ это я!...

— А чего такого? На здоровье! Куда сплшишь? На свиданіе, что-ли? Все время теперь наше. Я ужъ часа три тебя жду; раза два заходилъ, ты спалъ. Къ Зосимову два раза

навѣдывался: нѣтъ дома, да и только! Да ничего, придетъ!... По своимъ дѣлшкѣмъ тоже отлучался. Я вѣдь сегодня перѣхалъ, совсѣмъ перѣхалъ, съ дядей. У меня вѣдь теперь дядя.... Ну да, къ чорту, за дѣло!... Давай сюда узелъ, Настенька. Вотъ мы сейчасъ.... А какъ, братъ, себя чувствуешь?

— Я здоровъ; я не боленъ.... Разумихинъ, ты здѣсь давно?

— Говорю, три часа дожидаюсь.

— Нѣтъ, а прежде?

— Чтò прежде?

— Съ какого времени сюда ходишь?

— Да вѣдь я же тебѣ давеча пересказывалъ; аль не помнишь?

Раскольниковъ задумался. Какъ во снѣ ему мерещилось давешнее. Одинъ онъ не могъ припомнить и вопросительно смотрѣлъ на Разумихина.

— Гм! сказалъ тотъ:— забылъ! Мнѣ еще давеча мерещилось, что ты все еще не въ своемъ.... Теперь со сна-то поправился.... Право, совсѣмъ лучше смотришь. Молодецъ! Ну да, къ дѣлу! Вотъ сейчасъ припомнишь. Смотри-ка сюда, милый человекъ.

Онъ сталъ развязывать узелъ, которымъ, видимо, чрезвычайно интересовался.

— Это, братъ, вѣришь ли, у меня особенно на сердцѣ лежало. Потому, надо же изъ тебя человекъ сдѣлать. Приступимъ; сверху начнемъ. Видишь ли ты эту каскетку? началъ онъ, вынимая изъ узла довольно хорошенькую, но въ то же время очень обыкновенную и дешевую фуражку:—позволь-ка пригнѣрить?

— Потомъ, послѣ, проговорилъ Раскольниковъ, отмахиваясь брызгливо.

— Нѣтъ ужъ, братъ Родя, не противься, потомъ поздно будетъ; да и я всю ночь не засну, потому безъ мѣрки на-

убора: сей пальмерстонъ (онъ досталъ изъ угла исковерканную круглую шляпу Раскольникова, которую, неизвестно почему, назвалъ пальмерстономъ) или сія ювелирская вещица? Оцѣни-ка, Рода, какъ думаешь, что заплатилъ? Настасьюшка? обратился онъ къ ней, видя что тотъ молчитъ.

— Двугривенный, небось, отдалъ, отвѣчала Настасья.

— Двугривенный, дура! крикнулъ онъ обидѣвшись: — нынче за двугривенный и тебя не купишь, — восемь гривенъ! да и то потому что поношенный. Оно правда, съ уговоромъ: этотъ износишь, на будущій годъ другой даромъ дадутъ, ей-Богу! Ну-съ, приступимъ теперь къ Соединеннымъ Американскимъ Штатамъ, какъ это въ гимназіи у насъ называли. Предупреждаю, — штанами горжусь! и онъ расправилъ передъ Раскольниковымъ, сѣрые, изъ легкой лѣтней шерстяной матеріи панталоны: — ни дырочки, ни пятнышка, а между тѣмъ весьма сносные, хотя и поношенные, таковая же и жилетка, одвоцвѣтъ, какъ мода требуетъ. А что поношенное, такъ это, по правдѣ, и лучше: мягче, вѣжливѣе.... Видишь, Рода, чтобы сдѣлать въ свѣтѣ карьеру достаточно, по-моему, всегда сезонъ наблюдать; если въ январѣ спаржи не потребуешь, то лѣсколько цѣлковыхъ въ кошелекѣ сохранишь; то же въ отпошеніи и къ сей покупке. Нынче лѣтній сезонъ, я и покупку лѣтнюю сдѣлалъ, потому къ осени сезонъ и безъ того болѣе теплой матеріи потребуешь, такъ придется жъ бросать... тѣмъ болѣе что все это тогда ужъ успѣетъ само разрушиться, если не отъ усилившейся роскоши, такъ отъ внутреннихъ неустройствъ. Ну, цѣни! сколько по-твоему?— Два рубля двадцать пять копѣекъ! И помни, опять съ прежнимъ условіемъ: эти износишь, на будущій годъ другіе даромъ берешь! Въ лавкѣ Оедаева иначе не торгуютъ: разъ заплатилъ, и на всю жизнь довольно, потому другой разъ и самъ не пойдешь. Ну-съ, приступимъ теперь къ сапогамъ, — каковы? вѣдь ужъ видно что поношенные, а вѣдь мѣсяца на два удовлетворяютъ, потому что заграничная работа и товаръ заграничный: секретарь англійскаго посольства прошлую недѣлю на толкучемъ спустилъ; всего шесть дней и носилъ, да деньги очень понадобились. Цѣна одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ. Удачно?

— Да може не въ пору! замѣтила Настасья.

— Не въ пору! А это что? и онъ вытащилъ изъ кармана старый, закорузлый, весь облѣпленный засохшею грязью, дырчатый сапогъ Раскольникова: — я съ запасомъ ходилъ,

мяѣ и возстановили по этому чудищу настоящій размѣръ. Все это дѣло сердечно велось. А насчетъ бѣлья съ хозяйкой столковались. Вотъ, во первыхъ, три рубашки, холстиныя, но съ моднымъ верхомъ.... Ну-съ, итакъ: восемь гривенъ картузъ, два рубля двадцать пять прочее одѣяніе, итого три рубля пять копѣекъ; рубль пятьдесятъ сапоги—потому что ужь очень хорошіе,—итого четыре рубля пятьдесятъ пять копѣекъ, да пять рублей все бѣлье,—оптомъ сторговались,—итого ровно девять рублей пятьдесятъ пять копѣекъ. Сорокъ пять копѣекъ сдачи, мѣдными пятаками, вотъ-съ, извольте принять,—и такимъ образомъ, Рода, ты теперь во всемъ костюмѣ возстановленъ, потому что, по моему мнѣнію, твое пальто не только еще можетъ служить, но даже имѣетъ въ себѣ видъ особеннаго благородства: что значить у Шармера-то заказывать! Насчетъ носковъ и прочаго остающаго предоставляю тебѣ самому; денегъ остается намъ двадцать пять рубликовъ, а о Пашенькѣ и объ уплатѣ за квартиру не беспокойся; я говорилъ: кредитъ безграничнѣйшій. А теперь, братъ, позволь тебѣ бѣлье перемѣнить, а то, пожалуй, болѣзнь въ рубашкѣ-то только теперь и сидитъ....

— Оставь! не хочу! отмахивался Раскольниковъ, съ отвращеніемъ слушавшій напряженно-игривую реляцію Разуმიкина о покупкѣ платья....

— Это, братъ, невозможно; изъ чего жь я сапоги топталъ! настаивалъ Разуმიкинъ. — Настасьюшка, не стыдитесь, а помогите, — вотъ такъ! и несмотря на сопротивленіе Раскольникова, онъ все-таки перемѣнилъ ему бѣлье. Тотъ повалился на изголовье и минуты двѣ не говорилъ ни слова.

„Доого же не отвяжутся!“ думалъ онъ.—Изъ какихъ денегъ это все куплено? спросилъ онъ наконецъ, глядя въ стѣну.

— Денегъ? вотъ тебѣ на! да изъ твоихъ же собственныхъ. Давеча артельщикъ былъ, отъ Вахрушина, мамаша прислала; ааъ и это забылъ?

— Теперь помню.... проговорилъ Раскольниковъ, послѣ дол-

XI.

Зосимовъ былъ высокій и жирный человекъ, съ одутловатымъ и бездѣтливо-блѣднымъ, гладко-выбритымъ лицомъ, съ блѣдыми прямыми волосами, въ очкахъ, и съ большимъ золотымъ перстнемъ на припухшемъ отъ жиру пальцѣ. Было ему лѣтъ двадцать семь. Одѣтъ онъ былъ въ широкое щегольское легкое пальто, въ свѣтлыхъ лѣтнихъ брюкахъ, и вообще все было на немъ широко, щегольское и съ иголочки; бѣлье безукоризненное, цѣпь къ часамъ массивная. Манера его была медленная, какъ будто вялая и въ то же время изученно-развязная; претензія, впрочемъ усиленно скрываемая, проглядывала поминутно. Всѣ его знавшіе находили его человекомъ тяжелымъ, но говорили что свое дѣло знаетъ.

— Я, братъ, два раза къ тебѣ заходилъ.... Видишь, очнулся! крикнулъ Разумихинъ.

— Вижу, вижу; ну такъ какъ же мы теперь себя чувствуемъ, а? обратился Зосимовъ къ Раскольникову, пристально въ него вглядываясь и усаживаясь къ нему на диванъ, въ ногахъ, гдѣ тотчасъ же и развалился по возможности.

— Да все хандрить, продолжалъ Разумихинъ, — бѣлье мы ему сейчасъ перемѣнили, такъ чуть не заплакалъ.

— Понятное дѣло; бѣлье можно бы и послѣ, коль самъ не желаетъ.... Пульсъ славыный. Голова-то все еще немного болить, а?

— Я здоровъ, я совершенно здоровъ! настойчиво и раздражительно проговорилъ Раскольниковъ, приподнявшись вдругъ на диванѣ и сверкнувъ глазами, но тотчасъ же повалился опять на подушку и оборотился къ стѣнѣ. Зосимовъ пристально наблюдалъ его.

— Очень хорошо.... все какъ слѣдуетъ, вяло произнесъ онъ. — Въ что-нибудь?

Ему рассказали и спросили что можно давать.

— Завтра вечеромъ я его гулять веду! рѣшилъ Разумихинъ: — въ Юсуповъ садъ, а потомъ въ „Пале-де-Кристалъ“ зайдёмъ.

— Завтра-то я бы его и шевелить не сталъ, а впрочемъ... неможко.... ну, да, тамъ увидимъ.

— Эхъ досада, сегодня я какъ разъ новоселье справляю, два шага; вотъ бы и онъ. Хоть бы на диванъ полежалъ между нами! Ты-то будешь? обратилась вдругъ Разумихинъ къ Зосимову. — не забудь смотри, общалъ.

— Пожалуй, по позже развѣ. Чтò ты тамъ устроишь?

— Да ничего, чай, водка, селедка. Пирогъ подадутъ: свои соберутся.

— Кто именно?

— Да все здѣшніе и все почти новые, право, — кромѣ развѣ стараго дяди, да и тотъ новый: вчера только въ Петербургъ пріѣхалъ, по какимъ-то тамъ дѣлашкамъ; въ пять лѣтъ по-разу и видимся.

— Кто такой?

— Да прозябалъ всю жизнь уѣзднымъ почтмейстеромъ.... пенсиониска получаетъ, шестьдесятъ пять лѣтъ, не стоить и говорить.... Я его, впрочемъ, люблю. Порфирій Семеновичъ придетъ: здѣшній приставъ слѣдственныхъ дѣлъ..... правовѣдъ. Да, вѣдь, ты знаешь....

— Онъ тоже какой-то твой родственникъ?

— Самый дальній какой-то; да ты что хмуришься? что вы поругались-то разъ, такъ ты, пожалуй, и не придешь?

— А наплевать мнѣ на него....

— И всего лучше. Ну, а тамъ — студенты, учитель, чиновникъ одинъ, музыкантъ одинъ, офицеръ, Заметовъ....

— Скажи мнѣ пожалуйста, что можетъ быть общаго у тебя, или вотъ у него, — Зосимовъ кивнулъ на Раскольниковъ, — съ какимъ-нибудь тамъ Заметовымъ?

— Охъ ужъ эти близняшки? Попышка!... и всьето ты на

то, во всѣхъ-то родахъ смотрѣть — такъ много ль людей хорошихъ останется? Да я увѣренъ, что за меня тогда, совсѣмъ съ трбухой, всего-то одну печеную луковицу дадутъ, да и то если съ тобой въ придачу!...

— Это мало; я за тебя и двѣ дамъ....

— А я за тебя только одну! Остри еще! Заметовъ еще мальчишка, я еще волосенки ему надеру, потому что его надо примякать, а не оттаакивать. Тѣмъ что оттолкнешь человека — не исправишь, тѣмъ наче мальчишку. Съ мальчишкой вдвое осторожнѣе надо. Эхъ вы, туицы прогрессивныя, ничего-то не понимаете! Человека не уважаете, себя обижаете.... А коли хочешь знать, такъ у насъ, пожалуй, и дѣло одно общее завязалось.

— Желательно знать.

— Да все по дѣлу о малярѣ, то-есть о красильщикѣ.... Ужъ мы его вытащимъ! А впрочемъ, теперь и бѣды никакой. Дѣло совсѣмъ, совсѣмъ теперь очевидное! Мы только пару подадимъ.

— Какой тамъ еще красильщикъ?

— Какъ, развѣ я не рассказывалъ? Аль нѣтъ? Да, бить, я тебѣ только начало рассказывалъ.... вотъ, про убійство старухи-то закладчицы, чиновницы.... ну, тутъ и красильщикъ теперь замѣшался....

— Да про убійство это я и прежде твоего слышалъ, и этимъ дѣломъ даже интересуюсь.... отчасти.... по одному слушаю.... и въ газетахъ читалъ! а вотъ....

— Лизавету-то тоже убили! брякнула вдругъ Настасья, обращаясь къ Раскольникову. — Она все время оставалась въ комнатѣ, прижавшись подлѣ двери, и слушала.

— Лизавету? пробормоталъ Раскольниковъ едва слышнымъ голосомъ.

— А Лизавету, торговку-то, ааь не знаешь? Она сюда внизъ ходила. Еще тебѣ рубаху чинила.

Раскольниковъ оборотился къ стѣнѣ, гдѣ на грязныхъ желтыхъ обояхъ съ бѣлыми цвѣточками выбралъ одинъ неуклюжій бѣлый цвѣтокъ, съ какими-то коричневыми черточками, и сталъ разсматривать: сколько въ немъ листиковъ, какія на листикахъ зазубринки и сколько черточекъ? Онъ чувствовалъ что у него онемѣли руки и ноги, точно отнялись, но и не попробовалъ шевельнуться и упорно глядѣлъ на цвѣтокъ.

— Ну такъ что жь красильщикъ? — съ какимъ-то особен-

нымъ неудовольствіемъ перебилъ Зосимовъ болтовню Нас-тасья. Та вздохнула и замолчала.

— А тоже въ убійцы записали! съ жаромъ продолжалъ Разумихинъ.

— Улики, что-ль, какія?

— Кой чортъ улики! А впрочемъ именно по уликѣ, да улика-то эта не улика, вотъ что требуется доказать! Это точь-въ-точь какъ сначала они забрали и заподозрили этихъ, какъ-бишь ихъ.... Коха да Пестракова. Тьфу! какъ это все глупо дѣлается, даже вчужь гадко становится! Пестраковъ-то, можетъ, сегодня ко мнѣ зайдетъ.... Кстати, Рода, ты эту штуку ужъ знаешь, еще до болѣзни случилось, ровно наканунѣ того какъ ты въ обморокъ въ конторѣ упала, когда тамъ про это разказывали....

Зосимомъ любопытно посмотрѣлъ на Раскольниковъ; тотъ не шевелился.

— А знаешь что, Разумихинъ? Посмотрю я на тебя: какой ты однакоже хлопотунъ, замѣтилъ Зосимовъ.

— Это пусть, а все-таки вытащимъ! крикнулъ Разумихинъ, стукнувъ кулакомъ по столу. — Вѣдь тутъ что всего обиднѣе? Вѣдь не то что они врутъ; вранье всегда простить можно; вранье дѣло милое, потому что къ правдѣ ведетъ. Нѣтъ, то досадно, что врутъ, да еще собственному вранью поклоняются. Я Порфирія уважаю, но.... Вѣдь что ихъ, напримѣръ, перво-на-перво съ толку сбило? Дверь была заперта, а пришли съ дворникомъ — отперта: ну, значить, Кохъ да Пестраковъ и убил! Вотъ вѣдь ихъ логика.

— Да не горячись; ихъ просто задержали; нельзя же.... Кстати: я вѣдь этого Коха встрѣчалъ; онъ, вѣдь, оказалось, у старухи вещи просроченныя скупалъ? а?

— Да, мошенникъ какой-то! Онъ и векселя тоже скупаетъ. Промышленникъ. Да чортъ съ нимъ! Я вѣдь на что злюсь-то, понимаешь ты это? На рутину ихъ дряхлую, пошлѣйшую, законную злюсь.... А тутъ въ одномъ этомъ дѣлѣ

Но Раскольниковъ, ожидавшій чего-то совсѣмъ другаго, туло и задумчиво посмотрѣлъ на него и ничего не отвѣтилъ, какъ будто има Петра Петровича слышалъ онъ рѣшительно въ первый разъ.

— Какъ? нуужели вы до сихъ поръ не изволили еще получить никакихъ извѣстій? спросилъ Петръ Петровичъ, нѣсколько коробясь.

Въ отвѣтъ на это Раскольниковъ медленно опустила на подушку, закинулъ руки за-голову и сталъ смотрѣть въ потолокъ. Тоска проглянула въ лицѣ Лужина. Зосимовъ и Разумихинъ еще съ бѣльшимъ любопытствомъ принялись его оглядывать, и онъ видимо наконецъ сконфузился.

— Я предполагалъ и рассчитывалъ, заманивалъ онъ, — что письмо, пущенное уже слѣшкомъ десять дней, даже чуть ли не двѣ недѣли....

— Послушайте, чтожь вамъ все стоять у дверей-то? перебилъ вдругъ Разумихинъ: — коли имѣете что объяснить, такъ садитесь, а обоимъ вамъ, съ Настасьей, тамъ тѣсно. Настасьюшка, посторонись, дай пройти! Проходите, вотъ вамъ стулъ, сюда! Пролѣзайте же!

Онъ отодвинулъ свой стулъ отъ стола, высвободилъ нѣмного пространства между столомъ и своими колѣнями и ждалъ, нѣсколько въ напряженномъ положеніи, чтобы гость „пролѣзъ“ въ эту щелочку. Минута была такъ выбрана, что никакъ нельзя было отказать, и гость полѣзъ черезъ узкое пространство, торопясь и спотыкаясь. Достигнувъ стула, онъ сѣлъ и мнительно поглядѣлъ на Разумихина.

— Вы, впрочемъ, не конфузьтесь, бракнулъ тотъ; — Родя пятый день уже боленъ и три два бредилъ, а теперь очнулся и даже ѣлъ съ аппетитомъ. Это, вотъ, его докторъ сидитъ, только-что его осматрѣлъ, а я товарищъ Родькинъ, тоже бывшій студентъ, и теперь вотъ съ нимъ нянчусь; такъ вы насъ не считайте и не стѣсняйтесь, а продолжайте что вамъ тамъ надо.

— Благодарю васъ. Не обезпкою ли я однако больнаго своимъ присутствіемъ и разговоромъ? обратилъ Петръ Петровичъ къ Зосимову.

— Н-нѣтъ, промямлилъ Зосимовъ, — даже развлекачь можете, и опять зѣвнулъ.

— О, онъ давно уже въ памяти, съ утра! продолжалъ Разумихинъ, фамилярность котораго имѣла видъ такого не-

поддѣльнаго простодушія, что Петръ Петровичъ подумалъ и сталъ ободраться, можетъ-быть отчасти и потому что этотъ оборванецъ и нахалъ успѣлъ-таки отрекомендоваться студентомъ.

— Ваша мамаша.... началъ Лужинъ.

— Гм! громко сдѣлалъ Разумихинъ. Лужинъ посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Ничего, я такъ; ступайте....

Лужинъ пожалъ плечами.

— ...Ваша мамаша, еще въ бытность мою при нихъ, начала къ вамъ письмо. Пріѣхавъ сюда, я нарочно пропустилъ нѣсколько дней и не приходилъ къ вамъ, чтобъ ужъ быть вполне увѣреннымъ что вы извѣщены обо всемъ; но теперь, къ удавленію моему....

— Знаю, знаю! проговорилъ вдругъ Раскольниковъ, съ выраженіемъ самой нетерпѣливой досады. — Это вы? женихъ? Ну, знаю!... и довольнo!...

Петръ Петровичъ рѣшительно обидѣлся, но смолчалъ. Онъ усиленно спѣшилъ сообразить что все это значить? Съ минуту продолжалось молчаніе.

Между тѣмъ Раскольниковъ, слегка-было оборотившійся къ нему при отвѣтѣ, принялся вдругъ его снова разсматривать пристально и съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ, какъ будто давеча еще не успѣлъ его рассмотреть всего или какъ будто что-то новое въ немъ его поразило; даже приподнялся для этого нарочно съ подушки. Дѣйствительно, въ общемъ видѣ Петра Петровича поражало какъ бы что-то особенное, а именно, нѣчто какъ бы оправдывавшее названіе „жениха“, такъ безцеремонно ему сейчасъ данное. Впервыхъ, было видно и даже слишкомъ замѣтно, что Петръ Петровичъ усиленно поспѣшилъ воспользоваться нѣсколькими днями въ столицѣ чтобъ успѣть приварядиться и прикраситься въ ожиданіи невесты, что впрочемъ было весьма невнятно и поводительно. Даже собственное. можетъ-быть даже слыш-

Петръ Петровичъ какъ-то ужь слишкомъ почтительно съ ней обращался и слишкомъ осторожно держалъ ее въ рукахъ. Даже прелестная пара сиреневыхъ, настоящихъ Жувеновскихъ, перчатокъ свидѣтельствовала то же самое, хотя бы тѣмъ однимъ, что ихъ не надѣвали, а только носили въ рукахъ для парада. Въ одеждѣ же Петра Петровича преобладали цвѣта свѣтлые и юншественные. На немъ былъ хорошеякій лѣтній пиджакъ свѣтло-коричневого оттѣнка, свѣтлые легкіе брюки, таковая же жилетка, только-что купленное тонкое бѣлье, батистовый самый легкій гагстучекъ съ розовыми полосками, и что всего лучше: все это было даже къ лицу Петру Петровичу. Лицо его, весьма свѣжее и даже красивое, и безъ того казалось моложе своихъ сорока пяти лѣтъ. Темные бакенбарды пріятно осыпали его съ обѣихъ сторонъ, въ видѣ двухъ когтей, и весьма красиво сгущались возлѣ свѣтло-выбритаго блиставшаго подбородка. Даже волосы, впрочемъ чуть-чуть лишь съ просѣдью, расчесанные и завитые у парикмахера, не представляли этимъ обстоятельствомъ ничего смѣшнаго или какого-нибудь глупаго вида, что обыкновенно всегда бываетъ при завитыхъ волосахъ, ибо придаетъ лицу неизбѣжное сходство съ Нѣмцемъ идущимъ подъ-вѣнецъ. Если же и было что-нибудь въ этой довольно красивой и солидной физиономіи дѣйствительно непріятное и отталкивающее, то происходило уже отъ другихъ причинъ. Разсмотрѣвъ безъ церемоніи г. Лужина, Раскольниковъ ядовито улыбнулся, снова опустился на подушку и сталъ попрежнему глядѣть въ потолокъ.

Но господина Лужина скрѣпился и, кажется, рѣшился не привѣчать до времени всѣхъ этихъ странностей.

— Жамю весьма и весьма, что нахожу васъ въ такомъ положеніи, началъ онъ слова, съ усиліемъ прерывая молчаніе.— Еслибъ зналъ о вашемъ нездоровьи, зашелъ бы раньше. Но, знаете, хлопоты!... Имѣю къ тому же весьма важное дѣло по моей адвокатской части въ сенатѣ. Не упоминаю уже о тѣхъ заботахъ, которыя и вы угадаете. Вашихъ, то-есть мамашу и сестрицу, жду съ часу на часъ....

— Гдѣ? слабо выговорилъ Раскольниковъ.

— Весьма недалеко отсюда, домъ Бакалѣева....

— Это на Вознесенскомъ, перебилъ Разумихинъ, — тамъ два этажа подъ нумерами; купецъ Юшинъ содержитъ; бывалъ.

— Да, нумера-съ....

— Скверность ужаснѣйшая: грязь, вонь, да и подозрительное мѣсто; штуки случались; да и чортъ знаетъ кто не живетъ!... Я и самъ-то заходилъ по скандальному случаю. Дешево впрочемъ.

— Я, конечно, не могъ собрать столькожъ свидѣній, такъ какъ и самъ человѣкъ новый, щекотливо возразилъ Петръ Петровичъ, — но, впрочемъ, двѣ весьма и весьма чистенькія комнатки, а такъ какъ это на весьма короткій срокъ... Я приискалъ уже настоящую, то-есть будущую нашу квартиру, оборотился онъ къ Раскольникову, — и теперь ее отдѣлываю; а покамѣстъ и самъ тѣснюсь въ нумерахъ, два шага отсюда, у г-жи Липпевехзелъ, въ квартирѣ одного моего молодого друга, Андрея Семеныча Лебезятникова; онъ-то мѣ и домъ Бакалѣева указалъ....

— Лебезятникова? медленно проговорилъ Раскольниковъ, какъ бы что-то припоминая.

— Да, Андрей Семенычъ Лебезятниковъ, служащій въ министерствѣ. Изволите знать?

— Да.... нѣтъ.... отвѣтилъ Раскольниковъ.

— Извините, мѣ такъ, показалось по вашему вопросу. Я былъ когда-то опекуномъ его.... очень милый молодой человѣкъ.... и слѣдщій.... Я же радъ встрѣчать молодежь: по ней узнаешь что новаго. — Петръ Петровичъ съ надеждой оглядѣлъ всѣхъ присутствующихъ.

— Это въ какомъ отношеніи? спросилъ Разумихинъ.

— Въ самомъ серіозномъ, такъ-сказать въ самой сущности

нѣ, нахожу болѣе ясный взглядъ, болѣе, такъ-сказать, критики; болѣе дѣловитости....

— Это правда, продолжалъ Зосимовъ.

— Врешь ты, дѣловитости нѣтъ, вѣщлася Разумихинъ. — Дѣловитость пріобрѣтается трудно, а съ неба даромъ не съпадаетъ. А мы чуть не дѣвсти лѣтъ какъ отъ всякаго дѣла отучены.... Идеи-то, пожалуй, и бродятъ, обратился онъ къ Петру Петровичу, — и желаніе добра есть, хоть и дѣтское; и честность даже найдется, несмотря на то что тутъ видимо-невидимо привалило мошенниковъ, а дѣловитости все-таки нѣтъ! Дѣловитость въ сапогахъ ходить.

— Не соглашусь съ вами, съ видимымъ наслажденіемъ возразилъ Петръ Петровичъ; — конечно, есть увлеченія, неправильности, но надо быть и снисходительнымъ: увлеченія свидѣтельствуютъ о горячности къ дѣлу и о той неправильной вѣшной обстановкѣ, въ которой находится дѣло. Если же сдѣлано мало, то вѣдь и времени было немного. О средствахъ и не говорю. По моему же личному взгляду, если хотите, даже нѣчто и сдѣлано: распространены новыя, полезныя мысли, распространены нѣкоторыя новыя, полезныя сочиненія, вмѣсто прежнихъ мечтательныхъ и романическихъ; литература принимаетъ болѣе зрѣлый оттѣнокъ; искоренено и осмѣяно много вредныхъ предубѣжденій.... Однимъ словомъ, мы безвозвратно отрѣзали себя отъ прошедшаго, а это, по-моему, ужъ дѣло-съ....

— Затвердилъ! Рекомендуется, произнесъ вдругъ Раскольниковъ.

— Что-съ? спросилъ Петръ Петровичъ, не разслышавъ, но не получилъ отвѣта.

— Это все справедливо, поспѣшилъ вставить Зосимовъ.

— Не правда ли-съ? продолжалъ Петръ Петровичъ, пріятно взглянувъ на Зосимова. — Согласитесь сами, продолжалъ онъ, обращаясь къ Разумихину, но уже съ оттѣнкомъ нѣкотораго

излишнюю поспѣшностью: — выходило то, что я рвалъ кафтанъ пополамъ, дѣлился съ ближнимъ, и оба мы оставались на половину голы, по русской пословицѣ: „Пойдешь за нѣсколькими зайцами разомъ, и ни одного не достигнешь.“ Наука же говорить: возлюби, прежде всѣхъ, одного себя, ибо все на свѣтѣ на личномъ интересѣ основано. Возлюбивъ одного себя, то и дѣла свои обдѣлаешь какъ слѣдуетъ, и кафтанъ твой останется цѣлъ. Экономическая же правда прибавляетъ, что чѣмъ болѣе въ обществѣ устроенныхъ частныхъ дѣлъ и, такъ-сказать, цѣлыхъ кафтановъ, тѣмъ болѣе для него твердыхъ основаній и тѣмъ болѣе устраивается въ немъ и общее дѣло. Стало-быть, приобретаая единственно и исключительно себя, я именно тѣмъ самымъ приобретаю какъ бы и всѣмъ, и веду къ тому, чтобы ближній получилъ нѣсколько болѣе рваного кафтана, и уже не отъ частныхъ, единичныхъ щедротъ, а вслѣдствіе всеобщаго преуспѣванія. Мысль простая, но, къ несчастію, слишкомъ долго не приходившая, заслоненная восторженностью и мечтательностью, а казалось бы, немного надо остроумія чтобы догадаться.....

— Извините, я тоже неостроумень, рѣзко перебилъ Разумихинъ, — а потому перестанемте. Я вѣдь и заговорилъ съ цѣлю, а то мнѣ вся эта болтовня - себятѣшеніе, всѣ эти неумолчныя, безпрерывныя общія мѣста, и все то же да все то же, до того въ три года опротивѣла, что ей-Богу краснѣю, когда и другіе-то, не то что я, при мнѣ заговаряютъ. Вы, разумѣется, спѣшили отрекомендоваться въ своихъ познаніяхъ, это очень простиительно, и я не осуждаю. Я же хотѣлъ только узнать теперь кто вы такой, потому что, видите ли, къ общему-то дѣлу въ послѣднее время прицѣпилось столько разныхъ промышленниковъ, и до того исказили они все, къ чему ни прикоснулись, въ свой интересъ, что рѣшительно

— Надѣюсь, что начатое теперь знакомство наше, обратися оны къ Раскольникову, — послѣ вашего выздоровленія, и въ виду извѣстныхъ вамъ обстоятельствъ, укрѣпится еще болѣе.... Особенно же желаю вамъ здоровья....

Раскольниковъ даже головы не повернулъ. Петръ Петровичъ началъ вставать со стула.

— Непременно закладчикъ! утвердительно говорилъ Зосимовъ.

— Непременно закладчикъ! поддакнулъ Разумихинъ. — Порфирій своихъ мыслей не выдаетъ, а закладчиковъ все-таки допрашиваетъ....

— Закладчиковъ допрашиваетъ? громко спросилъ Раскольниковъ?

— Да, а что?

— Ничего.

— Откуда оны ихъ беретъ? спросилъ Зосимовъ.

— Иныхъ Кохъ указалъ; другихъ имена были на оберткахъ вещей записаны, а иные и сами пришли, какъ прослышали....

— Ну ловкая же и опытная должно-быть каналья! Какая смѣлость! Какая рѣшимость!

— Вотъ то-то и есть что вѣтъ! прервалъ Разумихинъ. — Это-то васъ всѣхъ и сбиваетъ съ пути. А я говорю — неловкій, неопытный, и навѣрно это былъ первый шагъ! Предположи расчетъ и ловкую каналью, и выйдетъ невѣроятно. Предположи же неопытнаго, и выйдетъ, что одинъ только случай его изъ бѣды и вынесъ, а случай чего не дѣлаетъ? Помилуй, да оны и препятствій-то, можетъ-быть, не предвидѣтъ! А какъ дѣло вестъ?—беретъ десяти-двадцати-рублевая вещи, набиваетъ ими карманъ, роется въ бабьей укладкѣ, въ тряпкѣ,—а въ коммодѣ, въ верхнемъ ящикѣ, въ шкатуакѣ, однихъ чистыхъ денегъ на полторы тысячи нашли, кромѣ билетовъ! И ограбить-то не умѣлъ, только и сумѣлъ что убить! Первый шагъ, говорю тебѣ, первый шагъ; потерялся! И не расчетомъ, а случаемъ вывернулся!

— Это, кажется, о недавнемъ убійствѣ старухи-чиновицы, вѣдался, обращаясь къ Зосимову, Петръ Петровичъ, уже стоя со шляпой въ рукѣ и перчатками, но передъ уходомъ пожелавъ бросить еще нѣсколько умныхъ словъ. Оны видимо хлопоталъ о выгодномъ впечатлѣніи, и тщеславіе перебороло благоразуміе.

— Да. Вы слышали?

— Какъ же-съ, въ сосѣдствѣ....

— Въ подробности знаете?

— Не могу сказать; но меня интересуетъ при этомъ другое обстоятельство, такъ-сказать цѣлый вопросъ: Не говорю уже о томъ что преступленія въ низшемъ классѣ, въ послѣднія лѣтъ пять, увеличились; не говорю о повсемѣстныхъ и непрерывныхъ грабежахъ и пожарахъ; страннѣе всего то, для меня, что преступленія и въ высшихъ классахъ такимъ же образомъ увеличиваются и, такъ-сказать, параллельно. Тамъ, слышно, бывший студентъ на большой дорогѣ почти разбилъ; тамъ передовые, по общественному своему положенію, люди—фальшивыя бумажки дѣлають; тамъ, въ Москвѣ, ловять цѣлую компанію поддѣлывателей билетовъ послѣдняго займа съ лотереей,—и въ главныхъ участникахъ одинъ лекторъ всемірной исторіи; тамъ убиваютъ нашего секретаря за границей, по причинѣ денежной и загадочной.... И если теперь эта старуха-процентщица убита однимъ изъ закладчиковъ, то и это, стало-быть, былъ человекъ изъ общества болѣе высшаго, ибо мужики не закладываютъ золотыхъ вещей. Чѣмъ же объяснить эту съ одной стороны распущенность цивилизованной части нашего общества?

— Переживъ экономическихъ много.... отозвался Зосимовъ.

— Чѣмъ объяснить? прицѣпился Разуმიхинъ. — А вотъ именно закоренѣлою слишкомъ недѣловитостью и можно бы объяснить.

— То-есть, какъ это-съ?

— А что отвѣчалъ въ Москвѣ, вотъ лекторъ-то вашъ, на вопросъ зачѣмъ онъ билеты поддѣлывалъ: „Всѣ богатыють разными способами, такъ и мнѣ поскорѣй захотѣлось разбогатѣть.“ Точныхъ словъ не помню, но смыслъ, что на даровщинку, поскорѣй, безъ труда! На всемъ готовомъ привыкли жить, на чужихъ помочахъ ходить, жеваное вѣтъ. Ну, а пробилъ часъ великій, тутъ всякъ и объявился чѣмъ

— Нѣтъ, это не такъ! отозвался Зосимовъ.

Раскольниковъ лежалъ блѣдный, съ вздрагивающею верхнею губой и трудно дышалъ.

— На все есть мѣра, высококомѣрно продолжалъ Лужинъ; — экономическая идея еще не есть приглашеніе къ убійству, и если только предположить....

— А правда ль что вы, перебилъ вдругъ опять Раскольниковъ дрожащимъ отъ злобы голосомъ, въ которомъ слышались какая-то радость обиды, — правда ль что вы сказали мшеш невольствѣ.... въ тотъ самый часъ какъ отъ нея согласіе получили, что всего больше рады тому.... что она нищая.... потому что выгоднѣе брать жену изъ нищеты, чтобъ потомъ надъ ней властвовать.... и попрекать тѣмъ что она вами облагодѣтельствована?...

— Милостивый государь! злобно и раздражительно вскричалъ Лужинъ, весь вспыхнувъ и смѣшавшись: — милостивый государь.... такъ исказить мысль! Извините меня, но я долженъ вамъ высказать, что слухи до васъ дошедшіе, или лучше сказать, до васъ доведенные, не имѣютъ и тѣни здраваго основанія, и я.... подозреваю кто.... однимъ словомъ.... эта стрѣла.... однимъ словомъ, ваша мамаша.... Она и безъ того показала мнѣ, при всѣхъ, впрочемъ, своихъ превосходныхъ качествахъ, нѣсколько восторженнаго и романческаго отбѣака въ мысляхъ.... Но я все-таки былъ въ тысячѣ верстахъ отъ предположенія что она въ такомъ извращенномъ фантазіей видѣ могла понять и представить дѣло.... И наконецъ.... наконецъ....

— А знаете чтò? вскрикнулъ Раскольниковъ, приподнимаясь на подушкѣ и смотря на него въ упоръ пронзительнымъ, сверкающимъ взглядомъ: — знаете чтò?

— А чтò-съ?— Лужинъ оставовился и ждалъ съ обиженнымъ и вызывающимъ видомъ. Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

— А то, что если вы еще разъ.... осмѣлитесь упомянуть хоть одно слово.... о моей матери.... то я васъ съ лестницы кувыркомъ спущу!...

— Чтò съ тобой! крикнулъ Разумихинъ.

гое я бы могъ простить больному и родственнику, но теперь.... вамъ.... никогда-съ....

— Я не боленъ! вскричалъ Раскольниковъ.

— Тѣмъ паче-съ....

— Убирайтесь къ чорту!

Но Лужинъ уже выходилъ самъ, не докончивъ рѣчи, пролѣзая снова между столомъ и стуломъ; Разумихинъ на этотъ разъ всталъ, чтобы пропустить его. Не глядя ни на кого и даже не кивнувъ головой Зосимову, который давно уже кивалъ ему чтобъ онъ оставилъ въ покоѣ больного, Лужинъ вышелъ, приподнявъ изъ осторожности рядомъ съ плечомъ свою шляпу, когда, принагнувшись, проходилъ въ дверь. И даже въ изгибѣ спины его какъ бы выражалось при этомъ случаѣ, что онъ ужасно оскорбленъ.

— Можно ли, можно ли такъ? говорилъ озадаченный Разумихинъ, качая головой.

— Оставьте, оставьте меня всѣ! въ изступленіи вскричалъ Раскольниковъ. — Да оставите ли вы меня, наконецъ, мучители! Я васъ не боюсь! Я никого, никого теперь не боюсь! Прочь отъ меня! Я одинъ хочу быть, одинъ, одинъ, одинъ!

— Пойдемъ! сказалъ Зосимовъ, кивнувъ Разумихину.

— Помилуй, да развѣ можно его такъ оставлять.

— Пойдемъ! настойчиво повторилъ Зосимовъ и вышелъ. Разумихинъ подумалъ и побѣжалъ догонять его.

— Хуже могло быть, еслибы мы его не послушались, сказалъ Зосимовъ, уже на лестницѣ. — Раздражать невозможно....

— Чтò съ нимъ?

— Еслибы только толчокъ ему какой-нибудь благопріятный, вотъ бы чего! Давеча онъ былъ въ силахъ.... Знаешь, у него что-то есть на умѣ! Что-то неподвижное, тяготящее... Этого я очень боюсь; непременно!

— Да вотъ этотъ господинъ, можетъ-быть, Петръ-то Пе-

тересуется, пугается. Это его въ самый день болѣзни напугали, въ конторѣ у надзирателя; въ обморокъ упалъ.

— Ты мнѣ это разкажи подробнѣе вечеромъ, а я тебѣ кое-что потомъ скажу. Интересноеть онъ меня, очень! Черезъ полчаса зайду навѣдаться.... Воспаленія, впрочемъ, не будетъ....

— Спасибо тебѣ! А я у Пашеньки тѣмъ временемъ подожду и буду наблюдать черезъ Настасью....

Раскольниковъ, оставшись одинъ, съ нетерпѣніемъ и тоской поглядѣлъ на Настасью; но та еще медлила уходить.

— А, вѣдь, ребенокъ-то дѣварскій былъ! таинственно сказала она, ступивъ шагъ впередъ и понизивъ голосъ.

— Чтò?

— Вотъ этого, дѣвчаря-то твоего. Сама сказывала....

Раскольниковъ посмотрѣлъ на нее задумчиво, какъ бы не совершенно ее понимая; прежнее нетерпѣніе блеснуло въ глазахъ его.

— Чаю-то теперь выпьешь? спросила та.

— Послѣ! Я спать хочу! Оставь меня....

Онъ судорожно отвернулся къ стѣнѣ; Настасья вышла.

XII.

Но только-что она вышла, онъ всталъ, заложилъ крючкомъ дверь, развязалъ принесенный давеча Разуმიкинымъ и имъ же снова завязанный узелъ съ платьемъ, и сталъ одѣваться. Странное дѣло: казалось, онъ вдругъ сталъ совершенно спокойнѣе; не было ни полуумнаго бреда, какъ давеча, ни паническаго страха, какъ во все послѣднее время. Это была первая минута какого-то страннаго, внезапнаго спокойствія. Движенія его были точны и ясны, въ нихъ проглядывало твердое намѣреніе. „Сегодня же, сегодня же!...“ бормоталъ онъ про себя. Онъ понималъ сейчасъ, что ему слѣдуетъ поспѣ-

наты, спустился по лѣстницѣ и заглянулъ въ отворенную настежь кухню: Настасья стояла къ нему задомъ и нагнувшись раздувала хозяйкинъ самоваръ. Она ничего не слышала. Да и кто могъ предположить что онъ увидеть? Черезъ минуту онъ былъ уже на улицѣ.

Было часовъ восемь, солнце заходило. Духота стояла прежняя; но съ жадностью дохнулъ онъ этого вонючаго, пыльнаго, зараженнаго городомъ воздуха. Голова его слегка-было начала кружиться; какая-то дикая энергія заблестала вдругъ въ его воспаленныхъ глазахъ и въ его исхудаломъ блѣдно-желтомъ лицѣ. Онъ не зналъ, да и не думалъ о томъ куда идти; онъ зналъ одно: „что все *это* надо кончить сегодня же, за одинъ разъ, сейчасъ же; что домой онъ иначе не воротится, потому что *не хочетъ такъ жить*“. Какъ кончить? чѣмъ кончить? Объ этомъ онъ не имѣлъ и понятія, да и думать не хотѣлъ. Онъ отгонялъ мысль: мысль терзала его. Онъ только чувствовалъ и зналъ, что надо чтобы все переимѣнилось, такъ или этакъ, „хоть какъ бы то ни было“, повторялъ онъ съ отчаянною, неподвижною самоувѣренностью и рѣшимостью.

По старой привычкѣ, обыкновеннымъ путемъ своихъ прежнихъ прогулокъ, онъ прямо направился на Сѣвную. Не доходя Сѣвной, на мостовой, передъ мелочною лавкой стоялъ молодой, черноволосый шарманщикъ и вертелъ какой-то весьма чувствительный романсъ. Онъ сопровождалъ стоявшей впереди его на тротуарѣ дѣвушкѣ, лѣтъ пятнадцати, одѣтой какъ барышня, въ криволиніѣ, въ манталкѣ, въ перчаткахъ и въ соломенной шляпкѣ съ огненнаго цвѣта перомъ; все это было старое и истасканное. Уличнымъ, дребезжающимъ, но довольно пріятнымъ и сильнымъ голосомъ она выпѣвала романсъ, въ ожиданіи двухкопѣчника изъ лавочки. Раскольниковъ пріостановился рядомъ съ двумя-тремя слушателями, послушалъ, вынулъ пятакъ и положилъ въ руку дѣвушкѣ. Та вдругъ прескляла пѣніе на самой чувствительной и высокой

милу въ холодный, темный и сырой осенній вечеръ, непривычно въ сырой, когда у всѣхъ прохожихъ блѣдно-зеленныя и большыя лица; или, еще лучше, когда свѣтъ мокрый падаетъ, совсѣмъ прямо, безъ вѣтру, знаете? а сквозь него фары съ газомъ блистають....

— Не знаю-съ.... Извините... пробормоталъ господинъ, испуганный и вопросомъ, и страннымъ видомъ Раскольниковъ, и перешелъ на другую сторону улицы.

Раскольниковъ пошелъ прямо и вышелъ къ тому углу на Станой гдѣ торговали мѣщанинъ и баба разговаривавшіе тогда съ Лизаветой; но ихъ теперь не было. Узнавъ мѣсто, онъ остановился, оглядѣлся и оборотился къ молодому парню, въ красной рубахѣ, зѣвавшему у входа въ мучной лабазъ.

— Это мѣщанинъ, вѣдь, торгуетъ тутъ на углу, съ бабой, съ женой, а?

— Всеякіе торгуютъ, отвѣчалъ парень, свысока обмѣривая Раскольниковъ.

— Какъ его зовутъ?

— Какъ крестили, такъ и зовутъ.

— Ужь и ты не зарайскій ли? которой губерніи?

Парень снова посмотрѣлъ на Раскольниковъ.

— У насъ, ваше сіятельство, не губернія, а уѣздъ, а ѣздилъ-то братъ, а я все дома сидѣлъ, такъ и не знаю-съ.... Ужь простите, ваше сіятельство, великодушнo.

— Это харчевня, на верху-то?

— Это трактиръ, и бильярдъ имѣется; и принцесы найдутся.... Люди!

Раскольниковъ перешелъ черезъ площадь. Тамъ, на углу, стояла густая толпа народа, все мужиковъ. Онъ замѣлъ въ самую густоту, заглядывая въ лица. Его почему-то тянуло со всѣми заговаривать. Но мужики не обращали вниманія на него и всѣ что-то галдѣли про себя, сбиваясь кучками. Онъ постоялъ, подумалъ и пошелъ направо, тротуаромъ, по направленію къ В—му. Минувая площадь, онъ попалъ въ переулокъ....

Онъ и прежде проходилъ часто этимъ коротенькимъ переулкомъ, дѣлающимъ колѣно и ведущимъ съ площади въ Садовую. Въ послѣднее время его даже тянуло шалтаться по всѣмъ этимъ мѣстамъ, когда тошно становилось, „чтобъ еще тошнѣй было“. Теперь же онъ вошелъ ни о чемъ не думая. Тутъ есть большой домъ, весь подъ расписоч-

ными и прочими съѣстно-выпивательными заведеніями; изъ нихъ поминутно выбѣгали женщины, одѣтыя какъ ходятъ „по сосѣдству“—простоволосыя и въ однихъ платьяхъ. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ онѣ толпились на тротуарѣ группами, преимущественно у сходовъ въ нижній этажъ, куда, по двумъ ступенькамъ, можно было спускаться въ разныя весьма увеселительныя заведенія. Въ одномъ изъ нихъ, въ эту минуту, шель стукъ и гамъ на всю улицу, тренькала гитара, пѣли пѣсни, и было очень весело. Большая группа женщинъ толпилась у входа; нѣкоторыя сидѣли на ступенькахъ, другія на тротуарѣ, третьи стояли и разговаривали. Подлѣ, на мостовой, шаялся, громко ругаясь, пьяный солдатъ съ папироской и казалось куда-то хотѣлъ войти, но какъ будто забылъ куда. Одинъ оборванецъ ругался съ другимъ оборванцемъ, и какой-то мертво-пьяный валялся поперекъ улицы. Раскольниковъ остановился у большой группы женщинъ. Онѣ разговаривали сильными голосами; всѣ были въ сидевыхъ платьяхъ, въ козовыхъ башмакахъ и простоволосыя. Нѣкимъ было лѣтъ за сорокъ, но были и лѣтъ по семнадцати, почти всѣ съ глазами подбитыми.

Его почему-то занимало пѣнье и весь этотъ стукъ и гамъ, тамъ, вверху... Оттуда слышно было какъ, среди хохота и взвизговъ, подъ тоненькую фистулу разудалаго напѣва и подъ гитару, кто-то отчаянно отплясывалъ, выбивая тактъ каблучками. Онъ пристально, мрачно и залучиво слушалъ, нагнувшись у входа и любопытно заглядывая съ тротуара въ сѣни.

„Ты мой бутешникъ прекрасный,
Ты не бей меня напрасно!“—

разливался тоненькій голосъ пѣвца. Раскольникову ужасно захотѣлось разслушать что поютъ, точно въ этомъ и было все дѣло.

„Не зайдти-ли?“ подумалъ онъ: „Хочочуть! Спьяну. А чтожь, не напиться ли пьянымъ?“

— Вы и сами прехорошенькіе, сказала она.

— Какіе худые! замѣтила басомъ другая: — изъ больницы что-ль выписались?

— Кажись и генеральскія дочки, а носы все курносые! перепилъ вдругъ подошедшій мужикъ, на-веселѣ, въ армякъ на распахку и съ хитро-смѣющею харей. — Вишь веселье!

— Проходи коль пришелъ!

— Пройду! свасты!

И онъ кувыркаюся внизъ.

Раскольниковъ тронулся дальше.

— Послушайте, баринъ! крикнула всадѣль дѣвица.

— Чтò?

Она законфузилась

— Я, милый баринъ, всегда съ вами рада буду часы раздѣлать, а теперъ вотъ какъ-то совѣсти при васъ не соберу. Подарите мнѣ, пріятный кавалеръ, шесть копѣекъ на выпивку!

Раскольниковъ вынулъ сколько вынулось: три пятака.

— Ахъ, какой добръющій баринъ!

— Какъ тебя зовутъ?

— А Дукаиду спросите.

— Нѣтъ ужъ это чтò же, вдругъ замѣтила одна изъ группы, качая головой на Дукаиду. — Это ужъ я и не знаю какъ это такъ просить! Я бы, кажется, отъ одной только совѣсти провадилась....

Раскольниковъ любопытно поглядѣвъ на говорившую. Это была рабая дѣвка, лѣтъ тридцати, вся въ синякахъ, съ припухшею верхнею губой. Говорила и осуждала она спокойно и серьезно.

„Гдѣ это,“ подумалъ Раскольниковъ, идя далѣе,—„гдѣ это я читалъ, какъ одинъ приговоренный къ смерти, за часъ до смерти, говорить или думать, что еслибы пришлось ему жить гдѣ-нибудь на высотѣ, на скалѣ, и на такой узенькой площадкѣ, чтобы только двѣ ноги можно было поставить,—а кругомъ будутъ пропасти, океанъ, вѣчный мракъ, вѣчное удивленіе и вѣчная буря,— и оставаться такъ, стоя на аршинѣ пространства, всю жизнь, тысячу лѣтъ, вѣчность,—то лучше такъ жить чѣмъ сейчасъ умирать! только бы жить, жить и жить! Какъ бы ни жить,— только жить!... Экая правда! Господи, какая правда! Подлецъ человекъ! И подлецъ тотъ кто его за это подлецомъ называетъ,“ прибавилъ онъ черезъ минуту.

Онъ вышелъ въ другую улицу: „Ба! „Хрустальный дворецъ“!

давеча Разушихинъ говорилъ про „Хрустальный дворецъ“. Только, чего-бись я хотѣлъ-то? Да, прочесты!... Зосимовъ говорилъ что въ газетахъ читалъ....“

— Газеты есть? спросилъ онъ входя въ весьма просторное и даже опрятное трактирное заведеніе о нѣсколькихъ комнатахъ, впрочемъ довольно пустыхъ. Два-три посетителя пили чай, да въ одной дальней комнатѣ сидѣла группа, человѣка въ четыре, и пили шампанское. Раскольникову показалось что между ними Заметовъ. Впрочемъ, издали нельзя было хорошо рассмотреть.

„А пусты!“ подумалъ онъ.

— Водки прикажете-съ? спросилъ половой.

— Чаю подай. Да привеси ты мнѣ газетъ, старыхъ, стакъ дней за пять сряду, а я тебѣ на водку дамъ.

— Слушаю-съ. Вотъ сегодняшнія-съ. И водки прикажете-съ?

Старыя газеты и чай явились. Раскольниковъ усѣлся и сталъ отыскивать: „Ивлерь—Ивлерь—Ацтеки—Ацтеки—Ивлерь—Бартола—Массимо—Ацтеки—Ивлерь.... фу, чортъ! а, вотъ отѣтки: провалилась съ лѣстницы — мѣщанинъ стрѣлъ съ вина — пожаръ на Пескахъ — пожаръ на Петербургской — еще пожаръ на Петербургской — еще пожаръ на Петербургской — Ивлерь — Ивлерь — Ивлерь—Ивлерь—Массимо... А, вотъ...“

Онъ отыскавъ наконецъ то чего добивался и сталъ читать; строки прыгали въ его глазахъ, онъ однакожь дочелъ все „извѣстіе“, и жадно принялся отыскивать въ слѣдующихъ нумерахъ позднѣйшія прибавленія. Руки его дрожали, перебирая листы, отъ судорожнаго нетерпѣнія. Вдругъ кто-то сѣлъ подлѣ него, за его столомъ. Онъ взглянулъ—Заметовъ, тотъ же самый Заметовъ и въ томъ же видѣ, съ перстнями, съ цѣпочками, съ пробормомъ въ черныхъ, выщипаныхъ и непомеренныхъ волосахъ въ шерстяномъ жакетѣ и въ нѣ-

Раскольниковъ зналъ что онъ подойдетъ. Онъ отложилъ газеты и поворотился къ Заметову. На его губахъ была усмѣшка, и какое-то новое раздражительное нетерпѣніе проглядывало въ этой усмѣшкѣ.

— Это я знаю, что вы были, отвѣчалъ онъ, — слышалъ-съ. Носокъ отыскивали... А знаете, Разумихинъ отъ васъ безъ ума, говорить, что вы съ нимъ къ Лавизѣ Ивановѣ ходили, вотъ про которую вы старались-то тогда, поручику-то Пороху мигали, а онъ все не понималъ, помните? ужъ какъ бы кажется не понять—дѣло ясное.... а?

— А ужъ какой онъ буянъ!

— Порохъ-то?

— Нѣтъ, пріятель вашъ, Разумихинъ....

— А хорошо вамъ жить, господинъ Заметовъ; въ пріятнѣйшія мѣста входъ безплатный! Кто это васъ сейчасъ шампанскимъ-то наливалъ?

— А это мы... выпили... Ужъ и наливалъ?!

— Голораріи! всѣмъ пользуетесь! Раскольниковъ засмѣялся.—Ничего, добрыйшій мальчикъ, ничего! прибавилъ онъ, стукнувъ Заметова по плечу: — я вѣдь не на-зло, „а по всей то-есть любви, играючи“ говорю, вотъ, какъ работникъ-то вашъ говорилъ, когда онъ Митьку тузилъ, вотъ, по старухиному-то дѣлу.

— А вы почему знаете?

— Да я, можетъ, больше вашего знаю.

— Что-й-то какой вы странный... Вѣрно еще очень больны. Напрасно вышли...

— А я вамъ страннымъ кажусь?

— Да. Что это вы газеты читаете?

— Газеты.

— Много про пожары пишутъ.

— Нѣтъ, я не про пожары.—Тутъ онъ загадочно посмотрѣлъ на Заметова; насмѣшливая улыбка опять искривила его губы.

— Нѣтъ, я не про пожары, продолжалъ онъ, подмигивая Заметову.—А сознайтесь, милый ювона, что вамъ ужасно хочется знать про что я читалъ?

— Совсе не хочется; я такъ спросилъ. Развѣ нельзя спросить? Что вы все...

— Послушайте, вы человекъ образованный, литературный, а?

— Я изъ шестаго класса гимназiи, отвѣчалъ Заметовъ съ нѣкоторымъ достоинствомъ.

— Изъ шестаго! ахъ ты мой воробушекъ! Съ пробормотъ, въ перстняхъ — богатый человекъ! Фу, какой миленькiй мальчикъ! Тутъ Раскольниковъ зашлая первымъ смѣхомъ, прямо въ лицо Заметову. Тотъ отшатнулся, и не то чтобъ обидѣлся, а ужъ очень удивился.

— Фу, какой странный! повторилъ Заметовъ очень серьезно.—Мнѣ одается что вы все еще бредите.

— Брежу? врешь, воробушекъ!.. Такъ я страненъ? ну, а любопытенъ я вамъ, а? любопытенъ?

— Любопытенъ.

— Такъ сказать про что я читаю, что разыскивалъ? Ишь вѣдь сколько нумеровъ велѣлъ натащить! Подозрительно, а?

— Ну, скажите.

— Ушки на макушкѣ?

— Какая еще тамъ макушка?

— Послѣ скажу какая макушка, а теперь, мой милѣйшiй, объявляю вамъ... нѣтъ, лучше: „сознаюсь“... Нѣтъ, и это не то: „показанiе даю, а вы снимаете“—вотъ какъ! Такъ даю показанiе, что читалъ, интересовался... отыскивалъ... разыскивалъ...—Раскольниковъ прищурилъ глаза и выждалъ:—разыскивалъ,—и для того и зашелъ сюда, — объ убiйствѣ старухи чиновницы, произнесъ онъ наконецъ, почти шепотомъ, чрезвычайно приблизивъ свое лицо къ лицу Заметова. Заметовъ смотрѣлъ на него прямо въ упоръ, не шевелясь, и не отодвигая своего лица отъ его лица. Страннѣе всего показалось Заметову, что ровно цѣлую минуту длилось у нихъ молчанiе и ровно цѣлую минуту они такъ другъ на друга глядѣли.

— Ну чтожъ что читали? вскричалъ онъ вдругъ въ недоумѣнiи и въ нетерпѣнiи. — Мнѣ-то какое дѣло! Чтожъ въ томъ?

— Это вотъ та самая старуха, продолжалъ Раскольниковъ,

лось въ одно мгновеніе, и вдругъ онъ задался опять тѣмъ же нервнымъ хохотомъ, какъ давеча, какъ будто самъ совершенно не въ силахъ былъ сдержатъ себя. И въ одинъ мигъ припомнилось ему до чрезвычайной ясности ощущенія одно недавнее мгновеніе, когда онъ стоялъ за дверью, съ топоромъ, запоръ прыгалъ, они за дверью ругались и ломались, а ему вдругъ захотѣлось закричать имъ, ругаться съ ними, высунуть имъ языкъ, дразнить ихъ, смѣяться, хохотать, хохотать, хохотать!

— Вы или сумасшедшій, или... проговорилъ Заметовъ — и остановился, какъ будто вдругъ пораженный мыслью внезапной промелькнувшею въ умъ его.

— Или? Что „или“? Ну, что? Ну, скажите-ка!

— Ничего! въ сердцахъ отвѣчалъ Заметовъ: — все вздоръ!

Оба замолчали. Послѣ внезапнаго, припадочнаго взрыва смѣха, Раскольниковъ сталъ вдругъ задумчивъ и грустенъ. Онъ облокотился на столъ и подперъ рукой голову. Казалось, онъ совершенно забылъ про Заметова. Молчаніе длилось довольно долго.

— Что вы чай-то не пьете? Остынетъ, сказалъ Заметовъ.

— А? что? чай?... пожаауй... Раскольниковъ глотнулъ изъ стакана, положилъ въ ротъ кусочекъ хлѣба и вдругъ, посмотрѣвъ на Заметова, казалось все припомнилъ и какъ будто встрахнулся; лицо его приняло въ ту же минуту первоначальное насмѣшливое выраженіе. Онъ продолжалъ пить чай.

— Нынче много этихъ мошенничествъ развелось, сказалъ Заметовъ.—Вотъ недавно еще я читалъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, что въ Москвѣ цѣлую шапку фальшивыхъ монетчиковъ изловили. Цѣлое общество было. Поддѣлывали билеты.

— О, это уже давно! я еще мѣсяць назадъ читалъ, отвѣчалъ спокойно Раскольниковъ.—Такъ это-то по вашему мошенники? прибавилъ онъ усмѣхаясь.

— Какъ же не мошенники?

— Это? Это дѣти, бланбеки, а не мошенники! Цѣлая полсотня людей для такой дѣли собирается! Развѣ это возможно? Тутъ и трехъ много будетъ, да и то чтобы другъ въ другъ каждый пуще себя самого былъ увѣренъ! А то стоитъ одному спяку проболтаться, и все прахомъ пошло! Вѣдь ихъ куча, сбродъ, за всякаго не поручишься! Бланбеки! Навиваютъ ненадежныхъ людей размѣивать билеты въ конто-

рахъ: этакое-то дѣло да повѣрить первому встрѣчному? Ну, положимъ, удалось и съ бляббеками, положимъ, каждый себѣ по милліону намѣнялъ, ну, а потомъ? всю-то жизнь? Каждый одинъ отъ другаго зависитъ на всю свою жизнь! Да лучше удавиться! А они и размѣнять-то не умѣли: сталъ въ конторѣ мѣнять, получилъ пять тысячъ, и руки дрогнули. Четыре пересчиталъ, а пятую принялъ не считая, на вѣру, чтобы только въ карманъ, да убѣжать поскорѣе. Ну, и возбудилъ подозрѣніе. И лопнуло все изъ-за одного дурака! Да разгѣ это возможно?

— Что руки-то дрогнули? подхватилъ Заметовъ.

— Нѣтъ, это возможно-съ. Нѣтъ, это я совершенно увѣренъ, что это возможно. Иной разъ не выдержишь.

— Этого-то?

— А вы, небось, выдержите? Нѣтъ, я бы не выдержалъ! За сто рублей награжденія идти на этакій ужасъ! Идти съ фальшивымъ билетомъ — куда же? — въ банкирскую контору, гдѣ на этомъ собаку сѣлаи, — нѣтъ, я бы сконфузилася. А вы не сконфужитесь?

Раскольникову ужасно вдругъ захотѣлось опять „языкъ высунуть“. Ознобъ, минутами, проходилъ по спицѣ его.

— Я бы не такъ сдѣлалъ, началъ онъ издалека.—Я бы вотъ какъ сталъ мѣнять: пересчиталъ бы первую тысячу, этакъ, раза четыре со всѣхъ концовъ, въ каждую бумажку всматриваясь, и принялся бы за другую тысячу; началъ бы ее считать, досчиталъ бы до середины, да и вынулъ бы какую-нибудь пятидесятирублевую, да на свѣтъ, да переверотилъ бы ее и опять на свѣтъ — не фальшивая ли? Я, дескать, боюсь: у меня родственница одна двадцать пять рублей такимъ образомъ, намедни, потеряла; и исторію бы тутъ разказалъ. А какъ сталъ бы третью тысячу считать — нѣтъ, позвольте я, кажется, тамъ, во второй тысячѣ, седьмую сотню невѣрно сосчиталъ, сомнѣніе беретъ, да бросилъ бы третью, да опять за вторую, — да этакъ бы всю-то пять. А какъ кончилъ бы, изъ пятой да изъ второй вынулъ бы по кредиткѣ, да опять на свѣтъ, да опять сомнительно, „перемѣните пожалуйста“, — да до седьмого поту конторщика бы довелъ, такъ что онъ меня какъ и съ рукъ-то сбыть ужь не зналъ бы! Кончилъ бы все наконецъ, пошелъ, двери бы отворилъ — да, нѣтъ, извините, опять воротился, спросить о чемъ-нибудь, объясненіе какое-нибудь получить, — вотъ я бы какъ сдѣлалъ!

— Оу, какія вы страшныя вещи говорите! сказалъ, смѣясь, Заметовъ. — Только все это одинъ разговоръ, а на дѣлѣ, навѣрно, споткнулись бы. Тутъ, я вамъ скажу, по-моему, не только намъ съ вами, даже натертому, отчаянному человѣку за себя поручиться нельзя. Да чего ходить — вотъ примѣръ: въ нашей-то части, старуху-то убили. Вѣдь ужь, кажется, отчаянная башка, среди бѣлаго дня на всѣ риски рискнулъ, однимъ чудомъ спасся, — а руки-то все-таки дрогнули: обокрасть не сумѣлъ, не выдержалъ; по дѣлу видно...

Раскольниковъ какъ будто обидѣлся.

— Видно! А вотъ поймайте-ка его, подите, теперь! вскрикнулъ онъ, злорадно подзадоривая Заметова.

— Чтожь, и поймаютъ.

— Кто? вы? вамъ поймать? Упрыгаетесь! Вотъ вѣдь что главное: тратитъ ли человѣкъ деньги или нѣтъ? То денегъ не было, а тутъ вдругъ тратитъ начнется, — ну какъ же не онъ? Такъ васъ вотъ такой ребенокъ надуетъ на этомъ, коли захочетъ!

— То-то и есть что они всѣ такъ дѣлаютъ, отвѣчалъ Заметовъ: — убьетъ-то хитро, жизнь отваживаетъ, а потомъ тотчасъ въ кабакъ и попался. На тратѣ-то ихъ и ловятъ. Не все-же такіе какъ вы хитрецы. Вы бы въ кабакъ не пошли, разумѣется?

Раскольниковъ нахмурилъ брови и пристально посмотрѣлъ на Заметова.

— Вы, кажется, разлакомились и хотите узнать какъ бы я и тутъ поступилъ? спросилъ онъ съ неудовольствіемъ.

— Хотѣлось бы, твердо и серьезно отвѣтилъ тотъ. Слѣшкомъ что-то серьезно сталъ онъ говорить и смотрѣть.

— Очень?

— Очень.

— Хорошо. Я вотъ бы какъ поступилъ, началъ Раскольниковъ, опять вдругъ приближая свое лицо къ лицу Заметова, опять въ упоръ смотря на него и говоря опять шепотомъ, такъ что тотъ даже вздрогнулъ на этотъ разъ. — Я бы вотъ какъ сдѣлалъ: я бы взялъ деньги и вещи, и какъ ушелъ бы оттуда, тотчасъ, не заходя никуда, пошелъ бы куда-нибудь гдѣ мѣсто глухое и только заборы одни, и почти нѣтъ никого, — огородъ какой-нибудь, или въ этомъ родѣ. Наглядѣлъ бы я тамъ еще прежде, на этомъ дворѣ, какой-нибудь такой камень, этакъ въ пудъ или полтора вѣсу,

гдѣ-нибудь въ углу, у забора, что съ построевія дома, можетъ, лежитъ; приподвѣявъ бы этотъ камень — подъ нимъ должна ямка быть, — да въ ямку-то эту всё бы вещи и деньги и сложили. Сложилъ бы, да и навалилъ бы камнемъ, въ томъ видѣ какъ онъ прежде лежалъ, придавилъ бы ногой, да и пошелъ бы прочь. Да годъ бы, два бы не бралъ, три бы не бралъ, — ну, и щите! Былъ да весь вышелъ!

— Вы сумашедшій, выговорилъ почему-то Заметовъ тоже чуть не шепотомъ, и почему-то отодвинулся вправо отъ Раскольникова. У того вдругъ засверкали глаза; онъ ужасно поблѣднѣлъ; верхняя губа его дрогнула и запырала. Онъ склонился къ Заметову какъ можно ближе, и сталъ шевелить губами, ничего не произнося; такъ длилось съ полминуты; онъ зналъ что дѣлалъ, но не могъ сдержать себя. Страшное слово, какъ тогдашній запоръ въ дверяхъ, такъ и прыгало на его губахъ: вотъ-вотъ сорвется; вотъ-вотъ только спустить его, вотъ-вотъ только выговорить!

— А что если это я старуху и Лизавету убилъ? проговорилъ онъ вдругъ и — опомнился.

Заметовъ дико поглядѣлъ на него и поблѣднѣлъ какъ скатерть. Лицо его искривилось улыбкой.

— Да развѣ это возможно? проговорилъ онъ едва слышно.

Раскольниковъ злобно взглянулъ на него.

— Признайтесь, что вы повѣрили? сказалъ онъ наконецъ холодно и насмѣшливо: — да? вѣдь да?

— Совсѣмъ нѣтъ! Теперь больше чѣмъ когда-нибудь не вѣрю! торопливо вскричалъ Заметовъ.

— Попался наконецъ! Поймали воробушка. Стало-быть вѣрили же прежде, когда теперь „больше чѣмъ когда-нибудь не вѣрите“?

— Да совсѣмъ же нѣтъ! восклицалъ Заметовъ, видимо сконфуженный. — Это вы для того-то и пугали меня, чтобъ къ этому подвести?

— Такъ не вѣрите? а объ чемъ вы безъ меня заговорили, когда я тогда изъ конторы вышелъ? А зачѣмъ меня поручикъ Порохъ допрашивалъ послѣ обмерака? Эй ты, крикнулъ онъ половому вставая и взявъ фуражку: — сколько съ меня?

— Тридцать копѣекъ всего-съ, отвѣчалъ тотъ подбѣгая.

— Да вотъ тебѣ еще двадцать копѣекъ на водку. Ишь сколько денегъ! протянулъ онъ Заметову свою дрожащую

руку съ кредитками: — красенькія, синенькія, двадцать пять рублей. Откуда? А откуда платье новое явилось? Вѣдь знаете что конѣтки не было: хозяйку-то, небось, ужь спрашивали.... Ну, довольно! *Assez causé!* до свиданья.... пріятнѣйшаго!...

Онъ вышелъ весь дрожа отъ какого-то дикаго истерическаго ощущенія, въ которомъ между тѣмъ была часть нестерпимаго наслажденія, — впрочемъ мрачный, ужасно усталый. Лицо его было искривлено, какъ бы послѣ какого-то припадка. Утомленіе его быстро увеличивалось. Силы его возбуждались и приходили теперь вдругъ, съ первымъ толчкомъ, съ первымъ раздражающимъ ощущеніемъ, и ослабѣвали быстро, по мѣрѣ того какъ ослабѣвало ощущеніе.

А Заметовъ, оставшись одинъ, сидѣлъ еще долго на томъ же мѣстѣ, въ раздумьи. Раскольниковъ невзначай перевернулъ всѣ его мысли, насчетъ извѣстнаго пункта, и окончательно установилъ его мнѣніе.

„Илья Петровичъ — болванъ!“ рѣшилъ онъ окончательно.

Только-что Раскольниковъ отворилъ дверь на улицу, какъ вдругъ, на самомъ крыльцѣ, столкнулся съ входившимъ Разумихинымъ. Оба, даже за шагъ еще, не видали другъ друга, такъ что почти головами столкнулись. Нѣсколько времени обмѣривали они одинъ другаго взглядомъ. Разумихинъ былъ въ величайшемъ изумленіи, но вдругъ гнѣвъ, настоящій гнѣвъ, грозно засверкалъ въ его глазахъ.

— Такъ вотъ ты гдѣ! крикнулъ онъ во все горло. — Съ постели сбѣжалъ! А я его тамъ подъ диваномъ даже искалъ! На чердакъ вѣдь ходили! Настасью чуть не прибилъ за тебя... Онъ вонъ гдѣ! Родька! что это значить? Говори всю правду! Признавайся! Слышишь?

— А то значить, что вы всѣ надобли мнѣ смертельно, и хочу быть одинъ, спокойно отвѣчалъ Раскольниковъ.

— Одинъ? Когда еще ходить не можешь, когда еще рожа какъ полотно бабна, и задыхаешься! Дуракъ!... Что ты въ хрустальномъ дворцѣ дѣлаешь? Признавайся немедленно!

— Пусти! сказалъ Раскольниковъ и хотѣлъ пройти мимо. — Это ужь вывело Разумихина изъ себя; онъ крѣпко схватилъ его за плечо.

— Пусти? Ты смѣешь говорить: „пусти“, послѣ того что сдѣлаешь! Да знаешь ли что я сейчасъ съ тобой сдѣлаю?

Возьму въ оханку, завяжу узломъ да и отвесу подъ мышкѣ домой, подъ замокъ!

— Слушай, Разумихинъ, началъ тихо и повидимому совершенно спокойно Раскольниковъ, — неужель ты не видишь, что я не хочу твоихъ благодарій? И что за охота благодарствовать тѣмъ, которые... плюютъ на это? тѣмъ, наконецъ, которымъ это серьезно тяжело выносить? Ну для чего ты отыскалъ меня въ началѣ болѣзни. Я, можетъ-быть, очень бы радъ умереть? Впрочемъ, ты могъ не знать этого, и конечно, я долженъ поставить въ счетъ твое великодушіе, — а я не хотѣлъ и не хочу твоего великодушія — вотъ что главное! Ну, неужели я не достаточно выказалъ тебѣ сегодня, что ты меня мучаешь, что ты мнѣ... надоѣлъ! Охота же въ самомъ дѣлѣ мучить людей! Давеча, когда ты платье привезъ и сталъ, для увеселенія моего, отпускать свои остроты, которые всѣ, — такъ какъ ты не самолюбивъ, то признаю тебѣ въ этомъ искренно, — всѣ были чрезвычайно неудачны и переслащены.... однимъ словомъ, тупы, — извини пожалуйста, — то я.... мнѣ стало жаль тебя, стыдно стало, противно.... Это меня такъ раздражило!... Увѣряю же тебя, что все это мѣшаетъ моему выздоровленію серьезно, потому что непрерывно раздражаетъ меня. Вѣдь ушелъ же давеча Зосимовъ чтобы не раздражать меня! Отстань же ради Бога и ты! И какъ право, наконецъ, имѣешь ты удерживать меня силой? Это право кулачное и не прилично великодушному человѣку. Да неужель ты не видишь, что я совершенно въ полномъ умѣ и теперь говорю? Чѣмъ, чѣмъ, научи, умолишь мнѣ тебя наконецъ, чтобы ты не приставалъ ко мнѣ и не благодарствовать? Пусть я неблагодаренъ, пусть я низокъ, только отстаньте вы всѣ, ради Бога, отстаньте! отстаньте! отстаньте!

Онъ началъ спокойно, заранѣе радуясь всему яду, который готовился вылить, а кончилъ въ изступленіи и задыхаясь какъ давеча съ Лужинымъ.

Разумихинъ постоялъ, подумалъ и выпустилъ его руку.

— Убирайся же къ чорту! сказалъ онъ тихо и почти думчиво. — Стой! заревѣлъ онъ внезапно, когда Раскольниковъ тронулся было съ мѣста: — слушай меня. Объясни тебѣ, что всѣ вы, до единого, — болтунишки и фавфаронки! Заведется у васъ страдалица, — вы съ нимъ какъ куца съ яйцомъ носитесь! Даже и тутъ воруете чужихъ денегъ. Ни признака жизни въ васъ самостоятельной! Изъ о

мажетвой мази вы сдѣланы, а вмѣсто крови сыворотка! Гни-
кому-то изъ васъ я не вѣрю! Первое дѣло у васъ, во всѣхъ
обстоятельствахъ, — какъ бы на человѣка не походить! Сто-о-
ой! — крикнулъ онъ съ удвоеннымъ бѣшенствомъ, замѣтивъ
что Раскольниковъ опять трогается уходить: — слушай до
конца! Ты знаешь, у меня сегодня собираются на новоселье,
можетъ-быть ужъ и пришли теперь, да я тамъ дядю оставилъ, —
забѣгалъ сейчасъ, — принимать приходящихъ. Такъ вотъ, еслибъ
ты не былъ дуракъ, не пошлый дуракъ, не набитый дуракъ,
не переводъ съ иностраннаго.... видишь, Родя, я сознаюсь, ты
малый умный, но ты дуракъ! — такъ вотъ, еслибъ ты не былъ
дуракъ, ты бы лучше ко мнѣ зашелъ сегодня, вечерокъ поси-
дѣть, чѣмъ даромъ-то сапоги топтать. Ужъ вышелъ, такъ
ужъ нечего дѣлать! Я бѣ тебѣ кресла такія мягкія подка-
тилъ, у хозяевъ есть.... Чаешко, компанія.... А вѣтъ, — такъ
и на кушеткѣ уложу, на подушкахъ, — все-таки между нами
полежишь.... И Зосимовъ будетъ. Зайдешь что ли?

— Нѣтъ.

— Вр-р-решъ! нетерпѣливо вскрикнулъ Разумихинъ: — по-
чему ты знаешь? ты не можешь отвѣчать за себя! Да и ни-
чего ты въ этомъ не понимаешь.... Я тысячу разъ точно
также съ людьми расплевывался и опять назадъ прибѣгалъ....
Станеть стыдно — и воротиться къ человѣку! Такъ помни
же домъ Починкова, третій этажъ....

— Да вѣдь этакъ вы себя, пожалуй, кому-нибудь бить поз-
волите, господинъ Разумихинъ, изъ удовольствія благодѣтель-
ствовать.

— Кого? меня! За одну фантазію носъ отвинчу! Домъ
Починкова, № 47, въ квартирѣ чиновника Бабушкина....

— Не приду, Разумихинъ! — И Раскольниковъ повернулся
и пошелъ прочь.

— Объ закладъ что придеши! крикнулъ ему въ догонку
Разумихинъ. — Иначе ты.... иначе знать тебя не хочу! Постой,
гей! Заметовъ тамъ?

— Тамъ.

— Видѣлъ?

— Видѣлъ.

— И говорилъ?

— Говорилъ.

— Объ чемъ? Ну, да, чортъ съ тобой, пожалуй не сказывай.
Починкова, 47, Бабушкина, помни!

Раскольниковъ дошелъ до Садовой и повернулъ за уголъ. Разумихинъ смотрѣлъ ему вслѣдъ задумавшись. Наконецъ, махнувъ рукой, вошелъ въ домъ, но остановился на срединѣ лѣстницы:

„Чортъ возьми!“ продолжалъ онъ, почти вслухъ:—„говорить со смысломъ, а какъ будто.... Вѣдь и я дуракъ! да развѣ помѣшанные не говорятъ со смысломъ? А Зосимовъ-то, по-казалось мнѣ, этого-то и побаивается!“ Онъ стукнулъ пальцемъ по лбу.—„Ну что если.... ну какъ его одного теперь пускать? Пожалуй утопится.... Эхъ, маху я далъ! нельзя!“

И онъ побѣжалъ назадъ, въ догонку за Раскольниковымъ, но ужъ слѣдъ простылъ. Онъ плюнулъ и скорыми шагами воротился въ „Хрустальный дворецъ“ допросить поскорѣе Заметова.

Раскольниковъ прошелъ прямо на —скій мостъ, сталъ на срединѣ, у перилъ, облокотился на нихъ обоими локтями и принялся глядѣть вдаль. Простившись съ Разумихинымъ, онъ до того ослабѣлъ, что едва добрался сюда. Ему захотѣлось гдѣ-нибудь сѣсть или лечь, на улицѣ. Склонившись надъ водой, машинально смотрѣлъ онъ на послѣднй, розовый отблескъ заката, на рядъ домовъ, темнѣвшихъ въ стущавшихся сумеркахъ, на одно отдаленное окошко, гдѣ-то въ мавсардѣ, по лѣвой набережной, блиставшее точно въ пламени отъ послѣдняго солнечнаго луча, ударившаго въ него на мгновеніе, на темнѣвшую воду канавы и, казалось, со вниманіемъ всматривался въ эту воду. Наконецъ въ глазахъ его завертѣлись какіе-то красные круги, дома заходили, прохожіе, набережныя, экипажи,—все это завертѣлось и заплесало кругомъ. Вдругъ онъ вздрогнулъ, можетъ-быть спасенный вновь отъ обморока однимъ дикимъ и безобразнымъ видѣніемъ. Онъ почувствовалъ что кто-то сталъ подлѣ него, справа, рядомъ; онъ взглянулъ — и увидѣлъ женщину, высокую, съ платкомъ на головѣ, съ желтымъ, продолговатымъ, испитымъ лицомъ и съ красноватыми, впавшими глазами. Она глядѣла на него прямо, но сдержанно и холодно, на глазахъ и въ

— Утопилась! утопилась! кричали десятки голосовъ; люди сбѣгались, обѣ набережныя улизывались зрителями, на мосту, кругомъ Раскольникова, столпился народъ, напирая и придавливая его сзади.

— Батюшки, да вѣдь это наша Афросимьюшка! послышался гдѣ-то не далеко плачевный женскій крикъ.—Батюшки, спасите! отцы родные, вытащите!

— Лодку! лодку! кричали въ толпѣ.

Но лодки было ужь не надо: городской сбѣжалъ по ступенькамъ схода къ канавѣ, сбросилъ съ себя шинель, сапоги, и кинулся въ воду. Работы было не много: утопленнику весло водой въ двухъ шагахъ отъ схода, онъ схватилъ ее за одежду правою рукою, лѣвою успѣлъ схватиться за шестъ, который протянулъ ему другой городской, и тотчасъ же утопленница была вытащена. Ее положили на гранитныя плиты схода. Она очнулась скоро, приподнялась, сѣла, и стала чихать и фыркать, безмысленно обтирая мокрое пятые руками. Она ничего не говорила.

— До чортиковъ допилась, батюшки, до чортиковъ, вылъ тотъ же женскій голосъ, уже подлѣ Афросимьюшки,—анамлась удавиться тоже хотѣла, съ веревки сняли. Пошла теперь въ лавочку, дѣвчоночку при ней глядѣть оставила,—анъ вотъ и грѣхъ вышелъ! Мѣщаночка, батюшка, наша мѣщаночка, подлѣ живемъ, второй домъ съ краю, вотъ тутъ...

Народъ расходился, полицейскіе возились еще съ утопленницей, кто-то крикнулъ про контору... Раскольниковъ смотрѣлъ на все съ страннымъ ощущеніемъ равнодушія и безучастія. Ему стало противно.—„Нѣтъ, это гадко.... вода... не стоить“, бормоталъ онъ про себя.—„Ничего не будетъ“, прибавилъ онъ,—„нечего ждать. Что это контора.... А зачѣмъ Захаровъ не въ конторѣ? контора въ десятомъ часу отперта...“ Онъ оборотился спиной къ периламъ и поглядѣлъ кругомъ себя

набережной канавы. — „Все-таки кончу, потому что хочу... Исходъ ли, однако? А все равно! аршинъ пространства будетъ,—хе! Какой, однакожь, конецъ! Неужели конецъ? Скажу я имъ или не скажу? Э... чортъ! Да и усталъ я; гдѣ-нибудь лечь или съестъ бы поскорѣй! Всего стыднѣе, что очень ужъ глупо. Да наплевать и на это. Фу, какія глупости въ голову приходять....“

Въ контору надо было идти все прямо и при второмъ поворотѣ взять влѣво: она была тутъ въ двухъ шагахъ. Но дойдя до перваго поворота, онъ остановился, подумалъ, поворотилъ въ переулокъ, и пошелъ обходомъ, черезъ двѣ улицы,—можетъ-быть, безо всякой цѣли, а можетъ-быть, чтобы хоть минуточку еще протянуть и выиграть время. Онъ шелъ и смотрѣлъ въ землю. Вдругъ, какъ-будто кто шепнулъ ему что-то на ухо. Онъ поднялъ голову и увидалъ что стоитъ у *того* дома, у самыхъ воротъ. Съ *того* вечера онъ здѣсь не былъ и мимо не проходилъ.

Неотразимое и необъяснимое желаніе повлекло его. Онъ вошелъ въ домъ, прошелъ всю подворотню, потомъ въ первый входъ справа и сталъ подниматься по знакомой лѣстницѣ, въ четвертый этажъ. На узенькой и крутой лѣстницѣ было очень темно. Онъ останавливался на каждой площадкѣ и осматривался съ любопытствомъ. На площадкѣ перваго этажа въ окнѣ была совсѣмъ выставлена рама: „Этого тогда не было“, подумалъ онъ. Вотъ и квартира втораго этажа, гдѣ работали Николашка и Митька: „Заперта; и дверь окрашена за-ново; отдается, значить, въ наемъ.“ Вотъ и третій этажъ.... и четвертый.... Здѣсь! Недоумѣніе взяло его: дверь въ эту квартиру была отворена настежь, тамъ были люди, слышны были голоса; онъ этого никакъ не ожидалъ. Поколебавшись немного, онъ поднялся по послѣднимъ ступенькамъ и вошелъ въ квартиру.

Ее тоже отдѣлывали за-ново; въ ней были работники; это его какъ будто поразило. Ему представлялось почему-то, что онъ все встрѣтитъ точно такъ же, какъ оставилъ тогда, даже можетъ-быть трупы на тѣхъ же мѣстахъ на полу. А теперь: голая стѣны, никакой мебели; странно какъ-то! Онъ прошелъ къ окну и сѣлъ на подоконникъ.

Всего было двое работниковъ, оба молодые парня, одинъ постарше, а другой гораздо моложе. Они оклеивали стѣны новыми обоями, бѣлыми, съ лиловыми цвѣточками, вмѣсто

прежнихъ желтыхъ, истрепанныхъ и истасканныхъ. Раскольникову это почему-то ужасно не понравилось; онъ смотрѣлъ на эти новые обои враждебно, точно жаль было что все такъ измѣнили.

Работники очевидно замѣшкались, и теперь наскоро свертывали свою бумагу и собирались домой. Появленіе Раскольникова почти не обратило на себя ихъ вниманія. Они о чемъ-то разговаривали. Раскольниковъ скрестилъ руки и сталъ вслушиваться.

— Приходить она, эта, ко мнѣ поутру, говорилъ старшій младшему, — равнымъ-равнешелько, вся разодѣтая. „И что ты, говорю, передо мной лимоничаешь, чего ты передо мной апельсиничаешь?“ — „Я хочу, говорить, Титъ Васильичъ, отнынѣ, впредь въ полной вашей волѣ состоять.“ Такъ вотъ оно какъ! А ужъ какъ разодѣта: журналъ, просто журналъ!

— А что это, дядьшка, журналъ? спросилъ молодой. Онъ очевидно поучался у „дядьшки“.

— А журналъ, это есть, братецъ ты мой, такія картинки, крашенныя, и идутъ онѣ сюда къ здѣшнимъ портнымъ каждую субботу, по почтѣ, изъ-за границы, съ тѣмъ то-есть какъ кому одѣваться, какъ мужскому, равномѣрно и женскому полу. Рисунокъ, значить. Мужской полъ все больше въ бекешахъ пишется, а ужъ по женскому отдѣленію такіе, братъ, суфлѣры, что отдай ты мнѣ все, да и мало!

— И чего-чего въ ефтомъ Питерѣ нѣтъ! съ увлеченіемъ крикнулъ младшій: — окромя отца-матери все есть!

— Окромя ефтова, братецъ ты мой, все находится, настоятельно порѣшилъ старшій.

Раскольниковъ всталъ и пошелъ въ другую комнату, гдѣ прежде стояли укладка, постель и коммодъ; комната показалась ему ужасно маленькою безъ мебели. Обои были все тѣ же; въ углу на обояхъ рѣзко обозначено было мѣсто гдѣ стоялъ кіотъ съ образами. Онъ поглядѣлъ и воротился на

поминаться ему, онъ вздрагивалъ съ каждымъ ударомъ, и ему все пріятнѣе и пріятнѣе становилось.

— Да что-те надо? Кто таковъ? крикнулъ работникъ, выходя къ нему. Раскольниковъ вошелъ опять въ дверь.

— Квартиру хочу нанять, сказалъ онъ, — осматриваю.

— Фатеру по ночамъ не навимають; а къ-тому же вы должны съ дворникомъ придти.

— Поль-то вымыли; красить будутъ? продолжалъ Раскольниковъ. — Крови-то нѣтъ?

— Какой крови?

— А старуху-то вотъ убили съ сестрой. Тутъ цѣлая лужа была.

— Да что ты за человекъ? крикнулъ въ безпокойствѣ работникъ.

— Я?

— Да.

— А тебѣ хочется знать?... Пойдемъ въ контору, тамъ скажу.

Работники съ недоумѣніемъ посмотрѣли на него.

— Намъ выходить пора-съ, замѣшкали. Идемъ, Алешка. Запирать надо, сказалъ старшій работникъ.

— Ну, пойдемъ! отвѣчалъ Раскольниковъ равнодушно, и вышелъ впередъ, медленно спускаясь съ лѣстницы. — Эй, дворникъ! крикнулъ онъ, выходя подъ ворота.

Нѣсколько людей стояло при самомъ входѣ въ домъ съ улицы, глаза на прохожихъ: оба дворника, баба, мѣщанинъ въ халатѣ и еще кое-кто. Раскольниковъ пошелъ прямо къ нимъ.

— Чего вамъ? отозвался одинъ изъ дворниковъ.

— Въ контору ходилъ?

— Сейчасъ былъ. Вамъ чего?

— Тамъ сидятъ?

— Сидятъ.

— И помощникъ тамъ?

— Былъ всемя. Чего вамъ?

— А гдѣ работаемъ. „Зачѣмъ, дескать, кровь отмыли? Тутъ, говоритъ, убийство случилось, а я пришелъ напимать.“ И въ колокольчикъ сталъ звонить, мало не оборвалъ. А пойдемъ, говоритъ, въ контору, тамъ все докажу. Навязался.

Дворникъ съ недоумѣніемъ и нахмурился разглядывалъ Раскольникова.

— Да вы кто таковъ? крикнулъ онъ погрозиѣ.

— Я Родіонъ Романычъ Раскольниковъ, бывшій студентъ, а живу въ домѣ Шпала, здѣсь въ переулкѣ, отсюда недалеко, въ квартирѣ № 14. У дворника спроси.... меня знаетъ. — Раскольниковъ проговорилъ все это какъ-то лѣниво и задумчиво, не оборачиваясь, и пристально смотря на потемнѣвшую улицу.

— Да вы зачѣмъ въ фатеру-то приходили?

— Смотрѣть.

— Чего тамъ смотрѣть?

— А вотъ взять, да свести въ контору? ввязался вдругъ мѣщанинъ, и замолчалъ.

Раскольниковъ черезъ плечо скосилъ на него глаза, посмотрѣлъ внимательно и сказалъ также тихо и лѣниво:

— Пойдемъ!

— Да и свести! подхватилъ ободрившійся мѣщанинъ. — Зачѣмъ онъ объ *толь* доходилъ, у него что на умѣ, а?

— Пьянъ, не пьянъ, а Богъ ихъ знаетъ, пробормоталъ работникъ.

— Да вамъ чего? крикнулъ опять дворникъ, начинавшій серьезно сердиться: — ты чего пристаешь?

— Струсилъ въ контору-то? съ насмѣшкой проговорилъ Раскольниковъ.

— Чего струсилъ? Ты чего пристаешь?

— Выжиги! крикнула баба.

— Да чего съ нимъ толковать, крикнулъ другой дворникъ, огромный мужикъ, въ армякѣ на распашку и съ ключами за поясомъ. — Пшолъ!... И впрямъ выжига.... Пшолъ!

И схвативъ за плечо Раскольникова, онъ бросилъ его на улицу. Тотъ кувыркнулся-было, но не упалъ, выправился, молча посмотрѣлъ на всѣхъ зрителей, и пошелъ далѣе.

— Чудѣвъ человекъ, проговорилъ работникъ.

— Чудѣвъ нынче сталъ народъ, сказала баба.

— А все бы свести въ контору, прибавилъ мѣщанинъ.

— Нечего связываться, рѣшилъ большой дворникъ. — Какъ есть выжиги! Самъ на то лѣзеть, извѣстно, а свяжись, не развяжешься.... Знаемъ!

„Такъ идти что-ли, или вѣтъ“, думалъ Раскольниковъ, остановясь посреди мостовой на перекресткѣ и осматриваясь кругомъ, какъ будто ожидая отъ кого-то послѣдняго слова. Но ничто не отозвалось ниоткуда; все было глухо и мертво, какъ камни по которымъ онъ ступалъ, для него мертво, для него одного.... Вдругъ, далеко, шаговъ за двѣсти отъ него, въ концѣ улицы, въ сгущавшейся темнотѣ, различилъ онъ толпу, говоръ, крики.... Среди толпы стоялъ какой-то экипажъ.... Замелькалъ среди улицы огонекъ. „Что такое?“ Раскольниковъ поворотилъ вправо и пошелъ на толпу. Онъ точно цѣплялся за все, и холодно усмѣхнулся, подумавъ это, потому что ужъ навѣрно рѣшилъ про контору и твердо зналъ что сейчасъ все кончится.

XIII.

Посреди улицы стояла коляска, щегольская и барская, запряженная парой горячихъ свѣрыхъ лошадей; сѣдоковъ не было, и самъ кучеръ, слѣзши съ козелъ, стоялъ подлѣ; лошадей держали подъ-устцы. Кругомъ тѣснилось множество народу, впереди всѣхъ полицейскіе. У одного изъ нихъ былъ въ рукахъ зажженный фонарикъ, которымъ онъ, нагибаясь, освѣщаль что-то на мостовой, у самыхъ колесъ. Всѣ говорили, кричали, ахали; кучеръ казался въ недоумѣніи и изрѣдка повторялъ:

— Экой грѣхъ! Господи, грѣхъ-то какой!

Раскольниковъ протѣснился, по возможности, и увидалъ,

ходить, шатается, чуть не валится, — крикнулъ одноважды, да въ другой, да въ третій, да и придержалъ лошадей; а онъ прамехонько имъ подъ ноги такъ и палъ! Ужь нарочно что-ль онъ, аль ужъ очень былъ нетверезъ.... Лошади-то молодья, пужливыя, — дернули, а онъ вскричалъ — они пуще.... вотъ и бѣда.

— Это такъ какъ есть! раздался чей-то свидѣтельскій отзывъ въ толпѣ.

— Кричалъ-то онъ, это правда, три раза ему прокричалъ, отозвался другой голосъ.

— Въ акурать три раза, всѣ слышали! крикнулъ третій.

Впрочемъ, кучеръ былъ не очень унылъ и испуганъ. Видно было, что экипажъ принадлежалъ богатому и значительному владѣльцу, ожидавшему гдѣ-нибудь его прибытія; полицейскіе ужъ конечно не мало заботились какъ уладить это послѣднее обстоятельство. Раздавленнаго предстояло прибрать въ часть и въ больницу. Никто не зналъ его имени.

Между тѣмъ Раскольниковъ протѣснился и нагнулся еще ближе. Вдругъ фонарикъ ярко освѣтилъ лицо несчастнаго; онъ узналъ его.

— Я его знаю, знаю! закричалъ онъ, протискиваясь со всѣми впередъ: — это чиновникъ, отставной, титулярный советникъ, Мармеладовъ! онъ здѣсь живетъ, подлѣ, въ домѣ Козеля.... Доктора поскорѣе! я заплачу, вотъ! — Онъ вытащилъ изъ кармана деньги и показывалъ полицейскому. Онъ былъ въ удивительномъ волненіи.

Полицейскіе были довольны что узнали кто раздавленный. Раскольниковъ назвалъ и себя, далъ свой адресъ, и всѣми силами, какъ-будто дѣло шло о родномъ отцѣ, уговаривалъ перенести поскорѣе безчувственнаго Мармеладова въ его квартиру.

— Вотъ тутъ, черезъ три дома, хлопоталъ онъ, — домъ Козеля, Нѣмца, богатаго.... Онъ теперь, вѣрно, пьяный, домой пробирался. Я его знаю.... Онъ пьяница.... Тамъ у него семейство, жена, дѣти, дочь одна есть. Пока еще въ больницу не тащить, а тутъ вѣрно въ домѣ же докторъ есть! Я за-

помощь ближе была. Раздавленного подняли и понесли; нашлись помощники. Домъ Козеля былъ шагахъ въ тридцати. Раскольниковъ шелъ сзади, осторожно поддерживалъ голову и показывалъ дорогу.

— Сюда, сюда! На лестницу надо вверхъ головой вносить; оборачивайте.... вотъ такъ! Я заплачу, я поблагодарю, бормочетъ онъ.

Катерина Ивановна, какъ и всегда, чуть только выпадала свободная минута, тотчасъ же привалилась ходить взадъ и впередъ по своей маленькой комнатѣ, отъ окна до печки и обратно, плотно скрестивъ руки на груди, говоря сама съ собой и кашая. Въ послѣднее время она стала все чаще и больше разговаривать съ своею старшею дѣвочкой, десятилѣтнею Поленкой, которая хотя и многого еще не понимала, но зато очень хорошо поняла что нужна матери, и потому всегда слѣдила за ней своими большими умными глазками и всѣми силами хитрила, чтобы представиться все понимающею. Въ этотъ разъ Поленка раздѣвала маленькаго брата, которому весь день не здоровилось, чтобы уложить его спать. Въ ожиданіи пока ему переодѣнуть рубашку, которую предстояло ночью же вымыть, мальчикъ сидѣлъ на стулѣ молча, съ серьезною миной, прямо и недвижимо, съ протянутыми впередъ ножками, плотно вмѣстѣ сжатыми, пяточками къ публикѣ, а носками врозь. Онъ слушалъ что говорила мамаша съ сестрицей, надувъ губки, выпучивъ глазки и не шевелясь, точь-въ-точь какъ обыкновенно должны сидѣть всѣ умные мальчики, когда ихъ раздѣваютъ чтобы идти спать. Еще меньше его дѣвочка, въ совершенныхъ лохмотьяхъ, стояла у ширмы и ждала своей очереди. Дверь на лестницу была отворена, чтобы хоть сколько-нибудь защититься отъ волея табачнаго дыма, врывающихся изъ другихъ комнатъ и поминутно заставлявшихъ долго и мучительно кашлять бѣдную чахоточную. Катерина Ивановна какъ будто еще больше похудѣла въ эту недѣлю, и красныя пятна на щекахъ ея горѣли еще ярче чѣмъ прежде.

— Ты не повѣришь, ты и вообразить себѣ не можешь, По-

къ нему ѣздили и говорили: „Мы васъ ужъ такъ и считаемъ! Иванъ Михайлычъ, за нашего губернатора.“ Когда а... кхе! когда а... кхе-кхе-кхе... о, треклятая жизнь! вскрикнула она, отхаркивая мокроту и схватившись за грудь:—когда а... ахъ, когда на послѣднемъ балѣ... у предводителя... меня увидѣла княгиня Безземельная,—которая меня потомъ благословляла, когда я выходила за твоего папашу, Поля, — то тотчасъ спросила: „Не та ли это милая дѣвица, которая съ шалью танцовала при выпускѣ?“... Прорѣху-то зашить надо; вотъ взяла бы иглу да сейчасъ бы и заштопала, какъ я тебя учила, а то завтра... кхе! завтра... кхе-кхе-кхе!... пуце разо-рветъ! крикнула она надрываясь... — Тогда еще изъ Петербурга только-что пріѣхалъ камеръ-юнкеръ князь Щегольской... протанцовалъ со мной мазурку и на другой же день хотѣлъ пріѣхать съ предложеніемъ; но я сама отблагодарила въ лестныхъ выраженіяхъ и сказала что сердце мое принадлежитъ давно другому. Этотъ другой былъ твой отецъ, Поля; папенька ужасно сердился... А вода готова? Ну, давай рубашечку; а чулочки?... Лидя, обратилась она къ маленькой дочери,—ты ужъ такъ безъ рубашки эту ночь поспи; какъ-нибудь... да чулочки выложи подлѣ... Заодно вымыть... Что этотъ лохмотникъ нейдетъ, пьявица! рубашку заносилъ какъ обтирку какую-нибудь, изорвалъ всю... Все бы ужъ заодно, чтобы сряду двухъ ночей не мучиться! Господи! Кхе-кхе-кхе-кхе! Опять! Что это? вскрикнула она, взглянувъ на толпу въ сѣняхъ и на людей, протѣснавшихся съ какою-то вошей въ ея комнату.—Что это? Что это несутъ? Господи!

— Куда жъ тутъ положить? спрашивалъ полицейскій, осматриваясь кругомъ, когда уже втащили въ комнату окровавленнаго и безчувственнаго Мармеладова.

— На диванъ! кладите прямо на диванъ, вотъ сюда головой, показывалъ Раскольниковъ.

— Раздавили на улицѣ! пьянаго! крикнулъ кто-то изъ свѣей.

Катерина Ивановна стояла вся блѣдная и трудно дышала. Дѣти перепугались. Маленькая Лидочка вскрикнула, бросилась къ Поленкѣ, обхватила ее и вся затряслась; съ ней бывали верные припадки, похожіе на падучую болѣзнь.

Уложивъ Мармеладова, Раскольниковъ бросился къ Катеринѣ Ивановнѣ:

— Ради Бога, успокойтесь, не пугайтесь! говорилъ онъ

скороговоркой;—онъ переходилъ улицу, его раздавила коляска, не беспокойтесь, онъ очнется, я велѣлъ сюда нести... я у васъ былъ, помните.... Онъ очнется, я заплачѣ!

— Добился! отчаянно вскрикнула Катерина Ивановна и бросилась къ мужу.

Раскольниковъ скоро замѣтилъ, что эта женщина не изъ тѣхъ которыя тотчасъ же падаютъ въ обмороки. Мигомъ подъ головою несчастнаго очутилась подушка,—о которой никто еще не подумалъ; Катерина Ивановна стала раздѣвать его, осматривать, суетилась и не терялась, забывъ о себѣ самой, закусивъ свои дрожавшія губы и подавая крики, готовые вырваться изъ груди.

Раскольниковъ уговорилъ межъ тѣмъ кого-то сбѣгать за докторомъ. Докторъ, какъ оказалось, жилъ черезъ домъ.

— Я послалъ за докторомъ, твердилъ онъ Катеринѣ Ивановнѣ;—не беспокойтесь, я заплачѣ. Нѣтъ ли воды?... и дайте салфетку, полотенце, что-нибудь, поскорѣе; неизвѣстно еще какъ онъ раненъ.... Онъ раненъ, а не убитъ, будьте увѣрены.... Что скажетъ докторъ!

Катерина Ивановна бросилась къ окну; тамъ, на продавленномъ стулѣ, въ углу, установленъ былъ большой глянцый тазъ съ водою, приготовленной для ночнаго мытья дѣтскаго и мужнинаго бѣлья. Это ночное мытье производилось самою Катериной Ивановной, собственноручно, по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю, а иногда и чаще, ибо дошли до того, что переменнаго бѣлья уже совсѣмъ почти не было, и было у каждаго члена семейства по одному только экземпляру, а Катерина Ивановна не могла выносить нечистоты и лучше соглашалась мучить себя по ночамъ и не по силамъ, когда всѣ спятъ, чтобъ успѣть къ утру просушить мокрое бѣлье на протянутой веревкѣ и подать чистое, чѣмъ видѣть грязь въ домѣ. Она уже схватилась было за тазъ, чтобы нести его по требованію Раскольникова, но чуть не упала

скорѣе. Если не заставишь дома, все равно скажи что отпа лошади раздавили и чтобъ она тотчасъ же шла сюда... какъ воротится. Скорѣй, Поля! На, закройся платкомъ!

— Сто есь духу бѣги! крикнулъ вдругъ мальчикъ со стула, и сказавъ это, погрузился опять въ прежнее безмолвное прямое сидѣнье на стулѣ, выпуча глазки, платками вперед и носками врозь.

Межъ тѣмъ комната наполнилась такъ что аблоку упасть было негдѣ. Полицейскіе ушли, кромѣ одного, который остался на время и старался выгнать публанку, набравшуюся съ лѣстницы, опять обратно на лѣстницу. Зато изъ внутреннихъ комнатъ высыпали чуть не всѣ жильцы г-жи Липевеихель, и сначала-было тѣснились только въ дверяхъ, но потомъ гурьбой хлынули въ самую комнату. Катерина Ивановна пришла въ изступленіе:

— Хоть бы умереть-то дали спокойно! закричала она на всю толпу.— что за спектакль вашли! Съ папиросами! кхе-кхе-кхе! Въ шляпахъ войдите еще!... И то въ шляпѣ одишь... Вовъ! Къ мертвому тѣлу хоть уваженіе имѣйте!

Кашель задушилъ ее, но остратка пригодилась. Катерины Ивановны очевидно даже побаивались; жильцы, одишь за другимъ, протѣснились обратно къ двери съ тѣмъ страннымъ внутреннимъ ощущеніемъ довольства, которое всегда замѣчается, даже въ самыхъ близкихъ людяхъ, при внезапномъ несчастіи съ ихъ ближнимъ, и отъ котораго не избавленъ ни одишь человекъ, безъ исключенія, несмотря даже на самое искреннее чувство сожалѣнія и участія.

За дверью посмышались, впрочемъ, голоса про больницу и что здѣсь не слѣдъ беспокоить напрасно.

— Умирать-то не слѣдъ! крикнула Катерина Ивановна, и уже бросилась-было растворить дверь, чтобы разразиться на нихъ цѣлымъ громомъ, но столкнулась въ дверяхъ съ

чтобы та „помяла свое много“, и даже теперь не могла отказать себѣ въ этомъ удовольствіи), Амалія Людвиговна...

— Я вамъ сказалъ разъ-на-прежде, что вы никогда не смѣялись говорить мнѣ Амааль Людвиговна; я Амааль-Иванъ!

— Вы не Амааль-Иванъ, а Амалія Людвиговна, и такъ какъ я не принадлежу къ вашимъ подлымъ льстецамъ, какъ господинъ Лебезятниковъ, который смѣется теперь за дверью (за дверью дѣйствительно раздавался смѣхъ и крикъ: „сдѣлаю!“), то и буду всегда называть васъ Амаліей Людвиговной, хотя рѣшительно не могу понять почему вамъ это названіе не нравится. Вы видите сами что случилось съ Семеномъ Захаровичемъ; онъ умираетъ. Прошу васъ сейчасъ же запереть эту дверь и не впускать сюда никого. Дайте хоть умереть спокойно! Иначе, увѣрю васъ, завтра же поступокъ вашъ будетъ извѣстенъ самому генералъ-губернатору. Князь зналъ меня еще въ дѣтцахъ и очень хорошо помнитъ Семена Захаровича, которому много разъ благодѣтельствовалъ. Всемъ извѣстно, что у Семена Захаровича было много друзей и покровителей, которыхъ онъ самъ оставилъ изъ благородной гордости, чувствуя несчастную свою слабость, но теперь (она указала на Раскольника) — намъ помогаетъ одинъ великодушный молодой человекъ, имѣющій средства и связи, и котораго Семенъ Захаровичъ зналъ еще въ дѣтствѣ, и будьте увѣрены, Амалія Людвиговна....

Все это произнесено было чрезвычайною скороговоркою, чѣмъ дальше тѣмъ быстрой, но кашель разомъ перервалъ краснорѣчіе Катерины Ивановны. Въ эту минуту умирающій очнулся и простомалъ, и она побѣжала къ нему. Больной открылъ глаза, и еще не узнавая и не понимая, сталъ вглядываться въ стоявшаго надъ нимъ Раскольника. Онъ дышалъ тяжело, глубоко и рѣдко; на окраинахъ губъ выдвигалась кровь; потъ выступалъ на лбу. Не узнавъ Раскольника, онъ беспокойно началъ обводить глазами. Катерина Ивановна смотрѣла на него грустнымъ, но строгимъ взглядомъ, а изъ глазъ ея текли слезы.

— Боже мой! у него вся грудь раздавлена! Крови-то, крови! проговорила она въ отчаяніи. — Надо снять съ него все верхнее платье! Повернись немного, Семенъ Захаровичъ, если можешь, крикнула она ему.

Мармеладовъ узналъ ее.

— Священника! проговорилъ онъ хриплымъ голосомъ.

Катерина Ивановна отошла къ окну, прислонилась лбомъ къ оконной рамѣ и съ отчаяніемъ воскликнула:

— О треклятая жизнь!

— Священника! проговорилъ опять умирающій, послѣ минутнаго молчанія.

— Пошли-и-и! крикнула на него Катерина Ивановна; онъ послушался окрика и замолчалъ. Робкимъ, тоскливымъ взглядомъ отыскивалъ онъ ее глазами; она опять воротилась къ нему и стала у изголовья. Онъ нѣсколько успокоился, но не надолго. Скоро глаза его остановились на маленькой Лидочкѣ (его любимицѣ), дрожавшей въ углу, какъ въ припадкѣ, и смотрявшей на него своими удивленными, дѣтски-пристальными глазами.

— А... а... указывалъ онъ на нее съ безпокойствомъ. Ему что-то хотѣлось сказать.

— Чего еще? крикнула Катерина Ивановна.

— Босенькая! босенькая! бормоталъ онъ, полумнымъ взглядомъ указывая на босые ножки дѣвочки.

— Молчи-и-и! раздражительно крикнула Катерина Ивановна:—самъ знаешь почему босенькая!

— Слава Богу, докторъ! крикнулъ обрадованный Раскольниковъ.

Вошелъ докторъ, аккуратный старичокъ, Нѣмецъ, озираясь съ недоувѣрчивымъ видомъ; подошелъ къ больному, взялъ пульсъ, внимательно оцупалъ голову и, съ помощію Катерины Ивановны, отстегнулъ всю смоченую кровью рубашку и обнажилъ грудь больного. Вся грудь была исковеркана, взята и истерзана; нѣсколько реберъ съ правой стороны изломано. Съ лѣвой стороны, на самомъ сердцѣ, было злое, большое, желтовато-черное пятно, жестокий ударъ копытомъ. Докторъ нахмурился. Полицейскій разказалъ ему что раздавленнаго захватило въ колесо и тащило, вертя, шаговъ тридцать по мостовой.

— Удивительно какъ онъ еще очнулся, шепнулъ потихоньку докторъ Раскольникову.

— Что вы скажете? спросилъ тотъ.

— Сейчасъ умереть.

— Неужели никакой надежды?

— Ни малѣйшей! при последнемъ издыханіи... Къ тому же голова очень опасно ранена... Гм. Пожалуй, можно кровь

отворить.... во.... это будетъ бесполезно. Черезъ пять или десять минутъ умреть непремѣнно.

— Такъ ужъ отворите лучше кровь!

— Пожалуй.... Впрочемъ, я васъ предупреждаю, это будетъ совершенно бесполезно.

Въ это время посылались еще шаги, толпа въ сѣнахъ раздвинулась, и на порогъ появился священникъ съ запашными дарами, свѣдой старичокъ. За нимъ ходилъ полицейскій, еще съ улицы. Докторъ тотчасъ же уступилъ ему мѣсто и обмѣнялся съ нимъ значительнымъ взглядомъ. Раскольниковъ упрямилъ доктора подождать хоть невозможно. Тотъ пожалъ плечами и остался.

Всѣ отступили. Исповѣдь длилась очень недолго. Умирающій врядъ ли хорошо понималъ что-нибудь; произносить же могъ только отрывистые, неясные звуки. Катерина Ивановна взяла Лидочку, сняла со стула мальчика, и отошла въ уголъ къ печкѣ, стала на колѣни, а дѣтей поставила на колѣни передъ собой. Дѣвочка только дрожала; мальчикъ же, стоя на голыхъ колѣночкахъ, размѣренно подымалъ ручки, крестился поданнымъ крестомъ и кланялся въ землю, стучаясь лбомъ, что, повидимому, доставляло ему особенное удовольствіе. Катерина Ивановна закусывала губы и сдерживала слезы; она тоже молилась, изрѣдка оправая рубашечку на ребенкѣ, и успѣвъ набросить на сапшомъ обнаженныхъ плечи дѣвочки косынку, которую достала съ комода не вставая съ колѣнъ и молясь. Между тѣмъ двери изъ внутреннихъ комнатъ стали опять отворяться любопытными. Въ сѣнахъ же все плотнѣе и плотнѣе отъсѣивались зрители, жильцы со всей дѣтницы, не переступая, впрочемъ, за порогъ комнаты. Одинъ только огарокъ освѣщалъ всю сцену.

Въ эту минуту изъ сѣней, сквозь толпу, быстро протѣснилась Поленька, бѣгавшая за сестрой. Она вошла едва переводя духъ отъ скорого бѣга, сняла съ себя платокъ, отмыскала глазами мать, подошла къ ней и сказала: „идеть! на улицѣ встрѣтила!“ Мать пригнула ее на колѣни и поставила подлѣ себя. Изъ толпы, неслышно и робко, протѣснилась дѣвушка, и странно было ея внезапное появленіе въ этой комнатѣ, среди нищеты, лохмотьевъ, смерти и отчаянія. Она была тоже въ лохмотьяхъ; нарядъ ея былъ грошовый, но разукрашенный по уличному, подлѣ вкусъ и правила, сложи-

ишеса въ своемъ особомъ мірѣ, съ ярко и позорно выдающимся цѣлымъ. Сова остановилась въ свѣтахъ у самаго порога, но не переходила за порогъ и глядѣла какъ потерянная, не сознавая, казалось, ничего, забывъ и о своемъ перекупленномъ изъ четвертыхъ рукъ, шелковомъ, неприличномъ здѣсь, цвѣтвомъ платьѣ съ длиннѣйшимъ и смѣшнымъ хвостомъ, и о необязательномъ криволиніи, загородившемъ всю дверь, и о свѣтлыхъ ботинкахъ, и объ омбрелькѣ, ненужной ночью, но которую она взяла съ собой, и о смѣшной соломенной круглой шляпкѣ съ яркимъ огненнаго цвѣта перомъ. Изъ-подъ этой надѣтой мальчишески на бекрень шляпки выглядывало худое, блѣдное и испуганное личико, съ раскрытымъ ртомъ и съ неподвижными отъ ужаса глазами. Сова была средняго роста, лѣтъ восемнадцати, худенькая, но довольно хорошенькая блондинка, съ замѣчательными голубыми глазами. Она пристально смотрѣла на постель, на священника; она тоже задыхалась отъ скорой ходьбы. Наконецъ шушуканье, нѣкоторыя слова въ толпѣ, вѣроятно, до нея долетѣли. Она потупилась, переступила шагъ черезъ порогъ и стала въ комнату, но опять-таки въ самыхъ дверяхъ.

Исповѣдь и причащеніе кончились. Катерина Ивановна снова подошла къ постели мужа. Священникъ отступилъ, и уходя, обратился-было сказать два слова въ напутствіе и утѣшеніе Катеринѣ Ивановнѣ.

— А куда я этихъ-то двѣну? рѣзко и раздражительно перебила она, указывая на малютку.

— Богъ милостивъ; надѣйтесь на помощь Всевышняго, началъ-было священникъ.

— Э-эхъ! милостивъ да не до насъ!

— Это грѣхъ, грѣхъ, сударыня, замѣтилъ священникъ, качая головой.

— А это не грѣхъ? крикнула Катерина Ивановна, показывая на умирающаго.

— Быть-можетъ тѣ, которые были невольною причиною, согласятся вознаграждать васъ, хоть бы въ потерѣ доходовъ....

— Не понимаете вы меня! раздражительно крикнула Катерина Ивановна, махнувъ рукой. — Да и за что вознаграждать то? Вѣдь овъ самъ, пьяный, подъ лошадей полѣзъ! Какіхъ доходовъ? Отъ него не доходы, а только мука была. Вѣдь овъ, пьяница, все пропивалъ! Насъ обкрадывалъ да

въ кабакъ носилъ, ихнюю да мою жизнь въ кабакъ извелъ! И слава Богу, что помираеть! убытку меньше!

— Простать бы надо въ предсмертный часъ, а это грѣхъ, сударыня, таковыя чувства большой грѣхъ!

Катерина Ивановна суетилась около больного, подавала ему пить, обтирала потъ и кровь съ головы, оправала подушки и разговаривала съ священникомъ, изрѣдка успѣвая оборотиться къ нему, между дѣломъ. Теперь же она вдругъ набросилась на него почти въ изступленіи.

— Эхъ, батюшка! Слова да слова одни! Простити! Вотъ онъ пришелъ бы сегодня пьяный, какъ бы не раздавилъ-то, рубашка-то на немъ одна, вся заштопанная, да въ лохмотьяхъ, такъ онъ бы завалился дрыхнуть, а я бы до разсвѣта въ водѣ полоскалась, обмыла бы его да дѣтскіе мыла, да потомъ высушила бы за окномъ, да тутъ же, какъ разсвѣтеть, и штопать бы сѣла, — вотъ моя и ночь!... Такъ чего ужъ тутъ о прощеніи и говорить! И то простила!

Глубокій, страшный кашель прервалъ ея слова. Она отхаркнулась въ платокъ и сушила его на показъ священнику, съ болью придерживая другою рукой грудь. Платокъ былъ весь въ крови....

Священникъ помыкъ головой и не сказалъ ничего.

Мармеладовъ былъ въ послѣдней агоніи; онъ не отводилъ своихъ глазъ отъ лица Катерины Ивановны, склонившейся снова надъ нимъ и ронявшей на него безмокрыя слезы. Ему все хотѣлось что-то ей сказать; онъ-было и началъ, съ усиленіемъ шевеля языкомъ и неясно выговаривая слова, но Катерина Ивановна, понявшая что онъ хочетъ просить у ней прощенія, тотчасъ же повелительно крикнула на него:

— Молчи-и-и! Не надо!... знаю что хочешь сказать!... И большой умолокъ; но въ ту же минуту блуждающій взгляды его упалъ на дверь, и онъ увидалъ Союю....

До сихъ поръ онъ не замѣчалъ ея: она стояла въ углу и въ тѣни.

— Кто это? кто это? проговорилъ онъ вдругъ хриплымъ задыхающимся голосомъ, весь въ тревогѣ, съ ужасомъ указывая глазами на дверь гдѣ стояла дочь и усиливаясь приподняться.

— Лежи! Лежи-и-и! крикнула было Катерина Ивановна.

Но онъ уже приподнался, и съ неестественнымъ усиленіемъ успѣлъ опереться на рукѣ. Онъ дико и неподвижно смотрѣлъ

некоторое время на дочь, какъ бы не узнавая ее. Да и не разу еще онъ не видалъ ея въ такомъ костюмѣ. Вдругъ онъ узналъ ее прижатенную, убитую, разфранченную и стыдящуюся, смаренно ожидающую своей очереди проститься съ умирающимъ отцомъ. Безконечное страданіе изобразилось въ лицѣ его.

— Сося! дочь! прости! крикнулъ онъ, и хотѣлъ-было протянуть къ ней обѣ руки, но потерявъ опору, сорвался и грохнулся съ дивана, прямо лицомъ на-земь; бросились поднимать его, положили, но онъ уже отходилъ. Сося слабо вскрикнула, подбѣжала, обняла его и такъ и замерла въ этомъ объятіи. Онъ умеръ у нея въ рукахъ.

— Добилась своего! крикнула Катерина Ивановна, увидавъ трупъ мужа: — ну, что теперь дѣлать! Чѣмъ я похороню его! А чѣмъ ихъ-то, ихъ-то завтра чѣмъ накормлю?

Раскольниковъ подошелъ къ Катеринѣ Ивановнѣ.

— Катерина Ивановна, началъ онъ ей, — на прошлой недѣлѣ ванъ покойный мужъ разказалъ мнѣ всю свою жизнь и всѣ обстоятельства.... Будьте увѣрены, что онъ говорилъ объ васъ съ восторженнымъ уваженіемъ. Съ этого вечера, когда я узналъ какъ онъ всѣмъ вамъ былъ преданъ, и какъ особенно васъ, Катерина Ивановна, уважалъ и любилъ, несмотря на свою несчастную слабость, съ этого вечера мы и стали друзьями.... Позвольте же мнѣ теперь.... способствовать.... къ отдаванію долга моему покойному другу. Вотъ тутъ.... двадцать рублей, кажется,—и если это можетъ послужить вамъ въ помощь, то.... я.... однимъ словомъ, я найду, — я непременно найду.... я, можетъ-быть, еще завтра найду.... Прощайте!

И онъ быстро вышелъ изъ комнаты, поскорѣй протѣсаясь черезъ толпу на лестницу; но въ толпѣ вдругъ столкнулся съ Никодимомъ Ѳомичемъ, узнавшимъ о несчастіи и пожелавшимъ распорядиться лично. Со времени отъѣзда въ конторѣ они не видались, но Никодимъ Ѳомичъ мигомъ узналъ его.

— А, это вы? спросилъ онъ его.

— Умеръ, отвѣчалъ Раскольниковъ. — Былъ докторъ, былъ

Никодимъ Омичъ, разглядѣвъ при свѣтѣ фонаря нѣсколько свѣжихъ пятенъ на жилетѣ Раскольниковъ.

— Да, замочился.... я весь въ крови! проговорилъ съ какимъ-то особеннымъ видомъ Раскольниковъ, затѣвъ улыбнулся, кивнулъ головой и пошелъ внизъ по лѣстницѣ.

Онъ сходилъ тихо, не торопясь, весь въ михорадкѣ, и не сознавая того, полный одного, новаго, необъятнаго ощущенія вдругъ прихлынувшей полной и могучей жизни. Это ощущеніе могло походить на ощущеніе приговореннаго къ смертной казни, которому вдругъ и неожиданно объявляютъ прещеніе. На половинѣ лѣстницы нагналъ его возвращавшійся домой священникъ; Раскольниковъ молча пропустилъ его впередъ, размѣнявшись съ нимъ безмолвнымъ поклономъ. Но уже схода послѣднія ступени, онъ услышалъ вдругъ послѣдніе шаги за собою. Кто-то догонялъ его; онъ почувствовалъ почему-то что это именно его догоняютъ и остановился у самаго выхода съ лѣстницы во дворъ. Это была Полевья; она бѣжала за нимъ и звала его: „Послушайте! Послушайте!“

Онъ обернулся къ ней. Та бѣжала послѣднюю лѣстницу и остановилась вполоть передъ нимъ, ступенькой выше его. Тусклый свѣтъ проходилъ со двора. Раскольниковъ разглядѣлъ худенькое, но милое личико дѣвочки, улыбавшееся ему и весело, по-дѣтски, на него смотрѣвшее. Она приближала съ порученіемъ, которое видимо ей самой очень нравилось.

— Послушайте, какъ васъ зовутъ?... а еще: гдѣ вы живете? спросила она торопясь, задыхающимся голоскомъ.

Онъ положилъ ей обѣ руки на плечи и съ какимъ-то счастьемъ глядѣлъ на нее. Ему такъ пріятно было на нее смотрѣть, — онъ самъ не зналъ почему.

— А кто васъ прислалъ?

— А меня прислала сестрица Соня, отвѣчала дѣвочка, еще.

Взвѣто отвѣта, оны увидѣвъ приближающееся къ нему личико дѣвочки и пухленькія губки наивно протавувшіяся поцѣловать его. Вдругъ тоненькія, какъ свѣчки, руки ея обхватили его крѣпко-крѣпко, голова склонилась къ его плечу, и дѣвочка тихо заплакала, прижимаясь лицомъ къ нему все крѣпче и крѣпче.

— Папочку жалко! проговорила она черезъ минуту, поднимая свое заплаканное личико и вытирая руками слезы: — все такія теперь несчастія пошли, прибавила она неожиданно, съ тѣмъ особенно солиднымъ видомъ, который усиленно принимаютъ дѣти, когда захотятъ вдругъ говорить какъ „большіе“.

— А папаша васъ любилъ?

— Оны Лидочку больше всѣхъ насъ любилъ, продолжала она очень серьезно и не унываясь, уже совершенно какъ говорятъ большіе, — потому любилъ что она маленькая и оттого еще что больная, и ей всегда гостинцу носилъ, а насъ оны читать училъ, а меня грамматикѣ и Закону Божію, прибавила она съ достоинствомъ, — а мамочка ничего не говорила, а только мы знали что она это любитъ, и папочка зналъ, а мамочка меня хочеть по-французски учить, потому что мнѣ уже пора получить образованіе.

— А молиться вы умѣете?

— О, какъ же, умѣемъ! давно уже; я, какъ ужъ большая, то молюсь сама про себя, а Аркаша съ Лидочкой вмѣстѣ съ мамашей вслухъ; сперва „Вогородицу“ прочитаетъ, а потомъ еще одну молитву: „Боже, прости и благослови сестрицу Союю,“ а потомъ еще: „Боже, прости и благослови нашего другаго папашу,“ потому что нашъ старшій папаша уже умеръ, а этотъ вѣдь намъ другой, а мы и объ томъ тоже молимся.

— Полечка, меня зовуть Родіонъ; помолитесь когда-нибудь и обо мнѣ. „и раба Родіона“ — больше ничего.

— Всю мою будущую жизнь буду объ васъ молиться, горячо проговорила дѣвочка, и вдругъ опять засмѣялась, бросилась къ нему и крѣпко опять обняла его.

Раскольниковъ оказалъ ей свое имя, далъ адресъ и обѣщавъ завтра же непременно зайти. Дѣвочка ушла въ совершенномъ отъ него восторгѣ. Былъ часъ одиннадцатый, когда оны вышелъ на улицу. Черезъ пять минутъ оны стоялъ на мосту, ровно на томъ самомъ мѣстѣ, съ котораго давеча бросилась женщина.

„Довольно!“ промолвилъ онъ рѣшительно и торжественно, — „прочъ миражи, прочъ малушкіе страхи, прочъ привидѣнія!.. Есть жизнь! Развѣ я сейчасъ не живъ? Не умерла еще моя жизнь вмѣстѣ съ старою старухой! Царство ея небесное и, — довольно, матушка, пора на покой! Царство разсудка и свѣта теперь и.... и воли, и силы.... и посмотримъ теперь! помиримся теперь!“ прибавилъ онъ замосчиво, какъ бы обращаясь къ какой-то темной силѣ и вызывая ее. „А вѣдь я уже согласна была жить на аршинѣ пространства!“

„...Слабъ я очень въ эту минуту, но.... кажется, вся бѣда моя прошла. Я и зналъ что пройдетъ когда вылезетъ дѣвча. Чтѣ-то скажутъ всѣ эти Зосимовы! Кстати: домъ Починкова, это два шага. Ужъ непременно къ Разумихину, хоть бы и не два шага.... пусть выиграетъ закладъ!.. пусть и онъ потѣшится, — ничего, пусть!.. сила, сила нужна; безъ силъ ничего не возьмешь; а силу надо добывать силой же, вотъ этого-то они и не знаютъ“, прибавилъ онъ гордо и самоуверенно и пошелъ, едва переводя ноги, съ моста. Гордость и самоуверенность нарастали въ немъ каждую минуту; уже въ слѣдующую минуту это стало не тотъ человѣкъ что былъ въ предыдущую. Чтѣ же однако случилось такого особеннаго, чтѣ такъ перевернуло его? Да онъ и самъ не зналъ; онъ только узналъ, опытомъ, что и ему „можно жить, что есть еще жизнь, что не умерла его жизнь вмѣстѣ съ старою старухой“. Можетъ-быть онъ совсѣмъ поспѣшилъ заключеніемъ, но онъ объ этомъ не думалъ.

„А раба-то Родіона попросилъ однако помилуйтъ“, мелькнуло вдругъ въ его головѣ:—„ну да это.... на всякій случай!“ прибавилъ онъ, и самъ тутъ же засмѣялся надъ своею мальчишескою выходкой. Онъ былъ въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа.

Онъ легко отыскалъ Разумихина; въ домѣ Починкова новаго жильца уже знали, и дворникъ тотчасъ указалъ ему дорогу. Уже съ половины двѣнадцати можно было различить шумъ и оживленный говоръ большаго собранія. Дверь на двѣнадцать была отворена настежь; слышались крики и споры. Комната Разумихина была довольно большая, собраніе же было человѣкъ въ пятнадцать. Раскельниковъ остановился въ прихожей. Тутъ, за перегородкой, двѣ хозяйскія служанки хлопотали около двухъ большихъ самоваровъ, около бутялокъ, тарелокъ и блюдъ съ пирогами и закусками, привнес-

ныхъ съ хозяйской кухни. Раскольниковъ посмалъ за Разуმიкиныхъ. Тотъ приближалъ въ восторгъ. Съ перваго взгляда замѣтно было, что онъ необыкновенно много выпилъ, и хотя Разумикиныхъ почти никогда не могъ напиться до-пьяна, но на этотъ разъ что-то было замѣтно.

— Слушай, поспѣшилъ Раскольниковъ, — я пришелъ только сказать, что ты вкладъ выигралъ и что дѣйствительно никто не знаетъ что съ нимъ можетъ случиться. Войдти же я не могу: я такъ слабъ, что сейчасъ упаду. И потому здравствуй и прощай! А завтра ко мнѣ приходи....

— Знаешь что, провожу я тебя домой! Ужь когда ты самъ говоришь что слабъ, то....

— А гости? Кто этотъ курчавый, вотъ что сейчасъ сюда заглавуль?

— Этотъ? А чортъ его знаетъ! Дядинъ знакомый, должно-быть, а можетъ и самъ пришелъ.... Съ вами я оставлю дядю; это драгоценнѣйшій человекъ; жаль, что ты не можешь теперь познакомиться. А впрочемъ, чортъ съ вами со всѣми! Имъ теперь не до меня, да и мнѣ надо освѣжиться, потому, братъ, ты кстати пришелъ: еще двѣ минуты, и я бы тамъ подраася, ей-Богу! Врутъ такую дичь.... Ты представить себя не можешь до какой степени можетъ изовратиться, наконецъ, человекъ! Впрочемъ, какъ не представить? мы-то сами развѣ не времъ? Да и пусть врутъ: зато потомъ врать не будутъ.... Посиди минутку, я приведу Зосимова.

Зосимовъ съ какою-то даже жадностію накинулся на Раскольникова; въ немъ замѣтно было какое-то особенное любопытство; скоро лицо его прояснилось.

— Немедленно спать, рѣшилъ онъ, осмотрѣвъ, по возможности, пациента, — а на ночь принять бы одну штучку. Примете? Я еще давеча заготовилъ.... порошочекъ одинъ.

— Хоть два, отвѣтилъ Раскольниковъ.

Порошокъ былъ тутъ же принять.

— Это очень хорошо что ты самъ его поведешь, замѣтилъ Зосимовъ Разумикину; — что завтра будетъ, увидимъ, а сегодня очень даже не дурно: значительная перемена съ давешнаго. Вѣкъ живи, вѣкъ учись....

— Знаешь что мнѣ сейчасъ Зосимовъ шепнулъ, какъ мы выходили, бракнулъ Разумикиныхъ, только-что они вышли на улицу. — Я, братъ, тебѣ все прямо скажу, потому что она дурака. Зосимовъ велѣлъ мнѣ болтать съ тобою дорогой и

тебя заставить богатъ, а потомъ ему разказать, потому что у него идея... что ты... сумасшедшій, или близокъ къ тому. Вообрази ты это себѣ! Впервыхъ, ты второе его умѣе, вторыхъ, если ты не помѣшанный, такъ тебѣ наплевать на то что у него такая дичь въ головѣ, а третьихъ, этотъ кусокъ мяса, и по специальности своей—хирургъ, помѣшался теперь на душевныхъ болѣзняхъ, а насчетъ тебя повернул его окончательно сегодняшній разговоръ твой съ Заметовымъ.

— Заметовъ все тебѣ разказалъ?

— Все, и отлично сдѣлалъ. Я теперь всю подноготную поглялъ, и Заметовъ поглялъ.... Ну, да, однимъ словомъ, Родя... дѣло въ томъ.... Я теперь пьянъ капельку.... Но это ничего... дѣло въ томъ, что эта мысль... понимаешь? дѣйствительно, у нихъ наклеивалась... понимаешь? То-есть они никто не смѣли ее вслухъ высказывать, потому дичь невѣроятная, и особенно когда этого красильщика взяли, все это лопнуло и погасло на вѣки. Но зачѣмъ же они дураки? Я тогда Заметова немного поколотилъ,—это между нами, братъ; пожалуй, и намекъ не подавай что знаешь; я замѣтилъ что онъ цекотливъ; у Лавизы было,—но сегодня, сегодня все стало ясно. Главное, этотъ Илья Петровичъ! Онъ тогда воспользовался твоимъ обморокомъ въ конторѣ, да и самому потомъ стыдно стало; я, вѣдь, знаю....

Раскольниковъ жадно слушалъ. Разумихинъ спяну пробалтывался.

— Я въ обморокъ оттого тогда упалъ, что было душно и краской масляною пахло, сказалъ Раскольниковъ.

— Еще объясняетъ! Да и не одна краска: воспаленіе весь потолокъ приготовлялось; Зосимовъ-то на лицо! А только какъ этотъ мальчишка теперь убить, такъ ты себѣ представить не можешь! „Мизинца, говоритъ, этого человѣка не стою!“ Твоего, то-есть. У него ивогда, братъ, добрыя чувства. Но урокъ, урокъ ему сегодняшній въ „Хрустальномъ Дворцѣ“, это верхъ совершенства! Вѣдь ты его испугалъ сначала, до судорогъ довелъ! ты, вѣдь, почти заставилъ его опять убѣдиться во всей этой безобразной бессмыслицѣ и потомъ, вдругъ—языкъ ему выставилъ: „На, дескать, что взялъ!“ Совершенство! раздавленъ, уничтоженъ теперь! Мастеръ ты, ей-Богу, такъ ихъ и надо! Эхъ, не было меня тамъ! Ждалъ онъ тебя теперь ужасно. Порфирій тоже желаетъ съ тобой познакомиться....

— А... ужъ и этотъ... А въ сумашедшіе-то меня почему записали?

— То-есть не въ сумашедшіе. Я, братъ, кажется, слышюкъ тебѣ разболтался.... Поразило; видишь ли, его давеча-то, что тебя одинъ только этотъ пунктъ интересуесть.... Теперь ясно почему интересуесть; зная всѣ обстоятельства... и какъ это тебя раздражило тогда и вмѣстѣ съ болѣзью спалося... Я, братъ, пьянъ немного, только, чортъ его знаетъ, у него какая-то есть своя идея.... Я тебѣ говорю: на душевныхъ болѣзняхъ помѣшался. А только ты паюшь.....

Съ поминуты оба помолчали.

— Слушай, Разуმიхинъ, заговорилъ Раскольниковъ,—а тебѣ хочу сказать прямо: я сейчасъ у мертвого былъ, одинъ чиновникъ умеръ.... я тамъ всѣ мои деньги отдалъ.... и кромѣ того, меня дѣловало сейчасъ одно существо, которое, еслибъ я и убилъ кого-нибудь, тоже бы.... однимъ словомъ, я тамъ видѣлъ еще другое одно существо... съ огненнымъ перомъ.... а впрочемъ, я заверяюсь; я очень слабъ, поддержи меня.... сейчасъ, вѣдь, и лѣстница....

— Чтѣ съ тобой? Чтѣ съ тобой? спрашивалъ встревоженный Разуმიхинъ.

— Голова немного кружится, только не въ томъ дѣло, а въ томъ, что мнѣ такъ грустно, такъ грустно! точно женщина.... право! Смотри, это чтѣ? смотри! смотри!

— Чтѣ такое?

— Развѣ не видишь? Свѣтъ въ моей комнатѣ, видишь? въ щель....

Они уже стояли передъ послѣднею лѣстницей, рядомъ съ хозяйкиною дверью; и дѣйствительно, замѣтно было свѣзу, что въ коморкѣ Раскольникова свѣтъ.

— Странно! Настасья, можетъ-быть, замѣтилъ Разумихинъ.

— Никогда ея въ это время у меня не бываесть, да и спитъ она давно, но.... мнѣ все равно! Прощай!

— Чтѣ ты? Да я провожу тебя, вмѣстѣ войдемъ!

— Знаю что вмѣстѣ войдемъ, но мнѣ хочется здѣсь пожать тебѣ руку и здѣсь съ тобой проститься. Ну, давай руку, прощай!

— Чтѣ съ тобой, Родя?

— Ничего; пойдемъ; ты будешь свидѣтелемъ....

Они стали взбираться на лѣстницу, и у Разуმიхина мелькнула мысль, что Зосимовъ-то, можетъ-быть, правъ. „Эх!

разстроилъ я его моею болтовней!" пробормоталъ онъ про себя. Вдругъ, подходя къ двери, они услышали въ комнатѣ голоса.

— Да что тутъ такое? вскричалъ Разумихинъ.

Раскольниковъ первый взялся за дверь и отворилъ ее настежь, отворилъ, и сталъ на порогѣ какъ вкопанный.

Мать и сестра его сидѣли у него на диванѣ и ждали уже полтора часа. Почему же онъ всегдѣ менѣе ихъ ожидалъ и всего менѣе о нихъ думалъ, несмотря на повторившееся даже сегодня извѣстие что онѣ выѣзжаютъ, ѣдутъ, сейчасъ придутъ? Всѣ эти полтора часа онѣ наперебивъ разспрашивали Настасью, стоявшую и теперь передъ ними и уже успѣвшую разказать имъ всю подноготную. Онѣ себя не помнили отъ испуга, когда услышали, что онъ „сегодня съѣхалъ“, больной и, какъ видно изъ разказа, непременно въ бреду! „Боже, что съ нимъ!“ Обѣ плакали, обѣ вынесли крестную муку въ эти полтора часа ожиданія.

Радостный, восторженный крикъ встрѣтилъ появленіе Раскольникова. Обѣ бросились къ нему. Но онъ стоялъ какъ мертвый; невыносимое внезапное сознаніе ударило въ него какъ громомъ. Да и руки его не поднимались обнять ихъ: не могли. Мать и сестра сжимали его въ объятіяхъ, дѣловали его, смѣялись, плакали.... Онъ ступилъ шагъ, покачнулся и рухнулся на полъ въ обморокъ.

Тревога, крики ужаса, стоны.... Разумихинъ, стоявшій на порогѣ, влетѣлъ въ комнату, схватилъ больного въ свои мощныя руки, и тотъ мигомъ очутился на диванѣ.

— Ничего, ничего! кричалъ онъ матери и сестрѣ: — это обморокъ, это дрякъ! Сейчасъ только докторъ сказалъ что ему гораздо лучше, что онъ совершенно здоровъ! Воды! Ну, вотъ ужъ онъ и приходитъ въ себя, ну, вотъ и очнулся!..

И схвативъ за руку Дунечку такъ, что чуть не вывернулъ ей руки, онъ пригнулъ ее посмотрѣть на то что „вотъ ужъ онъ и очнулся“. И мать и сестра смотрѣли на Разумихина какъ на провидѣніе, съ умиленіемъ и благодарностію; онѣ уже слышали отъ Настасьи чѣмъ былъ для ихъ Роды, во все время болѣзни, этотъ „расторопный молодой человекъ“, какъ назвала его, въ тотъ же вечеръ, въ интимномъ разговорѣ съ Дуней, сама Пульхерія Алексѣевна Раскольникова.

Ф. ДОСТОЕВСКІЙ.

ВАРШАВСКОЕ ГЕРЦОГСТВО *

III.

Еще въ концѣ сентября 1808 года, Наполеонъ созвалъ въ Эрфуртъ своихъ союзниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и членовъ Рейнскаго Союза, находившихся подъ его покровительствомъ. На этомъ съѣздѣ былъ и Александръ I. Отеутствіе австрійскаго императора указывало противъ кого направлены замыслы Наполеона. Но Австрія сама пошла навстрѣчу своему несчастью: 6-го апрѣля 1809 года эрцгерцогъ Карлъ издалъ прокламацію къ войскамъ своимъ, а 9-го австрійскіе генералы извѣстили французскихъ и союзныхъ полководцевъ объ открытіи непріятельскихъ дѣйствій. Австрійцы разомъ вторгнулись въ Италію, Тироль, Баварію и Варшавское герцогство. Начальникомъ войскъ, шедшихъ изъ Галиціи къ Варшавѣ, былъ эрцгерцогъ Фердинандъ. Населеніе герцогства, не ожидавшее вторженія непріятеля, было изумлено, когда 12-го апрѣля появилась австрійская прокламація къ Полякамъ, въ которой они призывались къ возстанію противъ французскаго

бытіе варшавской газеты. День спустя обнародованъ былъ въ Варшавѣ призывъ народнаго ополченія. Всѣ горожане отъ 16 до 50 лѣтъ должны были войти въ составъ его; изъ сельчанъ формировались отряды косиньеровъ. Кромѣ того, въ Варшавѣ находился небольшой отрядъ Саксонцевъ. Несмотря на всѣ эти приготовленія, Поляки не могли выставить болѣе 36.000 человекъ, изъ которыхъ двѣ трети должны были содержать гарнизоны въ городахъ, и только треть могла выйти въ поле. Силы же Австрійцевъ съ резервами простирались далеко за 40.000. Первый разъ по учрежденіи Варшавскаго герцогства Поляки предоставлены были самимъ себѣ. „Смерть измѣнникамъ, погубившимъ отечество!“ кричала разъяренная толпа вслѣдъ Иосифу Понятовскому, отъѣзжавшему къ войскамъ. Произошла битва подъ Рашинемъ, и Поляки отбѣжены были на правый берегъ Вислы; а 21-го апрѣля столица герцогства сдалась Австрійцамъ на капитуляцію, хотя предмѣстье ея, Прага, осталась въ польскихъ рукахъ. При этомъ обнаружилась ненависть къ польскимъ интересамъ со стороны Нѣмцевъ, которые оставались чиновниками въ герцогствѣ: они встрѣтили Австрійцевъ какъ избавителей отъ польскаго ига, какъ возстановителей нѣмецкаго правительства въ польскихъ земляхъ; они распускали повсюду слухи, что земля Варшавскаго герцогства будутъ возвращены прусскому королю. Но жители Варшавы не унывали: они возлагали большія надежды на своихъ соотечественниковъ отступившихъ за Вислу, на народное ополченіе шедшее изъ Познани и на военное счастье Наполеона. Австрійцы, опасаясь народнаго движенія, взяли въ заложники знаменитаго предводителя варшавской черни, портнаго Килинскаго, и кромѣ того, членовъ государственнаго совѣта, Кохановскаго, Ливовскаго, Венгржецкаго; учредили новое правительство, во главѣ котораго стояли: придворный комиссаръ графъ Сень-Жульенъ, интендантъ баронъ фонъ-Баумъ, и варшавскій комендантъ генералъ Траутенбергъ. На другой же день по занятіи Варшавы Австрійцами, появилась официальная газета на нѣмецкомъ языкѣ и стала извѣщать о небывалыхъ побѣдахъ Австрійцевъ надъ войсками Наполеона. Польское правительство выѣхало въ Торнъ. Но вскорѣ взаимное положеніе воевавшихъ сторонъ измѣнилось. Австрійцы продолжали двигаться по Вислѣ къ крѣпости Торну, гдѣ ихъ ожидали безпрестанныя нападенія отъ польскихъ партизановъ, предводи-

тельствуемых Домбровскимъ и Косинскимъ; а между тѣмъ главныя силы польской арміи, дважды разбивъ, подъ Радзишавомъ и Выгодой, отрядъ австрійскаго генерала Мора, вторглись, подъ начальствомъ князя Іосифа Понятовскаго, въ земли принадлежавшія съ 1795 года Австріи. Позади арміи эрцгерцога Фердинанда вспыхнуло сильное движеніе, облегчавшее Понятовскому и его небольшой арміи занятіе Галиціи. Одиизъ очевидцевъ этихъ событій, Каетанъ Кожмянъ, оставилъ въ своихъ мемуарахъ очень живое описаніе тѣхъ приключеній, которыми сопровождалась война въ Галиціи; а послѣ присоединенія Краковской области къ герцогству, принявъ прямое участіе въ дѣлахъ послѣдняго, онъ имѣлъ случай познакомиться своихъ читателей и съ тогдашнимъ варшавскимъ обществомъ. Мы будемъ отчасти слѣдовать здѣсь его разказу. *

Пока Австрійцы бродили по Плодкому и Быдгоцкому (Bromberg) департаментамъ, тщетно стараясь остановить организацію народнаго ополченія въ нихъ, пока они собирались осадить Торъ и перейти на правый берегъ Вислы, Понятовскій подвигался все далѣе и далѣе вглубь Галиціи. Его походъ имѣлъ видъ триумфальнаго шествія, сопровождавшагося патриотическими рѣчами и празднованіями. При первомъ же извѣстіи о переходѣ войскъ Варшавскаго герцогства чрезъ австрійскую границу, образовано было въ западной Галиціи временное правительство, во главѣ котораго сталъ Игнатій Потоцкій. Мѣстопробываніемъ этого правительства было имѣніе Потоцкаго, Климонтовичи. Начальникъ авангарда въ арміи Понятовскаго, Александръ Рожнецкій, привнесъ присягу этому правительству. На общемъ засѣданіи рѣшено было не отставать до времени австрійскихъ чиновниковъ, но подчинить ихъ польскимъ окружнымъ начальникамъ. Австрійское правительство, предпринимавшее возможность вторженія поль-

кожь, узнавъ о движеніи Поляковъ, чиновники, служившіе въ земляхъ между Бугомъ и Вислой, толпами бросились къ Кракову, увозя съ собой жемъ, дѣтей и имущество. Ихъ внезапное бѣгство открыло истину сельскому населенію покинутого ими края. Изъ крестьянъ стали формироваться, при помощи шляхты, вооруженные отряды. Богатѣйшіе изъ шляхтичей съѣхались въ Люблинъ. Самъ окружной начальникъ, баронъ Мандорфъ, передалъ управленіе люблинскимъ краемъ въ руки двухъ вліятельнѣйшихъ среди мѣстной шляхты лицъ, Франца Грабовскаго и Іоахима Овидзкаго. Нѣсколько дней спустя, у воротъ Люблина появились польскія войска. По требованію ихъ начальника вышла депутація съ ключами отъ города, которые несъ бургомистръ его, Нѣмецъ Владыкъ, говорившій не дурно по-польски и женатый на Полякѣ. Подавая ключи полковнику Дзевановскому, онъ дрожащимъ голосомъ просилъ о безопасности для обывателей и для ихъ имущества. Полковникъ, обиженный такою просьбой, закричалъ на него: „Знать ты не Полякъ; еслибы навстрѣчу ко мнѣ вышелъ землякъ мой, онъ подалъ бы мнѣ руку и мы обнялись бы съ нимъ. Знай, что мы не пришли грабить вашу собственность, а возвратить только свою, что мы пришли не угнетать нашихъ земляковъ, а освободить ихъ изъ-подъ вашего ига. Поди и скажи своимъ единоплеменникамъ, чтобъ они не беспокоились о своей участи: волосъ не спадеть съ ихъ головы! Я занимаю этотъ край именемъ Наполеона, который господствуетъ въ настоящее время въ Вѣнѣ.“ Бургомистръ блѣдный возвратился въ городъ, а за нимъ вошли и Поляки. Приемъ, оказанный имъ жителями Люблина, былъ самый праздничный. Два дня спустя явился Понятовскій, а передовой отрядъ пошелъ къ Замостью. Въ тотъ же вечеръ въ домѣ одного изъ мѣстныхъ магнатовъ данъ былъ блестящій балъ. Понятовскій весь вечеръ протанцовалъ съ Нимками и съ тѣми изъ Полекъ, мужаья которыхъ состояли въ австрійской службѣ. На другой день, принимая окружающую шляхту, Понятовскій обратился къ ней съ откровенною рѣчью: „Я не ошибся въ расположеніи жителей Люблинскаго округа, не ошибусь и въ патриотическихъ чувствахъ всей Галиціи, но я долженъ вамъ открыть истинное положеніе нашихъ дѣлъ. Войска мои ничтожны и слабы. Я вторгнулся въ Галицію, разчитывая на васъ. Эрцгерцогъ Фердинандъ сильнѣе насъ. Изъ Вѣны требуютъ его къ главной австрійской арміи.

Уходя изъ Варшавскаго герцогства, онъ долженъ будетъ зайти Галицію, можетъ перейти по эту сторону Вислы. А потому дѣйствуйте осторожнѣе: не позволяйте никакихъ притѣсненій и преслѣдованій относительно Нѣмцевъ. Не забудьте, что ваши братья въ Варшавѣ находятся заложниками въ рукахъ эрцгерцога.“ Вскорѣ получены были извѣстія о взятіи Замостья, Сандомира, о занятіи Ярославля, объ образованіи во Львовѣ центрального правительства для восточной Галиціи. Это малъ нѣмецкія власти оставили Львовъ, и въ тотъ же день Рожнецкій занялъ его съ своимъ небольшимъ отрядомъ. Городская депутація, состоявшая изъ десяти членовъ магистрата, съ бургомистромъ Лоренцомъ во главѣ, выѣзжала къ нему навстрѣчу за три мили отъ Львова. Австрійскіе ораы были уничтожены на всѣхъ общественныхъ зданіяхъ города. Польскія дамы составили комитетъ для ухода за ранеными. Окружной аптекаръ Крыжановскій замѣнилъ нѣмецкую надпись на своемъ заведеніи надписью польскою. Вечеромъ въ бывшемъ нѣмецкомъ театрѣ давалось представленіе на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ: „*Всеобщее возстаніе*“. Изъ всѣхъ мѣстностей Галиціи получалъ Понятовскій пріятныя извѣстія о денежныхъ пожертвованіяхъ. Между тѣмъ австрійскій отрядъ, оставившій Львовъ, былъ усиленъ новыми войсками, пришедшими изъ Венгріи и Буковины, и опять двинулся ко Львову. Съ другой стороны шелъ въ Галицію эрцгерцогъ Фердинандъ, оставивъ въ ночь съ 1 на 2 іюня Варшаву и выпустивъ на волю ея заложниковъ, Кишинскаго съ товарищами. Въ то же самое время получены были извѣстія, что русскій императоръ, въ качествѣ союзника Наполеона, объявилъ войну Австріи. Главнокомандующій русской арміи, стоявшей уже надъ Бугомъ, Голлицыиъ, объявилъ князю Понятовскому, что ждетъ комиссаровъ, которые обезпечили бы Русскимъ продовольствіе и квартиры въ оставшей противъ австрійскаго владычества Галиціи.

наступавшаго на нихъ эрцгерцога Фердинанда, по сѣдамъ котораго шли Домбровскій и Зайончекъ съ познанскимъ ополченіемъ. Между послѣдними и Понятовскимъ было множество личныхъ недоразумѣній и непріятностей, не говоря уже о томъ что они находились на службѣ Варшавскаго герцогства, а Понятовскій долженъ былъ дѣйствовать именемъ Наполеона. Въ то время какъ Домбровскій и Зайончекъ почти ежедневно нападали на уходившія отъ нихъ войска Фердинанда, Понятовскій стягивалъ къ себѣ отряды разбросанные по восточной Галиціи. Рожнецкій долженъ былъ оставить Львовъ послѣ двадцатичетырехъ-дневнаго пребыванія въ немъ. За нѣсколько дней предъ уходомъ оттуда, ему удалось доставить неожиданное зрѣлище львовскимъ Нѣмцамъ и Евреямъ: онъ собралъ значительную толпу окрестныхъ русскихъ сельчанъ, вооружилъ ихъ съ ногъ до головы, посадилъ на коней, раздѣлилъ на два отряда, изъ которыхъ однимъ начальствовалъ крестьянинъ Суленка, а другимъ крестьянинъ Курпаевичъ, пригласилъ униатскаго священника произнести передъ этими импровизированными воинами проповѣдь о возстановленіи польскаго королевства и вѣрилъ имъ защиту Львова. Но 21-го іюня фельдмаршалъ Егерманъ снова занялъ Львовъ своими войсками. Австрійскій орелъ опять появился на общественныхъ зданіяхъ. Надъ домомъ ратуши показалась надпись: *Galicia sub Austria felix*. Вечеромъ Нѣмцы и Евреи столпились подлѣ дома, который занятъ былъ фельдмаршаломъ, и пропѣли: „*Gott erhalte unsern Kaizer Franz*“. На театрѣ дамы были піесы: „*In der Noth lernt man die Freunde kennen*“, и „*ein Landwehrmann wird mein Mann*“. Но на другой же день объявлено официально, что австрійскія войска оставятъ Львовъ, а мѣсто ихъ займутъ русскія, подъ начальствомъ барона Меллера, который и объявленъ былъ военнымъ губернаторомъ всей восточной Галиціи, сохранившей австрійское гражданское управленіе. Австрійцы мирно отступили за Карпаты. Русскія войска простояли во Львовѣ до 15-го декабря, развлекая его жителей частыми маневрами и официальными праздниками въ цѣлокѣ дни. Эрцгерцогъ Фердинандъ также не долго господствовалъ въ западной Галиціи: захвативъ на пути своемъ Самодуръ и Замостье, онъ долженъ былъ вскорѣ повернуть къ Кракову, ибо Голицынъ двинулъ сильный отрядъ къ Люблину. Затѣмъ, не желая слѣдовать Кракова Полякамъ, онъ самъ пригласилъ ближайшаго

изъ русскихъ военачальниковъ, Сиверса, занять древнюю столицу Польши. Между Сиверсомъ и Понятовскимъ чуть было не дошло до стычки, и только назначеніе на мѣсто Сиверса князя Суворова, напоминавшаго, по словамъ Кожьяна, образомъ жизни польскихъ магнатовъ, примирило обѣ партіи. Австрійцы ушли въ Венгрію.

Между тѣмъ около Понятовскаго собрались члены различныхъ временныхъ комитетовъ, учрежденныхъ съ начала войны въ обѣихъ половинахъ Галиціи, и образовали изъ себя центральное правительство, которое и отправило депутацію къ Наполеону, съ просьбой о присоединеніи всей Галиціи къ Варшавскому герцогству: Игнатій Потоцкій, Игнатій Мончынскій и Фаддей Матусевичъ были членами этой депутаціи. Послѣдній оставилъ въ своихъ запискахъ описаніе аудіенціи, которую они имѣли у Наполеона. Потоцкій обратился къ завоевателю Вѣны съ словами: „Великій императоръ! да исполнится воля твоя; скажи слово, и Польша воскреснетъ!“ Наполеонъ разсмѣялся и сталъ спрашивать Потоцкаго о положеніи обѣихъ Галицій. Но когда графъ вздумалъ жаловаться на медленный походъ русскихъ войскъ къ Бракову, Наполеонъ сдвинувъ брови сказалъ: „*Monsieur le comte, vous êtes mal informé!*“ Не суждено было Потоцкому вернуться изъ Вѣны къ землякамъ: онъ умеръ вскорѣ послѣ свиданія съ Наполеономъ. Причиною смерти его народная молва считала отраву, будто бы поднесенную польскимъ депутатамъ на обѣдѣ, который далъ имъ послѣ аудіенціи французскій министръ Мареть. Матусевичъ и Мончынскій сильно заболѣли послѣ этого обѣда, но остались однакожь въ живыхъ, и Матусевичу удалось въ послѣдствіи убѣдить Наполеона, при заключеніи мира съ Австріей, отмежевать крѣпость Замостье и половину Велички къ той части Галиціи, которая должна была отойти къ Варшавскому герцогству. Заключеніе мира отпраздновано было въ Люблинѣ съ большою пышностью центральнымъ галицкимъ правительствомъ. Ямскойскій вступилъ въ переговоры съ Понятовскимъ о рас-

интриганами оказались Викентій Гржымайо и Францъ Венгленскій, еще во время войны отставленные отъ своихъ должностей за различныя произвольныя дѣянія президентомъ центральнаго правительства, Станиславомъ Замойскимъ. Оба они поспѣшили въ Варшаву, гдѣ успѣли увѣрить министерство, что вся Галиція желаетъ распущенія своего центрального правительства, и получивъ полномочіе на то, возвратились въ Люблинъ. Замойскаго въ это время не было въ городѣ: имъ пришлось обратиться къ вице-президенту Левицкому, который и пригласилъ всѣхъ членовъ центрального правительства къ чрезвычайному засѣданію. По общему согласію постановлено было, что такъ какъ центральное правительство находится подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Понятовскаго, дѣйствующаго именемъ Наполеона, то и закрытіе его можетъ быть объявлено только Понятовскимъ, хотя съ своей стороны члены центрального правительства готовы сложить съ себя свое званіе, если послѣдуетъ декретъ о томъ отъ имени Фридриха-Августа. Тогда Гржымайо и Венгленскій стали интриговать втихомолку, подбивая противъ центрального правительства городскія и земскія власти Люблинскаго округа. „Возможно ли терпѣть, говорили они, — чтобы братья отдаляли свое соединеніе съ братьями? Герцогство приглашаетъ насъ къ слиянію съ собою, а они находятъ препятствіе въ несоблюденіи формальности. Можетъ ли быть доводенъ этимъ и самъ король саксонскій, который одинъ имѣетъ право раздавать должности въ своемъ государствѣ?“ Но только одна окружная коммиссія, именно въ самомъ Люблинѣ, поддавалась вліянію оболъстительныхъ рѣчей интригановъ. Ея предсѣдатель явился въ мѣсто засѣданія центрального правительства и потребовалъ у Левицкаго объясненій, почему онъ и его товарищи не хотятъ подчиниться приказу варшавскаго министерства; но получилъ въ отвѣтъ, что это не его дѣло и что коммиссія должна повиноваться своему непосредственному начальнику. Между тѣмъ въ Варшавѣ одумались и поручили Понятовскому самому распустить галицкое центральное правительство. Понятовскій не замедлилъ увѣдомить о томъ Замойскаго, и тотъ вмѣстѣ съ своими товарищами отправился въ Варшаву, увозя съ собою весь архивъ и счета за время войны. Архивъ въ Варшавѣ приняли отъ нихъ, но подачу счетовъ сочли намекомъ на то, что члены бывшаго въ 1807 году варшавскаго временнаго правительства не

подавали своих отчетовъ. Только спустя нѣсколько мѣсяцевъ приняты были эти счеты по приказу короля-герцога, а Замойскій, съ пятью товарищами, назначенъ въ государственныи совѣтъ герцогства. Это было уже въ началѣ 1810 года.

Какъ бы то ни было, война 1809 года значительно увеличила территорію Варшавскаго герцогства. Семь округовъ западной Галиціи: Замостьскій, Краковскій, Кѣлецкій, Радомскій, Люблинскій, Бяльскій, Сѣдлецкій и два повѣта: Станиславовскій и Сѣвницкій, вошли въ составъ новыхъ департаментовъ герцогства, число которыхъ возросло такимъ образомъ до десяти; 919 кв. миль съ 1.466.625 душами, занимавшими 260 городовъ и мѣстечекъ, а въ нихъ 43.188 домовъ, до 7.000 селеній различныхъ названій, а въ нихъ около 250.000 домовъ, — вотъ что прибавилось къ землямъ отнятымъ въ 1807 году у Пруссіи. Въ числѣ жителей этого новопріобрѣтеннаго края считалось 104.446 Евреевъ. Въ то время, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, говорилъ, что Австрія, уступивъ герцогству поименованныя земли, потеряла болѣе 10.500.000 гульденовъ чистаго дохода. Герцогство, съ своей стороны, выиграло много тѣмъ, что въ новыхъ областяхъ процвѣтала фабричная и рукодѣльная промышленность: въ нихъ находилось между прочимъ 14 желѣзныхъ заводовъ, до 30 суконныхъ фабрикъ, 11 стеклянныхъ и т. д. Половина чистаго дохода съ соляныхъ копей Велички, назначенная по мирному договору въ пользу герцогства, простиралась до 2.996.502 гульденовъ. Но зато галицкій край, слившійся съ герцогствомъ, сильно потерпѣлъ отъ быстрого паденія курса австрійскихъ ассигнацій, которыя устранены были изъ обращенія въ варшавскихъ провинціяхъ декретомъ отъ 7-го декабря 1809 года и дошли до того, что въ маѣ слѣдующаго года за 100 бумажныхъ гульденовъ давали только 26, и въ то же время новопріобрѣтеннымъ департаментамъ пришлось раздѣлить участь всего герцогства относительно стѣснительнаго положенія вѣншей

тщательн *
тщательн *

Австріи земли. Онѣ были раздѣлены на четыре епископства, изъ которыхъ одно было уніатское; на ихъ долю выпала честь посадить въ варшавскій сеймъ 12 новыхъ членовъ, то-есть по четыре епископа, воеводы и кастеляна; кромѣ того 40 депутатовъ отъ шляхты и 26 отъ общинъ должны были получить мѣсто во второй палатѣ государственнаго сейма. Въ совѣтъ министровъ назначены были, кромѣ пяти бывшихъ членовъ центраальнаго галицкаго правительства, еще два референдаря. Декретомъ отъ 6-го іюня 1810 года введенъ былъ и въ новыя провинціи Кодексъ Наполеона; но относительно уголовныхъ дѣлъ оставлено въ силѣ австрійское право, точно такъ же какъ прусское продолжало дѣйствовать въ прежнихъ шести департаментахъ, что можно видѣть изъ другихъ постановленій за то же время. Введеніе Кодекса возбуждало немало недоразумѣній: болѣе всего вызывалъ опасенія крестьянскій вопросъ, и только въ половинѣ сентября Кодексъ объявленъ былъ дѣйствующимъ; къ этому же времени относится назначеніе префектовъ и подпрефектовъ въ южныя департаменты. Всѣ современники единогласно говорятъ, что недовольство новымъ порядкомъ управленія на югѣ герцогства обнаруживалось еще сильнѣе нежели въ сѣверныхъ частяхъ его.

Между тѣмъ Понятовскій распустилъ свои войска на зимнія квартиры, и вскорѣ въ Варшавѣ узнали о безчисленныхъ своевольствахъ распущенныхъ храбрецовъ, приученныхъ къ тому службою въ наполеоновскихъ легіонахъ: въ Люблинѣ избитъ былъ почтмейстеръ Грюндлихъ, пользовавшійся уваженіемъ даже отъ польскихъ обывателей своего города; въ Грубешевѣ уланъ избилъ на-смерть эконома, запрецавашаго имѣть брать самовольно припасы изъ господскихъ складовъ; квартирмейстеръ другаго уланскаго полка рассылалъ по окрестнымъ селамъ приказы о доставленіи пани пуковниковой поземельной дани, подѣ страхомъ смертной казни въ случаѣ отказа; въ самомъ Краковѣ армейская молодежь устроила костеръ изъ бумагъ главнаго штаба на площади, предъ окнами дома гдѣ жилъ штабный начальникъ Фи-

австрийскаго фельдцейхмейстера, князя Адама Казимира Чарторыйскаго, который готовился отпраздновать именины своей жены. Генералъ Соколыницкій, прославившійся незадолго передъ тѣмъ взятіемъ Сандомира, явился въ Пулавы съ цѣлымъ пѣхотнымъ полкомъ, солдаты коего имѣли на ружьяхъ факелы. Соколыницкій былъ ученикомъ варшавской кадетской школы, которою когда-то управлялъ Чарторыйскій. Подъ предлогомъ поздравленія бывшаго своего начальника, Соколыницкій, вмѣстѣ съ офицерами, явился во дворецъ князя и прочелъ ему заранѣе приготовленную Кожмякомъ оду: *Nie byliśmy bez ojczyzny, bo nam zostają Puławy.* (Мы не были безъ отчизны, ибо намъ оставались Пулавы.) Затѣмъ при лунномъ свѣтѣ и съ горящими факелами полкъ прошелъ церемониальнымъ маршемъ мимо дворца, за что вѣжливый генералъ награжденъ былъ пріятною для него неожиданностію: въ залѣ, куда возвратились зрители маневра, глаза ихъ поражены были группою трехъ дѣвицъ, стоявшихъ, въ положеніи древнихъ Грацій, на небольшомъ возвышеніи, отдѣленномъ отъ зрителей лишь прозрачною муслиновой завѣскою. То были родственницы Чарторыйскаго, и между ними находилась Эмма Потоцкая, успѣвшая давно плѣнить Соколыницкаго. Но это было не послѣднее празднество въ Пулавахъ: весной 1810 года пріѣхалъ туда самъ король-герцогъ, желавшій познакомиться лично со вновь присоединеннымъ краемъ и съ его Несторомъ, какъ называли тогда Чарторыйскаго. Фридрихъ-Августъ пробылъ пять дней въ Краковѣ, посѣтилъ тамошній университетъ и соляныя копи Велички; потомъ отправился въ Пулавы, гдѣ приготовили соотвѣтственный его сану пріемъ. Комнаты, назначенныя для него, убраны были роскошными цвѣтами, которые разставляла сама хозяйка; внесена была туда лучшая мебель со всего дворца. Но Фридрихъ-Августъ велѣлъ вынести и то и другое, и поставить простую желѣзную кровать саксонской работы временъ Августа III; не принялъ также почетной стражи и прислуги, предложенныхъ ему княземъ, и ограничился своимъ камердинеромъ Габленцомъ; обѣдалъ въ своей комнатѣ, пригласивъ къ столу только Чарторыйскаго. Хозяйка дома и всѣ остальные гости, число которыхъ было такъ велико, что многіе изъ нихъ на этотъ день не могли найти себѣ квартеры въ Пулавахъ, обѣдали въ другихъ комнатахъ дворца. Вечеромъ король-герцогъ отправился въ дальнѣйшій путь въ

сопровожденіи генерала Соколыницкаго. Князь, княгиня и всѣ гости провожали его до самаго берега Вислы, которую Фридрихъ переѣхалъ на поромѣ, и возвратились домой лишь тогда какъ экипажи отъѣзжавшихъ скрылись у нихъ изъ глазъ. Всю остальную часть вечера гости Чарторыйскаго провели въ изліяніи своей досады на нѣмецкій педантическій этикетъ, котораго Фридрихъ-Августъ не покинулъ даже въ частномъ домѣ. Князь не удержался отъ сравненія этого дня съ тѣми четырьмя недѣлями, которыя провелъ въ Пулавахъ въ 1805 году Александръ I, ведшій тогда свои войска на помощь императору Францу. Въ то время Пулавы окружены были 80.000 корпусомъ Русскихъ подъ начальствомъ Михельсона, знаменитаго усмирителя Пугачевского бунта. Самъ Александръ окруженъ былъ военными и дипломатическими знаменитостями сѣверной и средней Европы. Приемъ постоянно находился сынъ Чарторыйскаго, бывшій тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Россіи, и питавшій не совсѣмъ обманчивыя надежды на восстановленіе Польши. Кожмявъ, посѣтившій Пулавы въ оба столь памятные для нихъ дня, говоритъ, что хозяйка превратила ихъ во время пребыванія Александра въ очарованные сады Армиды, въ обольстительный островъ Калипсо, въ священное убѣжище Книдской Венеры. Княгиня припоминала въ день посѣщенія Пулавъ Фридрихомъ-Августомъ то улозольствіе, которое испытала во время пребыванія Александра какъ хозяйка и мать. Ея самолюбію льстило, что государь обширнѣйшаго въ Европѣ царства посѣтилъ мѣсто рожденія своего Пармениона, какъ называли тогда молодаго Чарторыйскаго; она не могла забыть тѣхъ словъ, которыми привѣтствовалъ ее Александръ: „Я васъ чту за то, что вы дали мнѣ вѣрнаго друга и умнаго руководителя“; она припоминала, какъ Александръ, блиставшій тогда всею красотой молодости, былъ необыкновенно привѣтливъ къ ея обѣимъ дочерямъ; съ какимъ уваженіемъ окружавшіе императора, графы Толстой, Строгановъ, Новосильцевъ и другіе, относились къ молодому Чарторыйскому, рѣзко выдававшемуся среди придворныхъ своимъ чернымъ дипломатическимъ одѣяніемъ, украшеннымъ лишь польскимъ крестикомъ *Virtuti militari*, который онъ получилъ на полѣ битвы въ 1792 году. Княгиня разказывала о безпрестанныхъ поѣздкахъ съ императоромъ, принцессой Вуртембергской и пани Замойской въ

открытомъ экипажѣ, то до Марынекъ, то до Жудинекъ, либо въ Властовицы, либо въ Пархатки; разказывала, какъ Александръ, посѣщая пулавскія собранія рѣдкостей, Сибилу и Готическій домъ, обращалъ преимущественно вниманіе на предметы польской исторіи, какъ она предложила ему завести свое имя въ нарочно назначенный для того альбомъ, а онъ подписался въ книгѣ, общей для всѣхъ посѣтителей, и если не началъ новой, то заключилъ старую книгу, ибо кто бы осмѣлился занести свое имя послѣ его подписи!...

IV.

Около варшавскаго правительства собрались всѣ знаменитости стараго и новаго поколѣнія тогдашней Польши. Президентомъ совѣта министровъ былъ старикъ Станиславъ Потоцкій, типъ польскаго сенатора прежаихъ времяѣ. Привѣтливый, разговорчивый, быстро понимающій сущность дѣлъ, терпѣливый, онъ вѣчно заботился о примиреніи партій, умѣлъ успокоивать раздраженное самолюбіе, приводить пренія къ желанному результату. Онъ никогда не прибѣгалъ къ угрозамъ, вымоганіямъ, но старался дѣйствовать убѣжденіемъ. Трудность его роли всего лучше можно видѣть изъ той характеристики его товарищей, которую предлагаетъ Кожмянъ въ своихъ запискахъ. Министромъ юстиціи былъ Феликсъ Лубенскій, который успѣлъ возстановить противъ себя общественное мнѣніе нерѣдкимъ превышеніемъ своей власти относительно рѣшеній низшихъ судебныхъ вѣдомствъ, безогляднымъ введеніемъ Наполеоновскаго Кодекса на мѣсто законовъ польскихъ, которые были возстановлены первою правительственною комиссіей, наполненіемъ своей канцеляріи бывшими прусскими чиновниками, которые хотя и были Поляками, но не имѣли ни малѣйшаго понятія о прежней Польшѣ, о ея учрежденіяхъ, о польскомъ народномъ характерѣ, объ отношеніяхъ различныхъ классовъ населенія въ герцогствѣ, и которые вынесли изъ нѣмецкихъ школъ либо предубѣжденіе, либо ненависть противъ всего что называлось польскимъ. Такъ думали о Лубенскомъ польскіе патріоты, забывшіе, что онъ былъ человекомъ просвѣщеннымъ, покровительствовалъ даровитымъ и способнымъ людямъ, ревниво заботился объ общественномъ благѣ, велъ дѣятель-

ный и правильный образъ жизни. Все, что шло отъ Лубенскаго, возбуждало противъ себя подозрѣнiе и недоверчивость въ совѣтѣ. Товарищи не любили его за ту благоклонность, которую оказывалъ ему король-герцогъ, за его безграничное влiянiе на судебныя дѣла во всемъ герцогствѣ; его набожность считали лицемерiемъ, при помощи котораго онъ добился королевской милости. Быть-можетъ, онъ не оказывалъ надлежащаго вниманiя къ общественному мнѣнiю, неосторожно дразнилъ его нѣкоторыми изъ своихъ поступковъ; быть-можетъ, неподатливость характера увлекала его иногда къ нарушенiю независимости судебныхъ властей; но обвиненiе въ иезуитизмѣ и фальшивости дѣйствiй было несправедливо. Немногие изъ приверженцевъ его оставили ему въ заслугу, что онъ успѣлъ воспитать шесть сыновей своихъ въ чувствѣ гражданскаго долга; дочери его предпочли семейную жизнь тому легкомысленному внимательству въ общественныя дѣла, которымъ такъ увлекались современныя имъ Польки. Люди, обращавшiе вниманiе на то, кто даетъ, кто приноситъ, были противъ Лубенскаго; смотрѣвшiе же лишь на то, что онъ давалъ и приносилъ, были его почитателями. Они никогда не могли забыть, что Лубенскому принадлежала первая мысль объ открытiи Кредитнаго Общества. Въ то время какъ земли герцогства отягчены были байовскими суммами и частными долгами; въ то время какъ ликвидацiонная коммиссiя продавала за сто, за двѣсти тысячъ злотыхъ имѣнiя, стоившiя миллiоны, и ихъ покупали Нѣмцы и Евреи; въ то время какъ министръ финансовъ вслѣдствiе покровительства такой продажѣ, видя въ ней средства поднять государственное хозяйство при помощи новыхъ капиталистовъ, — Лубенскiй заявилъ рѣшительно, что ему тяжело видѣть на мѣстѣ Замоискихъ и Потоцкихъ ростовщиковъ съ именами Берковъ и Шмуцловъ, и что правительство обязано поднять кредитъ польскихъ землевладѣльцевъ, а вслѣдъ за тѣмъ поручилъ чиновникамъ своей канцелярiи составить проектъ кредитнаго учрежденiя по образцу прусскому, по-

чества Околовъ, бывшій управитель радзивилловскихъ имѣній, ловко запутавшій дѣла своихъ довѣрителей и мечтавшій уже о присвоеніи этихъ имѣній. Онъ нашелъ себѣ товарища въ пресловутомъ идолѣ варшавской черни того времени, Доминикъ Кучинскомъ, владѣльцѣ двухмилліоннаго капитала, находившемся во враждѣ съ Лубенскимъ. Имъ удалось подчинить своему вліянію трехъ членовъ: Сташича, Кошаловскаго и Ливовскаго; первые два, владѣя населенными имѣніями, располагали еще бѣльшими капиталами; Ливовскій же вовсе не былъ помѣщикомъ, а только капиталистомъ. Остальныхъ членовъ, большею частію крупныхъ землевладѣльцевъ, смущала мысль, что защищая проектъ Лубенскаго, они будутъ дѣйствовать въ собственныхъ интересахъ. Недостатокъ монеты, не только звонкой, но и бумажной, не позволилъ привести въ дѣйствіе поманутый проектъ, и исполненіе его отложено было на неопредѣленное время.

Независть къ Лубенскому со стороны вельможныхъ пановъ увеличилась еще болѣе, когда министръ остался вѣренъ своему долгу въ уголовномъ дѣлѣ капитана Машкевича, убившаго въ мѣстечкѣ Гронцѣ, гдѣ его уланы стояли гарнизонномъ, мельника изъ Волчьей Горы, деревни министра Кошаловскаго. Капитану повнадобились зачѣмъ-то фуры, на которыхъ мельникъ привезъ въ городъ свою муку; получивъ отказъ, онъ приказалъ уланамъ бить непослушнаго на-смерть батогами; а когда явился съ протестомъ противъ такого насилія подпрефектъ, одѣтый въ полную форму, Машкевичъ ударилъ мельника въ голову шпорой и тотъ умеръ на мѣстѣ. Жители Гронца готовы были взять приступомъ квартиру убійцы: но подпрефектъ, опасаясь кровавой рѣзни между войскомъ и обывателями, собралъ народную гвардію и принудилъ весь уланскій эскадронъ оставить мѣстечко, зачѣмъ составилъ протоколъ происшествія и отправилъ донесенія обо всемъ къ министрамъ полиціи, юстиціи и военныхъ дѣлъ. Даже Наполеоновскій Кодексъ отдавалъ военныхъ за насиліе, учиненное во время мира, подъ уголовный судъ. Всѣ варшавскіе министры высказались противъ Машкевича; но за него заступилась всеильный министръ военныхъ дѣлъ, Понатовскій. Онъ нарядилъ особую слѣдственную комиссію, которая, при помощи подкуповъ и ложныхъ свидѣтельствъ, оправдала капитана, объявивъ, что мельникъ умеръ отъ апоплексическаго удара, вслѣдствіе долгаго запоя. Понатовскій

посадилъ виновнаго на нѣсколько дней подъ арестъ и отказался выдать его обыкновенному суду. Тогда Лубенскій внесъ свой докладъ объ этомъ дѣлѣ въ совѣтъ министровъ, и несмотря на противодѣйствіе Поятовскаго, выигралъ дѣло. Король-герцогъ подтвердилъ приговоръ, и хотя вскорѣ начавшійся походъ Наполеона въ Россію заставилъ всѣхъ забыть этотъ споръ, но всякое столкновеніе съ Поятовскимъ не легко прощалось въ то время общественнымъ мнѣніемъ.

Станиславъ Сташичъ, извѣстный какъ литераторъ, какъ ученый, былъ сперва рефендаремъ въ совѣтѣ, а потомъ членомъ его. Онъ былъ не послѣднимъ политикомъ своего времени и принадлежалъ къ той партіи Поляковъ, которая не вѣрила обѣщаніямъ Наполеона; пользовался не малымъ вліяніемъ въ различныхъ кружкахъ современнаго ему общества, былъ избранъ въ президенты *Общества любителей наукъ*, но не имѣя твердаго характера, забывалъ на практикѣ свои теоріи и оставилъ въ памяти потомства множество анекдотовъ о своихъ странностяхъ и приключеніяхъ. Въ немъ было одно рѣдкое качество, котораго часто не доставало его соплеменникамъ: онъ всею душой ненавидѣлъ самоуправство и своеволие богатой шляхты. Его сочиненіе: *Przestrogi dla Polski* (Предостереженія для Польши), изданное незадолго предъ составленіемъ конституціи 3-го мая, направлено противъ этихъ остатковъ средневѣковой жизни. Въ сочиненіи этомъ онъ разсматриваетъ польскій вопросъ съ точки зрѣнія общеславянской и предлагаетъ въ польскіе короли одного изъ внуковъ Екатерины. Послѣ бѣгства Наполеона и по вступленіи русскихъ войскъ въ герцогство, онъ написалъ брошюру: *Myśli o równowadzie politycznej w Europie* (Мысли о политическомъ равновѣсіи Европы), въ которой предлагалъ соединеніе всѣхъ Славянъ подъ державою русскаго императора, благосклонно

вомъ, Сташичъ принадлежалъ къ той партіи между Поляками, которая разчитывала поднять польское дѣло при помощи Россіи и Александра I, какъ мыслили и Чарторыйскіе, между тѣмъ какъ другая партія возлагала всѣ свои надежды на Наполеона. Главнымъ дѣломъ Сташича, во время его службы въ государственномъ совѣтѣ Варшавскаго герцогства, дѣломъ заслужившимъ ему признательность отъ соплеменниковъ, было заступничество за такъ-называемые школьные фонды. Засѣдая въ дирекціи народнаго просвѣщенія, председателемъ которой былъ Станиславъ Потоцкій, Сташичъ обратилъ особое вниманіе на помянутые фонды, бывшіе постояннымъ предметомъ споровъ между министромъ юстиціи и дирекціей. Еще во времена старой Польши, на основаніи давнихъ правъ и постановленій трехъ сеймовъ, завѣдываніе этими фондами передано было изъ рукъ владѣльцевъ поіезуитскихъ имѣній школьной комиссіи, съ властію удалять неплатившихъ назначенныхъ по закону взносовъ. Послѣ раздѣла Польши, прусское и австрійское правительства сохранили въ этомъ дѣлѣ польскій уставъ. Но послѣ обнародованія конституціи Варшавскаго герцогства, различныя судебныя вѣдомства стали вмѣшиваться въ управленіе фондами и особенно старались присвоить себѣ право удаленія неисправныхъ плательщиковъ. Столкновеніе между министерствами, заинтересованными въ этомъ вопросѣ, получило необыкновенную гласность, ибо владѣльцы поіезуитскихъ имѣній считали себя неограниченными собственниками и зачастую обременяли ихъ своими личными долгами. Школьная же дирекція считала ихъ самихъ вѣчными, хотя и съ ограниченнымъ правомъ владѣльцами, требовала слѣдовавшихъ отъ нихъ платежей административнымъ порядкомъ чрезъ префектовъ, а невнесшихъ своей части въ школьный фондъ, лишала права владѣнія. Но суды предписали своимъ коморникамъ выгонять исполнителей административныхъ предписаній, отдавая предпочтеніе частнымъ вѣрителямъ предъ школьными фондами. Начальникъ школьной дирекціи, Станиславъ Потоцкій, не разъ обращался къ министру внутреннихъ дѣлъ, Луцевскому, пригашая его заступиться за права школьной комиссіи; однакожь министръ юстиціи, Лубемскій, постоянно торжествовалъ надъ Луцевскимъ. Тогда дѣло перенесено было въ государственный совѣтъ: не проходило мѣсяца, чтобы кто-либо изъ членовъ совѣта, заинтересованныхъ этимъ вопросомъ,

не поднималъ его слова. Споръ протянулся до конца 1811 года. Тогда Сташичъ, призвавъ къ себѣ на совѣтъ опытныхъ юристовъ, составилъ исторію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма горячую защиту школьныхъ фондовъ, самъ прочелъ ее въ государственномъ совѣтѣ и съ нѣкоторою запальчивостію упрекнулъ министровъ въ невниманіи къ дѣлу народнаго просвѣщенія *. Станиславъ Потоцкій столь же горячо поддержалъ рѣчь Сташича. Клиенты министра юстиціи, воспитанные на прусскихъ тенденціяхъ, заговорили о неприкосновенности правъ собственности и кредиторовъ, доверчиво отдавшихъ свои капиталы подъ залогъ поіезуитскихъ имѣній. Сташичъ не вытерпѣлъ, и вскочивъ съ своего мѣста, сказалъ: „Что я вижу? Въ государственномъ совѣтѣ Варшавскаго герцогства, торгующихъ святымъ назначеніемъ школьныхъ фондовъ, которые отобраны въ 1775 году честными гражданами отъ злодѣевъ и грабителей своего отечества. Но эти злодѣи и грабители, имѣвшіе смѣлость продать свою родину, уступили большую часть награбленнаго ими на воспитаніе своихъ дѣтей: дурные граждане не осмѣлились быть дурными отцами. А здѣсь я вижу отцовъ семействъ, приносящихъ въ жертву судьбу своего потомства, и кому же? бездѣльникамъ и нарушителямъ права, которые очень хорошо знали юридическое свойство этихъ имѣній, и несмотря на то, обратили ихъ въ ипотеку. Права этихъ имѣній внесены въ сборникъ законовъ, и никто не можетъ отзывать ихъ невѣдѣніемъ ихъ. Необразованные отцы погубили свой край, а мы, желая поднять его, отнимаемъ у нашихъ потомковъ средства къ просвѣщенію. Еслибы Польша и возникла какимъ-либо чудомъ изъ ничтожества, то это будущее поколѣніе сгубило бы ее.“ Послѣ такихъ словъ никто не рѣшался возражать, и докладъ Сташича былъ принятъ.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ Янъ-Павелъ Луцескій, которому герцогство было обязано всею своею админист-

выми сослуживцами. Проживши долгое время въ своихъ имѣнiяхъ, онъ приобрѣлъ множество прiателей между сосѣдами, и когда сдѣлался министромъ, то роздалъ имъ всѣ мѣста въ своей канцелярiи. Правда, всѣ они находились въ подчиненiи у него, ни одинъ не покушался получить влiяне на дѣла; но зато министру приходилось дѣлать все собственными руками. Онъ самъ писалъ не только всѣ проекты, но даже и неважныя представленiя въ совѣтъ, ибо желалъ, чтобъ изъ его канцелярiи выходили бумаги заслуживающiя вниманiя совѣта, а между тѣмъ не имѣлъ подлѣ себя ни одного изъ такихъ чиновниковъ, какими окруженъ былъ Лубенскiй. Онъ всегда являлся въ совѣтъ вполнѣ приготовленный къ пренiямъ, говорилъ ясно и связно, не горячился, не упорствовалъ и почти всегда успѣвалъ убѣдить своихъ товарищей.

Министромъ финансовъ былъ Янъ Венгленскiй. Не отличаясь никакими дарованiями, онъ обладалъ однимъ качествомъ: умѣлъ нравиться всѣмъ кто не имѣлъ случая узнать его поближе. Предъ основанiемъ Варшавскаго герцогства, онъ былъ извѣстенъ польскому обществу, находившемуся подъ прусскимъ владычествомъ, подъ именемъ эмигранта Будзиньскаго, только-что вернувшагося изъ польско-италiянскихъ легионовъ, съ вѣчно пылыми патриотическими рѣчами на устахъ, съ хвастливыми разказами о своемъ значенiи за границей и оподвигахъ польскихъ легионовъ, съ мистическими пророчествами насчетъ будущности Польши. Многие изъ богатыхъ пановъ, и въ томъ числѣ Янъ Потоцкiй, вѣрили ему управленiе своими имѣнiями: онъ строилъ въ нихъ фабрики, задумывалъ различныя промышленныя предпрiятiя, вызывалъ иностранныхъ рабочихъ и ремесленниковъ, дѣлалъ долги, и самъ щедрою рукой раздавалъ деньги взаймы преимущественно людямъ молодыхъ лѣтъ. При вступленiи французскихъ войскъ въ Пруссию, онъ открылъ Потоцкимъ свое настоящее имя и получилъ отъ нихъ множество рекомендацiй къ членамъ первой правительственной комиссiи. Тогдашнiй министръ финансовъ, Дембовскiй, принялъ его въ свою канцелярiю, которая мало-по-малу и перешла въ руки Венгленскаго, занявшаго въ послѣдствiи и самое мѣсто министра. Добившись этого званiя, онъ окружилъ себя ростовщиками и вполнѣ оправдалъ предсказанiе Иосифа Чарторыйскаго, который былъ тестемъ Яна Потоцкаго: „Ежели панъ

Венгленскій также будетъ управлять государственнымъ казначействомъ, какъ управлялъ дѣлами моего зятя и брата его, не знающихъ до сихъ поръ что имѣютъ и даже имѣютъ ли что, то казначейство скоро сдѣлается банкротомъ.“ Положеніе Венгленскаго въ самомъ дѣлѣ было затруднительно: его не терпѣли Полаки новоприсоединенныхъ департаментовъ, гдѣ всѣмъ извѣстны были его похождения, а равно и происки его брата; но у ловкаго министра былъ большой запасъ пріятелей въ сѣверныхъ департаментахъ, ибо онъ началъ свою дѣятельность съ того что прикрывалъ грѣхи людей нажившихся въ эпоху возстановленія герцогства.

Кромѣ министровъ, въ государственномъ совѣтѣ заседали и другіе члены, не имѣвшіе портфелей. Трое изъ нихъ обращали на себя особенное вниманіе публики тѣмъ что носили старо-польское одѣяніе, а двое даже брили себѣ головы, оставляя только чубъ; то были: уроженецъ Кракова Мартинъ Бадени, уроженецъ Мазовіи Ржондковскій и Францъ Грабовскій. Они были полезны государственному совѣту тѣмъ, что знали чуть не на память *Voluntina Legum* и всѣ государственныя и земскія отношенія старой Польши, о которыхъ молодое поколѣніе имѣло слабое понятіе, а воспитанные подъ австрійскимъ и прусскимъ владычествомъ чиновники не имѣли никакого. Бадени отличался здравымъ практическимъ сужденіемъ и глубокою многолѣтнею опытностію въ дѣлахъ. Онъ былъ остроуменъ и въ то же время остороженъ въ своихъ рѣчахъ, которыя походили болѣе на бесѣды, имѣвшія цѣлю развлечь слушателей. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предпочиталъ тѣсный кружокъ короткихъ знакомыхъ собиравшихся каждый день къ его обѣду. Онъ безпрестанно получалъ приглашенія на вечера, которые часто давались тогда варшавскими знаменитостями, но рѣдко являлся къ нимъ, и о томъ вечерѣ, гдѣ онъ присутствовалъ, разказывали на другой день по цѣлому городу, повторяя слышанные отъ него анекдоты о временахъ Станислава Понятовскаго.

соплеменниковъ и дожилъ до глубокой старости, пользуясь постояннымъ здоровьемъ. Его товарищи, Ржондковскій и Грабовскій, были особенно полезны для кассационнаго отдѣленія государственнаго совѣта. Но первый изъ нихъ часто подчинялся постороннимъ вліяніямъ, особенно внушеніямъ Иосифа Понятовскаго. Грабовскій же старался быть справедливымъ и не выслушивалъ ни одного доклада по дѣламъ, поступавшимъ въ кассационное отдѣленіе, не просмотрѣвъ предварительно всѣхъ документовъ. Будучи человекомъ религиознымъ и отчасти суевѣрнымъ, онъ однакожь не позволялъ владѣть собою духовнымъ членамъ совѣта. Не разъ приходилось кассационному отдѣленію измѣнять свои рѣшенія, постановленныя въ отсутствіе Грабовскаго, если ему впадало на мысль провѣрить ихъ. Бадени и Грабовскій были неразлучными друзьями; ихъ соединило одинаковое несчастье, неудачный бракъ. Они оба много натерпѣлись отъ своихъ женъ: Грабовскій искалъ себѣ утѣшенія въ религіи, а Бадени, будучи богатъ, отдѣлялся отъ сожительства съ сварливою женой назначивъ ей большую пенсію, что впрочемъ не избавило его отъ частыхъ и неожиданныхъ ея посѣщеній. Однажды, оставивъ позднеѣ обыкновеннаго засѣданіе совѣта, Бадени сказалъ Грабовскому: „пойдемъ въ какой-нибудь трактиръ“. Грабовскій, вмѣсто того, пригласилъ его къ себѣ: но такъ какъ обѣдъ былъ приготовленъ лишь на двоихъ, то хозяйка и гость должны были выслушивать въ продолженіе цѣлаго часа брань и насмѣшки щедрой на слова хозяйки. По окончаніи обѣда, Грабовскій отвелъ своего гостя въ сторону и просилъ у него извиненія за жену; Бадени отвѣчалъ съ усмѣшкой: „погоди, какъ пріѣдетъ моя жена, я позову тебя къ обѣду, и она тебѣ съ духвой отплатитъ за все“.

Между остальными чинами государственнаго совѣта выдавались впередъ своимъ талантами и краснорѣчіемъ Фаддей Матусевичъ и Александръ Ливовскій, извѣстные также своею дѣятельностію въ первые годы Царства Польскаго. Матусевичъ уже знакомъ намъ, какъ членъ депутаціи вѣдшей къ Наполеону предъ заключеніемъ Вѣнскаго мира и отстоявшей Замостье и половину Велички за Варшавскимъ герцогствомъ. Мы встрѣтимся съ нимъ еще разъ при описаніи Наполеоновскаго похода въ Россію чрезъ варшавскія земли. Что же касается Ливовскаго, то его землякъ Бадени говорилъ, что Ливовскій признаетъ для другихъ правила, а себѣ

оставляетъ только исключенія. Линовскій вообще былъ высокаго мнѣнія о себѣ, уклончивъ передъ стариками и чрезвычайно требователемъ къ подчиненнымъ. Въ молодости онъ имѣлъ много успѣховъ среди женщинъ. Познакомившись съ профессоромъ Краковской академіи, Ленскимъ, онъ влюбился въ его молодую и очень образованную жену, которая отвѣчала ему взаимностію, устроила ея разводъ съ мужемъ, и потомъ самъ женился на ней. Съ тѣхъ поръ молодая женщина покинула удовольствія свѣта и, по свидѣтельству Кожмяна, не было болѣе счастливой семьи въ цѣломъ герцогствѣ, какъ семья Линовскихъ: дѣти ихъ получили лучшее воспитаніе, какое только можно было дать въ то время. Ставъ членомъ совѣта, Линовскій постоянно враждовалъ съ предсѣдателемъ его Потоцкимъ и министромъ Лубенскимъ. Въ обществѣ онъ былъ соперникомъ съ Нѣмцевичемъ, который пользовался необыкновенною популярностію. Читатели помнятъ изъ второй главы нашего разказа, что Линовскій былъ единственнымъ членомъ совѣта, который вызвалъ противъ себя нареканія со стороны сейма, бывшаго въ началѣ 1809 года. Линовскій, раздраженный рѣчами маріампольскаго депутата Голлевскаго, оскорбилъ вторую палату и на ея требованія удалиться изъ засѣданія отвѣчалъ, сложивъ руки на крестъ: „Я не думалъ оскорблять палаты и не оскорбилъ ее; до извиненія предъ ней не унижусь; убейте меня, разсѣките на части, а самъ я съ мѣста не двинусь.“ Послѣ вступленія Фаддея Матусевича въ совѣтъ, Линовскій остался въ пріязненныхъ отношеніяхъ только съ однимъ изъ членовъ его, министромъ Венглевскимъ, который, впрочемъ, вскорѣ долженъ былъ уступить званіе министра тому же Матусевичу.

Изъ духовныхъ членовъ государственнаго совѣта обращалъ на себя общественное вниманіе Янъ Павелъ Вороничъ. Егоръичи всегда были проникнуты сочувствіемъ къ низшимъ классамъ народа; но не понимая политическихъ и экономическихъ обстоятельствъ времени, онъ постоянно думалъ убѣдить сво-

предложить ее пришедьцамъ. Но Французы уже успѣли занять его домъ, не дожидаясь хозяина. На кровати Воронича лежалъ какой-то офицеръ въ обмокшемъ мундирѣ; Вороничъ, бывшій тогда президентомъ варшавскаго капитула, сталъ извиняться предъ офицеромъ на плохомъ французскомъ языкѣ; не прощенный гость отвѣчалъ ему: „я здѣсь хозяинъ, а ты мой слуга, скинь съ меня сапоги“. Вороничъ повиновался приказывавшему и потомъ, осмотрѣвъ свою квартиру и видя ее переполненною солдатами, переселился къ кому-то изъ канониковъ. Между министрами Вороничъ болѣе всѣхъ почиталъ Иосифа Помятовскаго; Лубенскаго уважалъ за патриархальность семейнаго быта, Бадени за разсудительность, а предъ Грабовскимъ преклонялся за его религіозность. Сташича не любилъ за его горячій характеръ; Выбицкаго почти ненавидѣлъ какъ революціонера и порицателя духовенства. Вообще отдавалъ предпочтеніе стариннымъ и родословнымъ фамиліямъ предъ людьми новыми.

Наименѣе видными членами государственнаго совѣта были: министръ полиціи Александръ Потоцкій, получившій свое мѣсто благодаря протекціи Станислава Потоцкаго, и Иосифъ Велогорскій, директоръ комиссіи продовольствія войскъ, преданный всею душой Помятовскому, утратившій здоровье на службѣ въ польско-италіянскихъ легіонахъ, старый подагрикъ, но сохранившій пылокое сердце юности. Игнатій Соболевскій, особенно прославившійся во времена Царства Польскаго, занималъ въ іерархіи Варшавскаго герцогства, послѣдовательно, мѣста: секретаря правительственной комиссіи, секретаря государственнаго совѣта, потомъ члена совѣта и наконецъ, предъ паденіемъ герцогства, мѣсто министра полиціи. Его популярность между современниками 1815—1830 годовъ слѣшкомъ известна, чтобы распространяться здѣсь о его способностяхъ, характерѣ и привычкахъ. Референдарями въ совѣтъ были: Карлъ Войда, Онуфрій Вычеховскій, Иосифъ Моравскій, Ставицкій, Максимилианъ Левицкій и Каэтанъ Кожмянъ, большею частію хорошо знакомые кто съ французскимъ, кто съ прусскимъ, а кто и съ австрійскимъ правомъ.

Остается еще одно знаменитое имя, тѣсно связанное съ судьбой Наполеона, имя чловѣка, жизнь котораго перепелась съ исторіей Варшавскаго герцогства и кончилась такъ трагически: а разумію князя Иосифа Помятовскаго. Современники счи-

тали его идеаломъ рыцаря, современницы — идеаломъ красиваго воина; но какъ министръ военныхъ дѣлъ онъ былъ не на своемъ мѣстѣ, ибо родился полководцемъ, а не администраторомъ. Любопытно, однакожь, что онъ пѣвалъ женщины лишь тогда, когда являлся въ видѣ ловкаго наездника, гарцующаго предъ своими полками; въ тогдашнихъ же великосвѣтскихъ салонахъ онъ не одержалъ ни одной серьезной побѣды. Въ его характерѣ было много привычекъ вынесенныхъ изъ долгаго пребыванія въ чужихъ краяхъ; но онъ умѣлъ сохранить въ себѣ всѣ слабыя стороны современной ему польской молодежи и нерѣдко любилъ пощеголять ими. Известно, какъ онъ въ царствованіе своего дяди, послѣдняго короля Польши, будучи еще молодымъ человѣкомъ, выигралъ пари о томъ что пробѣдетъ на конѣ чрезъ всю Варшаву въ костюмѣ праотца человѣческаго рода. Известна также та сцена, которую онъ разыгралъ съ тремя Польшками, первыми красавицами въ эпоху конституціоннаго сейма, графиней Юліей Потоцкой, пани Коссовской и княгиней Розаліей Любомирской, погибшей въ послѣдствіи въ Парижѣ подъ гильотиною. Кокетничая съ вѣтреннымъ Понятовскимъ, онъ въ день его именинъ явился во дворецъ его, и подкупивъ камердинера, усыпала доже князя тропическими цвѣтами; въ ту самую минуту, будто ничего не подозревая, появился самъ Понятовскій въ сопровожденіи своей любовницы, актрисы Ситанской. Нѣмцевичъ изобразилъ эту сцену въ лучшей комедіи своей: *Возращеніе депутата*. Всѣ узнали на кого мѣтилъ поэтъ. Понятовскій послѣ перваго же представленія захватилъ къ автору въ той самой каретѣ, которую Нѣмцевичъ передалъ осмѣянію публики, увлекъ его съ собою кататься и повезъ по всей Варшавѣ, останавливаясь подъ окнами каждой женщины славившейся въ то время красотой. Иосифъ Понятовскій принималъ участіе почти во всѣхъ конфедераціяхъ, которыми сопровождалось паденіе Польши; потомъ находился некоторое время въ австрійской службѣ и снова выступилъ въ качествѣ польскаго патріота, когда прусскій губернаторъ Варшавы, генералъ Келеръ, въ виду приближенія французскихъ войскъ, сдалъ ему начальство надъ городомъ. Торжественная встрѣча, устроенная Понятовскимъ Мирату, радость овладѣвшая Талейраномъ, который неожиданно для себя встрѣтилъ во дворцѣ князя французскую эмигрантку изъ аристократической

фамилии Вобанъ, находившуюся въ дальнемъ родствѣ съ знаменитымъ дипломатомъ, и личный капризъ самого Наполеона доставили Понятовскому званіе главнокомандующаго польскими войсками, что возбудило неприязнь къ нему въ Домбровскомъ и Зайончекѣ. Съ той поры до 1809 года Понятовскій управлялъ военными дѣлами герцогства подъ надзоромъ Даву. Но когда началась война съ Австріей, и Даву уѣхалъ къ Наполеону, Понятовскій остался лицомъ къ лицу съ наступавшимъ на него эрцгерцогомъ Фердинандомъ. Мы видаемъ, какъ счастливыя обстоятельства помогли ему выйти изъ затруднительнаго положенія. Но еще тяжелѣе пришлось ему, когда Вѣнскій миръ засталъ его начальникомъ большой армии безъ гроша денегъ въ кассѣ. Его выручилъ нашъ знакомецъ Мартинъ Бадени, разказъ котораго о томъ занесенъ въ записки Кожмяна. По распущеніи галицкаго центрального правительства, Бадени поѣхалъ въ Краковъ, чтобы представиться Понятовскому, но засталъ его въ сплномъ смущеніи.

— Пана Мартинъ! сказалъ Понятовскій:—я нахожусь въ страшныхъ хлопотахъ: стою во главѣ 30.000 войска, а въ кармазѣ нѣтъ ни гроша. Здѣшнія окружныя кассы пусты; Варшавское герцогство не платитъ мнѣ ничего; войско не довольно и легко можетъ взволноваться, обратиться въ тягость для всего края; посоветуй что тутъ дѣлать.

— Ничего не остается дѣлать больше въ такой крайности, отвѣчалъ Бадени,—какъ воспользоваться суммами хранящимися въ судахъ и доходащими до 2.000.000 злотыхъ, а варшавское казначейство пригласить въ послѣдствіи къ уплатѣ ихъ.

— А что это за суммы? спросилъ Понятовскій.

— Большею частію суммы вдовъ и сиротъ, долженъ былъ сказать Бадени.

Понятовскій вспыхнулъ, и ломая себѣ руки, подступилъ къ Бадени съ словами:

— Ты мой пріятель, а что советуешь! Ради моей чести я не могу коснуться этихъ денегъ.

Бадени въ свою очередь покраснѣлъ и схвативъ князя за руки, проговорилъ:

— Будутъ деньги! Я, префектъ князь Генрихъ Любомирскій, памы Водзицкіе, найдутся и еще люди, которые обезпечатъ эти суммы своими имѣніями, заложивъ послѣднія варшавскому казначейству.

— Когда такъ, сказалъ Понятовскій, я возьму деньги, но изъ вашихъ рукъ.

По окончаніи войны Варшава устроила торжественную встрѣчу Понятовскому, который долженъ былъ вступить въ столицу чрезъ триумфальныя ворота. Какъ министръ военныхъ дѣлъ, Понятовскій рѣдко являлся въ государственнѣйшій совѣтъ. Онъ занимался большею частію разводами и маневрами на обширныхъ поляхъ Воли. Канцелярскими же дѣлами его завѣдывали генералъ Гебдовскій и полковникъ Раутенштраухъ; первый имѣлъ слабость считать себя лучшимъ между польскими писателями, а второй изъ-являлъ претензіи на отличное знаніе французскаго языка, но оба писали посредственно. Когда Понятовскій заглядывалъ въ совѣтъ, то министры обыкновенно предлагали ему первое мѣсто; но онъ всегда садился подлѣ Александра Потоцкаго, который любилъ вздремнуть во время засѣданія. Однажды Потоцкій заснулъ крѣпкимъ сномъ; Понятовскій разбудилъ его и сказалъ съ усмѣшкой: „Министръ! спать можно, а храпѣть не годится.“ Выслушивая доклады по текущимъ дѣламъ и пренія о нихъ въ совѣтъ, Понятовскій обыкновенно бралъ въ руки лежавшую предъ нимъ бумагу и рисовалъ на ней перомъ различныя каррикатуры. Когда же обращались къ нему съ вопросами, то всегда начиналъ отвѣтъ свой словами: „Я по моему глупому разумѣнію сужу такъ“, и затѣмъ коротко и ясно излагалъ свое мнѣніе.

Когда король-герцогъ бывалъ въ Варшавѣ, то засѣданія государственнаго совѣта происходили въ королевскомъ замкѣ по три раза въ недѣлю: Фридрихъ-Августъ обыкновенно предсѣдательствовалъ въ нихъ. Такія засѣданія открывались во второмъ часу; задолго до выхода Фридриха являлся въ главную залу замка весь совѣтъ in cogroge. Когда король-герцогъ

короля, начиналъ чтеніе. Члены совѣта, желавшіе принять участіе въ преніяхъ, обращались къ Фридриху за позволеніемъ приступить къ нимъ, и герцогъ терпѣливо выслушивалъ нерѣдко длинныя рѣчи на польскомъ языкѣ, на который самъ говорилъ медленно, не безъ труда, но грамматически и ясно; иногда даже дѣлалъ свои замѣчанія на рѣчи членовъ. Если который-либо изъ нихъ, думая быть болѣе понятнымъ, начиналъ говорить по-французски, то Фридрихъ прерывалъ его замѣчаніемъ: „прошу по-польски: панъ Ржондковскій не разумѣетъ французскаго языка“. Такія засѣданія оканчивались обыкновенно въ четвертомъ часу, и по уходѣ короля во внутреннія комнаты два камердинера вносили столики, на которые подавались четыре бутылки стараго вина и закуска.

Равнымъ образомъ Фридрихъ-Августъ любилъ принимать у себя время отъ времени варшавское общество, преимущественно по вечерамъ. О такихъ приемахъ заранѣе извѣщала маршалъ двора посредствомъ печатныхъ объявленій. На такіе вечера могъ являться каждый кто носилъ мундиръ; изъ дамъ являлись въ лично знакомыя королевѣ, или желавшія быть представленными ей. Въ ожиданіи выхода королевской семьи дамы становились полукругомъ по одной сторонѣ залы, мужчины по другой. Приемъ начинался тѣмъ, что отворялись двери изъ залы въ кабинетъ короля-герцога, и въ нихъ показывался гофмаршалъ Янъ Малаховскій, съ жезломъ въ рукѣ, громко повторяя: „Вельможные паны, его величество король идетъ.“ Затѣмъ появлялись король, королева, принцесса Амалия, въ сопровожденіи саксонскихъ и польскихъ министровъ, обходили сперва женскій полукругъ, потомъ мужской, обращаясь съ различными вопросами къ каждому изъ присутствовавшихъ. Затѣмъ Фридрихъ садился за столъ для игры въ вистъ; камергеры разносили приглашенія лицамъ, назначеннымъ участвовать въ игрѣ съ королемъ или съ королевой. Прочіе посетители составляли отдѣльные кружки, и въ залѣ начинался шумный разговоръ. Малаховскій, всегда стоявшій подлѣ стола за которымъ игралъ король, нерѣдко долженъ былъ постукивать жезломъ, чтобы напомнить громко говорившимъ о присутствіи хозяина. Фридрихъ почти всегда замѣчалъ ему съ усмѣшкой: „Дай покой, вельможный панъ; пускай забавляются.“ Около полуночи игра въ карты кончалась, и королевская семья удалялась во внутреннія комнаты. Въ продол-

женіе вечера гостямъ подавали прохладительныя напитки, которые Поляки называли „саксонскимъ лимонадомъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Варшавѣ было не мало частныхъ домовъ, которые почти ежедневно были открыты для знакомыхъ: но обѣды и вечера, даваемые въ нихъ, не были такъ громадны, такъ шумны, какъ это было во времена староѣ Польши. Многолюдныя собранія, роскошныя балы давались только въ дни торжествъ въ честь Наполеона. Частныя собранія походили скорѣе на пріятельскіе кружки: обѣды, на которыхъ присутствовало отъ 24 до 30 человекъ, считались уже многолюдными; шампанское и большіе бокалы были изгнаны, даже венгерское подавалось рѣдко, пили обыкновенныя французскія вина. Самыми блестящими домами считались дома Замоискаго и Станислава Потоцкаго: на ихъ вечерахъ, въ присутствіи дамскаго общества, читались патристическія стихотворенія, театральныя піесы, прозаическія статьи легкаго содержанія. За ними слѣдовали дома Яна Малаховскаго, Велогорскаго, Иосифа Красинскаго, Александра Ходкевича, Линовскаго, Матусевича, двухъ Оссолинскихъ, Гутаковскаго, Островскаго, Маріанны Ланцкоронской, Иосифа Понятовскаго и другихъ. Со времени австрійской войны до похода Наполеона въ Россію обычныя увеселенія варшавскаго общества только три раза были прерваны празднествами, далеко выходящими изъ ряда прочихъ; то были: обѣдъ въ саксонскомъ дворцѣ данный войскомъ князю Понятовскому по возвращеніи его изъ похода въ Галицію; большой балъ данный городомъ Варшавою во дворцѣ Рачинскихъ по тому же самому случаю, и маскарадъ устроенный французскимъ резидентомъ въ Теперовскомъ дворцѣ. Но вышеупомянутыя пріятельскія собранія того времени оставили по себѣ гораздо болѣе воспоминаній нежели эти рѣдкіе праздники. Обычныя собранія были скорѣе литературными кружками нежели увеселеніями. Въ качествѣ любителей литературы являлись на эти собранія многіе изъ членовъ высшихъ правительственныхъ мѣстъ; къ

шаго періода; представителемъ же его политическихъ, административныхъ и экономическихъ интересовъ можно назвать Станислава Сташча, который своимъ сочиненіемъ: *Uwagi nad życiem Jana Zamojskiego* (Размышленія надъ жизнью Яна Замойскаго) старался пробудить въ своихъ современникахъ мысль о важности сельскаго населенія для успѣховъ національной жизни. Въ годъ образованія Варшавскаго герцогства онъ издалъ *Статистику Польши*; затѣмъ содѣйствовалъ устройству въ Варшавѣ института для глухонемыхъ; подаль мысль о назначеніи преміи за лучшее сочиненіе объ улучшеніи матеріальнаго быта сельчанъ. Число среднихъ и народныхъ школъ въ Варшавскомъ герцогствѣ, съ тѣхъ поръ какъ Сташчъ сталъ членомъ школьной комиссіи, значительно увеличилось. Энциклопедистъ по своимъ занятіямъ, онъ писалъ почти по всемъ отдѣламъ научныхъ знаній. * Помяну послѣ этого, почему по смерти Альбертранди онъ былъ выбранъ въ президенты *Общества любителей наукъ* (*Towarzystwo przyciążających nauk*), которое собирало около себя всѣ ученые и литературныя силы тогдашней польской интеллигенціи. Съ тѣхъ поръ дѣятельность Общества значительно оживилась: оно неоднократно имѣло публичныя засѣданія, которыя Сташчъ всегда открывалъ рѣчами, прямо относящимися къ современнымъ вопросамъ. Литературная жизнь того времени, можно сказать, сосредоточивалась въ одной Варшавѣ: ни Краковъ, ни Познань, ни Львовъ, ни Кременецъ, ни Вильна, какъ это было въ тридцатыхъ годахъ, не осмѣливались еще оспаривать у Варшавы ея литературную извѣстность. Несмотря на то, любителей наукъ и литературы въ эпоху Варшавскаго герцогства можно было сосчитать по пальцамъ: обстоятельства времени заставляли молодежь братья вмѣсто пера за мечъ; изящная литература была только развлеченіемъ для высшаго варшавскаго общества, научныя занятія только роскошью. Общество любителей наукъ думало создать новую историческую школу, поручивъ своимъ членамъ распределить между

но оно само не имѣло еще понятія о тѣхъ богатствахъ, которыя хранились въ общественныхъ и частныхъ архивахъ. Все что сдѣлано было членами Общества для польской исторіи и археологіи сдѣлано въ позднѣйшее время. *

Таковы были обыденныя занятія варшавскаго общества въ эпоху, о которой идетъ у насъ рѣчь. Но они наполняли собою жизнь классовъ образованныхъ. Неужели же толпа людей праздныхъ, всегда умѣвшая въ дни старой Польши вызывать волненія въ городѣ, овладѣвать умами рабочаго населенія, оставалась лишь зрительницей скромной дѣятельности варшавскихъ правителей? Неужели въ Варшавѣ 1807—1812 годовъ не было приверженцевъ демократіи, не было партій недовольныхъ? Они были, но дѣятельность ихъ не имѣла такихъ широкихъ размѣровъ, какъ прежде: народная масса, задавленная военными поборами и патриотическими пожертвованіями, рѣдко внимала ихъ крикамъ. Демократическая партія, существовавшая въ Варшавскомъ герцогствѣ, только разъ заявила свое существованіе такъ-называемымъ процессомъ Кучинскаго, занимавшимъ варшавское общество почти съ первыхъ дней герцогства до самаго похода Наполеона въ Россію. Процессъ этотъ возбудилъ сильную борьбу партій въ столицѣ и далъ богатый матеріалъ для всевозможныхъ сплетенъ жителямъ провинцій.

Доминикъ Кучинскій былъ однимъ изъ сыновей богатаго подкоморія въ Подляшскомъ воеводствѣ, котораго жители одного съ нимъ округа называли своимъ королькомъ. Еще въ домѣ отца Доминикъ выработалъ въ себѣ характеръ республиканскій, смѣлый и наклонный къ оппозиціи. Отданный на воспитаніе въ конвиктъ отцовъ пiarовъ, онъ рѣзко выдавался между своими товарищами понятливостію, насмѣшливымъ и пылкимъ характеромъ, необыкновенною способностью къ изученію какъ новыхъ, такъ и древнихъ языковъ. Въ то же время въ немъ обнаружилась сильная наклонность къ изученію юридическихъ тонкостей, формальныхъ противорѣчій

имѣнія съ братьями, онъ скоро наскучилъ сельскою жизнію: придирчивость прусскихъ властей, подъ вѣдѣніе которыхъ перешло его имѣніе послѣ раздѣла Польши, дала ему предлогъ къ продажѣ своего участка, которая доставила ему до двухъ милліоновъ золотыхъ. Получивъ такую значительную сумму, онъ переселился въ Варшаву, и будучи холостякомъ, занялъ полъэтажа такъ-называемой англійской гостиницы. Его первыми пріятелями сдѣлались различные искатели приключеній, прикрывавшіе именемъ патріотизма не всегда честныя цѣли; его любимыми рѣчами была брань и порицаніе всего иностраннаго; въ то же время онъ сыпалъ деньгами между бѣдняками, жертвовалъ не малыя суммы на госпитали и монастыри; каждое утро предъ его квартирой толпились бѣдняки, и онъ всегда одѣлалъ ихъ чѣмъ-нибудь: такой образъ жизни сдѣлалъ его извѣстнымъ всей Варшавѣ, а родственныя связи давали ему доступъ въ лучшіе дома города. Словомъ, не было человѣка въ столицѣ герцогства, который бы не зналъ Доминика Кучинскаго. Совершенно иначе велъ себя извѣстный уже намъ министръ юстиціи Феликсъ Лубенскій: во время прусскаго владычества онъ оставался въ своемъ имѣніи, устраивалъ въ немъ фабрики, приглашалъ нѣмецкихъ колонистовъ и, по слухамъ, намѣревался даже построить для нихъ протестантскую церковь, что возбудило противъ него неудовольствія между ревностными католиками и горячими патріотами. Будучи однажды представленъ прусскому королю мѣстными властями, онъ получилъ отъ него орденъ, что еще болѣе увеличало число его непріятелей. Когда французскія войска вошли въ Варшаву, Лубенскій тотчасъ сталъ проситься въ службу герцогства, но не имѣлъ успѣха; Кучинскій же, послѣ долгихъ упрасиваній со стороны властей, взялъ на себя обязанность попечителя госпиталей, что дало ему возможность сыпать благодѣяніями на французскихъ солдатъ и еще болѣе въ снѣгъ свое порицаніе Лубенскій, долго не

на это мѣсто трудолюбиваго и скромнаго Лубенскаго, предпочта его поклоннику скептической философіи. Между тѣмъ Кучинскій, пользуясь своимъ незаслуженнымъ положеніемъ въ обществѣ, разыгрывалъ роль строгаго цензора надъ дѣйствіями администраціи: онъ произносилъ безапелляціонныя приговоры надъ всѣмъ что происходило тогда въ официальныхъ кружкахъ, и правдая толпа легкомысленно повторяла за нимъ эти приговоры. Нетрудно себѣ представить, съ какими жалобами, съ какими воплями негодованія устремились къ Кучинскому Шалявскій и его товарищи, отдавая себя на судъ общественнаго мнѣнія. Въ то самое время Лубенскій сталъ раздавать должности въ своемъ министерствѣ людямъ свѣдущимъ во французскихъ и прусскихъ законахъ. Ему помогалъ при этомъ Іосифъ Выбицкій, авторъ первыхъ прокламацій Наполеона къ Полакамъ, считавшійся за то главою французско-польской партіи. Такимъ образомъ имя Лубенскаго стало синонимомъ всего чужестраннаго; сторонники же Кучинскаго подняли знамя вражды ко всему чужеземному.

Случилось, что Лубенскій въ одномъ спискѣ кандидатовъ на должностныя мѣста, который долженъ былъ поступить на разсмотрѣніе Фридриха-Августа, измѣнилъ назначеніе данное одному изъ просителей. Путемъ городскихъ сплетенъ дошла вѣсть о томъ и до Кучинскаго; онъ тотчасъ же написалъ длинное посланіе къ своему пріятелю Шенетовскому, въ которомъ высказывалъ необходимость обратиться къ королю-герцогу съ просьбой положить предѣлы самовластію министровъ, и въ доказательство привелъ поступокъ Лубенскаго. Копію съ этого посланія онъ показалъ гофмаршалу Малаховскому, который въ то время былъ также предсѣвателемъ сената, и спросилъ его: „вѣльзя ли напечатать?“ „Печатай!“ сказалъ Малаховскій,—„я тебя уполномочиваю на то.“ Кучинскій напечаталъ свое посланіе, и когда открылся первый сеймъ герцогства, описанный нами во второй главѣ, печатные экземпляры посланія разошлись по рукамъ депутатовъ и жителей города Варшавы, давъ поводъ Годлевскому, принявшему на себя въ сеймѣ роль народнаго трибуна, къ нападенію на министерство. Лубенскій былъ сильно огорченъ обнародованіемъ помянутаго памфлета, но зная что еще первая правительственная комиссія возстановила свободу печати, не хотѣлъ искать удовлетворенія. Однакожь, окружающіе его чиновники, воспитанные въ прусскихъ порядкахъ, оскорби-

лись болѣе нежели самъ министръ и убѣдили его обратиться съ просьбой къ Фридриху-Августу отдать подъ уголовный судъ какъ автора посланія, такъ и издателя его. Едва прокуроръ уголовныхъ дѣлъ Немоевскій подалъ обвиненіе противъ Кучинскаго, едва вышло королевское позволеніе начать процессъ, какъ по всей Варшавѣ раздались крики негодованія на Лубенскаго. Кучинскій успѣлъ воспользоваться такимъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія и еще болѣе разжечь народную толпу, показываясь ежедневно на улицахъ съ видомъ челоѣка преслѣдуемаго и вопрошая встрѣчныхъ: „Тебѣ не стыдно говорить съ уголовнымъ преступникомъ?“ что еще болѣе собирало около него праздныхъ крикуновъ. Будучи позванъ въ судъ, онъ подтвердилъ, что самъ писалъ памфлетъ, но имени владѣльца той типографіи, гдѣ было напечатано его произведеніе, не объявилъ, сказавъ: „я этого не сдѣлаю ни подъ какимъ видомъ, и наказаніе, падающее на него, принимаю на себя.“ Когда послѣ троекратнаго приглашенія открыть имя типографщика, Кучинскій отказалъ въ томъ наотрѣвъ, и судъ долженъ былъ приступить къ обсужденію дѣла, ему велѣно было подождать приговора въ одной изъ боковыхъ пристроекъ Примасовскаго дворца, въ которой засѣдалъ уголовный судъ. Оказалось, что эта пристройка служила въ прежнія времена погребомъ для различныхъ хозяйственныхъ складовъ, и по стѣнамъ ея были прибиты желѣзные крюки, вѣшалки и различныя перекладки. Кучинскій вообразилъ, что хотятъ насильно вынудить у него полное признаніе, хотятъ наложить на него оковы; онъ еще болѣе обидѣлся, когда узналъ отъ служителя что въ той же самой комнатѣ обыкновенно ожидали приговора убійцы, разбойники и подобные имъ преступники. Вышедъ изъ склепа, Кучинскій при помощи своихъ пріятелей разнесъ по домамъ и уличнымъ перекресткамъ преувеличенный разказъ объ оскорбленіи ему нанесенномъ, что произвело сильное волненіе въ публикѣ. Между тѣмъ уголовный судъ, не узнавъ отъ Кучинскаго имени издателя его брошюры, обратился къ министру юстиціи съ вопросомъ какъ поступить въ такомъ случаѣ. Изъ канцеляріи министра отвѣчали предписаніемъ погрозить обвиняемому соответствующими такому случаю статьями прусскаго уголовного уложенія. Случай или неосмотрительность вознаго, который долженъ былъ доставить Кучинскому эту резолюцію отъ имени суда, были причиною

новаго скандала. Не заставъ Кучинскаго въ его квартирѣ и узнавъ что онъ находится въ ближайшемъ костелѣ, возный отправился туда и во время церковной службы, отыскавъ въ толпѣ молившихся сидѣвшаго на своемъ мѣстѣ Кучинскаго, вручилъ ему судебный позывъ, что вызвало ропотъ между присутствовавшими. Кучинскій тотчасъ же оставилъ костелъ, и когда толпа стоявшая у дверей обратилась къ нему за объясненіями, Кучинскій показалъ ей резолюцію уголовного суда. Вернувшись домой, онъ сталъ рыться въ прусскомъ кодексѣ, чтобъ узнать какою именно статьей угрожалъ ему судъ. Отысканная имъ статья гласила такъ: „Когда убійца, разбойникъ или вообще уголовный преступникъ, несмотря на явныя улики, упорно отрекается отъ преступленія или не хочетъ выдать своихъ соучастниковъ, то судъ можетъ употребить принудительныя мѣры и дать ему столько ударовъ, сколько можетъ вывести его тѣло безъ вреда для здоровья.“ Когда Кучинскій прочелъ эту статью, то впалъ въ крайнее раздраженіе, которому не могли положить предѣловъ даже увѣщанія его пріятелей. Въ тотъ же день вся Варшава знала о случившемся: на этотъ разъ не только народная масса, но и всѣ административныя и судебныя корпораціи, даже нѣкоторые министры приняли участіе въ дѣлѣ Кучинскаго. Иосифъ Каласанты-Шаявскій, бывшій тогда генеральнымъ прокуроромъ герцогства, внесъ въ государственный совѣтъ публичное обвиненіе въ нарушеніи личной безопасности и превышеніи власти министромъ юстиціи, приглашая совѣтъ положить границы министерскимъ притязаніямъ, равно угрожающимъ какъ независимости судебныхъ учрежденій, такъ и личнымъ правамъ гражданъ. Государственный совѣтъ передалъ это обвиненіе королю; но Фридрихъ-Августъ сдѣлалъ суровое замѣчаніе генеральному прокурору за его смѣлый и какъ бы незаконный поступокъ. Обиженный тѣмъ, Шаявскій сложилъ съ себя званіе прокурора, удалился изъ Варшавы и принялъ на себя управленіе имѣніями Замойскаго. Между тѣмъ уголовный судъ приступилъ къ выслушанію предложенія внесеннаго прокуроромъ уголовныхъ дѣлъ и рѣчей защитниковъ Кучинскаго. Три лучшіе адвоката того времени взяли на себя обязанность защищать Кучинскаго передъ судомъ. Двое изъ нихъ не выходили изъ предѣловъ предписываемыхъ закономъ; но третій, Алоизій Орховскій, давъ волю своему воображенію, перенесъ вопросъ на полити-

чешскую почву и ради большей популярности сталъ подражать рѣчи Цицерона противъ Верреса, такъ что между слушателями не разъ повторялись слова: *Civis Romanus sum*. Впечатлѣніе, произведенное этою рѣчью, было такъ сильно, что судъ отказался произнести приговоръ надъ обвиняемымъ и рѣшилъ просить короля чрезъ министерство о прекращеніи процесса. Громадная толпа, ожидавшая на площади выхода Кучинскаго изъ суда, закричала при появленіи его на улицу: „Кресла Кучинскому!“ и посадивъ его на нихъ, съ триумфомъ отнесла въ квартиру. Но король-герцогъ не принялъ просьбы суда и приказалъ чрезъ государственнѣйшій совѣтъ продолжать дѣло: уголовный судъ приговорилъ Кучинскаго къ двухмѣсячному аресту. Результатомъ этого были новые крики въ варшавскомъ обществѣ противъ министровъ. Кучинскій съ своей стороны подалъ аппеляцію въ кассационный судъ, который соединенъ былъ тогда съ государственнымъ совѣтомъ, требуя въ своей аппеляціи отвода прокурора Возницкаго, какъ члена министерства юстиціи, и трехъ референдарей, какъ родственниковъ и подчиненныхъ Лубенскаго. Изъ остальныхъ референдарей, Войда принялъ на себя докладъ по обвиненію внесенному прокуроромъ уголовныхъ дѣлъ, а на Кожмяна пала участь прочесть изложеніе доказательствъ въ пользу Кучинскаго. Кожмянъ, по совѣту Матусевича, получившаго уже въ то время портфель министра финансовъ, внесъ въ свой докладъ дѣлкомъ какъ аппеляцію Кучинскаго, такъ и рѣчи его защитниковъ. Этими они думали вполне удовлетворить взволнованное общественное мнѣніе. Четыре часа продолжалось публичное чтеніе этого доклада; Кожмяну помогалъ при этомъ Осинскій, секретарь кассационнаго суда; Войда же коротко и не настойчиво поддерживалъ предложеніе прокурора. Затѣмъ начались пренія между членами государственнаго совѣта: большинство склонялось къ тому чтобы просить короля о дозволеніи прекратить процессъ; но новый министръ полиціи, Соболевскій, сославшись на давнія польскія права и конституцію, предложилъ кассировать рѣшеніе уголовного суда, и всѣ члены, особенно самъ прокуроръ, охотно согласились на то. Когда это рѣшеніе было принято, публика три раза прокричала: „Вивать кассационный судъ!“... Но, странное дѣло: съ той самой минуты какъ Кучинскій выигралъ свой процессъ, его популярность исчезла какъ мыльный пузырь. Никто уже болѣе не интересо-

вался имъ: самые горячіе приверженцы оставили его; никто не видѣлъ въ немъ болѣе мученика за народную свободу. Онъ попрежнему появлялся на площадяхъ и перекресткахъ; но никто уже не подходилъ къ нему ни съ заявленіями своего сочувствія, ни даже съ вопросомъ празднаго любопытства: „что, какъ идетъ вашъ процессъ съ министромъ объ оскорбленіи чести?“ Онъ попробовалъ-было примкнуть къ новому идолу варшавскихъ жителей, такъ-называемой Юнты, состоявшей изъ доморожденныхъ политиковъ, газетчиковъ, кропателей памфлетовъ и политическихъ брошюрокъ, актеровъ, удаленныхъ изъ службы военныхъ и вообще вдовольныхъ: но времена и интересы уже были другіе. Слишкомъ четыре года тянулася скандальная исторія Кучинскаго и отучила его понимать измѣнчивое настроеніе варшавской толпы. Было начало 1812 года, когда прекратился шумный процессъ, и толпа съ бѣльшимъ интересомъ внимала революціоннымъ рѣчамъ варшавской Юнты, приготовлявшей политическій переворотъ внутри самого герцогства и вызывавшей на третью войну съ цѣлю возстановленія старой Польши, нежели вопросамъ о личной свободѣ и власти министровъ. Бродзильскій, Копчинскій, Богушъ, Бычковскій и Орсетти оглашали по вечерамъ своими рѣчами садъ Красивскихъ, куда собирались люди жаждавшіе переменъ въ судьбѣ герцогства. Эти шумныя собранія были предвѣстниками генеральной конфедераціи, которую готовили такъимъ многочисленныя агенты Наполеона, бродившіе тогда среди польскаго населенія Австріи, Россіи и Варшавскаго герцогства. *

НИЛЪ ПОПОВЪ.

(До слѣд. №.)

* См. M. De-Pradt, *Histoire de l'ambassade dans le grand duché de Varsovie en 1812*. 7-me édition. Paris, 1816; pag. 62—63: „Les informations, bonnes et mauvaises, de M. Bignon et des autres agens répandus depuis Petersbourg jusqu'à Constantinople.“

МОСКОВСКАЯ ФЛОРА

Московская флора или описание высших растений и ботанико-географический обзор Московской губернии. Сочинение Н. Кауфмана. Москва, издание А. И. Глазунова. 1866.

Inter omnes tamen plantas, nulla est mirabilior, nulla serius crescit, quam rarissima illa, quae *βοτανική* proprie dicitur....

Linnaeus.

I.

Наука, какъ и искусство, какъ и тысячи сторонъ обыденной жизни, имѣетъ свои моды, свои увлеченія. Эти моды, точно такъ же какъ колебанія литературнаго вкуса, какъ измѣнчивыя формы общежитія, не суть дѣло прихоти или случая. Онѣ коренятся глубоко въ современномъ имъ состояніи науки, въ свойствахъ происходящихъ въ ней движеній, а также въ томъ общемъ настроеніи умовъ, которое налагаетъ на каждое время свою своеобразную печать.

За примѣрами ходить не далеко. Отецъ современнаго естествознанія, великій Линней, не довольствуясь тѣмъ что распредѣлялъ въ изящный порядокъ всѣ извѣстныя ему произведенія природы, приложилъ этотъ приемъ и къ самимъ естествоиспытателямъ. Въ предельной книжечкѣ о ботанической литературѣ, онъ, какъ въ благоустроенномъ травникѣ, расположилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ въ подчиненные другъ другу отряды и семейства, смотря по предмету и

достоинству ихъ трудовъ. И что же? При этомъ распредѣленіи, люди, какъ Мальпиги, Грю и Гальсъ (Hales), отцы нашей новѣйшей анатоміи и физиологіи растений, попали въ разрядъ *дилеттантовъ* (botanophili), къ которому Линней причисляетъ людей, занимающихся вещами любопытными, „но собственно не относящимися къ ботаникѣ“. Въ наши же дни, знаменитый Шлейденъ, въ книгѣ, составляющей событіе въ дѣтописяхъ ботаники, назвалъ всѣхъ систематиковъ „собрателями сѣна“ и объявилъ, что лишь тотъ достоинъ названія ботаника, кто производилъ самостоятельныя изслѣдованія надъ развитіемъ мельчайшихъ анатомическихъ элементовъ растений, ихъ клѣточекъ!

Мы не станемъ упрекать этихъ великихъ дѣятелей за ихъ односторонность. Каждый изъ нихъ посвятилъ всѣ свои силы той области науки, которую онъ считалъ существенною, и которая въ его время дѣйствительно требовала настоятельно самой дѣятельной разработки. Каждый изъ нихъ тѣмъ самымъ существенно подвинулъ и всѣ прочія, столь тѣсно связанныя между собою отрасли естествознанія. Но нельзя не сознаться, что рѣзкія сужденія, въ родѣ приведенныхъ выше, не мало способствовали замедленію успѣховъ ботаники. смущая робкіе умы, оправдывая косность умовъ дѣтливыхъ. Въ прошломъ столѣтіи, и безъ подобныхъ выходокъ, изящная номенклатура Линнея, замѣнившая волшебною простотою прежнюю непроходимую запутанность видовыхъ опредѣленій; его сексуальная система, это чудо остроумія и стройности система, воспѣтая въ стихахъ и въ прозѣ, подслащенная для дамъ въ прелестныхъ письмахъ Руссо, по необходимости должна была обратить исключительное вниманіе всѣхъ дилеттантовъ, всѣхъ начинающихъ, всѣхъ подмастерьевъ науки на внѣшнія формы растений и ихъ различія,—и отъ временъ Мальпиги до начала нынѣшняго столѣтія мы находимъ въ исторіи растительной анатоміи совершенный пробѣлъ, такъ что XVIII столѣтіе заслужило келестное названіе „среднихъ вѣковъ растительной анатоміи“.

На встрѣчу этой научной односторонности шло и тогдашнее общее настроеніе умовъ. Теорія человеческого равенства, возведенный въ догматъ парадоксъ о безусловной тождественности прирожденныхъ свойствъ всѣхъ людей, эта основная нота всего мышленія прошлаго столѣтія находила себѣ отголосокъ въ вѣрованіи, что тѣ группы, на которыя

Далее съ неподражаемымъ искусствомъ разбилъ органическую природу, состоятъ изъ особей, столь же равныхъ между собою, какъ и люди придуманные мечтателемъ Руссо. Поэтому къ концу истекшаго столѣтїа суевѣріе въ постоянство, въ вѣчное значеніе вида, приняло размѣры, о которыхъ, конечно, не помышлялъ великій законодатель естествознанія, и нашло себѣ самое рѣзкое, самое блестящее выраженіе въ Кювье, воспитанномъ на „великихъ началахъ“ 1789 года. Это суевѣріе естественно отвлекало умы отъ изученія вѣшнихъ условій, на которыхъ зиждется зыбкое равновѣсіе органическихъ формъ, отъ изслѣдованія тѣхъ мелочей строенія, которыя одна даютъ намъ ключъ къ взаимодѣйствию организмовъ съ вѣшними силами.

Почти та же участь, которой въ прошломъ столѣтїи подверглась анатомія и физиологія растеній, на нашихъ глазахъ едва не постигла систематику. Усовершенствованіе микроскопическихъ снарядовъ и способовъ изслѣдованія, блестящія работы Шлейдена, Шванна и ихъ безчисленныхъ послѣдователей обратили все вниманіе ботаниковъ на строеніе и развитіе невидимыхъ невооруженнымъ глазомъ анатомическихъ элементовъ растеній. Изслѣдованіе клѣточки ежедневно обогащало науку новыми открытіями, обѣщало обнаружить самую тайну жизни. Ученые поспѣшили подѣлиться своими новыми сокровищами съ неученою братіей, съ дамами и дѣтьми. Шлейденъ посвятилъ герцогинѣ Веймарской свою прелестьную книгу о жизни растеній, родоначальницу цѣлой литературы. Какъ вѣкогда Руссо училъ свою Юлію считать тычинки и пестики, онъ училъ Эвелину и Стеллу вникать въ самые темные вопросы растительной физиологіи. Вслѣдъ за нимъ, легионъ популярныхъ книгъ и книжонокъ сталъ развостить и до сихъ поръ разноситъ новѣйшіе результаты этой науки по вѣсмымъ слоямъ общества, пережевывая ихъ для всѣхъ возрастовъ, нерѣдко разукрашивая и преждевременно обобщая ихъ.

Въ то же время цѣлая школа, родоначальникомъ которой былъ Ламаркъ, возмущенная изслѣдованіемъ изъ вѣшнихъ ус-

стами. Эти крайности, разумеется, прежде всего подхватывались популярною литературой, болѣе всего дѣйствовавшая на массу второстепенныхъ дѣятелей и отвлекала много силъ отъ разработки систематики, распространяя воззрѣнiе, что эта отрасль науки занимается предметомъ (видомъ), котораго существованiе по крайней мѣрѣ сомнительно.

Спѣшу прибавить, что это движенiе было далеко не такъ сильно, какъ то исключительное увлеченiе систематикой, которое было вызвано Линнеемъ въ прошломъ столѣтiи. Громадный материалъ, собранный его школою, продолжалъ обогащаться и разрабатываться во всѣхъ образованныхъ странахъ мiра. Наглядное знакомство съ мѣстными фаунами и флорами, столь распространенное въ Западной Европѣ, вошедшее въ кругъ средняго образованiя, давало всякому возможность судить о степени раздѣльности видовыхъ формъ, а непрерывное научное преданiе столѣтiй доказывало ихъ относительное постоянство.

Наконецъ, блистательное ученiе Дарвина вдохнуло новую жизнь въ систематику, предлагая разомъ объясненiе и относительнаго постоянства, и абсолютной измѣнчивости видовыхъ формъ, осмысливая всѣ крайности ихъ систематическаго дробленiя и слиянiя, впервые связывая въ неразрывное единство области систематики и физиологiи.

Такъ на Западѣ. Но въ нашемъ отечествѣ, гдѣ, какъ извѣстно, всякая мода соблюдается гораздо строже чѣмъ въ тѣхъ странахъ гдѣ она изобрѣтается, модное пренебреженiе систематикой привнесло печальные плоды. У насъ слишкомъ часто забывали, что эта мода возникла въ странахъ, гдѣ, трудами ученыхъ поколѣнiй, составъ мѣстныхъ флоръ и фаунъ доведенъ до той степени извѣстности, при которой возможны лишь незначительныя дополненiя и поправки. У насъ не появили, что насмѣшки надъ систематиками, до-

именно у насъ составляетъ необходимое условіе всякаго дальнѣйшаго самостоятельнаго успѣха въ области естественныхъ наукъ. Вредное вліяніе этой исключительной моды на физиологію усилилось у насъ еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: ея распространеніе совпало по времени съ тою эпохой систематической порчи среднихъ учебныхъ заведеній, которую мы едва ли пережили вполнѣ и теперь. Остроумная метода, состоящая въ томъ, чтобы учить дѣтей именно тому, чему выучить ихъ невозможно, и устранивъ отъ нихъ то, чему мы ихъ выучить можемъ и поэтому обязаны, нашла себѣ богатую пищу въ модномъ естествовѣдннн популярныя книжонки, естественномъ, но незаконномъ исчадіи современныхъ стремленій науки. Весь запасъ неустановившихся взглядовъ, преждевременныхъ обобщеній, легкомысленныхъ теорій, вызванныхъ и распространенныхъ стремленіемъ приспособить ad usum публики громадный, но отрывочный матеріалъ новѣйшаго естествовѣдннн, цѣлкомъ былъ внесенъ въ среднее преподаваніе. Дѣтей, не умѣвшихъ различать самыя обыкновенныя травы нашихъ полей, стали посвящать въ тайны сравнительной анатоміи и физиологіи, въ законы развитія органической жизни на землѣ. Вопросы, для разъясненія которыхъ едва начинаютъ накапливаться матеріалы, разрѣшались передъ нами въ двухъ-трехъ словахъ. Молодые люди, выходя изъ гимназій, выносили съ собою отвѣты на всѣ загадки, надъ которыми трудится современное естествознаніе, или по крайней мѣрѣ убѣжденіе, что всѣ онѣ разрѣшены весьма удовлетворительно. вмѣстѣ съ тѣмъ, они выносили проническое презрѣніе къ тому кропотливому труду, съ которымъ сопряжено различеніе и опредѣленіе формъ растительнаго и животнаго царства; они знали, что видѣ—понятіе устарѣлое; слѣдовательно и не стоило утруждать себя знакомствомъ съ отдѣльными видами. Словомъ, въ нихъ было убито даже желаніе узнать то что ихъ непосредственно окружало: интересъ къ дѣйствительной, живой природѣ совершенно былъ заглушенъ въ нихъ интересомъ къ фразамъ, принимаемымъ на вѣру.

Эти обстоятельства могутъ объяснить намъ отчасти одно странное явленіе, происходящее на нашихъ глазахъ. Никогда, и въ обществѣ, и въ литературѣ, такъ много не толковали объ естественныхъ наукахъ, какъ въ послѣднія пятнадцать лѣтъ. Нашъ книжный рынокъ наводненъ (переводными) сочи-

невіями естественно-историческаго содержанія. Число молодыхъ людей, поступающихъ на естественно-историческіе факультеты нашихъ университетовъ, возрасло въ громадныхъ размѣрахъ; мало того: юности сплошь да рядомъ посвящаютъ себя исключительно изученію естественныхъ наукъ съ третьяго класса гимназій. Натуралисты ехъ officio разсыпаны по всей Россіи въ качествѣ преподавателей естественныхъ наукъ. Между тѣмъ спеціальныя изданія нашихъ ученыхъ обществъ продолжаютъ щеголять по преимуществу не русскими именами; Россія продолжаетъ оставаться terra incognita относительно самыхъ видныхъ произведеній природы. Мода на естествознаніе осталась модой, и модное преподаваніе естественныхъ наукъ не подвинуло ни на волосъ ихъ самостоятельное развитіе въ нашемъ отечествѣ. Мало того, оно задерживало это развитіе, приучая цѣлое поколѣніе къ страдательному воспріятію естественно-историческихъ выводовъ и теорій, подрывая въ немъ ту самодѣятельность, тотъ независимый отъ всякой теоріи интересъ къ фактамъ, который составляетъ нервъ и жизнь естествовѣдѣнія.

Но всякому безумію есть конецъ. Преподаваніе естественныхъ наукъ, слава Богу, значительно ограничено въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и остается только желать, чтобъ оно совершенно исчезло изъ нихъ, или было перенесено въ высшіе классы, гдѣ есть возможность придать ему вѣкоторый смыслъ. Нѣтъ недостатка и въ другихъ отраднѣхъ признакахъ. Такъ, при Московскомъ университетѣ подъ руководствомъ вѣкоторыхъ его профессоровъ, возникло общество, поставившее себѣ спеціальною цѣлію изученіе естественныхъ произведеній Московской губерніи. Оно уже начало издавать собраніе московскихъ растений въ сухенныхъ экземплярахъ и готовить къ изданію другія учебныя пособія.

Но самое отрадное изъ явленій этого рода представляетъ намъ книга, заглавіе которае выписано при началѣ этой статьи. Эта книга восполняетъ въ нашей литературѣ чувствитель-

ный трудъ этихъ ученыхъ, которому такъ много обязаны всѣ московскіе ботаники, далеко не исчерпываетъ предмета, какъ и сознается самъ Двигубскій, и время обнаружало въ нихъ показанія много неточностей, неизбежныхъ при первой попыткѣ, а въ самомъ расположеніи матеріала—много неудобствъ, которыя опытъ научалъ устранять въ описаніяхъ ивѣстныхъ флоръ. Къ тому же эта книга стала библиографическою рѣдкостью. Я и не говорю о болѣе раннихъ и весьма стрывочныхъ трудахъ Стефани и Марціуса, которые имѣютъ интересъ чисто-историческій. Между тѣмъ, географическое положеніе Москвы и значеніе ея, какъ образовательнаго центра средней полосы Россіи, дѣлали особенно желательнымъ точное изслѣдованіе ея растительности. Въ Московской губерніи сходятся и сливаются двѣ растительныя области: область еловыхъ и область лиственныхъ лѣсовъ, сѣверная растительность верхне-волжскаго бассейна съ болѣе южною растительностію бассейна Оки. Въ ея предѣлахъ встрѣчаются многія растенія свойственныя Восточной и Западной Россіи и въ нихъ находятъ свои западныя и восточныя границы. Какъ естественный центръ Россіи, Москва, въ окружающей ея природѣ, представляетъ намъ ключъ къ органическому населенію смежныхъ съ нею областей. Къ тому же, какъ университетскій городъ, она особенно нуждается въ подробномъ описаніи своей флоры и фауны. Въ ней впервые приобрѣтается большинствомъ нашихъ натуралистовъ наглядное знакомство съ отечественною растительностію, а это знакомство ничѣмъ не можетъ быть облегчено въ такой мѣрѣ какъ трудами, подобными книгѣ г. Кауфмана.

Труды такого рода нельзя отнести къ легкимъ. *Московская Флора* стоила ея автору десятилѣтнихъ усидчивыхъ зимнихъ работъ и безпрестанныхъ лѣтнихъ путешествій. Имъ были пересмотрѣны и подвергнуты тщательному сравненію и строгой критикѣ всѣ данныя, заключавшіяся въ печатныхъ источникахъ и доступныхъ ему рукописныхъ запискахъ и травникахъ, относящихся до Московской и до смежныхъ съ нею губерній. Весь этотъ матеріалъ, тщательно свѣренный съ живомъ растительностію этой области и значительно пополненный собственными изслѣдованіями г. Кауфмана, вошелъ въ составъ его книги. Всѣ описанія, помещенныя въ ней, не суть заимствованія изъ чужеземныхъ

флоръ, содержащихъ одноименныя растенія; всѣ они составлены въ виду московскихъ экземпляровъ; вездѣ выдвигнуты на первый планъ тѣ признаки, которые всего рѣзче выражаются въ московскихъ представителяхъ данного вида. Въ ключахъ, служащихъ для опредѣленія семействъ и подчиненныхъ имъ группъ, точно также принятъ въ расчетъ составъ *московской* флоры, и придуманъ самый удобный для нея способъ дѣленія.

Для того чтобы дать понятіе о степени, въ которой книга г. Кауфмана обогатила наши свѣдѣнія о московской флорѣ, достаточно привести слѣдующія цифры. Формъ, нѣкѣмъ до автора не показанныхъ въ этой флорѣ, онъ приводитъ 174; формъ совершенно новыхъ — 31. Общее количество видовъ явнобрачныхъ и вышнихъ тайнобрачныхъ въ московской флорѣ, по г. Кауфману, 825.

Въ заключеніе своего труда, авторъ представляетъ подробный, исполненный самыхъ интересныхъ данныхъ обзоръ распредѣленія этихъ растеній по поверхности Московской губерніи и сравниваетъ ея флору съ флорами петербургскою, казанскою и бранденбургскою. Этотъ отдѣлъ его труда составляетъ драгоценный матеріалъ для растительной географіи Россіи.

Эти краткія указанія будутъ, надѣюсь, достаточны, для того чтобы дать читателю понятіе о научныхъ достоинствахъ книги г. Кауфмана. Я воздерживаюсь отъ болѣе спеціальнаго разбора, ибо онъ былъ бы неумѣстенъ на страницахъ неспеціальнаго журнала. Но не могу отказать себѣ въ удовольствіи побесѣдовать съ читателемъ о московской флорѣ, руководствуясь этою книгой. Я бы желалъ чтобы онъ убѣдился въ ея достоинствахъ не изъ моихъ словъ, а изъ прямиго знакомства съ нею. Я знаю, что семьсотъ страницъ ключей, латинскихъ названій и сухихъ описаній могутъ испугать любителя естественныхъ наукъ, привыкшаго къ блестящимъ очеркамъ Шлейдена и Льюиса. Поэтому-то я бы желалъ—не передать ему въ легкой формѣ содержаніе этихъ семи сотъ страницъ, ибо это невозможно; но объяснить ему, какъ приступить къ нимъ, но указать на тотъ живой источникъ наслажденія и знанія, къ которому служатъ ключомъ эти сухія опредѣленія, эти скучныя таблицы.

Книги, какъ и люди, бываютъ двоякаго рода: одни, при первомъ знакомствѣ, возбуждаютъ всѣ струны нашего воображе-

вія, удовлетворяють всѣмъ требованіямъ нашего ума. Такіе люди занимательны, какъ романъ, такіа книги увлекательны, какъ живая бесѣда. Встрѣча съ такими людьми — праздникъ, чтеніе такихъ книгъ — наслажденіе. Но эти блестящіе люди, какъ рѣдко они не прѣдаются, но эти блестящіа книги, какъ рѣдко онѣ перечитываются! Есть люди иного рода, скучные на сокровища своего ума, своего знанія. Они на первый разъ скучны; съ ними болтать нельзя: но они всегда готовы помочь вамъ, когда вамъ нужны ихъ умъ и ихъ знаніе. Они говорятъ мало, но всегда говорятъ то что думаютъ и знаютъ то о чемъ они говорятъ. Читатель, желаю вамъ побольше такихъ знакомыхъ. Есть и такіа книги, изъ которыхъ невозможно вычитать разомъ все то что въ нихъ заключается. Эти книги не помогутъ вамъ убить часы празднаго досуга, — онѣ не читаются сами собою. Но какъ только вы начинаете самостоятельно думать о какомъ-нибудь предметѣ, какъ только вы сами зададите себѣ научный вопросъ, — вы должны обратиться къ этимъ книгамъ. Вы знаете, что на нихъ можно положиться. И чѣмъ болѣе вы сами трудитесь, тѣмъ эти книги становятся для васъ драгоценнѣе, тѣмъ необходимѣе. Читатель, желаю вамъ побольше такихъ книгъ въ вашу бібліотеку.

Съ одною изъ нихъ я постараюсь познакомить васъ теперь; но вспомните, что знакомство съ книгами требуетъ иногда нѣкотораго усилія, какъ и знакомство съ людьми.

II.

Джорджъ Льюисъ, въ своихъ *Очеркахъ животной жизни*, начинаетъ свою бесѣду съ читателемъ совѣтомъ: „Купите микроскопъ!“ Я позволю себѣ начать съ другаго совѣта, исполнить который, быть-можетъ, не такъ легко, но за то дешевле: — откройте глаза! Откройте ихъ не для популярныа книгъ, не для журнальныхъ статей, но для окружающаго васъ міра, для того что растетъ и живетъ около васъ. Но наша природа, отвѣтите вы мнѣ, однообразна и бѣдна; она — ничтожный отрывокъ изъ величавой поэмы міроздавія; не привлекательнѣе ли, и вмѣстѣ поучительнѣе, чѣмъ знакомство съ этимъ отрывкомъ, созерцаніе великаго цѣлаго въ художественныхъ трудахъ Гумбольдта и Шлейдена, Лейбеля и Дарвина? Если вы такъ думаете, то это только потому, что вы еще

не открыли глазъ. Природа вездѣ безконечно богата, безконечно разнообразна. Она вездѣ не представляетъ намъ отрывковъ: вездѣ стройныя и полныя картины; лишь наша ограниченная мысль вноситъ въ нее отрывочность и дробность. Прибѣгну къ сравненію. Каждая драма Шекспира конечно вамъ дороже чѣмъ вся необъятная литература объ этомъ писателѣ. Каждая изъ нихъ скажетъ вамъ о немъ болѣе чѣмъ всѣ комментаріи вмѣстѣ взятые. Но это сравненіе хромаетъ, какъ всякое сравненіе, и хромаетъ въ пользу моего совѣта. Шекспиръ былъ человекъ, и человѣческій умъ можетъ приблизиться къ источникамъ и условіямъ его творчества. Въ его дѣятельности есть колебанія, есть противорѣчія. Но вѣчная драма, разыгрывающаяся вокругъ насъ, хотя и односторонна съ нашимъ сознаніемъ, неизмѣримо превышаетъ его своею безконечною стройностію, своимъ неисчерпаемымъ богатствомъ. Повсюду она иная, и повсюду та же. И подъ пальмами тропиковъ, и въ нашихъ словыхъ лѣсахъ, она гласитъ краснорѣчивѣе объ общемъ строѣ природы чѣмъ можно передать буквою или звукомъ, чертежомъ или цифрой. Итакъ, повторяю, откройте глаза.

Не думайте чтобъ это было легко. Я разумѣю тутъ и тѣлесное, и мысленное око, и способность смотрѣть вторымъ черезъ первое. Для этого нуженъ трудъ, для этого нужно терпѣніе. Но какъ жителенъ этотъ трудъ, какъ щедро вознаграждается это терпѣніе!

Я предполагаю, читатель, что вы живете въ средней полосѣ Россіи, и что лѣтомъ вамъ доступны лѣса и болота, дуга и овраги. Лучше было бы, еслибъ они были вамъ доступны съ ранней весны. Въ то время когда улицы нашихъ городовъ затоплены грязью, когда едва зеленѣютъ поля и въ оврагахъ лежитъ глубокій снѣгъ, на пригрѣтыхъ пригоркахъ, на защищенныхъ берегахъ рѣкъ, съ волшебною быстротою возникаетъ обиліе цвѣтовъ, столь же быстро исчезающихъ. Они не похожи на наши лѣтніе цвѣты. Они дышатъ той ускоренною жизненностію, которая налагаетъ особый отпечатокъ на растительность высокихъ горъ и далекаго сѣвера. Я подозреваю, что многія изъ моихъ читательницъ рвали фіалки въ окрестностяхъ Дрездена и на лужайкахъ виллы Дорія-Памфили, и не знаютъ запаха нашихъ родныхъ, прелестныхъ фіалокъ; что многимъ изъ нихъ оранжерейныя дафны болѣе извѣстны чѣмъ наше волчье лыко, съ первыхъ чиселъ апрѣля

наполняющее дѣла упительнымъ запахомъ своихъ розовыхъ цвѣтовъ.

Впрочемъ, всякое время года имѣетъ свои богатства, и тотъ кто ознакомится съ нашею дѣтнею флорой не будетъ имѣть покоя пока не ознакомится и съ весеннею.

Но что значить ознакомиться, и какъ ознакомиться? На это я позволяю себѣ сдѣлать нѣсколько краткихъ указаній.

Всякому извѣстно, что окружающія насъ растенія распадутся на группы состоящія изъ представителей столь же сложныхъ между собою, какъ сѣянка съ растеніемъ произведшимъ ея сѣмя, какъ сѣянки изъ сѣменъ, развившихся изъ одного цвѣтка. Такія группы, которыя въ общепитіи обозначаются неопредѣленными названіями родовъ, породъ и т. д. натуралисты называютъ *видами*. Такую естественную группу, такой видъ, составляютъ, напримѣръ, всѣ елки, всѣ кусты калины, всѣ ландыши, всѣ рыжики. Первое наше дѣло—узнать въ лицо всѣ эти виды, растущіе вокругъ насъ, запечатлѣть въ нашей памяти ихъ обликъ на столько, чтобы мы повсюду могли узнать ихъ представителей. Видѣть съ тѣмъ слѣдуетъ запомнить ихъ имена.

И то и другое—дѣло не легкое. Однихъ цвѣтущихъ растеній (а на нихъ, какъ болѣе удобно распознаваемыхъ, вы прежде всего должны сосредоточить свое вниманіе) въ Московской губерніи до сихъ поръ насчитано 795, и множество изъ нихъ столь схожи между собою, что нужно много вниманія, много терпѣнія, много тщательныхъ сличеній, чтобы научиться замѣчать ихъ тонкія, но постоянныя различія, нужно усиліе памяти, чтобы не спутать ихъ названій. Но зато одно дѣло помогаетъ другому, и оба, сдѣлавныя какъ слѣдуетъ, принесутъ вамъ въ придачу такой запасъ свѣдѣній, который нельзя почерпнуть ни изъ какихъ книгъ, и который дастъ вамъ возможность судить самостоятельно о множествѣ научныхъ выводовъ, теорій и предразсудковъ, которые вы теперь принуждены принимать на вѣру.

Это требуетъ разъясненія. На первый взглядъ можетъ казаться, что всего удобнѣе и проще, для достиженія этого знанія, обратиться къ опытному ботанику, который указалъ бы вамъ на отдѣльные виды, встрѣчающіеся въ вашей мѣстности, и назвалъ бы ихъ вамъ по именамъ. Но не говоря уже о томъ что не всегда имѣется подъ рукою опытный ботаникъ, этотъ пріемъ, дѣйствительно удобный и легкій, совершенно

безплоденъ. Вы неминуемо забудете сказанныя вамъ имена, вы непременно спутаете указанные вамъ формы. Необходимо, чтобы вы сами высмотрѣли различія между этими видами, чтобы вы сами доискались имени, присвоеннаго каждому изъ нихъ.

Прежде всего, два слова о тѣхъ названіяхъ, присканію которыхъ я придаю такое значеніе. Эти названія должны быть непременно латинскія. Это не педагогическій обычай, не ученая прихоть естествоиспытателей, а безусловная необходимость. Ни одинъ живой языкъ въ мірѣ, и латинскій столь же мало, какъ всѣ прочіе, не могъ выработать названій для всѣхъ видовъ животныхъ и растительныхъ населяющихъ страну, гдѣ этотъ языкъ въ употребленіи,—не говоря уже о тѣхъ ста слишкомъ тысячахъ растительныхъ видовъ, которые до сихъ поръ отысканы на всей поверхности земнаго шара. Названія огромнаго большинства видовъ пришлось *сдѣлать*, придумать. Само собою разумѣется, что придумываніе ста слишкомъ тысячъ названій на каждомъ изъ живыхъ языковъ было бы дѣломъ крайне затруднительнымъ, даже вреднымъ. Оно сдѣлало бы невозможнымъ чтеніе иностранныхъ сочиненій объ естественныхъ наукахъ безъ ежеминутныхъ справокъ съ массой лексиконовъ. Но это дѣло невозможно и по другимъ причинамъ. Каждый живой языкъ имѣетъ свои естественно возникшія названія для нѣкотораго числа отечественныхъ видовъ. Но эти названія, во первыхъ, измѣняются по областямъ. Одно и то же растеніе сплошь да рядомъ называется въ Симбирскѣ иначе чѣмъ въ Кіевѣ, въ Сибири иначе чѣмъ подъ Петербургомъ. И наоборотъ, одно и то же названіе прилагается въ разныхъ мѣстностяхъ къ разнымъ растеніямъ. Наконецъ, названіе, въ одной мѣстности прилагаемое къ одному виду, въ другой обозначаетъ цѣлую группу близкихъ между собою видовъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что пользоваться существующими народными названіями для точнаго обозначенія видовъ нельзя. Между тѣмъ вытѣснить ихъ придуманными названіями на томъ же языкѣ было бы предпріа-

томъ *мертвому* языку, для составленія того множества видовыхъ названій, которыя были имъ необходимы. Такимъ общимъ научнымъ языкомъ былъ избранъ или, точнѣе, самъ собою оказался языкъ латинскій. Дѣло въ томъ, что до конца прошлаго столѣтія большая часть научныхъ сочиненій писалась на этомъ языкѣ и до сихъ поръ на немъ пишутся тѣ сочиненія, которыя предназначены для специалистовъ всѣхъ безъ изъятія народностей. Да другаго языка въ такой же мѣрѣ распространеннаго между образованными людьми и не существуетъ.

Итакъ обычай называть растенія латинскими именами основанъ на необходимости. Позвольте мнѣ указать вамъ тутъ же на тотъ прекрасный способъ, которымъ подчинился этой необходимости творецъ новѣйшей терминологіи, Линней, пользуясь при этомъ и духомъ латинскаго языка, и тою свободой, которую онъ предоставлялъ ему, какъ языкъ мертвый.

Всѣ видовыя названія, придуманныя Линнеемъ, и всѣ тѣ, которыя придуманы послѣ него и употребительны до сихъ поръ, состоятъ изъ двухъ словъ, существительнаго и прилагательнаго. Первое, существительное, остается однимъ и тѣмъ же для всѣхъ видовъ, очень близкихъ между собою, составляющихъ естественную группу, которую натуралисты называютъ *родомъ*. Каждый же изъ этихъ видовъ обозначается особымъ прилагательнымъ. Напримѣръ, ольха и олешникъ, какъ вамъ извѣстно, два дерева, имѣющія много общаго, сродныя между собою. Оба обозначаются существительнымъ (родовымъ названіемъ) *Alnus*. Но для обозначенія ольхи къ этому слову прибавляется прилагательное *glutinosa*, для обозначенія олешника прилагательное *incana*. Точно такъ же всѣ виды клевера обозначаются названіемъ *Trifolium*, но бѣлый клеверъ называютъ *T. repens*, красный *T. pratense* и т. д. Выгоды такой номенклатуры очевидны. Впервыхъ, ею значительно сокращается количество именъ, которыя намъ приходится запоминать; вовторыхъ, самыя названія указываютъ намъ на взаимное сродство видовъ, содержа и общее родовое названіе и частное видовое.

Наконецъ, не могу не обратить вашего вниманія и на то обстоятельство, что большинство нашихъ сѣверныхъ растеній сохранило названія, приданныя имъ самимъ Линнеемъ, и что этотъ великій ученый былъ вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ художникомъ. Онъ обладалъ въ высочайшей степени даромъ

придавать своимъ названіямъ благозвучіе и картинность, индивидуальность и мѣткость. Его названія *пристаютъ* къ растеніямъ, какъ пристають къ намъ мѣткія прозвища, которыя мы получили на школьной скамьѣ. Вы оцѣните это достоинство Линнеевскихъ названій, когда всмотритесь въ растенія которыя ихъ носятъ. Вы тогда убѣдитесь, что ничѣмъ не замѣнишь, никогда не забудешь такихъ названій какъ *Anemone nemorosa*, *Melica nutans*, *Primula veris*, *Lychnis Flos sicili*.

Итакъ необходимо знать эти латинскія имена, для того чтобы понять какое-либо сочиненіе относящееся до отечественной флоры и выходящее изъ области общихъ фразъ и туманныхъ приблизительностей, необходимо даже для того чтобы говорить о ней съ другимъ любителемъ ботаники. А для того чтобы дѣйствительно знать ихъ, надобно самому узнать и эти имена, и растенія къ которымъ они прилагаются.

Какъ же за это приняться? Прежде всего надобно ознакомиться съ значеніемъ тѣхъ ботаническихъ терминовъ, которыми обозначаются разные формы и части корня, листа, стебля, цвѣтка, плода, и т. д. Это дѣло чрезвычайно легкое при помощи всякаго элементарнаго учебника ботаники.* Затѣмъ надобно приобрести подробное описаніе флоры, возможно близкой къ флорѣ той мѣстности, въ которой вы живете. Существуютъ подробныя флоры Петербургской губерніи и Остзейскаго края, которыя могутъ вамъ быть полезны; даже всѣ сѣверно-германскія флоры могутъ служить для приступа къ дѣлу. Но для средней полосы Россіи самое удобное безъ всякаго сравненія руководство есть *Московская Флора* г. Кауфмана. Лишь весьма рѣдко, и то не при началѣ вашихъ занятій, встрѣтите вы растеніе, которое въ ней не было-бы описано. Кромѣ этой *Флоры*, вамъ нужна карманная лупа. Другіе инструменты составляютъ роскошь, ихъ всегда могутъ замѣнить тѣ, которые у васъ постоянно подъ рукою: перочинный ножикъ, ножницы, булавки и иголки.

Съ этими свѣдѣніями, съ этими пособиями вы можете приступить къ дѣлу. Я предполагаю, что вы приступаете къ нему раннею весной, когда первые, еще рѣдкіе цвѣты неволью привлекаютъ вниманіе, и глаза еще не разбѣгаются на тысячи разнообразныхъ растительныхъ формъ. Если вы

* Для этого вполне достаточно знакомство съ элементарнымъ руководствомъ г. Григорьева.

живете на западъ отъ Московской губерніи, то однимъ изъ первыхъ цвѣтковъ, которые вы увидите, будетъ бѣлая красивая звѣздочка, качающаяся на тонкомъ стебелькѣ, на которомъ выше цвѣтка сидитъ мутовка изъ трехъ, въ свою очередь, трехраздѣльныхъ листьевъ. Это растеніе въ изобиліи покрываетъ лѣсныя полянки и лужайки между кустарникомъ. Возьмите въ руки книгу г. Кауфмана и откройте ее на первой страницѣ. Вы на ней находите таблицу для опредѣленія семейства. Въ первомъ параграфѣ вы встрѣчаете двѣ альтернативы: растенія съ цвѣтами и растенія безъ цвѣтовъ. Вы, конечно, держитесь первой, которая приводитъ васъ къ параграфу второму. Тутъ новая альтернатива: цвѣтки съ лепестковиднымъ покровомъ или безъ него; вы снова держитесь первой альтернативы, которая ведетъ васъ къ параграфу третьему; опять альтернатива: цвѣтокъ двуполой или однополой. Одинъ внимательный взглядъ на цвѣтокъ, который у васъ въ рукахъ, убѣждаетъ васъ, что въ немъ есть и тычинки, и пестики, слѣдовательно, что онъ цвѣтокъ двуполой. Это ведетъ васъ къ четвертому параграфу, гдѣ альтернатива основана на числѣ тычинокъ, далѣе къ шестому, гдѣ она основана на строеніи пыльниковъ и на взаимномъ отношеніи нитей, къ седьмому, гдѣ она основана на мѣстѣ прикрѣпленія тычинокъ, къ десятому, гдѣ она основана на числѣ пестиковъ, наконецъ, къ одиннадцатому, гдѣ вы уже встрѣчаете альтернативу, основанную на совокупности многихъ, весьма явственныхъ признаковъ, и ведущую къ названіямъ двухъ семействъ: Ranunculaceae и Alismaceae. Сличеніе съ растеніемъ тотчасъ убѣждаетъ васъ, что оно принадлежитъ къ первому изъ этихъ двухъ семействъ. Тутъ уже ссылка на второй отдѣлъ книги, на страницу 13, гдѣ вы находите подробную характеристику семейства Ranunculaceae или лютиковыхъ, которая подкрѣпляетъ ваше убѣжденіе въ томъ, что вы до сихъ поръ шли вѣрнымъ путемъ. Вслѣдъ за тѣмъ

изъ подробной характеристики этого рода, что вы не ошиблись, и затѣмъ третій ключъ, основанный на расположеніи стеблевыхъ листьевъ, на окраскѣ цвѣтовъ, на отсутствіи или присутствіи листьевъ корневыхъ, ведетъ васъ къ видовому названію *Апетопе петогоза*, и къ полной характеристикѣ этого вида, съ указаніемъ мѣстонахожденій его, изображеній въ иллюстрированныхъ изданіяхъ и т. д.

Путь кропотливый и длинный, неправда ли, чтобъ узнать названіе, которое каждый ботаникъ могъ бы вамъ сказать безъ всѣхъ этихъ околичностей? Но, вопервыхъ, благодаря этимъ затрудненіямъ, вы этого имени не забудете; и что еще гораздо важнѣе, вы никогда не забудете самого растенія. Вы не только узнали его имя: вы узнали всѣ подробности его наружнаго строенія: формы, число, расположеніе его листьевъ, цвѣтовыхъ покрововъ, тычинокъ, пестиковъ. Вы даже имѣете понятіе о внутренности его плода. Кромѣ этихъ признаковъ, на которые обратила ваше вниманіе книга, вы узнали много такого, чего въ ней нѣтъ и быть не можетъ. Весь складъ, вся фізіономія растенія запечатлѣлась въ вашей памяти. Это впечатлѣніе драгоцѣнное, и оно тотчасъ вамъ пригодится.

Въ то же время года, если вы поищете хорошенько, вы найдете, въ болѣе защищенныхъ мѣсахъ, около пней, другой цвѣточекъ, который своею фізіономіей тотчасъ напомнитъ вамъ уже знакомую вамъ *Апетопе петогоза*, но съ фиолетово-голубыми лепестками, съ жемчужно-бѣлыми пыльниками, сидящими на вино-красныхъ ниточкахъ. Эти цвѣтки сидятъ на низенькихъ стебелькахъ, поднимающихся среди еще зеленыхъ трехлопастныхъ прошлогоднихъ листьевъ. Новые листья, покрытые серебристымъ пушкомъ, едва начинаютъ развиваться. Вы принимаетесь за ключъ, уже предчувствуя, что вы снова имѣете дѣло съ *апетономъ*. И дѣйствительно. Ключъ семейства доводитъ васъ по тѣмъ же альтернативамъ

доходите до родов *Ranunculus* и *Ficaria*, характеристика которых противорѣчитъ растенію, которое передъ вашими глазами. Вы очевидно ошиблись. Въ вашемъ недоумѣніи, вы обращаетесь къ описанію рода *Anemone*, и что же? Въ первомъ же параграфѣ ключа видовъ вы встрѣчаете альтернативу: „Стеблевые листья маленькіе, дѣльные, сидятъ подъ самымъ цвѣткомъ и напоминаютъ чашечку“ — и эта альтернатива прямо ведетъ васъ къ видовому названію: *Anemone Peratica*. Вамъ разомъ становится ясною причина вашей ошибки: то что вы приняли за вѣнчикъ есть лепестковидная чашечка. То, что вы приняли за чашечку, есть такая же тройственная мутовка листьевъ, какъ та которая сидитъ, но выше на стеблѣ и гораздо болѣе развитая, у *Anemone nemorosa*. Вашъ инстинктъ не обманулъ васъ: вы дѣйствительно имѣли дѣло съ близкою ея родственницею.

Совѣтую вамъ обратить вниманіе на оба эти растенія. Они очень обыкновенны въ западной половинѣ Россіи и постепенно исчезаютъ къ востоку. Такъ *Anemone nemorosa* распространена отъ Архангельска до Подольской губерніи, а уже въ окрестностяхъ Москвы, и вообще на востокъ отъ линіи проведенной между этими двумя мѣстностями, становится очень рѣдкою. Г. Кауфманъ показалъ, что отсутствіе этого растенія совпадаетъ съ болѣе высокою температурою іюля и уменьшеннымъ количествомъ дождя въ этотъ мѣсяцъ въ восточной половинѣ Россіи. Такимъ образомъ, мы обязаны этимъ прелестнымъ украшеніемъ нашей весенней флоры далекому морю, умеряющему континентальный зной и сухость нашего лѣта въ западной половинѣ Россіи, и защищающему наше растеніе отъ высыханія въ такое время, когда всѣ его надземныя части давно исчезли и остаются лишь подземныя его корневища.

Но довольно, покуда, объ анемонахъ. Я полагаю, что теперь, встрѣтивъ какой бы то ни было видъ этого рода, вы тотчасъ признаете его за таковой. Вокругъ васъ еще много цвѣтущихъ растеній. Изъ водъ прудовъ и весеннихъ лужидъ поднимаются жирные стебли съ толстыми, округлыми листьями и густо-желтыми цвѣтами. Другіе желтые цвѣтки, звѣздовидные и блестящіе, въ изобиліи поднимаются надъ густою зеленью, состоящею изъ сердцевидныхъ угловатыхъ листьевъ, выстилающихъ жирную почву влажныхъ лощинъ. Вглядѣвшись въ эти растенія, вы тотчасъ убѣждаетесь, что

они сродны между собою и сродны съ анемонами: но это сродство не такъ близко, не такъ рѣзко, какъ то, которое связываетъ бѣлый анемонъ съ голубымъ. Ключи вашей флоры доводятъ васъ до названій *Caltha palustris* и *Ficaria ranunculoides*, и вы вмѣстѣ съ тѣмъ узнаете, что ихъ взаимное сродство и сродство съ анемонами выражается на ботаническомъ языкѣ причисленіемъ къ одному естественному семейству, къ лютиковымъ (*Ranunculaceae*). Еще нѣсколько такихъ знакомствъ, и признаки этого семейства навсегда врѣжутся вамъ въ память, и вашъ взглядъ до того освоится съ ихъ совокупностію, что вы будете узнавать его представителей прежде даже чѣмъ успѣете разобрать эти признаки.

Этимъ путемъ, медленно и постепенно, узнаете вы, что разумеется на научномъ языкѣ подъ названіемъ видовъ, родовъ, семействъ, и т. д., и узнаете въ лицо всѣхъ представителей этихъ подчиненныхъ другъ другу группъ, растущихъ въ вашей мѣстности. Это потребуетъ не мало времени, не мало и труда. Многія растенія столь рѣдки, что не каждый годъ удастся вамъ ихъ отыскать. Многія опредѣлить трудно: ихъ признаки столь тонки и измѣнчивы, что вы долго не будете замѣчать ихъ видовой особенности, и почувствовать ее, долго не будете въ силахъ связать это темное чувство съ опредѣленными чертами строенія. Нерѣдко вамъ придется осматривать одно и то же растеніе въ разные періоды его развитія, въ почкахъ, въ цвѣту, съ зрѣлыми плодами, чтобы добраться до истиннаго его названія. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вы не обойдетесь безъ справки съ рисунками, безъ совѣщаній съ опытнымъ ботаникомъ и сравненій съ его травникомъ.

Но когда вы доберетесь до этихъ трудностей, вы уже болѣе не будете роптать на нихъ. Ибо, углубляясь въ лабиринтъ научной терминологіи и видовыхъ опредѣленій, вы очутитесь въ томъ волшебномъ мірѣ лѣсовъ и водъ, въ томъ мірѣ неискаженной природы, который, слава Богу, еще существуетъ въ Россіи. Все дальше, все глубже будетъ васъ затягивать этотъ ненаглядный міръ въ самые сокровенные свои закоулки, въ самыя тайныя свои святилища. Вами овладѣетъ тотъ лѣшій, который водить малыхъ дѣтей по лѣвой глуши и насыщаетъ ихъ тамъ гнилушками. Онъ покажетъ вамъ то, что прежде вамъ и не снилось. Съ вашихъ глазъ будетъ падать завѣса за завѣсой. Кажущееся одност-

разіе окружающей васъ природы разобьется передъ вами на неисчерпаемое богатство формъ и явленій. Каждая былинка, каждый листикъ приобрѣтетъ для васъ свой особый, самостоятельный интересъ. Самое незначительное путешествіе будетъ сопровождаться для васъ новымъ рядомъ знакомствъ, новымъ рядомъ открытій. Вашъ изощренный взглядъ среди толпы уже извѣстныхъ вамъ растеній издали будетъ угадывать еще незнакомыя вамъ формы. Различія, прежде для васъ несуществовавшія, будутъ восхищать васъ своею изящною тонкостью и строгою ограниченностью своихъ колебаній. Но этого мало. Чѣмъ отчетливѣе и рѣзче будутъ выступать передъ вами отдѣльныя черты этой картины, тѣмъ же очевиднѣе будетъ вамъ становиться ихъ внутренняя связь, тѣмъ несомнѣннѣе законная необходимость и законченность цѣлаго. Все яснѣе будетъ обрисовываться передъ вами общій характеръ вашей родной флоры, ея сущность, далеко не исчерпывающаяся числомъ и свойствомъ видовъ, входящихъ въ ея составъ.

Это требуетъ объясненія. Встрѣчая одни и тѣ же растенія на тысячахъ мѣстахъ, вы замѣтите безконечное разнообразіе въ ихъ группировкѣ относительно другъ друга и относительно питающей ихъ почвы. Начиная съ *Lysimachia nummularia*, которая можетъ расти и подъ водою, и на сухой глинѣ, и оканчивая монотропою, развивающеюся только на гниющихъ листьяхъ извѣстныхъ деревьевъ, вы найдете всѣ переходы отъ крайней покладливости до крайней взыскательности растеній относительно почвы. Начиная съ растущихъ мириадами злаковъ нашихъ луговъ и кончая тѣми рѣдкими орхидеями, которыхъ находка составляетъ особое счастье, вы найдете всѣ степени обилія и скудости представителей одного и того же вида. Эти постепенности невозможно выразить словами; выраженія: обыкновенный, рѣдкій, разбросан-

составляютъ то что мы называемъ характеромъ растительности, то что придаетъ ей особый, мѣстный отпечатокъ, что въ общихъ чертахъ удается передать искусству, но чего до сихъ поръ не успѣла выразить въ опредѣленныхъ формахъ наука.

А между тѣмъ именно тутъ-то и открывается обширное, безконечное поприще ея изысканіямъ. Неисчерпаемая красота, которою природа одѣла свои равнины и горы, свои лѣса и воды не есть дѣло сдѣлаго случая, не есть субъективная игра нашего ума и воображенія. Въ ней сказывается намъ то, чего не постигнуть нашему уму, чего не придумать нашему воображенію. Она видимый символъ того глубокаго, всеобъемлющаго единства, которое вмѣстѣ и связываетъ всю природу цѣпью сродства, и разбиваетъ ее на воспоминающія другъ друга противоположности. Мы до сихъ поръ знаемъ лишь мало объ этой внутренней связи живыхъ существъ. Лишь въ немногихъ случаяхъ удалось намъ прослѣдить нѣкоторыя изъ взаимодѣйствій, которыми поддерживается жизнь, которыми обуславливаются формы организмовъ, сближенныхъ въ пространствѣ. Но того, что мы знаемъ, достаточно чтобы видѣть сколько намъ предстоитъ узнать, достаточно чтобы прозрѣть въ живомъ населеніи данной мѣстности цѣльный неразрывный организмъ, зависящій въ своемъ составѣ и отправленіяхъ, въ высшей инстанціи отъ общихъ климатическихъ вліяній, но ближайшимъ образомъ и быть-можетъ еще въ большей мѣрѣ, отъ бесконечно-сложнаго и тонкаго равновѣсія своихъ взаимодѣйствующихъ элементовъ.

Эти элементы суть виды. Но само собою разумѣется, что виды высшихъ цвѣтущихъ растений, на которыхъ мы сосредоточили пока свое вниманіе, составляютъ лишь часть того цѣлаго, которое насъ окружаетъ. Въ его составъ входятъ и всѣ низшіе представители растительнаго царства и всѣ пред-

большей части флоры (въ томъ числѣ и въ флорѣ г. Кауфмана) они описываются рядомъ съ высшими растеніями. Отъ нихъ вы непременно, рано или поздно, перейдете къ еще болѣе низкимъ формамъ, къ мхамъ, лишаямъ, грибамъ, играющимъ такую важную роль въ составѣ нашихъ сѣверныхъ флоръ, дополняющихъ ихъ болѣе крупныя черты тысячью мелкихъ черточекъ, исполненныхъ изящества и значенія.

А нѣжныя улитки, населяющія эти мхи своими явтарными раковинками, а безчисленная семья насѣкомыхъ, этихъ враговъ и друзей нашихъ любимыхъ растеній, этихъ воздушныхъ красавцевъ, которыхъ вы будете видѣть на каждомъ шагу, не чинно наколотыхъ на булавахъ, но въ полномъ блескѣ жизни, въ полномъ разгарѣ ихъ хапотливой, таинственной дѣятельности? Если вы полагаете, что вы долго останетесь равнодушными ко всему этому, то вы ошибаетесь. Вашему любопытству не будетъ конца: оно будетъ увлекать васъ все дальше, дальше.... Я уже предупредилъ васъ, что вы попали въ власть лѣшаго.

Кто этотъ лѣшій? Это безконечный говоръ сосновыхъ боровъ, это свѣтъ и тѣнь въ лѣсной глуши, на нѣжной зелени папоротниковъ и мховъ, это таинственный запахъ въ первый разъ вами найденнаго цвѣтка, это причудливая растительность, поднимающаяся къ вамъ со дна медленно текущей рѣки, это жужжаніе сверкающей мушки, которая неуловимо кружится передъ вами по цвѣтущей травѣ, это примиряющая стройность всего этого міра красокъ и звуковъ, движеній и ароматовъ, это все то, что прежде навѣвало вамъ на душу сладостныя, но неопредѣляемыя ощущенія, но теперь задѣваетъ всѣ ея струны, выступая передъ нею во всей отчетливости, во всемъ неизмѣримомъ богатствѣ своей чарующей красы. Великое цѣлое развернуло передъ вами свои созвучныя частности, и каждая изъ нихъ возвращаетъ васъ къ созерцацію великаго цѣлаго.

Когда вы доживете до такого знакомства съ окружающею васъ природой, тогда, быть-можетъ, чтеніе популярныхъ книгъ и статейъ утратитъ для васъ много своей прелести.

обрѣтеть для васъ самый животрепещущій интересъ. Всякая флора и фауна европейской страны, даже простой списокъ растений изъ мѣстности, вамъ неизвѣстной, сдѣлается для васъ источникомъ размышленій и соображеній. Наконецъ, тѣ общія теоретическія сочиненія, въ которыхъ съ знаніемъ дѣла разбираются коренные вопросы науки, каковы значеніе видовыхъ формъ и систематическаго сродства, законы распространенія организмовъ по земной поверхности и ихъ взаимодѣйствій — сочиненія, которыя и прежде читались вами съ любопытствомъ, приобретутъ для васъ новый, неслажающій интересъ. Вы будете въ силахъ отлечать прочные выводы отъ выводовъ гипотетическихъ, и взвѣшивать степень вѣроятности этихъ послѣднихъ. У васъ будетъ мѣрило для повѣрки того значенія, которое придаютъ разные писатели разнымъ разрядамъ фактовъ; выраженія: измѣнчивость, постоянство, типъ, сродство, перестанутъ быть для васъ отвлеченными формулами. Географія растений перестанетъ быть для васъ мертвою статистикой. Вы поймете всю драгоценность указаній, которое мы можемъ почерпнуть изъ геологической исторіи растительнаго царства и вмѣстѣ съ тѣмъ всю шаткость общихъ выводовъ, которые можно построить на сравненіи ея скудныхъ данныхъ съ необъятнымъ матеріаломъ современной намъ растительности.

Тогда же станетъ для васъ излишнимъ приведенный мною выше совѣтъ Льюиса, ибо вы и безъ него, и непремѣнно, купите себѣ микроскопъ.

III.

Убѣжденіе, что живое населеніе каждой страны, составъ ея флоры и фауны зависитъ не единственно отъ вліянія нѣкъ дѣйствующихъ климатическихъ и почвенныхъ условій;

Декадоля, Бронна и Дарвина была она поставлена выше всякаго сомнѣнія. Какъ это всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда новое научное воззрѣніе заставляетъ насъ взглянуть иными глазами на давно извѣстные намъ факты, это новое пріобрѣтеніе общаго естествознанія разоблачило передъ нами наше глубокое незнаніе относительно цѣлаго міра явленій, происходящихъ вокругъ насъ, возбудило цѣлый рядъ самыхъ интересныхъ вопросовъ. Замѣтимъ тутъ же, что для разработки этихъ вопросовъ, едва ли какая-либо европейская страна представляетъ такое удобное и богатое поприще, какъ Россія. Ея обширная, однообразная равнина, при богатой разнородности почвъ, представляетъ намъ самые нечувствительные переходы отъ полярнаго климата къ умеренно-теплому, отъ океаническаго къ континентальному. Она не пересѣкается никакими рѣзкими естественными преградами, которыя, какъ высокіе горные хребты или морскіе проливы, могли бы препятствовать расселенію животныхъ и растеній. Поэтому тутъ представляется намъ неопѣванный случай изучать дѣйствіе тѣхъ взаимодѣйствій организмовъ, которыми усиливается рѣзкость и видоизмѣняется очертаніе климатическихъ границъ каждаго вида; тутъ представляется не менѣе драгоцѣнный случай взвѣсить то значеніе, которое имѣетъ для современнаго намъ распредѣленія видовъ ихъ распредѣленіе въ давнопрошедшія времена; ибо прежнія преграды уже не существуютъ, и всѣ пути для расселенія открыты.

Когда всѣ мѣстныя флоры европейской Россіи будутъ описаны съ тою полнотою и тщательностію, съ которою г. Кауфманъ обработалъ московскую флору, тогда на всѣ эти вопросы прольется яркій свѣтъ. Но уже одинъ его трудъ, безпрестанно касаясь отношеній центральной флоры Россіи къ флорамъ его окраинъ, содержитъ столько важныхъ указаній, вызываетъ на столько интересныхъ соображеній, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи сообщить читателю нѣкоторыя изъ нихъ.

Прежде всего, я обращаю его вниманіе на тѣ растенія, которыхъ распредѣленіе по Московской губерніи равномерно и повсемѣстно. Къ такимъ растеніямъ, въ строгомъ смыслѣ, едва ли можно причислить какія-либо иныя, кромѣ растеній чисто-водныхъ и такихъ которыя требуютъ для своего развитія непосредственную близость водъ. Такія растенія, какъ и вообще всѣ прѣсноводные организмы, отличаются обшир-

ностью своей области распространения: ни одно изъ нихъ не находитъ своей границы въ Московской губернии, всѣ они встрѣчаются въ ней повсюду, гдѣ имъ представляется удобная для нихъ среда — стоячая или медленно-текущая вода.

Изъ нихъ особенно интересны растенія совершенно погруженные въ воду или поднимающія надъ нею лишь поверхность своихъ листьевъ и свои цвѣтки. Всѣ эти растенія имѣютъ особую, странную физиономію, рѣзко отличающую ихъ отъ ихъ наземныхъ сосѣдей. По внѣшнему складу, по общему облику, мы можемъ раздѣлить ихъ на три группы. Къ первой мы отнесемъ растенія съ погруженными, тонко раздѣленными перистыми или лапчатыми листьями, какъ бы подражающими правильному развѣтвленію елоковъ и хвощей. Сюда относятся водные лютики (*Ranunculus divaricatus* и *R. fluitans*) нѣжно-зеленныя урути (*Myriophyllum verticillatum* и *M. spicatum*), пузырчатка (*Utricularia*) носящаяся въ водѣ, поддерживаемая особыми воздушными пузырьками, развѣщенными на ихъ кружевныхъ листьяхъ, богато вѣтвящаяся *Hottonia palustris* и темно-изумрудный елевидный рооголистникъ (*Ceratophyllum demersum*). Всѣ эти растенія принадлежатъ къ обширному классу двусѣмянодолевныхъ. Вторую группу составляютъ растенія съ широкими цѣльными листьями, плавающими на поверхности воды, какъ наши кувшинки (*Nymphaea* и *Nuphar*) великолѣпный тѣлорѣзъ (*Stratiotes aloides*) и водокрасъ (*Hydrocharis morsus-gallinae*). Третью группу составляетъ почти исключительно многочисленная семья рдестовъ (*Potamogeton*) развивающихся и подъ водою изобиліе широкихъ, цѣльныхъ, волнистыхъ листьевъ. Остальныя водныя растенія: болотники (*Callitriche*), ряски (*Lemna*) и т. д., болѣе или менѣе отличаются по складу отъ этихъ группъ или, приближаясь къ нимъ, составляютъ между ними переходы. Это богатство разнообразныхъ формъ, эти рѣзкія противоположности и придаютъ нашимъ подводнымъ ландшафтамъ ту причудливую прелесть, которой мы стараемся подражать въ нашихъ акваріяхъ.

Этотъ особый отпечатокъ, лежащій на нашей водной флорѣ, конечно, въ нѣкоторой мѣрѣ зависитъ отъ среды, въ которой она развивается. Такъ столь обыкновенное въ двусѣмянодолевныхъ водныхъ растеніяхъ мелкое раздѣленіе листьевъ, безъ сомнѣнія, находится въ связи съ ихъ погруженіемъ. На это указываетъ примѣръ близкаго къ нашимъ вол-

нымъ лютикамъ *Ranunculus aquatilis*, подымающаго надъ водою часть своихъ листьевъ, которые при этомъ принимаютъ форму выемчатой пластинки, между тѣмъ какъ погруженные листья сохраняютъ свое витевидное раздѣленіе. Эти подводные листья словно лишены сумержья, и состоятъ только изъ листовыхъ жилокъ, что подтверждается примѣромъ одного мадагаскарскаго растенія (*Ouvirandra fenestrata*), погруженные листья котораго, сохраняя цѣлность своихъ краевъ, по мѣрѣ своего развитія теряютъ сумержье лежащее между жилками и, наконецъ, превращаются въ зеленую, кружевную рѣшетку. Можно думать, что это тонкое расщепленіе листовой пластинки особенно полезно воднымъ растеніямъ, увеличивая ту поверхность, посредствомъ которой они принимаютъ необходимый для ихъ пищи кислородъ, котораго (свободное) количество въ водѣ, сравнительно съ атмосферою, такъ незначительно.

Но однимъ вліяніемъ среды нѣтъ возможности объяснить своеобразный характеръ нашей водной флоры. Тутъ можетъ помочь намъ слѣдующее соображеніе. Всѣ водныя растенія окрестностей Москвы не только распространены по всей Россіи, но общи ей съ большинствомъ европейскихъ странъ. Большая часть изъ нихъ была также найдена въ Сибири, въ сѣверной Америкѣ, на южномъ побережьи Средиземнаго моря. Этого мало. Наши раски общи Старому Свѣту, тропической Америкѣ и Новой Голландіи. Нашъ болотникъ (*Callitriche palustris var. verna*) найденъ и въ Индіи, и въ Чили и на островѣ Керговеленѣ. Краса нашей водной флоры, *Stratiotes aloides* плаваетъ и на прудахъ Кунцова и на водахъ острова Явы! Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести еще болѣе.

Такое громадное распространеніе прѣсноводныхъ растеній есть одинъ изъ тѣхъ фактовъ, которые необъяснимы вліяніемъ нынѣ дѣйствующихъ условій. Оно принуждаетъ насъ допустить, что расселеніе ихъ произошло въ такое время, когда между разрозненными областями, занимаемыми ими теперь, существовали пути сообщенія, нынѣ прерванные, когда климатическія условія на землѣ были болѣе однообразны чѣмъ теперь. По этому предположенію, прѣсноводныя растенія были бы формы чрезвычайно древнія, сохранившіяся отъ минувшихъ геологическихъ эпохъ въ средѣ, умѣрающей тѣ крайности, которыя съ тѣхъ поръ развились въ климатѣ воз-

духа. Прѣсныя воды еще въ другомъ отношеніи представляютъ среду, удобную для сохраненія, въ неизмѣняемомъ или мало измѣняемомъ видѣ, формъ древнихъ. Совокупность ихъ на каждомъ материкѣ составляетъ площадь, ничтожную въ сравненіи съ площадью суши, въ особенности если мы вспомнимъ, что тутъ не идутъ въ счетъ глубокія озера, такъ какъ растенія развиваются только въ мелководья. Но первымъ условіемъ быстрого видоизмѣненія мы должны считать просторъ, обиліе недѣлимыхъ, столкновеніе со множествомъ другихъ организмовъ. Всѣ эти условія соединяемы на сушѣ, и въ моряхъ, но ихъ соединеніе въ прѣсныхъ водахъ невозможно. Эти воды представляютъ такія же замкнутыя области, какъ океаническія острова, и, какъ эти острова, могутъ сохранить на долгія времена одно и то же, неизмѣнное населеніе.

Къ тѣмъ же заключеніямъ объ относительной древности прѣсноводныхъ флоръ ведетъ насъ свойство и составъ нашей погруженной растительности. Она вообще состоитъ изъ видовъ, стоящихъ невысоко, или даже весьма низко, по сложности и совершенству своей организаціи. Между ними не встрѣчается ни одно изъ тѣхъ растеній съ нижнею завязью и спайнолепестнымъ вѣтчикомъ, которыя, безъ сомнѣнія, представляютъ самый новый, самый совершенный элементъ современной намъ растительности и составляютъ такой огромный процентъ во всякой наземной, въ особенности же континентальной флорѣ. Водные представители наземныхъ семействъ стоятъ несомнѣнно ниже своихъ сродниковъ, растущихъ на сушѣ. Нѣкоторыя семейства, исключительно свойственныя водамъ, можно разсматривать какъ низшія степени развитія другихъ наземныхъ семействъ. Въ такомъ отношеніи находится семейство *Elatineae* къ звѣробойнымъ, болотниковыя къ семейству молочаевъ, ряски къ початковымъ. Нѣсколько водныя растенія представляютъ намъ по

находились въ непосредственномъ соприкосновеніи. Достаточно допустить, что сообщенія между ними были легче чѣмъ теперь. Дарвинъ, съ свойственнымъ ему остроуміемъ и отчетливостію, указалъ * на тѣ, повидимому случайныя, причины, которыя, въ теченіи долгихъ вѣковъ, могутъ обусловить далекое расселеніе прѣсноводныхъ растений. Но даже допуская вполнѣ дѣйствительность этихъ непостоянно дѣйствующихъ причинъ (occasional means), мы все-таки должны приписать прѣсноводнымъ организмамъ глубокую древность, если хотимъ объяснить этими причинами ихъ теперешнее расселеніе. Въ книгѣ г. Кауфмана, мы находимъ интересное указаніе на то, какъ медленно дѣйствуютъ причины этого рода, когда самая организація растений, ихъ сѣмень и т. д. не приспособлена спеціальнымъ образомъ къ далекимъ переселеніямъ.

Въ числѣ растений встрѣчающихся въ Московской губерніи только на южной ея окраинѣ, по берегамъ Оки, есть малая группа видовъ, представляющихъ въ своемъ распредѣленіи по Россіи разительную особенность. Эти растения (*Veratrum Lobelianum*, *Veronica incana*, *Archangelica officinalis*, *Petasites spurius*, *Artemisia procera*), весьма распространены на югъ отъ Московской губерніи, въ ней исчезаютъ, и въ ближайшихъ къ ней на сѣверъ мѣстностяхъ также не находятся. Между тѣмъ, еще сѣвернѣе, они появляются снова, оставая такимъ образомъ въ области своего распространенія обширный пробѣлъ. Особенно разительно это относительно *Veratrum Lobelianum* и *Archangelica officinalis*. Первое изъ этихъ растений, распространенное по всей южной половинѣ Россіи, быстро рѣдѣетъ въ Московской губерніи и не встрѣчается ни въ Тверской, ни въ Ярославской, ни въ Петербургской губерніи. Между тѣмъ, на востокъ отъ Москвы, это растеніе подвигается все болѣе къ сѣверу, доходитъ на Уралѣ до 67° сѣверной широты, и затѣмъ распространяется по побережью Бѣлаго моря до Финляндіи. Точно также *Archangelica officinalis*, не доходящая въ Московской губерніи до Москвы, снова появляется въ финской Лапландіи и на сѣверномъ Уралѣ! Подобный, но менѣе обширный пробѣлъ замѣчается въ области распространенія остальныхъ трехъ вышеназванныхъ растений. Такіе перерывы необъ-

* О происхожденіи видовъ. Гл. XII.

явными вліяніемъ нынѣ дѣйствующихъ климатическихъ и почвенныхъ условій, которыя въ сѣверной половинѣ Россіи измѣняются чрезвычайно медленно и постепенно. Ихъ можно объяснить только дѣйствіемъ геологическихъ переворотовъ, вѣкогда уничтожившихъ эти растенія въ части ихъ прежде сплошной области, переворотовъ, о которыхъ, по изслѣдованіямъ Пандера, свидѣлствуютъ и очертанія земной поверхности между Москвою и Петербургомъ. Но эти пробѣлы доказываютъ въ то же время, какъ медленно происходитъ иногда естественное расселеніе растеній даже тамъ, гдѣ это расселеніе не встрѣчаетъ естественныхъ преградъ. Всѣ эти виды, столь сносливые относительно климатическихъ условій, конечно, могли бы расти по всей области лежащей между ихъ сѣвѣрною и южною полосой: между тѣмъ, они сохраняютъ то распредѣленіе, которое было имъ придано событіями, лежащими за предѣлами всякой исторіи.

Эти интересныя растенія послужатъ намъ переходомъ къ наземной флорѣ Московской губерніи, къ флорѣ нашихъ лѣсовъ и равнинъ. И тутъ едва ли найдется одно растеніе, исключительно свойственное этой ограниченной области. Правда, г. Кауфманъ описалъ въ своей книгѣ до тридцати формъ, прежде и въ цѣлыхъ мѣстахъ никѣмъ не найденныхъ; но нѣтъ никакихъ причинъ предполагать, чтобъ эти новыя формы встрѣчались только въ Московской губерніи. Впрочемъ, область распространенія почти каждаго изъ этихъ наземныхъ растеній несравненно ограниченаѣе области нашихъ водныхъ космополитовъ; и тотъ способъ, которымъ эти области подходятъ къ Московской губерніи, пересѣкаются ея границами или охватываютъ ихъ, разбиваетъ нашу флору на множество элементовъ, и ихъ разнообразныя сочетанія опредѣляютъ тѣ тысячи отгнѣнковъ, которые представляетъ растительность на разныхъ точкахъ нашей губерніи.

Составъ флоры и фауны, населяющихъ умирѣнные пояса нашего сѣвернаго полушарія, тѣ причины, которыми обусло-

маги, и т. д., которые мы соединяемъ подъ общимъ названіемъ климата, полагають распространенію каждаго вида границы, которыхъ онъ не можетъ перейти безъ помощи чловѣка, безъ искусственной защиты. Но при этомъ оказалось, что едва ли существуетъ растеніе, занимающее вполнѣ свою климатическую область, что большинство изъ нихъ занимаетъ лишь долю того пространства, на которомъ господствуютъ выгодныя для нихъ климатическія условія. Этотъ загадочный фактъ привелъ къ убѣжденію что есть, кромѣ климатическихъ, другія условія опредѣляющія разселеніе растеній на земной поверхности, и новѣйшему естествовѣднію удалось указать на нѣкоторыя изъ такихъ условій.

Сюда, прежде всего, относится геологическая исторія той мѣстности, которую населяетъ данная флора, тѣ климатическія и географическія вліянія, которымъ она подвергалась въ давноминувшія времена. Мы уже видѣли частный примѣръ этого вліянія; но оно отразилось и въ чертахъ болѣе широкихъ, общихъ всему сѣверному полушарію.

Геологическіе памятники единогласно свидѣтельствуютъ о значительномъ холодѣ, господствовавшемъ въ нашемъ полушаріи въ началѣ геологической эпохи, длащейся и понынѣ. Этотъ холодъ, доводившій берега Средиземнаго моря до климата нынѣ свойственнаго Скандинавіи и Финляндіи, этотъ ледовой періодъ, какъ называютъ его геологи, послѣдовалъ съ вѣковой медлительностію за эпохою, въ которой температура нашего полушарія была гораздо выше нынѣшней, въ которой острова, окружающіе полюсъ, были покрыты богатой растительностію. Понятно, что при медленномъ охлажденіи полюса, эта растительность, какъ и растительность всѣхъ поясовъ нашего полушарія, должна была медленно подвигаться къ югу, оставляя за собою лишь тѣ гибкія формы, которыя могли приладиться къ новому полярному климату. Но охлажденіе продолжалось. Все дальше на югъ отодвигались растительныя пояса, все бѣднѣе становилась полярная флора. Наконецъ и она не могла устоять противъ юзрастающаго холода и двинулась къ югу, а за нею на сѣверную Европу и Америку надвинулись вѣчные снѣга.... Но за этою геологическою зимой послѣдовала весна. Медленно и постепенно стали отступать къ полюсу вѣчные льды, и вслѣдъ за ними стали подвигаться къ старымъ своимъ пеллищамъ растительныя пояса. Но они ихъ не достигли. Тем-

пература нашего полушарія не возвысилась до той степени, которую имѣла она до ледоваго періода. Полюсь остался покрытымъ льдами, и потомки нѣкогда населявшихъ его растеній должны были остановиться въ умѣренныхъ поясахъ Старога и Новаго Свѣта. Сѣверные же пояса этихъ материковъ населились тѣми арктическими формами, которыя сложились подъ вліяніемъ наступающаго холода и послѣдвія уступили ему. Обратное шествіе этихъ растеній съ юга на сѣверъ оставило по себѣ живой, краснорѣчивый памятникъ. Уходя отъ наступавшаго тепла, они не только подвигались къ сѣверу, но также подымались на горы, по мѣрѣ того, какъ ихъ склоны освобождались отъ снѣга, представляли имъ убѣжище болѣе холодное чѣмъ равнины. До сихъ поръ Пиренеи и Альпы, Балканъ и Кавказъ представляютъ намъ множество растеній, населяющихъ также плоское побережье сѣвернаго Океана. Алтай имѣетъ растенія общія съ равнинами сѣверной Сибири, горы Соединенныхъ Штатовъ растенія Лабрадорскія, межъ тѣмъ какъ промежутокъ между этими горами и сѣверными равнинами занятъ совсѣмъ иною растительностію.

Какъ же отразились эти долги страствованія, эти далекія переселенія на обликъ нашихъ сѣверныхъ растеній, на складъ и составъ нашихъ сѣверныхъ флоръ? Чѣмъ продолжительнѣе было страствованіе, чѣмъ дальше переселенія тѣмъ болѣе видоизмѣнились растительныя формы, тѣмъ дальше разошлись онѣ между собою, подъ дѣйствіемъ разнообразныхъ условій. Флоры умѣренныхъ поясовъ Америки, Европы и Азии сохранили общее сродство, слѣдствіе ихъ общаго происхожденія, въ давнія времена, изъ одного полярнаго источника; но разошлись въ видовыхъ, иногда родовыхъ признакахъ своихъ представителей. Флоры холодныхъ по-

двѣяныя никакими естественными преградами, въ значительной мѣрѣ сгѣшались между собою и незамѣтно переходятъ одна въ другую. Наконецъ, арктическія флоры всѣхъ материковъ сѣвернаго полушарія также не подвергаются разобщенію. Почти непрерывный вѣнедь суши охватывающій полюсъ отъ береговъ Норвегіи до восточныхъ береговъ полярной Америки, позволялъ множеству формъ распространяться равномерно вдоль всего арктическаго круга.

Эти общія замѣчанія были необходимы, чтобъ объяснить тотъ историческій интересъ, который представляетъ наша московская флора, чтобъ указать на значеніе, на роль ея отдельныхъ элементовъ.

Московская губернія лежитъ достаточно близко къ сѣверу, чтобъ представлять намъ образчики той общей арктической флоры, которая охватываетъ весь полюсъ и разбросана осколками по горамъ южной Европы. Къ ней относится прежде всего множество приводныхъ и болотныхъ растеній, общихъ нашимъ топямъ и тундрамъ арктической Европы, Азии и Америки. Однообразная семья осокъ, одѣвающая своею жесткою зеленью тѣ бѣдыя, пропитанная влагою почвы, на которыхъ не удерживаются болѣе вѣжныя травы, составляетъ значительную долю этой группы. Впрочемъ, всѣ эти растенія, связанныя съ присутствіемъ капельно-жидкой влаги въ почвѣ, участвуютъ въ привилегіи обширнаго распространенія, которою пользуются растенія водныя. Болѣе характеристичны для арктической флоры, болѣе рѣзко отмѣчены печатью сѣвера тѣ мелкіе вѣчно-зеленые кустарники московскихъ лѣсовъ и болотъ, которые повторяютъ въ миниатюрѣ роскошныя формы южныхъ рододевроновъ, азалеи и лапландскихъ деревьевъ (*Clethra*). Я говорю о нашихъ брусничкахъ, клюквѣ, голубикѣ; къ нимъ примыкаетъ одурающе-пахучій багульникъ, этотъ бѣлый рододевровъ въ малыхъ размѣрахъ, предестыя андромеды, изъ которыхъ одна (*A. polifolia*) распускаетъ свои фарфоровыя, бѣлорозовыя цвѣты на ярко-карминныхъ стебелькахъ и исторгла у Линнея и Валленберга, среди строго-научныхъ описаній лапландской флоры, строки, исполненныя живой поэзію; далѣе разнообразныя грушанки (*Rugola*) между которыми блещетъ бѣлоснѣжная душистая одноцвѣтная (*R. uniflora*), наклоняющая надъ мхами свой причудливый, крупный цвѣтокъ. Рядомъ съ ними надобно назвать родственницу вьющихся жимолостей южной

Европы, вѣжную Линнею (*Linnaea borealis*), опутывающую своими ползучими стебельками мшистые пни во всѣхъ странахъ близкихъ къ сѣверному полюсу, и повсюду напоминающую прелестью своихъ розовыхъ колокольчиковъ, своимъ тонкимъ запахомъ смѣшаннымъ изъ горькаго миндаля и ванили, о томъ великомъ имени, которое стоитъ у порога новѣйшаго естествознанія.

Всѣ эти растенія истинныя дѣти сѣвера. Когда гонимые возрастающими холодами, вѣчнозеленые, пышно-цвѣтушіе кустарники и деревья на вѣки оставили высокія широты для болѣе теплыхъ поясовъ земнаго шара, они оставили за собою этихъ унаследованныхъ потомковъ, сохраняющихъ, подъ защитою глубокихъ снѣговъ, свой неуывающій уборъ. Внимательный глазъ легко улавливаетъ въ нихъ черты, общія съ ихъ южными сродниками, и умственный взоръ увлекается ими за предѣлы пространства и времени, чтобы вернуться освѣженнымъ къ созерцанію окружающей насъ природы.

Есть и другія растенія, которыя заходятъ къ намъ изъ общей сокровищницы арктической флоры. Двѣ прелестныя травки нашихъ лѣсовъ, чуткая кислицка, складывающая свои листья при малѣйшемъ сотрясеніи, подобно тропической мимозѣ, хотя и медленнѣе ея, и серебристыя звѣздочки троещинцы (*Trientalis europaea*), щеголяющія въ своихъ тычинкахъ рѣдкимъ числомъ *семь* — также растенія арктическія. Едва заходящая въ Московскую губернію моротка (*Rubus chamaemorus*) заставляетъ насъ сожалѣть о еще болѣе сѣверной Мамурѣ (*R. arcticus*), которая останавливается за предѣлами нашей флоры.

Всѣ эти растенія и многія другія, относящіяся къ этому же разряду, распределены неравномѣрно по Московской губерніи. Они встрѣчаются обильно лишь въ сѣверной ея ча-

количество тепла. И действительно, исчезновение сѣверныхъ растений къ югу находится въ связи съ возрастающею теплотою, но въ связи гораздо менѣе простой чѣмъ можетъ показаться на первый взглядъ. Дѣло въ томъ, что всякое изъ этихъ растений, посаженное въ удобномъ мѣстѣ за южною границей своего естественнаго распространенія, можетъ развиваться вполне, принести цвѣты и плоды. Но предоставленное само себѣ, такое растение неминуемо погибнетъ, въ одномъ изъ первыхъ своихъ поколѣній, не отъ дѣйствія климатическихъ условій, но отъ столкновения съ новыми, чуждыми ему растеніями, оспаривающими у него мѣсто, и на борьбу съ которыми оно не имѣетъ средствъ. Такимъ образомъ, не прямое дѣйствіе климата, а вызванное имъ измѣненіе флоры полагаетъ распространенію сѣверныхъ растений границы гораздо болѣе тѣсныя чѣмъ тѣ, въ которыя заключаютъ ихъ атмосферныя условія.

То же самое можно сказать относительно сѣверныхъ границъ растений южныхъ, хотя здѣсь, быть-можетъ, прямое дѣйствіе климата обнаруживается рѣзче. Въ южныхъ уѣздахъ Московской губерніи встрѣчается нѣсколько кустарниковъ (*Cytisus Ratisbonnensis*, *Prunus Chamaeagasus*, *Rhamnus Cathartica*) и множество травъ, которыхъ нѣтъ въ сѣверныхъ ея уѣздахъ. Изъ этихъ растений нѣтъ ни одного, которое не выносило бы вполне климата этихъ сѣверныхъ уѣздовъ, котораго мы не могли бы разводить въ нихъ безо всякой искусственной защиты отъ холода. Этого мало: наши сады переполнены растеніями, свойственными несравненно болѣе теплымъ климатамъ чѣмъ наши, которыя прекрасно выносятъ наши зимы безъ покрывки, лишь бы мы ихъ освобождали отъ сосѣдства сорныхъ травъ. Какъ только мы упускаемъ эту предосторожность, законные обладатели нашей

онѣ будутъ оспаривать пищу у ихъ корней, свѣтъ у ихъ листьевъ и цвѣтовъ; онѣ будутъ засыпать почву мириадами своихъ сѣменъ, будутъ загашивать ихъ всходы, и черезъ немного лѣтъ прищавцы исчезнутъ безъ слѣда. Для того чтобы сохранить чужеземную флору нашего искусственнаго дуга, надобно безпрестанно повторять посѣвы.

Этому приему научаетъ насъ не одинъ опытъ: ему же учитъ насъ и наблюденіе надъ явленіями природы. Не одинъ человѣкъ переносить сѣмена растений изъ края въ край, изъ климата въ климатъ. Теченія воздуха и теченія водъ и далекіе походы переселяющихся животныхъ безпрестанно уносятъ сѣмена растений далеко отъ тѣхъ мѣстъ гдѣ они созрѣли. Изъ этихъ дѣятелей самый дѣйствительный, ибо самый постоянный, есть теченіе водъ, и по преимуществу теченіе рѣкъ. Альпійскіе потоки, унося съ собою годъ за годомъ сѣмена горныхъ растений, населяютъ ими равнины, въ которыхъ они не могли бы держаться, еслибы ежегодно новые посѣвы не пополняли ихъ рѣдѣющихъ полчищъ. Флора Московской губерніи представляетъ намъ разительный примѣръ подобнаго процесса, впервые обнаруженный изслѣдованіемъ г. Кауфмана.

Подвигаясь отъ Москвы къ югу, мы, одно за другимъ, встрѣчаемъ нѣсколько растений до нея не доходящихъ: но появленіе этихъ растений не можетъ измѣнить общаго характера растительности, общаго облика флоры. Но подвигаясь къ берегамъ Оки, вступая въ область ея заливныхъ луговъ, мы вдругъ встрѣчаемся съ цѣлою вереницею растений, чуждыхъ нашимъ лугамъ, поражающихъ насъ блескомъ своихъ цвѣтовъ и особенностью своего склада. Тутъ въ изобиліи встрѣчается ярко-карминная гвоздика съ цвѣточками, собранными въ головку (*Dianthus polymorphus*), широколиственная чеме-

везапно изъ Московской губерніи въ болѣ южный климатъ и флору Орловской губерніи. Замѣчательнѣе всего то обстоятельство, что они исчезаютъ и на югъ отъ Оки, чтобы снова и постепенно появиться гораздо южнѣе. Между тѣмъ, какъ явствуетъ изъ тщательнаго изслѣдованія г. Кауфмана, въ почвѣ береговъ Оки нѣтъ никакой особенности, объясняющей эту своеобразную флору, а объ особенныхъ климатическихъ условіяхъ, свойственныхъ столь узкой полосѣ, не можетъ быть и рѣчи.

Взглядъ на карту Россіи объяснить намъ эту странность. Прежде чѣмъ повернуть къ востоку, Ока течетъ прямо съ юга на сѣверъ и доходитъ до границы Московской губерніи съ запасомъ сѣмь такихъ растений, которыя въ ней не встрѣчаются. Эти сѣмена во время половодья оставляются ею на поемныхъ лугахъ, и повтореніе этихъ посѣвовъ въ теченіи вѣковъ придамо береговой флорѣ Оки тотъ южный характеръ, которымъ она отличается отъ береговыхъ флоръ всѣхъ прочихъ нашихъ рѣкъ. Этотъ величественный опытъ, производимый самою природою, лучше всего доказываетъ намъ, что дѣйствительныя границы распространенія растений съ юга на сѣверъ гораздо тѣснѣе тѣхъ предѣловъ, которые полагаютъ ему климатъ.

Но въ Московской флорѣ, точно также какъ и во всякой другой, мы можемъ отличить не только тѣ элементы, которые принадлежатъ сѣверу и югу, но и тѣ, которые носятъ на себѣ отпечатокъ востока и запада. Понятно, что тутъ контрасты менѣе сильны, разграниченіе труднѣе. Общее происхожденіе всѣхъ флоръ, растущихъ подъ одинаковыми умѣренными широтами сѣвернаго полушарія, сходство температурныхъ условій, которымъ онѣ подвергаются, налагаютъ на нихъ неизгладимую печать близкаго сродства. Тѣмъ не менѣе долгія времена, истекшія съ эпохи происхожденія этихъ флоръ изъ общаго источника, тѣ значительныя различія, которыя существуютъ между климатами одинаковой широты, смотря по формѣ земной поверхности, по очертаніямъ морей и суши, успѣли произвести значительныя различія между флорами, населяющими отдѣльныя полосы каждаго изъ умѣренныхъ поясовъ. Флора Соединенныхъ Штатовъ совсѣмъ иная по видамъ и отчасти родамъ, чѣмъ флора южной и умѣренной Европы и флора средней Азіи. Такое же различіе существуетъ и между двумя послѣдними

флорами или, напримѣръ, между флорами Англiи и сѣвернаго Китая. Но между флорами умѣренныхъ поясовъ Европы и Азiи не существуетъ тѣхъ непроходимыхъ преградъ, которыя полагаютъ океаны между таковыми же флорами Старога и Новаго Свѣта. Сплошная суша, обширныя равнины, представляющія всѣ переходы между крайне-континентальнымъ и крайне-океаническимъ климатомъ, позволяютъ флорамъ умѣренныхъ поясовъ Старога Свѣта смѣшиваться между собою, постепенно переходить и переливаться одна въ другую. Отсюда отсутствіе рѣзкихъ границъ между флорами Европы и Азiи, отсюда безпрестанный обмѣнъ, давшійся тысячелѣтія и не прекратившійся донынѣ.

Флора Московскои губерніи, по общему своему характеру, принадлежитъ къ западнымъ океаническимъ флорамъ Старога Свѣта. Наши лѣса состоятъ изъ европейскіихъ деревьевъ, въ нашихъ лугахъ преобладаютъ европейскія травы. Но мы уже недалеко отъ той области, гдѣ эти деревья замѣняются сибирскою лиственницею и сибирскимъ кедромъ, гдѣ исчезаютъ многія западныя травы, уступая мѣсто формамъ, свойственнымъ континентальному востоку. Кромѣ азіатскіихъ растеній доходящихъ до центральной Европы (какъ напримѣръ, *Cytisus Ratisbonnensis*) и останавливающихся болѣе или менѣе далеко отъ ея западной окраины, наша губернія представляетъ намъ нѣсколько видовъ, находящихся въ ней своей западной предѣлъ. Сюда относится краса Московскои флоры, *Surgipedium guttatum*, прелестная орхидея, спорящая блескомъ красокъ и изяществомъ формъ съ своими тропическими сродниками, душистое Божье-дерево—даръ привоажскіихъ степей, сибирскіи гераніи, своеобразная *Agavis pendula*, и многія другія. Точно также наступающія континентальныя условія останавливаютъ въ Московскои губерніи распространеніе многихъ европейскіихъ растеній къ востоку. Я уже упоминалъ о рѣдкихъ въ ней Анемонахъ (*A. nemorosa* и *hepatica*). Г. Кауфманъ исчисляетъ еще нѣсколько такихъ растеній, и списокъ ихъ вѣроятно увеличится при болѣе подробномъ изученіи мѣстныхъ флоръ,

постоянно отъ запада къ востоку, какъ измѣняется отъ сѣвера къ югу количество тепла.

Открытіе Америки имѣло слѣдствіемъ водвореніе многихъ американскихъ растеній въ Европу и обогащеніе американской флоры еще несравненно большимъ количествомъ формъ европейскихъ. Въ окрестностяхъ Москвы въ изобиліи растеть канадская сорная травка (*Erigeron canadense*), впервые ввезенная въ Европу въ семнадцатомъ столѣтіи посредствомъ сѣменъ, случайно приставшихъ къ птичьему чучелу. Красивая американская зютера (*Oenothera biennis*) убираетъ своими крупными палевыми цвѣтами крутые берега Москвы рѣки. Третье американское растеніе (*Nicandra physaloides*), давно водворившееся въ западной Европѣ, уже начинаетъ попадаться подъ Москвою въ одичаломъ состояніи. Въ Старомъ Свѣтѣ на нашей памяти произошли многіе обмѣны при посредствѣ человѣка. Алтайское *нетронъ-меня* (*Impatiens parviflora*) изъ ботаническихъ садовъ Женевы и Дрездена распространилось по окрестностямъ этихъ городовъ. Наша свербига, въ прошломъ столѣтіи неизвѣстная въ западной Европѣ и поэтому названная Линнеемъ *Bunias orientalis*, была занесена русскими походами 1813 и 1814 года на дуга Германіи и Франціи, и водворилась на нихъ — памятникъ болѣе прочный чѣмъ бронзовые памятники наполеоновскихъ побѣдъ.

Такимъ образомъ сѣверъ и югъ, востокъ и западъ, близкая современность и далекое прошлое, соединяють въ каждой флорѣ свои разнообразныя дары, пестря цвѣтущій покровъ полей, убирая почву тѣнистыхъ лѣсовъ живымъ контрастомъ восполняющихся взаимно красотою. Но рядомъ съ растеніями которыхъ происхожденіе намъ извѣстно, какъ много такихъ, которыхъ источники и распространеніе загадочны? Откуда взялись тѣ сорныя травы, которыя повсюду преслѣдуютъ человѣка отъ Гренландіи до Бразиліи, отъ Европы до Австраліи? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно дать вѣроятный отвѣтъ, въ другихъ онъ невозможенъ. Да и относительно растеній, которыхъ происхожденіе намъ извѣстно, кто возьмется утверждать, что вполнѣ объяснено очертаніе ихъ границъ? Всѣмъ подобнымъ вопросамъ суждено разъясняться постепенно и медленно, по мѣрѣ подробнаго изученія мѣстныхъ флоръ, фізіологическихъ особенностей отдѣльных растеній, и тѣхъ соотношеній, которыми они связаны между

собою, съ царствомъ животныхъ и съ явленіями воздушнаго круга. Нѣтъ сомнѣнія, что особенно поможетъ развѣщенію этихъ вопросовъ ботаническое изученіе европейской Россіи, этого обширнаго перепутья между сѣверомъ и югомъ, востокомъ и западомъ, этого широкаго простора, на которомъ естественная группировка флоры и фауны не нарушается ни морскими проливами, ни цѣпами высокихъ горъ, этой страны климатическихъ оттѣнковъ и безконечнаго разнообразія почвы.

Само собою разумѣется, что эта бѣглая попытка указать на составъ московской флоры не имѣетъ притязанія удовлетворить ваше любопытство относительно окружающей насъ растительности. Я буду счастливъ, если мнѣ удастся сколько-нибудь возбудить его намеками на тѣ сокровища живой красоты, которыя у насъ всегда подъ рукою, на тѣ безконечные горизонты, которые открываются передъ нами при ихъ созерцаніи. Никакіе перечни, никакія описанія не въ силахъ дать понятія о томъ, какъ слагаются въ нашихъ лѣсахъ, на нашихъ лугахъ разнообразныя элементы нашей флоры, о томъ тонкомъ изяществѣ, съ которымъ скрывается въ нихъ ихъ происхожденіе, ихъ исторія. Передать словомъ тѣ тихія радости, которыми сопровождается постепенное знакомство, постепенное сродненіе съ окружающею насъ природою, нѣтъ никакой возможности. Не въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя мы можемъ почерпнуть изъ книгъ, лежатъ онѣ. Онѣ рождаются отъ непосредственнаго общенія съ тѣми міромъ явленій, изъ котораго наука до сихъ поръ выхватила и привела во временный порядокъ лишь бѣды крохи. Не въ общихъ сухихъ формулахъ, которыми мы принуждены выражать законы природы, сказывается намъ ихъ величіе, ихъ Божественная мудрость: она раскрывается передъ нами лишь въ безконечномъ богатствѣ ихъ частныхъ воплощеній, въ созвучіи этихъ неисчерпаемыхъ разнообразій. Итакъ, будемъ всматриваться и вслушиваться. Нѣтъ цѣotka на поляхъ, нѣтъ травки въ лѣсахъ, которая не могла бы намъ о несовершенствѣ нашихъ научныхъ обобщеній, не свидѣтельствовала бы о тысячахъ дивныхъ, таинственныхъ законахъ, еще отъ насъ сокрытыхъ, но уже восхищающихъ насъ гармоническою совокупностію своихъ проявленій.

Существуетъ повѣрье, что въ Иванову ночь, таинственно,

неуловимо, распускается на папоротникъ волшебный цвѣтокъ. Много трудовъ надобно подвять, чтобъ его увидѣть; много дивныхъ силъ и невиданныхъ сокровищъ даются его счастливому обладателю. Этотъ волшебный цвѣтокъ, онъ действительно цвѣтетъ, невидимый непосвященному глазу, для того, кто съ любовью и терпѣніемъ умѣетъ его искать. Много лѣтъ придется ему блуждать по пустыннымъ луговымъ, во сумраку лѣсовъ, много цвѣтковъ придется ему вопрошать испытующимъ взоромъ—и лишь послѣ долгихъ исканій, послѣ долгихъ трудовъ, таинственно и неуловимо, распухнетъ для него дивный цвѣтокъ, распухнетъ въ немъ самомъ и озаритъ волшебными лучами все то что темно и безцвѣтно для непосвященнаго взора, придастъ его зрѣнію силу, проникающую время и пространство, охватывающую разнородное и разлагающее цѣлое, раскроетъ передъ нимъ сокровища, которыя и не снятся равнодушной толпѣ. Этотъ цвѣтокъ, этотъ таинственъ, этотъ ключъ къ живой природѣ есть *знаніе*, но не то мертвое знаніе, которое выражается словами и почерпается изъ книгъ: это знаніе непосредственное, охватывающее съ одинаковою любовью и тѣ черты природы, которыя удалось наукѣ уловить и выразить определенными формулами, и тѣ тысячи сторонъ ея, которыя до сихъ поръ ускользаютъ отъ всякаго опредѣленія, не умѣщаются въ наши научныя перегородки, но столь же краснорѣчиво гласятъ намъ своею вѣчною красотой о вѣчномъ законѣ, о безконечномъ совершенствованіи.

С. РАЧИНСКИЙ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕРГЪЯ НИКОЛАЕВИЧА ГЛИНКИ *

(отъ 1775 до 1800 года)

V.

Быстро промелькнули для меня три года въ первомъ возрастѣ; счастливая звѣзда блеснула надо мною и во второмъ: любовь и вниманіе встрѣтилъ я въ надзирателѣ нашемъ Леблягѣ. Но объ немъ поговорю далѣе, а здѣсь припомню, что когда вышелъ въ свѣтъ отчетъ Неккера о доходахъ Франціи, то Петръ Петровичъ Фромандье, показывая мнѣ эту книгу, сказалъ: во Франціи будетъ нѣчто необычайное. Въ ней дѣйствительно приближался политическій переломъ; насталъ переломъ и въ бытіи души моея.

При торжественныхъ нашихъ экзаменахъ присутствовалъ и старшій внукъ Екатерины. Когда мы готовились къ одному изъ нихъ, архимандритъ нашъ самъ предоставлялъ мнѣ спрашивать о богопознаніи естественномъ. Я не только не робѣлъ, но заранѣе условился съ товарищами вмѣстѣ съ вопросами со-
судителю и старшій внукъ Екатерины.

бочнаго сына *Кромвеля*. Переводъ нестерпимъ; но десятилѣтній ребенокъ думаетъ ли о слогахъ?

Давно сказано, что первая прочитанная книга, которая дѣйствуетъ на воображеніе, рѣшаетъ нашу участь. По собѣсти говоря, начальники наши были очень добросовѣстны и доброжелательны. Какъ же судить о такой опрометчивости и несообразности? Бываетъ, что и очень смышленные люди попадаютъ въ просакъ отъ неспохватливости въ соображеніяхъ. Переводъ *Клеветенда* печатанъ былъ въ корпусной типографіи: Переводчикъ не сполна за него заплатилъ, отъ чего и удержаны были нѣсколько экземпляровъ. Куда же ихъ дѣвать? Включить въ списокъ подарковъ и для блеска натиснуть золотые орлы на переплетахъ, а потомъ, при торжественной вылачкѣ, сопровождаемой звуками трубъ, подарить романъ Сергѣю Глинкѣ за придежаніе и за вопрошеніе катихизиса. А я, впившись въ нелѣпости и бредни романической розказни, сроднясь прежде богатыря нашего вѣка, прежде Наполеона, съ островомъ Елены, мыслію перелетѣлъ за Океанъ, и по вершинѣ скалы Еленской гонялся за Фанни, героиней романа; и сердце мое превратилось въ романъ. Мечты любви сблизили меня съ слезами; горько плакалъ я когда, въ началѣ третьей части романа, читалъ и перечитывалъ слѣдующія слова: „Теперь пускаюсь въ непредѣльный Океанъ моихъ злоключеній. Начинаю повѣствованіе, при которомъ отъ плача не могу удержаться и которое, конечно, извлечетъ слезы у моихъ читателей.“ Плакалъ ли переводчикъ при этихъ строкахъ, не знаю; но я плакалъ и рыдалъ. Прощай классное ученіе, прощайте карандаши, перья и грифели! Мечтательное воображеніе до того заподонило меня, что я заивался слезами отъ сказки о Бовѣ Королевичѣ, читая, какимъ образомъ дѣвка-чернавка спасла молодаго королевича отъ зависти и злобы его гонителей; на зарѣ жизни моей и въ дѣта неопытности узналъ я, какъ голосъ правоты вступается въ сердцѣ человѣческомъ за гонимую невинность. Въ этомъ разгулѣ мечтаній и въ бурномъ переворотѣ души моей пришло время ученія грамматикѣ. Какими-то дикими звуками отозвались въ слухъ моему *склоненія и спряженія*. Сердце мое скакало къ мечтамъ. Бредъ воображенія часъ отъ часу усиливался. Въ зимнее время, когда вой мятежей и трескъ морозовъ сгонялъ насъ со двора, кружокъ товарищей усаживался около меня для слушанія сказокъ и собственныхъ

моихъ вымысловъ. Услыша призывный звонокъ къ ужину, а говорилъ: „ну, братцы, помните, на чемъ я оставовиася“; и на другой вечеръ я опять пускался въ даль небылицъ. Часто мечтались мнѣ на яву и во снѣ по ночамъ какіе-то привидѣнія, и призраки. Словомъ: ничто вещественное меня не занимало и не прельщало. Крайне сталъ я небреженъ въ одеждѣ, за что и прослылъ разгильдяемъ.

Между тѣмъ, когда я разгуливалъ въ романтизмъ, умеръ генералъ Пурпуръ, начальникъ корпуса подъ главнымъ вѣдѣніемъ Бецкаго. Для него семейство его и кадеты было одно. Лицо его было отраженіемъ его кроткой души. Не заглядывая въ пути окольные, онъ открытымъ сердцемъ служилъ Екатерину и дѣйствовалъ по мысли и сердцу Бецкаго. Къ нему можно приписать то что Лафонтенъ сказалъ о смерти мудраго: „смерть его была тихимъ вечеромъ для яснаго“. На мѣсто его поступилъ графъ де-Бальменъ, сановитый и умный. Въ это время въ русскихъ полкахъ военные люди составляли два разряда: одни были приверженцами графа Задунайскаго, а другіе князя Таврическаго. Графъ де-Бальменъ перешелъ въ корпусъ изъ-подъ знаменъ послѣдняго и съ приверженностью къ нему. Одинъ изъ сыновей графа былъ въ послѣдствіи въ числѣ секретарей генерала Бонапарта на островѣ Св. Елены и женился на дочери англійскаго намѣстника острова. Онъ разказывалъ мнѣ, что однажды Наполеонъ отправлялъ во Францію запечатанное письмо, въ которомъ просилъ о присылкѣ ему бѣлья. Требовали вскрытія печати; Наполеонъ отвѣчалъ: „лишусь послѣдней рубашки, но не соглашусь на рабское условіе“. Получа тайно доковъ сыновнихъ волосъ, Наполеонъ цѣловалъ его и плакалъ.

Графу де-Бальмену, мы, кадеты втораго возраста, успѣли дать одинъ только праздникъ; мы подносили ему и вѣнки, и

Карломъ V, заключаѣ уловожія отъ имени князей имперскихъ; но извѣстно, что онъ былъ родственникомъ Екатерины и ея генералъ-адъютантомъ. Наружность графа: ростъ высокій и стройный, прическа короля прусскаго; зеленый мундиръ съ простыми обшлагами, бѣлые суконные панталоны, ботфорты *объ одной шпорѣ*. А отчего? оттого что въ Семилѣтнюю войну графъ не успѣлъ надѣть другой. „За это, говоритъ онъ, — я самъ наказалъ себя, чтобы помнить, какъ надобно всегда быть готовымъ къ дѣлу.“ Кроткая его душа свѣтилась во всѣхъ чертахъ его лица; проглядывалъ въ нихъ и умъ Фридриха II, страстно имъ любимаго. По катонскому мадычеству надъ собою, онъ даже не употреблялъ платка. Но онъ былъ строгъ только къ себѣ. Я это изобразилъ въ надписи къ его портрету:

„Какъ пѣхотный онъ отъ кадетъ всегда любя,
„Былъ Титомъ для другихъ, Катономъ для себя.“

Никогда не изъяслялъ онъ никакаго порыва нетерпѣнія, а я видѣлъ его почти каждый день, а иногда и по два раза. Извѣстно было только объ одной его ссорѣ съ княземъ Таврическимъ. Онъ вызывалъ его на поединокъ. А гдѣ? не могу сказать утвердительно. Задунайскій былъ его героемъ; онъ первый передалъ намъ его имя. „Запишите, говорилъ онъ, — запишите имя графа Румянцева и въ тетрадахъ вашихъ, и въ памяти, и въ сердцахъ. Онъ былъ кадетомъ, пусть будетъ онъ для васъ образцомъ на путяхъ военной службы. Фридрихъ II любилъ и уважалъ его, хотя онъ и взялъ Кольбергъ. Герои уважаютъ героев.“

Графъ Ангальтъ жилъ за Невой, въ домѣ графа Григорія Григорьевича Орлова, но казалось, что тамъ онъ былъ временнымъ жильцомъ, а въ корпусѣ всегдашнимъ. Несмотря ни на какую погоду спѣшилъ онъ въ корпусъ. Дневальный у Невы говоритъ: „нельзя“. Графъ Ангальтъ показываетъ свою генералъ-адъютантскую трость и возражаетъ: „можно“. Настилаютъ доски, и онъ первый переходитъ по зыблющей поверхности льда. Вотъ, онъ уже въ корпусной залѣ, кадеты бѣгутъ къ нему и окружаютъ его, и онъ говоритъ: „Дѣти мои, любезные дѣти! товарищи, любезные товарищи! Ёду къ вамъ, выхожу изъ кареты, спускаюсь на Неву; меня останавливаютъ, говорятъ: темно. Приказываю привести фонарь; говорятъ: ледъ чуть сталъ! Приказываю настилать

доски, и я у васъ, и я съ вами! Воетъ вѣтеръ; знобитъ морозъ, но мнѣ не холодно. Любовь все согрѣваетъ; трудъ побѣждается трудомъ. Для васъ мнѣ все легко. Въ мирѣ вещественномъ нѣтъ свѣта безъ тѣла; въ мирѣ нравственномъ наши обязанности наше солнце; при блескѣ его мы идемъ съ душою чуждою гордости, а еслибы и встрѣтилась тѣмъ, то скромность ее отдалить. Одушевляйтесь величіемъ этихъ обязанностей; знайте ихъ, понимайте, выражайте ихъ дѣлами, сердцемъ и умомъ. Обильный источникъ благодати обтекаетъ сердце человѣческое, черпайте изъ него. Предусматривайте, предупреждайте. Солнце свѣтитъ не для себя, но для вселенной. Все дружба, все для дружбы и вездѣ дружба. Заниматься наукою и не любить человѣчество, все то же что зажечь свѣчу и зажмуриться. Безумецъ на высокой чредѣ подобенъ человѣку стоящему на вершинѣ горы: всѣ кажутся ему оттуда карликами, а онъ самъ карликъ. Чваниться порою предковъ, значить доискиваться плодовъ въ корняхъ, забывъ, что они растутъ на вѣтвяхъ цвѣтущихъ, а не во мракѣ подземельномъ. Зажигательное стекло воспламеняется огнемъ небеснымъ; добродѣтель и просвѣщеніе свѣтильники жизни. Убѣдитесь, дѣти мои, въ этой мысли. Добрая воля душа труда. Не расточайте времени; оно ткань жизни. Courage, le coeur à l'ouvrage, courage! Страхъ есть глупость; а люблю русскую поговорку: *не бось* (не бойся). Достоинство, а не порода, не богатство, не степени блистательныя составляютъ человѣка; прахъ поднимаемый вѣтромъ, все прахъ; а алмазъ и въ пыли не теряетъ цѣны своей. Истинная слава подруга истиннаго достоинства. Воспитаніе нѣжная мать. Оно усваиваетъ цвѣтами путь ученія. Идите за мною этимъ путемъ. Мнѣ пріятно, мнѣ сладко дѣлиться съ вами мыслію, душою, сердцемъ. Вы въ мысли, вы въ душѣ, вы въ сердцѣ моемъ.“

Такъ начиналъ и такъ оканчивалъ рѣчи свои графъ Федоръ Евстафьевичъ Ангальтъ, и это все изображено было на корпусной садовой стѣнѣ, названной графомъ *говорящею стѣною*.

Въ исходѣ седьмага года моего пребыванія въ корпусѣ, свидѣлся я съ отцомъ и не узналъ его. Вотъ какъ это было. Петръ Петровичъ Фромандье, съ которымъ я уже познакомилъ моихъ читателей, позвалъ въ свои комнаты меня и брата моего Николая.

— Вотъ пріѣзжіи изъ Смоленска; онъ хорошо знакомъ съ батюшкою и матушкою вашею.

Мы спросили, здоровы ли наши родители.

— Здоровы, отвѣчалъ онъ,—и прислали вамъ гостинецъ.— Тутъ слезы брызнули изъ глазъ нашего отца, и мы бросились въ его объятія. Сердце наше откликнулось на голосъ отца, и вмѣстѣ съ тѣмъ обновилось въ памяти нашей все прежнее, родное. Припомню здѣсь и то что было тогда въ родномъ моемъ городѣ, Смоленскѣ. 1787 года Екатерина вторично посѣтила его. Князь Таврическій былъ сдѣланъ въ то время главнымъ начальникомъ войскъ и флота. Графъ Румянцовъ возвратился тогда къ войску, и какъ будто собственною волею своею, если не подчинился Потемкину, то во всемъ съ нимъ совѣтовался. За эту скромность Державинъ назвалъ его Камилломъ. Вмѣстѣ съ Потемкинымъ возвышалось и дворянство смоленское. Три брата Храповицкіе были главными его членами. Старшій, Платонъ Юрьевичъ, былъ совѣстнымъ судьей и пріѣзжалъ императрицу слѣдующею рѣчью:

„По духу учрежденій вашихъ о губерніяхъ, смоленское дворянство избрало меня въ совѣстные судьи. Вы, всемогущійшая государыня, вы первая изъ царей земныхъ, оказали явную довѣренность къ совѣсти человѣческой. Сей подвигъ увѣковѣчить имя ваше на трудномъ поприщѣ законодателя народовъ. Но передъ лицомъ вашимъ признаюсь откровенно, что я весьма затруднялся въ началѣ моихъ дѣйствій. По новости необычайнаго вашего узаконенія, инымъ казалось, что кто по совѣстному суду признаетъ свой искъ и свое дѣло несправедливыми, тотъ виновенъ и противъ совѣсти. По возможности разумѣнія моего, старался я убѣждать тяжущихся, что сила вашего узаконенія состоитъ въ томъ, чтобы совѣсть была сама судьей, и въ случаѣ недоумѣнія, помогала бы собственнымъ своимъ сознаніемъ. Затруднялся я и съ другой стороны. Получивъ воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ и находясь потомъ въ военной службѣ, я не могъ заняться изученіемъ законовъ, котораго также требуетъ ваше правило о совѣстномъ судѣ. При первомъ шагѣ моемъ въ новую для меня должность, я посвятилъ себя сему ученію и чего не могъ сообразить самъ, о томъ всегда совѣтовался съ людьми опытными. Величайшею для себя наградомъ почитаю, что предъ лицомъ вашимъ и въ присутствіи дворянства могу сказать, что доселѣ никто не жаловался на совѣстный судъ.“

— Благодарю васъ, отвѣчала Екатерина, — вы повели мнѣ моего узаконенія и исполняете его.

Между тѣмъ императрица, узнавъ что предъ прїѣздомъ ея у совѣстнаго судьи родилась сынъ, сама вызвалась быть восприемницею его отъ купели и сказала губернатору: „я сама-ла, что у него домашнее училище для бѣдныхъ дворянъ и желаю его видѣть. Пусть онъ ѣдетъ къ себѣ, завтра въ двѣнадцатомъ часу буду у него; но пусть онъ по совѣсти оставить все такъ, какъ у него идетъ изо дня въ день, а не дѣлаетъ никакихъ приготовленій. Изъ этого можно что-нибудь заключить, а изъ приготовленій увидишь только что тебя ждали.“ Такъ все и было. Отъ купели Екатерина посѣтила и училище. Былъ урокъ русской исторіи, изъ записокъ катедра русскои исторіи сочиненныхъ Екатериною и напечатанныхъ въ *Собесѣдникѣ*. Она сказала смѣясь:

— Ну, гдѣ же совѣсть?

Хозяинъ отвѣчалъ: — Вотъ росписъ нашимъ учебнымъ днямъ и часамъ.

— Итакъ, это счастливый день для сочинительницы, приговорила Екатерина.

Храновицкїй представилъ ей тетради русскои исторіи, гдѣ, сообразно съ ея повѣствованіемъ о русокихъ князьяхъ, прибавлены были краткія подробности о современныхъ имъ чужеземныхъ владѣльцахъ. Екатерина осталась всѣмъ очень довольна и пожелала, чтобъ и другіе достаточные помѣщики, для пользы, подражали его примѣру.

Не забыла Екатерина и перваго смоленскаго губернскаго предводителя И. Я. Пovalo-Швейковскаго. Въ это время, то-есть 1787 года, онъ былъ уже въ отставкѣ и страдалъ подагрой, почему и не могъ быть при общемъ представленіи дворянъ императрицѣ. Она немедленно спросила о причинѣ его отсутствія, и когда ей доложили что онъ слабъ ногами, сказала: „пусть онъ назначить часъ, и прїѣдетъ запросто.“ Иванъ Яковлевичъ назначилъ десять часовъ утра, что и было утверждено императрицею. Ласково усадивъ своего бывшаго оратора, Екатерина угощала его кофеемъ и шеколадомъ. Вечеру былъ балъ; старшая дочь Ивана Яковлевича танцевала. Л. А. Нарышкинъ подошелъ къ ней и шепнулъ ей на ухо: „Императрица на васъ смотритъ, императрица вами занимается.“ Известно, что Л. А. Нарышкинъ былъ острякъ и забавникъ, и слова его часто принимались за шутку.

Это происходило у ломбернаго стола, за которымъ игралъ И. И. Шуваловъ. Видя недоумѣніе дѣвицы Швейковской, Шуваловъ обратился къ ней и сказалъ: „Это правда: государыня на васъ смотритъ, и вы послѣ танцевъ подойдите къ ней.“ Это было исполнено, и Екатерина подарила ее ласковымъ привѣтомъ.

Былъ праздникъ и отцу моему, Наканунѣ отъѣзда Екатерины изъ Смоленска, Л. А. Нарышкинъ представилъ ей отца моего, который явился съ сельскою хлѣбъ-солью.

— Матужка, сказалъ Левъ Александровичъ, — бывшій капитанъ-исправникъ хочетъ васъ задобрить: вы напечатали въ *Собесѣдникъ*, что несмотря на учрежденіе губерній, просителямъ все еще нужно ѣздить по дѣламъ въ Петербургъ; онъ это прочиталъ и берется быть странчимъ у своихъ бѣдныхъ сосѣдей; отобразъ у нихъ просительныя грамоты, ѣдетъ туда самъ.

— Онъ хорошо дѣлаетъ, отвѣчала Екатерина, — и я благодарю его. Я установила суды не на вѣчность, а на время. * Опытъ и время покажутъ что въ нихъ хорошо и что надо отменить. А впрочемъ, дай Богъ болѣе охотниковъ на добрыя дѣла.

Екатерина и судьба лелѣли тогда Смоленскъ. Отправка хлѣба и пеньки въ Ригу и за море, доставляла средство безъ крайняго изнуренія сохи удовлетворять роскоши и модажъ, распространившимъ у насъ прихотливое владычество свое.

Такъ было въ свѣтъ, а въ корпусѣ все шло своимъ чередомъ. Я сказалъ выше, что въ затворническихъ стѣнахъ его былъ и театръ. На немъ явилась Вольтерова трагедія *Брутъ*. Въ это время наступилъ мнѣ одиннадцатый годъ; узналъ я тогда и скалу Тарпейскую, и сенатъ римскій, и всемірное обладаніе Рима, и какъ будто переселился въ древній Римъ. Первые лица въ трагедіяхъ представляли съ жаромъ, выраженіемъ и душою: Чернышъ, близкій по уму и сердцу графу

тельностью и прежде времени кончили жизнь, но не въ корпусѣ, а въ вихрѣ шумнаго большого свѣта. Чернышъ былъ въ чужихъ краяхъ, общалъ съ блестящимъ дипломатомъ и исчезъ въ бурѣ страстей года черезъ четыре по выходѣ изъ корпуса. Железниковъ, страстный любитель Расина и Фенелона, Тасса и Петрарки, умеръ въ молодости. Озеровъ, вызвавшій на театрѣ и шотландскаго барда Оссiana, и савца Эдипа, и героя Домскаго, отжилъ при жизни и сошелъ въ могилу или отъ собственного воображенія, или отъ стрѣлъ зависти, неразлучною тѣнью слѣдующей за достоинствомъ и дарованіемъ. Голосъ добродѣтели древняго Рима, голосъ Цицилиановъ и Катонъ, громко откликался въ юныхъ и мысляхъ и душахъ кадетъ. Были у насъ свои Катоны, были и подражатели доблестей древнихъ Грековъ. Былъ у насъ Катонъ, Гине, поступившій изъ кадетъ въ корпусные офицеры и учителя математики. Еслибъ онъ былъ на мѣстѣ Регула, то вѣроятно ему довелось бы проситься у сената римскаго пахать и обрабатывать вилу свою. Кромѣ жалованья, не было у него ничего, но былъ у него братъ, цѣнный имъ выше всѣхъ сокровищъ. Взаимная ихъ любовь какъ будто осуществила Кастора и Поллукса; но эти герои баснословны; а на поприщѣ исторической любви братской Гине сталъ на ряду съ Катонъ Старшимъ, который на три предложенные ему вопроса: кто лучший его другъ? отвѣчалъ: братъ, братъ и братъ! Братъ Гине, служившій въ Кронштадтѣ, опасно занемогъ. Эта вѣсть была для него ударомъ. Были трескучіе морозы крещенскіе. Самей не на что было нанять, и нашъ Гине-герой отправился по заливу пѣшкомъ, въ сапогахъ, но безъ носковъ. Можно было бы взять и сапоги теплые и деньги. Но что такое просить? одолжаться. Древній Римлянинъ терпѣлъ, а не просилъ. Съ небольшимъ

мнѣнствъ, которыхъ, какъ я уже сказалъ, готовили въ учителя, не преграждая имъ однакоже и другихъ путей службы. въ очень успѣлъ въ языкахъ и страстно любилъ музыку. сто съ восхищеніемъ слушалъ я русскія пѣсни, оживленна смычкомъ его и глубокою чувствительностью. Сердце и обонь указали ему подругу въ весѣ жизни, умъ и душа вѣдали въ голубыхъ ея глазахъ. Природа все дала ей, а дѣла ничего. Блаженствуя взаимною любовію, Петровъ еще мѣше занялся уроками, служившими для него единственнымъ средствомъ къ жизни. Ходьба по городу и непрестанное напряженіе духа повергли его въ жестокую болѣзнь, а вѣрства поглотили выработанное трудомъ. Онъ выздоровѣлъ для новаго горя. Мѣста его заняты были другими читателями. Въ эти тяжелые дни онъ самъ носилъ воду, рубилъ дрова и продажей послѣднихъ книгъ добывалъ хлѣбъ для своего семейства, никогда не прибѣгая къ сторонней помощи. Горе жизни испытываетъ любовь, и если не убьетъ я, то дастъ ей новый полетъ. Лѣтъ десять тому назадъ я видѣлъ честнаго и прямодушнаго Петрова, продолжавшаго свои учительскія занятія.

И герой двѣнадцатаго года, Кульневъ, шелъ въ корпусъ по лѣдамъ Фабриція и Эламинонда.

Замѣтать, можетъ-быть, что графъ Ангальтъ, очаровывая насъ Римомъ и Греціею, отдалялъ насъ отъ отечества. Этого не было. Едва ли кто изъ иностранцевъ столько ѣздилъ по Россіи сколько онъ. Тогда русская исторія была у насъ въ маломъ чествѣ; но мы вычитывали исторію о русскомъ народѣ въ примѣровъ и словъ графа Ангальта. Онъ чрезвычайно любилъ и уважалъ русскій народъ; онъ всегда хвалилъ его смѣло во всемъ спохвативость и отважность духа. У насъ въ отдѣленіяхъ, и въ классахъ, и въ увеселительной залѣ были на стражѣ отставные русскіе унтеръ-офицеры и сержанты, и мы каждый день видѣли съ какимъ радушіемъ графъ обращался съ ними. Нерѣдко, пріѣзжая въ корпусъ часу въ этомъ поутру, онъ заставлялъ въ залѣ одного дневальнаго, стараго служиваго. Раскашивалъ съ нимъ рука объ руку, и

— Холостъ, ваше сіятельство! отвѣчалъ рядовой.

Не появляя этого слова, графъ прибавилъ: — А много ли у тебя дѣтей?

— Семь человекъ! сказалъ спохватливый рядовой.

Графъ далъ ему пятьдесятъ рублей. Отыскавъ дома въ словарь что *холостъ* значитъ *не женатъ*, онъ по прѣздѣ въ корпусъ сказалъ намъ:

— Любезная дѣти, я вчера заплатилъ за невѣжество мое пятьдесятъ рублей, но очень радъ. Онъ прибавилъ: — когда старшаго Катона упрекали за то, что онъ на осьмидесятомъ году принялся за греческую азбуку, онъ возразилъ: „Лучше быть старымъ ученикомъ нежели старымъ невѣждою“. Я не только не стыжусь быть ученикомъ въ русскомъ языкѣ, но почитаю это ученіе украшеніемъ моей памяти. Укрѣпляетъ сколько возможно вашу память, безъ нея слабы всѣ другія способности ума. Вы въ корпусѣ учитесь, а вышедъ изъ него доучиваетесь.

Сюрвиль, сочинитель французскихъ хоровъ, былъ и наставникомъ нашимъ въ декламациі. Въ *Мизантропѣ* Мольера онъ былъ истиннымъ мизантропомъ, но отличался самымъ кроткимъ нравомъ. Онъ уѣхалъ изъ Парижа вслѣдствіе неудачныхъ авторскихъ попытокъ. „Въ молодости моей, говорилъ онъ, — сочинилъ я романъ, и мечталъ, что слава о немъ прошумитъ вездѣ; прихожу однажды къ знакомцу моему маркизу, и вижу, что романъ мой превращенъ въ ничтожныя папишютки! Самолюбіе мое раздражилось, и я уѣхалъ въ Россію.“ Печалью былъ послѣдній годъ его жизни. Сюрвиль мучился жестокою простудой въ рукахъ и крайнею бѣдностью. Мы его любили, часто навѣщали, и видя его нужды, спрашивали: для чего онъ не проситъ помощи? Отвѣтъ его былъ всегда одинаковъ: „Я не протягивалъ для милости здоровой руки, не протяну и больной.“

Между тѣмъ, Богъ знаетъ, куда бы увлекла меня истори-

были на большомъ листѣ, крупными буквами, стихи Вольтера, начинающіеся словами:

La raison est de l'homme et le guide et l'appui.

„На пыкое воображеніе, говорилъ намъ Лебланъ, — ни счастливая память ни къ чему не поведутъ, если разсудокъ не управляетъ ими. Воображеніе увлекаетъ въ область мечты, а память, поглощая чужое, обременяетъ умъ, не сопровождаясь соображеніемъ.“ Лебланъ занимался и европейскою литературой, нѣсколько разъ перечитывалъ онъ *Историю Тридцатилѣтней войны*, эту живую картину борьбы страстей и мнѣній. „Во французской словесности недостаетъ книгъ для первоначальнаго воспитанія, говорилъ онъ, — Германия въ этомъ счастливѣе Франціи: у нея есть Кампе“. Въ честь этого друга воспитанія учредилъ онъ вечера Кампе. По буднямъ въ шесть часовъ, послѣ обѣданныхъ нашихъ классовъ, а по праздникамъ въ пять часовъ пополудни, принималъ онъ насъ по нѣскольку человекъ въ свои комнаты. Я всегда былъ на этихъ вечерахъ. Чтеніе Кампе началось со *Робинзона въ Крузо*. „Видите ли, говорилъ намъ Лебланъ, — что можетъ сдѣлать и одинъ человекъ, употребляющій всѣ силы тѣлесныя и всю дѣятельность разсудка. Природа миритъ человека и оживляетъ. Рука Робинзона преобразила островъ, куда занесла его буря. Гдѣ же не свѣтитъ лучъ разсудка, тамъ цвѣтаетъ въ одичалости природы и человекъ.“ Отъ Робинзона перешли мы къ *Открытію Америки*, также сочиненію Кампе, въ разговорахъ. Полюбя страстно французскій языкъ (ибо мы и Кампе читали во французскомъ переводѣ), я затѣялъ увѣрять, что родился во Франціи, а не въ Россіи. Впрочемъ и не грѣхъ было породиться съ Лебланомъ.

Къ класснымъ нашимъ занятіямъ присоединилось ученіе южное. Довко танцуя, мы легко привыкли къ выправкѣ и выгажкѣ. Въ это самое время раздана была намъ съ русскимъ переводомъ пѣнь *Объ обязанностию воюющаго человека*. до

передавали имъ старозавѣтные галломаны XVIII столѣтїа. Я нѣкогда укорялъ ихъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, каюсь въ этомъ грѣхѣ. Левекъ, не отъ себя, но ссылаясь на одного изъ нашихъ вельможъ, напечаталъ о Екатеринѣ: „Si cette femme vit l'âge d'homme, elle entraînera la Russie dans son tombeau“. Это говорили тѣ люди, которые жили во время Екатерины! Ни Левекъ, ни Леклеркъ не читали русскихъ рукописей, но взгляды Левека на русскій народъ дѣлаетъ ему честь. Вотъ его слова: „Льстятъ величію, но ни страхъ, ни надежда не привлекаютъ ласкателей къ народамъ. А потому всѣ какъ будто сговорились злословить народъ русскій. Личное самолюбіе все относить къ себѣ и во всемъ хочетъ выставить себя. Англичане, Италиянцы, Нѣмцы прїѣзжаютъ въ Россію, порицаютъ народъ русскій, за то что онъ на нихъ не похожъ. Они почитаютъ его безсмысленнымъ, но разсмотрите его, и вы признаетесь, что онъ и расторопнѣе, и понятливѣе, а эти два качества ведутъ ко всему.“

Переходъ изъ втораго возраста въ третій и далѣе представилъ новое зрѣлище глазамъ и понятію моему. Графъ Ангальтъ ведетъ насъ въ увеселительную залу. Тамъ у стѣнъ былъ образецъ Вобановской крѣпости, въ огромномъ ящикѣ съ крышею. Тутъ проглядывало очень странное сближеніе разнородныхъ вещей. Подъ крышею были всѣ крѣпостныя виды, а на крышкѣ нижними переплетами прибиты для прочности гвоздями около сорока частей *Cabinet des fées*. Это французское изданіе украшено было очень хорошими картинками. Для чего сдѣлано было сближеніе? вѣроятно, для приманки. Романическое мое воображеніе впилося въ волшебныя сказки. Исчезъ и послѣдній слѣдъ классовыхъ тетрадей. Появились кучи бумагъ, исчерченныхъ волшебными вымыслами. Какъ же отдѣлывался я въ классахъ при экзаменахъ

Когда же предлагали вопросы свыше сказаннаго, услужливая моя память подсказывала мнѣ, и я, ученикъ бестетрадный, попадалъ въ статью прилежныхъ и получалъ въ награду различныя банты и звѣзды. Кромѣ вышеозначенныхъ книгъ, въ залѣ на особомъ столѣ лежала Библия на трехъ языкахъ, почетельныя слова русскихъ проповѣдниковъ и французскій переводъ Твореній Василія Великаго. Тутъ же были политическія сочиненія Гроція и другихъ; каждый изъ кадетъ по своей склонности и понятіямъ находилъ пищу для ума своего, а что я увлекался воображеніемъ, то этотъ порывъ постигъ меня еще до графа Ангальта и отдалилъ меня отъ всего положительнаго. Трагедіи Вольтера ознакомили насъ съ древнимъ Римомъ, а жизнеописанія великихъ мужей Плутарха воскресили въ очахъ нашихъ дивную Спарту. По приказанію графа Ангальта, иногда по вечерамъ устраивали скамейки амфитеатромъ или уступами въ три яруса. На первомъ сидѣлись отроки, на второмъ юноши, на третьемъ старики — разумѣется мнимые. Хоры пѣли мы французскіе, переведенныя изъ Плутарха Аміотомъ:

Хоръ стариковъ.

Nous avons été jadis
Jeunes, vaillants et hardis.

Хоръ юношей.

Nous le sommes maintenant
A l'épreuve de tout-venant.

Отроки.

Et nous un jour le serons
Qui tous vous surpasserons!

Вотъ мой переводъ:

Старики.

При этомъ случаѣ графъ Ангаальтъ говорилъ:

— Я люблю храбрость и мужество Спартацевъ, но гнушаюсь поступками ихъ съ несчастными плотами. Спартацы хотѣли быть героями, но въ рабахъ своихъ забывали людей. Истинное героизмъ неразлучно съ любовью къ человечеству. Великъ подвигъ Леонида, который съ тремястами воинами обрекъ себя на жертву, чтобъ остановить несметныя ополченія Ксеркса, незабвенна надпись на памятникѣ Фермопильскимъ героямъ: *Прохождй! скажи Спартѣ, что мы здѣсь умерли, повинаясь ея законамъ.* Жаль, однако, что эти самые законы не только не обуздывали Спартацевъ, но давали имъ поводъ силой своею угнетать слабыхъ. Читая исторію, любезныя дѣти, не обольщайтесь пустымъ блескомъ. старайтесь различать подлинную славу отъ ложной.

Такимъ образомъ мы почти шутя изучили греческую и римскую исторію. Тогда не былъ еще извѣстенъ, не говорю новѣйшій историкъ Нибуръ, но и Вико. Графъ не пускался въ разборъ критическій, а наставлялъ насъ примѣрами и нравственными замѣчаніями. Выше сказано было, что я сочинялъ записки современію вступленія моего въ корпусъ. Нѣкоторые изъ моихъ наставниковъ называли мои записки дерзкими, а Я. Б. Княжницъ называлъ ихъ отважными, и я бросилъ ихъ въ огонь. Юность моя летѣла отъ мечты къ мечтѣ. Къ обширному нашему залу прилежала комната, гдѣ находилась наша отдѣльная библіотека, а я былъ библіотекаремъ. Въ это время мучила меня страсть къ чтенію; я читалъ все что ни попадалось мнѣ въ руки; читалъ, чтобы только читать. На бѣду кровать моя была у ночника, а потому я зачитывался и ночью. Отъ двухлѣтней сидячей жизни казалось, что я впалъ въ какую-то чахотку или сухотку. Страшно болѣла у меня грудь, слышно было въ ней непрерывное хрипѣніе, словомъ.

что читаемъ и какъ читаемъ. Но со мною обмѣлась поговорка: „чѣмъ ушибешься, тѣмъ и выльчешься“. Я прочиталъ въ сочиненіи Шарона, ученика Монтена, статью *О веселости души*, въ которой сказано, что „глупо и безумно предаваться унынію или хандрѣ“. „Глупо, подумалъ я, глупо я дѣлаю, что зачитываю мою юность. Она быстро пролетитъ, а я читаю и слышалъ, что много горя въ жизни.“ Подумалъ, и бросилъ книги. Здоровье мое возвратилось; сидячая жизнь замѣнилась пылкою дѣятельностью. Я не ходилъ, не бѣгалъ, а леталъ, и товарищи проименовали меня летучимъ. Но и въ этомъ разсѣяніи услужливая моя память не дремала. За эту способность графъ Ангальтъ очень полюбилъ меня и давалъ мнѣ выучивать наизусть отрывки то изъ Фридриха II, то изъ *Генриады* Вольтера, то изъ другихъ французскихъ писателей. Прочитать и затвердить было для меня одно и то же. За то графъ задаривалъ меня книгами. Однажды онъ разказалъ намъ по-французски свое путешествіе съ Екатериной по Таврическому краю и препоручилъ намъ написать этотъ разказъ. Мое французское сочиненіе понравилось ему болѣе другихъ, и онъ приказалъ мнѣ переписать его на-было, что я и исполнялъ. Между тѣмъ былъ классъ русской грамматики. Я самъ не занимался и другимъ мѣшалъ. Дежурный офицеръ грозно прикрикнувъ на меня, прибавивъ: „Ты, Гланка, загордился и оттого не слушаешь русскаго урока что тебѣ удалось лучше другихъ сочинить по-французски.“ — „Не правда, отважно возразилъ я, — не правда! Стыдно гордиться чернильнымъ мараньемъ!“ Съ этимъ словомъ быстро выхватилъ я изъ настольнаго ящика перебѣленное мое сочиненіе, изорвалъ его въ клочки и разметалъ по полу. Графъ, пріѣхавъ въ тотъ же день востѣ обѣда, спросилъ, готовъ ли мой трудъ. Притворяясь, что отыскиваю мое сочиненіе, и поцкавъ нѣсколько

суетлася въ отысканіи философскаго камня. Однажды раз-
мѣшивалъ онъ въ алхимическомъ сосудѣ горючія вещества.
Они вспыхнули, пламя бросилось ему въ глаза, и онъ нѣсколь-
ко минутъ лежалъ съвѣпымъ; но не получалъ урока. Въ послѣд-
ствіи онъ вступилъ въ винныя откупа и спустилъ и свое, и
братнико имѣніе; но у него въ запасѣ оставалась пріятная на-
ружность, и онъ женился на богатой вдовѣ, взялъ тысячи дѣв
душъ и огромное богатство драгоценностей; было у него въ
рукахъ несчетное сокровище, и все досталось въ жертву его
несбыточнымъ выдумкамъ. Жена его умерла въ бѣдности, и
онъ самъ въ крайней нуждѣ умеръ въ Петербургѣ, и былъ
погребенъ на счетъ полиціи. Это не упрекъ его памяти; онъ
былъ и уменъ, и свѣдуецъ: это только доказательство, что и
мечты вымысловъ и властолюбіе не знаютъ чего ищутъ и
на чемъ основываются.

Обращаюсь къ корпусному нашему залу и саду. Въ той
комнатѣ гдѣ я былъ библіотекаремъ висѣли по стѣнамъ пе-
чатныя таблицы о всѣхъ наукахъ; вся энциклопедія пред-
ставлялась тутъ глазамъ, а иногда и умъ заманивала въ пре-
дѣлы свои. Изъ увеселительнаго нашего зала переходили мы
въ садъ юными Аполлонами, учениками Аристотеля. Вся ка-
менная стѣна, заслонявшая насъ отъ *закорпуснаго міра*, испи-
сана была нравственными изреченіями русскими, француз-
скими и нѣмецкими. Тамъ начертаны были различныя систе-
мы Птолемея, Тихобраге и Коперника. Клаушинъ, бывший нѣ-
когда сотрудникомъ Крылова въ изданіи журнала, отзывался
съ большою похвалою о „говорящей стѣнѣ“. И она дѣйстви-
тельно говорила и глазамъ, и уму, и сердцу. Изреченія крат-
кія, умныя, выбранныя изъ сочиненій превосходѣйшихъ пи-
сателей, вѣшивались въ память и вели къ отысканію дру-
гихъ мыслей и покатій. Душевное чувство нравственности
графъ предпочиталъ холодной учености. Далекое за нашу стѣ-
ну, за моря, за океаны, повсюду, гдѣ только напечатывается
свѣдѣніе ноги человѣческой, переносили насъ свѣдующія сло-
ва: „О братія, мы всѣ вмѣстѣ отправляемся въ путь, одни на
сѣверъ, другіе на югъ, на востокъ. Намъ нужны и различ-
ныя одежды, и различныя запасы жизненные; но по душѣ и
по сердцу мы всѣ дѣти одного семейства, а вожь, отецъ его,
далъ намъ различныя блага, вложилъ въ душу и сердце ве-
раздѣльную любовь къ человѣчеству; солнце освѣщаетъ міръ
вещественный, а любовь освѣщаетъ міръ нравственный.“

Между тѣмъ когда у насъ въ корпусѣ шли обыкновенныя занятія и разсуждали о полезномъ употребленіи времени, для Европы ударилъ роковой часъ. Съ 1789 года поколебались нѣковыя основанія ея областей. Всѣ предположенія и соображенія знаменитыхъ ея политиковъ исчезли. Вчера считали они себя распорядителями европейскаго міра; а прослушавшись увидѣли, что имъ надобно приняться за новую азбуку. То же случилось и съ Екатериной II. Сперва революція французская казалась ей обыкновеннымъ порывомъ безпорядка общественнаго; но потомъ и она призналась, что ей пришлось закрыть всѣ книги и ожидать что выйдетъ изъ этой бури. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ она писала къ Бюффону: „Вы не досказали намъ исторію человѣка“. Бюффонъ радовался, что Екатерина указала ему на то что ускользнуло отъ наблюденія цѣлой французской академіи наукъ. Но замѣчаніе Екатерины касалось только естественной исторіи; а лѣтописи всемірныя дѣйствительно не представляли еще такого человѣка, въ лицѣ котораго свершилась бы тогда судьба Европы и ея народовъ. Такой человѣкъ былъ Наполеонъ, и событія соединенныя съ нимъ кажутся теперь миеомъ и басней. И это неудивительно. Еслибы кто-нибудь упалъ съ вершины высокой горы и остался живъ, онъ въ первыя мгновенія изумился бы, но потомъ, оправившись, возвратился бы къ прежнимъ своимъ занятіямъ. Такъ случилось и съ поколѣніемъ XIX вѣка, послѣ необычайныхъ событій. Графъ Ангальтъ не говорилъ ни о какихъ отдаленныхъ причинахъ войны европейскаго міра, но чтобъ ознакомить насъ съ тогдашними обстоятельствами, учредилъ въ нашемъ залѣ новый столъ со всѣми современными заграничными извѣстіями. Въ корпусѣ, а не по выходѣ изъ него, узналъ я о всѣхъ лицахъ дѣйствовавшихъ тогда на обширномъ европейскомъ театрѣ. На томъ же столѣ помѣщены были ежемѣсячныя русскія изданія: *Зритель* Крылова, *Меркурій* Клаушина, *Академическія извѣстія* и *Московский журналъ* Карамзина. Замѣчу мимоходомъ, что въ тогдашнихъ нашихъ срочныхъ изданіяхъ особенно вооружались противъ казенной ябеды и заразы роскоши и модъ истоцавшихъ быть сельскій, а о политической борьбѣ европейской въ нихъ не было и помину; она какъ будто не существовала для Россіи.

Въ это почти время нашъ корпусъ пораженъ былъ преждевременною кончиной Княжнина. Нѣкоторые предполагали,

будто бы онъ былъ въ опалѣ за *Вадима* и оттого заботѣль. Это несправедливо. *Вадимъ* былъ напечатанъ уже послѣ его смерти княгиней Дашковой. Выше было упомянуто, что никакія бластательныя предложенія не могли переманить его отъ Бедкаго. Княжнинъ говорилъ: „Я чувствую, что я полезенъ на моемъ мѣстѣ, вотъ моя почесть и награда.“ Не обольщаясь никакими почестями, онъ жилъ сердцемъ и въ стихахъ своихъ сказалъ:

Мы сердцемъ лишь тогда живемъ,
Какъ сердце чувствуемъ въ другомъ !

И на сердечный его голосъ откликнулись сердца воспитанниковъ Академіи Художествъ, Воспитательнаго дома и кадетскаго корпуса. До изданія своихъ сочиненій, Княжнинъ перевелъ бѣлыми стихами *Генриаду* и нѣсколько трагедій Корнеля. Изъ германскихъ поэтовъ особенно любилъ онъ Геснера и перевелъ многія его идилліи, напечатанныя въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ*, который онъ издавалъ вмѣстѣ съ сочинителемъ *Душеньки*.

Первая его трагедія была *Дидона*; онъ читалъ ее Екатеринѣ, которая одобрила ее и желала видѣть на театрѣ. Княжнинъ отвѣчалъ:

— Не могу этого сдѣлать; я долженъ сперва представить ее А. П. Сумарокову, основателю русскаго театра, и узнать его мнѣніе.

Екатерина похвалила скромность его, и онъ съ трагедіей своей отправился въ Москву. Поступокъ Княжнина чрезвычайно польстилъ самолюбію Сумарокова, и Княжнинъ, бывая у него каждый день, каждый день болѣе и болѣе увлекался любовью къ дочери его, Екатеринѣ Александровнѣ, которая отвѣчала ему взаимностію. Сумароковъ замѣтилъ это и умышленно задерживалъ у себя трагедію. Наконецъ, перемѣня нѣкоторыя слова въ первыхъ четырехъ стихахъ *Дидоны*, онъ возвратилъ рукопись и сказалъ: „Вы сами выразили свои

сочиненій Княжнина; скажу только, что трагедія его *Рославъ* утѣчалась блестящимъ успѣхомъ, и однимъ изъ его знакомыхъ, подбѣжавъ къ нему въ театрѣ, вслухъ оказалъ: „Вылашъ Расизъ“. Княжнинъ шепнулъ ему на ухо: „Не говорите этого вслухъ, а то васъ сочтутъ лжецомъ!“ И на поэзію, и на прозу у насъ, какъ и вездѣ, есть какаѣ-то моды, но несмотря на всѣ превратности различныхъ мнѣній, доблести душевныя никогда не теряютъ своей цѣны. Вотъ неотъемлемая собственность Княжнина. Его любилъ и посѣщалъ князь Потемкинъ, но Яковъ Борисовичъ никогда въ немъ не искалъ, а самъ всегда былъ готовъ на услуги другимъ. Баснописецъ нашъ, Иванъ Андреевичъ Крыловъ, окончивъ воспитаніе въ Тверскомъ училищѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ круглымъ сиротой. Княжнинъ далъ ему пріютъ въ своемъ домѣ и первый открылъ ему поприще тогдашней словесности, но онъ объ этомъ никогда не говорилъ. Ознакомясь съ Петербургомъ, Крыловъ оставилъ Княжнина и шутовымъ перомъ, въ комедіи своей *Тараторъ*, описалъ въ смѣшномъ видѣ домашній бытъ своего хозяина.

Охотно отдавалъ Яковъ Борисовичъ справедливость другимъ и радовался успѣхамъ отечественной словесности. Ему удалось еще въ рукописи видѣть первая письма русскаго путешественника Н. М. Карамзина. Перечитывая ихъ намъ, онъ говорилъ: „Этотъ молодой человекъ проложитъ новое поприще въ русской словесности.“ Никто изъ нашихъ писателей не уважалъ трудовъ земледѣльцевъ болѣе Княжнина. Съ такимъ же чувствомъ цѣнилъ онъ и услуги домашнихъ людей своихъ: никто изъ нихъ не слышалъ на себя окрика и не погоревалъ отъ него. Въ жизни его были черты достойныя Плутарха и Ж.-Ж. Руссо. Въ ненастную погоду, въ загрязненномъ сюртукѣ, хаживалъ онъ по городу. А отчего? Оттого что деньги, взятые на извозчика, не держались у него въ рукахъ, когда на дорогѣ встрѣчался бѣднякъ-проситель. Въ *Толковомъ Словарѣ* опредѣляетъ уваженіе: „*Уваженіе*, говорить онъ. *раздѣлено по состоянію богатства:*“ но онъ во всѣхъ рѣ-

быть и справедливо. Тамъ же, говоря о чернильницѣ, онъ сказалъ: *чернильница, малая причина большаго дѣйствія*. Тутъ почти вся исторія XVIII вѣка отъ 1713 до 1788 года.

Мѣсто Княжнина занялъ у насъ Н. Я. Озерецковскій, академикъ, естествологъ и врачъ; словомъ, мужъ ученый, обладавшій многоразличными свѣдѣніями. Онъ сопровождалъ въ путешествіи по чужимъ краямъ графа ***. Когда Екатерина укоряла его имъ, Озерецковскій добродушно и откровенно отвѣчалъ: „Матушка, вѣдь я человекъ, одинъ Богъ дѣлаетъ что хочетъ; а я сдѣлалъ что могъ.“ Лицо Озерецковскаго было здоровое и свѣжее. Онъ былъ вѣсколько сутуловатъ и еще болѣе сгибался, когда, держа въ рукахъ табакерку, выхватывалъ изъ нея табакъ щепотку за щепоткой, торопливо нюхалъ, мѣрными шагами ходилъ по классу, приискивая надлежащее слово, и отыскавъ его, говорилъ: „да, вотъ такъ надобно“. Тутъ рѣчь его текла плохо, но свободно. О Карамзинѣ онъ былъ совершенно различнаго мнѣнія съ Княжнинымъ. Однажды онъ заставилъ меня читать вслухъ письма Карамзина о горахъ Альпійскихъ. Послѣ чтенія Озерецковскій угрюмо сказалъ: — „Ну, что это такое? пышный, вычурный слогъ, пузырь надутый вѣтромъ. Кольви булавкой, вѣтеръ вылетитъ, и останется пустота. Я самъ былъ на Альпахъ, но не видалъ того сумбура, который забралъ въ это письмо.“ Случилось мнѣ въ другой разъ читать Озерецковскому переводъ Карамзина Вольтерова *Эклезіаста*. При стихѣ:

Ничто не ново подъ луною,

онъ разсердился и проворчалъ: „неправда, не подъ луною, а подъ *солнцемъ*. На что такъ срамить земаю?“ Для дополненія разказа о Николаѣ Яковлевичѣ, скажу, что въ 1825 году встрѣтилъ я его у тогдашняго министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова. Онъ былъ еще довольно крѣпокъ на ногахъ, но на лицѣ его проглядывало изнеможеніе — предвѣстіе близкой смерти. Онъ мнѣ очень обрадовался и сказалъ:

— Ты много трудишься, братъ, это хорошо.

— Тружусь много, отвѣчалъ я, — потому что привыкъ къ труду, да проку теперь мало.

— Нѣтъ нужды, братъ, возразилъ онъ, — въ трудѣ всегда есть прокъ. Я и постарѣе тебя, но не прочь отъ труда.

Въ *Путешествіи* Озерецковскаго по Россіи есть много полезнаго по части внутренняго нашего хозяйства.

У насъ мѣнялись наставники, а старинная Франція исчезла во Франціи. Сбылось то что еще 1765 года Ж.-Ж. Руссо писалъ въ *Эмиль* и *Исповѣди* своей: „Мы приближаемся ко времени перелома и къ вѣку необычайныхъ превратностей.“ Тогда называли его мечтателемъ; но послѣ 1789 года, это сдѣлалось исторіей. Вихрь французской революціи разметалъ братьевъ Лудовика XVI по различнымъ странамъ Европы. Жильды дворца Версальскаго скитались какъ странники безпріютнаго. Графъ д'Артуа, сильно возстававшій некогда съ графомъ Шуазелемъ противъ двора сѣверной столицы, появился въ Петербургѣ, былъ обласканъ пріятливо Екатериной и посѣтилъ кадетскій корпусъ. Графъ Ангальтъ показывалъ ему наше заведеніе. Въ манежѣ рѣчь коснулась революціи. Я стоялъ подлѣ графа и слышалъ слѣдующія его слова: „Les frères du roi ressemblent aux valets, qui crient, que le maison de leur maître brule, et qui fuient au lieu de l'éteindre.“ (Королевскіе братья похожи на слугъ, которые кричатъ, что домъ ихъ господина горитъ, и чѣмъ бы зайти его — бѣгутъ.)

Графъ Ангальтъ очень хорошо зналъ свѣтскія приличія, а потому и удивительно, какъ онъ обмолвился такъ невпопадъ. Съ намѣреніемъ ли это было или нечаянно, не знаю; но убѣжденъ, что графъ въ такомъ случаѣ не бѣжалъ, а умеръ бы съ своими братьями. Около 1793 года, въ Берлинѣ вышло похвальное слово Екатеринѣ, посвященное графу Ангальту. Въ немъ между прочимъ было сказано, что князь-амъ имперскимъ можно найти безопасное убѣжище только подъ покровительствомъ Екатерины; но она этому не довѣряла и ожидала въ недоумѣніи чѣмъ кончится буря поколебавшая Европу. Вѣроятно, и графъ Ангальтъ былъ того же мнѣнія, и предвидя, что Россіи доведется имѣть съ Франціей, онъ усиленно у насъ ученіе французскаго языка и пригласилъ въ учителя декламациі для усовершенствованія въ произношеніи лучшаго тогдашняго французскаго актера Оффена. Силою природнаго чувства и дарованія, даже и въ комнатѣ, безо всякой театральн. обстановки, Оффенъ умѣлъ быть актеромъ. Оффенъ гостилъ въ Фернеѣ у Вольтера и игралъ съ нимъ на домашнемъ театрѣ. Объ этомъ Оффенъ разказывалъ намъ слѣдующій анекдотъ: „Въ первомъ представленіи *Итальянской Сироты* Вольтера, Лекенъ игралъ Чингисхана. Трагедія принята была холодно. Вольтеръ бѣсился,

и по обыкновенію своему, читалъ своихъ земляковъ вѣздами, способными быть только тиграми и обезьянами. Во время бѣшенства Вольтера, Лекенъ пріѣхалъ въ Ферней. Не давъ ему образумиться, Вольтеръ закричалъ: „Прочитайте, прочитайте мнѣ, г. Лекенъ, роль Чингисхана! Посмотримъ, какъ вы ее прочли?“ Лекенъ началъ читать высокопарно, размахивая руками и вытягивая небольшой свой ростъ.

— Скверно, скверно! вы убили мою трагедію! кричалъ Вольтеръ, топая ногами, и самъ началъ читать роль Чингисхана.

Лекенъ не сводилъ съ него глазъ, ловилъ каждый взглядъ, каждый звукъ его голоса, и когда Вольтеръ кончилъ, онъ повторилъ роль свою. Вольтеръ въ свою очередь вслушивался и всматривался въ Лекена, и вдругъ бросился его обнимать, воскликнувъ: „Браво, браво! вотъ какъ надобно выражать роль умнаго, скрытнаго и хитраго Чингисхана! Теперь наши Парижане оглушаютъ васъ рукоплесканіями.“ Такъ и сбылось.

Для записыванія уроковъ Оффена, графъ роздалъ намъ тетради названныя имъ сверхкомплектными. Онъ препоручилъ, чтобы мы записывали туда то что встрѣчали замѣчательнаго при собственномъ чтеніи. Кому удавалось сдѣлать хорошій выборъ мыслей, изреченій, историческихъ отрывковъ, тетрадь того переплеталась съ собственноручною припиской графа. Но не теряя изъ виду и русскаго языка, онъ пригласилъ нашего актера Плавильщикова, который читалъ оды и похвальныя слова Ломоносова. При этихъ урокахъ графъ всегда присутствовалъ.

Кромѣ одъ Ломоносова, Плавильщикова читалъ намъ и разсужденіе свое о тогдашней словесности, помѣщенное въ *Зритель* Крылова. Желая, такъ-сказать, приучить насъ къ основательному чтенію, изъ перваго или высшаго класса графъ Ангальтъ выбралъ для слушанія логики вѣскольکو учениковъ, въ число которыхъ попалъ и я. Профессоромъ логики былъ у насъ Христіанъ Ивановичъ Безакъ, человекъ благодушный и ученый. Выводы логическіе объяснялъ онъ выкладками или формулами алгебраическими. Престарѣлый нашъ профессоръ, шутя самъ надъ способомъ своего преподаванія, говорилъ: „Не бойтесь моихъ крючковъ, они не такъ страшны какъ крючки подъяческіе.“ Ретивое мое воображеніе никакъ не поддавалось на эти крючки. Я слу-

шалъ разсѣянно, въ тетрадь ничего не записывалъ; а заснувши книгу подъ столомъ, читалъ то Дидерота, то Буффлера, то Вольтера, то Ж. Ж. Руссо. Профессоръ зналъ это, и не сердясь на меня, почти каждый классъ вызывалъ на словесный бой. Не вѣдаю, какъ предлагалъ я доводы свои, а ргіогі или а рогегіогі; знаю только, что пылкая моя діалектика очень забавляла добраго профессора. Иногда мы спорили по волучасу и болѣе, и нерѣдко я его оспаривалъ. Великодушный мой противникъ, подлинно ли или въ шутку, уступалъ мнѣ, приговаривая: „Вамъ надобно выдержать тридцать походовъ и тридцать сраженій; а безъ того у васъ все будетъ въ головѣ стихотворческой вѣтеръ.“

И профессоръ былъ правъ. Вѣтреная голова мѣя чуть было не погубила меня еще въ кадетскомъ корпусѣ. Офицеромъ того отдѣленія, въ которомъ я былъ сержантомъ, былъ молодой человекъ, сынъ вышеупомянутаго профессора логики. Онъ вмѣстѣ со мною занимался описаніемъ Петербурга, давно напечатаннымъ и забытымъ. Мы были съ нимъ пріятелями; но въ неравенствѣ чиновъ отъ бездѣлицы можетъ быть неприятное столкновение. Онъ обидѣлся однимъ неосторожнымъ моимъ словомъ. Лѣтомъ обыкновенно стояли мы лагеремъ въ саду, по три человека въ палаткѣ. Моя кровать всегда стояла въ срединѣ. Пока разбивали лагерь, я забиралъ въ библиотекѣ книги и съ этимъ запасомъ безпечно бѣжалъ въ садъ. Вдругъ слышу голосъ товарища моего Щулепникова.

— Глапка, твою кровать поставили съ боку!

Я спросилъ у него: — Кто велѣлъ?

Мой товарищъ отвѣчалъ: — Безакъ!

На это имя вырвалась у меня рѣима, которою очень часто угощаютъ и очень умныхъ людей. Мой офицеръ-сотрудникъ былъ на бѣду въ сосѣдней палаткѣ, и въ ту минуту забывъ и нашу пріязнь, и мою для него работу, выскочилъ и грозно закричалъ:

— Какъ ты смѣешь меня бранить?

Я отвѣчалъ хладнокровно:

— Извините, мало ли что срывается съ языка и что говорится заочно! Слова мои разнесъ вѣтеръ. Завязалась борьба, и что сдѣлалъ я въ запальчивости—право, и теперь не могу объяснить. На крикъ нашъ сбѣжались офицеры и кадеты; запальчивость моя сдѣлалась явною, и соперникъ мой послѣ-

шилъ съ жалобой на меня къ нашимъ начальникамъ. Сперва повели меня къ нашему инспектору майору Фроманде. Онъ приказывалъ мнѣ просить прощенія; я отвѣчалъ: „умру, а не увижусь!“ Оттуда проводили меня къ полковнику Редингеру, кроткому и добрыйшему человѣку; и онъ убѣждалъ меня чтобъ я просилъ прощенія. Въ упорствѣ я отвѣчалъ ему то же. Около двухъ часовъ продолжались начальническія увѣщанія, но тщетно. Тогда нашему трагику Владиславу Александровичу Озерову, служившему въ корпусѣ поручикомъ, приказано было вести меня въ тюрьму. Тюрьма была наверху высокаго каменнаго зданія, называемаго jeu de paume (то-есть мѣсто игры въ мячъ). Озеровъ простился со мною и ушелъ. Съ шумомъ захлопнулась за нимъ дверь тюремная, звонко грянули болты желѣзные. У меня оставили чернильницу, перо и бумагу, предполагая, что я хотя письменно буду просить прощенія. Въмѣсто челобитной мнѣ запаало въ голову посланіе къ одному изъ моихъ товарищей. Вотъ начало его:

Изъ горницы весьма чудесной,
 О голыхъ четырехъ стѣнахъ,
 Незваный, гдѣ сидѣлъ и грѣшнѣй,
 Хочу писать къ тебѣ въ стихахъ:
 О чемъ? того еще не знаю,
 А прежде музамъ поклонюсь.

Между тѣмъ опомнился мой соперникъ и въ присутствіи цѣлаго нашего возраста умолялъ графа Ангальта простить меня. Графъ отвѣчалъ: „Теперь поздно. Говорящая стѣна, на которой я написалъ что должно соблюдать законы и порядокъ, уличила бы меня, еслибъ я уступилъ теперь упорному юношѣ; но и вы не правы. Сколько разъ я говорилъ; и для памяти помѣстилъ на стѣнѣ: уважайте юношей; никто не знаетъ что изъ нихъ выйдетъ. Вы признаетесь, что и вы разгорячились; это очень похвально: въ жизни много можетъ случиться; но, любезныя мои дѣти, кто забываетъ обиду и помнить добро, тотъ истинный герой!“

Черезъ три дня со мною начали вести переговоры и пересылки. Я упорствовалъ; угрожали, что отдадутъ меня въ солдаты. „А развѣ солдаты не люди, отвѣчалъ я, — да еще можетъ-быть и лучше насъ!“ Наконецъ, дней черезъ десять, пришелъ ко мнѣ въ тюрьму полковникъ Иванъ Алексѣевичъ Цызыревъ. Въ сердцахъ юношей есть живое чувство пре-

воты: они, по врожденному побужденію, уважаютъ высокую нравственность человѣка. Это чувство питали къ нему кадеты.

Не привуждая меня просить прощенія, Иванъ Алексѣевичъ началъ со мною разговоръ о необходимости повиновенія.

— Если и палку поставятъ, сказалъ онъ, — то по обязанности службы ей должно повиноваться.

— Позвольте мнѣ этому совершенно не вѣрить, отвѣчалъ я, — палка будетъ молчать, и ссоры не будетъ; но вы знаете, впрочемъ, какого шуму надѣлала та шляпа, предъ которой безумецъ Гессаеръ велѣлъ кланяться?

Цызыревъ улыбнулся и сказалъ:

— Но признайтесь, что вы виноваты предъ Фроманде и предъ директоромъ Редингеромъ въ томъ, что отвергли дружескія ихъ увѣщанія.

— Признаюсь, отвѣчалъ я, — въ этомъ я виноватъ. Я привыкъ быть благодарнымъ и за ласковое слово, и за ласковый взглядъ; а при этомъ я до того затерялся, что ихъ не послушалъ.

— Припомните, прибавилъ Цызыревъ, — припомните, что когда во второй разъ батюшка вашъ пріѣзжалъ въ корпусъ, графъ Ангальтъ сказалъ ему, что вы на старости его будете ему утѣшьею. Чтò скажетъ отецъ, чтò скажетъ ваша мать, когда услышатъ о горестной вашей судьбѣ? Они не перенесутъ такого удара.

Слезы полились у меня изъ глазъ; я долго плакалъ и не могъ промолвить ни слова. Наконецъ сказалъ: — Я готовъ написать къ графу Ангальту письмо; но говоря откровенно, я ни за что не измѣню совѣсти, а потому буду писать только въ духѣ христіанства. Цызыревъ согласился, и я написалъ слѣдующее письмо:

„Блудный сынъ, въ порывѣ своеволія, оставилъ родительскій домъ и на чужбинѣ растратилъ все имущество свое. Но въра вѣжности сердца отцовскаго, онъ возвратился къ нему. Издали увидя преступника, отецъ встрѣтилъ сына съ распростертыми объятіями. Несчастный сынъ сказалъ отцу: я согрѣшилъ предъ небомъ и землею. Я недостойнъ имени твоего сына! И вы, ваше сіятельство, и вы, вѣжнѣйшій отецъ кадета! прострите ко мнѣ объятія отца евангельскаго, а я устремлюсь въ нихъ съ умиленіемъ сына.“

На другой день пришелъ за мной въ тюрьму В. А. Озе-

ровъ. Въ саду предъ лагеремъ выстроенъ былъ въ каре весь нашъ корпусъ; графъ и всѣ начальники стояли въ срединѣ. Озеровъ ввелъ меня туда и громко и съ чувствомъ прочиталъ мое письмо. Графъ объялъ меня и назвалъ „своимъ сыномъ, своимъ другомъ!“ Прошло болѣе пятидесяти лѣтъ, но этотъ случай, можетъ-быть навсегда рѣшившій мою судьбу, все еще живо мнѣ памятенъ.

Была у насъ и собственная кадетская борьба мнѣнй; и на насъ отражался духъ XVIII столѣтїа, были у насъ свои материалисты и спиритуалисты; я былъ въ числѣ послѣднихъ. Вождемъ первыхъ былъ Г. А. Гааховъ. Страстно любилъ онъ Гомера и Тацита, но Гельвецій былъ его законодателемъ. Сильно защищалъ онъ его систему *вещественныхъ ощущеній*, а я съ жаромъ возражалъ, что побужденія нравственности и добродѣтели не могутъ быть окованы *ощущеніями вещественными*. „Самъ Гельвецій, говорилъ я, дѣлами опровергалъ могильную свою систему.“

Онъ былъ нѣжнымъ другомъ и защитникомъ человечества. Служа въ молодости по солянному откупу и слыша ропотъ утѣсненныхъ покупателей, не онъ ли въ порывѣ благороднаго негодованія воскликнулъ: „Убейте, убейте меня! можетъ-быть, это уймешь другихъ отъ хищнаго разбоя!“ Жаркіе наши споры иногда оканчивались ручною схваткой. Борьба вездѣ борьба. Сопротивника моихъ юношескихъ мыслей нѣтъ уже на свѣтѣ. Въ чинѣ майора онъ отправился въ Корфу и своимъ каре отразилъ оттоманскую конницу. Онъ вѣрно не думалъ тогда о Гельвеційѣ.

Въ это самое время собралось насъ человекъ шесть для книжной спекуляціи или оборота. Мы затѣвали скропать *Новый Жилблазъ*. Окончивъ двѣ части, отправили мы ихъ, мимо нашего начальства, къ цензору-полицеймейстеру Жаандру; а онъ препроводилъ рукопись нашу къ директору нашему Редигеру. Насъ пожурили, а спекуляція наша пошла въ огонь.

Страсть къ французскому театру внушила намъ Аллеръ, учитель риторики. Высокопарнымъ слогомъ своимъ онъ провозглашалъ намъ: „Корнель владычествуетъ на небесахъ, Расинъ на землѣ, а Кребильонъ въ областяхъ преисподнихъ.“ Вольтеру въ этомъ разрядѣ не было уголка, ибо онъ, вопреки узаконеніямъ школьнаго Батте, осмѣлился пѣвнать серада Заирой и Альзирой. Аллеръ до званія учителя риторики былъ французскимъ адвокатомъ. Когда онъ черезчуръ уме-

кался раздобарствомъ, графъ Ангальтъ говорилъ ему шутя: „Г. стряпчій, молчать!“ При этомъ Аллеръ съ театральною напыщенностью возглашалъ: „Нѣтъ, когда стряпчій говорить, тогда слушатели должны ему внимать. Это правило.“ Хотя нашъ адвокатъ-риторъ и не открылъ Ньютоновой системы, но, подобно ему, носилъ лѣтомъ и зимой одинаковую одежду. То было полукафтанье подбитое мѣхомъ и съ широкими карманами по обѣимъ сторонамъ. Въ порывѣ самодовольствія, ударяя по карманамъ, онъ восклицалъ: „У меня въ карманѣ вся французская словесность!“

Аллеръ читалъ намъ *Ифигенію* и *Федру*, а Плавильщиковъ, окончивъ съ нами Ломоносова, читалъ трагедіи Княжнина и Сумарокова и всѣ вышедшія тогда стихотворенія Державина. Когда прочелъ онъ намъ *Вельможу*;, гдѣ сказано:

Всякъ думаетъ, что я Чупятонъ,
Въ марокскихъ левтахъ и зѣздахъ,

мы спрашивали у него: кто же этотъ Чупятонъ? Онъ отвѣчалъ: „Говорятъ, что онъ былъ некогда богатымъ купцомъ, торговалъ за-моремъ, но одна сильная буря лишила его состоянія, и онъ сошелъ съ ума. Не могу сказать, торговалъ ли онъ съ Африкой, но въ помѣнательствѣ ему мечталось, что имъ пѣвнялась марокская принцесса и онъ любитъ ее взаимно, и что въ награду за его постоянство она присылаетъ ему тѣ почетные знаки, о которыхъ упоминаетъ Державинъ. Я познакомяю его съ вами.“ Плавильщиковъ сдержалъ свое слово, и на другой день, часу въ шестомъ вечера, онъ пришелъ къ намъ въ садъ съ марокскимъ кавалеромъ. Я смотрѣлъ на Чупятонъ съ большимъ вниманіемъ. Онъ былъ высокаго роста, во французскомъ кафтанѣ и съ машурными знаками. Больше всего удивляла меня его скромность: онъ шелъ тихо и очень вѣжливо намъ кланялся, такъ что мы безъ улыбки платили ему взаимнымъ поклономъ.

Къ особеннымъ нашимъ занятіямъ съ графомъ Ангальтомъ принадлежало чтеніе военныхъ записокъ и жизнеописаній древнихъ и новыхъ полководцевъ. Этимъ предметомъ занимался съ нами Ф. Ф. Саконъ, бывший потомъ фельдмаршаломъ.

Переживаются обстоятельства, а вмѣстѣ съ ними переживаются часто и люди: въ превратностяхъ свѣта трудно сохранить непоколебимость душевную; но кто основалъ дѣяствія свои на совѣсти, тотъ не отдастъ ихъ на произволь

легкомысленнаго мнѣнія: нравственную жизнь свою ставилъ онъ выше всего земнаго. Такъ говорилъ графъ Ангальтъ и никогда не измѣнялъ этому правилу. Мѣсяца за три до смерти своей подвергся онъ какой-то опалѣ при дворѣ, гдѣ никогда не былъ уклончивымъ царедворцемъ. вмѣстѣ съ охлажденіемъ Екатерины, все къ нему перемѣнилось, но онъ остался всегда тѣмъ же чѣмъ и прежде: ревностно исполнялъ свою генераль-адъютантскую должность и ни отъ кого изъ придворныхъ не допытывался объ этой перемѣнѣ, а къ намъ былъ еще привѣтливѣе. За два дня до смерти онъ медленными шагами обходилъ садъ и съ отеческимъ вниманіемъ бесѣдовалъ съ нами о говорящей стѣнѣ; послѣднимъ привѣтомъ его было не прощаніе, а надежда на скорое свиданіе. „Слабѣетъ тѣло мое, сказалъ онъ, но не душа. Вы, мои любезныя дѣти и друзья, всегда были въ ней, и она никогда не разстанется съ вами.“

Мы не знали что это было послѣднее свиданіе его съ нами. Графъ не призывалъ ни корпусныхъ, ни постороннихъ врачей. Ни жизни, ни смертию своею онъ никого не хотѣлъ беспокоить. Но какимъ были мы поражены ударомъ, когда директоръ нашъ К. Ф. Редигеръ сказалъ: „Общаго нашего отца нѣтъ—графъ Ангальтъ умеръ!“ Около семи лѣтъ былъ онъ начальникомъ и никого не огорчалъ ни дѣломъ, ни словомъ. Изъ старшаго нашего возраста назначили двадцать кадетъ въ домъ покойнаго графа. Въ томъ числѣ былъ и я. Умиленное зрѣлище представилось глазамъ нашимъ въ простой комнатѣ, гдѣ стоялъ гробъ его. Въ предсмертный часъ свой онъ поручилъ, чтобы все было какъ можно проще. Гробъ не былъ окруженъ никакою выставкою почетныхъ знаковъ. Но тутъ уже были и непрестанно приходили вдовы, сироты и люди различныхъ состояній. У гроба только открылась тай-

былъ съ нами дежурнымъ при гробѣ, тутъ же написалъ въ память графа стихи, помѣщенные покойнымъ цензоромъ П. А. Корсаковымъ въ первой книжкѣ *Маяка*.

Общая любовь петербургскихъ жителей, несмотря на опалу графа при дворѣ, провожала его въ могилу. Улицы, по которымъ везли тѣло его, затѣснялись народомъ. Кровли улицъ были зрителями, повсюду раздавались восклицанія: „Онъ былъ отцомъ кадетъ!“ А бѣдняки, провожая его, прибавляли: „Онъ былъ и нашимъ отцомъ!“

Ученіе графа Ангальта часъ отъ часу болѣе развивалось въ понятіяхъ его питомцевъ, во всѣхъ путяхъ ихъ жизни. Не упомяну о тѣхъ здѣсь, которые исчезли въ 1799 году въ войнѣ въ Швеціи, Итали и Голландіи. Съ 1812 года особенно извѣстны стали: Монахтинъ, Толя и Полетика. Первый, урвавая штабомъ корпуса Дохтурова, вывелъ наши полки, со всѣхъ сторонъ непрестанно тревожимые неприятелемъ, и на военномъ совѣтѣ подъ Смоленскомъ въ числѣ трехъ голосовъ былъ и его голосъ. Толя былъ дежурнымъ полковникомъ при Кутузовѣ; а Полетика, въ Лондонѣ напечатавшій на англійскомъ языкѣ статью о тогдашнемъ состояніи Россіи, былъ посломъ въ Сѣверной Америкѣ: рѣчь, произнесенная имъ тамъ, была напечатана въ заграничныхъ вѣдомостяхъ. Монахтинъ, въ чинѣ генерала, былъ убитъ на полѣ Бородинскомъ. Онъ былъ очень ученъ и удивлялъ Германцевъ и Французовъ знаніемъ ихъ языковъ. По окончаніи заграничной войны 1815 года, французскіе историки называли Толя первымъ русскимъ тактикомъ. Отчего это имъ такъ казалось? не разбираю этого. Скажу только, что ни Монахтинъ, ни Толя, ни Полетика не занимали ни въ одномъ изъ корпусныхъ классовъ первыхъ мѣстъ. Въ послѣдній годъ жизни графа Ангальта шесть кадетъ награждены были звѣздами, они не были въ числѣ ихъ, а я былъ; впрочемъ, они получили потомъ звѣзды на службѣ, но я ихъ не домогался заслужить.

Неизвѣстность и ожиданіе всегда волнуютъ умы. Долго домысливались мы, и наконецъ узнали, что къ намъ назначенъ начальникомъ Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ. Мы уже слышали о его подвигахъ подъ Измаиломъ, о его быстромъ движеніи за Дунаемъ на высотахъ Мачинскихъ, которое рѣшило побѣду и было первымъ шагомъ къ заключенію мира съ Портой Оттоманскою въ исходѣ 1791 года. Въ половинѣ 1794 года былъ онъ чрезвычайнымъ посломъ въ Константи-

нополѣ, гдѣ ловкою политикою возбуждая общее вниманіе по слову европейскаго. Въ блестящихъ лаврахъ вступилъ онъ къ намъ въ корпусъ, и тутъ встрѣтило его торжество, какъ будто нарочно приготовленное для него рукой графа Ангальта. Вошедъ въ нашу залу, онъ остановился тамъ гдѣ была высокая статуя Марса, по одну сторону которой начертана была выписка изъ тактики Фридриха II: „Вудь въ стѣнѣ Фабіемъ, а въ полѣ Ганнибаломъ“, а по другую сторону стоялъ бюстъ Юлія Кесаря. Кутузовъ молча стоялъ предъ Марсомъ, и я, черезъ ряды моихъ товарищей, подошелъ къ нему и сказалъ: „Ваше высокопревосходительство! Въ лицѣ графа Федора Евстафьевича Ангальта мы лишились нѣкаго нашего отца, но мы надѣемся, что и вы съ отеческимъ чувствомъ прижете насъ къ своему сердцу!“ Когда я кончилъ, Кутузовъ, окинувъ меня грознымъ взглядомъ, возразилъ: „Графъ Ангальтъ обходился съ вами какъ съ дѣтьми, а я буду обходиться какъ съ солдатами“. Мертвое молчаніе было на это отвѣтомъ.....

Было время испытанія для всѣхъ и для всего. Съ одной стороны буря революціи шумѣла во Франціи, съ другой запала война въ Польшѣ отъ тщеславнаго пера новаго временщика. Для взволнованныхъ страстей нѣтъ ни уреченія исторіи, ни опыта, тутъ нуженъ свѣтлячичъ истины. Но гдѣ его взять среди круженія нашихъ обществъ? Усомнилась и Екатерина въ ученіи графа Ангальта; ей показалось, что онъ какое-то необыкновенное дастъ направленіе умамъ нашимъ. А я во совѣсти скажу, что онъ даже никогда не признавалъ слова *революція*. Онъ предлагалъ намъ тогдашнія печатныя извѣстія въ видѣ только современной исторіи. „L'ignorance de ce qui est, entraîne l'esprit dans les ténèbres“, говорилъ онъ (незнаніе существующаго замечаетъ умъ въ потемки). Между тѣмъ, какая-то невидимая рука въ нашей залѣ съ оконъ и столовъ отбирала книги и газеты, и снимала со стѣнъ всѣ собственноручные памятники графа Ангальта. Часы отъ часу болѣе исчезали на стѣнахъ нашего сада и надписи, и эмблемы, и изображеніе системъ Тихобрега, Птолемея и Коперника; вѣстѣ съ ними отживали и пирамиды, и стѣны вавилонскія, и всѣ чудеса древняго міра. И въ стѣнахъ залы, и въ саду все для насъ перемѣнилось, кромѣ напоминанія о томъ человѣкѣ, который въ тѣсныя предѣлы корпуса отцовски старался переселить все то что

непрерывный рядъ вѣковъ передавалъ мысли человѣческой. Не стало у насъ ни французскихъ журналовъ и никакихъ заграничныхъ газетъ. Но въ это время вступилъ учителемъ французскаго языка въ младшій возрастъ Швейцарецъ Пашъ. Моя французская болтаивость скоро меня съ нимъ познакомила. Не знаю, родственникъ ли онъ того Паша, который былъ въ числѣ республиканскихъ министровъ и завлекъ умныхъ, но острометчивыхъ жирондистовъ сперва въ сѣти свои, а потомъ на гальботину. Упомяну только, что онъ передавалъ мнѣ всѣ вѣсти французской революціи. Опустѣла учебная область графа Ангальта, Кутузовъ переселился въ корпусъ, но жилъ въ немъ невидимкой. Это было въ исходѣ тринадцатаго года бытности нашей въ корпусѣ. Мы знали, что намъ преждевременно отпереть изъ него двери. Такъ и сбылось. Но прежде враздѣжу нѣсколько словъ о предубѣжденіи, которое и до сихъ поръ еще существуетъ относительно хода ученія при графѣ Ангальтѣ. Помогаетъ, будто бы оно поселяло въ умы наши какую-то извѣженность, отвращавшую отъ работъ и трудовъ обыкновенной службы. * Отвѣчаю на это примѣрами и начну съ моихъ товарищей, а потомъ съ кадетъ старшихъ возрастовъ, вышедшихъ изъ корпуса при графѣ Ангальтѣ. Покойный графъ Толь дослужился до всѣхъ военныхъ почестей, кромѣ фельдмаршала; сенаторъ Пелетика достигъ также всѣхъ почестей и продолжалъ службу; П. П. Турчаниновъ служилъ постоянно и умеръ генералъ-лейтенантомъ; М. С. Щуленниковъ служилъ въ гражданской службѣ, но участвовалъ въ Бородинской битвѣ и отъ полученныхъ тамъ ранъ сошелъ въ могилу; А. А. Писаревъ извѣстенъ по военной части и достигъ званія сенатора; А. X. Востоковъ занимался постоянно словесностью и изсѣдованіемъ отечественныхъ древностей; Н. В. Арсеньевъ проходилъ поприще военной и гражданской службы и отличился учрежденіемъ дома для

уступалъ въ этомъ искусствѣ одному только Горголии. Обращаясь къ кадетамъ старшихъ возрастовъ. 1799 года много было генераловъ въ Италии съ Суворовымъ. Но онъ послалъ къ императору Павлу съ извѣстіемъ о первыхъ своихъ побѣдахъ полковника Кушника, вышедшаго изъ корпуса при графѣ Ангальтѣ, и писалъ къ графу Радоичику: „Кушниковъ все знаетъ: перомъ напишетъ, карандашомъ нарисуетъ, циркулемъ измѣритъ мои шаги. Онъ всему научился въ корпусѣ. Ура!“ Несмотря на огромное состояние, приобретенное имъ по женитьбѣ, онъ умеръ на службѣ адресскимъ камереромъ. Товарищѣй Кушника, Саатякова и Меркулова находимъ сенаторами въ московскихъ департаментахъ. Упомянулъ я, что трагикъ нашъ Оверовъ умеръ прежде времени и въ припадкѣ унынія бросилъ въ огонь свою трагедію *Медеро*. Повеія неправдѣнна съ чувствительностью. Расинъ умеръ отъ косаго взгляда Лудовика XIV, а Мильтонъ, гонимый Карломъ II, не упалъ духомъ. Но все это не зависитъ отъ воспитанія. Полагаютъ также, будто бы при графѣ Ангальтѣ была въ корпусѣ какаѣ-то затворническая жизнь. Не говоря о томъ что у насъ былъ и свой театръ, и карусель, графъ Ангальтъ приглашалъ тогдашнихъ виртуозовъ Хондошкина, Жерновика и другихъ, чтобъ они играли концерты; прибавлю, что мы посѣщали и общественные театры, и концерты, и въ праздникъ выѣзжали въ городъ, къ нашимъ знакомымъ. Но что можно было занять тогда въ большомъ свѣтѣ, гдѣ женщины забавлялись рулеткой, гдѣ около нихъ кривлялись петиметры и гдѣ были и пожилые люди, которые, не понимая ни Спинозы, ни Ламетри, ни Вольтера, щеголяли пустымъ вольнодумствомъ? А я въ это время читалъ въ корпусѣ, что въ той же Франціи, гдѣ возставали противъ Бога и противъ безсмертія души, призывали предъ лицомъ діалаго народа и предъ лицомъ неба Высшее Существо и говорили: „Намъ нуженъ правота и добродѣтель“. И при жизни графа Ангальта были порицатели его ученія, но были и достойные цѣнители его. Князь Н. В. Репнинъ препоручалъ двухъ своихъ внуковъ Фогелю, преподававшему намъ исторію, съ тѣмъ чтобъ они пользовались наставленіями графа Ангальта. Вслѣдъ за нимъ явился графъ М. Ѡ. Каменскій съ двумя своими сыновьями и сказалъ графу Ангальту:

— Вы пропаганде юношамъ вашимъ путь къ славѣ и трудамъ, вы и въ корпусѣ продолжаете тѣ подвиги, которыми

увѣковѣчили имя свое въ борьбѣ вашего короля съ Саксонцами: шпагой вы побѣждали, а человеколюбіемъ привлекали сердца. Примите и моихъ сыновей подъ руководство ваше. И обратясь къ сыновьямъ, прибавилъ: — Подѣлайте руку, которая всегда миловала побѣжденныхъ непріятелей. — Графъ обнялъ ихъ, и они часто вмѣстѣ съ нами обходили садовую нашу стѣну и слушали его уроки. Князь Репнинъ и графъ Каменскій были первыми и старинными кадетами; стало-быть, они умѣли и могли цѣнить всѣ переходы корпуснаго воспитанія.

Графъ Ангальтъ подавалъ руку каждому русскому человеку, но не уступалъ ни шагу временной опѣки. Вѣрилъ ли Кутузовъ молвъ и о графѣ Ангальтѣ, и о корпусѣ, это его тайна. Но онъ вполнѣ былъ свѣтскимъ человекомъ и въ этомъ рѣзкою чертой отличался отъ Суворова. Отдалась отъ свѣта, Суворовъ только письмами напоминалъ о себѣ современникамъ. Кутузовъ не велъ переписки, но въ виду общества дѣйствовалъ лично; кланялся и уклонялся, выжидалъ и не упускалъ выжданнаго; оттерпывался и послѣ сумрачныхъ дней выходилъ блистательнѣе. Въ корпусѣ вступилъ онъ во всемъ сіяніи славы своей, но не для насъ. Онъ жилъ въ стѣнѣ корпуса, но не съ нами.

Послѣ графа Ангальта забывали у насъ человекъ шесть солдатъ; они задирали и обижали слабыхъ, въ числѣ которыхъ былъ и Толя. Однажды забіяки условились потѣшиться надъ нимъ. Для меня тогда была единственная отрада — отстаивать тѣхъ на кого нападали. Я присоветовалъ Толю спрятаться, а самъ послѣ ужина занялся переводомъ изъ *Анахарсиса* Бертелеми. Не отыскавъ Толя, забіяки налетѣли на меня и кричали: „ты его запряталъ, гдѣ онъ?“ „На что онъ вамъ,“ сказалъ я: „и долго вы еще будете тѣшить свои кулаки?“ Вмѣсто отвѣта кулаки застучали по моей головѣ. Я хотѣлъ выскочить въ окно, и стеклами изранилъ себѣ руку. Дѣло кончилось тѣмъ, что я за разбитіе казеннаго стекла и за шумъ былъ на сутки посаженъ въ карцеръ.

Изъ корпуса вышелъ я поручикомъ, и при первомъ шагѣ въ большой свѣтъ увидѣлъ, что буду въ немъ пришельцемъ и гостемъ.

По приказанію Льва Александровича Нарышкина, я напечаталъ въ корпусной типографіи *Письмъ Великой Екатерины*, перепелъ въ голубой атласъ и представилъ первое мое

печатное сочиненіе. Въ то же утро отправилъ онъ меня къ князю П. А. Зубову съ майоромъ Петровымъ, служившимъ при дворцовой конюшнѣ. Въ приемной князя было уже множество лицъ и въ мундирахъ, и во фракахъ. Нисколько не робѣя, но укрываясь отъ любопытныхъ взглядовъ, я прижался къ углу комнаты и прикрылъ шляпой мое сочиненіе; а мой услужливый путеводитель, какъ опытный знакомецъ съ передними знатныхъ, подбѣгалъ то къ тому, то къ другому, съ пріѣздами и разспросами. Я много уже читалъ о переднихъ временщикахъ и думалъ: чего отъ нихъ добиваются? Сегодня они все, а завтра, вмѣстѣ съ ихъ случайностью, все исчезнетъ, и тѣ самые рабѣнныя поклонники, которые съ такою жадностью лобили каждый ихъ взглядъ, первые забудутъ ихъ. Кроме этого, кружились въ головѣ моей и Римъ, и Спарта, и Аѳины, гдѣ не знали переднихъ, и гдѣ

Не нужно было ждать приказа молвить слово.

Тутъ, печально оглянувшись, я увидѣлъ М. И. Кутузова, который, недалеко отъ дверей, смиренно тоже прижался къ углу. Въ это время отъ князя вышелъ камердинеръ съ подносомъ и съ пустою шоколадною чашкой въ рукахъ. Кутузовъ поспѣшно подошелъ къ нему и спросилъ по-французски: „Скоро ли выйдетъ князь?“— „Часа черезъ два“, отвѣчалъ съ важностью камердинеръ. Кутузовъ, не отступавшій ни отъ стѣны Очакова, ни отъ стѣны Измаила, смиренно сталъ на прежнее мѣсто. Мнѣ стало невыносимо досадно; я подошелъ къ Петрову и сказалъ: „Я не стану болѣе ждать!“ Оторопѣвъ отъ этихъ словъ, Петровъ спросилъ: „Что же я доложу Льву Александровичу?“— „Что вамъ угодно! отвѣчалъ я. Кутузовъ, герой Мачинокій и Измаильскій, здѣсь ждетъ и не дожидается: а я что такое?“ Я ушелъ.

Ты отрѣкомъ меня пріяла,
 Ты разумъ мой образовала;
 Ты въ сердце чувства влила;
 Благотворительной рукою
 Ты правила моею душою!
 Ты жизнь мнѣ новую дала!

Державинъ похвалилъ эти стихи. Я былъ очень радъ; и благодаря моему памяти, съ восторгомъ началъ наизусть читать его *Фелицу*. Левъ Александровичъ приговаривалъ: „Продолжай братъ!“ Лицо Державина оживилось. Онъ подѣловалъ меня и сказалъ: „Питайте всегда чувства благодарности къ государынѣ, это дѣлаетъ честь вамъ и вашему сердцу; но, прибавилъ онъ, передалъ ли вамъ В. А. Озеровъ мнѣніе мое о вашей элегіи?“ Не дождавшись отвѣта, Левъ Александровичъ спросилъ: „А что, онъ видно и тамъ что-нибудь напреказилъ? Ужь не ударился ли онъ въ политику?“ Державинъ отвѣчалъ, что въ элегіи моей нѣтъ ничего предосудительнаго, но что я часто слишкомъ неосторожно увлекаюсь порывомъ воображенія.

— То-то, братъ, сказалъ Левъ Александровичъ, — воображеніе бредъ; а до политики не касайся, это не твое дѣло; наша политика въ кабинетѣ Екатерины. Она за насъ думаетъ и заботится. А наше дѣло пировать да веселиться!

Подлинно ли былъ въ этомъ убѣжденъ Левъ Александровичъ, не знаю; но я былъ уже въ нѣсколькихъ домахъ такъ-называемаго большого свѣта и нигдѣ не слышалъ ни слова о дѣлахъ европейскихъ. . . .

АРМАДЕЛЬ*

РОМАНЪ ВИЛЬКИ КОЛЛИНЗА.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

XIV. Дневникъ миссъ Гуильтъ.

„Площадь Всѣхъ Святыхъ, Новая улица, Лондонъ, іюля 28,
понедельникъ вечеромъ.

„Я такъ устала, что едва держу голову. Но въ моемъ настоящемъ положеніи нельзя полагаться на одну память. Прежде чѣмъ лечь въ постель, я должна, по обыкновенію, записать событія дня.

„До сихъ поръ счастье (долго оно не поворачивалось въ мою сторону) продолжаетъ мнѣ благопріятствовать. Мнѣ удалось принудить Армаделя — на такого грубаго олуха можно дѣйствовать только принужденіемъ! — отправиться изъ Торль-Амброза въ Лондонъ наединѣ со мною въ особенномъ ва-

насъ въ отдѣльный вагонъ, вѣроятно разчитывая получить въ награду полкроны по окончаніи нашего путешествія. Но Армадель дичился меня и не пытался даже скрывать этого. Мало-по-малу я приручила моего дикаря, частію же обнаруживая ни малѣйшаго любопытства насчетъ его поѣздки въ городъ, частію же заинтересовавъ его разговоромъ о Мидвинтерѣ, причеиъ я особенно наела на возможность примиренія между обоими друзьями. Я играла на этой струнѣ до тѣхъ поръ, пока не развязала ему языка и не заставила его наконецъ занимать меня, какъ подобаетъ джентльмену занимать даму, которой онъ имѣетъ честь сопутствовать.

„Весь его маленькій умишко, конечно, полонъ былъ его собственными дѣлами и его возлюбленною. Трудно передать, какую неловкость выказалъ онъ въ попыткѣ говорить о самомъ себѣ, не доверяя мнѣ, впрочемъ, своей тайны, и не называя миссъ Мильрой по имени! Онъ пресерьозно объявилъ мнѣ, что ѣдетъ въ Лондонъ по чрезвычайно важному для него дѣлу. Въ настоящее время это тайна, которую онъ надеется скоро открыть мнѣ; она заставляетъ его смотрѣть совершенно иначе на городскія сплетни и пересуды; онъ слишкомъ счастливъ, чтобъ обращать вниманіе на болтуновъ, и скоро зайдетъ имъ ротъ, явившись передъ ними въ совершенно новой роли, которая удивитъ ихъ всѣхъ. И такимъ-то образомъ продолжалъ онъ болтать, твердо убѣжденный, что не открылъ мнѣ ничего. Трудно мнѣ было удерживаться отъ смѣха, думая объ анонимномъ письмѣ моемъ къ майору; но я удержалась, хотя, по правдѣ сказать, съ большимъ трудомъ. По мѣрѣ того какъ время шло впередъ, я начинала чувствовать страшное возбужденіе: это положеніе было мнѣ, кажется, не подъ силу. Сидя съ нимъ наединѣ въ самой невинной, спокойной и дружеской бесѣдѣ, я въ то же время не переставала думать о томъ, что въ данный моментъ мнѣ придется смахнуть его съ своей дороги, какъ смахиваю я.

другомъ, вѣроятно разчитывая на его помощь въ задуманномъ имъ побѣгѣ. Болѣе серьезныхъ затрудненій должно было, конечно, ожидать со стороны Мидвинтера. Мое собственное неожиданное путешествіе въ Лондонъ помѣшало мнѣ писать ему раньше и опровергнуть его суевѣрное убѣжденіе въ необходимости разлуки съ другомъ. Оставивъ Армадела у подъезда въ кабриолетѣ, я пошла сначала одна въ гостиницу, чтобы приготовить примиреніе.

„По счастью, Мидвинтеръ былъ дома. Его восторгъ видѣть меня нѣсколькими днями раньше чѣмъ онъ надѣялся имѣть въ себѣ нѣчто возмутительное. Чтожъ! не таиться же мнѣ передъ собой! Была минута, когда я, подобно ему, забываю все на свѣтѣ, кромѣ его и себя! Мнѣ казалось, будто я снова переживаю дни моей юности — но вдругъ я вспомнила объ олухѣ, поджидавшемъ меня внизу. Тутъ я опять почувствовала что мнѣ тридцать пять лѣтъ.

„Услыжавъ о томъ кто ожидаетъ внизу и чего я требую, Мидвинтеръ измѣнился въ лицѣ и посмотрѣлъ на меня не сердито, но грустно. Впрочемъ, онъ скоро уступилъ, если не моимъ доводамъ, которыхъ я и не представляла ему, то моимъ просьбамъ. Весьма можетъ быть, что и прежняя привязанность къ другу заставила его поступить вопреки его собственной волѣ, но я скорѣе убѣждена, что онъ дѣйствовалъ исключительно подъ вліяніемъ своей любви ко мнѣ. Между тѣмъ какъ онъ сходилъ внизъ, я оставалась въ комнатѣ дожидаться его возвращенія, такъ что мнѣ неизвѣстно какъ произошла между ними эта первая встрѣча. Но какъ ярко выступила противоположность между обоими молодыми людьми, когда они вернулись ко мнѣ наверхъ! Оба были взводнованы, но какъ различно! Ненавидный Армадель, раскрасѣвшійся и неловкій, кричалъ и махалъ руками, между тѣмъ какъ милый, привлекательный Мидвинтеръ былъ блѣденъ и спокоенъ; голосъ его звучалъ такою нѣжностью, а въ глазахъ выражалось такъ много любви всякій разъ, какъ они обращались въ мою сторону. Армадель совершенно позабылъ о моемъ присутствіи, какъ будто меня и не было въ комнатѣ. Онъ же безпрестанно обращался ко мнѣ въ разговорѣ; онъ постоянно смотрѣлъ на меня, чтобы угадать мои мысли, въ то время какъ я молча сидѣла въ своемъ уголкѣ, наблюдая за ними: онъ непремѣнно хотѣлъ вѣхать со мною, чтобы найди мнѣ квартиру и избавить меня отъ всякихъ хлопотъ съ извозчи-

комъ и багажемъ. Когда же я поблагодарила и отказалась, Армадей явно обрадовался мысли что я уйду, и что другъ его будетъ вполнѣ принадлежать ему. Въ то самое время какъ я уходила, онъ, совсѣмъ развалившись и занявъ цѣлыя постола своими локтями, царапалъ письмо (вѣроятно къ миссъ Мильрой) и громко отдавалъ приказаніе слугѣ, чтобъ ему отвели номеръ въ этой же гостиницѣ. Я была увѣрена заранѣе, что онъ останется тамъ, гдѣ остановился его другъ. Не забавно ли было, что предположенія мои оправдались, и что судьба отдавала мнѣ его почти подъ непосредственный мой надзоръ.

„Объщавъ Мидвинтеру извѣстить его о томъ гдѣ намъ сойдтись на другой день, я взяла извозчика и отправилась одна искать себѣ квартиры.

„Послѣ довольно продолжительныхъ поисковъ мнѣ удалось наконецъ найти сносную гостиную и спальню въ домѣ, гдѣ никто меня не знаетъ. Заплативъ за недѣлю впередъ, я осталась теперь ровно при трехъ шиллингахъ и девяти пенсахъ. Просить денегъ у Мидвинтера, послѣ того какъ онъ уже заплатилъ за меня мистрисъ Олдершо, невозможно. Завтра я должна буду заложить свои часы и цѣпочку. Личь бы хватило на двѣ недѣли — вотъ все что мнѣ нужно. А къ этому времени, если еще не раньше, я буду уже замужемъ.

„Юля 29-го. Два часа.

„Сегодня рано поутру я написала нѣсколько словъ Мидвинтеру, назначая ему свиданіе у себя въ три часа пополудни. Окончивъ это, я посвятила утро на исполненіе двухъ дѣлъ. Объ одномъ едва ли стоить и упоминать — это закладъ часовъ и цѣпочки. Я выручила за нихъ больше чѣмъ ожидала, и вообще больше (предполагая даже, что я куплю себѣ одно или даже два дешевыя лѣтнія платья) чѣмъ я по всей вѣроятности истрачу до моей свадьбы.

„Второе дѣло было гораздо серьезнѣе. Оно привело меня въ контору адвоката.

„Еще вчера вечеромъ пришла я къ тому убѣжденію (хотя усталость помѣшала мнѣ записать это въ моемъ дневникѣ), что при моихъ настоящихъ отношеніяхъ къ Мидвинтеру, мнѣ нельзя будетъ видѣться съ нимъ сегодня, не сдѣлавъ по крайней мѣрѣ вида, будто я хочу посвятить его въ тайны моей жизни. За исключеніемъ одного необходимаго сообра-

женія, которое я должна тщательно имѣть въ виду, мнѣ весьма будетъ легко сочинить ему какую угодно сказку, ибо до сихъ поръ я еще никому ничего не разказывала на этотъ счетъ. Мидвинтеръ уѣхалъ въ Лондонъ, прежде чѣмъ мы успѣли серьезно заговорить съ нимъ объ этомъ предметѣ. Что же касается до Мильроевъ, то успокоивъ ихъ обыкновенными рекомендательными письмами, я, по счастью, могла не допускать ихъ ни до какихъ разспросовъ о моей частой жизни. Наконецъ, когда я публично примирилась съ Армадеемъ на проспектѣ большого дома, онъ былъ такъ глупъ и великодушенъ, что не допустилъ меня до объясненій. Когда же я выразила ему свое сожалѣніе, что въ минуту вспышки позволила себѣ угрожать миссъ Мильрой, и въ отвѣтъ выслушала его увѣреніе въ томъ, что воспитанница моя никогда не имѣла намѣренія сдѣлать мнѣ хотя малѣйшую непріятность, онъ опять-таки съ трогательнымъ великодушіемъ не захотѣлъ выслушать ни слова о моихъ домашнихъ дѣлахъ. Такимъ образомъ я не связана никакими прежними выдумками, и могу сочинить какую угодно сказку—впрочемъ, съ однимъ ограниченіемъ, на которое я уже намекала. Какой бы просторъ я ни давала своей фантазіи, я должна удерживать за собою имя и положеніе, съ которыми я явилась въ Торпъ-Амбросъ, потому что благодаря печальной извѣстности, соединенной съ другимъ моимъ имевемъ, мнѣ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ выйдти замужъ за Мидвинтера подъ моею дѣвическою фамиліею *Гуильтъ*.

„Это-то соображеніе и привело меня въ контору страпачго. Я сознавала, что до вторичнаго моего свиданія съ Мидвинтеромъ мнѣ необходимо узнать, какія послѣдствія могутъ произойти отъ брака вдовы, если она скроетъ свое вдовье имя.

„Не зная никого другаго изъ юристовъ, кому бы я могла довѣриться, я смѣло пошла къ адвокату, который велъ мое дѣло въ то ужасное время моей жизни, воспоминаніе о которомъ страшило меня теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь. Увидавъ меня, онъ, сколько я могла замѣтить, непріятно удивился. Я не успѣла еще сказать ни слова, какъ онъ уже поспѣшилъ выразить мнѣ надежду, что я не по собственному дѣлу пришла къ нему *опять* за совѣтомъ (съ сильнымъ удареніемъ на словѣ *опять*). Я поняла намекъ и предложила свой вопросъ отъ имени весьма стѣснительнаго въ подобныхъ слу-

чалъ лица—отсутствующей подруги. Адвокатъ очевидно помылъ меня съ разу; но онъ былъ такъ уменъ, что не далъ мнѣ этого почувствовать. Онъ сказалъ, что изъ вѣжливости къ дамѣ, которая выбрала меня своею представительницею, онъ отвѣтитъ на предложенный ему вопросъ, но подъ условіемъ, что эти заочныя совѣщанія съ нимъ черезъ третье лицо тѣмъ и окончатся.

„Конечно, я приняла эти условія, и въ то же время не могла не подивиться ловкости, съ которою онъ сумѣлъ держать меня на почтительномъ разстояніи, не нарушивъ правилъ вѣжливости и хорошаго обращенія.

„Какъ ни коротко было наше совѣщаніе (оно продолжалось лишь нѣсколько минутъ), однако я узнала все что мнѣ было нужно. Выходя за Мидвинтера подъ моимъ двѣичицмъ, а не вдовымъ именемъ, я не рискую ничѣмъ. Бракъ этотъ законенъ и можетъ быть расторгнутъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы мой мужъ, открывъ обманъ, самъ потребовалъ расторженія брака, и то не иначе какъ еще при моей жизни. Вотъ собственныя слова адвоката. Они разомъ избавили меня—по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи—отъ всякихъ опасеній за будущее. Единственнымъ обманомъ, который можетъ когда-либо быть открытъ моимъ мужемъ—и то если ему удастся застать меня на мѣстѣ преступленія—будетъ обманъ, который обезпечить за мною званіе и доходъ вдовы Армадела, а къ тому времени бракъ мой и безъ того будетъ расторгнутъ на вѣки.

„Половина третьяго! черезъ полчаса Мидвинтеръ будетъ здѣсь. Мнѣ нужно пойдти посмотрѣться въ зеркало. Я должна расшевелить свое воображеніе, чтобы сочинить ему маленькій семейный романъ. Неужели это волнуетъ меня? Да, что-то бьется и трепещетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде было у меня сердце. И это въ тридцать пять лѣтъ! да еще послѣ такой жизни, какова была моя!

„Шесть часовъ.

а то могу ли я въ послѣдствіи возвращаться къ ней, не сбиваясь, если это понадобится?

„Въ томъ что я сказала ему не было ничего новаго: это были избитыя пошлости, которыми полны всѣ романы. Умершій отецъ, потерянное состояніе, бездомные братья, съ которыми я боюсь встрѣчаться; больная мать, поддерживаемая моими заботами.... Нѣтъ! Не могу писать этого! Я ненавижу, я презираю себя, когда вспоминаю, что онъ повѣрилъ этому, потому что я это сказала; что онъ огорчился этимъ, потому что это была исторія *моей* жизни! Лучше подвергнуться опасности позабыть все и потомъ противорѣчить себѣ, лучше быть открытой и погибнуть, нежели останавливаться долге на этомъ унизительномъ обманѣ.

„Когда я доказала ему свою послѣднюю ложь, онъ заговорилъ мнѣ о себѣ и о своихъ надеждахъ. О, какъ отрадно мнѣ было тогда перейти къ этому предмету, какъ отрадно мнѣ говорить о немъ и теперь!

„Онъ принялъ то предложеніе, о которомъ писалъ мнѣ въ Торпъ-Амбросъ, и будетъ участвовать теперь въ новой газетѣ въ качествѣ иностраннаго корреспондента. Прежде всего онъ поѣдетъ въ Неаполь. Мнѣ, конечно, пріятнѣе было бы какое-нибудь другое мѣсто, потому что съ Неаполемъ соединяются у меня весьма тяжелыя воспоминанія. Рѣшено, что онъ оставитъ Англію не позднеѣ одиннадцатаго числа будущаго мѣсяца. Я должна буду отправиться съ нимъ уже въ качествѣ его жены.

„Вопросъ о свадьбѣ не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія. Все съ этой стороны идетъ такъ гладко и ровно, что я начинаю даже бояться какого-нибудь несчастія. Предложеніе сохранить нашъ бракъ въ тайнѣ, предложеніе, которое могло бы такъ затруднить меня, идетъ отъ него. Собираясь жениться на мнѣ подъ своимъ настоящимъ именемъ, которое онъ скрылъ отъ всѣхъ, кромѣ меня и мистера Брока, онъ, ради своихъ собственныхъ интересовъ, не желаетъ, чтобы кто-либо присутствовалъ при этой церемоніи, и всего менѣе другъ его Армадель. Мидвинтеръ уже прожилъ въ Лондонѣ цѣлую недѣлю, и когда пройдетъ другая недѣля, онъ потребуетъ оглашенія и обвѣнчается со мною въ церкви того прихода, гдѣ находится его гостиница. Вотъ единственныя необходимыя формальности. Мнѣ стоило только произнести *да* (какъ сказалъ онъ мнѣ), и затѣмъ не чувствовать ни малѣй-

шаго безпокойства о будущемъ. Я сказала да, но съ такимъ пожирающимъ безпокойствомъ о будущемъ, что испугалась, не замѣтилъ ли онъ его. О, какія блаженныя минуты наступили потомъ, когда онъ сталъ нашептывать мнѣ сладкія слова любви, между тѣмъ какъ я прятала на груди его свое лицо!

„Я опомнилась первая, и снова завела рѣчь объ Армадель. Мнѣ нужно было узнать ихъ вчерашній разговоръ, происшедшій послѣ моего отъѣзда.

„Отвѣтъ Мидвинтера ясно показывалъ, что онъ боится нарушить довѣріе, сдѣланное ему другомъ, но прежде чѣмъ онъ кончилъ, я уже поняла въ чемъ дѣло: Армадель совѣтовалась съ нимъ (какъ я и предполагала) насчетъ побѣга. Хотя Мидвинтеръ, повидимому, отговаривалъ его отъ этого намѣренія, однако изъ деликатности онъ не рѣшился говорить слишкомъ сильно, на томъ основаніи (хотя обстоятельства были совершенно различныя), что онъ самъ имѣлъ въ виду тайный бракъ. Во всякомъ случаѣ я поняла, что онъ произвелъ весьма незначительное впечатлѣніе, и что Армадель уже выполнилъ свое глупое намѣреніе обратиться за совѣтомъ къ главному клерку въ конторѣ его лондонскихъ адвокатовъ.

„Затѣмъ Мидвинтеръ предложилъ мнѣ вопросъ, котораго я ожидала рано или поздно. Онъ спросилъ меня, дозволю ли я ему открыть наши отношенія его другу, подъ условіемъ строжайшей тайны.

„— Я ручаюсь, сказалъ онъ, — что Алланъ оправдаетъ мое довѣріе. А когда наступитъ время нашей свадьбы, я сумѣю не допустить его присутствовать при этой церемоніи, и сдѣлаю такъ, что онъ никогда не узнаетъ (чего онъ никогда и не долженъ знать), что наши имена одинаковы. Это помогло бы мнѣ, продолжалъ онъ, говорить съ нимъ настоятельнѣе оцѣли его пріѣзда въ Лондонъ, еслибъ я могъ заплатить ему за его откровенность такую же откровенностью съ моей стороны.

„Послѣ этого мнѣ оставалось только дать необходимое позволеніе, и я дала его. Теперь мнѣ въ высшей степени важно

все что онъ скажетъ о своихъ любовныхъ дѣлахъ Мидвинтеру, онъ скажетъ и мнѣ.

„Порѣшивъ открыть Армаделю нашу тайну, мы опять стали говорить о самихъ себѣ. Какъ незамѣтно летѣло время! Какъ сладко было мнѣ забыться въ его объятіяхъ! Какъ онъ любитъ меня! Бѣдняжка, какъ онъ любитъ меня!

„Завтра утромъ я общааа сойдтись съ нимъ въ Реджентъ-Паркъ. Чѣмъ рѣже его будутъ здѣсь видѣть тѣмъ лучше. Конечно, обитатели здѣшняго дома совершенно посторонніе для меня люди, но все-таки благоразумнѣе соблюдать осторожность, какъ будто бы я была еще въ Торпъ-Амброзъ, и не подавать имъ мысли, что Мидвинтеръ женится на мнѣ. Если въ послѣдствіи, когда смѣлый поступокъ мой будетъ уже совершенъ, обо мнѣ стануть наводить справки, то показанія моей лондонской хозяйки могутъ мнѣ весьма пригодиться.

„Этотъ негодный старый Башвудъ! Говоря о Торпъ-Амброзъ, невольно вспоминаю о немъ. Любопытно знать, что скажетъ онъ, когда городскіе сплетники донесутъ ему, что Армадель уѣхалъ со мною въ Лондонъ въ особенномъ вагонѣ? Не нелѣпо ли въ возрастѣ и съ наружностью Башвуда воображать себя влюбленнымъ!....

„30-го іюля.

„Наконецъ, я имѣю извѣстія! Армадель получилъ письмо отъ миссъ Мильрой. Мое анонимное посланіе возымѣло надлежащее дѣйствіе. Дѣвчонку уже увезли изъ Торпъ-Амброза, и весь планъ побѣга разлетѣлся въ прахъ. Вотъ сущность того что сообщалъ мнѣ Мидвинтеръ, когда мы сошлись съ намъ въ паркѣ. Я притворилась чрезвычайно удивленною и высказала обыкновенное женское любопытство узнать всѣ

ственными интересами и узнать, какое впечатлѣніе произвело на Армаделя объявленіе о моемъ близкомъ бракѣ съ Мидвинтеромъ. Онъ могъ еще питать относительно меня подозрѣнія, и справки, наводимыя имъ обо мнѣ въ Лондонѣ по наущенію мистрисъ Мильрой, еще могли быть ему памяты.

„— Удивилася ли мистеръ Армадель, спросила я, — когда вы объявили ему о нашей будущей свадьбѣ, прибавивъ, что это должно остаться тайною для всѣхъ?“

„— Чрезвычайно удивилася, сказалъ Мидвинтеръ. — И когда я прибавилъ, что это должно остаться въ тайнѣ, онъ замѣтилъ только, что вѣроятно какія-нибудь семейныя причины побуждаютъ васъ окружать себя такою тайнственностью.“

„— Что же вы сказали на это? спросила я.“

„— Я сказалъ, что семейныя причины скорѣе съ моей стороны, отвѣчалъ Мидвинтеръ. — И счелъ нужнымъ прибавить, принимая въ расчетъ странное недоверіе къ вамъ Аллана въ Торпъ-Амброзъ, что вы открыли мнѣ всю вашу грустную исторію, которая вполне оправдываетъ ваше нежеланіе говорить безъ крайней необходимости о вашихъ семейныхъ дѣлахъ?“

„Я вздохнула свободнѣе. Онъ сказалъ именно то, что было нужно, и именно такъ, какъ мнѣ хотѣлось.“

„— Благодарю васъ, сказала я, — за то, что вы оправдали меня во мнѣніи вашего друга. Желаетъ ли онъ меня видѣть? прибавила я, чтобы перейти къ новому предмету о миссъ Мильрой и о побѣгѣ.“

„— Онъ пламенно желаетъ васъ видѣть, отвѣчалъ Мидвинтеръ. — Онъ въ большомъ отчаяніи, бѣдняжка, и я напрасно старался его успокоить, но онъ, мнѣ кажется, скорѣе поддается вліянію и сочувствію женщины.“

„— Гдѣ онъ теперь? спросила я.“

„Онъ былъ въ гостиницѣ, и туда-то я немедленно предложила ѣхать. Тамъ гдѣ шумно и многолюдно, я рискую, съ моимъ опущеннымъ вуалемъ, компрометтировать себя мѣше чѣмъ въ моей уединенной квартирѣ. Сверхъ того, для меня

пораженнаго двойнымъ ударомъ, похищеніемъ своей возлюбленной и моею предстоящею свадьбой съ Мидвинтеромъ. Сказать что онъ велъ себя какъ ребенокъ, значило бы обидѣть всѣхъ дѣтей, которые не родились идиотами. Онъ поздравилъ меня съ предстоящимъ бракомъ и проклялъ неизвестнаго негодяя, написавшаго майору анонимное письмо, не подозревая, что въ одно и то же время онъ говоритъ объ одномъ и томъ же лицѣ. Онъ то съ покорностью признавалъ права майора Мильроя какъ отца, то бранилъ его за равнодушіе ко всему, кромѣ механики и часовъ. Вскочивъ съ своего мѣста и со слезами на глазахъ объявивъ, что его дорогая Нелли ангелъ во плоти, онъ вслѣдъ затѣмъ мрачно опускался на стулъ, прибавляя, что дѣвушка съ ея характеромъ могла бы бѣжать немедленно и соединиться съ нимъ въ Лондонѣ. Несмотря на продолженіе добраго получаса на это глупое кривлянье, я успѣла наконецъ успокоить его, и затѣмъ, съ помощью нѣсколькихъ ласковыхъ словъ, выманила у него то, для чего и пріѣхала—письмо миссъ Мильрой.

„То было невыносимо длинное, многословное, запутанное письмо, словомъ письмо глупой дѣвочки. Я должна была прочесть много пошлостей и жалобъ, потратить много времени и терпѣнія надъ глупыми взрывами нѣжности и приторными подслуями, заключенными въ кружки чернилъ, прежде чѣмъ мнѣ удалось извлечь изъ этой галиматіи необходимое для меня свѣдѣніе; вотъ ихъ сущность:

„Получивъ мое анонимное предостереженіе, майоръ, повидимому, тотчасъ же послалъ за дочерью, и показалъ ей мое письмо.

„— Ты знаешь, какую ужасную жизнь веду я съ твоею матерью; не увеличивай же этого горя, Нелли, своимъ обманомъ.

Вотъ все что сказалъ ей бѣдный старикъ. Я всегда любила майора, и мнѣ сдается, что и онъ также любилъ меня, хотя и боялся это показывать. Такое воззваніе къ дочери (если только вѣрить ея словамъ) тронуло ее до глубины сердца. Она залилась слезами (погоди, еще заплачешься, когда настанетъ время!) и призналась ему во всемъ.

„Давъ ей оправиться немного (не мѣшало бы лучше дать ей туза!), майоръ предложилъ ей нѣкоторые вопросы и убѣдился (какъ убѣдилась и я сама), что сердце, или мысли, или воображеніе его дочери дѣйствительно заняты однимъ Армаделемъ. Это открытіе и огорчило, и удивило его. Онъ, пови-

димому, не рѣшалась переимѣнить свое невыгодное мнѣніе о возлюбленномъ миссъ Нелли. Но слезы и мольбы дочери (какъ я узнаю въ этомъ его слабость!) оказали наконецъ свое дѣйствіе. Хотя онъ положительно отказался освятить въ настоящее время своимъ согласіемъ какія-либо брачныя обязательства между ними, однако онъ простилъ тайныя свиданія въ паркѣ и согласился подвергнуть Армадею испытанію на извѣстныхъ условіяхъ.

„Эти условія состоятъ въ томъ, что въ теченіи слѣдующихъ шести мѣсяцевъ всѣ личныя и письменныя сношенія между имъ и миссъ Мильрой должны прекратиться. Этотъ промежутокъ времени молодой человѣкъ употребить по своему благоусмотрѣнію, а молодая миссъ кончить между тѣмъ свое воспитаніе въ школѣ. Если, по истеченіи этого срока, взаимныя чувства ихъ не измѣнятся, и поведеніе Армадея дастъ о немъ лучшее понятіе майору, ему позволятъ вернуться въ Торпъ-Амброузъ въ качествѣ жениха миссъ Мильрой, а черезъ другіе шесть мѣсяцевъ, если все будетъ идти хорошо, совершится и самый бракъ.

„Будь я теперь съ милымъ, старымъ майоромъ, мнѣ кажется, я расцѣловала бы его! Лучшихъ условій не могла бы продиктовать даже и я сама. Шестъ мѣсяцевъ полной разлуки между Армадеемъ и миссъ Мильрой! Да, нужны какія-нибудь особенныя препятствія, чтобы въ половину этого времени я не облачилась въ должный трауръ и не была официально утверждена въ правахъ вдовы Армадея!...

„Но я забываю о письмѣ дѣвчонки. Она сообщаетъ о причинахъ, побудившихъ ея отца на подобныя условія, и приводитъ его собственныя слова. Майоръ говорилъ, повидимому, съ такимъ умомъ и чувствомъ, что ни его дочери, ни самому Армадею нельзя будетъ поступить теперь иначе, какъ подчиниться его волѣ. Сколько могу припомнить изъ письма миссъ Нелли, онъ, кажется, выразился такъ:

„— Не думай, моя милая, чтобы я поступалъ съ тобой жестоко; я прошу тебя только подвергнуть мистера Армадея испытанію. Необходимость требуетъ, чтобы на будущее время ты прекратила съ нимъ всѣ сношенія, и я сейчасъ докажу тебѣ почему. Вопервыхъ, если ты поступишь въ школу, то правила этого заведенія не позволяютъ тебѣ, ради другихъ дѣвицъ, видаться съ мистеромъ Армадеемъ, или получать отъ него письма; а будущей владѣтельница Торпъ-Ам-

броза необходимо поступить въ школу, иначе и тебѣ, и мнѣ самому стыдно будетъ, если ты займешь положеніе знатной дамы, не имѣя ни ея образованія, ни ея талантовъ. Вотъ-рыхъ, я желаю видѣть, сохранить ли мистеръ Армадель свои настоящія чувства къ тебѣ, не взирая на прекращеніе между вами личныхъ и письменныхъ сношеній. Если я не правъ, считая его вѣтреннымъ и непостояннымъ, а твое мнѣніе о немъ справедливо, то это испытаніе не должно страшить тебя: истинная любовь переживаетъ и болѣе долгую разлуку чѣмъ какіе-нибудь шесть мѣсяцевъ. А когда этотъ срокъ пройдетъ, совсѣмъ пройдетъ, и я въ теченіе другихъ шести мѣсяцевъ удостовѣрюсь своими собственными глазами, что онъ заслуживаетъ твое высокое о немъ мнѣніе, — то и тогда, моя милая, послѣ всей этой ужасной проволоочки, тебѣ придется выйдти замужъ, не имѣя и осьмнадцати лѣтъ отъ роду. Подумай объ этомъ, Нелли, и докажи, что любишь меня и до-вѣряешь мнѣ, согласившись на мое предложеніе. Самъ я не хочу имѣть съ мистеромъ Армаделемъ никакихъ личныхъ сношеній. Я позволяю тебѣ написать къ нему и сообщить ему о моемъ рѣшеніи. Онъ въ свою очередь можетъ отвѣчать тебѣ одинъ разъ, для того чтобъ извѣстить тебя о своихъ намѣреніяхъ. Затѣмъ, изъ уваженія къ твоей репутаціи, всѣ переговоры и сношенія между вами должны прекратиться, и дѣло должно быть сохрaнено втайнѣ до истеченія шести-мѣсячнаго срока.

„Таковъ былъ смыслъ майоровыхъ словъ. Изъ всего сказаннаго въ письмѣ самое сильное впечатлѣніе произвело на меня его поведеніе относительно этой маленькой неряхи. Оно заставило меня задуматься (именно меня!) о томъ что люди называютъ „нравственнымъ затрудненіемъ“. Мы безпрестанно слышимъ, что между добродѣтелью и порокомъ не можетъ быть ничего общаго. Неужели не можетъ? Да возьмемъ для примѣра хоть майора Мильроя. Онъ поступаетъ такъ, какъ поступилъ бы при подобныхъ обстоятельствахъ всякій добрый, любящій, и въ то же время благоразумный и твердый отецъ, а между тѣмъ такимъ образомъ дѣйствій онъ приготовляетъ и облегчаетъ теперь дорогу *для меня*, какъ будто онъ избранный сообщникъ негоднаго существа, миссъ Гуильтъ. Смѣшно подумать, что это я рассуждаю такимъ образомъ! Но мнѣ такъ весело сегодня, что я Богъ знаетъ на что спо-

собна. Давно уже лицо мое не было такъ свѣжо и молодо, какъ нынче!

„Еще разъ возвращаюсь къ письму. Оно до такой степени скучно и глупо, что я принуждена въ видѣ отдыха прибѣгать иногда къ собственнымъ размышленіямъ.

„Торжественно объявивъ, что она намѣрена привести себя въ жертву желаніямъ и требованіямъ любимаго ею отца (безстыдная наглость, съ которою она выставляетъ себя жертвою послѣ всего случившагося, превосходить собою всякое описаніе!), миссъ Нелли упоминаетъ дагѣе, что майоръ намѣренъ увезти ее въ одинъ изъ приморскихъ городовъ, для перемены климата и мѣста, на тотъ короткій срокъ, который остается ей до поступленія въ школу. Армадэль долженъ прислать ей свой отвѣтъ въ Лоустофтъ на имя ея отца. На этихъ словахъ, съ прибавленіемъ послѣднихъ нѣжныхъ увѣреній, нацарапанныхъ въ одномъ изъ уголковъ письма, оканчивается это посланіе. (N. В. Цѣль майора везти ее къ морю весьма помята. Втайнѣ онъ все еще не довѣряетъ Армадэлю, и какъ благоразумный человѣкъ, рѣшается предупредить дальнѣйшія свиданія въ паркѣ, покаместъ дѣвчонку не отдадутъ въ школу.)

„Когда чтеніе письма было окончено, я попросила позволеніе во второй и даже въ третій разъ прочесть нѣкоторыя мѣста, особенно мнѣ понравившіяся! Потомъ мы стали всѣ вмѣстѣ дружески совѣщаться о томъ, какъ поступить теперь Армадэлю.

„Онъ былъ такъ глупъ, что вздумалъ было сначала протестовать противъ условій майора. Не взирая на свое ненавистное румяное лицо, — типъ грубаго животнаго здоровья, — онъ объявилъ, что не проживетъ и шести мѣсяцевъ въ разлукѣ съ своею возлюбленною Нелли. Мидвинтеръ (какъ легко можно вообразить себѣ) краснѣлъ за него и, вмѣстѣ со мною, старался его образумить. Мы доказывали ему, — что было бы ясно для всѣхъ, кромѣ такого олуха какъ онъ, — что чувство чести и даже приличія вынуждаютъ его послѣдовать примѣру молодой дѣвушки.

„— Имѣйте терпѣніе, и она будетъ вашею женою, сказала я.

„— Будьте терпѣливы, и вы заставите майора переменить то невыгодное мнѣніе, которое онъ составилъ себѣ о васъ, прибавилъ Мидвинтеръ.

При содѣйствіи двухъ умныхъ людей, усердно старав-

шихся вбить ему въ голову здравыя мысли, онъ, конечно, долженъ былъ уступить и покориться.

„Склонивъ его на условія майора (я имѣла осторожность предупредить его, прежде чѣмъ онъ успѣлъ отвѣчать миссъ Мильрой, что нашъ будущій бракъ съ Мидвинтеромъ долженъ остаться тайной даже и для нея) мы занялись потомъ вопросомъ о его будущихъ дѣйствіяхъ. У меня уже готовы были необходимыя возраженія, чтобъ отговорить его отъ возвращенія въ Торпъ-Амбросъ, еслибъ это ему вздумалось. Но ничего подобнаго онъ и не предлагалъ. Напротивъ, онъ самъ объявилъ, что ничто на свѣтѣ не заставитъ его туда вернуться. Городъ и его обитатели сдѣлались ему ненавистны. Вѣдь не будетъ тамъ теперь ни миссъ Мильрой, чтобы встрѣчать его въ паркѣ, ни Мидвинтера, чтобы дѣлать его удивленіе въ пустомъ домѣ.

„— Я готовъ скорѣе идти на дорогу бить камни, былъ его остроумный и игривый отвѣтъ,—чѣмъ возвращаться въ Торпъ-Амбросъ.

„Первое предложеніе затѣмъ шло отъ Мидвинтера. Старый хитрецъ священникъ, надѣлавшій столько безпокойства мистрисъ Ольдершо и мнѣ, былъ недавно боленъ; но по послѣднимъ извѣстіямъ, ему стало лучше.

„— Почему бы вамъ не съѣздить въ Соммерсетширъ? сказалъ Мидвинтеръ: и не повидаться съ нашимъ общимъ другомъ, мистеромъ Брокомъ?

„Армадель съ радостію ухватился за эту мысль. Впервые, онъ пламенно желалъ видѣть своего „милаго, стараго Брока“; восторыхъ, онъ горѣлъ нетерпѣніемъ увидать свою яхту. Пробывъ еще нѣсколько дней въ Лондонѣ съ Мидвинтеромъ, онъ охотно поѣдетъ въ Соммерсетширъ. Ну, а потому что?

„Пользуясь удобнымъ случаемъ, я на этотъ разъ поспѣшила на выручку.

„— У васъ есть яхта, мистеръ Армадель, сказала я, и вы знаете, что Мидвинтеръ ѣдетъ въ Италію. Когда вамъ надоѣстъ Соммерсетширъ, то почему бы вамъ не пуститься въ

ное для него развлеченіе. Онъ взошелъ съ своего мѣста и въ порывѣ признательности неистово сжалъ мою руку. Какъ ненавижу я людей, которые не иначе могутъ выражать свои чувства, какъ причиняя боль рукамъ своихъ ближнихъ!

„Мидвинтеру также понравилось мое предложеніе; но исполненіе его казалось ему труднымъ. Онъ находилъ, что яхта была слишкомъ мала для плаванія по Средиземному морю, и считалъ необходимымъ нанять болѣе безопасное судно. Другъ его думалъ иначе. Я оставила ихъ на этомъ спорѣ. Съ меня довольно было, впервыхъ, удостовѣриться, что Армадель не поѣдетъ въ Торпъ-Амброзъ, восторыхъ, склонить его на границучную поѣздку. Пусть его избираетъ теперь такой способъ путешествія, какой ему понравится, хотя я, съ своей стороны, предпочла бы маленькую яхту: она могла бы оказать мнѣ неоцѣнную услугу — утопить его....

„Пять часовъ.

„Чувство радости при мысли, что всѣ будущія дѣйствія Армаделя находятся теперь подъ моимъ полнѣйшимъ контролемъ, такъ возбуждительно подѣйствовало на мои нервы, когда я вернулась домой, что я принуждена была снова выйти изъ дома и искать развлеченія; для этого я отправилась въ Пимлико, чтобы расквитаться съ тетужкой Олдершо.

„Я пошла пѣшкомъ, и дорогой рѣшила, что начну прямо съ ссоры. Такъ какъ одна моя расписка уже оплачена, а по двумъ другимъ Мидвинтеръ также намѣренъ уплатить какъ только выйдетъ имъ срокъ, то мое настоящее положеніе относительно этой старой карги на столько теперь независимо, на сколько можно этого желать. Когда дѣло доходитъ у насъ съ ней до настоящей борьбы, то я всегда одерживаю надъ нею верхъ, и всегда нахожу ее въ высшей степени мягкой и сговорчивой, какъ скоро дамъ ей почувствовать свое пре-

„Но въ Пимаико меня ожидалъ сюрпризъ. Домъ былъ запертъ, не только на половинѣ мистрисъ Олдершо, но даже на половинѣ доктора Даувварда; на дверяхъ лавки висѣлъ замокъ, а кругомъ взадъ и впередъ расхаживалъ какой-то подозрительный человѣкъ, который, конечно, могъ быть и простымъ зѣвакою, но который, на мой взглядъ, походилъ скорѣе на переодѣтаго полицмена.

„Зная опасности, которымъ подвергается докторъ въ своей оригинальной практикѣ, я сразу почувала недоброе, и догадалась, что вѣрно и хитрая мистрисъ Олдершо на этотъ разъ попалась. Не останавливаясь и, слѣдовательно, не наводя справокъ, я кликнула перваго проѣзжавшаго извозчика и отправилась въ почтовую контору, въ которую просила препроводить всѣ письма, могущія придти на мое имя со времени моего отъѣзда изъ Торпъ-Амброза.

„На мой вопросъ, нѣтъ ли писемъ на имя миссъ Гуильтъ, мнѣ подали одно. Я тотчасъ же узнала почеркъ тетушки Олдершо, которая увѣдомляла меня (какъ я и предполагала), что докторъ попалъ въ большую бѣду, что сама она, къ несчастію, также замѣшана въ этомъ дѣлѣ, и что оба они въ настоящее время принуждены скрываться. Письмо оканчивалось довольно ядовитыми намеками на мое поведеніе въ Торпъ-Амброзѣ и угрозою, что мистрисъ Олдершо еще дастъ мнѣ о себѣ вѣсточку. Такой тонъ успокоилъ меня, потому что еслибъ она подозрѣвала о моихъ настоящихъ намереніяхъ, она выражалась бы вѣжливо и даже подобострастно. Я сожгла письмо. Теперь покажѣсть всѣ мои сношенія съ тетушкой Гезавелью прекращаются. Я должна сама совершить свое темное дѣло, и чѣмъ менѣе я буду довѣряться другимъ, тѣмъ безопаснѣе будетъ для меня.

„31 іюля.

„Еще одно довольно важное извѣстіе! Я опять имѣла свиданіе съ Мидвинтеромъ въ паркѣ (подъ тѣмъ предлогомъ, что его частыя посѣщенія ко мнѣ на домъ могутъ повредить моей репутаціи) и имѣю черезъ него самыя свѣжія новости

Они рѣшили выдавать слугамъ жалованье вмѣстѣ съ харчевыми деньгами попрежнему, а мистера Башвуда оставить при его настоящей должности. (Что вы хотите, не нравится лиъ это вторичное появленіе мистера Башвуда въ связи съ моими собственными интересами! но что же дѣлать?) Слѣдующій затѣмъ вопросъ — вопросъ о деньгахъ, сразу рѣшенъ былъ самимъ Армаделемъ. Мистеръ Башвудъ получить отъ него приказаніе помѣстить всѣ свободныя деньги (весьма значительную сумму) въ банкъ Коутса на имя Армадела. Это, какъ онъ говоритъ, избавить его отъ лишней переписки съ управляющимъ и дать ему возможность во время путешествія за границей имѣть деньги по первому востребованію. Такого рода планъ, безъ сомнѣнія, наипростѣйшій и наиболѣе вѣрный, получилъ полное одобреніе Мидвинтера, и этимъ кончились бы вѣроятно ихъ совѣщанія, еслибы вѣрный мистеръ Башвудъ не подвернулся опять въ разговоръ и не далъ ему совершенно новое направленіе.

„Вникнувъ серіозно въ это дѣло, Мидвинтеръ нашелъ немного страннѣмъ, еслибы вся отвѣтственность за Торпъ-Амбросъ пала на мистера Башвуда. Безъ всякаго подозрѣнія къ его личности, Мидвинтеръ чувствовалъ въ то же время, что надъ нимъ слѣдуетъ поставить старшаго, къ которому бы онъ могъ обращаться за помощію или совѣтомъ въ случаѣ какого-либо недоумѣнія. Армадель и не возражалъ на это; по обыкновенію не находчивый, онъ спросилъ только, гдѣ найти такого человѣка?

„Отвѣтъ былъ довольно затруднителенъ. Оба торпъ-амбросскіе адвоката могли бы равно годиться для этой должности, но Армадель былъ въ ссорѣ и съ отцомъ, и съ сыномъ. О примиреніи съ такимъ заклятымъ врагомъ, какъ старшій адвокатъ, мистеръ Дарчъ, нечего было и думать; возстановить же въ прежнихъ правахъ мистера Педгифта Старшаго значило бы со стороны Армадела молча оправдать его отвратительное поведеніе относительно меня, что едва ли было бы согласно съ чувствомъ уваженія, которое Армадель питаетъ къ будущей жемѣ своего друга.

чтобъ онъ взялъ на себя главное управленіе дѣлами, и въ случаѣ надобности не отказалъ бы мистеру Башвуду въ своихъ совѣтахъ и указаніяхъ. Такъ какъ Норвичъ находится отъ Торпъ-Амброза на разстояніи нѣсколькихъ часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, то Армадель нашелъ это предложеніе весьма удобнымъ и обѣщалъ написать къ адвокату. Опасаясь, чтобы безъ чужой помощи онъ не надѣлалъ какой-либо ошибки, Мидвинтеръ сочинилъ ему черновое письмо, а Армадель немедленно занялся перепиской его на-бѣло, и сверхъ того написалъ къ мистеру Башвуду, прося его помѣстить деньги въ банкъ Коутса.

„Всѣ эти подробности сами по себѣ до того неинтересны и сухи, что я сначала колебалась, записывать ли ихъ въ свой дневникъ? Но подумавъ немного, я убѣдилась, что онѣ слишкомъ важны, чтобъ ихъ можно было обойти молчаніемъ. Съ моей точки зрѣнія, онѣ просто означаютъ, что Армадель дѣйствіемъ своей собственной воли отнимаетъ у себя возможность всякихъ сношеній съ Торпъ-Амброзомъ, даже посредствомъ переписки. *Для всѣхъ оставшихся позади его, онъ уже все равно что умеръ.* Причины такого результата конечно заслуживаютъ самое видное мѣсто на этихъ страницахъ.

„1-го августа.

„Записывать нечего, кромѣ того что я провела длинный счастливый день съ Мидвинтеромъ. Онъ нанялъ карету, и мы отправились въ Ричмондъ обѣдать. Послѣ всѣхъ ощущеній кнѣжнѣнаго дня, я уже не могу обманывать себя долѣе. Пусть будетъ, что будетъ, — я люблю его!

„Съ тѣхъ поръ какъ онъ ушелъ отъ меня, я впала въ хандру. Не могу отдѣлаться отъ овладѣвшаго мною убѣжденія, что ровный и благопріятный ходъ моихъ дѣлъ въ Лондонѣ слишкомъ ровенъ и благопріятенъ, чтобы продолжаться долго. Чтѣ-то особенно тяготитъ меня сегодня вечеромъ, чего нельзя объяснить только однимъ душающимъ лондонскимъ воздухомъ.

„2-го августа. Три часа.

„Мои предчувствія, какъ это бываетъ и у другихъ людей, повольно часто меня обманывали. но я боюсь, чтобы вчерашнія мои предчувствія не оказались на этотъ разъ дѣйствительно пророческими.

„Послѣ завтрака я отправилась, къ одной соседней модисткѣ, чтобы заказать себѣ дешевое лѣтнее платье, а оттуда снова въ гостиницу къ Мидвинтеру, чтобы усаовиться съ нимъ о новой поѣздкѣ за городъ. Къ модисткѣ и въ гостиницу я ѣздила въ кебѣ, а также и нѣкоторую часть обратнаго пути сидѣла въ экипажѣ. Но потому, задыхаясь отъ спертаго воздуха кеба (вѣроятно кто-нибудь курилъ въ немъ до меня), я вышла и ковчила свой путь пѣшкомъ. Черезъ двѣ минуты, не болѣе, я замѣтила, что за мной слѣдитъ какой-то странный господинъ.

„Быть-можетъ, то былъ праздный гуляка, котораго поразила моя фигура и вообще моя вѣдшность. Лицо мое не могло произвести на него впечатлѣнія, потому что я была подъ вуалемъ. Не знаю, откуда онъ началъ слѣдить за мной, отъ модистки или отъ гостиницы, и дослѣдилъ ли онъ меня до моихъ дверей. Знаю только, что я потеряла его изъ вида прежде чѣмъ вернулась домой. Дѣлать нечего, нужно ждать, не объяснять ли чего новаго событія. Если въ этомъ приключеніи есть что-либо серьезное, то это скоро откроется.

„Пять часовъ.

„Да, это было весьма серьезно. Минуть десять тому назадъ я сидѣла въ своей спальнѣ, которая примыкаетъ къ гостиной. Я уже собиралась выйти, какъ вдругъ услышала странный голосъ на площадкѣ лѣстницы, голосъ женщины. Затѣмъ дверь въ гостиную внезапно отворилась, и голосъ проговорилъ: „Не эти ли комнаты отдаете вы внаемъ?“ И хотя хозяйка, стоявшая позади, отвѣчала: „Нѣтъ! повыше, сударыня!“ незнакомка прямо подошла, однако, къ моей спальнѣ, какъ будто ничего не слыша. Я едва успѣла захлопнуть ушей подъ носомъ дверь, прежде чѣмъ она увидѣла меня. Затѣмъ, между хозяйкой и ею послѣдовали взаимныя объясненія и извиненія, и я снова осталась одна.

„У меня нѣтъ времени писать болѣе. Ясно, что кто-то заинтересованъ дознаніемъ моей личности, и что еслибы не моя находчивость, то эта подозрительная женщина достигла бы своей цѣли, заставъ меня врасплохъ. Я подозреваю, что она и мужчина, слѣдившій за мной на улицѣ, дѣйствуютъ заодно; вѣроятно есть еще третье лицо на заднемъ планѣ, интересамъ котораго они служатъ? Неужели это тетенька Олдершо разить меня во мракѣ? Кому же и быть, кромѣ

са? Все равно, кто бы это ни былъ, мое настоящее положеніе слишкомъ серьезно, чтобъ имъ можно было шутить. Я должна сегодня же вечеромъ бѣжать изъ этого дома, не оставляя позади себя никакихъ слѣдовъ, по которымъ можно было бы отыскать меня.

„8-го августа. Герн-стритъ, Тоттенгамскіи Дворцовый проспектъ.

„Написавъ вчера нѣсколько объяснительныхъ словъ Мидвигтеру, причемъ „моя больная мать“ выставлена была главною и вполнѣ уважительною причиною моего внезапнаго исчезновенія, я вышла съ моей прежней квартиры и укрылась здѣсь. Это, конечно, стоило мнѣ денегъ, но цѣль моя достигнута! Трудно было бы кому-нибудь прослѣдить за мною отъ площади Всѣхъ Святыхъ до моей настоящей квартиры. Заплативъ хозяйкѣ законную неустойку за внезапный съездъ безъ предувѣдомленія, я условилась съ ея сыномъ, что онъ отвезетъ мои вещи въ багажное отдѣленіе ближайшаго дебаркадера, а билетъ на полученіе ихъ пришлетъ мнѣ въ письмѣ на почту, гдѣ онъ и будетъ лежать до моего востребованія. Между тѣмъ какъ онъ отправился въ одну сторону, я пошла въ другую, захвативъ съ собою въ маленькомъ сакъ-воакѣ нѣкоторыя необходимыя вещи. Я пошла прямо въ магазинъ моей модистки, гдѣ замѣтила вчера задній выходъ на черный дворъ, черезъ который приходять и уходятъ мастерицы. Я прямо вошла въ магазинъ оставивъ кабріолетъ у подъезда.

„— За мной слѣдитъ мушкетеръ, сказала я;—и мнѣ хотѣлось бы отвязаться отъ него. Вотъ деньги извощику; подождите минуту десять прежде нежели высылать ихъ, и выпустите меня черезъ задній ходъ!

„Въ одну минуту я очутилась на черномъ дворѣ, затѣмъ въ слѣдующей улицѣ, окаякнула проѣзжавшій омнибусъ и снова почувствовала себя вольною птицей.

„Прервавъ такимъ образомъ все сношенія съ своею прежнею квартирою, я рѣшилась (на тотъ случай, еслибы за Мидвигтеромъ и Армадэлемъ стали также присматривать) прервать, по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней, всѣ сношенія и съ гостившей. Я написала къ Мидвигтеру, еще разъ осылалась на свою вымышленную мать, чтобы предупредить его, что я прикована къ ея постелѣ, и что мы должны покаместъ ограничиться одною перепиской. Такъ какъ тайный врагъ мой

еще не открытъ, то я и не могу ничего другаго предпринять пока для своей обороны.

4-го августа.

„Я получила по письму отъ обоихъ друзей. Милдвинтеръ въ самыхъ нѣжныхъ выраженiяхъ высказываетъ мнѣ свое сожалѣнiе о нашей разлукѣ, а Армадей умоляетъ помочь ему въ одномъ весьма затруднительномъ обстоятельстве. Онъ получилъ письмо отъ майора Мильроя и посылаетъ его мнѣ.

„Покинувъ морской берегъ и помѣстивъ свою дочь въ ранѣе выбранную для нея школу (въ окрестностяхъ Ила), майоръ вернулся въ концѣ прошедшей недѣли въ Торпъ-Амброузъ; тутъ онъ услышалъ въ первый разъ о сплетнѣ насчетъ меня и Армадея, и немедленно написалъ объ этомъ къ послѣднему, требуя у него объясненiя.

„Письмо это коротко и строго. Майоръ Мильрой съ презрѣнiемъ говоритъ объ этой сплетнѣ какъ не заслуживающей ни малѣйшаго вѣроятiя, потому что трудно было бы допустить возможность такого нагага, хладнокровнаго обмана. Онъ просто предупреждаетъ Армадея, что если на будущее время онъ не сдѣлается осмотрительнѣе въ своихъ поступкахъ, то долженъ отказаться отъ всякихъ притязанiй на руку миссъ Мильрой.

„Отвѣта на это письмо я не жду и не желаю, оказано бы „до въ концѣ; словесныхъ увѣренiй мнѣ не нужно. Я буду судить васъ только по вашимъ поступкамъ. Спѣшу прибавить, „что письмо это не должно подать вамъ повода къ возобновленiю переписки съ моею дочерью и слѣдовательно къ нарушенiю сдѣланныхъ между нами условiй. Вамъ не нужно „оправдывать себя въ ея глазахъ, такъ какъ я удалилъ ее, не „счастiю, изъ Торпъ-Амброуза прежде чѣмъ успѣла дойти до „нея эта гнусная сплетня, и изъ любви къ ней, а, конечно, „стараюсь и о томъ, чтобы сплетня эта не проникла туда, гдѣ „живетъ теперь моя дочь.“

„Армадей проситъ меня теперь о томъ, чтобы я (какъ невольная причина новыхъ нападенiй на его репутацiю) объяснила майору всю невинность его въ этомъ дѣлѣ, прибавивъ, что самая простая вѣжливость вынудила его сопутствовать мнѣ въ Лондонъ. Я прощаю ему дерзость подобной просьбы въ благодарность за тѣ извѣстiя, которыя онъ мнѣ сообщаетъ. Конечно, для меня будетъ весьма благоприятно

если торпъ-амбросская сплетня не дойдетъ до ушей миссъ Мильтрой. Съ ея характеромъ (еслибъ она узнала это), она рѣшилась бы на что-нибудь отчаянное, лишь бы отстоять своего возлюбленнаго, и могла бы причинить мнѣ серьезный вредъ. Что же касается до того какъ мнѣ поступить съ Армадеемъ, тутъ нѣтъ ничего мудренаго. Я успокою его обѣщаніемъ написать къ майору Мильтрою, а ради моихъ собственныхъ интересовъ, дерзну не сдержатъ слово.

„Сегодня не случилось ничего подозрительнаго. Кто бы ни были мои недруги, они, кажется, потеряли меня изъ виду, и до моего отъѣзда изъ Англiи имъ, конечно, не удастся отыскать меня. Я была на почтѣ, и въ письмѣ, адресованномъ на мое имя съ площади Всѣхъ Святыхъ, получила билетъ на свой багажъ. Но я оставляю его на дебаркадерѣ, покамѣсть не уяснится передо мною мой будущій образъ дѣйствій.

„5-го августа.

„Опять два письма изъ гостиницы. Мидвинтеръ напоминаетъ мнѣ въ самыхъ очаровательныхъ выраженiяхъ, что онъ уже такъ давно живетъ въ здѣшнемъ приходѣ, что завтра надѣется выхлопотать себѣ дозволеніе на бракъ. Еслибъ я рѣшилась сказать нѣтъ, то я должна была бы сдѣлать это теперь, или никогда. Но дѣло въ томъ, что я уже не могу сказать нѣтъ. Вотъ истина, къ которой нечего болѣе прибавить!

„Письмо Армадея прощальное. Онъ благодаритъ меня за мое согласіе написать къ майору и прощается со мною до новаго свиданiя въ Неаполѣ. Онъ узналъ уже отъ своего друга, что владѣствіе особенныхъ причинъ ему нужно будетъ отказать себѣ въ удовольствіи присутствовать на нашей свадьбѣ. Такимъ образомъ ничто не удерживаетъ его долѣе въ Лондонѣ. Онъ сдѣлалъ всѣ надлежащія распоряженiя относительно своего имѣнiя, сегодня же вечеромъ выѣзжаетъ въ Коммерсетшаръ, и пробывъ нѣсколько времени съ мистеромъ Бромомъ, пустится изъ Бристольскаго канала въ Средиземное море, но вопреки возраженiямъ Мидвинтера, въ собственной лхтѣ.

„Вѣсть съ письмомъ прислана маленькая коробочка, и въ ней кольцо—свадебный подарокъ мнѣ отъ Армадея. Это хоть и рубинъ, но довольно плохой и весьма дурно оправленный. Будь это свадебный подарокъ для миссъ Мильтрой, Армадей, конечно, подарилъ бы ей кольцо въ десять разъ дороже этого.

По моему мнѣнію, молодой скряга самое ненавистное существо въ мірѣ. Любопытно знать, удастся ли этой дрянной маленькой ахтѣ утопить его?...

„Я до такой степени возбуждена и встревожена, что сама не знаю чтò пишу. Не робость и не малодушіе чувствую я передъ грядущими событіями; я чувствую только, что они какъ будто влекутъ меня впередъ скорѣе чѣмъ бы я желала... Итакъ, если не случится что-нибудь особенное, то я выйду за Мидвинтера въ концѣ этой недѣли. А потомъ?...

„6-го августа.

„Еслибы чтò могло поразить меня теперь, такъ это вышнія извѣстія.

„Получивъ сегодня утромъ дозволеніе, и вернувшись въ гостиницу, Мидвинтеръ нашелъ тамъ телеграмму на свое имя. Армадель извѣщалъ его, что мистеру Броку опять хуже, и что по мнѣнію докторовъ, положеніе его безнадежно. Умирающій желаетъ проститься съ Мидвинтеромъ, и Армадель умоляетъ своего друга, не теряя времени, отправиться въ Соммерсетширъ съ первымъ поѣздомъ.

„Извѣщая меня объ этомъ въ нѣсколькихъ словахъ, написанныхъ на скорую руку, Мидвинтеръ прибавляетъ даѣе, что когда они дойдутъ до меня, то онъ будетъ уже въ дорогѣ. Онъ обѣщаетъ мнѣ съ вышшею же вечернею почтой описать свое свиданіе съ мистеромъ Брокомъ.

„Это извѣстіе имѣетъ для меня такой важный интересъ, какого и не подозреваетъ Мидвинтеръ. Тайна его рожденія и имени, кромѣ меня самой, извѣстна только одному живому существу, и это единственное живое существо ожидаетъ его теперь на смертномъ одрѣ. Чтò скажутъ они другъ другу въ эту послѣднюю торжественную минуту? не заговорятъ ли они случайно о томъ времени, когда я жила у мистрисъ Ар-

рядъ страшныхъ запутанныхъ обстоятельствъ, посреди которыхъ я вращалась все это время, есть что-то особенное, потрясающее мои нервы. Когда я писала вчера въ дневникъ, мнѣ еще угрожала опасность быть открытою. Сегодня и эта послѣдняя опасность устранена смертью мистера Брока. Это что-нибудь да значитъ. Желала бы я знать, что именно.

„Похороны назначены въ субботу утромъ. Мидвинтеръ будетъ присутствовать на нихъ вмѣстѣ съ Армаделемъ. Но онъ хочетъ сначала побывать въ Лондонѣ и уведомляетъ меня, что заѣдетъ ко мнѣ сегодня вечеромъ прямо со станціи желѣзной дороги, по пути въ гостиницу. При настоящемъ положеніи дѣлъ, еслибы даже мнѣ и опасно было съ нимъ видѣться, то я все-таки рѣшилась бы на это. Но что можетъ быть въ этомъ опаснаго, если онъ заѣдетъ ко мнѣ прямо со станціи, вмѣсто того чтобы пріѣхать нарочно изъ гостиницы?

„Пять часовъ.

„Я не ошиблась, говоря, что нервы мои разстроены. Пустяки, на которые въ другое время я не обратила бы и вниманія, теперь тяжело гнетутъ мнѣ мозгъ.

„Часа два тому назадъ, не зная какъ протянуть время до вечера, я вспомнила о модисткѣ, которая шьетъ мое дѣтнее платье. Еще вчера собиралась я его примѣрить, но извѣстіе о смерти мистера Брока заставило меня позабыть объ этомъ. Итакъ сегодня послѣ обѣда, желая какъ-нибудь убить время и позабыться самой, я отправилась къ модисткѣ. Но вскорѣ вернулась еще болѣе смущенною и встревоженною нежели когда уходила изъ дому. Какъ бы не пришлось мнѣ раскаиваться, что я не пожертвовала своимъ платьемъ и не оставила его на рукахъ у модистки!

„На этотъ разъ на улицѣ со мною ничего не случилось. Только въ магазинѣ почувствовала я нѣкоторое подозрѣніе;

чьимъ сколько нужно бываетъ для примѣрки платья. Это обстоятельство показалось мнѣ подозрительнымъ, а между тѣмъ я могла бы объяснить его различнымъ образомъ. Время было глухое, не рабочее, и къ тому же, мнѣ по опыту извѣстно, что на такихъ женщинахъ какъ я другія женщины смотрятъ всегда съ какимъ-то враждебнымъ любопытствомъ. Вотъ-рыхъ, мнѣ показалось страннымъ, что одна изъ мастерицъ постоянно поворачивала меня въ одно направленіе, лицомъ къ стеклянной завѣшанной двери, которая вела въ мастерскую. Но впрочемъ, когда я спросила у ней о причинѣ, она объяснила ее, сказавъ, что съ этой стороны лучше падаетъ на меня свѣтъ, и когда я обернулась назадъ, то увидела, что она права: позади меня находилось окно. Тѣмъ не менѣе эти мелочныя обстоятельства произвели на меня въ тотъ разъ такое впечатлѣніе, что я нарочно придралась къ чему-то въ платьѣ, чтобъ имѣть поводъ къ вторичному посѣщенію, и умолчала о своемъ адресѣ, чтобъ отклонить доставку платья ко мнѣ на домъ. Игра воображенія, не болѣе, — какъ тогда, такъ, можетъ-быть, и въ настоящую минуту. Все равно — буду дѣйствовать, какъ говорится, по инстинкту и откажусь отъ платья. Говоря проще, къ модисткѣ я болѣе не пойду.

„Полночь.

„Мидвинтеръ сдержалъ слово и былъ у меня сегодня вечеромъ. Цѣлый часъ прошелъ съ тѣхъ поръ какъ мы разстались, а я все еще сижу съ перомъ въ рукѣ и думаю о немъ. Никакія слова не могутъ изобразить того что происходило между нами. Я могу упомянуть только о результатѣ — и результатъ тотъ, что онъ поколебалъ мою рѣшимость. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ въ душѣ моей созрѣлъ умыселъ на жизнь Армаделя, я начинаю чувствовать, что человекъ, обреченный мною на гибель, можетъ еще ускользнуть отъ меня.

„Неужели любовь моя къ Мидвинтеру на столько изменила меня? или можетъ-быть его любовь ко мнѣ овладѣла не только всѣмъ что я готова сама отдать ему, но даже и тѣмъ что я хочу сохранить отъ него? Въ продолженіи всего вечера я вся была поглощена имъ. Печальное событіе въ Сомерсетширѣ сильно взволновало его, и онъ вселилъ въ меня ту же грусть, то же отчаяніе. Хотя онъ не высказалъ этого, однако я знаю, что смерть мистера Брока смутала его какъ

дурное предвѣщаніе для нашего брака, я знаю это, потому что и сама смотрю на это такъ же. Его суетніе до такой степени подѣйствовало на меня, что когда мы оба успокоились немного и заговорили о будущемъ, когда онъ сказалъ мнѣ, что долженъ или нарушить свой уговоръ съ издателями, или въ слѣдующій же понедѣльникъ отправиться за границу, я дѣйствительно вздрогнула при мысли, что наша свадьба почти совпадетъ съ похоронами мистера Брока. Я дѣйствительно сказала ему подъ увлеченіемъ минуты:

„— Ступайте и начинайте вашу новую жизнь безъ меня! Ступайте, и оставьте меня здѣсь въ ожиданіи лучшаго времени!

„Онъ заключилъ меня въ свои объятія. Онъ вздохнулъ и подѣловалъ меня съ ангельскою кѣжностію. Онъ сказалъ мнѣ такъ кѣжно и такъ грустно:

„— У меня нѣтъ теперь иной жизни какъ съ тобою!

И въ то время какъ уста его произносили эти слова, въ душѣ моей какъ бы въ отвѣтъ ему возникла другая мысль: „почему бы не провести мнѣ всѣ остальные дни своей жизни счастливо и непорочно въ упоеніи подобной любви!“ Какъ это случилось, откуда пришла мнѣ эта мысль—не знаю и не могу себя объяснить. Но она промелькнула во мнѣ тогда, занимаетъ меня и теперь. Пишу это, смотрю на свою собственную руку, и спрашиваю себя, неужели въ самомъ дѣлѣ это рука Лидіи Гуальты!

„Армадаль....

„Нѣтъ! никогда болѣе не хочу писать, никогда болѣе не хочу думать о немъ.

„Да! Еще одинъ разъ подумаю, еще разъ поговорю о немъ въ своемъ дневникѣ. Меня успокоиваетъ мысль, что онъ уѣзжаетъ, и что море разлучитъ насъ прежде чѣмъ я успѣю выйти за мужъ. Со смертью матери и его лучшаго друга, мистера Брока, родной домъ утратилъ теперь для него всякое значеніе. Тотчасъ по окончаніи похоронъ онъ хочетъ отправиться за границу. Въ Неаполѣ мы можетъ-быть встрѣтимся, а можетъ-быть и нѣтъ. Перемѣнюсь ли я къ тому времени, если мы опять съ нимъ сойдемся? Кто знаетъ? Кто знаетъ?

„8-е августа.

„Нѣсколько словъ отъ Мидвинтера. Онъ опять побѣхалъ въ Соммерсетширъ, чтобы поспѣть къ завтрашнимъ похоронамъ, а завтра вечеромъ (простившись съ Армаделемъ) вернется сюда.

„Последнія формальности, предшествующія нашему браку, уже окончены. Въ будущій понедѣльникъ я стану его женою. Свадьба наша должна совершиться не позднѣе половины одиннадцатаго, у насъ едва хватитъ времени переѣхать потомъ изъ церкви на желѣзную дорогу, чтобы въ тотъ же день отправиться въ Неаполь.

„Пятница, суббота, воскресенье, я не боюсь времени; время пройдетъ. Я не боюсь и себя самой, если только мнѣ удастся сосредоточить всѣ свои мысли на одномъ предметѣ. Я люблю его! Въ ожиданіи понедѣльника я день и ночь буду думать лишь о томъ что люблю его!

„Четыре часа.

„Вопреки моей волѣ, другія мысли вторгаются въ мою голову. Мои вчерашнія подозрѣнія приняла болѣе осязательныя формы; модистка дѣйствительно была подкуплена. Мое необдуманное возвращеніе въ ея магазинъ наказано новымъ преслѣдованіемъ. Я положительно знаю, что никогда не давала ей своего адреса, а между тѣмъ сегодня въ два часа мнѣ принесли на домъ новое платье!

„Принесъ его мущина, вмѣстѣ со счетомъ и вѣжливой запиской, въ которой сказано, что такъ какъ я не явилась въ назначенное время для вторичной примѣрки платья, то его кончили безъ меня и посылаютъ по принадлежности. Мущина поймалъ меня въ корридорѣ, и потому мнѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать какъ расплатиться и отпустить его.

Роскія новыя сказки. 1880 г. 1-й томъ. 1-я глава.

можно, изъ того ложнаго положенія, въ которое поставила меня собственная опрометчивость.

„Семь часовъ.

„Я опять ободрилась. Мнѣ кажется, я нашаа средство еще разъ извернуться изъ бѣды.

„Сейчасъ я вернулась въ кебъ изъ длиннаго путешествія. Прежде всего я съѣздила въ багажное отдѣленіе Большой Западной дороги, чтобы взять свой багажъ, посланный туда съ площади Всѣхъ Святыхъ. Оттуда я отправилась въ багажное отдѣленіе Юго-Восточной дороги, и тамъ оставила свой багажъ (надписавъ на немъ имя Мидвинтера) вплоть до отправленія поѣзда въ поведѣльнякъ. Затѣмъ поѣхала въ главную почтовую контору, чтобы отправить въ Боскомбскій приходъ письмо къ Мидвинтеру, которое онъ получитъ завтра утромъ. Наконецъ опять вернулась сюда, и уже куда болѣе не двинусь до поведѣльника.

„Письмо мое къ Мидвинтеру, безъ сомнѣнія, заставитъ его содѣйствовать (совершенно невинно) тѣмъ мѣрамъ предосторожности, которыя я принимаю для своей собственной безопасности. Краткость времени, которымъ мы можемъ располагать въ поведѣльнякъ, заставитъ его до совершенія брачнаго обряда расплатиться въ гостиницѣ и вывезти оттуда свои вещи. Я же съ своей стороны прошу его только о томъ, чтобы онъ самъ отвезъ свой багажъ на дебаркадеръ Юго-Восточной дороги (такъ чтобы всѣ справки, могущія быть наведенными въ гостиницѣ, остались тщетными), и затѣмъ, чтобы онъ ожидалъ меня на церковной паперти, вмѣсто того чтобы заѣзжать за мною сюда. Все остальное касается лишь одной меня. Довольно странно будетъ, если въ воскресенье вечеромъ, или въ поведѣльнякъ утромъ, я, освобожденная теперь отъ всякихъ препятствій, не ускользну еще разъ отъ людей, которые меня преслѣдуютъ.

„Для чего, кажется, было писать сегодня Мидвинтеру, когда завтра же вечеромъ онъ снова вернется сюда? Но чтобы попросить его о томъ, о чемъ я должна была попросить его, нужно было еще разъ ослаться на мои вымышленныя семейныя обстоятельства, а между тѣмъ послѣ той пытки, которую вынесла я во время нашего послѣдняго свиданія, я не могла рѣшиться снова обманывать его въ глаза.

„9-е августа. Два часа.

„Сегодня я поднялась рано и съ болѣе тяжелымъ чувствомъ чѣмъ обыкновенно. Смысла начинать свою жизнь съ наступленіемъ каждаго новаго дня всегда представлялось мнѣ чѣмъ-то тяжелымъ и безнадежнымъ. Кромѣ того, всю ночь не покидали меня грезы, но не о Мидвинтерѣ и моей замужней жизни, какъ я надѣялась, ложась спать, а о составленномъ противъ меня закомѣ заговорѣ, который вынуждаетъ меня перебѣгать изъ одного мѣста въ другое, подобно звѣрю гонимому собаками. Сонъ не открылъ мнѣ ничего новаго. И во снѣ, и наяву я сознаю лишь одно, что врагъ, преслѣдующій меня во мракѣ, есть никто другой какъ тетушка Олдершо. За исключеніемъ стараго Башвуда (котораго смѣшно было бы заподозрить въ такомъ важномъ дѣлѣ), кому, кромѣ тетушки Олдершо, нужно вмѣшиваться въ мои настоящіа дѣйствія?

„Впрочемъ, моя бессонная ночь имѣла свои хорошіа послѣдствія. Она помогла мнѣ расположить въ мою пользу здѣшнюю служанку и приобрести ея содѣйствіе, какъ скоро наступитъ время для моего побѣга.

„Сегодня утромъ она замѣтила, что я блѣдна и взволнована. Я выбрала ее своею повѣрливой, открывъ ей только то, что рѣшаюсь на тайный бракъ, и что враги мои пытаются разлучить меня съ моимъ возлюбленнымъ. Это мгновенно возбудило ея сочувствіе, а десятишillingовая монета, подаренная ей въ награду за ея услуги, довершила остальное. Въ промежуткахъ между своими домашними занятіями она почти все утро провела со мною, и я узнала, между прочимъ, что ея возлюбленный служить рядовымъ въ гвардіи, и что она ждетъ его къ себѣ завтра. Какъ ни малы мои фонды, но у меня все еще есть на столько денегъ, чтобы вскружить голову любому солдату британской арміи, и если завтра шлюномъ моимъ будетъ мушкетеръ, то очень можетъ быть, что въ продолженіе вечера вниманіе его пренепріятнымъ образомъ отвлечется отъ миссъ Гуильтъ.

„Одиннадцать часовъ.

„Сейчасъ я простилась съ Мидвигтеремъ въ послѣдній разъ до того дня, который соединитъ насъ навѣки.

„Уходя, онъ оставилъ мнѣ, какъ и прошлый разъ, всепоглощающій предметъ для размышленія. Какъ только онъ вошелъ сегодня въ комнату, я тотчасъ же замѣтила въ немъ перемену. Разказывая мнѣ о похоронахъ и о своемъ прощаніи съ Армадлемъ на яхтѣ, онъ говорилъ съ большимъ чувствомъ, но въ то же время съ удивительнымъ самообладаніемъ, совершенно для меня новымъ. Съ тою же сдержанностью говорилъ онъ и о своихъ будущихъ плачахъ и надеждахъ. Онъ былъ непріятно удивленъ, узнавъ, что мои семейныя обстоятельства помѣшаютъ мнѣ видѣться съ нимъ завтра, и положительно взволнованъ мыслію, что я должна буду сама отыскивать въ погребѣнникѣ церковь. Но несмотря на все это, въ его тонѣ и манерахъ просвѣчивало столько надежды и спокойствія, что я невольно это замѣтила.

„— Вы знаете, какія странныя фантазіи приходятъ мнѣ иногда въ голову, сказала я. Открыты ли вамъ мою теперешнюю мысль? Мнѣ почему-то кажется, что съ тѣхъ поръ какъ мы съ вами не видались, случилось нѣчто, о чемъ вы еще не сообщили мнѣ.

„— Дѣйствительно, случилось, отвѣчалъ онъ. — И вамъ слѣдуетъ узнать это.

„Съ этими словами онъ вынулъ свой бумажникъ и досталъ оттуда двѣ исписанныя бумаги. Одну изъ нихъ онъ опять спряталъ въ бумажникъ. Другую положилъ передо мною на столѣ, и придерживая ее своею рукою, сказалъ:

„— Прежде чѣмъ говорить вамъ что это за бумага и какимъ образомъ попала она въ мои руки, я долженъ сознаться передъ вами въ томъ, что до сихъ поръ скрывалъ отъ васъ. Это будетъ не болѣе какъ сознаніе въ моей собственной слабости.

„Тогда онъ открылъ мнѣ, что его суевѣрныя предчувствія все время омрачали ему предельно его возобновленной дружбы съ Армадлемъ. Всякій разъ какъ они оставались наединѣ, грозныя слова его умирающаго отца, подтвержденныя страннымъ „свидѣніемъ“ преслѣдовали его неотступно. Съ каждымъ днемъ росло въ немъ убѣжденіе, что его вторичное сближеніе съ Армадлемъ будетъ имѣть роковыя

послѣдствія для его друга, причиною которыхъ буду я. Онъ поспѣшилъ на призывъ священника съ твердымъ намѣреніемъ повѣрить мистеру Брокъ свои предчувствія грядущаго зла и еще болѣе укрѣпился въ своемъ суевѣріи, узнавъ, что смерть опередила его у постели больного и разлучила ихъ навѣки. Онъ ѣхалъ на похороны съ затасканнымъ намѣреніемъ разстаться съ Алланомъ и съ рѣшимостью разстроить свиданіе въ Неаполѣ, насчетъ котораго условились мы воѣ трое. Съ такими мыслями вошелъ онъ въ комнату, приготовленную для него въ домѣ, и вскрылъ письмо, дожидавшееся его тамъ на столѣ. Письмо это найдено было въ тотъ самый день, на полу, подъ кроватью, на которой умеръ мистеръ Брокъ. Оно все было написано рукою священника, и адресовано на имя Мидвинтера.

„Разказавъ мнѣ это почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, которыя я сейчасъ употребила, онъ привалъ руку съ письма, лежавшаго между нами на столѣ.

„— Прочтите это, сказалъ онъ,—и мнѣ не нужно будетъ говорить вамъ, что душа моя опять успокоилась, и что пожимая на прощанье руку Аллана, я почувствовалъ себя достойнѣе его любви.

„Я прочла письмо. Во мнѣ не было суевѣрія, съ которымъ нужно было бы бороться, не было чудотъ благодарности къ Армаделю, на которыя можно было бы дѣйствовать, а между тѣмъ впечатлѣніе, произведенное этимъ письмомъ на Мидвинтера, было несравненно слабѣе того, которое произведено было имъ на меня.

„Напрасно было просить Мидвинтера, чтобъ онъ оставилъ мнѣ это письмо для вторичнаго прочтенія, когда я оставусь совершенно одна. Онъ ни на минуту не хотѣлъ съ нимъ разстаться и намѣренъ беречь его вѣнотѣ съ другою рукописью, заключающею въ себѣ письмецкій разказъ Армаделева сна. Я могла тольکو просить позволенія смать съ него копію, на что Мидвинтеръ охотно согласился. Я описала письмо въ его присутствіи и помѣщая его теперь въ своемъ дневникѣ, чтобъ отмѣтить такимъ образомъ одинъ изъ достопамятнѣйшихъ дней моей жизни.

„Боскомбскій приходъ, 2 августа.

„Любезный Мидвинтеръ, вчера въ первый разъ съ самаго начала моей болѣзни нашелъ я достаточно силъ, чтобы

„перечитать мои письма. Одно изъ нихъ, отъ Аллана, цѣлые
 „десять дней лежало нераспечатаннымъ на моемъ столѣ. Онъ
 „съ большимъ горемъ сообщаетъ мнѣ, что между вами про-
 „изошла размолвка, и что вы покинули его. Если вы не за-
 „были еще всего происшедшаго между нами, когда вы впервые
 „открыли мнѣ ваше сердце на островѣ Манѣ, вы легко пой-
 „мете, что я всю ночь думалъ объ этой грустной новости, и
 „не удивитесь, узнавъ, что сегодня утромъ я собрался съ си-
 „лами, чтобы написать вамъ. Хотя я далеко не отчаиваюсь
 „въ своемъ выздоровленіи, однако въ мои годы нельзя и раз-
 „читывать на это слишкомъ смѣло. Покаместъ время еще въ
 „моемъ распоряженіи, и я долженъ употребить его съ пользою
 „для Аллана и для васъ самихъ.

„Я не хочу знать, какія причины разлучили васъ съ вашимъ
 „другомъ. Если я не ошибался до сихъ поръ въ оцѣнкѣ ва-
 „шего характера, то происшедшее между вами отчужденіе
 „проистекло отъ злаго духа суевѣрія. Я уже вырвалъ его
 „однажды изъ вашего сердца, и съ помощію Божіею, надѣюсь
 „побѣдить и теперь, если хватить у меня силъ держать пе-
 „ро и высказать вамъ на бумагѣ то, что лежитъ у меня на
 „душѣ.

„Я вовсе не намѣренъ опровергать вашего убѣжденія, что
 „во время своего земнаго странствія смертныя могутъ нахо-
 „диться подъ дѣйствиемъ сверхъестественныхъ вліаній. Какъ
 „существо разумное, я не могу доказать, чтобы вы заблужда-
 „лись. А какъ вѣрующій въ слово Божіе, я обязанъ даже допу-
 „стить, что въ убѣжденіяхъ вашихъ вы упираетесь не на чело-
 „вѣческія, а на божественныя свидѣтельства. Единственная
 „цѣль, которой мнѣ такъ хотѣлось бы достигнуть, состоитъ
 „теперь въ томъ, чтобы заставить васъ отрѣшиться отъ па-
 „рализующаго фатализма дикаря и язычника и смотреть на
 „тайны, которыя омущаютъ, и на предзнаменованія, кото-
 „рыя такъ страшатъ васъ, съ христіанской точки зрѣнія.
 „Если это удастся мнѣ, то я освобожу вашу душу отъ гнету-
 „щихъ ее сомнѣній и снова соединю васъ съ другомъ, для
 „того чтобъ уже никогда болѣе съ нимъ не разлучаться.

„Я не имѣю возможности ни видѣть васъ, ни говорить
 „съ вами. Я могу только послать мое письмо къ Алла-
 „ну для препровожденія его къ вамъ, если ему извѣстенъ
 „вашъ настоящій адресъ. Въ подобномъ положеніи я обязанъ
 „допустить все, что только можетъ быть допущено въ вашу

„пользу. Не вдаваясь въ какія-либо изслѣдованія, я готовъ
 „вѣрить, что съ вами или съ Аллахомъ повстрѣчалось что-
 „нибудь такое, что не только подтвердило роковое убѣжденіе
 „вашего отца, но придало еще новое и ужасное значеніе его
 „предсмертному предостереженію.

„На этихъ общихъ началахъ хочу я говорить съ вами. На
 „этихъ общихъ началахъ обращаюсь я къ вашимъ лучшимъ
 „инстинктамъ и къ вашему разуму.

„Оставайтесь при вашемъ настоящемъ убѣжденіи, будто
 „всѣ совершившіяся событія (каковы бы они ни были) не
 „могутъ быть объяснены обыкновенными житейскими слу-
 „чайностями и обыкновенными человѣческими законами, и
 „взгляните на ваше собственное положеніе въ томъ свѣтѣ,
 „какой проливаетъ на него ваше суетіе. Что вы такое? Вы
 „слабое орудіе въ рукахъ судьбы. Вы обречены, безъ малѣй-
 „шей возможности сопротивленія, слѣпо навсѣчь бѣду и га-
 „бель на человѣка, съ которыми соединяютъ васъ узы благо-
 „дарности и братской любви. Все что есть нравственно-крѣп-
 „каго въ вашей волѣ и нравственно-чистаго въ вашихъ стрем-
 „леніяхъ оказывается безсильнымъ противъ наслѣдственнаго
 „влеченія ко злу, порожденнаго преступленіемъ, которое со-
 „вершилъ вашъ отецъ прежде чѣмъ вы явились на свѣтъ Бо-
 „жій. Къ чему же ведетъ такое убѣжденіе? Ко мраку, кото-
 „рый окружаетъ васъ теперь, къ внутреннимъ противорѣчи-
 „ямъ, которыя васъ озадачиваютъ, къ тому отчаянію, кото-
 „рымъ человѣкъ оскверняетъ свою собственную душу и ис-
 „ходитъ до уровня бессловесныхъ животныхъ, не одаренныхъ
 „вѣчною, безсмертною душою.

„Ободришь, мой бѣдный, страждущій братъ, возведи твои
 „очи на небо, много претерпѣвшій, возлюбленный другъ мой!
 „Побори осаждающія тебя сомнѣнія съ твердостью и надеж-
 „дой христіанина, и твое сердце снова обратится къ Аллаву,
 „и твоя душа будетъ покойна. Богъ всемилосердъ, Богъ
 „премудръ: какія бы событія ни случались съ нами — есте-
 „ственные или сверхъестественныя, все совершается по Его
 „волѣ. Тайна зла, смущающая нашъ слабый умъ, горе и стра-
 „даніе, терзающія насъ въ этой кратковременной жизни, остав-
 „ляютъ неприкосновенною лишь ту великую истину, что судь-
 „ба человѣка находится въ рукахъ его Создателя, и что благо-
 „словенный Сынъ Божій пострадалъ и умеръ за грѣхи наши
 „для того чтобы сдѣлать насъ достойнѣе ея. Все то хорошо,

„что совершается съ непрекословною покорностью мудрою
 „воиъ Всемогущаго. Нѣтъ такого зла, изъ котораго при вы-
 „подлеженіи Его заповѣдей не могло бы выйти добро. Будьте
 „гѣры тѣмъ истинамъ, которыя заповѣдалъ вамъ Христосъ.
 „Возбуждайте въ себѣ, не взирая ни на какія обстоятельства,
 „чувства любви, благодарности, кротости и милосердія къ ближ-
 „нимъ. А все прочее съ вѣрою и смиреніемъ предоставьте
 „Богу, сотворившему васъ, и Спасителю, Который возлюбилъ
 „васъ паче живота Своего.

„Въ этихъ вѣрзавіяхъ жилъ я съ помощію и милосерді-
 „емъ Божиимъ отъ самой юности моей и до настоящаго дня.
 „Умоляю васъ, придите, ихъ и вы. Въ нихъ заключается ис-
 „точникъ добра, которое я когда-либо дѣлалъ, и того счастья,
 „которое я испыталъ. Они разговяютъ вокругъ меня мракъ,
 „поддерживаютъ во мнѣ надежду; утѣшаютъ и успокоиваютъ
 „меня, лежащаго, быть-можетъ, на смертномъ одрѣ. Пусть же
 „они поддержать, утѣшать и просвѣтять васъ. Они облегчатъ
 „васъ въ самыя трудныя минуты вашей жизни, какъ облегча-
 „ли и меня. Въ событіяхъ, сблизившихъ васъ съ Алланомъ,
 „они укажутъ вамъ иныя цѣли, чѣмъ тѣ, которыя предви-
 „дѣлъ вашъ преступный отецъ. Дѣйствительно, съ вами слу-
 „чался уже довольно страшныя вещи. И, можетъ-быть, вско-
 „рѣ случатся еще другія, болѣе страшныя, до которыхъ мнѣ
 „не придется и дожить. Когда настанетъ это время, вспомни-
 „те, что я умеръ въ твердой увѣренности, что вы можете
 „имѣть только доброе вѣданіе на судьбу Аллана. Великая жер-
 „тва искушенія—я говорю это съ чувствомъ должнаго благо-
 „говѣнія—можетъ повтораться и между смертными людьми.
 „Если Аллану когда-либо будетъ угрожать опасность, вы,
 „отецъ котораго отдалъ жизнь у его отца—вы, и никто дру-
 „гой, избраны будете промысломъ Божиимъ для его спасенія.

„Пріѣзжайте ко мнѣ, если я останусь въ живыхъ. Но что
 „бы ни было со мною, живъ ли я останусь или умру, возвра-
 „титесь къ другу, который васъ нѣжно любить.— До конца
 „вамъ преданный

„Децимусъ Брокъ.“

изъ своей могилы и коснулся своею рукою того мѣста въ моемъ сердцѣ, гдѣ открыта моя ужасная тайна, неизвѣстная ни одному живому существу, кромѣ меня самой. Одно предсказаніе покойника уже исполнилось. Предвидѣнная имъ опасность уже грозитъ въ настоящую минуту Армаделю—и грозитъ ему отъ меня!

„Если обстоятельства, благопріятствовавшія мнѣ до сихъ поръ, доведутъ меня до развязки, и если сбудется послѣднее земное убѣжденіе старика, Армадель уйдетъ отъ моей преступной руки, не смотря ни на что, и Мидвинтеръ падетъ искупительною жертвой для спасенія его жизни!

„Это ужасно! Это невозможно! Этому не бывать никогда! При одной мысли объ этомъ рука моя дрожитъ, и сердце замираетъ. Я благословляю эту обезсиливающую дрожь! Благословляю эту робость, это замираніе сердца! Благословляю слова, расшевелившія во мнѣ тѣ человѣчныя чувства, которыя впервые возникли въ душѣ моей для два тому назадъ! Теперь, когда событія неудержимо влекутъ меня къ развязкѣ—неужели трудно будетъ побѣдить искушеніе? Нѣтъ! если Мидвинтеру угрожаетъ хоть тѣнь опасности, то страхъ этой опасности дастъ мнѣ силы преодолѣть искушеніе изъ любви къ нему. Еще никогда, никогда, никогда не любила я его такъ, какъ люблю теперь!

„Воскресенье 11-го августа.

„Канунъ моей свадьбы! Закрываю и запираю на ключъ эту тетрадь, чтобъ уже никогда болѣе не писать въ ней, никогда болѣе не открывать ее.

„Я одержала великую побѣду; я повергла въ прахъ свое собственное нечестіе. Я невинна, я опять счастлива. О, мой возлюбленный! о, мой ангелъ! Когда завтрашній день соединитъ меня съ тобою. въ сепальѣ моемъ не останется ни единой мы-

БОЛѢЗНЬ И КОНЧИНА

ГЕНЕРАЛА РОСТОВЦОВА

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ И ДОКУМЕНТАМЪ.

По мѣрѣ того какъ труды редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу приближались къ исходу, и заготовлялись три объемистые тома перваго періода занятій, подвешенные предсѣдателемъ комиссій Государю Императору 8-го сентября 1859 года,—мысль Якова Ивановича Ростовцова все болѣе и болѣе сосредоточивалась на одномъ предметѣ: благополучно довершить, какъ онъ выражался, „святое дѣло.“

Въ іюнь этого года, когда члены комиссій собирались для засѣданій на Каменномъ островѣ, на дачѣ предсѣдателя *, я былъ вынужденъ обстоятельствами разлучиться на дѣтнее время съ женой и дѣтьми, которыя для укрѣпленія силъ уѣхали подышать чистымъ воздухомъ въ деревню. Узнавъ объ этомъ, Яковъ Ивановичъ просилъ меня, пока онъ на дачѣ, заходить всякій разъ послѣ засѣданій къ нему обѣдать. Въ рѣчахъ его уже въ то время обнаруживалось постоянно грустное настроеніе мыслей. Каждый разъ за столомъ отъ посторонняго разговора онъ все переходилъ къ крестьянскому дѣлу—то выражая желаніе дожить по крайней мѣрѣ до окон-

* См. „Дѣятельность Якова Ивановича Ростовцова въ редакц. комм.“ *Русскій Вѣстникъ* 1864 года № 12-й, стр. 452.

чанія труда комиссій, то говоря, что онъ не увидитъ уже какъ проектъ освобожденія крестьянъ перейдетъ въ дѣствительную жизнь, что такого продолжительнаго напряженія силы его выдержать не могутъ и т. п.

Въ сентябрѣ онъ держалъ хароутамъ о самомъ тѣсномъ сближеніи депутатовъ перваго приглашенія съ членами редакціонныхъ комиссій, чтобы въ разработкѣ при ихъ помощи крестьянскаго вопроса было у нихъ по возможности полное согласіе. По этому поводу съ высочайшаго соизволенія данъ былъ 10-го числа того мѣсяца въ честь ихъ официальный обѣдъ въ залѣ 1-го кадетскаго корпуса, гдѣ имѣли мѣсто засѣданія комиссій. Когда по выходѣ изъ-за стола, нѣсколько депутатовъ съ нѣкоторыми ближе съ ними знакомыми членами комиссій составили двѣ-три группы, и у нихъ шла оживленная бесѣда, а прочіе члены и депутаты ходили врозь по заламъ, Яковъ Ивановичъ подошелъ ко мнѣ, отвѣлъ меня въ сторону, и разговаривая о сближеніи депутатовъ и членовъ комиссій, между прочимъ сказалъ: „Меня очень радуетъ, что собираются кучки; хорошо, еслибы можно было составить ихъ еще побольше; я хлопочу и стараюсь болѣе всего, чтобъ у насъ было единодушіе и довѣріе, тогда я умру покойно.“ Еще болѣе разительный случай какъ бы предчувствія Яковомъ Ивановичемъ близкой кончины былъ въ томъ же сентябрѣ мѣсяцѣ, когда еще не обнаружались признаки его тяжелой болѣзни. Разъ поздно вечеромъ онъ потребовалъ къ себѣ состоявшаго при немъ, по особому высочайшему повелѣнію, секретаремъ для зачатій по крестьянскому дѣлу, Ѡ. П. Еленева, который былъ при немъ, можно сказать, безотлучно еще съ 1857 года. Этотъ послѣдній засталъ Якова Ивановича лежащимъ на диванѣ въ кабинетѣ и погруженнымъ въ дремоту. Черезъ нѣсколько минутъ Яковъ Ивановичъ открылъ глаза и сказалъ вошедшему: „Я чувствую себя не совсемъ хорошо, быть-можетъ я сильно заболѣю, и тогда, прошу васъ, возьмите изъ кабинета мои письма къ Государю и отдайте ихъ желѣ; я желаю чтобъ они остались въ моемъ семействѣ; а вѣдь вы знаете, что въ случаѣ моей смерти, всѣ бумаги мои будутъ опечатаны *.“ Еленевъ, старался разсвѣять печальными

* Письма Якова Ивановича къ Государю по крестьянскому дѣлу обыкновенно были къ нему возвращаемы, съ собственноручными на поляхъ отвѣтами и замѣчаніями Его Величества.

мысли больного, говоря, что нѣтъ никакого повода къ столь грустнымъ опасеніямъ. Яковъ Ивановичъ, взявъ его за руку, сказалъ ему съ чувствомъ: „Благодарю за любовь ко мнѣ, но все можетъ случиться, я долженъ быть готовъ ко всему, и поэтому исполните то о чемъ я васъ просилъ, а за ваше дѣло я не опасюсь. Рѣшимость Государя непоколебима.“ *

Между тѣмъ до слуха его долетало изъ разныхъ сферъ общественной жизни не мало жалобъ, обвиненій, порицаній; къ этому присоединялись недостойныя клеветы, появлявшіяся въ русской заграничной печати, особенно въ *Колоколь*. Все это его тревожило, а беспокойство отъ недоразумѣній и жаркихъ споровъ, при обсужденіи трудныхъ и щекотливыхъ вопросовъ въ средѣ самихъ комиссій, нередко лишало ночного сна. Къ тому же послѣдовала у него сильная размова съ однимъ изъ членовъ редакціонныхъ комиссій, разорвавшая тѣсную связь долготѣней искренней дружбы, извѣстной Государю **; это событіе также не могло не остаться въ душѣ его саѣда горечи.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ Государь Императоръ, по возвращеніи изъ совершеннаго имъ тогда путешествія въ южную Россію, нашелъ Якова Ивановича уже больного; онъ простудился ***. Довольно продолжительная разлука съ Государемъ прервала нить почти повседневныхъ сношеній ихъ по крестьянскому дѣлу; почему, послѣ первыхъ свиданій, Яковъ Ивановичъ обратился къ Государю 23-го октября 1859 года съ письмомъ, въ которомъ представилъ обзоръ или очеркъ различныхъ мнѣній, которыя ходили тогда въ обществѣ между лицами такъ или иначе принимавшими участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, причемъ онъ старался указать къ чему именно стремились редакціонныя комиссіи. Вотъ этотъ интересный документъ:

* Этимъ образомъ повѣствованіе кончается въ П. П. Евдокимовъ, *исторія*...

„Ваше Императорское Величество!

„Въ послѣднее наше свиданіе Вы изволили объявить мнѣ желаніе Ваше знать, въ какомъ положеніи находится наше святое дѣло.

„Съ нѣкоторою частію депутатовъ мы еще не сошлись въ подробностяхъ, но это болѣе или менѣе, по возможности, уладится. Съ нѣкоторыми изъ нихъ мы не сошлись въ общихъ основаніяхъ; уладить это не будетъ никакой возможности.

„Главное противорѣчіе состоитъ въ томъ, что у комиссій и у нѣкоторыхъ депутатовъ различныя точки исхода: у комиссій государственная необходимость и государственное право; у нихъ право гражданское и интересы частные. Оны правы съ своей точки воззрѣнія, мы правы съ своей.

„Смотря съ точки гражданского права, вся зачатая реформа, отъ начала до конца, несправедлива, ибо она есть нарушеніе правъ частной собственности; но какъ необходимость государственная, и на основаніи государственнаго права, реформа эта законна, священна и необходима.

„Огромное число враговъ реформы, не уясняя себѣ этой неотложной необходимости, обвиняетъ, и словесно, и письменно, редакціонныя комиссіи въ желаніи обобрать дворянъ, а иные даже и въ желаніи произвести анархію, называя нѣкоторыхъ изъ членовъ комиссіи красными.

„Желать обобрать дворянъ было бы мыслію и безчестіемъ, и бездѣльною, тѣмъ болѣе, что $\frac{8}{10}$ изъ членовъ комиссіи суть сами помѣщики, а нѣкоторые изъ нихъ и весьма богаты.

„Объ обвиненіи послѣднемъ не стоить и говорить: оно придумано людьми, которые желали, чтобъ именно ихъ теоріи были приняты въ руководство комиссіями, и видя иное, прибѣгли къ клеветѣ.

„Усилія комиссій заключались и заключаются:

„Вопервыхъ, *спасти Россію*.

„Если одиннадцать милліоновъ жителей, тѣмъшые въ продолженіе двухъ лѣтъ надеждой на свободу и на улучшеніе своего состоянія, будутъ обмануты, разочаруются, потеряютъ довѣріе и любовь къ верховной власти и неисполненіе своихъ ожиданій припишутъ, разумѣется, своимъ помѣщикамъ, то Россія спасена не будетъ.

„Вовторыхъ, преобразование произвести *не паллиативно, а рационально*, то-есть не на какой-либо срокъ и не въ поло-

вину, а навсегда и вполнѣ, дабы избавить и Россію, и наслѣдниковъ Вашего Величества отъ будущихъ потрясеній.

„Втретихъ, чтобы для исторической будущности Россіи *не связывать новыхъ, незнакомыхъ Россію узловъ, подобныхъ тѣмъ, которые Европа, въ продолженіе двухъ столѣтій, распутываетъ или разрубаетъ.*

„Вчетвертыхъ стараться, чтобы интересы помѣщиковъ были сколь возможно ограждены и чтобы этотъ почтенный и самый просвѣщенный классъ, составляющій, такъ-сказагь, цѣль Россіи, *не потерпѣлъ потерь не необходимыхъ.*

„Въ какой степени комиссіи успѣли дойти до означенныхъ своихъ цѣлей, позвольте разъяснить Вашему Величеству въ послѣдствіи.

„Между тѣмъ Положенія губернскихъ комитетовъ и мнѣнія членовъ сихъ комитетовъ, сюда вызванныхъ, можно разложить на шесть главныхъ категорій:

„а) Одни желаютъ *уплаты* за освобождаемыхъ крестьянъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *удаленія* ихъ, по истеченіи нѣкотораго времени, *съ земли помѣщика.*

„б) Другіе желаютъ *уплаты* за крестьянъ и *прикрѣпленія* ихъ къ мѣсту, не для обезпеченія ихъ быта, а для того только чтобы рабочія силы находились у помѣщика *подъ рукою.*

„в) Третьи, не требуя уплаты за личность, полагаютъ, что поземельныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, равно какъ и оставленіе первыхъ въ ихъ усадьбахъ, должны продолжаться лишь нѣсколько лѣтъ, т.-е. въ періодъ срочно-обязаннаго положенія, а потомъ крестьяне, безъ избъ и безъ полей, вступали бы въ *договоры* съ помѣщиками.

„г) Четвертые домогаются, чтобы крестьяне *навсегда* землею *только пользовались.*

„Всѣ эти четыре категоріи далеко не желали бы выкупа крестьянами земли; хотя иные и говорятъ о немъ, но обстоятельства навиваютъ его непреодолимыми затрудненіями.

„д) Пятые желаютъ *немедленнаго отдѣленія* крестьянъ отъ помѣщиковъ и немедленнаго же общаго *обязательнаго выкупа*, видя въ этомъ, можетъ-быть и очень справедливо, исходъ всего вопроса самый простой и самый удобный.

„е) Шестые предпочитаютъ *выкупъ полюбовный и постепенный*, дабы крестьянинъ входилъ въ новую жизнь и въ

новыя отношенія не вдругъ, а приучаясь, мало-по-малу, къ новому порядку вещей.

„Эти двѣ послѣднія категоріи, *составляющія значительное большинство*, съ главными, высочайше указанными началами согласны и полного освобожденія крестьянъ желаютъ искренно.

„Объ отношеніяхъ освобождаемыхъ крестьянъ къ помѣщикамъ мнѣнія также раздѣлились.

„Одни желаютъ *немедленного прекращенія власти помещиковъ* надъ крестьянами, видя въ сохраненіи такой власти надъ человѣкомъ уже свободнымъ ежедневную борьбу, а потому и ежедневно усиливающуюся взаимную ненависть.

„Другіе, для обезпеченія помѣщику повнѣностей, находятъ необходимымъ удержать сильную власть помѣщика только въ имѣніяхъ, которыя будутъ находиться *на барщинномъ положеніи*.

„Третьи, для этой же цѣли, признаютъ нужнымъ, чтобы сильная власть помѣщика сохранялась надъ крестьянами *в барщинныхъ, и оброчныхъ* на все время до окончательнаго выкупа земли, или до окончанія срочно-обязаннаго положенія.

„Наконецъ четвертые желали бы продать власть помѣщиковъ надъ крестьянами *на вѣчныя времена*, хотя бы даже крестьяне и выкупили землю, т.-е. они желали бы создать въ Россіи *феодальное право*.

„Нѣкоторые хотѣли бы для дворянства новыхъ сословныхъ правъ въ управленіи мѣстномъ.

„Считаю долгомъ всеподданнѣйше заявить, что хозяйственно-распорядительное управленіе уѣздомъ (кромя собственно полиціи) дѣйствительно было бы полезно основать на выборномъ началѣ и подчинить вліянію сословному.

„Во всѣхъ мнѣніяхъ депутатовъ только и есть *одна идея, равно вѣсти раздѣляемая*: это — несчастное устройство и жалкое состояніе высшаго мѣстнаго управленія и судовъ, и дѣйствія ихъ произвольныя, злоупотребительныя, скрытыя и необщимыя. Всѣ убѣждены, что при подобномъ устройствѣ суда и полицейскаго порядка, приведеніе реформы въ дѣйствіе можетъ повести къ вреднымъ послѣдствіямъ, и благосостояніе какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ не можетъ быть устроено надежно и прочно.

„Изъ этого краткаго очерка Ваше Императорское Величе-

ство изволите усмотрѣть, какъ разнообразны мнѣнія губер-
скихъ комитетовъ, а съ нами и ихъ членовъ, и самой публики.

„Если же заключенія комиссій несогласны во многомъ съ Положеніями губернскихъ комитетовъ и съ мнѣніями нѣ-
которыхъ изъ ихъ членовъ, то Положенія этихъ комитетовъ
и мнѣнія ихъ членовъ еще болѣе не согласны между собою.

„Сверхъ того, значительная часть вызванныхъ сюда чле-
новъ считаетъ себя обязанною (можетъ-быть и справедливо)
отстаивать мнѣнія своихъ губернскихъ комитетовъ, призна-
вая невозможнымъ отдѣлять себя отъ солидарности съ сво-
имъ дворянствомъ.

„При этомъ обязанностію считаю присовокупить, что мно-
гіе изъ членовъ говорили мнѣ, не какъ председателю, а какъ
человѣку, что они согласны со многими предположеніями ре-
дакціонныхъ комиссій, предположеніями, которыя въ мнѣ-
ніяхъ своихъ они оспариваютъ, высказать же этого на бу-
магѣ не могутъ, потому что будутъ виноваты противъ сво-
его дворянства.

„Обращаясь къ началу моего письма, приѣмаю смѣлость
поставить вновь нѣкоторые жалобы:

„Трудъ редакціонныхъ комиссій не сходится съ трудами
губернскихъ комитетовъ и нѣкоторыхъ изъ ихъ членовъ,
потому что у нихъ точки исхода различны: у комиссій
истекаютъ онѣ изъ права государственнаго, а у комитетовъ
и депутатовъ изъ права гражданскаго.

„Главная цѣль комиссій спасти Россію и, какъ средство
для достиженія этой цѣли, освободить крестьянина дѣйстви-
тельно, т.-е. съ надлежащимъ улучшеніемъ его быта, на осно-
ваніи высочайшей Вашей воли.

„Произвести это не палліативно, а рационально, и

„Не завязывать новыхъ социальныхъ узловъ, которые при-
шлось бы въ послѣдствіи Россіи, по примѣру Европы, или
распутывать, или разрубать.

„Смѣю думать, Ваше Величество, что главныя основанія
редакціонныхъ комиссій вѣрны; въ подробностяхъ, можетъ-
быть, есть еще много и ошибокъ, и недомолвокъ, и неясно-
стей; въ этомъ послѣдствіи отношеніи мнѣнія депутатовъ
будутъ для насъ очень полезны.

„Комиссія желала отъ всей души уравнивать инте-
ресы крестьянъ съ интересами помещиковъ. Если онѣ рав-
новѣсія этого доселѣ еще не достигли, если и есть, дѣ-

отвѣтственно, въ иныхъ вопросахъ нѣкоторый перевѣсъ на сторонѣ крестьянъ, то это происходитъ, конечно, ужъ не отъ того, чтобы комиссіи желали огорчить помѣщиковъ и чтобы онѣ не уважали священныхъ ихъ правъ, а во первыхъ отъ того, что только одна Минерва родилась прямо вооруженная, а главное отъ того, что при особенно-затруднительныхъ вопросахъ какъ наклонить свои вѣсы, комиссіи иногда наклоняли ихъ на сторону крестьянъ и дѣлали это потому, что наклонять вѣсы, *потому*, отъ пользы крестьянъ къ пользѣ помѣщиковъ, будетъ и *много охотниковъ, и много силы*, а наоборотъ иначе, такъ-что бытъ крестьянъ могъ бы не *улучшиться, а усудшиться*.

„Конечно, комиссіи съ радостію воспользуются всѣмъ для установленія елико-возможнаго равновѣсія. Комиссіи, чуждыя недобросовѣстнаго искательства популярности и авторскаго самолюбія, смотрятъ на дѣло освобожденія не какъ на приходскую работу своей канцеляріи, а какъ на дѣло своего отечества, ему на благо, а вамъ во славу.

„Имѣю счастье быть
„Вашего Императорскаго Величества
„вѣрноподаваемый
„І. Ростовцовъ.“

„23 октября 1859 года.“

Все это письмо, до послѣднихъ строкъ: „Имѣю счастье быть“ и проч. написано подъ диктовку Якова Ивановича рукой секретаря его, О. П. Еленева, и поэтому на подлинномъ въ концѣ сдѣлана была имъ собственноручная приписка: „Простите великодушно, Ваше Величество, что письмо это писано не моею рукой; оно было готово еще въ воскресенье, по возвращеніи моемъ отъ Васъ; я все еще надѣялся самъ переписать его, но проходитъ пятый уже день, и я все еще не въ силахъ этого сдѣлать.“

Государь Императоръ написалъ между прочимъ на поляхъ этого письма:

„Гатчина, 25 октября 1859.

„Крайне сожалѣю, любезный Яковъ Ивановичъ, что вы, какъ кажется, не на шутку занемогли. Убѣдительнобѣе прошу васъ себя побережъ и отложить важныя ваши занятія пока совсѣмъ не оправитесь.

„Обзоръ положенія святаго нашего дѣла и различныя мнѣнія гг. членовъ отъ дворянскихъ комитетовъ совершенно согласны со всеми свидѣнiями, которыя до Меня доходятъ съ различныхъ сторонъ.....

„Я слишкомъ убѣжденъ въ правотѣ возбужденнаго нами святаго дѣла, чтобы кто-либо могъ Меня остановить въ довершенiи оного. Но главный вопросъ состоитъ въ томъ какъ его довершить.

„Въ этомъ, какъ и всегда, надѣюсь на Бога и на помощь тѣхъ, которые подобно вамъ добросовѣстно, желаютъ этого столь же искренно какъ Я и видятъ въ этомъ спасенiе и будущее благо Россiи.

„Не унывайте, какъ Я не унываю, хотя часто приходится переносить много горя, и будемъ вмѣстѣ молить Бога, чтобы Онъ насъ наставилъ и укрѣпилъ.

„Обнимаю васъ отъ всей души.“

А. *

Болезнь Якова Ивановича продолжала однако свою работу; въ началѣ у него обнаружилась признаки внутреннего воспаления. Ему ставили на спину мушки съ цѣлью произвести вѣдшее отвлеченiе; послѣ у него сталъ образовываться на спинѣ, къ боку, карбункулъ. Во время усиленiя болѣзни онъ нѣсколько разъ спрашивалъ что говорятъ доктора; ** на успокоительные отвѣты онъ говорилъ нѣкоторымъ изъ приближенныхъ: „Я чувствую, что не переживу этой болѣзни, не съ моею комплекціей пережить ее.“ Въ другой разъ онъ сказалъ сыну: „Если это карбункулъ, то я не перенесу операціи.“ Несмотря на то что онъ не переставалъ внимательно слѣдить за ходомъ работъ по крестьянскому дѣлу.

19-го октября онъ уже не могъ выйти изъ дому для присутствованiя въ общемъ собранiи комиссiй, и до 31-го октября предсѣдательствовалъ за него членъ-экспертъ редакціонныхъ комиссiй П. А. Булгаковъ; во все это время въ нихъ происходили только совѣщанiя съ депутатами перваго приглашенiя. Еще три раза за тѣмъ, 4-го, 7-го и 11-го ноября,

* Семейныя бумаги оставшіяся послѣ И. И. Ростовцова. Сообщенiемъ этой переписки я обязалъ его семейству.

** Въ продолженiе болѣзни пользовали Якова Ивановича доктора: Обломовскiй, Рекавцкiй, Шунуланскiй и Смѣльскiй.

Яковъ Ивановичъ посѣтилъ собранія, а 14-го того же мѣсяца присутствовалъ въ послѣдній разъ въ залѣ 1-го кадетскаго корпуса, гдѣ постоянно собирались члены комиссій. *

18-го ноября, когда члены прибыли въ присутствіе, онъ велѣлъ просить ихъ на короткое время къ себѣ въ домъ, въ ту комнату, гдѣ были первыя занятія комиссій. ** Когда мы вошли въ домъ, сынъ его Михаилъ Яковлевичъ сказалъ мнѣ: „Отецъ говорилъ, что имѣеть что-то очень важное сообщить членамъ комиссій,—я только не знаю что именно, для того онъ и просилъ васъ къ себѣ,—хотя онъ боленъ и ему не слѣдовало бы заботиться.“ Яковъ Ивановичъ, выйдя къ намъ, сказалъ: „Извините, господа, что я васъ потревожилъ переходомъ изъ залы общаго присутствія ко мнѣ сюда. Болѣзнь моя усилилась, мнѣ гораздо хуже и запрещено выходить на воздухъ. Я попросилъ васъ къ себѣ на какіе-нибудь полчаса.“ Затѣмъ началъ читать свое предложеніе редакціоннымъ комиссіямъ, которое уже было заявлено въ общемъ присутствіи 4-го ноября; въ немъ онъ главнѣйшимъ образомъ просилъ членовъ обратить вниманіе, при пересмотрѣ и вторичномъ обсужденіи докладовъ (во второмъ періодѣ занятій), на статьи по 13 пунктамъ, „по которымъ комиссіи оубидали мнпній гг. членовъ губернскихъ комитетовъ,“ именно:

- „1. О способѣ пользованія крестьянами лѣснымъ топливомъ и торфомъ.
- „2. О выкупѣ крестьянами усадебъ цѣлыми обществами и отдѣльными лицами.
- „3. О правилахъ перенесенія усадебъ.
- „4. О правилахъ присоединенія земель, отъ пользованія которыми крестьянскія общества будутъ отказываться, къ землямъ находящимся въ полномъ распоряженіи помѣщиковъ.
- „5. Объ условіяхъ выкупа усадебъ въ исключительныхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ усадьбы имѣютъ большую стоимость.
- „6. Объ отношеніи числа лѣтнихъ рабочихъ дней къ землямъ.
- „7. По цифрамъ вышнихъ душевыхъ надѣловъ въ разныхъ мѣстностяхъ.

* Журналы общаго присутствія №№ 60 до 64, 65, 66, 67, 68 и 69. Первое изданіе *Матер. редакц. комисс.* Второй періодъ, ч. IV.

** См. „Дѣятельн. Якова Ивановича Ростовцова въ редакц. комисс.“ *Русскій Вѣстникъ* 1864 года, № 10, стр. 469.

„8. По цифрамъ душеваго оброка въ черноземной мѣстности.

„9. Объ уменьшеніи надѣла при *выкупѣ* крестьянами земель.

„10. По правиламъ выводятъ среднихъ оброковъ въ оброчныхъ мѣстностяхъ.

„11. По правиламъ обезпеченія исправнаго управленія срочво-обязанными крестьянами повинностей помѣщику.

„12. По отношеніямъ помѣщика къ крестьянскому обществу, на время существованія обязательнаго труда.

„13. По отношеніямъ мірскихъ обществъ къ волостямъ и вообще по упрощенію административнаго устройства крестьянъ.

„И сверхъ того до 3-мъ пунктамъ, „которые не были непосредственно предложены коммиссіями на обсужденіе гг. членовъ губернскихъ комитетовъ“, именно:

„1. О пользованіи поемными лугами.

„2. О допущеніи въ извѣстной степени добровольныхъ соглашеній при опредѣленіи количества надѣла въ пользованіе.

„3. О неизмѣнности денежнаго повинности.“ *

По прочтеніи этого предложенія Яковъ Ивановичъ спросилъ: „не повторить ли еще?“ и обратился къ исправлявшему недолгое время должность завѣдывавшаго дѣлами коммиссій, члену Н. Н. Павлову ** съ словами: „Прочтите еще разъ мои вопросы, чтобъ ихъ лучше уразумѣли.“ Когда это было исполнено, онъ сказалъ: „Можетъ-быть есть и еще нѣсколько вопросовъ, но они рассмотрятся въ третьемъ періодѣ нашихъ занятій. Можетъ-быть, вы найдете что-нибудь прибавить; это мое предложеніе, а тамъ, чѣмъ разрѣшить подробности въ коммиссіяхъ, это я вамъ предоставляю; вѣроятно, коммиссіи много измѣнятъ свои предположенія къ общему удовольствію.“ Онъ еще прибавилъ: „Относительно докладовъ хозяйственнаго отдѣленія я желалъ бы очень присутствовать въ вашихъ собраніяхъ, но мнѣ, подъ опасеніемъ смерти, запрещено сообщеніе съ воздухомъ; итакъ я уже буду лишень возможности бесѣдовать съ вами.“ Затѣмъ Яковъ Ивановичъ сдѣлалъ еще нѣсколько замѣчаній на докладъ бывшій тогда

на обсужденіи присутствія,* и кончилъ занятія въ половинѣ четвертаго. Члены перешли въ залу обычныхъ собраній.

Слѣдующее за тѣмъ засѣданіе, 23-го ноября, началось также въ квартирѣ Якова Ивановича въ часъ пополудни. Онъ сказалъ: „Я попрошу у васъ еще извиненія, господа, я васъ пригласилъ опять на нѣсколько минутъ, я слишкомъ слабъ, потому буду просить продолженія засѣданія въ залѣ комиссій. Господа, виноваты, я долженъ вамъ сказать, что послѣднее время мы нѣсколько уснули, я говорю это о васъ и о себѣ.“ Собственно цѣль этого приглашенія членовъ комиссій была устранить разногласіе одного члена съ хозяйственнымъ отдѣленіемъ о способѣ надѣла крестьянъ землей, причемъ этотъ членъ предлагалъ такую редакцію перваго параграфа Положеній, относящихся къ этому предмету, которая, по мнѣнію остальнаго большинства отдѣленія, колебала все существо ихъ предположеній.

2-го декабря, въ первое за тѣмъ общее присутствіе комиссій, въ исходѣ перваго часа пополудни, Яковъ Ивановичъ уже въ послѣдній разъ собралъ къ себѣ членовъ и сказалъ: „Я опять прошу прощенія, что васъ сюда пригласилъ на короткое время, я заготовилъ предложеніе; еслибы тутъ у меня выраженіе было не точное, я прошу васъ замѣтить, это дѣло деликатное.“ Читеніе своего предложенія онъ поручилъ уже члену А. К. Гирсу, временно замѣдывавшему тогда дѣлами комиссій; оно существенно относилось до пересмотра высшаго душеваго надѣла, оставляемаго въ пользованіи крестьянъ за повинности и до способа разработки и повѣрки свѣдѣній доставленныхъ изъ губерній о размѣрахъ надѣла въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. ** Яковъ Ивановичъ сказалъ: „Я бы желалъ, чтобы всѣ члены комиссій приняли участіе въ этой работѣ“ Тогда послѣдовало между членами распределеніе по губерніямъ труда повѣрки разработанныхъ

тебя кончилось около 2 часовъ и продолжалось уже въ залѣ собраній.

Въ засѣданіи бывшемъ за тѣмъ 5-го декабря, А. К. Гуровъ объявилъ члену комиссій П. А. Булгакову, отъ имени Якова Ивановича Ростовцова, что онъ проситъ его председательствовать, а также что онъ поручилъ сообщить ему нѣкоторыя свои замѣчанія на доклады подлежашіе тогда обсужденію присутствія, а съ 16-го декабря Яковъ Ивановичъ былъ уже не въ состояніи сѣдять непрерывно за ходомъ дѣла въ засѣданіяхъ комиссій, и журналъ общаго присутствія этого числа былъ подписанъ за председателя П. А. Булгаковымъ, * послѣ чего сей послѣдній уже постоянно исполнялъ за него обязанности до вступленія въ комиссію графа Панина. Такимъ образомъ члены комиссій были какъ бы оторваны отъ своего председателя. Но и въ это время, не будучи уже въ состояніи сѣдѣть, Яковъ Ивановичъ лежа все-таки продолжалъ заниматься дѣлами по крестьянскому вопросу, то съ завѣдывавшимъ дѣлами комиссій, то съ своимъ секретаремъ, и написалъ собственноручно нѣсколько писемъ Государю. Последнее изъ нихъ было написано 7-го января 1860 г. ** Болезнь стала внушать серьезныя опасенія, и Государь началъ самъ навѣщать его. *** Еще 26-го ноября, Государь пробылъ у него минутъ 40 и приказалъ отменить, до возстановленія его силъ, засѣданіе комиссій, которое было назначено на 28-е число того мѣсяца. 12-го декабря августѣйшее посѣщеніе повторилось и продолжалось съ 3-хъ часовъ до 4-хъ съ половиной пополудни. 18-го декабря, Государь навѣстилъ опять больного и прошелъ въ залы, гдѣ помѣщались комиссіи. 4-го января 1860 года, послѣ трехъ часовъ пополудни Государь навѣстилъ Якова Ивановича въ день его именинъ.

5-го января Якову Ивановичу сдѣлана операция; онъ выдержалъ ее съ стоическимъ терпѣніемъ. Послѣ этого, какъ бы чувствуя, онъ просилъ докторовъ, если положеніе

была первая операція и каково было окончаніе смер-ти. Все безнадѣжно прѣкле чѣ

потеряетъ сознание, имѣлъ еще время переговорить съ Государемъ предъ своею кончиной.

10-го января Государь пріѣзжалъ къ Ростовцову и говорилъ съ заглядывавшимъ дѣлами комиссіей и съ дадею своимъ Василиемъ Николаевичемъ Семеновымъ, находившимся въ то время почти неотходно въ домѣ Якова Ивановича *, о томъ какъ бы устроить занятія отъ больного. За тѣмъ 16, 21, 26 и 29-го января продолжались посѣщенія Государя, и въ этотъ послѣдній день Государь вышелъ изъ комнаты Якова Ивановича обрадованный тѣмъ, что больному сдѣлалось лучше. Но это продолжалось не долго: черезъ день опять стало хуже. Въ тѣ дни когда больной чувствовалъ себя бодрѣе, онъ принималъ посѣтителей, и тогда дворъ его дома наполнялся каретами: къ нему пріѣзжали высшіе государственные сановники и первыя духовныя лица разныхъ исповѣданій. Членовъ редакціонныхъ комиссій онъ всегда готовъ былъ видѣть, когда только ихъ допускали къ нему. Въ это время особенную его заботу составляла записка, въ которой онъ желалъ представить Государю о всѣхъ заключеніяхъ, поставленныхъ тогда комиссіями по крестьянскому дѣлу, и передать ему письменно свои заботыя мысли.

Еще въ среднѣхъ декабра 1859 года Яковъ Ивановичъ, когда былъ въ силахъ, продиктовалъ своему секретарю Ѡ. П. Елсеву программу этой записки и поручилъ ему сдѣлать

* В. Н. Семеновъ извѣстенъ какъ литераторъ. Онъ между прочимъ перевелъ драму Раупаха: *Земля ночь* (*Die Erdennacht*), началъ издавать въ переводѣ: *Извѣстія иностранныхъ писателей о Россіи* и былъ въ некоторое время редакторомъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*. Онъ родился въ 1801 году, и по выпускѣ изъ Императорскаго Царско-Сельскаго Лицея въ 1820 г., поступилъ въ военную службу офицеромъ, а потомъ перешелъ въ гражданскую, въ продолженіе которой занималъ одно время въ Петербургѣ мѣсто цензора, потомъ въ началѣ сороковыхъ годовъ мѣсто вице-губернатора въ Орлѣ, откуда былъ переведенъ на Кавказъ членомъ совѣта главнаго управленія при главнокомандующемъ генералѣ Нейгардтѣ, и продолжалъ службу при казѣстакѣ князь Воронцовѣ, съ присоединеніемъ къ прежней должности званія и обязанностей попечителя Кавказскаго учебнаго округа. Въ послѣдніе годы жизни по переѣздѣ въ С.Петербургъ онъ состоялъ членомъ учебнаго комитета по военно-учебнымъ заведеніямъ и скончался въ числѣ

первоначальную редакцію ея, потомъ два раза собственноручно исправлялъ ее, но будучи уже не въ состоянїи окончить начатый трудъ, поручилъ дополнить ее завѣдывавшему дѣлами комиссій, изъяснивъ какимъ образомъ онъ долженъ развить его мысли. Онъ говорилъ тогда: „Нашъ проектъ разбросанъ въ нѣсколькихъ томахъ, которые прочесть трудно; во второмъ періодѣ онъ еще развился и измѣнился. Я желаю представить Государю полное, ясное, но сжатое изложеніе всей сущности нашихъ трудовъ. Такое изложеніе будетъ служить добросовѣстнымъ отчетомъ нашей дѣятельности. Это будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мое profession de foi, а можетъ-быть, и послѣднее мое слово въ крестьянскомъ вопросѣ. Еслибы Государь соизволилъ разрѣшить напечатать эту записку, то ее прочли бы всѣ члены главнаго комитета и государственнаго совѣта. Можетъ-быть, предъ истинною падутъ многія предубѣжденія и несправедливыя нападки. Если я умру теперь, то умру съ спокойною совѣстью: мы честно исполнили долгъ свой передъ Государемъ, дѣйствовали открыто, безъ всякихъ интригъ, разъяснили вопросъ и можетъ-быть подвинули впередъ святое дѣло. Въ твердости Государя я увѣренъ, а Богъ Россіи и святаго дѣла не оставитъ.“ Въ другой разъ онъ говорилъ завѣдывавшему дѣлами комиссій: „Бога ради торопитесь съ запиской, я долженъ ее пересмотрѣть и исправить пока въ силахъ. Можетъ-быть, придетъ и такое время, когда я буду въ безпамятствѣ.“ Записка была доставлена ему частями только около 4-го января; онъ самъ диктовалъ измѣненія и вставки. Около 10-го января записка была со всѣмъ готова. Яковъ Ивановичъ началъ читать ее, сдѣлавъ нѣсколько поправокъ карандашомъ, но продолжать не могъ. Онъ говорилъ: „Я успѣю еще прочесть записку, когда голова моя будетъ свѣжѣе.“

26-го января Яковъ Ивановичъ призвалъ къ себѣ завѣдывавшего дѣлами и секретаря своего Ѡ. П. Еленева и приказалъ читать записку у своей постели. Слушая чтеніе отъ начала до конца, онъ дѣлалъ дополненія и поправки едва внятнымъ голосомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приказывалъ дѣлать только отмѣтки, говоря что обдумаетъ эти мѣста и поправитъ при второмъ чтеніи. Ночь затѣмъ Яковъ Ивановичъ провелъ хорошо и на другой день казался бодрѣе.

29-го числа онъ пожелалъ видѣть члена редакціонныхъ

комиссiей князя Черкаскаго и приказалъ непремѣнно принять его если зайдетъ. Боясь сдѣлать вредъ больному, близкiе его отклонили посѣщенiе князя, и даже рѣшились сказать ему, что князь нездоровъ и не выѣзжаетъ. Яковъ Ивановичъ потребовалъ книгу посѣтителей; по счастью, въ этотъ день князя въ ней не было. Съ разрѣшенiя семейства, заѣдывавшiй дѣлами комиссiей предупредилъ однако князя, чтобъ онъ на всякiй случай заѣхалъ въ домъ больного 1-го февраля, все еще въ надеждѣ, что Яковъ Ивановичъ забудетъ о своемъ требованiи.

1-го февраля, утромъ, Яковъ Ивановичъ приказалъ настойчиво послать за княземъ Черкасскимъ. Когда послѣднiй и заѣдывавшiй дѣлами вошелъ къ нему, онъ сказалъ: „Вотъ дѣлный мѣсяцъ, князь, какъ я не видалъ васъ, по возвращенiи вашемъ изъ Москвы. Въ это время я былъ безъ силъ. Теперь чувствую силы и долженъ поговорить съ вами.“ Затѣмъ онъ повелъ бесѣду о работахъ комиссiей, сначала шепотомъ, потомъ внятно; онъ спрашивалъ: „Увѣрены ли вы также какъ я, что обязательный выкупъ для правительства невозможенъ? Увѣрены ли вы также какъ я, что срочно-обязанныя отношенiя, при всѣхъ ихъ неудобствахъ, неизбежны?“ Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ: „Въ такомъ случаѣ мы сдѣлали все что могли только сдѣлать; совѣсть моя спокойна. Силы мои слабѣютъ, но одинъ только саваалъ можетъ отдѣлать меня отъ крестьянскаго вопроса *.“ Узнавъ, что князь Черкасскiй не читалъ еще его записки, Яковъ Ивановичъ предложилъ ему прочесть ее громко. Князь просилъ позволенiя взять ее съ собою или прочесть ее про себя въ другомъ углу комнаты, но Яковъ Ивановичъ настаивалъ. Началось чтенiе и продолжалось до прiѣзда Государя. Вездѣ гдѣ были указаны отмѣтки при первомъ чтенiи, Яковъ Ивановичъ вспомнилъ какiя поправки и измѣненiя онъ желалъ сдѣлать и продиктовалъ ихъ внятнѣмъ голосомъ. Чтенiе продолжалось еще четверть часа послѣ отъѣзда Государя. Яковъ Ивановичъ поручилъ князю сдѣлать съ его словъ нѣсколько окончателныхъ исправленiй и вставокъ и приказалъ заѣдывавшему дѣлами имѣть послѣ того записку на-готовѣ.

3-го февраля докторъ объявилъ близкимъ, что надежды на выздоровленiе Якова Ивановича не предвидится.

* Некрологъ *Г. И. Ростовцова* сост. *Ө. Еленевымъ* 19-го февраля 1860 года. Стр. 19.

Для того чтобы не смутить его неожиданностию, близкіе просили бывшего тогда главнымъ наблюдателемъ за преподаваніемъ закона Божія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, протоіерея Ивана Васильевича Рождественскаго, завѣхать къ Якову Ивановичу и приготовить его къ мысли приобщиться Св. Таинъ. Это посѣщеніе происходило 4-го февраля послѣ полудня, и больвой тогда же исповѣдался и причастился у священника 1-го кадетскаго корпуса Николая Федоровича Бенедиктова, причемъ сказалъ духовнику своему: „Извините, что я больше бесѣдую съ Иваномъ Васильевичемъ чѣмъ съ вами, тутъ дѣло нашей старинной дружбы.“ Послѣ причастія онъ сказалъ Ивану Васильевичу: „Я не жалею, но мой часъ еще не пришелъ и борьбы много будетъ“; потомъ велѣлъ позвать жену и сына Михаила Яковлевича (старшій сынъ Николай Яковлевичъ былъ тогда за границей по разстроенному здоровью). Имъ онъ сказалъ: „Такъ какъ Иванъ Васильевичъ уговорилъ меня причаститься, то я это исполнилъ, хотя не считаю себя опаснымъ.“

При Августѣйшимъ посѣщеніи въ этотъ день больвой былъ въ бреду. Государь это замѣтилъ и вышелъ отъ него встревоженный. Окружавшихъ Государь предупредилъ, что Яковъ Ивановичъ еще прежде выразилъ желаніе имѣть съ Нимъ продолжительный разговоръ, а поэтому приказалъ дать знать Ему немедленно, какъ только больвой о томъ скажетъ, и приобрести, что тогда Онъ тотчасъ пріѣдетъ. Остальную часть дня Яковъ Ивановичъ впадалъ часто въ дремоту и по временамъ бредилъ. Въ этотъ же день вечеромъ, по просьбѣ родныхъ, Иванъ Васильевичъ Рождественскій спросилъ его, не хочетъ ли онъ переговорить съ Государемъ, такъ какъ самъ желалъ этого. Яковъ Ивановичъ отвѣчалъ: „Прежде надо обдумать и приготовить.“

5-го февраля утромъ опять спросили у него: не хочетъ ли онъ говорить съ Государемъ? Онъ далъ тотъ же отвѣтъ: „надо обдумать“.

Около 12 часовъ Яковъ Ивановичъ опять озаботился запиской, призвалъ къ себѣ завѣдывавшаго дѣлами и спросилъ совсѣмъ ли она готова, и когда получилъ утвердительный отвѣтъ, то хотѣлъ подписать ее, но былъ уже не въ состояніи. Тогда онъ проговорилъ съ усиліемъ: „Позовите жену,

сына, брата *, друзей, прочтите имъ, пусть они знаютъ“, и когда находившіеся тутъ столпились вокругъ его постели, онъ благословилъ ихъ. По окончаніи чтенія записки въ сосѣдней комнатѣ, больной спросилъ у В. Н. Семенова, когда послѣдній вошелъ къ нему: „Читалъ ли ты записку и какъ ты ее находишь?“ В. Н. отвѣчалъ: „Вполнѣ ясною и успокоительною.“ Яковъ Ивановичъ спросилъ: „Такъ она никого не испугаетъ?“ — „Напротивъ того успокоитъ тѣхъ, которые прежде боялись.“ — „Да чего же они боялись?“ — „Разумѣется потери своихъ интересовъ, а изъ этой записки видно, что интересы ихъ были и остаются въ виду правительства.“ — „Такъ по твоему убѣжденію записка произведетъ хорошее впечатлѣніе?“ В. Н. успокоилъ больного словами: „Да, я въ этомъ увѣренъ.“ Тогда Яковъ Ивановичъ сказалъ: „Спасибо тебѣ, мой другъ, Богъ тебя благословитъ, прощай, я хочу уснуть.“

Между тѣмъ въ ожиданіи Августѣйшаго посѣщенія Яковъ Ивановичъ велѣлъ положить записку къ себѣ на стулъ у изголовья постели.

Около 4 часовъ пополудни пріѣхалъ Государь. Онъ одинъ вошелъ въ кабинетъ Якова Ивановича и выходя оттуда объявилъ присутствовавшимъ, что больной говорилъ Ему: „Я не знаю зачѣмъ подняли всю тревогу, я причастился оттого, что Рождественскій этого желалъ.“ Государь прибавилъ, что больной говорилъ еще о запискѣ, которую хотѣлъ тутъ же Ему вручить, но что Онъ отклонилъ этотъ разговоръ, успокоивъ больного обѣщаніемъ прочесть записку, когда силы послѣдняго совсѣмъ возстановятся; къ этому Государь изволилъ прибавить: „Я нахожу его голосъ крѣпче и бреду нѣтъ.“ Но возбужденіе силъ больного должно было, кажется, отнестись къ приему мускуса, даннаго ему утромъ того же числа. Послѣ отъѣзда Государя записка была взята сыномъ Якова Ивановича, Михаиломъ Яковлевичемъ, и отдава для храненія Ѡ. П. Еленеву, у котораго и оставалась до самой смерти больного. Затѣмъ Яковъ Ивановичъ принялъ вѣ-

падать, и больной оставался въ забытїи и бреду. В. Н. Семеновъ сидѣлъ у изголовья постели его и слышалъ произнесенныя имъ, хотя самымъ невнятнымъ голосомъ, слова: „какое было ужасное засѣданіе“!... въ этомъ бреду больной произносилъ еще нѣсколько разъ явственно. „Государь, не бойтесь!“...

Въ 11 часовъ вечера посланъ былъ адъютантъ Якова Ивановича Прутченко доложить Его Величеству, что больной безъ всякой надежды. Съ этого времени сомкнутыя вѣки его глазъ уже не открывались, наступили часы предсмертной агонїи. Въ 3 часа по полуночи Государь прислалъ узнать отъ доктора Обломіевскаго въ какомъ положенїи находится больной. Отвѣтъ былъ данъ, что онъ едва ли проживетъ до утра.

Между тѣмъ послали за священникомъ читать отходную: прочелъ ее около 3 часовъ по полуночи священникъ 1-го кадетскаго корпуса, духовникъ больнаго, отецъ Николай. При поднесенїи свѣчи къ глазамъ больнаго, казалось, повидимому, что зрѣніе его утратилось. Въ комнатѣ умирающаго оставались супруга его Вѣра Николаевна, сынъ Михаилъ Яковлевичъ, ближайшіе родные, а также нѣкоторые болѣе близкіе изъ подчиненныхъ. Докторъ Обломіевскій уѣзжалъ въ 11 часовъ вечера, и въ часъ пополудни возвратился.

Въ 4 часа утра въ комнату умирающаго вошелъ Государь. Приблизившись къ постели, Государь взялъ больнаго за руку, и Ему казалось, какъ Онъ это выразилъ присутствовавшимъ, что онъ почувствовалъ легкое рукопожатіе. Поэтому можно было еще думать что больной узналъ Государя. Скрестивъ руки на груди, Государь стоялъ около четверти часа у постели, внимательно прислушиваясь къ дыханїю умирающаго, который снова, едва слышнымъ голосомъ, произнесъ слова: „Государь, не бойтесь!“.. Императоръ придвинулъ стулъ и сѣлъ. Затѣмъ едва внятными говоромъ были произнесены еще слова: „Я умираю. Господи, да будетъ воля Твоя!“... Дыханіе становилось рѣже и рѣже; Государь всталъ, началъ молиться и заплакалъ. Въ 6 часовъ 47 минутъ утра Якова Ивановича не стало.

6-го февраля, въ 2 часа пополудни, была первая панихида по усопшемъ, затѣмъ панихиды отправлялись до 9-го февраля два раза въ день: въ 2 часа пополудни и въ 8 часовъ вечера. На всѣхъ утреннихъ службахъ присутствовалъ Госу-

дарь; прѣзжали Члены Императорскаго Дома: Великіе Князья, Великія Княгини Елена Павловна и Екатерина Михайловна, и Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. Въ то же время собирались высшіе государственные сановники, родные, близкіе знакомые и множество постороннихъ всякаго званія и состоянія. У гроба по очереди стояли на часахъ въ продолженіе дня и ночи воспитанники военно-учебныхъ заведеній.

Стѣны гостиной, въ которой былъ выставленъ гробъ, и соседней комнаты, черезъ которую входили туда, были обиты чернымъ сукномъ, и черныя сторы завѣшивали свѣтъ оконъ.

Въ самый день кончины Якова Ивановича Ростовцова предсмертная записка его, оставленная имъ безъ подписи, но удостовѣренная въ подлинности его сыномъ Михаиломъ Яковлевичемъ и скрѣпленная завѣдывавшимъ дѣлами редакціонныхъ комиссій, была представлена симъ послѣднимъ лично Его Величеству. Государь, взявъ ее, сказалъ: „Нашъ бѣдный Яковъ Ивановичъ! Покойный оставилъ намъ здѣсь какъ бы завѣщаніе, которое должно быть для насъ священно“. Эта записка, съ высочайшаго соизволенія, была потомъ напечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, для членовъ государственнаго совѣта и главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, а также и для нѣкоторыхъ другихъ лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ дѣлѣ.

9-го февраля, въ 10-мъ часу утра, гробъ покойнаго былъ вынесенъ Государемъ Императоромъ, Великими Князьями и родными Якова Ивановича и поставленъ на печальную колесницу. Въ головахъ, къ стѣнкѣ гроба, обтянутаго темнымъ малиновымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ, была прибита бронзовая, свѣтлая доска съ надписью: „Генералъ-адъютантъ Ростовцовъ, Іаковъ Ивановичъ родился 1803 года 28-го декабря, скончался 6-го февраля 1866 г.“

Когда погребальная процессія тронулась, Государь, Великіе Князья и свита сѣли на коней и сопровождали шествіе. Вездѣ по улицамъ толпился народъ. У Николаевского моста Государь сошелъ съ лошади, сѣлъ въ сани и поѣхалъ въ Зимній дворецъ принимать обычные доклады.

Покойный новгородскій и с.-петербургскій митрополитъ Григорій, посѣщавшій Якова Ивановича не задолго передъ кончиной, шелъ во главѣ духовенства до Англійской набережной, гдѣ сѣлъ въ карету и отправился впередъ въ Невскую лавру

для начатія заупокойной литурги. Къ отпѣванію пріѣхалъ Государь. Члены Царской Фамиліи, всѣ высшіе государственные сановники, кто только могъ, и многія лица разныхъ званій и сословій наполняли церковь. Когда послѣднее прощаніе кончилось, Государь самъ подымалъ гробъ и несъ его съ Великими Князьями, Своими братьями, при помощи родныхъ и близкихъ покойнаго, изъ церкви Св. Духа, гдѣ происходило отпѣваніе, до самой могилы.

Федоровская церковь Александро-Невской лавры, у ограды противоположной главному вѣзду, приняла смертные останки Якова Ивановича. На правой сторонѣ отъ входа, въ ниши церкви, подъ каменнымъ ея сводомъ, выложеннымъ бѣлымъ и сѣрымъ мраморомъ, поставленъ надъ могилой, на полу храма, камень черного гранита съ простою надписью: „Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ родился 28-го декабря 1803 года, скончался 6 февраля 1860 года. Въ глубинѣ свода, у стѣны, помѣщенъ бѣлый мраморный барельефъ, изображающій профиль Якова Ивановича Ростовцова — приношеніе чиновъ вѣдомства военно-учебныхъ заведеній.

Издержки на погребеніе Государь пожелалъ принять на свой счетъ.

Черезъ годъ, когда уже объявлено было 19-го февраля 1861 года Положеніе объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, Государь, вспоминая о дѣятельности Якова Ивановича Ростовцова, повелѣлъ положить на его гробницу золотую медаль съ Своимъ изображеніемъ, учрежденную 17-го апрѣля 1861 года „за труды по освобожденію крестьянъ“. На верхней сторонѣ памятника эта медаль вдѣлана въ углубленіе камня и покрыта стекломъ.

Въ то же время супругу его съ нисходящимъ потомствомъ Государь повелѣлъ возвести въ графское Россійской имперіи достоинство. Высочайшій рескриптъ, данный на имя графини Вѣры Николаевны Ростовцовой, изображенъ на бронзовой доскѣ, поставленной у могилы, по лѣвой сторонѣ надгробнаго камня.

Для полноты приводимъ этотъ рескриптъ въ подлинникѣ:

дѣлахъ которыя были ему отъ Меня поручаемы, и особенно въ важнѣйшемъ изъ нихъ, по освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, дѣлѣ, въ коемъ оны такъ вѣрно понималъ желанія Мои, мысли и предположенія и такъ вѣрно и неуклонно онымъ слѣдовалъ, занимаясь имъ, помышляя о немъ до послѣднихъ минутъ своей жизни, даже и на самой смертной постелѣ. Нынѣ, когда уже приступлено къ приведенію сихъ предположеній въ исполненіе, Я признавалъ за благо оказать предъ всѣми Мое уваженіе къ его памяти, знакомъ вниманія къ вамъ и семейству вашему и указомъ сего числа правительствующему сенату даннымъ, возвожу васъ съ нисходящимъ отъ покойнаго Якова Ивановича потомствомъ въ графское Россійской имперіи достоинство. Извѣщая васъ о томъ, Я съ симъ вмѣстѣ повелѣлъ препроводить къ вамъ медаль, установленную въ воспоминаніе великаго событія уничтоженія крѣпостной въ отечествѣ Нашемъ зависимости. На ней вы увидите, изображенное въ самомъ видномъ мѣстѣ слово: *благодарю*. Сіе слово обращается и къ умершему супругу вашему, какъ бывшему одному изъ ревностнѣйшихъ и главнѣйшихъ въ семъ дѣлѣ исполнителей Моей воли. Такая медаль будетъ положена на гробницу его, а та, которая посылается къ вамъ, да сохранится навсегда въ семействѣ его и потомствѣ.

„Пребываю благосклонный къ вамъ“

Послѣ сихъ строкъ рукою Государя написано на подлинномъ:

„И навсегда благодарный покойному мужу вашему

„АЛЕКСАНДРЪ.“

Въ С.-Петербургѣ.

23 апрѣля 1861 года.

6-го февраля 1865 года бывшіе члены редакціонныхъ ком-

даль благоволеніе членамъ редакціонныхъ комиссій за труды ихъ по крестьянскому дѣлу, Онъ почтилъ память Я. И. Ростовцова въ слѣдующихъ строкахъ: „При семь случаевъ не могу не вспомнить и объ участіи, которое принималъ въ трудахъ редакціонныхъ комиссій покойный председатель ихъ генералъ-адъютантъ Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ. Приступивъ къ исполненію даннаго ему по особой Моей къ нему довѣренности порученія, онъ, съ обыкновеннымъ своимъ пламеннымъ къ службѣ усердіемъ, далъ первоначальное направленіе работамъ комиссій, и подъ его председательствомъ ими рассмотрѣны всѣ важнѣйшіе въ дѣлѣ вопросы. Къ искреннему прискорбію Моему, смерть похитила его среди сихъ трудовъ въ то время, когда онъ съ новымъ напряженіемъ силъ посвящалъ имъ дни и ночи. Заслуги покойнаго Якова Ивановича Ростовцова, въ столь важномъ для Россіи дѣлѣ, навсегда будутъ памятны Моему сердцу и конечно не будутъ забыты исторіей.“

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВЪ.

7-го января 1866 г.

ЛЮБОПЫТНЫЙ ОТВѢТЪ

НА

„ВОПРОСЫ ГЛАГОЛЕНЫМЪ СТАРООБРЯДЦАМЪ“

Въ послѣдней статьѣ о современныхъ движеніяхъ въ расколѣ * не разъ упоминали мы о вопросахъ, поданныхъ въ раскольничій духовный совѣтъ присоединившимися къ православнои церкви епископамъ и прочими лицами изъ такъ называемой австрійской іерархіи, и довольно подробно изложили полученныя нами свѣдѣнія о томъ, какое впечатлѣніе произвели эти „вопросы“ въ старообрядческомъ мірѣ. Недавно изъ-за границы пришелъ отзывъ на нихъ, заслуживающій особеннаго вниманія и по самому содержанию своему, крайне оригинальному, и потому еще, что онъ писанъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ современной раскольничьей іерархіи. Съ нимъ-то и намѣрены мы познакомить читателей. Но предварительно считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о самыхъ „вопросахъ“ и даже привести подлинный текстъ ихъ, дабы читателю удобнѣе было понять и оцѣнить смыслъ заграничнаго отвѣта **.

Со времени изданія достопамятнаго *Окружного Посланія*, въ расколѣ, какъ теперь извѣстно каждому, возникло вели-

кое раздѣленіе,—явились и вступили въ борьбу двѣ враждебныя партіи: овы окружники, овы неокружники. Противъ посланія возстали всѣ слѣпо и изувѣрно державшіеся раскола; подъ знаменемъ *Окружнаго Посланія* собрались напротивъ лица, сознававшія несправедливость нѣкоторыхъ, слѣшкомъ крайнихъ раскольничьихъ мнѣній. Подъ вліяніемъ многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, о которыхъ считаемъ излишнимъ распространяться здѣсь, предполагая ихъ извѣстными нашимъ читателямъ, число этихъ поборниковъ *Окружнаго Посланія* постепенно сокращалось, и теперь едва ли можно найти хоть одного *чистаго окружника*, въ строгомъ смыслѣ этого слова: одни искренно или неискренно перешли на сторону такъ-называемыхъ раздорниковъ; другіе, напротивъ, пошли дальше по тому самому направленію безпристрастнаго возвращенія на расколъ, которое указано было именно *Посланіемъ*, и не могли уже болѣе удовлетворяться *Посланіемъ*. Великая заслуга *Окружнаго Посланія*, по нашему мнѣнію, заключается именно въ томъ, что оно хоть немного разбило крѣпкую, неудоборазбиваемую кору ограждающую расколъ отъ всего чуждаго расколу въ религіозномъ отношеніи, внесло въ неподвижную раскольничью среду сознание и мысль, что не все же въ ней несомнѣнно вѣрно и не все же въѣ ея одна ложь и нечестіе, — мысль плодотворную, которая по самой природѣ своей не могла остаться безъ дальнѣйшаго развитія и приложенія. Сказать, какъ сказано въ *Посланіи*, что и церковь господствующая вѣруетъ въ одного съ старообрядцами Господа Спасителя, что она одинаково съ ними почитаетъ животворящій крестъ Христовъ и что поэтому въ непростительное богохульство и крестохульство впадаютъ тѣ, которые утверждаютъ, будто церковь великороссійская вѣруетъ въ иного Иисуса и поклоняется не тому кресту, на которомъ благоволилъ пострадать Богочеловѣкъ,—сказать это, повидимому, столь немногое, и сказать такъ выразительно, искренно и сердечно, какъ умѣетъ говорить именно авторъ *Окружнаго Посланія*, значило сдѣлать много,—значило каждаго искренняго и разумнаго старообрядца возбудить къ размышленію о томъ, нѣтъ ли въ расколѣ и еще чего-нибудь столь же неправаго по отношенію къ церкви, какъ нечестивое обвиненіе въ поклоненіи иному Иисусу и иному кресту. А искреннее, непредубѣжденное размышленіе объ этомъ неминуемо должно привести къ сознанію ложности

самыхъ основаній, на которыхъ держится расколъ въ своемъ отчужденномъ отъ церкви, самочинномъ существованіи. Такъ дѣйствительно и случилось съ людьми наиболѣе преданными *Окружному Посланію*: Онуфриемъ — его издателемъ, Иоасафомъ, Филаретомъ и др. его защитниками. Отъ убѣжденія въ томъ, что православная церковь вѣруеть въ истиннаго Сына Божія и поклоняется истинному кресту Христову, они пришли послѣдовательно и къ тому убѣжденію, что церковь сія есть хранительница истиннаго, отъ апостоловъ преемственно наслѣдованнаго священства, и что поэтому старообрядцы незаконно прервали іерархическій союзъ свой съ нею, учрежденная же ими самостоятельная, независимая іерархія истинныхъ качествъ богоучрежденнаго священства имѣть не можетъ. вмѣстѣ съ бывшимъ епископомъ Пафнутиемъ, который путемъ тщательнаго обсужденія основныхъ началъ раскола, одновременно съ изданіемъ въ свѣтъ *Окружнаго Посланія*, хотя независимо отъ него, пришелъ къ тому же убѣжденію относительно бѣлокриницкой іерархіи *,— вмѣстѣ съ нимъ названныя лица составили небольшое общество, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ—присоединиться къ церкви, и тогда же почли нужнымъ ни отъ кого не скрывать своихъ понятій о расколѣ и его іерархіи; они, напротивъ, старались обратить на нихъ должное вниманіе со стороны глаголемыхъ вождей раскола. И такъ какъ эти вожди намѣренно уклонялись отъ рѣшенія вопросовъ объ австрійской іерархіи, возбужденныхъ присоединявшимися, то эти послѣдніе почли за лучшее изложить ихъ письменно, въ формѣ дѣйствительныхъ вопросовъ, съ тѣмъ чтобъ удобнѣе вызвать, кого слѣдовало, на прямой отвѣтъ. Первоначально изложилъ эти вопросы, съ свойственною ему безыскусственною простотою, бывший тогда еще браиловскимъ епископомъ и намѣстникомъ митрополіи — Онуфрій **. Потомъ изложить ихъ полнѣе и

обстоятельства братство поручило бывшему архидіакону Филарету, какъ человѣку болѣе другихъ властвующему перомъ. Филаретъ составилъ слѣдующіе восемь вопросовъ:

„*Вступленіе.* Православный христіанинъ ежедневно, читая вселенскій символъ вѣры, произноситъ: и во едину святую соборную и апостольскую церковь (то-есть вѣруетъ онъ).

„Онъ вѣруетъ въ ту церковь, которую самъ Ісусъ Христосъ основалъ и утвердилъ такъ, что врата адава не одолѣютъ ей (Матѣ. зач. 67).

„Въ церкви существуетъ іерархія, которую Ісусъ Христосъ учредилъ въ Пятидесятницу ниспосланнымъ на апостоловъ своимъ въ огненныхъ языцѣхъ Святаго Духа (Дѣян. зач. 3), Которому обѣщалъ пребывать въ вѣкъ (Іоан. зач. 48).

„*Вопросъ 3.* Если на вѣчныя времена основалъ Господь нашъ Ісусъ Христосъ, то по какому случаю двѣсти лѣтъ не было у насъ епископа, и могло ли составлять общество наше безъ епископа церковь Христову, соборную, апостольскую и вселенскую, которую повся дни въ символѣ исповѣдуемъ?“

На вопросы эти Онуфрій тогда же написалъ и отвѣты. Приводимъ отвѣтъ на послѣдній вопросъ, какъ болѣе важный:

„У насъ въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ не было епископа; этотъ промахъ никто не оправдаетъ; какъ невозможно Москву рѣку берегъ съ берегомъ сдвинуть, такъ невозможно оправдать и этотъ недостатокъ, и наши старообрядцы въ теченіе двухъ столѣтій не могли найти и одну въ Священномъ Писаніи строчку во оправданіе себя, да не можно и найти (кромя жеучелія, выдуманнаго Павломъ, о Вавилонскомъ плѣнѣ). Аще и всѣ бібліотеки, аже по вселеннѣй, съ Иларіономъ обыдеши (добродушный намекъ на любовь Иларіона Георгіевича къ археологическимъ занятіямъ), но сего видѣтъ написаннаго въ истинныхъ книгахъ не обрядеши, чтобы священная іерархія благодатная могла пасть хоть на одну минуту и паки востать; Божіе бо обѣщаніе нарушить, значитъ весь Христовъ законъ нарушить и ниже христіаниномъ быть.“

Послѣ сего Онуфріемъ же составлены были слѣдующіе вопросы:

„1. Великороссійская купно и греческая церковь благодатную хиротонію имѣтъ, или нѣтъ, которую во огненныхъ языцѣхъ въ Пятидесятницу посла Христосъ на св. Своя апостолы?

„2. Аще имѣтъ благодатную хиротонію, то почто отдѣляемся мы отъ нея?

„3. Аще не имѣтъ благодатной хиротоніи, то откуда у насъ оная воспламенилась, понеже благодатнаго рукоположенія по нашему мнѣнію двѣсти лѣтъ не было, не случайно и не частнымъ образомъ, но по всей вселеннѣй?

„4. Мы же, не имѣя двѣсти лѣтъ епископа, могли ли составлять „названную на основаніи апостолъ и пророкъ церковь“ (Ефес. зач. 222), которую въ Символѣ по вся дни исповѣдуемъ сице: „и во едину святую, соборную и апостольскую церковь?“

„Вѣчное существованіе іерархіи Ісусъ Христосъ еще подтвердилъ, по Благовѣстнику, притчею: *куплю дѣтѣ, доидеже прииду* (Лук. зач. 95).

„Сверхъ сего Св. Златоустъ подтверждаетъ непрерывное существованіе церкви. Онъ говоритъ такъ: *церковь небеси паче укоренилася есть, и удобнѣйши есть солнцу угаснути, нежели церкви безѣсти быти* (Маргар. слово о непостыж. и о еже предста царица). Церковь же, по свидѣтельству того же Златоуста, не можетъ безъ епископа быти (Маргар. житіе Злат.).

„А по свидѣтельству Св. Игнатія Богоносца воѣ, которые не съ епископомъ, тѣ не земледѣльіе Христова, но стѣла ерѣзіе и диаволу работаютъ (третье посл. къ Филад. печат.; Макарьев. Чет.-Мин. ноября 25-го, а. 686. Зри выпуски Озерскаго ч. 1. стр. 105 и 136, изд. 1862 г.).

„Вопросъ 1-й. Изъ вышеприведенныхъ доказательствъ видится, что церковь Христова должна вѣчно и непрерывно существовать и что церковь безъ епископа быти не можетъ: по какому же случаю у насъ, старообрядцевъ, почти двѣсти лѣтъ не было епископовъ? Если же ихъ не было, то могло ли наше общество въ теченіе этого времени составлять исповѣдаемому въ символѣ церковь, назданную на основаніи апостолъ и пророкъ (Ефес. зач. 222)?

„Вопросъ 2-й. Великороссійская купно и греческая церкви тую ли имѣютъ благодатную хиротонію, которую І. Христосъ учредилъ въ Пятидесятницу посредствомъ сошествія въ огненныхъ языцѣхъ Духа Святаго на святыхъ апостоловъ или вѣтъ?

„Вопросъ 3-й. Если та и другая церкви имѣютъ ту самую благодатную хиротонію, то почему мы отдѣляемся отъ нихъ?

„Вопросъ 4-й. Если же онѣ не имѣютъ благодатной хиротоніи, то съ котораго дня онѣ лишились оной, и когда у насъ она воспламенилась? — поелику благодатной хиротоніи, по нашему мнѣнію, не было почти двѣсти лѣтъ, и не было не частнымъ образомъ, а по всей вселенной.

„Вопросъ 5-й. Великороссійская равно и греческая церкви погрѣшаютъ ли въ самыхъ догматахъ вѣры, то-есть въ богословіи? Имѣютъ ли онѣ такіа ереси, которыя вселенскіе соборы проклинають, и были ли онѣ суждены?

„Вопросъ 6-й. І. Христосъ былъ посланъ отъ Отца, апостолы — отъ Христа, отъ котораго и зависимы были: пастыри же и учителя православные поставляемы и посылаемы были преемственно отъ апостоловъ: но Амвросій митрополитъ, уклонившася отъ зависимости своего патріарха, отъ кого посланъ былъ въ Блаую-Кривцу, и въ нее пришедши отъ кого былъ зависимъ?

„Вопросъ 7-й. Возстановленная блвокривцкая іерархія не имѣетъ ли въ своемъ основаніи догматическаго богословскаго поврежденія и еретическаго мудрованія, то-есть та-

кихъ ересей, которыя святыми вселенскими соборами прокляты?

*„Вопросъ 8-й. Если въ основаніи новоучрежденной бѣнокривницкой іерархіи найдутся важныя догматическія богословскія погрѣшности и еретическія мудрованія (которыя уже и открываются *), тогда можетъ ли кто, исключая единой святой, соборной и апостольской вселенской церкви, очистить эту іерархію отъ скверны еретичества, а вмѣстѣ съ ней и все зависимое отъ нея старообрядчество отъ грѣха заблужденія, и привести ихъ въ православное состояніе? и какой взглядъ до того должно имѣть на нихъ?“*

Вопросы эти, очевидно, касались самыхъ основаній старообрядчества. Выходя изъ того положенія (несомнительную вѣрность котораго старообрядцы отвергнуть не могутъ), что непремѣнную принадлежность истинной церкви Христовой, предназначенной къ непрерывному существованію до скончанія вѣка, должно составлять также непрерывно существующее въ ней богоучрежденное священство, въ полномъ его трехчленномъ составѣ,—присоединяющіеся первымъ своимъ вопросомъ поставляли старообрядцевъ въ необходимость признаться, что въ теченіе двухсотъ лѣтъ, когда не имѣли они епископства, т.-е. первой и высшей степени богоучрежденнаго священства, что въ теченіе этого времени ихъ общество истинной церкви Христовой не составляло. Затѣмъ, въ послѣдующихъ вопросахъ, обращая вниманіе исключительно на двѣ существующія нынѣ іерархіи, относительно которыхъ православные только и могутъ входить въ разсужденіе съ старообрядцами, именно на іерархію греко-россійскую и іерархію старообрядческую (со временъ Амвросія), они требуютъ рѣшить прямо и опредѣленно, которая изъ этихъ двухъ іерархій вполнѣ отвѣчаетъ догматическимъ и каноническимъ требованіямъ относительно истинной іерархіи, и слѣдовательно столь же прямо и опредѣленно рѣшить, кото-

могутъ, почему и почли за лучшее хранить молчаніе. Между тѣмъ совершилось присоединеніе. Присоединившіеся, не получая отвѣтовъ и желая ихъ вызвать, рѣшились огласить свои вопросы посредствомъ печати. Съ этою же цѣлю значительное количество печатныхъ экземпляровъ они сами разослали къ вліятельнымъ и болѣе извѣстнымъ членамъ бѣлокриницкой іерархіи и старообрядскихъ обществъ, московскаго и ивогородныхъ. Тогда же вопросы доставлены были въ нѣсколькихъ экземплярахъ и заграничнымъ вліятельнѣйшимъ старообрядцамъ въ Буковинѣ, Дунайскихъ Княжествахъ и Турціи, въ томъ числѣ, разумѣется, и обоимъ Аркадіямъ, Васлуйскому и Славскому.

Въ старообрядческомъ обществѣ „вопросы“, распространенные такимъ образомъ, произвели впечатлѣніе, и охранители раскольничьихъ интересовъ увидѣли нужду сдѣлать что-нибудь въ противодѣйствіе ихъ вліянію. Во время послѣдняго московскаго собора былъ даже составленъ подъ предсѣдательствомъ Пафнутія Казанскаго особый комитетъ, которому поручено было заняться между прочимъ именно составленіемъ „отвѣтовъ на восемь вопросовъ, обращающихся между нашими христіянами“, какъ сказано въ грамотѣ объ учрежденіи комитета. Комитетъ однакоже отвѣтовъ не составилъ.* Гораздо прямѣе и рѣшительнѣе дѣйствовали относительно вопрошающихъ заграничные старообрядцы. Изъ родной имъ Буковины, изъ самой пресловутой бѣлокриницкой митрополіи присланъ былъ отвѣтъ, сущность котораго заключалась въ томъ, что отвѣчать еретикамъ не подобаетъ: это по крайней мѣрѣ откровенно.** А перваго числа минувшаго января пришло изъ-за границы же, изъ города Измаила, новое посланіе, адресъ котораго писанъ хорошо знакомою намъ рукою зна-

* Объ учрежденіи и дѣйствіяхъ этого комитета подробно сказано въ десятой статьѣ о современномъ движеніи въ расколѣ (*Русск. Вѣстн.* 1866 г.

мелитаго славскаго епископа Аркадія. Аркадію Славскій, мужъ почитаемый лучшимъ представителемъ и охранителемъ раскольничьей ортодоксіи, человекъ дѣйствительно умный и многоначитанный, а въ исторіи *Окружнаго Посланія* показавшій себя даже довольно ревностнымъ поборникомъ выраженныхъ въ немъ благопріятныхъ мнѣній о православной церкви,—Аркадію пишетъ посланіе къ присоединившимся, по поводу ихъ вопросовъ! Надлежало ожидать чего-нибудь замѣчательнаго отъ его посланія. Но то, что содержалось въ написанномъ рукой Аркадія пакетѣ, превзошло всѣ ожиданія. Впервыхъ, подъ посланіемъ не оказалось никакой подписи, и анонимное посланіе это написано измѣненнымъ почеркомъ, или по крайней мѣрѣ съ явнымъ, но не удавшимся желаніемъ писавшаго измѣнить свой почеркъ,—говоримъ не удавшимся, потому что самаго меньшаго знакомства съ рукописями Аркадія достаточно, чтобы съ перваго же взгляда узнать въ этомъ умышленно-измѣненномъ рукописаніи его очень оригинальный почеркъ. Да и самый складъ рѣчи въ анонимномъ посланіи даетъ чувствовать, что его авторомъ былъ именно Аркадій. * Итакъ не подлежитъ сомнѣнію, что посланіе писано Аркадіемъ Славскимъ, но съ очевиднымъ намѣреніемъ отклонить отъ себя отвѣтственность за написанное;—обстоятельство, очень любопытное и во всякомъ случаѣ не дѣлающее чести худо замаскированному корреспонденту: видно самъ онъ чувствовалъ, что въ томъ что выйдетъ изъ-подъ его пера будетъ много такого, за что автору стыдно и горько будетъ вести отвѣтственность, если не рѣшился подписать своего имени подъ своимъ произведеніемъ и почелъ нужнымъ измѣнить, по возможности, самый свой почеркъ. Содержаніе посланія дѣйствительно таково, что человеку, не совсѣмъ утратившему сознаніе своего достоинства, нельзя за него не посоветиться. Со стороны именно содержанія несомнѣнно Аркадію принадлежащее посланіе и представляетъ

* У насъ имѣется не менѣе 40 собственноручныхъ писемъ Аркадія, по которымъ мы достаточно познакомились не только съ оригинальнымъ его почеркомъ, но и съ не менѣе оригинальнымъ складомъ его рѣчи. Нѣкото-

явленіе, особенно замѣчательное въ современной раскольниковицѣй литературѣ: столько въ немъ страннаго и неудобопостижимаго съ раскольниковицѣй точки зрѣнія! Мы приведемъ его вполнѣ, съ буквальною точностью, имѣя на это тѣмъ большее право, что самъ авторъ посланія угрожаетъ намъ заграничными (конечно вольными русскими) типографіями, съ которыми, какъ извѣстно, славскій епископъ состоитъ въ довольно близкихъ связяхъ: печатая его посланіе не въ заграничной типографіи, мы только платимъ любезностью за любезность. * Вотъ Аркадіево посланіе.

„Измаилъ 1 декабря 1865 года.

„Милостивыя государя Ануфрій и Пафнутіи!

„Извините васъ великодушно за таковой новый титулъ. Мы разсматривая газеты *Сынъ Отечества*, гдѣ именуютъ васъ иноками; повтому (?) мы и потеряли вашъ адресъ (?). Мы не можемъ не удивляться; если уже вы не епископы: то почему же инокы? васъ постригали во инокы таковыя же попы, каковъ и Амвросій; васъ крестили также попы бѣглые: почему жъ васъ вновь не крестятъ, а признали васъ крещеными и постриженными иноками? *Если крещеніе правильно, за нимъ и постриженіе: равно и хиротонія такъ же.*“

Остановимся здѣсь на минуту. Вопросъ, почему за присоединившимися признано инокство безъ повторительнаго постриженія, тогда какъ не признано священство, предлагается не однимъ Аркадіемъ. Бессарабскій корреспондентъ нашъ писалъ, что вопросъ этотъ нѣкоторые изъ тамошнихъ старообрядцевъ предлагали ему и что въ отвѣтъ онъ указывалъ обыкновенно (и по нашему мнѣнію, очень справедливо) на совершенное различіе между священствомъ и монашествомъ: одно есть таинство, другое—произвольный обѣтъ; какаѣ же надобности тому, кто не измѣняетъ и не намѣренъ измѣнять своимъ обѣтамъ, произвольно данными, повторять ихъ снова? Къ этому нужно только прибавить, что церковь православная, когда принимала присоединившихся, дала, такъ сказать, утвержденіе прежде произнесеннымъ ими инокскимъ обѣтамъ, такъ какъ при облаченіи ихъ въ инокскія одежды совершавшій присоединеніе православный епископъ вычитывалъ

* Намъ извѣстно изъ вѣрнаго источника; что другъ Аркадія, Осипъ Семеновъ Гончаровъ, уже приготовилъ для нѣкагого заграничнаго изданія, служащаго будто бы интересамъ русскаго раскола, статью: „О московскихъ отступницѣхъ.“

валъ по древнему потребнику положенныя на сей случай молитвы. Здравомыслящему старообрядцу этихъ объясненій, конечно, будетъ достаточно для разрѣшенія того недомыслия, почему при непризнаніи священства сохраняется присоединившимся иноческій чинъ. Но Аркадію, въ качествѣ старообрядческаго богослова, снабдилъ, какъ мы видѣли, свое возраженіе доказательствами, сущность которыхъ сводится къ слѣдующему положенію: *если крещеніе правильно, за нимъ и постриженіе: равно и хиротонія также*. Положеніе невѣрное, „съ которымъ нужно бы было Аркадію удержаться“, ибо оно можетъ привести къ выводамъ крайне погрѣшительнымъ. Ужели въ самомъ дѣлѣ крещеніе, постриженіе и священство дѣйствія равносильныя и относительно правильности ихъ совершенія, которая именно и сообщаетъ имъ законную силу, подлежатъ одинаковымъ условіямъ и требованіямъ? Крещеніе, совершенное въ случаѣ крайней нужды мирскимъ лицомъ, даже женскаго пола, по каноническимъ правиламъ признается крещеніемъ законнымъ и не повторяемымъ, лишь бы совершено было во имя Отца и Сына и Святаго Духа; по разсужденію славскаго богослова выйдетъ, что и хиротонія, въ случаѣ нужды совершенная мирскимъ лицомъ, будетъ также законнымъ рукоположеніемъ: *ибо если крещеніе правильно: равно и хиротонія также*. Но возвратимся къ письму.

„Между прочимъ мы вполнѣ остаемся увѣренными, что вы все это въ состояніи перенести. Мы получили ваши тетради съ вопросами: отъ имени Ануфрія три вопроса и на нихъ того же Ануфрія отвѣты, съ которыми нужно бы было Ануфрію удержаться. За ними дополненіе въ четырехъ вопросахъ и потомъ и прочіе восемь вопросовъ, которыми вы вопрошаете насъ о вѣчности церкви Христовой и, какъ видно, что вопросы ваши основаны на исповѣданіи Петра Апостола: *ты еси Христосъ Сынъ Бога Живаго. Исусъ же рече ему: блаженъ еси Симонъ вара Иона, яко плоть и кровь не Reve тебе, но Отецъ мой, иже на небесахъ, и азъ же тебе глаголю, яко ты еси Петръ и на семъ камени созижду церковь мою и врата ада не одолѣютъ ей* и прочее. Сей догматъ есть вообще всѣхъ христіанъ, а вы обращаете его толію къ церкви Греческой и къ Россійской... Ваши тетради неминуемо попадутъ въ типографію заграничныя и по разсмотрѣніи онѣ много надѣлаютъ шума и смѣха во всей Европѣ (!). Вы не толію старообрядцевъ, но и первенствующую церковь Римскую за нею Евангелическую и Протестантскую и всего запада вѣрующихъ во Христа *Исуса* (sic), © 2016 Google

щихъ то же Евангеліе, въ эти церкви, основанныя на сихъ евангельскихъ словахъ, что врата ада не удалятъ иль (?), вы ихъ всѣхъ устаравили, какъ будто они не суть участники во святомъ Евангеліи, а только одни Греки и Россы суть христіане *: да и въ самой Россіи градоначальники и военачальники, правящіе министерствами и даже областями и сама войска наполнены разногласныхъ вѣръ со всего свѣта. Язычники, магометане, Евреи и прочіе (если кто еще есть на свѣтѣ) всѣ таковыя указуютъ (?) на слова, иже въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, что: *во всякомъ языкѣ бояйся Бога и дѣлай правду пріятенъ ему есть*. Мы не приступая къ разбору вашихъ вопросовъ и не составляя вамъ ответовъ и возраженій, разсудили прежде спросить васъ: по какимъ причинамъ вы устаравяете (отъ чего?) означенныя церкви, а во особенности первенствующую Римскую церковь, потому говорю: первенствующую, что папа именуется главою, но (?) и восточная церковь и российская именуется папу святѣйшимъ **. Покажите также отъ Евангелія и отъ апостольскихъ посланій ихъ погрѣшность,—удержаться между прочимъ отъ взаимныхъ по временамъ между церковью Греческой и Римской разногласій, потому что каждая община сама себя выхваляетъ а прочіихъ привыкая укорять и порочить ***. Скажите именно, чѣмъ Римская церковь погрѣшила въ богословіи (какъ вы и сами напоминаете о богословіи) ****? Но мы на дѣлѣ видимъ, что Россійская церковь пріемлетъ крещеніе всего Запада, пріемлетъ и ихъ хиротонію *****; а Греческая напротивъ не пріемлетъ ни крещенія, ни хиротоніи папы Римскаго, и можно ли Греческую и Русскую церкви признать за едино? Нѣтъ! сіи церкви между собою разногласны. Нужно замѣтить и то, если паписты докажутъ отъ Евангелія (?), то и не заводите о томъ переписку. Еще скажите, чѣмъ Евангелики и Протестанты отступили отъ Евангелія, — и вѣтѣмъ удержаться отъ затруднительной переписки, а рѣшительнымъ отвѣтомъ доказать ихъ погрѣшность, а Грековъ и Россовъ не имѣющихъ ни малѣйшей погрѣшности, и который пророкъ, или евангелистъ, или апостолъ указалъ, что Греческая и Россійская церкви возмутъ первенство надъ западомъ и что они, т.-е. Греки и Россы, не имѣютъ ни малѣйшаго порока, а Паписты, Евангелики, Протестанты и прочіе

* Гдѣ же въ вопросахъ Аркадіи могъ найтти подобную мысль?

** Первенствующая Римская церковь вмѣстѣ съ Грековосточною состав-

подобныя отвержены отъ святаго Евангелія? они, напротивъ, укажутъ вѣщныя обряды; они къ Евангелію не допускаютъ никакого посторонняго влѣшательства; и вы своими тетрадами начнете новую проповѣдь евангельскую, какъ будто говорите, не во всю землю изыде вѣщаніе апостольское, не всей твари Евангеліе дано, но только однимъ Грекомъ и Россомъ *. Если всякая община защищаетъ себя однимъ упорствомъ человѣческимъ, а наипаче властію мірскою и блескомъ маловременныхъ мечтаній, можетъ (ли) тамъ взять верхъ на вселенскомъ судищи? поможетъ ли тамо царская власть и сила? станутъ ли одесную судіи любители царскіе (?), какъ пишетъ во Евангеліи о ходатайствѣ матери о сынахъ Зеведеевыхъ? будутъ ли восхищены на облацѣхъ, иже нынѣ лестию успѣвають и человѣкоугодіемъ надымаются и древностію корчемствуютъ? Или напротивъ Судія скажетъ: вѣсть мое дати, но имъ же уготовано будетъ; а другимъ: кости ваша разсыпятся при адѣ, понеже человѣковъ въ боги имѣша. Въ нынѣшнее время г. Суботинъ разыгрываетъ роль! Какъ онъ самъ, и его струя скроются въ землю гдѣ его предшественники, и онъ тамо заворится; но жена, которую онъ хочетъ потопить, парить въ пустыни и его слабая струя по онымъ удолямъ не достигнетъ ту, которая имѣетъ два крыла орла великаго. **

„Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать вашего разясненія.“ ***

Присоединившіеся, по всей вѣроятности, не преминутъ одѣлать требуемое авторомъ подробное „разясненіе“. Мы съ своей стороны ограничимся нѣсколькими краткими замѣ-

* Опять, гдѣ же въ вопросахъ можно отыскать что-нибудь подобное такой мысли?

** Это мѣсто въ письмѣ особенно выдаетъ автора. Мысль о томъ, что старообрядчество, и преимущественно заграничное, бѣжавшее изъ Россіи, есть именно та изображенная въ 12 главѣ Апокалипсиса, жена, которая на двухъ крылахъ орла великаго улетѣла въ пустыню отъ преслѣдованій дреняго змія,—мысль эта есть любимая мысль Аркадія. Известно, что онъ поставленъ былъ и епископомъ для турецкихъ старообрядцевъ, бѣжавшихъ въ разныя мѣста по случаю вступленія русскихъ войскъ въ турецкіе предѣлы во время послѣдней кампаніи, почему и назывался первоначально епископомъ странствующихъ христіанъ. Тогда же, подъ вліяніемъ

чавіями, хотя, говоря по справедливости, истинное значеніе посланія очевидно безъ всякихъ объясненій. Начнемъ съ того что лично насъ касается, — съ замѣчанія, которымъ достопочтенный владыка Аркадій хотѣлъ уязвить нашу, вѣдь не повинную предъ нимъ особу. Замѣчаніе это, при всей его кажущейся ядовитости, совершенно безсильно, потому что совершенно несправедливо. Ни малѣйшаго сходства съ апокалиптическимъ зміемъ не можемъ мы имѣть уже по тому одному, что самъ 'онъ, владыка Аркадій, со всею своею пастовою странствующихъ и нестранствующихъ христіанъ и со всею старообрядчествомъ, вовсе не походить на ту парящую въ пустынь жену, о которой говорится въ откровеніи; и если первое сравненіе только забавно, то это послѣднее, кромѣ того, и весьма дерзко.

Все-таки здѣсь Аркадій является по крайней мѣрѣ върнъ самому себѣ,—върнъ своимъ старымъ раскольничьимъ возрѣніямъ, держится того же, общаго многимъ изъ его собратій, убѣжденія, что старообрядчество, когда-то гонимое, есть одна во всемъ мірѣ истинная церковь Христова, предудказанная Тайнозрителю подъ образомъ бѣгущей отъ змія жены; и вывить его за эту върность старымъ убѣжденіямъ мы, пожалуй, не станемъ, хотя имѣемъ полное право и ему предложить вопросъ: „какой это пророкъ, или евангелистъ, или апостоль указалъ“ ему, что только старообрядчество составляетъ истинную церковь Христову? и почему же самъ онъ не признаетъ „церковь Римскую, Евангелическую, Протестантскую и всего запада върующихся во Христа Ісуса“ (о Грекахъ и Россіянахъ мы не говоримъ уже)?.. Но если въ концѣ письма авторъ является намъ старымъ знакомымъ, съ старыми исключительно-раскольничьими мнѣніями и рѣчами, то во всемъ остальномъ что говорится въ письмѣ, при самомъ тщательномъ вниманіи, едва могли мы отыскать слѣды чего-нибудь похожаго на мнѣнія и рѣчи старообрядца. Передъ вами и папистъ, и лютеранинъ, и даже индифферентистъ съ самыми широкими и свободными возрѣніями на религію, но всего менѣе старообрядецъ. Обративъ вниманіе на то, что „вопросы“ касаются единственно грекороссійской и бѣлокриницкой іерархіи, или грекороссійской и такъ-называемой старообрядческой церкви, относительно которыхъ, какъ сказали мы выше, только и могутъ быть пренія у православнаго съ старообрядцами и у старообрядца

съ православными (ужели въ самомъ дѣлѣ славскій епископъ можетъ отрицать это?),—обративъ вниманіе на одно это обстоятельство, авторъ письма становится прежде всего въ защиту не упомянутой въ „вопросахъ“ римско-католической церкви, въ защиту ея правъ на званіе церкви истинной; затѣмъ раскольничій апологетъ римскаго католичества (чего дѣйствительный апологетъ его, конечно, не сдѣлалъ бы) требуетъ тѣхъ же правъ для церкви евангелической и протестантской; не доводяствуясь и этимъ, онъ даруетъ такія же права язычникамъ, магометанамъ, Евреямъ и даже послѣдователямъ такихъ религій, о которыхъ самъ ничего не знаетъ. Онъ настойчиво требуетъ отъ присоединившихся, чтобъ они показали отъ Евангелія и апостольскихъ посланій, въ чемъ заключается погрѣшность католиковъ, евангелистовъ, протестантовъ, язычниковъ, магометанъ, іудействующихъ и прочихъ (если кто еще есть на свѣтѣ)!— и въ то же время, желая показать всю несправедливость „вопросовъ“ въ отношеніи къ католикамъ, евангелистамъ и прочимъ, въ особенное преимущество ихъ предъ Греками и Россіянами (но никакъ не предъ старообрядцами) ставить то, что *все они (даже и паписты?) укоряютъ вѣтхія обряды, и къ Евангелію не допускаютъ никакого внѣшняго влѣчательства!*

Входить въ разсмотрѣніе всѣхъ этихъ сужденій о католичествѣ, протестантствѣ и прочихъ исповѣданіяхъ мы, конечно, не будемъ: какъ-то совѣстно даже и не ловко разсуждать о подобныхъ предметахъ съ старообрядцемъ. Мы только попросимъ достопочтеннаго отца Аркадія припомнить, почему это присюпамятные иноки Павелъ и Алимніи, отыскивая епископа для старообрядцевъ, не имѣли и помышленія обратиться за нимъ къ протестантамъ и даже къ римскимъ католикамъ, несмотря на то что было бы такъ удобно это сдѣлать.

если такъ рѣшительно и непрекословно предпочли ему греко-восточное исповѣданіе? Просимъ его также пересмотрѣть повнимательнѣе составленное по сему случаю инокѣмъ Павломъ „краткое соображеніе, или сличеніе о разныхъ религіяхъ,“ отъ которыхъ можно старообрядцамъ заимствоваться священствомъ. Ему должно быть хорошо извѣстно это сочиненіе, потому что въ 1846 году оно представлено было именно „въ скитъ славскихъ отцевъ для соборнаго разсужденія обще со всѣми задунайскими обществами“. А въ „соображеніи“ этомъ о католициствѣ и протестантиствѣ вѣтъ даже и рѣчи, и изъ всѣхъ современныхъ религій, какъ такіа, отъ которыхъ можно заимствоваться священствомъ, которыя, значить, по мнѣнію самихъ старообрядцевъ болѣе всѣхъ другихъ подходятъ къ понятію истинной церкви Христовой, указаны: „ніконіане, то-есть нынѣшніе великороссіане и малороссіане“, и Греки, причѣмъ о тѣхъ и другихъ замѣчено, что они „за ихъ церковныя новшества вселенскими (sic) соборами не суждены“, что „во Святую Троицу и въ Христа Спасителя вѣруютъ православно,“ „всѣ семь вселенскія и девять помѣстныхъ православныя соборы приемають“. Пусть же славскій епископъ откажется сначала отъ этихъ мнѣній, которыя были утверждены соборно представителями старообрядчества при самомъ учрежденіи той пресловутой іерархіи, къ которой имѣетъ честь принадлежать онъ, или, что то же, пусть откажется сначала отъ старообрядчества: тогда мы и станемъ отвѣчать ему на его возраженія въ пользу всѣхъ инославныхъ исповѣданій христіанскихъ и даже не христіанскихъ; а теперь, пока онъ все еще числится старообрядцемъ и даже старообрядческимъ епископомъ, теперь, повторимъ опять, не довко и неудобно это дѣлать.... И уже ли самъ онъ не понимаетъ, въ какое странное и жалкое по-

съ рѣшительностью настоящаго индифферентиста признаеть оны членами истинной церкви Христовой не только католиковъ, евангеликовъ, протестантовъ, но и всѣхъ вообще западныхъ христіанъ, „всего запада вѣрующихъ во Христа Ісуса,“—но непременно *Ісуса*, а никакъ не *Іисуса*! Еслибы между вѣрующими всего Запада нашлись вѣрующіе въ сего послѣдняго, ихъ, конечно, исключилъ бы онъ изъ числа членовъ истинной церкви Христовой и предоставилъ бы въ этомъ отношеніи одинаковой участи съ вѣрующими во *Ісуса* Греками и Россіянами....

Какъ же могли всѣ эти странности и противорѣчія такъ уродливо совмѣститься въ одномъ разумномъ субъектѣ? — Читая письмо Аркадія, мы больше всего интересовались именно рѣшеніемъ этой психологической задачи. Какъ въ самомъ дѣлѣ могло случиться, что одинъ изъ старообрядческихъ епископовъ и, можно сказать, лучший изъ нихъ въ настоящее время, тотъ самый епископъ Аркадій, который пользуется у старообрядцевъ извѣстностью великаго знатока и ревнителя *древле-церковныхъ каноновъ*, о которомъ самъ митрополитъ Кириллъ отзывался нѣкогда, что „онъ по таковымъ предметамъ весьма искусный и *охотникъ церковныхъ правила на среду выставять*“ *, какъ, говоримъ, случилось, что этотъ Аркадій, не переставая быть старообрядцемъ, въ то же время однимъ почеркомъ пера уничтожилъ, какъ не нужная и вредная для чистоты вѣры, всѣ писанія св. отецъ и учителей церкви, всѣ правила седми вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборовъ, всѣ святоотеческія событія и примѣры, рѣшившись, напримѣръ, восхвалять протестантовъ за то, что они не питаютъ уваженія ни къ какимъ обрядамъ и руководствуются однимъ Евангеліемъ, къ которому не допускаютъ никакого посторонняго вмѣшательства, въ родѣ такъ-называемыхъ священныхъ преданій, т.-е. отеческихъ писаній, соборныхъ правилъ и т. п.? ** или признавая непогрѣшимость римской церкви въ богословіи, и проч. и проч.? Чѣмъ, спрашивается, объяснить такое небывалое извращеніе старообрядческаго сознанія? Вліяніемъ ли на Аркадія цитим-

* Письмо Кирилла къ В. В. Фомину отъ 16-го февраля 1862 г.

** Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, что въ письмѣ Аркадія ни разу не упоминается ни объ отцахъ, ни о соборахъ и канонахъ, а весь авторитетъ въ дѣлѣ вѣры усвоется исключительно Священному Писанію, Евангелію и апостольскимъ посланіямъ.

ныхъ бесѣдъ съ нимъ друга его В. И. Кельсиева? близкими ли сношеніями его съ туземнымъ молаканскимъ обществомъ? или же, по извѣстному закону соприкосновенія крайностей, переходъ отъ раскольничьей исключительности къ самому широкому индифферентизму гораздо ближе и легче нежели мы представляемъ себѣ? Или, наконецъ, будучи возмущенъ до глубины души неудоборѣшимыми въ пользу раскола „вопросами“ присоединившихся и всѣми вообще, прискорбными для раскольниковъ, дѣйствіями этихъ нѣкогда очень близкихъ къ нему людей, писалъ онъ отвѣтъ свой не съ достаточною ясностью сознанія, не разумѣя, ни яже глаголетъ, ни о нихже истязуетъ? Какое изъ этихъ предположеній слѣдуетъ признать болѣе вѣрнымъ, предоставляемъ рѣшить нашимъ читателямъ изъ старообрядцевъ, которыхъ просимъ обратить особенное вниманіе на замѣчательное посланіе ихъ знаменитаго епископа. Мы, съ своей стороны, держимся болѣе послѣдняго предположенія, такъ какъ все письмо Аркадія отъ начала до конца проникнуто сильнымъ озлобленіемъ противъ православія, нанесшаго недавно такой чувствительный ударъ раскольничьей іерархіи чрезъ присоединіе Онуфрія и Пафнутія съ братіей. Только этимъ озлобленіемъ и можно объяснить неумѣстное повтореніе въ его письмѣ извѣстныхъ выходокъ противъ русской церкви и Россіи, такъ охотно распространяемыхъ нашими иностранцами и инославными недоброжелателями. Подъ вліяніемъ того же отуманивающаго чувства неудержимо пустился онъ въ восхваленіе римскому католичеству, протестантству и даже язычеству и магометанству, думая, конечно, нанести сильное пораженіе православному ученію объ этихъ религіяхъ, и не замѣчая, что бичуетъ напротивъ самого себя. Вотъ что можетъ случиться даже съ лучшими представителями старообрядчества въ настоящее, смутное для старообрядчества время!

Н. СУББОТИНЪ.

18-го февраля 1866 г.

ТЫСЯЧА ВОСЕМЬСОТЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ *

В О Й Н А.

I.

Въ октябрѣ 1805 года, русскія войска занимали села и города Эрцгерцогства Австрійскаго, и еще новыя полки приходили изъ Россіи, и отягощая постоемъ жителей, располагались укрѣпости Браунау. Въ Браунау была главная квартира Кутузова.

11-го октября, 1805 года, одинъ изъ только-что пришедшихъ къ Браунау пѣхотныхъ полковъ, ожидая смотра главнокомандующаго, стоялъ въ полумилѣ отъ города. Несмотря на не русскую мѣстность и обстановку — фруктовые сады, каменные ограды, черепичныя крыши, горы видѣвшіяся вдали, на не русскій народъ, съ любопытствомъ смотрѣвшій на солдатъ, — полкъ имѣлъ точно такой же видъ, какой имѣлъ всякій русскій полкъ готовившійся къ смотру гдѣ-нибудь въ серединѣ Россіи. Тяжелые солдаты въ мундирахъ съ высоко поднятыми ранцами и перекинутыми черезъ плечо шинелями, а легкіе офицеры въ мундирахъ съ бившими по ногамъ шпажками, оглядывая вокругъ себя свои знакомыя ряды, сзади свои знакомыя обозы, спереди еще болѣе знакомыя приглядѣвшіяся фигуры пачальства, и еще дальше впереди коновязи уланскаго полка и паркъ батареи шедшіе весь походъ вмѣстѣ съ ними, чувствовали себя здѣсь также дома, какъ и въ какомъ бы то ни было уяздѣ Россіи.

Съ вечера, на послѣднемъ переходѣ, былъ полученъ приказъ, что главнокомандующій будетъ смотрѣть полкъ на походѣ. Хотя слова приказа и показались не ясны полковому

* Часть вторая. См. *Русскій Вѣстникъ* 1865 года, № 1 и 2.

командиру, и возникъ вопросъ, какъ разумѣть слова приказа въ походной формѣ или вѣтъ?—въ совѣтѣ батальйонныхъ командировъ было рѣшено представить полкъ въ парадной формѣ, на томъ основаніи, что всегда лучше перекалаться чѣмъ недокланиваться, и солдаты, послѣ тридцативерстнаго перехода, не смыкали глазъ, всю ночь чинились, чистились, адъютанты и ротные разчитывали, отчисляли, и къ утру полкъ, вмѣсто растянутаго грязной толпы, какою онъ былъ наканунѣ на послѣднемъ переходѣ, представлялъ стройную массу 3.000 людей, изъ которыхъ каждый зналъ свое мѣсто, свое дѣло и изъ которыхъ на каждомъ каждая пуговка и ремешокъ были на своемъ мѣстѣ и блестяи чистотой. Не только наружное было исправно, но ежели бы угодно было главнокомандующему заглянуть подъ мундиры, то на каждомъ онъ увидѣлъ бы одинаково чистую рубаху и въ каждомъ ранцѣ нашелъ бы законное число вещей, „шильце и мыльце“, какъ говорятъ солдаты. Было только одно обстоятельство, насчетъ котораго никто не могъ быть спокоенъ. Это была обувь. Больше чѣмъ у половины людей сапоги были разбиты, и какъ ни подшивались эти недостатки, они колоди привычные къ порядку военные глаза. Но недостатокъ этотъ происходилъ не отъ вины полковаго командира, такъ какъ несмотря на неоднократныя требованія, ему не былъ отпущенъ товаръ отъ австрійскаго вѣдомства, а полкъ прошелъ 3.000 верстъ.

Полковой командиръ былъ пожилой, сангвинической, съ свѣдующими бровями и бакенбардами, генералъ, плотный и широкій, больше отъ груди къ спинѣ чѣмъ отъ одного плеча къ другому. На немъ былъ новый съ иголочки, со слежавшимися складками мундиръ и густые золотые эполеты, которые какъ будто не книзу направлялись, а поднимали кверху его тучныя плечи. Полковой командиръ имѣлъ видъ человѣка счастливо совершающаго одно изъ самыхъ торжественныхъ дѣлъ жизни. Онъ похаживалъ передъ фронтомъ, и похаживая подрагивалъ на каждомъ шагу, слегка изгибаясь спиной. Видно было, что полковой командиръ любитъ своимъ полкомъ, счастливъ имъ, и что всѣ его силы душевныя заняты только полкомъ; но несмотря на то, его подрагивающая походка какъ будто говорила, что кромѣ военныхъ интересовъ, въ душѣ его не малое мѣсто занимаютъ и интересы общественнаго быта, и женскій полъ.

— Ну, батюшка, Михайло Митричъ, обратился онъ съ приторною небрежностью къ одному батальйонному командиру,

(батаальонный командиръ улыбаясь подался впередъ. Видно было, что они были счастливы).—Ну, батюшка, Михайло Митричъ, досталось на орѣхи нынче ночью (онъ подмигнувъ). Однако, кажется, ничего (онъ оглянулъ полкъ); кажется, полкъ не изъ дурныхъ... А? Онъ видимо проницески говорилъ это.

Батаальонный командиръ поаялъ веселую проію и застылся.

— И на Царицыномъ Лугу съ поля бы не прогнали. Чтѡ? слысь сказалъ полковой командиръ.

Въ это время по дорогѣ изъ города, по которой разставлены были махальныя, показались два верховые. Это были адъютантъ и казакъ ѣхавшій сзади. Полковой командиръ взглядылся въ адъютанта и отвернувся, подъ видомъ равнодушія скрывая тревогу, которую вызвало въ немъ это появленіе. Онъ оглянувся только тогда, какъ адъютантъ былъ уже въ трехъ шагахъ отъ него, и съ тѣмъ особеннымъ оттънкомъ учтивости и вмѣств фамиліарности, съ какимъ обращаются полковые командиры съ молодыми по годамъ и чину офицерами, состоящими при главнокомандующихъ, приготовилася выслушать адъютанта.

Адъютантъ былъ присланъ изъ главнаго штаба подтвердить полковому командиру то чтѡ было сказано ясно во вчерашнемъ приказѣ, а именно то, что главнокомандующій желалъ видѣть полкъ совершенно въ томъ положеніи, въ которомъ онъ шелъ, въ шинеляхъ, въ чахлахъ и безо всякихъ приготовленій.

Къ Кутузову наканунѣ прибылъ членъ гофкригерата изъ Вѣны, съ предложеніями и требованіями идти какъ можно скорѣе на соединеніе съ арміею эрцгерцога Фердинанда и Макка, и Кутузовъ, не считая выгоднымъ это соединеніе, въ числѣ прочихъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія, намѣревался показать австрійскому генералу то печальное положеніе, въ которомъ приходила войска изъ Россіи. Съ этою цѣлью онъ и хотѣлъ выѣхать навстрѣчу полку, такъ что чѣмъ хуже было бы положеніе полка, тѣмъ пріятнѣе было бы это главнокомандующему. Хотя адъютантъ и не зналъ этихъ подробностей, однако онъ передалъ полковому командиру непремѣнное требованіе главнокомандующаго, чтобы люди были въ шинеляхъ и чахлахъ, и что въ противномъ случаѣ главнокомандующій будетъ не доволенъ. Выслушавъ эти слова,

полковой командиръ опустилъ голову, молча вздернулъ плечами и сангвиническимъ жестомъ развелъ руки.

— Надѣлали дѣла, проговорилъ онъ, не поднимая головы. — Вотъ я вамъ говорилъ же, Михайло Митричъ, я говорилъ, что на походѣ такъ, въ шинеляхъ, обратился онъ съ упрекомъ къ батальонному командиру. — Ахъ мой Богъ! прибавилъ онъ, во въ словахъ и жестѣ его не выражалось ни тѣни досады, а одно усердіе къ начальству и страхъ не угодить ему. Онъ рѣшительно выступилъ впередъ. — Господа ротные командиры! крикнулъ онъ голосомъ привычнымъ къ командѣ. — Фельдфебелъ!... Скоро ли пожалуютъ? обратился онъ къ прѣбывшему адъютанту съ выраженіемъ почтительной учтивости, видимо относившейся къ лицу, про которое онъ говорилъ.

— Черезъ часъ, я думаю.

— Успѣемъ переодѣтъ?

— Не знаю, генералъ...

Полковой командиръ, самъ подоидя къ рядамъ, распорядился переодѣваніемъ опять въ шинели. Ротные командиры разбѣжались по ротамъ, фельдфебеля засуетились (шинели были не совсѣмъ исправны), и въ то же мгновеніе заколыхались, растаянулись и говоромъ загудѣли прежде правильные молчаливые четверугольники. Со всѣхъ сторонъ отбѣгали и подбѣгали солдаты, подкидывали сзади плечомъ, черезъ голову перетаскивали ранцы, снимали шинели, и высоко поднимая руки, натягивали ихъ въ рукава.

Черезъ полчаса все опять пришло въ прежній порядокъ, только четверугольники сдѣлались сѣрыми изъ черныхъ. Полковой командиръ, опять подрагивающею походкой, вышелъ впередъ полка и издалика оглядѣлъ его.

— Это чтѣ еще? Это чтѣ! прокричалъ онъ, останавливаясь и загнутою внутрь рукой хватаясь за темлякъ. — Командира 3-й роты!...

— Командиръ 3-й роты къ генералу! командира къ генералу, 3-й роты къ командиру!.. послышался голоса по рядамъ, и адъютантъ побѣжалъ отыскивать замѣшканнаго офицера. Когда звуки усердныхъ голосовъ перерывавъ были уже, гене-

На красномъ, очевидно отъ невоздержанія, носу выступали пятна, и ротъ не находилъ положенія. Полковой командиръ съ ногъ до головы осматривалъ капитана въ то время, какъ онъ замыхавшись подходилъ, по мѣрѣ приближенія сдерживая шагъ.

— Вы скоро людей въ сарафаны нарядите? Это что? крикнулъ полковой командиръ, выдвигая нижнюю челюсть и указывая въ рядахъ 3-й роты на солдата въ шинели цвѣта фабричнаго сукна, отличавшагося отъ другихъ шинелей. Сами вы гдѣ находились? Когда ожидается главнокомандующій, вы отходите отъ своего мѣста? А?... Я васъ научу какъ на смотрѣ людей въ казакины одѣвать!... А?...

Ротный командиръ, не спуская глазъ съ начальника, все больше и больше прижималъ свои два пальца къ козырьку, какъ будто въ одномъ этомъ прижиманьи онъ видѣлъ теперь свое спасенье. Батальйонные командиры и адъютанты стояли вѣсколькo сзади и не знали куда смотрѣть.

— Ну, чтожь вы молчите? Кто у васъ тамъ въ Венгерца варяжень, строго шутилъ полковой командиръ.

— Ваше превосходительство....

— Ну что „ваше превосходительство?“ Ваше превосходительство! ваше превосходительство! А что ваше превосходительство,—никому неизвѣстно.

— Ваше превосходительство, это Долоховъ, разжалованный.... сказалъ тихо капитанъ и съ такимъ выраженіемъ, какъ будто для разжалованнаго могло быть допущено исключеніе.

— Что онъ въ фельдмаршалы что ли разжалованъ или въ солдаты? А солдатъ, такъ долженъ быть одѣтъ какъ всѣ, по формѣ.

— Ваше превосходительство, вы сами разрѣшили ему по-содомъ.

— Разрѣшилъ? Разрѣшилъ? Вотъ вы всегда такъ молодые люди, сказалъ полковой командиръ остывая вѣсколькo. — Разрѣшилъ? Вамъ что-нибудь скажешь, а вы и... — Полковой командиръ помолчалъ. — Вамъ что-нибудь скажешь? ... Что? ска-

— Какъ стоишь? Гдѣ нога? Нога гдѣ? закричалъ полковой командиръ съ выраженіемъ страданія въ голосѣ, еще человекъ за пять не доходя до солдата одѣтаго въ синеватую шинель.

Солдатъ этотъ, отлучившійся отъ другихъ свѣжестью лица и въ особенноти шеи, медленно выпрямилъ согнутую ногу и прямо, своимъ свѣтымъ и наглымъ взглядомъ посмотрѣлъ въ лицо генерала.

— Зачѣмъ синяя шинель? Долой!... Фельдфебель! Переодѣть его.... дря....—Онъ не успѣлъ договорить.

— Генералъ, я обязанъ исполнять приказанія, но не обязанъ переносить.... горячо и поспѣшно сказалъ солдатъ.

— Во фронтѣ не разговаривать!... Не разговаривать, не разговаривать!...

— Не обязанъ переносить оскорбленія, громко, звучно, сказалъ Долоховъ, съ выраженіемъ неестественной торжественности, которая неприятно поразила всѣхъ слышавшихъ. Глаза генерала и солдата встрѣтились. Генералъ замолчалъ, сердито оттягивая князю тугой шарфъ.

— Извольте переодѣться, прошу васъ, сказалъ онъ отходя.

II.

— Бдетъ! закричалъ въ это время махальный.

Полковой командиръ, покраснѣвъ, подбѣжалъ къ лошади, держащими руками взялся за стремя, перекинулъ тѣло, оправился, вынулъ шпагу и съ счастливымъ, рѣшительнымъ лицомъ, на бокъ раскрывъ ротъ, приготовился крикнуть. Полкъ встрепенулся какъ управляющаяся птица, и замеръ.

— Смир-р-р-на! закричалъ полковой командиръ потрасающимъ душу голосомъ, радостнымъ для себя, строгимъ въ отношеніи къ полку и привѣтливымъ въ отношеніи къ подбѣзжающему начальнику.

По широкой, обсаженной деревьями, большой, безшоссеѣной

Раздался крикъ команды, опять полкъ звеня дрогнулъ, сдѣлавъ на караулъ. Въ мертвой тишинѣ раздался слабый голосъ главнокомандующаго. Полкъ равкнулъ: „Здравья желаемъ, ваше го-го-го-го-ство!“ И опять все замерло. Сначала Кутузовъ стоялъ на одномъ мѣстѣ пока полкъ двигался, потомъ Кутузовъ рядомъ съ бѣлыми генералами пѣшкомъ, сопутствующимъ свитою, сталъ ходить по рядамъ.

По тому какъ полковой командиръ салютовалъ главнокомандующему, впиваясь въ него глазами, вытягиваясь и подбираясь, какъ наклоненный впередъ ходилъ за генералами по рядамъ, едва удерживая подрагивающее движеніе, какъ подскакивалъ при каждомъ словѣ и движеніи главнокомандующаго,— видно было, что онъ исполнялъ свои обязанности подчиненнаго еще съ бѣльшимъ наслажденіемъ чѣмъ обязанности начальника. Полкъ, благодаря строгости и старательности полковаго командира, былъ въ прекрасномъ состояніи сравнительно съ другими приходившими въ то же время къ Брауну. Отстаемыхъ и больныхъ было только 217 человекъ. На вопросъ начальника штаба о нуждахъ полка, полковой командиръ, изгибаясь осмѣлился шепотомъ и съ глубокимъ вздохомъ доложить, что обувь очень, очень пострадала.

— Ну, это одна пѣсня вездѣ, небрежно сказалъ начальникъ штаба, улыбаясь наивности генерала и показывая тѣмъ, что то что казалось особеннымъ несчастіемъ полковому командиру, было общею и предвидѣнною долей всѣхъ приходившихъ войскъ. — Здѣсь оправитесь, коли простите.

Кутузовъ прошелъ по рядамъ, изрѣдка останавливаясь и говоря по нѣскольکو ласковыхъ словъ офицерамъ, которыхъ онъ зналъ по турецкой войнѣ, а иногда и солдатамъ. Поглядывая на обувь, онъ нѣскольکو разъ грустно покачивалъ головой и указывалъ на нее австрійскому генералу съ такимъ выраженіемъ, что какъ бы не упрекалъ въ этомъ никого, но не могъ не видѣть какъ это плохо. Полковой командиръ каждый разъ при этомъ забѣгалъ впередъ, боясь упустить слово главнокомандующаго касательно полка. Сзади Кутузова въ такомъ разстояніи, что всякое слабо произнесенное слово могло быть услышано, шла человекъ 20 свиты. Господа въ свитѣ видимо вовсе не испытывали къ Кутузову того нечеловѣческаго страха и уваженія, которое выказывалъ полковой командиръ. Они разговаривали между собой, и иногда смѣялись. Ближе всѣхъ за главноко-

главнѣйшимъ шелъ красивый адъютантъ. Это былъ князь Болконскій. Рядомъ съ нимъ шелъ кавалерійскій высокій штабъ-офицеръ, чрезвычайно толстый, съ добрымъ улыбающимся красивымъ лицомъ и влажными глазами. Громадный офицеръ этотъ едва удерживался отъ смѣха, возбуждаемаго чернотнымъ гусарскимъ офицеромъ шедшимъ подлѣ него. Гусарскій офицеръ, не улыбаясь, не измѣняя выраженія оставившихся глазъ, съ серьезнымъ лицомъ смотрѣлъ на спину полковаго командира и передразнивалъ каждое его движеніе. Каждый разъ какъ полковой командиръ вздрагивалъ и нагибался впередъ, точно также, точь-въ-точь также, вздрагивалъ и нагибался впередъ гусарскій офицеръ. Толстый адъютантъ смѣялся и толкалъ другихъ, чтобъ они смотрѣли на забавнаго

— Mais voyez donc, говорилъ толстый офицеръ, толкая князя Андрея.

Кутузовъ шелъ медленно и вяло мимо тысячей глазъ, которые выкатывались изъ своихъ орбитъ, слѣдя за начальникомъ. Поровнявшись съ 3-ей ротой онъ вдругъ остановился. Свита, не предвидя этой остановки, невольно надвинулась на него.

— А, Тимохинъ! сказалъ главнокомандующій, узнавая капитана съ краснымъ носомъ, пострадавшаго за сильную шпаль.

Казалось, нельзя было вытягиваться больше того какъ вытягивался Тимохинъ, въ то время какъ полковой командиръ дѣлалъ ему замѣчаніе. Но въ эту минуту обращенія къ нему главнокомандующаго, капитанъ вытянулся такъ, что казалось посмотри на него главнокомандующій еще нѣсколько времени, капитанъ не выдержалъ бы, и потому Кутузовъ видимо понявъ его положеніе и желая напротивъ всякаго добра капитану, поспѣшно отвернулся. По пухлому лицу Кутузова пробѣжала чуть замѣтная улыбка.

— Еще измаиловскій товарищъ, сказалъ онъ. — Храбрый офицеръ. Ты доволенъ имъ? спросилъ Кутузовъ у полковаго командира.

И полковой командиръ, отражаясь какъ въ зеркалѣ, невидимо для себя, въ корнетѣ, вздрогнулъ, подошелъ впередъ и отвѣчалъ:

— Очень доволенъ, ваше высокопревосходительство.

— У него была слабость, сказалъ Кутузовъ, улыбаясь и отходя отъ него. — Пилъ.

Полковой командиръ испугался, не виноватъ ли онъ въ этомъ, и ничего не отвѣтилъ. Кутузовъ по-французски сталъ разка-

зывать что-то австрійскому генералу. Корнетъ въ эту минуту замѣтилъ лицо капитана съ краснымъ носомъ и подтянутымъ животомъ и такъ похоже передразнилъ его лицо и позу, что толстый офицеръ не могъ удержать смѣха. Кутузовъ обернулся. Видно было, что корнетъ могъ управлять своимъ лицомъ какъ хотѣлъ; въ ту минуту какъ Кутузовъ обернулся, корнетъ успѣлъ сдѣлать гримасу, а вслѣдъ затѣмъ принять самое серьезное, почтительное и невинное выраженіе. Но что-то было искательно неблагородное въ его птичьемъ лицѣ и вертлявой фигурѣ съ высоко поднятыми плечами и длинными худыми ногами. Князь Андрей, поморщившись, отвернулся отъ него.

Третья рота была послѣдняя, и Кутузовъ задумался, видимо припоминая что-то. Князь Андрей выступилъ изъ свиты и по-французски тихо сказалъ:

— Вы приказали мнѣ напомнить о разжалованномъ Долоховѣ въ этомъ полку.

— Гдѣ тутъ Долоховъ? спросилъ Кутузовъ.

Долоховъ, уже переодѣтый въ солдатскую сѣрую шинель, не дожидаясь чтобъ его вызвали. Красивая, стройная фигура блюкураго съ ясными, голубыми глазами солдата, выступила изъ фронта. Онъ отбивалъ шагъ въ такомъ совершенствѣ, что искусство его бросалось въ глаза и поражало неприятно именно своею чрезмѣрною отчетливостью. Онъ подошелъ къ главнокомандующему и сдѣлалъ на караулъ.

— Претензія? нахмурившись слегка, спросилъ Кутузовъ.

Долоховъ не отвѣчалъ. Онъ игралъ своимъ положеніемъ, не испытывалъ ни малѣйшаго стѣсненія и съ видимою радостью замѣтилъ какъ при вопросѣ: „претензія?“ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ полковой командиръ.

— Это Долоховъ, сказалъ князь Андрей.

— А! сказалъ Кутузовъ: — надѣюсь, что этотъ урокъ тебя исправить, служи хорошенько. Государь милостивъ. И я не забуду тебя, ежели ты заслужишь.

Голубые открытые глаза смотрѣли на главнокомандующаго также дерзко какъ и на полковаго командира, какъ будто своимъ выраженіемъ разрывая завѣсу условности отдѣлявшую такъ далеко главнокомандующаго отъ солдата.

— Объ одномъ прошу, ваше высокопревосходительство, сказалъ онъ своимъ звучнымъ, твердымъ, не спѣшащимъ голо-

сомъ и съ выраженіемъ сухаго напыщеннаго восторга. — Прошу дать мнѣ случай заглядѣть свою вину и доказать мою преданность государю императору и Россіи.

Долоховъ оживленно сказалъ эту театральную рѣчь (онъ весь вспыхнулъ, говоря это). Но Кутузовъ отвернулся. На лицѣ его промелькнула та же улыбка глазъ, какъ и въ то время когда онъ отвернулся отъ капитана Тимохина. Онъ и тутъ отвернулся и поморщился, какъ будто хотѣлъ выразить этимъ, что все что ему сказалъ Долоховъ и все что онъ могъ сказать ему, онъ давно, давно знаетъ, что все это уже прискучало ему, и что все это совсѣмъ не то что нужно. Онъ отвернулся и направился къ коляскѣ.

III.

Полкъ разобрался ротами и направился къ назначеннымъ квартирамъ не вдалекѣ отъ Браунау, гдѣ надѣялся обуться, одѣться и отдохнуть послѣ трудныхъ переходовъ.

— Вы на меня не претендуете, Прохоръ Игнатьичъ, сказалъ полковой командиръ, объѣзжая двигавшуюся къ мѣсту 3-ю роту и подѣзжая къ шедшему впереди ея капитану Тимохину. Лицо полкового командира выражало послѣ счастливо отбытаго смотра неудержимую радость. — Служба царская... нельзя... другой разъ во фронтѣ оборвешь.... (Онъ съ радостнымъ волненіемъ хваталъ за руку Тимохина.) Самъ извинюсь первый, вы меня знаете... ну... надѣюсь.... Очень благодарилъ! — И онъ опять протянулъ руку ротному.

— Помилуйте, генералъ, да смѣю ли я, отвѣчалъ капитанъ, краснѣя носомъ, улыбаясь и раскрывая улыбкой недостатки двухъ переднихъ зубъ, выбитыхъ прикладомъ подъ Измаиломъ.

— Да, господину Долохову передайте, что я его не забуду, чтобъ онъ былъ спокоенъ. Да скажите пожалуйста, я все хотѣлъ спросить, что онъ, какъ себя ведетъ? И все....

— По службѣ очень исправенъ, ваше превосходительство.... ну, характеръ.... сказалъ Тимохинъ.

— Ну да, ну да, сказалъ полковой командиръ, — все надо пожалѣть молодого человѣка въ несчастіи. Вѣдь большія связи.... Такъ вы того....

— Слушаю, ваше превосходительство, сказалъ Тимохинъ, улыбка давая чувствовать, что онъ понимаетъ желанія начальника.

— Ну да, ну да.

Полковой командиръ отыскалъ въ рядахъ Долохова и держалъ лошадь.

— До перваго дѣла, вполеты, обратился онъ къ Долохову.

Долоховъ оглянувся, ничего не сказалъ и не измѣнилъ выраженія своего насмѣшливо-улыбающагося рта.

— Ну, вотъ и хорошо, продолжалъ полковой командиръ. — Людямъ по чаркѣ водки отъ меня, прибавилъ онъ, чтобы солдаты слышали. — Благодарю всѣхъ! Слава Богу! — И онъ обогнавъ роту, подѣхалъ къ другой.

— Чтожь, онъ, право, хорошій человѣкъ, съ нимъ служить можно, сказалъ Тимохинъ субатернъ-офицеру, шедшему подлѣ него.

— Одно слово, червоный!... (Полковаго командира прозвали червонымъ королемъ.) Что про добавочное жалованье не говорили? спросилъ субатернъ-офицеръ.

— Нѣтъ.

— Плохо.

Счастливое расположеніе духа полковаго командира перешло и къ Тимохину. Поговоривъ съ субатернъ-офицеромъ, онъ подошелъ къ Долохову.

— Чтò, батюшка, сказалъ онъ Долохову, — какъ съ главнокомандующимъ поговорили, такъ и нашъ генералъ теперь съ вами ласковъ сталъ.

— Свиныя вашъ генералъ, сказалъ Долоховъ.

— А вотъ и не годится такъ говорить.

— Чтò же, коли такъ.

— А не годится, вы насъ этимъ обижаете.

— Васъ я не хочу обижать, потому что вы хорошій человѣкъ, а онъ....

— Ну, ну, не годится, опять перебилъ серьезно Тимохинъ.

— Ну, не буду.

Счастлирое расположеніе духа начальства послѣ смотра перешло и къ солдатамъ. Рота шла весело. Со всѣхъ сторонъ переговаривались солдатскіе голоса.

— Какже, сказывали Кутузовъ кривой, объ одномъ глазу?

— А то нѣтъ! Вовсе кривой.

— Нѣ... братъ, глазастье тебя. Сапоги и подвертки всѣ оглядѣлъ...

— Какъ оны, братецъ ты мой, главетъ на ноги мнѣ... ну! думаю....

— А другой-то Австріакъ съ нимъ былъ, словно мѣломъ вымазанъ. Какъ мука бѣлая. Я чай, какъ амуницію чистать.

— Что, Федешоу, сказывалъ оны что ли когда страженія начнутся, ты ближе стоялъ? Говорили все въ Бруновѣ самъ Бунапарте стоять.

— Бунапарте стоять! ишь вретъ, дура! Чего не знаетъ! Теперь Пруссакъ бунтуесть. Австріакъ его, значитъ, усмиряесть. Какъ оны замрутся, тогда и съ Бунапартомъ война откроется. А то, говорятъ, въ Бруновѣ Бунапарте стоять! То-то и видно, что дуракъ. Ты слушай больше.

— Вишь черти квартирьеры! Пятая рота глади уже въ деревню заворачиваетъ, они кашу сварятъ, а мы еще до мѣста не дойдемъ.

— Дай сухарика-то, чортъ.

— А табаку-то вчера далъ? То-то, братъ. Ну, на, Богъ съ тобой.

— Хоть бы привалъ сдѣлали, а то еще верстъ пять пропремъ не ѣвши.

— То-то любо было какъ подъ Ольмацемъ Нѣмцы намъ коляски подавали. Ёдешь, знай; важно!

— А здѣсь, братецъ, народъ вовсе оголтѣвый пошелъ. Тамъ все какъ будто Полякъ былъ, все русской короны, а нынче, братъ, сплошной Нѣмецъ пошелъ.

— Пѣсенники впередъ! посамшаася крикъ капитана.

И передъ роту съ разныхъ рядовъ выбѣжало человекъ двадцать. Барабанщикъ-запѣвало обернулся лицомъ къ пѣсенникамъ, и махнувъ рукой, затянулъ протяжную солдатскую вѣсью, начинавшуюся: „Не зоря ли, солнышко завималось....“ и

дять-пѣсенниковъ и зажмурился. Потомъ убѣдившись, что всѣ глаза устремлены на него, онъ какъ будто осторожно приподнял обѣими руками какую-то невидимую драгоценную вещь надъ головой, подержалъ ее такъ нѣсколько секундъ и вдругъ отчаянно бросилъ ее:

Ахъ, вы сѣни мои, сѣни,

„Сѣни новыя мои“... подхватило двадцать голосовъ, и ложечникъ, несмотря на тяжесть аммуниции, рѣзво выскочилъ впередъ и пошелъ задомъ передъ ротой, пошевеливая плечами и угрожая кому-то ложками. Солдаты, въ тактъ пѣсни размахивая руками, шли просторнымъ шагомъ, невольно попадая въ ногу. Сзади роты слышались звуки колесъ, похрускиванье рессоръ и топотъ лошадей. Кутузовъ со свитой возвращался въ городъ. Главнокомандующій далъ знакъ, чтобы люди продолжали идти вольно, и на его лицѣ и на всѣхъ лицахъ его свиты выразилось удовольствіе при звукахъ пѣсни, при видѣ пляшущаго солдата и весело и бойко идущихъ солдатъ роты. Во второмъ ряду, съ праваго фланга, съ котораго коляска обгоняла роты, невольно бросался въ глаза красавецъ голубоглазый, сбитый, широкій солдатъ, который особенно бойко и граціозно шелъ въ тактъ пѣсни и весело взглянулъ на лица проезжающихъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто онъ жалѣлъ всѣхъ кто не шелъ въ это время съ ротой. Гусарскій корнетъ съ высоко поднятыми плечами отсталъ отъ коляски и подѣхалъ къ Долохову.

Гусарскій корнетъ Жерковъ одно время въ Петербургѣ принадлежалъ къ тому буйному обществу, которымъ руководилъ Долоховъ. За границей Жерковъ встрѣтилъ Долохова солдатомъ, но не счелъ нужнымъ узнать его. Теперь онъ съ радостью стараго друга обратился къ нему.

— Другъ сердечный, ты какъ? сказалъ онъ при звукахъ пѣсни, ровняя шагъ своей лошади съ шагомъ роты.

— Здорово, братъ, отвѣчалъ холодно Долоховъ, — какъ видишь.

Бойкая пѣсня придавала особенное значеніе тому развязной веселости, съ которой говорилъ Жерковъ, и умышленной холодности отвѣтовъ Долохова.

— Ну, какъ ты ладить съ своими, съ начальствомъ? спросилъ Жерковъ.

— Ничего, хорошіе люди. Ты какъ въ штабъ затесался?

— Прикомандированъ, дежурю.

Они помолчали. „Выпускала сокола, да изъ праваго рукава“, говорила пѣсня, невольнo возбуждая бодрое веселое чувство. Разговоръ ихъ, вѣроятно, былъ бы другой, ежели бы они говорили не при звукахъ пѣсни.

— Чтò правда, Австрійцевъ побили? спросилъ Долоховъ.

— А чортъ ихъ знаетъ, говорятъ.

— Я радъ, отвѣчалъ Долоховъ коротко и ясно, какъ того требовала пѣсня.

— Чтòжь, приходи къ намъ когда вечеромъ, фараонъ заложись, сказалъ Жерковъ.

— Или у васъ денегъ много завелось?

— Приходи.

— Нельзя. Зарокъ далъ. Не пью и не играю, пока не произведутъ.

— Да чтожь, до перваго дѣла....

— Тамъ видно будетъ.

Опять они помолчали.

— Ты заходи, коли чтò нужно, все въ штабѣ помогутъ.... сказалъ Жерковъ.

Долоховъ усмѣхнулся.

— Ты лучше не беспокойся. Мнѣ чтò нужно я просить не стану, самъ возьму.

И Долоховъ злобно посмотрѣлъ въ лицо Жеркову.

— Да чтожь, я такъ....

— Ну, и я такъ.

— Прощай.

— Будь здоровъ....

...И высоко, и далеко,

На родимую сторону....

Жерковъ тронулъ шпорами лошадь, которая раза три, горячася, перебила ногами, не зная съ какой начать, справилась

ковскій съ требуемыми бумагами вошелъ въ кабинетъ главнокомандующаго. Передъ разложеннымъ на столѣ планомъ сидѣли Кутузовъ и австрійскій членъ гофкригсрата.

— А... сказалъ Кутузовъ, оглядываясь на Болконскаго, какъ будто этимъ словомъ приглашая адъютанта подождать, и продолжалъ по-французски начатый разговоръ.

— Я только говорю одно, генералъ, говорилъ Кутузовъ съ приятнымъ изяществомъ выраженій и интонаціи, заставлявшимъ вслушиваться въ каждое неторопливо сказанное слово. Видно было, что Кутузовъ и самъ съ удовольствіемъ слушалъ себя. — Я только одно говорю, генералъ, что ежели бы дѣло зависѣло отъ моего личнаго желанія, то воля его величества, императора Франца, давно была бы исполнена. Я давно уже присоединился бы къ эрцгерцогу. И вѣрите моей чести, что для меня лично передать высшее начальство арміею болѣе меня свидущему и искусному генералу, какими такъ обильна Австрія, и сложить съ себя всю эту тяжкую отвѣтственность, для меня лично было бы отрадой. Но обстоятельства бываютъ сильнѣе насъ, генералъ. — И Кутузовъ улыбнулся съ такимъ выраженіемъ, какъ будто онъ говорилъ: „Вы имѣете полное право не вѣрить мнѣ и даже мнѣ совершенно все равно, вѣрите ли вы мнѣ или нѣтъ, но вы не имѣете повода сказать мнѣ это. И въ этомъ-то все дѣло.“

Австрійскій генералъ имѣлъ недовольный видъ, но не могъ не въ томъ же тонѣ отвѣчать Кутузову.

— Напротивъ, сказалъ онъ ворчливымъ и сердитымъ тономъ, такъ противорѣчившимъ лестному значенію произносимыхъ словъ, — напротивъ, участіе вашего превосходительства въ общемъ дѣлѣ высоко цѣнится его величествомъ, но мы полагаемъ, что настоящее замедленіе лишаетъ славныя русскія войска и ихъ главнокомандующихъ тѣхъ лавровъ, которые они привыкли пожирать въ битвахъ, закончилъ онъ видимо приготовленную фразу.

Кутузовъ поклонился, не измѣняя улыбки.

— А я такъ убѣжденъ, и основываюсь на послѣднемъ письмѣ, которымъ почтилъ меня его высочество эрцгерцогъ Фердинандъ, предполагаю, что австрійскія войска, подъ начальствомъ столь искуснаго помощника, каковъ генералъ Маккъ, теперь уже одержали рѣшительную побѣду и не нуждаются болѣе въ нашей помощи, сказалъ Кутузовъ.

Генералъ вздрогнулъ и нахмурился. Хотя и не было поло-

жительныхъ извѣстій о поражени Австрійцевъ, но было слишкомъ много обстоятельствъ подтверждавшихъ общіе невыгодные слухи; и потому предположеніе Кутузова о побѣдѣ Австрійцевъ было весьма похоже на насмѣшку. Но Кутузовъ кротко улыбался, все съ тѣмъ же выраженіемъ, которое говорило, что онъ имѣетъ право предполагать это. Дѣйствительно, послѣднее письмо, полученное имъ изъ арміи Макка, извѣщало его о побѣдѣ и о самомъ выгодномъ стратегическомъ положеніи арміи.

— Дай-ка сюда это письмо, сказалъ Кутузовъ, обращаясь къ князю Андрею. Вотъ изволите видѣть, — и Кутузовъ, съ насмѣшливою улыбкой на концахъ губъ, прочелъ по-нѣмецки австрійскому генералу слѣдующее мѣсто изъ письма эрцгерцога Фердинанда:

„Мы имѣемъ вполнѣ сосредоточенныя силы, около 70.000 человекъ, такъ что мы можемъ атаковать и разбить непріятеля въ случаѣ переправы его черезъ Лехъ. Такъ какъ мы уже владѣемъ Ульмомъ, то мы можемъ удерживать за собою выгоду командованія обоими берегами Дуная, стало-быть ежеминутно, въ случаѣ если непріятель не перейдетъ черезъ Лехъ, переправиться черезъ Дунай, броситься на его коммуникаціонную линію, ниже перейти обратно Дунай, и непріятелю, если онъ вздумаетъ обратить всю свою силу на нашихъ вѣрныхъ союзниковъ, не дать исполнить его намереніе. Такимъ образомъ, мы будемъ бодро ожидать времени, когда императорская русскія армія совсѣмъ изготвится, и затѣмъ вмѣстѣ легко найдемъ возможность уготовить непріятелю участь, коей онъ заслуживаетъ.“

Кутузовъ, тяжело вздохнувъ, окончивъ этотъ періодъ и внимательно и ласково посмотрѣвъ на члена гофкригсрата.

— Но вы знаете, ваше превосходительство, мудрое правило, предписывающее предполагать худшее, сказалъ австрійскій генералъ, видимо желая покончить съ шутками и приступить къ дѣлу. Онъ недовольно оглянулся на адъютанта.

— Извините, генералъ, перебилъ его Кутузовъ, и тоже воротился къ князю Андрею. — Вотъ что, мой любезный,

что появляя съ первыхъ словъ не только то что было сказано, но и то что желалъ бы сказать ему Кутузовъ. Онъ собралъ бумага, и отдавъ общій поклонъ, тихо шагая по ковру, вышелъ въ приемную.

Несмотря на то, что еще не было трехъ мѣсяцевъ какъ князь Андрей оставилъ Россію, онъ много измѣнился за это время. Въ выраженіи его лица, въ движеніяхъ, въ походкѣ почти не было замѣтно прежняго притворства, усталости и лжи; онъ имѣлъ видъ человѣка не имѣющаго времени думать о впечатлѣніи, какое онъ производилъ на другихъ, и занятаго дѣломъ пріятнымъ и интереснымъ. Лицо его выражало больше довольства собой и окружающими; улыбка и взглядъ его были веселѣе и привлекательнѣе.

Кутузовъ, котораго онъ догналъ еще въ Польшѣ, принялъ его очень ласково, обѣщалъ ему не забывать его, отличалъ отъ другихъ адъютантовъ, бралъ съ собою въ Вѣну и давалъ болѣе серьезныя порученія. Въ штабѣ Кутузова, между товарищами-сослуживцами, и вообще въ арміи, князь Андрей, также какъ и въ петербургскомъ обществѣ, имѣлъ дѣйствительно совершенно противоположную репутацію. Одни, меньшая часть, признавали князя Андрея чѣмъ-то особеннымъ отъ себя и отъ всѣхъ другихъ людей, ожидали отъ него большихъ успѣховъ, слушали его, восхищались имъ и подражали ему. И съ этими людьми князь Андрей бывалъ простъ и пріятель. Другіе, большинство, не любили князя Андрея, считали его надутымъ, холоднымъ и непріятнымъ человѣкомъ. Но съ этими людьми князь Андрей умѣлъ поставить себя такъ, что его уважали и даже боялись. Онъ ближе всѣхъ былъ съ двумя людьми: одинъ изъ нихъ былъ петербургскій товарищъ, добродушный, толстый князь Несвицкій. Князь Несвицкій, огромно богатый, безпечный и веселый, кормилъ и поилъ весь штабъ, постоянно смѣялся всему что похоже было на смѣшное, и не понималъ и не вѣрилъ въ возможность подлости или ненависти къ человѣку. Другой былъ человѣкъ безъ имени, изъ дѣхотнаго полка, капитанъ Козловскій, не имѣвшій никакого свѣтскаго образованія, даже дурно говорившій по-французски, но который трудомъ, усердіемъ и умомъ прокладывалъ себѣ дорогу, и въ эту кампанію былъ рекомендованъ и взятъ по особымъ порученіямъ къ главнокомандующему. Съ нимъ охотно, хотя и покровительственно, сблизался Болконскій.

Выйдя въ приемную изъ кабинета Кутузова, князь Андрей съ бумагами подошелъ къ Козловскому, который былъ дежурный и съ книгой фортификаціи сидѣлъ у окна. Нѣсколько чело­вѣкъ военныхъ въ полной формѣ и съ робкими лицами тер­пѣливо ожидали въ другой сторонѣ.

— Ну, что, князь? спросилъ Козловскій.

— Приказано составить записку, почему неидемъ впередъ.

— А почему?

Князь Андрей пожалъ плечами.

— Пожалуй ваша правда, сказалъ онъ.

— Нѣтъ извѣстія отъ Макка? спросилъ Козловскій.

— Нѣтъ.

— Ежели бы правда, что онъ разбитъ, такъ пришло бы из­вѣстіе.

— Непонятно, сказалъ князь Андрей.

— Я вамъ говорилъ, князь, завладѣли нами Австрійцы, до­бра не будетъ.

Князь Андрей улыбнулся и направился къ выходной двери; но въ то же время навстрѣчу ему, хлопнувъ дверью, быстро вошелъ въ приемную высокій, очевидно пріязкій, австрійскій генералъ въ сюртукѣ, съ повязанною чернымъ платкомъ го­ловой и съ орденомъ Маріи-Терезіи на шеѣ. Князь Андрей остано­вился. Высокая фигура австрійскаго генерала, морщи­нистое, рѣшительное лицо его и быстрыя движенія были такъ поразительны своею важною и тревожною, что всѣ быш­шіе въ комнатѣ невольно встали.

— Генералъ-аншефъ Кутузовъ? быстро проговорилъ пріяз­кій генералъ, съ рѣзкимъ нѣмецкимъ выговоромъ, оглядываясь на обѣ стороны и безъ остановки подходя къ двери кабинета.

— Генералъ-аншефъ занятъ, сказалъ Козловскій торопливо и мрачно, какъ онъ всегда исполнялъ свои обязанности, под­ходя къ неизвѣстному генералу и заграживая ему дорогу отъ д­вери. — Какъ прикажете доложить?

Неизвѣстный генералъ презрительно оглянулся сверху внизъ на невысокаго роста Козловскаго, какъ будто удивляясь,

бывшихъ въ комнату, какъ будто спрашивая: зачѣмъ они на него смотреть? Генералъ поднималъ голову, вытянулъ шею и обратился было къ ближе всѣхъ отъ него стоявшему князю Андрею, какъ будто намѣреваясь что-то сказать, но тотчасъ же отвернулся, и какъ будто небрежно начиная напѣвать про себя, произвелъ странный звукъ, который, однако, тотчасъ же пресѣкъся. Дверь кабинета отворилась, и на порогѣ ея показался Кутузовъ. Въ то же мгновеніе генералъ съ повзвальною головой, какъ будто убѣгая отъ опасности и нагнувшись, большими, быстрыми шагами худыхъ ногъ подвинулся къ самому лицу Кутузова. Немолодое морщинастое лицо его поблѣднѣло, и онъ не могъ удержать отъ перваго дрожанія нижнюю губу, въ то время какъ онъ сорвавшимся, слышкомъ громкимъ голосомъ произнесъ дуринымъ выговоромъ по-французски слѣдующія слова.

— Vous voyez le malheureux Mass.

Широкое, изуродованное ранами лицо Кутузова, стоявшаго въ дверяхъ кабинета, нѣсколько мгновеній оставалось совершенно неподвижно. Потомъ какъ воана пробѣжала по его лицу морщина, лобъ разгладился; онъ почтительно наклонилъ голову, закрылъ глаза, молча пропустилъ мимо себя Макка и самъ за собой затворилъ дверь.

Слухъ, уже распространенный прежде о разбитіи Австрийцевъ и о сдачѣ всей арміи подѣ Ульмомъ, оказывался справедливымъ. Штабные сообщали другъ другу подробности разговора Макка съ главнокомандующимъ, котораго никто не могъ слышать. Черезъ полчаса уже по разнымъ направленіямъ были разсланы адъютанты съ приказаніями, доказывавшими, что скоро и русскія войска, до сихъ поръ бывшія въ бездѣйствіи, должны будутъ встрѣтиться съ непріателемъ.

„Полусумашедшій старый фанатикъ Маккъ хотѣлъ бороться съ величайшимъ военнымъ гениемъ послѣ Кесаря!“ думалъ князь Андрей, возвращаясь въ свою комнату. „Что я говорилъ Козловскому? Что я писалъ отцу?“ думалъ онъ, „такъ и случилось.“ И неволью онъ испытывалъ волнующее радостное чувство при мысли о посрамленіи самовадѣянной Австріи и о томъ, что черезъ недѣлю, можетъ-быть, придется ему увидѣть и принять участіе въ столкновеніи Русскихъ съ Французами, впервые послѣ Суворова.

Вернувшись сверху въ свою комнату, занимаемую имъ вмѣстѣ съ Несвидкимъ, князь Андрей положилъ ненужныя уже

теперь бумага на столъ, и заложивъ руки назадъ, заходилъ назадъ и впередъ по комнатѣ, улыбаясь своимъ мыслямъ. Онъ боялся генія Бонапарта, который могъ оказаться сильнѣе всей храбрости русскихъ войскъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ допустить позора для своего героя. Единственно возможное разрѣшеніе этого противорѣчія состояло въ томъ, чтобъ онъ самъ командовалъ русскою арміею противъ Бонапарта. Но когда это могло быть? Черезъ десять лѣтъ,—десять лѣтъ, которые кажутся вѣчностью, когда они составляютъ больше одной трети пржитой жизни. „Ah! Fais ce que doit, advienne ce qui pourra“, проговорилъ онъ себѣ выбранный имъ девизъ. Онъ крикнулъ салту, снялъ мундиръ, надѣлъ шубку и сѣлъ за столъ. Несмотря на походную жизнь и общую тѣсную комнату, занимаемую имъ вмѣстѣ съ Несвицкимъ, князь Андрей былъ такъ же какъ и въ Россіи щепетилень точно женщина, занять собою и аккуратень. Несвицкій зналъ, что ничѣмъ нельзя было больше разсердить своего товарища по комнатѣ, какъ разстройствомъ его вещей, и два стола Боковскаго, однимъ письменный, уставленный, какъ въ Петербургѣ, бронзовыми письменными принадлежностями, другой цветочками, мыльницами, зеркаломъ, всегда были симметрично убраны и безъ малѣйшей пылинки. Со времени своего выѣзда изъ Петербурга и, главное, со времени разлуки съ женой, князь Андрей вступилъ въ новую эпоху дѣятельности, и какъ будто вновь переживалъ молодость. Онъ много читалъ и учился. Походная жизнь давала ему не мало досуга, и книги, пріобрѣтенныя имъ за границей, раскрыли для него новые интересы. Въ числѣ этихъ книгъ были большею частью философскія сочиненія. Философія, кромѣ своего внутреннего интереса, была для него однимъ изъ тѣхъ пьедесталовъ гордости, на которые онъ любилъ становиться предъ другими людьми. Хотя у него и было много различныхъ пьедесталовъ. съ которыхъ

— Ну, братъ, за мной бутылка, сказалъ входя въ комнату огромный, толстый Несвицкій, какъ и всегда, сопровождаемый Жерковымъ. — Какова штука съ Маккомъ?

— Да, неприятные четверть часа провелъ онъ теперь наверху, сказалъ князь Андрей.

(Между ними было пари. Князь Андрей утверждалъ, что Маккъ будетъ разбитъ. Онъ выигралъ.)

— За мной бутылка, сказалъ Несвицкій, разстегивая мундиръ сжимавшій его пухлую шею. — А какой, братъ, будетъ обѣдъ вымче! дикая коза, досталъ свѣжую, и индѣйка съ каштанами.

— Я говорилъ: Маккъ въ зубахъ завязнетъ, сказалъ Жерковъ, но шутка его не понравилась. Князь Андрей холодно оглянувшись на него и обратился къ Несвицкому.

— Чтò слышалъ, когда выступаютъ? оказалъ онъ.

— Вторую дивизию послали передвинуть, сказалъ Жерковъ съ своею заискивающею манерою.

— А! оказалъ князь Андрей, отвернулся и сталъ читать.

— Ну, будетъ тебѣ философствовать, крикнулъ Несвицкій, бросаясь на кровать и отдуваясь, — потолкуемъ-ка. Какъ я хотѣлъ сейчасъ! Можешь себѣ представить. только мы вышли, Штраухъ идетъ. Надо было видѣть чтò Жерковъ передъ нимъ выдѣлывалъ.

— Ничего, я отдавалъ честь союзнику, проговорилъ Жерковъ, и Несвицкій захохоталъ такъ, что кровать подъ нимъ затрещала.

Штраухъ, австрійскій генералъ, присланный изъ Вѣны для наблюденія за продовольствіями русской арміи, почему-то полюбился Жеркову. Онъ и передразнивалъ его весьма похоже, и каждый разъ, какъ встрѣчался съ нимъ, вытаскивался, представляя что онъ его боится, и каждый разъ какъ могъ найти случай, заговаривалъ съ нимъ на домашномъ нѣмецкомъ языкѣ, представляя изъ себя наивнаго дурачка, къ большому удовольствію Несвицкаго.

— Ахъ, да! оказалъ Несвицкій, обращаясь къ князю Андрею: — à propos de Штраухъ. Тутъ тебя давно ждетъ офицеръ пѣхотный.

— Какой офицеръ?

— Помнишь, тебя посылали слѣдствіе производить, корову что ли онъ утащилъ у Нѣмцевъ.

— Чтò жъ ему нужно? морщась оказалъ князь Андрей, поворачивая кольцо на своей маленькой, бѣлой рукѣ.

— Жалкій такой, просить тебя пришелъ. Жерковъ, какъ онъ? ну, какъ онъ говорилъ?

Жерковъ сдѣлалъ гримасу и началъ представлять офицера.

— Я... совсѣмъ не то... солдаты... купили скотину... вотому что хозяева... Скотина... хозяева... скотина...

Князь Андрей всталъ и надѣлъ мундиръ.

— Нѣтъ, ты замни какъ-нибудь, сказалъ Несвицкій. — Бѣ Богу, такой жалкій.

— Я ни заминать, ни подводить никого и ничего не хочу. Меня послали, я сказалъ что было. И мерзавцевъ я никогда не жалю, и не смѣюсь надъ ними, прибавилъ онъ глядя на Жеркова.

Поговоривъ съ офицеромъ, онъ высокомерно объяснилъ ему, что онъ никакого съ нами личнаго дѣла не имѣетъ и не желаетъ имѣть.

— Вѣдь вы сами знаете, ваш... князь, говорилъ офицеръ, который видимо находился въ недоумѣніи какъ ему обращаться съ этимъ адъютантомъ: онъ боялся одинаково и увѣжаться, и не быть достаточно вѣжливымъ, — вѣдь вы сами знаете, князь, что походомъ бывали дни, что солдаты не ѣли, ну, какъ запретить... вы сами посудите...

— Если вы требуете моего личнаго убѣжденія, сказалъ князь Андрей, то я вамъ скажу, что по моему мнѣнію, мардерство всегда есть важный проступокъ, а въ землѣ союзниковъ нѣтъ за него достаточно строгаго наказанія. Но главное, вы поймите, что я ничего не могу сдѣлать; мое дѣло доложить главнокомандующему что я нашелъ. Не могу же я для васъ лгать. — И улыбувшись этой странной мысли, онъ поклонился офицеру и пошелъ назадъ. Возвращаясь къ себѣ, онъ увидѣлъ идущихъ по корридору генерала Штрауха и члена гофкригсрата. На встрѣчу имъ шли Несвицкій и Жерковъ.

По широкому корридору было достаточно мѣста, чтобы генералы могли обойти двухъ офицеровъ, но Жерковъ, отталкивая рукой Несвицкаго, запыхавшимся голосомъ проговорилъ:

— Идутъ!... идутъ!... посторонитесь, дорогу! пожалуйста дорогу!

Генералы проходили съ видомъ желанія избавиться отъ утруждающихъ почестей. На лицѣ Жеркова выразилась вдругъ глупая улыбка радости, которой онъ какъ будто не могъ удержать.

— Ваше превосходительство, сказалъ онъ по-нѣмедки выдвигаясь впередъ и обращаясь къ австрійскому генералу. — Имѣю честь поздравить. — Онъ наклонилъ голову, и велько, какъ

дѣти, которыя учатся танцовать, сталъ распаркиваться то одной, то другой ногой.

Генералъ, члещъ гофкригсрата, строго оглянулся на него; но замѣтивъ серіозность глупой улыбки, не могъ отказать въ милостивомъ вниманіи. Онъ прищурился, показывая что слушаетъ.

— Имѣю честь поздравить, генералъ Маккъ пріѣхалъ, со-
всѣмъ здоровъ, только немного тутъ зашибся, прибавилъ онъ
сіяя улыбкой и указывая на свою голову.

Генералъ нахмурился, отвернулся и пошелъ дальше.

— Gott, wie naiv, сказалъ онъ сердито, отойдя нѣсколько шаговъ.

Несвицкій съ хохотомъ объялъ князя Андрея и повлекъ его въ свою комнату.

Всѣмъ за Несвицкимъ въ комнату вошелъ князь Андрей, и не обращая вниманія на его хохотъ, подошелъ къ своему столу и сбросилъ съ него на полъ лежавшую фуражку Жеркова.

— Нѣтъ, что за рожа! сквозь смѣхъ говорилъ Несвицкій. —
Это чудесно! Только немного тутъ зашибся.... ха, ха, ха!...

— Ничего смѣшнаго нѣтъ, сказалъ князь Андрей.

— Какъ не смѣшно? Одна рожа чего стѣдить...

— Ничего смѣшнаго. Я не большой другъ Австрійцевъ, но
есть приличія, которыхъ можетъ не звать этотъ *шенаран*, но
которыя мнѣ и тебѣ должно соблюдать.

— Полово, онъ сейчасъ войдетъ, испуганно перебилъ Несвицкій.

— Мнѣ все равно. Какъ это хорошо насъ выказываетъ передъ союзниками, какъ тутъ много такта!.. Офицеръ этотъ,
который укралъ корову для роты, право не хуже твоего Жеркова. Тотъ по крайней мѣрѣ нуждался въ этой коровѣ.

— Да какъ ты хочешь, братецъ, это все очень жалко, а все-
таки смѣшно. Ежели бы ты....

— Ничего смѣшнаго. Quarante mille hommes massacrés et
l'armée de nos alliés détruite, et vous trouvez là le mot pour
rire, сказалъ онъ, какъ будто этою французскою фразою за-
крѣпляя свое мнѣніе. — C'est bien pour un garçon de rien comme
cet individu dont vous vous êtes fait un ami, mais pas pour
vous, pas pour vous. *Мальчишкамъ* только можно такъ забав-
ляться, оказалъ князь Андрей по-русски, выговаривая это
слово съ французскимъ акцентомъ, замѣтивъ что Жерковъ
вошелъ въ комнату. Онъ подождалъ, не отвѣтитъ ли что кор-
нетъ. Но корнетъ ничего не отвѣчалъ, взялъ свою фуражку,
и подмигнувъ Несвицкому, вышелъ.

— Приходи же обѣдать! крикнулъ Несвицкій. Князь Андрей пристально посмотрѣлъ на корнета, и когда онъ скрылся, сѣлъ за столъ.

— Я тебѣ давно хотѣлъ сказать, обратился онъ къ Несвицкому, который съ улыбкой въ глазахъ смотрѣлъ теперь на князя Андрея. Казалось, для него всякое развлеченіе было пріятно, и онъ теперь не безъ удовольствія слушалъ звукъ голоса и рѣчь князя Андрея.

— Я тебѣ давно хотѣлъ сказать:—твоя страсть со всеми быть фамиллярнымъ, и кормить и поить безъ разбора всѣхъ на свѣтъ. Все это прекрасно, и хоть я съ тобой живу, для меня это не стѣснительно, потому что я этимъ господамъ умѣю дать почувствовать ихъ мѣсто. И я говорю не для себя, а для тебя. Со мною ты можешь шутить. Мы понимаемъ другъ друга и знаемъ границы шутки, а съ этими Жерковыми нельзя быть фамиллярнымъ. Его цѣль только въ томъ, чтобы какъ-нибудь выскочить, получить крестикъ, да чтобы ты его даромъ кормилъ и поилъ; дальше онъ ничего не видитъ и готовъ тебя забавлять чѣмъ угодно, не соображая значенія своихъ шутокъ, а тебѣ этого нельзя.

— Ну, чтожь, онъ добрый малый, заступаясь сказалъ Несвицкій,—добрый малый.

— Этихъ Жерковыхъ можно послѣ обѣда подпоить и заставить представлять комедіи, это я понимаю, но не дальше.

— Ну, полно, братъ, ну, неловко.... Да что же, ну, не буду, да только замолчи! закричалъ сѣясь Несвицкій, и вскочивъ съ дивана, обнялъ и поцѣловалъ князя Андрея. Князь Андрей улыбнулся какъ учитель ласкающемуся школьнику.

— У меня внутренность переворачивается, когда эти Жерковы лѣзутъ къ тебѣ въ интимность. Ему хочется подняться и отчиститься въ сближеніи съ тобой, и онъ не отчистится, а только тебя запачкаетъ.

была отведена лучшая квартира въ деревнѣ. Юнкеръ Ростовъ, съ тѣхъ самыхъ поръ какъ одъ догналъ полкъ въ Польшѣ, жилъ вмѣстѣ съ эскадроннымъ командиромъ.

8-го октября, въ тотъ самый день когда въ главной квартирѣ все было поднято на ноги извѣстіемъ о пораженіи Макка, въ штабѣ эскадрона походная жизнь спокойно шла по старому. Денисовъ, проигравшій всю ночь въ карты, еще спалъ, когда Ростовъ, рано утромъ, верхомъ вернулся домой въ рейтузахъ и гусарской курткѣ. Ростовъ подѣхалъ къ крыльцу, толкнувъ лошадь, гибкимъ молодымъ жестомъ скинулъ ногу, постоялъ на стремени, какъ будто не желая разстаться съ лошадью, наконецъ спрыгнулъ и, обернувъ свое разрумяненное, загорѣлое, съ пробивавшимися усиками лицо, крикнулъ вѣстоваго.

— А, Бондаренко, другъ сердечный, проговорилъ онъ бросившемуся стремглавъ къ его лошади гусару.—Выводи дружокъ, сказалъ онъ съ тою братскою веселою вѣжностію, съ которою обращаются со всеми хорошіе молодые люди, когда они счастливы.

— Слушаю, ваше сіятельство, отвѣчалъ хохолъ, встрахивая весело головой.

— Смотри же, выводи хорошенько!

Другой гусаръ бросился тоже къ лошади, но Бондаренко уже перекинулъ поводья треззеля. Видно было, что юнкеръ давалъ хорошо на водку и что услужить ему было выгодно. Ростовъ погладилъ лошадь по шеѣ, потомъ по крупу и остановился на крыльцѣ.

„Славно!“ сказалъ онъ самъ себѣ, улыбаясь и придерживая саблю, вбѣжалъ на крыльцо и пристукинулъ каблуками и шпорами какъ дѣлаютъ въ мазуркѣ. Хозяинъ-Нѣмецъ, въ фуфайкѣ и колпакѣ, съ вилами, которыми онъ вычищалъ навозъ, выгнала изъ коровника. Лицо Нѣмца вдругъ просвѣтлѣло какъ только онъ увидалъ Ростова. Онъ весело улыбнулся и подмигнулъ: „Schön gut Morgen! Schön gut Morgen!“ повторялъ онъ, видимо находя удовольствіе въ привѣтствіи молодого человека. — Schon fleissig! сказалъ Nicolas все съ оживленнымъ ли-
Alexandre

Ростовъ самъ также какъ Нѣмецъ взмахнулъ фуражкой надъ головой и смѣясь закричалъ: „Und vivat die ganze Welt!“ Хотя не было никакой причины къ особенной радости ни для Нѣмца, вычищавшаго свой коровникъ, ни для Nicolas, ѣздившаго со взводомъ за сѣномъ, оба человѣка эти съ счастливымъ восторгомъ и братскою любовью посмотрѣли другъ на друга, потрясли головами въ знакъ взаимной любви и улыбаясь разошлись, Нѣмецъ въ коровникъ, а Nicolas въ избу, которую занималъ съ Денисовымъ.

Наканунѣ офицеры этого эскадрона собирались у ротмистра 4-го эскадрона въ другой деревнѣ и провели у него ночь за картами. Ростовъ тамъ былъ, но уѣхалъ рано. Несмотря на все его желаніе быть вполнѣ гусаромъ и товарищемъ, онъ не могъ пить больше стакана вина, не дѣлаясь больнымъ, и засыпалъ за картами. Денегъ у него было слишкомъ достаточно, такъ что онъ не зналъ куда дѣвать ихъ и не понималъ удовольствія выигрывать. Каждый же разъ какъ онъ, по совѣту офицеровъ, ставилъ карту, онъ выигрывалъ деньги, которыя ему были не нужны, и замѣчалъ какъ это было неприятно тому чьи были деньги, но помочь этому не могъ. Ростовъ, несмотря на то что эскадронный командиръ никогда не дѣлалъ ему замѣчаній по службѣ, рѣшилъ самъ про себя, что въ военной службѣ важнѣе всего добросовѣстность въ исполненіи обязанности, и объявилъ всѣмъ офицерамъ, что онъ счелъ бы себя дрянью, ежели бы онъ позволялъ себѣ когда-нибудь пропустить очередь дежурства или командировки. Въ послѣдствіи, дежурства и утеръ-офицерская служба, къ которой никто не принуждалъ его, становились тяжелы для него, но онъ помнилъ сказанное осторожно слово и не измѣнилъ ему. По утеръ-офицерской службѣ, получивъ съ вечера повѣстку отъ вахмистра, онъ велѣлъ себѣ разбудить до зари и вмѣстѣ со взводомъ уехать за

Изъ-подъ одѣяла быстро выскочила черная, обросшая волосами мохнатая голова съ красными щеками и блестящими, чернѣйшими глазами.

— Пог'а! закричалъ Денисовъ, не выговаривая р.—Что пог'а? пог'а уйдти къ чогу изъ этого.... колбаснаго цаг'ства! Такого несчастія! такого несчастія! Какъ ты уѣхалъ, такъ и пошло. Пг'одулся я, бг'ать, вчег'а какъ сукинъ сынъ!... Ей, чаю!

Денисовъ вскочилъ своими карими, голыми ногами, обросшими какъ у обезьяны черными волосами, и сморщившись, какъ бы улыбаясь и выказывая свои короткіе, крѣпкіе зубы, началъ обѣими руками лохматить какъ лѣсъ взбитые, черные, густые волосы и усы. Съ первыхъ словъ Денисова видно было, что ему не весело на душѣ и что онъ тѣломъ слабъ отъ вина и бессонныхъ ночей, и что приемы веселости были не потребностію его, а привычкой.

— Чог'тъ меня дег'нулъ пойдти къ этой кг'ысѣ (прозвище офицера), растирая себѣ обѣими руками лобъ и лицо, говорилъ Денисовъ.—Можешь себѣ пг'едставить, вчег'а, какъ ты ушелъ, ни одной каг'ты, ни одной, ни одной каг'ты не далъ, говорилъ Денисовъ, возвышая голосъ до крика, и весь багровѣя отъ волненія.

Денисовъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, какихъ теперь не бываетъ, — одинъ изъ тѣхъ людей, которые постоянно два раза въ годъ пускали себѣ кровь и назывались горячими.

— Ну, помяо, дѣло прошлое, сказалъ Ростовъ, замѣчая что Денисовъ начинаетъ горячиться при одномъ воспоминаніи о своемъ несчастіи.—Давай лучше чай пить.

Видно было, что Ростовъ еще не свыкъся съ своимъ положеніемъ, и ему пріятно было говорить тѣ такому старому чело-вѣку. Но Денисовъ уже расходился, глаза его налились кровью, онъ взялъ подаваемую ему закуривную трубку, сжалъ въ кулакъ, и разсыпая огонь, билъ ею по полу, продолжая кричать.

— Нѣтъ, это надо мной чег'товское несчастіе — семпель дасть, паг'оль бьетъ, семпель дасть, паг'оль бьетъ.

Онъ разсыпалъ огонь, разбилъ трубку, бросилъ ее и замахнулся на дѣвчику. Но черезъ минуту, когда Ростовъ обратился къ нему, горячка уже прошла.

— А я какъ проѣхался славно. Мы мимо того парка прошли, гдѣ учителява дочка, помнишь?... сказалъ Ростовъ, краснѣя и улыбаясь.

— Эка кг'овъ молодая-то, уже тихо сказалъ Денисовъ, хватая юнкера за руку и потрясая ее.—Кг'асяветъ юноша, даже пг'отивно...

— Опять видѣлъ...

— Ну, братъ, и я видво тепегъ за пг'екг'асный полъ пг'в-мусь—денегъ нѣтъ, игг'ать баста. Никита, дай-ка, дг'ужокъ, мѣш кошелекъ, сказалъ онъ деньщику, котораго чуть не прибилъ.— Вотъ тамъ. Эка дубина, чог'тъ! Гдѣ г'оешься? Подъ подушкой. Ну спасибо, голубчикъ, сказалъ онъ принимая кошелекъ и высыпая на столъ нѣсколько золотыхъ.— Эскад'онные, фуг'ажные, все тутъ, сказалъ онъ.— Должно-быть фуг'ажныхъ однихъ 45. Да нѣтъ, что считать! Не подниметься.

Онъ отодвинулъ золотые.

— Что же, возьми у меня, сказалъ Ростовъ.

— Коли въ воскг'есенье не пг'ивезуть жалованье, сквер'но! проговорилъ Денисовъ, не отвѣчая Ростову.

— Да возьми у меня, проговорилъ Ростовъ краснѣя, какъ это всегда бываетъ съ очень молодыми людьми, когда дѣло касается денегъ. У него неясно мелькнула мысль о томъ, что Денисовъ уже долженъ ему, и мысль, что Денисовъ оскорбляетъ его, не принимая его предложенія.

Лицо Денисова опустилось и стало грустно.

— Вотъ что! Возьми у меня Бедуина, сказалъ онъ серьезно, подумавъ нѣсколько.— Я самъ за него въ Г'оссіи полтог'ы тысячи далъ, за ту же цѣну тебѣ отдамъ. Завѣтнаго ничего кг'омъ сабли. Бер'и! По г'укамъ....

— Ни за что не возьму. Лучшая лошадь въ полку, сказалъ Ростовъ, опять вспыхивая.

Бедуинъ была дѣйствительно прекрасная лошадь, и Ростовъ очень бы хотѣлъ имѣть ее, но и совѣстно было передъ Денисовымъ. Онъ чувствовалъ себя какъ будто виноватымъ за то, что у него есть деньги. Денисовъ замолчалъ и сталъ опять задумчиво лохматить волосы.

— Эй, кто тамъ? обратился онъ къ двери, слышавъ остановившіеся шаги толстыхъ сапогъ съ бряцаніемъ шпоръ, и почтительное покашливанье.

— Вахмистръ! сказалъ Никита.

Денисовъ сморщился еще больше.

— А! Телянинъ! Здог'ово! Вздучи меня вчег'а, слышася грустный голосъ Денисова въ другой комнатѣ.

— У кого? У Быкова, у крысы?... Я зналъ, сказалъ другой товарищій голосъ, и вслѣдъ затѣмъ въ комнату вошелъ поручикъ Телянинъ, щеголеватый, маленькій офицеръ того же эскадрона.

Ростовъ кинулъ подъ подушку кошелекъ и пожалъ протянутую ему маленькую, влажную руку. Телянинъ былъ, не редъ походомъ, за что-то переведенъ изъ гвардіи. Его не любили въ эскадронѣ за его чопорность. Ростовъ купилъ у него свою лошадь.

— Ну что, молодой кавалеристъ, какъ вамъ мой Грачикъ служить? спросилъ онъ. Поручикъ никогда не смотрѣлъ въ глаза человѣку, съ кѣмъ говорилъ; глаза его постоянно перебѣгали съ одного предмета на другой. — Я видѣлъ, вы кивче проѣхали....

— Да, ничего, конь добрый, отвѣчалъ Ростовъ серьезнымъ тономъ опытнаго кавалериста, несмотря на то что лошадь купленная имъ за семьсотъ рублей была испорчена ногами и не стоила половины этой цѣны. — Припадать стала на лѣвую переднюю... прибавилъ онъ.

— Треснуло копыто? Это ничего. Я васъ научу, покажу заклепку какую положить.

Глаза Телянина не успокоивались, несмотря на то что вся его небольшая фигурка принимала лѣнливо небрежную позу и тонъ его рѣчи былъ слегка насмѣшливо-покровительный.

— Не хотите ли чаю? И покажите пожалуста какъ это заклепку-то... сказалъ Ростовъ.

— Покажу, покажу, это не секретъ. А за лошадь благодарить будете.

— Такъ я веду привести лошадь.

И Ростовъ вышелъ чтобы привести лошадь.

Въ свѣжахъ, Денисовъ, въ архадукѣ, съ трубкой, скорчившись на порогѣ, сидѣлъ передъ вахмистромъ, который что-то докладывалъ.

Увидавъ Ростова, Денисовъ сморщился, и указывая черезъ плечо большимъ пальцемъ въ комнату, въ которую пришелъ Телянинъ, поморщился и съ отвращеніемъ тряхнулся.

— Охъ, не люблю молодца, сказалъ онъ, не стѣсняясь присутствіемъ вахмистра.

Ростовъ пожалъ плечами какъ будто говоря: „И я тоже, да что жь дѣлать“, и распорядившись, вернулся къ Телянину.

Телянинъ сидѣлъ все въ той же лѣзвовой позѣ, въ которой его оставилъ Ростовъ, потирая маленькія бѣлыя руки.

— Вотъ стояночка-то: — ни одного дома, ни одной женщины не видалъ съ тѣхъ поръ какъ изъ Польши, сказалъ Телянинъ вставая и небрежно оглядываясь вокругъ себя. Что же, велѣли привести лошадь? прибавилъ онъ.

— Велѣлъ.

— Да пойдете сами.

— А чтожь чаю?

— Нѣтъ, не хочу. Я вѣдь зашелъ только спросить Денисова о вчерашнемъ приказѣ. Получила, Денисовъ?

— Нѣтъ еще. А вы куда?

— Вотъ, хочу молодого человѣка научить какъ ковать лошадь, сказалъ Телянинъ.

Они вышли на крыльцо и въ конюшню. Поручикъ показавъ какъ дѣлать заклепку и ушелъ къ себѣ.

Когда Ростовъ вернулся, на столѣ стояла водка и ветчина, и Денисовъ, одѣтый, быстрыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ мрачно посмотрѣлъ на лицо Ростову.

— Г'ѣдко я кого не люблю, сказалъ Денисовъ, — а этотъ мнѣ Телянинъ пр'отивенъ какъ молоко съ сахагомъ. Надулъ онъ тебя Г'ачникомъ своимъ, это вѣрно. Пойдемъ въ конюшню. Возьми Бедуина, все г'авно, сейчасъ изъ помы въ полу, и двѣ бутылки шампанскаго.

Ростовъ опять разгорѣлся какъ дѣвушка.

— Нѣтъ, пожалуста, Денисовъ.... Я ни за что не возьму лошадь. А ежели ты у меня не возьмешь деньги по-товарищески, ты меня обидишь. Право, у меня есть.

Денисовъ поморщился, отвернулся и сталъ лохматить волосы. Ему, видно, неприятно было.

— Ну, быть по-твоему!

Ростовъ хотѣлъ достать деньги.

— Постой, ты не уронилъ ли, сказалъ Ростовъ, по одной поднимая подушки и вытрясая ихъ. Онъ скинулъ и отрянулъ одѣяло. Кошелька не было.

— Ужь не забылъ ли я? Нѣтъ, я еще подумалъ, что ты точно кладъ подъ голову кладешь, сказалъ Ростовъ. — Я тутъ положилъ кошелекъ. Гдѣ онъ? обратился онъ къ слугѣ.

— Я не входилъ. Гдѣ положили, тамъ и долженъ быть.

— Да нѣтъ....

— Вы все такъ, бросите куда, да и забудете. — Въ карманахъ посмотрите.

— Нѣтъ, коли бы я не подумалъ про кладъ, сказалъ Ростовъ, — а то я помню, что положилъ.

Никита перерылъ всю постель, заглянулъ подъ нее, подъ столъ, перерылъ всю комнату, кошелька не было. Денисовъ, перерывъ карманы, молча слѣдилъ за движеніями Никиты, и когда Никита удивленно развелъ руками, говоря что въ карманѣ нѣтъ, онъ оглянулся на Ростова.

— Г'остовъ, ты школьнич....

Онъ не договорилъ. Ростовъ, съ обѣими руками въ карманахъ, стоялъ, опустивъ голову. Почувствовавъ на себѣ взглядъ Денисова, онъ поднялъ глаза и въ то же мгновеніе опустилъ ихъ. Въ то же мгновеніе вся кровь его, бывшая запертою гдѣ-то ниже горла, хлынула ему въ лицо и глаза. Молодой человекъ видимо не могъ перевести дыханіе. Денисовъ поспѣшно отвернулся, сморщился и сталъ лохматить себѣ волосы.

— И въ комнатѣ-то никого не было, окромѣ поручика, да васъ самихъ. Тутъ гдѣ-нибудь.

— Ну ты, чо'това кукла, повог'ачивайся, ищи, вдругъ закричалъ Денисовъ, побагровѣвъ и съ угрожающимъ жестомъ бросааясь на деньщика. — Чтобъ былъ кошелекъ, а то запог'ю!

Ростовъ, задыхаясь и обходя взглядомъ Денисова, сталъ застегивать куртку, подстегнулъ саблю и надѣлъ фуражку.

— Ну чо'товъ сынъ. Я тебѣ говог'ю, чтобъ былъ кошелекъ, кричалъ Денисовъ, бессмысленно тряся за плечи деньщика и толкая его объ стѣну.

— Денисовъ, оставь его. Я сейчасъ приду, сказалъ Ростовъ, подходя къ двери и не поднимая глазъ.

— Г'остовъ! Г'остовъ! закричалъ Денисовъ, такъ что жилы какъ веревки надулись у него на шеѣ и лбу. — Я тебѣ говог'ю, ты съ ума сошелъ, я этого не позволю. — И Денисовъ схватилъ за руку Ростова. — Кошелекъ здѣсь; спуцу шкур'у со вѣхъ дельщиковъ, и будетъ здѣсь.

— А я знаю гдѣ кошелекъ, отвѣчалъ Ростовъ дрожащимъ голосомъ.

Они взглянули другъ другу въ глаза.

— А я тебѣ говорю не дѣлай этого, закричалъ надрываясь Денисовъ и бросаюсь къ юнкеру чтобъ удержать его,—я тебѣ говорю, чог'ть ихъ подег'и эти деньги! Это не можетъ быть, я не допущу этого! Ну пр'опали, чог'ть съ ними!...—Но несмотря на рѣшительный смыслъ словъ, мохнатое лицо ротмистра выражало теперь уже нерѣшительность и страхъ. Ростовъ вырвалъ свою руку, и съ такою злобой, какъ будто Денисовъ былъ величайшій врагъ его, прямо и твердо устремилъ на него глаза.

— Ты понимаешь ли что говоришь? сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: — кромѣ меня никого не было въ комнатѣ. Стало-быть, ежели не то, такъ....

Онъ не могъ договорить и выбѣжалъ изъ комнаты.

— Ахъ чог'ть съ тобой и со всѣми, были послѣднія слова, которыя слышалъ Ростовъ.

Онъ пришелъ на квартиру Телянина.

— Барина дома нѣтъ, въ штабъ уѣхали, сказалъ ему деньщикъ Телянина. — Или что случилось? прибавилъ деньщикъ, удивляясь на разстроенное лицо юнкера.

— Нѣтъ, ничего.

— Немного не застали, сказалъ деньщикъ.

Штабъ находился въ трехъ верстахъ отъ Зальценека. Ростовъ, не заходя домой, взялъ лошадь и поѣхалъ въ штабъ.

Въ деревнѣ, занимаемой штабомъ, былъ трактиръ, посвящаемый офицерами. Ростовъ пріѣхалъ въ трактиръ, у крыльца онъ увидалъ лошадь Телянина.

Во второй комнатѣ трактира сидѣлъ поручикъ за блюдомъ сосисекъ и бутылкою вина.

— А, и вы заѣхали, юноша, сказалъ онъ улыбаясь и высоко поднимая брови.

— Да, сказалъ Ростовъ, какъ будто выговаривать это слово

— Пожалуста поскорѣе, сказалъ онъ.

Золотой былъ новый. Ростовъ всталъ и подошелъ къ Телянину.

— Позвольте посмотреть мнѣ кошелекъ, сказалъ онъ тихимъ, чуть слышнымъ голосомъ.

Съ бѣгающими глазами, но все поднятыми бровями, Телянинъ подалъ кошелекъ.

— Это сувениръ паночки одной.... да.... сказалъ онъ, и вдругъ поблѣднѣлъ. — Посмотрите, юноша, прибавилъ онъ.

Ростовъ взялъ въ руки кошелекъ и посмотрѣлъ и на него, и на деньги, которыя были въ немъ, и на Телянина. Поручикъ оглядывался кругомъ, по своей привычкѣ, и, казалась, вдругъ сталъ очень веселъ.

— Коди будемъ въ Вѣвѣ, все тамъ оставлю, а теперь и дѣвать некуда въ этихъ дрянныхъ городишкахъ, сказалъ онъ. — Ну давайте, юноша, я пойду.

Ростовъ молчалъ.

— Чтò, вы покупаете лошадь у Денисова? Хорошъ конь, продолжалъ Телянинъ. — Давайте же. — Онъ протянулъ руку и взялся за кошелекъ. Ростовъ выпустилъ его. Телянинъ взялъ кошелекъ и сталъ опускать его въ карманъ рейтузъ, и брови его небрежно поднялись, а ротъ слегка раскрылся какъ будто онъ говорилъ: „да, кладу въ карманъ свой кошелекъ, и это очень просто, и никому до этого дѣла нѣтъ“.

— Ну чтò, юноша? сказалъ онъ, вздохнувъ и изъ-подъ приподнятыхъ бровей взглянувъ въ глаза Ростова. Какой-то свѣтъ глазъ съ быстротою электрической искры переблѣжалъ изъ глазъ Телянина въ глаза Ростова, и обратно, обратно, и обратно, все въ одно мгновеніе.

— Подите сюда, проговорилъ Ростовъ, хватая Телянина за руку. Онъ почти притащилъ его къ окну. — Вы воръ! прошепталъ онъ ему надъ ухомъ.

— Чтò?... Чтò?... Какъ вы смѣете? Чтò?... — Но эти слова звучали жалобнымъ, отчаяннымъ крикомъ и мольбой о прощеніи. Какъ только Ростовъ услышалъ этотъ звукъ голоса, съ души его свалился огромный камень сомнѣнія. Онъ почувствовалъ радость и въ то же мгновеніе ему стало такъ жалко несчастнаго, стоящаго передъ нимъ человека, что слезы выступили ему на глаза.

— Здѣсь люди Богъ знаетъ чтò могутъ подумать, бормоталъ Телянинъ, схватывая фуражку и направляясь въ небольшую пустую комнату. — Объяснитесь, чтò съ вами?

Когда они вошли въ эту комнату, Телянинъ былъ блѣдень,

сѣръ, малъ ростомъ и, какъ будто послѣ тяжелой болѣзни, похудѣлъ.

— Вы нынче украли кошелекъ изъ-подъ подушки Денисова, сказалъ Ростовъ съ разстановкой. Телянинъ хотѣлъ что-то сказать. — Я это знаю, и я это докажу.

— Я....

Сѣрое лицо, потерявшее всю милость, начало дрожать всѣми мускулами; глаза бѣгали не по-старому, а уже гдѣ-то внизу, не поднимаясь до лица Ростова, и слышались всхлипыванья.

— Графъ!... не губите молодого человека... вотъ эти несчастныя деньги, возьмите ихъ....—Онъ бросилъ ихъ на столъ.— У меня отецъ старикъ, мать!...

Ростовъ взялъ деньги, избѣгая взгляда Телянина, и не говоря ни слова, пошелъ изъ комнаты. Но у двери онъ остановился и вернулся назадъ.

— Боже мой, сказалъ онъ со слезами на глазахъ, — какъ вы могли это сдѣлать?

— Графъ, умолительно сказалъ Телянинъ, приближаясь къ юнкеру.

— Не трогайте меня, проговорилъ Ростовъ отстраняясь.— Ежели вамъ нужна, возьмите эти деньги. — Онъ швырнулъ ему кошелекъ.— Не дотрогивайтесь до меня, не дотрогивайтесь!—И Ростовъ выбѣжалъ изъ трактира едва скрывая слезы.

Вечеромъ того же дня, на квартирѣ Денисова шелъ оживленный разговоръ офицеровъ эскадрона.

— А я говорю вамъ, Ростовъ, что вамъ надо извиниться передъ полковымъ командиромъ, говорилъ, обращаясь къ пунцово-красному взводному Ростову, высокій штабъ-ротмистръ съ сѣдьющими волосами, огромными усами и крупными чертами морщинастаго лица. Штабъ-ротмистръ Кирстенъ былъ

— Да, вы постоитъ, батюшка, вы послушайте меня, перебилъ штабъ-ротмистръ, своимъ басистымъ голосомъ, спокойно разглаживая свои длинные усы. — Вы при другихъ офицерахъ говорите полковому командиру, что офицеръ укралъ....

— Не могу и не умѣю быть дипломатомъ, я не виноватъ, что разговоръ зашелъ при другихъ офицерахъ. Я затѣмъ въ гусарыи пошелъ, думалъ, что здѣсь не нужно тонкостей, а онъ мнѣ говорить, что я лгу... такъ пусть дастъ мнѣ удовлетвореніе....

— Это все хорошо, никто не думаетъ, что вы трусъ, да не въ томъ дѣло. Спросите у Денисова, похоже это на что-нибудь, чтобы юнкеръ требовалъ удовлетворенія у полковаго командира?

Денисовъ, закусивъ усъ, съ мрачнымъ видомъ слушалъ разговоръ, видимо не желая вступать въ него. На вопросъ штабъ-ротмистра онъ отрицательно покачалъ головой.

— Я тебѣ сказалъ, обратился онъ къ штабъ-ротмистру—суди ты какъ знаешь. Я знаю только, что кабы я васъ не слушалъ, и г'азмочаилъ бы давно голову этому вог'ушкѣ (съ самаго начала мнѣ его духъ пр'отивенъ былъ), такъ ничего бы не было, и не было бы всей этой истог'ии и сг'аму.

— Ну, да дѣло сдѣлано, продолжалъ штабъ-ротмистръ.— Вы при офицерахъ говорите полковому командиру про эту пакость. Богданъчъ (Богданъчемъ называли полковаго командира) васъ осадилъ, вы наговорили ему глупостей, и надо вамъ извиниться.

— Ни за что! крикнулъ Ростовъ.

— Не думалъ я этого отъ васъ, серьезно и строго сказалъ штабъ-ротмистръ.— Вы не хотите извиниться, а вы, батюшка, не только передъ нимъ, а передъ всѣмъ полкомъ, передъ всѣми нами, вы кругомъ виноваты. А вотъ какъ: кабы вы подумали, да посовѣтовались какъ обойтись съ этимъ дѣломъ, а то вы прямо, да при офицерахъ, и бухнули. Чтò теперь дѣлать полковому командиру? Надо отдать подъ судъ офицера и замарать весь полкъ? Изъ-за одного негодяя весь полкъ осрамить? Такъ что ли по-вашему? А по-нашему не такъ. И Богданъчъ молодецъ, онъ вамъ сказалъ, что вы неправду говорите. Неприятно, да чтò дѣлать, батюшка, сами наскочили. А теперь какъ дѣло хотятъ замять, такъ вы изъ-за фанаберіи какой-то не хотите извиниться, а хотите все разказать. Вамъ обидно, что вы подежурите, да чтò вамъ извиниться передъ старымъ и честнымъ офицеромъ? Какой бы тамъ ни былъ Богданъчъ, а все честный и храбрый, старый полковникъ, такъ вамъ обидно, а замарать полкъ вамъ ничего? — Голосъ штабъ-

ротмистра начиналъ дрожать. — Вы, батюшка, въ полку безъ году недѣля, нынче здѣсь, завтра перешли куда въ адъютантски, вамъ наплевать что говорить будутъ: „между павлоградскими офицерами воры!“ А намъ не все равно. Такъ что ли, Денисовъ? Не все равно?

— Да, бг'ать, руку бы далъ свою отг'убить, чтобы не было этого дѣла, сказалъ Денисовъ, стукнувъ кулакомъ по столу?

— Вамъ своя фанаберія дорога, извиниться не хочется, продолжалъ штабъ-ротмистръ, — а намъ старикамъ, какъ мы выросли, да и умереть Богъ дастъ приведется въ полку, такъ намъ честь полка дорога, и Богданъчъ это знаетъ. Охъ, какъ дорога, батюшка! А это не хорошо, не хорошо. Тамъ обижаетесь или нѣтъ, а я всегда правду-матку скажу. Не хорошо.

И штабъ-ротмистръ всталъ и отвернулася отъ Ростова.

— Пг'ава, чог'тъ возьми! закричалъ Денисовъ начиная горячиться и взглядывая на Ростова. — Ну, Г'остовъ! ну, Г'остовъ! ну, къ чог'ту *fausse honne* всакую, ну!

Ростовъ краснѣя и блѣднѣя смотрѣлъ то на одного, то на другаго офицера.

— Нѣтъ, господа, нѣтъ.... вы не думайте.... я очень понимаю, вы напрасно обо мнѣ думаете такъ.... я.... для меня.... я за честь полка.... да что? это на дѣлѣ я покажу, и для меня честь знамени.... ну, все равно, правда, я виноватъ!... — Слезы стояли у него въ глазахъ. — Я виноватъ, кругомъ виноватъ!... Ну, что вамъ еще?...

— Вотъ это такъ, графъ, поворачиваясь крикнулъ штабъ-ротмистръ, ударяя его большою рукой по плечу.

— Я тебѣ говогию, закричалъ Денисовъ, — онъ, чог'тъ возьми. малый славный.

— Такъ-то лучше, графъ, повторилъ штабъ-ротмистръ, какъ будто за его призваніе начиная величать его титуломъ. — Подите и извинитесь, ваше сіятельство, да-съ.

— Господа, все сдѣлаю, никто отъ меня слова не услышитъ, умоляющимъ голосомъ проговорилъ Ростовъ, — но извиниться

— Ну, ваша воля, сказалъ штабъ-ротмистръ.—Чтожь, мерзавецъ-то этотъ куда дѣлся? спросилъ онъ у Денисова.

— Сказался большимъ, завтг'а велѣно пг'иказомъ истребить. Охъ, попадись онъ мнѣ, проговорилъ Денисовъ,—какъ муху г'аздаваю.

— Это болѣзнь, иначе нельзя объяснить, оказалъ штабъ-ротмистръ.

— Ужь тамъ болѣзнь, не болѣзнь, а пг'истг'ивалъ бы съ г'адостью, кровожадно прокричалъ Денисовъ.

Въ комнату вошелъ Жерковъ.— Ты какъ? обратился вдругъ офицеры къ вошедшему.

— Походъ, господа, Маккъ въ плѣнъ сдался и съ арміей, со-всѣмъ.

— Врешь!

— Самъ видѣлъ.

— Какъ? Макка живаго видѣлъ? съ руками, съ ногами?

— Походъ! Походъ! Дать ему бутылку за такую новость. Ты какъ же сюда попалъ?

— Опять въ полкъ выслали, за чорта, за Макка. Австрійскій генералъ пожаловался. Я его поздравилъ съ прїѣздомъ Макка.

— Ты что, Ростовъ, точно изъ баи?

— Тутъ, братъ, у насъ такая каша второй день.

Вошелъ полковой адъютантъ и подтвердилъ извѣстіе, привезенное Жерковымъ. На завтра велѣно было выступать.

— Походъ, господа.

— Ну, и слава Богу, засидѣлись.

VI.

Кутузовъ отступилъ къ Вѣнѣ, уничтожая за собой мосты на рѣкахъ Иннѣ (въ Браунау) и Траунѣ (въ Линцѣ). 23-го октября русскія войска переходили рѣку Энсъ. Русскіе обозы, артиллерія и колонны войскъ въ серединѣ дня танулись черезъ городъ Энсъ, по сю и по ту сторону моста. День былъ теплый, осенній и дождливый. Пространная перспектива, раскрывавшаяся съ возвышенія, гдѣ стояли русскія батареи защищавшія мостъ, то вдругъ затягивалась кисейнымъ занавѣсомъ косаго дождя, то вдругъ расширялась и, при свѣтѣ солнца, далеко и ясно становились видны предметы, точно покрытые лакомъ. Виднѣлся городокъ подъ ногами съ своими бѣлыми домами и красными крышами, соборомъ и мостомъ,

по обѣимъ сторонамъ котораго, толпясь, лежали массы русскихъ войскъ. Видѣлись на поворотѣ Дуная суда и островъ, и замокъ съ паркомъ, окруженный водами впаденія Эвса въ Дунай, видѣлся лѣвый скалистый и покрытый сосновымъ лѣсомъ берегъ Дуная, съ таинственною далью зеленыхъ вершинъ и голубѣющими ущельями. Видѣлись башни монастыря, выдававшася изъ-за сосноваго, казавшагося ветронутымъ, дикаго лѣса, и далеко впереди на горѣ, по ту сторону Эвса, видѣлись развѣзды непріятеля.

Между орудіями, на высотѣ, стояли впереди начальникъ арріергарда генералъ съ свѣтскимъ офицеромъ, рассматривая въ трубу мѣстность. Нѣсколько позади сидѣлъ на хоботѣ орудія князь Несвицкій, посланный отъ главнокомандующаго къ арріергарду. Казакъ, сопутствовавшій Несвицкому, подавалъ сумочку и флажку, и Несвицкій угощалъ офицеровъ пирошками и настоящимъ допелькюмелемъ. Офицеры радостно окружали его, кто на козлянахъ, кто сидя, по-турецки, на мокрой травѣ.

— Да, не дуракъ былъ этотъ австрійскій князь, что тутъ замокъ выстроилъ. Славное мѣсто. Что же вы не ѣдите, господа? говорилъ Несвицкій.

— Покорно благодарю, князь, отвѣчалъ одинъ изъ офицеровъ, съ удовольствіемъ разговаривая съ такимъ важнымъ штабнымъ чиновникомъ.— Прекрасное мѣсто. Мы мимо самаго парка проходили, двухъ оленей видѣли, и домъ какой чудесный!

— Посмотрите князь, сказалъ другой, которому очень хотѣлось взять еще пирожка, но совѣстно было, и который поэтому притворялся что онъ оглядываетъ мѣстность,—посмотрите-ка ужъ забрались туда наши пѣхотные. Вонъ тамъ, на лужку, за деревней, трое тащутъ что-то. Они проберутъ этотъ дворецъ, сказалъ онъ съ видимымъ одобреніемъ.

— И то, и то, сказалъ Несвицкій.—Нѣтъ, а чего бы я желалъ, прибавилъ онъ, прожевывая пирожокъ въ своемъ красивомъ влажномъ ртѣ,—такъ это вонъ туда забраться.— Онъ указывалъ на монастырь съ башнями, видѣвшійся на горѣ. Онъ улыбнулся, глаза его сгузились и засвѣтились.— А вѣдь хорошо бы, господа!

Офицеры засмѣялись.

— Хоть бы поугатъ этихъ монашенокъ. Италияки, говорятъ, есть молоденькія. Право, пять лѣтъ жизни отдалъ бы.

— Имъ вѣдь и скучно, князь, смѣясь сказалъ офицеръ, который былъ посмѣяше.

Между тѣмъ свитскій офицеръ, стоявшій впереди, указывалъ что-то генералу; генералъ смотрѣлъ въ зрительную трубку.

— Ну такъ и есть, такъ и есть, сердито сказалъ генералъ, опуская трубку отъ глазъ и пожимая плечами,—такъ и есть, станутъ бить по переправѣ. И что они тамъ мѣшкуютъ?

На той сторонѣ простымъ глазомъ виденъ былъ непріятель и его батарея, изъ которой показался молочво-бѣлый дымокъ. Вследъ за дымкомъ раздаеся дальній выстрѣлъ, и видно было какъ наши войска заспѣшили на передравѣ.

Несвицкій, отдуваясь, подвывая, и улыбаясь, подошелъ къ генералу.

— Не угодно ли закусить вашему превосходительству, сказалъ онъ.

— Не хорошо дѣло, сказалъ генералъ, не отвѣчая ему,—замѣшкались наши.

— Не съѣздить ли ваше превосходительство? сказалъ Несвицкій.

— Да, съѣздите, пожалуйста, сказалъ генералъ, повторяя то что уже разъ подробно было приказано,—и скажите гусарамъ, чтобъ они послѣдніе перешли и зажгли мостъ, какъ я приказывалъ, да чтобы горючіе матеріалы на мосту еще осмотрѣть.

— Очень хорошо, отвѣчалъ Несвицкій.

Онъ кликнулъ казака съ лошадыю, велѣлъ убрать сумочку и фляжку, и легко перекинулъ свое тяжелое тѣло на сѣдло.

— Право, завѣду къ монашенкамъ, сказалъ онъ офицерамъ, съ хитрою улыбкой глядѣвшимъ на него, и поѣхалъ по вьющейся тропинкѣ подъ гору.

— Нутка, куда донесеть, капитанъ, хватите-ка, сказалъ генералъ, обращаясь къ артиллеристу.—Позабавьтесь отъ скуки.

— Прислуга къ орудіямъ! скомандовалъ офицеръ, и черезъ минуту весело выбѣжали отъ костровъ артиллеристы и зарядили.

— Первое! послышалась команда.

Бойко отскочилъ 1-й номеръ. Металлически оглушая зазвѣло орудіе, и черезъ головы всѣхъ нашихъ подъ горой, свиста, перелетѣла граната, и далеко не долетѣвъ до непріятеля, дымкомъ показала мѣсто своего паденія и лопнула.

Лица солдатъ и офицеровъ повеселѣли при этомъ звукѣ; всѣ подвинулись и занялись наблюденіями надъ видными какъ на ладони движеніями вблизи нашихъ войскъ и впереди движеніями приближавшагося непріятеля. Солнце въ ту же минуту

совѣтъ вышло изъ-за тучъ, и этотъ красивый звукъ одиокаго выстрѣла и блескъ яркаго солнца слились въ одно бодрое и веселое впечатлѣнiе.

VII.

Надъ мостомъ уже пролетѣли два непріятельскія ядра, и на мосту была давка. Въ серединѣ моста, сѣзши съ лошади, прижатый своимъ толстымъ тѣломъ къ периламъ, стоялъ князь Несвицкій. Онъ, смѣючись, оглядывался назадъ на своего казака, который съ двумя лошадьми въ поводу стоялъ нѣсколько шаговъ позади его. Только-что князь Несвицкій хотѣлъ двинуться впередъ, какъ опять солдаты и повозки напирали на него и опять прижимали его къ периламъ, и ему ничего не оставалось какъ улыбаться.

— Экой ты, братецъ мой! говорилъ казакъ фурштатскому солдату съ повозкой, напиравшему на толпившуюся у самыхъ колесъ и лошадей пѣхоту:—экой ты! Нѣтъ чтобы подождать, видишь, генералу проѣхать.—Но фурштатъ, не обращая вниманія на наименованіе генерала, кричалъ на солдата, запружавшихъ ему дорогу. — Эй! землячки! держись влѣво, стой! Но землячки, тѣсясь плечо съ плечомъ, цѣпляясь штыками и не прерываясь, двигались по мосту одною сплошною массой. Поглядѣвъ за перилы внизъ, князь Несвицкій видѣлъ быстрыя, шумныя, невысокія волны Эвса, которыя, сливаясь, рябѣя и забухая около свай моста, переговляли одна другую. Поглядѣвъ на мостъ, онъ видѣлъ столь же однообразныя, живыя волны солдатъ, кутасы, кивера съ чаклами, ранцы, штыки, длинныя ружья и изъ-подъ киверовъ лица съ широкими скулами, ввалившимися щеками и беззаботно усталыми выраженіями, и движущіяся ноги по ватасканной на доски моста липкой грязи. Иногда между однообразными волнами солдатъ, какъ взбрызгъ бѣлой пѣны въ волнахъ Эвса, протискивался между солдатами офицеръ въ плащѣ съ своею отличною отъ солдатъ физиономіей, иногда какъ щенка вьющаяся по рѣкѣ, уносился по мосту волнами пѣхоты пѣшій гусарь, деньщикъ или житель, иногда какъ бревно плывущее по рѣкѣ, окруженная со всѣхъ сторонъ проплывала по мосту ротная или офицерская, наложенная доверху и прикрытая кожами, повозка.

— Вишь, ихъ какъ плотину прорвало, безнадежно останавливаясь, говорилъ казакъ. — Много ль васъ еще тамъ?

— Меліонъ безъ одного! подмигивая говорилъ близко про-

ходившій въ прорванной шинели веселый солдатъ, и скрывался; за нимъ проходилъ другой, старый солдатъ.

— Какъ онъ (онъ—непріятель) таперича по мосту приметса чесать, говорилъ мрачно старый солдатъ, обращаясь къ товарищу,—забудешь чесаться; и солдатъ проходилъ. За нимъ другой солдатъ ѣхалъ на повозкѣ.

— Куда, чортъ, подвертки запахалъ? говорилъ деньщикъ, бѣгомъ слѣдуя за повозкой и шара въ задкѣ. И этотъ проходилъ съ повозкой.

За этимъ шли веселые и видимо выпившіе солдаты.

— Какъ онъ его, милый человекъ, подыхнетъ прикладомъ-то, въ самыя губы.... радостно говорилъ одинъ солдатъ, въ высоко подоткнутой шинели, широко размахивая рукой.

— То-то оно, сладкая ветчина-то, отвѣчалъ другой съ хотомъ. И они прошли, такъ-что Несвицкій не узналъ, кого ударили въ зубы и къ чему относилась ветчина.

— Экъ торопятся, что онъ холодную пустилъ. Такъ и думаешь всѣхъ перебьютъ, говорилъ унтеръ-офицеръ сердито и укоризненно.

— Какъ оно пролетитъ мимо меня, дяденька, ядро-то, говорилъ едва удерживаясь отъ смѣха съ огромнымъ ртомъ молодой солдатъ, — я такъ и обмеръ. Право, ей Богу, такъ испужался, бѣда! говорилъ этотъ солдатъ, какъ будто хвастаясь тѣмъ что онъ испугался.

И этотъ проходилъ; за нимъ слѣдовала повозка, не похожая на всѣ проѣзжавшія до сихъ поръ. Это былъ нѣмецкій форшпанъ на парѣ, нагруженный, казалось, цѣлымъ домомъ; за форшпаномъ, который везъ Нѣмецъ, привязана была красивая, пестрая, съ огромнымъ выемъ, корова. На перинахъ сидѣла женщина съ груднымъ ребенкомъ, старуха и молодая, багрово-румяная, здоровая дѣвушка, Нѣмка. Видно, по особому разрѣшенію, были пропущены эти выселявшіеся жители. Глаза всѣхъ солдатъ обратились на женщинъ, и пока проѣзжала повозка, двигаясь шагъ за шагомъ, всѣ замѣчанія солдатъ относились только къ двумъ женщинамъ. На всѣхъ лицахъ была почти одна и та же улыбка непристойныхъ мыслей объ этой женщинѣ.

— Ишь колбаса-то, тоже убирается.

— Продай матушку, ударяя на послѣднемъ словѣ, говорилъ другой солдатъ обращаясь къ Нѣмцу, который, опустивъ глаза, сердито и испуганно шелъ широкимъ шагомъ.

— Экъ убралась какъ! То-то черти!

— Вотъ бы тебѣ къ нимъ стоять, Федотовъ!

— Видали, братъ!

— Куда вы? спрашивалъ пѣхотный офицеръ ѣвній яблоко, тоже полуулыбаясь и глядя на красивую дѣвушку. Нѣмецъ, закрывая глаза, показывалъ, что не понимаетъ.

— Хочешь, возьми себѣ, говорилъ офицеръ, подавая дѣвушкѣ яблоко.

Дѣвушка улыбнулась и взяла. Несвицкій, какъ и всѣ бывшіе на мосту, не спускалъ глазъ съ женщины, пока онѣ не проѣхали. Когда онѣ проѣхали, опять шли такіе же солдаты, съ такими же разговорами, и наконецъ всѣ оставились. Какъ это часто бываетъ, на выѣздѣ моста замаялись лошади въ ротной повозкѣ, и вся толпа должна была ждать.

— И что становятся? Порядку-то нѣтъ! говорили солдаты.— Куда прешь? Чортъ! Нѣтъ того чтобы подождать. Хуже того будетъ, какъ онъ мостъ подожжетъ. Вишь и офицера-то приперли, говорили съ разныхъ сторонъ остановившіяся толпы, оглядывая другъ друга, и все жались впередъ къ выходу. Оглянувшись подъ мостъ на воды Эаса, Несвицкій вдругъ услышалъ еще новый для него звукъ, быстро приближающагося..... чего-то большаго и чего-то шлепнувагося въ воду.

— Ишь ты куда фатаетъ! строго сказалъ близко стоявшій солдатъ, оглядываясь на звукъ.

— Подбадриваетъ, чтобы скорѣй проходили, сказалъ другой неспокойно.

Толпа опять тронулась. Несвицкій понялъ, что это было ядро.

— Эй, казакъ, подавай лошадей! сказалъ онъ. — Ну, вы! сторонись! сторонись! дорогу!

Онъ съ большимъ усиліемъ добрался до лошади. Не переставая кричать, онъ тронулся впередъ. Солдаты пожались, чтобы дать ему дорогу, но снова опять нажали на него такъ что отдавали ему ногу, и ближайшіе не были виноваты, потому что

бѣлакъ, и махая невынутою изъ ноженъ саблей, которую онъ держалъ такою же красною, какъ и лицо, голою, маленькою рукой.

— Э! Вася! отвѣчалъ радостно Несвицкій. — Да ты что?

— Эскадр'ону пр'ойдти нельзя, кричалъ Васька Денисовъ злобно открывая бѣлые зубы, шпора своего красиваго вороного, кроваваго Бедуина, который, мигая ушами отъ штыковъ, на которые онъ натыкался, фыркая, брызгая вокругъ себя пѣной съ мундштука, звеня билъ копытами по доскамъ моста и, казалось, готовъ былъ перепрыгнуть черезъ перилы моста, ежели бы ему позволилъ сѣдокъ. — Что это? какъ баг'аны! точь въ точь баг'аны! точь.... дай дог'огу!... Стой тамъ! ты, повозка, чо'гть! саблей изг'ублю!... кричалъ онъ, дѣйствительно, вынимая наголо саблю и начиная махать ею.

Солдаты съ испуганными лицами нажались другъ на друга, и Денисовъ присоединился къ Несвицкому.

— Что же ты не пьянъ нынче? сказалъ Несвицкій Денисову, когда онъ подѣхалъ къ нему.

— И напиться-то вг'емени не дадутъ! отвѣчалъ Васька Денисовъ. — Цѣлый день то туда, то сюда таскаютъ поакъ. Дг'аться такъ дг'аться. А то чо'гть знаетъ что такое!

— Какимъ ты щеголемъ нынче! оглядывая его новый ментикъ и вальтрапъ, сказалъ Несвицкій.

Денисовъ улыбнулся, досталъ изъ ташки платокъ, распространявшій запахъ духовъ, и сунулъ въ носъ Несвицкому.

— Нельзя, въ дѣло иду! выбг'ился, зубы вычистилъ и надушился.

Осаиная фигура Несвицкаго, сопровождаемая казакомъ, и рѣшительность Денисова, махавшаго саблей и отчаянно кричавшаго, подѣйствовали такъ, что они протискались на ту сторону моста и остановили пѣхоту. Несвицкій напелъ у выѣзда полковника, которому ему надо было передать приказаніе, и исполнивъ свое порученіе, поѣхалъ назадъ.

Разчистивъ дорогу, Денисовъ остановился у входа на мостъ. Небрежно сдерживая равнагося къ своимъ и бившаго ногой жеребца, онъ смотрѣлъ на двигавшійся ему на встрѣчу эскадронъ. По доскамъ моста раздались прозрачные звуки копытъ, какъ будто скакало нѣсколько лошадей, и эскадронъ съ офицерами впереди, по четыре человекъ въ рядъ, растаялся по мосту и сталъ выходить на ту сторону.

Молодой красавецъ Перокскій, лучший ѣздокъ полка и богачъ, на трехтысячномъ жеребцѣ, каракалируя, ѣхалъ въ замкъ. Остановленные пѣхотные солдаты, толпясь въ растоптанной

у моста грязь, съ тѣмъ особеннымъ недоброжелательнымъ чувствомъ отчужденности и насмѣшки, съ какимъ встрѣчаются обыкновенно различные роды войскъ, смотрѣли на чистыхъ, щеголеватыхъ гусаръ, стройно проходившихъ мимо ихъ.

— Нарядные ребята! только бы на Подновинское!

— Чтò отъ нихъ проку! Только на показъ и водять! говорилъ другой.

— Пѣхота, не пыли! шутилъ гусаръ, подъ которымъ лошадь, заигравъ, брызнула грязью въ пѣхотинада.

— Прогонялъ бы тебя съ ранцемъ перехода два, шкурки-то бы повытерлись, обтирая рукавомъ грязь съ лица, говорилъ пѣхотинецъ; — а то не человекъ, а птица сидитъ!

— То-то бы тебя, Зикивъ, на коня посадить, ловокъ бы ты былъ, шутилъ ефрейторъ надъ худымъ, скрюченнымъ отъ тяжести ранца, солдатикомъ.

— Дубинку промежъ ногъ возьми, вотъ тебѣ и конь буде, отозвался гусаръ.

VIII.

Остальная пѣхота поспѣшно проходила по мосту, спираясь воронкой у входа. Наконецъ повозки всѣ прошли, давка стала меньше, и послѣднй батальонъ вступилъ на мостъ. Два гусары эскадрона Денисова оставались по ту сторону моста противъ непріятеля. Непріятель, вдалекѣ видный съ противоположной горы, снизу отъ моста не былъ еще виденъ, такъ какъ изъ лоцины, по которой текла рѣка, горизонтъ оканчивался противоположнымъ возвышеніемъ не дальше полуверсты. Впереди была пустыня, по которой кое-гдѣ шевелились кучки нашихъ разъѣздныхъ казаковъ. Вдругъ на противоположномъ возвышеніи дороги показались войска въ синихъ капотахъ и артиллерія. Это были Французы. Разъѣздъ казаковъ рысью отошелъ подъ гору. Всѣ офицеры и люди эскадрона Денисова хотя и старались говорить о постороннемъ и смотрѣть по сторонамъ, не переставали думать только о томъ чтò было тамъ, на горѣ, и безпрестанно все вглядывались въ выходящія на горизонтъ пятна, которыя они признавали за непріятельскія войска. Погода послѣ полудня опять прояснилась, солнце ярко спускалось надъ Дунаемъ и окружающими его темными горами. Было тихо, и съ той горы изрѣдка долетали звуки рожковъ и криковъ непріятеля. Между эскадрономъ и непріятелями уже никого не было, кромѣ не-

кихъ разъядовъ. Пустое пространство, саженой въ триста, отдѣляло ихъ отъ него. Непріятель пересталъ стрѣлять, и тѣмъ яснѣе чувствовалась та строгая, грозная, неприступная и неуправляемая черта, которая раздѣляетъ два непріятельскія войска.

Одинъ шагъ за эту черту, напоминающую черту отдѣляющую живыхъ отъ мертвыхъ, и неизвѣстность страданія и смерть. И что тамъ? кто тамъ? тамъ за этимъ полемъ, и деревомъ, и крышею, освѣщенной солнцемъ? Никто не знаетъ, и хочется знать, и страшно перейти эту черту, и хочется перейти ее, и знаешь, что рано или поздно придется перейти ее и узнать что тамъ, по той сторонѣ черты, какъ и неизбѣжно узнать что тамъ, по ту сторону смерти. А самъ силенъ, здоровъ, веселъ и раздраженъ, и окруженъ такими здоровыми и раздраженно-оживленными людьми. Хотя и не думаетъ, но чувствуетъ все это всякій человѣкъ, находящійся въ виду непріятеля, и чувство это придаетъ особенный блескъ и радостную рѣзкость впечатлѣній всего происходящаго въ эти минуты.

На бугрѣ у непріятеля показался дымокъ выстрѣла, и ядро, свистя, пролетѣло надъ головами гусарскаго эскадрона. Офицеры, стоявшіе вмѣстѣ, разъяхались по мѣстамъ, гусары старательно стали выравнивать лошадей. Въ эскадронѣ все замолкло. Всѣ поглядывали впередъ на непріятеля и на эскадроннаго командира, ожидая команды. Пролетѣло другое, третье ядро. Очевидно, что стрѣляли по гусарамъ; но ядро, равномерно быстро свистя, пролетало надъ головами гусаръ и ударилось гдѣ-то сзади. Гусары не оглядывались, но при каждомъ звукѣ пролетающаго ядра, будто по командѣ, весь эскадронъ съ своими однообразно-разнообразными лицами и подстриженными усами сдерживалъ дыханье, пока летѣло ядро, и напрягая мышцы ногъ въ натянутыхъ, синихъ рейтузахъ, приподнимался на стременахъ и снова опускался. Солдаты, не поворачивая головы, косились другъ на друга, съ любопытствомъ высматривая впечатлѣніе товарища. На каждомъ лицѣ, отъ Демисова до горниста, показалась около губъ и подбородка одна общая черта борьбы раздраженности и волненія. Вахмистръ хмурился, оглядывая солдатъ, какъ будто угрожая наказаніемъ. Юнкеръ Мионовъ нагибался при каждомъ пролетѣ ядра. Ростовъ, стоя на лѣвомъ флангѣ на своемъ тронутомъ ногами, но видномъ Грачикѣ, имѣлъ счастливый видъ ученика вызваннаго передъ большою публикой къ экзамену, въ которомъ онъ увѣренъ, что отличится. Онъ ясно и свѣтло оглядывался на всѣхъ, какъ бы прося обратить вниманіе на то какъ

онъ спокойно стоитъ подъ ядрами. Но и въ его лицѣ та же черта чего-то новаго и строгаго, противъ его воли, показывалась около рта.

— Кто тамъ кланяется? Юнкеръ Миг'оновъ! Не хог'ош, на меня смотг'ите! закричалъ Денисовъ, которому не стоялось на мѣстѣ и который вертѣлся на лошади передъ эскадрономъ.

Курносое и черно-волосатое лицо Васьки Денисова, и вся его маленькая, сбитая фигурка съ его жилистой, съ короткими пальцами, покрытыми волосами, кистью руки, въ которой онъ держалъ эфесъ вынутой наголо сабли, было точно такое же какъ и всегда, особенно къ вечеру, послѣ выпитыхъ двухъ бутылокъ. Онъ былъ только болѣе обыкновеннаго красенъ, и задравъ свою мохнатую голову кверху, какъ птицы, когда онъ пьютъ, безжалостно вдавивъ своими маленькими ногами шпоры въ бока добраго Бедуина, онъ, будто падая назадъ, поскакалъ къ другому флангу эскадрона, и хриплымъ голосомъ закричалъ, чтобъ осмотрѣли пистолеты. Проѣздомъ взглянулъ онъ на замковаго красавца-офицера Перовскаго, и послѣшнью отвернулся.

Перовскій въ своей гусарской полуформѣ, на своемъ тысячномъ конѣ, былъ очень красивъ. Но красивое лицо его было блѣдно какъ снѣгъ. Кровный его жеребецъ, чуя страшные надъ головой звуки, приходилъ въ то рывое бѣшенство породистой и выѣзженной лошади, которое такъ любятъ дѣти и гусары. То онъ фыркалъ, звеня цѣпочкой и кольцами мундштука, и билъ мускулистою, тонкою ногой землю, иногда не доставая ее, махалъ по воздуху, то направо и налево поворачивая, насколько пускалъ мундштукъ, свою сухую голову, косился выпучканнымъ и налитымъ кровью чернымъ глазомъ на сѣдока. Денисовъ, сердито отвернувшись отъ него, направился къ Кирстену. Штабъ-ротмистръ, на широкой и степенной кобылѣ, шагомъ ѣхалъ навстрѣчу Денисову. Штабъ-ротмистръ съ своими длинными усами былъ серьезенъ какъ и всегда, только глаза его блестѣли болѣе обыкновеннаго.

— Ваше пр'евосходительство! позвольте атаковать! я ихъ опг'окину!

— Какія тутъ атаки, сказалъ начальникъ скучливымъ голосомъ, морщась какъ отъ докучливой мухи. — И зачѣмъ вы тутъ стоите? Видите, фланкеры отступаютъ? Ведите назадъ эскадронъ.

Эскадронъ перешелъ мостъ и вышелъ изъ-подъ выстрѣловъ не потерявъ ни одного человѣка. Вслѣдъ за нимъ перешелъ и второй эскадронъ, бывший въ цѣпи, и послѣдніе казаки очисти́ли ту сторону.

IX.

Два эскадрона Павлоградцевъ, перейдя мостъ, одинъ за другимъ пошли назадъ въ гору. Полковой командиръ, Карлъ Богдановичъ Шубертъ, подѣхалъ къ эскадрону Денисова и ѣхалъ шагомъ, недалеко отъ Ростова, не обращая на него никакого вниманія, несмотря на то что послѣ бывшаго столкновенія за Телянина, они видѣлись теперь въ первый разъ. Ростовъ, чувствуя себя во фронтѣ во власти человѣка, передъ которымъ онъ теперь считалъ себя виноватымъ, не спускалъ глазъ съ атлетической спины, бѣлокурога затылка и красной шеи полковаго командира. Ростову то казалось, что Богданъ только притворяется невнимательнымъ, и что вся цѣль его теперь состоитъ въ томъ, чтобъ испытать храбрость юнкера, и онъ выпрямлялся и весело оглядывался; то ему казалось, что Богданъ нарочно ѣдетъ близко, чтобы показать Ростову свою храбрость. То ему думалось, что врагъ его теперь нарочно пошлетъ эскадронъ въ отчаянную атаку, чтобы наказать его, Nicolas. То думалось, что послѣ атаки онъ подойдетъ къ нему и великодушно протянетъ ему, раненому, руку примиренія.

Знакомая Павлоградцамъ, съ высокоподнятыми плечами, фигура Жеркова подѣхала къ полковому командиру. Жерковъ, послѣ своего изгнанія изъ главнаго штаба, не остался въ полку, говоря, что онъ не дуракъ во фронтѣ ляжку тянуть, когда онъ при штабѣ, ничего не дѣлая, получить награду больше, и умѣлъ пристроиться ординарцемъ къ князю Багратиону. Онъ прѣхалъ къ своему бывшему начальнику съ приказаніемъ отъ начальника арріергарда.

— Полковникъ, сказалъ онъ съ своею мрачною серіозностью,

обращаясь ко врагу Nicolas Ростова и оглядывая товарщицъ,— велѣно остановиться, мостъ зажечь.

— Кто велѣно? угрюмо спросилъ полковникъ.

— Ужь я и не знаю, полковникъ, *кто велѣно*, наивно и серьезно отвѣчалъ корнетъ, — но только мнѣ князь приказалъ: „поѣзжай и скажи полковнику, чтобы гусары вернулись скорѣй и зажгли бы мостъ“.

Вслѣдъ за Жерковымъ къ гусарскому полковнику подѣхалъ свитскій офицеръ съ тѣмъ же приказаніемъ. Вслѣдъ за свитскимъ офицеромъ, на казачьей лошади, которая наслуу несла его гамомъ, подѣхалъ толстый Несвицкій.

— Какже, полковникъ, кричалъ онъ еще на вѣдѣ,—я вамъ говорилъ мостъ зажечь; а теперь кто-то перевралъ, тамъ всѣ съ ума сходятъ, ничего не разберешь.

Полковникъ неторопливо остановилъ полкъ и обратился къ Несвицкому:

— Вы мнѣ говорили про горючія вещества, сказалъ онъ,—а про то чтобы зажигать, вы мнѣ ничего не говорили.

— Да какже, батюшка, заговорилъ остановившись Несвицкій, снимая фуражку и расправляя пухлою рукой мокрые отъ пота волосы,—какже не говорилъ, что мостъ зажечь, когда горючія вещества положили.

— Я вамъ не „батюшка“, господинъ штабъ-офицеръ, а вы мнѣ не говорили, чтобы мостъ зажигать! Я служба знаю, и мнѣ въ привычка приказанія строго исполнять. Вы сказали, мостъ зажгутъ, а кто зажгутъ, я святымъ духомъ не могу знать....

— Ну вотъ всегда такъ, махнувъ рукой сказалъ Несвицкій.

— Ты какъ здѣсь? обратился онъ къ Жеркову.

— Да затѣмъ же. Однако ты отсырѣлъ, дай я тебя выжму.

— Вы сказали, господинъ штабъ-офицеръ, продолжалъ полковникъ обиженнымъ тономъ....

— Полковникъ, перебилъ свитскій офицеръ,—надо торопиться, а то непріятель пододвинетъ орудія на картечный выстрѣлъ.

Полковникъ молча посмотрѣлъ на свитскаго офицера, на толстаго штабъ-офицера, на Жеркова и нахмурился.

— Я буду мостъ зажигать, сказалъ онъ торжественнымъ тономъ, какъ будто несмотря на всѣ дѣлаемая ему непріятности, онъ выражалъ этимъ свое великодушіе.

Ударивъ своими длинными, мускулистыми ногами лошаадь, какъ будто она была во всемъ виновата, полковникъ выдвинулся впередъ, и 2-му эскадрону, тому самому, въ которомъ слу-

жилъ Ростовъ подъ командою Денисова, командовалъ вернуться назадъ къ мосту.

„Ну, такъ и есть,“ подумалъ Ростовъ, — „онъ хочетъ испытать меня!“ — Сердце его сжалось, и кровь бросилась къ лицу. — „Пускай посмотритъ, трусь ли я?“ подумалъ онъ.

Опять на всѣхъ веселыхъ лицахъ людей эскадрона, появилась та серьезная черта, которая была на нихъ въ то время, какъ они стояли подъ ядрами. Nicolas, не спуская глазъ, смотрѣлъ на своего врага, полковаго командира, желая найти на его лицѣ подтвержденіе своихъ догадокъ; но полковникъ ни разу не взглянулъ на Nicolas, а смотрѣлъ, какъ всегда во фронтъ, строго и торжественно. Послышалась команда.

— Живо! Живо! проговорило около него нѣсколько голосовъ. Цѣпляясь саблями за поводья, гремя шпорами и торопясь, слѣзали гусары, сами не зная что они будутъ дѣлать. Гусары крестились. Ростовъ уже не смотрѣлъ на полковаго командира, ему некогда было. Онъ боялся, съ замираніемъ сердца боялся какъ бы ему не отстать отъ гусаръ. Рука его дрожала, когда онъ передавалъ лошадь коноводу, и онъ чувствовалъ какъ со стукомъ приливаетъ кровь къ его сердцу. Денисовъ, заваливаясь назадъ и крича что-то, проѣхалъ мимо него. Nicolas ничего не видѣлъ, кромѣ бѣжавшихъ вокругъ него гусаръ, цѣплявшихся шпорами и бречавшихъ саблями.

— Носилки! крикнулъ чей-то голосъ сзади. Ростовъ не подумалъ о томъ что значить требованіе носилокъ, онъ бѣжалъ, стараясь только быть впереди всѣхъ; но у самаго моста онъ, не смотря подъ ноги, попалъ въ вязкую, растоптанную грязь и споткнувшись упалъ на руки. Его обѣжали другіе.

— По *обой* сторона, ротмистръ, послышался ему голосъ полковаго командира, который, захвативъ впередъ, сталъ верхомъ недалеко отъ моста съ торжествующимъ и веселымъ лицомъ.

Ростовъ, обтирая испачканныя руки о рейтузы, оглянулся на своего врага и хотѣлъ бѣжать дальше, полагая, что чѣмъ онъ дальше уйдетъ впередъ, тѣмъ будетъ лучше. Но Богданъ, хотя и не глядѣлъ, и не узналъ Ростова, крикнулъ на него:

— Кто по срединѣ моста бѣжитъ? На права сторона! Юнкеръ, назадъ! сердито закричалъ онъ.

Но и тутъ Карлъ Богдановичъ не обратилъ на него вниманія; за то онъ обратилась къ Денисову, который, щеголяя храбростью, вѣхалъ верхомъ на доски моста.

— Зачѣмъ рискуайтъ, ротмистръ! Вы бы слѣзали, сказалъ полковникъ.

— Э! виноватаго найдеть, отвѣчалъ Васька Денисовъ, поворачиваясь на сѣдлѣ.

Между тѣмъ Несвицкій, Жерковъ и свитскій офицеръ стояли вмѣстѣ, вѣ выстрѣловъ, и смотрѣли то на ту, то на эту небольшую кучку людей, въ желтыхъ киверахъ, темно-зеленыхъ курткахъ, расшитыхъ осурками, и синихъ рейтузахъ, копошившихся у моста, то на ту сторону, на приближавшіеся вдалекѣ синіе капоты и группы съ лошадьми, которыя легко можно было признать за орудія.

„Зажгутъ или не зажгутъ мостъ? Кто прежде? Они добьются и зажгутъ мостъ, или Французы подѣдутъ на картечный выстрѣлъ и перебьютъ ихъ?“ Эти вопросы, съ замираніемъ сердца, невольно задавалъ себѣ каждый изъ того большого количества войскъ, которыя стояли надъ мостомъ, и при яркомъ вечернемъ свѣтѣ смотрѣли на мостъ и гусаровъ, и на ту сторону, на подвигавшіеся синіе капоты со штыками и орудіями.

— Охъ! достанется гусарамъ! говорилъ Несвицкій, не дальше картечнаго выстрѣла теперь.

— Напрасно онъ такъ много людей повелъ, сказалъ свитскій офицеръ.

— И въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Несвицкій.—Тутъ бы двухъ молодцовъ послать, все равно бы.

— Ахъ, ваше сіятельство, вмѣшался Жерковъ, не спуская глазъ съ гусаръ, но все съ своею наивною манерой, изъ-за которой нельзя было догадаться, серьезно ли то что онъ говорить, или нѣтъ.— Ахъ, ваше сіятельство! Какъ вы судите! Двухъ человекъ послать, а намъ-то кто же Владимира съ бавтомъ дастъ? А такъ-то, хоть и поколотятъ, да можно эскадронъ представить, и самому бавтику получить. Нашъ Богданъчъ порядку знаетъ.

— Ну, сказалъ свитскій офицеръ, — это картечь.

хватая за руку свитскаго офицера.—Посмотрите, упалъ одинъ, упалъ, упалъ.

— Два, кажется?

— Былъ бы я царь, никогда бы не воевалъ. И что они такъ долго!

Французскія орудія послѣшно заряжали. Пѣхота бѣгомъ двинулась къ мосту. Опять, во въ равныхъ промежуткахъ, показались дымки, и защелкала, и затрещала картечь по мосту. Но въ этотъ разъ Несвицкій не могъ видѣть что дѣлалось на мосту. Съ мосту поднялся густой дымъ. Гусары успѣли зажечь мостъ, и французскія батареи стрѣляли по нимъ уже не для того чтобы помѣшать, а для того что орудія были наведены и было по комъ стрѣлять.

Французы успѣли сдѣлать три картечные выстрѣла, прежде чѣмъ гусары вернулись къ коноводамъ. Два залпа были сдѣланы невѣрно и картечь всю перенесло, но за то послѣдній выстрѣлъ попалъ въ середину кучки гусаръ и повалилъ троихъ.

Nicolas Ростовъ, озабоченный своими отношеніями къ Богдану, остановился на мосту, не зная что ему дѣлать. Рубить (какъ онъ всегда воображалъ себѣ сраженіе) было некогда, помогать въ заженіи моста онъ тоже не могъ, потому что не взялъ съ собою, какъ другіе солдаты, жгута соломы. Онъ стоялъ и оглядывался, какъ вдругъ затрещало по мосту будто рассыпанные орѣхи, и одинъ изъ гусаръ, ближе всѣхъ бывшій отъ него, со стономъ упалъ на перила. Nicolas подбѣжалъ къ нему вѣстѣ съ другими. Опять закричалъ кто-то: „Носилки!“ Гусара подхватили четыре человѣка и стали поднимать.

— Оооо!.. Бросьте, ради Христа, закричалъ раненый, но его все-таки подняли и положили. Фуражка упала съ него. Ее подняли и бросили въ носилки. Nicolas Ростовъ отвернулся, и какъ будто отыскивая чего-то, сталъ смотрѣть на даль, на воду Дуная, на небо, на солнце. Какъ хорошо показалось небо, какъ голубо, спокойно и глубоко! какъ ярко и торжественно опускающееся солнце! какъ ласково глядявито блестяа вода въ далекомъ Дунаѣ! И еще лучше были далекія, голубющія за Дунаемъ горы, монастырь, таинственныя ущелія, залитые до макушъ туманомъ сосновые лѣса.... тамъ тихо, счастливо.... „Ничего, ничего бы я не желалъ, ничего бы не жалѣлъ, ежели бы я только былъ тамъ“, думалъ Nicolas. „Во мнѣ одномъ и въ этомъ солнцѣ такъ много счастья, а тутъ... стоны страданія, страхъ и эта неясность, эта послѣшность.... Вотъ опять кричатъ что-то и опять всѣ побѣжали куда-то назадъ,

и я бѣгу съ ними, и вотъ она, вотъ она смерть надо мной, вокругъ меня.... мгновенье, и я никогда уже не увижу этого солнца, этой воды, этого ущелья....“ Въ эту минуту солнце стало скрываться за тучами; впереди Nicolas показались другія носики. И страхъ смерти и носилокъ, и любовь къ солнцу и жизни, все слилось въ одно болѣзненно-тревожное впечатлѣнiе.

„Господи Боже! Тотъ, Кто тамъ въ этомъ небѣ, спаси, прости и защити меня!“ прошепталъ про себя Nicolas.

Гусары подбѣжали къ коноводамъ, голоса стали громче и спокойнѣе, носики скрылись изъ глазъ.

— Чтò, бг'ать, поюхалъ пог'оху?... прокричалъ ему надъ ухомъ голосъ Васьки Денисова.

„Все кончилось, но я трусь, да, я трусь,“ подумалъ Nicolas, и тяжело вздыхая, взялъ изъ рукъ коновода своего отставшаго ногу Грачика и сталъ садиться:

— Что это была картечь? спросилъ онъ у Денисова.

— Да еще какая! прокричалъ Денисовъ:—молодцами г'аботали! А г'абота сквег'ная! Аткаа любезное дѣло, тамъ весь гог'ишь, себя не помнишь, а тутъ чог'тъ знаетъ чтò, бьютъ какъ въ мшень.

И Денисовъ отъѣхалъ къ остановившейся недалеко отъ Ростова группѣ полковаго командира, Несвицкаго, Жеркова и свитскаго офицера.

„Однако, кажется, никто не замѣтилъ“, думалъ про себя Ростовъ. И дѣйствительно никто ничего не замѣтилъ, потому что каждому было знакомо то чувство, которое испыталъ въ первый разъ необстрѣленный юнкеръ.

— Вотъ намъ реляція и будетъ, сказалъ Жерковъ, — глядишь, и меня въ подпоручики произведутъ.

— Доложите князу, что я мостъ зажигаю, сказалъ полковникъ торжественно и весело.

— А коли про потерю спросить?

— Пустячокъ! пробасилъ полковникъ:—два гусара равено, и одинъ на-посалъ, сказалъ онъ съ видимою радостью, не въ си-

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. Сергія Соловьева. Томъ пятнадцатый. (Исторія Россіи въ эпоху преобразованія. Томъ третій.)
Москва, 1865 г.

Недавно вышелъ въ свѣтъ новый томъ обширнаго труда нашего извѣстнаго историка. Онъ посвященъ знаменательнымъ годамъ въ судьбахъ русскаго народа, когда вступила въ періодъ своего разгара Сѣверная Война, а изъ-подъ дѣятельныхъ рукъ энергическаго генія Россіи выходили многостороннія преобразованія, безостановочно слѣдуя одно за другимъ и сливаясь въ цѣлую стройную систему. Одна часть труда доведена авторомъ до Полтавской битвы, этой рѣзкой черты, отдѣляющей два періода великой войны, а равно царствованія Петра и жизни Россіи, какъ европейской державы. Другая занята изложеніемъ вопросовъ, касающихся администраціи, суда, законодательства, финансовъ, церкви, народнаго просвѣщенія и внутреннихъ волненій въ первые годы XVIII столѣтія.

Г. Соловьевъ и въ новомъ томѣ своей исторіи остается вѣрнымъ и правымъ послѣдователемъ въ основаніе его тру-

оцѣнки не обращено даже особаго вниманія историкомъ, что мы могли бы счесть за пробѣлъ и упущеніе въ его трудѣ, еслибъ изъ прежнихъ работъ автора не замѣтили его *сознательной* рѣшимости устранять полемику изъ своей ученой *Исторіи Россіи*. Но если общій характеръ труда остается тѣмъ же и въ новомъ томѣ *Исторіи*, то съ другой стороны, обиліе, занимательность и важность матеріаловъ, въ особенности не обнаруженныхъ доселѣ, огромное значеніе изображаемаго періода въ исторіи русскаго народа, все это не могло остаться безъ вліянія на характеръ и форму изложенія. Задача русскаго историка усложнялась, рамка передъ нимъ расширялась; Петръ Великій требовалъ для себя много мѣста въ общемъ планѣ; можно ли было отнестись равнодушно къ чрезвычайному перевороту, путемъ котораго древняя Россія переходила въ новую?

Мы не имѣемъ въ виду подробно разбирать трудъ г. Соловьева и намѣрены въ предлагаемой статьѣ только подѣлиться съ читателемъ *впечатлѣніями*, полученными нами отъ знакомства съ новымъ томомъ *Исторіи Россіи*. Мы ограничимся внѣшнею политикою Россіи въ началѣ XVIII вѣка, ея отношеніями къ европейскимъ державамъ, положеніемъ и значеніемъ, ей среди нихъ принадлежавшими.

Что представляла Европа въ разсматриваемую нами эпоху? Германія была подъ гнетомъ болѣе полуторы тысячи владѣтельныхъ князьковъ, которые, при всемъ своемъ ничтожествѣ, усиливались наперерывъ другъ передъ другомъ подражать блестящему и могущественному властителю Франціи, на котораго они смотрѣли какъ на полубога. Эти затѣи имперскихъ князей, — между которыми раздробилась власть нѣмецкаго императора и вслѣдствіе того лишилась всякаго значенія, — стоили страшныхъ жертвъ ихъ подданнымъ, и безъ того раззореннымъ. Силы, которыя могли бы руко-

дѣемъ играть видную роль среди германской націи и, озаренное недавнею славой фербеллинской побѣды, жило свѣжимъ и гордымъ воспоминаніемъ о своемъ „великомъ курфирствѣ“. Предъ этимъ государствомъ историческій путь былъ открытъ и трудами прозаическихъ, трудолюбивыхъ и разчетливыхъ правителей XVII вѣка разчищенъ для многознаменательной дѣятельности Фридриха II. Уже обозначалось и направление дальнѣйшаго развитія государства: фербеллинская побѣда влекла Бранденбургъ къ западу, по берегу Балтійскаго моря, и въ то же время восточная Пруссія сбрасывала съ себя левное господство Польши. Даже Фридрихъ III, по натурѣ совершенно не похожій на своихъ предшественниковъ, этотъ веселый курфирствъ, не равнодушный къ очарованіямъ Версальскаго двора, и онъ не думалъ сворачивать съ пути начертаннаго исторіей: онъ не нарушилъ военномѣщанскаго величія Пруссіи, но еще поднялъ его, украсивъ свою голову королевскою короною. Посреди раздробленной Германіи, готовой подчиниться всякой дѣйствительной силѣ, *королевская* Пруссія не могла съ этихъ поръ жить въ ладу съ *императорскою* Австріей: уже при второмъ ея королѣ разрывъ глухо подготавливался, чтобъ еще до начала второй половины столѣтія разразиться громами силезскихъ войнъ. Но въ описываемое время юное прусское государство еще недостаточно оперилось, для того чтобы принять на себя роль руководителя Германіи. Столь же мало была способна къ выполненію этой задачи и Австрія, упорно державшаяся застарѣлыхъ привычекъ въ своей политикѣ, какъ вѣдшей, такъ и внутренней. Механическая смѣсь различныхъ народностей, опиравшаяся на корыстолюбивое феодалное дворянство, на испанскихъ іезуитовъ, управляемая вялыми, напыщенными императорами и подкупными министрами, Австрія равнодушно смотрѣла на отпаденіе нѣмецкихъ земель къ Франціи, даже на позорное отнятіе Страсбурга Людовикомъ XIV. Австріи ли было заботиться объ интересахъ имперіи, когда она не въ силахъ была охранять самоё себя? Съ трудомъ только-что выдержала она грозное возстаніе Венгріи, опиравшейся на Порту, причемъ король польскій стоялъ во главѣ защитниковъ, спасавшихъ Вѣну отъ Турокъ, а принцъ Савойскій отбилъ у послѣднихъ охоту къ наступательнымъ дѣйствіямъ. И напрасно, въ разсматриваемые нами годы, на императорскомъ престолѣ

на мгновение появилась болѣе живая и свѣжая личность: попытка безвременно умершаго Иосифа I пробудить отъ сна нѣмецкій міръ осталась безуспѣшною и исчезла почти безъ слѣда. Силезскіе громы разразились надъ неприготовленною Австріей, и окрѣпшая къ тому времени Пруссія имѣла полное основаніе оспаривать у нея господство въ Германіи.

Таково было политическое состояніе центра Европы въ началѣ XVIII вѣка. Не менѣе безотрадно было положеніе ея сѣверныхъ и южныхъ предѣловъ. Значеніе Даніи, столь замѣтное въ теченіи среднихъ вѣковъ, падаетъ на порогъ новой исторіи: паденіе, вызванное появленіемъ на историческое поприще новыхъ политическихъ силъ, уже не могло быть остановлено никакими мѣрами, даже тѣмъ укрѣпленіемъ внутренней организаціи государства, которое обнаружилось около половины XVII вѣка. Данія принуждена была подѣлиться своимъ морскимъ значеніемъ съ Англіей, Швеціей и Пруссіей. Потрясенная жестокими слѣдствіями Тридцатилѣтней войны и ослабленная потерями отъ войны съ Карломъ X шведскимъ, она вздумала-было, въ описываемое нами время, вознаградить себя, пользуясь слабостію Европы и юностію шведскаго короля. Но могла ли знать Данія какую бурю воздвигаетъ она противъ себя! Юный король оказался знаменитымъ Карломъ XII, а присвоеніе Шлезвига неизбѣжно вело Данію къ союзу съ Россіей, результатомъ чего было возбужденіе противъ нея вражды и подозрительности державъ, участвовавшихъ въ выгодахъ сѣверно-европейскаго морскаго пути.

Одна изъ этихъ державъ, Голландская республика, была около этого времени на мгновение задержана на пути своего развитія, отчасти борьбою внутреннихъ политическихъ партій, а еще болѣе опустошеніями, произведенными въ ней войсками Людовика XIV. Она желала только мира, а между тѣмъ должна была принять дѣятельное участіе въ новой упорной войнѣ, поднятой тогда противъ преобладанія Франціи: не могла же она отвѣчать равнодушіемъ на призывъ своего Вильгельма Оранскаго. Этотъ мудрый руководитель европейской политики начала прошлаго вѣка, наглядно связывая съ континентомъ отброшенный отъ него островъ, которому принадлежитъ одна изъ первыхъ ролей въ новой европейской исторіи.

Англія также переживала тяжелую пору. Она только-что

отстрадала двѣ революціи, и новая династія едва успѣла утвердиться на престолѣ. Правда, политическая свобода націи вышла счастливою побѣдительницей изъ жестокой борьбы съ абсолютизмомъ Стюартовъ, но требовалось время для того, чтобы страна оправилась отъ неизбежныхъ слѣдствій внутреннихъ потрясеній. Не говоря про матеріальныя потери, довольно указать на два обстоятельства. Съ одной стороны страдалъ весь строй политическихъ учреждений Англіи отъ развращенія, внесеннаго этимъ временемъ въ среду парламента. Съ другой, вопросъ династическій не былъ еще рѣшенъ сполна. Стюарты были живы и стояли хвостомъ у блестящей версальской кометы. На этотъ блескъ были доврѣчиво обращены взоры многочисленныхъ членовъ духовной и свѣтской аристократіи Англіи, неравнодушныхъ къ изгнанной династіи и пылавшихъ ненавистію къ вигамъ, на которыхъ оперся новый царствующій домъ.

Испанія, игравшая одну изъ важнѣйшихъ ролей въ Европѣ при двухъ первыхъ Габсбургахъ, пала съ каждымъ десятилетіемъ все рѣшительнѣе. На ея тронѣ сидѣло поколѣніе эпигоновъ, умѣвшихъ вырабатывать лишь тотъ мертвенный придворный этикетъ, котораго старалась подражать Европа, пока еще не всходила на ея политическомъ небосклонѣ звѣзда Людовика XIV. Страна была истощена, а государственная казна почти совершенно стояла пустою, какъ бездонный сосудъ, который тысячами для благосостоянія націи. Продавались государственныя должности; закладывались государственныя имущества и доходы; всѣ прибыльныя занятія и, казалось, сама земля испанская спѣшили безвозвратно скользя въ руки авантюристовъ-кредиторовъ. Въ то же время фанатическое духовенство усердно развивало свою печальную дѣятельность, говоря на народъ спящихъ и равнодушный ко всему, кромѣ ополченій политическихъ увлеченій: налагалась послѣдняя рука на Мавры, строилось огромное количество новыхъ монастырей, восстанавливались грозные старые законы противъ еретиковъ. И въ при такомъ-то положеніи дѣлъ внутри страны, правительство увлекалось непонятною воинственностію. Тяжко отзысались на плечахъ народа участіе въ Тридцатилѣтней войнѣ, выходы въ Италію и Голландію, стремленія герцога Оливана, бывшаго безпокойною мыслію и душою ничтожнаго ре

Филиппа IV. Всѣмъ слѣдствіямъ такого печальнаго порядка вещей подвергались, конечно, и земли входившія въ составъ испанской монархіи. Сицилія страдала отъ безсилія королевской власти, смиравшейся предъ могущественною старинною аристократіей, высасывавшею силы народа. Неаполь, напротивъ, терпѣлъ отъ разгула злоупотребленій испанскаго правительства, которое крѣпко поддерживалось духовенствомъ, желавшимъ сбросить съ себя иго панской куріи, и долго пользовалось непримиримою ненавистію между дворянскимъ и городскимъ сословіями въ странѣ. Миланъ принужденъ былъ болѣе и болѣе поступаться своими древними средне-вѣковыми привилегіями въ пользу тяжкаго военнаго устройства. Революція подняла-было голову на разныхъ пунктахъ державы. Каталонія и Арагонія, Андалузія и Неаполь попытались свергнуть съ себя мучительное иго; но результатомъ были неудача и усиленіе страданій. Арагонія утрачивала свое свободное государственное устройство, Каталонія должна была распрощаться на вѣки съ своимъ морскимъ значеніемъ, точно также какъ Валенсія съ своею замѣ- тельною земледѣльческою культурой. А народъ снова погружался въ непробудный сонъ: исключительнымъ идеаломъ его стремленій становилась бесполезная и тщетная гордость гидальго да мертвое удивленіе монастыря. Стоявшіе надъ народомъ кортесы, стражи его политической свободы, умѣли только возносить жалобныя моленія къ лику Св. Яго или Св. Терезы, препираясь еще о томъ: кто изъ этихъ святыхъ способенъ оказать болѣе дѣйствительную помощь? Возстаніе одной провинціи, искусственно соединенной съ Испаніей непреклонною волею Филиппа II, было удачно. Пользуясь истощеніемъ Мадридскаго двора и постояннымъ стремленіемъ Франціи овладѣть частицами имперіи пиренейской монархіи, Португалія, послѣ шестидесяти-лѣтняго подчиненія, свергла съ себя несносное владычество Габсбурговъ. Къ несчастію, не на радость странѣ совершилась эта катастрофа: одно иго смѣнилось другимъ, и Бургундскій домъ оказался не лучше Габсбургскаго. Третій представитель этой династіи на португальскомъ престолѣ умѣлъ что-то изъ кортесы и ввелъ господство абсолютизма; а его прѣдшественникъ, современный разсматриваемой нами эпохѣ, Юанъ V, такъ подчинился иезуитамъ, этой обычной язвѣ Пиреней-

скаго полуострова, что заслужилъ у святаго отца имя „наибъриѣйшаго сына“. Съ потерей внутренней независимости, Португалія, естественно, должна была надолго распротиться и съ политической самостоятельностью: она стала покорнымъ орудіемъ сначала франко-голландскаго союза, а потомъ Англій.

Папская держава могла спорить съ испанскою въ ничтожествѣ и вредоносности. Послѣ Тридцатилѣтней войны, она стала болѣе и болѣе терять дѣйствительную государственную силу въ собственныхъ предѣлахъ, сохраняя лишь идеальное значеніе въ католическихъ странахъ Европы. Папству приходилось вести упорную и неравную борьбу съ старшею своею дочерью, Франціей Людовика XIV, и при этомъ еще испытывать измѣну передовыхъ бойцовъ своей арміи, отцовъ-иезуитовъ. А внутри Церковной области власть папы повсегому ускользала изъ его рукъ, устремляясь отчасти къ быстро-возраставшему аристократическому сословію, всего же болѣе къ государственнымъ чужеземнымъ кредиторамъ. Подымались голоса, предсказывавшіе гибель папской державы, и современному взгляду кажется, будто италянскій народъ инстинктивно чувствовалъ великую историческую роль, которую судьба приберегала на долю герцогства Савойи и Пиемонта. А на престолѣ этого герцогства сидѣлъ, именно въ описываемое время, одинъ изъ наиболее энергическихъ представителей доблестной фаланги правителей маленькой страны, носившей въ себѣ залогъ будущаго обновленія исторической жизни Италіи. Викторъ Амадей II храбро и искусно проводилъ свой чолнъ по волнамъ политическаго моря, на которомъ опасными скалами были для него французскіе Бурбоны и австрійскіе Габсбурги. Вслѣдъ за повышеніемъ Пруссіи на лѣстницѣ титуловъ, Европа увидѣла еще новаго *короля* въ лицѣ ловкаго политическаго кормчаго Савойи.

Для Порты миновали уже безвозвратно золотые годы побѣдъ варянской и могочской, когда она приводила въ трепетъ всю Европу и вызывала святаго отца на бесплодное объявленіе обще-христіанскаго крестоваго похода. Сила восточнаго деспотизма слабѣла вслѣдствіе постепеннаго перехода власти отъ султана къ визирамъ и сераю; оригинальная система ленныхъ отношеній, питавшихъ завоевательныя стремленія народа и составлявшихъ основу военнаго могущества государства, клонилась къ разложенію. Блестящій талантъ Евгенія Савойскаго могъ вынудить у Порты, на порогѣ XVIII

вѣка, первый рѣшительно невыгодный для нея миръ и втиснуть ее въ предѣлы, изъ которыхъ она уже не могла потомъ выйдти. Послѣ Карловицкаго мира Порта перемѣнила фронтъ: она усиливалась укрѣпиться въ своихъ южныхъ предѣлахъ, на Пелопоннесскомъ полуостровѣ, и бросая несбыточную мысль объ успѣхахъ въ западной Европѣ, стала безпокойно слѣдить за восточною. Она чувствовала, что въ лицѣ перерождавшейся Россіи для нея возставалъ новый страшный врагъ, который, не медля, возьмется за окончательное разрушеніе ея европейскаго значенія.

Вотъ состояніе болѣе или менѣе важныхъ государствъ западной Европы при ея переходѣ изъ XVII вѣка въ XVIII. Застой, отсутствіе творящихъ силъ поражаютъ взоръ историка, вглядывающагося въ эту картину. И она дѣйствительно представляла бы полное жизненное затишье, еслибы въ системѣ европейскихъ политическихъ тѣлъ не было позабытой въ нашемъ очеркѣ Франціи. Это государство употребило XVII вѣкъ на выработку идей своего знаменитаго кардинала. Въ Лудовикѣ XIV идея Ринелье доведена была до крайняго предѣла и слилась съ столь прирожденнымъ Франціи стремленіемъ къ призраку военной славы и ко всемірному законодательству. Съ восшествіемъ на престолъ Лудовика XIV, она развила изумительную внѣшнюю дѣятельность, пуская въ ходъ или войска, или вѣсь своего уже грознаго имени, или деньги, до которыхъ были падки тогдашніе министры западной Европы. Ея блестящій монархъ столь же деспотически обращался съ географіей какъ и съ своимъ народомъ; онъ началъ уничтожать Рейнъ и спѣшилъ вычеркнуть изъ дипломатической карты Европы имя Пиренеевъ. Первый годъ XVIII столѣтія засталъ Лудовика XIV надъ усиліями слѣлать Испанію составною частью Франціи, посадивъ на ея тронъ своего внука. Правда, это удалось ему вполне, даже въ томъ отношеніи, что новая династія въ Испаніи оказалась достойною преемницей ничтожныхъ представителей вымирающаго Габсбургскаго дома — слѣдовательно, была готовымъ орудіемъ въ рукахъ версальскаго правительства. Но чего это и стоило Франціи! Сверхъ ожиданія, Европа потеряла терпѣніе. Рѣшившись укротить завоевательные порывы Франціи, она поддѣлялась съ единодушіемъ и энергіей, давно въ ней небывалыми. Разразилась грозная борьба. Голландія, западныя области Нѣмецкой имперіи, Пиемонтъ,

Испанія обогрѣлась кровью народовъ. Всѣ нити политической жизни западной Европы были крайне напряжены.

Во время разгара этой борьбы, охватившей большую часть государствъ западной Европы, на востокъ народъ, мало знакомый Европѣ, еще не сказавшій своего слова въ европейской исторіи — уединенно трудился надъ рѣшеніемъ своихъ собственныхъ жизненныхъ задачъ. Это былъ *русскій народъ*. Онъ стоялъ внѣ могущественной системы державъ, сплоченныхъ воедино взаимодѣйствиємъ интересовъ. Частію съ обиднымъ, но понятнымъ невниманіемъ, частію съ презрѣніемъ, въ которомъ слышались чувства вражды и загадочнаго страха, смотрѣла Европа на новорожденное, восточное; государство. Какъ въ кукламерное диво вглядывалась она въ гениальнаго сѣвернаго варвара, когда онъ неожиданно появился среди ея народовъ. О его отдаленной державѣ думали, что это „край свѣта“, что она — „съ Индіями граничитъ,“ и „дьяволъ ихъ знаетъ, что про нее говоритъ!“ * Понятно, что при такомъ понятіи о вещахъ, западъ легко могъ вѣрить и всякой небылицѣ, прилагавшейся къ государству Петра: свободно разгуливая напримѣръ по Европѣ сказка о томъ, какъ разгнѣванный царь велѣлъ вѣрному наперснику казнить свое дѣтище и какъ тотъ спасъ царевича, повѣсивъ¹ вмѣсто него солдата.... Люди, наѣзжавшіе изъ этой диковиной страны въ цивилизованныя западныя земли, подвергались самой неслыхательной критикѣ: каждый ихъ шагъ наблюдали, порицали, осмѣивали. Законодатель вразовъ и приличій, „умный и политическій народъ французскій“ горячо жаловался на Русскихъ, „которые досаждали ему своими дуростями: пріѣзжали съ торгами только для своей прибыли; ничего не искали къ пользѣ государя своего у короля; только дѣлали неприличные, гордые запросы; короля презирали; съ министрами ласковаго и честваго обхожденія не имѣли; людей держали при себѣ озорниковъ, пьяницъ, драчуновъ.“ ** Оттого на русскихъ пословъ вовсе не смотрѣли въ Европѣ какъ на министровъ, а смотрѣли какъ на хитрыхъ провѣдывальщиковъ; оттого-то и обращались съ ними какъ будто съ зачумленными, забывая смыслъ и величіе ихъ сана. Въ Вѣнѣ, продажный Кауницъ не хочеть

* Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XV, стр. 69.

** Тамъ же, стр. 72.

и говорить съ Голлицынымъ, а другіе смѣются надъ представителями русской державы, и гдѣ же? среди ничтожѣйшаго и нечлвчѣйшаго изъ германскихъ правительствъ. Бывало еще и хуже. Матвѣевъ уѣхалъ изъ Англіи отъ „христовенавистнаго народа“ и „каналъскаго злочестія“ обобранный кредиторами, избитый людьми, арестовавшими его по предписанію купеческаго шерифа *; сласкомъ искривляя Порта держала Толстаго въ плѣну, и ему буквально приходилось голодать по цѣлымъ днямъ. Только одинъ папа оказывалъ нѣкоторую благосклонность къ Россіи; но за то сколько было обиднаго въ этой милости св. отца: какъ подачку отъ своего стола, предлагалъ онъ сѣверному гиганту „повисить его маестать (титуль)“, „для его чести.“ **

Такое отношеніе Европы къ Россіи и русскимъ людямъ не представляетъ ничего неестественнаго. Новое государство круто и быстро повернувшее къ Западу, далеко не было къ тому приготовлено, и плохое отношеніе между его наличными средствами и ролью, какую оно рѣшилось завоевать себѣ, чувствовалось на каждомъ шагѣ. Скудость государственной казны была первою мучительною язвой Россіи въ эпоху преобразованія: русскій посланникъ долженъ былъ скаредничать и торговаться за границей, обходиться ласковыми словами тамъ гдѣ требовалось золото; изъ собственнаго кармана онъ приплачивалъ къ казенному содержанію, „на кормъ“, не говоря уже о каретѣ, лошадяхъ. Представитель Россіи заботился не о томъ, чтобы поражать пышностію и величіемъ, а только о томъ, чтобы „не на стыдъ“ своему отечеству отбыть тяжкую службу. Не вѣрила Европа въ существованіе какихъ-либо нравственныхъ силъ у пробудившагося сѣвернаго колосса. О русскомъ войскѣ судили по неорганизованнымъ толпамъ, стоявшимъ въ Польшѣ ***, и кололи глаза русскому человѣку позоромъ марскаго пораженія.

* Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XV стр. 351.

** Тамъ же, стр. 45. См. также стр. 109—111, гдѣ разказано объ интересномъ памфлетѣ противъ Россіи Нейгебауера и объ усміяхъ Петра путемъ печати же разрушать въ Европѣ невыгодный взглядъ на Россію.

„Побѣды, побѣды надъ непріятелемъ всякими способами домогаться нужно! писалъ Голицынъ изъ Вѣны: а иначе, если бы и вѣчный миръ мы учинили, то *стѣнной стыда чѣмъ заглядить?*“... *

Изъ переписки Петра съ лицами къ нему приближенными; изъ донесеній нашихъ заграничныхъ пословъ, дословно приводимыхъ г. Соловьевымъ, отлично рисуется фizioномія русскаго дипломата того времени, напрашиваясь на сравненіе съ стоящими тутъ же, въ яркомъ контрастѣ, западно-европейскими характерами. Съ одной стороны, вѣтшія ловкость и умѣнье держать себя въ знакомой сферѣ придворнаго этикета, съ другой неуклюжесть и угловатость наружности и поступковъ; съ одной — скрытность, привычка къ внутренней сдержанности, съ другой, незастѣчивая откровенность и очень слабыя слѣды наивной дипломатической хитрости. Западный дипломатъ мѣняеть совѣсть на золото, и за золото почтасть измѣняеть своей странѣ; восточный, забывъ грѣхъ, не затрудняется прибѣгнуть и къ яду, для пользы своего дѣла. Въ самой рѣчи дипломатовъ, западнаго и восточнаго, была бездна различія: съ одной стороны слышались издалека поведенныя рѣчи и длинныя періоды, съ другой, мѣткія слова, тяжело строившіяся въ полусвязную рѣчь. Толстой желаетъ „чтобы воѣ въ Турціи передавались“, Долгорукій называетъ польскую націю „бестією, безъ разума ходящею“.**

Къ большому неудовольствію Европы, восточная ея половина не хотѣла болѣе жить удивленно, вѣдѣ дѣйствующаго міра, и стала вѣтшиваться въ сложныя дѣла запада. Петръ подмалъ борьбу, неравную, но съ богатствами силъ духа. Съ тѣмъ, что было подъ рукой, онъ уже пробился къ тому морю, пристаии коего справедливо почиталъ за „артерію, отъ которыхъ можетъ здравѣе и прибыльнѣе сердце государственное быть“, чрезъ котормя можно было непосредственно провакнуть въ міръ цивилизаціи. Въ Европѣ сначала не вѣрили всему этому, а потомъ вдругъ забила тревогу, на всѣхъ пунктахъ, — начиная съ „всеевропейской биржи“, Голландіи, — гдѣ „опасались ущерба своему купечеству отъ строенія нашихъ кораблей у Архангельска“, гдѣ со страхомъ думали о томъ, что

* Въ донесеніи русскому двору. Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XIV, стр. 44.

** Только Постниковъ, нашъ посланникъ въ Парижъ, замѣчательно отходить отъ общаго характера русскихъ дипломатовъ того времени. На его рѣчи лежитъ уже печать замѣтной искусственности.

Петръ станетъ „отверстыми воротами (т.-е. изъ пристаеи Балтійскаго моря) всюду входить свободно“, гдѣ заодно съ Англіей „трепетали великой силы его не меньше какъ и Француза“; общая тревога захватила императорскій сеймъ въ центрѣ Европы и оканчивалась столицей Турецкой имперіи. * Пруссія, еще малосильная, но уже начинавшая чувствовать свое будущее значеніе, „внушала всѣмъ государямъ Европы, что надобно опасаться усиленія державы Московской; если Москва вступитъ въ великій союзъ, вмѣшается въ европейскія дѣла, навывкнетъ воинскому искусству и сотретъ Шведа, который одинъ заслоняетъ отъ нея Европу, то нельзя будетъ ничѣмъ помѣшать ея дальнѣйшему распространенію въ Европѣ. Для предотвращенія этого, союзникамъ надобно удерживать царя внѣ Европы, не принимать его въ союзъ, мѣшать ему въ обученіи войска и поддерживать его враговъ.“ **

Пруссія говорила правду. Заслонялъ Европу отъ Россіи только Шведъ: государство, забытое нами въ предыдущемъ очеркѣ, поднималось теперь для удержанія Россіи въ ея прежнихъ предѣлахъ. Судьба этой скандинавской державы представляетъ особый интересъ по той загадочной неравномѣрности, съ которою она проявляется въ исторіи, то пребывая въ дремотѣ и неизвестности, то въ яркомъ блескѣ выступая на историческую арену, для того чтобы смутить Европу и потомъ смолкнуть и скрыться. Лѣтъ семьдесятъ тому назадъ Европа склонялась предъ могущественнымъ, даровитымъ и нравственно-привлекательнымъ королемъ Швеціи: и вотъ въ концѣ того же столѣтія, она снова изумлена и встревожена другимъ подобнымъ вождемъ, порожденнымъ тою же Швеціей. Дѣйствительно, въ умственной и нравственной физиономіи двухъ представителей скандинавской націи есть что-то сходное. Въ обоихъ та же энергія и талантаивость, та же смѣлость и рѣшительность;

* Уже въ 1700 году ясно замѣчаются нити дипломатической интриги

въ обоихъ та же пламенная любовь къ славѣ своей страны и стремленіе поднять ее до высоты европейскаго значенія. Не мѣшаетъ прибавить также, что на обоихъ герояхъ лежитъ какая-то дымка романтическаго свойства, которая до сихъ поръ привлекаетъ наши взоры, чрезъ разстояніе цѣлыхъ столѣтій. Интересная личность юнаго короля, въ извѣстномъ отношеніи, представляла достойнаго соперника Петру Великому. Увлекаемый жаждой борьбы и славы, подкрѣпляемый патриотическимъ стремленіемъ сдѣлать Швецію нераздѣльною владычицей сѣвернаго моря, Карлъ XII покидаетъ родину и рѣшается не слагать оружія, пока не предпшетъ сопернику условій въ самой Москвѣ. Но соперника этого нѣтъ въ Москвѣ, и онъ не теряетъ времени.

„Въ невскихъ устьяхъ спѣшили строить городокъ — морское пристанище для иностранныхъ судовъ; на берегахъ Свири кипѣла сильная работа, въ ветрунутыхъ до сихъ поръ лѣсахъ *ронили* громадныя деревья, и на новой верфи, въ Лодейномъ Полѣ, строили морскія военныя суда“, захватывали у Шведа старыя русскія города: Копорье, Ямбургъ; вся Ингрія была уже въ рукахъ Русскихъ, которые спѣшили погостить въ Эстоніи и Ливоніи; пали, наконецъ, и двѣ твердыни прибалтійскаго края, Дерптъ и Нарва. Петру нужно было спѣшить; время было дорого, и никто лучше его не сознавалъ этого. Обстоятельства были довольно благоприятны для Россіи. Европа, какъ сказано, была занята борьбой съ завоевательною Франціей. Но подъемъ Швеціи, могущественный и неожиданный, показался ей страшнѣе успѣховъ Россіи: онъ былъ грозенъ для системы всѣхъ прибалтійскихъ державъ и вызвалъ съ ихъ стороны оборонительный союзъ. Союзъ дѣйствительно состоялся, и Карлъ съ юношескимъ одушевленіемъ ринулся на передовые его посты, на Данію и Польшу. Петръ могъ быть на время спокоенъ, и мы сейчасъ видѣли, какъ употребилъ онъ ниспосланный ему благодатный досугъ.

Политика Петра была проста и естественна. Она всего лучше выясняется изъ сопоставленія его плановъ съ планами другаго современнаго ему политическаго дѣятеля, Паткула. Характеристика Паткула принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ самымъ удачнымъ и оживленнымъ страницамъ въ книгѣ г. Соловьева. Вотъ его Паткуль: „Петръ могъ сильно желать имѣть въ своей службѣ человѣка знаменитаго

своими способностями, знаніями, энергією, опытностію въ дѣлахъ европейскихъ. Но Паткуль былъ ниже своей репутаціи и далеко не оправдалъ надеждъ, возложенныхъ на него царемъ. Прежде всего Паткуль вступилъ въ русскую службу на время, какъ наемникъ, для достиженія своихъ частныхъ цѣлей, вовсе не думая усыновляться Россіи, отдать всего себя служебнѣ ей. Онъ оставался вполнѣ иностранцемъ для Россіи, для Русскихъ, и потому его внушенія и совѣты шли наперекоръ намѣреніямъ Петра. Петръ смотрѣлъ на военную и дипломатическую дѣятельность, какъ на школу, для русскихъ людей; ошибки, необходимыя вначалѣ, нисколько не смущали его; иностранцы были призываемы помогать дѣлу ученія, а не замѣнять Русскихъ, не отнимать у нихъ возможности упражненія, т.-е. ученія, не вытѣснять ихъ изъ школы. Но Паткуль, оставаясь вполнѣ иностранцемъ въ отношеніи къ Россіи, разумѣется, смотрѣлъ иначе: онъ внушалъ, что Русскіе не приготовлены къ дипломатическому поприщу, дѣлаютъ ошибки, а потому нужно замѣнить ихъ вездѣ искусными иностранцами. Петръ хотѣлъ выучить мало-по-малу русскіе полки военному искусству, считая лучшею школою войну. Паткуль совѣтовалъ пригласить не извѣстное количество иностранныхъ офицеровъ, но дѣшевые нѣмецкіе полки. Петръ хотѣлъ образовать искусныхъ генераловъ изъ своихъ Русскихъ: Паткуль совѣтовалъ набрать все иностранныхъ генераловъ, знаменитыхъ своими воинскими искусствами и предоставить имъ полную свободу наполнять свои полки офицерами, т.-е. иностранцами. Петръ съ первого же раза долженъ былъ помять Паткуля. Хотѣли воспользоваться его способностями за границей, пока его интересы были тѣсно связаны съ русскими интересами; брали въ службу людей, имъ предлагаемыхъ; внимательно прислушивались къ его совѣтамъ, учтиво отвѣчали на нихъ, но не исполняли. Паткуль, презиравшій русскихъ дипломатовъ, упрекавшій ихъ въ непростительныхъ ошибкахъ, Паткуль самъ не могъ быть полезенъ Россіи на дипломатическомъ поприщѣ: у него не доставало широкаго взгляда, которымъ бы онъ обнималъ всѣ интересы извѣстной страны, ясно понималъ ея положеніе и вѣрно выводилъ возможность для нея къ тому или другому дѣйствию. Оторванный отъ родной страны, и то не имѣвшей самостоятельности, блуждающая звѣзда на политическомъ горизонтѣ, Паткуль не зналъ странъ и народовъ,

ихъ исторіи и созданнымъ ею интересомъ: онъ зналъ только отдѣльныя лица, хотѣлъ имѣть дѣло съ отдѣльными личными побужденіями, ихъ заставлялъ играть; но эти мелкія средства одни не помогали. Паткуль считалъ, напримѣръ, мастерскимъ дѣломъ устроить такъ, чтобъ иностранный министръ былъ пойманъ на словахъ; но изъ этого, кромѣ раздраженія, не выходило ничего. Если читать донесенія Паткуля, то выходитъ, что онъ работаетъ неутомимо и отлично, а результатовъ никакихъ. Прибавимъ къ тому нестерпимый характеръ, неумѣнье себя сдерживать, жесткость, рѣзкость, чрезъ мѣру высокое мнѣніе о самомъ себѣ, низкое о другихъ, и мы поймемъ, почему Паткуль не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались.* * Петръ иначе смотрѣлъ на дѣло. Онъ зорко сѣдилъ лишь за *интересами* государствъ, и на лица, какъ на орудія временныя, которыми можно и управлять при случаѣ, не обращалъ большого вниманія. Петръ обладалъ тайной вѣрно взвѣшивать и понимать историческія силы и пружины. Заинтересованны и тѣ страницы въ трудѣ г. Соловьева, на которыхъ изображается какъ Паткуль выбивается изъ силъ, развѣзжается по Польшѣ, бросается въ Вѣну, завѣзжается въ Дрезденъ и въ Бранденбургъ, выходитъ изъ себя отъ хлопотъ, постоянно трубятъ трубу царю о необходимости спѣшить въ Польшу и тамъ нанести рѣшительный ударъ Карлу, соединившись съ прусскими, датскими и польскими войсками. А Петръ, въ отвѣтъ на это, дѣлаетъ и дѣлаетъ свое; ни на шагъ не отступая отъ разъ принятой мысли—задержать врага въ польскихъ владѣніяхъ подолье, набираясь между тѣмъ силъ, да прихватывая покинутыя хозяиномъ прибалтійскія крѣпости. Цѣль войны—Балтійское море, еще болѣе дорогое для Петра чѣмъ для Карла, и потому насколько позволяютъ обстоятельства, Петръ укрѣпляется на его берегахъ, а врага радъ задерживать вдали отъ спорнаго пункта какъ можно долѣе. Все это просто и вѣрно; но Паткуль не понималъ политики Петра, хотя успѣхъ дѣла не замедлилъ вполне оправдать ее.

Карлъ самъ „увязъ“ въ Польшѣ, и увязъ настолько именно, насколько требовали этого интересы Россіи. Въ началѣ обстоятельства, казалось, была противъ насъ. Какъ ни старался Григорій Долгорукій вселить въ Поляковъ духъ къ

*** Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XV, стр. 18—20.

звергическому отпору шведскому герою, дѣло не спорилось. „Богъ знаетъ, какіе безразсудные люди! пишетъ Долгорукій, не хотятъ смотрѣть на пользу своего государства, каждый смотритъ собственной прибыли, и если котораго непріятель не возьметъ за лобъ, то безъ великой неволи боронить не только свое государство, но и себя не хотятъ. Истинно, хотя съ ними альянсъ учиненъ будетъ, а продолженіе войны ихъ быть не чаю... Извѣстно, какое есть здѣсь постоянство... Къ тому же, не такъ они озлоблены на непріятеля, какъ давною злобу имѣютъ къ нашему народу, только дѣлать авно за скудостью и несогласіемъ не смѣютъ...“ * Въ самомъ дѣлѣ, въ Польшѣ дѣла шли „какъ молодая брага“, по мѣткому выраженію Петра. При такихъ условіяхъ страна представляла лакомую приманку для сосѣдей, у которыхъ уже зараждалась мысль о ея раздѣлѣ, то между Саксоніей, Давіей, Пруссіей и Россіей, то между Саксоніей, Пруссіей и Швеціей. ** Трудно было надѣяться, чтобы Поляки могли задержать Карла. Но таковъ былъ Карлъ, что Польша его задержала. Въмѣсто того чтобы, покончивъ съ Польшей, ринуться на Россію, онъ медлилъ, преслѣдуя всюду ненавистнаго ему польскаго короля. Послѣ катастрофы, разразившейся надъ саксонскими войсками подъ Ригой, въ 1701 году, мы встрѣляемъ въ письмахъ Карла выраженія о польскомъ королѣ, которыя отлично обрисовываютъ это чувство личной ненависти: „Поведеніе его (Августа) такъ позорно и гнусно, что заслуживаетъ мщенія отъ Бога и презрѣнія всѣхъ благомыслящихъ людей... Если король Августъ позволялъ себѣ разъ такой обманъ, то нельзя имѣть никакого довѣрія къ его слову; войти въ сношенія съ человѣкомъ, который такъ себя обезчестилъ, значитъ причинить ущербъ собственной чести.“ * Карлъ гонялся за Августомъ изъ Варшавы въ Краковъ, изъ Кракова въ сердце Саксоніи, пока, наконецъ, не выключилъ его изъ сонма политическихъ лицъ Европы. Тогда онъ „состряпалъ“ для Поляковъ новаго короля, подыавъ изъ ничтожества благодушнаго воеводу познанскаго, которому

о Балтійскомъ морѣ не могъ разрѣшиться въ Польшѣ, потому что не было силы, которая могла бы заставить Петра измѣнить своему плану. Онъ ожидалъ гостя дома, и Карлъ, наконецъ, углубился въ Россію. Тутъ только вполнѣ оказалось, какъ тяжела была эта борьба для нашего отечества! Загорѣлся Булавинскій бунтъ. Вздрогнула на мгновеніе юго-восточная наша Украина, воскресивъ въ себѣ память Разина. Но разгулъ беззавѣтнаго разбоя старой Россіи долженъ былъ тотчасъ же и навсегда склонить свою голову предъ могуществомъ Россіи новой. „Атаманы молодцы, писалъ Булавинъ къ охотникамъ: дорожные охотнички, вольные всякихъ чиновъ люди, воры и разбойнички! Кто похочетъ съ военнымъ походнымъ атаманомъ Кондратьемъ Аванасьевичемъ Булавинымъ, кто похочетъ съ нимъ погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поѣсть, на добрыхъ коняхъ поѣздить, то пріѣзжайте въ черны вершины Самарскія!“ Такова была повѣя прежней Россіи. Суровая проза новой Россіи отвѣчала: „Ходить (майору Долгорукому, отправленному на Донъ для усмиренія бунта) по тѣмъ городкамъ и деревнямъ, которые пристають къ воровству, и цыны жечь безъ остатку, а людей рубить, а заводчиковъ на колеса и колья, дабы тѣмъ удобнѣ оторвать охоту къ приставанью къ воровству людей; ибо сія сарынь, кромѣ жестоки, не можетъ унята быть“. ** Матежъ былъ сломленъ и раздавленъ въ то самое время, когда Петръ впервые сломилъ оружіе Шведа подъ Лѣснымъ. Эта побѣда подняла духъ Русскихъ и справедливо заслужила отъ Петра названіе „матери Полтавской батали“.

Послѣ „первой солдатской пробы“ ожидалось дѣло настоящее. И въ это-то время, едва успѣлъ улечься донской матежъ, стала волноваться, готовясь къ измѣнѣ царю, Украина Днѣпровская. Необыкновенное довѣріе Петра къ гетману Мазепѣ г. Соловьевъ объясняетъ „его отвращеніемъ къ малороссійскому безнарядью, къ недостойному поведенію старшины и полковниковъ, къ дрязгамъ, доносамъ, которыми они постоянно тревожили правительство. По своему характеру и стремленіямъ, Петръ болѣе чѣмъ кто-либо

* Последнія слова находятся у Frittell'а: *Lebensgeschichte Karl's des Zwölften*. Читатель найдетъ ихъ у Солов. т. 14, стр. 364.

** Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XV, стр. 243, и 247.

долженъ былъ не любить порядка вещей, господствовавшего въ Малороссіи; нашелъ онъ тамъ гетмана по себѣ, умнаго, благонамѣреннаго, зналъ, какъ враги подыскивались подъ этого гетмана, слышалъ его постоянныя жалобы на безарядье и естественно началъ питать отвращеніе къ безарядникамъ, естественно въ каждомъ движеніи, направленномъ противъ гетмана, видѣлъ движеніе, враждебное для государства, факцію непріятельскую.“*

Мазепа измѣнилъ, и его измѣна поразила Россію въ тотъ самый моментъ, когда ея войска все болѣе и болѣе сближались съ непріятельскими. Наконецъ настало и 27-е іюля. Сквозь синій пороховой дымъ и ряды штыковъ, изъ дыма полутора столѣтія, и теперь еще ясно рисуются въ нашемъ воображеніи оба героя этого дня.

„Два часа кипѣлъ отчаянный бой. Петръ распорядился въ огонь, шляпа его и сѣдло были проотрѣланы. Карла съ болною ногою возили въ коляскѣ между солдатскими рядами, какъ вдругъ пушечное ядро ударило въ коляску, и король очутился на землѣ. Солдаты находившіеся вблизи подумали, что Карлъ убитъ, и ужасъ овладѣвъ полками, уже и безъ того колебавшимися: Карлъ велѣлъ поднять себя и посадить на перекрещенныя пики; тутъ увидалъ онъ всеобщее замѣшательство своихъ и закричалъ въ отчаяніи: „Шведы! Шведы!“ Но Шведы бѣжали и не слышали голоса своего короля. Прискакалъ Реинфельдъ и успѣлъ проговорить: „Ваше величество, наша пѣхота потеряна! товарищи, спасайте короля!“ Съ этими словами онъ ринулся опять въ разстроенныя ряды своего войска и былъ взятъ въ плѣнъ. Тутъ всякій порядокъ исчезъ, и все бѣжало.“

Такимъ образомъ, сверхъ ожиданія, бой оказался легкимъ и быстрымъ. Шведы „скоро хребетъ показали“, по выраженію Петра: два часа рѣшили судьбу Россіи.

Никто лучше Петра не понималъ истиннаго значенія этого великаго историческаго момента. Казалось, сама исторія говорила его словами, когда онъ писалъ къ Апраксину: „нынѣ уже совершенно камень въ основаніе С.-Петербурга положенъ съ помощію Божію“. ** Побѣдители были объаты небывалою радостію; они забыли даже преслѣдовать непріятеля.

* Соловьевъ, *Исторія Россіи* т. XV, стр. 324.

** Тамъ же, стр. 377.

презрѣвая къ раздавленному гордому врагу: серьезно, не ради шуток, пьетъ онъ за здоровье своихъ *учителей*.

„Свейскій левъ“, большой и совершенно падшій духомъ, едва успѣваетъ сказать своимъ: „да, да, дѣлайте, что хотите“, и спѣшитъ къ предѣламъ Турціи.... Очевидно одинъ изъ важнѣйшихъ историческихъ вопросовъ времени былъ рѣшенъ, и рѣшенъ окончательно.

А. ТРАЧЕВСКІЙ.

НОВАЯ КНИГА

О

ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

На дняхъ французская публика была занята неожиданно ожившимъ вопросомъ: какъ должно судить о террорѣ 1793 года? Привесъ онъ пользу, или нѣтъ? Были ли Робеспьеръ, Сент-Жюсть и tutti quanti деспотами, подобныхъ которымъ мало найдется въ исторіи, или напротивъ, слѣдуетъ видѣть въ нихъ благодѣтелей рода человѣческаго? Трудно себѣ представить, съ какою ревностью принялся весь пишущій міръ за новое разрѣшеніе этихъ вопросовъ: изъ ежемѣсячныхъ журналовъ споръ перешелъ въ газеты, и почти ежедневно, на ряду со статьями о сентябрьской конвенціи или шлезвигъ-гольштейнскихъ дѣлахъ, французская публика могла услаждать себя длинными разглагольствованіями о характерѣ событій первой революціи. Вопросы, о которыхъ мы говоримъ, были возбуждены книгой, которой суждено было сдѣлаться своего рода событіемъ: мы говоримъ о сочиненіи г. Кине: *La Revolution*. Еслибы сомнѣніе въ заслугахъ революціонеровъ 1793 года выражено было писателемъ хотя бы съ такимъ талантомъ какъ Токвилль, но который подобно послѣднему стоялъ бы особнякомъ и не пользовался расположеніемъ извѣстной партіи, то это, конечно, не произвело бы такого шума; но тутъ, какъ нарочно, грѣхъ этотъ случился съ отчаяннымъ демократомъ, *démocrate de la veille, démocrate pur sang*, котораго никто,

конечно, не могъ заподозрить въ недоброжелательствѣ къ „великимъ принципамъ“, завѣщаннымъ французскою революціей. Какъ не придти въ отчаяніе отъ подобнаго скандала, и скандалъ былъ дѣйствительно великій! Г. Луи-Бланъ, вмѣшавшійся подъ самый конецъ въ борьбу, не могъ скрыть своего негодования: „Что касается книги, возбуждившей въ послѣднее время ожесточенную полемику, говоритъ онъ, я сожалѣю, что она появилась въ печати. Уважая характеръ г. Кине и удивляясь его таланту, я съ изумленіемъ (avec stupeur) задаю себѣ вопросъ, какимъ образомъ такой демократъ, какъ онъ, могъ оказать подобную услугу партіи враждебной революціи. Очевидно, онъ писалъ только то что думалъ: преклоняюсь предъ его чистосердечіемъ, но это не мѣшаетъ мнѣ держаться убѣжденія, что ошибка его принадлежитъ къ числу самыхъ наивныхъ....“

Нѣтъ ничего удивительнаго, что авторъ *Истории Революции*, всегда преклонявшійся предъ Робеспьеромъ, пораженъ появленіемъ книги г. Кине, но нельзя не удивляться что взгляды на французскую революцію, если не тождественные, то подобные взгляду г. Луи-Блана до сихъ поръ находятъ отголосокъ въ весьма распространенныхъ французскихъ изданіяхъ и раздѣляются довольно еще значительнымъ числомъ писателей. Неужели и теперь, послѣ столькихъ горькихъ опытовъ, усомниться въ результатахъ громаднаго переворота, которыми ознаменовался конецъ прошлаго столѣтія, и заклеймить образъ дѣйствій террористовъ, значить провиниться въ неслыханной ереси? Между тѣмъ по многимъ признакамъ можно было, казалось, думать, что въ общественномъ сознаніи Франціи произошелъ въ послѣднее время серьезный переворотъ, что страна уразумѣла главную причину неудачъ, испытанныхъ ею въ стремленіи водворить у себя господство политической свободы, и ждетъ только удобнаго случая, чтобы доказать это на дѣлѣ. Но какъ же вернуть родъ *Revolution* Кине можетъ возбуждать такіа **во** если негодод-
ткать

англа свои корни въ прошедшемъ и приготовила въ будущемъ диктатуру, приучивъ народъ преклоняться предъ деспотизмомъ въ самыхъ разнообразныхъ его видахъ и превращеніяхъ. „Нѣтъ, нѣтъ, что бы ни говорилъ авторъ, восклицаетъ г. Луи-Бланъ, — терроръ не былъ системой; нужно смотрѣть на него какъ на огромное несчастье, порожденное совершенно исключительными обстоятельствами. Возьмемъ какую угодно эпоху, какую угодно страну, и мы убѣдимся, что повсюду бывшая нападка вызываютъ отчаянное сопротивленіе. Англичане — народъ просвѣщенный, народъ гуманный и свободный; къ тому же современные намъ нравы не отличаются кровожадностью: а между тѣмъ какъ поступали Англичане въ Индіи, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ вспыхнуло тамъ возстаніе сипаевъ? Волосы дыбомъ поднимаются на головѣ при одномъ воспоминаніи о тогдашнихъ событіяхъ! Можно ли повѣрить, что туземцевъ принуждали привязывать своихъ собратій къ отверстию пушекъ, что на нихъ летѣли куски мяса, что ихъ обдавало кровью несчастныхъ жертвъ, и все это только для того чтобы внушить имъ спасительный страхъ. Въ революцію не происходило ничего подобаго. А ужасы, совершавшіеся въ Ямайкѣ, ужасы, которыми множество Англичанъ не задумалось бы аплодировать, еслибы только было имъ доказано, что бѣлое населеніе дѣйствительно подвергалось опасностямъ? Вотъ какимъ образомъ на нашихъ глазахъ и націй, ненавидящихъ все что сколько-нибудь отзывается диктатурой, установленъ былъ терроръ сначала въ Остѣ-Индіи, а потомъ на островѣ Ямайкѣ.“ Ясно, что хочетъ сказать г. Луи-Бланъ этими примѣрами: по его мнѣнію, революціонеры 1793 г. вовсе не были деспотами по принципу, но необходимость заставила ихъ прибѣгнуть къ кровавымъ средствамъ, когда коалиція евро-

дарность, льста самымъ грубымъ истинкамъ массъ и держа всю страну въ оцѣпелѣнннхъ своими неистовствами. Мы не говоримъ уже о приверженцахъ монархическаго начала, но развѣ Давтонъ, Камилль Демуленъ, жирондисты дѣйствовали заодно съ коалиціей? Развѣ можно упрекнуть ихъ въ томъ, что они стремились къ испроверженію республики? Самъ г. Луи-Бланъ не упрекаетъ ихъ ни въ чемъ подобномъ. Если они, а вмѣстѣ съ ними столько другихъ гражданъ, спесили голову на эшафотъ, то именно вслѣдствіе системы, — системы самой деспотической и кровожадной, которая когда-либо господствовала въ мірѣ: сначала удары направлены были противъ тѣхъ кто обнаруживалъ открыто или косвенно свои враждебные замыслы противъ существующаго порядка вещей; затѣмъ рѣшено было, что высшіе классы вообще не могутъ симпатизировать этому порядку, а потому проскрипція коснулась ихъ огуломъ; тутъ не требовалось уже быть замѣщаннымъ въ политическихъ интригахъ, для того чтобъ испытать всѣ ужасы заточенія, за которыми неминуемо слѣдовала смерть, — достаточно было носить извѣстное имя или пользоваться независимымъ положеніемъ. Шабо, одинъ изъ отчаянныхъ революціонеровъ, не ушелъ отъ эшафота только потому, что онъ имѣлъ деньги и женился на австрійской подданной—двойная причина обвинять его въ аристократизмъ! „Аристократами были уже не Момморанси и не Ноади, замѣчаетъ г. Кинь; аристократами одѣлались прикащики магазиновъ, клерки прокуроровъ и нотаріусовъ, и противъ этого-то новаго патриціата была направлена революція....“ Сенъ-Жюсть прямо говорилъ конвенту: „Никто не долженъ дерзать гордиться предъ вами своими заслугами и добродѣтелью; свободный народъ и свободное собраніе не созданы для того чтобы питать къ кому-нибудь удивленіе.“ И гильотина работала безъ устали, чтобъ избавить Францію отъ мнимыхъ враговъ ея, и всакій заботился только о томъ, чтобы не стать выше уровня, не обратить на себя ревниваго взора диктаторовъ, а г. Луи-Бланъ увѣряетъ, будто бы терроръ вовсе не былъ системой, что его вызвала печальная, но неизбежная необходимость! Дѣло не ограничилось впрочемъ истребленіемъ высшихъ классовъ общества: тѣ самые люди, которые испровергли всѣ вѣроисповѣданія во Франціи, начинаютъ требовать религіознаго чувства; обнаруживать холодность къ культу въ честь Разума, за жрицей котораго,

какою-то актрисой сомнительнаго поведенія, весь конвентъ шелъ въ торжественной процессіи, было вичуть не безопасноѣ чѣмъ переписываться съ эмигрантами или сочувствовать вандейцамъ; опять сотни головъ летать на эшафотѣ, начиная съ головы епископа Гупиля, который не задолго предъ тѣмъ добровольно промѣнялъ свою митру на красный копакъ и вручилъ конвенту свое золотое кольцо и пастырскій жезлъ. Но и этого мало. Республика все еще не была достаточно упрочена. Вскорѣ мнимые благодѣтели народа убѣдились, что до тѣхъ поръ не утвердится она неизменно, пока нравы не подвергнутся радикальному измѣненію; и вотъ все общество раздѣляется на двѣ группы — на гражданъ чистыхъ и порочныхъ. Робеспьеръ беретъ на себя трудъ произвести эту сортировку; онъ самъ награждаетъ добродѣтельныхъ, а павела отдаются на жертву палачу. Сцена принимаетъ характеръ кровавой идилліи. „Высшая степень благополучія, о которой мечтаютъ террористы, говорить г. Кане, это благополучіе тихой жизни въ хижинѣ. На берегу рѣкъ будемъ убаюкивать дѣтей нашихъ, — вотъ ихъ лозунгъ. Не нужно имъ ни промышленности, ни мануфактуръ, ни торговли: пауть и скромная пища — вотъ все чѣмъ ограничиваются ихъ желанія. Посреди этой пастушеской обстановки, посреди этихъ соломенныхъ кровлей блещетъ вдали, подъ сѣнію цѣлтовъ, топоръ палача, который опредѣляетъ кого слѣдуетъ считать добродѣтельнымъ. Грезы идилліи проходить у подножія эшафота; смерть — смерть быстрая и трагическая, кладетъ свою печать на это блаженство безмятежнаго существованія.“ Можноли, повторяемъ, утверждать послѣ всего этого, что терроръ не былъ системой, увѣрять, что кровавыя средства террористовъ направлены были единственно противъ злоумышленниковъ, которые накакали всевозможныя бѣдствія на свое отечество, сравнивать жертвы террора съ изступленными дикарями неистовствовавшими во время ост-индскаго возстанія 1857 года и завѣрять что тѣ же самыя чувства, которыя вынуждали Англичанъ карать звѣрскій матажъ, руководили конвентомъ, когда онъ посмалъ на эшафотъ цѣлыя толпы людей, выслушавъ холодную, вычурную рѣчь Сенъ-Жюста или Робеспьера, гдѣ проводилась параллель между гражданами добродѣтельными и порочными, между атеистами и поклонниками богини Разума, между аристократами и „народомъ“?

Но, восклицаетъ г. Луи-Бланъ, возможно ли обвинять дѣятелей 1793 года въ деспотизмъ, когда всѣ принципы, заглаваемые ими, отличались въ высшей степени либеральнымъ направлениемъ? „Возможно ли утверждать, что диктатура была совмѣстна съ конституціей, въ составленіи которой Робеспьеръ принималъ такое горячее участіе и которою страна обязана была почти исключительно его вліянію? Свобода, личная безопасность, собственность, государственный долгъ, обязательное обученіе, кассы для вспоможенія неимущимъ, неограниченная свобода прессы, право петиціи, право ассоціацій—вотъ гарантіи, которыя предоставляла эта конституція Французамъ; какъ не повторить послѣ этого вопроса: такимъ ли путемъ утверждается обыкновенно диктатура? Это ли значитъ систематизировать терроръ?“ Нельзя не подивиться наивности этого аргумента. Неужели г. Луи-Бланъ, истинный французскій гражданинъ, видѣвшій не мало чудесъ въ своей родинѣ, серьезно убѣжденъ, что существуетъ какая-нибудь связь между образомъ дѣйствій Робеспьера и конституціей, которую сочинилъ этотъ же самый Робеспьеръ для вящаго блага своихъ соотечественниковъ? Казалось, дѣйствительно весьма либеральные принципы положены были въ основу конституціи, но именно по этому самому они мирно покоились на бумагахъ, между тѣмъ какъ система управленія не имѣла съ ними ничего общаго. Еслибы судить только по конституціямъ о всѣхъ правительствахъ, смѣнявшихся до сихъ поръ во Франціи, то каждое изъ нихъ исполнено было необузданной привязанности къ политической свободѣ. Чтобы не заходить далеко назадъ, посмотримъ, что происходитъ теперь во Франціи: развѣ не существуетъ тамъ всеобщей подачи голосовъ? развѣ не собираются ежегодно представительныя палаты? развѣ правительство не заявляетъ на каждомъ шагѣ, что никому не уступить оно въ уваженіи къ „безсмертнымъ принципамъ“ 1789 года? На какомъ же основаніи г. Луи-Бланъ и его друзья ратуютъ противъ теперешняго порядка вещей во имя политической свободы? Но въ томъ-то и бѣда, что всѣ эти конституціи сообразовались не съ дѣйствительными потребностями жизни, а съ отвлеченными теоріями и умствованіями, съ которыми жизнь не имѣла ничего общаго, не поддаваясь нисколько ихъ опредѣленіямъ. Онѣ представляли собою только ложь, и вотъ почему господство террористовъ 1793 года было не болѣе какъ господствомъ лжи въ самыхъ чудовищныхъ размѣ-

рахъ. Главною задачею ихъ было сгладить всѣ естественныя различія, существующія въ обществѣ, надъ всѣмъ провести уровень, истребить все, что выдвигалось впередъ по своимъ заслугамъ или независимому положенію. „Народъ“ сдѣлался для нихъ синонимомъ черни, но откуда же явились они сами? Принадлежали ли они къ этой черни? Нѣтъ, всѣ эти мнимые представители низшихъ классовъ общества, всѣ эти Робеспьеры, Сенъ-Жюсты, Мараты, вышли изъ рядовъ буржуазіи и не только между коноводами, но даже между второстепенными ихъ приверженцами не встрѣчаемъ мы ни одного работника, ни одного крестьянина. Начиная съ одежды и до языка, которымъ они говорили, не было ничего общаго между ними и чернью. „Ни одинъ трибунъ въ мірѣ, справедливо замѣчаетъ г. Кине, не говорилъ такую изысканною, манерною и вовсе не простонародною рѣчью какъ Сенъ-Жюстъ и Робеспьеръ. Они получали непреодолимое отвращеніе ко всякому, кто начиналъ предъ ними изъясняться настоящимъ языкомъ народа; имъ казалось, что это унижаетъ республику. Взявъ на себя трудъ ознакомиться съ неистовыми разглагольствованіями *Père Duschene*, легко можно убѣдиться, что даже самому Геберу никогда не удавалось уловить народной рѣчи; каждую фразу свою оканчиваетъ онъ ругательствомъ или божбою, и думаетъ, что именно такимъ образомъ выражается простой людъ.“ Но, замѣтитъ кто-нибудь, если главные дѣятели революціи не принадлежали къ народнымъ массамъ, то по крайней мѣрѣ, своими убѣжденіями, симпатіями они вполнѣ отождествились съ ними? Ничего подобнаго не было. Важная заслуга г. Кине состоитъ именно въ томъ, что онъ показалъ какую страдательную, пассивную роль игралъ народъ во все время, пока агитаторы прикрывались его именемъ, чтобы совершать самые неслыханныя подвиги. „Нѣкоторые писатели,

сильнаго разгара своихъ страстей онъ обнаруживалъ болѣе простоты и скромности чѣмъ думаютъ обыкновенно. Онъ сознавалъ вполнѣ, что неспособенъ къ управленію, но готовъ былъ служить общему дѣлу своими рвеніемъ, руками и сердцемъ. Тѣ, которые увѣряютъ, будто бы онъ жаждалъ провалиться въ собранія и трибуналы, говорятъ вопіющую неправду; напротивъ, можно указать тысячу примѣровъ того довѣрія къ себѣ, вслѣдствіе котораго онъ держался постоянно на послѣднемъ планѣ. Нужны были бѣшенныя поджигательства печати, чтобы проникнуться ему мыслью о равенствѣ и выступить впередъ.“ Въ этихъ словахъ находится ключъ къ уразумѣнію того успѣха, который удалось пріобрѣсти демагогамъ. Все дѣло ихъ состояло въ томъ чтобы постоянно возбуждать народъ противъ высшихъ классовъ, расточая ему самую грубую лезть, затрогивая самыя дурныя его страсти и наклонности; демагоги понимали очень хорошо, что какъ скоро удастся имъ достигнуть этой цѣли, то народъ очутится совершенно въ ихъ рукахъ. И вотъ народъ появлялся на сцену, когда шла дѣла о какомъ-нибудь *coup de main*, подготовленномъ коноводами движенія и въ которомъ онъ разыгрывалъ роль послушнаго орудія; все дѣлалось отъ его имени, но ни въ чемъ онъ не принималъ участія. Десятки мнимыхъ трибуновъ, изъ которыхъ каждый клялся, что народъ преданъ ему душой и видитъ въ немъ своего единственнаго спасителя, пожирали другъ друга, между тѣмъ какъ народъ оставался совершенно равнодушнымъ къ ихъ участи; Камилль Демуленъ, Дантовъ, жирондисты поочередно всходили на эшафотъ, и не подыалось изъ народа ни одного голоса, чтобы спасти ихъ отъ смерти,—не подыалось его, когда Севъ-Жюсть и Робеспьеръ смѣнили тѣхъ, кто прежде ихъ сдѣлался жертвой палача, не подыалось его, когда Наполеонъ началъ давить послѣдніе остатки революціонеровъ-демагоговъ. Г. Луи-Бланъ утверждаетъ, что терроръ установленъ былъ какъ временная и отчаянная мѣра для спасенія народа, но къ террору народъ не испытывалъ ничего кромѣ глубокаго отвращенія. „Со времени изданія закона 22 преріала, говоритъ г. Кюне, воіни овладѣлъ упадокъ духа; часто не хватало лошадей и телѣгъ для несчастныхъ, обреченныхъ на смерть. Одлажды Фукье-Тенвиллю сдѣлалось дурно, когда онъ переходилъ черезъ Сену: ему показалось, что его преслѣдуютъ тѣни умерщвленныхъ. Каждымъ кварталомъ овладѣ-

вмѣ трепеть, когда въ немъ помѣщалась гильотина; каждый кварталъ старался выжить ее отъ себя подъ предлогомъ порчи воздуха (о жалости, остраданіи никто не смѣлъ и говорить). Повеломъ пришлось перенести ее на самый конецъ города. Парижъ изрыгалъ изъ себя гильотину: куда же было дѣлать ее? Вотъ каково было настроеніе народа относительно казней, которыя революціонный комитетъ изрекалъ отъ имени этого самаго народа и будто бы для важнаго огражденія его интересовъ.

Въ дополненіе къ прочимъ диковинкамъ, г. Луи-Бланъ начинаетъ увѣрять, что диктатура Робеспьера и Сенъ-Жюста не имѣла ничего общаго съ диктатурой, воспитавшею и развившею несвободные инстинкты французскаго общества. По мнѣнію его, это былъ какой-то особый родъ либеральной диктатуры. „18-е брюмера, говоритъ онъ, было не болѣе какъ послѣдствіемъ победы, одержанной надъ комитетомъ общественнаго благосостоянія: для меня кажется неоспоримою истиной, что еслибы Робеспьеръ поддержалъ свою власть, то онъ сдѣлалъ бы невозможнымъ Наполеона.“ Трудно рѣшить что преобладаетъ въ этомъ удивительномъ соображеніи: презрѣнное извращеніе истины, или жалкое непониманіе дѣла! Неужели г. Луи-Бланъ не видитъ, что пагубная диктатура демагоговъ, которые заставляли трепетать общество въ 1793 году, еще менѣе могла служить къ воспитанію чувства свободы тѣмъ блестящая диктатура Наполеона? Не даромъ во время революціонныхъ войнъ писалъ Жуберъ изъ Италіи, что всѣ тѣ, которые прибываютъ изъ Франціи въ армию, поражали его „своимъ слабодушіемъ (lâcheté) и отсутствіемъ принциповъ.“ Вспомнимъ только чѣмъ была Франція въ 1789 году и что представляла она четыре года спустя, когда процессъ надъ нею демагогической терроръ! „Жагда власти, говоритъ г. Кюсе, развивается въ якобинцахъ недоувѣріе, подозрительность. Повсюду видятъ они козни, мракъ окружаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ, и воображеніе народа наполняютъ они призраками. Всякій смѣшитъ сдѣлаться обвинителемъ, чтобы не обвинили его самого; всякій обвиняетъ безъ разбора, на удачу. Народъ, доувѣрчивый въ высшей степени, усвоиваетъ себѣ характеръ Кромвеля, который каждую ночь имѣлъ комнаты и стражу, тщетно ища себѣ спокойствія и сна. Вскорѣ достаточно было произнести только слово: заговоръ! Это слово производило такое же магическое впечатлѣніе, какъ

отлученіе отъ церкви въ средніе вѣка. Несчастный, заклейменный имъ, не находитъ видѣ пристаища; онъ обреченъ смерти....“ И г. Луи-Бланъ полагаетъ, что подобный порядокъ вещей, при господствѣ котораго Сійеозъ полагалъ высшимъ искусствомъ умѣнье сохранить жизнь (*j'ai vécu*),—что подобный порядокъ вещей могъ предохранить Францію отъ диктатуры Наполеона.... Якобинцы сами не замѣчали того, что стремясь къ испроверженію всего существовавшего до нихъ, они были пропитаны до костей привычками и понятіями, съ незапамятныхъ временъ укоренившимися во Францію и причившими всѣ ея бѣдствія. Власть,—власть самая ревнивая и не допускавшая никакой самодѣтельности со стороны общества—вотъ что руководило ими отъ начала до конца. Можно было хулить религію, отрицать существованіе Бога (правда, и то съ нѣкоторыми ограниченіями въ пользу культа Разума), но критиковать правительственныя дѣйствія—этого они не прощали никогда. „Во время террора, говоритъ г. Киве, появилось опять то преклоненіе предъ всѣмъ официальнымъ, которымъ мы заражены до мозга костей. Гордые тѣмъ, что власть находится въ ихъ рукахъ, якобинцы относились надменно ко всему ихъ окружающему. Если овладѣвала кѣмъ отвага порицать администрацію, то объ этомъ дерзновенномъ говорилось прямо, что онъ грабитель, мошенникъ, негодяй, погрозившій въ долгахъ: ибо мало было лишить его жизни, надлежало прежде его обезчестить.“ Еслибы мы хотѣли проводить параллель между нѣкоторыми явленіями стараго и новаго времени, то наши бы не мало куріозныхъ аналогій. Герцогъ Сенъ-Симонъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что каждое послѣобѣда г-жа Монтеспанъ садилась у окна съ Лудовикомъ XIV и заговорила всѣхъ кто попался ей на глаза; придворные боялись проходить тогда по двору, — они называли это: *passer sous les aigles*. А вотъ въ pendant къ этому разказу, любопытная подробность, которую мы находимъ въ книгѣ г. Киве: „Въ послѣднее время Робеспьеръ лишь изрѣдка показывался въ конвентѣ, но онъ часто гулялъ по сосѣдству съ Тюльери. Однажды, сидя въ Тюльерійскомъ саду между Кутонемъ и Камбасаресомъ, грѣшко высказывалъ онъ свое мнѣніе о депутатахъ, проходившихъ мимо его. Милье (*Mailhe*) былъ одинъ изъ тѣхъ, которые особенно заботились не попадаться ему на глаза. Замѣтивъ его на этотъ разъ издали, Робеспьеръ вспоминалъ о

предложеніи, сдѣланномъ имъ конвенту съ цѣлью продлить жизнь Людовика XVI, и сказалъ своимъ собесѣдникамъ: „Маль въ высшей степени безнравственный человекъ!“ Какъ-басарезъ, который считался другомъ Мала, затрепеталъ при этихъ словахъ; въ тотъ же самый день сообщилъ онъ своему пріятелю, что отказывъ онъ не желаетъ съ нимъ знаться, прерываетъ всякія съ нимъ сношенія.“ Не любопытно ли видѣть Робеспьера, разыгрывающаго роль, какую разыгрывала когда-то фаворитка Людовика XIV?

Нѣтъ, не терроромъ могла возродиться Франція для политической свободы. Для того чтобы судить, какими результатами ознаменовалась для Франціи пережитая ею катастрофа, нужно взглянуть на французское общество послѣ революціи. Чего достигла она цѣлюю своихъ кровавыхъ потрясеній? Равенства? Но оно не знало его даже тогда когда гильотина работала неутомимо, чтобы сгладить всѣ соціальныя различія и уничтожить все что возвышалось надъ общимъ уровнемъ. Въ книгѣ г. Кине находимъ мы, между прочимъ, любопытное замѣчаніе по этому поводу: „Вандейцы, говоритъ онъ, находились долгое время подъ начальствомъ людей, вышедшихъ изъ простаго народа, чего конвентъ никакимъ образомъ не могъ добиться для своихъ армій. Очень часто случалось видѣть во главѣ королевскихъ войскъ крестьянъ въ ихъ сельскомъ одѣваніи,—и конвентъ пытался противопоставить этимъ простолюдинамъ-генераламъ Кателино, Стофле, Форестье, генераловъ республиканскихъ, взятыхъ изъ среды народа же, Россильола, Сантерра и Лешеля, но равенство, нисколько не оскорблявшее Вандейцевъ, казалось для республиканцевъ вопіющимъ скандаломъ. Импровизованные полководцы не встрѣчали со стороны своихъ товарищей никакого кромѣ насмѣшекъ и насмѣ-

когда общая опасность стала угрожать имъ, они поспѣшили стать въ одинъ рядъ, не помышляя считаться мѣстами; равенство возникло тутъ само собою, естественнымъ путемъ, а не навязано было властью, которая приказывала гражданамъ быть равными или идти на эшафотъ. Нисколько неудивительно также, что демагоги не могли достигнуть ничего подобнаго проливая цѣлые потоки крови; конечно, въ Парижѣ, гдѣ опасно было шутить съ палачомъ, всакій спѣшилъ смѣшаться съ червью, но стоить только посмотреть на армию, надъ которою терроръ таготѣлъ менѣе сильно, чтобъ убѣдиться до какой степени искусственны были всѣ неистовыя возбужденія Робеспьера и Сенъ-Жюста. Деспотизмъ не принесъ равенства для Франціи. Революціонное правительство отняло земли у аристократіи и отдало ихъ въ другія руки; оно полагало, конечно, что новые землевладельцы проникнутся вполне идеями, восторжествовавшими въ переворотѣ, и будутъ служить опорой новаго порядка вещей, а между тѣмъ что же видимъ мы? „Лица, пріобрѣтшія земли, говоритъ г. Кине, прониклись чувствомъ страха, которое имъ было неизвѣстно прежде. Оттого ли что они сомнѣвались въ законности своихъ правъ, или оттого что постоянно ожидали новыхъ переворотовъ, — одно несомнѣнно: цѣлые десятки лѣтъ не могли они успокоить свои опасенія. Въмѣсто того чтобы быть опорой для правительства, они въ немъ искали для себя защиты. Не только не помышляли они ограничить власть или раздѣлить съ нею заботы объ управленіи, но повсюду безпокойные ихъ взоры искали властелина, которому они готовы были покориться слѣпо, лишь бы онъ оградилъ своимъ мечомъ ихъ интересы. И когда диктатура дѣйствительно пустила глубокіе корни въ странѣ, съ радостью пожертвовали они ей нравственными пріобрѣтеніями революціи вмѣнѣ пріобрѣтеній матеріальныхъ. Въ большей части государствъ правительства опираются на землевладельцевъ, а здѣсь землевладельцы стараются опереться на правительство. Слѣдуетъ ли поэтому удивляться, что оно все считало себя недостаточно сильнымъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ вся публичная и частная жизнь сосредоточилась въ немъ одномъ?“ Слѣдуетъ ли удивляться, что возникла вскорѣ новая аристократія, — аристократія чиновничества, болѣе ненавистная чѣмъ та противъ которой демагоги старались возстановить народъ, ибо, говоритъ г. Кине, „трудно найти людей, которые относи-

лись бы такъ презрительно къ народу, какъ тѣ, которые вышли изъ его среды. Они только и думали о томъ, чтобы не сближаться съ нимъ. Ненависть къ своему прежнему званію сдѣлалась для нихъ своего рода дворянскою грамотой.“ *

Но быть-можетъ Франція приобрѣла свободу? Чтобы судить объ этомъ, нужно опять-таки взглянуть на французское общество, какимъ оно вышло изъ рукъ террористовъ. Никто, конечно, не считаетъ директорію образцомъ правительства; лица, стоявшія тогда во главѣ государства, не блистали своими добродѣтелями, но все же они стояли неизмѣримо выше Сенъ-Жюста, Робеспьера и Кутона: отчего же директорія считалась правительствомъ самымъ презрѣвшимъ, самымъ ничтожнымъ, не заслуживающимъ никакого уваженія? Именно только потому что оно не прибѣгло къ системѣ устрашенія. „Когда во главѣ народа, привыкшаго къ террору, справедливо замѣчаетъ г. Киве, является правительство, которое дозволяетъ смотрѣть себѣ бодро въ глаза и даже разбирать свои дѣйствія, то оно не встрѣчаетъ ничего кромѣ недоброжелательства. Никто не можетъ предположить, чтобы умѣренность его происходила отъ какого-нибудь другаго источника, а не отъ слабости. Какъ только общество перестаетъ трепетать, оно начинаетъ убѣждаться, что трепещетъ правительство; какъ только правительство это не внушаетъ ему страха, оно его презираетъ.... Всѣ дѣйствія правительства директоріи истолковывались во враждебномъ ему смыслѣ. Если старалось оно смягчить строгость законовъ, его упрекали въ слабоуміи; если поступало строго,—въ терроризмъ; въ бездарности, если оно не могло заставить замолчать своихъ враговъ; въ тиранин, если оно принималось управлять; въ неспособность, если допускало гражданъ къ участию въ дѣлахъ и т. д. Всѣ эти обвиненія сыпались разомъ на Ла-

людей, не имѣвшихъ ничего сходнаго между собою. Это были люди ничтожныя, если они сдѣлали сложивъ руки; это были деспоты, если они принимались что-нибудь дѣлать. Въ сущности порицаніе обращено было не на ихъ личности, но на ихъ дѣйствія: оно имѣло въ виду всю систему, которой слѣдовало правительству директоріи, систему такъ мало сходную съ тою, которую водворилъ конвентъ.“ Любопытнѣе всего, что вопли противъ директоріи сдѣлались особенно сильны, когда она задумала ослабить административную централизацию и возложить на самихъ гражданъ попеченія и заботы объ ихъ собственныхъ интересахъ; этого никакимъ образомъ не могли простить ей; это казалось чѣмъ-то несмысленнымъ, чудовищнымъ, позорнымъ! Не встрѣчая ничего кромѣ ненависти или насмѣшекъ, директорія рѣшилась подѣйствовать на публику другимъ, болѣе вѣрнымъ средствомъ; она, въ свою очередь, прибѣгла къ террору: толпами сылала она своихъ враговъ въ Байенну; она отняла всякую свободу преній; журналисты принуждены были замолчать, и на этотъ разъ никто уже не дерзалъ презирать ее. Попытка, сдѣланная директоріей, не однажды повторялась въ послѣдствіи и всегда съ одинаковымъ успѣхомъ. Намъ приходится на память по этому поводу мѣткая страница въ *Исторіи Крымской войны*: Кинглека, гдѣ авторъ описываетъ какимъ образомъ теперешній императоръ Французовъ захватилъ власть въ свои руки. Известно, что на другой и даже на третій день послѣ coup d'état 2-го декабря 1851 года, публика все еще не вѣрила въ успѣхъ переворота; она не привыкла смотрѣть серьезно на новаго властелина; она преслѣдовала его градомъ насмѣшекъ и остротъ. Но все измѣнилось послѣ бойни на парижскихъ бульварахъ 4-го декабря, когда стоило только показаться у окна, на балконѣ или выйти изъ кофейной, чтобы найдти себѣ вѣрную смерть. „Во Франціи принято за правило, говорить г. Кинглеку, что человѣкъ, домогающійся власти, ни въ какомъ случаѣ не долженъ казаться смѣшнымъ. Отъ 1836 до 1848 года принцъ Лудовикъ-Наполеонъ выходилъ изъ своей неизвѣстности только для того, чтобы дѣлаться посмѣшищемъ міра; избраніе его президентомъ нисколько не спасло его отъ сарказмовъ, которыми такъ щеголяютъ Парижане; даже послѣ отважнаго и неожиданнаго удара, нанесеннаго имъ въ ночь на второе декабря, публика не расположена была

смотреть на него серьезно. Но все это измѣнилось, начиная съ трехъ часовъ 4-го декабря. Случилось такимъ образомъ, что самые непримиримые враги принца служили на этотъ разъ какъ нельзя лучше его интересамъ. Чѣмъ болѣе старались они распространить слухъ, что онъ, одинъ онъ, по собственному влеченію и инициативѣ, распорядился убійствами на бульварахъ, тѣмъ услаивше снывали они съ него въ глазахъ народа недостатки, который препятствовалъ ему сдѣлаться верховнымъ властителемъ Франціи. Прежде чѣмъ наступила ночь, Лудовикъ-Наполеонъ не казался уже никому *альпинистомъ*.“

Мы понимаемъ глубокое отчаяніе автора разбираемой нами книги, когда онъ бросаетъ взоръ на судьбу своей родины послѣ революціи. Къ чему послужила вся эта кровавая борьба, въ которой жертвы считались десятками тысячъ, всѣ эти бури, пережитыя ею и отразившіяся страшными потрясеніями на сосѣднихъ государствахъ? Неужели это пресловутое равенство, которымъ она наслаждается теперь, не могло быть куплено болѣе дешевою цѣной? А если она боролась за свободу, то когда же она пользовалась ею надлежащимъ образомъ? „Куда идемъ мы? спрашиваетъ авторъ. Если не обращать вниманія на протесты нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей, то можно было бы опредѣлить слѣдующимъ образомъ главнѣйшія черты социальныхъ формъ, которыми мы отличаемся отъ другихъ европейскихъ народовъ: отсутствіе всякой публичной жизни; грубость народнаго быта безъ народа; демократія безъ демоса; безмолвіе безъ спокойствія; равенство безъ свободы; Беотія въ Византіи!“ Приговоръ строгъ, но г. Кине не хотѣлъ, конечно, малодушно оскорбить имъ своихъ соотечественниковъ; нужно было много выстрадать, чтобы придти къ такому печальному убѣжденію, и вся книга его служить убѣдительнымъ доказатель-

въ томъ, что онъ раздѣляетъ вполне тѣ политическія теоріи, которыя сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ символа вѣры для значительной части его соотечественниковъ: онъ говоритъ прямо, что исторія Франціи начинается только съ 1789 года; все прошедшее его отечества не возбуждаетъ въ немъ ничего кромѣ проклятій; по его мнѣнію, французское общество въ концѣ XVIII вѣка не могло поступить лучше какъ отречься отъ этого прошедшаго, забыть о немъ и заняться пересозданіемъ своего политическаго и гражданскаго устройства на основаніи отвлеченныхъ теорій. Г. Кинэ вполне убѣжденъ, что для народа нѣтъ никакой особенной трудности перестать быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, и превратиться въ то, чѣмъ онъ не былъ никогда. Разумѣется, перевороты такого рода не могутъ совершаться безъ насилій, но насилія вовсе не возбуждаютъ отвращенія въ нашемъ авторѣ. Правда, онъ изобразилъ мрачными красками терроръ, онъ заклеилъ достойнымъ образомъ демагоговъ, производившихъ кровавые эксперименты надъ французскимъ обществомъ, но изъ этого нисколько не слѣдуетъ выводить заключеніе, чтобы терроръ былъ ненавистенъ ему по принципу. Не страшно ли видѣть, напримѣръ, что порицая всѣ дѣйствія Робеспьера и ему подобныя, онъ яростно негодуетъ на революціонное правительство за то, что оно не замѣнило во Франціи католицизмъ протестантизмомъ! Какимъ горькимъ насмѣшкамъ, какимъ презрительнымъ нареканіямъ подвергаетъ онъ дѣятелей 1793 года за отсутствіе въ нихъ смѣлости принять на себя роль пророковъ и поучать свою паству одновременно съ трибуны и съ амвона! Врагъ всякихъ насильственныхъ средствъ становится тутъ открыто на сторону насилія. Нужно замѣтить, что самъ г. Кинэ — протестантъ. Въ умѣ его сложилось убѣжденіе, что только тѣ націи, которыя усвоили себѣ протестантскую религію, способны къ политической свободѣ, а изъ этого естественнымъ заключеніемъ выводитъ онъ, что

которыя родились въ головахъ нѣсколькихъ теоретиковъ,—отчего же было бы не заставить ее отказаться и отъ того, что составляетъ самое священное достояніе народа—отъ его религіи? Каждая страница книги г. Киве говоритъ о томъ, что онъ не успѣлъ освободиться ни отъ одного изъ заблужденій, поддерживающихъ во французской публикѣ неправильные взгляды на революцію. А между тѣмъ книга эта все-таки принадлежитъ къ замѣчательнымъ явленіямъ теперешняго времени: въ чемъ же заключаются ея достоинства? чѣмъ слѣдуетъ объяснить ея успѣхъ?

Мы не ошибемся, оказавъ, что успѣхъ разбираемаго нами сочиненія объясняется почти исключительно личностью самого автора. Токвиль успѣлъ высказать на нѣсколькихъ страницахъ болѣе глубокое и вѣрное сужденіе о французской революціи чѣмъ удалось это г. Киве въ двухъ огромныхъ томахъ; въ послѣднее время другой писатель, г. Мортимеръ-Терно, изложилъ исторію террора съ такими подробностями и въ такой поразительной картинѣ, что трудно было бы прибавить что-нибудь къ его разказу. А между тѣмъ не только сочиненіе Мортимера-Терно, но даже знаменитый трудъ Токвиля не произвели такого эффекта какъ книга, о которой мы говоримъ теперь, и именно потому, что книга эта вышла изъ-подъ пера г. Киве, а не кого-либо другаго. О Токвиллѣ многіе готовы повторять бессмысленную фразу, что онъ человѣкъ отсталый, на томъ только основаніи, что онъ сомнѣвался въ будущности французской демократіи, никогда не льстилъ ей и порицалъ ея деспотическіе инстинкты, но авторъ разбираемой нами книги не заслужилъ, конечно, подобныхъ упрековъ отъ своихъ теперешнихъ противниковъ. И если онъ, этотъ яростный ненавистникъ всей прошлой исторіи своего отечества, падающій ницъ передъ переворотомъ 1789 года,—прішелъ къ убѣжденію, что Франція не извлекала изъ этого переворота никакой пользы для своей политической жизни,

Мы не думаемъ, чтобы авторъ обнаружилъ въ ней большой запасъ политической мудрости; не думаемъ также, чтобы яростные отзывы о ней въ газетахъ и журналахъ, отзывы, вызванные нападками автора на демагогическій терроръ 1793 года, могли служить убѣдительнымъ доказательствомъ, что въ политическомъ сознаниі Франціи произошелъ какой-либо переворотъ къ лучшему: но во всякомъ случаѣ утѣшительно видѣть, что самые горячіе изъ французскихъ демократовъ начинаютъ сомнѣваться въ превосходствѣ такого порядка вещей, при которомъ отвлеченные принципы саѣно властвовали надъ жизнью, ломая и искажая ее во всѣхъ направленіяхъ. Опытъ доказалъ во Франціи, что можно дѣлать самые отважные эксперименты надъ обществомъ, можно убить всякое вліяніе вышнихъ, образованныхъ классовъ и выдвинуть на первый планъ невѣжественную массу;— но къ чему же послужило это, кромѣ деспотизма власти и нравственнаго упадка народа? Что выиграла отъ этого Франція, кромѣ цѣлаго ряда революцій, прекратившихся еще и теперь?

Благодаря многимъ обстоятельствамъ и въ особенности тому господствовавшему у насъ въ теченіе многихъ лѣтъ направленію, которое, смѣшивая свободу и революцію, ревниво стремилось, изъ опасенія революціонныхъ движеній, привизить всякое движеніе и всякое самостоятельное проявленіе жизни въ обществѣ,—у насъ французская революція, въ глазахъ многихъ, долго пользовалась какимъ-то особеннымъ обаяніемъ. Вотъ почему советуемъ людямъ, которые еще обольщаются примѣрами Франціи, заглянуть со вниманіемъ въ книгу г. Кине. Откровенная исповѣдь разочаровавшагося демократа заставитъ ихъ, быть-можетъ, призадуматься о многомъ....

О. Н. ТЮТЧЕВУ.

Прошла весна— темнѣетъ лѣсъ,
Скудный ручьи, грустаѣ ивы,
И солнце съ высоты небесъ
Томитъ безвѣтряныя нивы.

Рабы заботы притекли
Склонять чело на трудъ упорный.
Опять сухую грудь земли
Взрѣзаетъ копь и волъ покорный.

Но въ свѣжѣмъ тайникѣ куста
Одинъ пѣвецъ проснулся вешній,
И также пѣснь его чиста
И дышетъ полночью нездѣшней.

Какъ сладко труженникъ смущенъ,
Весны заслыша зовъ единый,
Какъ вымбикаетъ оръ сквозь сонъ

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И ЗАМѢТКИ

Парижъ, 1-го марта (17-го февраля).

Съ наступленіемъ февраля началось для Франціи осуществленіе программы троякой рѣчи о необходимости убѣдить Французовъ въ томъ, что надъ „разумомъ и наукой“ ихъ господствуетъ „верховная воля“ (*puissance suprême*), управляющая судьбами міра, а въ томъ числѣ и судьбами министерства внутреннихъ дѣлъ. 1-го февраля эта воля воплотилась въ грозный циркуляръ маркиза Лавалетта, не столько запрещающій, сколько дѣлавшій невозможнымъ для печати всякое обсужденіе мнѣній, выраженныхъ какъ въ сенатѣ, такъ и въ законодательномъ корпусѣ. Система стѣсненія свободы печати, принятая явно министерствомъ Лавалетта, развита сильнѣе и строже прежняго въ то самое время, когда появился проектъ адреса сената, утверждающій, что Франція пользуется достаточною мѣрой всякаго рода свободъ и гарантій, и приводящій въ доказательство неограниченной свободы ея печати всѣ удары наносимые этому жалкому, плаксивому и послушному эху правительственной воли, какъ административными, такъ и судебными приговорами.

Какое впечатлѣніе произвелъ въ обществѣ этотъ дебютъ политической жизни Франціи въ 1866 году, это выразилось во всѣхъ газетахъ, сохранившихъ хоть тѣнь независимости, и рѣшившихся поѣтому высказать, со всѣми возможными предосторожностями, хоть слабую часть всеобщаго неудовольствія.

Въ то самое время начались въ сенатѣ пренія объ адресѣ. Безсвязная, эксцентрическая, но во многихъ отношеніяхъ

весьма оправедливая и дѣльная рѣчь маркиза де-Буасси снѣло указала на многія слабыя стороны политики французскаго правительства, на постоянные обманы ея официальными заявленій, на всеобщую потребность расширенія круга свободы мнѣнія, слова, печати, народнаго самоуправленія и общественнаго контроля въ дѣлахъ государственныхъ.

Общественное мнѣніе здѣсь уже давно озабочено разными слухами о совершенномъ неуспѣхѣ мексиканской экспедиціи, о живыхъ увѣреніяхъ, помощью которыхъ правительство систематически вводило въ заблужденіе всю Францію насчетъ хода и цѣли этого предпріятія; оно давно уже взволновано другого рода слухами о разныхъ грязныхъ и самоуправныхъ продѣкахъ, какъ министерства, такъ и префектовъ въ дѣлахъ, подобныхъ угнетенію адвоката Сандона и журналиста Эдуарда Уссея (*Новизауэ*). Понятно, что при подобномъ настроеніи, рѣчь маркиза де-Буасси имѣла громкій отголосокъ въ массахъ; всеобщее волненіе и негодованіе публики выразились разомъ и въ печати, и въ положеніи принятомъ оппозиціей, и наконецъ даже на улицахъ Латинскаго Квартала, гдѣ толпы студентовъ стали расхаживать по вечерамъ, громко напѣвая республиканскую *Marseillaise* и съ крикомъ: „Да здравствуетъ республика!“

Но вспышка этого рода дѣйствуютъ скорѣе въ пользу чѣмъ во вредъ здѣшнему правительству. Ему теперь страшны не столько уличныя демонстраціи, какъ законная обдуманная агитація свободной печати и свободнаго слова оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ. Во главѣ первой, подготовляющей и вторую, снѣло выступила въ этомъ году газета *la Presse*, подъ руководствомъ г. Эмиля де-Жирардена, опытнаго и заслуженнаго бойца принципа: *свобода безъ революціи*, силой котораго онъ первый поставилъ и провелъ съ успѣхомъ кандидатуру принца Лудовика Наполеона на президентство республики, и доказывающаго до сихъ поръ, что все значеніе имперіи для Франціи состоитъ въ осуществленіи этого принципа. Опровергая всѣ толкованія официальной печати, усилившейся успокоить тревожное настроеніе либеральной печати и партіи по поводу февральскаго циркуляра г. Лавалетта, *la Presse* доказала, что въ сущности этотъ циркуляръ *запрещаетъ* безусловно обсуживаніе рѣчей сенаторовъ и депутатовъ, и что это запрещеніе противорѣчитъ прямымъ заявленіямъ и даже интересамъ правительства, а наконецъ и

пріятно для него на общественное мнѣніе. Ему не безызвѣстно было также и то, что это дѣйствіе должно было непременно отразиться на положеніи оппозиціи въ предстоявшихъ преніяхъ законодательнаго корпуса объ адресѣ, и не мало затруднить положеніе министровъ-ораторовъ. Сообразивъ всѣ эти обстоятельства и будучи увѣрено въ успѣхъ дѣйствія, произведеннаго на всю печать карательными мѣрами, принятыми противъ газеты *la Presse*, правительство рѣшилось воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы сдѣлать какое-нибудь объявленіе въ видахъ успокоенія либеральной партіи: запросъ сенатора Божана о значеніи февральскаго циркуляра подписанъ такъ удивительно кстати, чтобы представить подобный случай правительству смягчить и сгладить впечатлѣніе этого циркуляра, что часть здѣшней публики приписываетъ нынѣ самый запросъ этому внушенію и просьбѣ г. Руэра, условившагося будто бы предварительно съ г. Божаномъ, какъ насчетъ запроса, такъ и насчетъ отвѣта.

Но эффектное заявленіе, сдѣланное въ этомъ случаѣ г. Руэромъ, подѣйствовало лишь на ту часть публики, которая съ нетерпѣніемъ ловитъ всякій случай, чтобы рукоплескать „либеральному“ направленію здѣшняго правительства, лишь на ту часть французской печати, которая, подобно газетѣ *Constitutionnel*, и безъ этого заявленія считала себя въ правѣ говорить всякаго рода дерзости сенатору маркизу де-Буасси и восхвалять до небесъ всѣхъ правительственныхъ ораторовъ.

Какъ бы то ни было, для французской публики показалось все-таки утѣшительнымъ и то, что эта часть преній сената объ адресѣ ознаменована какою-нибудь уступкой правительства, отказавшагося, *хоть на словахъ*, отъ прямаго значенія и цѣли министерскаго циркуляра 1-го февраля.

Но гораздо важнѣе показалась публикѣ уступка, будто бы сдѣланная правительствомъ въ пользу требований обществен-

непреклонной воли Наполеона могло возбудить реакцію въ оппозиціи, усиленной полнымъ и справедливымъ сознаниемъ, что она въ этомъ случаѣ имѣла бы на своей сторонѣ единодушное сочувствіе французскаго народа. Какъ ни тщательна, однако, скрывается главная цѣль правительства по отношенію къ мексиканскому вопросу, въ дѣйствительности ея едва ли возможно сомнѣваться кому-нибудь въ здѣшней мыслящей публикѣ. Всѣмъ извѣстно, какъ непреклонна и настойчива воля Наполеона III во всѣхъ случаяхъ, когда она опирается на его вѣрованіе въ призваніе и историческое значеніе его династіи. По неоднократно выраженному мнѣнію Наполеона III, бонапартовскій цезаризмъ одинъ имѣетъ силу осуществить всѣ замыслы наслѣдственнаго честолюбія французской политики; въ этомъ осуществленіи видятъ оны призваніе и главное историческое достоинство династіи Бонапарта. Въ томъ же, что письмо его къ генералу Форе выражаетъ дѣйствительно настоящую и единственную цѣль мексиканской экспедиціи, и что эта цѣль выработана Наполеономъ на основаніи историческихъ данныхъ, въ которыхъ оны нашель указаніе и назиданіе для политической программы, вполнѣ соответствующей воображаемому имъ призванію его династіи, въ томъ не трудно убѣдиться, если вспомнить политическую программу, громко заявленную французскимъ правительствомъ въ 1845—46 годахъ, по поводу предположенія о присоединеніи Техаса къ сѣвероамериканской республикѣ.

Орлеанская династія, какъ извѣстно, никогда не чувствовала себя, подобно династіи Бонапарта, въ силахъ вступить въ вооруженную борьбу съ какою бы то ни было великою державой, а особенно съ Соединенными Штатами. Тѣмъ не менѣе, даже и въ то время, французское правительство рѣшилось открыто дать Техасу совѣтъ не присоединяться къ сѣвероамериканской республикѣ, и отстаивать независимость свою, за признаніе которой, какъ Франціей такъ и Англійей, ручалось министерство Гизо.

Само собою разумѣется, что этотъ совѣтъ не могъ придти по вкусу Соединеннымъ Штатамъ. Неудовольствіе ихъ рѣзко выразилось въ посланіи президента Полька, въ декабрь 1845 года. Тогда, какъ и нынѣ, французская оппозиція, предводимая г. Тьеромъ, горячо возстала противъ вмѣшательства въ дѣла Сѣверной Америки и упрекнула прави-

тельность въ томъ, что оно разрываетъ необходимыя для Франціи дружескія связи съ Соединенными Штатами, единственно изъ подобострастія къ требованіямъ Англіи, которая одна, по мнѣнію г. Тьера, была заинтересована въ недопущеніи Соединенныхъ Штатовъ расширить власть свою на берега Мексиканскаго залива.

На эти нареканія оппозиціи г. Гизо отвѣтилъ въ засѣданіи палаты депутатовъ 12-го января 1846 года, что, напротивъ, сама Франція имѣла двоякій интересъ въ сохраненіи независимости Техаса: во-первыхъ *интересъ коммерческій*, требующій, чтобы не было допущено слияніе въ одну державу двухъ источниковъ, снабжающихъ французскую мануфактурную промышленность сырыми произведеніями, и чтобы устранено было неудобство для нея встрѣтить повсемѣстно одинаковые тарифы; во-вторыхъ *интересъ политическій*, требовавшій раздробленія сѣверо-американскаго материка на нѣсколько независимыхъ государствъ, между коими, на подобіе Европы, можно было бы создать *американское политическое равновѣсіе*, которое послужило бы необходимымъ дополненіемъ политическаго равновѣсія цѣлаго міра.

Но всего замѣчательнѣе въ этомъ сравненіи теорій г. Гизо съ теоріями, торжественно провозглашенными письмомъ Наполеона III къ генералу Форе, слѣдующія слова, произнесенныя г-мъ Гизо въ томъ же засѣданіи французской палаты депутатовъ: „Въ Америкѣ“, говорилъ онъ, „противопоставлены одно другому два племени (*racés*): племя англійское и племя испанское; племя сѣверное и племя южное. Я утверждаю, что мы прямо заинтересованы въ томъ, чтобы ни одно изъ этихъ племенъ не было бы уничтожено или поглочено другимъ; что мы, напротивъ, *должны усиливаться, чтобы племя испанское, племя южное — латинское и католическое, сохранило въ Новомъ Свѣтѣ свое вліяніе и значеніе, и чтобы оно не подпало подъ гнетъ англо-американскаго племени и не было бы поглочено (dévoré) имъ*“.

Не менѣе интересно вспомнить какова была въ то время постановка оппозиціи. Въ 1846 году г. Тьеръ отвѣтилъ на

жертвовать дружбой Соединенныхъ Штатовъ, необходимою для Франціи.

Изъ этого взгляда на прошедшее явствуетъ, что враждебная постановка Франціи относительно Соединенныхъ Штатовъ на берегахъ Мексиканскаго залива есть, въ настоящее время, не мимолетное проявленіе честолюбивыхъ замысловъ одного человека, а осуществленіе традиціоннаго властолюбія Франціи, считающей себя въ правѣ располагать судьбами дѣлаго міра и вмѣшиваться во внутреннія дѣла всѣхъ народовъ, въ качествѣ представительницы и предводительницы латинокатолическаго элемента, что, по глубокому убѣжденію всѣхъ французскихъ правительствъ и даже значительной части французскаго народа, есть предметъ историческаго призванія его. Въ этомъ случаѣ теоріи выраженныя г. Гизо тѣмъ замѣчательнѣе, что самъ Гизо, какъ извѣстно, ревностный протеставтъ, но протеставтъ, который именно въ виду этого же мнѣя о политическомъ призваніи Франціи, счелъ нужнымъ защищать свѣтскую и духовную власть папы, чѣмъ доказывается, что онъ, въ сущности, болѣе Французъ чѣмъ протеставтъ.

Само собою разумѣется, что единственное заключеніе, которое *могутъ и должны вывести* Соединенные Штаты изъ этого взгляда на прошедшее, состоитъ въ томъ, что *Франція есть и всегда будетъ самый непримиримый врагъ ихъ*, — врагъ, который никогда не упуститъ ни одного случая, чтобы противиться всѣми средствами расширенію ихъ власти и расширенію ихъ вліянія, не только на сѣверо-американскомъ материкѣ, но и вездѣ на свѣтѣ. Весь вопросъ состоялъ въ настоящее время въ сравнительномъ безсиліи Франціи вступить въ явную борьбу съ Соединенными Штатами. Междуособія Сѣверной Америки представили Франціи случай создать, для своего вліянія, операционную базу на сѣверо-американскомъ материкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что если эта база успѣетъ утвердиться и упрочиться, а для этого достаточно, чтобы Соединенные Штаты упустили удобную минуту уничтожить до послѣдняго слѣда французское вліяніе въ Мексикѣ, если эта база успѣетъ утвердиться и упрочиться, то для Соединенныхъ Штатовъ неминуемо настанетъ трудное время постоянной борьбы, которая повлечетъ за собою необходимость содержанія значительнаго постояннаго

войска, а затѣмъ, рано или поздно, распаденіе союзнаго договора и паденія республики.

Что же касается Наполеона III, изучая постоянно исторію Франціи и упоенный постоянными удачами своими, съ тѣхъ поръ какъ онъ достигъ президентства французской республики, онъ смотритъ на себя какъ на наследника и исполнителя всѣхъ честолюбивыхъ и властолюбивыхъ замысловъ, обнаруженныхъ хоть когда-нибудь французскимъ правительствомъ. Такимъ образомъ комбинація о завоеваніи Ломбардіи въ пользу Пиемонта и взаи́мныя уступки Ниццы и Савойи, въ пользу Франціи, почерпнута имъ изъ записокъ Сюлли, доказывающихъ, что вся эта комбинація входила въ составъ известнаго „великаго проекта“, составленнаго Генрихомъ IV въ виду преобразованія всей карты Европы, согласно мудрствованіямъ этого самаго высокаго типа государей Франціи, считающихъ правомъ и призваніемъ своимъ располагать по своему усмотрѣнію судьбами всѣхъ народовъ цѣлаго міра. На этомъ же основаніи и Наполеонъ III вездѣ, гдѣ проявляется признакъ существованія какого-нибудь интереса латинскаго элемента, считаетъ долгомъ своимъ сдѣлать все возможное, чтобы усилить этотъ элементъ, дать ему жизнь и создать въ немъ преграду всѣмъ прочимъ элементамъ, а для этого не упуститъ ни одного случая, чтобы вступить за него открыто, когда на то представится какая-нибудь возможность. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ заключается весь ключъ политики Наполеона, какъ въ цѣлой Европѣ, такъ въ Сиріи и Китаѣ, такъ, наконецъ, и въ Новомъ Свѣтѣ.

Но труднѣе, несбыточнѣе всего казалась ему возможность привести въ дѣйствіе эту политику на материкѣ Сѣверной Америки. При неудачѣ этой политики въ Польшѣ, на Дунаѣ, въ Германіи или въ Сиріи, Наполеонъ всегда могъ утѣшаться надеждой на возобновленіе обстоятельствъ, представившихъ ему случай и возможность вмѣшательства. Терпѣ-

пользовался съ необыкновеннымъ искусствомъ, скрывая, помощью разныхъ хитростей, конечную цѣль свою и отъ союзниковъ, и отъ враговъ, и даже отъ собственного народа, и изобачивъ эту цѣль только тогда, когда успѣхъ всего предпріятія показался ему несомнѣннымъ, и когда давно задуманное, здраво обсужденное и тщательно подготовленное дѣло казалось уже достаточно созрѣвшимъ и упроченнымъ.

Преждевременное прекращеніе междусобій въ Соединенныхъ Штатахъ разрушило всѣ надежды Наполеона III. При извѣстной настойчивости его характера попятно, какъ трудно ему отказаться, и *отказаться навсегда*, отъ предпріятія, стоившаго Франціи такъ много крови и денегъ и на которое онъ смотритъ какъ на одинъ изъ главныхъ предметовъ своего историческаго призванія и призванія его династіи. Нѣтъ сомнѣнія, что Наполеонъ говорилъ откровенно, называя мексиканскую экспедицію „величайшимъ предпріятіемъ своего царствованія“; но именно эта откровенность должна была бы указать Соединеннымъ Штатамъ на безотлагательную необходимость не уступать *ни одного шага* требованіямъ и присканъ французской дипломатіи, точно также какъ она должна была бы доказать Франціи какъ мало должна она полагаться на искренность увѣреній Наполеона насчетъ желаній его предоставить Мексиканскую имперію собственной участи.

Но Франція въ настоящее время требуетъ не столько славы, какъ свободы и покоя, безъ которыхъ ей невозможно развить на столько свои производительныя силы, чтобъ избавиться отъ тягостнаго экономическаго положенія, созданнаго для нея, съ одной стороны, безпрестаннымъ увеличеніемъ налоговъ всякаго рода, и особенно поземельнаго налога, съ другой — страшнымъ погложеніемъ капиталовъ на непроеводительныя предпріятія. При этомъ всеобщемъ настроеніи Франціи, Наполеону не было никакой возможности высказать открыто свое намѣреніе воспользоваться продолжающеюся внутреннею неурядицей и финансовымъ разстройствомъ Соединенныхъ Штатовъ, чтобъ исполнить политическую программу, выраженную въ письмѣ его къ генералу Форе, покуда не упрочится и не обезпечится независимое существованіе латино-католической монархіи (Мексики), долженствующей составить непреодолимую преграду распространенію

власти англо-саксонской протестантской республики. Собрания подобнаго рода, выраженные почти единогласнымъ протестомъ министровъ, побудили Наполеона измѣнить первоначальную редакцію его тронной рѣчи, и при невозможности дѣйствовать открыто къ осуществленію своихъ замысловъ, ему необходимо было искать другія средства къ достиженію этой цѣли.

Зная рабочиное покорство избраннаго его правительствомъ большинства законодательнаго корпуса, Наполеонъ прежде всего попытался побудить всеми возможными средствами это послушное большинство выразить въ адресѣ требованіе, или по крайней мѣрѣ совѣтъ, чтобы Франція выдержала въ Мексикѣ роль, предписанную ей ея призваніемъ и достоинствомъ. Мысль эту не только стала проводить часть печати, подчиненная внутреннимъ министерства внутреннихъ дѣлъ, и особенно газета *Patrie*, но ее выразило еще болѣе положительно предложеніе сдѣланное комиссіи, занимающейся редакціей адреса, нѣкоторыми членами большинства палаты. Нынѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что самое предложеніе это написано въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и имъ же сообщено комиссіи за подписью двухъ-трехъ болѣе покорныхъ депутатовъ.

Но этого было недостаточно. Надо было сдѣлать подобную же попытку и въ сенатѣ; но проектъ адреса его былъ сдѣланъ такъ скоро, что правительство не успѣло предпринять ничего подобнаго. Газета *Patrie*, съ перваго дня появленія этого адреса, успѣшила упрекнуть его въ томъ, что онъ не вступается съ большею рѣшимостью и ясностью за честь и достоинство Франціи въ Мексикѣ и предъ лицомъ Соединенныхъ Штатовъ. Говорятъ, что въ безпрестанныхъ свиданіяхъ своихъ съ сенаторами, отличавшимися слѣпотою и неограниченностью своей покорности правительству, министръ внутреннихъ дѣлъ ясно высказалъ подобныя надежды и ожиданіе Наполеона. Надо было дать случай этимъ сенаторамъ высказать открыто свое мнѣніе, и оправдать такимъ образомъ довѣріе правительства къ ихъ покорности.

Съ этою-то цѣлью подготовлена рѣчь, сказанная маршаломъ Форе въ защиту сокровенныхъ намѣреній правительства. Рѣчь эта условлена между гг. Руэромъ, Лавалеттомъ и маршаломъ Форе; отвѣтъ г. Руэра долженъ былъ зависеть отъ того, какъ будетъ принято сенатомъ заявленіе маршала Форе;

но единогласный протестъ всего сената убѣдилъ правительство въ совершенномъ неуспѣхѣ его попытки и побудилъ г. Руэра сложить всю отвѣтственность за это мѣрѣіе на послушнаго маршала, добродушно принявшаго на себя, въ этомъ случаѣ, весьма не лестную роль „головы Турка“, подставляемой публикѣ, чтобы служить цѣлью ударовъ и выстрѣловъ.

Въ этомъ состоитъ все значеніе рѣчи маршала Форе, послужившей поводомъ къ торжественному заявленію, помощью котораго г-ль Руэръ надѣялся по крайней мѣрѣ хоть нѣсколько успокоить волненіе и безпокойство оппозиціи законодательнаго корпуса. Что же касается внутренняго достоинства ея, то о справедливости завѣреній ея насчетъ сочувствій Мексиканцевъ къ Французамъ, насчетъ преданности ихъ Максимилиану, а наконецъ, и насчетъ враждебности ихъ къ Хуаресу, можно судить по замѣчательнымъ признаніямъ статьи капитана Кератри, имѣвшаго порученіемъ образовать такъ-называемую *contre-guérilla* Французовъ въ Мексикѣ. „Всѣ эти походы,“ говоритъ г. Кератри, „всѣ эти бои, и даже самое пребываніе наше въ городахъ, изобличали два значительные факта: *враждебное настроеніе къ намъ мексиканскихъ народонаселеній и холодность нашихъ собственныхъ соотечественниковъ...* Въ Мексикѣ нѣтъ ни одного города, гдѣ, съ самаго начала, все туземное населеніе, а особенно иностранное высшее купечество, не было бы враждебно вмѣшательству Франціи... Къ несчастію, въ то самое время, когда страшныя сопротивленія, возбужденныя туземнымъ и иностраннымъ купечествомъ, парализовали наши дѣйствія, нравственная опора французскихъ коммерческихъ домовъ въ Мексикѣ была ничтожна въ пользу нашего вмѣшательства, и всякій безпристрастный наблюдатель въ правѣ былъ задать себѣ вопросъ: *гдѣ же эти соотечественники наши, которые будучи въ...*

вомъ разказѣ г-на Кератри то, что для развязки безпрепятельныхъ столкновеній его съ гражданскими и военными властями Мексиканской имперіи начальникъ штаба войскъ ея рѣшился отдѣлаться отъ капитана Кератри помощью наемныхъ убійцъ. Этотъ замѣчательный фактъ лучше всего доказываетъ, каковы пресловутыя *societés* къ Французамъ, не только въ мексиканскомъ народѣ, но даже въ новыхъ предводителяхъ, избранныхъ изъ среды его правительствомъ учреждаемымъ и существующимъ до сихъ поръ единственно силой французскаго оружія.

Какъ ни живы въ этомъ случаѣ завѣренія маршала Форе, рѣчь его въ высшей степени замѣчательна, какъ заявленіе истинныхъ намѣреній французскаго правительства насчетъ Мексики. Со стороны Соединенныхъ Штатовъ это правительство не ожидаетъ вынѣ никакого рѣшительнаго сопротивленія; „Соединенные Штаты,“ говорятъ здѣшніе политическіе люди, „еще болѣе насъ, опасаются разрыва съ нами; они рады принять предложеніе нейтралитета, сдѣланное имъ г-мъ Друэвъ де-Люисомъ, даже безъ назначенія срока выступленія нашихъ войскъ; *этимъ-то надо намъ воспользоваться, чтобъ упрочить существованіе Мексиканской имперіи.*“

Но тутъ, кромѣ вопроса силы, является вопросъ финансовый. Несмотря на блестящіе выводы г. Лавгае, утверждающаго, что приходъ бюджета Мексиканской имперіи долженъ простираться до 150 милліоновъ франковъ, никто не сомнѣвается въ томъ, что существованіе ея невозможно безъ новаго займа, а самый заемъ этотъ невозможенъ при настоящемъ положеніи мексиканскаго вопроса. Французскіе капиталисты, попавшіеся на первые два займа, и безъ того дрожатъ за участь своихъ денегъ; кредитное учрежденіе подъ названіемъ *Comptoir d'escompte* и безъ того ежеднневно должно ску-

обанкрутятся всѣ Французы, поселенные въ Мексику, тѣ самые Французы, чьи интересы послужили предлогомъ къ мексиканской экспедиціи, обанкрутятся наконецъ всѣ капиталисты повѣрившіе деньги свои на основаніи самыхъ торжественныхъ увѣреній французскаго правительства? Что же касается предположенія обезпечить всѣ эти капиталы на счетъ государственнаго бюджета, то на какомъ основаніи вся Франція приметъ на себя бремя новыхъ и тяжелыхъ налоговъ, чтобы выручить интересы нѣсколькихъ алчныхъ и опрометчивыхъ спекуляторовъ, прельщенныхъ единственно надеждой осуществить баснословные выигрыши и ошибшихся въ расчетахъ, только благодаря безответственности наполеоновскаго цезаризма? Не онъ ли одинъ, по всей справедливости, долженъ сдѣлаться ответственнымъ передъ Франціей за безвыходное положеніе ея въ мексиканскомъ вопросѣ?

Соображенія эти опредѣляютъ настоящее значеніе заявленія г. Руэра въ отвѣтъ на внушенную имъ же рѣчь маршала Форе. Они опредѣляютъ также до какой степени настоячивость Наполеона на продолженіи внимательства въ дѣла Мексики, несмотря на всѣ обманчивыя завѣренія оппозиціи, связано съ вопросомъ о самомъ существованіи его цезаризма. Очевидно, что при этой обстановкѣ французское правительство добивается въ настоящее время двухъ главныхъ цѣлей: съ Соединенными Штатами оно старается выиграть время, протянуть переговоры и обмануть ихъ насчетъ истинной цѣли пребыванія французскихъ войскъ въ Мексику, а особенно насчетъ настоящей цѣли созданія самой Мексиканской имперіи; съ оппозиціей законодательнаго корпуса оно старается всеми средствами успокоить ее насчетъ осуществленія ея требованій относительно Мексики, съ тѣмъ чтобы заглушить это дѣло.

Отвѣтъ г. Руэра на рѣчь маршала Форе вполнѣ соответствуетъ этимъ цѣлямъ. Въ здѣшнихъ официальныхъ кругахъ ожидаютъ самаго выгоднаго вліянія его словъ на правительство Соединенныхъ Штатовъ; что же касается оппозиціи, то хоть и была рѣчь о намѣреніи ея отложить до будущаго года всѣ пренія насчетъ мексиканскаго дѣла, съ тѣмъ чтобы предоставить полную свободу правительству въ переговорахъ его съ Мексикой и Соединенными Штатами и возложить на него одного ответственность за всѣ послѣд-

ствія по этому дѣлу, — однако многочисленныя поправки, предложенныя оппозиціей по мексиканскому вопросу, доказываютъ, что значительная часть ея не вѣрять этому общаію.

Итакъ, на этомъ поприщѣ правительство также сдѣлало, черезъ заявленіе г. Руэра, хотя опять-таки *только на словахъ*, значительную уступку требованіямъ общественнаго мнѣнія и оппозиціи. Нежданно-негаданное письмо Наполеона къ г. Лавалетту съ резолюціей сберечь отъ уничтоженія будто бы большую часть Люксембургскаго сада, участь котораго сильно тревожила жителей лѣваго берега Сены, также доказываетъ, до какой степени Наполеонъ вынѣ озабоченъ приисканіемъ всякаго случая польстить здѣшней публикѣ выраженіемъ своего вниманія къ ея требованіямъ и нуждамъ.

То же самое выразилось и въ отвѣтѣ его депутаціи, поднесенной ему адресъ сената. Въ этомъ отвѣтѣ Наполеонъ какъ будто прямо отказывается отъ непреклонной твердости, выраженной имъ рѣчью 22-го января, и объявляетъ, что онъ считаетъ необходимымъ „раціональное и прогрессивное развитіе учреждений,“ на которыхъ „воздвигается, рядъ за рядомъ, великая пирамида“ государственнаго благоденствія Франціи.

Къ несчастію здѣшняго правительства, образованные Французы не могутъ не вспомнить, что во время оно, знаменитый Сивсъ излагалъ *въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ* свои надежды на сооруженіе того либеральнаго политическаго зданія, которое, въ рукахъ перваго консула, обратилось въ весьма нелиберальную конституцію VIII года французской республики.

Но, почти одновременно съ этимъ отвѣтомъ, правительство, повидимому, дало гораздо болѣе дѣйствительный залогъ искренности желанія своего избѣжать, хоть *въ настоящую минуту*, всякаго повода къ неудовольствію общественнаго мнѣнія и къ явной борьбѣ съ нимъ. Послѣ первыхъ двухъ предостереженій данныхъ газетѣ *la Presse*, вся французская печать и даже редакція самой *la Presse* погрузились въ безмолвіе, несмотря на продолжавшіяся пренія сената объ адресѣ. Казалось, что система административнаго террора надъ печатью вполнѣ удалась г. Лавалетту; какъ вдругъ появились въ *la Presse* смѣлыя и язвительныя статьи г. Жидена, подъ заглавіемъ *Письма покойника къ герцогу Перри*, заявляющія непреодолимую потребность въ расширеніи

круга свободы французскаго народа, неразумность системы имѣющей цѣлью подавать независимое выраженіе этой потребности, — письма, въ которыхъ министръ внутреннихъ дѣлъ называется *приказчикомъ*, „не представляющимъ другаго залога какъ пребываніе за какою-нибудь конторой, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.“

Нельзя вообразить себѣ изумленіе и смятеніе произведенное этими статьями во всей здѣшней публикѣ. №№ отъ 16 и 17-го февраля газеты *la Presse*, стали продаваться по одному и по полтора франка, тогда какъ настоящая цѣна ихъ 3 су (15 сантимовъ). Многіе ожидали, что на редакцію *la Presse* падетъ Дамокловъ мечъ третьяго предостереженія и сопряженнаго съ нимъ двухмѣсячнаго прекращенія выпусковъ; другіе сомнѣвались, находя подобное мнѣніе крайне *невосторожнымъ* въ трудную минуту, почти наканунѣ открытія преній объ адресѣ въ законодательномъ корпусѣ....

Дѣйствительно, вслѣдствіе непреклонной воли самого императора, министерство принуждено было проглотить эту обиду и не обратить вниманія на явный вызовъ брошенный ему газетой *la Presse*. Г. Жирарденъ торжествовалъ; расчетъ его оказался вѣрнымъ; и никогда *la Presse* не пользовалась такимъ всеобщимъ интересомъ и уваженіемъ, какъ нѣсколько дней послѣ этой смѣлой выходки ея главнаго редактора.

Но чѣмъ болѣе Наполеонъ III настаивалъ на необходимости не вступать въ открытую борьбу съ бывшимъ защитникомъ своимъ, тѣмъ болѣе убѣждался онъ въ необходимости принять рѣшительныя, хотя и неясныя, мѣры, чтобъ отдѣлаться отъ человѣка, который доказалъ ему силу свою проведеніемъ его кандидатуры, во время оно, а потому могъ доказать ему выѣтъ ту же силу, въ смыслѣ совершенно противоположномъ. Говорятъ, что по приказанію его, г. Лавалеттъ имѣлъ съ главнымъ акціонеромъ газеты *la Presse*, г. Уссемъ (Arsène Houssaye) и съ издателемъ ея, г. Руи, такого рода разговоръ, что вслѣдствіе его оба эти почтенные дѣятеля газеты *la Presse* опростетью создали общее собраніе акціонеровъ и побудили его постановить, чтобы г. Руи отправился немедленно къ г. Жирардену и предложилъ ему отказать отъ редакціи.

Какъ извѣстно, предложеніе это принято; но сомнительно чтобы рѣшительный и настойчивый г. Жирарденъ обрекъ себя

на такую роль молчаливаго изгнанника. Говорятъ, что онъ намеренъ купить собственность газеты, продаваную имъ за нѣсколько лѣтъ до сего; но, несмотря на право предоставленное ему условіемъ этой продажи, онъ въ этомъ случаѣ опять встрѣтитъ неминуемое сопротивление министерства, которое, на основаніи 1-й статьи закона о печати, имѣетъ право запретить ему эту покупку.

Въ сущности, слѣдовательно, г. Жирарденъ пораженъ нѣкъ вліяніемъ правительства гораздо чувствительнѣе чѣмъ тѣмъ ударомъ, который могъ быть нанесенъ ему третьимъ предостереженіемъ. Но это вліяніе незначительно большей части публики; для нея отсутствіе третьяго предостереженія, несмотря на явный вызовъ газеты *la Presse*, есть непреодолимое доказательство, дѣрный залогъ „либеральнаго направленія“ и наклоности правительства ко всякаго рода уступкамъ общественному мнѣнію. Тщеславіе Французовъ торжествуетъ; либерализмъ мелкихъ лавочниковъ (*épiciers*) въ оторгѣ; а между тѣмъ правительство преспокойно отдѣлалось отъ самаго изъ бойкихъ, предприимчивыхъ и даровитыхъ враговъ безответственности бонапартоваго цезаризма.

Какъ бы то ни было, для большинства здѣшней публики, февраль мѣсяць, начавшійся такъ грозно для печати и предзнаменовавшій намѣреніе правительства вступить лично въ борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ, окончился рядомъ уступокъ требованіямъ его. По всѣмъ вѣроятіямъ, на этотъ разъ, какъ и всегда, горькое разочарованіе ожидаетъ лавочный либерализмъ жалкаго и пустаго народа, вскорѣ по закрытіи заведеній законодательнаго корпуса. Предостереженія и преданія суду, при первомъ удобномъ случаѣ, посылаются, вѣроятно, сильнѣе прежняго на несчастную печать; часть Люксембургскаго сада, будто бы уступленная требованіямъ публики зботливымъ вниманіемъ Наполеона III, будетъ застроена какою-нибудь казармой, а французскія войска преспокойно будутъ оставлены въ Мексикѣ, если въ Европѣ не появится удобнаго случая вывести ихъ немедленно, подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ.

Но вотъ, вечеромъ 24-го февраля, получена изъ Букареста депеша, которая произвела всеобщую тревогу въ здѣшней политической и финансовой публикѣ. Клязь Буза свергнуть съ престола, или, какъ гласила депеша, „самовольно отрекся отъ него“. Созданное имъ и преданное ему войско ворвалось

къ нему во дворецъ; избранная подъ прямымъ его вліяніемъ палата въ одинъ голосъ провозгласила его низложеніе; бывшіе его министры участвовали въ заговорѣ, а народъ, рукоплескавшій въ прошломъ году государственному удару, помощью котораго князь Куза захватилъ самодержавіе, встрѣтилъ нынѣ съ восторгомъ извѣстіе о его паденіи!

Неужели же все это произошло внезапно, мечтательно, однимъ взрывомъ неудовольствія Молдо-Валаховъ, безъ всякаго побужденія, безъ всякаго подготовленія иностранными державами? Положительно можно отвѣтить, что нѣтъ, хотя точныхъ доказательствъ этого участія до сихъ поръ представить невозможно. Но за неимѣніемъ ясныхъ и точныхъ доказательствъ, есть много отдѣльныхъ фактовъ, которые, въ совокупности, могутъ служить правдѣ, даже уликами участія разныхъ иностранныхъ интересовъ въ дѣлѣ низложенія князя Кузы.

Январская корреспонденція *Русскаго Вѣстника* прослѣдила шагъ за шагомъ, современіи Виллафранкского свиданія (іюнь 1859 года), попытки французскаго правительства насчетъ отдачи Дунайскихъ Княжествъ и даже Герцеговины подъ покровительство Австріи. Последнія свиданія этой корреспонденціи остановились на словахъ, сказанныхъ въ томъ же смыслѣ, въ прошлую осень, Наполеономъ III, при прощаніи съ г. Мустье, передъ возвращеніемъ этого дипломата къ мѣсту своего служенія, въ Константинополь. Итакъ, можно сказать „положительно, что до прошлой осени, Наполеонъ III не отказался отъ проектовъ задуманныхъ имъ въ Виллафранкѣ.

Но съ тѣхъ поръ получено много новыхъ, дополнительныхъ, хотя и менѣе опредѣленныхъ свиданій. Известно, напримеръ, что вскорѣ послѣ государственнаго удара, которымъ князь Куза, 2-го (14-го) мая прошлаго года, закрылъ засѣданія молдо-валахской палаты депутатовъ и установилъ единодержавіе свое, предсѣдатель закрытой палаты, нынѣшній предсѣдатель временнаго правительства Княжествъ и предводитель восстанія, свергнувшаго князя Кузу, генералъ Голеско отправилъ на жительство въ Парижъ постоянного агента своего, имѣвшаго сношенія какъ съ *Пале-Роллемъ*, такъ и съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, а можетъ-быть и выше. Затѣмъ, уже гораздо позднѣе, самъ князь Куза уполномочилъ князя Камтакузена ходатайствовать о его интересахъ въ Парижѣ. *Indépendance belge* утверждаетъ, что передъ

отвѣдомъ принца Наполеона изъ Парижа, молдо-валахскіе бояре, проживающіе здѣсь, предложили ему престолъ Дунайскихъ Княжествъ, на что принцъ отвѣтилъ имъ отказомъ. Достоверно то, что недѣли за три до послѣднихъ событій въ Букарештѣ, агентъ генерала Голеско доставилъ императору Наполеону подробную записку, въ заключеніе которой онъ будто бы обѣщалъ, что по первому знаку Наполеона III, князь Куза будетъ свергнутъ.

За достоверность этого послѣдняго заключенія ручаться нельзя, точно также какъ и за правдивость увѣренія этого же агента, что отвѣта на поданную имъ записку не послѣдовало. Но не подлежитъ почти никакому сомнѣнію, что вскорѣ послѣ подачи этой записки, князь Кантакузенъ просилъ Наполеона удостоить его свиданія, и что на эту просьбу императоръ Французовъ *отвѣтилъ отказомъ*. То же самое можно сказать и о телеграфной депешѣ, посланной агентомъ генерала Голеско, дня за три или четыре до букарештскаго возстанія, о томъ, *что время настало дѣйствовать*.

Депеша, полученная здѣсь 24-го февраля, была адресована къ тому же агенту. Объ этомъ проговорились здѣсь многія лица достойныя довѣрія.

Всѣмъ этимъ фактамъ вполне соответствуетъ тонъ франко-австрійской печати, особенно газеты *l'Europe* и ежедневнаго изданія *Mémorial Diplomatique*, а также отзывы парижской печати.

Съ самаго начала нынѣшняго года, и даже ранѣе, оба названныя изданія отличаются безпрестанными злобными нападками своими на правленіе князя Кузы. *Mémorial Diplomatique* не пропускалъ ни въ одномъ своемъ номерѣ случая помѣстить какую-нибудь желчную или презрительную къ князю Кузѣ корреспонденцію изъ Букарешта. Что же касается до демократической газеты *l'Europe*, преданной Австріи и здѣшнему министерству иностранныхъ дѣлъ, употребляющему ее для пусканія всякаго рода „пробныхъ шаровъ“, она, разумѣется,

доказательство приводитъ извѣстіе парижской газеты *Avenir National*, будто бы князь Куза, предвидя неминуемое возстаніе противъ своей власти, разослалъ по деревнямъ проекты прошенія для подписанія крестьянами, съ заявленіемъ, „что они не хотятъ другаго государя какъ князя Кузы и его династіи, въ пользу которой они испрашиваютъ престолонаслѣдія.“

Справедливость этого свѣдѣнія до нѣкоторой степени доказывается нынѣ страннымъ объявленіемъ, выданнымъ передъ отъѣздомъ изъ Букарешта княземъ Кузой генералу Голеско и называющимъ „измѣнниками“ всѣхъ Молдо-Валаховъ, которые, оставшись вѣрны ему, откажутся отъ повиновенія временному правительству. Известно, что подписаніе этого объявленія было поставлено князю Кузѣ въ непремѣнное условіе его освобожденія. Но самая необходимость этого условія доказываетъ, что букарештское движеніе было далеко не дѣло народное, а дѣло одной незначительной партіи, имѣвшей сознаніе своего безправія и ожидавшей сильнаго сопротивленія какъ внутри Княжествъ, такъ и за границей.

Но это не все. Нападая безпрестанно на „безграничное честолюбіе“ князя Кузы, газета *l'Europe* вдругъ, ни съ того, ни съ сего, дня за три или четыре до букарештскаго возстанія объявила, что князь Куза отчаивается въ успѣхѣ своихъ предпріятій, что ему надоѣло господарство; и что онъ поговариваетъ объ отреченіи.

Между тѣмъ извѣстно, что почти наканунѣ своего отреченія, князь Куза получилъ отъ палаты выраженіе полнаго довѣрія. Какъ согласить, впрочемъ, это желаніе отречься отъ господарства съ извѣстіемъ, перепечатаннымъ въ *l'Europe* изъ газеты *Avenir National*? какъ согласить его также съ упреками въ „безграничномъ честолюбіи“, обращенными къ князю Кузѣ еще наканунѣ газетою *l'Europe*?

Нынѣ положительно извѣстно, что князь Куза далеко не добровольно отказался отъ господарства. Его къ этому отреченію принудили. Что же касается свѣдѣнія, переданнаго телеграфомъ о его добровольномъ отреченіи, нѣтъ сомнѣнія, что это басня, имѣвшая цѣлю придать дѣлу видъ законности, необходимой для успокоенія европейской публики. Дня за три или четыре до возстанія, газета *l'Europe*, какъ сказано, уже подготавливала общественное мнѣніе къ благосклонному приему этой недѣльной выдумки. Очевидно, что ей уже тогда извѣстны

были событія, готовившіяся въ Букарештѣ; но вопросъ въ томъ, изъ Букарешта ли, изъ Вѣны, или изъ Парижа были переданы ей эти свѣдѣнія, и былъ ли этотъ „пробный шаръ“ пущенъ французскимъ правительствомъ, или агентомъ генерала Голеско?

Не менѣе замѣчательны отзывы части здѣшней печати относительно букарештскаго возстанія. Уже 6-го февраля *Siecle*, получающій часто, не столько *свѣдѣнія*, какъ *опущенія* сверху, издалъ дѣланую статью, чтобы доказать, что князь Куза сдѣлался агентомъ, тайнымъ исполнителемъ воли русскаго правительства. Само собою разумѣется, что съ этой поры князь Куза признанъ этою газетою врагомъ всего рода человеческого и особенно Франціи.

Эту теорію, впрочемъ, проводилъ въ послѣднее время не одинъ *Siecle*. Даже *le Temps* неоднократно выражалъ ее за нѣсколько дней до паденія Кузы.

Не трудно было предвидѣть, что французская публика единодушно приметъ за истину это мелкое предположеніе, и что съ этой поры она сдѣлается враждебна князю Кузѣ. Единодушіе, съ которымъ бѣольшая часть печати внезапно принялась распускать этотъ слухъ, и несомнѣнность его успѣха подають поводъ видѣть въ немъ не что другое какъ уловку здѣшняго правительства, имѣвшую цѣлью подготовить французскую публику къ извѣстію о паденіи князя Кузы. Французское правительство, въ подобныхъ случаяхъ, уже давно приняло за правило обращаться съ своею паствою также осторожно какъ съ нервною женщиной, для которой всякое неожиданное извѣстіе можетъ сдѣлаться причиною какого-нибудь ужаснаго кризиса.

Надо надѣяться, что русская публика будетъ не такъ легковѣрна, тѣмъ болѣе что если Россія, хотя сколько-нибудь, дорожила господствомъ князя Кузы, то это един-

къ Наполеону, участь его была рѣшена въ головѣ императора Французовъ уже съ 1859 года, и на всѣ ошибки и насаиія его правленія французское правительство смотрѣло благооклюбно какъ на легчайшее средство ускорить и узаконить исполненіе своихъ замысловъ.

Дѣйствительно, уже на другой день по полученіи здѣсь извѣстія о паденіи князя Кузы, офиціозная газета *le Paix* прямо объявила, что это происшествіе *не изумило* никого въ высшихъ кругахъ здѣшняго офиціальнаго міра, оказавшихъ совершенное равнодушіе къ этому жалкому *fiasco* неловкаго подражателя и славаго поклонника наполеоновскаго цезаризма.

Что же касается предположенія объ участіи Австріи въ этомъ паденіи, то замѣчательнѣе всего отзывы легитимистской *Gazette de France*, поддерживающей Австрію, во-первыхъ, какъ постоянную покровительницу послѣднихъ отраслей изгнавшихся Бурбоновъ, а во-вторыхъ какъ представительницу католическаго элемента на юго-востокѣ Европы. Она утверждаетъ, что французское правительство нисколько не жалѣетъ о паденіи князя Кузы, несмотря на прежнія сочувствія, изъявляемыя въ его пользу этимъ правительствомъ. *Обще желаніе Молдо-Валаховъ*, говоритъ она, состоитъ въ избраніи господаря изъ среды европейскихъ царственныхъ семействъ; но для этого, по ея мнѣнію, необходимо освободить Княжества отъ вассальства Оттоманской Портѣ. За отказомъ принца Фландрскаго принять эту корону не думаетъ ли Россія, спрашиваетъ эта газета, „провести кандидатуру герцога Лейхтенбергскаго“?

Австрія, — отвѣчаетъ сама себѣ *Gazette de France* рѣшительнымъ тономъ напоминающимъ характеръ офиціальнымъ сообщеній, — Австрія никогда не допуститъ, чтобы Дунайскія Княжества были управляемы русскими принцами.

Что же касается изгнанія князя Кузы, *Gazette de France*, говоря объ удаленіи его въ Кронштадтъ (въ Трансильванію), напоминаетъ, что за спокойнымъ и безотлучнымъ пребываніемъ его тамъ *будетъ наблюдать Австрія*. Спрашивается, на какомъ основаніи Австрія признаетъ за собою право исполнять почетную должностъ тюремщика и исполнителя приговоровъ взбунтовавшихся бухарестскихъ бояръ?

Но лондонская депеша отъ 27-го февраля опровергаетъ предположеніе, проводимое въ *Gazette de France* насчетъ необ-

ходимости прекратить вассальныя отношенія Княжествъ къ Турціи. Она извѣщаетъ о собраніи конференціи, которая приметъ за основаніе своихъ переговоровъ слѣдующія три условія:

- 1) Сохранить между Турціей и Княжествами существовавшія до сихъ поръ отношенія.
- 2) Сохранить соединеніе двухъ Княжествъ.
- 3) Ускорить замѣщеніе князя Кузы, не допуская никакихъ волненій въ Княжествахъ.

Поспѣшность, съ которою англійское министерство заявило телеграфомъ королю Леопольду II свое несогласіе на принятіе графомъ Фландріскимъ предложенной ему короны доказывается, что оно усмотрѣло въ этомъ предложеніи косвенное вліяніе Австріи или Франціи. Здѣшнія газеты, а также и *l'Europe*, утверждаютъ, что французское правительство совершенно равнодушно къ этому выбору и къ отказу графа. Вѣрная своему официальному назначенію пускать всякаго рода „пробные шары“ французскаго правительства, *l'Europe* замѣчаетъ, при этомъ случаѣ, что очень можетъ быть Франція имѣетъ уже въ виду своего собственнаго кандидата.

Въ этомъ заключаются всѣ данныя, которыя возможно было собрать до этихъ поръ въ Парижѣ, насчетъ участія иностранныхъ державъ въ паденіи князя Кузы. Взятая вмѣстѣ, данныя эти достаточны, чтобы доказать, что низложеніе Кузы не есть фактъ случайный, а исходная точка какой-нибудь глубоко-обдуманной комбинаціи. Многіе полагаютъ здѣсь, что фактъ этотъ предзнаменуетъ близкую развязку мексиканскаго вопроса; но тѣмъ ли или другимъ путемъ почти всѣ убѣждены, что низложеніемъ князя Кузы вновь открываются двери восточнаго вопроса. Успѣетъ ли конференція закрыть эти двери?

Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ надо вспомнить, что рѣшеніе дѣла Дунайскихъ Княжествъ, повидимому, усложняется съ каждымъ днемъ волненіями въ Герцеговинѣ, Бос-

дательнаго корпуса, начавшіяся умѣренной рѣчью Тьера, а затѣмъ перешедшія въ яростную брань Гле-Бизуана и желчныя неприличныя возраженія членовъ большинства и самого министра Руара, нанесуть тяжкіе удары послѣднимъ остаткамъ довѣрія и почтенія здѣшнихъ массъ къ наполеоновскому цезаризму. Къ тому же, 14-го марта, должно производиться въ здѣшнемъ судѣ дѣло Сандона, грязныя, вопіющія подробности котораго, несмотря на всѣ старанія правительства, проникають до свѣдѣнія массъ и еще болѣе раздражаютъ явное ихъ неудовольствіе....

Со всѣхъ сторонъ, впрочемъ, настоящее положеніе Европы усложняется безпрестанно возникающими политическими недоразумѣніями и внутренними неурядицами. Событія, происшедшія въ Берлинѣ, могли бы служить предсказаніемъ развязки на подобіе букарештскихъ событій, еслибы гг. Грабовъ, и прочіе берлинскіе агитаторы не ненавидѣли и не опасались уличныхъ волненій гораздо болѣе чѣмъ они ненавидятъ произволъ графа Бисмарка и опасаются его. При подобной обстановкѣ естественно, что Бисмаркъ всегда и во всемъ успѣлъ бы настоять на своемъ, еслибы честолюбіе его не наткнулось, съ одной стороны, на энергическое сопротивленіе Австріи, а съ другой — на тайныя, но вѣрно разчитанныя козни французскаго правительства, успѣвашаго привлечь на свою сторону всѣхъ мелкихъ государей Германіи и поддерживающаго принца Августенбургскаго не только единогласными протестами французской и значительной части германской печати, но даже и всякаго рода не гласными способами.

Сколько можно судить по всѣмъ признакамъ, кажется, что Бисмаркъ далеко не одѣлилъ значенія и важности препятствій, представляемыхъ ему этимъ союзомъ. Что касается Франціи, онъ отнюдь не теряетъ надежды задобрить ее въ свою пользу обещаніемъ своего содѣйствія въ случаѣ еслибы возникъ вопросъ о присоединеніи Бельгіи къ Франціи, и даже, при нуждѣ, уступкой въ ея пользу долины Саары, столь важной для Франціи, какъ неисчерпаемый складъ каменнаго угля.

Несмотря на неуспѣхъ всего предпринятаго имъ до сихъ поръ, графъ Бисмаркъ видимо не отчаивается въ приобрѣтеніи опоры Франціи. А между тѣмъ, преслѣдуя съ какимъ-то непостижимымъ ослѣпленіемъ свою мечту о присоединеніи

Эльбскихъ Герцогствъ къ Пруссіи, графъ Бисмаркъ не замѣчаетъ, что Наполеонъ не упустилъ ни одного случая, чтобы напомнить мелкимъ государямъ Германіи, что честолюбивые замыслы Пруссіи ведутъ къ поглощенію ихъ владѣній и обращенію ихъ самихъ изъ государей въ подданныхъ, и что они одинъ можетъ быть твердымъ оплотомъ изъ самостоятельности противъ всепожирающаго честолюбія Пруссіи...

Но, потерявъ изъ виду довольно явныя козлы Наполеона, лишившія его опоры и довѣрія всѣхъ нѣмецкихъ государей, Бисмаркъ надолго отшатнулъ отъ Пруссіи всѣ народы Германіи, напуганные его безграничными, одиозными и насильственными прозавономъ. Онъ не понималъ, что всякое новое насиліе его въ Берлинѣ углубляетъ и расширяетъ безду, отдѣляющую его отъ оочувствій шлезвигъ-гольштейнскаго народа, привыкшаго къ свободѣ, подъ либеральными и епископическими управленіемъ датской монархіи.

Каковъ же окончательный результатъ, достигнутый явкою неспособностью этого министра, которому сначала такъ дешево досталась ложная репутація „великаго государственнаго человека?“ Въ самой Пруссіи онъ дошелъ до совершеннаго сознанія своего безсилія, доказавъ, что онъ не въ состояніи управлять ею при свободной печати, при независимости судебнаго сословія, при свободѣ слова, ни даже при существованіи какого бы то ни было народнаго представительства. Принуждаетъ къ молчанію только тотъ, кто чувствуетъ себя неправымъ; къ насилію прибѣгаетъ лишь тотъ, кто чувствуетъ свое умственное и нравственное безсиліе. Сказываютъ, что главная, хотя и сокровенная причина внезапнаго закрытія сессіи прусскихъ палатъ состояла въ томъ, что въ виду твердаго намѣренія своего ускорить стѣжаніе Эльбскихъ Гер-

въ войнѣ; съ Россіей, древною и постоянною союзницею Пруссіи, разошлася и разойдется дальше, во мѣръ того какъ будетъ продолжать свои политичеку; другая старая союзница Пруссіи, Англія, также не проститъ графу Бисмарку его домогательства попомогать Эльбекія Герцогства. Она пренебрежетъ всѣми политическими преданіями Пруссіи, и оставитъ своего короля одного, съ ничтожными правами, безъ союзниковъ, безъ друзей, и въ явномъ разрывѣ даже съ собственными народами....

Всѣ надежды прусскаго министра основаны на Франціи, которая пользуется его довірїемъ, чтобы потихоньку отклонять отъ Пруссіи доврїе германскихъ государей, возбуждаетъ противъ нея жителей Герцогствъ и даже переманиваетъ на свою сторону собственныхъ агентовъ графа Бисмарка. Недостойное подобострастіе и неловкое подражаніе Наполеону столь же разительнымъ у графа Бисмарка, какъ и у князя Кузы. Неужели примѣръ Кузы не послужитъ, наконецъ, назиданіемъ и прусскому министру?

Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время шлезвигъ-гольштейнскія населенія сильно возбуждены противъ Пруссіи, до того, что и она уже готовится пренебречь ея угрозы.

Неужели графъ Бисмаркъ льститъ себя надеждой, что ему позволятъ употребить силу противъ населеній Герцогствъ?

Но въ то самое время, когда свобода въ Пруссіи сдѣлалась жертвою честолюбивыхъ домогательствъ министра, волей представителей англійскаго народа на земной днкъ Великобританіи временно опущена черная крѣпъ, прекращеніемъ дѣйствія *Naval-Compus*-акта въ Ирландіи. Феніанамъ принималъ дѣйствительно грозные размѣры. Партія тори негодуетъ на неоплатливое одѣлженіе филантроповъ наемны общины и полагаетъ, что судебное преслѣдованіе англійскихъ начальниковъ, подавшихъ возстаніе 400.000 негресъ въ Ямаикѣ противъ 25.000 Англчанъ, одно единственно невозможнымъ, съ самаго начала, быстрое подавленіе мятежа феніанъ. Дѣйствитель-

разнорѣчиваго толкованія конвенци 15-го сентября 1865 года, возникшаго вслѣдствіе признанія Италіанскаго королевства Испаніей. Положеніе Италіи въ этомъ спорѣ, очевидно, весьма затруднительно; чтобъ успокоить оппозицію, министр Ламармора показалъ символъ депеши испанскаго министра. Съ обѣихъ сторонъ, общественное мнѣніе приведено въ ожесточеніе; для обѣихъ правительствъ существованіе или паденіе свѣтской власти папы есть вопросъ, насчетъ котораго ни одно изъ нихъ, подъ грознымъ давленіемъ убѣжденій массъ, не можетъ сдѣлать никакой уступки.

Обстоятельство это особенно важно тѣмъ, что оно должно было бы, наконецъ, убѣдить Италію, что Римъ пріобрѣтеть она не путемъ дружбы, а единственно путемъ войны, съ ея сестрами по латинскому происхожденію, Франціей и Испаніей.

Но какъ будто всего этого не было достаточно для озабоченія европейской дипломатіи, въ Сиріи опять возгорѣлись распри, уже причинившія однажды внимательство Европы. Слѣдуя заветной политикѣ своей, французское правительство, черезъ посредство преданной или послушной ему печати, вступилось за Іосифа Карамы и за Маронитовъ, противъ Даудъ-паши, Армянина, избраннаго Англіей, несмотря на протестъ Франціи на послѣдней конференціи состоявшейся, объ этомъ предметѣ, въ Константинополѣ. Франція настаивала на томъ, чтобы выборъ каймакана ливанскаго пашы на туземнаго Маронита Карамы. Присоками и увѣщаніями своими Франція успѣла привлечь на свою сторону большинство представителей, участвовавшихъ въ конференціи. Обезпечивъ, повидимому, успѣхъ своего предложенія, французскій уполномоченный явно выразилъ конференціи свое желаніе избрать Карамы. Англіискій уполномоченный г. Бульверъ отвѣтилъ сухо и рѣзко, что *этого назначенія не будетъ*,

распускаемое здѣшнейю официальнойю и офиціозною печатью всѣхъ отѣнковъ, будто Англія отказалась выѣть отъ всякаго вліянія на вопросы не касающіеся ея собственныя владѣній. Англія сумѣетъ и выказать громко свою волю и настоять на исполненіи ея каждый разъ, когда того потребуютъ ея политическіе или торговые интересы. Въ Сиріи, безъ ея согласія, не сдѣлается ничего, сколь бы ни кричали французскія газеты или даже депутаты, и какъ часто бы ни повторялась въ сирійскихъ корреспонденціяхъ здѣшней официальной печати обычный финалъ: „Всѣ взгляды, всѣ надежды обращены на Францію!“

Что бы сказали въ Парижѣ, еслибы русскія газеты повторяли также часто въ своихъ корреспонденціяхъ изъ Босніи, Сербіи, Герцеговины и Черногоріи, фразу, которая еще такъ недавно выражала сущую истину: „Всѣ взгляды, всѣ надежды обращены на Россію!“

О сирійскихъ событіяхъ здѣсь много было шума, пока ихъ не смѣнила букарештская революція, принятая здѣсь съ сочувствіемъ, несмотря на то, а можетъ - быть именно потому, что она явно нарушала, въ пользу бунтливаго меньшинства, всѣ основанія права договорнаго и права избирательнаго. До прибытія этого извѣстія, французская печать всячески старалась придать сирійскимъ событіямъ возможно болѣе значительные и грозные размѣры. Но достаточно было увидѣть равнодушіе, съ какимъ отзывалась о нихъ англійская печать, такъ близко принимающая къ сердцу всѣ важныя событія Востока, чтобы получить убѣжденіе въ незначительности этихъ событій, составлявшихъ не что иное какъ обыкновенную развязку всякихъ дразгъ у полудикихъ жителей Ливана.

АЛЕКЪ.

ПОПРАВКИ.

Въ январской книжкѣ, въ статьѣ И. И. Лажечникова: „Какъ я зналъ М. Л. Магницкаго“, замѣчены слѣдующія важныя опечатки:

Стр.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
124	3 сверху	поэтическими	піэтическими
125	3 сверху	спасти	спалть
134	6 снизу	геній долго	геній-дуга
137	13 сверху	помель	отомель
139	16 снизу	непремѣнно	непреставно
145	3 и 4 сверху	Помню еще живъ рѣзко замѣчательный вечеръ (Директоръ Л — ровъ былъ тогда.).	Помню еще рѣзко замѣча- тельный вечеръ. (Директоръ Л — ровъ былъ еще живъ тогда.)

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ.

Я Н В А Р Ъ .

	<i>Стр.</i>	
Варшавское герцогство. Гл. I—II. <i>Н. А. Попова.</i> . . .	5	✓
Стихотвореніе <i>А. А. Фета.</i>	34	
Преступленіе и наказаніе. Романъ. Часть первая, главы I—VII. <i>Ф. М. Достоевскаго.</i>	35	✓
Какъ я зналъ <i>М. Л. Магницкаго.</i> <i>И. И. Лазеичникова.</i>	121	✓
Современныя движенія въ расколѣ. <i>Х. Н. И. Субботина.</i>	147	
Изъ записокъ <i>Сергѣя Николаевича Глинка.</i> (Отъ 1775 до 1800 годовъ.) I—III.	231	✓
Очерки Нижегородской ярмарки. <i>В. И. Безобразова.</i> . .	271	
Одинъ изъ питомцевъ <i>Сперанскаго.</i> <i>С. К. Смирнова.</i> . .	312	
Армадель. Романъ <i>Вильки Коллинза.</i> Книга четвертая. Гл. XI—XIII. Переводъ съ англійскаго.	342	
Дѣтство и юность <i>Александра I.</i> <i>М. И. Богдановича.</i> . .	382	✓
Записка <i>Поццо-ди-Борго</i> о польскомъ вопросѣ. <i>В.</i> . . .	397	✓
Библиографическія замѣтки. (<i>Историческіе очерки средне- вѣковой драмы. Начальный періодъ. Исслѣдованіе Петра Полеваго, писанное для полученія степени доктора русской словесности. С.-Петербургъ, 1865.</i>) <i>Н. С. Тихонравова.</i>	409	
Корреспонденціи и замѣтки. — Изъ Парижа, 1-го фев- раля. <i>Алека.</i>	425	

ФЕВРАЛЬ.

	Стр.
✓ Характеристика Державина какъ поэта. Я. К. Грота.	449
✓ Преступленіе и наказаніе. Романъ. Часть первая, главы VIII—XIII. Ф. М. Достоевскаго.	470
✓ Варшавское герцогство. Гл. III—IV. Н. А. Попова. .	575
✓ Московская флора. <i>Московская флора или описаніе высшихъ растений и ботанико-географическій обзоръ Московской губерніи.</i> Соч. Н. Кауфмана. Москва, 1866. С. А. Рачинскаго	611
✓ Изъ записокъ Сергѣя Николаевича Глинки. (Отъ 1775 до 1800 года.) IV.	650
Армадель. Романъ Вильки Колинза. Книга четвертая. Гл. XIV. Переводъ съ англійскаго.	686
Болѣзнь и кончина генерала Ростовцова. (По воспоминаніямъ и документамъ.) Н. П. Семенова. . . .	723
Любопытный отвѣтъ на „Вопросы гагаголемымъ старообрядцамъ“. Н. И. Субботина.	746
✓ Тысяча восемь сотъ пятый годъ. Часть вторая. Война. Гл. I—IX. Гр. Л. Н. Толстаго.	763
Русская литература. <i>Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ</i> , соч. Сергѣя Соловьева. Томъ пятнадцатый. (Исторія Россіи въ эпоху преобразования. Томъ третій.) Москва, 1865. А. С. Травецкаго. . . .	815
Новая книга о французской революціи. Т.	834
Стихотвореніе. А. А. Фета.	852
Корреспонденціи и замѣтки. Парижъ 1-го марта (17-го февраля). Алека.	853

ВЪ КОНТОРЪ

УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ,

на Страстномъ бульварѣ,

продаются слѣдующія книги:

ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА. А. е. Ананьева, бывшаго директора Тверской гимназіи и составителя Латинскаго Словаря, изд. пр. Леонтьевымъ. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ВОПРОСЪ О НАПРАВЛЕНІИ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ РОССИИ. Передовыя статьи *Московскихъ Вѣдомостей*. Цѣна 60 к., съ пересылкою 75 коп. сер.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Драшусова. Два тома съ семью рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861—1862. Цѣна за оба тома 3 р. 50 к. сер.; пер. за 3 ф.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь Негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. с.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ. Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. сер.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856 г. Ц. 70 к., съ пер. 85 к.

ПОЛНЫЙ ЛАТИНСКІЙ СЛОВАРЬ, составленный по современнымъ словарямъ Ананьевымъ, Яснецкимъ и Лебединскимъ и изданный П. Леонтьевымъ. Цѣна Полнаго Латинскаго Словаря у книгопродавцевъ Москвы и Петербурга 4 руб. сер.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ВОСПОМИНАНІЯ

Ф. Ф. ВИГЕЛЯ

(семь частей, около 100 печатныхъ листовъ въ 8-ю д.)

состоящія изъ *трехъ томовъ*. Цѣна въ Москвѣ и Петербургѣ 3 р. 50 к., съ пересылкою во всѣ города Россіи *четыре рубля сер.*

Также можно получать книгу, входящую въ составъ *Воспоминаній Ф. Ф. Вигеля*, отпечатанную на французскомъ языкѣ: „TROIS MÉMOIRES à propos de la Question Polonoise en 1831“. Par Philippe Vigué. Цѣна 1 р. 30 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Желающіе получить вмѣстѣ съ *тремя томами* „Воспоминаній Ф. Ф. Вигеля“ — *Trois Mémoires*: въ Москвѣ и въ Петербургѣ 4 р. 80 к., съ пересылкою за города ѓ р. 50 к. (50 коп. гг. иногородные могутъ пересылать почтовыми марками).

Книги эти можно получать въ *Москву*: въ домѣ Университетской типографіи, отъ Николая Ивановича Попова; у книгопродавцевъ: И. Г. Соловьева (бывш. Базунова), у Глазунова, Салаева, Анисимова, Прѣснова и

